Литературная энциклопедия
Русского Зарубежья
1918–1940

Периодика и литературные центры

Литературная энциклопедия
Русского Зарубежья
1918–1940

ПЕРИОДИКА
И
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ЦЕНТРЫ

Литературная энциклопедия
Русского Зарубежья
1918–1940

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
in Social Sciences

ENCYCLOPAEDIA OF THE RUSSIAN EMIGRE LITERATURE 1918—1940

PERIODICS AND LITERARY CENTERS

Moscow
ROSSPEN
2000

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940

ПЕРИОДИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Л 64

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-04-16005

Л 64 ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. 1918—1940 / Т. 2. ПЕРИОДИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 640 с., илл.

Том включает статьи о важнейших периодических изданиях, альманахах, литературных центрах (писательских объединениях, союзах, научных учреждениях) и издательствах Русского Зарубежья. В период 1918—1940 гг. в Русском Зарубежье вышло свыше 1000 различных журналов и газет. Из периодических изданий в настоящий том отобраны лишь наиболее значительные, имевшие литературные разделы или включавшие публикации литературных материалов. В создании Энциклопедии приняли участие крупнейшие литературоведы и историки из Москвы, Петербурга и некоторых зарубежных стран.

ББК 83.3

ISBN 5-8243-0097-6

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый том «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918—1940)» вышел под названием «Писатели русского зарубежья» (М.: РОССПЭН, 1997). Второй том включает статьи о важнейших периодических изданиях, альманахах, литературных центрах (писательских объединениях, союзах, научных учреждениях) и издательствах русского зарубежья.

В период 1918—1940 гг. в русском рассеянье вышло свыше тысячи различных журналов и газет (в каталоге библиотеки Р.З.И.Архива в Праге, составленном С.П.Постниковым, значится 1030 названий). Из периодических изданий в настоящий том отобраны лишь наиболее значительные, имевшие литературные разделы или включавшие публикации литературных материалов (нередко это бывали перепечатки). В создании Энциклопедии принимают участие крупнейшие литературоведы и историки из Москвы, Петербурга и некоторых зарубежных стран. Неоценимую помощь в проверке библиографических данных настоящего тома оказала новая книга Отдела литературы русского зарубежья РГБ (зав. Н.В.Рыжак) «Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917—1996 гг.)» (М.: РОССПЭН, 1999).

Расположение материалов алфавитное. В Приложении помещены статьи о литературе «первой волны» в журналах и газетах русского зарубежья, выходивших после 1940 года. *Курсив* в тексте статьи означает отсылку к статье о периодическом издании или литературном центре или к статье о писателе в первом томе. При подготовке настоящего тома использованы следующие издания (в тексте указаны в сокращении):

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917—1944 гг.: Библиогр. справочник. Станфорд, 1990. Ч. 1—4.

Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917—1940: Материалы к библиографии. СПб., 1993.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900—1937. М., 1994. Т. 1—2.

Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993.

Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиогр. каталог. М., 1994.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996.

Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки: 1918—1991: Библиогр. указатель / Под ред. Харламова В.И. СПб., 1997. Ч. 1.

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции: 1918—1945. Библиография. Из каталога библиотеки Р.З.И.Архива / Сост. Постников С.П. Нью-Йорк, 1993. Т. 1—2.

Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н.П. Питтсбург, 1972. Сокр.: Полторацкий.

Русская эмиграция: Журналы и сб. на рус. яз.: 1920—1980. Сводный указ. ст. / Сост. Гладкова Т.Л. и др. Ред. Гладкова Т.Л., Осоргина Т.А. Париж, 1988.

Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920—1940 / Под ред. Мнухина Л.А. М.; Париж, 1995—1997. Т. 1—4.

Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917—1996 гг.). М., 1999.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917—1995 гг.). 2-е изд. СПб., 1996.

Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956; 3-е изд. Париж; М., 1996. Сокр.: Струве.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. Сокр.: Терапиано.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин: 1921—1923. Париж, 1983. Сокр.: Русский Берлин.

Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы: 1918—1968. Бостон, 1970. Т. 1—2.

Штейн Э. Поэзия русского рассеяния: 1920—1977. Эшфорд, Конн., 1978.

Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855—1940. 2 ed. P., 1990.

Schatoff M. Half a century of Russian serials: 1917—1968. N.Y., 1969—1972. Vol. 1—4.

Первоначальный макет второго тома Энциклопедии был изготовлен ограниченным тиражом в ИНИОН РАН (ч. 1—3. 1996—1998) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект 95-06-17155).

Настоящее издание — первая многотомная литературная энциклопедия русского зарубежья — осуществляется при финансовой поддержке со стороны РГНФ (проект 99-04-16005). Во втором томе 215 статей. В третий том Энциклопедии будут включены статьи о важнейших книгах литературы русского зарубежья.

Редакция выражает благодарность Отделу русского зарубежья Российской государственной библиотеки (зав. Н.В.Рыжак) за предоставленную возможность подбора иллюстраций, а также авторам книги: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. 1—4, любезно позволившим использовать некоторые иллюстрации из этого издания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИКИ

В — Возрождение. Париж, 1925—1940 (газ.), 1949—1974 (журн.).

ВЛ — Вопросы литературы. М., 1957—.

ВРСХД (ВРХД) — Вестник русского студенческого христианского движения (РСХД). Париж, 1925—1990; далее: Вестник русского христианского движения.

ВФ — Вопросы философии. М., 1947—.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.

ЗРАГ — Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967—.

ИР — Иллюстрированная Россия. Париж, 1924—1939.

ЛГ — Литературная газета. М., 1929—.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—.

ЛО — Литературное обозрение. М., 1973—.

НЖ — Новый журнал. Нью-Йорк, 1942—.

НРС — Новое русское слово. Нью-Йорк, 1910—.

ПН — Последние новости. Париж, 1920—1940.

РЗ — Русские записки. Париж, 1937—1939.

РЛ — Русская литература. Л., СПб., 1958—.

РМ — Русская мысль. София, Прага, Париж, 1921—1924, 1927; Париж, 1947 — (газета).

СЗ — Современные записки. Париж, 1920—1940.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (бывш. ЦГАОР).

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека. С.-Петербург. — РНБ).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН.

ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам РАН.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР (РАН).

ОР — Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (бывш. Государственная библиотека им. В.И.Ленина).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (бывш. ЦГАЛИ).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ КНИГ

Адамович — Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.

Амфитеатров — Амфитеатров А.В. Литература в изгнании. Белград, 1929.

Анненков — Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966; репринт: М., 1991. Т. 1—2.

Бахрах — Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. Париж, 1980.

Берберова — Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. Мюнхен, 1972; 2-е доп. изд.: Нью-Йорк, 1983. Т. 1—2.

Бунин — Бунин И.А. Воспоминания. Париж, 1950.

Гуль — Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1984—1989. Т. 1—3.

Зайцев — Зайцев Б. Далекое: Статьи. Вашингтон, 1965.

Зеньковский — Зеньковский В.В. История русской философии. Париж, 1950; Л., 1991.

Казак — Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988; переизд.: Лексикон рус. лит-ры XX в. М., 1996.

Лосский — Лосский Н.О. История русской философии. Париж, 1954; М., 1991.

Михайлов — Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. М., 1995.

Одоевцева — Одоевцева И. На берегах Сены. Париж, 1983; переизд.: М., 1989.

Полторацкий — Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н.П. Питтсбург, 1972.

Раев — Раев М. Россия за рубежом: История культуры рус. эмиграции. 1919—1939. М., 1994.

РЛЗ — Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. М., 1991—1993. Вып. 1—2.

РП — Русские писатели, 1800—1917: Биографич. словарь. М., 1989—1993. Т. 1—3.

Русский Берлин — Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921—1923. Париж, 1983.

РФН — Русская философия: Малый энциклопедич. словарь. М.: Наука, 1995.

РФР — Русская философия: Словарь. М.: Республика, 1995.

Седых — Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962.

Соколов — Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991.

Струве — Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956; 2-е изд.: Париж, 1984; 3-е изд., испр. и доп.: Париж; М., 1996.

Терапиано — Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987.

Ходасевич — Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. Брюссель, 1939; репринт: Париж,

1976; «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992.

Шаховская — Шаховская З. Отражения. Париж, 1975; В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Беседа. Берлин, 1923—1925.

Благонамеренный. Брюссель, 1926.

Версты. Париж, 1926—1928.

Вестник русского студенческого христианского движения. Париж, 1925—1990 (далее: Вестник русского христианского движения). — Сокр.: ВРСХД (ВРХД).

Воздушные пути: Альманах. Нью-Йорк, 1960—1967.

Возрождение. Париж, 1925—1948 (газета); 1949—1974 (журнал). — Сокр.: В.

Воля России. Прага, 1922—1932 (в 1920—1921 — газета).

Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1924—1938.

Время и мы. Тель-Авив; Нью-Йорк, 1975—.

Встречи. Париж, 1934.

Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926—1928 (в 1923—1925 под назв.: На чужой стороне).

Голос России. Берлин, 1919—1922.

Грани: Альманах. Берлин, 1922—1923.

Грани. Мюнхен; Франкфурт-на-М., 1946—.

Грядущая Россия. Париж, 1920.

Дни. Берлин, 1922—1928 (газета); 1928—1933 (журнал, Париж).

Евразийский временник. (Утверждение евразийцев). Берлин; Париж, 1921—1931.

Евразия. Кламар (Париж), 1928—1929.

Жар-птица. Берлин; Париж, 1921—1926.

Жизнь. Нью-Йорк. 1924—1925.

Журнал содружества. Выборг, 1933—1938.

Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967—. — Сокр.: ЗРАГ.

Зарница. Нью-Йорк, 1925—1927.

За свободу! Варшава, 1921—1932 (в 1920 под назв.: Свобода).

Звено. Париж, 1923—1925 (газета); 1926—1928 (журнал).

Зеленая палочка: Журн. для детей. Париж, 1920—1921.

Иллюстрированная Россия. Париж, 1924—1939. — Сокр.: ИЛ.

Ковчег. Прага, 1926.

Континент. Берлин; Мюнхен, 1974—.

Круг: Альманах. Париж, 1936—1938.

Меч. Варшава, 1934—1939.

Минувшее: Альманах. Париж, 1986—.

Молва. Варшава, 1932—1934.

Мосты: Альманах. Мюнхен, 1958—1970.

Накануне. Берлин, 1922—1923 (газета и лит. прил. к ней).

На чужой стороне. Берлин; Прага, 1923—1925 (далее: Голос минувшего на чужой стороне, 1926—1928).

Новая газета. Париж, 1931.

Новая Россия. Париж, 1936—1940.

Новая русская жизнь. Гельсингфорс, 1919—1922 (газета).

Новая русская книга. Берлин, 1922—1923 (в 1921 под назв.: Русская книга).

Новое время. Белград, 1921—1929 (газета).

Новое русское слово. Нью-Йорк, 1910—. (газета). — Сокр.: НРС.

Новоселье. Нью-Йорк; Париж, 1942—1950.

Новости литературы. Берлин, 1922.

Новый град. Париж, 1931—1939.

Новый дом. Париж, 1926—1927.

Новый журнал. Нью-Йорк, 1942—. — Сокр.: НЖ.

Новый корабль. Париж, 1918—1922, 1928—1933.

Огни. Прага, 1924.

Окно. Париж, 1923.

Опыты. Нью-Йорк, 1953—1958.

Перезвоны. Рига, 1925—1929.

Посев. Лимбург; Франкфурт-на-М., 1945—.

Последние известия. Ревель, 1920—1927.

Последние новости. Париж, 1920—1940. — Сокр.: ПН.

Путь. Париж, 1925—1940.

Россия. Париж, 1927—1928 (газета).

Россия и славянство. Париж, 1928—1934 (газета).

Рубеж. Харбин; Шанхай, 1925—1946.

Руль. Берлин, 1920—1931 (газета).

Русская книга. Берлин, 1921 (далее: Новая русская книга, 1922—1923).

Русская мысль. София; Прага; Париж, 1921—1924, 1927. — Сокр.: РМ.

Русская мысль. Париж, 1947—. (газета). — Сокр.: РМ.

Русские записки. Париж; Шанхай, 1937—1939. — Сокр.: РЗ.

Русский инвалид. Париж, 1929—1939.

Русский колокол. Берлин, 1927—1930.

Русское слово. Харбин, 1926—1927.

Сатирикон. Париж, 1931.

Свобода. Варшава, 1920 (далее: За свободу! 1921—1932).

Своими путями. Прага, 1924—1926.

Сегодня. Рига, 1919—1940 (газета).

Синтаксис. Париж, 1978—.

Смена вех. Париж, 1921—1922.

Современник. Торонто, 1960—.

Современные записки. Париж, 1920—1940. — Сокр.: СЗ.

Сполохи. Берлин, 1921—1923.

Страна и мир. Мюнхен, 1984—.

Числа. Париж, 1930—1934.

А

АЛЬМАНАХИ. Наряду с газетами и журналами альманахи были наиболее частыми изданиями русской эмиграции. С одной стороны, их появление связано с отсутствием средств на полномасштабное производство периодики. С другой стороны, альманахи продолжали издательскую традицию русской литературы.

В статье рассматриваются основные альманахи русской эмиграции, выходившие в период с 1920 по 1941. (См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900—1937. М., 1994.)

Германия. Берлин до 1923 был своего рода столицей русской литературы за рубежом России. Особенностью берлинского периода было спокойное сосуществование и публикация в одних и тех же изданиях писателей, покинувших Россию и оставшихся в ней. «Русский Берлин» относится к историческому моменту, не имевшему прецедента в истории русской культуры, — к 1921—1923, когда «диалог» двух «половин» русской культуры выступал в наиболее явной и (в то же время) наиболее осложненной форме... Существенное отличие «русского Берлина» от, скажем, «русского Парижа», «русской Праги», «русского Харбина»... состоит как раз в беспрецедентной интенсивности «диалога» метрополии и эмиграции внутри данного острова русской культуры» (Русский Берлин. С. 2).

Значительное место в альманахах русской эмиграции занимала поэзия. Одним из первых альманахов, который можно отнести к изданиям русской эмиграции, был «Пленник-поэт: Сборник стихотворений русских пленных в Германии и Австро-Венгрии», выпущенный редакцией «Русского вестника» в Берлине в 1917. Это не всегда грамотные, но очень искренние стихи, подписанные инициалами; об авторах сообщалось: «крестьянин, малограмотный», «вольноопределяющийся» и т.п. Второй выпуск альманаха увидел свет в 1918 и мало чем отличался от первого.

Книга «Россия и Инония» была опубликована в Берлине издательством «Скифы» в 1920. Здесь представлены произведения С.Есенина «Товарищ» и «Инония», *Андрея Белого* «Христос воскресе», Р.В.Иванова-Разумника «Россия и Инония».

Альманахом, полностью посвященным стихам, была книга «Из русской лирики», вышедшая в 1921 в издательстве «Мысль». В том же 1921 появился альманах на русском языке «Еврейский сборник» (Русское универсальное издательство), где напечатаны стихи Х.Бялика «Встань и пройди по городу резни» из его «Сказания о погроме».

В 1921 в издательстве «Мысль» начала выходить серия «Книга для всех». Первым номером ее стал альманах «Из русских поэтов», включавший в себя большие подборки *Бальмонта*, Брюсова и Блока, а также несколько стихотворений Сологуба и *Мережковского*. Затем в том же году в этой серии под вторым—третьим номером вышел сб. «Поэзия большевистских дней». Программное значение книги определялось публикацией поэмы Блока «Двенадцать», открывавшей сборник. В «Поэзию большевистских дней» также были включены цикл Есенина «Преображение», несколько произведений В.Каменского, стихи А.Мариенгофа, П.Орешина, а также два стихотворения Б.Пастернака. В 1922 в той же серии и в том же издательстве под номером 57—58 — сборник «Поэзия революционной Москвы». Как и «Поэзия большевистских дней», он объединил стихи, пронизанные пафосом нового времени, однако общий тон стихотворений был уже несколько иным. Сюда вошли произведения С.Есенина из книги «Исповедь хулигана», Б.Пастернака из «Сестра моя — жизнь», стихотворение О.Мандельштама «Сестры — тяжесть и нежность...», А.Ахматовой «Чем хуже этот век предшествовавших...», большая подборка стихов *Вяч.Иванова*, в том числе «Зимние сонеты», и несколько произведений *М.Цветаевой*. Стихотворения В.Маяковского «Наш марш» и «Приказ по армии искусств» кажутся диссонансом в этой книге.

В 1922 в этой же серии (№ 90—91) увидела свет «Антология сатиры и юмора». Ее составители предприняли попытку развернуть картину русского «смеха сквозь слезы», начиная от В.Курочкина и Д.Минаева и заканчивая *Сашей Черным*, *Н.Тэффи* и *Дон-Аминадо*. И.А.Крылов в этой антологии представлен одним стихотворением, Дон-Аминадо принадлежало восемь. Еще один альманах 1923 «Женская лирика» в серии «Книга для всех» под номером 98 представлял стихи Каролины Павловой, Мирры Лохвицкой, *Зинаиды Гиппиус*, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Марии Шкапской.

С течением времени расхождения между писателями, не принимавшими советскую власть, и литераторами, сочувствовавшими большевикам, становились все глубже. Ярким примером непримиримости позиций может служить история, сопровождавшая в 1922 выход в книгоиздательстве «Отто Кирхнер и К°» альманаха «*Веретено*». Весной 1922 в журнале «*Новая русская книга*» появилось сообщение об организации содружества писателей, художников и музыкантов «Веретено». В сообщении отмечалось, что «содружество, чуждое всякой политике, будет бороться с разложением русской литературы... не намерено ограничиваться деятельностью в эмиграции, но вступило в тесную связь с родственными ему творческими силами в России» (Новая русская книга. 1922. № 5. С. 26). Однако, стоило одному из основателей «Веретена» *Александру Дроздову* сделать шаги навстречу *Алексею Толстому* и симпатизировавшей советской России газете «*Накануне*», как восемь членов «Веретена», в том числе *И.Бунин* и *В.Набоков*, заявили о своем выходе из этого объединения. Именно в этот момент «Веретено» и увидело свет. Наряду с рассказом Бунина «Темир Аксак-Хан» в этой книге были помещены стихи Набокова (Сирина), поэма в прозе *И.Лукаша* «Государь», «Христов крестник» *А.Ремизова* и «Коломенская пастила» Б.Пильняка. Раздел «Критические статьи» представлен статьями *С.Маковского* о личности и творчестве Иннокентия Анненского, Эриха Голлербаха о состоянии петербургской поэзии — «Дары поэтов», статьей *В.А.Амфитеатрова-Кадашева* «Поиски ключа», где он попытался осмыслить роль интеллигенции в последних кровавых российских событиях. «Надо преодолеть революцию и Россию... Преодолеть Россию — т.е. преодолеть извечную тьму и хаос, выявленные в злом символе — Деревне, возродить и утвердить создание героической воли — «прекрасно-страшный Петербург»» (с. 229).

Скандал, связанный с распадом объединения, повлиял, по всей видимости, и на отзывы критики. *Г.Струве* писал, что «в «Веретене» нет никакого единства, и судить о нем как о выявлении какого-либо литературного течения поэтому не приходится. Можно говорить лишь об отдельных вещах» (Русский Берлин. С. 86).

«Литературный альманах «Грани», первая книга которого вышла в одноименном издательстве также в 1922, встретила в прессе иной отклик. «Первая книга альманаха «Грани» составлена очень удачно. Отдельные части ее неравноценны, но все объединены общей основой и создают цельное хорошее впечатление. Эта основа — Россия. Россия прошлого...» (Новая русская книга. 1922. № 1. С. 21). В «Гранях» обращали на себя внимание короткие заметки *Л.Андреева* «Отъезд» о встрече с сыном перед отъездом его на фронт, рассказ *Г.Гребенщикова* «На мертвом якоре», где действие происходит в каюте корабля, навсегда уплывающего из России, рассказ А.Ремизова «Черная бабушка». В.Сирин (Набоков) выступил как автор поэмы «Детство» и переводов английского поэта Руперта Брука. Он же написал предисловие о Р.Бруке: «В его творчестве есть редкая, пленительная черта: какая-то сияющая влажность, недаром он служил во флоте, недаром и само имя его означает по-английски — ручей» (с. 213). Эта работа Набокова явила его мастерство переводчика.

В журнале «Новая русская книга» (1922. № 9. С. 17—18) был отмечен выход «Московского альманаха» (Огоньки, 1922). Значительную роль в его подготовке сыграл Андрей Белый, который писал в предисловии: «В самом деле: книга, в которой мы встретились, сложилась сама собой: и в ней оказались мы, не размышляя о том, почему в ней те, а не иные» (с. 5). Однако он немного лукавил. Рассказы В.Лидина «Апрель» и А.Яковлева «Идут» и заметки самого Белого «Я (сумасшедшее)», включенные в этот небольшой альманах, связаны со временем перелома России после 1917.

Критик, писавший под всевдонимом А.Д. (*А.ФДаманская?*), нашел появление альманаха «Собачья доля: Петербургский сборник рассказов» (Слово, 1922) событием, вполне заслуживающим внимания: «Казалось бы мне, в революционные годы, когда житейски и людям худо, когда с голоду мрут дети, — до собаки ли тут и до грусти о ней? Но из ремизовской затеи вырос хороший колосок: альманах не только не надуман, не вял и не плох, но наряду с приятно написанными рассказами приютился под красной обложкой собачьей доли подлинный маленький шедевр: «Глаза» *Евгения Замятина»* (Новая русская книга. 1922. № 3. С. 11). Кроме рассказа Замятина, в альманахе привлекают внимание новеллы Ремизова «Собачья доля» и «Находка».

Более глубокое сочетание политического и литературного читатели могли найти в альманахе «Детинец», увидевшем свет в 1922. Здесь стихотворение М.Волошина «Заклятие о русской Земле» помещено рядом со статьей *П.Н.Краснова* «Задачи российской армии», а рассказ *И.Наживина* «Федеративный социалист Васютка» дополняется его же критической статьей «У разбитого корыта», где звучит страстный призыв к интеллигенции признать свою вину за все происшедшее в России. Те же мысли звучат в статье профессора Т.Локотя «Большевизм и культура»: «Не удивительно сорвавшееся когда-то с уст Жозефа де Местра пророчество о том, что Россию погубит не революция, во главе которой будут стоять Пугачевы из народа, а та, во главе которой будут стоять «Пугачевы из Университета»» (с. 99).

Своего рода продолжением «Еврейского сборника» стал альманах «Сафрут» (Изд-во С.Д.Зальцман, 1922) со стихами С.Черниховского в переводе *В.Ф.Ходасевича*, эссе Андрея Соболя «Встань и иди», стихотворением И.А.Бунина «Благовестие о рождении Исаака», стихотворением В.Брюсова «Библия».

В том же году Саша Черный в издательстве «Слово» выпустил поэтическую антологию «Радуга: Русские поэты для детей». Он разделил ее на шесть частей: «Детство», «Все живое», «Лукоморье», «В садах природы», «Светлые крылья» и «Россия». В каждый раздел книги входили произведения А.С.Пушкина, и, кроме того, дети могли познакомиться здесь с целым созвездием русских поэтов, от Жуковского до Блока.

В 1923 издателям литературного альманаха «Грани» удалось выпустить второй номер, где были представлены рассказы *А.И.Куприна* «Золотой петух» и Г.Гребенщикова «Леший ухмыляется», несколько стихотворений Саши Черного. В.Сирин опубликовал перевод-мистификацию трагедии Вивиана Калмбруда «Скитальцы. 1768 г. Лондон». С большой статьей об итальянской литературе выступил *Марк Слоним*. Второй выпуск «Граней» высоко оценила А.Даманская, писавшая под псевдонимом А.Мерич (Дни. 1923. 1 апр.).

Примерно того же направления, что и «Грани», придерживались составители альманаха «Медный всадник», вышедшего в 1923 в берлинском одноименном издательстве. Он включал прозу и стихи Бунина, стихотворения В.Сирина, новеллу *Б.Зайцева* «Уединенное». Общий настрой этих произведений выразил *С.Горный*, опубликовавший в «Медном всаднике» заметки «Свое и чужое»: «И вот весной, в который раз, так ясно и четко понимаешь, что воскресать и умирать можно только на Руси» (с. 264). В альманахе представлена большая подборка стихов К.Бальмонта под заглавием «Под рдяным шатром», стихи Саши Черного «Псковитянка», рассказ П.Краснова «Доколе, Господи?».

В 1923 в Берлине вышло несколько поэтических альманахов. Один из них, изящно изданный в издательстве «Север», под редакцией и со вступительной статьей *Г.Алексеева*, назывался «Петербург в стихотворениях русских поэтов». «Под железной рукой императора двести лет назад и народа в наши дни взметнулись копыта коня, и так два столетия — взнесенные над бездной, не пали никуда... Эти вот мысли подсмотрел я — во всей поэзии русской о Санкт-Петербурге, городе вздернутого над бездной коня», — писал в предисловии Г.Алексеев (с. 5). Альманах издан в лучших традициях «Мира искусства», с иллюстрациями А.Бенуа, К.Сомова, В.Белкина и стихами о Петербурге от Пушкина до Мандельштама.

Другой альманах, увидевший свет в берлинской «Мысли» в это же время, стал событием в истории русской поэзии. Назывался он «Из новых поэтов», а составил его Борис Бродский. Здесь представлен цвет

поэзии России — Ахматова, Ходасевич, Цветаева, Маяковский, Пастернак, опубликованы стихи расстрелянного Гумилева, в том числе «Рабочий» и «Память», Есенина «Все живое особой метой...» и «Красная весна» Волошина. Завершали сборник стихи *Эренбурга*.

Альманах «Потаенная тетрадь» (1923) со вступительными статьями Б.Бродского представлял классику русской эротической поэзии: «Гаврилиада» Пушкина, «Купальницы» Дельвига, «Опасный сосед» В.Л.Пушкина. Оформил книгу Л.Голубев-Багрянородный.

Но в 1923 в Берлине появлялись не только поэтические альманахи. Издание культурно-просветительской секции русского студенческого союза в Германии явило читающей публике первый выпуск книги «Молодая Россия». Открывают ее стихи *Г.Иванова* и М.Кузмина. Здесь же «Сказки» А.Ремизова, заметки И.С.Соколова-Микитова, воспоминания В.Набокова «Петербургская гимназия сорок лет тому назад».

Почти одновременно на свет появилась другая «Молодая Россия» (Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923), главный редактор Алексей Толстой. Здесь со своими рассказами выступили Алексей Дроздов, Михаил Слонимский, Валентин Катаев, Борис Пильняк, Константин Федин. Сразу за «Молодой Россией» это же издательство выпустило альманах «Одиссея» (1923). Тут можно было прочесть произведения тех же авторов: Толстого, Глеба Алексеева, а также *О.Савича* и Г.Магнитского.

Берлинским издательством «Манфред» был выпущен литературный альманах «Струги» (1923), в котором печатались Балтрушайтис, Цветаева, Ходасевич, Пастернак, главы из романа И.Эренбурга «Жизнь и смерть Николая Курбова», «Русские повести» А.Ремизова, статья Андрея Белого «Проблемы культуры» и рассказ А.Толстого «Мишука Налымов».

Продолжалось издание поэтических сборников. Четвертую книгу «Цеха поэтов» выпустило издательство «Трирема» (1923), с большими подборками из *Г.Адамовича*, Г.Иванова, *Н.Оцупа*, *Ирины Одоевцевой*.

В 1922 в берлинском издательстве «Русское творчество» увидела свет книга «Серапионовы братья: Заграничный альманах». Основное место в ней заняла проза. Тягу «серапионов» к Гофману еще раз подтвердил в этом альманахе В.Каверин, опубликовав здесь свой рассказ «Хроника города Лейпцига за 18... год». Другие рассказы навеяны мистическими и библейскими сюжетами (новелла Льва Лунца «В пустыне»). Там же напечатаны и стихи Н.Тихонова. Критику представила статья И.Груздева «Лицо и маска», посвященная проблеме соотношения автора и литературного героя в творчестве Ф.М.Достоевского, А.М.Ремизова, Е.И.Замятина. Видимо, в Берлине же (с пометкой: «Петербург—Берлин») в 1923 вышел альманах «Пчелы», основу которого также составили произведения «Серапионовых братьев»: «Кол» Н.Никитина, «Полая Арапия» Вс.Иванова и стихи Н.Тихонова. К ним была присоединена повесть *В.Ирецкого* «Пчелы».

Событием в литературной жизни стал выход книги «Завтра» в издательстве «Петрополис» в 1923 под ред. Е.Замятина, М.Кузмина и М.Лозинского. Здесь и страшные зарисовки революции и гражданской войны в рассказе М.Слонимского «Поручик Архангельский», и рассказ Кузмина «Снежное озеро» о жутких мистических совпадениях в жизни когда-то близких людей. В этой книге читателя встречают также стихи Кузмина и А.Ахматовой, а также стихотворение М.Зенкевича «На Титанике», вполне укладывающееся в общее настроение книги. Кузмин представил тут и свой литературный обзор «Парнасские заросли». Выступил в сборнике и *В.Вейдле*, решительно отстаивающий задетую, как ему показалось, память Блока в незадолго до этого вышедших статьях Б.М.Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова.

Свой альманах подготовила и поэтическая группа *«4+1»* — «Мост на ветру, 4+1» (Берлин, 1924); в него вошли стихи *Бронислава Сосинского*, *Вадима Андреева*, *Георгия Венуса*, Семена Либермана и *Анны Присмановой*.

Литературная деятельность русского зарубежья постепенно перемещалась из Берлина в Париж, часть писателей и поэтов вернулась в СССР. Издавались книги и газеты, но расцвет литературных альманахов остался во многом в прошлом — в 1922—23, однако традиция поэтических альманахов не прекращалась. В 1931 в берлинском «Петрополисе» вышел сборник берлинских поэтов «Новоселье». Душой этого издания

стал *Михаил Горлин*. Стихи Горлина соседствовали в этой книге со стихами его жены *Раисы Блох*, *Софии Прегель*, *В.Пиотровского*, *Н.Белоцветова*.

В 1932 в том же издательстве вышел второй сборник этих поэтов «Роща». Здесь увидело свет стихотворение Р.Блох «Принесла случайная молва...», ставшее знаменитым благодаря *А.Н.Вертинскому*. Третий и последний сборник берлинских поэтов «Невод» появился в 1933 в издательстве «Слово».

Попытку воссоздать традиционную книгу для семейного чтения предпринял А.Волошин, издавший сборник «Вечера под зеленой лампой» (без обозначения года), где наряду с известными стихами Ахматовой, Бальмонта, Блока, Брюсова, Бунина, М.Волошина, Гиппиус, Гумилева, Клюева, Сологуба, *Северянина* и др. были опубликованы стихи безвестных поэтов, — по всей видимости, приятелей редактора.

Чрезвычайно представительная антология русской зарубежной поэзии «Якорь» была составлена Г.В.Адамовичем и М.Л.Кантором (о работе над ней см.: К истории русской зарубежной литературы. Как составлялась антология «Якорь» (Переписка Г.Адамовича и М.Кантора) / Публ. Струве Г. // НЖ. 1972. № 107). Место издания — Берлин — проставлено фиктивно (после 1933 «Петрополис» переехал в Брюссель), но формально книга должна быть отнесена именно к берлинским изданиям. В этом солидном томе представлены практически все сколько-нибудь заметные поэты русской эмиграции, в том числе жившие и вне Европы, как *А.Несмелов*, *В.Перелешин*, *А.Ачаир* и пр.

Сборники переводов делали достоянием русского читателя произведения современной, преимущественно немецкой, литературы: «Антология современной немецкой поэзии» (1922) и «Певцы человеческого: Хрестоматия немецкого экспрессионизма» (1923) в переводах шахматиста и поэта С.Тартаковера, «Из новой немецкой лирики» Г.Забежинского (1921), «Малый альманах современной французской литературы» (1922).

Франция. «Большевики так же бессильны и изъедены внутри, как Николай перед войной, — и так же прочны. Достаточно толчка, чтобы их повалить, как повалили монархию, — и толчка этого нет, ибо революция кончилась. Они брошены на престол последней революционной волною, и нет новых волн, и уже нечем их смыть оттуда», — это строки Леонида Андреева из его дневника (13 апреля — 29 июля 1918). Этот дневник был опубликован по горячим следам описываемых событий в 1920 в «Русском сборнике» (Издание *Комитета помощи русским литераторам и ученым*). Книга представила «Сны Чанга» И.А.Бунина, рассказы *И.С.Шмелева* «Голуби» и А.И.Куприна «Пегие лошади», пьесы Д.С.Мережковского «Смерть царевича Алексея» и А.Н.Толстого «Любовь — книга золотая». Здесь были стихи И.Бунина, Саши Черного, Н.Тэффи, Зинаиды Гиппиус «Из стихотворного дневника», ставшее впоследствии знаменитым ее стихотворение «Знайте!» («Она не погибнет — знайте! Она не погибнет, Россия...»).

Литературная жизнь русского Парижа быстро обретала зримые черты. Возникали журналы, газеты. Стал выходить один из самых значительных журналов в истории литературы русского зарубежья «*Современные записки*». Деятельное участие в его создании приняли *М.О.* и М.С.*Цетлины*. В 1923 они приступили к подготовке альманаха «*Окно*» в издательстве «Я.Поволоцкий и К°», перед заглавием значилось: «Трехмесячник литературы». Первый выпуск был издан в том же году. Перечень авторов и произведений показывает, какой высокий уровень был задан: рассказ Бунина «Безумный художник» и три его стихотворения, новелла Куприна «Однорукий Комендант», «Трилистник» К.Бальмонта, стихи Зинаиды Гиппиус и ее эссе о Блоке «Мой лунный друг», сказание А.М.Ремизова «Алазион», «Египет — Озирис» Д.С.Мережковского. Вторая книга, вышедшая в 1923, полностью соответствовала заданному направлению. Здесь выступили Шмелев со своим «Солнцем мертвых», Цветаева с «Рассветом на рельсах» и Ремизов с размышлениями о В.В.Розанове «Розановы письма». Эссе «Одержимый» о Валерии Брюсове представила Гиппиус. В 1924 увидел свет третий, последний том «Окна», куда вошли «Неизданные рукописи Пушкина» *М.Л.Гофмана*, «Кусочки воспоминаний» *М.А.Осоргина*. «Но создатели альманаха «Окно» «решили прекратить издание, чтобы не создавать лишней конкуренции «Современным запис-

кам». К тому же всем участникам «Окна» двери в «Современные записки» были широко открыты» (Сарников Н. Михаил Осипович Цетлин // Амари (М.Цетлин). Малый дар. М., 1993. С. 140—141).

Похожим на «Окно» был сборник «Наши современники», второй выпуск которого вышел в Париже в 1924 (первый выпуск не установлен). Гиппиус опубликовала в нем очерк «Задумчивый странник» о В.В.Розанове, М.А.Осоргин — новые отрывки из «Воспоминаний», Цветаева — стихи «Деревья» и «Листья». «Окно» и «Наши современники» — издания, продолжавшие лучшие традиции русской литературы. Они были «вне политики», и в то же время многие стихи и рассказы, опубликованные на их страницах, отражали боль, пережитую Россией с 1917.

Более просветительское направление заняли издатели альманаха «Русская земля. Альманах для юношества (Ко дню русской культуры)» (Религиозно-педагогический кабинет и *ИМКА-Пресс*, 1928). Стихи Бунина, рассказы Ремизова, Шмелева, Осоргина соседствуют со статьями *Г.В.Флоровского* «Русский путь», И.Я.Билибина «Народное творчество Севера», заметками *В.В.Зеньковского* о Н.В.Гоголе. Книга хорошо иллюстрирована, статья Билибина дополнена несколькими фотографиями шедевров русского деревянного зодчества в Олонецкой и Архангельской губерниях.

Просветительских целей придерживались и создатели альманаха «Колос: Русские писатели русскому юношеству» (Издание Общежития для русских мальчиков в Шавиле, 1928), изданного более скромно, но с фотографиями воспитанников Общежития русских мальчиков в Шавиле. На первых страницах альманаха было опубликовано «Воззвание русских писателей, артистов и художников», подписанное крупнейшими деятелями культуры русского Парижа. «Будущие граждане России должны будут спасти на Родине культуру, ныне там гибнущую» (с. 9). В воззвании говорилось о тяжелейших условиях жизни воспитанников в Шавиле. В своей статье, опубликованной в «Колосе», *А.В.Амфитеатров* писал о том, что одно из самых крупных преступлений советской власти — создание «расы беспризорных детей». Сборник включал также рассказы И.Бунина, А.Куприна, стихи С.Маковского и Н.Тэффи.

Несколько альманахов было издано казаками, прежде всего с целью сохранения их истории и традиций и объединения казаков-изгнанников. В 1930 в издательстве «Казачьего союза» вышел в свет «Казачий сборник» с рассказом А.Куприна «Светлый конец», стихами *Н.Туроверова*, статьей А.Маркова «Самостийничество и хозяйственное развитие России». В сборнике также были опубликованы ностальгические рассказы и воспоминания о прежней казачьей жизни. «Казачий сборник» был переиздан в Париже, без указания года издания, под названием «Казачий литературно-общественный альманах».

1930 ознаменовался двумя выпусками в Париже поэтического альманаха «Перекресток», издания литературного объединения поэтов, группировавшихся вокруг В.Ходасевича. В альманахе приняли участие *Ю.Терапиано*, *Ю.Мандельштам*, *Г.Раевский*, *В.Смоленский*, *Е.Таубер*.

Несколько сборников сумели выпустить участники «*Союза молодых писателей и поэтов*» в Париже. Первый «Сборник стихов» вышел в 1929. Здесь участвовали Смоленский, Мандельштам, *Б.Поплавский*, А.Присманова, *А.Гингер*, *И.Кнорринг*. В том же 1929 вышел второй выпуск «Сборника стихов», где наряду с прежними авторами появились новые имена: В.Гансон, Т.Штильман, К.Халафов. С теми же авторами в Париже в 1930 увидели свет третий и четвертый выпуски «Сборника стихов». Пятый вышел в 1931 под названием «Сборник Союза молодых поэтов и писателей в Париже». Справочник «Русский альманах», изданный в Париже в 1930 под ред. В.А.Оболенского и Б.М.Сарача, можно было бы назвать «Весь русский Париж» по аналогии со знаменитыми дореволюционными справочниками «Вся Москва» и «Весь Петербург». В нем собраны адреса русских организаций, их состав, перечислены школы, университеты, гимназии, все русское в Париже. В 1931 вышло второе издание справочника «Русский альманах».

Редактор литературного сборника «Инвалид» (Париж, 1934) Алексей Андреев писал в предисловии: «Инвалидам — тяжелее других... Без Родины, отягченные ранами и болезнями, они хотят иметь свой кусок хлеба... Издание настоящего сборника является желанием... не удаляться от той культуры, к которой они приобщи-

лись» (с. 3). В эту маленькую брошюру вошли стихи Н.Туроверова, эссе *С.Минцлова* о Сербии «В стране сказки», стихи Саши Черного, зарисовки «Серебрянский край» И.Лукаша.

Событием в истории литературы русского зарубежья стал альманах *«Круг»* (составитель *И.И.Фондаминский*). Даты выхода на первых двух выпусках не указаны. На третьем указано — 1938. Сообщение о выходе первой книги альманаха «Круг» в издательстве «Парабола» в Берлине появилось в *«Последних новостях»* 18 июня 1936. Альманах включал роман покойного к тому времени Б.Поплавского «Домой с небес», прозу *Ю.Фельзена*, *В.Яновского*, стихи Г.Адамовича, Г.Иванова, И.Одоевцевой, А.Присмановой и других поэтов русского Парижа. Кроме того, здесь были философско-религиозные статьи *В.Мочульского* «Вл.Соловьев и Н.Федоров», заметки В.Ходасевича «Автор, герой, поэт». Широко представлена библиография. Вторая книга «Круга» (1937) предлагала читателям продолжение романа Б.Поплавского, стихи поэтов, которых впоследствии назовут «незамеченным поколением»: Г.Раевского, Ю.Терапиано, *Д.Кнута*, эссе Терапиано «О Гумилеве», библиографию. Третья книга также отвечала замыслам И.И.Фондаминского — дать слово тем, кому редко открывали свои двери крупные издания русского зарубежья. Наряду с Ю.Фельзеном, *В.Варшавским* и Н.Татищевым здесь были опубликованы «Комментарии» Адамовича, «Черты любви» Гиппиус, «Круг» *Г.Федотова*.

«В начале 1938 года Зинаида Гиппиус затеяла особое литературное начинание: «опыт свободы» — серию сборников, не зависящих ни от каких литературных или политических группировок» (Терапиано Ю. С. 83). В 1939 ее детище увидело свет. Книга называлась «Литературный смотр». В предисловии Гиппиус именовала его «опытом свободы». Однако получился вариант «Круга» с большим количеством новелл и статей, посвященных любви и психологическому состоянию героев. Фельзен, Ю.Мандельштам, *В.Зензинов*, Л.Кельберин предстали на страницах «Литературного смотра» со своими рассказами. Крайне отрицательно принял «Литературный смотр» В.Набоков (СЗ. 1939. № 70. С. 284).

В 1939 появился и новый «Казачий альманах», изданный кружком казаков-литераторов. «Родной край с его природой и бытом, с его историей, памятниками старины, архивами, живыми преданиями и песнями был налицо — но мы были ленивы и нелюбопытны. И только теперь, рассеянные по чужбине, мы поняли, что потеряли. Но старится старое и не казаками растет молодое...» — писали составители альманаха в предисловии (с. 5). Альманах был хорошо иллюстрирован, в нем опубликовали стихи казачьи поэты: *Мария Волкова*, Николай Туроверов, *Николай Евсеев*. В большой статье Н.Г.Акулинин описывал историю участия казачества в гражданской войне, поэт Н.Туроверов выступил не только со стихами, но и с исследованием «Казаки в изображении иностранных художников».

1939 стал также годом выхода альманаха «Православное дело», сборник 1 (Париж). Альманах стал продолжением той работы, которую вели *мать Мария* и И.И.Фондаминский по оказанию помощи больным, престарелым русским эмигрантам. Работа проводилась в рамках объединения «Православное дело». Название предложил *Н.Бердяев*, он вместе с о. *Сергием Булгаковым* и К.Мочульским и матерью Марией был среди основателей издания (Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1980. С. 102). «Православное дело» замышлялось как сочетание проповеди православия словом с конкретной помощью. «Мы можем утверждать, что наша эмиграция религиозно оправдает себя лишь в том случае, если будет крепко стоять на почве подлинной духовной свободы», — писала Мать Мария (с. 91). В сборник вошли статья Бердяева «Христианство и опасность материалистического коммунизма», заметки Мочульского «Идея социального христианства в русской философии», эссе Г.Федотова «Любовь и социология».

Чехословакия. Прага была своего рода третьей столицей русской эмиграции. «Русская акция» чешского президента Томаша Масарика, предоставившего большую сумму денег молодым эмигрантам для учебы, способствовала превращению Праги в научный центр русского зарубежья.

Публикация стихов лучших русских поэтов была целью Н.Ф.Мельниковой-Папоушковой, составительницы двух выпус-

ков «Антологии русской поэзии XX столетия», вышедших в Праге в 1920 в издательстве «Наша речь». В первом были подборки К.Бальмонта и В.Брюсова, стихи Ф.Сологуба, Д.Мережковского и З.Гиппиус. Во втором — стихи Вл.Соловьева, Вяч.Иванова, стихи Андрея Белого и М.Волошина, Анны Ахматовой и *Любови Столицы.*

В 1921 в «Славянском издательстве «Кремль» в Праге» увидела свет книга «Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов». В предисловии составитель Е.М.Салькова писала: «Целью нашего сборника было ознакомление читателя со всеми образцами русской поэзии, начиная от Пушкина по наши дни. К сожалению, мы натолкнулись на большие затруднения в добывании необходимых литературных источников, и труд наш является далеко не таким полным, каким мы хотели его преподнести нашему читателю» (с. 3).

Первая книга сборника «Младорусь» вышла в Праге в 1922 под ред. В.Ильинского. Сборник включал стихи редактора, статью *Е.Чирикова* «О прозрениях Ф.М.Достоевского». Значительная часть статей посвящалась Праге и истории Карпат: «Чему русская молодежь может поучиться у чехов», «Душа Праги», «Карпатские соколы» (Очерк карпаторусской поэзии).

Вехой в истории русской эмигрантской литературы стало появление в 1924 в «Чешско-русском издательстве в Праге» первой книги сборника «Записки наблюдателя». Книга представила подборки стихов К.Бальмонта, С.Маковского, циклы стихов М.Цветаевой «Гамлет», «Федра», «Кедр» (О книге *С.Волконского* «Родина»), эссе о Блоке Е.А.Зноско-Боровского. «У России была своя Прекрасная Дама—Революция, и она также «изменила облик» свой, когда были сделаны первые попытки ее воплощения. И, если ему <Блоку> казалось, что его трагедия есть лишь часть или прообраз трагедии России, и что от второй идет «роковая пустота» ее сердца» (с. 129). Альманах был посвящен исключительно «прекрасным музам», и это подчеркивалось в статье Б.Шлецера «Мысли о Стравинском».

Круг участников «Записок наблюдателя» составил и авторское ядро сборника «Ковчег» («Пламя», 1926), вышедшего под редакцией *В.Ф.Булгакова, С.В.Завадского* и М.И.Цветаевой. Кроме произведений Булгакова и Цветаевой, в книге были также стихи С.Маковского, проза Е.Чирикова, Д.Крачковского, С.Эфрона, *А.Аверченко.*

Во многом продолжением сборника «Младорусь» стал «Альманах Возрожденцев», вышедший в издательстве «Общества карпаторусских студентов» «Возрождение» в 1933. В предисловии составители заявляли, что «национализм какого-либо народа становится плодовитым и созидательным только тогда, когда он имеет своих героев, проповедователей» (с. 3). «Мы взяли на себя должность бросить среди русских искру национального сознания и самобытного духа» (с. 4). В этом ключе выдержаны все основные статьи альманаха, история русских в Карпатах переплетается с мыслями об усилении русского самосознания. В сборнике выделяются два рассказа И.Наживина: о страшной судьбе монастыря под Владимиром и о дореволюционной спокойной жизни.

Того же направления придерживались составители нового выпуска «Альманаха общества карпаторусских студентов «Возрождение», вышедшего в Праге в 1936. Здесь были стихи, рассказы и статьи, посвященные карпаторусской литературе и живописи.

Югославия (Королевство сербов, хорватов и словенцев до 1929). Югославия также стала одной из стран, принявшей тысячи русских беженцев. Здесь функционировали русские учебные заведения, выходили газеты и журналы. Одной из столиц русской военной эмиграции можно назвать Белград, где развернуло деятельность Общество Галлиполийцев, взявшее свое название от полуострова Галлиполи, где встали лагерем войска Врангеля после эвакуации из Крыма. В 1923 в Белграде это общество издало небольшой сборник «Живым и гордым». В книжке ответы на вопросы о необходимости и смысле пребывания русской армии в Галлиполи были даны крупными военачальниками: П.Н.Врангелем, А.П.Кутеповым, командиром Донского корпуса генералом Ф.Ф.Абрамовым, русским посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Палеологом, П.Н.Красновым, атаманом А.П.Богаевским. С призывом сохранять мужество обратился к русской армии И.А.Бунин и другие известные деятели русской культуры и политики.

Поэтический альманах «Белый скит» появился в Белграде в 1924. Здесь в основном представлены стихи поэтов, которых сейчас мало кто помнит. Это Иван Аносов, Сергей Волынский, Альбин Комаровский.

Поэтический альманах «Зодчий» увидел свет в белградском издательстве «Книжный кружок» в 1927. Из ныне известных поэтов в книге привлекает внимание подборка Екатерины Таубер.

Эстония. Большую роль в истории литературы эмиграции сыграл альманах «Новь» (Ревель). Сборник выпускался ко Дню русской литературы и состоял в основном из произведений молодежи. Первый выпуск (1928) — с портретами И.С.Тургенева, П.И.Чайковского, других великих русских мастеров культуры. Второй сборник, вышедший там же в 1929, по составу был более представительным. В нем привлекают внимание статьи Н.Андреева о Чехове и к 10-летию со дня смерти Леонида Андреева, «Слово о Гоголе» *Ю.Иваска*, стихи, материалы о жизни русской молодежи в Эстонии. Третий сборник «Нови» вышел в 1930. Направление «Нови» подтвердила вступительная статья под заголовком «Смена поколений — единство культуры». Здесь опубликованы стихи М.Горлина, *А.Головиной*, статьи Ю.Иваска о Блоке и С.Прохорова о Скрябине. Одной из главных тем разнообразных произведений альманаха оставался Печерский край. В тех же традициях выполнен четвертый выпуск (Ревель, 1932). Примечательны статья Е.Базилевской-Роос об Анне Ахматовой, стихи *Б.Нарциссова*, П.Иртеля. В пятом сборнике «Нови» (Ревель, 1933) в числе новых авторов — *З.Шаховская*, была напечатана последняя речь скончавшегося в Праге историка и общественного деятеля А.А.Кизеветтера. Шестой выпуск альманаха (Таллин, 1934) украшен портретами И.А.Бунина и М.И.Цветаевой. Номер целиком посвящен поэзии. Кроме стихов, в нем представлены критические статьи К.Гершельмана «О современной поэзии» и Ю.Иваска о поэзии А.Белого и Цветаевой. Седьмая книга вышла в том же году в издательстве «Новь» с подборками стихов русских поэтов, живущих в Эстонии и в других странах. Восьмой номер (1935) был одним из самых удачных не только в истории альманаха, но и в истории литературы русского зарубежья. Заметки Бунина и Набокова о Л.Толстом, статья А.Ремизова о *Л.Шестове*, материалы, посвященные памяти Б.Поплавского, эссе о рукописных альбомах Ремизова. Из ревельских изданий более раннего времени выходил «журнал-альманах» «На чужбине» (1921) со стихами Саши Черного, Вл.Адамса-Александровского, поэтов-оккультистов Н.Рудниковой и Г.Елачича, а также с прозой Лоллия Львова, А.Дикгоф-Деренталя и Ремизова. В Тарту (называвшемся еще Юрьевым) в 1922 вышел сборник «Via Sacra», где были напечатаны «Плимутрок» Игоря Северянина и стихи его подражателей Вл.Адамса-Александровского, И.Беляева, Б.Правдина.

Латвия. Альманах русской молодежи «Отклик» вышел в Риге в 1921 в издательстве «Союз молодежи». Книга предназначалась в фонд кассы взаимопомощи. В «Отклике» стихи соседствовали со сказкой «Горюшко русское» и острыми заметками «В советском раю», подписанными инициалами Я.К.

Наследию философа Н.Ф.Федорова был посвящен второй выпуск альманаха «Вселенское дело» (Рига, 1934; первый выпуск — Одесса, 1914) с рисунком Л.Пастернака, изображавшим В.Соловьева, Федорова и Л.Толстого, и стихотворением харбинского поэта А.Несмелова. Значительная часть «Вселенского дела» была отдана археографии: публикациям документов, связанных с деятельностью Н.Федорова, а также В.Соловьева, К.Леонтьева, Л.Толстого.

Литва. Два первых выпуска «Балтийского альманаха» были изданы в Каунасе в 1923 и 1924. Альманах имел подзаголовок «Ежемесячник литературы, искусства и экономики», печатал стихи, библиографические и искусствоведческие материалы и статьи. В первом выпуске — статья Э.Голлербаха, посвященная 25-летию творческой деятельности М.Добужинского, во втором — литературные эскизы *Ю.Айхенвальда* об А.Толстом и *М.Арцыбашеве*, а также переводы из Адама Мицкевича (см.: Абызов Ю. Ч. 4. С. 417).

Польша. В 1923 в Варшаве вышел малый альманах поэзии и прозы «Шестеро» (Изд-во «Таверна поэтов») со стихами русских поэтов, живших в Польше.

Болгария. Первая книга альманаха «Русские сборники» увидела свет в софийском Российско-Болгарском книгоиздательстве (1920). Это было политическое издание, пытавшееся осмыслить катастрофу в России. «В течение ряда лет русская интеллигентская мысль вдохновлялась, прежде всего, борьбой с самодержавным строем, в котором она видела одно из главных препятствий на пути широкого и свободного развития нашего народа. В увлечении этой борьбой она нередко, однако, забывала об общих и обязательных условиях народно-государственного бытия... В России наших дней совершается огромной важности столкновение теории с практикой: в результате революционных потрясений на сцену выступил сам народ, и многие привычные и близкие русской интеллигенции суждения и представления требуют коренного пересмотра...» (с. 111). В этом ключе выдержаны основные идеи сборника. Многие статьи — «Советская Россия и Европа», «Болгария и стремление России к проливам», заметки о деятельности Балканского Ближневосточного института касались взаимоотношений России и Болгарии.

Вторая книга альманаха, изданная там же и в том же издательстве в 1921, открывалась статьей К.Н.Соколова «Ориентация», обвинявшей западные державы в том, что случилось в Российской империи. Анализ последних событий гражданской войны был дан в статье Э.Гримма «Три цвета». «Стало выясняться, что анархический период большевизма прошел и что наступил новый период — деспотический» (с. 31). Статья Е.Спекторского посвящена кризису всех форм государственности и законодательства в России. Во втором выпуске «Русских сборников» появились новые литературные мотивы, выраженные, в частности, в статье Е.Чирикова «Леонид Андреев».

Швейцария. Большую хрестоматию русской поэзии «Родное слово» издала Елена Милич в 1919 в Женеве (Издательство департамента просвещения христианских обществ молодых людей).

Китай. Харбин, а потом Шанхай были своего рода дальневосточными столицами русского зарубежья. Сотни тысяч сибиряков устремились туда, где почти все население говорило по-русски, выходили русские газеты и журналы.

В 1920 в Издательстве русского благотворительного общества в Шанхае вышел литературно-художественный альманах «Дальний Восток», посвященный Китаю. Он включал стихи и сказки китайских авторов в переводе на русский язык, а также статьи о политической и экономической жизни в «Поднебесной» к моменту выхода сборника. Продолжением «Дальнего Востока» стал альманах «Желтый лик» (Шанхай, 1921). В нем, кроме прежних тем, было много переводов французских синологов. Второй частью «Желтого лика» можно назвать альманах «Китай», увидевший свет в 1923 в шанхайском издательстве, также названном «Желтый лик».

Альманахи выходили и в Харбине. Призывом к сохранению исторических и государственных традиций России был однодневный выпуск сборника «День русской культуры», посвященного празднованию Дня русской культуры в Харбине 15 июня 1930. Характерным было название одной из статей — «Побеждающая сила духа». В русле своих основных положений выступил *И.А.Ильин*. Его заметки назывались «О рыцарском духе». Много материалов было посвящено А.С.Пушкину и жизни русских в изгнании.

В 1931 в Харбине под редакцией Ф.Даниленко увидела свет первая книга литературно-художественного сборника «Багульник», в котором, наряду со стихами участников поэтического кружка русских поэтов в Харбине «*Чураевка*» А.Несмелова, Н.Щеголева, В.Янковской, были помещены отзывы на книги, вышедшие на русском языке в Китае, статьи о дальневосточных писателях.

Непосредственным изданием самой «Чураевки» стал сборник стихотворений «Семеро» (1931) в издательстве «Молодая Чураевка». Здесь были представлены лишь стихи молодых: Н.Щеголева, Н.Светлова, *Ларисы Андерсен*, Лидии Хаиндровой, Нины Ильнек, Нины Резниковой, М.Шмейссера.

Тема Китая и синологии по-прежнему занимала значительное место в творчестве русских литераторов, оказавшихся в дальневосточной стране. Но она переплеталась с размышлениями о России и воспоминания-

ми о прежней жизни, примером чего стали выпуски дальневосточных сборников «Врата». Первый сборник увидел свет в Шанхае в одноименном издательстве при литературно-художественном объединении «Восток» в 1934. Здесь были стихи, перевод «Дао Дэ Цзина», заметки к юбилею И.Бунина и 30-летию со дня смерти Н.Федорова. Второй сборник «Врата» вышел в 1935. Он отличается обширным материалом по восточной мифологии. Рецензируя оба выпуска «Врата», альманах «Земля Колумба» писал: «Сборник «Врата»... представляет несомненно ценный материал как для современника, так и для будущего историка. «Врата» имеют свои задания: отражение быта русских и ознакомление читателя с культурно-художественным богатством Востока» (1936. Кн. 1. С. 125).

США. Америка стала прибежищем выходцев из России еще до 1917. С началом массовой эмиграции большинство русских книг и периодических изданий, выходящих в Америке, отражает процессы, проходившие среди миллионов изгнанников из России. Сборник «Досуг», вышедший в Нью-Йорке в «Первом русском издательстве в Америке» в 1918, имел подзаголовок: «Первый изданный в Америке сборник рассказов, очерков, стихотворений и рисунков». Печатались ностальгические рассказы и стихи, велась рубрика «Русские революционные деятели в Америке». Немалый интерес представляет список книг «Первого русского издательства в Америке», приложенный в конце «Досуга».

Очерки И.Бунина, Е.Чирикова, Л.Андреева, А.Куприна об ужасах, творившихся на просторах бывшей Российской империи, вошли в небольшой сборник «Скорбь земли русской» (Нью-Йорк: Русская земля, 1920). Своего рода продолжением этой книги стал первый сборник «Родная земля», вышедший в том же издательстве в 1920. Это — плач по погибшей стране. Интонацию сборника, в котором приняли участие Ф.Сологуб, Н.Тэффи, М.Иорданская, опубликовавшая воспоминания «Эмиграция и смерть Леонида Андреева», определил А.Ремизов. Он напечатал здесь свое «Слово о погибели земли Русской» (впервые: Скифы. СПб., 1918. Сб. 2). Второй сборник «Родной земли» был издан там же в 1921. Он включил «Двенадцать» А.Блока, «Песни» И.Бунина, «Китеж» М.Волошина.

Особняком среди многочисленных изданий русского зарубежья стоят два альманаха кружка пролетарских писателей в Северной Америке (составной части Всероссийского союза крестьянских писателей): «К новым горизонтам» (1922) и «В плену небоскребов», вышедший в Нью-Йорке в 1924. Вторую поэтическую книгу открывали произведения *Д.Бурлюка*, который причастен также к изданию нью-йоркских альманахов «Первый кооперативный сборник свирели собвея» (1924) со стихами поэтов-эмигрантов, «Сегодня русской поэзии» (1924) и посвященного памяти Маяковского сборника-антологии «Красная стрела» (1932).

Антиподом ему является первый сборник литературно-художественного кружка в Сан-Франциско «Дымный след» (Сан-Франциско, 1925). Это изящно оформленный сборник, с обложкой, вполне напоминающей «Мир искусства», он должен был отвечать изысканно-эстетическому вкусу. Однако трагедия России не могла не найти и в нем своего отражения. Наряду со сказками и стихами на восточные и китайские мотивы в «Дымном следе» были опубликованы стихи Ольги Ильиной «Из цикла «1920 год»», драма К.Яровикова «Каппелевцы», стихи правнучки Е.А.Боратынского Н.Дудоровой. В конце сборника читатели могли познакомиться со статьями А.Кауна «Чему нас учит Леонид Андреев» и «Пушкин. (Опыт философской критики)». В заметках «Культурный уголок русской колонии в Сан-Франциско», подписанных инициалами Е.М., рассказывается о жизни литературно-художественного кружка в Сан-Франциско.

В 1925 в Нью-Йорке вышел сборник стихотворений «Из Америки». Он включал в себя большие подборки поэтов Е.Христиани, А.Голохвастова, Д.Магулы, В.Ильяшенко.

Литературно-художественный кружок Сан-Франциско продолжал свою деятельность и в 1934 в харбинской типографии отпечатал свой «Калифорнийский альманах»: «Две главные идеи заложены в основание «Калифорнийского альманаха». Одна узкоместная: предоставление страниц русским калифорнийским писателям, дабы поддержать и воодушевить их в работе.

Вторая идея более обширна и должна иметь несомненное историческое значение и ценность, как охватывающая всю зарубежную Россию. Это отдел, впервые создавшийся в зарубежье, — «Писатели о себе», в котором Альманах надеется со временем собрать автобиографии всех русских писателей, находящихся за границей» (с. 3), — говорилось в предисловии. И действительно, в «Калифорнийском альманахе» на вопросы об отношении к критике и о своих биографиях ответили многие: С.Горный, ставший душой издания, *Е.Бакунина*, Г.Гребенщиков, *Г.Песков*, М.Осоргин и другие. *П.Балакшин* опубликовал здесь «Повесть о Сан-Франциско» и статью «Эмигрантская литература», раскрывающие жизнь русского литературного Парижа. Интересна статья о Военной библиотеке Г.Гувера. В «Калифорнийском альманахе» можно было познакомиться с эссе об американской и итальянской литературах.

Одним из заметных событий в истории русской литературы в Америке стал выход альманаха «Земля Колумба» (1936). Этот сборник литературы и искусства под редакцией Б.Миклашевского на титульном листе представил название трех городов: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес. Объясняя задачи сборника, Б.Миклашевский писал: «История всей русской эмиграции в Америке, насчитывающей миллион сто пятьдесят тысяч, есть история упорного труда, настойчивости, успеха. Этот миллион не рассосался бесследно в ста десяти других миллионах; представляя собой крепкое национальное ядро, он не остается в стороне от общей жизни страны и ее развития» (с. 85). «По карте «безграничной Российской империи» можно проследить, какими этапами шла русская зарубежная литература: Константинополь, София, Белград, Прага, Берлин, Париж... Многие этапы исчезли совершенно. Но на «окраинах империи» появляются и крепнут новые. Мы накануне широкого литературного роста русской Америки и Азии» (с. 87). В первом выпуске «Земли Колумба» наибольшее внимание привлекают стихи А.Вертинского, рассказ П.Балакшина «Весна над Филмором», рассказ С.Горного «Мы и они». Широко представлено творчество Н.К.Рериха. Наряду со статьями о нем были опубликованы «Листы дневника» самого Рериха под названием «Будем радоваться». Статью к 20-летию со дня смерти А.Н.Скрябина «Прометей» представил Л.Яковлев.

Во второй книге «Земли Колумба» (1937) к названиям городов на первой странице добавились Чикаго, Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро. Составители альманаха в подписном листе, вклеенном в книгу, особо отмечали, что это издание — мост между Северной и Южной Америкой. Читатели знакомятся здесь со стихами А.Несмелова, «Письмами из Рокпорта» П.Балакшина, статьей А.Амфитеатрова «Комедия ошибок», посвященной гоголевскому «Ревизору». Продолжил публикацию своих «Листов дневника» Н.К.Рерих. С.Гладкий напечатал статью о Марии Башкирцевой.

В.В.Леонидов

Б

БЕЛГРАДСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В Белграде в 1920—41 существовало не более 20 русских эмигрантских издательств, издающих организаций и книготорговых предприятий. Большая их часть действовала один—два года, и продукция их была незначительной. Всеславянский книжный магазин, издательство и книжный склад «М.И.Стефанович» были основаны еще в 1910. Его русским отделом в 20-е заведовал С.А.Камкин. Издательство выпускало произведения П.П.Тутковского, К.С.Попова, *А.И.Куприна*, *Е.Н.Чирикова* и др. Работало оно, видимо, до конца 30-х. В 1919 начало работать русское товарищество книжной торговли «Славянская взаимопомощь», основанное бывшим сенатором В.Н.Смоляниновым. В 1921 был основан книжный магазин, издательство и библиотека И.И.Строганова «Возрождение». Сын А.С.Суворина М.А.Суворин в 1921 возобновил издание газеты «*Новое время*» и при ней одноименное издательство, выпустившее в 1921—30 15 названий. Среди них романы *А.Ренникова* (Селитренников А.М.) «Диктатор мира» (1925), «За тридевять земель» (1926); 2-е изд. «Дней» *В.В.Шульгина* (1925). В 1930 издатель Н.З.Рыбинский выпустил несколько книг русских авторов — В.А.Хабарова «Завоевание Индии. Записки русского беженца»; Е.Вадимова «Где-то» — сборник избранных стихотворений; его же книгу очерков «Корнеты и звери» (1929). Издательство «Святослав», работавшее в Белграде и в г. Нови Сад в 1921—38, издало сочинения *Н.Н.Брешко-Брешковского* «На золотом троне» (1925), Л.Изломовой «Женщина на распутье» (1928) и «Хмель жизни» (1928); фантастическую повесть П.П.Тутковского «Перст Божий: Гибель российской коммуны» (1924). В 1921—40 работало издательство «Меркур» (42 назв.), в 1928—40 «Слово» (27 назв.). Научные издания выпускали Институт изучения России (1931—40; 13 назв.); *Русский научный институт* (80 назв.), Русское археологическое общество в королевстве Югославия (1921—40; 27 назв.). 17 названий издал Национальный Трудовой Союз. Новое поколение (1935—40).

В 1928 в Белграде состоялся единственный в русском зарубежье Всеэмигрантский съезд русских писателей. Многие русские писатели по этому случаю были награждены сербским орденом Св.Саввы. Результатом съезда стало образование при Сербской Академии наук особой Издательской комиссии, финансируемой Правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Эта комиссия являлась официальным органом Государственной комиссии по российским беженцам. Комиссия в 1928—36 выпустила три серии изданий. 1. «Русская библиотека» — самое крупное издательское начинание русской эмиграции в Королевстве СХС. Серия состояла из 43 книг современных русских авторов: *Алданов М.* Юность Павла Строганова и другие характеристики (1934); *Мережковский Д.С.* Наполеон (1929), Тайна Запада. Атлантида — Европа (1930), Иисус Неизвестный (1932—34); Чириков Е.Н. Отчий дом. Семейная хроника (1929—31), Вечерний звон. Повести о любви (1932); *Шмелев И.С.* Въезд в Париж (1929), Родное. Про нашу Россию (1931), Лето господне. Праздники (1933), Богомолье (1935); *Амфитеатров А.В.* Русский поп XVII века. Этюды об Аввакуме (1930), Заря русской женщины. 1. Ольга и Елена. 2. Птичий грех (1929), Русский уездный город XVII века (1932); *Бальмонт К.Д.* В раздвинутой дали. Поэма о России (1929); Куприн А.И. Елань. Рассказы (1929), Колесо времени (1930); *Бунин И.А.* Грамматика любви. Избранные рассказы (1929); *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914—1918 (1929); *Зайцев Б.К.* Избранные рассказы. 1904—1927 (1929); *Ремизов А.М.* По карнизам (1929), Ров львиный (1930); *Ладыженский В.Н.* За рубежом. Рассказы (1930); *Лазаревский Б.А.* Лиза. Рассказы (1930); Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири (1930—1931); *Рощин Н.* Журавли. Рассказы (1931);

Тэффи Н.А. Книга Июнь. Рассказы (1931); *Лукаш И.С.* Сны Петра. Трилогия в рассказах (1931); Оболенский В.А. Очерки минувшего (1931); *Северянин И.* Классические розы. Стихи. 1922—1936 (1936). Последним выпуском серии стала книга *И.А.Ильина* «Путь духовного обновления» (1935). 2. «Детская библиотека» — в ней вышло 11 книг, среди них народные сказки, стихи и сказки для детей *Саши Черного*. 3. «Библиотека для юношества» включала только два издания.

Вторым центром русского книжного дела в Королевстве СХС можно считать город Нови Сад. Здесь работало русское издательство С.Ф.Филонова, выпустившее в 1923—42 142 названия книг русских авторов. Среди них произведения Л.М.Сухотина «Любовь в русской лирике XIX века» (1927), А.Амфитеатрова «Вчерашние предки» (1928—1931), заключение хроники «Концы и начала»; повести И.Янушкевич «Казнь» (1928), «Так было и будет» (1930), М.Ясинской «Силуэты» (1933), роман-хроника Б.В.Гагарина «В последние дни» (1931) и др. сочинения русских писателей-эмигрантов.

См. также: Katchaki J.N. Bibliography of Russian refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia). 1920—1945. — Arnhem, 1991.

И.А.Шомракова

БЕРЛИНСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В 20-е Берлин стал одним из крупнейших центров издательской деятельности русской эмиграции. Это обусловливалось взаимодействием многих факторов. С одной стороны, окончание гражданской войны, установление относительного экономического спокойствия в России (введение НЭПа) способствовали установлению дружеских взаимоотношений советской России и Германии, которые были подтверждены подписанием договора между странами в г. Рапалло в апреле 1922. С другой стороны, Берлин был тем городом, где сосредоточилось огромное число русских беженцев (на 1-е января 1922 в Германии находилось свыше 250 000 русских) — представителей образованной русской элиты. И русские эмигранты с самого начала стремились воссоздать свой привычный культурный мир, неотъемлемой частью которого были русские книги. Относительная дешевизна бумаги и полиграфических услуг в Германии способствовала тому, что русские предприниматели, приезжая в Берлин и «не находя приложения вывезенным капиталам, сами возбуждали в качестве одного из предложений вопрос об основании за границей русских издательств» (Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. С. 450). К тому же, создание русских книгоиздательств было выходом к большой читательской аудитории многочисленных литераторов, критиков, публицистов, политических деятелей, что, в свою очередь, давало им возможность хоть какого-то заработка.

Сложившаяся ситуация в Германии, при которой граница между русским зарубежьем и советской Россией была нечеткой, способствовала двусторонней культурной связи. Идея «наведения мостов» (выражение *А.С.Ященко*) имела большую популярность в начале 20-х среди эмигрантов. Историк *Г.Федотов* считал, что «никогда ни одна эмиграция не получала от нации столь повелительного наказа — нести наследие культуры. Он (этот наказ) дается фактом исхода, вольного или невольного, из России значительной части ее активной интеллигенции. Он диктуется и самой природой большевистского насилия над Россией. ...Естественное творчество национальной культуры перехвачено, подвергалось глубокой хирургической ампутации и организовано в самых жестких формах государственного принуждения» (СЗ. 1935. № 58. С. 450). По мнению Г.Федотова, печать в эмиграции должна «стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России». Берлин одним из первых поднял идею сохранения и приумножения великой русской культуры.

Начиная с 1920 Берлин становится центром информационного обмена. В первую очередь это было связано с его ролью издательского центра; после окончания гражданской войны многие советские писатели приезжали в Германию. Издаваемые в Берлине библиографические журналы («Русская книга» 1921; «*Новая русская книга*», «*Новости литературы*», «Вестник русского книжного рынка» 1922—1923 — далее: ВРКР) также способствовали обмену информацией об авторах и изданиях как в Советской России, так и за рубежом.

Самые ранние русские книгоиздательства, открывшиеся в Берлине в 1919, — «Врач» и «Москва». «Врач» специализировался на выпуске медицинской литературы. В конце 1919 А.С.Заксом был основан в Берлине книжный магазин «Москва», перед которым стояла задача собирать все книги, журналы, газеты, выходящие на русском языке за рубежом. С января 1921 «Москва» функционирует и как книгоиздательство. Журнал «Русская книга» стал первым опытом этого книгоиздательства. С начала 1922 издательство стало выпускать журнал «Вестник русского книжного рынка», явившийся отчасти продолжением «Русской книги». Собственные издания «Москвы» — это, в основном, произведения современных авторов: *Северянин И.* Менестрель: Новейшие поэзы (1921), Миррэлия: Новые поэзы (1922); *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: Роман (1922), он же. Любовь — книга золотая: Пьеса (1922); *Юшкевич С.* Повесть о господине Сонькине (1922), он же. Похождения Леона Дрея: Пьеса (1922); *Черный С.* Чудесное лето: Рассказы для детей (1922).

Начиная с 1920 о себе заявляет издательство, основанное И.П.Ладыжниковым в 1905 в Женеве по поручению ЦК РСДРП. В том же году деятельность книгоиздательства была перенесена в Берлин. Издательство специализировалось на выпуске марксистской литературы, сочинений *М.Горького* и писателей, группирующихся вокруг «Знания». После 1918 издательство было приобретено Б.Н.Рубинштейном. Новый владелец сохранил прежнее название, но изменил цели и задачи. Теперь деятельность издательства была подчинена, прежде всего, защите авторских прав русских писателей за пределами России. Издательство предлагало своим читателям как публикации на русском языке (особенно для тех книг, которые не могли печататься в России по причинам цензурного порядка), так и на иностранных языках для ознакомления европейских читателей с творчеством русских авторов. Во время гражданской войны издательство снабжало русских военнопленных русскими книгами. С 1920 издательство Ладыжникова приступает к выпуску русской литературы, ориентируясь при этом на возможный книжный рынок советской России. Читателям предлагалось несколько серий. В серию «Русская библиотека» входили собрания сочинений русских классиков А.С.Пушкина, И.А.Гончарова, С.Т.Аксакова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, А.П.Чехова и др., а также отдельные издания их произведений: Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1921), он же. Майская ночь, или Утопленница. Пропавшая грамота (1921), он же. Невский проспект. Записки сумасшедшего (1922) и др. Серия «Русские классики и современные писатели» предлагала произведения М.Горького («Русские сказки», 1922; «О русском крестьянстве», 1922 и др.), *Д.С.Мережковского* («Христос и Антихрист: Трилогия», 1922 и др.), Ф.Сологуба («Политические сказочки», 1922 и др.), *Л.Андреева* («Рассказ о семи повешенных», 1918; «Губернатор», 1918) и других современных авторов. Издательство не забывало и маленьких читателей, выпуская красочно иллюстрированные книги: «В стране зверей» (текст Г.Росимова, рис. В.Мозалевской, 1924), «Необычайное путешествие Петрушки на Луну» (текст Г.Росимова, 1922), С.Черного «Сон профессора Патрашкина» (1924), «О гноме Клубнике и царевне Пион: Сказочка» (текст Г.Росимова, 1922) и др. Детские книги печатались и по старой орфографии (т.е. предназначались для эмиграции), и по новой орфографии (т.е. для детей в России). Для школьников книгоиздательство печатало словари и учебники. Единственное из всех русских книгоиздательств выпускало серию «Художественные открытки», свидетельствующую о сильной полиграфической базе. В серии воспроизводились картины русских художников: А.Бенуа, М.Добужинского, С.Виноградова, А.Бакшеева, Б.Кустодиева, С.Малютина, К.Юона и других. Работа издательства И.П.Ладыжникова была направлена, в первую очередь, на воссоздание в эмиграции привычного русского книжного мира. Этому же в немалой степени способствовал и журнал А.С.Ященко «Новая русская книга», выпускаемый издательством в 1922—1923. Журнал стал «настольной книгой каждого серьезного читателя» (Накануне. Лит. приложение. 1922. 7 мая. С. 10). С 1923 издательство начало выпуск большой серии «Библиотека современного знания», включавшей в себя научно-популярные книги по различным отраслям наук. В основном, это был перевод серии «Aus Natur und Geist-

eswelt», выходившей в издательстве Тейбнера (Лейпциг) на немецком языке. Издательством И.П.Ладыжникова было приобретено исключительное право перевода этой серии на русский язык и «Библиотеки Тейбнера». Связь с советской Россией издательство И.П.Ладыжникова осуществляло через Петроградское художественное издательство «Светоч» (директор А.М.Бродский). Но в 1924 обмен книгами между ними становится невозможен по причине жесткого цензурного контроля. Вероятно, именно потерей книжного рынка в России объясняется выпуск серий книг «Библиотека врача-практика», «Итоги современной медицины», предназначенных для круга специалистов эмиграции. Издательства И.П.Ладыжникова в меньшей мере, по сравнению с другими русскими книгоиздательствами, коснулась книжная политика советской России. В 1924 ему было передано исключительное представительство книгоиздательств З.И.Гржебина, С.Ефрона и журнала *«Беседа»* (книгоиздательство «Эпоха»), а также издательства «Библиофил» (Ревель). В 1924 книгоиздательство «Эпоха» продало большую часть своей продукции издательству И.П.Ладыжникова для реализации. Издательство Ладыжникова прекратило свою деятельность в начале 30-х. Книгоиздательство «Ольга Дьякова и К°» было основано в конце 1920 и специализировалось на выпуске современной беллетристики (произведения Г.Брейтмана, *А.Дроздова*, *Б.Лазаревского*, И.Петрушевского, *Д.Ратгауза*, Е.Нагродской, *П.Краснова*, Н.Потапенко, *Л.Урванцова*, М.Первухина, Н.П.Карабчевского, Т.Краснопольской и др.) и детских книг (произведения А.С.Пушкина для детей, В.Куликовского, Л.Урванцова, сборники сказок, рассказов).

Книгоиздательство «Слово» возникло весной 1920 по инициативе И.В.Гессена, выпускавшего в Берлине левоцентристскую газету *«Руль»* (1920—1931). Скооперировавшись с крупной немецкой издательской фирмой «Ульштейн и К°», «Слово» организовало отдел, занимающийся выпуском дешевых изданий русских классиков в серии «Классики». В ней вышли собрания сочинений А.С.Пушкина (в 6 томах, 1921—1922), Н.В.Гоголя (в 10 томах, 1921), И.С.Тургенева (в 10 томах, 1921—1923), Л.Н.Толстого (в 11 томах, 1921—1922) и др. Критика отмечала, что впечатление от томиков серии (был использован «французский» формат «в 1/12») самое благоприятное и предполагала, что маленькие книжечки издательства «имеют все данные к тому, чтобы сделаться распространенным или «популярным» изданием» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 16). Ставя на первое место выпуск русской классики, издательство предлагало и другие серии. Прежде всего, это большая серия детских книг. Считая одной из главных своих задач сохранение русской культуры, издательство предлагало маленьким читателям книги А.Н.Афанасьева «Русские детские сказки» (1921), Саши Черного «Детский остров» (илл. *Б.Григорьева*, 1921), антологию «Радуга: Русские поэты для детей» (сост. С.Черный, 1921) и др. В серии «Современная литература» выходили как собрания сочинений современных авторов (А.Блока в 3 томах, 1922), так и отдельные произведения *К.Бальмонта* («Из мировой поэзии», 1921), Ф.Сологуба («Заклинательница змей», 1921), А.Валентинова («Последние студенты», 1922), Н.Рериха («Цветы Мории», 1921), *И.Бунина* («Роза Иерихона», 1924), *З.Гиппиус* («Стихи: Дневник 1911—1921», 1922), сб. рассказов *А.Ремизова*, *Е.Замятина* и др. «Собачья доля» (1922).

С конца 1921 издательство приступает к выпуску серии «Научные книги», в которую входили современные исследования во всех областях науки, хотя приоритетной все же была область общественных отношений: Туган-Барановский М. Социальные основы кооперации (1921), Мадлэн Л. Французская революция (2 тома, 1922), Новгородцев П.И. Об общественном идеале (1921), Эйнштейн А. Теория относительности (1921), он же. О физической природе пространства (1921), Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды (1921) и др. «Слово» выпускало мемуарную литературу: «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II» (1922); воспоминания Н.Е.Врангеля (1924); воспоминания С.Ю.Витте (2 тома, 1922); «Россия в Мировой войне 1914—1915 гг.» (1924) Ю.Н.Данилова и др., и основанный И.В.Гессеном «Архив русской революции»: за период с 1921 по 1937 вышло 22 сборника, в которых печатались воспоминания З.Ю.Арбатова, П.Н.Краснова, А.Блока, *Р.Гуля*, А.Изгоева, Д.Лухотина, В.Д.Набокова,

М.В.Родзянко, А.С.Лукомского, А.А.Гольденвейзера, А.Будберга, В.Гурко, кн. Е.Н.Трубецкого, В.И.Кельсиева и других. Сотрудничая с Пражским *Русским заграничным историческим архивом*, И.В.Гессен рассматривал свой «Архив» как своеобразное хранилище документов-воспоминаний русского зарубежья и поэтому уделял на его страницах место самым разнообразным представителям политических течений и группировок. Книгоиздательство прекратило свою деятельность в начале 1938. Книгоиздательство «Слово» с момента своего образования основало неприкосновенный фонд средств (10%) авторского вознаграждения. Очень многие литераторы с одобрением отмечали этот факт примирения требований сохранения русской культуры с интересами авторов.

Среди открывшихся в 1920 в Берлине издательств некоторые были отделениями частных книгоиздательств Москвы и Петрограда. Факт совместного грифа на книгах этих издательств сам по себе отражал тенденцию времени — в этом виделось сближение двух культур. *Г.П.Струве* в своем исследовании «Русская литература в изгнании» давал такое объяснение этому факту: «Обстановка советско-эмигрантского сожительства и общежития отчасти объясняется тем, что в Советской России в это время еще существовала относительная свобода мысли и печати <...> отчасти тем, что многие писатели, как из того, так и из другого лагеря, в это время окончательно еще не самоопределились, а отчасти, наконец, тем, что советская власть, думавшая извлечь свои выгоды из сменовеховства и разложения эмиграции, на такое общение смотрела сквозь пальцы, если даже ему не потворствовала» (с. 27).

О себе заявило книгоиздательство «Геликон», которое образовалось в Москве в 1916. Специализировалось на выпуске монографий по гравюре и графике. Были выпущены книги «Гравюры Альбрехта Дюрера», «Искусство Марка Шагала». Послереволюционные события в России не позволили «Геликону» закончить работы над книгами *П.Муратова* о Пиранези и «Греческая вазопись» (под ред. проф. В.К.Мальмберга). В 1920 владелец издательства А.Г.Вишняк перенес деятельность своего предприятия в Берлин. Перед издательством встала задача — создание типа новой книги, «согласованной с современным укладом жизни и новыми достижениями изобразительных искусств» (Вестник русского книжного рынка. Берлин, 1922. № 1. С. 14. Далее: ВРКР). Книги «Геликона» отличала особая тщательность полиграфического исполнения, которая напоминала о лучших традициях русского книгоиздательского дела 1912—1915. Издательство предлагало книги русских классиков: И.С.Тургенева «Казнь Тропмана» (илл. Марселя Слодкого, 1922), «Песнь торжествующей любви» (илл. В.Масютина, 1922); Н.В.Гоголя «Нос: Повесть» (1922); современных авторов: *М.Цветаевой* «Разлука: Книга стихов» (обложка А.Арнштама, 1922), *И.Эренбурга* «А все-таки она вертится: О новом стиле в искусстве» (обложка Ф.Леже, 1922), «Звериное тепло» (1923); А.Ремизова «Россия в письменах» (илл. В.Н.Масютина, 1922), А.Н.Толстого «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)» (илл. В.Масютина, 1922), *Н.В.Крандиевской* «От Лукавого: Третья книга стихов» (1922), *А.Белого* «Путевые заметки: Сицилия и Тунис» (1922), а также классиков мировой литературы: Г.Гейне «Флорентийские ночи. Равви из Бахарах» (1922, пер. М.Цветаевой) и др. В серии художественно-изобразительных монографий был выпущен труд В.Н.Масютина «Гравюра и литография: Краткое руководство» (1922) с большим количеством репродукций, сделанных с коллекции берлинского Купферштих-Кабинета.

Издательство выпускало и журналы: литературный ежемесячник «*Эпопея*» под редакцией А.Белого и «*Бюллетени Дома Искусств*». «Эпопея» видела свою цель в объединении «живущих «там» и временно проживающих здесь» (ВРКР. 1922. № 1. С. 14). «Бюллетени Дома Искусств» отражали деятельность созданной в 1921 профессиональной организации русских писателей и деятелей искусств в Берлине. Критика, сравнивая издательства З.И.Гржебина и «Геликон», отмечала, что «если Гржебин насытит необозримую Россию классиками и прикладными книгами, то «Геликон» дополнит его работу, удовлетворив и самых строгих ценителей книги» (Накануне: Литературное приложение. 1922. 7 мая. С. 10). В 1927 книгоиздательство «Геликон» переехало в Париж, где работало до 1937.

Петербургское книгоиздательство А.Ф.Девриена возобновило в Берлине свою деятельность в июле 1921 под руководством А.А.Девриена (сына книгоиздателя), специализировалось на выпуске сельскохозяйственной и детской литературы. Часть изданий А.Девриен выпускал по новой орфографии, тем самым рассчитывая на книжный рынок России. Среди детских книг издательство предлагало серию иллюстрированных сказок для детей (русских, немецких, индийских, японских, шведских, кавказских и некоторых др.) и авторские произведения: Желиховская В. Как я была маленькой, 1922, она же. Князь Илико — маленький пленник, 1922; Красницкий А.И. Слезы: Повесть из гимназического быта (1921); Круковский М. Родная жизнь: Рассказы по родиноведению (1922); Волкова С. Серенький козлик: Семь любимых детских песен с нотами для рояля (1923) и другие.

В 1921 критика с одобрением отмечала, что возобновившее свою деятельность издательство С.Ефрона «ведет дело с той же солидностью, сноровкой, чутьем, которые отличали С.Ефрона в России» (ВРКР. 1922. № 1. С. 10). Издательство предлагало своим читателям несколько серий, среди которых выделяется «Библиотека путешествий». В нее вошли книги Г.Вегенера «Мои воспоминания из кругосветного путешествия», Г.Стенли «Как я нашел Ливингстона», С.Паша «Огонь и меч в Судане», Н.Пинегина «С Седовым к Северному полюсу», Г.Нахтигаля «Сахара и Судан» и др. (Каталог издательства И.П.Ладыжникова. Берлин, 1922. С. 47). Из современных авторов, изданных С.Ефроном, следует указать книги А.Ахматовой («Четки», 1921), К.Бальмонта («Сонеты солнца, меда и луны», 1921), Р.Гуля («Ледяной поход (С Корниловым)», 1921), А.Дроздова («Подарок Богу: Рассказы», 1921), *Н.Оцупа* («Град: Книга стихов», 1922), А.Ремизова («Трава-Мурава», 1922), И.Эренбурга («Неправдоподобные истории», 1921), М.Даутендея («Восемь ликов озера Бива: Японские новеллы о любви», 1921) и др. Ценителям художественных изданий С.Ефрон предлагал красочный альбом Бориса Григорьева «Расея» (вступ. статья графа А.Н.Толстого, 1922) и книгу Дж.Вазари «Жизнеописания замечательных живописцев» (под ред. В.Астрова, 1923). Издательство выпускало также книги по философии и другим общественным наукам: *Арсеньев Н.* Жажда подлинного бытия: Пессимизм и мистика (1922), Беер Ф. Теория относительности Эйнштейна и ее исторические основы. Шесть популярных лекций (1921), Шпенглер О. Прусская идея и социализм (1921), Тагор Р. Национализм [1921] и др.

Книгоиздательство «Наука и жизнь» было основано в 1912 в Риге. Основной задачей издательства был перевод и выпуск на русском языке известной «Библиотеки Гешена». В сжатых (6—10 печ. л.) научных очерках «Библиотека Гешена» давала квинтэссенцию достижений в каждой научной области. До революции было выпущено около 40 книг. В 1921 книгоиздательство возобновило свою деятельность в Берлине, констатируя, что «более чем когда-либо Россия нуждается в такой энциклопедии современного знания, какой является «Библиотека Гешена»» (ВРКР. 1922. № 3. С. 11). Имея монополию на издание серии на русском языке, издательство уже в 1921 выпустило свыше 50 названий. Учитывая потребности России, оно выпускало в первую очередь книги, посвященные вопросам математики, естествознания, техники, сельского хозяйства, общественных наук. Внешне русское издание представляло собой точную копию немецкого.

Организованное в 1921 С.М.Пистраком книгоиздательство «Грани» начало свою работу публикацией новой прозы и стихов современных беллетристов: *Вл.Сирина* «Горний путь» (1923), *А.Амфитеатрова* «Без сердца» (1923), «Сестры» (1923), *А.А.Яблоновского* «Гимназические годы» (1922), И.С.Соколова-Микитова «Кузовок» (1922), *М.Алданова* «Святая Елена, маленький остров» (1923), А.Ремизова «Крашенные рыла» (1922) и др. Книгоиздательство предлагало серию иллюстрированных книг — «Библиотеку для детей», в которой выделялись произведения *А.Куприна* «Воробьиный царь: Сказка» (рис. И.Мозалевского, 1922), А.Яблоновского «Филька: Рассказ» (рис. И.Мозалевского, 1923), сборник для детей «Цветень» (1922), включавший произведения А.Дроздова, Б.Лазаревского, И.Соколова-Микитова, К.Бальмонта, Саши Черного и др.

Популярностью в эмигрантских кругах пользовалась историческая серия издательства «Библиотека русской революции», книги которой были в основном мемуарно-

го и аналитического характера: Далин Д. После войн и революций (1922), Амфитеатров А. Горестные заметы: Очерки красного Петрограда (1922), Талин В. По переписи: Из записок советского статиста (1922), Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге [1922] и др. В 1922 издательство приобрело право на издание на русском языке труда проф. С.М.Дубнова «Всеобщая история еврейского народа», рассчитанного на десять томов. По не зависящим от издательства причинам были выпущены три последних тома (8, 9, 10). Среди периодических изданий следует упомянуть альманах «Грани», редактором которого был Саша Черный.

Образовавшееся по инициативе С.Я.Шклявера (редактор газеты «*Голос России*») книгоиздательство «Знание» при финансовой поддержке немецкого книгоиздателя Р.Моссе специализировалось на выпуске литературы по вопросам техники, естествознания и прикладных наук, а также книг серии «Литературная библиотека»: Кольцов А. Избранные стихотворения (1921), Толстой Л.Н. Хозяин и работник (1921) и др.

Издательство Е.А.Гутнова, начавшее свою работу в 1919 в качестве типографии, лишь в июне 1921 приступило к собственным изданиям. Зарекомендовало себя в основном изданием ежемесячного журнала «*Сполохи*», выходившего в 1921—1923, и «Библиотекой «Сполохов»», формировавшейся, в основном, за счет современной беллетристики: *Арцыбашев М.* Вечный мираж (1922), Амфитеатров А. Побег Лизы Басовой (1922), *Немирович-Данченко В.* За океаном в вольные степи. Встреча со старым товарищем (1922), он же. Две ночи перед казнью [и другие рассказы] (1922), он же. Бедная Инес (1923); Письма В.В.Розанова к Э.Голлербаху (1922) и др.

Книгоиздательство «Мысль», основанное С.Кучеровым и И.Гольденбергом, выпускало серию «Библиотека для всех». За период 1921—1924 было выпущено 99 сборников библиотеки, в которые вошли как произведения русских классиков (А.С.Пушкина, Н.А.Некрасова, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, А.К.Толстого, А.И.Герцена и др.), так и современных авторов (А.М.Дроздова, *Тэффи*, *И.Шмелева*, А.Н.Толстого, Ю.Слезкина и др.). Хорошо подобранными вышли в 1921 поэтические сборники — «Поэзия большевистских дней» (А.Блок, И.Эренбург, С.Есенин, В.Каменский и др.), «Из русской лирики» (А.Белый, З.Гиппиус, С.Городецкий, М.Лохвицкая, И.Северянин), «Антология современной поэзии» (И.Анненский, А.Ахматова, Н.Гумилев, М.Волошин и др.).

Книгоиздательство «Русское искусство» было основано А.Э.Коганом и зарекомендовало себя изданием литературно-художественного иллюстрированного журнала *«Жар-Птица»* (1921—1926). По свидетельству И.Гессена, журнал Когана считался шедевром, «который и ульштейновские специалисты признавали недосягаемым совершенством» (Гессен И.В. Годы изгнания. С. 107).

Книгоиздательство «Русское творчество», констатируя, что «современная русская литература крайне бедна хорошими романами», поставило своей задачей вызвать их к жизни, тем более что «количество, размеры и характер пронесшихся событий дают обильную почву для этого» (ВРКР. 1922. № 3. С. 17). При поддержке гр. А.Н.Толстого, руководившего литературным отделом книгоиздательства, были изданы произведения А.Ремизова («Повесть об Иване Семеновиче Стратилатове: Неуемный бубен», 1922), *А.Ветлугина* («Герои и воображаемые портреты», 1922; «Записки мерзавца», 1922), А.Дроздова («Езуитушка: Повести и рассказы», 1922), Л.Урванцова («Со святыми упокой», 1921), А.Н.Толстого («Лунная сырость», 1922), Е.Ильиной-Полторацкой («Отрывок из мемуаров», 1922) и др. В 1922 издательство предприняло выпуск серийных изданий: серию детских книг (Соколов-Микитов И. Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем, 1922; Ильина-Полторацкая Е. Как мы росли в старинной усадьбе, 1922 и др.), а также серию «Новые книги писателей Советской России», среди которых альманах «Серапионовы братья» (1922) и роман А.Аросева «Записки Терентия Забытого: Повесть коммуниста» (1922). В том же году издательство приступило к выпуску «Архива гражданской войны». В 1922 были выпущены в свет две книги этой серии: Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году; Маляревский А. Записки председателя Совета Солдатских депутатов.

Книгоиздательство «Скифы» (основатели И.Штейнберг, А.Шрейдер, Е.Лундберг) поставило своей задачей ознакомить рус-

ского и иностранного читателя с поэзией, литературной критикой России, выпустило произведения А.Белого («Сирин ученого варварства», 1922), А.Ремизова («Чакхчыгыс-Таасу», 1922), А.Терек [О.Форш] («Равви», 1922), А.Блока («Скифы. Двенадцать», 1922; «Россия и интеллигенция», 1920), Н.Клюева («Избяные песни», 1920; «Песнь солнценосца», 1920), С.Есенина («Товарищ Инония», 1920) и др. Книгоиздательство специализировалось и на выпуске литературы, посвященной вопросам политики и общественных отношений: Иванов-Разумник Р. Что такое интеллигенция (1920), он же. О смысле жизни (1920), Шрейдер А. Очерки философии народничества (1923), Штейнберг И. От Февраля по Октябрь (1919), Шрейдер А. Нравственный лик революции (1923), сборник «Кремль за решеткой (Подпольная Россия)» (1922) и др. «Скифы» издавали в 1921 журнал «*Знамя*».

1922 — особенный год в истории русского книгоиздательского дела в Германии. Берлин, казалось, подтверждал предположение — «стать на ближайшие годы главным, если не единственным, производителем русской книги» (ВРКР. 1922. № 3. С. 9). Именно на этот год приходится самое большое количество зарегистрированных русских книгоиздательств. М.Раев в исследовании «Россия за рубежом» (1994) указывает общую цифру: за период с 1918 по 1928 в Германии было зарегистрировано 188 русских книгоиздательств.

Книгоиздательства А.Г.Сыркина и «Русская книга» специализировались на выпуске учебной и справочной литературы; «Новая книга» выпускала книги для детей; издательство С.Д.Зальцмана — книги по еврейскому вопросу, переводы на русский язык произведений еврейских авторов, сборник «Сафрут» (1922); издательство «Восток» — научно-техническую и философскую литературу; «Елочка» — современную поэзию и книги для детей; «Синяя птица» — классическую и современную драматическую литературу; издательство газеты «*Накануне*» — современную беллетристическую литературу и книги для детей.

Из числа образовавшихся в 1922 книгоиздательств следует выделить Книгоиздательство писателей в Берлине. Создававшееся по образу и подобию дореволюционного Книгоиздательства писателей в Москве, оно специализировалось на выпуске произведений, отражающих современную жизнь: *Алексеев Гл.* Мертвый бег: Повесть зарубежных лет (1923); Федин К. Анна Тимофеевна (1923); Иванов Вс. Голубые пески (1923), он же. Возвращение Будды (1923); Лидин Вл. Шестая дверь (1923); Волошин М. Стихи о терроре (1923) и др. Книгоиздательство издавало альманах «Молодая Россия» (1923), редактором которого был А.Н.Толстой, и сб. «Одиссея» (1923).

Одной из главных причин всплеска открывшихся книгоиздательств явилась высылка из Советской России части российской научной элиты. Н.А.Котляревский и *Л.П.Карсавин* основали в Берлине издательство «Обелиск», выпустившее в 1923 литературу философского (*Бердяев Н.* Философия неравенства; Карсавин Л. Философия истории; *Франк С.Л.* Введение в философию в сжатом виде и др.), экономического (Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России; Марков А.П. Разверстка и натуральный налог и др.) и физико-математического характера (Стратонов В.В. Здание мира; Бейер П. Ионная теория; Дик В. Неевклидова геометрия и др.).

Организованное в декабре 1921 А.Б.Левинсоном и Л.З.Кацем в Петрограде книгоиздательство «Возрождение» в 1922 открыло в Берлине свое отделение (руководитель З.М.Зильберберг). Приобретя у петроградского издательства «Задруга» часть рукописей, находившихся в портфеле книгоиздательства, «Возрождение» выпустило книги В.Короленко «История моего современника» (1922), В.К.Винниченко «Закон» (1922), Л.С.Козловского «Владимир Короленко как художник и мыслитель» (1922) и другие.

Издательство «Петрополис» возникло в Петрограде летом 1920. Его учредителями были Л.П.Карсавин, Д.К.Петров, Я.Н.Блох, А.С.Каган, Г.Л.Лозинский, А.М.Розенер. Почти все они оказались в 1922 в Берлине. Благодаря стараниям Я.Н.Блоха и А.С.Кагана берлинский «Петрополис» стал функционировать как филиал петроградского издательства, специализируясь на выпуске книг современной русской поэзии. В 1922 он выпустил сборник О.Мандельштама «Tristia», в 1923 — книги Н.Гумилева «Колчан», «К синей звезде: Посмертные стихи», М.Кузмина «Параболы», «Глиня-

ные голубки», литературно-критический сборник «Завтра» (А.Ахматова, М.Кузмин, М.Лозинский и др.), А.Радловой «Богородицын корабль» и др. Печатая современную прозу, издательство стремилось выпускать как произведения авторов эмиграции (И.Бунин, *Н.Берберова*, М.Алданов и др.), так и авторов из России (Е.Замятин, Н.Никитин, Б.Пильняк, *О.Савич* и др.). Связь с Россией поддерживалась через петроградское отделение, которым руководил Н.Шох. Но в 1924 связь с Россией оборвалась, берлинский «Петрополис» стал функционировать как самостоятельное книгоиздательство. Без выхода на книжный рынок России издательство было вынуждено искать пути и способы выживания. И в значительной мере благодаря этому активизировалась «Театральная серия»: Всеволодский-Гернгросс В.Н. И.А.Дмитревский (1923), Тирсо-де-Молина. Дон-Хиль-Зеленые штаны (1923), Патуйе Ю. Мольер в России (1924), *Евреинов Н*. Происхождение драмы (1921) и др. В 1933 издательство «Петрополис» было вынуждено из-за давления, оказываемого партией, пришедшей к власти в Германии, переехать в Брюссель. Прекратило свою деятельность в конце 30-х.

В конце 1921 в Петрограде было основано книгоиздательство «Эпоха», редакторами которого являлись Е.И.Замятин и К.И.Чуковский. В начале 1922 в Берлине открылось отделение книгоиздательства, во главе которого встал С.Г.Каплун-Сумский. Издательство выпускало книги современной поэзии (Гиппиус В. Лик человеческий, 1922; *Кусиков А*. В Никуда, 1922; Цветаева М. Царь-Девица: Поэма-сказка, 1922; Шкапская М. Кровь-руда, 1922; Белый А. Стихи о России, 1922, он же. После разлуки, 1922 и др.), современной прозы (Ремизов А. Мара, 1922; Белый А. Петербург, 1922, он же. Серебряный голубь, 1922; Иванов Вс. Цветные ветра: Повесть, 1922; Замятин Е.И. О том, как исцелен был отрок Еразм (рис. Б.Кустодиева), 1922; альманах «Пчелы», 1923 и др.), а также книги, посвященные литературоведческим проблемам и истории литературы: сб. «Очерки по поэтике Пушкина» (Б.В.Томашевский, П.Г.Богатырев, *В.Б.Шкловский*), 1923; работы К.Чуковского «Книга об Александре Блоке», 1922, «Поэт и палач: Некрасов и Муравьев», 1922.

Издательством был задуман и частично осуществлен план работы по выпуску русской классической литературы (Достоевский Ф.М. Петербургская летопись. Четыре статьи 1847 г.: Из неизданных произведений, 1922), детской литературы: Михельсон Л. Русские сказки (1923), Киплинг Р. Слоненок (1922), Чуковский К. Приключения Крокодила Крокодиловича: Поэма для маленьких детей (1922), он же. Джек — покоритель великанов: Народная валлийская сказка (1921—1922), он же. Приключения Чуч-ло (литографии и текст Вл.Лебедева, 1922) и др. Издательством также были намечены к выходу собрания сочинений современных авторов, из которых было выпущено лишь 9-томное собрание сочинений А.Блока (1923). В 1923 издательство начинает выпускать основанный М.Горьким (при участии Ф.А.Брауна и *В.Ф.Ходасевича*) журнал литературы и науки «Беседа».

Одним из главных препятствий на пути русской книги в Россию книгоиздатели считали старую орфографию. И в 1922 нередкими были объявления книгоиздательств о поиске корректоров — специалистов по новому правописанию. Но все же самым трудным препятствием считалась финансовая сторона импорта книг в Россию. Полное обесценение российских денег делало вывезенные книги настолько дорогими, что они становились просто недоступными массе населения. Издательство З.И.Гржебина печатало свои серии русской классической и современной литературы для России в долг, надеясь со временем получить деньги за свой труд.

На международной выставке книги в мае 1922 в Палаццо Питти (Флоренция) павильон книги Германии был признан самым полным, богатым и интересным. Образовавшихся книгоиздательств и их продукции было так много, что вполне естественно встал вопрос об объединении не только книгоиздательств, но и книготорговых организаций. Союз русских книгоиздателей и книготорговцев в Германии был организован 16 мая 1922. В создании этого Союза берлинские книгоиздатели видели защиту своих культурных, профессиональных и экономических интересов.

К середине 1922 русская книгоиздательская промышленность вступила в полосу скрытого кризиса. На многочисленных складах и в книжных магазинах скопились

огромные запасы книг. Книгоиздательства не сумели сразу приостановить работу по выпуску литературы, и сложилась парадоксальная картина: момент падения спроса на русскую книгу совпал с наибольшим количеством выпущенных книг. «В головокружительном развитии русского книгоиздательского и книготоргового дела в Германии должен наступить продолжительный перерыв» (ВРКР. 1922. № 4. С. 1). Это предсказание можно назвать сбывшимся, если учесть, что в 1923 не работали или сворачивали свою деятельность книгоиздательства А.Девриена, С.Ефрона, Е.Гутнова, «Наука и жизнь», «Грани», «Мысль», «Русское творчество», «Скифы», издательство О.Дьяковой, «Знание», «Север», «Восток», «Синяя птица», «Русская книга», издательство А.Сыркина и др.

Среди немногих, организованных в 1923, книгоиздательство «Манфред», выпустившее в 1923 произведения, описывающие жизнь русской эмиграции: Гуль Р. В рассеяньи сущие; Маргулиес В. Огненные годы и др., а также альманах «Струги» (М.Цветаева, А.Ремизов, Б.Пастернак, А.Белый, И.Эренбург), и Русское политехническое издательство, выпускающее научно-техническую литературу.

К началу 1924 тенденция сокращения количества русских книгоиздательств в Берлине проявилась со всей очевидностью. Стало заметно передвижение русской эмиграции. Этому было немало причин, одной из которых стал переезд в конце 1922 управляющего Русской Зарубежной Церковью митрополита Евлогия в Париж. В немалой степени этому способствовала и экономическая ситуация в Германии (стабилизация германской марки, повлекшая за собой обусловленное повышение цен). Но не последнюю роль здесь сыграла цензурная политика советской России, проводимая по отношению к русскому зарубежью.

Созданным в июне 1922 Главлитом (Главное управление по делам литературы и издательств) в Россию не допускались издания берлинских книгоиздательств, причем в каждом конкретном случае была своя оговорка на предмет запрещения. Продукция издательства «Слово» не допускалась в Россию, так как издательством руководил Иосиф Владимирович Гессен, основавший в Берлине газету «Руль»; книги издательства С.Д.Зальцмана не допускались по причине ярко выраженного «сионистского характера»; книги издательства О.Дьяковой были запрещены, т.к. состав сотрудников издательства был «черносотенно-монархический» и т.д., и т.п. Были запрещены книги издательств, имеющих в своем грифе указание на совместную деятельность (Пг.—М.—Б.), т.к. они якобы облегчают провоз контрабанды в советскую Россию. Суть всех запретов сводилась к одному: русская книга, напечатанная в эмиграции, не должна иметь хождения на территории России.

Статистические данные убеждают в возведении некоей невидимой преграды перед русской книгой: так, в декабре 1922 через иностранный отдел Главлита прошли 200 книг, из которых были допущены лишь 86 (из 87 русских книг были допущены 52, не допущены 35); в январе 1923 из 274 предложенных книг получили разрешение к ввозу 124 (из 62 русских книг были допущены 34 книги, не допущены 28); в марте 1923 из 291 книги были разрешены к ввозу 184 (из 130 русских книг были допущены 48, не допущены 82); в августе 1923 из 63 книг на русском языке были разрешены к ввозу только 10 (Блюм А.В. За кулисами «Министерства Правды»: Тайная история советской цензуры. 1917—1929. СПб., 1994. С. 199—200).

Большинство берлинских книгоиздательств, ориентированных в своей работе на возможный книжный рынок, оказались разоренными цензурной политикой России. И в этом отношении одной из самых трагичных явилась история книгоиздательства Зиновия Исаевича Гржебина.

Деятельность издательства З.И.Гржебина, организованного в 1919 в Петрограде, в 1920 была перенесена в Берлин. В январе 1920 при содействии М.Горького руководитель Госиздата В.В.Воровский заключил с Гржебиным договор об издании книг для России в Берлинском отделении издательства. Книгоиздательством была намечена огромная программа. При участии Ф.А.Брауна, М.Горького, В.А.Десницкого, Е.И.Замятина, Н.О.Лернера, А.Пинкевича, К.И.Чуковского была задумана и частично осуществлена программа по изданию русской классической литературы. В первую очередь, издательство приступило к выпуску сочинений русских писателей: А.К.Толстого «Избранные сочинения» (1921), И.С.Тургенева «Первая любовь: Повесть»

(рис. Вл.Конашевича, 1923) и др. Из современных авторов издательство предлагало произведения Ф.Сологуба («Мелкий бес», 1923, «Пламенный круг», 1923), А.Ремизова («Пятая язва», 1922, «Крестовые сестры», 1922), Б.Пильняка («Голый год», 1922), Е.И.Замятина («Большим детям сказки», 1922), М.Горького («Избранные рассказы», 1923, «На дне: Сцены», 1922), «Книга о Леониде Андрееве» (М.Горький, Ал.Блок, К.Чуковский, Е.И.Замятин, Б.Зайцев и др., 1922), О.Форш («Смерть Коперника: Современный драматический этюд», 1922) и др., а также собрания сочинений Б.Зайцева (в 7 томах, 1922—1923), А.Н.Толстого (в 12 томах, вышли 2 тома, 1923) и др. Книгоиздательством предлагалась серия «Летопись революции», которую представляли авторы самых различных политических взглядов: Суханов Н. Записки о революции (в 7 книгах, 1922—1923), Мартов Ю. Записки социал-демократа (1922), Чернов В. Записки социал-революционера (1922) и др. Для детей книгоиздательство предлагало серию детских книг: Андерсен Г.Х. Свинопас (рис. М.Добужинского), Ольденбург С.Ф. Индийские сказки (1923) и др.; для детей старшего возраста предлагалась серия «Биографии замечательных людей» (материалы о жизни Демосфена, Галилея, Александра Македонского, Ч.Диккенса, Л.Пастера, Р.Майера и др.), а также учебники и книги для внешкольного чтения. 1 марта 1921 Госиздат фактически прервал отношения с издательством З.И.Гржебина, мотивируя свое решение отклонением издательства от реализации намеченного плана. Это нанесло Гржебину огромный материальный ущерб. В мае 1923 в Берлине состоялся третейский суд между Гржебиным и Торгпредством РСФСР. И хотя суд высказался в пользу книгоиздателя, это не могло существенно поправить его дела; он был вынужден свернуть деятельность своего издательства в Берлине и в 1925 переехать в Париж. За период с мая 1922 по октябрь 1923 (т.е. в период, когда фактически были разорваны договорные отношения с Госиздатом) Гржебин выпустил 225 книг, надеясь, что со временем они понадобятся России, и тем самым ориентируясь на книжный рынок «метрополии». В 1924 Гржебину был нанесен удар со стороны монархически настроенной части русской эмиграции. В *«Русской газете»* в Париже появилась анонимная статья, в которой автор объявлял издателя «наемником большевиков». Друзья Гржебина встали на его защиту, и через год пришло письмо-опровержение с извинениями от редактора газеты А.И.Филиппова. Но оно мало уже чем могло помочь сломленному невзгодами, тяжело больному человеку. В 1926—1927 Гржебин предпринял попытку наладить книгоиздательство в Париже, но полноценного, такого, как в Берлине, издательства организовать не удалось. 4 февраля 1929 Гржебин умер от разрыва сердца.

Крах издательства З.И.Гржебина прозвучал, как предупредительный выстрел: политика советской России подводила к полной ликвидации какого-либо информационного обмена между берлинскими книгоиздателями и русскими читателями. Кажущаяся тенденция сближения двух культур оказалась призрачной. В сложившейся ситуации перемещение культурного центра из Берлина в Париж в 1924—1925 виделось как закономерный итог, подведенный под романтическим временем надежд и иллюзий.

Архивы издательств были конфискованы или утеряны в годы Второй мировой войны. Так, по свидетельству А.С.Кагана, одного из основателей и владельцев книгоиздательства «Петрополис», документы, отражающие деятельность издательства в 1923—1937, были изъяты гестапо и до сих пор не найдены. Кроме того, деятельность многих издательств была переведена во второй половине 20-х из Берлина в другие города (издательство *ИМКА-Пресс*, специализировавшееся в Германии на выпуске технической литературы, в 1925 перебралось в Париж, где стало основным издателем книг по философии и религии; издательство «Геликон» в 1927 переехало в Париж; издательство «Петрополис» в 1933 — в Брюссель).

Характеризуя берлинские книжные издания первой половины 20-х, следует отметить, что в этот период преобладал выпуск русской классики (в основном собрания сочинений русских писателей), затем шли детские издания (имеется в виду художественная, учебная и справочная литература); выпуск научно-технической литературы в основном ориентировался на книжный

рынок России (большинство изданий печаталось только по новой орфографии).

1924 явился концом книжного Ренессанса в Берлине. И как отмечали сами берлинские книгоиздатели, «огромная культурная работа, произведенная общими усилиями русских зарубежных издательских фирм, не может и не должна пройти бесследно в истории русского книжного дела и войдет в нее одной из интереснейших и ярких страниц» (Каталог книг, вышедших вне России до июля 1924 г. Берлин: Лажечников, 1925. С. V).

Наряду с русскими книгоиздательствами в Берлине работали и немецкие, выпускавшие книги на русском языке: «Литература», издававшее русскую классическую литературу и современную беллетристику; издательство Я.Оршенштейна, печатавшее детские и учебные книги; издательская фирма «Ульштейн и К°», кооперировавшаяся с издательством И.Гессена «Слово»; издательство Ф.Брокгауза (Лейпциг), специализировавшееся на выпуске словарей и справочников; «Восстановление» (Мюнхен), выпускавшее книги общественно-политического и научного характера.

О.В.Быстрова

«БЕСЕДА» (Берлин, 1923—1925. № 1—6/7) — журнал литературы и науки, издаваемый при ближайшем участии проф. Б.Ф.Адлера (до № 5), *Андрея Белого* (до № 4), проф. Ф.А.Брауна, *М.Горького* и *В.Ф.Ходасевича*.

Журнал был задуман Горьким сразу после приезда в Германию в конце 1921 как издание, ориентированное на читателя в России. Еще весной 1922, определяя направление журнала и приглашая Г.Уэллса к сотрудничеству, Горький писал: «Цель его — ознакомление русских грамотных людей с научно-литературной жизнью Европы. Издание — совершенно необходимое для моих соотечественников, как Вы знаете, несколько одичавших за восемь лет почти полного отчуждения от европейской жизни» (Архив А.М.Горького. М., 1960. Т. 8. С. 72). Через год, когда первый номер журнала готовился к выпуску, он высказался еще определеннее: «Так хочется дать своей стране возможность ознакомиться с духовной жизнью Европы, от которой Россия оторвана. Мне кажется, что в наши безумные дни работа разума должна быть особенно подчеркнута. Мы как бы забыли организующее и спасительное значение труда, огромную роль духа» (Там же. С. 73). Горький определил редакционный состав и круг авторов, заботился о качестве материалов, непосредственно занимался редактурой и составом каждого номера.

Горький намечал привлечь к сотрудничеству большой круг русских ученых — от академика С.Ф.Ольденбурга до академика И.П.Павлова, западных — от А.Эйнштейна до Э.Штейнаха, новых русских и западноевропейских писателей от А.Белого до *А.Ремизова*, от Т.Манна до Р.Роллана (там же).

Больше года длился период организации, вызревания и становления «Беседы». Первый номер вышел в июне 1923, последний — седьмой (сдвоенный в одной книге с шестым) — в марте 1925. За свою такую короткую жизнь журнал успел напечатать многих зарубежных писателей и ученых, причем почти все их произведения публиковались в «Беседе» впервые, что специально оговаривалось: «перевод с рукописи». Среди них: «Махатма Ганди», «Беседа Ренана с юношей» и предисловие к повести Панайота Истрати «Кира Каролина» Ромена Роллана, рассказы Стефана Цвейга «Переулок лунного света», «Лес» Джона Голсуорси, «Скалябрино» Луиджи Пиранделло, «Хасинто Бенавенте», «Дневник девочки» и «Слепые дети» Григорио Мартинец Сиерра (последний — в соавторстве с женой Марией), «Открытие абсолюта» Мея Синклера, две повести Панайота Истрати — уже называвшаяся «Кира Каролина» и «Кодин».

Кроме непосредственного знакомства с образцами западноевропейской литературы, в журнале была опубликована серия обозрений: «Современная литература Англии» Голсуорси, «Современное положение французской литературы в Бельгии» Франца Элленса, «Литература Соединенных Штатов Америки» Баррета Кларка, «Немецкая литература последних лет» А.Лютера и критические статьи: «Евгений О'Нэйлль <Юджин О'Нил> и американская драма» Б.Кларка, «Американская культура и американская самокритика» В.Е.Петерса, «Культурные проблемы современной Греции» проф. П.Якобсталя, «Новейшая не-

мецкая литература о китайском искусстве» д-ра Эдуарда Эркеса, «Гете и наука о Гете в современной Германии» проф. Г.Витковского и др.

Достижением журнала был его научный отдел, редактировавшийся проф. Ф.А.Брауном и проф. Б.Ф.Адлером; в пятой книге «от редакции» сообщалось, что «с этого номера научный отдел ведется при ближайшем участии» проф. Г.Шмидта, д-ра Г.Гримпе и д-ра Г.Презента при сохранении «общей редакции отдела по-прежнему в руках Ф.А.Брауна».

Главное место в журнале занимали русские авторы и «русская тема». Из номера в номер печатались произведения самого Горького, вошедшие затем в книгу «Рассказы. 1922—1924 гг.» (Берлин, 1925). Это «Отшельник», «Рассказ о безответной любви», «Рассказ о герое», «Рассказ о романе» (в книге — «Рассказ об одном романе»), «Карамора», «Рассказ о необыкновенном». Здесь впервые были напечатаны (без названия) его очерки, заметки и воспоминания, составившие часть книги «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, 1924).

В «Беседе» публиковались стихи, проза, переводы, критические работы и научные исследования многих русских авторов: А.Блока, А.Белого, Ф.Сологуба, В.Ходасевича, А.Ремизова, Л.Лунца, *В.Шкловского*, *И.Каллиникова*, Вл.Лидина, К.Чуковского, В.Юрезанского, *Н.Берберовой*, *Н.Оцупа*, *П.Муратова*, проф. В.М.Алексеева и др. Из переписки вокруг «Беседы» видно, что в ней ожидались также публикации С.Сергеева-Ценского, Б.Пастернака, Л.Леонова, В.Каверина, М.Пришвина, Н.Никитина, М.Слонимского, *Вс.Иванова*, М.Зощенко, О.Форш, *Вяч.Иванова*, Н.Петровской и др., но по тем или иным причинам их произведения в журнале не появились. В одной из книг (№ 4) под рубрикой «Смесь» помещены литературоведческие заметки: «Английский отзыв о «Деревне» *Бунина*», «Английские оценки С.Аксакова», «Англичанин о Достоевском», «Гете в Мариенбаде в 1823 г.». Проф. Б.Ф.Адлер напечатал очерк об антропологе и этнографе, географе и археологе Д.Н.Анучине (№ 2), среди «материалов» — письма В.В.Розанова к М.Горькому (№ 2), «Новое о М.Е.Салтыкове» А.Лясковского (№ 5), юбилейная заметка «К двухсотлетию со дня рождения Канта» (№ 5).

Из переводов, кроме Готфрида Августа Бюргера (Н.Берберовой) и китайской поэзии (В.М.Алексеева), опубликован перевод поэмы еврейского поэта Саула Черниховского «Свадьба Эльки», выполненный Ходасевичем (№ 4 и № 5). Работы Ходасевича занимают видное место в журнале. Помимо постоянно помещавшихся стихов и упомянутого перевода, в четырех номерах журнала печаталась с продолжением работа «поэта о поэте» — его исследование «Поэтическое хозяйство Пушкина».

Среди критической литературы вызывает интерес статья одного из литературных редакторов журнала А.Белого «О «России» в России и о «России» в Берлине», дающая положительную оценку современной русской литературы, роковым образом разделенной эмиграцией на две части. Увлечение А.Белого антропософией Рудольфа Штейнера нашло выражение в его «Воспоминаниях» (№ 2) о пребывании в Бельгии в 1912—1914 и знакомстве с философом. В этом же номере напечатано его большое полемическое выступление в защиту догматов антропософии в связи с опубликованной в предыдущем номере статьей приват-доцента Лейпцигского университета доктора Ганса Лейзеганга, критикующего антропософскую мистику. Это был, пожалуй, единственный случай полемики на страницах журнала, считавшегося «аполитичным», в котором нередко соседствовали авторы различных идейных и философских воззрений.

Ориентируя журнал на советского читателя, Горький с самого начала и до конца надеялся на свободное распространение его в России: «Печатаем журнал в Германии, редакция — частью — здесь, частью в Петербурге» (Архив А.М.Горького. Т. 8. С. 72). В связи с задачей знакомства россиян с духовной жизнью за рубежом Горький считал свое издание международным, интернациональным. «Журнал, — писал он Б.Шоу, — аполитический, интернациональный; в нем сотрудничают немцы и французы, испанцы и чехословаки...» (Там же. С. 59). Так что задачей журнала являлось также объединение прогрессивной интеллигенции разных стран и восстановление культурных связей, разорванных мировой войной и революцией.

Таким образом, одной из особенностей «Беседы» была декларированная Горьким

ее «беспартийность». Конечно, писатель ставил перед собой невыполнимую задачу — быть над схваткой, ориентируясь на страну, охваченную революционными переменами. Поэтому, как мы увидим, «аполитичность» не спасла журнал от предвзятых политических и идеологических обвинений. Тем не менее в «Беседе» считалось, что у нее не должно быть не только левых и правых, но и правых и неправых. Она должна была объединить писателей и ученых в советской России и за рубежом, сблизить советскую и эмигрантскую литературы.

Впоследствии, характеризуя положение литературы в России начала 20-х и цели «Беседы», Ходасевич писал: «До 1922 г. в советской России существовала только военная цензура. В 1922 г. была введена общая, крайне придирчивая. Частные издательства и журналы закрылись. Пришла идея издавать в Берлине такой журнал, в котором писатели, живущие в сов<етской> России, могли бы через голову цензуры и казенных редакций печатать произведения, не содержащие прямых выпадов против власти, но все же написанные свободно. Теперь такая мысль показалась бы дикостью. В то время она была более или менее осуществима. *Марина Цветаева* и М.О.Гершензон, жившие в Москве, печатались в «*Современных записках*», а целый ряд петербургских поэтов — в журнале «*Сполохи*», издававшемся в Берлине» (НЖ. 1952. № 29. С. 206—207).

В свете поставленных задач становится ясно, почему Горький с первых же шагов организации «Беседы», еще только намечая состав редакции, считал необходимым указать в письме Роллану (30 мая 1922): «Главные редакторы журнала — политически совершенно независимые люди. Это: профессора А.Пинкевич и Тарле, член Академии наук С.Ольденбург, я и граф *Алексей Толстой*» (Архив А.М.Горького. Т. 8. С. 334). «Аполитичность» «Беседы» подчеркивается не раз и позже. «Журнал посвящен исключительно вопросам искусства, науки и совершенно чужд политики», — писал он С.Цвейгу после выхода второго номера (Там же. С. 13).

По первоначальному замыслу журнал должен был издавать З.И.Гржебин, с которым Горького связывали давние деловые и дружеские отношения. Всячески поддерживая «Издательство З.И.Гржебина» и защищая его перед партийными чиновниками, руководством Совнаркома, Наркомпроса, Госиздата и самим Лениным, Горький не только давал высокую оценку деятельности издательства, но и подчеркивал свое руководящее участие в нем.

Но, как известно, несмотря на заступничество Горького и даже некоторую поддержку Ленина, враждебное отношение партаппаратчиков к частному издательству Гржебина привело к тому, что оно было лишено заказов, денежных субсидий, кредита (при этом, надеясь на развитие собственной полиграфии, Госиздат монополизировал издание классики). В итоге договор с Гржебиным не был продолжен (тогда как он, уверенный в необходимости своего дела, вложил в него все свои личные и семейные средства), издательство лишилось финансовой опоры, перспективы и в конце концов разорилось.

По этой причине и потому, что положение Гржебина к моменту организации «Беседы» было крайне тяжелым, а главное — из-за ориентации журнала на русского читателя (с целью знакомства его с литературой и наукой Запада), что, естественно, требовало продвижения его в Россию (и что, собственно, составляло главную заботу Горького на протяжении двух лет существования журнала), необходимо было найти более «нейтральное», «лояльное» издательство, репутация которого не подвергалась бы сомнению, во всяком случае, менее бы раздражала Москву.

Для выпуска «Беседы» Горький избрал хорошо знакомое ему издательство «Эпоха», которым заведовал С.Г.Каплун. Уже запустив журнал в производство и добиваясь допуска его в Россию, Горький 20 мая 1923 отправил в Главлит официальную докладную записку, в которой во избежание малейших кривотолков и придирок счел необходимым не только оговорить имя издателя журнала, но с первых же строк нарочито противопоставить его Гржебину: «Сим заявляю, что журнал «Беседа» издается бывшим издателем «Киевской Мысли» Соломоном Каплуном и что издательство З.Гржебина к этому журналу никакого отношения не имеет» (Архив А.М.Горького. ПГ-коу, 61-11-1).

Каплун (лит. псевд. Сумский) Соломон Гитманович (1883 или 1891—1940) — пле-

мянник М.С.Урицкого, журналист и издатель; работу в печати начал в 1906. В самом начале 1922 С.Г.Каплун уехал за границу, где основал берлинское издательство «Эпоха» (на первых порах владел им совместно с известным меньшевистским деятелем Д.Ю.Далиным). Он принимал активное участие в литературной жизни русского Берлина (являлся секретарем берлинского *Дома искусств*) и в работе меньшевистского эмигрантского центра, регулярно выступал в журнале Ю.О.Мартова «Социалистический вестник», газете *«Дни»* А.Ф.Керенского и др. Например, в первом номере *«Новой русской книги»* за 1922 помещена его рецензия на книгу А.Ахматовой «Anno Domini». В историческом журнале «Летопись революции» (№ 1), основанном в 1922 Б.И.Николаевским и выходившем при ближайшем участии Горького (издавался Гржебиным), напечатал воспоминания о Киеве в гражданскую войну «Одиннадцать переворотов». После краха «Беседы», как и многие литераторы-эмигранты, переехал в Париж, ставший к тому времени центром не только русского политического, но и литературного зарубежья, работал там в *«Последних новостях»* П.Н.Милюкова.

«Беседа» не только связана с издательством «Эпоха», но своей судьбой предопределила его судьбу, как и участь С.Г.Каплуна, который, отдав журналу все силы, всю энергию и все средства, в конце концов оказался разоренным. Обосновавшись за границей, издательство «Эпоха» до января 1924 функционировало под «двойным гражданством» — Петербург—Берлин, что подразумевало наличие отделения в России, благосклонный допуск его изданий в страну, с одной стороны, и «лояльность» самого издательства — с другой. Редакция помещалась сначала на Martin-Lutherstrasse 13, а с августа 1923 — на Zimmerstrasse 7/8; с января 1924 обозначение «Петербург» с бланков издательства и его книг исчезает.

«Эпоха» ориентировалась на издание современных русских писателей. Она выпустила (частично еще в Петрограде) собрание сочинений А.Блока (5-й т. не вышел), трехтомник Н.Никитина, четыре книги А.Белого, в том числе «Петербург» и «Стихи о России», «Царь-Девицу» М.Цветаевой, сборники рассказов А.Ремизова, М.Зощенко, воспоминания о Блоке К.Чуковского и его детские стихи, а также сборник неизданных произведений Ф.М.Достоевского «Петербургская летопись», «Пчелы. Петербургский альманах». Тем не менее деятельность издательства мало устраивает контролирующие печать советские органы, но книги его в страну пропускаются. Вот как оно характеризуется Главлитом (в ряду еще девятнадцати зарубежных русских издательств) в «совершенно секретном бюллетене», рассылавшемся по особому списку некоторым членам Политбюро и ЦК: ««Эпоха». Политическая физиономия издательства расплывчата. Есть некоторый интерес к современности со стороны революционного быта и «грядущей культуры» в смысле возрожденного христианства. Направление, по-видимому, дает Андрей Белый; из лояльных рамок по отношению Советской России издательство пока не выходило» (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (в дальнейшем РГАСПИ). Бюллетень № 1. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735).

Не прошло и полугода, как в «справке об издательствах, издания коих не пропускаются в РСФСР» по идеологическим причинам, приводится список издательств с «двойным грифом», которые как будто обвинить не в чем, но тем не менее им уготована та же судьба. Среди них «Эпоха» — третье по счету, первым названо издательство Гржебина (Петроград—Москва—Берлин), затем — «Петрополис» (Пг.—Берлин), далее следуют «Геликон» (М.—Берлин), «Светозар» (Пг.—Берлин), «Возрождение» (М.—Берлин), издательство Оренштейн (Киев—Лейпциг) и др. Эти «издательства ... не допускаются Главлитом в РСФСР в силу того, что издательства рекламируют свои заграничные издания как отделения русских и в то же время не отчисляют должного количества экземпляров в Книжную палату». «Кроме того, — указывается в документе, — марки издательства с обозначением «Петроград—Москва—Берлин» облегчают, по указанию ГПУ, контрабанду» (РГАСПИ. Бюллетень № 2. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735. Л. 59).

И все это пишется как раз в то время, когда в «Эпохе» уже выходит первый номер «Беседы» и ни о чем не подозревающий Горький продолжает добиваться допуска журнала в Россию.

Но пока что основным читателем журнала является русское зарубежье. «Беседа» за границей идет очень хорошо, — сообщает издатель Горькому, — спрос на нее не прекращается, заказы поступают почти ежедневно. В настоящее время мы распродали свыше 800 экземпляров, и я думаю, что тираж «Беседы» для заграницы в будущем можно определенно считать 1200—1500. Для заграницы это очень большая цифра. Публика «Беседой» очень интересуется, отзывы — самые лучшие как здесь, так и из России. Ждут с нетерпением выхода следующей книги» (АГ. КГ-п, 34-7-2; из откликов эмигрантской печати на «Беседу» см. рецензии Б.Каменецкого (*Ю.И.Айхенвальда*) (Руль. 1923. 27 мая), Д.Гр<адарьева> (Дни. 1923. 1 дек.). В России см.: Вечерняя Москва. 1923. 4 июня).

Ходасевич после выхода второго номера также пишет Горькому об успехе журнала («В Берлине его хвалят за наше с Вами ведомство, поругивают за Брауна». — АГ. КГ-п, 83-8-14). К тому времени, казалось, тревожиться было не о чем (потом, с подорожанием бумаги, типографских расходов и обнищанием эмиграции положение изменится), поэтому о главном — о том, что должно решить судьбу журнала, Каплун сообщает в конце своего письма, в виде приписки, в сугубо информационном плане: «Из России насчет «Беседы» пока нет никаких известий» (АГ. КГ-п, 34-7-2). В переписке сотрудников редакции, строящих по поводу журнала далеко идущие планы, жалобы повторяются: «Жалко, что «Беседу» не пускают в Россию. Но надо все-таки из «Беседы» сделать литературный центр и объединить независимых и честных писателей» (АГ. КГ-п, 34-7-3).

В поисках средств Каплун пытается организовать фирму по экспорту иностранных фильмов в Россию, ищет кредиты и займы. Между тем Москва молчит, решения о «Беседе» нет, да и в Германии ситуация не из лучших, усиливается реакция, растут цены, инфляция. Прекращается выпуск книг «Эпохой», чтобы использовать остатки средств на издание «Беседы». Тревожится Ходасевич: «Я люблю «стоять на посту» и «Беседу» не бросил бы, — пишет он Горькому, — но боюсь, что, судя по берлинским обстоятельствам, «Беседа» может приостановиться. Германские издательства закрываются одно за другим» (АГ. КГ-п, 83-8-15).

Ему вторит Каплун: «В Германии жизнь становится невыносимой» (АГ. КГ-п, 34-7-16). «Времена тяжелые, и приходится целые дни вести переговоры для того, чтобы обеспечить возможность работы. ...Я — человек упрямый. И главное мое увлечение — «Беседа», которую надо поставить на ноги... Окупаться «Беседа» может только при условии разрешения ее в России. На это разрешение я сейчас не рассчитываю, и мой расчет идет в том направлении, что еще в течение года «Беседа» не будет разрешена в Россию. За этот год надо выпустить 5—6 книг, каждая книга приносит убыток, приблизительно в 300 долларов, т.е. для издания «Беседы» надо приготовить 1500—1800 долларов. Отсюда мои другие увлечения. Я готов увлечься сейчас всем, что даст 1500—1800 долларов... Вы знаете, с какой преданностью отношусь к Вам и к Вашей работе, и главные мои волнения именно в том, что все не удается обеспечить ровный и длительный выпуск «Беседы»» (АГ. КГ-п, 34-7-6).

Успокоить и ободрить сотрудников и редакторов старается Горький: ««Беседа», кажется, будет-таки пропущена в Россию, — пишет он Ф.А.Брауну. — Дороговизна печатания побудила было Каплуна перенести дела в Вену, но берлинский типограф согласился работать по старой цене. Издание будет продолжаться, если этому не помешают обстоятельства чрезвычайные» (АГ. ПГ-рл, 6-35-18).

К первым числам октября 1923 вышли уже три номера «Беседы»: каждые два месяца — книга, как обязалась их регулярно выпускать «Эпоха». Горький до конца надеялся, что «Беседа» будет-таки допущена в Россию. Этой уверенностью проникнуты его письма друзьям, близким, авторам, приславшим материалы, и писателям, рукописи от которых он ожидал. Однако Горький прекрасно понимал, что дальнейшая судьба журнала зависит от решения Москвы. Ходасевич, комментируя письмо Горького к нему от 27 сентября 1923, писал: «Предлагая издательству «Эпоха» взять на себя издание «Беседы», Горький был совершенно уверен, что журнал будет допущен к продаже в советской России. Крючков, через которого шли дела этого рода, подтверждал, что со дня на день должен получить из Москвы разрешение на приобретение тысячи экземпляров каждого

номера — для пересылки в Россию. Разрешение, однако, не приходило, хотя «Беседа» выпустила уже две книжки. Горький писал в Москву письма, при мне говорил на эту тему с приехавшим в Сааров Рыковым, который в ту пору был заместителем больного Ленина. В ответ получались обещания и ссылки на канцелярскую волокиту. Тогда Горький решил прибегнуть к репрессии: сообщил в Москву, что отказывается от сотрудничества в советских изданиях, пока «Беседа» не будет допущена, и действительно сотрудничество такое прекратил» (НЖ. 1952. № 30. С. 195).

Когда Ходасевич, скептически относившийся к возможности положительного решения вопроса о «Беседе», говорил, что зарок Горького не распространяется на основанный в Москве И.Лежневым независимый журнал «Россия», Горький ответил: «Рассказ Лежневу я не могу дать до поры, пока не разрешится вопрос о допущении «Беседы» в Россию. Имею сведения, что вопрос этот «рассматривается». О, Господи...» (Там же. С. 194). «Как видно из данного письма, Горький... продолжал верить (или делал вид, что верит), будто вопрос о «Беседе» действительно в Москве «рассматривается» и может получить благоприятное разрешение» (Там же. С. 195).

Что «вопрос рассматривался», Горький не ошибался, но вот решения не предугадал. В высоких идеологических инстанциях судьба «Беседы» была решена не в пользу журнала, о чем Горький и редакция в Берлине не догадывались. Речь идет об отзыве и заключении «совершенно секретного» бюллетеня Главного управления по делам литературы и издательств (№ 4, декабрь 1923) за подписью «зав. Главлитом Лебедев-Полянский» (текст его цитируется по экземпляру, посланному «лично т.Ленину»): «Журнал «Беседа» № 1—3. Изд. «Эпоха». Берлин. 1923. Журнал организован в апреле 1923 года под ред. А.Белого, Горького, Ходасевича, проф. Брауна и проф. Адлера. Редактирует его фактически, по сообщению представителя Наркомпроса за границей т. З.Гринберга, меньшевик Далин и Л.Канцель, жена Дана, а все изд<ательство> «Эпоха» имеет какое-то материальное отношение к меньшевикам. Последнее точно еще не выяснено» (РГАСПИ. Бюллетень № 4. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735. Л. 211).

Замечается, что если «по первому номеру журнала трудно было судить о его направлении», то теперь, после трех номеров, «вполне ясны основные черты направления журнала»: «Журнал ориентируется на «рафинированную» интеллигенцию. Вопросы общественности, политики и экономические проблемы, даже в порядке объективной информации, не затрагиваются. Журнал замыкается в круг политической, философской и публицистической изощренности идеалистического, антропософского направления. В этих статьях нужно отметить прежде всего стремление модернизировать вопросы религии. «Беседа» преподносит вопросы религии и веры в форме антропософской мистики и модернизированного, по рецепту д<окто>ра Штейна <Штейнера>, христианства».

В качестве демонстрации «объективности» в отзыве указывается: «Нужно отметить, что все это дается в форме свободной дискуссии: сначала приват-доцент Лейзеганг приводит неопубликованные до сих пор документы, критикующие и разоблачающие догматы антропософии, потом Андрей Белый на 60 страницах реабилитирует Штейнера и антропософию».

Литературно-художественная часть «Беседы» также подвергается резкой критике, но она меньше интересует Главлит; оценка ее уместилась всего в одной фразе: «часть» эта, «за некоторым исключением, полна упадочнических тенденций, мистицизма и антиреволюционного пацифизма». И далее выносится окончательный политический приговор: «Кроме идеологической враждебности к марксизму, материализму и нежелания считаться с задачами современного советского строительства, журнал рекламирует эсеровские, меньшевистские и кадетские периодические издания («Современные записки», «Заря», «Русский голос» и друг.).

Главлитом журнал в СССР не допущен» (Там же).

В этом характерном для цензурных органов политико-идеологическом документе прежде всего бросается в глаза стремление во что бы то ни стало дискредитировать «Беседу», как и издательство «Эпоха», а вместе с ними Горького, политически связав их с деятельностью заграничного центра меньшевиков, хотя в «Беседе» не было ни одного автора из меньшевиков и вообще

ни одной статьи, даже заметки на общественно-политические темы. Напротив, как уже говорилось, журнал нарочито декларировал свою «аполитичность».

Особенно примечателен этот секретный документ в заключительной своей части. Чтобы подкрепить обоснованность запрета журнала «Беседа» в советской России, вытаскивается (не имеющая отношения к делу) связь Горького с берлинским изданием «Летописи революции»: «Меньшевики, а вместе с ними и М.Горький, участвующие и в Гржебинском издании «Летописи революции», выпускаемом при активном участии крупных меньшевистских сил, материально крайне заинтересованы в широком распространении «Беседы» в Советской России» (Там же).

Но, во-первых, участие Горького в издававшейся Гржебиным и меньшевиком Б.И.Николаевским серии мемуаров об освободительном движении в России («Летопись революции») не имеет никакого отношения к «Беседе», выпускавшейся «Эпохой» Каплуна. Кроме того, участие Горького было эпизодическим и чисто «консультативным» — в качестве рецензента некоторых рукописей, которые ему присылались по почте. Во-вторых, среди авторов этого издания были отнюдь не одни меньшевики, а люди самой различной политической ориентации — от эсера Чернова до большевика Луначарского. К издававшемуся Гржебиным журналу «Летопись революции» Горький вообще не имел отношения, за исключением того, что в первом и единственном его номере впервые были опубликованы воспоминания писателя о В.Г.Короленко. Остается только догадываться, почему именно «меньшевистские силы», связанные с гржебинским изданием, были «материально крайне заинтересованы в широком распространении «Беседы» в Советской России»? В главлитовском доносе обойдено имя Каплуна — и как издателя «Беседы», и как заведующего «Эпохой», и как меньшевика, хотя партийная принадлежность, как видно, является решающей для цензоров. Но зато названы в качестве «фактических редакторов» «Беседы» жена лидера меньшевиков Ю.Ф.Дана — Л.О.Цедербаум-Дан (по первому мужу Канцель, сестра Л.Мартова) и активный меньшевик Д.Ю.Далин.

Фактически Каплун возглавлял «Эпоху» с момента ее основания, теперь же, освободившись от пайщиков, он становится (и в финансовых делах издательства) полностью независимым. На свой страх и риск, ничего не зная о запрете Главлита, он, вслед за третьей книжкой «Беседы», выпускает четвертую (март 1924), сдает в набор пятую книгу, а затем и шестую (ноябрь 1924). Совершенно очевидно, что только благодаря стараниям издателя и его жертвенной преданности книге, отечественной культуре «Беседа», ориентированная на Россию, широкого российского читателя, но не допущенная к нему, смогла прожить эти годы в тяжелейших условиях эмиграции. В апреле 1924 Каплун пишет Горькому: ««Беседа» все больше укрепляется и приобретает прямо великолепную репутацию. Это видно и по русским журналам. Приехал из России *Эренбург*. Он прочитал по всей России 27 лекций. На этих лекциях он получил много записок с вопросами о Вас... «Беседа» имеется только в официальных и литературных кругах. Все негодуют и не понимают, почему ее не пропускают в Россию. Если бы ее пропустили, она была бы самым читаемым журналом в России» (АГ. КГ-п, 34-7-7).

Наконец, в Берлин доходит весть об ожидавшемся целый год положительном решении инстанций. 28 мая 1924 Каплун пишет Горькому: «Чрезвычайно обрадовало меня письмо Мар<ии> Игн<атьевны Будберг> о разрешении «Беседы» в Россию. Вчера приходил П.П.Крючков, который получил письмо от Ив<ана> Павл<овича Ладыжникова> с извещением о том, что «Беседа» разрешена, и с предложением покупки первых четырех книг для России... теперь удастся «Беседу» поставить прочно на ноги...» И в конце этого длинного письма приписка: «Не можете ли Вы сообщить № разрешения Главлита или соответствующего учреждения, или получить подлинную бумагу о разрешении для того, чтобы мы могли напечатать об этом в газетах и открыть в России подписку, по крайней мере, на вышедшие книги?» (АГ. КГ-п, 34-7-8).

В свою очередь Горький активизирует усилия по привлечению в журнал авторов. Он пишет Л.Леонову: «Разрешите предложить Вам сотрудничество в журнале «Беседа», которая ныне допущена в Россию. Вы, вероятно, знаете, что это журнал аполитический, таковым он и останется до поры,

пока в нем работают проф. Ф.А.Браун, В.Ф.Ходасевич и я» (ЛН. М., 1963. Т. 70. С. 246).

Но издателю ничего конкретного Горький сообщить не может, не имея никаких документов, никакого разрешения или официального уведомления о нем. Он пишет из Сорренто Ф.А.Брауну (4 июня 1924): «С.Г., наверное, известил Вас о том, что «Беседа» допущена в Россию. По его словам, это позволит ему увеличить гонорары и печатать 6 книг в год. Не знаю, хватит ли у нас беллетристики на 6 книг, но надеюсь на приток ее из России» (АГ. ПГ-рл, 6-35-24).

Однако в течение трех месяцев из России не поступило ни одной подписки, ни одного заказа. Каплун постоянно напоминает Горькому: «Я прямо в отчаянии относительно того, что произошло в последние три месяца... Несмотря на разрешение ввоза «Беседы» в Россию, до сих пор в Россию не куплено ни одного экземпляра... "Сов<ременные> Зап<иски>" и *«Волю России»* для ГПУ берут в 250 экземплярах, а «Беседу» даже для ГПУ не берут... Положение для меня и для «Беседы» создалось очень плохое... На каждом номере «Беседы» я несу убытков больше, чем на тысячу долларов. На № 4 «Беседы» я истратил свои последние деньги, на № 5 пришлось доставать в долг, т.к. у меня самого нет ничего — буквально ни гроша. Мой кредит сейчас уже исчерпан... Сейчас я строю несколько планов, которые могли бы дать возможность продолжать «Беседу». В этом я вижу сейчас свою задачу» (АГ. КГ-п, 34-7-11). Вспоминая позже (ноябрь 1924) о своем положении той поры, он откровенно признался: «К лету дела у меня стали так плохи, что я не мог уже издавать книг, «Беседы». Были даже два таких месяца, что не каждый день мне удавалось достать несколько денег на обед, не была уплачена квартира и пр.» (АГ. КГ-п, 34-7-14).

Обнадеживающим выглядит протокол заседания Политбюро ЦК РКП от 28 августа 1924 года (с грифом: «Строго секретно»):

«Присутствовали: Члены ПБ ЦК: тт. СТАЛИН, КАМЕНЕВ, ТОМСКИЙ. Кандидаты ПБ: тт. ДЗЕРЖИНСКИЙ, КАЛИНИН. Члены ЦК: тт. КАГАНОВИЧ, МАНУИЛЬСКИЙ, КУКЛИН, ЛЕПСЕ. Канд. ЦК: тт. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ, КРИНИЦКИЙ. Чл. Президиума ЦКК: тт. ЯНСОН, ЯРОСЛАВСКИЙ, КУЙБЫШЕВ.

Слушали

2. О журнале «Беседа». (тт. Каменев, Дзержинский).

Постановили

2. Поручить Главлиту не чинить препятствий к свободному допуску в СССР журнала «Беседа»».

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 460).

Однако этому решению Политбюро не был дан ход: несмотря на разрешение свободно ввозить журнал в Россию, в сущности, доступ его в страну был закрыт. В письме Горькому издатель так объяснял эту ситуацию: «По-видимому, они для того, чтобы пойти навстречу Вам и сделать Вам приятное, журнал платонически разрешили, а одновременно решили душить его тем, что не покупают» (АГ. КГ-п, 34-7-11). Правоту Каплуна отмечает и Ходасевич во второй части своих воспоминаний о Горьком (опубликованы посмертно в последнем номере 70 «Современных записок»), описывая переживаемый «Беседой» кризис: «Стало ясно, что Сумский прав: Горького просто водили за нос» (цит. по публикации Дж.Мальмстада «Из переписки В.Ф.Ходасевича» // Минувшее. М., 1991. Т. 3. С. 268).

Крючков, работавший в советском торгпредстве в Берлине (уполномоченный по торговому и книгоиздательскому обществу «Книга», которое, кстати, занималось закупкой книг за границей) и сам хорошо информированный, ссылаясь на Ладыжникова (непосредственно связанного с ГИЗом), в конце мая 1924 сообщает Каплуну о решении инстанций допустить «Беседу» в Россию (заметим: за три месяца до состоявшегося заседания Политбюро), о чем последний тотчас оповестил Горького. Но через полгода (31 октября) Горький, вместо того чтобы поинтересоваться у Крючкова, почему «окончательно» решенный вопрос никак не вступает в силу (или хотя бы посетовать на это), как ни в чем ни бывало, в свою очередь, делится «новостью» с тем же «дорогим Петром Петровичем»: «Каплун известил меня, что «Беседа» окончательно пропущена в Россию и Ионов уже заказал 3000 6-й книги» (Архив А.М.Горького. М., 1976. Т. 14. С. 460).

В это время в должность заведующего Госиздатом вступил И.И.Ионов. «От Ионова ни слуху ни духу до сих пор, — сообщают Горькому в конце декабря 1924, — хотя он и обещал прислать... заказ и деньги не-

медленно по своем приезде в Петербург» (АГ. КГ-п, 34-7-21). Более того, стало известно, что сразу же после своего вступления в должность Ионов закрыл журнал «Русский современник», выходивший «при ближайшем участии» Горького, и разогнал редакцию «Всемирной литературы» — детище писателя, — несмотря на его активное заступничество. «Боюсь, как бы его упорное молчание по поводу «Беседы» не было связано с этим», — пишет Каплун Горькому (АГ. КГ-п, 34-7-22).

Именно тогда Горький окончательно понял, что с «Беседой» придется распрощаться: в СССР журнал не пустят. «России нет и не будет», а «эмигранты нищи», как писал Ходасевич Горькому еще летом, средств на издание и оплату гонорара у «Эпохи» нет, сам Каплун еле сводит концы с концами. «Чтобы оплатить счета по № 4, — сообщал Ходасевич Горькому, — ему пришлось продать даже мебель и пишущую машинку. Предположим, что для оплаты № 5 он продаст еще что-нибудь (брюки?). А для 6-го? Ладыжников обещал оплачивать половину. Но у Каплуна вряд ли хватит средств и при этом условии... Посему — грущу, ибо журнал хороший и нужный» (АГ. КГ-п, 83-8-26).

Грустил по этому поводу и Горький, вынужденный прекратить издание «Беседы». 14 мая 1925 он писал М.Ф.Андреевой: «Беседу в Россию все-таки не пропустили, и Каплун прекращает издание. Жаль. Журнал был неплохой» (АГ. ПГ-рл, 2а-1-51). Через несколько дней он то же пишет Ходасевичу: «Беседа кончилась. Очень жалко. Браун — в совершеннейшем унынии» (НЖ. 1951. № 31. С. 200). Из дальнейших слов Горького становится ясно, что августовское решение Политбюро о беспрепятственном допуске «Беседы» каким-то образом было опротестовано (кем, если это постановление высшей инстанции?) и все это время «прокатывалось» по всевозможным коридорам высшей номенклатуры.

«По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать «Беседу» на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых, — с иронией пишет Горький Ходасевичу 19 мая 1925. — За то, чтобы пущать, высказалось трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: «Не пущать, тогда Горький воротится домой». А он и не воротился. Он тоже упрямый» (Там же). О том, что «разрешение на «Беседу» было дано», но «затем разрешение было опротестовано и аннулировано большинством голосов против трех: Каменева, Ионова, Белицкого», Горький, словно оправдываясь за посеянные и несбывшиеся надежды, вновь повторил через несколько дней ему же (Там же. С. 201).

Ходасевич, с присущей ему прямотой и точностью формулировок, в своем ответе Горькому характеризует «разрешение» просто как откровенный «обман и подлог»: ««Беседу» жаль, конечно, но злоба во мне преобладает. Ведь ровно год тому назад Вам послали официальную бумагу о допущении «Беседы» в Россию. А теперь — заседание: допускать ли? Ясно, что никакого разрешения и не было (как я и говорил Вам), а «бумага» была — обман, очередной подлог этих негодяев. Одно утешение: больше уж я с ними ничем не связан: даже апокрифическим разрешением» (АГ. КГ-п, 83-8-40).

Задолго до этого Ходасевич понимал «всю махинацию» игры с Горьким. В ответ на присланные *Вячеславом Ивановым* «Римские сонеты» для «Беседы», высоко оцененные им (а также Горьким, но не напечатанные в связи с ликвидацией журнала), Ходасевич, несмотря на то что все время стремился привлечь поэта к сотрудничеству, в письме к нему от 21 января 1925 довольно безнадежно обрисовал будущее журнала и раскрыл «жульнические» «махинации» по обману Горького, не скрывая, впрочем, что писатель и сам «утешается» самообманом: «В частности, что касается «Беседы», дело обстоит так: для утешения Алексея Максимовича советские жулики формально разрешили ввоз журнала в Россию, но фактически приказали своему органу, имеющему монопольное право закупки книг за границей («Книга»), — покупать «Беседу» в количестве... 10 экземпляров! Десяти, я не пропустил ни одного нуля! Вот Алексей Максимович и утешается, ибо не то не умеет, не то не хочет понять всю эту махинацию, сколько ему ни растолковывают. В результате — все вскоре выяснится: либо «Беседа» проникнет в Россию в нормальном количестве, либо вовсе прекратит свое существование» (Минувшее. Т. 3. С. 265).

Произошло последнее. Но Горький, у которого издательская страсть, вероятно,

была не менее сильна, чем у его фанатичных сотоварищей по книжному делу — Гржебина или Каплуна, даст втянуть себя в затею с новой «Беседой» — «Собеседником», который, однако, не состоялся.

Как всегда чуткий к любой фальши, проницательный и принципиальный Ходасевич, говоривший всегда всю правду, как он ее понимал, с бескомпромиссной прямотой высказался на этот счет в письме к Горькому от 7 августа 1925. Оно оказалось последним в ряду сорока трех писем, завершившим не только его переписку с Горьким, но и их дружеские и деловые отношения (Ходасевич будто предвидел такой финал. Еще в мае 1923, сообщая жившей в Москве бывшей жене Анне Ивановне Ходасевич о своем союзе с Горьким, он как бы невзначай заметил: «Мы связаны теперь до тех пор, пока будет существовать «Беседа»». — Цит. по публикации И.Бочаровой // Курьер. Нижний Новгород, 1993. 25 марта). Так, он писал:

«Милый Алексей Максимович, не сердитесь: но Вы — любите верить. Вы как будто с удовлетворением пишете об Ионовских предложениях касательно возобновления «Беседы». Вы говорите: никаких ограничительных условий Ионов, пока, не ставит. Напротив, уже ставит, и условия колоссального значения: печатать в Петербурге. Да ведь это же значит: «под цензурой!!!» Невозможно закрывать глаза на то обстоятельство, что подцензурная петербургская «Беседа» отнюдь не сможет почитаться продолжением свободной берлинской, ибо берлинская, как ни была смирна, — делала это добровольно. И даже «журналом типа «Беседы»» предполагаемый журнал не будет, ибо самым «типичным» в «Беседе» было то, что над ней не было городового. Умоляю Вас — будьте как можно осторожнее. Ставить людей в неловкое положение по отношению к товарищам — постоянная (и очень умная) тактика большевиков» (АГ. КГ-п, 83-8-43).

В письме не только «особый род здравого благоразумия», как определяет «глубоко ироничную манеру» Ходасевича Джон Мальмстад, но и глубокое сочувствие Горькому: «Простите, что пишу все это, — заканчивает он. — Я не «учить» Вас вздумал, но меня бы мучила совесть, если бы я не сказал Вам всего, что думаю» (Там же).

Позже, спустя годы, вновь возвращаясь к этим событиям, Ходасевич от частного случая с кризисным положением дел в «Беседе» поднимается до широких идейно-политических обобщений. Под его пером драматическая история журнала являет пример типичной судьбы зарубежных изданий и издательств в целом, а катастрофа, постигшая «Беседу», выступает как «величайшая провокация» советского режима. В упомянутых воспоминаниях о Горьком Ходасевич писал: «Советское правительство усердно распускало слухи, что оно намерено допускать в Россию зарубежные издания, не содержащие агитации против власти и отпечатанные по новой орфографии. Разумеется, эти слухи не вязались с введением внутренней цензуры, но к неувязкам в распоряжениях Москвы привыкли. Впоследствии стало ясно, что тут действовала чистейшая провокация: в Москве хотели заставить зарубежных издателей произвести крупные затраты в расчете на огромный внутренний рынок, а затем границу закрыть и тем самым издателей разорить. Так и вышло: целый ряд берлинских издательств взорвался на этой «мине», в том числе и издательство «Эпоха»» (Минувшее. Т. 3. С. 268).

Что касается «Беседы», то ее судьбу решила все-таки не экономическая провокация, о которой говорит Ходасевич, не разорение Каплуна, не намерение запретом издания заставить Горького «воротиться домой», о чем он пишет тому же Ходасевичу. Была другая, главная, более глубинная причина, которая привела журнал к краху. «Беседа», ориентированная на «внутреннее употребление», на русского читателя в стране, партийная идеология которой была основана на марксистской догме классовой борьбы и диктатуры пролетариата, с самого начала своего возникновения была обречена.

Свободная, бесцензурная, беспартийная «Беседа», интернациональная в лучшем смысле этого слова, стоящая «над схваткой», утверждающая высокие гуманистические идеи и общечеловеческие ценности культуры, нравственности и морали, не могла быть допущена режимом. И кто-то в высоких советско-партийных кругах (а кто еще мог задержать или пересмотреть решение высшей инстанции — Политбюро), понимая это, делал все, чтобы накинуть удав-

ку на шею «Беседе». (Этот «кто-то», разумеется, фигура собирательная.)

Никто из редакторов и сотрудников журнала не говорил об этой причине, но они прекрасно понимали цену «Беседе». Ходасевич в одном из писем Горькому 29 июля 1924, получив пятую книжку журнала, писал: ««Беседа», конечно, имеет немало недостатков, но все больше убеждаюсь в ее несомненном и главном достоинстве: это сейчас не только самый культурный, но и самый порядочный из русских журналов. Больше того: единственный. И не только сейчас: во всей истории русской журнальной литературы это — один из серьезнейших. Так как в № 5 нет почти ни капли моего редакторского меда, то я теперь могу это сделать, не боясь похвалить самого себя» (АГ. КГ-п, 83-8-16).

О журнале см. также: Вайнберг И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г.Каплун, поэт В.Ф.Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4.

И.И.Вайнберг

«БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ» (Брюссель, 1926. № 1. Январь. — № 2. Апрель) — журнал русской литературной культуры, издавался князем *Д.А.Шаховским* (1902—1989), впоследствии архиепископом Иоанном Сан-Францисским. Название повторяет заглавие журнала, издававшегося в 1818—1826 поэтом-баснописцем А.Е.Измайловым. Д.А.Шаховской рассказал о предыстории своего журнала в книге «Биография юности» (Париж, 1977). С 1924 он вынашивал идею издания религиозно-философского сборника и с этой целью вступил в переписку с *П.Е.* и Е.Е.*Ковалевскими*, К.Э.Керном и *Н.М.Зерновым*. Позже идея сборника трансформировалась в идею журнала. Финансировал издание однокашник Д.А.Шаховского по Лувенскому ун-ту Г.Соколов, который на обложке обозначен «руководителем», хотя ни в какие литературные и издательские дела журнала он не вмешивался. «Благонамеренный», по словам Д.А.Шаховского, «стал данью чистой литературе. И России, конечно» (Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1922. С. 47). Обложку журнала («близкую романтике александровской эпохи») нарисовал молодой русский художник, живший в то время в Брюсселе, Х.Фрешкоп.

В редакционной статье «Философическое оправдание благонамеренности», открывавшей первую книгу, были сформулированы программа и принципы нового издания. В основу программы положены следующие тезисы: «Реальная борьба возможна только против середины. Эта борьба и есть борьба литературы» (№ 1. С. 5). «Жизнь — это литература» (Там же. С. 6). «Злоба и жизнь, для нас, несовместимы» (Там же). «Чистая литература» в понимании Д.А.Шаховского — это отнюдь не «чистое искусство», не «искусство для искусства», скорее это то, что можно назвать высоким (непартийным или внепартийным) искусством. «Я склонялся к религиозно-философскому изданию, — писал впоследствии Д.А.Шаховской, — а потом остановился на идее журнала чисто литературного, которому, однако, хотел придать своеобразное направление, не «правое» и не «левое», а независимое. Это была попытка служения культуре русского слова, русскому духу в свободе, которой мы опьянялись в Европе, видя то, что происходит в России» (Там же. С. 48).

Журнал состоял из разделов: «Поэзия», «Проза», «Статьи», «Архив», «Библиография». Из поэтов русского зарубежья в нем печатались: *Г.Адамович*, *Г.Иванов*, *И.Одоевцева*, *Г.Струве*, *М.Цветаева*, *В.Ходасевич*, Д.А.Шаховской и др. Во второй книге в разделе «Поэзия» был впервые опубликован неизвестный отрывок из поэмы В.А.Жуковского «Рустем и Зораб». В разделе «Проза» печатались произведения *И.А.Бунина*, С.Эфрона, *А.М.Ремизова* и др. Со статьями на страницах журнала выступили *Д.Святополк-Мирский*, М.Цветаева, *М.Гофман*, *К.Мочульский*, Евг.Зноско-Боровский, *Ф.Степун*, Д.Шаховской. В «Архиве» впервые были опубликованы неизвестные документы и письма В.А.Жуковского, И.В.Киреевского, С.П.Шевырева и др. материалы. В разделе «Библиография» наиболее активным автором был сам Д.А.Шаховской, написавший в общей сложности более десяти рецензий (подписанных его псевдонимами: «Д», «Ш», «Д.А.Ш.», «Д.А.»). Рецензировались в основном (но не исключительно) русские книги как эмигрантских, так и советских

авторов, среди которых И.А.Бунин, *Е.ВАничков*, Ф.Степун, Н.Асеев, М.Зощенко, М.Цветаева, С.Есенин, И.Бабель, Б.Пастернак, О.Мандельштам, К.Федин. Отдельные рецензии были посвящены журналам «*Путь*», «*Воля России*», «Красная новь».

Большую помощь в издании Д.А.Шаховскому оказали И.А.Бунин (оговоривший свое участие в журнале неучастием в нем *М.Горького*), В.Ходасевич, А.Ремизов, Д.Святополк-Мирский и М.Цветаева. Журнал, по позднейшему признанию Д.А.Шаховского, имел заметный успех у читателей. Тем не менее после второй книги его издание прекратилось. На обожке был помещен анонс третьей (так и не вышедшей) книги, в котором, среди прочего, значилась комедия *П.Муратова* «Шекспириана». Прекращение издания журнала «Благонамеренный» было вызвано внутренним духовным кризисом, который в то время охватил Д.А.Шаховского. Он уехал в Грецию на Афон, где и был пострижен в иночество.

Тем не менее две книги журнала оказались весьма заметным явлением в духовной и интеллектуальной жизни русского зарубежья (о чем красноречивее всего свидетельствуют имена печатавшихся в нем авторов). Заметную роль журнал сыграл и в жизни Д.А.Шаховского, который спустя много лет в своих рецензиях, оценках и «эпиграфических высказываниях», напечатанных в журнале (например «Поэзия — оттенки любви»), увидел то «метафизическое зерно», к которому тогда все более обращались его поэзия и жизнь (Там же. С. 51).

В.В.Сапов

БОЛГАРСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В Болгарии в 1921 насчитывалось 12000, в 1922 — ок. 30000, к 1 января 1930 — 21830, в 1936—37 — 15700 русских беженцев. В Болгарию эмигрировали ученые — *Н.С.Трубецкой*, *Г.В.Флоровский* (вскоре уехавшие) и *П.М.Бицилли*, ставший профессором Софийского университета. Ограниченные материальные возможности Болгарии, установление дипломатических отношений с СССР и волна национализма в конце 20-х — начале 30-х вынудили многих русских уехать из страны. Именно поэтому София не стала центром русского рассеяния в Европе, что и обусловило ограниченные возможности и специфику издательской деятельности русских.

Центром сравнительно ограниченного русского книгоиздания была София. К числу первых русских публикаций в Софии относятся «Русские сборники» (два выпуска вышли в 1920—21 под ред. Э.Д.Гримма и К.Н.Соколова) и один из первых журналов русской эмиграции «*Русская мысль*». К первым русским изданиям в Софии относятся также «*Зарницы*», в 1921 выходившие как альманах (№ 1—2), затем еженедельный общественно-политический журнал (№ 3—7), а с № 8 по 25 — русский еженедельник; редактор М.Калинников. В Болгарии началась издательская деятельность евразийцев. Первый сборник — «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» вышел в Софии в 1921. Его редакторы — теоретики евразийства П.П.Сувчинский, Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий. В сборнике напечатано 10 статей П.Н.Савицкого, Г.В.Флоровского, Н.С.Трубецкого и П.П.Сувчинского. Именно это издание определило возникновение нового течения в русской эмиграции — евразийства.

В Софии выходило значительное число периодических изданий различных русских военных организаций: «Вестник Галлиполийцев в Болгарии» (1927—31), «Галлиполийский бюллетень» (1932), «Вестник Общества Галлиполийцев» (1932—37), «Галлиполийский вестник» (1937—40); «*Вольный Дон*» (1937—38) — литературно-художественный и информационный журнал под ред. П.Рассказова и П.Ф.Крюкова; «За Россию!» — орган Национального союза русской молодежи за рубежом (1932—35); Информационный бюллетень Союза русских инвалидов в Болгарии (1931—32); Информационный бюллетень Российского Освободительного Союза (1934); «Казаки за границей» — издание Штаба Донского корпуса Всевеликого войска Донского (1927—38).

Литературно-исторический и информационный журнал под ред. И.Колесова, Г.А.Еременко и В.Г.Глазкова «*Казакия*» выходил в Братиславе, Праге и Софии в 1934—39. Журнал Русского охранного корпуса «Потешный» издавался в 1942—43 Национальной организацией российских разведчиков (НОРР); вышло 35 номеров. В 1940 в Софии было издано 6 номеров двух-

недельного общественно-национального журнала «Родина».

Среди русских издательств в Болгарии наиболее крупным было Российско-болгарское книгоиздательство, основанное как акционерное общество в октябре 1920 в Софии. Основателями его являлись Н.С.Жекулин, бывший директор киевского книгоиздательства «Летопись», в котором в 1919 вышло первое издание первого выпуска «Истории русской революции» П.Н.Милюкова, и П.П.Сувчинский, бывший редактор-издатель «Музыкального современника» в Петербурге. Финансовую поддержку издательству оказывал А.Ходжиев, член Правления Софийского банка. Основным издательским начинанием была весьма пестрая серия «Библиотека всемирной литературы». В серии вышло несколько десятков книг, среди которых произведения А.П.Чехова, Ф.К.Сологуба, *Л.Н.Андреева, Е.Н.Чирикова, В.В.Шульгина* и др.; переводы на русский язык сочинений Реми де Гурмона «Цвета», Г.Мопассана «Франсуа», О.Уайльда «Сказки», К.Тетмайера «Победа», К.Гамсуна «Рабы любви», Ст.Пшибышевского «De profundis». В серию включались политические и историко-литературные книги: Трубецкой Н. Европа и человечество (1920), *Булгаков С.* На пиру богов (1921), *Струве П.* Размышления о русской революции (1921), он же. Статьи о Льве Толстом (1921), Никольский Ю. Тургенев и Достоевский. История одной вражды (1921), митрополит Киевский и Галицкий Антоний. Словарь к творениям Достоевского (1921).

Другим значительным предприятием являлось работавшее с 1921 издательство, книжный магазин и контрагентство «Златолира», подготовившее около ста выпусков лучших русских романсов и музыкальных произведений в серии «Русская музыкальная библиотека». Книгораспространением занимались также магазин «Печатное дело» (1927) и «Зарницы» — книжный магазин и библиотека (1927—39). «Зарницы» издали сочинения русских писателей-эмигрантов: Бебутова О.М. Лазурный берег (1927); *Брешко-Брешковский Н.Н.* Мировой заговор (1924); Елец Ю.Л. На крестном пути (1924); *Минцлов С.Р.* Гусарский монастырь (1925); он же. Прошлое. Очерки из жизни царской семьи (1925); он же. То, чего мы не знаем... Рассказы (1926).

В 1925—26 в Софии работало издательство «Русь», выпустившее, в частности, роман Н.Н.Брешко-Брешковского «Женщины, кровь и бриллианты» (1926), пьесу *А.Ренникова* (Селитренников А.М.) «Галлиполи» (1925) и фантастический очерк В.В.Шульгина «Нечто без окончания» (1925). Менее известны издательства «Акация» (1923?) и «Голос» (1931?).

И.А.Шомракова

«БОРЬБА» (Париж, 1929. № 1. 15 апреля — 1932. № 21/22. 1 марта) — журнал, выходивший «под редакцией бывш. члена центрального исполнительного комитета УССР Г.З.Беседовского» и предназначавшийся для нелегального распространения на территории Советского Союза; за границей пускался в продажу «из соображений информационного характера» (1929. № 1. С. 1). Целью издания, над заголовком которого стояли лозунги: «Жить свободными или умереть в борьбе» и «Да здравствуют свободные советы!», являлась пропаганда политических взглядов небольшой группы коммунистов-«невозвращенцев». Обращаясь к гражданам СССР, они призывали к революционному сопротивлению сталинской диктатуре. Оптимистично утверждая, что в СССР противостояние «начинающему уже дрожать от страха диктатору Сталину» быстро «перерастает рамки реформы» и «превращается в революцию», редакция отводила своему журналу роль «идеологического центра» народной борьбы (Беседовский Г.З. Наши тактические задачи // 1929. № 1. С. 3—4). Большинство передовых статей и воззваний принадлежало перу главного редактора. Пройдя в 1917 путь от кадета до левого эсера, Беседовский вовремя примкнул к победившей партии и сделал в 1920-е успешную дипломатическую карьеру, а затем, благодаря громкому побегу из советского полпредства в Париже, обеспечил себе определенный вес в эмигрантских кругах. С.П.Мельгунов, относившийся к политическим метаморфозам Беседовского с настороженностью, признавал: «Во всяком случае, это фигура колоритная — подлинное порождение революционной стихии» (Мельгунов С. «Невозвращенцы» и их литература // Борьба за Россию. 1931. № 208/209. С. 5). Вопросы культуры

обсуждались исключительно в связи с политикой. Антибольшевистская направленность издания отнюдь не означала для его сотрудников примирения с «белой» эмиграцией: идеологическая война велась на оба фронта. Мишенью для полемических стрел журнал избрал монархическую газету «*Возрождение*», которую именовал «Вырождением» и которой ставил в вину «кликушьи призывы к интервенции»: «Идти от провала к провалу, от конфуза к конфузу, попадать из-под одного кулака под другой, лгать, клеветать и марать живого и мертвого стало обязательной традицией этой газеты» (1930. № 3. С. 7). Из деятелей правого толка почтительных отзывов удостаивались в журнале лишь лидеры Русского национального комитета и группы «Борьба за Россию», в частности В.Л.Бурцев. Однако на предложение последнего «встать на национальную платформу» «невозвращенцы» ответили отказом, в очередной раз подчеркнув, что их лозунг — «Союз советских демократических республик» (Другов Ф. О национализме (Ответ В.Л.Бурцеву) // 1931. № 17/18. С. 10—11).

Среди персон, примкнувших к коммунистическому лагерю, «Б» особо выделяла *М.Горького*. О его старческой «беспомощности» говорил Н.Крюков-Ангарский в фельетоне «Против травли Максима Горького». По словам критика, Горький растерял прежнюю силу, а потому все обвинения в его адрес «неубедительны»: статью «О предателях», вызвавшую волну возмущения в эмигрантской прессе, писал — да еще «в порядке социального заказа» — «уже не Горький, а Пешков». Продав себя, «он основательно надул своих хозяев»: «Большевики покупали М.Горького, а при внимательном рассмотрении оказалось — получили только А.Пешкова. Но такого товара у них самих было достаточно» (1930. № 7. С. 9). В иной — обличительной — тональности была выдержана анонимная заметка «Друг народа — Максим Горький», где рассказывалось о финансовых отношениях «привилегированного "невозвращенца"», с Москвой. Не довольствуясь «жирными гонорарами с Госиздата в иностранной валюте», Горький «иногда обращается прямо в казенную кассу и смело запускает туда руку», — утверждал автор, получивший по своим каналам информацию о выплате советским полпредством долга писателя наследникам З.И.Гржебина. Завершался текст восклицанием: «Не эти ли несколько тысяч долларов явились теми тридцатью серебрениками, которыми Сталин купил Горького?» (1931. № 12. С. 6).

На страницах «Б» появлялись пространные материалы, посвященные судьбам отечественного искусства. «В порядке дискуссии» были напечатаны три статьи Рафаила под общим заглавием «Интеллигенция и революция». С точки зрения публициста, конфликт революции и культуры неизбежен: «Культура — скепсис к целям и уважение к средствам, ее путь — путь эволюции». Революция же всегда «акультурна», однако, подобно любому «стихийному феномену», она «ни зло, ни добро, а вернее — и зло, и добро» (1930. № 3. С. 5—6). В России слом старого уклада ознаменовался кризисом интеллигенции и ее «мессианского» искусства: «Русская интеллигенция, как специфическая социальная категория, целиком в прошлом» (1930. № 4. С. 6—7). Беллетристика в журнале не публиковалась, и писатели к сотрудничеству не привлекались. Единственное исключение было сделано для *А.П.Каменского*, в 1930 вторично эмигрировавшего из России. «Б» представила два больших отрывка из его «нового, еще не напечатанного романа» «Свет во тьме» (1931. № 13/14; 1931. № 17/18).

Е.Г.Домогацкая

«БОРЬБА ЗА РОССИЮ» (Париж, 1926. № 1. 27 ноября — 1931. № 239. 7 ноября) — еженедельное издание под редакцией В.Л.Бурцева (до № 91 от 18 августа 1928), А.В.Карташева, С.П.Мельгунова, Т.И.Полнера, П.Я.Рысса и М.М.Федорова; с № 122/123 от 1 апреля 1929 — под редакцией М.М.Федорова. Журнал был основан с целью послужить «широкому объединению» антибольшевистских течений эмиграции и положить начало «действенной работе для установления более тесной связи с Россией и для проповеди активизма». Идеологи нового органа подчеркивали, что, подготавливая «свержение чуждой народу власти», надо надеяться не на помощь западных держав, а на «собственные силы, объединенные силы внутренней России и зарубежья», и в первую очередь на моло-

дежь. Именно поэтому главной задачей журнала объявлялась агитация за «общее действие против единого для всех нас врага» (Федоров М. Итоги // 1927. № 53. 26 нояб.). Веру в успех должны были выражать эпиграфы, из номера в номер помещавшиеся рядом с заголовком: «Близится утро, но еще ночь» (1926—1931) и «Ночь проходит, день приближается» (1932). В еженедельнике печатались политические статьи, воззвания, фельетоны, патриотические и сатирические стихи, обзоры периодики, заметки о книгах, воспоминания, документы, некрологи, письма из России, «хроника борьбы». Среди авторов — М.Бернацкий, В.Богданович, В.Л.Бурцев, С.И.Варшавский, С.А.Водов, С.Л.Войцеховский, А.А.Вронский, А.И.Деникин, *К.И.Зайцев*, А.С.Изгоев, А.В.Карташев, *А.И.Куприн*, Г.А.Ландау, И.О.Левин, В.М.Левитский, Л.И.Львов, С.П.Мельгунов, П.Е.Мельгунова-Степанова, К.Нефедов, Т.И.Полнер, С.И.Рапопорт, П.Я.Рысс, И.Г.Савченко, П.А.Сорокин, Н.С.Тимашев, *И.И.Тхоржевский*, М.М.Федоров, А.М.Хирьяков, Н.А.Цуриков, *Е.Н.Чириков*, *А.А.Яблоновский*, С.В.Яблоновский и др.

Одной из важных задач сотрудники журнала считали разоблачение и посрамление писателей, в той или иной форме поддерживавших коммунистический режим. Помимо стихотворных памфлетов и «раешников», где высмеивались *М.Горький* и Д.Бедный, той же цели служили острые фельетоны Е.Н.Чирикова и А.А.Яблоновского. Яблоновский, отвечая советскому публицисту Д.И.Заславскому, а заодно и сменовеховцам А.В.Бобрищеву-Пушкину, *И.М.Василевскому* (Не-Букве), *А.Ветлугину*, *А.М.Дроздову*, уверявшим, будто эмиграция потеряла духовную связь с родиной и «кончилась», обвинял оппонентов в сознательной клевете, продиктованной желанием московских «вождей» «поссорить нас с Россией», «натравить Россию подъяремную на Россию зарубежную». «Между Россией зарубежной и Россией порабощенной нет никакой стены. Вы живете в неволе, а мы живем в изгнании. Но страдания у нас общие, но враг у нас общий и отечество у нас одно», — убеждал он читателей с «другого берега» («Мы и они» // 1926. № 5. 25 дек.). Конкретным поводом для обсуждения позиции М.Горького послужили Яблоновскому отклики писателя на смерть Ф.Э.Дзержинского и Л.Б.Красина. Дифирамб режиму, считал фельетонист, здесь «уже очень смахивает на лжесвидетельство», поскольку произнесен «издали». «Как цыган на ярмарке нахваливал слепую кобылу, так г. Горький нахваливает советскую власть», — однако сам он «не вынес московского опыта и бежал за границу»: «Для себя он предпочел страну фашистов. Никакими калачами назад, в Россию, его не заманишь». Впрочем, Яблоновский готов был предположить, что существовали некие обстоятельства, не известные эмиграции и отчасти оправдывающие Горького: «Или, может быть, советские вельможи, хоть и отпустили своего псалмопевца к фашистам, но держат его на веревочке и знают, чем припугнуть?» («Стонет сизый голубочек...» // 1927. № 6. 1 янв.). Без подобного рода скидок рассматривалось покаянное письмо Б.А.Пильняка, присланное в «Новый мир» в разгар баталий вокруг «Повести непогашенной луны»: Яблоновский называл автора «лакеем, и притом лакеем смердяковской школы» («Аракчеевщина» // 1927. № 10. 29 янв.). Несколько язвительных реплик адресовал он и Д.Бедному («Желтые автомобили» // Там же). «Маленький фельетон» с красноречивым заглавием «Обер-лакей» посвятил Д.Бедному Е.Н.Чириков, сравнивавший «придворного поэта» с блохой из «любимой Шаляпиным песенки». Нарисовав портрет «блохи», которая была облагодетельствована Троцким в пору его могущества, а позже принялась «наскоро перестраивать свою казенную лиру» в угоду новому хозяину, Чириков заключил: «Таков литературный лидер коммунистов, краса и гордость революции... Таков первый поэт пролетарский. Хам природный, наследственный, потомственный и почетный хам, Демьян Бедный» (1927. № 57. 24 дек.). Не менее резко высказывался Чириков о М.Горьком, «этом литературном и политическом Смердякове»: «Подлинный лакей, запутавшийся в своих умствованиях благородных и вынужденный лизать пятки господина своего...» На народные, «человеческой кровью» пахнущие деньги писатель, по словам Чирикова, блаженствовал «под лазуревыми небесами фашистской Италии», «барабаня» о советских достижениях «для заграничных дураков» («Товарищ Смердяков» // 1930. № 196/197. 15 окт.). Прежние идеалы и прежних соратников — к примеру, В.А.Базарова и Н.Н.Суханова,

арестованных за «сомнение в полезности превращения мужика-земледельца в нищего раба», — Горький предал. «Чего хотел когда-то Горький! Свободно думать, говорить и ходить! О буржуазных свободах мечтал и на борьбу смертную за эти свободы призывал! — напоминал Чириков. — А между тем Горький в Сорренто, с большой валютой, а его бывшие друзья в подвалах ГПУ» (Там же). Похожие обвинения в адрес «вождя» пролетарской литературы содержались в фельетонах Чирикова «Две совести» (1927. № 23. 30 апр.) и «Праздник кровавой утопии» (1927. № 50. 5 нояб.). А.В.Карташев подчеркивал разницу между ложью советских авторов, явившейся «клеймом рабства на их челе», и «фиглярничаньем» «с жиру бесящегося буржуя Б.Шоу» и «полусвободного Горького». «На мировой сцене, на подмостках СССР, ставятся сейчас две клоунады. Кривляются два писателя с мировой известностью: М.Горький и Б.Шоу. Тот и другой поют лакейские оды новому идолу — коммунизму», — возмущался Карташев («Лжецы вольные и подневольные» // 1931. № 236/237. 15 авг.).

Реакцией на разгромный отзыв Горького об эмигрантской публицистике стала статья С.П.Мельгунова «Советский Искариот» (1928. № 79. 26 мая). По пунктам разобрав мнение оппонента о его книге «Красный террор» и заверив, что «нисколько не оскорблен», Мельгунов резюмировал: «Отвратно, однако, зрелище писателя, пытающегося оправдать кровавое палачество современных властелинов». Претензии к Горькому и пролетарским поэтам, прославлявшим «инквизиторов», были повторены в заметках из цикла «Чекистский Олимп» (1931. № 212/213—224/225). Откликался Мельгунов и на события литературно-политической жизни русского зарубежья. В 1927 он включился в спор о «Трех столицах» *В.В.Шульгина*, признав несомненные заслуги автора, показавшего «реальную возможность протянуть нити» между диаспорой и метрополией («Книга Шульгина и его подвиг» // 1927. № 14. 26 февр.), а в 1931 дал обзор мемуарно-публицистических выступлений Г.С.Агабекова, Г.З.Беседовского, С.В.Дмитриевского, Е.В.Думбадзе, М.Я.Ларсонса, Г.А.Соломона, вызвавших волну интереса к «невозвращенству», и потребовал осторожнее принимать бывших коммунистов в ряды «активной эмиграции» («Невозвращенцы» и их литература» // 1931. № 208/209. 15 янв. — № 210/211. 1 февр.). О роли эмигрантской прессы в информировании «среднего русского обывателя» рассуждал на страницах еженедельника А.И.Куприн: «Можно разными глазами смотреть на деятельность русских зарубежных противобольшевистских газет и по-разному оценивать успехи их борьбы с коммунистической коростой. Несомненно и непреложно одно: попадая в Россию, эти газеты честно рассказывают русским подъяремникам истинную правду о том, что совершается по обе стороны рубежа, но о чем русские в риесерии не услышат ни в рассказе, ни из большевистских газет» («Замурованные» // 1929. № 117. 16 февр.).

Позиции московского журнала «Печать и революция» анализировал В.Л.Бурцев, особое внимание уделивший пристрастиям критиков В.П.Полонского и А.З.Лежнева. «Каковы литературные вкусы и симпатии Полонского и прочих авторов — можно судить по словам одного из них, что Демьян Бедный — больше всех остальных современных писателей, вместе взятых. Зарубежная литература рассматривается как нечто, не идущее в счет. Один из лучших писателей советской России М.Булгаков (автор «Дней Турбиных») упоминается вскользь, в пренебрежительно-кисловатой фразе: он подозрителен по «белогвардейству»» (1928. № 60. 14 янв.).

В некрологах, появлявшихся в рубрике «Памяти ушедших», В.Л.Бурцев, А.В.Карташев, П.Я.Рысс отмечали гражданские качества *Ю.И.Айхенвальда*, *М.П.Арцыбашева*, Б.Г.Кнатца, Д.С.Пасманика, Ф.К.Сологуба, Г.Н.Трубецкого. Называя Арцыбашева «блестящим беллетристом», принесшим в эмиграцию «целый пылающий костер антибольшевистского негодования», Карташев писал: «Как бы хотелось вернуть это правдолюбивое сердце и это могучее слово освобожденному русскому народу, когда надо будет добивать последствия коммунистических обманов и чистить народную душу от засорения всякой поганью!» (1927. № 16. 2 марта). С панегириком Сологубу, хранившему в СССР «суровое молчание» и умершему «в тоске, нужде и одиночестве», выступил Рысс. «Он жил гордо — и гордо умер, — говорилось в некрологе. — Вели-

кий дар, отпущенный ему судьбой, он не разменял на позолоченные цепи рабского услужения. Как верный слуга вольного гения, он жил в свободе духа и в ней умер. Он был великим поэтом и настоящим гражданином. И память о Сологубе будет жить вечно, пока существовать будет русская речь, пока живет Россия» (1927. № 56. 17 дек.). Айхенвальда Рысс считал не только «прекрасным человеком и крупным литератором», но и «горячим патриотом», «до конца» сохранившим верность культурной России (1928. № 110. 29 дек.). Среди других материалов — очерк Т.И.Полнера «Толстой», посвященный, в частности, отношению к «толстовству» в СССР (1928. № 95. 15 сент.), серия размышлений А.И.Деникина о задачах «русского беженства», мемуары П.Е.Мельгуновой-Степановой, корреспонденции из США П.А.Сорокина, стихи И.И.Тхоржевского и А.М.Хирьякова.

Е.Г.Домогацкая

В

«ВЕРЕТЕНО» (Берлин, 1922—1923) — содружество писателей, художников и музыкантов, было основано в Берлине в мае 1922. Создатели группы предполагали, что к деятельности в содружестве, кроме русских деятелей культуры, живших в Германии, будут привлечены и литераторы из других стран русского рассеяния, а также и из России. Один из организаторов «В», его председатель *А.М.Дроздов* писал в журнале *«Новая русская книга»*, что «В» ставит целью проповедовать творческое начало жизни и утверждать веру в созидательные силы русского искусства. «Содружество, абсолютно чуждое всякой политики, будет бороться с разложением русской литературы (в частности, с засорением русского языка) и с искусственностью, подменяющей подлинное искусство, резко и определенно отмежевываясь от псевдо-«молодых» и псевдо-«старых» течений в русской литературе сегодняшнего дня, которые не совпадают с истинными путями русского возрождения. «Веретено» не намерено ограничиваться деятельностью в эмиграции, но вступило в тесную связь с родственными ему творческими силами в России» (1922. № 5. С. 26). И хотя, как мы видим, он в своем программном заявлении отрицал политическую направленность группы, однако ни для кого не было секретом, что «внутренней» задачей «Веретена» было перетянуть в содружество творческие силы из пробольшевистской *«Накануне»*. Сама «Накануне» писала о «В» как о содружестве, объединяющем писателей по политическому признаку, в задачи которого входило выпускать альманахи и агитационные бюллетени. К участию в деятельности «В», по их словам, будут привлечены писатели из парижского «Ордена непримиримых», возглавляемого *З.Н.Гиппиус*, ненависть которой к большевикам всем была хорошо известна (Литературное приложение к «Накануне». 1922. № 3. С. 12).

В состав совета «В» вошли: А.М.Дроздов (председатель), *Г.В.Алексеев* и *С.Горный* (товарищи председателя), *В.А.Амфитеатров-Кадашев*, В.Л.Пиотровский (*Корвин-Пиотровский*), Г.В.Росимов, художник С.А.Залшупин, В.Татаринов, Л.Чацкий (Страховский). Летом 1922 содружество выпустило литературно-художественный альманах «Веретено» (Берлин), в котором были опубликованы произведения Г.В.Алексеева, *И.А.Бунина*, В.Л.Пиотровского, С.Горного, А.М.Дроздова, Г.В.Росимова, *И.С.Лукаша*, *В.Сирина*, *Вас.И.Немировича-Данченко*, Б.А.Пильняка, *А.М.Ремизова*, Э.Ф.Голлербаха, В.А.Амфитеатрова-Кадашева, *С.К.Маковского*. Иллюстраторами и оформителями альманаха стали художники И.И.Мозалевский, С.Сегаль, Вен.Белкин, А.Андреев, М.Банд. В это же время вышло и второе издание содружества — «вестник критической мысли и сатиры» журнал *«Веретеныш»*.

Состоялось несколько заседаний группы. На одно из них, которое прошло 22 октября 1922, был приглашен *И.М.Василевский* (Не-Буква). На другом — 12 ноября — выступил *А.Н.Толстой*. Вероятно, эта примиренческая позиция по отношению к постоянным авторам «Накануне» и стала «яблоком раздора» недолговечного «В», так как уже 12 ноября в газете *«Руль»* было опубликовано сообщение о выходе из содружества его восьми активных членов: И.А.Бунина, С.Горного, В.А.Амфитеатрова-Кадашева, И.Лукаша, В.Сирина, *Г.П.Струве*, В.Татаринова и Л.Чацкого (Руль. 1922. 12 нояб.). Все они перешли в издательство «Медный всадник», возглавляемое С.А.Соколовым-Кречетовым, и образовали «тайный» литературный кружок. Уход из содружества восьми его членов по времени почти совпал с выходом в свет альманаха «Веретено». И вместо ожидаемого еще большего сплочения группы, обусловленного первым совместным изданием, произошел полный развал группы. Месяцем позже, в декабре 1922, «Веретено» покинули В.Л.Пиотровский и Г.В.Алексеев (Новая русская книга. 1922. № 10. С. 32). В январе 1923 о своем несогласии сотрудничать в изданиях «В» заявили московские писате-

ли: Н.С.Ашукин, Е.Д.Зозуля, Ю.Л.Слезкин, Б.Пильняк, А.Соболь, В.Г.Лидин и др. (Новая русская книга. 1923. № 2. С. 38). Одновременно А.М.Дроздов, ранее активно выступавший против «Накануне», резко изменил свою позицию и опубликовал как в самой газете «Накануне», так и в ее литературном приложении ряд собственных рассказов, повестей и статей, а также приведший к большому возмущению в среде литературной эмиграции фельетон «Дар слез» (Накануне. 1922. 16 дек.), в котором он фактически осуждал эмиграцию и разрывал с ней все отношения. Через несколько дней после этой публикации создатель Содружества А.М.Дроздов написал в литературном приложении к «Накануне» (сама газета и ее редактор А.Н.Толстой всего за полгода до этого были подвергнуты суровой критике в *«Сполохах»* (1922. № 9)) о том, что он прекращает редактировать журнал «Сполохи», и о своем предстоящем отъезде в советскую Россию.

В.Ю.Кудрявцева

«ВЕРЕТЕНЫШ» (Берлин, 1922. № 1. Август — № 3. Ноябрь) — журнал самим заглавием заявил о преемственности с альманахом «Веретено» (Берлин, 1922. Кн. 1) и с Содружеством писателей и художников *«Веретено»*, объединявшим представителей эмигрантской элиты. В октябре 1922 журнал *«Русская книга»* в своем десятом номере сообщил о расколе в литературном содружестве «Веретено» в связи с избранием в его члены графа *А.Н.Толстого*. «Веретеныш. Вестник критической мысли и сатиры», организованный литературно-художественной молодежью, оказался более лояльным в своей позиции, помещая на своих страницах дружеские шаржи и вполне доброжелательные пародии на виновника «раскола» А.Н.Толстого. *Сергей Горный* в первом программном номере журнала опубликовал эмоциональный очерк «О земле» с посвящением «графу А.Н.Толстому» и обращением ко всей берлинской эмиграции: «Вот идут они все по Курфюрстендамму. Все гладкие и хорошие. И русских среди них много. Все чистые, хорошие. И никто из них в «Накануне» не пошел. А вот идет среди них он. Нехороший и что-то содеявший. А вот ближе он мне своих, гладких и безгрешных. Весь он с симбирскими запахами, с дождями, крупно стучащими о балконную парусину, с садом, пахнущим после дождя влажною мятою, с зарницами — мгновенными взмахами божьих ресниц за округлым курганом над Волгою. Свой. Родной!» (№ 1. С. 8).

Изначально «В», среди основателей которого были *А.Дроздов*, *Г.Алексеев*, С.Сегаль, заявил о своей приверженности России и ее культуре в лице тех, кто оказались в изгнании, и тех, кто остались на родине: «Мы не одиноки — нас окружают испытанные рыцари русского слова, на чьем творчестве мы учимся и чье творчество — икона наша... Мы шлем товарищеский привет наш Петербургскому Дому литераторов, на платформе которого мы стоим, мы зовем каждую творческую душу работать с нами и, быть может, заменить нас, начавших. «Веретеныш», который мы ныне выпускаем, — наша кавалерия, его дело — рубить, резать колючую проволоку и трубить в трубы» (№ 1. С. 1).

В программной статье «Pro domo sua» А.Дроздов писал: «Я русский. Потому, что в России и теперь цыкают в елках клесты, потому что в России и теперь скрипит коростель, потому что мы, может быть, и помрем здесь, а Россия не помрет. Никогда. Счастлив был почин наш: мы поверили — и вот ряд писем из России от писателей... Наш голос — голос искусства. И в том, что наш голос — голос молодой русской литературы — встретил ответный голос из России, наше счастье, наша бодрость, наша вера в то, что мы правы» (№ 1. С. 7).

Позиция журнала отражала уверенность его создателей в единстве и неделимости русской литературы, как они считали, вопреки «временному и стирающемуся рубежу». В подтверждение сообщалось, что в журнале примут участие крупнейшие писатели эмиграции и советской России. В третьем номере в анкете «Веретеныша» «Завтрашний день русской литературы» были опубликованы размышления о будущем отечественной словесности *А.Белого*, Вл.Лидина, А.Яковлева, *И.Сургучева*, Ю.Слезкина, А.Соболя, *А.Куприна*, *Б.Лазаревского*, *П.Потемкина*, Дм.Стонова, *Тэффи*, *Л.Урванцова*. «...Делить русскую литературу на зарубежную и внутрироссийскую я не могу. Она едина. И русский писатель остается русским, хотя бы он временно сидел на

Сандвичевых островах... Но вот жить ради творчества русскому писателю надо, конечно, дома: в России», — писал из Москвы А.Яковлев. «Где будет заложен первый кирпич — в Берлине, в Москве ли, в Чердыни — это все равно: временный вид на жительство ведь только временный» (Москва, Андрей Соболь). «В эмиграции новой литературной эпохи нет, — писала Тэффи. — Говоря о будущем русской литературы, мы не можем включить в это будущее писателей уже определившихся, и сколь бы неожиданные и великолепные произведения они ни дали миру — это будет не новая литература, а продолжение славной старой... Но душой чувствую я, что свет придет с востока». «Будущее русской литературы? Где оно? Будущее ее в языке. Язык в России. А где Россия? — За границей, ибо страна интернационала не Россия» (П.Потемкин). В «анкете» присутствовала и другая точка зрения: «Завтрашний день русской литературы? Я все-таки думаю, что он здесь, в эмиграции» (И.Сургучев). «Вся русская литература в эмиграции» (Лев Урванцов). «Что касается вопроса, где будет этот завтрашний день, то для меня не подлежит сомнению, что там, где не будет насилия и цензуры и где не будут думать, что цель оправдывает средства...» (Борис Лазаревский). И снова призыв журнала, через границы: «Русский писатель, внук Пушкина и сын Достоевского, русский писатель, собравший в чашу свою все капли русской крови и все брызги русского солнца, — отзовись!» (№ 3. С. 1).

Одна из главных идей журнала — сохранить «золотую цепь преемственности» в литературе и искусстве. Отрекаясь от прошлого, человек отрекается от будущего, утверждает Наталия Потапенко в статье «О «новом» и «старом»» (№ 1. С. 3). Исповедуя идеи «одухотворенного» или гуманного конструктивизма, журнал заявил о своей непримиримости к «тупиковому» искусству «чистой формы»: «Для чего оно создает «формы»? Неужели, как утверждает *Эренбург*, только ради «финтифлюшечек» и «дырочек-пупырочек»» (№ 1. С. 4). Против апологетов «вещности» (журнал «*Вещь*») направлен и сатирический коллективный роман «веретенцев» «Заграничные приключения Ивана Сидоровича Башмакова». Сообщалось, что «роман будут писать 14 писателей. Фабула романа совершенно неизвестна... Каждую главу пишет один писатель по жребию, начать роман выпало Ал.Дроздову, писать вторую главу *В.Пиотровскому*, третью *Вл.Амфитеатрову*, четвертую Сергею Горному, пятую Г.Алексееву. Имена остальных авторов будут объявлены по мере надобности» (№ 1. С. 11). Роман остался незавершенным, в каждом номере помещалось по две главы.

В журнале освещались вопросы литературы и современного искусства, утверждалась связь традиций и поколений (статьи С.Сегаля «От мрака к свету (О современном искусстве)», Г.Лукомского «Задачи русской живописи за границей», № 1). Печатались рецензии на произведения текущей литературы, иногда выдержанные в иронической манере, анонимные или подписанные псевдонимами. Значительное место в журнале занимали пародии, шуточные стихи, дружеские шаржи художников А.Андреева, Вл.Белкина, М.Банда, Г.Лукомского, И.Мозалевского, С.Сегаля и др. В разделе «Хроника «Веретена»» сообщалось о деятельности Содружества в Берлине, Чехословакии, Франции, Италии, Болгарии, Прибалтике, России с участием *С.Маковского*, *Е.Чирикова*, И.Сургучева, П.Потемкина, А.Куприна, *И.Бунина*, *Г.Гребенщикова*, *А.Аверченко*, *П.Пильского* и др. В Петербурге представителем «Веретена» был И.Оксенов, поддерживались отношения с «Серапионовыми братьями». В Москве председателем отделения состоял Ю.Слезкин. Широко освещалась и работа «веретенцев», о чем сообщалось в первом номере журнала. Однако молодой оптимизм «веретенышей», их симпатии к литературе новой России не вызвали сочувствия в содружестве «Веретено». Во втором номере журнала в пространной статье «На перепутьи...» В.Амфитеатров-Кадашев обвинил «веретенышей» в «биологизме» и «пассивном» восприятии жизни: «В этой страдательности, в этой безвольной идеологии коренной грех «Веретеныша»» (№ 2. С. 6). Не понравился «старшим» и панегирик А.Толстому в очерке С.Горного «О земле» (№ 1). После статьи Амфитеатрова-Кадашева трое «веретенышей» — А.Дроздов, С.Горный, Г.Алексеев поместили свои ответы. В статье «Молодые капитаны» Г.Алексеев писал: «В море, когда гибнет судно и пали капитаны мертвыми в шторм — флаг и спасение в руках

смельчаков... Не бойтесь слабости юношеских рук: они окрепнут» (№ 2. С. 8).

В журнале напечатана анкета «Веретеныша» «Читатель, кто ты?», в которой высказана забота о воспитании читательского вкуса: «Кого ты читаешь и ПОЧЕМУ ты читаешь? Мы знаем, что ты читаешь *Краснова* и не читаешь Андрея Белого? Почему? Почему читаешь Ильину-Полторацкую или Лаппо-Данилевскую, а не читаешь *Ремизова*? Есть литература: А.Белый, Ремизов, Бунин и др., и есть литература лакейская: П.Краснов, Ильина-Полторацкая, Лаппо-Данилевская и прочие последыши г-жи Вербицкой... Все твои, читатель, искренние оценки, задушевные мысли о сегодняшнем и завтрашнем дне русской литературы будут внимательно разобраны и напечатаны в «Веретеныше»» (№ 2. С. 16).

С.А.Коваленко

«ВЕРСТЫ» (Париж, 1926. Июнь. — 1928. № 1—3) — журнал под редакцией *Д.П.Святополка-Мирского*, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона «при ближайшем участии *А.Ремизова*, *М.Цветаевой* и *Л.Шестова*».

Как было сказано в редакционном предисловии к первому выпуску, целью журнала было «если не объединить все лучшее в современной русской литературе (это не под силу одному изданию)», то «указывать на это лучшее». Редколлегия подчеркивала, что не проводит различия между русской культурой, создаваемой на родине и за ее рубежами, а стремится «понять это целое не с точки зрения практической борьбы, а с точки зрения национально-исторической предначертанности» (с. 5). Верность данной установке сохранилась во всех выпусках. «Своей прямой задачей, — говорилось в редакционном вступлении к последней книге «Верст», — мы по-прежнему считаем способствовать объединению той части эмигрантской интеллигенции, которая хочет смотреть вперед, а не назад; с другой стороны, способствовать пониманию русской современности в широком историческом масштабе, не забывая, что *русское шире России и что все человечество так или иначе втянуто в наши, русские проблемы*» (№ 3. С. 5—6; курсив редакции).

Как видно из редакционных заметок, в позиции журнала отчетливо просматривается влияние «сменовеховства» и «евразийства», воспринимавших революцию и советскую действительность как проявление «национально-исторической предначертанности», связанной с особым путем России. Уже в первом номере редакция заявляла, что будет стремиться соединять литературу, критику и библиографию с вопросами философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения, т.е. давать достаточно широкую картину достижений русской культуры. Литературные и критические материалы занимали в «Верстах» наибольшее место.

Первая книга открывалась перепечаткой из «Нового мира» (М., 1926. № 2) четырех предсмертных стихотворений С.Есенина («Какая ночь! Я не могу...»; «Не гляди на меня с упреком...»; «Ты меня не любишь, не жалеешь...»; «Может поздно, может слишком рано...»); были напечатаны «Поэма Горы» М.Цветаевой; пять стихотворений И.Сельвинского из различных сборников конструктивистов (в том числе «Казнь Стецюры» и две цыганские стилизации); рязанские частушки; отрывки из книги А.Ремизова «Николай Чудотворец» («Образ Николая Чудотворца». Париж, 1931) и его же «Ро́сия»; рассказ И.Бабеля «История моей голубятни» (М.; Л., 1926) и «Вольница» А.Веселого.

Все эти авторы объединены своеобразным пониманием мятежного русского характера, соединяющего в себе громадное, неутоленное чувство любви с жестокостью, веру в Бога и Провидение с безбожием, праведность с разгульностью. Русская история выступает здесь как некая азиатская самобытность, в ее величии и трагизме, в ее мессианской роли. Последнее должна была доказать публикация отрывка «Потемкин» из поэмы Б.Пастернака «1905 год» (Новый мир. 1926. № 2). Двумя годами позже Д.Святополк-Мирский, рецензируя в «Верстах» всю поэму и пастернаковского же «Лейтенанта Шмидта», напишет, что «Пастернак, великий революционер и преобразователь Русской поэзии, поворачивается ко всей старой традиции русской жертвенной революции и дает ей то творческое завершение, которое она сама себе не в силах была дать» (№ 3. С. 154).

Столь же характерен и отбор художественных произведений, вошедших во второй номер журнала: трагедия М.Цветаевой

«Тезей», экспрессионистская проза («Восстание» А.Веселого и «Москва под ударом» *А.Белого*), отрывок из романа Ю.Тынянова «Кюхля» под названием «Конец», «Ро́сия» и «Заветы» А.Ремизова.

Во всех трех номерах журнала широко представлена критика и библиография. Ведущим критиком журнала выступает князь Д.Святополк-Мирский, стоящий более на позициях «сменовеховства», нежели «евразийства». В первой книге «Верст» в статье «Поэты и Россия» он выступает за связь литературы с «общей жизнью России» (№ 1. С. 143), упрекая писателей XIX в. в отсутствии такой связи. Исключение составляют только Г.Державин и Н.Некрасов. Продолжателями торжественно-победной державинской линии в поэзии XX в. критик называет Гумилева, послереволюционного Маяковского, Пастернака, Цветаеву; последователями минорной некрасовской линии — Блока, Ахматову, дореволюционного Маяковского.

Во втором номере Мирский публикует статью «Веяние смерти в предреволюционной литературе», в которой настаивает на том, что дореволюционная литература либо упивалась смертью и самоубийствами (*Горький*, *Андреев*, *Бунин*, *Арцыбашев*, Сергеев-Ценский), либо заразилась мистикой и декадентством (Розанов, *Гиппиус*, *Вяч.Иванов*, А.Белый, Блок и др.). При этом он утверждает, что задачу «ампутации загнившего духа» выполнят новые писатели: «Маяковский с его презрением к высшим ценностям, нигилистический формализм *Шкловского*, «материализм» комсомола» (с. 253) и особенно Б.Пастернак и М.Цветаева.

В новой литературе редактор «Верст» жаждет увидеть «сверхчеловечность» (№ 1. С. 146). Пояснение этого термина содержится в обзоре Мирского «Годовщины» в третьей книге журнала. Вновь возвращаясь к Некрасову, критик утверждает, что его поэзия «глубоко и органично социальна, коллективна», что «в слиянии с коллективом Некрасов совершенно преодолевал страдание» (№ 3. С. 140—141). «Войти в природу вещей, обновить мир, вернуть его составным частям утраченную свежесть» (№ 3. С. 145), как это сделал В.Хлебников, — и есть миссия новой литературы. Через все выпуски журнала проводится мысль, что эмиграции не под силу справиться с этой задачей. Впервые идея обновления мира прозвучала в обзоре 26 номеров «*Современных записок*», написанном Святополком-Мирским. В ведущем литературном журнале русского зарубежья критик увидел «чистую, почти беспримесную установку на прошлое... инерцию предреволюционной России» (№ 1. С. 207). Автор обзора весьма произвольно выделил в «Современных записках» либерально-консервативное ядро (*Мережковский*, Бунин, *Алданов*, *Ходасевич*, *Зайцев*, *Бальмонт*, *Степун*), не принимающее нового и не способное, по его мнению, к созданию большого искусства, и «периферию» (Белый, Ремизов, Шестов, Цветаева — все сотрудники «Верст») — авторов, книгам которых он сулит большое будущее. «В конце концов, — пишет Святополк-Мирский, ядро «Современных записок» не дало в романе ничего равного напечатанному со стороны, «Преступлению Николая Летаева»; в поэзии вещам М.Цветаевой, напечатанным не в них; в философии «Гефсиманской ночи»... Л.Шестова» (№ 1. С. 209).

В этом же ключе выдержан и «Опыт обзора» новейшей литературы *Александра Туринцева*. Автор сочувственно цитирует мысль вернувшегося на родину *А.Толстого* о необходимости «монументального реализма» в литературе, о создании «большого человека» — творца в противовес «маленькому». Высмеивая слова Д.Мережковского: «Пока существуют большевики — нет России», А.Туринцев строит весь обзор на произведениях советской литературы. В поле его зрения «Голый год» и «Мать сыра земля» Б.Пильняка, где, как подчеркивает критик, убедительно показано, что «большевизм исконно русская стихия» (№ 1. С. 216), но нет пока «живых типов» (Там же); «Уездное», «Островитяне» и «Пещера» *Е.Замятина*, в «безукоризненной форме» «воплотившие время великого распада, крушений и канунов» (№ 1. С. 216—217). Критик чрезвычайно высоко оценивает «Воздушные пути» и «Детство Люверс» Б.Пастернака за переданное в них «движение, трепет мира подсознательного» (с. 221), «Курымушку» М.Пришвина, не только показывающего «внутренний рост человека», но и «приближающего русский язык в сторону к народному» (с. 222). Идея такого сближения была столь важна редакции «Верст», что она не ограничилась помеще-

нием в первом номере среди авторских произведений рязанских частушек, но опубликовала во втором большую статью кн. *Н.С.Трубецкого* «О метрике частушки», где народный примитив вводится в общий ряд с «эпиграммами, мадригалами и альбомными стихотворениями «искусственной поэзии» (№ 2. С. 223) и тем самым доказываются возможности народных художественных форм передавать «сильные душевные переживания» (Там же).

В обзоре А.Туринцева «уже величиной» назван Л.Леонов. Правда, критика не устраивает, что «маленькие люди» удаются писателю больше, чем «новые». Тем не менее в «Петушихинском проломе» и «Барсуках» он ценит сюжет, в котором «мелкий человек экзамен держит на большого» (Л.Леонов), а его потомок «мелким» уже не будет (с. 218). В жестоких рассказах И.Бабеля автора обзора привлекает интерес к азиатчине (крови, смерти — «убоине») и азиатская энергия: «У этой убоины столько жизненной энергии, что понимаешь — направь ее иначе — и сдвинут горы» (с. 220).

В дальнейшем критики журнала, подчеркивая свою заслугу в том, что «советская беллетристика вошла в читательский обиход эмиграции», придут к выводу, что «в Москве, а не в Париже пролегает главное русло русской литературы» (№ 3. С. 5). Однако требование социальной определенности писательской позиции, впервые прозвучавшее у Святополка-Мирского и Туринцева и достигшее своей вершины в статье С.Я.Эфрона «Социальная база русской литературы» (№ 3. С. 135—139), не вело к отрицанию художественной индивидуальности и переоценке классового характера литературного творчества. В обзоре Туринцева утверждалось, что «творчество пролетарских писателей в корне дефективно» (№ 1. С. 228), т.к. они увлекаются общей идеологией в ущерб художественной неповторимости. Для пролетарского писателя, утверждал критик, «глубина и трагичность эпохи крушенья старого и рождения нового просто недоступна» (с. 223).

Такая позиция, с одной стороны, сближала «Версты» с «Красной новью» и «Перевалом», с другой — позволяла проявлять в основном хороший вкус в оценке литературных явлений. В частности, журнал, высоко оценивая творчество А.Белого и Б.Пастернака, критически отнесся к роману Белого «Москва» и поэме Пастернака «Спекторский» (№ 1. С. 230—231). Неизменно высокую оценку получали в критических и библиографических обзорах книги А.Ремизова и М.Пришвина, стихи С.Есенина и Н.Клюева, проза А.Веселого, К.Федина, О.Форш.

«Сменовеховская» и «евразийская» установки еще более ярко проявлялись в публицистике. В первой книжке журнала эти позиции декларировал П.П.Сувчинский в статье: «Два Ренессанса (90-е — 900-е и 920-е годы)», обвиняя русскую интеллигенцию в уходе либо в «романтический идеализм», либо в далекий России европейский парламентаризм. В итоге автор приходил к выводу об интеллигентном «небрежении к реально-практической стихии жизни» (№ 1. С. 142) как причине революции. Большевики, по мнению Сувчинского, победили в России именно потому, что превратили «материалистический монизм Ленина в стихийный практицизм масс» (с. 141). В народности советской действительности 20-х автор статьи видит основу для сближения с новой Россией: «В каких-то новых большевистских людях тяга к социальному делу и жизненной подвижности проснулась с необычной силой, и конечно только на этих началах и будет основываться — и уже основывается — новый русский ренессанс 920-х годов» (с. 142).

Сувчинскому вторит Е.Богданов (псевдоним *Г.П.Федотова*), доказывающий в статье «Три столицы», что «почти вся зарубежная Россия — лишь оторванные члены России петербургской» (№ 1. С. 147), чуждой подлинной русской культуре. В России же победила стихия, Москва — новая Азия, хотя «азиатский соблазн Москвы» (с. 158) и таит в себе некую опасность, крайность. «Истинный путь дан в Киеве» (с. 162), где синтезировались оба начала: византийское и западное. Решение «будет соединять в себе элементы древнерусской и новой, петровской, культуры в разных сочетаниях и разных стилях» (с. 184).

Воинствующая позиция ведущих авторов журнала (в первую очередь Д.Святополка-Мирского и П.Сувчинского) вызвала активное неприятие среди большой части русской эмиграции. В 29 номере (1929) «Современных записок» появилась едкая статья В.Ходасевича «О «Верстах»». Автор показывает, что Россия 20-х не несет в себе

ни романтизма революции, увлекшего А.Блока и С.Есенина, ни подлинной демократии, о какой мечтала русская интеллигенция. Используя словосочетание «новые люди» из статьи Сувчинского и терминологии советской печати, В.Ходасевич пишет: «Мы знаем, кто эти «какие-то новые большевистские люди»: смесь че-ка и охранки, черно-красная сотня» (с. 435). Смысл призывов евразийцев, совпадающих, по его мнению, с целями большевиков, автор статьи видит в лозунге: «Прочь от проклятой Европы, от ненавистной России Петра и Пушкина, от ненавистной интеллигенции, — в азиатчину и реакцию» (с. 436).

Субъективному разделению сотрудников «Современных записок» в рецензии Святополка-Мирского на «ядро» и «периферию» В.Ходасевич противопоставил точный подсчет публикаций писателей каждой группы в «Записках» и показал, что хвалимые редактором «Верст» авторы — не «гастролеры», а постоянные сотрудники «Современных записок». Тем самым рушился тезис о консерватизме «Современных записок» и новаторстве «Верст» и их авторов. Мастерски сталкивая более ранние оценки Святополка-Мирского с нынешними, В.Ходасевич убедительно доказал, что критиком «Верст» руководит не художественное чутье, а корпоративное начало, установка любой ценой опорочить так и не принявших советскую Россию авторов. Это выглядело тем более убедительно, что редактор-критик «Верст» позволил себе ряд оскорбительных выпадов в адрес лучших и самых уважаемых писателей зарубежья. В трудах Мережковского Святополк-Мирский увидел «истерический хаос», в книгах Бунина — «принципиальную (и природную) уездность», прозу Зайцева назвал «пухлой», как «воздушный пирог», самого Ходасевича упрекнул в «чрезмерной ссохнутости и морщинистости», назвал его «маленьким Баратынским из Подполья, любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзии» (№ 1. С. 208). З.Гиппиус фамильярно названа Зинаидой.

Вместе с тем, нельзя не отметить и допущенных В.Ходасевичем крайностей. Если Святополк-Мирский стремился в духе советской пропаганды опорочить эмигрантскую литературу, то Ходасевич делал то же самое в отношении хвалимых в «Верстах» авторов. «Что касается перепечатанных произведений, — писал Ходасевич о публикациях первого номера «Верст», — они и не новы и плохи» (с. 436). Стоит напомнить, что речь идет о поздних стихах Есенина, прозе И.Бабеля и А.Веселого, об одном из самых лучших и трагичных стихотворений И.Сельвинского «Казнь Стецюры».

Полемическим перехлестом было и обвинение редакции «Верст» в одиозном подборе откликов советских писателей на Постановление ЦК РКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». «Версты» дали достаточно широкую панораму мнений об этом постановлении: от приветственных до скептических и остро критических. Не были публицисты «Верст» и певцами НЭПа, как то утверждал рецензент «Современных записок». Не было в статье П.Сувчинского призыва к еврейским погромам. Напрасно был обвинен в принадлежности к компартии автор работ о Стравинском Артур Лурье.

В следующем, 30 номере «Современных записок» появились письма в редакцию, где оскорбленные сотрудники «Верст» опровергали обвинения В.Ходасевича. В свою очередь редакция «Записок» снабдила публикуемые письма примечанием о том, что она «не может не видеть в отдельных высказываниях, имевших место в № 1 «Верст», проявления того упадочно-примиренческого отношения к большевикам, идейную борьбу с которыми наш журнал считает и своим литературным правом, и своим общественным долгом» (с. 600).

Характерно, что в полемике двух изданий совершенно не были затронуты философские материалы «Верст», если не считать ехидного замечания В.Ходасевича, что лучший материал первого номера журнала — статья Л.Шестова «Неистовые речи. (По поводу экстазов Плотина)» напечатан по просьбе философа вопреки новой орфографии «Верст» и, следовательно, Шестов вовсе не единомышленник «евразийцев» и «сменовеховцев».

Во втором номере появилась статья *Л.П.Карсавина* «Без догмата» (с. 129—144), посвященная пониманию общих проблем историзма в художественной литературе, а в третьем — «Русская религиозная мысль и революция» *Н.Бердяева* (с. 40—62) и «Россия и евреи» Л.Карсавина (с. 65—86). Возможно, что появление статьи, как и ответ А.З.Штейнберга Карсавину, отчасти

были спровоцированы обвинениями В.Ходасевича: редакция решила продемонстрировать свои взгляды на антисемитизм и еврейский вопрос в России. Значительный интерес представляет и публикация в том же последнем номере журнала исследования А.Штейнберга «Достоевский и еврейство» (с. 94—108). Как большевистское издание характеризовал первые два номера «Верст» *П.Б.Струве* (РМ. 1927. № 1).

Верный своему принципу обращать внимание читателей на все новое в русской жизни, журнал в третьем номере откликнулся большой рецензией В.Сеземана на книги А.Лосева («Философия имени») и А.Вейдемана («Мышление и бытие») (с. 163—172).

Все три выпуска имели обширные приложения. В первом полностью дано «Житие протопопа Аввакума», во втором — «Апокалипсис нашего времени» В.В.Розанова с предисловием П.Сувчинского; в третьем — статья о Н.Ф.Федорове и его письма к В.А.Кожевникову.

В.В.Агеносов

«ВЕСТИ ДНЯ» (Таллин, 1926. № 1. 1 октября — 1940. № 140. 22 июня) — ежедневная газета, выходила как местное приложение к рижской газете *«Сегодня»*. Ответственный редактор Э.Мюллер, с № 343, 17 дек. 1928 — Е.Ф.Григорьева. Фактический редактор А.Э.Шульц. Издатель В.Бейлинсон, издательство «Библиофил». «Наша задача, — писала газета, — неизменно стоять на страже интересов русского населения Эстонии и дать читателю полное освещение местной жизни, уделяя, конечно, особое внимание жизни русского меньшинства» (1927. 5 дек.). В редакционной статье «На страже меньшинств» (1926. 1 окт.) «ВД» определяли свою позицию как внепартийную. Газета была лояльна по отношению к Эстонии. «ВД» ориентировались как на жителей города, так и на жителей деревни. В 1939 тираж газеты достиг 3 тысяч экземпляров.

В газете печатались в основном местные писатели и журналисты. В 1926 в «ВД» появились статьи *П.Пильского* (псевдонимы: Петроний, П.Шуйский, П.Сергеев), посвященные жизни русских в Эстонии. В 1926—27 в газете были опубликованы переводы *И.Северяниным* эстонской поэзии. С 1934 печатаются в «ВД» его стихи, а также воспоминания о встречах с Ф.Сологубом (1934. 21 авг.), *И.Буниным* (1939. 14 авг.), Ф.Раскольниковым (1939. 1 сент.). В «ВД» отмечалось 30-летие литературной деятельности поэта (1935. 23 янв.) и 35-летие его творческой деятельности («Торжественное чествование Игоря Северянина» // 1940. 15 марта). В «ВД» печатались рассказы и очерки двух крупных русских прозаиков Эстонии: Вл.Гущика и В.Никифорова-Волгина. В газете публиковались стихи Л.Акса, Е.Роос-Базилевской, *Б.Нарциссова*, Б.Правдина, И.Шефера, Веры Запольской (гражданской жены И.Северянина). Из воспоминаний наиболее интересны мемуары бывшего эстляндского губернатора А.Бельгарта «Ревельские революционные события 1905 года» (1936. 10 марта) и «Судьба эстонских деятелей в бурную эпоху 1904—1906 гг.» (1936. 27 марта).

«ВД» проявляли интерес к советской литературе. Больше всего перепечаток рассказов М.Зощенко. Печатались рассказы П.Романова, Вал.Катаева, статьи о советской литературе, вечерах и выставках, посвященных советской литературе. Среди материалов газеты — обсуждение произведений М.Зощенко в таллинском литературном кружке (1927. 23 нояб.), литературный «четверг» в Нарве, устроенный обществом «Святогор» (Советскую литературу необходимо изучать // 1929. 29 окт.), лекция историка Ник.Андреева о советской литературе (Н.Андреев о втором периоде советской литературы // 1933. 22 нояб.). «ВД» публикуют статью Б.Н.(Новосадова?) «Интересные новинки советского книжного рынка» (1938. 19 дек.). Весной 1939 проводилась выставка советской детской книги в Таллине (1939. 8 мая). В январе 1940 на выставке советской книги в Таллине состоялся литературный вечер, на котором выступил эстонский прозаик М.Метсанурк (1940. 19 янв.).

Эмигрантская литература в «ВД» — это в основном перепечатки из парижских изданий. Лидирует *Дон-Аминадо*. Из оригинальных произведений — рассказ *А.Вертинского* «Письмо из Ревеля в Париж» (1926. 1 окт.). Вертинский неоднократно бывал на гастролях в Эстонии («Вертинский в Ревеле» // 1930. 10 сент.). Ряд заметок связан с пребыванием русских писате-

лей и журналистов в Эстонии: *С.Р.Минцлова* (1928. 5—9 мая), *А.Седых* (1929. 1 сент.), *М.В.Вишняка* (1929. 17 дек.), *З.Шаховской* (1932. 16 дек.), *Н.Белоцветова* (1933. 4 нояб.; 1939. 1 дек.), *Л.Зурова* (1935. 23 апр.; 1937. 22 июня), *И.Шмелева* (1936. 4 сент.). В 1926—27 было опубликовано 12 стихотворений эстонских поэтов в переводах И.Северянина. В «ВД» публикуются статьи, посвященные памяти эстонских писателей: Ю.Лийва (1933. 17 нояб.), Э.Вильде (1933. 28 дек.), А.Таммсааре (1940. 2 марта). Была опубликована статья И.Северянина «Краткий обзор эстонской поэзии». (1934. 2 окт.).

«ВД» рецензировали новые русские журналы Эстонии: статьи о нарвском журнале *«Полевые цветы»* (1930. 8 июля, 12 авг.), журнале «Русский магазин» (1930. 6 окт.). Третьему выпуску альманаха «Новь» посвящена критическая статья Вл.Гущика (1930. 8 окт.). Газета уделила внимание и альманаху «Витязь» (1939. 3 окт.). Из газет наибольшее внимание «ВД» привлекла новая газета *«Русский вестник»*, выходившая в том же издательстве «Библиофил» (1934. 1 марта; 1939. 14 янв.).

Г.М.Пономарева

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ» (Париж, 1925. № 1. 1 декабря — 1939. № 2) — религиозно-философский, политический и литературный журнал, орган Русского студенческого христианского движения (далее: РСХД). РСХД возникло как организация православной молодежи в 1923 на учредительном съезде в г. Пшерове, Чехословакия. На съезде встретились делегаты от русских эмигрантских студенческих кружков из разных стран Европы. Движение идейно возглавили известные философы и богословы, высланные или бежавшие из большевистской России (*Н.А.Бердяев*, протоиерей *Сергий Булгаков*, А.В.Карташев, *В.В.Зеньковский* и др.). Они провозгласили целью РСХД объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви, которое мыслилось неотделимым от развития духовной культуры вообще. Конкретной задачей Движения на первом этапе стало организационное объединение русского студенчества в зарубежье, рассеянного в разных европейских столицах (Белград, Париж, София, Берлин, Прага) и др. городах Европы. С этой целью как координирующий орган и был основан «Вестник».

Название журнала несколько раз менялось. № 1 вышел в Париже 1 декабря 1925 под названием «Вестник русского студенческого движения в Западной Европе». Это был тоненький журнал (по существу, информационный бюллетень), 14 страниц, отпечатанных на гектографе тиражом всего 75 экземпляров. На журнал, однако, с самого начала принималась подписка, и он выходил с регулярной периодичностью — ежемесячно. В течение года тираж «Вестника» возрос до 1500 экз., а накануне Второй мировой войны достиг 5000 экз. В 1925—1929 «Вестник» выходил под редакцией *Николая Зернова*. Литературные произведения и статьи о литературе в журнале первоначально отсутствовали. В 1925—1929 журнал печатался на ротаторе (№ 1—9, тираж 75 экз.). Сохранившиеся номера (полный комплект) были переданы вдовой редактора М.В.Зерновой во Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы им. М.И.Рудомино. Сегодня они являются библиографической редкостью. С момента возникновения «Вестник» мыслился как популярный журнал, призванный активизировать и усилить РСХД. Во вступительной статье № 1 от имени редакции сказанс: «До сих пор на местах не знали и почти не сознавали необходимости существования центрального органа, объединяющего все наши разрозненные силы. Кружки должны почувствовать, что у нас есть общий центр, объединяющий их усилия. На прошлом собрании Президиума Бюро было решено начать издание периодического вестника нашего движения. Участвовать в его составлении должны не только Бюро и отдельные братства и кружки, но и все члены нашего движения» (с. 1—2).

В № 2, вышедшем 1 января 1926, помещена заметка «Итоги парижской анкеты» (с. 7—8) Н.А.Бердяева, который являлся одним из ведущих идеологов РСХД. Программные задачи Движения, сформулированные им, не утратили своей актуальности и сегодня: «Главный недостаток движения, — пишет Бердяев, — я вижу в крайне суженном понимании Православия многими его участниками, в боязливом и подозрительном отношении ко всякому ду-

ховному творчеству, в недостатке интереса к более сложной умственной и духовной культуре. Нашей эпохе грозит варваризация... Более всего желать нужно Христианскому Движению Русской Молодежи творческого отношения к жизни и любви к духовной свободе, которую оно должно соединить с верностью истине Церкви. Церкви вновь предстоит сделаться, как в древние времена, центром духовной культуры и жизненного творчества, в то время как в «мире» угашается дух, истребляется истинная свобода и иссякает творчество» (с. 8).

Журнал стремительно эволюционировал. Начиная с № 2, 1926, в нем появились небольшие статьи программного характера, посвященные положению Православия в Западной Европе, текущим задачам Движения, поискам взаимопонимания с христианами Запада. Эти статьи вышли из-под пера самого Н.М.Зернова, тогдашнего редактора журнала («Православие и Запад» // № 2. С. 9—11), а также Л.А.Зандера («О задачах движения» // № 3. С. 4—5) и протоиерея Сергия Четверикова. Л.А.Зандер, вслед за Бердяевым, определяет задачи РСХД следующим образом: «Главной задачей Движения является, на мой взгляд, не столько стремление убедить молодежь верить, ибо ее лучше нас убедила в этом история, сколько дать ей обильные положительные исторически-догматические сведения верующей интеллигенции, являющейся мозгом страны. Движение должно дать будущей России не только священнослужителей, но и верующих специалистов по всем отраслям знания. Движение должно принимать организованное участие в церковно-приходской жизни. Каждый кружок православно-церковного направления должен приписать себя к определенному приходу и сделаться в нем живой силой» (с. 5). Начиная с № 4 (статья «Смысл и оправдание христианских студенческих кружков») деятельное участие в журнале стал принимать протоиерей Сергий Булгаков. С № 5/6 в два и более раза вырос объем журнала, состав авторов значительно расширился: в него вошли епископ Вениамин, Н.А.Клепинин, П.Ф.Андерсон, Л.Н.Липеровский, Ю.П.Степанов, И.В.Виноградов, митрополит Антоний, епископ Царицынский Дамиан. Первой публикацией литературного памятника в «Вестнике» следует считать знаменитое «Пасхальное слово» святителя Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского (№ 6). В № 7 появляется новая рубрика — «Почтовый ящик», где печатаются отклики читателей. Из номера в номер редакция старается поддерживать двустороннюю связь со своими читателями, что благотворно сказывается на дальнейшем становлении журнала. Круг авторов постоянно расширяется: гр. Ю.Граабе, К.Керн, П.Лопухин, Г.Морозов (будущий гл. редактор), И.Янсон, В.Крылатов, кн. Г.Трубецкой и др. Рубрикация меняется, становится более разнообразной. В № 9 «Вестника» включены публикации: «Чем должно снабдевать душу. Из поучений преподобного Серафима Саровского»; «Юношеству. Из слова митрополита Московского [святителя] Филарета». Появляются также полемические заметки и статьи, вскрывающие пагубность безбожия в тогдашней большевистской России. Начиная с № 10 (1 октября 1926) «Вестник» издается типографским способом. Текст печатается в две колонки, четким разборчивым шрифтом, объем журнала — 31 с., тираж возрастает до 300, а затем увеличивается до 1350 экземпляров. В № 10 напечатаны проповедническое слово протоиерея Сергия Булгакова «Светлый Покров над миром», слово преподобного Аввы Дорофея «О неосуждении ближнего» и статья епископа Вениамина «Как изучать святых отцов». Для историков Церкви определенный интерес представляет статья И.Лаговского «Антирелигиозная пропаганда в системе просвещения СССР». В 1926 вышли № 10, 11, 12. Едва ли не первым «громким» литературным именем на страницах «Вестника» было имя Сергея Есенина, трагическая кончина которого всколыхнула почитателей его таланта в России и получила отзвук в среде русской эмиграции. В № 7 за 1927 появилась публикация неизвестного автора «Есенинщина», с подзаголовком «Письмо студента из Петрограда». В редакционном предисловии отмечалось: «Печатаемый нами жуткий документ — безнадежно отчаянный стон угасающей души» (с. 16). Автор письма характеризует настроения советской молодежи (которая нравственно деградирует, предается половой распущенности, пьянству и хулиганству) как типично «упадочнические», — под влиянием поэтического кумира — Сергея Есенина: «Русский юноша-

упадочник потерял душу свою, убил в сердце своем Христа, и потому такая жуткая могильная тоска одолевает его и бросает на путь самоубийства... Тончайший русский поэт, обоготворенный Сережа — знамя духовной смерти русского сегодня» (с. 17). «Ежедневно, ежечасно, ежеминутно нам долбят в головы учение материализма. И мы — материалисты... задыхающиеся в удушьи зловонного учения... Церковь гонимая, Церковь распятая не в силах поднять свой голос» (с. 19).

В том же 1927 (№ 12) на страницах «Вестника» появился первый литературоведческий обзор — статья Н.Зернова «Новые герои советской литературы», в которой выражены глубокая обеспокоенность и тревога в связи с проникновением идеологии безбожия в профессиональную литературу в России. В 1927 впервые вышел полный ежегодный комплект «Вестника» — все 12 номеров.

В 1928—1929 журнал выходил под видоизмененным заглавием: «Вестник. Орган Русского студенческого христианского движения». Но содержание его каких-либо существенных изменений не претерпело. В 1928 было издано 12 номеров «Вестника», в 1929 — 10 номеров (два номера оказались сдвоенными: № 1/2 и № 8/9). С 1930, после переезда Н.М.Зернова в Англию, «Вестник» стал выходить под редакцией И.Лаговского и *Г.Федотова*. Видное место в журнале заняли работы духовника РСХД (1928—1939) протоиерея Сергия Четверикова (ум. 1947): «О месте Ветхого Завета в христианстве» (1930. № 5), «Экуменизм и единство Церкви» (1930. № 7), «Последнее целование» (надгробное слово у гроба священника Александра Ельчанинова // 1934. № 10), «Религиозно-христианское миросозерцание, как основание человеческой жизни и культуры» (1935. № 1—2); «Об индивидуальном и социальном христианстве» (1937. № 1—2).

В этот же период в журнале появляются публикации, предваряющие книжные издания, например, фрагменты из «Записей» священника Александра Ельчанинова (1935. № 6—7), в том же году вышедших отдельной книгой. Наряду с религиозно-философскими и богословскими статьями русских мыслителей, представляющих общекультурный интерес (Бердяев Н.А. Кризис христианства и кризис культуры // 1931. № 8—9; Он же. Христианство и еврейский вопрос // 1931. № 3; Он же. Вечность и время // 1935. № 3; протоиерей Сергий Булгаков. Догматическое обоснование культуры // 1930. № 7; Он же. Православие и культура // 1931. № 10; Он же. Православие и социализм // 1930. № 1; Он же. Храм и град // 1931. № 5; Он же. Эсхатология и прогресс // 1935. № 3; Федотов Г.П. О христианском гуманизме // 1932. № 5—7; Он же. Национализм // 1933. № 5—6 и др.), в «Вестнике» появляются статьи, посвященные творчеству В.А.Жуковского, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А.Бунина. Большинство из этих статей с тех пор не переиздавались, они остались неизвестными современному читателю, и сегодня заслуживают особо пристального прочтения, например, статья символиста Эллиса (Л.Л.Кобылинского) «Смерть Жуковского» (1933. № 9—10).

К 25-летию со дня смерти Льва Толстого протоиерей Василий Зеньковский поместил в «Вестнике» статью «Л.Н.Толстой, как религиозный тип», в которой содержится оценка творчества писателя с позиций Русской Православной Церкви: «Исключительные дары, присущие Толстому, сказались положительно лишь в его художественном творчестве, — то есть там, где он доверял чутью и не следовал за своим умом. А во всех иных областях, оставив неизгладимый след в русской культуре, он умел лишь разрушать, а не созидать, обличать, а не вести вперед» (1936. № 1—2. С. 10). Такие оценки, с явно выраженной конфессиональной окраской, выдержанные в духе «православного литературоведения», характерны для «Вестника», который несколько десятилетий являлся (и продолжает оставаться) не только трибуной для полемики, но и кафедрой, с которой принято наставлять. Другими аналогичными примерами могут служить статьи проф. *В.Н.Ильина* (1891—1974), выступавшего на съездах РСХД. В № 1 «Вестника» за 1932 он поместил статью, посвященную М.Ю.Лермонтову — «Печаль души младой» (с. 9—13). Положив в основу своего сравнительного анализа «символику» личных судеб Пушкина и Лермонтова» (с. 9), В.Н.Ильин дал свои сравнительные характеристики великим русским поэтам: «Райский поэт — Пушкин. Ангельский поэт — Лермонтов» (с. 9). «Пушкин, прежде всего, и после всего — артист. Лермонтов — мыслитель и траги-

ческий духовидец» (с. 10). «Мучительная тяжесть непросветленной плоти Лермонтова была безобразным негативом ангельского духа» (с. 12) и т.п.

В связи с присуждением в 1933 Нобелевской премии по литературе И.А.Бунину В.Н.Ильин выступил на страницах «Вестника» со статьей. «Плоть в творчестве Бунина, — писал он, — раскалена до такой степени, что ее духоносность становится очевидной. И быть может, все творчество Бунина является не в меньшей степени противо-материалистичным, чем творчество Достоевского. Однако все же они стоят на противоположных полюсах... Достоевский насквозь диалектичен. Он как бы синтез Платона и Гегеля в категориях христианской трагедии (его романы несомненные трагедии)... Трудно себе представить писателя менее диалектического, чем Бунин. Он очень родственен бестрагичному Л.Толстому» («К особенностям творчества И.А.Бунина» // 1934. № 1. С. 25). И здесь очевиден конфессиональный подход. В.Н.Ильин выступил в «Вестнике» с серией «Этюдов о русской культуре»: «Блок и Россия» (1931. № 1); «Достоевский и Гоголь» (1931. № 3); «Лесков» (1931. № 4); «Чайковский, Тургенев, Л.Толстой» (№ 5—6); «Н.Ф.Федоров и преподобный Серафим Саровский» (1931. № 7, 8, 9, 11). В «счетверенном» номере журнала (№ 8—11) за 1935 представлено «Содержание «Вестника» за 10 лет». Последний, 12-й (декабрьский) номер за 1935 вышел в одной книжке вместе со сдвоенным номером журнала (№ 1/2, январь—февраль) за 1936. Этот специальный, юбилейный номер «Вестника» приурочен к 10-летию его издания, с подзаголовком на обложке: 1925—1935. В 1936 увидело свет два номера журнала: № 1/2 и № 11. В 1937—39 журнал под названием «Вестник. Орган церковно-общественной жизни» стал выходить под редакцией протоиерея Василия Зеньковского (председатель РСХД в 1923—1926), объемом по 50—60 стр. в каждом номере. Наряду с традиционной философской и богословской проблематикой, на страницах «Вестника» в эти годы все больше внимания уделяется творчеству русских писателей, вдумчивому и глубокому анализу литературного наследия. К 100-летию со дня кончины первого русского национального поэта о. В.Зеньковский помещает свою статью «Памяти А.С.Пушкина» (1937. № 1—2), в которой содержатся ценные суждения: «Независимо от наших расхождений в идеологической и духовной сфере, мы все ныне объединяемся вокруг имени Пушкина... Всеобщая, неподдельная любовь к Пушкину сама по себе есть какой-то удивительный факт в истории русского духа, есть творческая сила нашей культуры... Пушкин не был ни безбожником, как его хочет представить ныне советская печать, ни цельной религиозной натурой, как не раз его характеризовали... Будучи сыном своего века, живя всеми его внешними и внутренними запросами и интересами, он глубоко носил в себе «русскую идею»... Правдивость Пушкина была главной силой в этом процессе его духовного восхождения...» (с. 18—21).

В 1937 и 1938 было издано по пять номеров журнала; в 1937: № 1—2, 3—4, 5—6, 7—8, 9—12; в 1938 — № 1, 2, 3, 4, 5. Хотя в «Вестнике» не было в тот период постоянного литературно-художественного раздела, в рубрике «Библиография» находили отражение литературные темы, в виде кратких редакционных рецензий, как правило, без подписи.

В рецензии на книгу архимандрита Иоанна (*Д.Шаховского*, будущего митрополита Сан-Францисского) «Размышления о религиозности Пушкина» (Берлин, 1938) неизвестный автор считает положения этой книги недостаточно аргументированными: «Как можно с решительностью утверждать, что «Пушкин даже тайно, как Никодим, не приходил ко Христу»? Эти жестокие суждения... в устах церковного писателя они более чем неосторожны. Быть может, на архимандрита Иоанна оказала свое влияние слабая книга С.Штейна «Пушкин мистик», — кстати, он очень сочувственно цитирует неудачные суждения Штейна» (№ 2. С. 31). В № 3 за 1938 привлекает внимание анонимная рецензия на книгу *В.В.Вейдле* «Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (Париж, 1937). Концептуальная статья В.Н.Ильина «Аскеза и творчество» (1938. № 5) носит обобщающий характер и перекликается с известным сочинением Н.А.Бердяева «Смысл творчества или опыт оправдания человека» (М., 1916). Касаясь повести Н.В.Гоголя «Портрет», Ильин высказывается в поддержку православно-аскетического образа жизни, особен-

но необходимого, по его мнению, именно для художника: «Все должно быть сожжено на алтаре совершенства, в том числе и счастье личной жизни, — и лишь в ответ на жертву приходит дух совершенства и красоты» (с. 8). Другая статья В.Н.Ильина — «Демонология и юмор Достоевского» (1939. № 2) представляет извлечение из его книги о Ф.М.Достоевском, которую философ тогда писал. Он сетует, что, несмотря на огромное количество литературы о Достоевском, исследователей его философии очень мало, можно назвать лишь имена *Д.Мережковского*, А.З.Штейнберга и *Л.Шестова*. Работы такого знатока Достоевского, как *А.Л.Бем*, «касаются не столько существа самих идей Достоевского, сколько их филиации, то есть происхождения и развития» (с. 9). Отвечая на вопрос: философ или богослов Достоевский? — В.Н.Ильин пишет: «Проблема эта снимается сама собой, если мы вспомним, что философия и богословие, по мере углубления от периферии к центру бытия, — все более и более сходятся, совпадают и на достаточной глубине философ всегда богословствует, а богослов философствует» (с. 10). В.Н.Ильин сравнивает Достоевского («русского Данте») с Данте («итальянским Достоевским»): «Опасность адской бездны — есть privilegium odiosum <тягостное преимущество> свободной твари, как великолепно выразился о. Сергий Булгаков. Полнота свободного тварного бытия неминуемо связана с риском ада... В падшем мире, в известном разрезе, проблема ада и проблема свободы совпадают... Этим и объясняется, почему Данте и Достоевский поставили в центре своего внимания ад» (с. 11). Обращаясь к роману Достоевского «Бесы», исследователь доказывает, что демонология Достоевского является не только видением падших духов в теологическом аспекте православия, но и специфическим отражением многострадальной России, русской трагедии (с. 12). Он приводит литературно-архитектурную параллель инфернальных образов в творчестве Достоевского с гоголевским «Вием» и гротеском химер Notre Dame de Paris: «Вий» Гоголя заканчивается вхождением священника в церковь, где в окнах и дверях застряли безобразные гномы, участники страшного и таинственного ночного происшествия... Основные романы Достоевского («Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы» и др.) — это тоже христианские храмы с застрявшими по углам, дверям и окнам бесовскими химерами. Здесь надо искать и связи грандиозной демонологии Достоевского с его оригинальным и проникающим все творчество юмором. Лишь свобода могла дать ход такому изумительному и гениальному узрению смешного» (с. 13). В 1939 вышло два номера «Вестника». В годы Второй мировой войны издание было прервано. Возобновлено в 1945 (первоначально под названием «Вестник церковной жизни»).

В.А.Никитин

«ВЕСТНИК СОЮЗА РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЭСТОНИИ» (Ревель, 1927. Апрель — 1940. Июнь). Союз русских просветительных и благотворительных обществ был создан по инициативе А.К.Янсона в 1923 и объединял к концу 1930-х более девяноста обществ — русские культурно-просветительные, благотворительные, спортивные, многие профессиональные русские организации, причем большую часть составляли сельские общества в населенных русскими восточных окраинах республики. Союз сыграл важную роль в сохранении и развитии русской культуры в Эстонии, он был инициатором проведения многих культурных мероприятий, в частности Дней русского просвещения, которые (под названием «Дней русской культуры») получили широкое распространение и в других странах российского рассеяния и превратились в национальные праздники русских за рубежом. Сначала журнал выходил нерегулярно (к концу 1928 вышло 9 номеров), а с 1929 стал ежемесячным. Это был единственный журнал в Эстонии на русском языке, выходивший столь длительный срок. Ответственным редактором «Вестника» был А.Н.Томасов, в конце 1934 (с № 11—12) его сменил А.А.Булатов, уже с начала 1930-х фактически руководивший изданием журнала. Последние номера «Вестника» (1940. № 2—6) вышли в свет под редакцией Г.В.Назимова. Задача журнала определялась: «Быть информационным органом и справочником для русских культурных работников в Эстонии по проблемам культур-

но-просветительной работы» (От редакции // 1927. № 1. С. 50). Художественные тексты на страницах журнала не публиковались. Печатались документы о деятельности Союза и его отделов, протоколы делегатских съездов Союза с текстами выступлений докладчиков, с резолюциями.

Публиковались обзоры по вопросам культуры и литературы: статьи начинающего ученого, позже директора Кондаковского института в Праге и преподавателя русской истории в Кембриджском университете Н.Е.Андреева «Русская литература в 1931 году» (1932. № 4—7), «Русская литература в 1932 году» (1933. № 5—6), «Русская литература в 1933 году» (1934. № 5—7). Н.Е.Андрееву же принадлежит программная статья «Поднять работу по краеведению» (1933. № 11—12). По решению делегатского съезда Союза русских просветительных и благотворительных обществ с 1935 в «Вестнике» появился специальный отдел «Сельское хозяйство». Со следующего года он был преобразован в ежемесячный журнал под тем же названием, целью которого было оказание практической помощи русским крестьянам в Эстонии. Издание обоих журналов пресеклось летом 1940. Был закрыт Союз русских просветительных и благотворительных обществ, прекратили существование и его органы печати. Редакторы «Вестника» и «Сельского хозяйства», как и большинство сотрудников этих журналов, были репрессированы и погибли в сталинских лагерях или были расстреляны, как А.А.Булатов.

С.Г.Исаков (Эстония)

«ВЕЩЬ» (Берлин, 1922. № 1—2. Март—апрель. — № 3. Май) — ежемесячный журнал, международное обозрение современного искусства под редакцией художника Эль (Л.М.)Лисицкого и *Ильи Эренбурга* (издательство «Скифы»), объединенных общим увлечением эстетикой конструктивизма. Первоначальная программа журнала была провозглашена И.Эренбургом в докладе «Оправдание вещи» (5 декабря 1921 в берлинском *Доме искусств*), по существу же она сформулирована еще в его книге «А все-таки она вертится», написанной осенью 1921 в Бельгии и напечатанной берлинским издательством «Геликон» в январе 1922. Конструктивистская позиция Эренбурга сформировалась в Москве в 1920—21 под влиянием работ В.Е.Татлина, К.С.Малевича, А.М.Родченко, Мейерхольда, Маяковского и личного общения с ними, а также при сопоставлении достижений левого искусства России с новыми работами западных авангардистов (Ш.Э.Корбюзье, Ф.Леже, П.Пикассо, Б.Сандрара и др.), которые Эренбург увидел, приехав в Париж в 1921. Общность художественных устремлений мастеров Запада и России стала главным стимулом к изданию «Вещи». Книга «А все-таки она вертится», художественный и литературный облик которой предопределили оформление и стиль журнала «Вещь», вызвала острые отклики прессы: как отрицательные (И.Пуни в *«Новой русской книге»*, 1922. № 2), так и восторженные (С.Третьякова в «Дальневосточном телеграфе», Чита, 1922. 16 июля). Эстетическая концепция журнала независимо разрабатывалась Э.Лисицким в Москве, но технически реализовать ее оказалось возможным лишь в Берлине. 3 марта 1922 Лисицкий писал Родченко: «Мы наконец осуществили здесь идею, давно уже родившуюся у нас в России, — издание международного журнала современного искусства. Вокруг него объединены все, создающие новые ценности или этому помогающие. Мы просим Вас присылать все, что у Вас есть» (Родченко А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1982. С. 115).

Лисицкий осуществлял художественное оформление и макетирование журнала и вместе с Эренбургом определял его художественную направленность. Эренбург был автором программных и полемических редакционных статей журнала, определял его литературную политику. Главной задачей журнала было объединение всех сил мирового авангарда и включение в его фронт мастеров послереволюционной России. Журнал должен был служить своего рода мостом между Россией и Западом, в основу такого объединения были положены не политические, а эстетические (конструктивистские) установки — отсюда участие в журнале *Н.Н.Евреинова* и А.Я.Таирова, Маяковского и *Цветаевой*, П.П.Сувчинского и Н.Н.Пунина, и в то же время отказ печатать мирискуснические опусы Э.Голлербаха.

В программном манифесте «Вещи» «Блокада России кончается» (автор Эренбург) говорилось: «Появление «Вещи» — один из признаков начинающегося обмена опытами, достижениями, вещами между молодыми мастерами России и Запада. Семь лет отъединенного бытия показали, что общность заданий и путей искусства различных стран не случайность, не догма, не мода, но неизбежное свойство возмужалости человечества. Искусство ныне ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО, при всей локальности частных симптомов и черт. Между Россией, пережившей величайшую Революцию, и Западом, с его томительным послевоенным понедельником, минуя разность психологии, быта и экономики, строители нового мастерства кладут верный скреп... Мы присутствуем при начале великой СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ. Конечно, реакция и мещанское упорство сильны повсюду и в Европе, и в сдвинутой с устоев России. Но все усилия староверов могут лишь замедлить процесс строительства новых форм бытия и мастерства. Дни разрушений, осады и подкопов — позади». В эстетической части этого манифеста главным был тезис: ««Вещь» не отрицает прошлого в прошлом. Она зовет делать современное в современности».

В журнале были разделы: искусство и общественность; литература; живопись; скульптура и архитектура; театр и цирк; кинематограф; музыка. Материалы печатались на русском, французском, немецком языках независимо от их национального происхождения (так, стихи Маяковского печатались и по-русски, и в цветаевском переводе на французский, по-французски печатался Таиров). Журнал анонсировался еще в январе («Новая русская книга». 1922. № 1): «Начиная с февраля в Берлине предполагается выход ежемесячного международного обозрения современного искусства «Вещь»... Издание это будет преследовать двоякую цель: осведомить русских художников и писателей о последних достижениях европейских мастеров и давать информационный материал для Запада о состоянии русских искусств. В журнале предполагается участие писателей: Маяковского, Есенина, Вильдрака, Сандрара, Эпштейна, Соффичи и др., художников: Татлина, Малевича, Родченко, Глеза, Леже, Риверы, Северини, Гаусмана, Ван-Десбурга и др., театральных постановщиков: Мейерхольда, Таирова, кинокомедианта Чарли Чаплина и др.». Однако первый номер (сдвоенный) журнала вышел лишь 2 апреля 1922. Следующий — третий — появился 1 июня 1922.

В журнале были опубликованы стихи Маяковского, Хлебникова, Есенина, Пастернака, Асеева, *Кусикова*, Б.Сандрара, А.Сальмона, Ш.Вильдрака. Литературные статьи *В.Шкловского*, И.Эренбурга (под псевдонимом Ж.Сало), В.Хлебникова, Н.Бодуэна. Журнал провел международную анкету о состоянии современного искусства и напечатал ответы на нее Ф.Леже, И.Северини, Ж.Липшица, А.П.Архипенко. Была напечатана статья Лисицкого (подписанная Эл) «Выставки в Берлине». В театральном разделе — статьи Таирова, в музыкальном — исследования о С.С.Прокофьеве. В ряду иллюстраций журнал поместил фотографии новых произведений Липшица, Архипенко, Пикассо, Леже. «Вещь» сотрудничала с парижским журналом «Эспри нуво» Ле Корбюзье, публикуя русские переводы некоторых статей из него.

По замыслу редакции, четвертый номер «Вещи» должен был быть посвящен искусству и литературе советской России (для него были готовы работы Мейерхольда, Татлина, Малевича, Родченко, Пунина, стихи Мандельштама, Эренбурга, Цветаевой). Пятый номер предполагалось посвятить Соединенным Штатам Америки.

Журнал «Вещь» вызвал многочисленные отклики прессы (как эмигрантской, так и советской). 28 апреля 1922 в берлинском Доме искусств состоялся диспут, посвященный журналу, в котором участвовали *А.Белый*, *Н.Минский*, *В.Парнах*, Лисицкий и Эренбург (см. *«Накануне»*. 1922. 30 апр.). Тогда же Эренбург писал в Париж: «В здешней русской прессе из-за «Вещи» целый скандал. № 1—2 мы сделали академическим. 15 мая выходит 3-й. Там уже много боевого. На все фронты» (Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника. СПб., 1993. С. 250).

Художественное, полиграфическое своеобразие журнала отмечали многие. Газета *«Голос России»* (Берлин, 1922. 30 апр.) подчеркивала значение «стыка» художеств России и Запада, организуемого журналом; пражская «Воля России», отметив «нарочито диковинную обложку» и недостаточную разъясненность существа конструктивизма

в журнале, настаивала на том, что «в «Вещи» много претензии, головных усилий, ненужной запутанности вплоть до типографских вывертов» (1922. 27 мая).

В России, где № 1—2 разрешили к распространению, о журнале писали, что он «зовет к совместной работе вот уже 8 лет разобщенных искусств Востока и Запада» («Пролетарская правда». Киев, 1922. 9 июля). Ортодоксальные теоретики не приняли «Вещь». Б.Арватов утверждал: «Вместо того, чтобы строить новую эстетику, — эстетику вечно изменяющейся, совершенствующейся, технически и социально целесообразной реальности, она провозглашает новый штамп все того же эстетизма, но с другим фетишем: современной техникой» (Печать и революция. 1922. № 7). «Вещь» способна ошеломить читавшего Бокля Епиходова», — иронизировала петроградская «Жизнь искусства» (1922. 11 июля).

Третий номер «Вещи» был запрещен к распространению в России. 3 июня 1922 Эренбург писал Маяковскому: «Мы не получаем из России материалов. № 4 должен быть специально посвящен России... № 1—2 «Вещи» взяла <Международная> «Книга» (1500 экз.) для Москвы. Но он почему-то не поступил там в продажу. № 3 они вообще не хотят брать» (Фрезинский Б. Эренбург. «Вещь». Маяковский // ВЛ. 1992. Вып. III. С. 308). Неангажированный журнал, политически наивно пытавшийся в обход московской власти объединять художников и писателей России и Запада, разумеется, не имел шансов распространяться в России, а без этого его создатели считали выпуск журнала бессмысленным.

Б.Я.Фрезинский

«ВОЗРОЖДЕНИЕ» (Париж, 1925. № 1. 3 июня. — 1940. № 4239. 7 июня) — ежедневная газета, с 1936 преобразована в еженедельную. Издание возобновилось в 1949 в виде журнала с одноименным названием. Создателями газеты были крупный нефтепромышленник А.О.Гукасов (издатель) и философ, экономист и литератор *П.Б.Струве* (главный редактор с 1925 по 1927). Издание было задумано как умеренно-консервативный, монархический орган, объединяющий на основе идей Белого движения все силы русского зарубежья и противостоящий, как утверждали создатели газеты, беспринципности либерального крыла эмиграции. Само название газеты служило символом мировоззрения русских вне родины, в центр внимания ставилась не просто реставрация, а именно возрождение России. В передовой статье первого номера газеты Струве определил политические ориентиры издания: «Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться» на основах либерализма, понимаемого как «вечная правда человеческой свободы», положенная в основание реформ Екатерины Великой, Александра I и Александра II, и консерватизма, понимаемого как «великая жизненная правда охранительных государственных начал» и «любовная преданность великим началам и великим образцам родной истории» (Струве П. Освобождение и Возрождение // 1925. 3 июня). Задачей издания была выработка определенной доктрины, конституирование политической программы и идеологии Белого движения, что в практическом плане оформилось в широкое освещение подготовки и проведения «Всемирного русского съезда» зарубежья. Республиканско-демократическое объединение повело активную работу против линии газеты «В», обвиняя оппонентов в реакционности и крайнем монархизме, и использовало выходящую под редакцией П.Н.Милюкова газету *«Последние новости»* с целью открытой оппозиции съезду.

До появления «В» более правую позицию по отношению к парижским «Последним новостям» занимала берлинская газета бывших кадетов *«Руль»*, но с появлением нового правого органа печати даже она казалась левой. «В» с первых лет существования достигло весьма внушительного тиража не только во Франции, но и в других странах русского рассеяния. П.Б.Струве задался целью выдвинуть общенациональную идею, способную объединить вокруг себя значительные силы русской эмиграции «во имя освобождения России». «Идеал сильной и свободной России, — писал он, — должен стать объединяющим политическим идеалом русской эмиграции» (1926. 3 июня). Во главе объединения предполагалась определенная фигура монарха — Великого Князя Николая Николаевича. Идеи Струве, *И.А.Ильина*, А.А.Салтыкова и С.С.Ольденбурга о необходимости для России «прочно огражденной свободы лица и

сильной правительственной власти», базирующиеся на «непреложных религиозных началах», а не на каких-либо партийных основаниях, были с одобрением восприняты большой частью эмиграции и поддержаны писателями: *И.С.Шмелевым*, *И.А.Буниным*, *И.Д.Сургучевым* и др. В подзаголовок газеты, по настоянию А.О.Гукасова, было вынесено: «Печатный орган русской национальной мысли». И.С.Шмелев считал, что именно газета «В» стала «выразителем нашей русскости» за рубежом.

П.Б.Струве придал газете то направление и характер, которые она сохраняла на протяжении всей своей истории. Со страниц «В» звучал его голос страстного политика-публициста. Струве вел «Дневник политика» на первой странице газеты, где систематически в передовых статьях давал оценки текущим событиям в России и за ее пределами, вел дискуссии с левыми газетами по вопросам пореволюционного развития России, отстаивая позицию непримиримости к большевистскому строю.

На основе идей, разработанных в газете «В», 4 апреля 1926 в Париже под председательством Струве состоялся съезд, который смог объединить разрозненные группы патриотической эмиграции в единое целое. «В» подробно освещало работу съезда на своих страницах.

Часто с газетных полос звучал голос другого признанного идеолога Белого движения И.А.Ильина, который в своих публицистических статьях немало способствовал оформлению надпартийного монархического идеала. (См. библиографию статей И.А.Ильина в кн.: Ильин И.А. Собр. соч. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 388—393.) В 1925—1926 Ильин печатал в газете цикл статей «Письма о фашизме» под псевдонимом Ивер. В фашизме он видел естественную реакцию людей на дезорганизованность общественных процессов, поиск «волевого и государственного выхода из организованного тупика безволия». Но Белое движение представлялось Ильину гораздо более широким. Фашизм неизменно критиковался идеологами «В» за популизм.

Для решения задачи единения духовной жизни русского зарубежья во второй половине 20-х в газету были привлечены значительные литературные силы: И.А.Бунин, И.С.Шмелев, *Д.С.Мережковский*, И.Д.Сургучев, А.В.Карташев, бар. Б.Э.Нольде, проф. Н.К.Кульман, *А.В.Амфитеатров*, кн. Г.Н.Трубецкой, В.В.Клопотовский (Лери), *А.М.Ренников*, Н.Н.Чебышев, Н.А.Цуриков, *Г.А.Мейер*, *А.А.Яблоновский*.

Праздничные и юбилейные выпуски «В» были представлены художественным творчеством русских писателей-эмигрантов: И.Шмелева, *А.Куприна*, И.Бунина, *И.Лукаша*, *Б.Зайцева* и др.

По четвергам четвертая часть номера газеты традиционно отводилась рубрике «Литература, критика, искусство». Внутри рубрики существовали постоянные разделы: «Заметки писателя» (вел П.Б.Струве), «Поэзия», «Хроника европейской литературы», рецензии на эмигрантскую периодику и новые книги, «Записная книжка» (И.А.Бунин), литературно-критические статьи различных авторов, театральные обзоры (бар. Н.В.Дризен).

Литературная тематика не сходила со страниц газеты. Постоянными стали публикации рассказов, повестей и романов (в отрывках), литературная публицистика, полемические выступления. Последний подвал газеты обычно был предоставлен развлекательному чтению — переводной зарубежной беллетристике. Но и здесь публиковалась высокая литература: автобиографическая повесть А.И.Куприна «Купол св. Исаакия Далматского», романы Г.Уэллса, С.Моэма. Часто появлялись в газете литературные корреспонденции известного публициста А.В.Амфитеатрова, который жил в Италии и регулярно присылал в «В» циклы статей: «Листки», «Фашизм» и др.

Привычными для читателя стали и объемные литературно-критические материалы проф. Н.Кульмана о литературе XIX в., и особенно о творчестве Л.Н.Толстого (в 1925—1927). Им не был оставлен без внимания ни один из зарубежных выпусков *«Голоса минувшего»*, публиковавшего в середине 20-х дневники Толстого и воспоминания о писателе.

Бар. Б.Э.Нольде вел рубрику «Исторические чтения», посвященную параллелям в культурной жизни прошлого России и Франции. Нередки были выступления молодого филолога *Глеба Струве*. Как правило, это были рецензии. Он положительно оценил творчество молодых поэтов, выступивших против нигилизма и эстетизма в журнале *«Новый дом»* (*Н.Берберова*, *Д.Кнут*, *Ю.Терапиано*). Сам П.Струве в

«Заметках писателя» отстаивал чистоту русского языка («Русский язык — очистители и засорители» // 1926. 26 апр.), выступал против пустословной критики («О пустословии и озорстве» // 1926. 6 мая); солидаризировался с И.А.Буниным в борьбе за сохранение культуры русской речи («О русском языке. — Засорение и очищение. — Его обогащение. — Почему иностранцы не знают и не ценят Пушкина?» // 1926. 20 июня). Струве как историк предостерегал читателей от излишней доверчивости к эмигрантской мемуаристике («О мемуаромании нашего времени» // 1926. 28 окт.); высоко оценил вклад в развитие русского национального самосознания мыслителей прошлого («Константин Леонтьев» // 1926. 30 мая; «Юрий Самарин» // 1926. 13 июня).

Классическое наследие русской литературы пользовалось неизменным вниманием на страницах «В». Юбилеи и дни памяти знаменитых писателей России находили выражение в статьях и очерках газеты: 50-летие памяти Ф.М.Достоевского (7—12 февр. 1931 — статьи *П.Муратова*, Дм.Любимова, *В.Вейдле*); 50-летие памяти И.С.Тургенева (Зайцев В. Тургенев // 1933. 1 сент.); 10-летие памяти А.Блока (1931. 6 и 13 авг.), 50-летие памяти Гаршина (1938. 26 авг.); 50 лет со дня кончины М.Е.Салтыкова-Щедрина (1939. 21 апр.); 125-летие М.Ю.Лермонтова (24 нояб. 1939 — статьи Б.Зайцева, *Ю.Мандельштама*, И.Лукаша, *Н.С.Трубецкого*); 100-летие Н.С.Лескова (1931. 5 нояб.); 100-летие Л.Н.Толстого (9 сент. 1928 — статьи Б.Зайцева, А.Амфитеатрова, А.Куприна, Л.Любимова). Две последние декады ноября и весь декабрь 1933 со страниц «В» не сходили торжественные публикации в адрес нобелевского лауреата И.А.Бунина. Всеми «возрожденцами» вручение премии воспринималось не иначе как «Наш праздник» (именно так была озаглавлена статья *С.Горного* 18 ноября). В газете была открыта новая хроникальная рубрика «Чествование Бунина» (19 нояб. — 7 дек. 1933).

Пристальное внимание было обращено и на культурную жизнь Франции. Литературные процессы в «стране проживания» изучались литераторами «В» *К.Зайцевым*, гр. П.Бобринским, Н.Дашковым, Г.Струве, В.Вейдле, Ю.Мандельштамом, *И.Голенищевым-Кутузовым*. Тепло было встречено вступление во французскую академию Поля Валери. Номер газеты от 30 июля 1927 на треть был посвящен этому событию. Не было более увлеченного пропагандиста французской литературы, чем Ю.Мандельштам. Он рассказал со страниц газеты о Расине, Дидро, Гюго, Золя, Франсе, Селине, Кокто, Моруа, Мориаке, Валери, Дюамеле, Монтерлане и др. С переводами из новой французской поэзии знакомил читателей *И.И.Тхоржевский*.

Особое отношение встречали работы философов русского зарубежья. Регулярно публиковались философские статьи П.Струве и И.Ильина. Книги прот. *С.Булгакова* получали, как правило, высокие оценки (рецензии П.Иванова 2 июня и 14 июля 1927). Труды *Н.А.Бердяева* нередко критиковались за теософические отклонения от христианства (Гр. П.А.Бобринский. Православие и гнозис // 1928. 20 окт.). «Мысли о России» *Ф.Степуна* вызвали несогласие критика Н.Чебышева за попытку органически слить большевизм с историей России (1927. 15 дек.).

Острое неприятие вызывали писатели, перешедшие на службу советской власти. Характерны в этом отношении сами названия очерков о них: «Лука или Иуда?» *Е.Чирикова* о *Горьком* (1928. 22 мая), «Блудный козел» Петра Рысса об *Илье Эренбурге* (1926. 2 сент.), обратившимся к эротическим инсинуациям из жизни парижских эмигрантов; «Орденоносцы» (1939. 17 февр.) и «От полуправды к неправде» (1938. 27 мая) *В.Ходасевича* о книге воспоминаний *А.Белого*.

Оценки различных изданий русской эмиграции зависели от политических пристрастий редакции. Большие надежды возлагались на издания правой ориентации (*«Годы»*, *«Вестник РСХД»*, *«Казачий журнал»*, *«Новый корабль»* (бывший «Новый дом»), *«Русский колокол»*, «Голос минувшего на чужой стороне» и др.). Благоприятные отзывы получал обычно литературный отдел журнала *«Современные записки»*, в котором печатались крупные произведения многих авторов «В», но критический раздел вызывал неизменные нарекания за старую идеологию эсеров. П.Струве называл это издание «толстым журналом народнического толка». Острая полемика шла с изданиями леворадикального направления (особенно с газетами «Последние новости» и *«Дни»* А.Ф.Керенского), с периоди-

кой сменовеховского и евразийского толка. Журнал «*Версты*» был расценен И.А.Буниным как «дикая каша» из сменовеховства и евразийства, да еще с рекламой советской литературы. Писатель недоумевал, «почему первые же строчки этих русофилов так скверно звучат по-русски?» (1926. 5 авг.). И позднее «Версты» неоднократно упрекались «Возрождением» за тенденциозный подбор авторов по признаку их благожелательного отношения к советской России. Не избежала многочисленных нападок на свое творчество *М.Цветаева*, постоянно публиковавшаяся в «Верстах» и «*Благонамеренном*». Подверглись острой критике И.А.Бунин и молодые литераторы из пражского журнала просоветской ориентации «*Своими путями*», названные им за «горестный уровень издания» «пражскими комсомольцами» (1926. 22 июля).

Стремление П.Б.Струве поддерживать высокий культурный уровень газеты удавалось не всегда. Политические страсти захлестывали и редакцию «В». В газете стали обычным явлением циклы разоблачительных материалов о борьбе с большевизмом типа «Нравы и работа ГПУ», «Свет во тьме» Н.Н.Львова (1926, июнь—окт.). На одной из подобных публикаций — «Там, где еще борются. Из записной книжки повстанческого атамана Кречета» (1927, авг.—сент.) настоял, вопреки воле Струве, А.О.Гукасов. Редактор резко выступил и против рекламы малоизвестной боевой организации «Братья Русской Правды», опасаясь провокаций, подобных операции «Трест». Марк Раев, работавший с частной перепиской редактора и издателя, так представил развитие конфликта: «Струве рассчитывал на сотрудничество с широким кругом авторов со всего Русского Зарубежья и предполагал сделать газету серьезным изданием с большим литературным разделом. Вскоре, однако, он разошелся во взглядах с Гукасовым, которого явно не устраивала политическая ориентация Струве. Гукасов обвинил Струве в том, что из-за редакционной политики последнего в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя-эмигранта. Оскорбленный Струве подал в отставку» (Раев М. Россия за рубежом. М., 1994. С. 110). 18 августа 1927 газета вышла со следующими письмами на первой странице:

«Письмо в редакцию» П.Струве

«Прошу Вас на первой странице, где до сего дня значилась моя фамилия как главного редактора, поместить следующее мое заявление: Сим уведомляю, что с 18 сего августа я фактически не состою ни главным редактором, ни сотрудником газеты «Возрождение». Одновременно с сим сообщаю, что мною получено заявление такого содержания: «Глубокоуважаемый Петр Бернгардович ... мы, нижеподписавшиеся, доводим до Вашего сведения следующее: мы пошли работать в «Возрождение» под Вашим руководством, и с Вашим уходом мы также принуждены будем выйти из состава сотрудников газеты». Означенное заявление подписано следующими лицами: А.И.Бунге, В.Ф.Гефдинг, Д.Д.Гримм, И.Д.Гримм, кн. П.Долгоруков, К.И.Зайцев, И.А.Ильин, В.А.Косинский, Н.К.Кульман, И.И.Лаппо, В.А.Лазаревский, А.Э.Домайер, Н.Николаевский, Б.А.Никольский, С.С.Ольденбург, П.А.Остроухов, В.П.Рябушинский, Е.В.Спекторский, Глеб Струве, А.В.Флоровский, Н.А.Цуриков, М.В.Шахматов, *В.В.Шульгин*.

17 августа 1927 г.

Петр Струве».

В передовой статье А.О.Гукасова выражались «сожаление» об уходе П.Б.Струве и «глубокая благодарность» за оказанную помощь, подтверждалось, что цель издания «остается неизменной». С № 807 (18 августа 1927) и до закрытия газеты главным редактором был Юлий Федорович Семенов.

Существует версия о захвате редакции «В» масонами (см. *Полторацкий Н*. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Tenafly (N.Y.), 1989. С. 138—139, 260, 307). Н.Берберова дает такой комментарий «В» в указателе к своей книге: «Сотрудники газеты в большинстве принадлежали «правой» масонской ложе (Гранд Лож), в то время как сотрудники «Последних Новостей» принадлежали «левой» ложе (Гранд Ориан)» (Берберова Н. Курсив мой. N.Y., 1983. Т. 2. С. 644). По сообщению *Р.Гуля*, в газете работало два советских агента: «бывший лицеист, дворянин, талантливый журналист, видный масон Лев Любимов» и Николай Николаевич Алексеев, «бывший белый контрразведчик» (Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 178).

После выхода большого числа сотрудников из состава редакции последовало ее значительное обновление и расширение. В га-

зету пришли В.Ф.Ходасевич и П.П.Муратов. Чаще стали появляться материалы Д.С.Мережковского, *З.Н.Гиппиус*, Б.К.Зайцева. При общем опрощении информационно-культурного уровня издания литературный раздел сохранил высокое качество публикаций.

Около года после смены редакции продолжали выходить «Записные книжки» И.А.Бунина, в которых он вел полемику с советскими критиками А.Воронским и Д.Горбовым (1926. 3 июля), с зарубежной апологетикой советской литературы в издании «единоутробного брата большевиков» *М.Слонима «Воля России»* (1926. 28 окт.). Во втором полугодии 1925 и первом полугодии 1927 часто печатались знаменитые бунинские записки о революции «Окаянные дни». Много нелицеприятного было написано им в адрес М.Горького (Бунин И. Записная книжка // 1927. 26 мая). Изредка появлялись в литературном подвале «четвергов» и бунинские стихи (1926. 18 нояб.; 1927. 23 июля, 25 авг.). Художественное осмысление опыта русской революции проходило у Бунина с привлечением сюжетов из революционного прошлого Франции («Камил Демулен» // 1926. 17 марта; «Человек, который умер от страха» // 1926. 10 апр.).

С 1926 регулярно печатается в «В» И.С.Лукаш. Основная мысль его произведений — утверждение особой исторической роли Москвы в становлении традиционного бытия Руси, а также русской истории и культуры. В 20-х печатался его роман «Пожар Москвы», охвативший период от убийства Павла I до декабрьского восстания 1825. Публиковались его очерки о русских писателях Н.Лескове (1930. 16 мая), А.Куприне (1930. 7 сент.), Б.Зайцеве (1929. 19 дек.), Д.Мережковском (1929. 28 марта). В ноябре и декабре 1934 публиковались его рассказы и повести о гражданской войне на Дальнем Востоке и в Сибири («Марш дроздовцев», «Миляга»). Весной 1936 газета печатала главы его романа «Мусоргский». В.Ходасевич высоко ценил изящество простой речи и живую фактуру письма этого писателя (1929. 14 янв.). Художественная проза не единственный жанр, представленный Лукашем со страниц газеты. Он показал себя и мастером историко-литературного исследования («Внуки Пушкина в изгнании: Их воспоминания, документы и фотографии» // 1934. 29 июля, 5 и 10 авг.).

Продолжал активное сотрудничество с газетой А.И.Куприн. С января 1928 до осени 1932 публиковал отрывками роман «Юнкера». Это роман о жизни московского Третьего Александровского училища на Знаменке, раннем возмужании мальчиков-юнкеров в грозную пору социальных катаклизмов. Помимо крупных произведений (повести «Колесо времени» // 1929. Февр.—март), помещались его небольшие работы: циклы очерков «Париж домашний» (1927. Окт.—дек.), «Юг благословенный», рассказы, рецензии, некрологи.

Художественную прозу газеты можно назвать литературой православной. Первенство здесь по времени освоения темы и по близости идеям «возрожденчества» принадлежало И.С.Шмелеву. Творчество писателя снискало себе не только читательскую любовь, признательность, но и злобные наветы критиков леворадикального лагеря. Православные взгляды писателя на исторические процессы в России претили бывшим социалистам из ведущих периодических изданий Парижа — «Последних новостей» и «Современных записок». Редколлегия «Современных записок» повела в 30-х открытое наступление на художественное творчество писателя. «В» помещало рецензии на новые работы Шмелева, отличающиеся искренним доброжелательством, глубоким анализом и проникновенным философским подходом (см. статьи И.А.Ильина: «Искусство и вкус толпы. Ивану Сергеевичу Шмелеву» (1933. 3 янв.); «Искусство Шмелева. Творчество Шмелева» (1933. 28 июля, 4 авг.); «Святая Русь», «Богомолье» Шмелева» (1935. 2 мая); «Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И.С.Шмелева» (1935. 18 апр.)). Ильин отмечал в творчестве писателя глубокое понимание православной природы исторической Руси, органическое слияние веры со всеми сферами жизни русского народа. Шмелев оставался постоянным автором «В» на протяжении всей истории существования газеты. Без его рассказов не обходился ни один пасхальный и рождественский номер. Шмелев был автором многих программных передовиц газеты. К 10-летию Белого движения была дана его статья «Вечный завет» (1928. 25 февр.). Газета доносила высокие отзывы деятелей мировой культуры о творчестве Шмелева (отзыв Томаса Манна 12 мая 1927).

Писателем, выделявшим иную ноту в православном миропонимании, был Б.К.Зайцев. Критик «В» *В.Н.Ладыженский* называл Зайцева «одним из самых христианнейших писателей нашего времени» (1927. 17 нояб.). Его глубоко лиричная проза, окрашенная светлыми тонами веры и любви, неизменно покоряла читателей. В газетных материалах преобладали его излюбленные жанры: очерк и рассказ. В первом полугодии 1928 регулярно печатались очерки Зайцева «Москва», осенние номера газеты поместили его «Югославские записи», где первенствовала тема православного единства с южными славянскими братьями. Публиковались историко-литературные зарисовки о Франции, прозаические переводы из «Ада» Данте (весна 1928). Но преобладала в трудах писателя, безусловно, тема России и русской литературы, представшая в его очерках «*Ю.И.Айхенвальд*» (1928. 22 дек.); «Юлий Бунин» (1928. 11 марта); «Чехов» (1928. 13 мая); «*Леонид Андреев* в зрелые годы» (1929. 13 марта); «Максим Горький» (1932. 15, 30 окт.). Особняком стоят значительные работы об И.С.Тургеневе, основной массив которых впервые публиковался в «В» (отрывки из книги «Жизнь Тургенева» (1931. Янв.—июль); «Тургенев» (1933. 1 сент.); «Тургенев после смерти» (1932. 18 марта)). Газета помещала подборку глав из крупных работ писателя («Афон», «Путешествие Глеба»). В 30-х Б.К.Зайцев вел в газете «Дневник писателя», писал фельетоны на религиозные и литературные темы.

Вне религии немыслимо творчество и другого автора газеты — Д.С.Мережковского. Эта газета в 1928 печатала в отрывках его «Жизнь Наполеона». В 1934—1935 публикуются отрывки из новой книги «Павел. Августин». Часто воспроизводились публичные лекции писателя («Наш путь в Россию» // 1927. 19—22 дек.). Вскоре после начала активной работы Д.С.Мережковского в «В» (с осени 1927) в ней стала печататься и З.Н.Гиппиус. На страницах «В» Гиппиус выступала прежде всего в качестве критика и публициста, иногда прикрываясь былым прозрачным псевдонимом Антон Крайний. В программной политической статье «Третий путь» (1927. 4 дек.), посвященной разбору работы А.Ф.Керенского к 10-летию Октябрьской революции «Срыв России», З.Гиппиус обвиняет его и Милюкова в соглашательских настроениях по отношению к большевикам и в религиозной беспринципности. Гиппиус безоговорочно отвергала всю советскую литературу, считая, что в России культуры быть не может, а вся русская литература сосредоточилась в эмиграции. Она регулярно давала в «В» подробные изложения интересных докладов и обсуждений их в религиозно-философском салоне «*Зеленая лампа*»: «О Евангелии-книге» // 1928. 27 февр.; «Два Завета» (о необходимости исключительно теологического подхода к еврейскому вопросу, по примеру В.В.Розанова) // 1928. 11 апр.; «Гоголь и Белинский» // 1929. 18 апр. В сентябрьских номерах за 1928 начали печататься петербургские дневники З.Гиппиус (1914—1918). Появились на страницах литературных четвергов и поэтические опыты З.Гиппиус.

Раздел поэзии заметно окреп с приходом в феврале 1927 в литературный отдел «В» В.Ф.Ходасевича. Редкие перепечатки строф признанных мэтров русской поэзии (К.Р., Н.Гумилева, И.Бунина) сменились стихами новых поэтов эмиграции: *Г.Раевского*, *С.Маковского*, Ю.Терапиано, *В.Смоленского*, Ю.Мандельштама, И.Тхоржевского, А.Блоха, Н.Берберовой, *А.Штейгера*, *С.Рафаловича*. Творчество самого Ходасевича было представлено в поэтическом разделе «Белыми стихами» (1918—1927) и переводами. После 1928 Ходасевич фактически перестал писать новые стихи, целиком отдавшись прозаическим формам писательского творчества, главным образом литературной критике. Как отмечал позднее ведущий критик газеты Г.Мейер, «политически Ходасевич был чужд «Возрождению»... Но религиозно-эстетический путь... был верен и привел этого поэта к глубокому пониманию словесного искусства», и «как это ни парадоксально на первый взгляд, но развитию имперской идеологии в «Возрождении», хотя и невольно и косвенно, а все же значительно помогали литературные статьи В.Ф.Ходасевича» (Мейер Г. «Возрождение» и белая идея // 1955. № 44. С. 99—100). Статьи В.Ходасевича по различным спорным вопросам эмигрантской литературы играли немалую роль в кристаллизации взглядов на литературный процесс русского зарубежья. Основной массив критических стрел по теоретическим вопросам пришелся по адресу ведущего критика «Последних

новостей» *Г.Адамовича*. Начавшись с периода расцвета литературы в изгнании, середины 20-х годов, дискуссии продолжались до конца 30-х и коснулись всех решительно областей литературы: преемственности традиций, проблем поэзии, прозы и критики, молодой эмигрантской литературы и самой возможности существования литературы в эмиграции (см. материалы полемики // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4). Адамович считал невозможным сам факт существования литературы в изгнании, утверждая, что без «помощи жизни» она мертва и реанимировать ее не в состоянии ни воспоминания, ни сила воображения. Программная статья В.Ходасевича на эту тему «Литература в изгнании» (1933. 27 апр., 4 мая) утверждала существование литературы зарубежья как реальный факт. «Национальность литературы, — писал Ходасевич, — создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь». При этом он ссылался на Данте, литературу французской и польской эмиграции. Сохранять традиции литературы значило, по Ходасевичу, следить за ритмичностью ее «духа вечного взрыва и вечного обновления». Но перспективы развития литературы эмиграции виделись критику в трагических тонах: «Судьба русских писателей — гибнуть». Он обвинил писателей старшего поколения в поиске «уюта среди катастрофы», в забвении теоретических вопросов, в равнодушии к новым принципам художественного творчества, к проблемам молодой литературы, теряющей эстетические традиции классики. «В недрах самой эмиграции молодая литература не обрела себе родины», что привело к утрате школы и обращению молодежи за поисками образцов творчества к иностранцам. Не менее значительной причиной умирания литературы критик считал то, что она оказалась «не по плечу эмигрантской массе».

Пессимистические взгляды на будущее литературы русского зарубежья вызвали отповедь главного редактора газеты Ю.Семенова в статье «Посланничество изгнанников» (1933. 9 мая). Он оспаривал корректность приведенных Ходасевичем примеров из национальных литератур, отрицая их эмигрантскую сущность. Статья редактора заканчивалась призывами: «Надо мужаться, не рассчитывая на подарки судьбы, не впадать в пессимизм» и «найти читателя-эмигранта и пути к нему».

Серьезное значение для зарубежья имела и дискуссия о критике, начатая *М.Осоргиным* в газете «Дни» (1928. 29 апр., 13 мая, 3 июня). Он и *А.Бахрах* («В защиту читателя» // Дни. 1928. 27 мая) видели роль критики лишь в обслуживании запросов массовой читательской публики. В ответ на страницах «В» выступила З.Гиппиус (Антон Крайний. Положение литературной критики // 1928. 24 мая) с утверждением, что в эмиграции сложилась парадоксальная ситуация отсутствия действенной литературной критики при наличии литературы. Идеальная критика виделась ей остро публицистической, смело поднимающей насущные политические вопросы. Г.Адамович поставил критика на один уровень с писателем, подчеркнув разницу их методов работы, но сходство задач («О критике и «дружбе» // Дни. 1928. 27 мая). Аналогичную позицию выразил В.Ходасевич («Еще о критике» // 1928. 31 мая). «Критика есть творчество», — утверждал он. «По-новому раскрывая художественное произведение, его смысл, его внешнюю и внутреннюю структуру, критик в то же время высказывает себя, как и сам художник». Возражая Гиппиус, Ходасевич утверждал наличие в эмиграции критики, признавая серьезные достоинства Адамовича. После этого около полугода в газете «В» не появлялось материалов Гиппиус.

Настаивая на отсутствии русской литературы за рубежом и испытывая сильнейшее воздействие современной европейской культуры, Адамович призывал выйти за рамки классических традиций отечественной литературы и довольно резко отозвался о Пушкине и Л.Толстом. Известный своим пристрастием к пушкинской теме, Ходасевич не преминул ответить резкой статьей («Бесы» // 1927. 11 апр.), в которой отметил, что «великодушная снисходительность, с которой говорит о Пушкине Адамович», лишний раз свидетельствует о том, что критик «не читал его или читая не понял». Напомнив хрестоматийное стихотворение «Бесы», Ходасевич утверждал, что перед эмигрантской литературой стоит «долг — оградиться от бесов здесь». В ответе Адамович («Литературные беседы» // *Звено*. 1927. 17 апр.) настаивает на «подозрительности» совершенства Пушкина и

уверяет, что, «когда будет написана «история стиля» русской литературы — одиночество Пушкина в потомстве станет всем очевидным». Образцом в освоении пушкинского наследия предложен был путь Лермонтова. Расхождения во взглядах на поэзию распространялись и на современных поэтов эмиграции. Ходасевич покровительствовал литературному объединению «*Перекресток*» и отдавал предпочтение так называемой провинциальной поэзии, следовавшей классическим образцам. В статье «По поводу «Перекрестка»» (1930. 10 июля) он выразил надежду, что поэты «Перекрестка» (Г.Раевский, И.Голенищев-Кутузов, Ю.Мандельштам, В.Смоленский и др.) «могут положить начало важному и благому движению». Адамович, напротив, подверг поэзию «Перекрестка» резкой критике за отсутствие связи с жизнью и самостоятельности («Союз молодых поэтов в Париже. Сб. 1, 2. Перекресток. Сб. стихов» // *Числа*. 1930. № 2/3).

Серьезный теоретический спор разгорелся вокруг романа *Е.Бакуниной* «Тело», встреченного резкой критикой со стороны Ходасевича. Адамович же отстаивал «большую ценность романа, как «человеческого документа», списывая явные недостатки его на необходимость объективного отражения «бессмыслицы жизни» («Человеческий документ» // ПН. 1933. 9 марта). Ходасевич настаивал, что «переживание, описанное с величайшей даже точностью, но не подчиненное законам литературного ремесла, не образует художественного произведения». Ценность «человеческого документа» ставилась критиком в зависимость «от философской чреватости... от возможности сделать более или менее значительные онтологические выводы», которые явно не следовали из книги Бакуниной («Книги и люди. «Тело» // 1933. 11 мая).

Активную позицию в споре с Ходасевичем о «человеческом документе» занимала также Гиппиус, солидаризируясь во многом с точкой зрения Адамовича. Правда, высокому мастерству литературы она противопоставляла не объективистское отражение художником кризиса культуры и распада личности, а высокий идейный пафос произведения. Заключительным аккордом в этой дискуссии прозвучала статья Ходасевича «О форме и содержании» (1933. 15 июня). В ответ на обвинение со стороны Гиппиус в «человеческой бездарности» по причине равнодушия к «общим вопросам» Ходасевич указал ей на защиту «бездарности литературной» с ее стороны. Позднее Ходасевич подверг разбору поэзию самой Гиппиус («Двадцать два» // 1938. 17 июня), утверждая, что, несмотря на «почти нестерпимую перенасыщенность философской и моралистической тенденцией, поэзия Гиппиус существует» благодаря «врожденному поэтическому инстинкту». Коснувшись вопросов преемственности, критик отметил, что поэтесса разделила все недостатки поэзии школы символистов, относясь «к форме, как интеллигентная женщина к нарядам: любит их, но не уважает».

Неприятие Ходасевича вызывали «анемичные» стихи молодых поэтов столичной (парижской) школы. Предметом очередной полемики стали поэтические опыты *Лидии Червинской*, «отсутствие литературного мировоззрения» которой послужило своего рода манифестом поэтов Монпарнаса («Кризис поэзии» // 1934. 28 янв.). Г.Адамович, признанный лидер идеологии молодой парижской поэзии, противопоставлял безупречным по форме стихам И.Голенищева-Кутузова «растерянные, беспомощные, почти немые» строфы Червинской. «Конечно, из одной человечности искусства не сделаешь... но когда-нибудь, в соединении с иными элементами, искусство из нее может быть создано» (Адамович Г. Жизнь и «жизнь» // ПН. 1935. 4 апр.). Ходасевич призывал молодых поэтов не кутаться «в душегрейку новейшего уныния» и идти не путем «перегноя, который сам ничем стать не может». «Если молодые поэты действительно хотят пойти «путем зерна», то им надлежит преодолеть не «тему» распада... но самое его состояние и смакование» («Жалость и «жалость» // 1935. 11 апр.). Баталии критиков в отношении молодежи стихали, когда речь заходила о формалистской критике, поэзии футуристов или М.Цветаевой. Здесь их оценки совпадали. В.Маяковский определялся критиком «В» как «глашатай пошлости».

Упреки в забвении святынь русской культуры и умолчании о 100-летней годовщине гибели А.С.Пушкина по адресу авторов альманаха «Круг» (*Б.Поплавский*, Н.Татищев, А.Алферов, *С.Шаршун*) послужили для Ходасевича поводом еще раз поговорить о распаде искусства и замене его

«человеческим документом» («Круг». Кн. 2» // 1937. 12 нояб.). Адамовича, напротив, радовало желание авторов «Круга» перестроить свой литературный дом («Литературные заметки. Альманах «Круг». Кн. 11» // ПН. 1937. 25 нояб.).

По свидетельству Н.Берберовой, Ходасевичу вообще тяжело было читать советские журналы. Поэтому обзоры советской литературной периодики для раздела «Литературная летопись» готовились ими совместно (1928—1932). «Считалось, что ее пишет Ходасевич, но на самом деле писала ее я, подписывала «Гулливер»... и таким образом, тайно сотрудничала в обеих газетах <имеются в виду «Последние новости»>... Ходасевич, конечно, редактировал мою хронику, прежде чем печатать ее, как свою, иногда добавляя что-нибудь и от себя» (Берберова Н. Курсив мой. München, 1972. С. 371). За двенадцать лет работы в газете «В» Ходасевич опубликовал несколько сот своих литературно-критических материалов. Он вел обзорную рубрику «Книги и люди». Именно на страницах этого издания впервые увидели свет многие блистательные очерки о современниках Ходасевича (некоторые из них вошли в его сборник воспоминаний «Некрополь»): «Младенчество» (1933. 12, 15, 19 окт.); «Конец Ренаты» (1928. 12—14 апр.); «Андрей Белый» (1934. 28 июня, 5 июля; 1938. 27 мая); «О *Сирине*» (1937. 13 февр.); «С.Я.Парнок» (1933. 14 сент.); «Московский литературно-художественный кружок» (1937. 10, 17 апр.). Газета впервые познакомила читателей с литературными портретами писателей пушкинской поры, с любовью воссозданными в статьях Ходасевича, среди которых: И.И.Дмитриев (1937. 29 окт.); А.С.Грибоедов (1937. 4 февр.); П.А.Вяземский (1928. 22 нояб.); А.А.Дельвиг (1931. 31 янв.); Ф.И.Тютчев (1928. 6 дек.); Н.И.Гнедич (1933. 9 февр.); Н.В.Гоголь (1934. 29 марта); с отрывками из книги «Державин» (1929—1930). Особую роль Ходасевич отводил А.С.Пушкину. 100-летие памяти поэта стало триумфом русской духовности. Помимо множества специальных материалов, было выпущено специальное приложение 6 февраля 1937 — «Пушкин 1837—1937» со статьями Б.Зайцева, И.Шмелева, Д.Мережковского, В.Ходасевича, Ю.Мандельштама, Г.Мейера, А.Амфитеатрова, *К.Коровина*, *А.Плещеева*, И.Тхоржевского. Ревностно воспринималась любая бестактность советского литературоведения в отношении Пушкина (Ходасевич В. Вокруг Пушкина // 1927. 31 дек.). Негодованием были встречены попытки опошлить память поэта, представить его «бурно-революционно-сладострастным Хлестаковым, очень похожим на Луначарского», как это произошло в романе В.Каменского «Пушкин и Дантес» (Ходасевич В. Советская клюква // 1928. 12 июля).

Пристрастное отношение Ходасевича к советской литературе отличало весь его творческий путь в эмиграции. Анализируя обзорную статью Вяч.Полонского, критик приходит к парадоксальному выводу, что пролетарская литература «существует исключительно силами не-пролетарскими» (Ходасевич В. История советской литературы // 1928. 31 янв.). Едкую критику встречали с его стороны настроения «возвращенчества» и соглашательства в эмигрантских кругах.

Высокую оценку получили сатирические рассказы М.М.Зощенко (Ходасевич В. Уважаемые граждане // 1927. 5 мая), которые часто публиковались на страницах газеты в 1933 (1 февраля — «Беспокойный старичок», 15 февраля — «Страдания молодого Вертера», 29 декабря — «Счастливый путь»). 16 марта 1933 была опубликована фотография Зощенко со следующей подписью: «Наиболее читаемый в эмиграции советский писатель Михаил Зощенко». Нередки были публикации и других советских писателей: 15 мая 1935 — рассказ И.Ильфа и Е.Петрова «Театральная история»; 29 апреля 1933 — отрывок из 3-й книги романа Шолохова «Тихий Дон» («Восстание»); 19 февраля 1933 — отрывок из романа К.Федина «Похищение Европы» («Ганза»).

С 1928 на последней странице «В» открылась специальная иллюстрированная рубрика — «В России», состоящая исключительно из перепечаток материалов большевистской прессы о парадоксах советской действительности.

Жанр сатиры и юмора прочно прижился на страницах газеты. Этому способствовал постоянный сотрудник «В» А.М.Ренников (Селитренников), талантливый фельетонист и драматург, бывший сотрудник суворинской газеты «*Новое время*», бессменный ведущий рубрики «Маленький фельетон». В

первые годы существования газеты острие сатиры направлялось против большевиков, но позднее немало досталось и «братьям-эмигрантам». Ренников был автором летучего афоризма: «Незваный гость — хуже евразийца». Его перу принадлежало множество пьес, очерков и статей на темы эмигрантского быта.

Не сходила со страниц газеты поэтическая сатира *Лоло* (Л.Г.Мунштейна) на злобу дня и бывшего «сатириконовца» *В.И.Горянского*, который прославился частыми выпадами в адрес Сталина и его окружения. Фельетоны и басни Горянского нередко приобретали пафос политического памфлета.

Звездой первой величины в жанре юмористики на страницах газеты безоговорочно признавалась *Н.А.Тэффи*. Ее рассказы появлялись в газете в годы ее активного литературного творчества с интервалом в 5—7 дней. С середины декабря 1928 Тэффи начала публиковать свои «Воспоминания» об анекдотичных эпизодах бегства из России. Чужбина привнесла в творчество писательницы мотивы горькой самоиронии и трагические нотки ностальгии. Мрачные тона иных рассказов были крайне далеки от юмористики (Тэффи. Майский жук // 1927. 8 мая). Многие зарисовки писательницы были связаны с грустной памятью о прошлом. Таковы ее посмертные воспоминания о Ф.Сологубе (Тэффи. Рыцарь смерти // 1927. 11 дек.). На страницах «В» Тэффи выступила и в новом для себя жанре: как автор «Авантюрного романа» (1931). Критика, правда, приняла его довольно холодно.

Основателями газеты была выдвинута определенная программа перед художниками слова — воспитание «единства национального духа». А.О.Гукасов призывал писателей использовать свой талант для воспитания за рубежом истинных патриотов России, внимательно относиться к моральным ценностям прошлого Святой Руси. Можно признать, что в целом этим задачам и отвечала художественная проза писателей, публиковавшихся на страницах «В»: И.Сургучева, И.Воинова, *Н.Рощина*, К.Коровина, Г.Цебрикова, *Б.Лазаревского*, Н.Берберовой, П.Романова, В.Корчемного, Е.Чирикова, С.Яблоновского, *А.Тырковой-Вильямс* и др. При газете Гукасов организовал издательство «Возрождение», книжный магазин, общественную библиотеку и типографию. Предпочтение в издании отдавалось в первую очередь авторам газеты.

Сама газета со временем заметно разрослась. Первую страницу, освещавшую важнейшие события текущего дня, готовил, как и раньше, С.С.Ольденбург, бывший «октябрист». Выросли разделы международных новостей и событий внутри страны. Появилось множество рекламно-развлекательных отделов: «Новости кино» (Киноэкран), «Спорт», «Нашим читательницам» (выкройки, моды, советы косметологов, головоломки). Объем рекламных объявлений превысил два листа. После забастовки печатников в 1936 газета стала выходить раз в неделю (по пятницам) на 14 страницах. Рубрики разрослись и занимали по 1,5—2 страницы, расположившись в следующем порядке: передовая статья главного редактора, «О ком и о чем говорят», «Под игом Советов», «Русские за рубежом», «Литература и искусство» (8—9 страница), «На экранах Парижа», «На досуге», реклама и переводной роман-фельетон. Все подвалы с 5 по 9 страницу отдавались, как правило, художественной прозе постоянных авторов газеты.

С 1927 рубрику «Каждый день» вел П.П.Муратов, многие его статьи политического содержания шли без подписи. *М.Алданов* и *М.Цетлин* обвиняли его в реакционности. Публицистические выступления Муратова в рубриках «Ночные мысли» и «Окно в Европу» были наполнены не только воспоминаниями о революции и полемикой с идеологами примиренчества. Высокий вкус и чувство художественного стиля отличали его многочисленные работы по истории зарубежного искусства и русской культуры. Преодоление кризиса культуры стало ведущей темой его культурологических эссе в газете, где он сотрудничал до середины 30-х.

Обзорами выставок и популярными литературными портретами французских художников и писателей начинал свою деятельность в газете с первых лет ее существования один из самых тонких критиков зарубежья В.В.Вейдле. Его основными темами стали: «Умирание искусства» (так он назвал свою монографию, изданную в Париже в 1937) и «Россия и Запад — перекличка двух культур». Г.Струве считал его «самым ценным приобретением зарубежной

литературной критики после 1925-го» (с. 372).

Литературная опека В.Ходасевичем группы «Перекресток» благотворно сказалась на выдвижении в 30-х двух молодых критиков — Ю.Мандельштама и И.Голенищева-Кутузова. Последний из них, филолог-медиевист, специалист по средневековой культуре Франции, был наиболее активен в литературно-критических выступлениях на страницах «Возрождения» в год, предшествовавший окончанию сорбоннской аспирантуры (1933). Его особенно занимали вопросы взаимовлияния культур и корней славянской духовности.

Первенствовал по числу публикаций с середины 30-х поэт и критик Ю.Мандельштам. Он начинал свою деятельность в газете с обзора текущей иностранной литературы, но вскоре его статьи перешагнули узкие рамки хроникальной рубрики и вылились в серьезные исследования: «Судьба романа» (1936. 29 авг.), «Любовь в современном романе» (1939. 3 февр.), «Традиции английской литературы» (1938. 29 июня). Его бесспорно можно назвать самым плодовитым литературным критиком «Возрождения». Ю.Мандельштам в совершенстве овладел жанром литературного портрета. С равной легкостью он писал о романтизме в творчестве Анатоля Франса (1934. 1 нояб.), о «Театре Мольера» (1934. 14 авг.) и о «Женщинах в жизни Руссо» (1934. 10 нояб.). «Воспоминания о Прусте» (1936. 28 марта) сменялись музыкальной темой в очерках «Гектор Берлиоз» (1936. 27 апр.) и «Старость гения» о Гайдне (1936. 3 апр.). Мандельштам смело полемизировал с признанными мэтрами литературы: в статье «Гений и безумие» (1933. 27 окт.) спорил с Цвейгом о природе душевных болезней Гельдерлина, Клейста и Ницше. Глубокий анализ отличал его работы о Бунине («Новая книга Бунина» // 1939. 7 июля) и Ходасевиче («Тяжелый дар» // 1939. 21 июля). Разбор творчества писателей-современников не ограничивался рамками эмиграции. Анализируя переписку Горького «знаньевского» периода (1934. 30 авг.), Мандельштам отмечал неуважительное отношение писателя к своим собратьям по перу. Не прошли мимо внимания критика юбилеи и советские издания писателей XIX в. («Жизнь Рылеева» // 1934. 20 нояб.; «Языков» // 1934. 26 июля; «Гаршин» // 1938. 26 авг.).

«Возрождение» 30-х невозможно себе представить без коротеньких рассказов живописца К.А.Коровина. Короткие зарисовки русского пейзажа, охотничьи истории, колоритные описания старого русского быта, подмеченные острым глазом художника, раскрыли в Коровине мастера не только кисти, но и писательского пера («Левитан» (сентябрь—октябрь 1933); «Первая любовь» (1934. 29 июля); «На охоте» (1934. 5 авг.); «Звериные тропы» (1934. 4 нояб.)). 14 июля 1939 умер В.Ф.Ходасевич; потерпела крах доктрина редакции, связывавшая надежды на освобождение России с гитлеризмом (меч германского фашизма обернулся против стран западной демократии), и в довершение всего в последний период существования газеты многие ее постоянные авторы ушли из жизни.

Последний номер «Возрождения» вышел с редакционным отчетом о 15-летнем юбилее издания, отмеченном 3 июня 1940 («Сбор под огнем» // 1940. 7 июня). «Нас мало, но мы правы, — говорилось в нем, — правы, и Злу не восторжествовать... Газета будет стоять до последнего дня, до возможного физического уничтожения, — но с поста своего мы не сойдем и не сдадимся и попрежнему будем будить сонных и звать — звать с тем большей силой, что впереди, и близко, праздник нашей Правды».

А.В.Ломоносов

«ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ» (Прага, 1926 (на титуле 1927) — 1930. № 1—9) — общественно-экономический (с № 5 — общественно-литературный и экономический) сборник. Издавался учрежденным в феврале 1926 Обществом сибиряков в Чехословакии. (№ 1—4 при содействии Сибирского отдела при институте изучения России в Праге) под общей редакцией председателя Общества и главы Сибирского отдела И.А.Якушева. Орган сибирского областничества.

Значительное место на страницах сборника уделялось «сибирской литературе». Именно в произведениях писателей-сибиряков лидеры «областнического» движения искали подтверждения своих идей — прежде всего проявления сибирской «осо-

бости»: «Сибирь с ее необъятностью и богатством, своеобразием своей сурово-величественной природы на севере, красочно-разнообразной на юге, разноплеменностью и особенностями бытовых форм туземного, старожилого и переселенческого населения, на фоне разнообразных хозяйственных условий жизни — от первобытных до высококультурных, — давала широкое поле для творчества и не могла не привлечь к себе внимание сибирского художника и поэта. Это своеобразие местных особенностей выявилось в художественном творчестве сибирских писателей и дало основание говорить о сибирской литературе» (№ 1. С. 183—184). Сибирская литература зародилась еще в конце XVIII века, но до последнего времени ничем не выделялась, «оставаясь худосочным отголоском господствующих течений общерусской литературы». Лишь с появлением «молодой сибирской генерации журналистов и писателей, проникнутых духом самостоятельного изучения местных вопросов и жизни (Н.М.Ядринцев, Г.Н.Потанин), заметно выделился на общем фоне общерусской журналистики голос сибирской публицистики, а в чудесную и богатейшую русскую литературу влился скромный, но своеобразный ручеек нарождающейся молодой сибирской литературы (Наумов, Худяков, *Гребенщиков*, Бахметьев, Шишков, Гольдберг и др.)» (№ 1. С. 183). Развивая идеи основоположников сибирского областничества, авторы сборника постоянно обращались к наследию А.П.Щарова, Н.М.Ядринцева и Г.Н.Потанина. Памяти последнего был посвящен первый номер «Вольной Сибири»; авторы статей писали не только о политической и научной деятельности Потанина (И.А.Якушев, *Дионео*, Е.Л.Зубашев), но и о его влиянии на «сибирскую» литературу и журналистику. По мнению *Г.Гребенщикова*, личные воспоминания Г.Н.Потанина, печатавшиеся в газете «Сибирская жизнь», «по красоте изложения и благородству тона можно отнести к лучшим образцам мировой литературы», это «самый лучший, блестящий по форме и классически-художественный по внутреннему содержанию документ его жизни и эпохи более чем за полвека» (№ 1. С. 72). Если Г.Гребенщиков в своих воспоминаниях рассказывал о сибирских изданиях («Омское слово», «Сибирская жизнь», «Сибирская новь») и писателях (Г.Вяткине, П.А.Казанском, И.Тачалове, В.Шишкове) начала века, то Б.Курбский, рецензируя новосибирский художественно-литературный и научно-публицистический журнал «Сибирские огни» (1926. № 1—3), писал о современном состоянии литературы Сибири: «Поскольку мы можем судить по случайным дошедшим за границу отдельным номерам журнала, редакция удачно справляется с теми задачами, которые стоят перед ней... Мы имеем в виду те общие задачи сибирского журнала, которые стояли перед ним, как перед русской революцией, так и продолжают стоять после нее: быть действительным, нелицеприятным рупором нарождающегося общественного самосознания окраины и художественного отображения ее в литературе. И как это ни странно, несмотря на официальную коммунистическую идеологию руководителей журнала, в нем бьется живой подлинный пульс жизни» (№ 1. С. 200).

Не остался без внимания обозревателей «ВС» прошедший 21 марта 1926 в Новосибирске Первый Сибирский съезд писателей, отчет о котором был напечатан в № 3 «Сибирских огней». В статье, подписанной псевдонимом Областник, с одной стороны, утверждалось единство русской литературы, с другой — отстаивалась самобытность творчества сибиряков. Говоря о сибирской литературе, обозреватель не противопоставлял ее русской литературе, решительно выступал против деления литературы на советскую и эмигрантскую, против отрицания всего того, что делается писателями в коммунистической России: «Это неправильный подход к русской (а не коммунистической, запомните это!) литературе. Современной русской литературой можно быть недовольным, можно болеть за нее, но это не значит, что мы должны отказаться от нее, бросить читать современную «советскую» книгу. Это — глубокая ошибка. Психологически понятная, но, тем не менее, заслуживающая осуждения» (с. 184—185).

В первых книжках сборника художественные произведения не печатались, публиковались, в основном, статьи на общественно-политические темы, а также экономические обзоры. Значительная часть материалов была посвящена событиям десятилетней давности — Февральской революции,

деятельности Сибирского правительства и Сибирской областной думы, выступлениям чехословаков в 1918. Начиная с 1929 (№ 5) каждая книжка открывается литературным отделом, среди сотрудников которого — Г.Гребенщиков, поместивший в «ВС» фрагменты из книги «Алтай — жемчужина Сибири» (№ 5, 6—7) и первую главу из пятой книги эпопеи «Чураевы» (№ 8), Н.Рерих («Алтай—Гималаи» (Из дневника «В шатре и на коне». № 9), *А.Несмелов*, выступивший и как поэт (№ 6—7, 8, 9), и как прозаик (№ 9). В журнале печатались *А.Ачаир*, Ек.Якушева, Б.Волков, Т.Андреева, К.Сабуров, Е.Рачинская, Л.Тульпа, *Л.Нелидова-Фивейская*, М.Дорожинская. Редакция стремилась сделать «ВС» органом, объединяющим всех сибиряков; в литературном отделе появлялись произведения, созданные не только в Праге, но и в Бразилии, в США, в Харбине. В пятой и девятой книгах сборника публиковались составленные по анкете Общества сибиряков сообщения о зарубежной деятельности писателей-сибиряков, оказавшихся в Европе, США, на Дальнем Востоке, — А.В.Байкалова, Б.Н.Волкова, А.А.Кирилова (А.Инсаров), М.А.Кроль, И.Г.Савченко, Н.Л.Шапиро, Т.А.Баженовой, Л.Я.Нелидовой-Фивейской, А.А.Грызова (А.Ачаир), И.И. и А.Н.Серебренниковых, В.С.Логинова.

С 1929 расширяется литературно-критический отдел. В № 5 его открывает обзорная статья *М.Слонима* «Современная сибирская литература». Критик утверждает, что «не может быть речи о какой-то самостоятельной сибирской литературе вне рамок литературы русской». Бесспорной истиной является то, что «словесность определяется прежде всего языком, на котором написаны художественные произведения» (с. 14). Слоним отмечает «сибирский мотив» в творчестве И.В.Федорова-Омулевского, Д.Н.Мамина-Сибиряка, П.И.Мельникова-Печерского, В.Серошевского, В.Г.Короленко. Среди современных сибирских писателей критик выделяет А.Новоселова, Ф.Березовского, Г.Гребенщикова, В.Шишкова, Вс.Иванова, Л.Сейфуллину, Ис.Гольдберга, В.Зазубрина. Из молодых авторов Слоним отмечает тех, кто «сумел перейти от натурализма к реализму, т.е. творческому изображению жизни», — В.Бахметьева, А.Каргополова и А.Фадеева, «чей роман «Разгром» был справедливо причислен к лучшим произведениям так называемой пролетарской литературы прошлого года» (с. 40). Если М.Слоним строго подходил к творчеству Г.Гребенщикова и считал, что писатель занимает лишь скромное место в русской литературе, оставаясь прежде всего «искусным бытовиком, не сумевшим подняться на высоту создателя типов и художника-психолога» (№ 5. С. 26), то для критиков-сибиряков Г.Гребенщиков — не только «талантливый писатель, со своеобразным подходом к литературным темам, с ярким, красочным и выразительным языком», чьи произведения, появившиеся за границей, служат доказательством «расцвета художественного дарования автора» (№ 5. С. 126), но и «мыслитель», ищущий ключ к «тайне событий», к «грозе и буре российского вихря». Илья Савченко, анализируя стилевую манеру Гребенщикова, показывает, как способность живописать настоящее превращается в дар провидеть будущее: «Если своим реализмом Гребенщиков связывается с прошлым русской литературы, то своим бытийным симфонизмом он, возможно, восходит к ее будущему» (№ 6/7. С. 46).

В «ВС» рассказывается о чествовании Г.Гребенщикова «по случаю двадцатилетней литературной деятельности», публикуются статьи, посвященные его творчеству, рецензии на новые книги. Б.Курбский характеризует Гребенщикова как «певца Алтая — жемчужины Сибири». Книга Гребенщикова — «Гонец: Письма с Помперага» (Southbury, 1928) — рассматривается как произведение художественно-публицистическое, утверждение преображающей силы человеческого духа, «книга с большим моральным зарядом», «живой документ времени, где мировоззрение писателя, его философия находят яркое и убедительное отображение». Критик особо подчеркивает «глубокий гуманизм» автора, его «чуткое отношение к молодежи (советской и зарубежной) и объективное отношение к современной российской действительности, чуждое вульгарного «советоедства»» (№ 5. С. 126—127). Дважды внимание рецензентов привлекают произведения *С.Р.Минцлова*. В книге «Секретное поручение» (Рига, 1928) Ек.Якушева отмечает наблюдательность автора, его умение передать бытовые черты (№ 5). Б.Курбский, указывая на прекрасный дар рассказчика, чей язык мало

приукрашен, прост и выразителен, писал о сочетании в романе «Огненный путь» (Рига, 1929) занимательного сюжетного материала, взятого из жизни, истории и собственной фантазии автора: «Новая книжка С.Р.Минцлова читается с большим интересом, как и вообще все, что выходит из-под пера автора; в этом отношении мы не ошибемся, если скажем, что в лице С.Р.Минцлова мы имеем в эмиграции самого популярного писателя» (№ 8. С. 104). Высоко оцениваются и книги Н.К.Рериха: «Пути Благословения» (Нью-Йорк, 1924) стали «по своей духовной устремленности к какой-то новой, светлой жизни» для многих читателей настольной книгой; «Сердце Азии» (Southbury, 1929) «с присущей Н.К.Рериху проникновенностью во все сущее» повествует о современной Азии. По мнению рецензента, «только Н.К.Рерих в нашу эпоху мог угадать и изучить значение таинственного и могучего движения в Азии, именуемого Шамбала» (№ 6/7. С. 164). Среди сибиряков критики выделяют А.Несмелова и *Вс.Н.Иванова*. Б.Курбский в рецензии на сборник стихов А.Несмелова «Кровавые отблески» (Харбин, 1929) писал о том, как «возмужал» и «вырос» поэт за последние годы: «От нежно-лирических и музыкальных стихов первой книжки Арсений Несмелов как-то сразу перешел к суровому и скупому по форме, кованому стиху «18-го года» — года революционной и гражданской войны» (№ 8. С. 104). В его стихах отражается и быт военных будней, и величие подвига русских солдат и офицеров, звучит уверенность в победе: «Эти бодрые, полные внутренней скованности строки, говорящие о борьбе и сопротивлении, на фоне современной «обреченности» и «упадка» как-то заметно выделяются своей бодростью и внутренней напряженной устремленностью» (№ 8. С. 105). Иной характер, по мнению критика, носит поэзия Вс.Иванова, чьи стихи — «прихотливая художественная мозаика; они больше говорят глазам, чем слуху». Если у А.Несмелова Б.Курбского привлекает «суровая динамичность и напряженность» стиха, «тематическое единство», то в поэзии Вс.Иванова — «статичной и тематически случайной» — прежде всего способность в любой ситуации оставаться именно художником, отрешаясь от своего личного «Я». Книга «Сонеты» (Харбин, 1930) свидетельствует о большом поэтическом даровании автора, но — и это особо отмечает критик — «с точки зрения краевой поэтики, сонеты Вс.Иванова проходят мимо ее задач» (№ 9. С. 145).

Д.Д.Николаев

«ВОЛЯ РОССИИ» (Прага, 1920. № 1. 12 сентября — 1921. № 327. 9 октября; 1922. № 1. Январь — 1922. № 28. Август; 1922. Сентябрь — 1932. Май) — первоначально газета, в 1922 — еженедельник, а с сентября 1922 — ежемесячный «журнал политики и культуры», как пояснял подзаголовок. Основанное эсерами, издание выходило при участии *В.М.Зензинова*, В.И.Лебедева, О.С.Минора и Е.Е.Лазарева, но к концу 1922 эта редколлегия, за исключением Лебедева, была сменена другой: в ней активную роль играли *М.Л.Слоним*, В.В.Сухомлин и затем Е.А.Сталинский, деятели откровенно левой, даже леворадикальной ориентации. На первых порах довольно активное участие в издании принимал также В.М.Чернов.

С первых же выпусков журнал заявил о себе как об издании, основное внимание уделяющем идеологии, политике и общественным вопросам; эти материалы до самого конца оставались главенствующими. Культуре и художественной литературе отводилось значительно меньше места. Журнал вел многолетнюю полемику с «*Современными записками*». Позиция, занятая «ВР», существенно отличалась от той, которую выбрали как «Современные записки», так и «*Русская мысль*», и эта позиция сделала невозможным привлечение в журнал виднейших писателей первой волны эмиграции. Исключение составили только *А.Ремизов* и *М.Цветаева*, печатавшиеся на страницах «Воли России» регулярно и в течение многих лет.

Специфика «ВР» во многом предопределялась тем, что это был журнал, представлявший русскую Прагу. В отличие от других центров рассеяния, прежде всего от Парижа и Берлина, Прага 20-х создавала почти оптимальные условия для расцвета культуры русского зарубежья. Политика правительства Т.Масарика, очень много сделавшего для помощи русской эмиграции, создала прочное в ту пору чувство сла-

вянской общности. Университет, где были специализации по русской филологии и истории, а лекции читались на всех славянских языках, знаменитый семинарий Н.П.Кондакова, ставший школой для современного научного славяноведения, Философское общество во главе с С.И.Гессеном, присутствие таких активно работавших деятелей русской гуманитарной науки, как оказавшиеся в Праге *А.Л.Бем*, А.А.Кизеветтер, *Е.А.Ляцкий*, Р.В.Плетнев и другие, — все это способствовало превращению чехословацкой столицы в центр интенсивной духовной и творческой деятельности, направленной на то, чтобы заложить фундамент будущей обновленной России (см.: Андреев Н. Пражские годы // Новый мир. 1994. № 11). Для пражских эмигрантских кругов было характерно стремление не столько противопоставлять себя пореволюционной России, сколько искать путей сближения с теми ее силами, которые признавались потенциальной опорой предстоящего возрождения нации и родины. При этом революция и гражданская война, какое бы отношение к себе они ни вызывали, для пражской эмиграции были свершившимся и непреложным историческим фактом, который надлежало осознать с тем, чтобы вместо бесплодных попыток реставрации навсегда ушедшей России направить духовную энергию на построение нового общества, ведущего свою историю с перелома 1917.

Эти настроения, в особенности отличавшие пражскую эмигрантскую молодежь — круг недолговечного журнала «Новь», участников объединения «Скит» (*«Скит поэтов»*), — ясно дали себя почувствовать и на страницах «ВР». С одной стороны, журнал непоколебимо придерживался антибольшевистских позиций, считая советский эксперимент профанацией социализма и точно уловив момент, когда этот эксперимент превратился в строительство чисто тоталитарного государства. Одной из самых ярких публикаций «ВР» в этом смысле были записки одного из ее соредакторов Вл.Лебедева, сумевшего совершить с чужим паспортом поездку по СССР в год «великого перелома» и опубликовать в журнале (1929. № 9—12; 1930. № 1—6) цикл очерков, поразивших достоверным описанием советской будничности: голода, репрессий, всеобщего страха. С другой стороны, на фоне эмигрантской периодики пражское издание выделялось несравненно большей, чем где бы то ни было, объективностью освещения событий на родине, и особенно ее культурной жизни. В частности, новинки советской литературы (от сборников Б.Пастернака до «Комиссаров» Ю.Либединского, положительно оцененных журналом) освещались тут постоянно, а в тоне комментариев не было ни высокомерия, ни антагонизма. «ВР» откровенно стремилась к диалогу с новой Россией, рождавшейся — так считали в Праге — на развалинах обреченной империи. Эта установка преобладала в журнале вплоть до «великого перелома», получившего здесь название «сталинщины», — слово было впервые употреблено в заглавии статьи М.Л.Слонима «Сталинщина в литературе» (1930. № 10).

Установки журнала, отвергшего как большевизм, так и иллюзии о возможном возвращении России к тому историческому состоянию, в котором она находилась накануне 1914, были с достаточной ясностью сформулированы уже в первом номере. «Мы пережили Великую Русскую Революцию с ее светлыми днями и грандиозными катастрофическими периодами, — писал в статье «Корабль смерти» А.Чумаков. — Мы пережили четыре года большевистской диктатуры, перед которыми бледнеет, может быть, французский 93-й год. И мы знаем своим потрясенным разумом, и мы видели своими помутившимися глазами то, чего не знали и не видели десятки прошлых поколений» (1922. № 1. С. 3—4). Статья А.Чумакова была посвящена ужасам террора, но в ней определилась линия журнала, стремившегося доносить мирочувствование русских людей после исторической катастрофы, переменившей весь строй их понятий. Эта линия наиболее отчетливо проведена в подборе публикаций по отделу поэзии и прозы.

Здесь безусловное предпочтение «ВР» отдавала молодым авторам, чей творческий путь начинался уже в эмиграции. «ВР» стала рупором тех, кого *В.С.Варшавский*, сам принадлежавший к той же среде, назовет в своей книге воспоминаний «незамеченным поколением», пояснив, что, в отличие от старших годами, «мы жили без всякой ответственности, как бы сбоку мира и истории. Нам уже веял в лицо ветерок несуществования» (Варшавский В.С. Незаме-

ченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 9). Варшавский тоже дебютировал на страницах «ВР», где в 1929 (№ 7) напечатал свой первый рассказ «Шум шагов Франсуа Вильона». Постепенно именно такие публикации, представлявшие творчество молодых и практически безвестных авторов, стали в пражском журнале доминирующими, вытеснив достаточно случайные подборки стихов *А.Белого*, М.Волошина, *В.Ходасевича*, прозу *Б.Зайцева*, *С.Юшкевича*, отрывки из романов *Вас.Немировича-Данченко*, появлявшиеся на этих страницах в первые годы издания. Принципиальное значение для «ВР» приобрели большие подборки «Парижские поэты» (1926. № 3, 6/7; 1928. № 1). Были представлены *В.Андреев*, Н.Борисова, А.Булкин, *А.Гингер*, *Д.Кнут*, *Ан.Ладинский*, Н.Жемчужникова, *Г.Кузнецова*, С.Луцкий, *В.Парнах*, *В.Познер*, *А.Присманова*, Д.Резников, М.Струве, *Ю.Терапиано*, пражане Ник.Болесцис, К.Ирманцева, *Вяч.Лебедев*, М.Мыслинская, С.Нальянч, Алексей Фотинский, *А.Эйснер*, Е.Якубовская. Некоторые из них — в частности, Г.Кузнецова и Д.Кнут — постоянно подвергались в критическом отделе «ВР» нападкам за архаизм тематики и стилистики или за иллюзии относительно культурной миссии русской эмиграции, другие, прежде всего Лебедев и Эйснер, стали со временем постоянными авторами журнала. Однако, вне зависимости от взглядов редакции на творчество того или иного из начинающих поэтов, сохранялась принципиальная приверженность «ВР» литературе молодой, часто экспериментальной, нетрадиционной по художественным ходам и доносящей то «катастрофическое» сознание, которое отличало представителей «незамеченного поколения».

Его наиболее яркие писатели — *Г.Газданов* и *Б.Поплавский* — публиковались в «ВР» постоянно, как и Лебедев, Эйснер, Ладинский, тогда писавший только стихи. Из писателей, пользовавшихся известностью еще в России, журнал отдавал предпочтение Цветаевой, напечатавшей в 1925 «Крысолова», «Попытку комнаты» (1928. № 3), «Приключение» (1923. № 18—19), «Феникс» (1924. № 8—9), переписку с Рильке (1929. № 2), «Поэму воздуха» (1930. № 1), ряд лирических циклов. Вплоть до 1921 публиковался Ремизов (в частности, отрывки из «Взвихренной Руси» // 1926. № 2), но, пожалуй, самой нашумевшей публикацией стал роман *Е.Замятина* «Мы» (1927. № 2). Заботясь о безопасности автора, редакция представила эти отрывки как обратный перевод с чешского и английского изданий, но на деле, видимо, располагала рукописью. Замятин печатался и раньше («Икс» // 1926. № 8/9) и постоянно привлекал к себе внимание критического отдела журнала, но появление «Мы», конечно, носило сенсационный характер и как бы подводило черту в давнем споре «ВР» со своими оппонентами относительно возможности существования неказенной литературы в советской России. Спор был выигран пражским журналом с очевидностью для всех.

Другим принципиальным шагом редакции стала посмертная публикация «Бани» В.Маяковского и обращенного к Маяковскому лирического цикла Цветаевой (1930. № 11). Публикация была подготовлена «Литературным дневником» Слонима в № 5/6 за тот же год («Два Маяковских»): отмечая, что «Маяковский был кремлевским поэтом не по назначению, а по признанию и по призванию», критик вместе с тем увидел в подобной ситуации творческую драму — «из этого заключать о продажности и неискренности Маяковского значит повторять глупые и пошлые обвинения... Но за это — в плане жизненном — поэт убил Маяковского. Чувства, инстинкты, мечты, которым было запрещено выходить на свет божий, отомстили ему за совершенное над ними насилие» (с. 449, 453). Для «ВР», в силу ограниченного объема печатавшей только рассказы и отрывки, сам факт публикации большой пьесы в полном виде был «знаковым»: споря с ниспровергателями Маяковского, как и с его официозными канонизаторами в СССР, журнал признавал и значительность, и драматизм этого явления. Еще раз была продемонстрирована присущая журналу широта и антитенденциозность подхода.

«ВР» — один из немногих эмигрантских журналов, печатавших, помимо отечественных, также иностранных авторов. Здесь увидели свет некоторые произведения Ванчуры и Чапека. Это не являлось просто выражением признательности дружественной чешской культуре, так как эти публикации последовали за «Альбертиной» Пруста (1925. № 11), «Игрой любви и смерти» Рол-

лана (1926. № 2), отрывками из мемуаров Франса, очерками Ф.Верфеля, повестью П.Истрати. «ВР» стремилась воссоздавать культурный контекст, в котором отчетливее просматривались бы особенности современной русской литературы, прежде всего молодой, ориентировавшейся на новейший европейский опыт не менее явственно, чем на русские классические традиции. Статьи *П.Муратова* о театре Пиранделло и о прозе Жироду (цикл «Очерки трех литератур» // 1926. № 2, 4), обзоры новой чешской прозы, подготовленные Н.Мельниковой-Папоушковой (в частности, 1928. № 4), и ряд других материалов того же типа представляют собой по-своему уникальное явление в эмигрантской литературной печати. С той же целью налаживания живых контактов между современной русской и европейскими литературами журнал опубликовал перевод эссе Т.Манна «Гете и Толстой» (1922. № 18/20), статью М.Слонима, анализирующую «роман приключений», который, на взгляд критика, «эстетически отражает переходный период современной литературы, все более и более удаляющейся от проникнутых символизмом лирических «историй души» к более классическим формам сюжетного романа» (1922. № 12. С. 11; материалом для статьи послужили книги Лондона, Киплинга, Конрада, с одной стороны, проза Замятина — с другой).

Едва ли не самая важная публикация такого рода была предпринята в № 5 за 1928: два поэтических текста — «Поэма временных лет» Вяч.Лебедева, «Конница» А.Эйснера и сопровождающая их статья Слонима «Россия и Европа. По поводу двух поэм». Оспаривая и лебедевскую «европофилию», и «скифство» Эйснера, Слоним писал, что само противопоставление Запада Востоку начинает утрачивать обоснованность в условиях все более интенсивной культурной диффузии, а на российской почве оно грозит обернуться всего лишь политическими спекуляциями, о чем свидетельствовала история евразийства. Конечные выводы Слонима сформулированы с подчеркнутой недвусмысленностью: «Не против Запада, не на поводу у Европы, а вместе с Европой должны мы идти, потому что мы сами в Европу входим и Европой являемся... европейская цивилизация и культура, озаренность мысли и отвага знания, все это не «ихнее», а наше, оно принадлежит нам, потому что мы равноправные члены этой семьи, сыны «второго отечества», и если бы эту культуру стали мы отрицать и осуждать на слом, то косвенно отринули бы и уничтожили бы самих себя» (с. 56).

Надо, однако, признать, что культурологический уровень выступлений «ВР», обращенных и к этой злободневной теме, и к сложным проблемам русского культурного наследия, оставался сравнительно невысоким. Ни А.Бем, ни В.Францев в журнале не печатались, Е.Ляцкий появлялся лишь эпизодически, и тем самым интеллектуальный потенциал русской Праги остался почти не реализованным в этом издании. Был, правда, подготовлен большой блок материалов к юбилею Толстого (1928. № 8/9), двумя большими работами — «Эстетика Толстого» (там же), ««Братья Карамазовы» Достоевского и «Красный кабачок» Бальзака» (1927. № 2) — был представлен И.И.Лапшин, но систематически этот раздел не велся. Его отсутствие, разумеется, сказывалось на состоянии критики «ВР» в целом. Вместе с тем, она заметно выигрывала при сопоставлении с критическими отделами других зарубежных журналов за счет внимательного и объективного освещения важнейших явлений русской литературы метрополии, переживавшей в 20-е свой расцвет. Не декларируя этого открыто, журнал склонялся к идее единства русской культуры, независимо от того, где и в каких условиях она создается. Эти взгляды, неприемлемые для более консервативной эмигрантской среды, на страницах «ВР» высказывали и ее главный критик Слоним, активность которого не ослабела после переезда в 1928 из Праги в Париж, и другие сотрудники критического отдела.

«ВР» внимательно следила за новинками русской литературы, появлявшимися в самой России, и помещала обзоры советских журналов: не только «Нового мира», «Красной нови», «Звезды», но даже «Сибирских огней» (1929. № 4). Отношение к культурной жизни в СССР было в журнале неоднородным: статья Слонима «Литературная Чека» (1923. № 20) с очень резкими выпадами против группы «На посту» и любых попыток «диктатуры над литературой» соседствовала с сочувственными откликами на книги О.Форш, Б.Лавренева, А.Веселого, а критика доктринерских кон-

цепций РАПП не мешала оценить одаренность таких близких нарождающемуся советскому официозу писателей, как Н.Тихонов.

В отклике на публикацию писем Короленко к Луначарскому, изданных, разумеется, за рубежом, Слоним (1922. № 11) определил суть своего конфликта с насаждавшейся в СССР доктриной «партийности» творчества: «Большевики явили первый опыт введения социализма посредством подавления свободы, объявив буржуазным предрассудком то, что было добыто человечеством в результате долгой борьбы: свободу личности, мысли, собраний, слова, печати... Человек — выше класса, и человеческая правда важнее классовой утопии. Фантастические схемы коммунизма несут в себе обман и ложь. В этом источник их осуждения и неизбежного конца» (с. 9).

Эта позиция, разделяемая всеми авторами «ВР», оставалась практически неизменной на протяжении существования журнала. Слоним не уставал высмеивать «неисправимых утопистов, возмечтавших о создании в России классовой, пролетарской литературы», не раз ставя под сомнение тезис, согласно которому исторический переворот должен автоматически повлечь за собой революцию в искусстве (1922. № 16. С. 11). В обзоре «Нового Лефа» (1928. № 3) он констатирует: «Ни слуха, ни воображения, ни ума Леф не радует. У лефовцев — творческая пустота и бессилие» (с. 121). Усиливающийся «большевистский напор» в литературе вызывает с его стороны иронические комментарии (1928. № 10/11): «Большевики глубоко ошибаются, думая, что писатель, рассказывающий о Волховстрое, — художник современности. Но они по существу правы, говоря о необходимости для искусства расширить темы и приблизиться к современности» (с. 71).

Это «приближение к современности», понятое как способность выразить новым словом случившееся в России и с Россией за революционные годы, критика «ВР» неизменно оценивала как важный и необходимый сдвиг, хотя не всегда ей удавалось почувствовать его истинный характер и масштаб. Примечательны «Заметки о русской поэзии» Е.А.Зноско-Боровского (1923. № 18), посвященные двум книгам Б.Пастернака — «Сестра моя — жизнь», «Темы и вариации». В свое время начинавший в «Аполлоне» Зноско-Боровский теряется перед необычностью поэзии Пастернака, хотя и чувствует огромную одаренность автора. У него критик обнаруживает «несомненный хаос», но вместе с тем и «попытку наново перестроить не удовлетворяющий его, ставший слишком обыкновенным, как мотив заигранной шарманки, мир» (с. 62). Смелость деформации отпугивает Зноско-Боровского, тем не менее готового признать важность усилий Пастернака, когда поэт «искажает мир, рассматривая его не с привычной точки зрения, видя его не в обычном, реальном обличье, но стараясь подойти к нему с новой стороны, охватить его новой меркой, вскрыть новые соответствия и противоречия» (там же). Впоследствии Слоним сходным образом будет рассматривать молодую поэзию эмиграции, воздав ей должное за те же усилия, пусть и не принесшие весомого результата. О советских авторах Слоним писал много и охотно, сформулировав свое отношение уже в 1922 (№ 16): «Важно не то, что русская литература якобы сказала или готова сейчас сказать миру неслыханное еще слово и, похоронив прошлое, вступить на какой-то особый путь, а то, что она жива... а если жива, значит, есть и развитие, рост, обновление» (с. 11). Этот вывод увенчивал статью, посвященную М.Зощенко, Б.Пильняку, Н.Никитину; двое первых, наряду с Замятиным, остались излюбленными авторами для Слонима-критика. Он, впрочем, писал и о других примечательных новых авторах, появившихся в СССР, приветствовал дебют Артема Веселого, с похвалой отозвался о Б.Лавреневе. Сочувственный разбор «Соти» Л.Леонова напечатал в одном из последних номеров журнала (1931. № 3/4) Н.Андреев (Леонов был и непосредственно представлен читателям своим «Петушихинским проломом» // 1925. № 3); в обзоре «Звезды» (1927. № 3) высоко оценен В.Каверин, а последний номер (1932. № 4/6) содержал большую статью о Леонове, принадлежащую Слониму и помещенную под рубрикой «Литературные портреты».

В то же время журнал вел принципиальную, иной раз принимавшую резкие формы полемику с «неистовыми ревнителями», как называли Л.Авербаха, Г.Горбачева и близкую им группу авторов, отказывавшихся хотя бы примириться с существованием «попутчиков». Последовательно и до-

казательно их позиция опровергнута В.Архангельским в статье «Коммунистические критики и советская литература» (1928. № 1), а Слоним на примере Ю.Либединского и А.Безыменского показал, что раболепие перед режимом полностью выхолащивает литературу (1931. № 10), тем более в условиях, когда предъявляется «требование публичного исповедания коммунизма писателями» и развернута «травля тех, кто от этого уклоняется и проделывает это недостаточно внятно» (с. 817).

Несколько раз «ВР» писала о деятельности ОПОЯЗа, не вполне разделяя установки «формальной школы», но соглашаясь с тем, что она явилась единственным по-настоящему значительным новым словом в русском литературоведении тех лет. «Показательно-иллюстрационная» точка зрения, преобладавшая в историко-литературных работах Овсянико-Куликовского и его последователей вплоть до П.Н.Милюкова как автора «Очерков по истории русской культуры», не находила поддержки в пражском журнале, отозвавшемся на появление заключительного раздела милюковских «Очерков» едкой рецензией Слонима (1932. № 1/2).

Слониму принадлежит и наиболее яркий материал из всех, которые журнал посвятил русской литературе метрополии, — статья «Бабель» (1928. № 1). Появление в советской прозе столь крупной индивидуальности было, в глазах Слонима, еще одним доказательством неэфемерности надежд на скорое духовное возрождение России, тем более что книги И.Бабеля стали одним из самых убийственных развенчаний большевистской идеологии, так как показывают, что она стимулирует высвобождение «нечеловеческого в человеке». Вот отчего «Конармия», по мнению Слонима, «остается в русской литературе как одно из самых страшных изображений революции» (с. 107).

Особенно важно для Слонима полное отсутствие предвзятости, отличающее Бабеля. Он сумел, как никто больше, показать гражданскую войну с поистине исчерпывающей полнотой. «То, что для Бабеля было миром дикого безумия, — пишет критик, — являлось естественной средой для людей непосредственных и простых ощущений, которых с размаху била смертоносная и крепкая рука. И описывая эту цельность, кровное родство человека со стихией истребления вещей и жизней, Бабель из-под своих очков замечал с пронзительностью художника и идеалиста и другое, ускользавшее от дальнозорких сеятелей смерти и вражды, от слепых апостолов всемирного братства с гранатами за поясом. И как бы ни были лаконичны его описания, в них, наряду с ужасом, волнуется и человечность» (с. 108).

Эмигрантская литература оценивалась критикой «ВР» в целом намного более сдержанно, причем оценки не менялись и в тех случаях, когда речь шла о творчестве постоянных авторов журнала. Несколько раз о поэтах своего поколения писал в журнале А.Эйснер, регулярные обзоры альманахов и журналов диаспоры публиковал *С.Постников*. В 1929 «ВР» устроила литературный конкурс, на который было прислано 94 рассказа из Европы, Америки, Китая, и по итогам конкурса Слоним написал статью «Молодые писатели за рубежом» (№ 10/11), где определяющим качеством эмигрантской литературы названа «отсталость» от современных художественных веяний, вообще от современной действительности.

С горечью констатируя всевластие «насаждаемого литературного консерватизма», Слоним писал о вторичности, старомодности, творческой анемии, поразившей его при чтении присланных рукописей, и, переходя к обобщениям, выделил лишь несколько писателей, доказавших способность «нарисовать механическое однообразие жизни современного человека, его окруженность вещами, его трагическую судьбу одинаковости и бессмыслия» (с. 115). Такими писателями были *В.Набоков-Сирин* (его «Возвращение Чорба» получило высокую оценку в рецензии за подписью Г.Х. // 1930. № 2) и Г.Газданов, о котором сказано, что «главную прелесть его повестей и рассказов составляет соединение воображения и остроты художественного взора, эмоциональная напряженность, всегда сдержанная иронией и рассудочностью» (с. 116).

Журнал считал своей обязанностью поддерживать авторов, наделенных вкусом к эксперименту и обращающихся к материалу, отмеченному невымышленной актуальностью. Эта линия не всегда увенчивалась ожидаемыми результатами; в частности, таким оказался начатый, но не опубликованный в журнале до конца роман *Ивана*

Болдырева «Мальчики и девочки», где изображалась трудовая школа в первую пореволюционную зиму. На страницах «ВР» появлялись произведения молодых в ту пору авторов, которые вошли в историю литературы русского зарубежья. Довольно много печатался *А.Несмелов*, обратили на себя внимание стихи *Б.Божнева*, проза В.Андреева, который опубликовал и очерк «Ф.Тютчев (1803—1873)» (1928. № 12).

Предваряя подборку «Парижские поэты», С.Постников отмечал в 1926, что «без имени в «Современные записки» попасть нельзя», и «ВР» взяла на себя основную заботу о не допускавшихся на парижский Парнас. Это отвечало общей линии журнала, но кроме того дала себя почувствовать полемическая установка по отношению к «Современным запискам» и писателям, поощряемым главным из эмигрантских журналов. Полемика завязалась с первых же номеров «ВР», не ослабевая до самого конца ее существования.

Спор был принципиальным, и тон ему, как и следовало ожидать, задал Слоним, в 1922 (№ 2) в статье «Метаморфозы национал-либерализма» подвергший резкой критике взгляды *П.Б.Струве*, а тем самым и ту позицию, которую заняла консервативная эмиграция, — позицию милюковского круга, ориентацию, принятую для себя «Русской мыслью» и «Современными записками». Слоним обвинял Струве в том, что он «не способен вложиться в русскую жизнь, сопричислиться новой России, осознать сдвиги классов, отношений, психологии, совершившиеся на родине», и, развивая эти тезисы, констатировал — «с позиции социалистической демократии» — «кризис эмиграции». Так называлась его статья (1922. № 6), где речь шла о консервативной эмиграции как определенной влиятельной среде, лелеющей наивные мечты о «немедленном свержении» большевизма и категорически отказывающейся признать, что после катастрофы жизнь в России не остановилась, «что Россия не гниет, а живет и ищет — хотя и в муках смертных». Слоним был убежден, что «не здесь, а там будут развязаны все узлы, сказаны все освобождающие слова», и требовал «избыть современный эмигрантский кризис, прийти к решительному разрыву с прошлым» (с. 6).

Эти мысли получили развернутое освещение в нескольких последующих статьях Слонима, которым и автор, и редакция, несомненно, придавали программный характер. Первой из них была «Живая литература и мертвые критики» (1924. № 3), начинавшаяся незавуалированными выпадами против *З.Гиппиус* и близких ей писателей: «В эмиграции существует весьма распространенная порода людей, присвоивших себе неблагодарную обязанность: быть постоянными плакальщиками на похоронах России... Подобно длинноволосому витии из «Двенадцати» Блока, умеют они только восклицать: «Погибла Россия!» — и всякое противоположное утверждение считают или позорным оскорблением национального чувства, или большевистским умышлением... особенно если речь идет о духовной, умственной жизни России» (с. 53). Решительно не соглашаясь со статьей Гиппиус, где говорилось, что «чаша русской литературы из России выброшена», Слоним указывал на последние книги Ахматовой, Пастернака, Сологуба, Волошина, Белого и спрашивал: «Что может противопоставить этому эмиграция?.. За эти шесть лет — ни одного нового умственного или художественного течения, ни одной новой поэтической школы, ни одного крупного беллетриста, ни одного серьезного поэта» (с. 58). На взгляд Слонима, эмиграция жила исключительно за счет старых литературных накоплений, постепенно их растрачивая, а исключения — ими признавались Цветаева, Ходасевич и отчасти Алданов — только резче оттеняли творческую бесперспективность, ставшую уделом литературы зарубежья. И следовал вывод, который впоследствии Слоним повторял не один раз: «Да, умерла старая Россия. Не Россия — а только один лик ее исторических воплощений. И для тех, кто, быть может, сам того не сознавая, был кровно связан с определенными формами быта, жизни и психики, наступил темный провал, смертная тишина, конец. Это субъективное ощущение смерти они переносят на всю Россию» (с. 60).

Не разделяя подобных взглядов и настроений, Слоним чрезвычайно пристрастно оценивал созданное в эмиграции писателями старшего поколения, «академиками», по его ироничной терминологии. *И.Бунина* он считал «мертвым», хотя и высокопрофессиональным прозаиком, резко нападал

на Зайцева за «слащавые идиллии», писал о творческой исчерпанности *Шмелева*, о непоправимом упадке *Мережковского* как исторического романиста. Особое внимание уделялось «истинному западнику» Алданову как единственному новому автору, достойному серьезного критического разбора. Слоним (1925. № 5) в связи с «Чертовым мостом» и «Св. Еленой» дал развернутую характеристику Алданова, признав за ним яркое, однако скорее беллетристическое, чем собственно художественное дарование: «Он в литературе застегнут на все пуговицы, и за его изящной простотой скрывается тщательная подготовка и строгий план. У него хороший глаз и чутье деталей: он знает цену мелочам и репликам, якобы случайному штриху и оброненному слову» (с. 160—161). Однако проза Алданова, по Слониму, лишена серьезных идей, если не считать таковой «идею исторического бессмыслия, сознание тленности и ненужности человеческих усилий и общественных исканий». Через несколько лет, рецензируя «Ключ» (1930. № 1), Слоним высказался еще более сурово: «Безотрадный роман, в котором до конца царствует атмосфера духоты и обреченности» (с. 50).

Любопытно, что примерно в таких же понятиях *Д.П.Святополк-Мирский*, несколько раз промелькнувший на страницах «ВР», описывал творчество Цветаевой, в частности, «Крысолова» (1926. № 6/7), но густоту этой атмосферы он признавал несомненным достоинством произведения. Слоним, напротив, склонен считать, что это добавочное свидетельство мертвенности, поразившей всю старую — не годами, а пафосом и стилистикой — эмигрантскую литературу: «Основной грех эмиграции — это ее неподвижность... Это литература без молодежи, а это значит — без будущего. В ней уверенно царят представители старого поколения — старого не годами только, а своей художественной манерой, своим подходом к искусству... Литература эмиграции поражает именно отсутствием каких-либо, хотя бы формальных достижений; в ней совершенно не проявляются те упорные и очень любопытные искания в области слова, которые идут в России... Она остановилась на лете 1914-м от Рождества Христова. Она ничего не продолжает, а только повторяет» («Литература эмиграции» // 1925. № 2. С. 176—177). Продолжение этой важной статьи, появившееся в № 4, содержало грубые выпады против Бунина и Мережковского как крайних литературных староверов, удушающих всякое живое и нетрафаретное художественное мышление, и настойчиво повторяемую мысль о музейном, реставраторском характере эмигрантского творчества: «Тот стиль жизни, которым жила Россия 15 лет тому назад, умер навсегда. Но эмигрантская литература упорно стремится, чтобы ее манера письма соответствовала этому, умершему и погребенному под развалинами империи, стилю. В этом — ее трагическое несоответствие, историческое, национальное. В этом и ее осуждение, если не сумеет она вырваться из-под власти вчерашнего дня» (с. 183).

Такие надежды, если они и правда были у Слонима, с ходом лет не оправдывались, и тон его высказываний об «академиках» становился все более скептичным, а подчас и нетерпимым. «Вся Россия стала иной, чем прежде, — пишет он в 1926 («Литературные отклики», № 8/9), — и никогда не станет такой, какой ее рисуют парижские или белградские патриоты. И напрасно думают они, что у них патент на «любовь к России», истинный национальный дух и прочее. Они не Россию любят — они нынешнюю живую, растущую и борющуюся Россию ненавидят, — а свою мечту о прошлом России. Поэтому забывают они, что не заключена проблема русской жизни только в спасительной формуле «борьбы с большевизмом», а оттого, что будут свергнуты большевики... еще не разрешатся все вопросы русской жизни... Такие же неожиданности подстерегают наших лжепатриотов и в области литературы. Ибо уже и теперь России понятнее Леонов, чем Бунин, и Никитин, чем Шмелев. И будущее принадлежит именно тем Пастернакам, Артемам Веселым и Замятиным, над которыми издеваются Гиппиусы» (с. 97).

Истина оказалась далеко не столь ясной и самоочевидной, как полагал Слоним, уверенно выносивший приговоры и делавший прогнозы, иной раз оправдавшиеся с точностью «до наоборот». Однако позицию «ВР» его статьи выражали с предельной четкостью, и эту позицию необходимо признать вполне последовательной. В «Литературном дневнике», коснувшемся острой темы «литературной критики в эмиграции» (1928. № 7), Слоним как бы подвел итог

своей многолетней полемике с «Современными записками», заявив, что «эмигрантской литературы как целого, живущего собственной жизнью, органически растущего и развивающегося, творящего свой стиль, создающего свои школы и направления, отличающегося формальным и идейным своеобразием, — такой литературы у нас нет. Хорошо это или дурно, но это неопровержимый факт, и что бы ни говорили Кнуты, Париж остается не столицей, а уездом русской литературы» (с. 63—64).

Выход Слоним видел «только в одном: в преодолении этой провинциальной эмигрантской гордыни, в отказе от иллюзий мнимой державности, от противоположения «нас» и «их», в сознании своей общности и единства с русской литературой не как с абстрактным понятием, а как с совершенно реальной и конкретной современной действительностью» (с. 65). Он спорил с *Г.Адамовичем*, защищавшим литературу «ницшеанско-уайльдовского толка», отказывающуюся от «тех моральных и религиозных ценностей, которыми люди спасаются» («Литературный дневник. Гибель литературы» // 1929. № 3), но еще последовательнее Слоним был в своем неприятии архаики, снова и снова повторяя: «Эмигрантская литература умирает не только потому, что она эмигрантская, т.е. неестественная, оторванная, обособленная, но и потому, что она безыдейная и скудная» («Заметки об эмигрантской литературе» // 1931. № 7/9. С. 619).

В этом смысле «ВР» не претерпела сколько-нибудь заметной эволюции за одиннадцать лет своего существования, хотя литературная ситуация в эти годы переменилась радикально и те перспективные веяния, которые поначалу обеспечили молодой советской литературе высокий эстетический престиж, были насильственно подавлены, так что получил веские подтверждения тезис Замятина, считавшего, что у русской литературы нет будущего, помимо прошлого. «ВР» отреагировала на эти изменения тревожными откликами на травлю Замятина и Пильняка, заметками о разгроме «Перевала», обличениями «сталинщины в литературе», но не отказалась от своей убежденности, что какие-то перспективы для русской культуры сохраняются только на родине.

Впрочем, к этому времени критическим стало и положение пражского журнала. Отчасти это было связано с ухудшением ситуации в Чехословакии, сближавшейся с СССР и постепенно отказывавшейся от многих форм поддержки русской диаспоры. Так или иначе, с 1931 «ВР» выходила нерегулярно, строенными книжками. 1932 открывался стихами Ан.Ладинского под заглавием, оказавшимся пророческим для журнала, — «Корабль терпит бедствие». Вышел еще один строенный номер — № 4/6 — и журнал закрылся.

А.М.Зверев

«ВРЕМЯ» (Берлин, 1919. Январь — 1925. 25 августа. № 1 — 355) — литературная, политическая и экономическая газета. В передовой статье в № 4 (1919. 3 янв.) «Народное оздоровление» утверждалось, что за диктатурой Керенского и Ленина следовали «разврат и вырождение, расточительные вакханалии и безумная игра, грабежи и разбои, поджоги и кровавые преступления, изможение народа и опустошение страны». «В конце 1918 года, когда в Берлине вышел номер 1 нашей газеты, которая вместе с тем была первой русской газетой в Берлине, весь мир был еще разделен на два враждующих лагеря», — вспоминал в статье «Политическое Воскресение» в юбилейном, трехсотом номере (1924. 21 апр.) В.Назимов. Примирить воюющих, показать, что политическое противостояние ведет к разрыву связей торговых, экономических, культурных, к взаимоизоляции, губительной для каждой из враждующих сторон, — такова была задача новой газеты, имевшей подзаголовок: «Независимый орган для сближения народов». Предполагалось, что наряду с берлинским отделением будут работать отделения в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе. В 1919 предпринимались попытки с апреля месяца преобразовать «В» в «ежедневно выходящую большую политическую, экономическую и общественно-литературную газету», однако осуществить задуманное не удалось. В 1919 «В» выходило два раза в неделю (по средам и субботам), в 1920 — раз в неделю, сначала по средам, а с 15 марта по понедельникам, с новым подзаголовком — «Еженедельная газета». Издателем газеты высту-

пало издательское товарищество «Internationaler Zeitungsverlag».

Долговечность газеты объясняется прежде всего умелой редакционной политикой. В течение 1919—1925 в газете сменилось несколько главных редакторов. Сначала ее возглавлял А.Е.Зубков, в начале 1920 его сменил А.Емельянов, с середины февраля по начало августа 1921 «В» руководил Г.Круглов, в августе—сентябре — А.Г.Левинсон, а с 12 сентября бразды правления принял Г.Н.Брейтман. В 1924 редактором выступал В.Назимов (он же подписывал несколько номеров в середине 1923), а с № 349 в 1925 — Г.Либавский. Частая смена руководства не приводила к резким поворотам в ориентации газеты, преемственность подчеркивалась и «сплошной» нумерацией. Газета стремилась играть ту роль, что не удалась *«Голосу России»*, как его задумывал князь *Шаховской*, — «служить для группировки русской колонии» и не преследовать при этом никаких узких политических целей. С самого начала надежда возлагалась на «народное оздоровление» — и в России, и в Германии. Наиболее заметные изменения в направлении произошли после того, как к руководству пришел А.Емельянов. Он постарался придать «В» более четкую политическую ориентацию. Идейную платформу теперь можно было четко обозначить тремя словами — демократия, республика, федерализм.

В первый год существования газеты литературный и критический отделы играли второстепенную роль. Среди авторов художественных произведений в основном малоизвестные имена — Мария Нагловская, М.Северская-Назарова, актер Владимир Шумский, Г.Брейтман. Превращение газеты в издание, выходящее по понедельникам, способствовало тому, чтобы «занимательная беллетристика», как указывалось в редакционной заметке, стала «одной из важных областей в газете». В качестве постоянных авторов выступали Г.Брейтман, Г.Неволин, Г.Росимов и Робур (М.Сукенников). Недостаток материалов восполнялся за счет перепечатки из других периодических изданий произведений *А.И.Куприна*, *И.Д.Сургучева*, *Игоря Северянина*. С последним вскоре устанавливаются тесные партнерские отношения. Северянин печатал во «В» не только стихи, но и прозаические очерки, критические заметки (о творчестве Алексея Масаинова, о лирике К.Фофанова), переводы (из Генриха Вискапу, Августа Алле). В 1925 сотрудники «В» приняли участие в чествовании поэта в связи с двадцатилетним юбилеем его творческой деятельности. Выступили Жан Нуар, А.Юрисон, Г.Блок. *В.Ирецкий* (В.Я.Гликман) писал о влиянии поэта на новейшую русскую литературу, отмечал, что «слово» Северянина выразило новое ощущение, новую мысль (1925. 2 февр.).

Переход газеты в первой половине 1920 на позиции группы «Мир и Труд» обусловил появление в числе ее сотрудников *А.Дроздова*, Ф.Иванова, А.Яковлева и *Р.Гуля*, а также близкого к ним *Г.Алексеева*, писавших о ситуации в России, о русской эмиграции — фельетоны, заметки, наброски, воспоминания. Чуть ли не каждое выступление на вполне конкретную тему и по вполне конкретному поводу превращалось в рассуждение о судьбах России и русской революции. В 1920 резонанс вызвали статьи Р.Гуля «Сегодня» и Лев Толстой» (22 нояб.) и Ф.Иванова «Эволюция» (6 дек.). Среди публикаций 1921 — статьи Р.Гуля «Белый луч» (28 марта), А.Дроздова «О бумеранге» (2 мая), «Без завтрашнего дня» (9 мая), «Ушат воды» (13 июня), «Топь» (27 июня), «Старый грех» (18 июля), А.Яковлева «Два флага» (2 мая), «Жуть» (27 июня), «О немцах» (18 июля). Общая тональность выступлений вполне выражается фразой из объявления о подписке на 1921: бороться «против гражданской войны, против красной и белой диктатуры» и защищать «идеи внутреннего и внешнего мира и творческого труда» (20 дек.).

С 8 августа (№ 162) «В» было арендовано русским книжным магазином «Москва» в Берлине. Редактором стал управляющий берлинским отделением Российско-Болгарского книгоиздательства А.Г.Левинсон. Переход газеты в новые руки не означал кардинального изменения общего курса; главные перемены были связаны с повышением роли литературного отдела. В объявлении о подписке на 1922 на первый план выдвигалась уже не экономика, а литература. В 1922 на страницах «В» печатались рассказы и очерки Г.Алексеева, Г.Брейтмана, *Л.Урванцова*, *С.Горного*. Художественные произведения, статьи по вопросам литературы и искусства, культурная хроника

начинают занимать большую часть каждого номера. Состав редакции значительно меняется в 1923. Из газеты уходят Р.Гуль, А.Дроздов, Ф.Иванов, Г.Росимов, А.Яковлев. Их место занимают А.Вершховский, Б.Бродский, Н.Бережанский. Печатаются также произведения *Ю.Галича* (Ю.И.Гончаренко), *О.Савича*, *Вл.Крымова*. С апреля 1923 началось сотрудничество Жака Нуара (Я.В.Окснера), чьи юмористические и сатирические стихотворения, рассказы и фельетоны появлялись впоследствии почти в каждом номере. Некоторые его стихи были объединены в поэтические циклы — «Берлинский альбом», «В бинокль жизни», «Женские лики». В рецензии на книгу Жака Нуара «Картонный паяц: Стихи» (Берлин, 1923) Робур (М.Сукенников) писал о влиянии на творчество поэта экспрессионизма, У.Уитмана и отмечал, что Ж.Нуар ищет спасения в общении человека с природой, в бегстве в мир детей, еще не отравленный цивилизацией, что радоваться жизни возможно только в юности и поэтому для автора все в прошлом. «Почему этот глубокий пессимизм у поэта, у колыбели которого стояла жизнерадостность?» — спрашивал критик (1923. 24 сент.). Новые имена в списке сотрудников продолжали появляться и в 1924—1925. Печатаются повесть Ив.Коноплина «Димитрий» и отрывки из повести Н.Майера «Город», публикуются рассказы *Б.Лазаревского* и *И.Лукаша*.

Значительное место на страницах издания отводилось сатире и юмору. «В годы безвременья, невероятного духовного обнищания и нравственных оползней, — гораздо более, нежели в годы серой обывательщины, — нужна сатира», — подчеркивал в рецензии на сборник *А.Черного* «Жажда» (Берлин, 1923) А.Вершховский (1923. 8 апр.). «И в эмиграции мятущейся, бегущей из страны в страну, сидящей на узлах и чемоданах, утратившей долгими десятилетиями отстоявшийся быт и не воспринявшей чужого, — во всем драматизме ее рассеяния есть курьезные положения, смешные стороны, быть может, насыщенные горечью жизни, но все же заставляющие наблюдателя со стороны запечатлеть их добродушной улыбкой, — писал о книге *А.Аверченко* «Записки Простодушного» (Берлин, 1923) Жак Нуар. — И если некоторые еще могут, стиснув зубы, улыбнуться и вызвать ответную улыбку на хмурых озабоченных лицах читателей, то спасибо им за это!» (1924. 14 апр.). Уже в 1920 «В» начинает знакомить берлинских читателей с опубликованными в крымской (а затем константинопольской) и прибалтийской печати произведениями А.Т.Аверченко и А.С.Бухова. Рассказы и фельетоны Бухова печатались в газете на протяжении нескольких лет. В 1923 А.Аверченко опубликовал в первоапрельском номере газеты рассказ «Поэзия и проза жизни», в 1924 — серию юмористических «пособий» («Советы, как иметь успех у прекрасного пола», 31 марта; «Как держать себя на похоронах», 21 апр.; «Искусство интервью», 25 авг.). Интерес к комическому не ограничивался публикациями. В газете появлялись сообщения о вечерах юмора, рецензии на новые книги сатириков. Корреспонденты «В» следили за гастрольными поездками Аверченко, отмечая большой успех его выступлений. «Юмор Аверченко благороден, он не гоняется за дешевкой, очень соблазнительной в сфере той литературной специальности, к которой предназначила его судьба, — говорилось в заметке «Аркадий Аверченко в Берлине» (1922. 30 окт.). — Но его юмор умеет одновременно и печалить, он часто затрагивает тяжелые стороны жизни и, не вводя пошлость в свое исключительное творчество, А.Т. бытовыми, прекрасно схваченными черточками лишь оттеняет неприкрашенную правду жизни». Добрые слова в адрес Аверченко прозвучали и в статьях Владимира Неллина (В.М.Диспотули) и В.Ирецкого, опубликованных после смерти писателя (1925. 23 марта).

Мемуарная проза была представлена произведениями Р.Гуля, А.Яковлева, С.Горного, Н.Волковыского, Жака Нуара. А.Дроздов рассказывал, как он последний раз видел Блока — в зале Тенишевского училища (1921. 22 авг.), Г.Алексеев писал о Бунине (там же). В октябре 1921 в газете начинает сотрудничать Баян (И.Колышко), до этого отметившийся на ее страницах в 1919 резкими полемическими высказываниями в адрес «Голоса России» и князя Шаховского. Размышляя о религии, о политике («Капитализм, социализм, коммунизм — не только три догмы, но и три души» // 1921. 7 нояб.), о русском двойничестве, духовном распутстве и нравственном помешательстве, он часто отталкивался

от материала литературного. Чеховские «сестры» и горьковские «бывшие люди» соседствуют в его статьях с «лукавой изворотливостью Витте и фразистой прямолинейностью Столыпина», «Маяковские в этике» с «Керенскими в политике» («На реках вавилонских» // 1921. 14 нояб.). С 1922 по 1925 (со значительным перерывом) публиковалась серия его мемуарно-публицистических очерков «Обломки», героями которых были и писатели, и общественные деятели: граф Толстой, кн. Мещерский, Распутин, Суворин, Сытин, Меньшиков, Розанов, *Мережковский*, *Гиппиус*, Милюков, Гучков, Чехов, *Горький*.

В газете публиковались не только воспоминания о Горьком, но и статьи, анализирующие творчество писателя в связи с его политической позицией. В обзоре «Революционные статьи и рассказы Максима Горького» (1920. 21 янв.) обсуждалась реакция европейской общественности на последние выступления Горького. В 1925 А.Аксанов в статье «Возвращение» Горького» отмечает, что, хотя писатель и не выступает с громкими заявлениями против советской власти, его молчание красноречивее иных выступлений: «пребывание не в их стане говорит о многом» (1925. 6 апр.). Несколько материалов было посвящено «скифскому» движению, ярым сторонником которого был Роман Гуль. 31 января 1921 была опубликована его статья «О «Скифах»», несмотря на то, что редакция, как следовало из примечания, «не разделяла преувеличенной оценки октябрьской революции и восхищения автора туманными и выспренными пиитами-апологетами большевизма». Признавая, что миру нужно созидание, Гуль утверждал, что не менее необходим и «вихрь разрушительный». С его точки зрения, не случайно «из семи великих анархистов мира Россия дала грандиознейших трех — русские Ум, Волю, Совесть — Кропоткина, Бакунина, Толстого».

С приходом в редакцию группы молодых писателей и критиков на страницах «В» начинают появляться рецензии на новые книги и свежие номера периодических изданий. В основе критической позиции лежало противопоставление литературы дореволюционной и пореволюционной, «молодежи» и представителей старшего поколения, которые, словно ничего не произошло, «или усердно молчат, или жуют старую дореволюционную жвачку, довольствуясь своими уже созданными в литературе именами» (1921. 27 июня). Из тех, кто уже «нашел в себе силы для ответа на новые запросы, на новые темы жизни», на первое место ставился А.Дроздов. Его художественное мастерство, способность показать внутренний мир человека революционной эпохи отмечались в рецензиях на книги «Подарок Богу: рассказы», «Счастье в заплатах», «Распятие» (все — Берлин, 1921). Среди писателей, завоевавших признание еще до революции, безусловным авторитетом пользовался *А.Н.Толстой*. Журнальные публикации фрагментов из повести «Детство Никиты» вызвали восторженные оценки: «вклад в русскую литературу» (1921. 24 янв.), «лучшее достижение окрепшего созревшего писателя» (1922. 20 марта). Аромат прошлого, по мнению Ф.Иванова, придает лишь большую остроту книгам Толстого — в этом ценность и книги «Китайские тени» (Берлин, 1922), где с теплотой и юмором изображается давно ушедший быт «уездных помещичьих гнезд» (1922. 12 июня). Высоко оценивались также новые произведения *А.М.Ремизова* и *Е.Н.Чирикова*. Предваряя выход в свет книги Чирикова «Красота ненаглядная», рецензент не просто характеризовал ее как первую попытку написать русскую национальную мистерию, раскрывающую душу русского народа, «вечно ищущую, беспокойную, жаждущую и алчущую неземной красоты и правды Божьей и в то же время то уходящую в глубь падения, то бросающуюся с небесных вершин в земные бездны, то святую, то одержимую бесом», но и излагал предисловие автора, в котором тот высказывал свои мысли о народной душе (1924. 7 июля). В книге Ф.Иванова «Узор старинный» (Берлин, 1921) Г.Росимов видит прежде всего противопоставление прошлого и настоящего, того, что было, и того, что стало. Критик требует от автора большего внимания к дню сегодняшнему: «Федор Иванов, вы любите прошлое, но сами — весь от жизни настоящей — не мертвые ваши слова и образы; расскажите же в следующий раз о нас настоящих, не покрытых этой дымкой улетевшей романтики» (1922. 6 марта). «Мертвый бег: повесть зарубежных лет» Г.Алексеева (Берлин, 1923), по мнению А.Вершховского, отдельными фрагментами напоминает «По-

единок» А.И.Куприна. Это даже не повесть, а ряд «очерков-фотографий», рассказывающих о жизни русских лагерей в Германии: «Тяжелой, серой, как шинель солдатская, мхом поросшей жизнью веет со страниц этой просто, хорошо, искренне написанной книжки» (1923. 1 апр.).

Из поэтов чаще всего привлекало внимание творчество Г.Росимова. В книге Росимова «Стихи об утерянном» (Берлин, 1921), по словам Р.Гуля, нашли свое отражение эмигрантский быт и эмигрантские настроения. Тоска об утерянном сливается в них с надеждой на будущее, и объединяет все — страстная любовь к России. Поэзия «тоскующего национализма» соседствует в книге с лирикой «искренней и радостной». Критик признает сборник одной из самых «ценных» вышедших в эмиграции книг и предрекает молодому поэту большое будущее: «После изломов «Бродячих собак», пудреных поэтов, отравленной любви и подведенных глаз, — уже давно нужно жизни здоровое, сильное, поэтическое чувство. Оно-то и есть у Георгия Росимова, и оно так выгодно отличает подлинную художественность его дарований от умирающих «эстетствований»» (1921. 28 нояб.). Жак Нуар высоко ставил и детские стихи Росимова, собранные в книгах «Горошинки» (Берлин, 1921); «Лизочек» (Берлин, 1924); «В царстве игрушек» (Берлин, 1924), отмечал нежность и искренность его произведений, в которых «много тишины, ласковости и даже грусти» (1924. 24 марта).

Стихи постоянного впоследствии автора «В» Е.Шкляра впервые появились в Пасхальном номере 1922 года (17 апр.) — в том же номере, что и рецензия Ф.Иванова на его книгу «Кипарисы: Стихи», изданную в 1922 в Ковно с предисловием А.Бухова. «В «Кипарисах» г. Шкляра — пока еще чуть видно «свое лицо». Он в той еще стадии творчества, когда оно ищет у других своих форм, когда оно только подражательно, — отмечал критик. — Два поэта несомненно оказали свое влияние на г. Шкляра: Блок, и это безусловно хорошо, у кого же и поучиться истинному поэту наших дней, и... Северянин, к которому автор тяготеет усиленно, и это уже, конечно, совсем плохо. Вот где возможности сбиться на путь дешевого и давно утерявшего остроту эстетизма». Вторая книга поэта «Караван» (Берлин, 1923) также была оценена как подражательная, хотя, по мнению А.Вершховского, автору удалось добиться значительного прогресса, мысль его окрепла, отточеннее стала форма произведений (1923. 1 апр.).

Читателей знакомили с новинками мемуарной литературы; особенно подробно в газете рассказывалось о книгах, посвященных дореволюционному периоду, — воспоминаниях Л.Дейча (За полвека. Берлин, 1923, 1924. Т. 1 и 2), В.Пуришкевича (Дневник. Рига, 1924), кн. *С.Волконского* (Быт и бытие: Из прошлого, настоящего, вечного. Берлин, 1924), барона Н.Врангеля (Воспоминания: От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924), Вл.Бурцева (Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания 1882—1924 г. Берлин, 1922. Т. 1). В статье «Россия и Витте: История одного преступления» Баян опирался на изданные в 1921 в Берлине «Воспоминания» Витте (1921. 21 нояб.); мемуары А.В.Богданович, вышедшие в Москве, дали повод вновь критически отозваться о династии Романовых. В опубликованном в советской России «Дневнике» А.С.Суворина (М.; Пг., 1923), «который нельзя читать без ужаса и содрогания», Ник.Бережанский ищет «предчувствие революции» (1924. 3 марта). Из книг о годах последних выделялся «Дневник. 1918—1920» Н.Пташкиной (Париж, 1922). «Искренней книгой» называл рецензент «Воспоминания 1914—1919 г.» В.Б.Станкевича (Берлин, 1920): «Без тени рисовки, без позы автор рассказывает о том, что он видел и пережил за пять лет войны и революции. Видел В.Б.Станкевич немало, а духовно пережил и того больше» (1920. 2 авг.).

Вопрос о «миссии» русских за рубежом впервые был поставлен в статье «Новые задачи эмиграции» (1921. 28 февр.), где предлагалось отказаться от понятия «беженцы» и заменить его понятием «эмигранты»: «Мы имеем дело с российской эмиграцией в чрезвычайно большом масштабе. Это даже не эмиграция, а переселение доброй половины старой российской интеллигенции в чужие страны. Переселение настолько основательное, что изо дня в день в наших эмигрантских массах все крепнет и крепнет страшная мысль о необходимости оставления навсегда старой родины, о сохранении с последней связей почти исключительно культурных и духовных». Идеи возвращенчества, призыв к сотрудничеству с «крас-

ной бюрократией» серьезного успеха иметь не могут — русская трудовая интеллигенция, сознательно покинувшая родину, должна постепенно перейти на положение европейского трудового обывателя. Но, став гражданами чужой страны, нельзя терять национально-культурного облика, «надо высоко поднять знамя своей родной России и активно содействовать моральному успеху богатой русской культуры в остальном цивилизованном мире». В 1922 вышел специальный номер «РУССКИЕ БЕЗ РОССИИ» (№ 195. 27 марта). В статьях Баяна, В.Назимова, В.Бродского, Ф.Иванова речь шла о культурных задачах эмиграции, о эмиграционном студенчестве, о русских офицерах в эмиграции. Здесь уже звучала надежда на скорое возвращение, отстаивалась мысль о том, что рано или поздно родина призовет своих сыновей, и только приобретенные за границей знания и опыт явятся оправданием и смыслом скитания по чужим странам. О русских за рубежом писали также А.Дроздов («Самое главное» // 1921. 8 авг.), И.С.Гурвин-Глуховской («Характер русской эмиграции» // 1922. 19 июня), Робур («Под «знаменем» эмиграции» // 1922. 19 июня; «Эмигрантский «взгляд и нечто» // 1924. 7 янв.), А.Аксанов («Пересмотр «белого движения» // 1924. 25 авг.). В откликах на роман *П.Н.Краснова* «Понять—простить» (Берлин, 1924) новое произведение рассматривалось прежде всего с точки зрения вынесенного в заглавие лозунга. Романист, писал Г.Антонович, «дал толчок тому, что таилось в глубине души очень многих, заставил мысли перевоплотиться в живое слово», и теперь «наружу всплывает новый, в высшей степени серьезный вопрос: Кого простить, кого понять» (1924. 10 марта). В отзыве об историко-фантастическом романе М.К.Первухина «Пугачев — победитель» (Берлин, 1924) анализ художественных достоинств отходит на второй план; главное, что, перенося нас в далекое прошлое, автор «вызывает на размышления о настоящем, о происходящем сейчас в России, о новом «Пугачеве — победителе», в стократ превзошедшем своего предшественника» (1924. 1 сент.). О выступлении *Белого* в Берлине с лекцией, посвященной грядущей России, рассказывал в статье «Мечта поэта» Баян, называя мировоззренческую систему поэта «отдиранием культуры от цивилизации» (1921. 26 дек.). Исправления и добавления лишь повредили роману «Петербург», переизданному в Берлине в 1922. «Эта книга до того для нас непонятна, что мы не решаемся отзываться о ней отрицательно. Мы не можем доказывать ее недостатки», — писал рецензент о книге «Глоссалолия» (Берлин, 1922). Резкими оценками была переполнена написанная в связи с поездкой за границу В.Маяковского статья Н.Бережанского «Совлауреат на гастролях», где поэт назывался «рептилией», благодаря «гибкости спинных и шейных позвонков» попавшей «в число придворной челяди, салонных льстецов сильных сегодняшнего дня» (1924. 16 июня). А.Аксанов в обзоре «Советские барды» размышлял о произведениях оставшихся служить большевикам «бывших «буржуазных» писак» (1924. 15 сент.).

11 мая 1925 газету возглавил Г.Либавский. «Отныне над старейшим в эмиграции русским изданием реет республиканско-демократическое знамя», — утверждалось в передовой статье, озаглавленной «Демократия, несмотря ни на что». В объявлении указывалось, что «Время» выходит «при совершенно изменившемся составе сотрудников», однако сменилась лишь группа публицистов. В литературном отделе остались уже знакомые имена — А.Бухов, И.Северянин, Б.Лазаревский, Ив.Коноплин. Пришел М.Первухин, опубликовавший серию очерков под общим названием «Тени прошлого». Под новым руководством газета просуществовала недолго: последние номера выходили с интервалом в месяц (№ 353. 29 июня; № 354. 20 июля; № 355. 24 авг.), два из них при этом носили тематический характер (№ 353 — «Данцигский»; № 355 — «Литовский»).

Д.Д.Николаев

«ВСТРЕЧИ» (Париж, 1934. № 1—6. Январь—июнь) — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал (шесть номеров со сквозной нумерацией, общий объем 286 с., указатель содержания всех номеров в последнем шестом номере); редакторы — *Г.В.Адамович*, имевший «мало кем оспариваемый титул первого эмигрантского критика» (*Иванов Г.* Конец Адамовича // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 600) и

М.Л.Кантор, в прошлом, в России — помощник присяжного поверенного, редактор (после смерти в 1926 М.М.Винавера) еженедельника *«Звено»* в Париже, соредактор, вместе с Адамовичем, сборника «Якорь».

Г.Струве назвал журнал «скромным, без всяких претензий на программу» (Струве. С. 218). Если у журнала и не было сформулированной программы, то достаточно четкими были его тональность, направленность, круг проблем и интересов — эстетических, этических, политических. Заявленные в его названии, они определялись, главным образом, Адамовичем, о котором *Ю.Терапиано* заметил: «Можно без преувеличения сказать, что очень и очень многие молодые поэты и писатели зарубежья «думали по Адамовичу», воспитывались на нем...» (Терапиано. С. 186). В журнале произошло несколько «встреч». Прежде всего «ветеранов» первой волны русской эмиграции и ее второго, молодого поколения, на которое, в основном, и делали ставку редакторы, что привело к большей идеологической открытости и тематической широте журнала. В нем публиковались *Д.Мережковский*, *З.Гиппиус*, *И.Шмелев*, Г.Иванов, *И.Одоевцева*, *М.Цветаева*, имевшие большее или меньшее признание еще в России, и авторы, заявившие о себе, главным образом, в эмиграции, — *Н.Берберова*, *Р.Блох*, *В.Варшавский*, *Г.Газданов*, *В.Злобин*, *Д.Кнут*, *Ю.Мандельштам*, *Б.Поплавский*, *Ю.Фельзен*, *А.Штейгер*; появляются новые имена — Л.Ганский, К.Зноско-Боровский, *П.Ставров*, Р.Пикельный, выступивший как прозаик и художественный критик «Встреч». В отделе критики основные сотрудники — «мэтры» Г.Адамович, *В.Вейдле*, *П.Бицилли*, М.Кантор.

Журнал был разнообразен тематически и жанрово: в нем печатались рассказы и стихотворения, мемуарная проза, литературоведческие статьи и литературные рецензии, постоянные рубрики «Искусство», «Театр», «Кино», «Размышления Педанта» на филологические темы — о точности словоупотребления, социально-политические статьи, публикации о литературных конкурсах, реклама литературных изданий, но в этом внешнем разнообразии можно различить основные линии, контуры, определяющие лицо журнала, его своеобразие и уникальность.

В открывающем первый номер анонимном, «от редакции» эссе «Торжество *Бунина*» звучит традиционный для русской литературной эмиграции мотив особого приоритета русской культуры и литературы, утешительный «не только для русского национального самолюбия» (с. 3), но и для всех поклонников «чистого искусства». Стоит только подумать, говорится в эссе, о творчестве последних Нобелевских лауреатов — о «романсированных» репортажах Синклера Льюиса, о семейных хрониках Голсуорси, чтобы увидеть, насколько увенчание этих писателей обусловлено было привходящими и в сущности чуждыми искусству обстоятельствами — бытовым и социальным содержанием романов, приобретающих иногда значение документов, авторитетных свидетельств об эпохе, иногда даже активного вмешательства в борьбу классов, поколений, политических течений. Всего этого творчество Бунина лишено отчасти волею исторических событий, разрушивших тот бытовой и общественный уклад, на фоне которого ему, казалось, предназначено было развернуться, но, главным образом, в силу таинственных влияний личной судьбы, замкнувшей художественное мироощущение Бунина в «тесный» круг вневременных вопросов человеческого бытия — жизни, смерти и любви.

Обращение к теме памяти, прошлого, традиции русской литературы, объединяющее «В» с другими журналами и изданиями русской эмиграции, по-разному обыгрывается в статьях и эссе: З.Гиппиус в связи со своими парижскими воскресными вечерами («Встречи и свобода», № 2) вспоминает о вечерах в Петербурге в своем доме, об их «духе свободы» и рассматривает их как преисторические встречи, послужившие «предисловием». «Господство памяти, — пишет М.Кантор в статье «Время памяти», — не произвольно избранный *Сириным* удел, это — рок, «мучительный и сладкий искус». Весь огромный литературный арсенал Сирина, его разительные сравнения, изощренные метафоры, образы, метонимии — того же мнемонического происхождения. Предметы и явления с такой навязчивой силой врезываются в сознание Сирина, что, рассказывая о них, он не может просто назвать их. Он силится воспроизвести их с той же отчетливостью и выпуклостью, с которой они запечатлены в его не-

обыкновенной памяти» (№ 3. С. 128). Тема памяти у Ю.Терапиано проникает в его «Литературные сны» (№ 4): он вспоминает, что в 1926 ему приснилась встреча с Тютчевым и Пушкиным, читавшим «Для берегов отчизны дальней»; Пушкина, замечает Терапиано, «я видел так реально, что и сейчас он предо мною, как живой».

В журнале опубликована мемуарная проза М.Цветаевой «Хлыстовки» (№ 6) — о детстве, о Тарусе, эссе «Открытие музея» (№ 2) — об открытии основанного И.В.Цветаевым Музея изящных искусств Александра III (Москва, Волхонка), на котором присутствовал Николай II с дочерьми, — посвященное другу Цветаевой князю *С.Волконскому*, печатавшемуся во «В» в рубрике «Театр». Известна длительная вражда Цветаевой и Адамовича, начавшаяся, видимо, после того, как Цветаева написала статью «Поэт о критике» (с дополнением в виде «Цветника» — цитат из критических выступлений Адамовича, иллюстрировавших произвольность и легковесность его оценок в «Литературных беседах» в «Звене» за 1925) (*Благонамеренный*. 1926. № 2). Но несмотря на эту вражду, на то, что Адамовичу (ценившему акмеизм за его поэтическую сдержанность, ясность) была чужда эстетика Цветаевой — ее «скачущие ритмы», резкие переносы, в журнале были опубликованы ее стихи: «Стол» (№ 1) из одноименного цикла и «Ici-Haut» (из цикла памяти Максимилиана Волошина) (№ 4, 5).

Тема памяти как пересмотра прошлого, давнего и близкого, уточнения репутаций и канона представлена в статьях *М.Горлина* «К столетию «Русских ночей» (№ 3), Г.Адамовича «Памяти *Андрея Белого*» (№ 2), в эссе Г.Газданова «Литературные признания» (№ 6). Адамович, называя Белого замечательным романистом, талантливым стихотворцем, блестящим критиком, пересматривает, однако, его репутацию, полагая, что лучшее в нем то, о чем он промолчал, а гениально лишь то, «перед чем он беспомощно остановился» (№ 2. С. 56). Ценнейшее в А.Белом — его неудача: «Творчество Белого было отрицательное: он только оттенял, отступал и безудержной болтовней пытался обморочить самого себя... А тема так и осталась вне слов, за словами» (с. 57). В.Брюсову досталось от Газданова («Литературные признания»), которому кажется странным, что 30 лет назад критика ставила рядом имена Блока, Брюсова, Белого: «Как можно было этого несчастного Брюсова, который был глубочайшим образом лишен самого ничтожного поэтического дарования, по сравнению с которым какой-нибудь Клюев — просто титан, сравнивать с Блоком?.. среди тех, кто хвалил Брюсова, были люди, прекрасно все понимающие: и ни в их честности, ни в их уме мы не имеем никакого права сомневаться. Нет, по-видимому, было нечто неуловимое, прекрасное и преходящее, что они чувствовали и понимали и чего мы, наверное, никогда не постигнем. И Брюсов это как-то выражал — хотя нам это и кажется чудовищно нелепым...» (с. 260). Видимо, редакция почувствовала себя шокированной этим ниспровержением «авторитета», ибо тут же заявила, что не несет «ответственности за все мысли, высказываемые ее сотрудниками. Это относится... и к интересной статье Г.Газданова... оценка Брюсова — слишком личная, слишком несправедливая, чтобы мы могли оставить ее без возражений... У Брюсова стихотворцы учились не только ремеслу, но и искусству, — и именно он, первый, вновь ощутил и показал разницу между поэтичностью и поэзией. Без подлинного природного таланта это едва ли было бы возможно» (№ 6. С. 262).

В художественной прозе журнала — в рассказах Ю.Фельзена «Чудо» (№ 2), Н.Берберовой «Смерть Вальковского» (№ 4), А.Штейгера «Жид» (№ 3), Р.Пикельного «Нежнейшее воспоминание» (№ 4), *М.Агеева* «Паршивый народ» (№ 4) преобладает тема смерти в разных формах (убийство, самоубийство, смерть как наказание, возмездие и пр.), что создает определенную тональность, передает трагическое мироощущение писателей разного уровня дарования, объединенных общим умонастроением. К ним примыкают и критики, литературоведы, избравшие темой своих статей «закатные», кризисные явления в литературе и культуре. Среди них обращают на себя внимание «Поэзия гибели» М.Горлина (№ 6), «Сумерки стиха» В.Вейдле (№ 3), «Пляска смерти» П.Бицилли (№ 4). Горлин пишет о феномене давно забытого поэта, который вдруг возникает из прошлого и «подходит к нам», как наши современники. В данном случае он имеет в виду Клавдиана, поэта последних дней Рима, создателя странного искусства, исполненного ощущением «гибе-

ли и истерических надежд на спасение». В.Вейдле обыгрывает тему смерти, гибели, вырождения как феномен собственно поэзии. «Современное состояние стихотворного искусства, — пишет он, — совсем не определяется одним лишь недохватом гениев; еще характерней для него медленный склероз, поражающий средние поэтические таланты... единственный смысл большинства русских, как и французских или английских, стихов недавнего времени заключался в том, что их совокупность образовывала органическую среду, питательный бульон, необходимый творчеству большинства больших поэтов... нам грустно, что миновал недавний поэтический расцвет: еще грустней убедиться, что в нем самом многое было суетно и ложно» (№ 6. С. 105). П.Бицилли рассуждает о стихии хорея как «древнем хаосе, поэзии возврата к изжитой, логической стадии, поэзии снов, колдовских чар, самозабвения. У Тютчева, поэта ночи, 31 стихотворение написано хореем. В хореической поэзии Г.Иванова преобладает мотив смерти» (№ 4. С. 176). В этом контексте обретает особый смысл и статья литературоведа-медиевиста Евгения Винавера «Уголовный роман» (№ 6) — исследование маргинального, «когда-то всеми презираемого жанра, занявшего со времени войны... исключительное место» (с. 256). Характерны рассказ Ю.Фельзена «Чудо» (№ 2) — о судьбе французского инженера, ставшего после фронтового ранения морфинистом и после безнадежных попыток излечиться покончившего с собой; рассказ Б.Поплавского «В горах» (№ 6) — о молодом католическом священнике, испытывающем муки любви.

Стремление ввести русского читателя-эмигранта в контекст европейской культуры, избежать изоляции, явного, намеренного предпочтения русской темы, самоограничения ею, что было свойственно русской эмиграции старшего поколения, анализ состояния современной западноевропейской литературы, особенно французской и английской, — одно из важнейших направлений журнала. Очевидно существенное значение, придаваемое рубрикам литературных и искусствоведческих рецензий. Ю.Фельзен трезво оценивает «головокружительный успех» Мальро («Французские тридцатые годы», № 1), получившего в 1934 Гонкуровскую премию за книгу «Условия человеческого существования». Фельзен находит у Мальро два счастливых писательских свойства: способность к коротким, удачным формулировкам, передающим поверхностную, внешнюю сторону отношений, физиологическую или физическую, и неудержимый, неистовый темперамент, — в чем видится не творчество, а импровизация, часто беспомощная, местами блестящая. Восторги критиков рецензент объясняет личным влиянием и шармом писателя. В подписанной инициалами Ю.Ф. (Ю.Фельзен) заметке «Франсуа Мориак — академик» (№ 1) комментируется избрание в Академию Мориака. Учитывая то, что обычно лучших французских писателей — Бальзака, Стендаля, Бодлера — в «бессмертные» не избирали и даже «проваливали», избрание Валери и Мориака рассматривается чуть ли не как чудо. Особенностью Мориака рецензент считает его «элитарность» и вместе с тем успех у широкой публики: он пишет «понятно», и у него возвышенная религиозно-буржуазная мораль. П.Бицилли в статье «Франко-русские влияния» (№ 1) раскрывает литературное влияние, совпадения (Тютчев — де Сталь, А. де Виньи — И.Анненский). Негативно оценивается одна из современных попыток модернизировать классику (Вейдле В. Подновленный Диккенс, № 1), предпринятая английским поэтом, романистом, критиком Робертом Грейвзом, который использует фабулу «Давида Копперфилда», корректирует «ошибки», «дает роману новое заключение, устраняет все, на его взгляд, лишнее» (с. 38).

Журнал «В» выходил в 1934 — «на перепутьи всех времен» — отсюда тревожное чувство, пронизывающее его, смесь жанров, общественно-политическая направленность. Для проницательного глаза актуальной стала тема угрозы новой мировой войны. Об этом статья «Война или мир» (№ 1) М.Бенедиктова, провидчески утверждающего: никто не хочет верить в близость катастрофы, хотя за последние 15 лет не было момента более опасного. Гитлер, расписываясь в миролюбии, готовит почву для новой войны, и редакция обратилась к четырем молодым эмигрантским писателям — В.Варшавскому, Б.Поплавскому, Ю.Терапиано, Ю.Фельзену с просьбой прокомментировать проблему «Личность и общество», от которой зависит будущее евро-

пейской культуры. Все они выступили в защиту личности, против любых форм ее подавления, будь то коммунизм или национал-социализм (Личность и общество. Анкета, № 3).

Программное направление журнала — отход от «стереотипа» старшего поколения русской эмиграции — игнорирования или огульного поношения всего, происходящего в Советском Союзе. Авторы стремятся к объективности анализа, информативности, хотя критическое начало преобладает. Это направление, вероятно, также определялось Г.Адамовичем, который, по словам Г.Иванова, будучи строгим и капризно-придирчивым к эмигрантской литературе, по мере приближения войны почти не находил для советской поэзии и прозы «иных выражений, кроме почтительно восторженных». В эссе «Незнакомка» (№ 1) Адамович отмечает убыль интереса к советским книгам, еще несколько лет назад столь острого, внушенного не только вниманием к России, но и жаждой новых эстетических эмоций. Редакционная политика журнала построена на открытости, движении навстречу актуальным, острым общественным проблемам. В первом же номере опубликована статья Д.Мережковского «Антисемитизм и христианство» — на тему, которая, по замечанию редакторов, приобрела в последнее время острый интерес. Антисемитизм и христианство, по словам Мережковского, — вечный вопрос, не разрешимый в той плоскости, где он почти всегда решается, — национально или даже интернационально-политической, разрешимый только в плоскости религиозной, где он и возник. «Четверть века назад он уже был поставлен В.В.Розановым... Худо было тогда, что мы их не услышали; как бы не было хуже, если опять не услышим. Кажется, нигде, никогда не ставился этот вопрос с такой режущей остротой, как на теле России» (с. 11).

В том же первом номере напечатан «кишиневский рассказ» Довида Кнута «Кругологов и компания» — о тринадцатилетнем еврейском подростке, заболевшем «высокой болезнью» — любовью к поэзии, «неизлечимой, как рак». Тема «евреи и русское национальное сознание» возникает в рассказе А.Штейгера «Жид» (№ 3) — в контексте парижской эмигрантской жизни. «Паршивый народ» (№ 4) — рассказ М.Агеева (псевдоним М.Леви), автора «Романа с кокаином», центральное место в котором принадлежит еврейской теме.

В журнале печаталась хроника жизни русской эмиграции. Неоднократно возникает вопрос о создании «Литературной Академии русского зарубежья», явно занимающий умы русских литераторов-эмигрантов. *Д.Философов* (№ 1. С. 35) предложил включить в ее состав писателей старшего поколения: Бунина, Мережковского, Гиппиус, *Куприна*, *Зайцева*, *Вяч.Иванова*, *Ремизова*, *Бальмонта*, Шмелева, *Немировича-Данченко*, *Амфитеатрова*, а кандидатами сделать писателей «среднего возраста» — Цветаеву, *Ходасевича*, *Алданова*, Оцупа, Адамовича, Г.Иванова, *Осоргина*, Берберову. «Молодая поросль» — *Шаршун*, Газданов, Сирин, Фельзен, *Ладинский*, Кнут, *Зуров*, Поплавский, *Смоленский*, Терапиано, Мандельштам и др. — должны выпускать журнал. Это предложение иронически комментирует в своей рубрике «Будни и праздники» Меланхолик в заметке «Вольтер, или фельдфебель» (№ 1). В социологическом исследовании *Н.Кнорринга* «Эмиграция и книга» (№ 4) приведены библиотечные статистические данные, имеющие важное значение для суждения о вкусах русских читателей во Франции и тем самым — о духовных запросах и культурном уровне эмиграции.

См. также публикацию *Г.Струве*: К истории русской зарубежной литературы: О парижском журнале «Встречи» с приложением переписки двух редакторов // НЖ. 1973. № 10.

Т.Н.Красавченко

Г

«ГАМАЮН» (Белград, 1923—1925). Первый русский поэтический кружок в Белграде. Для названия кружка был использован заголовок стихотворения А.А.Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899). Поэзия Блока имела особое значение для русских эмигрантов Югославии, участники кружка находили в блоковском стихотворении отзвуки своей изгнаннической судьбы и трагических событий в России. В состав «Г» входили молодые поэты *Ю.Б.Бек-Софиев*, *И.Н.Голенищев-Кутузов*, Ю.Ф.Вереницын, А.П.Дураков, И. фон Меран, Б.Н.Пущин, А.М.Росселевич, Б.Ф.Соколов, *Е.Л.Таубер*, В.А.Эккерсдорф. Руководителем кружка и инициатором его создания был И.Н.Голенищев-Кутузов. Близок к кружку был *Е.В.Аничков*, историк литературы, литературный критик, прозаик. Аничков был университетским преподавателем Голенищева-Кутузова, Дуракова и Бек-Софиева, его связывала с ними близкая дружба. В 1924 в Белграде был издан сборник произведений участников кружка — «Гамаюн — птица вещая: Стихи. Сборник 1». В него вошли стихотворения всех участников кружка, за исключением Е.Таубер и Е.Аничкова. Обложку и оформление сборника выполнил художник и журналист В.Жедринский, сценограф Народного театра в Белграде и сотрудник сербской газеты «Политика». В 1925 Голенищев-Кутузов переехал в г. Никшич (Черногория), где начал преподавать в местной гимназии. В 1926 за Аничковым, уехавшим в университет в Скопле, последовал его ученик Дураков. Позднее уехал в Париж Бек-Софиев. После отъезда своих основных участников кружок распался. Часть участников «Гамаюна» вошла в состав литературного объединения «*Книжный кружок*».

Г.П.Манчха

«ГАТАРАПАК» (Париж, 1921—1922) — литературно-художественный кружок, созданный в Париже группой молодых эмигрантов — поэтов и художников. Активное участие в его деятельности принимали поэты *Б.Б.Божнев*, *А.С.Гингер*, *В.С.Познер*, *Б.Ю.Поплавский*, М.А.Струве, *М.В.Талов*, *С.И.Шаршун*, художники-авангардисты В.Барт и Д.Какабадзе и др. Члены кружка собирались еженедельно на Монпарнасе, в кафе «Хамелеон». Как и все последующие группы, объединявшие молодых литераторов, творчество которых началось лишь в период эмиграции, члены «Г» уделяли внимание прежде всего современным литературе и искусству. Большая часть литературных вечеров проходила в чтении новых стихов членов кружка и их совместном обсуждении. Члены «Г» следили за литературным процессом на родине: отдельные вечера были посвящены новым стихам, полученным из советской России (15 февраля 1922), а также творчеству Н.С.Гумилева (1 февраля 1922 была прочитана его пьеса «Дитя Аллаха»), А.А.Ахматовой (8 марта 1922 В.С.Познер и М.А.Струве читали стихи из ее сборника «Anno Domini»). 1 марта 1922 П.К.Вейсбрем сделал доклад на тему «Два искусства (война чтецов и поэтов)», а 15 марта того же года Б.Б.Божнев прочел на очередном вечере «Гавриилиаду» А.С.Пушкина. На собраниях обсуждались проблемы современной живописи: 15 января 1922 художник Д.Какабадзе прочел доклад «Конструктивные картины»; 29 марта 1922 состоялась публичная беседа на тему «О живописи» под председательством художника и теоретика искусства В.Барта. На вечера приглашались европейские литераторы и художники. На вечере 22 февраля 1922 с докладом о кубизме выступил Вольдемар Жорж, а чилийский поэт Висенте Гуидобро сделал доклад о пуризме (на французском языке). Членами кружка организовывались вечера поэзии, концерты, выставки (одна из таких выставок состоялась 6 декабря 1921). После прекращения деятельности «Г» его члены участвовали в литературных объединениях «*Через*», *Союз молодых писателей и поэтов в Париже*, «*Кочевье*», *Объединение писателей и поэтов* и др.

Т.Л.Воронина

«ГОДЫ» (Прага, 1926—1928. № 1—6) — иллюстрированный литературно-публицистический и информационный журнал. Издавался Объединением русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) под редакцией А.А.Валентинова-Ланге (с № 4 его сменил В.И.Власьев), М.С.Ильяшевича, Г.А.Флорианского, И.А.Черкесова. Журнал был заявлен как «двухмесячный», однако периодичность удавалось выдерживать лишь в 1926, когда было выпущено четыре номера; в 1927 и 1928 вышло по одному номеру. «Годы» выступили в качестве преемника пражского журнала *«Студенческие годы»*, что подчеркивалось дополнительной сквозной нумерацией. Однако и редакционная политика, и задачи журнала изменились: теперь сотрудники стремились освещать литературную, политическую, рабочую и академическую жизнь во всех странах сосредоточения русской эмиграции и в России, хотя жизни студенчества по-прежнему уделялось значительное внимание. Новый журнал выступал как «коалиционный орган мысли младшей части русской интеллигенции за рубежом». В журнале серьезное внимание уделялось литературному отделу. «С большой любовью подбирался этот литературный материал, причем, как правило, отдавалось преимущество молодым силам, — вспоминали создатели «Годов». — Для того чтобы попасть в наш журнал, не надо было предварительно иметь уже литературное имя — наоборот, с гордостью можно отметить, что многие, уже успевшие завоевать себе определенное место в русской литературе молодые писатели и поэты впервые стали печататься на страницах нашего журнала» (№ 6. С. 3). В 1926 в журнале печатались стихи В.Ильинского, *В.Лебедева*, *И.Кнорринг*, *А.Эйснера*, П.Авдеева, *Г.Кузнецовой*, А.Фотинского, Г.Пронина, Н.Снесаревой-Козаковой, *А.Ладинского*, переводы *К.Бальмонта* из Ярослава Врхлицкого, проза Вл.Гриненко, Г.Рубанова, Ю.Мценского, кн. К.А.Чхеидзе, *В.Федорова*, В.Лебедева, *Ал.Воеводина*. В № 4 в подборке стихотворений членов объединения *«Скит поэтов»* были представлены Р.Спинадель, Н.Болесцис, *Б.Семенов*, *Х.Кроткова*, М.Мыслинская.

Содержание № 3 определялось итогами прошедшего *Российского зарубежного съезда*. Редакция обратилась с просьбой высказаться на страницах журнала к тем представителям эмигрантской молодежи, кто неоднократно публично выступал с обвинениями в адрес «старой» эмиграции, заявляя о новых требованиях и ожиданиях «молодых». Опубликованные материалы явились одним из самых заметных выступлений «детей» против «отцов». Завершала подборку статья Б.Неандера «Бунт отцов против детей». «Бунтарство — со времени зарубежного съезда — стало проявляться совсем с другой стороны. Отцы стали бунтовать против детей, — писал Б.Неандер. — Это не парадокс... Впрочем, если угодно, — это тяжелый парадокс нашего эмигрантского безвременья» (№ 3. С. 191). Развернувшаяся в середине 1920-х на страницах эмигрантских периодических изданий полемика «отцов» и «детей» определяла во многом и тональность литературно-критических выступлений на страницах «Годов». В № 2 *А.Туринцев* в статье «О новой русской литературе» утверждал: «Современная русская литература — только в Сов. России». «Мы рассматриваем искусство и как орудие познания жизни», «мы хотим от современного писателя живых произведений, хотим найти в них живых людей живой эпохи, — писал критик. — Литература в СССР есть просто русская литература XX-го столетия, и только нетерпимость ко всему «советскому» может помешать усмотреть в ней отрадные и талантливые проявления и, не зная ее, отвергать, ссылаясь на «пролеткультовщину». Литература, отражающая жизнь «после октября» и даже с героями коммунистами, не есть еще «коммунистическая литература». Будучи писателями в революцию, русские писатели тем самым являются летописцами революции. Они должны давать нынешний жизненный облик и сегодняшнего живого человека» (№ 2. С. 27—28). Редакция отмежевалась от позиции Туринцева, пояснив, что не разделяет взглядов автора и помещает статью «исключительно как интересный критический обзор современной советской литературы» (№ 2. С. 27), и в том же номере поместила рецензию *В.Кадашева* на «Митину любовь» *И.А.Бунина* (Париж, 1925). Назвав А.А.Туринцева «очень талантливым и вдумчивым критиком из «молодых»», Кадашев явно был не согласен с тем, что Бунин «обогащает прошлое русской литературы», и выступал против «могильщиков

т.н. «эмигрантской литературы», «поистине удивительной разновидности homo sapiens, что, — частью — из нежелания подойти к литературе — литературно, частью — из полуварварского снобизма, рассекает единое тело нашего художественного слова — по признаку географическому, объявляя отжившим все, созданное за границей, и жизненным — все, написанное в России». Для Кадашева очевидно, что «повесть о трагической страсти несчастного юноши, созданная Буниным, — неизмеримо выше и прекрасней Бабелей и Сейфуллиных», ведь Бунин подходит к «глубинам сокровеннейшим», утверждает «бескрайнюю любовь к Бытию, приятие и прозрение его Божественной Сущности» (с. 31). Художественную значимость эмигрантской литературы — причем в первую очередь произведений, созданных старшим поколением, — отстаивает Кадашев и в рецензии на роман *М.А.Алданова* «Чертов мост» (Берлин, 1925): «Вторая часть алдановской трилогии, которую объем темы заставляет разрастись в тетралогию, снова неоспоримо подтверждает мысль, возникавшую уже при чтении «9 термидора» и «Св. Елены»: в лице их автора в русскую литературу вошел первоклассный мастер, произведения которого суть образцы высокого стиля и тонкого ума» (№ 3. С. 28—29). Еще восторженнее отзыв Владимира Благова о новой книге *Е.Н.Чирикова* «Зверь из бездны: Поэма страшных лет» (Прага, 1926): «Роман написан Е.Н.Чириковым мастерски... Цель автора, как показывает заголовок книги, живописать Зверя в образе человека и подчеркнуть поярче его животную, звериную утробу. Это автору удается как нельзя лучше, и его свидетельство недавнего прошлого порывает как-то даже с действительностью вообще, спускает читателя в действительность преисподней» (№ 4. С. 41). Не менее значительным видится В.Благову и творчество *П.П.Потемкина*. «Петр Петрович был истинным поэтом-романтиком и «поэзировал» там, где казалась скучная проза, — говорится в опубликованном в № 4 некрологе. — Его вдохновенная рука запечатлела в «Герани» и «Скучной любви» — поэзию тех лиц и тот быт, где наш холодный, человеческий рассудок видел всегда лишь мещанство и прозу, а поэты тех или иных школ проходили мимо» (с. 28).

В № 4 помещена и статья В.Кадашева «Несовременные мысли (По поводу статьи А.А.Туринцева в № 2)». По мнению критика, говорить так, как Туринцев, стало в последнее время модно: «Кто, с легкой руки *Ф.А.Степуна* и Е.Д.Кусковой, сейчас не повторяет таких речей? Правда, большинство повторяющих не поняло ни ажурной тонкости изящной мысли первого, который, приемля советскую литературу, не посягает на ценность литературы зарубежной (доказательство — его восторженная статья о «Митиной любви»), ни грубого лицемерия второй, подобно большинству политиканов, ничего в искусстве не смыслящей и пользующейся советскими писателями для определенно-политических выводов» (с. 33). Советская литература, утверждает Кадашев, до сих пор не создала ничего равного «Митиной любви» И.Бунина, трилогии М.Алданова, воспоминаниям кн. *С.П.Волконского*, «Тяжелой лире» *В.Ходасевича*, «Золотому узору» *Б.Зайцева*, «Солнцу Мертвых» *И.Шмелева*, «Эгерии» *П.Муратова*; «творчество *Ремизова* значительнее творчества Бабеля, а «Рождение богов» — художественно и философски крупнее комплекта «Красной нови» за все время ее существования» (с. 34). Говоря о временном, Туринцев не видит Вечного, а оно у писателей-эмигрантов выявлено гораздо ярче, чем у писателей метрополии. Отношение Туринцева к советской литературе «неверно, по своей внутренней, нисколько не маскируемой внешними дерзостями, уклончивости», его отношение к литературе эмигрантской отличается «неприятно лживой и нечуткой развязностью» (№ 4. С. 34).

В № 5 С.Водов («Борьба за Россию»), Д.Мейснер («Борьба или содружество») и Н.Цуриков («Коалиция или партия?») отстаивали необходимость создания новой идеологии, названной «активизмом». Ее задача — объединить представителей разных политических течений для организации «упорной революционной борьбы с 3 Интернационалом» (с. 8). Движением, способным выступить в качестве такой объединяющей силы, одному из участников дискуссии — Л.Копецкому — виделось евразийство.

В разделе «Литературная жизнь» в № 1 была помещена статья А.Брей «Есенин». Автор считал, что после трагической смерти Есенина необходимо пересмотреть свое

отношение к поэту. В предреволюционные годы, когда шла борьба «старых и молодых» поэтов, в годы революции, когда борьба из области эстетической перешла в политику, Есенин не пошел по пути полного отрицания, пересмотра всех основ, не стал, как многие, отвергать «не только старую форму, не только старое мироощущение, но даже и старое понятие о цели и назначении поэзии». Он — «один из немногих — молодых и новых оставался понятным и старым, и молодым». Однако последний период есенинского творчества — это период упадка. Есенин теряет свое, есенинское; простота, которая привлекала читателя, уже воспринимается не как результат преодоления, а как проявление слабости, обезличения; начинает сказываться отсутствие мастерства, духовного роста, зрелости. И тем не менее, «за безалаберность эту самую, нам родную, за простодушную, душевную песню, за грустную нотку в ней, за бесшабашную удаль любим мы Сергея Есенина», «здоровье, свежесть, понятность и искренность и ставят его на особое место среди современных поэтов — в этом залог любви к нему» (с. 28). В № 2 опубликован очерк И.Савченко «*Георгий Гребенщиков*: Творческое двадцатилетие». Критик, написавший ряд статей о Г.Гребенщикове, рассматривает творчество писателя как путь от «натурреализма к симфонизму, от быта к бытию, от внешне сущего к внутренне-подлинному» (с. 16). Гребенщиков для него — «художник не «типа», а «лиц», лиц до мелочей индивидуально отличных, особенных, не смешиваемых», «большой мастер жанрового портрета», чьи произведения отличает «бесподобный по своей выразительности и красочности народный сибирский сказ» (с. 17).

В 1926 *Союз русских писателей в Чехословакии* издал сборник «Ковчег». «В сборнике материал интересный — можно облегченно вздохнуть — не все так плохо у нас в эмиграции, даже эмигрантская писательская провинция может еще «тряхнуть стариной» и «молодых показать»», — писал Геф (Г.Флорианский) (№ 1. С. 31). Наряду с произведениями «маститых» — *А.Аверченко*, Е.Чирикова и *М.Цветаевой* — критик обращал внимание и на «творчество молодых» — С.Эфрона и А.Воеводина. В рецензии на книгу Алексея Масаинова «Отходящие корабли: Поэзы» (Париж, 1925) автора упрекают в чрезмерной развязности тона, в подражательности (№ 1. С. 31). В.Благов выделил среди мемуарной литературы книгу *З.Н.Гиппиус* «Живые лица» (Прага, 1925). З.Н.Гиппиус — «прекрасный, совсем бесхитростный, свидетель», у нее не сохранилось никаких записей, но — тем живее получились лица — «просто живые лица», в которых нет ни «гениальности», ни «демоничности» (№ 1. С. 32—33).

Представляя рижский журнал для семьи и юношества «Юный читатель», «Годы» выделяли рассказы Л.Кормчего, *И.Наживина*, стихи А.Коринфского, отмечали, что «составленный занимательно и разумно» журнал даст детям «здоровую духовную пищу» (№ 2. С. 33—34).

Последний номер журнала посвящен зарубежному русскому студенчеству. Редакция подводила итоги того периода эмигрантской студенческой жизни, когда среди студентов преобладали те, кто состоял в учебных заведениях еще в России до войны и революции. Исчезновение т.н. «кадрового» студенчества, завершающего свое образование, означало и прекращение журнала. Центральные статьи номера были подписаны инициалами. Н.Б.(Н.Быстров?) в статье «Лицо поколения» вновь писал об идеологическом разрыве между «отцами» и «детьми» как о свершившемся факте. В статье Н.Б.Д. «Итоги» «молодая русская литература в эмиграции» также рассматривалась сквозь призму конфликта «отцов» и «детей». Появление молодых авторов в «*Воле России*», в «*Звене*», в «*Современных записках*» вызвало беспокойство у «присяжных критиков», «в самые тугие эмигрантские уши пробились, наконец, из России молодые литературные голоса» (с. 25). «Молодая» литература существует и в России, и в эмиграции. Несмотря на очевидную разность настроения («пафос сегодняшнего дня для одних — пафос радости и гордости, другим — скорби и гнева» (с. 26)), новая русская литература едина. Теперь перед литературной «молодежью» встает новая задача: «Молодая литература должна иметь свою критику — тоже молодую. Первые ростки этой критики уже видны — Туринцев, Недзельский, *Сосинский*. Верю, будут не только ростки» (с. 27). Выделяя в русском зарубежье два литературных центра «молодых», автор статьи ставит пражан выше парижан. Он утверждает, что «пра-

жане «открыли» и дифференцировали новую литературу в России»», «первыми осознали самих себя и свою связь с этой новой литературой», «литературные веяния, переживаемые сейчас парижанами, уже давно пережиты пражанами» (с. 27). Причина этого — умение пражан раньше других услышать голоса из России.

«"Студент", "Студенческие годы", "Годы" — вот этапы, пройденные нашим журналом на его эмигрантском пути, причем каждый из них характеризует отдельный почти самостоятельный период», — говорилось в «прощальной» редакционной статье.

Д.Д.Николаев

«ГОЛОС МИНУВШЕГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ» (Париж, 1926. Февраль — 1928. № 1—6). «На чужой стороне» (Берлин, Прага, 1923—1925. № 1—13). «Голос минувшего на чужой стороне», как и предшествовавшие ему сборники «На чужой стороне», является непосредственным продолжением исторического журнала «Голос минувшего», выходившего в Москве в 1913—1923 под редакцией С.П.Мельгунова и В.И.Семевского. Журнал либерально-демократического направления, приветствовавший Февральскую революцию, после октября 1917 оказался в резкой оппозиции к новой власти. Осенью 1922 значительная часть московского кооперативного книгоиздательства «Задруга», выпускавшего «Голос минувшего», была выслана за пределы РСФСР и сначала в Берлине, а потом в Праге стала издавать «историко-литературные сборники» «На чужой стороне» (в дальнейшем обозначаемый «НЧС») под редакцией Мельгунова с участием В.А.Мякотина и *Е.А.Ляцкого*. Новое название было вынужденным, поскольку в Москве в это время еще продолжал выходить журнал «Голос минувшего». Но книгоиздательство «Задруга» было ликвидировано в том же 1923, и московский журнал «Голос минувшего» прекратил свое существование. Поэтому, когда в 1926 издание сборников было перенесено в Париж, редакция сочла возможным дать возобновленному журналу наименование «Голос минувшего на чужой стороне», подчеркнув тем самым верность двум прежним традициям. Как и московский журнал, парижский (в дальнейшем обозначаемый «ГМ») стал выходить с подзаголовком «журнал истории и истории литературы» (под редакцией Мельгунова, Мякотина и Т.И.Полнера).

Журнал сохранил свою прежнюю структуру, в нем печатались статьи по вопросам русской и западноевропейской истории, культуры, искусства, литературы; публиковались обширные архивные материалы — воспоминания, дневники, письма, документы; он содержал богатый критико-библиографический отдел «Среди книг», где рецензировались издания историко-культурной тематики, выходившие как за рубежом в русской эмигрантской и иностранной печати, так и в советской России. На страницах «НЧС» и «ГМ» публиковали свои исследования и публицистические статьи историки В.А.Мякотин, С.П.Мельгунов, А.А.Кизеветтер, В.С.Озерецковский, А.Ф.Изюмов и др.; неоднократно печатались П.Н.Милюков, *М.А.Осоргин*, *Дионео*, *М.А.Алданов*, *М.Л.Гофман*.

Первые номера «НЧС» и «ГМ» открывали редакционные статьи о литературно-общественной платформе изданий, их целях и задачах в условиях эмиграции. Журнал заявлял о своей верности старым культурным заветам русской либеральной интеллигенции. «Различны, быть может, наши политические настроения, различны, возможно, оттенки нашего общественного демократизма, но едино наше восприятие старой русской культуры, едина наша оценка ее духовной и моральной сущности. И неизбежно в современных условиях общественной растерянности и упадка, с одной стороны, и неясных исканий — с другой, — наше единство многие назовут интеллигентским староверием. Да, мы не отказываемся от нашего прошлого. Мы высоко ценим его, хотя, вероятно, болезненнее других сознаем все ошибки прошлого. И здесь — на чужой стороне — мы хотим посильно служить культуре. В наших сборниках мы будем вспоминать и выявлять черты русского быта, русской мысли, русского искусства. Мы будем характеризовать современные сумерки русской культуры, ее разрушение...» (От редакции // НЧС. 1926. № 1. С. VII—VIII).

«Нельзя быть в эмиграции и не касаться современности, слишком жгучей для нас, слишком больно затрагивающей чувства и мысли каждого из нас. Сохраняя форму ис-

торического журнала, «Голос минувшего» будет ближе подходить к современности, чем это было в прежние годы» (ГМ. 1923. № 1. С. VIII).

Журнал занимал в целом антибольшевистскую позицию, разделяя, однако, с одной стороны, характерное для русской либеральной мысли резко отрицательное отношение к самодержавной России, а с другой — защищая идеи русского освободительного движения, приведшие к Февральской революции. «Интеллигентское староверие» сказалось и в западнической ориентации «НЧС» и «ГМ» как исторических журналов. Поэтому для «НЧС» и «ГМ» были одинаково неприемлемы и евразийская концепция истории России, и исторические построения русской идеалистической философии. И в евразийстве, и в трудах *Н.Бердяева*, *С.Франка*, *Л.Карсавина* (рецензии на их книги неоднократно печатались в критико-библиографическом отделе журналов) авторы «НЧС» и «ГМ» видели прежде всего отказ от идей западной демократии, идеи свободы личности: «сумерки современной культуры» — проявление кризисного состояния русской общественной мысли.

Считая своим долгом откликаться на «жгучие» вопросы современности, «НЧС» и «ГМ» уделяли серьезное внимание публикациям статей и архивных материалов по истории русского революционного движения и особенно — относящихся к недавнему прошлому России, эпохе двух революций, гражданской войны, красного террора. Здесь наряду с документами были широко представлены дневники писателей и общественных деятелей, мемуарная и эпистолярная литература. На страницах «НЧС» неоднократно печатались очерки-воспоминания М.А.Осоргина о русских эсерах. Мемуарный характер имела публицистическая статья Дионео, посвященная позднему народничеству, «Старая лондонская эмиграция (Чайковский, Кравчинский и др.)» (ГМ. 1926. № 4). В 8—10 номерах «НЧС» (1925) печатался «Петербургский дневник» *С.Р.Минцлова*, рисующий общественно-политическую атмосферу Петербурга 1908—1910; первая часть «Дневника» за 1905—1906 была опубликована еще в 1917 в московском «ГМ». В 11 номере «НЧС» (1925) представлены главы из книги С.Я.Эфрона «Записки добровольца» об октябрьских событиях в Москве 1917 г. Из номера в номер в 1923—1925 в «НЧС» публиковались воспоминания о белом движении на Украине Мякотина «Из недалекого прошлого»; в 4-м номере «ГМ» (1926) был напечатан очерк А.И.Деникина «Польша и Добровольческая армия», вошедший впоследствии в пятый том «Очерков русской смуты». Некоторые публицистические статьи в «НЧС» и «ГМ» были посвящены советской России; особенно интересны публикации В.А.Розенберга о состоянии журналистики, книгоиздания и образования при советской власти. К ним примыкает статья В.Озерецковского «Культурная работа в Советской России» — о московском книгоиздательстве «Задруга», с которым были связаны многие сотрудники «НЧС» и «ГМ» (ГМ. 1926. № 4).

Как журналы «истории литературы» «НЧС» и «ГМ» отличаются определенным эстетическим консерватизмом, таким же «интеллигентским староверием», что и в области историко-общественной мысли. В основном на страницах журнала публиковались исследования и материалы о творчестве русских писателей XIX в. — А.С.Пушкина, В.А.Жуковского, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.Н.Островского и др.

Основную ценность здесь представляют публикации новых, ранее не изданных материалов из литературного наследия писателей, их письма, воспоминания, дневники. Особенно часто «НЧС» и «ГМ» обращались к именам Л.Н.Толстого и В.Г.Короленко, видя в них «представителей великой литературы и представителей лучшей части русской интеллигенции» (От редакции // НЧС. № 1. С. VIII). Редакция «НЧС» увидела символическое значение в том, что первый номер сборника открылся публикацией отрывков из не изданных тогда произведений Короленко (рассказы из «Американских очерков») и Л.Н.Толстого (фрагменты черновых редакций «Альберта» и «Войны и мира»). «Это знамя, под которым мы будем идти, это старое знамя, под которое будем звать и новое молодое поколение» (Там же. С. VIII). Толстовская тема в том же номере сборника была продолжена статьей Мельгунова «Уход Толстого в освещении Черткова». Статья явилась одним из первых откликов в русской печати (советской и эмигрантской) на книгу В.Г.Черткова «Уход Толстого» (М., 1922), и Мельгунов имел

впоследствии все основания с обидой процитировать слова *М.Горького*, заявившего, что в русской печати не нашлось никого, кто бы указал, что «прямая и единственная цель этого сочинения — опорочить умершую Софью Андреевну Толстую» (НЧС. 1924. № 7. С. 5).

Однако цель рецензии Мельгунова заключалась не только в том, чтобы раскрыть односторонность и предвзятость суждений Черткова о семейной трагедии писателя. Книга Черткова вновь подняла вопрос о праве издания литературного наследия Толстого, поставила под угрозу работу по подготовке Полного собрания сочинений писателя, которая велась при участии самого Мельгунова «Товариществом по изучению и распространению творений Л.Н.Толстого». «Появление этой книги привело к разрыву существующей ранее договоренности, согласно которой *А.Л.Толстая* явилась распорядителем и осуществителем издания, а В.Г.Чертков — как бы главным редактором, цензором толстовского текста, имеющим право накладывать вето» (НЧС. 1926. № 1. С. 151).

Между тем автор рецензии на книгу Черткова был убежден, что только при публикации всех материалов — и прежде всего «интимных дневников» писателя — читатель получит полную возможность составить себе объективную картину последних дней Толстого. Стараясь предоставить читателю подобную возможность, «НЧС» и «ГМ» продолжали и в дальнейшем публиковать новые документальные материалы об уходе Толстого. Так, в 4 номере «НЧС» (1924) *В.Ф.Булгаков* напечатал отрывки из Яснополянского дневника 1910, не вошедшие в первые три издания его книги «Лев Толстой в последний год его жизни». В 7 номере сборника, откликаясь на просьбы своих читателей, редакция поместила «Автобиографию» С.А.Толстой, написанную ею в 1913 для архива С.А.Венгерова и опубликованную в 1921 в первом номере журнала «Начала» (Пб.). Дополнительные сведения об участниках яснополянской драмы читатели «НЧС» и «ГМ» находили также в письмах гр. С.А.Толстой к В.Ф.Булгакову (НЧС. 1923. № 2), в отрывках из дневника В.Ф.Булгакова 1912—1914 (печатались под общим заглавием «В осиротевшей Ясной Поляне» в 3—4, 6 номерах «ГМ» за 1926—1927). Из номера в номер в «НЧС» и «ГМ» шла публикация неизданных произведений Толстого, сопровождаемая вступительными статьями и обстоятельным комментарием Полнера (отроческие стихотворения Толстого, фрагменты неоконченных романов писателя о Петре I, о декабристах). Полнером были также опубликованы дневники Толстого 1853—1856 (ГМ. 1926—1927. № 2—6).

Материалы, посвященные В.Г.Короленко, характеризуют его прежде всего как общественного деятеля, имеют биографический характер. Таковы воспоминания П.Митропана «Из «Семейной хроники» В.Г.Короленко в 1918 году» (НЧС. 1925. № 10), статья А.Лясковского «Из переписки В.Г.Короленко в ссылке», посвященная вятскому периоду жизни писателя (НЧС. 1923. № 2). Среди публикаций, помимо «Американских очерков», наибольший интерес представляют письма Короленко, раскрывающие его деятельность в качестве рецензента беллетристического отдела журнала «Северный вестник» в 1887 (ГМ. 1926. № 4).

Многие статьи о русских классиках XIX в. в «НЧС» и «ГМ» приурочены к юбилейным датам — например, статьи В.А.Розенберга о М.Е.Салтыкове-Щедрине, А.А.Кизеветтера об А.Н.Островском. Исследования литературного критика М.Гофмана «Жуковский в семье Протасовых и Воейковых» (НЧС. 1925. № 9), «Еще о смерти Пушкина» (НЧС. 1925. № 11), опираясь на новые документальные материалы (письма писателей и их современников), позволяли по-новому взглянуть на некоторые факты биографий русских поэтов. В 5 номере «ГМ» (1927) была опубликована еще одна статья Гофмана — «К психологии творчества Тургенева», в которой исследователь, опираясь на труд французского слависта А.Мазона «Создание романа Тургенева» (Revue des études Slaves. P., 1926. T. 5), делает общие выводы о творческом процессе писателя, разбирая его работу над романом «Новь». Во 2 номере «НЧС» (1923) с очерком «Проспер Мериме» выступил *Ю.Айхенвальд*. Зарубежная тематика присутствует и в эссе Дионео «Мигель де Унамуно», посвященном философским и эстетическим взглядам современного испанского писателя (НЧС. 1923. № 3), а также в обширной критической статье И.Степанова «Кризис футуризма», основанной на материале итальянско-

го изобразительного искусства и литературы (НЧС. 1925. № 8).

Литературно-критические статьи и рецензии, посвященные современной русской литературе (советской и эмигрантской), в «НЧС» и «ГМ» встречаются крайне редко. И в этих случаях явления современной литературной жизни России или русского зарубежья рассматриваются под знаком «сумерек культуры», как кризисные явления. Такова рецензия Кизеветтера «Крики литературной моды» (НЧС. 1923. № 2), непосредственным поводом для которой послужила статья С.Аскольдова о прозе *А.Белого*, опубликованная в первом номере петроградского альманаха «Литературная мысль» за 1922. Ценитель драматургии А.Н.Островского увидел в стилистических экспериментах А.Белого и его последователей (Б.Пильняка, раннего *И.Эренбурга*) лишь «балаган и кривлянье». В 4 номере «ГМ» (1926) появился необычный для журнала автор *З.Гиппиус* (фельетон «Мертвый дух» за подписью Антон Крайний). Публикацией этого действительно «крайне» злобного по своему тону фельетона «ГМ» отозвался на литературную полемику вокруг журнала «*Благонамеренный*» в русской зарубежной прессе. Выпады в адрес *М.Цветаевой*, *А.Ремизова*, *Д.Святополка-Мирского* были в фельетоне настолько резкими, что редакция журнала в сопроводительной заметке к нему нашла «излишним проникновение в мотивы литературной деятельности обличаемых писателей» (ГМ. № 4. С. 257), однако солидаризировалась с критикой З.Гиппиус их «духовно-конкретной близости к СССР и большевизму» (Там же. С. 264).

В статье-обозрении П.Рысса «Озорство (о «*Верстах*»)» (ГМ. 1927. № 5) критикуется не столько «просоветское направление журнала и его «евразийский дух», сколько литературное творчество его авторов (Ремизова, Цветаевой). При этом современным писателям противопоставляются признанные русские классики; обозреватель дает иронический совет «Верстам» публиковать стихотворения Пушкина и Тютчева вместо Цветаевой и Пастернака, а заодно резко критикует Святополка-Мирского, давшего высокую оценку поэзии Гумилева, Цветаевой, Пастернака. Деятельность журнала высоко оценил Ю.Айхенвальд (*Руль*. 1926. 20 янв., 24 апр., 27 окт.).

О.В.Этова

«ГОЛОС РОССИИ» (Берлин, 1919. 18 февраля. № 1. — 1922. 15 октября. № 1085) — ежедневная (кроме понедельника) газета. Издатель — товарищество «Голос России», редактор кн. *Шаховской*. В первом номере газеты сообщалось от редакции: ««Голос России» — первая и пока единственная русская большая газета». В редакционной статье излагались цели и задачи газеты. «Мы верим в Россию, верим в ее близкое возрождение, — заявляла редакция. — Наше знамя — беспощадная борьба с большевизмом. Или победить, или погибнуть — таков наш пароль и лозунг» (1919. 18 февр.).

Под этим девизом газета выходила недолго. В № 7 (1919. 28 февр.) появилось обращение издательства и редакции «К нашим читателям», в котором сообщалось о возникших «трениях» на почве политических разногласий в составе редакции и уходе из нее части сотрудников. Выход газеты приостанавливался с 23 февраля. С возобновлением ее издания (28 февраля 1919) редактором стал Г.Шумахер. В обращении к читателям сообщалось об изменениях в «кредо» газеты: «Она будет выходить не как орган какой-либо политической партии... и будет воплощать лишь идею русского единения». «Мы стоим за воссоединение экономических и политических сил России на демократической основе» («К нашим читателям» // 1919. 28 февр.). Тон подачи материалов в газете существенно изменился, более разносторонней стала публикуемая информация, поступавшая как из России, так и от информационных агентств других стран.

Как общеполитическая газета «ГР» освещала важнейшие события в России и за ее пределами. В тяжелое для страны время было опубликовано обращение *Л.Андреева* к мировой общественности, писателям всех стран (перепечатанное из газеты «*Общее дело*») с призывом «поддержать мольбу о гибнущих», «выступить против лжи, распространяемой прессой всех стран, обманщиков и лгунов» («Спасите (S.O.S.)» // 1919. 5 и 6 апр.). Из датской газеты «Политика» были перепечатана статья датского критика Георга Брандеса «Россия», в которой он ратовал за мир в стране (1920. 29 сент.). Из газеты «Юманите» перепечатано обращение «К интеллигенции всего мира» (1919. 5 июля). В числе подписавших его были А.Эйнштейн, Г.Манн, Р.Роллан, А.Бар-

бюс, А.Форель, С.Лагерлеф и др. Они обращались к «служителям духа» с призывом о пересоздании братского союза «на новых, более прочных и надежных основаниях» после изоляции вследствие войны и «взаимной ненависти народов», к единению в условиях складывающейся новой реальности.

14 марта 1919 в газете появилась редакционная статья «Будущность России» — о конференции, проходившей в Париже, на которой была определена «сущность истинно демократической программы переустройства России». Благодаря ей, говорилось в статье, наконец, лозунг единения перешел из области чаяний в область практической работы. Свой подход к событиям редакция газеты определяла в статье «Наша позиция» (1920. 2 сент.), в которой говорилось о необходимости отстаивать «честь русского народа»: «Россия должна остаться свободной, целой и независимой».

Усилилось внимание газеты к литературе и культуре, жизни и работе писателей, к выходящим новым книгам, как в эмиграции, так и в самой России. Ранее такие материалы печатались эпизодически: статья «Леонид Андреев» В.Сольского (1919. 27 сент.); обозрение «Русская драма на берлинской сцене», где шли спектакли по пьесам Толстого, Островского, Чехова, *Горького*, Андреева (1919. 2 дек.), «Театр в большевистской России» (1919. 16 и 17 апр.). В 1920—21 публикация литературных материалов стала регулярной. Газета «налаживала мосты» между эмиграцией и Советской Россией.

В контекст времени вписывалась статья *А.Ященко* «Возрождение Герцена» (к 50-летию годовщины со дня смерти писателя), помещенная в номере газеты за 3 июля 1920. «Почему возрождение?» — ставил вопрос критик и отвечал: «О Герцене знали как об одном из самых остроумных писателей, необычайном стилисте. Имя его было популярно, но читали его мало. В России на самом имени его лежал запрет». Среди сокровищ русской литературы «Былое и думы» — «одно из изумительных произведений человеческого гения», которому «суждено еще долго наводить нас и наших потомков на многие и горькие и радостные думы». Полвека спустя после его смерти, в обстановке величайшей смуты и разрушения вдруг возникает живой интерес к Герцену. Его произведения пробуждаются к новой жизни, кажутся юными. Он волнует и тревожит. В России при большевиках с величайшими усилиями продолжается начатое еще до революции его «Полное собрание сочинений» под ред. М.К.Лемке. Его идеи, «которые волновали и разделяли русское общественное самосознание и общественное движение: за ними стояли и народническая социал-революционная вера в осуществление социализма через русского мужичка, и большевистская вера во всеобщее разрушение как начало нового, лучшего мира, — не предуказание ли это того великого грядущего синтеза, который завершит когда-нибудь нашу междуусобную распрю?» — заключал А.Ященко (1920. 3 июля). Перу Ященко принадлежали и другие работы, публиковавшиеся в газете.

В четырех номерах газета печатала воспоминания М.Иорданской «Эмиграция и смерть Леонида Андреева» (1920. 23 мая, 6, 13 и 20 июня). Это было свидетельство очевидца последних месяцев и дней жизни писателя в Финляндии, в селении Нейвола, куда Андреев выехал, будучи больным, рассказ о его похоронах. Иорданская описывала трудную жизнь писателей в Петрограде в 1919: *Куприн* и Сологуб бедствовали, другие «были устроены». Те, кому приходилось плохо, шли к Горькому просить работы и защиты. Он помогал. В воспоминаниях приводились и критические суждения (Л.Андреева, В.Вересаева) об «искренности» Горького: идти к нему — «это тяжелая жертва, но они должны ее принести... Они не имеют права умирать от голода, не имеют права гасить тот свет, который они обязаны сохранить для народа» (1920. 6 июня). Воспоминания Иорданской содержат также сведения о кружке молодых писателей в Москве, в котором участвовали тогда *Бунин*, *Скиталец*, Серафимович, Телешов и др.

Номер газеты за 21 ноября 1920 редакция посвятила Л.Н.Толстому в связи с 10-летием со дня его смерти. В числе публикаций — «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» М.Горького, статьи «Памяти Л.Н.Толстого» В.Сольского, «Наше опрощение» А.Ященко, «Лев Толстой как мыслитель» М.Смоленского (с продолжением в последующих номерах).

В области литературы интересы газеты не ограничивались российской тематикой. На ее страницах была напечатана «Пере-

писка Л.Н.Толстого с Бернардом Шоу» (1908) с подзаголовком: «Памятники возвышенной мысли великих писателей» (1920. 23 и 24 янв.). Появился «маленький фельетон» «Ромен Роллан» французского писателя Ш.Вильдрака. Внимание в нем привлекалось к пьесе Р.Роллана «Лилюли» (1919), выражавшей идеи справедливого переустройства жизни общества (1920. 25 янв.).

В начале 1921 издание газеты приобрел журналист и писатель *В.П.Крымов*, обосновавшийся в Берлине. Он подписывал газету с 13 марта по 4 августа 1921. Газета продолжала освещать важнейшие события в России, в Европе и за ее пределами. «Мы живем в период, когда человеческий мозг и человеческая совесть проснулись и их нельзя заставить молчать», — писал Крымов (1921. 23 марта). Эти убеждения В.П.Крымов положил в основу программы издания газеты. «Никогда в истории мира, — писал он в статье «Будем уважать друг друга» (1921. 15 марта), — не было в чужих странах столько эмигрантов, покинувших свою родину, как сейчас русских. Никогда в истории не писалось в чужих странах на чужом языке столько, как теперь пишется по-русски в Германии, Франции, Америке, Англии, в славянских землях». Писатель утверждал идею уважения друг к другу «одинаково честных и любящих свою родину и свой народ». Ту же мысль проводил Крымов в статье «Чтобы легче было жить...» (1921. 13 апр.). «Делить нам нечего — мы нищие в сравнении с другими, у кого осталась родина и дом. Казалось бы, так легко протянуть друг другу руки... Понять, что мы русские, как бы ни были различны наши взгляды, как бы мы ни кипели кажущейся злобой друг на друга — все-таки мы близки один другому, мы члены одной и той же русской семьи». Эти умиротворяющие слова адресовались читателям в атмосфере противостояния и противоборства как между советской Россией и эмиграцией, так и в рядах самой эмиграции. Информационную направленность газеты того периода характеризуют подборки материалов о внутренней жизни страны под рубриками «Современная советская Россия», «Новый курс», «Советская Россия в цифрах» и др. Регулярными стали обзоры «Литература в советской России», знакомившие читателей с новой поэзией, прозой, книжными новинками.

В эмигрантской литературной среде газета «ГР» под редакцией В.П.Крымова приобрела репутацию «сменовеховской». Это отмечал *Г.Струве* в книге «Русская литература в изгнании» (с. 127), ошибочно назвав газету «Русский голос». Расширялся географический диапазон интересов газеты. В ней сообщалось о привлечении авторов из «соседствующих республик — Литвы, Латвии, Эстонии, Кавказа и Польши», а также из информационных агентств западноевропейских стран. Из событий внешнего мира новой темой было освещение длительной и упорной забастовки английских углекопов. О ней опубликовал Крымов свой репортаж «Люди иного порядка» (1921. 24 апр.).

В области литературы появились обзоры «Новости литературы», информация о новых книгах, выходящих в метрополии и в русском зарубежье. Наряду с авторами из русской эмиграции со статьями, очерками выступали писатели и литературные критики из Москвы, Петрограда. Выявлялось, таким образом, генетическое родство советской и эмигрантской литературы.

На страницах «ГР» встречаются стихотворения *К.Бальмонта*, и А.Ахматовой, *И.Северянина* и *В.Ходасевича*, рассказы И.Соколова-Микитова («Советские были»). Помещен отзыв о книгах *Н.А.Тэффи* «Стамбул и солнце», «Сокровище земли», изданных в Берлине (1921. 4 сент.). Обзор «Литература в советской России» (за подписью И.Б-нъ) в номере от 31 мая 1921 знакомил читателей русского зарубежья с творчеством символистов и футуристов: Брюсов — «ярый приверженец Ленина», большинство футуристов «примкнули к коммунистам». Как «Нестор русского литературного Олимпа» предстал в обзоре В.Г.Короленко. Сообщалось об очерке М.Горького о Л.Н.Толстом, о новых книгах А.Ахматовой, молодого *Е.Замятина*. Был представлен как «самый замечательный альманах» «Записки мечтателей», изданный с участием А.Блока, *А.Белого*, *Вяч.Иванова*. Из новинок литературоведения назывался труд П.Н.Сакулина по истории русской литературы XVIII в. («История новой русской литературы. Эпоха классицизма». М., 1918). Поэзии Серебряного века посвящались размышления Н.Блока «Акмеисты в русской поэзии» (1921. 15 янв.). Акмеизм характе-

ризовался — «как стремление к внешнему упрощению формы... пресыщение изысканностью», как «новый вид художественного достижения». Русская поэзия начала века, писал Н.Блок, «достигает крайних пределов символизма и утонченности» у К.Бальмонта, Сологуба, Вяч.Иванова, А.Блока. Стихам Н.Гумилева присущ «изысканный примитив слова». Анна Ахматова «спокойно и просто вскрывает самые сокровенные глубины женской души».

В газете выразительно представлен сам В.П.Крымов как журналист, путешественник, прозаик. В первые дни редакторства в «ГР» он напечатал анонс об издании иллюстрированного журнала «Русский обзор» под своей редакцией. Крымов использовал страницы газеты для популяризации собственного творчества. Рекламировалась первая книги его путевых очерков и зарисовок «Богомолы в коробочке» (Берлин, 1921). До выхода книги в газете печатались главы из нее: «По Желтому морю» (1921. 30 янв.), «Японская мозаика» (1921. 10 февр. с продолжением 23 марта, 21 и 29 апр.), «В Тихоокеанском экспрессе (от Сан-Франциско до Нью-Йорка)» (1921. 27 февр.). В числе его путевых заметок — «В Гималаях», «В стране пигмеев» и др. Свой выезд из России Крымов описал в очерке «Разметанные бурей» (1921. 21 янв.). В газете первоначально печатался его очерк о Лондоне «Город-Сфинкс», который в 1922 вышел отдельной книжкой. В нескольких номерах публиковался также рассказ «Причуды миллиардера». В свои путевые заметки и очерки о «западной цивилизации» Крымов вносил немало критики, опубликовал статью М.Смоленского «Сумерки европейской культуры» (1921. 1 марта). В заметках «Из путевых впечатлений» о путешествии по США писатель отмечал, что его поразили «утонченность и разжиревшее хамство». В Америке, писал он, «я прихожу в ярость, глядя на «язвы современной культуры»» (1921. 25 янв.).

Крымов опубликовал в газете записи «Из встреч». Одна из них — о знакомстве с Э.Синклером во время путешествия по Америке. Беседы с ним позволили рассказать в газете о творческой деятельности известного «писателя левой ориентации», его мужественной борьбе против произвола, разоблачении нравов желтой прессы. Э.Синклер подарил русскому писателю-путешественнику только что вышедшую тогда автобиографическую книгу «Желтый жетон». В письме, приложенном к книге, Синклер выражал пожелание, чтобы его книга была переведена на русский язык (Крымов В. Сенсационная книга // 1921. 13, 20, 23 марта).

Не меньший интерес представляют записи о встрече Крымова с Г.Д.Уэллсом в Лондоне, размышлениях английского писателя «о будущем большевизма». «Мало кто так осведомлен в русских делах, как Уэллс, — писал В.Крымов. — Он знает все, что было в газетах, и то, чего не было в газетах и книгах. Он разбирается в мельчайших оттенках русских партий и политических программ». «Уэллс сильно изменил свое мнение о большевизме после поездки в Россию. Его очарование большевизмом прошло». Писатели обменялись также мнениями о А.Конан-Дойле. Уэллс сообщил, что Конан-Дойл после создания детективных книг занялся спиритуалистическими таинствами. «В своих рассказах о Шерлоке Холмсе он бессмертен, — заметил Уэллс, — в спиритуалистических таинствах он кончен как писатель» (1921. 12 июня). «Трагические парадоксы» — статья В.Крымова о Г.Честертоне (1921. 31 июля).

Традиции Крымова в освещении литературной жизни и литературных связей писателей России и русского зарубежья были в определенной мере продолжены последующими редакциями «ГР».

В.Крымова сменили на посту редактора газеты С.Л.Литовцев и Л.М.Неманов (5 августа 1921). Сообщалось, что к руководству редакцией пришли «корифеи» из выходившей в Петербурге кадетской газеты «Речь». В редакционной статье 5 августа 1921 говорилось, что газета ставит своей задачей сделать «ГР» верным эхом «Речи» за границей, проповедовать тесное объединение всех демократических сил.

С этой программой солидаризировался П.Н.Милюков, редактор газеты «*Последние новости*», принявший «ближайшее участие» в руководстве газетой «ГР». Идейная направленность газеты изменилась. В корреспонденциях и информации из России преобладал тон негативный, обличительный. Главной темой из номера в номер были сообщения о голоде в России, информация о международной помощи бедствующим. Милюков, Литовцев и Неманов развернули полемику с газетами «*Руль*» (Бер-

лин), «*Общее дело*» (Париж) по публиковавшимся материалам. Печатались иронические «Очерки советского быта». Милюков опубликовал воспоминания о роспуске Первой Государственной думы, озаглавив их «Эпилог» (1922. 22 и 24 сент.).

В материалах по литературе и культуре газета продолжила сложившуюся традицию, ввела постоянную страницу «Литературная неделя» (с 28 августа 1921). 12 ноября 1921 полоса газеты была посвящена памяти Ф.М.Достоевского. Она содержала статьи «Достоевский — мыслитель. (К столетию со дня рождения)» М.Шварца, рассказ *А.Ремизова* «Огненная Россия. Памяти Достоевского». «Достоевский — это Россия. И нет России без Достоевского, — писал Ремизов. — Россия нищая, холодная, голодная. Горит огненным словом».

В выпуске «Литературной недели» за 1 января 1922 появилась обстоятельная статья В.И.Талина «Последний из могикан» — о смерти В.Г.Короленко, его отношении к советской власти. «Горячий протестант уходит из истории русской литературы, — говорилось в ней. — С его уходом из жизни уходит из истории русского духа целая многозначительная эпоха. Короленко был последним из могикан героической полосы русской литературы, был живой многосторонней личностью, вмещавшей все волнения и тревоги духа. Будучи открытым для всего, он все пропускал через одну дверь, дверь правды, человеческой гармонии, социальной справедливости».

В феврале 1922 произошли новые изменения в издании газеты. Появилось извещение «от новой редакции «ГР»»: «Группа политических и общественных деятелей приобрела с 22 февраля в собственность газету и издательство «Голос России». Газета с сегодняшнего дня выходит под новой редакцией при ближайшем участии *В.М.Зензинова*, В.И.Лебедева, *С.П.Постникова*, И.А.Рубановича, Н.С.Русанова, *М.Л.Слонима*, Е.А.Сталинского, В.В.Сухотина, В.М.Чернова».

В обращении «К нашим читателям» (1922. 21 февр.) редакция сообщила, что газету приобрела группа деятелей, издававших в Праге газету «*Воля России*». Редактором стал Н.М.Мартьянов. «Мы не дебютанты, — заявляла новая редакция. — Именами Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова и Михайловского определяется наша идейная генеалогия». «Мы чувствуем себя частью мирового движения и не можем не идти в ногу с развитием интернациональной мысли, сохраняя всю ту духовную самостоятельность, которая требуется оригинальностью уклада и условий развития нашей родины». «Маяки светлых идеалов социализма... не померкли для нас оттого, что в России их потребовали подменить дымящимися головешками аракчеевского коммунизма». Провозглашались идеи творческой личности, «трудовая демократия в условиях личной и общественной свободы как основные рычаги работы во имя социализма, как высшей человечности — во имя социализма созидательного» (1922. 22 февр.).

Газета перешла в руки правых эсеров и стала выражать их взгляды и позиции. Важнейшей политической кампанией газеты стало освещение судебного процесса в Москве над лидерами партии эсеров в июле и августе 1922. Печатались выступления подсудимых, вынесенный им приговор, а затем «Политическое завещание пожизненных смертников» (Письмо из тюрьмы осужденных членов ЦК партии социал-революционеров) (1922. 8 сент.). Газета сообщала о волне протестов мировой общественности против их осуждения. Было опубликовано письмо М.Горького А.Франсу. В нем Горький призывал французского писателя обратиться к советским властям с призывом «не допустить преступления». Он писал: «Суд над социалистами-революционерами принял циничный характер приготовления к убийству людей, искренне служащих делу освобождения русского народа». Там же печаталось письмо М.Горького А.И.Рыкову, в котором Горький писал: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством — это будет убийство с заранее обдуманным намерением, гнусное убийство». «За все время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране» (1922. 13 июля).

Продолжалось издание тематических полос «Литературная неделя». Помещаемые в ней материалы раскрывали связи отечественной и эмигрантской литературы. Печатались стихотворения В.Брюсова, К.Бальмонта, *Н.Минского*, В.Ходасевича,

А.Ахматовой, *М.Цетлина*, *Н.Берберовой*, проза и стихи А.Белого.

Газета знакомила с группой «Серапионовы братья» (1922. 21 мая и 11 июня), назывались Е.Замятин, «верховод и голова», К.Федин, Вс.Иванов, В.Каверин, М.Зощенко и др. Замятин в своей статье (11 июня), говоря об участниках группы, отмечал: «Они по-разному талантливы, молоды, много работают. Иные из них дадут, вероятно, материал для истории русской литературы, иные для истории русской революции».

С рассказами и статьями по-прежнему выступал А.Ремизов. «Памяти Блока» посвятила стихотворение А.Ахматова (1922. 26 февр.). Сообщалось о книге *З.Гиппиус* «Стихи. Дневник. 1911—1921 г.» (Берлин, 1922). Печатался отзыв о кн. *И.Одоевцевой* «Двор чудес. Стихи. 1920—22» (Пг., 1922) (1922. 28 мая). Из немецкой «Вельтбюне» была перепечатана статья М.Горького «О театре Габима» (1922. 3 сент.). Под заголовком «Горький и большевики» помещено сообщение об интервью Горького копенгагенской газете «Политикен», данное им после отъезда за границу (1922. 25 мая). В публикации критически оценивалась деятельность Горького в газете «Новая жизнь», излагались ответы писателя о его отношениях с властью: он «позволил себе не делать разницы между белыми и красными, рисуя их одинаково безжалостными». «Он всех берет за одну скобку и обвиняет в тупом бессердечии». Автором статей о М.Горьком выступил В.Чернов. Характерна его статья «Мысли о Горьком» (1922. 29 сент.): Горький «числится главой пролетарских писателей. Но он, конечно, по своей натуре вовсе не пролетарский писатель... идеализатор босячества». «Из всех дыр тех лохмотьев, в которые облекает грешное тело, выглядывало романтическое и на русский лад исковерканное ницшеанство».

6 августа 1922 страница газеты была посвящена «Памяти А.А.Блока (к годовщине смерти — 7 августа)». Опубликованы главы из книги М.А.Бекетовой «А.Блок. Биографический очерк» (Пг., 1922), заметка о «Книге об Александре Блоке» К.Чуковского (Берлин, 1922) и др.

Две публикации в «ГР» вызвало напечатание в газете *«Накануне»* письма К.Чуковского *А.Н.Толстому*, в котором Чуковский писал: «В 1919 году я основал «Дом искусств» (в Петрограде), устроил студию (вместе с Николаем Гумилевым), публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А.Бенуа, Добужинского... И вижу, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют...» *М.Цветаева* опубликовала «Открытое письмо А.Н.Толстому» по этому поводу (1922. 7 июня), она осудила публикацию частного письма, оценив ее как «дурную услугу» Чуковскому, которая вызвала кривотолки. «Есть над личными дружбами, — писала она, — частными письмами... круговая порука человечности». Эту человечность Цветаева видела у коммуниста, знавшего ее только по стихам, который зашел в вагон перед самым ее отъездом из России и предупредил: «В вагоне едет чекист, не говорите лишнего». «Жму руку ему и не жму вам», — заканчивалось письмо М.Цветаевой. Подобное же осуждение действий А.Н.Толстого выразил К.Чуковский в письме, напечатанном в «ГР» (1922. 16 июля).

В рецензиях о гастролях студии Московского Художественного театра со спектаклями «Потоп» Хеннинга Бергера, «Сверчок на печи» Диккенса и др. М.Слоним осветил в газете страницы русской театральной жизни в Берлине (1922. 9 авг., 5 окт.).

Финальной в судьбе газеты «ГР» была страница в номере 1085 от 15 октября 1922, где опубликована «прощальная» редакционная статья «Итоги». В ней говорилось: «8 месяцев назад купили мы издательство и редакцию газеты «Голос России». Необходимо было с той или иной точки зрения разоблачать ложь большевизма, его казарменную насильственную природу... его военный коммунизм и доказать, что это не банкротство социализма, наоборот — это расчищает ему дорогу». Участием в разоблачении московского процесса (над лидерами партии эсеров), отмечалось далее, газета боролась с вырождением революции. «Мы старались быть рупором борющейся и страдающей России... были заграничным литературным отделом партии. Эта партия пытается воплощать в себе будущее родины». Прекращая выпуск ежедневной газеты, редакция сообщала: «Мы не останемся без печатного органа», — признавая главным, центральным органом партии социал-революционеров «Революционную Рос-

сию» (журнал, издававшийся в эмиграции в 1920—1931. Печатался в Юрьеве, Праге, Берлине).

Е.Ф.Трущенко

«ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ» (Париж, 1920. № 1—2. Январь—февраль) — под этим названием в эмиграции выходили еще два издания: еженедельная газета (Берлин, 1 сентября 1921 — 25 февраля 1922), редактором-издателем которой выступал Е.А.Ефимовский; двухнедельный иллюстрированный общественно-политический и литературный журнал, «орган законопослушной монархической мысли» (Харбин, 1932—1935). Еженедельная газета также имела монархическую направленность. В ней выступали генерал *П.Н.Краснов*, историк С.С.Ольденбург и др.

Парижский журнал «ГР» был преимущественно общественно-литературным. В первом номере (январь 1920) определялись его цели и задачи. Публиковались размышления кн. Г.Е.Львова о современном мире. Он возлагал надежды на то, что «ясновидящий гений человечества придет в свое время, вскроет всю сущность пережитых мировых явлений и осветит человечеству предстоящий ему путь» (с. 7). Журнал «ГР», писал он, «положит начало этой работы, призовет и соберет силы на мирном пути самосознания», на его страницах будут печататься исторические очерки, воспоминания, статьи и научные исследования.

Более определенно выступил Н.И.Чайковский в статье «Наш путь к оздоровлению»: «Что же мы хотим сказать этим изданием? Какова та главная руководящая идея, на которой мы бы могли объединиться?» Он говорил о послевоенном «кризисе», германском гегемонизме, сохраняющем силу ницшеанстве, о «гегемонизме диктатуры пролетариата», «принудительном социализме». Высказывал взгляды на «новый общественный порядок» как последующую фазу исторического развития. «Выявление основ... грядущего нового порядка во всех областях жизни ставит своей главной задачей редакция «ГР»», — подчеркивал Чайковский (№ 1. С. 139). Прекращение гражданской войны, восстановление народного хозяйства — такова «главная идея, вдохновляющая нас», — заключил автор статьи «Наш путь к оздоровлению».

Идейную направленность журнала по-своему определял писатель *М.А.Ландау-Алданов* в своих разнотемных заметках и размышлениях, названных «Дым и огонь». Он прибегал к историческим параллелям и прямым оценкам явлений современности, размышлял о политических процессах и в большей мере о литературе, позициях писателей. Алданов напомнил древнюю притчу: «Когда афиняне перестали говорить о великолепной собаке Алкивиада, он отрубил ей хвост» (№ 1. С. 7). «Это было не совсем так», — признавался автор. Он просто использовал формулу «отсечь хвост», что в его понимании означало — отсекать то, что для него казалось неприемлемым в российской действительности и литературе. Алданов вспоминал «русскую самобытность, которой восторгался Тютчев в своем известном четверостишии» и «отсекал»: «Уж чего самобытнее путь, по которому большевики повели Россию» (№ 1. С. 170, 175). Толковал о славянофильстве братьев Аксаковых и так же «отрубил» ему неугодное: «Славянофилы были такими же демократами, как и большевики» (№ 1. С. 172). Алданов писал о литературной жизни в России на рубеже 20-х: «О Короленко ничего не знаем». О других писателях говорил: «Одни заживо мертвы. Зато другие живы в могиле». «Доходят слухи: умер *Леонид Андреев*. Умер — тоже политической смертью — *Максим Горький*. Александр Блок своей поэмой «Двенадцать» оскорбил действием самого себя» (№ 1. С. 177). Не вызвал похвалы Алданова и Анри Барбюс с его романом «Огонь» лишь потому, что, осуждая террор, он не писал «о красном терроре в Москве» (№ 1. С. 158), не выражал протеста против происходящего в России. К «большевиствующим» относил автор записок «Дым и огонь» автора «Жана Кристофа» Ромена Роллана, который «бросался в объятия без разбора», говоря, что «новые веяния» «во всех областях мысли идут из России». «Это конечно очень приятно, — «отрубал» М.Алданов, — но было бы все-таки полезно знать, кто именно представляет в настоящее время русскую мысль» (№ 1. С. 164). Отвечая на вопрос «Каким традициям следовать?», он говорил: «По компасам Пушкина и Герцена «Грядущая Россия» хочет направить свой путь... Пуш-

кин, рядом с Толстым — высшее достижение в области искусства» (№ 1. С. 177).

Преобладающим жанром в журнале стала публицистика, размышления о современности и о будущем. Барон Б.Э.Нольде в статье «Программа борьбы» писал: «Кажется, никогда будущее России не было столь загадочным и столь нелепым». Россия разделена на несколько отдельно друг от друга живущих миров, отмечал он. Она оказалась «во власти политических упрямцев и политических фантазеров». Нольде склонялся к мысли о необходимости принять революцию как неизбежное, «как громадный политический и социальный переворот» (№ 1. С. 76). «Наша программа, — предлагал он, — через революцию к социальному миру и к культурной государственности» (с. 77).

Об установлении мира в Европе писал *И.И.Бунаков* («Союзнический мир» // 1920. № 2). Он прогнозировал: «Россия, если она преодолеет советскую «смуту», пойдет по пути Западной Европы, и ее политический строй, в конце концов, примет формы, свойственные европейской цивилизации» (с. 148).

С программой журнала непосредственно связан историко-политический очерк *М.В.Вишняка* «Идея Учредительного собрания». Тема в нем трактовалась в историческом аспекте с направленностью на современность. В том же контексте просматривается статья Г.М.Лунца «К вопросу об экономических предпосылках единства России». В духовную сферу вводила работа А.В.Анри «Современное научное мировоззрение». «Мы переживаем теперь, — писал автор, — один из величайших кризисов: все наше мышление, вся этика, вся жизнь, все наше духовное и нравственное существование находится в состоянии какого-то умственного брожения» (№ 1. С. 204). Обозревая развитие человеческой мысли, Анри приходил к заключению, что виновником современного кризиса «является знаменитый немецкий физик Эйнштейн». В противоположность этой мысли в работе Анри утверждалась идея о «большой руководящей роли» русской науки в важнейших областях — физике, химии, астрономии, естествознании, ее выдающихся представителей — Лебедева, Менделеева, Ляпунова, Сеченова, на труды которых «опираются ученые всего мира» (№ 1. С. 310).

В начале первого номера журнала воспроизведены два отрывка из «Египетских ночей» А.С.Пушкина по рукописи, хранившейся в парижском Пушкинском музее, с комментарием хранителя музея А.Ф.Онегина.

Художественная проза в журнале представлена первыми десятью главами романа *А.Н.Толстого* «Хождение по мукам» (№ 1—2). Напечатано начало повести А.Дикгоф-Деренталя «Папаша» на эмигрантскую тему: ее главное действующее лицо — русский интеллигент, активный участник революционного движения в России, оказавшийся затем в изгнании. Пристанище он стремился найти в Аргентине. Г.Е.Львов напечатал повесть «Мужики», изобразил в ней «суету и бестолковщину» мужиков в деревне, как аллегорию происходящего в жизни и обществе. Под названием «Развалины» печатались воспоминания и размышления *Дионео* о последствиях мировой войны. Два текста «Из сказания о праведных и грешных» опубликовал Г.А.Алексинский.

Видными именами представлена в журнале русская поэзия. Были напечатаны стихи *Н.Тэффи* («Корабль», «Проклятие»). В поэтической рубрике журнала представлены стихотворения *Н.Минского* и его жены Л.Вилькиной. В журнале выступил *В.Набоков* со стихами, написанными в 1919: «Панихида» («Сколько могил, сколько могил, ты — жестока, Россия!..»), «Вьюга» («Ночь лихая... Тоска избяная... Что ж не спится. Иль ветра боюсь? Это — Русь, а не вьюга степная. Это корчится черная Русь»). Печатались также стихотворения *Амари, В.Ропшина* и др.

Приверженность журнала определенным традициям проявилась в публикации статьи Ф.И.Родичева «К 50-летию смерти Герцена» (№ 1) и заметок *П.Д.Боборыкина* «От Герцена до Толстого: (Памятка за полвека)» (там же). Ф.Родичев писал о Герцене: «Он умер изгнанником и до сих пор не возвращен родине». Изгнанничество было, однако, лишь одним из мотивов, по которым писатель привлекал внимание журнала. Автор статьи подчеркивал, повторяя мысль Л.Н.Толстого: какой великий писатель, и как жаль, что Герцена не знали наши молодые поколения, — иначе пошла бы история (№ 1. С. 213). «Не устарел ли Герцен? Имеет ли написанное им интерес, кроме ис-

торического?» — ставился вопрос. «Главная масса им написанного жива, будто написана вчера», — утверждал Ф.Родичев. В истории русского сознания Герцен поставил вехи и звал свою страну к освобождению и обновлению, он верил в будущее русского народа. Ф.Родичев прослеживал движение мысли писателя, ее колебания, отмечал крушение его веры в Запад. «Бесконечно велико значение почина Герцена», — подчеркивал Родичев.

П.Боборыкин в своих воспоминаниях сближал имена выдающихся участников освободительной борьбы и писателей, которых он близко знал и «которые кончили жизнь одни на каторге, другие на чужбине» (Чернышевский, Бакунин, Огарев, Лавров, Михайлов). «На двух крайних концах» воспоминаний поставлены Герцен и Л.Н.Толстой. Немного было таких стойких защитников своих убеждений, как Толстой, заключал Боборыкин. В этом он сближал Герцена и Толстого.

В литературе XX в. внимание журнала привлек Л.Андреев. Опубликован критический этюд М.О.Цетлина «О творчестве Леонида Андреева» (1920. № 2). Критик разносторонне охарактеризовал литературную деятельность писателя, особенности его творчества. Автор этюда проникал в психологию писателя, выявлял логические и психологические противоречия и противоречия художественные, которые, по словам критика, можно почувствовать и трудно доказать. Цетлин трактует понятие «художественная мудрость». Она не всегда совпадает у Андреева с преобладанием сознания в творчестве, проявляет себя спонтанно. «Безумие и ужас упорно жили в душе писателя», — утверждал автор этюда. Андреев, по его убеждению, «явился новатором, он нечто открыл, чего не было в литературе до него» (с. 249). Андреев отображал «дикий, пьяный, истерический хаос» («Тьма»). Он одним из первых порвал с реалистической традицией в русской литературе (пьеса «К звездам»). При всем этом, подчеркивал М.О.Цетлин, Андреев был интересным и талантливым художником. «Художественная одаренность писателя очень велика... Своими рассказами и пьесами он потрясал Россию. Он видел надвигающийся хаос, бездну, тьму и кричал о них» (с. 245).

Во втором номере журнала опубликованы: «Официальный документ» — следственные материалы об убийстве Николая II; «Трагедия Украины» — свидетельства Н.М.Могилянского о положении в Киеве, немецкой оккупации после Брестского мира.

В разделе «Книги» помещены краткие рецензии и критические отзывы *Е.В.Аничкова* — об издании в Париже «Сказок Пушкина» в переводе на французский язык (издательство Я.Поволоцкого), романов Анри Барбюса, Анри де Ренье, свидетельство австрийского политического узника Петера Альтенберга «Вечер моей жизни» (на немецком языке) и др.

Е.Ф.Трущенко

Д

«ДАЛИБОРКА» (Прага, 1924—1933) — литературный кружок в Праге, основан летом 1924 четырьмя русскими писателями: *С.К.Маковским*, Д.Н.Крачковским, *В.А.Амфитеатровым-Кадашевым* и П.А.Кожевниковым, к которому впоследствии перешло руководство и председательство в кружке. Петр Алексеевич Кожевников (1871—1933) — прозаик и литературный критик, автор нескольких книг, сотрудник многих периодических изданий как в России, так и в эмиграции (с 1914). Свое название кружок получил от кафе в Праге, в котором первоначально собирался. Позднее эти собрания были перенесены в другое пражское кафе — «Опера», где и проходили регулярно, с перерывом на летние каникулы, по пятницам с 4 до 7 час. вечера. Целью своей кружок ставил создание в Праге русского литературного очага, где было бы возможным общение между писателями, чтение и обсуждение литературных произведений, беседы и доклады на литературные темы, устройство публичных литературных вечеров и выставок. В планы «Д» входило также сближение со славянской культурой: переводы на русский язык чешской литературы, сотрудничество с чешскими писателями. По инициативе Кожевникова в «Д» была привлечена русская литературная молодежь. «Отношение старших писателей к молодым в «Далиборке» всегда было чисто товарищеским» (Русские в Праге. 1918—1928 гг. / Ред. *Постников С.П.* Прага, 1928. С. 138). В «Д» не было членства — кружок был открыт для всех. Через «Д» прошла вся талантливая литературная молодежь русской Праги, нередко вступая потом в другие литературные объединения. В свои литературные занятия «Д» не вносила политики или партийности. Кружок рекомендовал своим молодым участникам, в среде которых были популярны идеи «возвращенчества», внимательно следить за тем, что публикуется в России, быть в курсе ее литературных новинок. Вместе с тем, по мнению Кожевникова: «Дело писателя-эмигранта не только тосковать по Родине, но принять свое эмигрантское состояние, свою эпоху, к ней приложить свое творчество и лишь со своим собственным новым творческим багажом вернуться на Родину» (Славянская книга. Прага, 1926. № 3. С. 168). Сам Кожевников, выступая против «эмигрантской тоски», в своих рассказах пытался обрисовать психологию эмигрантов. Но последняя его книга «Пражские рассказы» (Прага, 1932), по словам *В.Ходасевича*, «полна горечи и тяжелых язвительных предчувствий смерти» (1933. 2 февр.). На собраниях «Д» частыми гостями были представители литературного «эмигрантского Олимпа», по определению Н.Е.Андреева, опубликовавшего воспоминания о русской литературной Праге («О русской литературной Праге» // Русский альманах. Прага, 1981. С. 344). Это писатели старшего поколения: «невенчанный патриарх русского слова» *Вас.И.Немирович-Данченко*, популярный в Чехии *Е.Н.Чириков*, поэт *Д.М.Ратгауз*, поэт и литературно-художественный критик С.К.Маковский, прозаик, драматург и литературовед В.А.Амфитеатров-Кадашев, прозаик Г.Н.Гарин-Михайловский (сын), прозаик и драматург *Л.Н.Урванцов*, Е.М.Гауг (Е.Миронова) — прозаик, журналистка, очеркистка, участница многих литературных кружков в Петрограде. Из пражской молодежи постоянными участниками «Д» были: поэт А.Ф.Вурм, Н.Н.Годлевский, казачий офицер прозаик В.Г.Ергушов, поэт и переводчик К.К.Жадкевич, поэт и журналист В.И.Ильинский, писатель и художник-иллюстратор *П.П.Лыжин*, поэт, прозаик и литературный критик В.Ф.Мансветов (сын издателя и библиографа Ф.С.Мансветова), поэтесса и актриса *Т.Д.Ратгауз*, прозаики Г.И.Рубанов, С.Я.Савинов, И.Г.Савченко, поэт князь А.А.Со-

лнцев-Засекин, поэтесса Н.Н.Снесарева-Казакова, поэт, сатирик, литературовед *В.Г.Федоров*, евразиец, писатель и философ кн. К.А.Чхеидзе, поэт и литературный критик С.И.Шовгенов (лит. псевдоним С.Нальянч), поэт и прозаик *А.В.Эйснер*. Кроме того, выступали с чтениями и участвовали в обсуждениях: прозаик И.И.Алексеев, поэт и прозаик *А.А.Воеводин*, литератор, актер, художник А.А.Брей, о котором *А.Л.Бем* сказал: «На редкость талантливый, разносторонний, высококультурный, он пользовался любовью пражской молодежи» (*Руль*. 1931. 11 апр.), дружил с С.Эфроном и *М.Цветаевой*, неоднократно читал ее стихи на литературных вечерах. Частыми гостями и активными участниками «Д» были: литературный и художественный критик, прозаик и историк *Н.А.Еленев*, поэт и переводчик *В.М.Лебедев*, поэт, переводчик и литературовед Е.Л.Недзельский, прозаик и журналист И.И.Тидеман (Фришфон-Тидеман), поэт-сатирик, прозаик и литературный критик К.К.Цегоев и его дочь, поэтесса *Э.К.Чегринцева* (Цегоева) и др. О новых книгах вели беседы С.Б.Долгова (Михайлова), поэт и искусствовед С.Н.Кондаков (пасынок академика-историка Н.П.Кондакова). В «Д» прочли доклады и сделали сообщения пражские профессора и общественные деятели: этнограф и литературный критик Н.М.Могилянский, историк литературы, философ И.И.Лапшин, литературовед, лингвист, правовед *С.В.Завадский*, журналист и общественный деятель С.И.Варшавский (отец писателя *В.С.Варшавского*) и др. Кружок несколько раз устраивал публичные вечера молодых поэтов и прозаиков в «Чешско-Русском объединении» (Едноте), которое существовало в Праге с 1919 по 1928. Это была общественно-культурная организация взаимного сближения и изучения чешской и русской культуры с помощью лекций, литературных вечеров, концертов, выставок и других акций, «место духовных радостей и морального отдыха от тяжелых переживаний изгнания» (Русские в Праге. С. 117—118). В совместных вечерах «Д» и «Чешско-Русского объединения» принимали участие чешские прозаики и поэты: П.Кржичка, Фр.Кубка, В.Свобода, И.Гостовский. В 1933 «Д» прекратила свое существование в связи с кончиной ее бессменного руководителя П.А.Кожевникова, а также переездом из Праги во Францию, США и другие страны многих ее участников.

В.А.Соколова

«ДВИНСКИЙ ГОЛОС» (Двинск, 1925. 31 августа — 1940. 12 июля) — беспартийная, литературно-политическая и хозяйственно-экономическая газета. Выходила по понедельникам и четвергам. Издатель Людмила Якубович. Ответственный редактор Антон Луцикович. Помимо номинального редактора существовали «рабочие» редакторы Н.Савков и Ар.Формаков. Газета являла собой единственную провинциальную газету в русском рассеянии. Восточная Латвия, так называемая Латгалия, до революции являлась частью Витебской губернии и перенесла в Латвию почти в нетронутом виде образ жизни провинциальной России. При всей пестроте этнического спектра — латыши, белорусы, поляки, евреи — доминировал русский элемент. В то время как в Эстонии русские провинциальные газеты (в Нарве и Печорах) спорадически возникали и обрывались, «Двинский голос» выходил 15 лет и был продолжением местного дореволюционного издания. Газета как бы засняла на пленку непрерывную хронику бытования этого русскоязычного анклава.

Н.К.Савков (?—1934) еще до революции печатался в газете «Западная Двина». Поэт А.И.Формаков (1900—1983) был просвещенный старообрядец, учитель и председатель Союза учителей Латгалии. Он и вел газету, учитывая все перемены в жизни Латвии и приспосабливаясь к новым веяниям. Некоторый «парфюмерный» привкус стихов Формакова — он выпустил три сборника — объясняет его старание установить контакт с живущим в соседней Эстонии *И.Северяниным*. В 1926 Формаков навестил Северянина в Тойле — привез от него «Стихи Москве» (1927. 31 окт.). В 1929 И.Северянин нанес ответный визит, и пребывание его в Двинске было отражено в газете 11 и 29 марта 1929. Формаков перепечатывал в газете «Парнас дыбом» (1925), затевал мистификации в духе века: создал на манер Черубины де Габриак некую Наталию Русскую, якобы двинскую уроженку,

живущую ныне в Милане. Под псевдонимом Эрминий напечатал стихи «Анна Ахматова». Объявил конкурс на лучшее стихотворение: все было вызвано желанием вызвать интерес к самому себе, ведь победительницей вышла все та же Наталия Русская.

В газете перепечатывались: *Д.Ратгауз* «Из Песен изгнанника», *М.Осоргин* — отрывок из «Сивцева Вражка», Пантелеймон Романов — рассказы «Актриса» и «Нахлебники», *И.Лукаш* — «Динабургская дева». В 1934 особенно часто печатали Зощенко; освещалось пребывание в Даугавпилсе *И.А.Бунина* (1938. 24 апр., 6 и 10 мая). Печатались статьи Пл.Иванова «Похороны И.С. Тургенева. Из воспоминаний участника» (1933. 10 окт.) и М.Д.Свиранского «Памяти К.Н.Незлобина. (Из личных воспоминаний)» (1935. 10 мая).

В 1933 скончалась Л.Якубович. Перенявшие газету Арсений Формаков и Моисей Свиранский переименовали ее в *«Наш Двинский голос»*. Под этим названием она выходила до 1935, когда после переворота Ульманиса и устрожения требований считаться с латышской огласовкой топонимов, стала именоваться *«Наш Даугавпилский голос»*. В 1940 после присоединения Латвии к СССР газета стала называться «Наш голос».

В мае 1940 М.Свиранский, А.Формаков, И.Заволоко и А.Перов учредили паевое товарищество «Наш голос», наивно расчитывая, что теперь, когда латышская диктатура Ульманиса свергнута, русским будет предоставлена большая свобода действовать и проявлять себя. Чтобы возрождать дух русского самосознания, к газете прилагалось бесплатное приложение «Мой двор» в виде журнальной тетрадочки, заполняемой в основном фольклорно-этнографическим материалом и очерками, связанными с церковно-календарными датами. Основные авторы — И.Д.Фридрих и И.Н.Заволоко. Живущий в Риге правовед П.Н.Якоби, печатавшийся и под псевдонимом П.Вольский, напечатал очерк «Две женщины в жизни Чайковского» (1940. 21 июня). Упования учредителей общества «Наш голос», а также И.Д.Фридриха и П.Н.Якоби, оказались «беспочвенными»: все они были вскорости арестованы и отправлены в лагеря.

Ю.И.Абызов

«ДЕНЬ РУССКОГО РЕБЕНКА» (Сан-Франциско, 1934. Апрель — 1955? Апрель. Вып. 1—22) — ежегодный журнал. В 1926 в Сан-Франциско силами русской эмиграции было организовано Общество помощи детям русской эмиграции, которое, начиная с 1932, стало проводить в первое воскресенье после Пасхи благотворительные мероприятия, названные Днем русского ребенка. С 1934 к этому Дню был приурочен выпуск одноименного ежегодника, все средства от продажи которого шли на поддержку обездоленных русских детей, разбросанных по всему миру. Бессменным председателем редакционной комиссии журнала стал русский педагог Николай Викторович Борзов (1871—1955), который до революции преподавал в гимназии в Томске, был организатором коммерческих училищ в Сибири, а оказавшись в эмиграции, продолжил педагогическую деятельность, возглавив Вечернюю русскую гимназию в Сан-Франциско. Первые номера журнала выходили тиражом в 250 экземпляров объемом в 30—80 страниц, впоследствии тираж был доведен до 1000 экземпляров, а объем составлял около 300 страниц, на которых было представлено до 50 авторов. На обложке журнала был помещен рисунок Г.А.Ильина, изображавший трех русских детей разного возраста. Кроме главной цели — непосредственной материальной поддержки нуждающихся детей, журнал ставил перед собой задачу противостоять «губительной денационализации» русских детей, которая была осознана русской эмиграцией как «страшное зло», «чтобы они не оказались чужаками в будущей возродившейся России, когда она потребует их к себе на служение» (1936. Вып. 3. С. 7); приобщить детей к русской культуре и тем самым — к оставленной родине; оживить в русской эмиграции чувство внутреннего единения и братства (От редакции // 1937. Вып. 4). В редакционной статье (вып. 19, 1952) говорилось: «Наш журнал ставит своей задачей показать прелесть своего родного, национального, религиозного... Сколько гнусной клеветы вылито на наших правителей, особенно на наших Венценосных хозяев, и эту клевету журнал по своим силам должен разоблачать и уничтожать» (с. 30—31). Так было сформулировано уже фактически осуществляемое главное на-

правление журнала — православно-монархическое. К сотрудничеству в журнале приглашались лучшие силы русской эмиграции из всех областей культуры. На его страницах публиковались произведения и отрывки из книг *Н.О.Лосского*, А.В.Карташева, *В.В.Зеньковского*, *К.И.Зайцева*, *И.А.Бунина*, *А.М.Ремизова*, *М.А.Алданова*, *К.Д.Бальмонта*, *Н.Н.Берберовой*, *В.В.Диксона*, В.Ф.Зеелера, *М.Колосовой*, *П.Н.Краснова*, П.Н.Врангеля, *И.С.Лукаша*, В.А.Маевского, *М.А.Осоргина*, С.С.Ольденбурга, *Н.Я.Рощина*, В.Сирина (*В.В.Набокова*), *И.Д.Сургучева*, *Н.А.Тэффи*, Т.Тимашевой, *Н.Н.Туроверова*, *И.И.Тхоржевского* и других. Постоянными авторами журнала были *И.С.Шмелев* (опубликованы отрывки из «Лета Господня», «Богомолья», «К русским девушкам в эмиграции», «Как мы открывали Пушкина», «Веселый ветер», «Серебряный сундучок», «Глас в нощи» и др.), *И.А.Ильин* (отрывки из книг «Наши задачи», «Поющее сердце», «Аксиомы религиозного опыта», «О тьме и просветлении», «Молитва перед решением», «Праведный народ», «Национальная миссия Пушкина», «Мировая политика русских государей» и др.), *Б.К.Зайцев* («Душа», «Странник», «Дни» и др.), В.А.Никифоров-Волгин (рассказы из сборников «Дорожный посох», «Земля именинница» и др.), *Г.Д.Гребенщиков* («В урагане событий», «Баллада ветра», «Только подумать» и др.), *С.Горный* (стихи и рассказы для детей), *К.А.Коровин* («Светлое Христово Воскресение», «Русское лето» и др.), *Л.Я.Нелидова-Фивейская* (стихи), Н.Рощин (рассказы). На страницах журнала постоянно присутствовала русская классическая литература XIX в. (А.С.Пушкин, И.А.Гончаров, Н.В.Гоголь, А.К.Толстой, Ф.М.Достоевский и др.). Журнал охотно публиковал материалы местных авторов (Б.Дудорова, С.Чеховской, Н.Смоленцева), учеников русских учебных заведений, документальные материалы о текущих событиях в жизни русских эмигрантов в Австралии, Франции, Болгарии, Прикарпатской Руси и других местах; о насущной проблеме «отцов и детей», которая для эмиграции приобрела особенно трагическое звучание (1945. Вып. 12).

Особое место занимали в журнале статьи и художественные произведения, в которых предпринимались попытки художественного осмысления современной жизни в советской России, исследующие жизнь людей православного мировоззрения, оставшихся на родине: «Пасха у заключенных в концентрационных лагерях», «Воспоминания протоиерея М.Польского о Соловецком лагере», отрывок из повести Р.Березова «Светлая душа» и др. В журнале печатались стихи А.А.Блока, А.А.Ахматовой, С.А.Есенина, Н.А.Клюева, Э.Багрицкого, А.Суркова, Н.Рыленкова и др. В журнале регулярно публиковались материалы, касающиеся великих русских людей прошлого. Выпуск 16 журнала (1949 г.) был назван Пушкинским и содержал статьи И.А.Ильина «Пушкин в жизни», И.С.Шмелева ««Тайна» Пушкина», Г.Я.Трошина «А.С.Пушкин. Особые движения души», Г.К.Гинса «А.С.Пушкин», *Г.П.Струве* «Друг Пушкина — П.Б.Козловский» и др. Внимание уделялось выдающимся русским людям современности — деятелям русской культуры, науки и техники (И.А.Бунин, И.С.Шмелев, С.В.Рахманинов, А.Т.Гречанинов, В.Н.Ипатьев, С.П.Тимошенко, Е.В.Спекторский, В.К.Зворыкин, И.И.Сикорский, Б.В.Сергиевский и др.).

Характерную оценку журналу дал И.А.Ильин: «В отличие от других эмигрантских журналов, выходящих в Нью-Йорке и в Париже, у Вас есть живое духовное горение. И Вы, и Ваши сотрудники — Вы умеете любить Россию и знаете, что писать о ней, — и о ее прошлом, и о ее будущем, — надо именно из этой любви» (1952. Вып. 19. С. 12). Некоторые из отзывов содержали резкие критические замечания. Г.П.Струве писал о выпуске 16: «Большая часть стихов из рук вон плоха... Очень неудачно подан пушкинский материал: вразбивку, бессистемно... не вижу ясного разграничения между оригинальным и неоригинальным материалом...» (1950. Вып. 7. С. 11). По имеющимся сведениям, последний номер журнала вышел в 1955 (вып. 22), а День русского ребенка последний раз проводился в Сан-Франциско в 1974.

О.В.Лисица

«ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» (Харбин. 1930. 15 июня — 1939. 21 июня) — ежегодный однодневный выпуск, посвященный празднованию *Дня русской культуры* в Харбине. Был приурочен ко дню

рождения А.С.Пушкина. Тираж 1000—1500 экз. Ответственный редактор — В.И.Колокольников, председатель Харбинского комитета помощи русским беженцам. Редактор — В.В.Пономарев, заведующий культурно-просветительским отделом комитета. С 15 июня 1935 издателем стал С.И.Храмов. В первом выпуске в редакционной статье Колокольников писал: «Русское зарубежье празднует «День русской культуры» уже шестой год. Торжественное празднование этого дня вошло... в плоть и кровь эмиграции. В двадцати с лишним странах русского рассеяния собираются в этот день русские люди вспомнить о былом и поделиться новыми мыслями о будущем, новыми русскими культурными достижениями. Не будем забывать, что мысль об устройстве ежегодных всероссийских чествований памяти Пушкина возникла впервые среди членов петербургского «Дома литераторов» в 1920 году, а первое чествование имело место в Петербурге в страшный 1921 год. Среди организаторов и участников этого первого Дня русского Гения были Ахматова, Блок, Гумилев, Кони... Имя Пушкина объединяет в этот день всех русских, — по обе стороны черты... *Алданов* и *Лукаш*, Новгородцев и *Карсавин*, Сикорский и Махонин, *Бердяев* и *Булгаков*, Кутепов и *Ильин*, — разве это не Русская Культура?! Разве не горят пламенной любовью к Родине строки Лукаша или Бердяева? или речи Булгакова?»

Вс.Н.Иванов в статье «Усиление русской жизни» писал: ««Русская культура» — это русская работа на современном поприще, с полным учетом национальных традиций, устремлений, не только не изжитых, но с каждым днем проявляющихся, выступающих все ярче и ярче». Вспоминая о русской природе, о русской музыке, русском быте и православии, живописи, литературе, русских песнях и истории, он замечал: «Это русские незыблемые якоря. Это адаманты национальной веры. Это устойчивые факты нашей души... Культура — это просвещенная традицией и религией — традицией и здоровым смыслом безнасильная, умная цивилизация. И ее надобно делать в настоящем, эстетически созерцая прошлое и морально провидя будущее. И тогда русская культура усилит русскую жизнь» (1930. 15 июня). В другой своей статье «О сущности русской культуры» Иванов утверждает: «Мы верим в Россию, как в нечто целое и единственное — верим накрепко и навсегда. И в этой вере в торжество общего чувства народного, правильности соборной — и лежит существо русской культуры» (1931. 8 июня). Проблемам русской культуры, ее самоценности посвящена статья Н.К.Рериха «Оружие света». В ней, в частности, говорилось: «По всему миру благовестят Дни Культуры, Дни Культуры Русской. В этом торжестве духа звучит всенародное моление о Познании, о Качестве, о Высшем, о Лучшем. В мировой молитве выражена память о подвиге, о строительстве, о творчестве. Как прекрасно само существование праздничных дней Культуры. В них живет твердыня пламенная и непобедимая» (1934. 11 июня).

В выпуске от 11 июня 1934 было опубликовано «Слово на чествование *И.А.Бунина*» *И.Шмелева*, присланное автором для этого издания. В нем отмечалось: «Сегодня мы празднуем событие не зарубежного, а как бы российского мерила: в свете его проблескивает духовное величие России. Раз в году мы празднуем «День русской культуры», и это нас утверждает в сознании, что мы не какие-то случайные пришельцы в мир, а носители и хранители духовного русского богатства. Но сегодня мы празднуем особенно замечательное событие: не мы себя утверждаем, а наше духовное богатство признается миром. Этим событием обязаны мы нашему славному писателю Ивану Алексеевичу Бунину... Через нашу литературу, рожденную Россией, через Россией рожденного Бунина признается миром сама Россия, запечатленная в письменах» (1934. 11 июня). Проблемам духовного и культурного развития нации в изменившихся социально-политических условиях были посвящены статьи «Побеждающая сила Духа (церковь и день культуры)» (1930. 14 июня), *П.Б.Струве* «Культура и борьба» (1931. 8 июня) (под тем же заглавием вышла в газете *«Россия и славянство»*), Н.И.Никифорова «Исторические условия интеллектуального развития в России» (1931. 8 июня), «О культуре» (1932. 8 июня), *Н.О.Лосского* «О мировом значении русской культуры» (1939. 21 июня), Архиепископа Милетия «Источник русской культуры» (1939. 21 июня). Публиковались ста-

тьи, приуроченные к знаменательным датам: «Великий русский драматург (к юбилею Островского)» (1936. 7 июня), *К.Зайцев* «Памяти Лермонтова (К 125-летию со дня рождения)» (1931. 21 июня) и др.

Жизни и творчеству А.С.Пушкина на страницах ежегодника уделялось особое внимание. В статье К.И.Зайцева «Куда ведет нас Пушкин» отмечалось: «Пока мы духовно не придем к отеческим гробам, пока мы не сомкнем цепь времен и не сольемся с духовными истоками русской культуры — добьемся ли мы восстановления Великой России? Путь к Великой России идет через святую Русь, а не наоборот. Вот где разгадка Пушкинского урока... Следуя за Пушкиным, мы все рано или поздно придем к недвусмысленному и конечному выбору нашей духовной генеалогии» (1937. 7 июня). Публиковались также статьи Н.П.Покровского «А.С.Пушкин и его современники» (1930. 15 июня), Е.Ф.Шмурло «Что дало нам творчество Пушкина?» (1938. 8 июня), Г.К.Гинса «Пушкин и русская нация» (1936. 7 июня). Литературное творчество в однодневных выпусках представлено отдельными стихотворениями (Я.Аракин, *К.Бальмонт*, Н.Ватель).

О.А.Бузуев

«ДЛЯ ВАС» (Рига. 1933. 24 декабря — 1940. 27 июня. № 1—270) — еженедельный иллюстрированный журнал. За время существования журнала неизменным оставался только его большой формат. Все остальное существенно изменялось: увеличился объем (от 20 до 30—40 стр.), газетную бумагу сменила мелованная, улучшилось воспроизведение иллюстраций и фотографий. Но, прежде всего, поменялись редакторы-издатели: А.В.Коссовичу наследовал А.К.Перов (с № 9. 1936), которого впоследствии сменил Р.Г.Рубинштейн (с 1939). Трансформировалась и политическая направленность журнала. Всячески подчеркивались и пропагандировались независимость и самостоятельность молодого балтийского государства, широко отмечались годовщины 1 мая 1920 — «Дня возрождения и свободы» (1934. № 18).

Публикуемые материалы «из советской жизни» поначалу носили критический характер (серия статей английской писательницы Розиты Форбес «Женщина СССР» — с № 17 1934, репортажи французского журналиста Мотуса «В стране красного сфинкса» — начало в 1935. № 53). Постепенно критический тон заметок о жизни в СССР сменяется на нейтральный, а затем все более теплеет. Читатели журнала узнают о «самом популярном человеке в СССР А.Стаханове» (1936. № 7), знакомятся с рассказом В.П.Чкалова «Как я стал летчиком-испытателем» (1939. № 1). Советский профессор Н.Бурденко в трех номерах (1939. № 43—45) дает обзор состояния современной хирургии. В № 12 от 1939 публикуется лирическая поэма К.Симонова «Пять страниц», в анонимном предисловии к которой опровергается расхожее в то время мнение о гибели русской литературы на родине: «Простой и ясный язык Симонова приятно радует слух. Он говорит о том, что наши опасения напрасны, что русские творческие силы не иссякли и что грохот машин и коммунистические лозунги не могут заглушить простых человеческих чувств» (с. 20).

В 1940 обложку № 29 украшает портрет председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова, № 31 — Сталина и Ворошилова (в этом же номере публикуется Конституция СССР), а в № 33 под изображением герба СССР уже верноподданнически восклицается: «Да здравствует СССР! Да здравствует Советская Социалистическая Латвия — пятнадцатая республика Союза ССР!», предпоследняя же страница обложки номера представляет фоторепортаж «Грандиозная всенародная манифестация по случаю принятия в состав Союза ССР Латвийской ССР». Соответственно этой политической метаморфозе перерождаются как документальная, так и литературная части журнала.

Вместе с тем журнал перепечатывает отрывок из статьи *М.Осоргина* в *«Последних новостях»*: «Надо... признать, что нам не везло на милостивых монархов... В русской новейшей истории много страшного, но нужно подождать с суждениями о том, поскольку в этом страшном повинен русский народ, а не его правители, взращенные, во всяком случае, на европейских идеях. Наше подлинно-национальное — русская литература, в своих лучших образцах... пронизана насквозь высокой человечностью... Почему же об этом забывается, а на учет берется

только деятельность политической власти, никогда и нигде не характеризующая народного духа?» (1940. № 14. С. 8).

Бережному сохранению русской культуры в журнале уделялось большое внимание. В Риге ежегодно праздновался День русской культуры, и репортажи о нем неизменно печатались на страницах журнала. Как объясняет *П.Пильский* (1939. № 45), этот праздник зародился в 1921 «с поминок по Пушкину». Тогда на 1 торжестве выступали А.Блок («О назначении поэта»), Мих.Кузмин и др. Потом были Дни, посвященные Аксакову, Гоголю, Островскому и др. Символично определение Пильского в одном из репортажей с очередного Дня русской культуры: «Русская литература и русское искусство наполнены единым и великим возбудителем: молитвенностью» (1936. № 17. С. 2). Сравнивая творчество таких разных писателей, как *Мережковский*, *Шмелев*, *Куприн*, *Бунин*, *Алданов*, он находит в них общее — «единый дух, мотивы вдохновений» (там же).

Одна из постоянных рубрик журнала — «Парижские огни», повествующая о жизни русского Парижа и русской эмиграции. Вел ее парижский корреспондент «Для Вас» Мата Д'Ор (псевдоним *Н.Н.Брешко-Брешковского*, без чьего участия не обходился практически ни один номер журнала). Под псевдонимами Ник.Белый, Н.Суражский, Род Ни, Р.Днепров он печатал интервью с Ф.И.Шаляпиным и Е.Н.Рощиной-Инсаровой, рецензировал книги *Тэффи* (1934. № 41) и Алданова (1934. № 39). Статью «Толстой и Репин» (1940. № 18) он подписал Василий Верига. Под отчетом о выставке памяти С.П.Дягилева в № 17 за 1939 стояло Старый петербуржец, так же как в статье о В.Д.Поленове (1940. № 1). Чтобы успешнее «соперничать» с модными переводными романами, которыми были наполнены первые номера журнала, Брешко-Брешковский употреблял «иностранные» псевдонимы: Петр Инаграм («Русские в Италии» // 1937. № 40—43), Нина Валла-Холодная, Ариель, Лина Замбелли, Фраскуэлло («Наши за границей» // 1934. № 36). В «Парижских огнях» Мата Д'Ор рассказывал о своих встречах с Куприным (1936. № 8) и Тэффи (1939. № 24 и 30), об *Аверченко*, *Сергее Горном* и *«Сатириконе»* (1939. № 11), о Бианкуре — пригороде Парижа, населенном русскими, а потому «БианКУРСКЕ», и «молодом нашумевшем таланте Алли Рахмановой», чья книга заняла первое место на конкурсе «антибольшевистских романов», опередив *П.Н.Краснова*, которому достался утешительный приз (1936. № 11). В № 19 за 1939 Брешко-Брешковский рассказывает о получении Буниным Нобелевской премии и подчеркивает щедрость и величие души писателя, раздававшего деньги по первой просьбе; «нет самого скромного журналиста, не получившего от Бунина хотя бы ста франков» (с. 14).

В рубрике «Русские в...» О.Бакалдин рассказывал о русских в Конго (1934. № 12), М.Юрьев писал из Иерусалима о положении русских в Палестине, о монашенках из русского женского монастыря (1934. № 15), А.Куракин сообщал о русских в Швеции (1934. № 17). Напечатаны отрывок из книги англичанина Ю.Бредона «Первые русские в Китае» (1934. № 18), путевые впечатления *П.Муратова* от русских в Японии (1934. № 28), рассказ В.Д.Крымского «Русские в Соединенных Штатах» (1934. № 29—30). Внучка *В.И.Немировича-Данченко*, скрывшаяся за инициалами О.К., пишет из французской Гвинеи «Как живут русские в Африке» (1936. № 1). В № 24 за 1934 рассказывается о русских в Парагвае.

В литературной части журнала перепечатывались произведения из России: рассказы В.Лидина, Л.Леонова, повесть С.Сергеева-Ценского «Поэт и поэтесса», посвященная М.Ю.Лермонтову (с № 42, 1939), повесть К.Паустовского «Хатидже и Наташа», рассказ В.Инбер «Романтика» и ее перевод стихотворения Т.Шевченко «Русалка», «Танкер «Дербент»» Ю.Крымова (1940. № 33). Печатались произведения современной зарубежной литературы: рассказы Дж.Лондона, А.Кронина, К.Чапека, А.Моруа, Ст.Цвейга, А.Труайя, С.Моэма. Поэзии в журнале было отведено немного места: стихи *К.Бальмонта*, *И.Северянина*, К.Симонова. Наиболее часто встречающийся прозаический жанр в журнале — «советский рассказ». Такое определение стоит под юмористическими рассказами Арк.Бухова, А.Зорича, В.Ардова, Л.Ленча. Определяющими в выборе жанра для редакции становились следующие ключевые слова: «местком, товарищи, путевки, ударники, общест-

венники» (из рассказа В.Ардова «Пятый» // 1936. № 3). Рассказ Л.Лагина «Случай на улице Братьев Гракхов» (1934. № 36) вместо определения жанра имеет подзаголовок: «Чехов по-советски». В № 19 1936 публикуется «новый советский рассказ М.Зощенко «Рассказ об имениннице». Журнал предоставляет свои страницы и писателям-эмигрантам: в № 17 1936 публикуется отрывок из романа П.Н.Краснова «Домой» — «Лель мой, Лель», в котором сочным языком рассказывается о казачестве с нежностью к ушедшему миру. В № 10 1940 напечатан рассказ А.Аверченко «Блины Доди».

Е.М.Трубилова

«ДНИ» (Париж. 1928. № 1. 9 сентября — 1933. № 173. 4 июня) — еженедельный (с 1931 двухнедельный) журнал под редакцией А.Ф.Керенского. Его предшественником была ежедневная газета «Дни» (ред. А.Милашевский, с № 85 — М.М.Тер-Погасян), выходившая в Берлине с 29 октября 1922 по 28 июня 1925 (№ 1—801), затем в Париже с 16 сентября 1925 по 30 июня 1928 (№ 802—1465). Редактором литературного отдела был *М.А.Осоргин* (до перехода в 1925 в «*Последние новости*»). В газете печаталась проза *Б.Зайцева*, *А.Белого*, *И.Бунина*, *З.Гиппиус*, *Д.Мережковского*, *С.Минцлова*, *Вас.Немировича-Данченко*, *А.Ремизова*, *И.Шмелева*, *М.Алданова* и др., а также писателей из России Л.Леонова, Вяч.Шишкова, стихи *К.Бальмонта*, *В.Ходасевича*, *М.Цветаевой*, *В.Пиотровского*, *В.Андреева*. Литературную критику вел *А.Бахрах*, выступали философы *Л.Карсавин* и *Ф.Степун*. В 1924 пушкинисты выпустили к 125-летию со дня рождения Пушкина юбилейный номер (8 июня, № 481).

За 1924—25 (берлинский период) на страницах газеты были опубликованы: главы из романа М.Алданова «Чертов мост» (1924. 16 марта, 21 и 28 сент., 5 окт., 25 дек.) и из второй части его трилогии «Мыслитель» (1924. 20 июля), отрывки из романа «Золотой узор» Б.Зайцева (1924. 10 авг.; 1925. 8 марта), статья Зайцева ко дню смерти А.С.Пушкина «Пушкин в нашей душе» (1925. 8 февр.), глава из романа «Рождение богов» Д.Мережковского (1924. 21 сент.), отрывки из кн. «Взвихренная Русь» А.Ремизова (1925. 1 марта, 19 апр., 10 мая); главы из романа «Святой грек» (1924. 7 дек.; 1925. 1 февр.) и рассказы Вас.Немировича-Данченко; главы из романа «Сивцев Вражек» (1924. 27 апр.), рассказы и рецензии М.Осоргина; воспоминания кн. *В.Барятинского* «Догоревшие огни» (1924. 27 апр.), «Из воспоминаний» Ек.Кусковой (1924. 1 янв., 25 июля) и др. Политические статьи писали эсеры Н.Д.Авксентьев, Е.К.Брешковская, *М.В.Вишняк*, *И.И.Бунаков-Фондаминский*, *В.М.Зензинов*, А.Ф.Керенский, М.А.Осоргин, *В.В.Руднев* и др.

Свою задачу еженедельник видел в том, чтобы идти «навстречу той внутренней российской третьей силе, которая постепенно выходит из состояния политической апатии», нести прежде всего факты и документы — «материал живой и действительный о жизни Запада, о жизни самой России, который лежит под спудом жандармской цензуры в казенной печати» (1928. 9 сент. № 1). В этой трудной и ответственной роли «пособников внутреннему народному освободительному движению и пойдут «Дни» по новому своему пути, издалека подавая свой голос туда, в самую гущу страдной борьбы» (там же). И с первого до последнего номера еженедельник открывается рубрикой А.Ф.Керенского «Голос издалека». В разделе «Листок литературы и искусства», присутствовавшем в каждом номере первого года издания, сообщается, что редакция собирается рассказывать тем, кто будет читать журнал в России, о том, что русская зарубежная литература «живет и умирать не хочет» и даже делает расчет на будущее — «что потом прочтут и нас, когда зарубежная книга получит доступ в Россию»; но при всей огромности потери (потеряна родина — почва под ногами) у эмигрантских писателей есть и немалые преимущества, и самое крупное — «полная свобода печати» (1928. 23 сент. № 3). Редакция хочет надеяться, «что окошечко в китайской стене действительно приотворено, и то, что мы пишем здесь, — будет читаться там... Но сказанное для них может быть порою интересно и нужно и для здешних. Есть много вопросов литературы, искусства и культуры, равно интересных для обеих Россий, основной и зарубежной, а особенно для молодого поколения» (там же). Поэтому на страницах «Дней» редакция будет

«пытаться объединить интересы двух неравных частей России, разделенных временно историческими судьбами, — поскольку в силах делать это скромный еженедельник в такой большой области духовной жизни, как литература и искусство» (там же).

Первый номер еженедельника, вышедший в столетнюю годовщину рождения Л.Н.Толстого, открывается материалом «Толстой — большевикам». Основной пафос его в том, что «живой Толстой снова не мог бы промолчать, и с еще большей силой любви обличающей повторил бы, обращаясь к новым самовластникам, свои старые, бессмертные слова...». Далее приводятся выдержки из работы Толстого «Не могу молчать» (1908) и из его «Письма к Николаю II» (1902). Обращается внимание на неослабевающий интерес к наследию великого писателя: свыше 1400 названий книг, журналов, газетных статей, заключающих в себе произведения Толстого или посвященных ему, вышедшие за последние 10 лет, зарегистрированы музеем Л.Н.Толстого. Отмечается, что все они падают на десять «революционных лет», прошедших под знаком голода, гражданской войны и преимущественной заботы о материальных нуждах (1928. 23 сент. № 3). В заметке «О Толстом» приводятся отзывы официальной советской прессы о писателе и констатируется, что эти речи и отзывы о Толстом как художнике и как мыслителе «не лишены юмора, правда — печального» (1928. 14 окт. № 6). Еженедельник перепечатывает (1928. 7 окт. № 5) и непосланное письмо Толстого к редактору «Современника» Некрасову о повести «Детство», опубликованное в журнале «Печать и революция» (1928. № 6).

В заметке «Судьба поэта» М.И. (псевдоним) откликается на 7-летие со дня смерти Блока. Полемизируя с советским критиком П.Коганом, разъяснителем «уклонов» поэта, автор отмечает, что «если действительно убила Блока душевная раздвоенность, невозможность приятия жизни до конца, то подлинным ядом, отравившим его бытие, была, конечно, житейская пошлость. Она же, возведенная в степень идеологии, преследует его и за гробом» (1928. 30 сент. № 4). Статья «Маленький о большом» написана против маленьких судей «большого человека». В ней говорится о том, что искусство Блока приняло революцию, и, слушая ее музыку, он написал поэму «Двенадцать», которая останется «изумительнейшим произведением эпохи, отражением страстного голоса улицы» (1928. 2 дек. № 13). Но цепкое и прочное новое государство, не имеющее ничего общего с «музыкой революции», очаровавшей Блока, подмяло под свою стопу и Христа, и его двенадцать солдатских апостолов. И поэт, для которого на момент слились мечта с действительностью, ушел от нее к мечте. «Мистикой полны его последние записи дневника. В революции он слышал музыку, но не мог услышать ее в революции «перманентной», в хаосе словесном, в победном танце властвующей партии, в актах мести» (там же).

В статье «Гражданская война в беллетристическом изображении» (под псевдонимом «Современник») обращается внимание на то, что исторический роман является наиболее трудной литературной формой, где излишняя близость к «правде» угрожает снижением до уровня фотографии, репортажа, хроники, а излишнее отдаление от нее превращает исторический роман в фантастический. Критик видит задачу художника в том, чтобы «найти и установить равновесие» между реальной историей и вымышленным романом. «Вымысел» романа *А.Н.Толстого* «Восемнадцатый год» автор статьи усматривает в «политическом обрамлении» и сводке не всегда точных фактов и событий, которые «подобраны и изложены так, что звучат обвинительным приговором для одних и оправданием — другим» (1928. 23 сент. № 3). Рецензент упрекает Толстого в забвении того, что «с гражданской войной реальные интересы страны, достоинство живых людей, права народа в целом принесены были в жертву мифам, сказкам о мире всего мира, о мировой революции или, на худой конец, о социализме в одной и наиболее отсталой стране», и тем самым писатель стремится «оправдать рожденную большевиками гражданскую войну» (там же).

Задавая вопрос о том, существует ли и должна ли существовать особая «пролетарская» литература и что понимать под этим термином, редакция в заметке «Пролетарская литература» приходит к выводу, что

искренность и независимость взглядов, каковы бы они ни были. Если такой «пролетарский» писатель сумеет развить свои способности, станет подлинным художником и свободным творцом, — он войдет в литературу», иначе не спасут его никакие покровители и идеи. Ибо «истинный художник — вне класса, вне сословия, вне партийных влияний, он — свободный гражданин великой международной республики — литературы» (1928. 23 сент. № 3). Из «пролетарских писателей» же пытаются создать послушную группу «прислуживающих» и «подголосков» правительственной власти и господствующей партии (там же).

В заметке «Предисловие» за подписью М. обращается внимание на то, что в советской литературе предисловие «должно играть роль как бы спасителя от вредных заблуждений и толкований», навязывая читателю «надлежащее мнение о прочитанном». Если писания таких «присяжных воспитателей» действуют на «живую и пытливую мысль простого русского читателя», то «мы будем иметь ряд духовно искалеченных поколений», — делает печальный вывод автор заметки (1928. 30 сент. № 4).

В статье «Старушка Европа» утверждается, что новая культура не может образоваться путем взрыва, ее необходимейшая составная часть — время, разумно и расчетливо затраченное. Поэтому бессмысленно и понятие «революционная культура», — она может быть «лишь пореволюционной, созданием длинного ряда лет спокойного строительства на расчищенном от обломков прошлого месте» (там же). При этом будущее принадлежит тому, кто умеет с уважением относиться к опыту прошлого.

«Героем наших дней» в российской литературе оказался вор в разных ликах (растратчик, налетчик, взломщик, мошенник, бандит и т.п.), замечает безымянный автор статьи «Герой нашего времени». Появился ряд произведений, авторы которых отнюдь не задаются целью бичевания порока, а просто вдохновлены коллективной личностью вора. Это испугало советскую критику. Рецензент «Дней» напоминает, что в самые разнообразные эпохи и не в одной России вор становился героем литературных произведений. И почти всегда «его возводила на пьедестал общественная угнетенность, усталость от предписанной морали, отвращение к официальному катехизису. «Вор» — протестант, первичная форма общественной позиции» (1928. 7 окт. № 5). Дальше он может выродиться в популярного «разбойника Чуркина» — из одноименного романа «писателя из народа» И.С.Ивина, о котором Л.Н.Толстой говорил, что Ивина читают больше, чем его, — а при удаче превратиться в «Тушинского Вора».

В статье «При закрытых дверях» редакция напоминает, что сила русской литературы всегда росла в общении с культурой Запада, в духовном состязании с соперником знаемым, изученным. Сейчас же этого нет, и с каждым годом Россия все более делается как бы глухой провинцией, «культурным недорослем семьи народов». В статье указывается на трагическую утрату критерия оценки «достижений», происходящую оттого, что в силу внутренних политических условий жизнь в Советской России творится при закрытых дверях. Духовная оторванность приводит к печальным результатам — «невольно утрачивается масштаб достижений и невозможной делается их правильная оценка. Расцветает поразительный провинциализм, наивное самодовольство, смешная убежденность в том, что «наше село больше всякого города» (1928. 4 нояб. № 9).

Революция в искусстве возможна, но «революционное искусство» — понятие пустое и противоречивое», где моменту переворота придается значение длительности, отрицательному придается положительный смысл, разрушению — смысл строительства, утверждается в редакционной статье «Жизнь и искусство» (1928. 11 нояб. № 10). Такая попытка совместить несовместимое гибельно отразилась на российском искусстве. Был дан социальный заказ — делать искусство революционизирующим, и художнику пришлось воспеть недавнее прошлое, стать мемуаристом, хотя «для картины объективной, для эпоса, еще нет достаточного исторического отдаления, не родилась еще и поэзия прошлого»; отсюда — нагромождение однородных тем без нахождения новых слов. Как ни тесно связано искусство с жизнью, делает вывод редакция, все же периоды расцвета искусства «совпадают не с краткими яркими моментами со-

бытий и общественных переворотов, а, наоборот, с длительными эпохами успокоения и строительства» (там же).

Откликаясь на дискуссию в советской печати, редакция в заметке «О причинах «дистанции» объясняет, что, пока в СССР мысль и слово несвободны, нельзя требовать от искусства близости к вопросам жизни, оно либо «воспарит к облакам», либо «покончит самоубийством» (1928. 18 нояб. № 11).

Статья «Трагическое положение» — о ряде «критических статей» доносительного характера, которыми изобиловала советская пресса, в частности, журналы «Красная новь» и «На литературном посту». Безымянный автор статьи указывает на два соображения. Первое — типичная «термидорность» положения, когда на подозрении оказываются уже решительно все, а значит — «дальше идти некуда, величавое здание рушится, надежд на спасение не остается никаких» (1928. 2 дек. № 13). И второе — свидетельствующее о том же: «Когда от борьбы мнений переходят к сверке отдельных слов со строками «священного писания», — тогда приходит конец и самим идеям; и тогда вообще не нужны больше ни журналы, ни критические статьи, ни сама литература: нужен только орган инквизиции и исполнитель» (там же).

О должностной, доносительной критике — «литературном отделе ГПУ» — редакционная статья «Критики». «Как в вопросах политики — тень Ленина, так в вопросах литературы и искусства вызывается неизменно в качестве непреложного авторитета тень Плеханова. Но Плеханов был талантлив и писал в те дни, когда было чему противополагать марксистскую установку» (1928. 23 дек. № 16). Его ученики и последователи, произнося его слова, не способны оживить их смысла живым пониманием, застыли в готовых формулах и застряли в «зарослях негибкой догмы».

Откликнувшись на смерть *Ю.И.Айхенвальда*, «лучшего и литературнейшего русского критика», редакция с горечью констатирует, что «место, которое занимал он среди русских критиков, осталось незанятым в России после его высылки в 1922 в первой группе профессоров и писателей, — не нашлось равного ему по культуре и тонкости критического анализа» (1929. 6 янв. № 18).

В статье «Чистые источники информации» критик, писавший под псевдонимом Современник, обращает внимание на дезинформацию читателей в России об эмигрантской литературе. Анализируя причины, автор статьи пишет, что первоисточник коммунистических поношений по адресу тех, кто вынужден был уйти из России и есть свой «горький хлеб изгнанья», надо искать «в чувствах палача к случайно ускользнувшей жертве.., в психологии затянувшейся гражданской войны, когда за отсутствием видимого противника его ищут на расстоянии, хотя бы за пределами досягаемости, давая тем самым видимость оправдания тираническому режиму» (1929. 29 сент. № 56). Советские же культуртрегеры повторяют своих политиков, а «чистые источники информации» фатально становятся источниками чистого произвола и лжи.

Статья Е.Скобцовой (*Е.Ю.Кузьминой-Караваевой*) «Есть ли в поле жив человек?» подытоживает эмигрантские споры о духовном облике молодежи, живущей в России. Автор приходит к выводу о том, что «пока творческая мысль русской молодежи не проснется, пока не нарушится умственное оцепенение, наложенное учением коммунизма, до тех пор... практические дела не подвинутся к разрешению», потому что нельзя себе представить какого бы то ни было дела, правильно решенного в атмосфере официальной косности (1928. 11 нояб. № 10). В статье «Об истинной революционности» Скобцова определяет понятия «революционности» и «контрреволюционности». Стремясь выяснить, к какому из названных направлений принадлежит российский коммунизм, автор статьи говорит о консервативно-охранительном характере российского коммунизма, враждебного «всякой подлинной революционности, в каких бы формах она ни проявлялась», «около него с неизбежностью должна расцветать самодовольная мещанская тупость» (1928. 9 дек. № 14). В статье «Истоки русского нигилизма» Скобцова, соглашаясь с *Н.А.Бердяевым* в том, что исторические корни нигилизма восходят к религиозному источнику — к расколу, особенно в таком его проявлении, как

«беспоповщина», отмечает соблазненность русского нигилизма силой неправды в мире. Но, «однажды поняв неотвратимость и размеры этой неправды, он во имя своей правды — чаще всего правды отрицательного характера — предает весь мир и все мировые ценности огню и мечу» (1929. 3 марта. № 26). В марксизме, коммунизме, ленинизме автор статьи усматривает только повод для проявления последних религиозных фанатиков русского нигилизма. Их неожиданный для многих успех Скобцова объясняет тем, что чисто отрицательная нигилистическая религиозность невозможна. Она должна опираться на какую-либо, хотя бы мнимую ценность, входящую в совокупность религиозных ценностей среды, в которой ведут свою работу нигилисты.

На страницах еженедельника регулярно публиковались отчеты и наиболее значимые доклады, прочитанные на собраниях «Дней». Это — доклады А.Ф.Керенского «Проблема власти в России» (1928. 9 дек. № 14), И.И.Бунакова «Русский земельный строй и аграрная революция» (1928. 30 дек. № 17), *Г.П.Федотова* «Россия и Великороссия» (1929. 10 февр. № 23), Ф.А.Степуна «Задачи социализма», в прениях по докладу выступили Н.А.Бердяев, Г.Д.Гурвич, Е.Ю.Скобцова, М.В.Вишняк, С.М.Соловейчик, Ю.А.Ширинский-Шихматов и др. (1929. 24 марта. № 29), доклад Н.А.Бердяева «Мировая революция и современные социальные группировки», также вызвавший большую полемику: с контрдокладом выступил *К.И.Зайцев* («В защиту либерализма»), в прениях приняли участие Г.П.Федотов, М.В.Вишняк, *М.Л.Слоним*, А.Т.Горовцев, Ю.А.Ширинский-Шихматов, А.Ф.Керенский, А.П.Марков и др. (1932. 10 янв. № 146). В рубрике «Собрания «Дней»» публиковались речи А.А.Александрова, И.М.Хераскова, Д.С.Мережковского, И.И.Бунакова (1933. 8 янв. № 164) и др.

Т.Г.Петрова

«ДОМИК В КОЛОМНЕ» (Варшава, 1934—1936) — литературный кружок. В 1934—36 *Д.В.Философов* проводил в своей квартире в Варшаве на ул. Флоры литературные вечера под названием «Домик в Коломне» (по одноименной поэме А.С.Пушкина). На них в основном приглашались деятели польской культуры. Секретарем кружка был поэт *Л.Гомолицкий*. В руководство кружка вошли Ю.Чапский, Р.Блют, Е.Стемповский. Среди русских на вечерах бывала Евгения Хирьякова-Вебер, жена Александра Хирьякова. Хирьякова работала в эмигрантских газетах, под псевдонимом Андрей Пуганов писала новеллы, переводила произведения польских писателей. Через Д.Философова она познакомилась с М.Домбровской, которая в своих дневниках характеризовала ее как «необыкновенно интеллигентную женщину». О литературных собраниях на квартире Д.Философова вспоминал Ежи Стемповский, постоянный их участник (Stempowski J. Domek w Kolomnie // Wiadomości literackie. 1935. № 12). На одном из собраний на столе появилась зеленая лампа, подобная той, что стояла на квартире Мережковских в Петербурге. Рассказывая о литературных вечерах «Домик в Коломне», М.Домбровская писала, что это, «пожалуй, единственное место в Варшаве, где господствует еще хороший вкус, в основном благодаря пану Дмитрию» (Dambrowska M. Dzienniki 1914—1932. Warszawa, 1988. S. 82). Она же отмечала, что Философов — независимый человек, который ненавистен многим представителям русской эмиграции за свои связи с польской интеллигенцией. Выступали Л.Гомолицкий с докладом «Розанов и современность», «Молодая польская поэзия», З.Хирьякова — «Ночи и дни» М.Домбровской», «Проблема бессмертия в творчестве Лермонтова», Р.Блют — «Новая проблема биографии Достоевского», Д.Философов — «Бальзак и Пруст», «Классицизм и романтизм», «Апостол Павел или Наполеон?», Е.Стемповский — «Мир Шекспира», «Раскольников и Наполеон», Ю.Чапский — «Башня из слоновой кости и улица». Вл.Слободник читал свой перевод на польский язык поэмы Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Большинство докладов читалось на русском языке, так как многие поляки прекрасно владели языком, были воспитаны на польско-русском интеллектуальном по-

граничье, были знатоками и ценителями русской культуры и искусства. Информация об этом печаталась в газете *«Меч»*.

О.В.Розинская

ДОМ ИСКУССТВ В БЕРЛИНЕ И «БЮЛЛЕТЕНИ ДОМА ИСКУССТВ» (Берлин, 1922. № 1/2—3. 17 февраля—март). 21 ноября 1921 в Берлине был основан русский Дом искусств. Его учредителями стали *А.Белый*, К.Л.Богуславская, З.А.Венгерова, *Н.М.Минский*, С.М.Пистрак, И.А.Пуни, *А.М.Ремизов*, С.П.Ремизова, И.С.Соколов-Микитов, С.Г.Сумский-Каплун, *А.Н.Толстой*, *А.С.Ященко*. На общем собрании, неделю спустя, были учреждены три секции — литературная, изобразительных искусств и музыкальная. Был избран Совет из 11 человек — А.Белый, Д.А.Гартман, Н.Д.Миллиоти, С.М.Пистрак, И.А.Пуни, А.М.Ремизов, А.Н.Толстой, А.С.Ященко. Председателем стал Н.М.Минский, секретарем — С.Г.Сумский-Каплун, казначеем — З.А.Венгерова. В контрольную комиссию вошли В.Б.Станкевич, К.Л.Богуславская, Р.М.Бланк.

Это событие нашло отклик в России: «29 ноября в Берлине состоялось под председательством Н.М.Минского организационное собрание членов открывшегося там Дома искусств. По словам берлинских газет, Дом искусств — организация аполитичная. Цель его — установление связи и общения между собой русских литераторов, художников, музыкантов и артистов, проживающих за границей, установление связей с заграничными деятелями художественного слова и, наконец, установление связей с деятелями литературы, находящимися в России» (Летопись Дома литераторов: Литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал. Петербург, 1921. № 4. С. 10).

Подробная информация об основании Дома искусств была дана в начале 1922 в его «Бюллетенях». Отметив, что организационное собрание было многолюдным, «Бюллетени» кратко характеризовали цели и устав Дома искусств. «Действительными членами Дома искусств могут быть все деятели литературы и искусства, принятые в число членов постановлением общего собрания членов одной из секций... Членами-соревнователями могут быть все лица, рекомендованные двумя действительными членами и принятые постановлением Совета» (с. 22).

Стремление учредителей Дома искусств отвести ему заметную роль в культурной жизни русской эмиграции в Берлине неизбежно наталкивалось на трудности финансового порядка. «К сожалению, Дом искусств не располагал пока достаточными средствами, чтобы перейти в иное помещение, где предоставленный целиком в распоряжение Дома зал давал бы возможность организовать концерты, театральные постановки и пр. и осуществлять те многочисленные планы, которые неосуществимы в кафе с его шумом, необходимостью мириться с посторонними людьми и т.п. Но Совет Дома надеется, что в ближайшем будущем ему удастся преодолеть это затруднение и создать действительно Дом, где установится постоянное тесное общение между деятелями искусства и литературы, возможны будут беседы, чтения, устройство высокохудожественных выставок, концертов и т.п.» (там же).

Первая «суббота» Дома искусств была назначена на 3 декабря 1921. Ее открыл Ремизов чтением воспоминаний о петербургской весне 1920. По просьбе слушателей он прочел одну из своих сказок, А.Белый — главу из нового романа, *И.Эренбург* — стихи. Минский дал оценку последним стихотворным сборникам М.Кузмина и Н.Гумилева. Молодые поэтессы Э.Кальма и Татида (Т.Д.Цемах) выступили с новыми стихами. 15 декабря А.Белый прочел лекцию «Культура современной России», которая привлекла внимание не только писателей-эмигрантов, но и была отмечена петербургской «Летописью Дома литераторов»: «Лектор указал, что говорить о культуре современной России — трудность совершенно особая... Культуры современной в России нет, но сама эта современная Россия рождает новую культуру — в сердцах сильных и смелых русских людей. И может быть, через двадцать лет в России вспыхнет такой свет, что улицы Парижа покажутся темными» (1922. № 1/2. С. 10).

Члены Дома искусств ощущали глубокое единство с писателями России. В частности, на организационном заседании рас-

сматривался вопрос об оказании помощи М.Волошину, о бедственной жизни которого в Коктебеле было получено письмо из Москвы. На одном из первых собраний Совет постановил послать петербургскому Дому литераторов, Дому искусств и Союзу писателей «искренний привет». «Мысли наши с вами и любовь наша вам, — говорится в этом приветствии. — Желаем вам бодрости и энергии. Сидя здесь за границей, мы остро видим, что то, что вы там делаете, — настоящее, подлинное, необходимое для русской культуры. Вам очень трудно, мы знаем, среди нас большинство еще недавно приехало из России, вам негде писать и печататься, но и то немногое, что вы даете, — самое ценное, потому что оно подсказано Россией, пережитыми каждым лишениями, тяжелым опытом и глубокой любовью к России» (Летопись Дома литераторов. 1922. № 3. С. 7). На заседании Дома литераторов было постановлено послать ответное приветствие Дому искусств.

На Новый 1922 год Домом искусств была устроена елка с приглашением гостей, перед которыми выступили Белый, Минский, Ремизов. Судя по воспоминаниям *Р.Гуля*, подобные вечера с присутствием «публики» практиковались Домом искусств и пользовались популярностью у любителей литературы и у любителей «повращаться» в литературной среде, за которыми укрепилось по традиции петербургской «Бродячей собаки» собирательное имя «фармацевты». Гуль писал: «В Берлине... существовал тогда русский «Дом искусств», председателем коего был эдакий старичок-живчик поэт Николай Максимович Минский. Сначала «Дом искусств» собирался еженедельно в кафе «Ландграф» на Курфюрстенштрассе, потом в кафе «Леон» на Ноллендорфплан. Я бывал там всегда. В этот раз пришел почему-то рано, но там уже сидела некая поэтесса Татида, в свое время приятельница Макса Волошина. С Татидой мы все дружили — Офросимов, Иванов, я, *Корвин-Пиотровский*. Как всегда, Татида сидела у входа — члены «Дома искусств» проходили бесплатно, а с «фармацевтов» бралась плата» (Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1984. Т. 1. Россия в Германии. С. 68—69).

22 марта 1922 Дом искусств принимал Томаса Манна, который прочел доклад «Гете и Толстой». А.Белый произнес речь на немецком языке. Сбор от вечера решено было направить на нужды писателей в Петербурге. Предметом обсуждения на вечерах Дома искусств бывали не только литературные, но и остросовременные политические события, каким было, например, убийство террористом одного из лидеров партии кадетов В.Д.Набокова, отца писателя *В.В.Набокова* (Сирина). 2 апреля 1922 газета *«Накануне»* сообщала: «Вчерашний вечер или «заседание» Дома искусств был посвящен памяти В.Д.Набокова. Н.М.Минский прочел прочувствованное стихотворение... Проф. Шацкий охарактеризовал В.Д. со стороны его безукоризненного общественного служения. А.Н.Толстой с присущим ему юмором рассказал о своем знакомстве с В.Д. ...Конец вечера был ознаменован любопытным диспутом, не стоявшим в прямой связи с предыдущим». Между Толстым и Белым завязался спор на «модную тему» — о «смене вех», о позиции газеты «Накануне», т.е. об отношении эмиграции к большевистской России.

Заседание Дома искусств 8 апреля 1922 хроникер газеты «Накануне» назвал «большим событием в его не слишком яркой жизни». На заседании были представлены три доклада — А.Н.Толстого «Основы театра», З.А.Венгеровой о драматургии Б.Шоу и А.Белого об эвритмии. «Задаваясь вопросом, почему именно Россия «хранит священный огонь театра», Толстой замечает: «В самом народе есть чувство театра. Русский мужик по своей природе — актер. У него издавна большая охота к зрелищам — обрядам, ряжению, к хороводам, к медвежьим поводырям, к скоморохам, к разбойникам». Белый прочитал «тщательно продуманный экспромт» об эвритмии. «Эвритмия, по Белому, есть наука о согласовании слова-звука со словом-жестом, наука одушевления слова, возвращения ему его первобытной свежести, раскрытия его пра-значения. Поэт *Парнах*... отдал дань изумления «гениальным словам А.Белого» и выразил убеждение, что будущее театра и искусства принадлежит ему, Парнаху, и «мимоакробатическому искусству» (Накануне. 1922. 9 апр.).

Весной 1922 на еженедельных заседаниях прошли обсуждение журнала *«Вещь»*, в котором приняли участие его редакторы

И.Эренбург и Эл.Лисицкий, чтение новых стихов *М.Цветаевой*, С.Есениным, *А.Кусиковым*; И.Эренбург ознакомил членов Дома с одной из «Шести повестей о легких концах» — «Испорченная фильма», А.Толстой — со своими воспоминаниями о Н.Гумилеве.

15 сентября 1922 был открыт зимний сезон Дома искусств. *В.Б.Шкловский* сделал доклад «Литературная жизнь Петербурга», *В.Ходасевич* и *Н.Оцуп* читали свои стихи. В газете «Накануне» 22 сентября сообщалось об очередном собрании в Доме искусств: «Гр. А.Н.Толстой прочтет две главы из подготовленного к печати фантастического романа «Аэлита», Пастернак прочтет стихи». Десять дней спустя в Доме искусств отмечалось 30-летие литературной деятельности *М.Горького*. Хотя юбиляр по болезни отсутствовал, после доклада Н.Минского А.Белый произнес речь, выступали В.Ходасевич, А.Толстой и др. 13 октября состоялось годовое собрание Дома искусств с отчетом и выборами президиума, председателем которого стал А.Белый, товарищем председателя — В.Шкловский, секретарем — *А.Бахрах*. В конце октября приехавший в Берлин В.Маяковский читал в Доме искусств поэму «150.000.000» и стихи, выступил в прениях по докладу В.Шкловского «Литература и кинематограф».

29 октября в газете «Накануне» был опубликован памфлет *И.Василевского* (Не-Буквы) «Тартарен из Таганрога: О 12 новых книгах Ильи Эренбурга». Автор обвинял писателя в невежестве (путает 5 и 6 заповеди), в саморекламе, сомневался в его психической полноценности. Заключая статью, Василевский писал: «Перед нами безнадежно лишенный своего стиля и своих слов имитатор, графомански-плодовитый коммивояжер, кривляющийся на разные лады «Тартарен из Таганрога», или и впрямь больной, которого надо лечить, от души пожалев его и по-человечески пожелав ему скорейшего и радикального выздоровления». Появление этого памфлета привело к расколу в Доме искусств. 7 ноября состоялось чрезвычайное общее собрание. На нем был поставлен вопрос об исключении из Дома искусств Василевского и Толстого, который заведовал «Литературным приложением» к газете «Накануне», за публикацию, как писала газета «*Дни*», статьи «неприличного содержания» по адресу И.Эренбурга (1922. 7 нояб.). Диспут по поводу этой статьи закончился тем, что Дом искусств покинули А.Белый, А.Ремизов, В.Ходасевич, *Н.Берберова*, В.Лурье, *С.Постников*, А.Бахрах, С.Сумский-Каплун. Однако намеченные ранее вечера не отменялись, и 8 ноября состоялся доклад И.Пуни «Современная русская живопись и выставка в Берлине», вызвавший широкий интерес. В его обсуждении приняли участие В.Маяковский, Д.Штеренберг, И.Эренбург. Неделю спустя состоялись довыборы в правление в связи с уходом пяти его членов и председателя — А.Белого. Председателем правления был избран Н.Минский, товарищем председателя — В.Шкловский, членами правления — А.Толстой, Р.Гуль, А.Ященко, казначеем — З.А.Венгерова.

В конце 1922, помимо чтения новых произведений (Эренбург, Толстой), прозвучали доклады Шкловского «О новой русской прозе», директора и главного режиссера Московского Камерного театра А.Я.Таирова «О задачах нового русского театра». Отчет об этом вечере дали газеты «*Руль*» (5 дек.) и «Накануне» (7 дек.). Был организован вечер заумной поэзии И.М.Зданевича. Поэт читал отрывки из своих произведений, Шкловский предложил вниманию собравшихся доклад «Пушкин и Зданевич», П.Г.Богатырев — доклад «Островский и Зданевич».

В первой половине 1923 в Доме искусств продолжались регулярные заседания. Ю.В.Ключников познакомил коллег с поэмой «Куст», новые стихи читали Б.Пастернак, А.Каменский, М.Шкапская. Прошел вечер молодых поэтов — *А.Присмановой*, Е.Феррари. К.М.Миклашевский сделал доклад «Комедия дель арте в современном мире» и прочитал свою одноактную пьесу «Джон Крукс и его первая любовь». На чтении новой пьесы Каменского «Черная месса», состоявшемся 23 марта, присутствовали А.Толстой, С.Есенин, А.Кусиков, И.Василевский, Ю.Ключников, А.Вольский. 9 февраля *С.Л.Рафалович* выступил с докладом «О футуризме», сопроводив его чтением своих стихов. 20 апреля прошел диспут о внешнем оформлении книги по докладу В.Шкловского. На заседании 4 мая Феррари читала свои сказки, а итальян-

ский поэт Лазари — свои стихи и «Свободное слово» Ф.Маринетти.

В мае 1923 уехал в Москву А.Толстой, осенью возвратились в Россию А.Белый и В.Шкловский, затем Н.Минский переехал в Лондон — существование Дома искусств прекратилось. Своеобразным напоминанием о его деятельности остались «Бюллетени Дома искусств», в редколлегию которых входили Н.Минский, А.Ремизов, С.Сумский-Каплун. Петербургская «Летопись Дома литераторов» сообщала читателям: «27 января в Берлине вышел первый номер еженедельного журнала «Бюллетень Дома искусств»». В программу журнала включена хроника Дома искусств, хроника русского искусства и литературы за границей, хроника литературы и искусства в России, рассказы, стихи и пр., читаемые на вечерах Дома искусств в Берлине, сатирико-юмористический отдел, рисунки, шаржи, портреты и пр. Издание журнала взяло на себя издательство «Геликон» (1922. № 8. С. 9). Дата выхода журнала была указана ошибочно, первый сдвоенный номер появился 17 февраля 1922.

«Бюллетени» открывала подборка материалов, посвященных памяти А.Блока. На первом месте стояло обращение Комитета по увековечению памяти Блока с «призывом ко всем лицам, у которых находятся рукописи и письма Александра Александровича, а также все материалы, относящиеся к его творчеству (воспоминания, заметки, письма к нему или о нем, снимки и т.п.), представить эти материалы в подлинниках или точных копиях в распоряжение Комитета» (с. 1). Далее следовала просьба ко всем журналам и газетам перепечатать это обращение. Блоковскую тему продолжил отчет о собрании в Вольной философской ассоциации. Блок был одним из учредителей этой ассоциации, открыв в ноябре 1919 круг ее заседаний докладом «Крушение гуманизма». Несмотря на то, что ко времени выхода «Бюллетеней» стенографический отчет о блоковском вечере был издан отдельной книжкой, редакция журнала поместила развернутый конспект выступления А.Белого. «В речи Андрея Белого разобраны основные «образцы-мифы» поэзии Блока как национального поэта и как «конкретного философа»» (с. 3). Докладчиком была впервые оглашена заметка самого Блока о поэме «Двенадцать», относящаяся к апрелю 1920 и найденная после смерти поэта в его бумагах. «Запиской этой в корне разрушается легенда, будто Блок в последние годы жизни отказался от «Двенадцати». Приводя текст записки, автор публикации пишет: «Эта совершенно исключительной важности записка Блока завершает собой речь Андрея Белого; «Двенадцать» ставится в этой речи в тесную связь со всем творчеством Блока, и одинаково «руки прочь!» говорится в ней и тем, кто выхватывает из всего творчества поэта одну эту «политическую» поэму, и тем, кто «принимает» все творчество Блока без этой поэмы» (с. 5—6). Заключает блоковскую тему стихотворение А.Ахматовой «Памяти А.Блока» и посвященное А.А.Кублицкой-Пиоттух, матери поэта, стихотворение М.Шкапской «Что ты там делаешь, старая мать?..»

Большое место в «Бюллетенях» уделено разделу «Хроника литературы и искусства», имеющему подразделы «В России», «В Москве и Петербурге». В первом из них освещаются шесть номеров петербургского журнала «Летопись Дома литераторов». «Журнал этот во всяком случае свидетельствует, что оживление издательской деятельности в связи с «новым курсом» пробивает брешь в той глухой стене, какой окружила советская власть русскую литературу... Передовая статья № 4 требует свободы и независимости печати. Правда, грустно читать вновь старые аргументы о пользе свободной и независимой печати. Грустно видеть это робкое начало в борьбе за элементарнейший принцип общественной и государственной жизни. Но уже тот факт, что такая статья и такая тема оказалась возможной, а также тот факт, что «Летопись» позволяет себе совершенно независимые и полемические суждения, показывает, что и в этой области начинается некоторое оживление» (с. 6—7). Отмечая, что «Летопись» очень внимательно следит за русской литературой за границей, автор публикации особо подчеркивает полноту и точность информации о выходе новых книг вне России. Заканчивая обзор «Летописи», автор раздела «Хроника» пишет: «Мы постарались отметить только то, что сможет особенно заинтересовать заграничного читателя. Во всяком случае «Летопись» Дома литерато-

ров свидетельствует, что и в России независимая мысль живет, независимая литература, несмотря на все притеснения, все муки, завоевывает себе право на существование» (с. 10).

В подрубрике «Как живут писатели в Крыму» «Бюллетени» дают краткие, в несколько строк сообщения о М.Волошине, живущем с матерью «на случайные заработки и средства от продажи своих картин», о крайней нищете писательниц П.С.Соловьевой и Н.И.Манасеиной, историка А.П.Новицкого, прозаиков *И.С.Шмелева* и С.Н.Сергеева-Ценского, не получающих положенных им академических пайков из Москвы и испытывающих на себе недоброжелательство местных властей, третирующих писателей как «бездельников». В подразделе «В Москве и Петербурге» представлены сведения о решении группы писателей издать за границей на четырех языках «литературно-научно-публицистический» сборник в помощь голодающим. В редакцию сборника вошли В.Я.Брюсов, В.В.Вересаев, М.О.Гершензон, академики П.П.Лазарев и А.Е.Ферсман, профессор А.П.Пинкевич. Приводится подробная программа сборника.

В разделе «Книжные новости» «Бюллетени» предлагали читателю развернутый список изданных московскими и петербургскими издательствами книг, сопровождая некоторые из них краткими аннотациями. Информация о выходе журналов и газет не ограничивалась только обеими столицами, но сообщалось о выходе в Чите «политической и литературной» газеты «Дальневосточный телеграф», о переиздании сборников «*Смена вех*» тверским отделением Госиздата. В разделе «За границей» читателей оповещали о гастролях в Берлине русских музыкантов — скрипачки Ц.Ганзен, пианиста Б.Захарова, композитора А.Глазунова.

Значительная часть «Бюллетеней» отдана информации о деятельности Дома искусств. Отчет об организационном собрании, изложение его устава, условий приема, рассказ об отдельных заседаниях и выступлениях писателей. «В дальнейшем в «Бюллетенях Дома искусств» будут публиковаться подробные отчеты о вечерах Дома» (с. 22). Совет Дома искусств через «Бюллетени» выступил с протестом против установившегося в Берлине обычая приглашать писателей на бесплатные выступления и сделал через «Бюллетени» соответствующее заявление: «Считая совершенно недопустимым такое отношение к человеческому труду, особенно к труду умственному, Совет Дома искусств предлагает своим членам отклонять все те предложения, которые не имеют в виду нормальную оплату труда». Редакция «Бюллетеней» обратилась к членам Дома искусств с просьбой «сообщать все случаи нарушения прав и интересов членов, для того чтобы иметь возможность на столбцах «Бюллетеня» отмечать их и бороться с ними» (с. 26). В «Бюллетенях» дан подробный отчет о проведенном Домом искусств вечере памяти известного немецкого дирижера Артура Никиша, о заседании Вольной философской ассоциации, на котором А.Белый подверг резкой критике нападки на Ассоциацию той части прессы, которая руководствуется «низменными инстинктами че-ки или контрразведки» (с. 28).

Заключительную часть «Бюллетеней» составили юмористические миниатюры А.Ремизова, его представление читателям «Обезвелволпала» (Обезьяньей великой и вольной палаты), «Манифест» этого «тайного общества», под которым стояла подпись «б. канцелярист, забеглый политком обезвелволпал, Алексей Ремизов». В этот раздел вошли рубрики «Издатели», где было несколько шуток в адрес Е.Г.Лундберга, «Среди писателей», «Среди художников» («Знаменитый петербургский футурист И.А.Пуни работает над проектом усовершенствованного материала (паучиные гнезда) для росписи будущей одежды и морд»), «Из музыкальной жизни» («Евразиец П.П.Сувчинский выступает в Цоо с советскими и добровольческими частушками под аккомпанемент известной литовской пианистки — А.М.Ремизова»), «Кино» («Апокриф А.М.Ремизова «Чудесный урожай» из напечатанной в 100 экземплярах книги «Заветные сказы» приобретен кинематографической фирмой «Декла». В инсценировке участвуют артисты Моск. Художественного театра. Режиссеры З.А.Венгерова и Андрей Белый»).

Р.Гуль считал, что именно это юмористическое приложение решило судьбу издания в целом: «Одно время в Берлине Реми-

зов редактировал (вместе с Н.М.Минским) шуточный листок (в несколько печатных страниц) — «Бюллетень Дома искусств» и в нем печатал всякие фантастические штуки о братьях-писателях. Но некоторые из писателей (например, Е.Лундберг) на него за них обиделись, и листок прекратился на втором номере. Помню из него только заметку, что *Н.Бердяев* почему-то проглотил сливовую косточку и что из этого вышло. А о приехавшем в Берлин Борисе Пильняке сообщалось, что какие-то люди на каком-то собрании — с криком: «Пильняк начинается!» — бросились друг на друга» («Я унес Россию». Т.1. Россия в Германии. С. 84).

Приведенных Р.Гулем двух последних примеров в сдвоенном № 1—2 «Бюллетеней» нет. Возможно, он почерпнул их из № 3, который, по свидетельству некоторых источников, вышел в марте 1922.

Е.С.Померанцева

Е

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК» (София, Берлин, Париж, 1921—1931. Кн. 1—7: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. [Кн. 1]; На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. Кн. 2; Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3; Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4; Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5; Евразийский сборник: Политика, философия, россиеведение. Париж, 1929. Кн. 6; Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. 7) — серия непериодических сборников евразийского движения. Все их можно назвать «временниками», отражавшими «утверждение евразийцев». С таким подзаголовком вышли первая, вторая и седьмая книги. Руководство журналом осуществляли П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, кн. *Н.С.Трубецкой* (с третьего до пятого сборника были редакторами), к ним присоединились Г.В.Вернадский, М.В.Шахматов, *В.Н.Ильин*, Я.Д.Садовский, *Л.П.Карсавин*, Н.Н.Алексеев, кн. *Д.П.Святополк-Мирский*, В.П.Никитин, Я.А.Бромберг, Э.Хара-Даван; участвовали также *С.Л.Франк*, *Н.С.Арсеньев*, *П.М.Бицилли* и А.В.Карташев.

Евразийство как течение, отличающееся многосторонностью и системностью, начало утверждаться с момента появления сборника «Исход к Востоку» (кн. 1). Во вступлении отмечалось: «Русские люди и люди «Российского мира» не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры и жизни — мы не стыдимся признать себя евразийцами...» (Кн. 1. С. VII). Подчеркивалась религиозная и церковная установка учения при явно выраженном антибольшевистском пафосе: «В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя, и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма» (Там же. С. VI). Уважая прошлое и настоящее западноевропейской культуры, евразийцы вместе с тем не сомневались, что «смена западноевропейскому миру придет с Востока» (Там же. С. IV). В культуре романо-германской они отмечали «приверженность к «мудрости систем», стремление «наличное возвести в незыблемую норму», однако не подходящую для России. «Мы чувствуем вместе с Герценом, — писали евразийцы, — что ныне «история толкается в наши ворота»... для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрыли миру величайшие народы прошлого и настоящего» (Там же. С. IV).

«Поворот к Востоку» — так называлась статья П.Н.Савицкого, открывавшая первую книгу. Характерно, что в другой статье — «Миграция культуры», опубликованной в том же сборнике, Савицкий, обосновывая «поворот к Востоку», цитировал А.Блока: «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь! / Наш путь — стрелой татарской древней воли / Пронзил нам грудь. / Наш путь — степной...» («На поле Куликовом», 1908). Его тезис: «Без «татарщины» не было бы России», впервые сформулированный в статье «Степь и оседлость» (кн. 2), затем был развернут в утверждение, что Россия представляет собой многокультурную и многонациональную, многоконфессиональную общность, образованную во время татаро-монгольского правления. Разработкой заявленной исторической концепции явились также статьи Г.В.Вернадского «Два подвига Св. Александра Невского» (кн. 4) и «Монгольское иго в русской истории» (кн. 5).

Обоснование геополитического единства Евразии поддерживало стремление евразийцев доказать и этнополитическую целостность России-Евразии. Зерна этнографической концепции были заложены в статьях Н.С.Трубецкого «Верхи и низы русской культуры» (кн. 1), «О туранском элементе в русской культуре» (кн. 4; Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1990. № 6). Автор утверждал, что «русские вместе с угро-финнами и волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и с славянством, и с «туран-

ским» Востоком» (Кн. 1. С. 100). На примере языка, музыки, устной поэзии, религии и права он устанавливал черты «туранского психологического типа», прослеживая его влияние на жизненный и религиозный уклад Московской Руси. Продолжил осмысление этого понятия востоковед В.П.Никитин в статье «Иран, Туран и Россия» (кн. 5; Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1992. № 4).

Евразийцы в своих историософских размышлениях о прошлом и будущем России обращались к именам Герцена, Достоевского, Вл.Соловьева, А.Блока и др. В статье *Г.В.Флоровского* «О народах неисторических» автор, в частности, опирался на авторитет суждений П.Я.Чаадаева (первое «Философическое письмо»). Доказывая мысль, что основы новой цивилизации будут закладывать именно народы «не-исторические» (в прошлом у них — лишь белые листы, отсутствие исторического наследства), ибо над ними не властно сковывающее прошлое, автор упоминал и Герцена. Тот подчеркивал, что никакие культурные богатства «не могут заменить импульсивности юного роста»; и этот «юный пластицизм» он находил в России. Говоря об исключительном своеобразии России как «исторической формации», Флоровский оперировал преимущественно реалиями культурной многослойности России: «Не трудно различить в русском быте разнородные слои — варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, санкт-петербургский и пр. ...И нити паутинной тонкости тянутся от Достоевского и Толстого, от Гоголя и Самарина куда-то назад, в заволжские чащи, к Нилу Сорскому и преп. Сергию; а оттуда на Афон и далее в раскаленные пространства Фиваиды». И не только в Петербурге, древлестольном Киеве и Нове-городе или даже «матушке» Москве, но «в уединенных русских обителях... чувствуется напряжение русского народного и православного духа. Здесь издревле лежали средоточия культурного творчества» (Кн. 1. С. 68).

В статье «Вавилонская башня и смешение «языков»» (кн. 3) Н.Трубецкой выдвинул понятие «языковой союз» (на примере языков Балтийского полуострова); в дальнейшем на основе этого понятия строилась концепция евразийского языкового единства (см.: Евразия в свете языкознания. Прага, 1931). К доказательству единства Евразии ученые шли с разных сторон. И.Савельев искал подтверждения геокультурной целостности России, обращаясь к народному творчеству. В статье «Своеобычное в русской фольклористике» (кн. 7) он поставил вопрос: простирается ли взаимовлияние и сходство сказок (их сюжетов и формы) на все народы Евразии или же сходство ограничивается каким-то определенным географическим пространством (например, пространством, объединяющим русских и соседние с ними народы Сибири)? Автор выделил интересные в этом отношении работы этнографа Д.К.Зеленина («Очерки русской мифологии» и «Табу слов»). Ученый связал изучение русского фольклора с фольклором других народов России (Евразии) и, в частности, доказывал, что само определение «табу слов» у народа Евразии отличается от этого понятия во внеевразийском мире. Подобные примеры, полагал Савельев, свидетельствовали о важности изучения фольклора Евразии как самостоятельного целого. Автор отметил стремление русских исследователей к практике структурального изучения фольклора, что соответствовало устремлениям европейской науки. Однако только русским ученым принадлежит заслуга наблюдения над исполнителями фольклора; в этом русская наука опережала европейскую фольклористику, оказав на нее сильное влияние. Особенно ценным И.Савельев считал метод формалистов (Р.М.Волков, В.Я.Пропп, *В.Б.Шкловский*, А.И.Никифоров).

Статья кн. Д.П.Святополка-Мирского «О московской литературе и протопопе Аввакуме (два отрывка)» явилась попыткой евразийской трактовки вопросов истории художественной литературы. Исходное утверждение автора таково: «Старая, допетровская русская литература еще не вошла в наш обиход, и понятие о ней у среднего образованного человека самое неопределенное и фантастическое» (Кн. 4. С. 338).

К восстановлению культурной традиции — художественной и литературной — стремились славянофилы. Но сделать этого не могли, считает Мирский, поскольку видели Московскую Русь мужицким земледельческим царством. Между тем, Москва, а тем более домосковская Русь были городским (гостинным и боярским) аристократическим государством. Города и монастыри

сосредоточили в себе все материальные и духовные ценности. Таким образом, русская допетровская культура была не только сословна, но и церковна: «Источником ее была Церковь, исполнителями — частью та же Церковь, частью богатые классы» (Там же. С. 339). Чтобы восстановить связь с культурой допетровской, Московской Руси, следует прежде всего обратиться к такому «образцовому писателю», как протопоп Аввакум. Он стоит «в почти непонятном одиночестве», ибо предшественников у него не было. У московских людей не было настоящей словесной культуры, творческой культуры речи, не было литературы как «автономной отрасли национальной культуры, со своей непрерывно развивающейся традицией» (Там же. С. 340). Аввакум «изгнал стертые клише, но сохранил тексты, т.е. живые и памятные сцепления слов из книг. На фоне живой проповеди («сказка») эти тексты получили новую, утерянную ими силу» (Там же. С. 344). Заслуга Аввакума состояла в том, что он создал новый литературный язык, который, однако, остался невостребованным, поскольку победителем оказался не московский книжный язык, а новый — киевский; от него и пошла традиция русской литературы — Ломоносов, Карамзин, Пушкин.

Из-за «особых условий развития русской культуры» пример Аввакума пропал для современников и ближайшего потомства. Однако, «не имея прямого действия на историю литературного языка в свое время, Аввакум остался жив для нашего, и от нас зависит, — подчеркивал Святополк-Мирский, — ухватиться за протянутый им к нам канат» (Там же. С. 348). По мнению критика, такие примеры были — это попытки Л.Толстого, В.В.Розанова (и его ученика Д.В.Болдырева). Не только «Житие», но и «Послания» Аввакума являются образцами словесного творчества, памятниками московской литературы XVII в.

В чем суть «особых условий» русской культуры, не позволивших развиться московской книжной традиции? Этот вопрос ставил и пытался его осмыслить Н.С.Трубецкой в дискуссионной статье «К украинской проблеме» (кн. 5; Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1990. № 4). Ученый утверждал, что на рубеже XVII—XVIII вв. произошла «украинизация» великорусской духовной культуры. Различие между западнорусской и московской редакциями было упразднено «путем искоренения московской редакции», и русская культура стала едина. Обращаясь к поэзии, прозе, драматическому и ораторскому искусству еще допетровского времени, Трубецкой показывал присутствие в них элементов преобладающего воздействия украинской культурной традиции. В допетровской Москве не было и самостоятельной драматической литературы. Изредка при дворе ставились лишь драматические произведения украинских авторов (Симеона Полоцкого и др.), поэтому русская послепетровская драматическая литература генетически связана именно с украинской драмой. То же произошло с ораторским искусством; подобная картина наблюдается и в музыке, живописи, церковной архитектуре.

В статье П.П.Сувчинского «Знамение былого: (О Лескове)» анализируется «кладезь истинной народности и религиозности», по определению автора. «Творчество Лескова религиозно, ибо до конца преисполнено реально-чудесным, ибо мораль его не в назидательно-рассудочной проповеди, а в действии, в опыте и подвиге жизни, за которыми нет места рассуждению и сомнению... Строй жизнеявления Лескова напоминает существо древней иконы: внутреннее горение схвачено, вобрано в чеканные границы форм... все заполнено ритмическим биением одухотворенного вещества; очертания плоти еле сдерживают внутреннее напряжение духа; Дух разряжает, делает теплящейся оболочку плоти. Разобщить Дух и плоть — невозможно. Они — одно!» (Кн. 2. С. 142). Характерно здесь противопоставление Лескова — Л.Толстому. По логике Сувчинского, прийти к Лескову — это значит «утвердить жизнь как событийное, лично-волевое начало... Это значит начать верить в жизнь и перестать толковать о ней» (Там же. С. 143). Поэтому «опереться на Лескова нельзя без того, чтобы частично не оттолкнуться от Толстого», для которого, по убеждению критика, «все личностно-человеческое» обесцвечивается в бурном потоке единого жизненного процесса, «в одном мутном течении», не просветленном верой. Если для Лескова «жизнь вскрывается, как множество мелких, но кристальных родников в темной гуще леса», то Толстой «захлебнулся своим стихийным потоком и потопил с собою множество хотев-

ших напиться его живой воды» (Там же. С. 144). Придет время, полагал Сувчинский, когда Лесков встанет «новым сиянием в русской духовной культуре», ибо обратиться к этому писателю — «это значит раскрыть жизнь в ее героическом пафосе, увидеть в каждом ее событии и образе — живое, реальное откровение» (Там же. С. 143). Для Сувчинского (как евразийца, склонного искать опоры для возрождения отечественной культуры в ее прошлом) Лесков — «знамение былого». В произведениях Лескова «открывается глубокая русская воля к подвигу, к простому тайному служению, воля к созданию яркой и действенной формы жизни — все то, что было забыто и зарушено пылью и сором чужих надстроек по верхнему слою глубокой русской земли» (Там же. С. 140).

В другой статье «Типы творчества: (Памяти Блока)» П.Сувчинский раскрывал своеобразие писателя, по складу противоположного Лескову: «Будучи безвольным рабом стихии — Блок безвольно склонился перед нею». Спасением для «странника снежной ночи», заглядевшегося в тьму, могла бы стать только вера («слава лучей, ринувшихся оттуда» и рассеивающих «тень страшного крыла») (Кн. 2. С. 176). В творческом типе А.Блока предпосылки для такого выхода были, считает Сувчинский.

Критик делит писателей на два «типа». У одних функция творчества является самодовлеющей: Достоевский, Гоголь, *А.Белый*. О Гоголе Сувчинский писал: «Жизнь была лишь полем зрения его удивительного всеискажающего и преображающего творческого телескопа, в «магическом кристалле» которого сгущались его видения-галлюцинации, разжигая мозг и душу. Может быть, Гоголь никогда и не знал нормального облика всего мира, всех людей... Его воспаленное зрение заслонило от него все подлинное, создавая то искусственно-роскошные и красочные, то деформированные и уродливые иллюзии, готовя ужасную катастрофу его духа» (Там же. С. 151).

Напротив, образы Пушкина, Л.Толстого, А.Блока являли собой, по логике Сувчинского, примеры «решительного определения творчества на путях жизни». В «полной зависимости от жизни», полагал Сувчинский, находилось писательство Толстого, которое, по существу, было «именно лишено творческого начала, той творческой воли, мощи, энергии, напряженности, которые устраняют, преодолевают косный материал жизни и воображения — создавая новые аспекты действительности, открывая новые тайны вселенной» (там же). Сувчинский сопоставил образы пушкинского «Медного всадника» и блоковского «На поле Куликовом»: «Медный всадник и «летящая степная Кобылица» — это ли не образы русской стихийной революции! Куда скачет один и куда летит другая?.. И кто тот Всадник, которому удастся схватить на аркан дикого зверя и сесть на него, и взнуздать новой железной уздой, остановить и поднять на дыбы над самой бездной? И сойдется ли новый неведомый Всадник один на один в бою с Медным всадником, или же звонко скачущий конь не удержится на своих бронзовых копытах и будет смят вихревым степным набегом?» (Там же. С. 170). Критик воссоздал здесь типично евразийскую метафору, призванную выразить противостояние и борьбу Запада и Востока («бронзовые копыта» — с одной стороны, и «вихревой степной набег» — с другой).

Статьи о явлениях литературы единичны в евразийских изданиях, построить на этой основе представление о концепции истории русской литературы у евразийцев затруднительно. И все же эти материалы не случайны; обращение к ним вносит дополнительные краски, помогает понять некоторые нюансы в поисках евразийцами «путей» возрождения духовной культуры России.

Важный аспект этого процесса, существенный и для понимания литературных пристрастий евразийцев, это, с одной стороны, признание раздвоенности русской национальной стихии («мы... любим Россию за эту ее двуликость», — утверждал Г.Флоровский; Кн. 2. С. 11), а с другой — стремление осознать евразийские народы как «симфоническую личность». «Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности: идея личного Бога, идея России-Евразии как «симфонической личности», идея личности как творца жизни. Вне идеи личности не существовало и религиозное преображение жизни, к которому стремится евразийство» (Кн. 7. С. III). При этом утверждалось, что жизненный смысл общего дела есть строительство, а его церковный смысл — «соборность» (Там же. С. IV). Седьмая книга —

«Тридцатые годы» — открывалась статьей П.Н.Савицкого «В борьбе за евразийство: Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах», а в приложении была дана «Евразийская библиография: (1921—1931)», составленная С.Лубенским (см. перепечатку: Славяноведение. М., 1992. № 4).

Сборники рассматриваемой «серии» (начиная с третьей книги) публиковались в «Евразийском книгоиздательстве», основанном в 1923. В нем вышли десять выпусков «Евразийской хроники» (Прага, 1925—1926. Вып. 1—4; Париж, 1926—1928. Вып. 5—10), были изданы три выпуска литературного альманаха «*Версты*» (Париж, 1926—1928), выходила газета «Евразия» (Париж, 1928—1929). В книгах, сборниках, брошюрах разрабатывались те же вопросы, которые ставились в евразийских «временниках» и «хрониках». Среди наиболее значительных работ: *Вышеславцев Б.* Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923; Россия и латинство. Берлин, 1923; Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924; Евразийство: Опыт систематического изложения. Берлин, 1926.

А.А.Ревякина

Ж

«ЖАР-ПТИЦА» (Берлин, Париж, 1921—1926. Декабрь. № 1—14) — журнал общекультурного направления. Редактор-издатель — А.Э.Коган, литературный редактор — *Саша Черный*. Имена его авторов — известных литераторов, критиков, художников и артистов были памятны читателям эмиграции еще по России: *Г.Гребенщиков* (№ 2, 12), И.Соколов-Микитов (№ 3, 4—5), *А.Ремизов* (№ 3), *А.Толстой* (№ 6), *Б.Зайцев* (№ 7, 10), Б.Пильняк (№ 7), *Н.Тэффи* (№ 1, 7, 8, 12), *П.Потемкин* (№ 14), *В.Немирович-Данченко* (№ 9), *И.Лукаш* (№ 8, 13), *И.Сургучев* (№ 8) и др. В журнале печатались рассказы и стихи, рецензии, театральные обзоры и критико-биографические очерки о представителях современного искусства. Много внимания уделялось русскому театру (драма, опера, балет — не был забыт ни один жанр, причем обзоры сопровождались качественно выполненными фотографиями). Этот журнал большого формата привлекал внимание читателей не только блестящими именами его авторов, но и в не меньшей степени полиграфическим исполнением. Он печатался на мелованной бумаге, с многочисленными иллюстрациями, большей частью красочными. Даже обложка — каждый раз оформленная по-разному и разными художниками — являла собой произведение искусства. Журнал оформляли И.Билибин (№ 2, 4—5, 14) и Б.Кустодиев (№ 3, 9), Н.Гончарова (№ 10) и М.Ларионов (№ 12), С.Чехонин (№ 1), *Б.Григорьев* (№ 11), Л.Бакст (№ 13). В ряде случаев работы, украшающие обложку, были знакомы читателю по Международной выставке книги и гравюры в Лейпциге в 1914 (№ 1, 2). Тонкий вкус издателей подтверждался печатаемыми в подбор к художественным произведениям репродукциями, будто иллюстрирующими содержание (таковы, например, малоизвестный рассказ Тэффи «Соловки», посвященный *И.Бунину*, и карельские рисунки В.Шухаева и Н.Рериха, № 1; цветные «детские» виньетки Г.Нарбута и стихи А.Черного «Игрушки», № 4—5; рассказ Б.Зайцева «Душа» и рисунки на церковные темы Л.Пастернака и Г.Лукомского, № 7; стихотворение *К.Бальмонта* «В далекой долине» и библейские мотивы Н.Гончаровой, № 12; репродукции С.Судейкина «Из жизни старой усадьбы»).

Журнал возник на базе художественного издательства «Русское искусство», организованного А.Э.Коганом. Оно состояло из двух взаимосвязанных филиалов: парижского (руководитель Г.К.Лукомский) и берлинского (собственно А.Э.Коган). Печатно-технической частью издательства заведовал Б.Г.Скамони, бывший до эмиграции директором крупных петербургских типографий и издательства Р.Р.Голике. В № 1 дана хроника издательства «Русское искусство» (с. 41—42), первым изданием которого стал альбом выставки «Мир искусства» (июнь—июль 1921, Париж). В «Русском искусстве» вышли монографии о творчестве Л.С.Бакста, о русской графике, книга Г.К.Лукомского «Старый Киев» и т.п. Отклики и рецензии на эти издания публиковались в журнале.

Организационно журнал подразделялся на две редакции: литературную, возглавляемую А.Черным, и художественную, под руководством Г.Лукомского и при ближайшем участии А.Я.Левинсона. Первоначально журнал был заявлен как ежемесячный. С девятого номера в анонсе речь шла уже о двухмесячных выпусках. Но и этот режим выдерживать не удавалось. Было выпущено 5 номеров в 1921 (причем два последних сдвоены), 4 — в 1922, 3 — в 1923 и по одному в 1925 и 1926. Первые 13 номеров печатались в Берлине, последний — в Париже. Средний объем номера — около 40 большеформатных страниц. Номер завершало краткое резюме основных статей, переведенное на немецкий язык. В конце помещалась реклама: изысканной мебели и полотняного белья, «настоящих русских самоваров» и «чая т-ва П.М.Кузмичев с С-ми», пудры для лица и автомобилей, папирос и «демократической газеты «*Руль*»», меховых манто и шпилек для волос. На жур-

нал можно было подписаться, причем не только в Берлине и Париже, но и в Англии, и даже в Америке. Представителем журнала в США была фирма «Brentano's». В Великобритании и Ирландии представителем журнала являлся М.Виленкин.

Литературная часть журнала весьма разнородна. Поэзии отводилось не слишком много места, однако просматривается определенная закономерность, по которой можно было судить и о вкусе издателей, и о популярности поэтов среди современной читающей публики. Чаще других поэтические страницы предоставлялись К.Бальмонту (№ 1, 2, 12, 14), *В.Ходасевичу* (№ 8, 10, 11, 14), *В.Сирину* (№ 1, 7, 11, 12), Н.Тэффи (№ 4—5, 7, 9), А.Черному (№ 1, 4—5, 6). Направление прозы отчасти определялось эмигрантской тоской по своему, старому, исконному, привычному. Печатались этнографические зарисовки И.Соколова-Микитова («Красное лето», № 3, «На святки», № 4—5), сказителя Н.Пинегина («У Падуна (Из сказок Севера)», № 6) и др. Были представлены и сцены из чужеземной жизни: Первухин М.К. Санта-Кьяра (Из итальянских акварелей), № 4—5; Потемкин П. Автомат, или Чудеса, случившиеся в старой Праге в 183... году, № 14. Однако наиболее сильное впечатление оставляют произведения, передающие атмосферу той трагической эпохи в истории России, что поделила вчерашних сограждан на два непримиримых лагеря.

«Время было беспокойное, — так описывает его Н.Тэффи в рассказе «Поручик Каспар» (№ 8. С. 7—8), — то захватывали большевики, то белые, то наезжал атаман Маруся... Много месяцев забыты были и звезды, и небо, и тихие тени ночных деревьев. Никто не смотрел на них, не видел и не помнил. Страшная жизнь, в которой все были виноваты и все выкручивались и оправдывались, заговорила новыми страшными и грубыми словами, наложившими запрет и на звезды, и на небо, и кто помнил о них — скрывал эти мысли как стыдное».

Растерянность «бывших» перед «новыми», ощущение какой-то неясной вины слабых, интеллигентных, порой бескровных, вырождающихся (как герой рассказа Тэффи «Потомок», № 12), внезапно оказавшихся внутри «бессмысленного и беспощадного» русского бунта, станут лейтмотивом многих произведений эмигрантской литературы. И может быть, лучшая часть их, не желающая обагрять руки в братской крови, вступать в тот безумный поток, перешагивать через «увиденную утром струйку крови у ворот комиссариата», которая «перерезывает дорогу жизни навсегда» (Тэффи), — помнила евангельское: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас». Этим же заветом живет лирический герой рассказа Б.Зайцева «Душа» (1920). Перед комиссаровой избой сходка. Герой смотрит на вчера еще знакомых и понятных мужиков и не узнает их. «Меж нами — пропасть. В разные стороны мы глядим, разно живем, разно чувствуем. Я для них слишком чудной, они для меня — слишком жизнь» (№ 7. С. 8).

Рецензии, публикуемые в журнале, опосредованно отражали позицию издателей. Так, в отклике на книгу А.Ахматовой «Подорожник» А.Ч. (А.Черный) писал: «Пленителен и честен в каждом слове этих стихов русский язык (все, что у нас осталось), пленителен и дорог образ самого поэта...» (№ 1. С. 43). С этой рецензией соседствовал отзыв Андрея Левинсона на новые книги Блока с характерным заголовком «Незрячий пророк», где автор, в частности, утверждал, что «идеология Блока беспомощна и пресна». Вне времени оказалось утверждение критика Кинто из заметки «Узаконенное любительство»: «В наши дни начинающие предприимчивее. Они пустили в обращение странную легенду, которой сами первые и поверили: о международной интриге против них старших собратьев, редакторов, издателей, метранпажей и едва ли не брошюровщиц. Тайны мадридского литературного двора всех времен, расцвеченные безгранично щедрой к себе самовлюбленностью, до мельчайших подробностей известны каждому из них, едва знакомому с употреблением рифм «смерть-твердь-жердь»... И, конечно, ультра-левый уклон новой поэзии, производящий каждого прохожего, принявшего ее каноны, в гении, вытащил всех их, воюющих и голосящих артельно и повзводно, на бесчисленные эстрады...» (№ 2. С. 39—40).

Хотя журнал не стремился акцентировать свое политическое кредо, на эмоциональном уровне не скрыть было ностальгической тоски по оставленной родине. Она пронизывала материалы разных жанров, отголоски ее можно было найти даже в ста-

тьях на внешне, казалось бы, нейтральные темы. Сквозной нитью проходит во многих публикациях любовь к России и русскому. А.Н.Толстой (и не случайно именно он) пишет о картинах С.Судейкина (№ 1. С. 23—28), говоря о нем как о «могучем и яростном колористе», называет его «подчеркнуто русским художником». Номер заполнен подтверждающими эти высказывания репродукциями Судейкина: «Девка», «Чаепитие «под машину», «Усадьба», «Катанье на масленице», «Романс Глинки», «Бульварчик», «Трактирчик», — одни названия говорят сами за себя. Толстого, как и Судейкина, восхищает близкий и ему тоже «чудесный, полный поэзии, радости и юмора мир старинных пейзажей, дворянских усадеб, хороводов под зеленой сенью рощи жеманных молодых людей, влюбленных в сельских красавиц: оживший мир беспечной прелести и любви... ярмарки, балаганы... румяные купчихи... курносый чиновник... трактиры, непомерные бабищи, рассолодевшие девки... сказочный мир глиняных вятских игрушек... упившийся сладострастием и ленью восток...» Это сочетание Востока и Запада, соединение двух культур и есть Россия, в понимании близких по духу художника и писателя. «Россия сегодняшнего дня, — заключает А.Толстой, — исступленные, кровавые судороги двух слившихся, наконец, миров. Россия будущего — благодать изобилия, цветение земли, мировая тишина. Русскому искусству — венец на пиру» (№ 1. С. 28).

Репродукции работ Судейкина украшают страницы многих номеров журнала: «Русская пастораль» и «В старину» (№ 7), «Игрушки», «Катанье с гор» (№ 4—5), «Из жизни старой усадьбы» и «Московские невесты» (№ 9), «Катенька», «Хоровод», «Фарфор», «Смотрины» (№ 12). В № 12 вновь появляется очерк о художнике «Судейкин в кабаре». В.Татаринов подчеркивает в нем иную ипостась творчества художника-экспериментатора. Судейкин пускает в ход русский лубок и старинный фарфор, балаган и гобелены, дерево и кружево. «Прелестные в своей аляповатости русские олеографии сменяются изящными, дразнящими силуэтами и масками из итальянской «comedia dell'arte» (с. 22—23).

Художники и поэты, прозаики и критики «унесли Россию с собой», о чем не раз говорят страницы журнала. А.Черный посвящает стихотворение «Весна на Крестовском» *А.И.Куприну*, где от имени всех эмигрантов признает: «О родине каждый из нас вспоминая, / В тоскующем сердце унес / Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая, / Кто заросли ялтинских роз...» (№ 2. С. 20). В лирической зарисовке А.Трубникова «Петербург» автору не избыть своей тоски по родине: «Что имеем, — не храним, потерявши плачем... Кто из нас, когда Петербург был близок, когда мы жили в нем, не бранил за слякоть, холод и тьму, не мечтал вырваться из гнилого болота в веселый Париж или к лазурному морю!.. Кто из нас теперь, когда Петербург далеко, не вспоминает с тоскою былого Петербурга!..» (№ 2. С. 21—22). Очерк сопровождают гравюры старого города, столь милые сердцу каждого петербуржца: «Сенатская площадь и памятник Петру I», «Сенат», «Старый Петербург. Нева», «Старый Петербург. Вид на Неву и Зимний дворец» (с. 21—23). В № 13 в материале с названием «Старый Петербург» автор Л.К-ов вновь вернется к теме родного города. Из старых альбомов взяты цветные гравюры, что вызывает «прилив невыразимой тоски по утерянному, невозвратно минувшему...» «Набережная Невы», «Вид на Исаакий», «Церковь Николы Морского», «Зимний Дворец», «Памятник Петру Великому», «Невский проспект» (№ 13. С. 9—14) — музыкой звучат для эмигрантов эти названия.

В № 6 *А.Дроздов* бередит сердце былых москвичей ностальгической зарисовкой «Московское»: «...Москва златоглавая, сердце родины моей, так ли в нынешнюю зиму начинаешь свое утро, гомоня рынками, Охотным рядом, скрипя полозьями, блистая куполами сорока сороков? Сберег ли Кремль, седой сединою последней, голоса веков, над тобою пролетавших орлиною стаей?..» (№ 6. С. 12). Знает Дроздов горький ответ на свой вопрос, поставленный в 1922, как знают его и читатели журнала. И все-таки верят они: «Люди придут и уйдут. Отживут быстротечные жизни. Что Москва? Все пожары ей — пожары неопалимые, все ядра ей — в стенах ее стрянут. Москва — икона, издалека нам светишь» (там же).

Традиционно часть каждого номера отводилась рассказу о каком-то известном художнике в сопровождении большого числа наиболее ярких его работ. В № 2 публику-

ется статья Г.Л. (Г.Лукомского?) «Как живет и работает И.Я.Билибин» (с. 33—34). Автор развеивает ходившие в то время слухи о мучительной смерти художника, на время пропавшего из поля зрения любителей живописи, и рассказывает о его жизни в Египте, громадной мастерской, в которой он работает, его увлечении Востоком, пряными восточными сказками, Византией. Вспоминается данное А.Толстым определение своеобразия русского художника, которое заключается в сопряжении двух культур — Запада и Востока. Очень значимы слова Бибилина, прекрасно устроенного в бытовом плане и тоскующего по родине: «...порою меня очень тянет в Россию. Я стал более ярым националистом, чем когдалибо, насмотревшись на всех этих носителей культуры — англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаем чувствовать как много мы потеряли...» (разрядка издателей. № 2. С. 34). Билибину посвящена и художественная часть № 14, приуроченная к 25-летию его работы в искусстве. Вновь дан очерк его творчества (с. 2—8; автор подписался инициалами С.Э.). Обложка, эскиз для панно «Корабль», иллюстрация к «Сказке о Золотом петушке», черно-белый карандашный набросок «Старый феллах», цветные репродукции «Борис и Глеб», «Стрельчиха» — все это Билибин. Упоминается о малоизвестном факте работы художника над росписью здания Отделения Госбанка в Нижнем Новгороде.

Любовью к России пронизаны полотна И.Левитана. Статья о нем *С.Горного* публикуется в № 7 (с. 16—20). Журнал представляет репродукции лучших работ художника: «Вечерний звон», «Последний луч», «Летний вечер», «Большая дорога», «Озеро», «Март», «Мельница». Здесь же портрет самого Левитана работы Л.Бакста. Бакстом открывается девятый номер журнала: декорация к «Тамаре», «Портрет Иды Рубинштейн», «Натурщица, эскиз к постановке «Хлои», «Пляж», «Красная султанша». «Возвращение Бакста» — называет свою статью о художнике А.Г.Левинсон (с. 2—5). Речь идет о качественно новом обращении художника к родным истокам. На ином жизненном витке, обогащенный опытом, он открывает для себя забытую Россию, от которой «у эмигрантов-москвичей слезы застилали глаза». «Этот самый западный из русских художников захотел прикоснуться к земле, обогатиться ее соками», — пишет А.Левинсон. Бакст обращается к стране своих воспоминаний, припадая к ней как к источнику живой воды. В этом же номере можно прочитать рецензию на монографию о Л.Бакcте (с. 6—8), увидеть портреты, принадлежащие кисти Бакста, — «Портрет Александра Бенуа» и «Портрет В.В.Розанова» (с. 6).

В десятом номере главное художественное лицо — Ф.Малявин. Номер открывается его рисунком «Девочка», на вкладыше представлена «Натурщица в шляпе». Но самое яркое впечатление остается, конечно же, от нашумевших малявинских «баб» — живых, разудалых, подбоченившихся, неразрывно связанных с именем художника. *С.Маковский* посвящает Малявину свой очерк (с. 2—5), в котором рассказывает, как пришел в искусство этот «гениальный мужичок» из села Казанки Самарской губернии, упоминая о таком малоизвестном факте его биографии, как шестилетний послух на Афоне. Маковского восхищает «стихийная черноземная сила русской одаренности», с которой художнику удалось передать «наше деревенское праздничное бабье царство».

Работы Б.Григорьева читатель журнала мог видеть в девятом номере. В.Татаринов писал о нем: «Россия Бориса Григорьева — не святая Русь Нестерова... не чеховско-левитановская Россия... Григорьев пишет Расею, исконную, настоящую, земляную, черноземную» (№ 9. С. 9—10). Искусствовед обращает внимание и на другую сторону дарования Григорьева, подчеркивая, с какой простотой, бесхитростностью, порой кажущейся небрежностью создает художник свои шедевры, — в этом есть что-то от сохранившейся детской чистоты. Иным предстает Григорьев в очерке Л.Львова (№ 11. С. 2—6). Львов вспоминает, что, замечательный рисовальщик, Григорьев в России «среди мира художников долго слыл парижанином». В противовес увиденной В.Татариновым «детскости» Львов акцентирует внимание на разъедающем яде иронии Григорьева. В 1917 художник писал в России свои этюды и наброски, объединенные позднее в книге с характерным названием «Расея». Жутью и ирреальностью, по словам критика, веет от этой книги, в ней много магического и колдов-

ского. Совершенно иной жизненный этап представляют работы Б.Григорьева, собранные в книгу репродукций «Boui-Boui au bord de la mer»: портовая сутолока юга Франции, пьяный угарный быт, отравленный абсентом. «Видения Бориса Григорьева» — называет свой очерк о нем Л.Львов, но мог бы назвать, подобно А.Левинсону, «Возвращение Бориса Григорьева», поскольку, так же как Бакст, Григорьев не смог избежать ностальгических воспоминаний о родине. «Лики России» — так, высоким стилем, после нарочито сниженной, грубоватой «Расеи», назовет художник последний цикл своих работ, посвященных родение. В № 11 читатель может видеть репродукции Б.Григорьева разных периодов его жизни. Здесь «Рисунок девочки» и «Weltkind», «Дети из народной школы» и «Человек в подвале», «Пророк» и два портрета известных артистов в роли царя Феодора Иоанновича: В.И.Качалова и И.М.Москвина.

На страницах одиннадцатого номера соседствуют две совершенно непохожие друг на друга фигуры из мира искусства: Б.Григорьев и Марк Шагал. О последнем пишет Макс Осборн (с. 13—20). Статья обильно иллюстрирована репродукциями картин Шагала: «Синий дом», «Автопортрет», «Над городом», «Зеленый еврей», «Поцелуй», «Видение», «Ворота еврейского кладбища в Витебске», «Прогулка», «День рождения». Критик признает, что мечтательная фантастика, которой наполнены картины художника, подпитывается реалиями родного мира. Простые, примитивные факты и явления пропускаются Шагалом сквозь призму сказки.

Есть в журнале редкие, архивные материалы. В № 2 это последние страницы дневника *Л.Н.Андреева*, датированные сентябрем 1919, заполненные писателем за 2—3 дня до его трагической кончины. Здесь же один из последних фотопортретов Андреева и снимок его дома в Финляндии. Все это было передано редакции журнала вдовой писателя: «...так все отвратительно в мире, так невыносимо скучно жить, говорить, писать, что не хватает силы и желания написать хоть несколько строк. Для кого? Зачем?» — этими горькими словами закончил свой жизненный путь большой русский писатель (с. 24—26). В № 3 впервые публикуются выдержки из дневника Андреева периода марта—мая 1918 г. А в № 4—5 Андреев предстает перед читателем с совершенно неожиданной стороны. Журнал публикует его письма 1915 к С.Голоушеву (С.Глаголю), с которым они приятельствовали. Здесь же опубликована последняя статья Андреева, написанная им 29 марта 1919 и посвященная творчеству Н.Рериха («Держава Рериха»). Номер обильно проиллюстрирован картинами Рериха: «Cor ardens», «Крик змия», «Колдуны», «Веление неба», «Новгородская церковка», «Знамение», «Владыка», «Перед ливнем» и др. Размышляя о мире Рериха, писатель утверждает: «Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское» (с. 18).

Остались для истории фотографии великих мастеров, корифеев искусства: В.И.Качалова в роли из спектакля К.Гамсуна «У жизни в лапах» (№ 1), Анны Павловой — этой «царевны Лебедь» русской хореографии, волшебницы пластических сказок, как называли ее современники (№ 2), Михаила и Веры Фокиных (№ 2, 7), И.Репина в мастерской в Куоккале за работой, где моделью служит ему известная скрипачка Цецилия Ганзен (№ 9), фотографии актеров Русского Романтического театра Б.Романова, Э.Крюгер, Е.Смирновой, Д.Обуховой (№ 10), коллективный портрет русских художественных деятелей в Нью-Йорке: И.Москвина, Ф.И.Шаляпина, К.С.Станиславского, С.Сорина, В.И.Качалова (№ 11), танцовщиц Е.П.Эдуардовой и Юлии Бекеффи (№ 11), артистки Мариинского театра и Берлинской оперы З.П.Юрьевской (№ 12), артистов дягилевского балета: Любови Чернышовой в «Шехерезаде», Лидии Соколовой в «Священной Весне» и «Параде», Веры Немчиновой в «Спящей красавице» (№ 13), известного русского певца-баса А.И.Мозжухина (№ 14).

Интересующиеся скульптурой читатели могли увидеть снимки удивительных работ Н.Аронсона, словно передающие теплоту обработанного гениальной рукой камня: «Колыбель любви», «Таинственное молчание», «Головка девочки», «Дориан Грей» (№ 14. С. 17—22), а также скульптурные работы с Осеннего салона в Париже (№ 10) и др.

А.Г.Левинсон в газете *«Время»* (1921. 8 авг.) дал оценку места журнала в культур-

ной жизни русского зарубежья: «В дни великой скорби российской, в дни тяжелого национального потрясения у многих слабых духом пропадает вера в духовную силу русского народа. Тяжелые политические события последних лет, разбившие нормальную жизнь России, казалось, погребли надолго и русскую культуру, и русское искусство: в России по голой земле бродит уныло голый человек в поисках куска хлеба, а за границей русские эмигранты, оторванные от России, занимаются сплетнями и обвинениями друга друга в несчастиях России. Но вот появилась «Жар-Птица» и показала нам, что русское искусство живо, что оно по-прежнему велико и что мы можем попрежнему им гордиться».

Е.М.Трубилова

«ЖИЗНЬ» (Берлин, 1920. № 1—12. 1 апреля — 1 октября) — двухнедельный журнал, выходивший с подзаголовком «Вестник мира и труда» под редакцией В.Голубцова и В.Станкевича в издательстве «Жизнь» (Г.А.Гольдберг). Ответственный редактор — Станкевич. «В годовщину первых дней Великой Русской Революции выходит наш журнал, и годовщине этой должны быть посвящены первые мысли и первые наши слова», — говорилось в редакционном обращении, открывавшем первый номер. «Период опустошения и разрушения близок к концу», «с каждым днем ярче предчувствуем мы приближение творческого периода русской революции, который несомненно наступит, какой бы политической вывеской ни прикрывалась власть... Посильному собиранию сил для этой творческой, созидательной работы посвящен наш журнал» (с. 1), — заключали авторы обращения. Журнал являлся печатным органом образованной в Берлине в марте 1920 по инициативе Станкевича и Голубцова группы «Мир и труд», названной И.В.Гессеном «первой политически окрашенной ячейкой, которую, если не по намерениям инициатора, то объективно, можно считать прототипом, лучше сказать — предвестником большевизанства» (Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 34). Не заявляя напрямую о «партийной» принадлежности издания, создатели журнала фактически обозначили ее в самом названии. В первом же номере сообщалось, что цель нового объединения «борьба с морально-политическими и умственными последствиями войны и пропаганда терпимости в борьбе за классовые, национальные и государственные интересы» (с. 40), рассказывалось о выходе в 1920 первого из серии непериодических сборников «Мир и труд». Тем не менее создатели журнала преследовали прежде всего политические цели, и поэтому большинство художественных произведений, опубликованных на страницах «Ж», откровенно тенденциозны. Их авторы, члены группы «Мир и труд» — В.Голубцов, Ю.Офросимов (Г.Росимов), *Р.Гуль*, В.Ковров — описывали ужасы войны, воспевали мирную жизнь, призывали строить «на руинах миров» новую веру, царство Труда. В произведениях Г.Росимова идеология сочеталась с религиозными мотивами — своего рода смесью «скифства» и «богостроительства». Он призывал возводить «Храмы Доброго Бога, Который не любит кровь». В «Ж» печатались Э.С.Кальма (№ 2, 8, 11), Е.Раич (№ 5), В.Маркович (№ 6), Г.Либавский (№ 7), *А.Дроздов* (№ 8).

Значительное место на страницах журнала занимала мемуарная проза. При этом авторы не выступали беспристрастными летописцами: в их произведениях, посвященных преимущественно событиям революционных лет, документальный материал использовался прежде всего для выражения общественно-политической позиции. В «Ж» печатались фрагменты из вышедших вскоре отдельными изданиями книг В.Станкевича «Воспоминания» («Падение Гатчины (Из воспоминаний)». № 5) и Р.Гуля «Ледяной поход» (отдельные главы под общим названием «В походе с Корниловым (Из воспоминаний)». № 1, 2, 7, 9). Реальность и вымысел сливались в очерках В.Голубцова «Заметки в пути: Ночлег в селе Подгорном» (№ 11), «Один из четырех» (№ 5), Н.Виноградова «За колючей проволокой (Очерки плена)» (№ 10), Е.Лундберга «Крест самопреодоления (Из дневника)» (№ 11). В «Ж» были напечатаны мемуары о художественной жизни в России до революции (Барон Н.Дризен. Клочки воспоминаний (В.Ф.Комиссаржевская), № 6; Иванов Ф. Старому Петербургу (Что вспомнилось), № 8) и после (*Григорьев Б.* Искусство и художники в современной России (Из воспоминаний), № 5; О новом, № 12). На страни-

цах «Ж» были опубликованы статьи главного идеолога группы Станкевича — «Интеллигенция и народ» (№ 1), «Как использует советская власть победу?» (№ 2), «Новая партия» (№ 4), «Под новым лозунгом» (№ 11), «Россия и окраинные народы» (№ 12), в которых обосновывалась программа так называемого «культурного примиренчества» с большевиками, выдвигался лозунг «И к красным, и к белым». Эти идеи развивались и в статьях Г.Ландау «Спасайте Россию!» (№ 6), «Чем сильны большевики?» (№ 8).

К группе «Мир и труд» были близки почти все ведущие берлинские «молодые» критики — А.Дроздов, Ф.Иванов, Р.Гуль, Ю.Офросимов (Г.Росимов), Н.Яковлев, на литературные темы писали и В.Станкевич, и *А.Ященко*. В № 8 была опубликована статья В.Станкевича «Нансен или Достоевский? Парадоксы», в которой автор, предвосхищая выступления Ященко в журнале «*Русская книга*», утверждал, что русская литература «для нас — общественное бедствие» (с. 29). Противопоставляя «Евгения Онегина» Пушкина, «Войну и Мир» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского и книгу Нансена «Во тьме и льдах», «выдумку» и «факты», «литературную схоластику» и «жизнь», Станкевич в увлечении художественной литературой видел истоки бед России. Русские писатели — от Пушкина до Чехова — создавали «бесконечную галерею портретов людей, живущих именно «вхолостую», вне всякого полезного дела, вне подвига и осуществления в жизни» (с. 25), превращая их при этом в героев. В результате ушло ощущение реальности, художественные образы заслонили действительность: на смену практическим людям, людям дела пришли живущие в иллюзорном мире мечтатели, для которых учителями стали «выдумщики-романисты, умеющие создавать лишь более или менее забавные пародии на жизнь» (с. 25). С точки зрения Станкевича, «даже самый блестящий роман — сплошная неуклюжая выдумка и неправда», ни в малейшей степени не отражающая действительную жизнь, «самые даже яркие литературные образы являются безнадежным лубком, искажением, упрощением, бескрасочной тенью» (с. 24). Для того чтобы вернуть себе способность действовать, необходимо отказаться от беллетристики, книга должна оставаться лишь источником знаний. Несмотря на то, что именно Станкевич определял политику журнала, в данном случае тональность его выступления не совпадала с общим пафосом литературно-критических статей, опубликованных в «Ж». Большинство критиков рассматривали литературу как форму художественного освоения действительности, видя в ней отражение и объективной реальности, и индивидуальности автора.

Г.Офросимов в очерке «Грядущий Театр» (№ 3) сопоставляет два течения в русской драматургии — театр Островского и театр Чехова: «Первое — в полном слове, в полном жесте, в резком штрихе, в ярко выраженном типе; второе — в недосказанной речи, в полутенях, в сумеречных образах. И то и другое — отображение времени и настроений». Но и Островский, и Чехов — это век девятнадцатый. Жизнь ушла вперед, а те, кто пришли на смену, — символисты, неореалисты, импрессионисты — не смогли создать ничего равного двум «грандиозным постройкам театрального искусства» (с. 23). По мнению Офросимова, только сейчас, после войн и революций, вновь начинается поступательное движение искусства. Старое неизбежно отходит, «грядет новое, близится новый человек со своей особой психикой и эпохой, и Театр чутко уловил его приближение» (с. 25).

О тех изменениях, что неизбежно привносит в литературу время потрясений, писала и Над.Штрассер в статье «О немецкой литературе» (№ 4), где речь шла не только о произведениях Ф.Ведекинда, К.Штернгейма, Л.Франка, Г.Кайзера, Э.Толлера, но и о литературе переломной эпохи, литературе эпохи мировых войн и революций. Взглянуть на Россию сквозь призму немецкой литературы стремился И.Гурвич, опубликовавший в «Ж» пространный критический обзор «Германская литература о большевистской России» (№ 6, 8). Однако большинство статей было все же посвящено размышлениям о судьбах русской литературы. При этом о литературе эмиграции в журнале практически не писали. Исключением является лишь небольшая рецензия Ф.Иванова на книгу Г.Брейтмана «Жуткие рассказы» (Берлин, 1920) (№ 12). С точки зрения А.Дроздова, о литературе эмиграции как о явлении целостном говорить пока что не приходится. В очерке «Писатели за рубе-

жом» (№ 8) он сравнивает оказавшихся за границей русских литераторов и общественных деятелей. Политики ведут активную жизнь, создают партии и объединения; писатели живут «в одиночку», «сиротливо и вяло»; «странна их судьба: вечно одиноки, разъединены, часто враждебны» (с. 29). «Нынче особенно нужна русская литература, хотя бы крохи русской литературы затерянным и зашвырканным жизнью беженцам» (с. 30), — пишет Дроздов.

На страницах «Ж» публиковались материалы и о литературной жизни в советской России. Программа культурного примирения метрополии и эмиграции предполагала пристальное внимание к деятельности писателей, оставшихся на родине. А в литературе метрополии центральное место, по мнению критиков, занимает творчество А.Блока, и прежде всего его поэма «Двенадцать». Полный текст поэмы был напечатан в № 6. В критических выступлениях о Блоке в центре внимания оказываются тесно связанные между собой три темы — Блок и революция, Блок и идеи «скифства», Блок и традиции русской литературы. «Блок и революция» — центральная тема статьи Росимова «О «Двенадцати»» (№ 7), в которой автор писал не только о Блоке, но и о его критиках. Первоначальная реакция критики на поэму Блока была излишне эмоциональна: ее либо отвергали, либо принимали — в зависимости от собственных взглядов; по образному выражению Росимова — проходили мимо и ставили двухцветные трафареты «Большевик — не большевик». Росимов пытается определить те принципы, с которыми надо подходить к произведениям революционных лет. Признав, что «современникам трудно оценить беспристрастно поэму», критик, тем не менее, считает, что, только отбросив в сторону «временное», можно понять творение Блока (с. 27). Тему «скифства» в «миритрудовских» изданиях также впервые затронул Г.Росимов. Его статья «Они и мы («Скифы» Ал.Блока)», опубликованная в № 11, написана уже не столько о Блоке, сколько в связи с Блоком.

О писателях другого лагеря писал Р.Гуль в статье «Пролетарские поэты» (№ 10). Разбирая три выпуска еженедельника московского Пролеткульта «Гудки» за 1919, Гуль отмечает, что на немногих страницах этого журнала сказано много нового, заставляющего задуматься: «В них приятно поражает отсутствие обычной агитационной трескотни и фальшивых выкриков». Критика привлекает вера молодых русских поэтов в то, что «в России слагается новая социалистическая культура будущего», отрицание индивидуалистической направленности дореволюционной литературы, сосредоточенной исключительно на выявлении внутреннего мира автора (с. 15).

Идеи, высказанные на страницах «Ж», получили свое развитие в 1921 в выступлениях пришедшего на смену критико-библиографического ежемесячника «Русская книга», созданного в основном силами бывших сотрудников журнала.

Д.Д.Николаев

«ЖУРНАЛ СОДРУЖЕСТВА» (Выборг. 1933. Январь — 1938. Декабрь) — литературно-общественный ежемесячник. Выходил 15 числа каждого месяца. Основан как печатный орган русской культурно-просветительской ассоциации молодежи «Содружество бывших учащихся Выборгского русского реального лицея» (создано в сентябре 1928). «ЖС» издавался совместно с Выборгским русским культурно-просветительским обществом. В состав редколлегии входили литераторы: Ф.В.Уперов (издатель и ответственный редактор в 1933—36), И.В.Уперов (ответственный редактор в 1936—38), С.Ц.Добровольский, С.Риттенберг. Журнал не преследовал коммерческих целей: вся небольшая прибыль шла на совершенствование издания. В Выборге продавался в книжном магазине А.А.Иванкова, помещении фирмы «Паппери-Аитта», русского реального лицея, в Гельсингфорсе — в клубе русской колонии, магазине колониальных товаров Н.Матросова, Академическом книжном магазине.

Журнал имел представителей в финских городах и населенных пунктах Кексгольм, Котка, Красное Село, Куоккала, Райвола, Сердоболь, Суоярви, Териоки. Интересы за рубежом представляли фирмы «Валтерс и Рапа АГ» (в Латвии), «П.М.Иртель фон Брендорф» (в Эстонии), имелось представительство в Париже.

«ЖС» был задуман с целью «поддерживать и защищать русскую школу, потому что только в ней можно видеть оплот рус-

ской души людей, преодолевающих «распыление» и желающих остаться русскими; осознать и формулировать, чего нам не хватает, т.к. «осознавать» значит уже вступить на путь преодоления недостатков; бороться с провинциализмом и набираться духовной интеллигентности, наконец, постараться разобраться и понять сущность мирового кризиса, непосредственно касающегося каждого из нас и своим гнетом способствующего нашему «распылению» (1933. № 1. С. 2).

Одной из главных задач объявлялось объединение всех русских, живущих в Финляндии, вокруг идеалов русской культуры. В дальнейшем журнал превратился из регионального в орган русскоязычного населения Финляндии, программными принципами которого стали: «никакой политики, отстаивать Русскую идею, стоять на страже Русской культуры и Русского языка, отстаивать интересы очага русской культуры в Выборге — Русского Лицея» (1935. № 1. С. 2—3).

В 72-х номерах журнала освещались события культурной, религиозной и общественной жизни русской колонии в Финляндии, публиковалась информация о положении в России (на основе рассказов беженцев и приезжих, а также тщательного изучения материалов советских газет), помещались высказывания читателей по различным вопросам, культурологические и публицистические статьи, поэзия, рассказы, эссе местных и зарубежных литераторов. Имелись постоянные разделы и рубрики: «Обсуждения» (обмен читательскими мнениями), «Связи» (жизнь русского зарубежья помимо Финляндии), «Осведомительный отдел», «По Финляндии», «Сообщения», «Объявления» (местная культурно-общественная жизнь), «Театр и музыка», «В мире книг». Литературный раздел предоставлял молодым авторам преимущественное право на публикацию.

«ЖС» был первым и до сих пор единственным в Финляндии русским литературным периодическим изданием, получившим международное признание, знакомившим с современной финской литературой, наследием русской литературы и молодой поэзией русского зарубежья. Первоначально ориентированный на русского читателя в Финляндии, с 1935 журнал печатает все больше материалов, касающихся всей русской эмиграции. Если в 1933—1934 большинство материалов составляли написанные выборгскими и гельсингфорсскими литераторами (*В.Булич*, Ю.Григорков, С.Риттенберг и др., вплоть до учеников Русского лицея), то в последующие годы в журнале печатаются *Ю.Терапиано*, *П.Ставров*, Б.Новосадов, *З.Шаховская*, *С.Шаршун*, *Л.Гомолицкий*, *Н.Белоцветов*, *В.Мамченко*, *Е.Таубер*, *Ю.Мандельштам* (который дебютировал в журнале еще в 1933 г., № 8, статьей «О новой поэзии»), *И.Голенищев-Кутузов*, *С.Горный*, *И.Сабурова*, *Ю.Иваск*, М.Росс, К.Гершельман, Е.Базилевская, А.Перфильева, *Р.Блох*, *С.Прегель*, В.Дряхлов, *Г.Раевский*, Б.Закович, Л.Кельберин, *Э.Чегринцева*, *Л.Зуров*, К.Клингер, *А.Кондратьев*, представляющие большинство европейских стран, где жили русские эмигранты.

Журнал живо откликался на события в русской культурной жизни Финляндии. В частности, в 1935 редакция совместно с «Содружеством бывших учащихся Выборгского русского реального лицея» организовали сбор пожертвований на приведение в порядок заброшенной могилы *Леонида Андреева* и установку памятника на ней. Помимо русских жителей Финляндии эту акцию поддержали сотрудники парижских «*Последних новостей*», «Русского еженедельника в Бельгии», «Русского голоса» (Белград), журнала «Новь», члены литературного объединения «*Цех поэтов*» в Ревеле. В трудные предвоенные годы публикации журнала отличались смелыми, откровенными высказываниями, направленными против политической реакции и антирусской пропаганды, вызывавшими уважение читателей. В одной из редакционных статей, посвященных итогам работы журнала, подчеркивалось, что «в трудных эмигрантских условиях, среди постоянных материльных трудностей, растущего равнодушия зарубежных русских к культурным начинаниям... в условиях жестокой борьбы за существование мы хотим оставаться русскими, хотим сохранить и поддерживать в себе то, что делает нас русскими, — русскую культуру» (1937. № 1. С. 2—3). Журнал прекратил существование в связи с началом событий, приведших к советско-финской войне.

Л.А.Еськина

З

«ЗАРНИЦА» (Нью-Йорк, 1925—1927. № 1—18) — литературный и научно-популярный журнал, выпускался издательско-просветительской группой «Зарница», созданной в 1923 и состоявшей из 16 человек, среди которых наиболее активное участие принимали Е.Розен — издатель журнала и редактор-издатель И.Дзиоменко, друг писателя и библиографа *Н.А.Рубакина*, культурно-просветительские идеи которого и были положены в основу издательской политики группы. Редакция располагалась на 130 Ист 7-й улице, а сам журнал печатался в типографии Атлантик Базар К°, где выходили и многие другие русскоязычные издания. Изворотливая финансовая политика издателей (журнал финансировался самими членами группы «З», многие из которых имели собственное дело в Америке), подписная кампания, развернутая во многих городах восточного побережья, активная деятельность добровольных агентов-распространителей обеспечили журналу относительно долгую, по эмигрантским меркам Нью-Йорка середины 1920-х, жизнь. «З» занимала особое место среди русскоязычных периодических изданий как в Америке, так и в других центрах российской эмиграции в период между двумя войнами. Если в Европе эмигрант из России начинал издательское дело с нуля, следуя национальным российским традициям, то в Америке к моменту прибытия послереволюционных беженцев уже существовала традиция издания русскоязычной периодики, восходящая к 1867, когда русский поселенец Агапий Гончаренко выпустил первую газету на русском языке «Вестник Аляски» (Окунцов И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 311; Сватиков С. Агапий Гончаренко — основатель русской печати в Северной Америке // *Временник Общества друзей русской книги*. Париж, 1938. № 4. С. 251—252). К 1917 выходило 24 периодических издания по данным, приведенным И.Окунцовым, редактором и основателем старейшей в Америке русскоязычной газеты «*Новое русское слово*» (Нью-Йорк, 1910 — продолжается), общественным деятелем, своего рода летописцем культурной жизни русской колонии в Америке 1910—1920 (Окунцов. С. 311). В Америке еще до революции проживало три миллиона выходцев из России, по сведениям В.Петрова, автора книги «Русские в Америке. XX век» (Вашингтон, 1992. С. 10), преимущественно малограмотных крестьян и рабочих, приехавших на заработки, а также сектантов и революционеров, социалистов и анархистов, скрывавшихся первоначально от преследований царского правительства, а затем и от большевиков. Духовными потребностями такой аудитории определялся характер русскоязычной печатной продукции в Америке до революции и в первые послереволюционные годы. Интересы этой многочисленной группы колонистов были направлены на овладение грамотой и основами какого-нибудь ремесла, они «редко восходили до общей литературы, обычной для культурного человека», как отмечалось в статье К.Солнцева «Русская книга в Америке» (Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. № 1. С. 8). Тем не менее, по свидетельству того же Солнцева, любимыми писателями «старого» колониста (так назывались в русско-американской эмиграции дореволюционные колонисты в отличие от «новых», послереволюционных) были Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, а также *М.Горький*. За все время существования русской печати в Америке вплоть до 1930-х вышло около 188 периодических изданий (Окунцов. С. 311), и из них 15 — «литературно-научных». Определение «литературно-научный» довольно точно характеризует жанр издания: журнала, альманаха, сборника, антологии, — отвечавшего запросам «старого» колониста, обращавшегося к книге лишь ради развлечения, отдыха или восполнения пробелов в знаниях. В 1918—1919 вышли журналы, альманахи и сборники, сами названия которых свидетельст-

вуют о развлекательно-популяризаторском характере изданий: «Досуг: первый, изданный в Америке сборник рассказов, очерков, стихотворений и рисунков» (Нью-Йорк, 1918), «Книга смеха» (Нью-Йорк, 1918), «Школа на дому: журнал для самообразования» (Нью-Йорк, 1919. № 1—4), «Жизнь и смех» (Нью-Йорк, 1918. № 1) и некоторые другие.

Однако постепенно, в связи с приездом «новых» эмигрантов и началом их издательской деятельности, изменяется характер изданий, исчезает популяризаторство и «развлекательность», журнал становится способом выживания и сохранения русской культуры в условиях иноязычной среды. Характерны названия журналов и сборников, выпускавшихся в начале 1920-х: «Скорбь земли русской»; на обл. «Скорбь земли родной» (Нью-Йорк, 1920), «Родная земля» (Нью-Йорк, 1920—21), «Жизнь» (Нью-Йорк, 1924—25. № 1—9).

Журнал «З» занимает как бы промежуточное положение между изданиями «старых» и «новых» колонистов. Созданный журналистом из среды рабочих, он был адресован в первую очередь малообразованному читателю и преследовал культурно-просветительские цели — «способствовать распространению знаний среди русских колонистов» (Зарница. 1925. № 1. С. 1). Привлечение к сотрудничеству профессиональных литераторов и писателей из числа приехавших после революции, среди которых *Г.Д.Гребенщиков*, *С.И.Гусев-Оренбургский*, литературный критик А.Л.Фовицкий, поэт Николай Алл (Дворжицкий Н.Н.), театральный художник и критик Р.Ван Розен, его сестра поэтесса Беатриса Ван Розен, общественный деятель и журналист *Л.Нелидова-Фивейская*, председатель Фонда помощи ученым и литераторам К.М.Оберучев, переводчица Н.Селиванова и др., значительно расширило содержательные рамки журнала и способствовало увеличению числа читателей из образованных слоев русской колонии. «Трудовики», как называли интеллигентов из рабочих, также были представлены в журнале. Это поэты М.Стоцкий и В.Бондаренко, выпустившие по сборнику стихов, литературный критик И.Л.Тартак, преподаватель *Русского народного университета*, известный своими выступлениями против *Д.Бурлюка* в защиту реалистического искусства, драматург, священник А.Ф.Алехин и некоторые другие.

Первоначально «новые» эмигранты предпочитали издавать в Америке собственные журналы, и таких попыток В.А.Розенберг насчитывает в начале 1920-х до 15 (Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Вып. 1. С. 132). Наибольшую известность получили издания одесского журналиста и издателя Л.М.Камышникова «Зеленый журнал» (Нью-Йорк, 1924. № 1—2), «Временник» (Нью-Йорк, 1924. № 1) С.И.Гусева-Оренбургского и В.М.Левина, поэта, бывшего издателя-редактора эсеровских газет, а также «Жизнь» (Нью-Йорк, 1924/25. № 1—9), ставшая продолжением «Временника», выход которого был прекращен после первого номера. Появление «Зеленого журнала» горячо поддержали русские эмигранты, был даже устроен благотворительный вечер с целью сбора средств для продолжения издания (НРС. 1925. 1 янв. С. 3), в журнале приняли участие ведущие литераторы послереволюционной русской Америки: Г.Гребенщиков, художник, писатель и издатель С.В.Животовский, поэт, очеркист, сотрудник газеты «Новое русское слово» В.М.Ильин. Так же как и в «З», о русском искусстве в Америке писал Р.Ван Розен, в журнале помещены главы из романа «Виллиам Круч» Камышникова, воспоминания бывшего прокурора Петербургской судебной палаты Н.Каринского «Кто освободил большевиков перед октябрьским переворотом». Из «старых» колонистов в журнале был представлен все тот же неутомимый И.Окунцов, в статье которого «Американская Русь» приводились сведения о дореволюционной эмиграции в Америке. Журнал не претендовал на название «серьезного» ни по объему (каждый номер насчитывал не более 30 страниц), ни по содержанию: в очерках, бытовых зарисовках, рассказах с иронией повествовалось о злоключениях русского эмигранта в Америке (С.Животовский «Дурень», В.Ильин «Кнопка», «Ревельская килька»). Из российских писателей предпочтение отдавалось *А.Аверченко*. И все же «Зеленый журнал» не пользовался широким спросом, вероятно, потому что был адресован преимущественно «новому» эмигранту, учитывал его культурные интересы и уровень образования. Как отмечал Окунцов, «живучими оказались только те органы печати, кото-

рые велись русскими работниками пера, знающими колонию и интересующимися ею» (Окунцов. С. 311).

«З» можно отнести к жанру «серьезных», хотя и не «толстых» журналов: объем каждого номера не превышал 35 страниц, причем последние несколько страниц отданы разного рода рекламным объявлениям в соответствии с американскими издательскими стандартами. Объединение писателей двух эмиграций не было случайным: их связывал своего рода духовный и эстетический «традиционализм», приверженность реалистической ориентации, народническо-демократические принципы, вера в просветительскую миссию художественной литературы и в особенности русской литературы XIX в. Идейное толстовство также сближало сотрудников и авторов «З»; постоянно печатались писатели «толстовского круга» — биограф Л.Толстого П.И.Бирюков, писатель-самоучка С.Т.Семенов, И.И.Горбунов-Посадов, представленный многочисленными публикациями: стихи, статьи о творчестве Толстого и о деятельности издательства «Посредник», которым он руководил, очерки. В нескольких номерах публиковались отрывки из незаконченного романа Л.Толстого о Петре I (№ 4, 5, 7, 13). Сын Толстого, Илья, живший в Америке с 1916, также поместил в журнале свои стихи (№ 14). Шестой номер был посвящен 15-летию со дня смерти писателя и содержал материалы, не публиковавшиеся прежде, в частности, воспоминания Г.Д.Гребенщикова о посещении им Толстого в марте 1909 в его яснополянском имении, а также А.Л.Фовицкого, литератора, сына Л.Е.Оболенского, редактора-издателя «Русского богатства», друга Толстого, о его визите в хамовнический дом писателя в 1900. Один из ведущих литературных критиков русской колонии И.Л.Тартак поместил в этом же «юбилейном» номере статью о восприятии творчества Толстого на Западе, особое внимание уделяя оценкам англо-американских критиков (М.Арнольда, У.Д.Хоуэллса). Характерной особенностью материалов в «З» о Толстом было целостное восприятие различных сторон творчества писателя. В статье Г.Я.Полонского Толстой-художник противопоставляется Толстому-моралисту.

Из современных писателей, как советских, так и эмигрантских (различия между ними редакторы не проводили), предпочтение отдавалось писателям демократическо-реалистической ориентации, в том числе В.Я.Шишкову (№ 1), А.А.Демидову, автобиография которого и комментарии к ней Н.А.Рубакина были опубликованы в постоянном разделе журнала «Самородки» (№ 3), *С.Г.Петрову-Скитальцу*, чей рассказ «Сквозь строй», помещенный в последнем номере журнала (№ 18), сопровождала статья А.Л.Фовицкого о творчестве писателя.

Верность редакторов демократическим традициям иногда вступала в противоречие с их же эстетическими принципами. Один из создателей журнала Н.А.Рубакин (статьи которого публиковались в каждом номере) отметил низкий художественный уровень публикуемых стихотворений поэтов-самоучек из среды «старых» колонистов (№ 14). Традиционализм издателя И.Дзиоменко зачастую граничил с консерватизмом, особенно в отношении к современному искусству, которое, как он полагал, явилось одной из причин, вызвавших революционные катаклизмы в России, причем наиболее разрушительное воздействие оказали, по его мнению, футуризм и имажинизм (№ 17). Несмотря на негативное отношение к имажинизму, после смерти Есенина появляется несколько публикаций о поэте, две из которых — воспоминания о встречах с ним Гребенщикова и анализ сквозных мотивов в творчестве Есенина.

Гребенщиков и Фовицкий являлись постоянными сотрудниками журнала, помещая иногда по несколько публикаций в номере. Гребенщиков напечатал 13 своих материалов в «З», включая рассказы, воспоминания, отклики на текущие события культурной жизни русского Нью-Йорка. Несмотря на то, что Гребенщиков не пытался издавать собственный журнал (в 1924 при его участии в Нью-Йорке было создано издательство «Алатас»), он принимал настолько активное участие в деятельности «З» — и не только журнальной, например, организовывал вечера, посвященные Л.Толстому (22 ноября 1925), приезду МХТ в Нью-Йорк (26 января 1926), — что журнал «З» можно назвать «журналом Гребенщикова». Кроме того, редакторы «З» постоянно предоставляли ему место на страницах журнала для размещения рекламы издательства «Алатас», что было немаловажно для начинающего издателя, даже когда

издателем был такой крупный писатель, как Гребенщиков. Гребенщиков поддерживал консервативную позицию основателей журнала по отношению к новому искусству и новым видам искусства. В своей речи в честь приезда МХТ (опубликованной в «З») он отнес кинематограф и радио к числу «противников истинного искусства» (№ 9). Традиционализм творческой манеры писателя, его приверженность реалистическому письму воспринимались его более радикально настроенными современниками как «старомодные». Руководитель Музыкальной студии МХТ В.И.Немирович-Данченко в интервью, данном Гребенщикову как корреспонденту «З» во время пребывания студии в Америке, упрекнул писателя: «У Вас установилась форма, отставшая от наших молодых, теперешних» (№ 7. С. 5). Сотрудничество с «З» было, вероятно, не случайным для Гребенщикова выбором. Он мог ощущать более тесную связь с «трудовиком», интеллигентом из крестьян, похожим на героев его эпопеи «Чураевы» и других произведений, чем остальные деятели культуры послереволюционной эмиграции. В воспоминаниях о Есенине Гребенщиков приводит слова поэта о себе, сказанные во время их встречи в Берлине в 1922: «Почему Вы не в России? Что, у Вас голубая кровь? Ведь Вы же наш брат, Ерема!» (№ 9; переизд.: Русское зарубежье о Есенине. М., 1993. № 1. С. 99). Среди других публикаций Гребенщикова в «З» следует отметить воспоминания писателя «Из моей жизни: странички автобиографии» (№ 1), фрагмент из третьего тома эпопеи «Чураевы», в котором описываются впечатления героев, Василия и его жены, от посещения МХТ в Москве, «Тогда в Москве» (№ 7). Были также напечатаны художественные произведения писателя: рассказы «Огонь» (№ 2), «Лорд из Аутки» (№ 12), стихи «Псалом о страннике», посвященные Рабиндранату Тагору (№ 14), автобиографическая зарисовка «Первое путешествие в горы Алтая» (№ 11). Кроме того, в «З» содержатся материалы о жизни и деятельности Гребенщикова в Америке, рецензии на его книги. Один из номеров посвящен 20-летию литературной деятельности писателя и включает в себя стихи *К.Бальмонта*, С.Клычкова, адресованные Гребенщикову, статью И.Савченко о создании русского культурного центра в «деревне Чураевка» (так Гребенщиков называл место у г.Саутбери, шт.Коннектикут, где жил в то время). Отчет о вечере в честь Гребенщикова, организованном «З», на котором присутствовали Ф.Шаляпин, С.Рахманинов, М. и В.Фокины, С.Коненков, помещен в разделе хроники номера 12.

Занятый изданием собственного журнала и организацией деятельности издательства «Орион», С.И.Гусев-Оренбургский опубликовал в «З» только небольшой фрагмент романа «В миру человек» (№ 2). В журнале помещены также несколько рецензий на книги Гусева-Оренбургского, вышедшие в Америке (№ 1, 16), одна из которых была написана постоянным сотрудником журнала, литературным и театральным критиком А.Л.Фовицким. Работы Фовицкого, посвященные К.Бальмонту и А.Пушкину, его обзоры книжных новинок стали настоящим открытием журнала. Фовицкий принадлежал к тем деятелям русской культуры, которые получили известность в эмиграции. Помимо «З» он широко печатается в газете «Новое русское слово», в составе редакции которой состоял; он читал также лекции по русской и зарубежной литературе в Русском народном университете в Нью-Йорке, был избран его деканом. Статьи Фовицкого в «З» выделяются широтой проблематики, кругом упоминаемых имен писателей, философов, литературоведов, как русских, так и зарубежных, обнаруживают знакомство с новейшими течениями современного искусства. Написанные как импрессионистические эссе, его исследования, в частности, о творчестве К.Бальмонта (№ 1), основываются на анализе художественной формы: рифмы, ритма, и критик рассматривает поэтические приемы как знаки «звездной грамоты», «пути поэта к познанию философии бытия» (с. 12).

О том, что консерватизм издателей «З» не был догматическим, свидетельствует привлечение к сотрудничеству представителя авангарда, театрального художника и критика Р.Ван Розена, который вел раздел «Искусство» в журнале и знакомил читателей с наиболее интересными выставками русского творчества в Нью-Йорке.

Как и многие другие русскоязычные журналы в Америке, «З» перестала выходить из-за финансовых трудностей. Издатели неоднократно обращались к читателям с просьбой оказать финансовую помощь

«почти единственному на всю Америку русскому журналу». Из редакционной статьи в предпоследнем номере журнала угадывается, что «З» перестала пользоваться поддержкой русской колонии, причем вина возлагалась на читателей: «Нет ничего нового под русским солнцем в Америке, ни сильного порыва, ни сдвига» (с. 1). Опытный газетчик М.Вейнбаум, отмечая достоинства журнала, пишет вместе с тем о низком качестве издания (НРС. 1926. 6 янв.). Другой журналист и писатель *А.Ветлугин* выражал сомнения в целесообразности издания русскоязычной периодики в Америке: «Никакой культуртрегер, никакой Рубакин не в состоянии оживить журнал. Русским, живущим в Америке, нужно говорить и писать об Америке» (№ 14).

Т.В.Селезнева

«ЗАРНИЦЫ» (Константинополь, София, 1921. № 1—26. 18 февраля — 6 ноября) — еженедельный журнал, создан по инициативе Н.Н.Чебышева, возглавившего после падения Крыма русское Бюро печати в Константинополе. В условиях жесткой цензуры, работавшей под наблюдением союзной контрразведки, новый журнал должен был стать главным пропагандистским органом русской колонии в Константинополе, поскольку единственная русская газета «Пресс дю суар» выходила по требованию властей на двух языках и под их тщательным контролем. Именно по соображениям безопасности Чебышев отказался от мысли об ежедневной газете, так как «надо было иметь что-то легкое, не громоздкое, что можно было бы передвинуть в любую страну по соседству» (Чебышев Н.Н. Близкая даль: Воспоминания. Париж, 1933. С. 289). По этой же причине первые два номера вышли с подзаголовком «Альманах», маскируясь под чисто литературное издание. Однако после второго номера «З» было воспрещено выходить в Константинополе: «Французы пришли в ярость... Показалось обидным, что вот ухитрились же люди под носом у междусоюзной полиции выпускать политический журнал, на одном языке, без разрешения, без предварительной цензуры» (Там же. С. 315). Печатание журнала было перенесено в Софию, куда доставлялся из Константинополя весь материал. Третий номер, появившийся после вынужденного месячного перерыва, имел уже новый подзаголовок — «Еженедельный общественный журнал». Однако этот номер был конфискован в книжных магазинах и у газетчиков в Константинополе полицией, так как, по мнению Цензурного союзнического комитета в Константинополе, в «З» публиковались сообщения (приказы, воззвания и постановления общественных организаций), запрещенные константинопольской союзной цензурой для местной печати; было издано распоряжение о воспрещении продажи журнала «З» в пределах Константинополя. «От продажи в Константинополе пришлось отказаться. Но мне не запрещалось дарить журнал, — вспоминал Чебышев. — «Зарницы» в Константинополе стали раздаваться даром — нотаблям русской колонии и учреждениям. Это было убыточно. Но пропагандная цель достигалась не хуже. Журнал расхватывали, гонения на него стали всем известны. На обложке не без озорства постоянно печаталось: «Запрещен к продаже в Константинополе» (Там же. С. 316—317). В дальнейшем журнал еще дважды менял свой подзаголовок: с № 5 на обложке, а с № 8 и на титуле появляется — «Русский национальный еженедельник», а с № 13 остаются лишь слова «Русский еженедельник».

Сложные взаимоотношения с константинопольскими властями объясняются, главным образом, близостью Чебышева к генералу Врангелю: «Зарницы» являлись «полуофициальным» органом Ставки Верховного командования Русской армией, а затем и Русского совета, и предназначались прежде всего для распространения среди эвакуированных из Крыма русских солдат и офицеров — свыше тысячи экземпляров каждого выпуска бесплатно рассылалось в лагеря Галлиполи, Чаталджа и на Лемносе. Создатели журнала видели свою задачу в том, чтобы поддерживать моральный дух Русской армии, противостоять «разрушительной» пропаганде левых изданий. Направление журнала поддерживала и большая часть его сотрудников, объединившихся вокруг одного из немногих «правых» печатных органов.

Формальным редактором «З» выступил И.М.Каллиников, молодой журналист, редактировавший ранее в Киеве газету «Вечерние Огни». Он занимался преимущест-

венно организационной стороной дела, никак не влияя на редакционную политику, но, по свидетельству Чебышева, с большой теплотой писавшего о своем коллеге, полностью ее разделяя. Активное участие в издании принимали руководившие вместе с Чебышевым севастопольской «неомонархической» газетой «Великая Россия» Н.Н.Львов и В.М.Левитский, печатались также кн. Пав.Дм.Долгорукий, *К.Мочульский,* гр. В.В.Мусин-Пушкин, А.И.Назаров, К.С.Острожский, В.С.Полянский, Б.К.Проскуряков, Я.Н.Репнинский, кн. Г.Н.Трубецкой и др.

По мнению Чебышева, выраженному в статье «Где Россия?» (№ 2), после революции произошло «парадоксальное перемещение национального сердца народа на чужбину». Если раньше «эмиграция и власть представляли собой разные отражения одинаковых в существе национальных устремлений», так что «у них было гораздо больше точек соприкосновения, чем расхождения», то новые «московские хозяева отрицают русскую нацию». Россия для них — лишь «горсть стружек для поджога», «пустая стена, которую они замазывают клейстером для наклейки громадного агитационного плаката», «брошенный дом, удобный для налетов на современную культуру, — не более...» (с. 1). Свою позицию Чебышев развивал в дальнейшем в передовых статьях «Интервенция» (№ 19), «Молчальница» (№ 20), «Сегодня и завтра» (№ 21), «Гипноз наглости» (№ 22). Он ожесточенно полемизировал с «левыми» органами печати — прежде всего с эсеровской *«Волей России»* и милюковскими *«Последними новостями»*. При этом характеристики Чебышева носили подчеркнуто резкий характер. О «Воле России»: «Номера переполнены статьями, заметками, сообщениями, по фактическому содержанию лживыми, а по проводимым в них мыслям гнусными, как все, что может печататься в газете, украшенной именами г.г. *Зензинова*, Лебедева и Минора» («Господа эс-эры» // № 3. С. 6); о «Последних новостях»: «В газете изо дня в день печатается какая-нибудь дрянь про армию, Главное командование и Русский совет. Вранье это сделалось настолько привычным, что даже пропала охота его опровергать» (там же). Оппоненты, впрочем, не оставались в долгу. Гневную отповедь И.Каллиникова («Вынужденный ответ», № 8) вызвала заметка П.Рысса «Старые знакомцы», в которой тот называл «З» изданием «обычного черносотенного типа», а его сотрудников — «погромщиками по профессии и лживыми доносчиками по склонности» (ПН. 1921. 13 апр.).

Наряду с Чебышевым на общественно-политические темы регулярно писал *В.В.Шульгин* («Без перевода», № 2; «Тайные инструкции», № 14; «Мовчат, бо благоденствуют», № 17 и др.). В «З» появилась также статья В.Шульгина «1920 год» (№ 15) — его объяснения в связи с началом публикации в *«Русской мысли»* книги «1920 год»: автор протестовал против искажения смысла его очерков газетами левого лагеря: «Приводимые этими газетами цитаты хотя и заключаются в «1920 годе», но относятся к характеристике 1919-го, вернее, конца его, т.е. той эпохи, когда Добровольческая армия отступала» (с. 9).

В центре каждого номера находились материалы, рассказывающие о русских в Константинополе и на Балканах. Печатались полубеллетризованные очерки, авторы которых стремились передать мироощущение людей, оказавшихся в эмиграции, «дух эпохи». Валерий Левитский писал о христианских святынях Царьграда — Св.Софии («Премудрость Божия», № 15), мозаике бывшего греческого монастыря Хора («Кахрие-Джами», № 17), посещение которых способно на несколько часов перенести на родину, очистить и укрепить издерганную, усталую беженскую душу.

Несмотря на скромный объем номеров, редакция привлекала к сотрудничеству видных писателей и журналистов, причем не только из числа тех, кто находился в это время в Константинополе (в феврале 1921 в *«Союзе русских писателей и журналистов»* в Константинополе было зарегистрировано 85 человек). В «З» печатались стихи М.А.Волошина, *В.И.Горянского*, Вл.Ленского, А.А.Столыпина, А.М.Федорова, *И.Г.Эренбурга*, проза *Б.А.Лазаревского*, *И.Ф.Наживина*, *Е.Н.Чирикова*.

Из номера в номер в «З» публиковались произведения *А.Т.Аверченко* и *И.Д.Сургучева*. А.Т.Аверченко поместил в журнале ряд рассказов-фельетонов, персонажами которых стали Керенский, Троцкий, Крупская, Ллойд-Джордж и др. («Нечаянная радость», № 2; «Шапка Мономаха», № 4; «Лошадь в сенате», № 19 и др.); в № 15 он печатает второе «Приятельское письмо Ле-

нину от Аркадия Аверченко» (первое появилось еще в России в «Новом Сатириконе», 1918. № 12). Персонажами Аверченко становятся и эмигранты в Константинополе («Атташе Канторович», № 21), и те, кто остался под большевиками («Взрыв возмущения», № 23), и сами большевики («Свобода печати», № 13). В недалекое, как надеется автор, будущее переносит читателей рассказ «Последний» (№ 17). Аверченко дает зарисовки из цикла «Салат из булавок», а также ведет сатирическое обозрение печати «Пауки в банке» (аналог сатириконского раздела «Перья из хвоста»), подписывая его своим псевдонимом Медуза-Горгона. Особняком стоит рассказ «Американцы» (№ 7), в котором писатель благодарит Соединенные Штаты за их непримиримую позицию по отношению к большевикам.

Если Аверченко никогда не забывает о большевиках, то И.Д.Сургучев, наоборот, стремится максимально отрешиться от событий в России. «Большая трагедия русского журналиста заключается сейчас в том, что все дороги ведут в Рим. Вы можете писать только или почти только о большевиках. Большевики, большевики, большевики...» — так начинает он свой очерк «Дом Чехова» (№ 7. С. 5). Ужасам большевизма Сургучев противопоставляет все хорошее, что он может увидеть или вспомнить. Даже в рассказе об Айседоре Дункан он не обличает танцовщицу за приезд в советскую Россию, а вспоминает ее дебют на французской сцене, свое первое впечатление от ее искусства и пытается понять, что привело Дункан в стан большевиков (№ 14). Сургучев рассказывает о жизни Русской армии в лагерях, публикуя серию очерков («В Галлиполи», № 3; «Лемнос», № 4), повествует о своей поездке «По славянским землям» (№ 21). Обращаясь к прошлому, Сургучев вспоминает те моменты, когда он гордился своим отечеством. В рассказе «Итальянские силуэты» он заставляет читателей вспомнить, «что такое был «русский» в прошлом» (№ 17). Сургучев пишет о предательстве большевиков («Троянский конь», № 2), о моральном облике новых вождей («Золотая бритва», № 5), о глупости тех, кто субсидировал Ленина («Купцы», № 13); размышляет о причинах, «по которым эта русская революция обратилась в бедлам, в сумасшедший дом, в какое-то подобие всемирного потопа, еще не пережившего своих сорока дней» («Гаврила», № 19. С. 8). Даже в Пасхальном номере он говорит не столько о грядущем, сколько о настоящем, когда «любовь поругана, оплевана, затоптана в окровавленную грязь жизни». Уже «нет в душе былой радости, которой загоралась душа в Светлое Воскресение», «душа не приемлет светлых риз праздничных и все еще полна скорбных настроений страстной седмицы... ибо на родине нашей вот уже три года длится «страстная седмица», три года распинается Христос, и не Бог любви, а Бог мести властвует еще над землей и порабощенными душами человеческими...» («Пасха», № 8). Лишь рассказ «Белые грибы» (№ 17) хоть в какой-то степени возвращает нас в безмятежное прошлое.

В обзорных статьях журнала критики касались и жизни писателей в метрополии («Как живут писатели в советской России», № 20), и творчества эмигрантов («Будни», № 21). Статья В.М.Левитского «Творчество на чужбине» (№ 4) стала программной на страницах «З». «Замолкло творческое слово в мертвой «Республике Советов». Ужасные вести приходят оттуда. Убоги и пошлы книги красных поэтов и писателей. Здесь, на чужбине, тоже не слышно могучего вдохновенного слова, умеющего «жечь сердца людей»». Однако Левитский призывает не отчаиваться — «рано говорить о смерти русского духа», ибо «среди нас уцелели умеющие творить» (с. 29). Среди первых художественных достижений на чужбине критик выделяет роман *А.Н.Толстого* «Хождение по мукам», «по явному недоразумению» попавший в «*Современные записки*», сборники стихотворений *К.Бальмонта* и *И.Северянина* и видит в их появлении свидетельство того, что русская литература жива.

Пристальное внимание уделялось мемуарной прозе. Резко пишет во втором номере В.Левитский о книгах К.Оберучева «В дни революции» (Нью-Йорк, 1919) и И.Штейнберга «От февраля по октябрь 1917 года» (Берлин, 1920), называя их «надоевшей стряпней профессионалов революции», стремящихся «доказать, что большевистский переворот был логичен и необходим» (с. 30). В публикации за границей воспоминаний Ю.В.Ломоносова «О мартовской революции» (Стокгольм; Берлин, 1921) критик видит «доказательство близости паде-

ния большевиков». С его точки зрения, помощник Красина и член президиума Высшего совета народного хозяйства «решил перестраховаться» и выпустил в свет свои «буржуазные мемуары» (№ 19. С. 33). Большая статья под заглавием «Труды наивного кооператора» посвящена Левитским книгам А.Малахова «Великая русская революция и роль в ней коммунистов» (Лондон, 1921) и «Русская кооперация и коммунисты» (Лондон, 1921), несмотря на то что он находит их «совершенно тошными» (№ 21. С. 29). В статье с названием «На службе у эс-эров» разбирается книга Г.Раковского «Конец Белых» (Прага, 1921) — «собрание подслушанных репортером слухов, анекдотов и ругательств» (№ 23. С. 29). Совершенно по-иному воспринимаются рецензентом мемуары Жильяра — «бесхитростный, простой, теплый рассказ чистого благородного человека», представляющий ни с чем не сравнимую ценность как исторический документ (№ 19. С. 34). Столь же высоко оцениваются и воспоминания Н.П.Карабчевского «Что глаза мои видели» (Берлин, 1921), где привлекает прежде всего вера автора в грядущее возрождение России (№ 21). Особое место занимает рецензия (№ 21) на книгу *Романа Гуля* «Ледяной поход (С Корниловым)» (Берлин, 1921). Левитский признает объективность автора, добросовестного очевидца, но упрекает Гуля в том, что тот проглядел главное — «необыкновенный подъем, который воодушевил немногочисленные ряды первых, поднявших знамя борьбы», не понял, что корниловский Ледяной поход — «это пламя энтузиазма, это — подвиг, разбудивший десятки тысяч равнодушных» (с. 29).

Если в оценке мемуаристики все определяла идеология, то в отзывах на поэтические сборники рецензенты старались быть максимально объективными. В рецензии на книгу *Дон-Аминадо* «Дым без отечества» отмечается и талант автора, хотя он и представлен как «присяжный поэт «Последних новостей», и широкий диапазон его творчества, и качество издания — привлекательность сборника, в котором «больше огня, чем дыма» (№ 15. С. 28). В № 17 в журнале печатается сатирическая поэма С.Сарматова «Тринадцать», где место Христа впереди красноармейцев занимает Иуда, а предваряется публикация автоэпиграфом, содержащим выпад в адрес Блока: «Не из тех я жалких гнусов, / Что пускают не спроста — / Перед бандою зулусов / В Белом венчике Христа». Но после смерти А.Блока редакция находит в себе силы сказать о нем очень теплые слова. Сотрудники «З» утверждают, что поэма «Двенадцать», несмотря на то, что вызвала и продолжает вызывать страстные споры, — «это самое значительное и единственное, что дала русская поэзия о революции» (№ 19). В журнале было опубликовано письмо редактора гельсингфорсской «*Новой русской жизни*» Юрия Григоркова, возражавшего против несправедливых обвинений в большевизме, выдвинутых в статье В.Левитского «Гражданские мотивы у белых и красных поэтов» (№ 9) в адрес сотрудника его газеты поэта Бориса Верина (Б.Н.Башкирова) (№ 15).

В № 15 напечатана рецензия на роман *Д.С.Мережковского* «14 декабря», где писатель обвиняется в искажении исторических фактов, ставится под сомнение его хваленая эрудиция. С точки зрения критика, «язык рассказа тяжел и не выдержан», «романтики-идеалисты 14 декабря» выставляются «пророками и предтечами Ленина и Троцкого», а вместо «исторического Николая I, самодержавно в течение 30 лет царившего над всей Европой», читатель видит перед собой «ничтожного труса, жалкого актера, истерического палача, одним словом, какого-то Керенского, очевидно, застрявшего в мозгу у автора» (с. 32, 31). К творчеству Мережковского рецензенты возвращаются еще раз в связи с выходом книги Д.С.Мережковского, *З.Н.Гиппиус*, *Д.В.Философова* и *В.А.Злобина* «Царство Антихриста». В.Левитский с одобрением излагает ключевые положения статей «Большевизм, Европа и Россия» и «Л.Толстой и большевизм», отмечая, что «эти и другие статьи сборника выделяются из всей массы русской антибольшевистской литературы подчеркнутой твердостью, непримиримостью занятой автором позиции». Печатались рецензии на книги *Н.С.Трубецкого* «Европа и человечество» (София, 1920) («Плохая философия», № 4) и *С.Булгакова* «На пиру богов: Современные диалоги» (София, 1921) (№ 7); последняя оценивалась весьма высоко: «Книга будит мысль, радует сердце теплой и живой любовью к России». Несмотря на ряд нареканий, положительную реакцию вызвало появление сборника евразийцев «Исход к Востоку»

(София, 1921) (И.Н. [И.Наживин?] «Евразийцы», № 21).

В «З» уделялось место художественному творчеству «галлиполийцев» и эмигрантской молодежи. В статье «Мысли и настроения на чужбине» (№ 17) приводились объемные фрагменты из произведений поручика Козаченко, поручика А.Кривошеева, Б.Туркестанцева, В.Деева, Гр.Байдол, Н.Языковой; рассказ о галлиполийских журналах «Развей горе в голом поле» (кавалерийской дивизии. 1921), «Изгой» (Марковского артиллерийского дивизиона. 1921) сопровождался перепечаткой стихотворения юнкера Николаевского инженерного училища П.Сумского «Тем, кто не с нами», посвященного Главнокомандующему (№ 23). «Самому талантливому и яркому» из галлиполийских журналов В.Левитский посвятил специальную статью, которая так и называлась — «Развей горе в голом поле» (№ 21). «Только любовь к делу, только взаимная спайка» позволила кружку офицеров-кавалеристов «преодолеть все трудности просуществовать десять месяцев, выпустив 16 номеров рукописного журнала», — отмечал критик.

Завершение эвакуации русской армии лишило Константинополь статуса крупного эмигрантского центра. «Шел сентябрь месяц. Мои обязанности начальника бюро печати подходили к концу. Кончались и «Зарницы»», — вспоминал Н.Чебышев (Указ. соч. С. 336), с отъездом которого в Софию 15 октября 1921 завершается история «З».

Д.Д.Николаев

«ЗАРЯ» (Харбин. 1920. 15 апреля — 1943. Ноябрь) — ежедневная газета. Главный редактор М.С.Лембич, редактор Н.П.Кобцев. С 6 сентября 1925 главный редактор Г.Н.Шипков, редактор Н.П.Кобцев. Газету выпускало издательство «Заря» (М.С.Лембича, с 11 сентября 1933). Выходили также праздничные, послепраздничные и воскресные номера. С 1920 по 1935 вышло 5270 номеров (Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г. Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин, 1927; Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г.Харбине на русском и других европейских языках с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1935 года включительно. Харбин, 1936).

Владельцем и издателем «З», вплоть до своей смерти в 1932, был Мечислав Станиславович Лембич — журналист, начинавший свою литературную карьеру в московских газетах «Русское слово» и «Голос Москвы». Начав свою деятельность в Харбине изданием «городской» газеты, М.С.Лембич впоследствии стал организатором и основателем крупнейшего на Дальнем Востоке русского издательского дела. Помимо «З» им издавались с конца 1920-х газета «*Наша заря*» в Тяньцзине и «*Шанхайская заря*» в Шанхае. Организаторские и предпринимательские способности М.С.Лембича в значительной степени обеспечили успех «З». По свидетельству Л.Сатовского-Ржевского, «до него местные русские газеты носили характер либо правительственных, либо узко кружковых изданий, не имевших общественного значения и не отражавших русских национальных нужд» (Сатовский-Ржевский Л. Памяти друга // 1933. 29 нояб.).

Оперативность подачи информации и объективность в освещении проблем дальневосточной и международной жизни определяли читательский интерес к этому изданию. В газете публиковались ежедневные новости, хроника событий, уголовная хроника. Газета имела своих корреспондентов в Пекине (П.Горвей), в Берлине (Н.Ряжский), в Париже (Н.Ухтомский) и др., перепечатывала оперативную информацию из американских, европейских, советских изданий, знакомила читателей с жизнью в других центрах эмиграции, публиковала аналитические статьи и свидетельства очевидцев (см.: Пути русской эмиграции на Дальнем Востоке. Заявление «Заре» В.И.Колокольникова, председателя Комитета помощи русским беженцам // 1934. 1 янв. С. 23).

Особое внимание уделялось важнейшим культурным событиям: ежегодные Дни русской культуры, приуроченные ко дню рождения А.С.Пушкина, отклики на выступления в Харбине Н.К.Рериха, Ф.И.Шаляпина, *А.Н.Вертинского*, присуждение Нобелевской премии *И.А.Бунину* (И.А.Бунин — лауреат Нобелевской премии // 1933. 11 нояб.). Номер от 8 марта 1936 знакомил чи-

тателей с пребыванием в Харбине Ф.И.Шаляпина, редактор газеты Н.Кобцев опубликовал свою беседу с артистом. Прощальное слово Ф.И.Шаляпина было напечатано в номере от 22 марта, с благодарностью за прием и ответом недоброжелателям, приклеивавшим ему «политические ярлыки», упрекая в антипатриотизме. Еще до приезда певца в Харбин газета информировала читателей о премьере кино-оперы с его участием в роли Дон-Кихота (Слава великому Шаляпину. — Сегодня — «Дон-Кихот» // 1933. 8 нояб.).

В праздничных и новогодних номерах целые страницы отводились для публикации стихотворных и прозаических произведений. Из номера в номер публиковались фельетоны харбинских журналистов (В.Сербского, Е.Шахова, *А.Яблоновского* и др.), перепечатки *А.Аверченко* («Заговорщики» // 1922. 3 янв.; «Дети об Америке» // 1923. 11 февр.; «Женщина в эмиграции» // 1923. 17 февр.; «Путешествие улиток» // 1923. 1 апр.), *Н.Тэффи* («Фрау Фишь» // 1923. 25 февр.), *Дон-Аминадо* («Вершки и корешки» // 1933. 14 авг.), И.Ильфа и Е.Петрова («В золотом переплете (Очерки из советского быта)» // 1933. 2 дек.).

Наряду с положительными отзывами о советских поэтах газета печатала пародии на имажинистов и футуристов. Таковы статья *Р.Гуля* о творчестве С.Есенина, воздающая должное таланту поэта («Есенин» // 1923. 12 дек.), и фельетон Герцога Лоренцо («Аппендицит стихов. Школа имажинистов») // 1922. 24 янв.), в котором творчество имажинистов определяется как суррогатное искусство. Помимо стихов уже признанных поэтов (*К.Бальмонт*, С.Есенин и др.) газета публиковала произведения молодых харбинских авторов. Живой интерес вызывали у читателя произведения *М.Алданова*, И.Бунина, Н.Рериха, *Вс.Иванова* и других мастеров слова. Для непритязательного читателя предназначались переводные (в основном с английского) рассказы и повести детективно-приключенческого характера.

Редакция «З» привлекала к сотрудничеству не только талантливых литераторов, но и видных ученых и общественных деятелей. Таковы публикации на страницах «З» статей художника и мыслителя Н.К.Рериха («Неизлечимая рана» // 1933. 10 дек.; «Боль планеты» // 1934. 1 янв.). В них Н.К.Рерих высоко оценивал роль восточной культуры, раскрывал свое видение человека и мира, человека и природы, которое нашло воплощение в его живописи. На страницах «З» сохранились теплые высказывания Н.К.Рериха о харбинцах и Харбине как об уникальном центре русской культуры на Дальнем Востоке. Его выступления с чтением лекций во время неоднократных посещений Харбина постоянно освещались эмигрантской прессой, в том числе и газетой «З» (Курбатов С. Академик Рерих // 1934. 28 мая).

О.А.Бузуев

«ЗА СВОБОДУ!» («Свобода», Варшава. 1920. 17 июля — 1921. 3 ноября; «За свободу!», Варшава. 1921. 4 ноября — 1932. 5 апреля) — ежедневная общественно-политическая газета. Первым официальным редактором-издателем был *В.А.Злобин*, затем — В.Н.Рымер, И.И.Мацеевский, А.Н.Домбровский, Е.С.Шевченко. Девиз газеты — «За Родину и Свободу!» Ближайшие сотрудники в 1920—1921 — *Б.В.Савинков*, *Д.С.Мережковский*, *З.Н.Гиппиус*, *Д.В.Философов*, а также А.А.Дикгоф-Деренталь, *А.Л.Бем*, *В.В.Зеньковский*, Леон Козловский (будущий премьер-министр Польши), с 1923 — *А.В.Амфитеатров* и *М.П.Арцыбашев*, остававшийся ведущим публицистом газеты до конца жизни. Фактическими редакторами были А.И.Гзовский (июль—декабрь 1920), В.В.Португалов (декабрь 1920 — декабрь 1923), затем Философов, привлеченный Савинковым к активной политической работе. После высылки в конце октября 1921 из Варшавы большинство членов (во главе с председателем Савинковым) Русского политического (Эвакуационного) комитета, действовавшего в июле 1920 — октябре 1921 как ядро русского антибольшевистского правительства, Философов стал руководителем (с 1921 по 1924) Варшавского отделения конспиративного «Народного Союза Защиты Родины и Свободы» и фактическим руководителем газеты «ЗС!». Субсидии на издание газеты предоставлялись Философову польскими правительственными учреждениями. Резкое сокращение субсидий в 1923 поставило газету на грань банкротства, и ее существование поддерживалось Философовым путем непрерывных финансо-

вых операций. Постоянный лейтмотив его писем к Савинкову, проживавшему в Париже, — жалобы на нехватку денег. Политической ориентацией газеты оставался антибольшевизм, установка на «активные методы борьбы», включая террор, а также неприязнь и к либеральной, и к монархической эмиграции. Значение издания определяется и злободневностью поднимавшихся там проблем, и уровнем их осмысления.

После недолгого сотрудничества в савинковской газете Гиппиус и Мережковский уехали в Париж. В № 229 от 27 сентября 1921 Мережковский (из Парижа) опубликовал статью «Страшное письмо», тема которой — голод и дети в советской России. О невозможности примирения с большевиками, против «чревных примиренцев» направлена полемическая статья Гиппиус «Чрево» (подпись: Антон Крайний // 1925. 15 февр.). Эмигрантская молодежь, «сегодняшняя юность спасется проникновением в Россию цельную», историческую, где «под внешним смешением времен таится неосознанная правда о неразрывности прошлого, настоящего и будущего, о их последовательной зависимости», и «участием в вечной ее внутренней борьбе», — делает вывод критик. События, происходящие на покинутой родине, постоянно в поле зрения газеты, центральное место занимает Россия и все, что с ней связано: политика, общественная жизнь, история и культура. В передовой «Небольшие итоги» Философов писал: «Как бы нас ни гнали, как бы нам ни приходилось мыкаться по белу свету — у нас нерушимая связь с Россией. А эта связь для нас самое ценное, потому что мы живем и дышим Россией» (1921. 30 окт.).

Воспоминаниями и словами прощания друга-гимназиста газета откликнулась на гибель Гумилева (*Горный С.* Н.С.Гумилев (Памятка) // 1921. 14 окт.). Статьи «Предчувствия и предвидения Достоевского» Л.Станиславского и «Жизнь в творчестве» А.Бема были опубликованы к 100-летию со дня рождения Достоевского (1921. 11 нояб.). Власть цивилизации над человечеством так же непрочна, шатка, как и власть разума и нравственности над отдельным человеком, — в этом Л.Станиславский усматривает одну из основных идей трагического и катастрофического миропонимания Достоевского. Писатель «сверхчувственным и сверхразумным зрением» прочитал в происходившем на его глазах брожении и выразил в романе «Бесы» то, «что было лишь в возможности, чего еще не было в сознании». В своей статье к 100-летию со дня рождения Некрасова А.Бем отметил, что «сознание высшей цели жизни — блага народа, напряженнейшее чувство любви к родине, значение которого мы особенно научились теперь ценить, были в высшей мере присущи Некрасову» (1921. 6 дек.). На смерть Короленко в газете был помещен некролог «В.Г.Короленко» за подписью — В.П., в котором отмечалось, что «мрачные сумерки, сгустившиеся над русской интеллигенцией с приходом большевиков, — перешли сейчас, с кончиной В.Г.Короленко — в глухую ночь» (1921. 29 дек.). В статье Л.К. «Владимир Короленко», опубликованной на следующий день, отмечалось спокойно-радостное верующее утверждение жизни и отсутствие тоски, отрицания жизни, бунта против Бога в творчестве писателя: «С душой, никогда не гнувшейся, независимой поступью, прямой и светлой, прошел он долгий, тяжелый и мрачный жизненный путь» (1921. 30 дек.). Откликом на 50-летие со дня смерти Тютчева стала статья Л.Галерного «Ф.И.Тютчев», в которой рассматривается история изучения творчества поэта. К 40-летию со дня смерти М.Башкирцевой приурочена статья Е.Шевченко «Мария Башкирцева», где ее «Дневник» назван книгой, которая «навсегда останется в мировой литературе» (1924. 3 нояб.). Не только русская культура привлекает внимание критиков. Так, например, статья «Байрон и англичане» (без подписи) опубликована к 100-летию со дня смерти поэта (1924. 26 апр.), статья В.Рутова «Эммануил Кант» — к 200-летию со дня рождения великого философа (1924. 29 апр.).

В разделе «Литературная хроника» публикуются обзоры эмигрантских и советских журналов, рецензии на книги русских писателей и поэтов, изданные в России и зарубежье. В рецензии на «Четки» А.Ахматовой (подпись: З.Ж.) сборник назван самой нежной, цельной и человечной книгой Ахматовой, ожерельем из «зерен любви и печали», попыткой уйти от любви и «сознанием своей обреченности» (1921. 22 окт.). Рецензент О.В-в в своих заметках о сборнике *К.Д.Бальмонта* «Сонеты солнца, меда и луны» (Берлин, 1921) утверждает, что в этой книге поэт проникнут мировой муд-

ростью и красотой, а «чарующая гармония красок и звуков ворожит в каждом его сонете» (там же). В помещенном в этом же номере газеты обзоре *«Современных записок»* выделяются стихотворения *М.Цветаевой*, написанные еще в России и снабженные интересным введением Бальмонта. Пьесу М.Кузмина «Вторник Мэри» (Пб., 1921) и книгу «Нездешние вечера» (Пб., 1921), а также сборник А.Ахматовой «Подорожник» (Пг., 1921) О.Воинов называет «подарком далекого Петербурга», «самыми дорогими из русских книг, появившихся за последние четыре года» (1921. 12 нояб.). В рецензии «Поэт король — солнце» на кн. К.Бальмонта «Мое — ей. Поэма о России» (Прага, 1924) Е.Шевченко писал, что во тьме глубокой русской ночи поэт «остался верным себе светлым солнцепоклонником и уверенным в том, что «твердыня ночи сгорит в огне» (1924. 27 окт.).

Заметка А.Бема «Новая страничка из биографии Л.Н.Толстого» повествует о раннем романе писателя — о его отношениях с В.В.Арсеньевой, его первой невестой. Публикация подготовлена по новому изданию биографии Л.Н.Толстого, написанной П.И.Бирюковым и переизданной в 1921 в Берлине, по опубликованным там впервые письмам писателя к Арсеньевой (1921. 20 нояб.). А.Омельянов в рецензии на книгу «Достоевский и Пушкин» (Пб., 1921) особое внимание обращает на «прекрасную по сдержанному негодованию речь в защиту свободы духа», произнесенную Блоком памяти Пушкина под заглавием «О назначении поэта». Рецензент оценивает ее как апологию «слову» и глубокую веру в его конечную победу, как «стон русского писателя, в котором сквозь плотно сжатые цензурой уста слышатся слова осуждения палачам свободного слова» (1922. 18 марта).

В.Португалов в рецензии «После крушения» на кн. *С.Л.Франка* «Крушение кумиров» (Париж, 1924), назвав работу философа «очень знаменательной», подчеркивает, что это опять «веха», замыкающая собой длинный ряд: от 1868, когда появились «Исторические письма» Миртова-Лаврова, до 1924 — «за эти полвека с небольшим пройден весь круг, от пламенной веры в магическую силу человеческой мысли («критически мыслящей личности») до низведения созданных ею идеалов на положение поверженных кумиров» (1924. 7 апр.).

В рецензии на кн. Бальмонта «Где мой дом?» (Прага, 1924) *Б.Евреинов* обращает внимание на то, что даже если поэт пишет очерки, то мысли его «облекаются в те же ясные, прозрачные, поэтические образы», и отмечает «огненную веру в грядущее Солнце», природу, «всегда гордую своей властью над душой поэта» (1924. 23 июня).

Из «Литературной хроники» (1924. 2 мая) читатели газеты узнавали, например, что в Париже начинает выходить новый большой литературный иллюстрированный журнал под названием *«Иллюстрированная Россия»*, посвященный жизни современной России и эмиграции. В газете публиковались стихотворения *Вл.Ходасевича*, *И.Одоевцевой*, *И.Бунина*, *И.Северянина*, *С.Черного*, Б.Евреинова, С.Жарина, П.С.Соловьевой (Аллегро) и др.

В 1921 на страницах газеты постоянно выступает со своими маленькими фельетонами И.Руденков, а в 1922—1924 А.Дикгоф-Деренталь. Также опубликованы фельетоны *Дон-Аминадо* «Так что же нам делать?» (1921. 8 дек.) и *Н.Тэффи* «Как быть?» (1923. 16 авг.), «Разговор» (1923. 25 нояб.), «Дамы» (1924. 22 июня), «Разговоры» (1924. 14 апр.), рассказы М.Зощенко «Матренища» (1923. 29 июля), *А.Аверченко* «Обыкновенная женщина» (1925. 23 марта), *С.Юшкевича* «Вечное» (1923. 10 дек.), «Повесть о любви» И.Бунина (1924. 26 мая), рассказ Н.Гумилева «Золотой рыцарь», взятый из книги рассказов «Тень от пальмы», вышедшей в 1922 в петербургском издательстве «Мысль». Эта книга не появилась в продаже за границей, и поэтому редакция решила познакомить читателей с прозой Гумилева, неизвестной широкой публике, отмечая, таким образом, вторую годовщину гибели поэта. Кроме этого, были опубликованы рассказы С.Жарина «Измятина» (1924. 19 мая), Е.Форина «Новоселье» (1924. 5 мая), А.Болина «Из записок сентиментального человека (непосланное письмо)» (1925. 27—28 янв.), Вл.Михайлова «Рыжий» (1924. 15 авг.), «На реке» (1924. 7 сент.), «Фефочка» (1925. 9 февр.), «Вечерний ветер» (1925. 13 февр.), А.Корнакова «Без сна» (1923. 3—4 дек.), Л.Левдовича «На новую жизнь» (1924. 25 сент.), М.Рафалович «Концерт» (1924. 7 апр.), «Зубы» (1924. 19 мая), В.Рудич «Перикола» (1921. 28 дек.).

Из очерков *И.Шмелева* о Крыме 1920—1921 в газете была напечатана глава «Баба-Яга» (1923. 5 авг.). Поделились своими воспоминаниями Ант.Домбровский «Наброски. Силуэты прошлого (Из хроники Землянного уезда)» (1923. 7 дек.), «Лагерь» (1923. 19—20 дек.) и Л.Левдович «Гр. Мусин-Пушкин и престол Николая II (Из записной книжки офицера)» (1924. 14 июля). Мемуары о Белой армии и русском беженстве опубликовал А.Болин («На чужих берегах» // 1924. 18—20, 23, 29 сент., 10 и 21 окт.), о бедственном положении Белой армии, переезде из Крыма через Константинополь в Африку рассказал на страницах газеты Д.Воротынский («Из записок легионера» // 1925. 13, 16 янв.).

С газетой с 1923 и до конца его жизни была связана яркая публицистическая деятельность М.П.Арцыбашева. Уже в одной из первых появившихся на ее страницах статей «Показания, представленные на суд в Лозанну» (1923. 22, 24 нояб.) Арцыбашев, свидетельствуя против большевизма, способствовал оправданию убийцы Воровского — М.Конради, ибо, по мнению публициста, Воровский был убит не как убежденный коммунист, а «как агент мировых поджигателей». Однозначно заявляя о своей непримиримой позиции, Арцыбашев призывал: «Мы, русские эмигранты, должны все силы своего разума, воли и чувства отдавать делу помощи своему народу». Несколько лет писатель регулярно публиковал отрывки из своей будущей книги «Записки писателя». Выбравшись из России, он ощущал в себе теперь прежде всего гражданина-патриота, и страдания страны, непосредственным очевидцем которых он был, заставили его отложить в сторону кисть художника и взять в руки перо публициста, превратившееся в разящий бич. Так, рассуждая о политических эмигрантских спорах, Арцыбашев сетует на то, что «в пыль, в вязкое болото инертности и равнодушия превращается некогда героическая эмиграция» (1924. 23 апр.). Писатель повествует и об ужасающих условиях жизни, пишет об известном в Варшаве Лоховском приюте русской эмиграции, где живет беднота, которой больше деваться некуда («Лоховка» // 1924. 22 нояб.). Арцыбашев с гордостью констатирует, что в условиях эмиграции «торжество русского искусства имеет огромное агитационное значение» («Скверный анекдот» // 1924. 24 нояб.). В статье «Дух русской эмиграции» писатель высказывает сомнение в том, что, «быть может, вернувшись домой, мы окажемся там какими-то иностранными людьми, с непонятной и чуждой этикой, живым анахронизмом», но русская интеллигенция всегда была воспитана на идеалах свободы, и это укрепляет Арцыбашева в сознании того, что «рано или поздно настанет час, когда наша борьба с большевиками — не только за Россию, но и за всю мировую цивилизацию — будет оценена» (1924. 15 нояб.).

В своей статье «Валерий Брюсов», также вошедшей потом в книгу «Записки писателя», Арцыбашев отдает должное обширной литературной эрудиции и европейской образованности поэта, но отказывает ему в главном: «Его творчество не было согрето жаром сердца, не было отмечено глубиной мучительной мысли. Это был только продукт усидчивого труда, железная настойчивость холодного мастера» (1924. 18 окт.). И здесь одну из печальнейших черт предреволюционной эпохи писатель видит в полном отрыве литературы от жизни, в разрыве связи между писателем и читателем, когда «исчез писатель «учитель жизни», творец общественной морали, исчез и прежний читатель, горевший над книгой, строивший свою душу в лад мощному камертону, звучавшему с литературной кафедры» (там же). И в этом Арцыбашев усматривает объяснение того, почему в роковой момент бывшая прежде «идейной и самостоятельной» русская интеллигенция оказалась такой «распыленной», неустойчивой и растерянной. В статье «О Генрихе Сенкевиче», написанной во время перевезения праха писателя для погребения в Польшу, Арцыбашев призывает «объединиться вокруг гроба великого писателя, родного по духу всем славянским народам» (1924. 25 окт.).

С 1923 регулярно выступает на страницах газеты и А.В.Амфитеатров. Предотъездные воспоминания писателя вылились в очерк «Две Надежды: Советская быль» (1923. 8, 12, 15, 20 июля). Здесь опубликованы и этюд к роману «Марья Лусьева», под названием «Ассоциация «Феникс»» (1923. 18, 21, 22 окт.), и этюд к историческому исследованию «Соломония Бесноватая» (из главы «Устюг Великий» // 1923. 30, 31 дек.; 1924. 27, 30 апр.), несколько лет печатались его статьи, размышления

под общим названием «Записная книжка». В статье «SOS» Амфитеатров протестовал против переноса из Финляндии в РСФСР праха *Л.Андреева*, как «самого прямого, стойкого, пылкого борца за демократию и гражданскую свободу, попранную большевицкими зверствами» (1924. 14 апр.). В статье «Два коня» писатель размышляет о терроризме эпохи «Коня Бледного» и «Коня Вороного» В.Ропшина. Сравнивая полемику вокруг романов Достоевского «Бесы» и Ропшина «Конь Бледный», Амфитеатров называет роман Достоевского гениальнейшим проникновением «в психику русского образованного общества, вещим провидением его грядущих судеб, нечто вроде русского Апокалипсиса», где Ропшин, в свою очередь, изменил порядок: у Иоанна всадник на коне вороном (голод) предшествует коню бледному (убийство), у Ропшина — наоборот (1924. 22 июля). Русскому революционному террору положили конец не бдительные полицейские меры и не ослабление партии эсеров, но Азеф, оказавшийся «жуликом из жуликов». Открылось, что «террора, как такового, собственно говоря, за все существование эс-эрской партии не было, а был лишь кровавый полицейский фарс» (там же). Этой долго интересовавшей писателя фигуре посвящена статья «Вождь Народной Воли: О крестьянстве и об Азефе» (1924. 5 нояб.). Амфитеатров опубликовал со своими комментариями письма к нему Брюсова («Четыре письма Валерия Брюсова» // 1924. 10 нояб.); этюд «Одержимый» о психологических проблемах вхождения молодого интеллигентного человека — Сережи Чаевского — во взрослую жизнь (1924. 19, 23, 24 нояб.).

С газетой связана интенсивная публицистическая деятельность Б.Савинкова. В 1920—1921 Савинков регулярно публикует на ее страницах политические статьи, тематика их отражена в названиях: «Дела совдепские» (о переходе к нэпу в России) (1921. 22 нояб.), «О разногласиях» (1921. 25 нояб.), «О русско-польских отношениях» (1921. 29 нояб.), «О восстаниях» (1921. 10 дек.), «О процессе эс-эров» (1922. 23 июня), «Об Учредительном Собрании и беспартийных советах» (1922. 4 июля) и др. В 1923 в газете публикуются отрывки из его романа «Конь Вороной».

После ареста Савинкова в России редакция газеты сначала считала сообщения информационных агентств о суде над своим руководителем чекистской провокацией и три дня — 30, 31 августа и 1 сентября 1924 — не снимала фамилий Савинкова и Дикгоф-Деренталя из списка «ближайших участников» газеты. Затем, под влиянием ошибочного известия о полном прощении Савинкова, газета 2 сентября вышла в новом составе редколлегии (Д.Философов, А.Арцыбашев, В.В.Португалов, Е.С.Шевченко) и с передовой статьей «Без Савинкова». Сведения о приговоре к 10 годам заключения опять вынудили редакцию выступить с версией о том, что Савинков или убит, или изолирован, а на суде фигурировал его загримированный двойник (Философов Д. Пытка неизвестностью // 1924. 5 сент.). После получения 16 сентября 1924 доставленного с нарочным письма Савинкова из Внутренней тюрьмы ГПУ с предложением всей редакции признать борьбу с Советской властью бессмысленной и вернуться в Россию была опубликована подборка материалов: «Предатели», Философов «Вместо предисловия», Савинков «Письмо Философову», Философов «Ответ Савинкову» (1924. 17 сент.), где Философов публично отрекся от Савинкова, заверив, что газета будет продолжать начатое дело. Бывшие друзья и соратники Савинкова отметили неуместность и непрошенность его забот и отвергли его услуги. В статье «Предателям подобает молчать» Евреинов писал: «Пусть Савинков знает: за ренегатами не идут... Человек, публично признавший, что все его попытки к достижению намеченной цели были до сих пор сплошными роковыми ошибками, уже не может быть пророком» (1924. 26 сент.). В статье «Гоголевский черт и эсеровские ангелы» Арцыбашев с возмущением писал о том, что он твердо знает, что все случилось «благодаря тому разложению русской армии, над которым так усиленно работали большевики и которому немало способствовала пораженческая политика гг. Черновых, вместе со знаменитым «поскольку—постольку», провозглашенным не кем иным, как именно товарищами эсерами» (1924. 9 окт. № 271).

В 1926—1931 газета «За Свободу!» сотрудничала с парижским «непримиримым» журналом «*Борьба за Россию*». Среди постоянных сотрудников во второй половине 20-х: Философов, Амфитеатров, В.Л.Бурцев, поэты *А.Кондратьев* и И.Северянин.

Газета прекратила выход 5 апреля 1932 и была преобразована в ежедневную иллюстрированную газету *«Молва»*, которой также руководил Д.В.Философов.

Т.Г.Петрова

«ЗВЕНО» (Париж. 1923. 5 февраля. № 1 — 1925. 28 декабря. № 152. Далее журнал: 1926. 3 января. № 153 — 1927. 19 июня. № 229; 1927. 1 июля. № 1 — 1 декабря. № 6; 1928. 1 января. № 1 — 1928. 1 июня. № 6).

Замысел литературного приложения к *«Последним новостям»* относится к началу 1922 (об этом говорит расписка Н.Д.Авксентьева в получении от М.М.Винавера денег в кассу Учредительного комитета журнала «З» от 29 марта 1922 (см. РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 1). Но подготовить выход первого номера удалось только к началу следующего года. 23 января 1923 в милюковских «Последних новостях» на первой странице появилось объявление: «С февраля 1923 г. будет выходить в Париже еженедельная литературно-политическая газета «Звено» под редакцией М.М.Винавера и П.Н.Милюкова. Газета будет выходить по понедельникам, заменяя собою не появляющиеся в этот день «Последние новости». Первый номер выйдет в понедельник, 5 февраля 1923 г.».

Издание явилось результатом долгих бесед двух его будущих редакторов — П.Н.Милюкова и М.М.Винавера — о положении русской культурной традиции за рубежом. Оно должно было стать «платформой для охраны и проповеди русской культуры в годы изгнания, когда эта культура подвергается опасности если не полного забвения, то все же некоторого затемнения в среде новых поколений, вынужденных провести свои молодые годы в эмигрантской среде» (Милюков П. М.М.Винавер и русская культура // 1926. 17 окт.). Идея создания такого органа, по всей видимости, принадлежала Винаверу; в некрологе «Памяти нашего редактора», написанном Мих.Кантором, мы находим тому подтверждение: «...«Звено» — детище Максима Моисеевича, им взрощенное и выпестованное. Нужна была его решимость, его энергия, его несокрушимая вера во всепобеждающую волю человека, чтобы за рубежом, в обстановке рассеяния, вдали от старых культурных центров попытаться собрать распыленные силы и с их помощью создать культурное начинание, которое и в нормальной обстановке обречено было бы на долгий искус самоутверждения» (там же). Название — «Звено» — отражало желание преодолеть возможный разрыв между русской культурной традицией и младшим поколением эмигрантов. Милюков вспоминал о своем соредакторе: «Поддержать эту традицию, заставить молодежь помнить о своих собственных родоначальниках, о всем, что сделано до них, что может облегчить им и постановку вопросов, и взаимное понимание при решении их, — таковы, казалось мне, были основные задачи, которые ставил редактор «Звена» для своей своеобразной трибуны» (там же). Это стремление «привлечь молодых» во многом определяло и внутреннюю обстановку в «З», крайнюю терпимость второго редактора ко всякому «инакомыслию», к чужому мнению вообще. «Максим Моисеевич, — вспоминал *Г.Адамович*, — не был слугой исключительно своей мысли, своей идеи или своего духа. Узкого фанатизма в нем не было. Нетерпимость была ему совершенно чужда. Он лишь присматривался и прислушивался ко всему, в чем была духовная жизнь, и заранее всему этому сочувствовал, шел вперед, все принимал. Близко ли ему, родственно ли ему — не было важно. Ему это казалось признаком второстепенным, он только прислушивался к «пульсу» чужой мысли и верил в нее, если по пульсу угадывал, что она жизнеспособна... Максим Моисеевич был вообще наименее ограниченным (в смысле кругозора) из людей, и в его редакторстве это было обаятельно. Само-то ведь он был человеком иных традиций, иных стремлений, чем теперешнее искусство или литература. Казалось бы, тяжела должна была быть подчас его редакторская рука. Но рука была легчайшая, думаю — единственная в легкости. Часто я удивлялся, читая некоторые из одобренных им статей: неужели он с этим согласен? Неужели он этому сочувствует? Неужели ему, — как большинству искренних и вдумчивых людей его поколения, школы, круга, — не кажется баловством теперешнее искусство? Разгадка была совсем не в том, что Максим Моисеевич «одобряет» стихи какого-нибудь двадцатилетнего поэта, а в том, что из всех

«старинных» традиций он сильнее всего, всем существом своим, воспринял традицию свободы и глубоко понял, что без свободы ни искусства, ни литературы нет. Приняв человека, он давал ему свободу и, доверяя ему в целом, доверял и в мелочах, с которыми далеко не всегда был согласен, но которые все же без условий допускал и право на существование которых с убеждением отстаивал» (1926. 17 окт.).

Сам Винавер объяснял свою позицию в письме к *З.Гиппиус* так: «Моя писательская деятельность была всегда далека от журналистики — я сам потому мало в «Звене» пишу и вынужден опираться на других; моя задача — правда, нелегкая — состоит в подыскивании этих других, в выравнивании общей линии» (1926. 31 окт.). С первых номеров начала определяться и основная тональность издания, о которой много позже писал В.Третьяков: ««Звено» — журнал западнический, но в нем больше французских влияний, чем германских. Отсюда стремление к точности, трезвости, сдержанности» (РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 9).

С 1923 по 1925 «З» издавалось как газета того же формата, что и «Последние новости», на четырех страницах (в этом виде вышло 152 номера). Первую страницу занимали политические новости, вторую и третью (иногда и часть четвертой) — культурная жизнь: рассказы или отрывки из крупных произведений, как русских писателей, так и переводные (как правило, они занимали подвал второй страницы, иногда — и третьей), стихи, фельетоны, статьи, обзоры, рецензии, заметки, хроники литературной и культурной жизни. Заключали номер разделы «Финансовое обозрение» (вел П.Апостол), «Шахматы» (вел Евг.А.Зноско-Боровский), объявления и реклама. Номер от 20 июля 1924, как было пояснено в заметке от редакции, «ввиду технических затруднений, вызванных неожиданным переходом газеты в другую типографию», вышел на двух страницах, номер от 9 февраля 1925, в связи с «юбилеем» — двухлетием газеты, — на шести страницах.

Судя по шутливой «Автобиографии Звена», помещенной 30 марта 1925 за подписью CAVE (один из псевдонимов *К.Мочульского*), политическую часть газеты редактировал Милюков, а все, что касалось культуры, находилось в ведении Винавера. Вначале политические новости и материалы политического характера занимали более значительное место. В 1923 и начале 1924 на первой странице часто печатались небольшие статьи без подписи или за подписью Novus политического характера, важное место занимали на третьей странице статьи Юниуса (А.Кулишера) — своего рода развернутые рецензии на книги политического характера. Вероятно, это вторжение «политических» новостей в «культурную жизнь» часто диктовалось и недостатком собственно «культурного» материала. По сохранившейся переписке Винавера с известными писателями и критиками русского зарубежья (РГАЛИ. Ф. 2475) можно судить, с каким трудом иногда редактору приходилось «выбивать» материал при небольших гонорарах и «капризности» известных литераторов. Даже постоянные сотрудники не всегда могли уделять «З» достаточно внимания. По содержанию номеров и упомянутому архиву редакции можно сделать вывод, что нормальная «жизнь» издания наладилась только к 1925.

Первые сотрудники «З» пришли из «Последних новостей»: А.Левинсон, К.Мочульский, Б.Шлецер, задававшие «тон» изданию в 1923, ранее часто печатались на страницах ежедневной газеты. Естественно, что в первых выпусках «З» не было жесткой специализации: А.Левинсон писал и о живописи, и о литературе, Б.Шлецер — о музыке, о литературе, о философии, о кинематографе, К.Мочульский, кроме литературных статей, печатал пародии на современных поэтов. Но и позже, когда состав сотрудников стал более или менее постоянным, жесткой «специализации» не было. Каждый из сотрудников мог писать на любую тему.

В конце 1923 на страницах «З» появляется со стихами и первыми статьями Г.Адамович, который со временем начинает играть все более важную роль в газете. С 1924 все чаще печатает свои материалы Г.Лозинский, младший брат известного переводчика М.Лозинского (первая его публикация «Памяти Шахматова» появилась в шестом номере, но весь 1923 он писал, главным образом, рецензии). Летом 1924 в «З» начинает сотрудничать *Н.Бахтин* и со следующего года становится ведущим обозревателем новинок в области философии. В конце

1924 на страницах «З» начинает печататься *Вл.Вейдле.*

К 1925 основное «ядро» ведущих сотрудников издания, определивших его лицо, проявилось со всей отчетливостью: Г.Адамович, Н.Бахтин, В.Вейдле, Г.Лозинский, К.Мочульский, Б.Шлецер и редко печатавшийся, но игравший значительную «организационную» роль М.Кантор (первые пятеро знали друг друга еще по Петербургскому университету). Именно усилиями этих людей (сотрудничество А.Левинсона продолжалось, по существу, лишь один год, в 1924 он поместил на страницах только одну заметку полемического характера) был задан особый «тон» издания, где присутствовали тонкий вкус, хороший стиль, высокая культура и редкое сочетание «академизма» с «общедоступностью». В 1925 определились и основные рубрики: кроме изначально существовавших: «Хроника литературы и искусства», «Финансовое обозрение» и «Шахматы», постоянными рубриками стали: «Литературные беседы» (писались Г.Адамовичем, три раза его заменял К.Мочульский), «Отклики» (писались Г.Адамовичем под псевдонимом Сизиф, несколько раз его заменял К.Мочульский под псевдонимом Иксион, — установить точно принадлежность этого псевдонима Мочульскому позволяют архивные материалы в РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 322), «Из жизни идей» (рубрика, в которой печатался Н.Бахтин, название ее, по всей вероятности, восходит к одноименной книге их общего учителя — профессора Петербургского университета Ф.Ф.Зелинского), «Выставки» (здесь публиковался В.Вейдле), «Маленький фельетон» (под этой рубрикой постоянно печаталась *Тэффи*, достаточно часто печатался и Мочульский, обычно под псевдонимом CAVE), рубрика «Театр» (вел К.Мочульский), позже «Театр и кино» (здесь печатались главным образом кн. *С.Волконский*, и К.Мочульский под псевдонимом Театрал), «Новое во французской (английской, немецкой, зарубежной) литературе» (чаще всего печатались Адамович, под псевдонимом Ю.Сущев, и К.Мочульский, реже — другие сотрудники: Б.Шлецер, М.Кантор и кн. *Д.Святополк-Мирский*). Кроме того, почти в каждом номере печатались художественные произведения и отдельные статьи по разным вопросам культурной жизни. С 1923 по 1925 постоянно публиковались научные обозрения, где печатались Ю.Делевский (наст. фамилия Юделевский), доктор Л.Шейнис, проф. С.Метальников. Стоит также отметить заметки Книжного Червя. Часто на страницах «З» появлялись материалы с продолжением. В 1924 печатался цикл очерков Вл.Ракинта «Старый Париж», в 1925 — цикл *А.Седых* «Наши анкеты» — серия портретов ведущих писателей русского зарубежья (*Д.С.Мережковского*, *М.А.Алданова*, З.Н.Гиппиус, *А.М.Ремизова*, *А.И.Куприна*, *Б.К.Зайцева*) и небольшой цикл статей Г.Лозинского «Русские под надзором парижской полиции в XVIII в.» (написанный по материалам архива Бастилии и содержащий немало ценных сведений о А.Д.Кантемире), особым успехом у читателей пользовался цикл мемуаров *Г.Иванова* «Китайские тени», который печатался до 1927 включительно.

О внутренней жизни редколлегии вспоминал Мочульский: «Наши редакционные заседания и собеседования нередко затягивались с утра до 3-х часов. Обсуждалось все — начиная с распределения материала и до типографских ошибок. Свежеотпечатанный номер лежал перед нами на столе и беспощадно «критиковался». М.М. давал острые оценки почти каждой статье. Мы не были связаны «программами», наши взгляды часто расходились; его мнение как-то незаметно нас объединяло» (1926. 25 окт.).

В сохранившемся протоколе заседания от 22 февраля 1925 (РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 3) есть записи обсуждения общих вопросов, касавшихся дальнейшей судьбы газеты. В сообщении Винавера было зафиксировано состояние издания к этому времени: ««Звено» идет гораздо лучше (подписка и розничная продажа)... Общий отзыв о «Звене» — орган серьезный, но недостает постоянной изюминки — до сих пор были только отдельные попытки, нет ничего постоянного».

В 1925 такая «изюминка» была найдена: «Литературные беседы» (постоянный автор — Г.Адамович), которые открывали вторую полосу и сразу давали основной тон всего номера. Сама рубрика появилась в 1924, но поначалу не носила постоянного характера. «Беседам» предшествовали «Литературные заметки». Они были близки по жанру, но в них читатель не чувствовал собеседника. «Литературные беседы» во

многом способствовали тому, что вскоре «З» стало еженедельным изданием, который рецензенты сравнивали с утренней чашечкой хорошего кофе (в качестве хорошего, но редкого «обеда» фигурировали «*Современные записки*»). О том, насколько эта рубрика виделась важной уже в начале 1925, насколько ждали очередной «беседы» все сотрудники «Звена», говорит запись из того же протокола от 22 февраля 1925: «Литературные беседы: Адамович — еще нет темы».

С начала 1926 по июнь 1927 «З» выходит как еженедельный тонкий журнал, на 16 страницах среднего формата, на газетной бумаге. Нумерация журнала продолжала нумерацию газеты (с 153-го по 229-й). 1—2 страницы — литературные беседы, далее — статьи, стихи, рассказы и т.п., политические и финансовые обзоры появлялись в самом конце, перед рекламой и частными объявлениями, и занимали совсем немного места. Эти полтора года были лучшими в истории «З». Помимо того что сохранился основной состав авторов, с журналом стали сотрудничать *П.Муратов* и *П.Бицилли*, чаще стала печататься З.Гиппиус (и как беллетрист, и как автор статей).

В это же время было положено начало ежемесячным вечерам, организуемым редакцией. Устроители старались придать им характер не столько единичных выступлений, сколько общей беседы. Помимо сотрудников «З» в вечерах принимали участие М.А.Алданов, *Н.Н.Берберова*, *И.А.Бунин*, *М.В.Вишняк*, кн. С.М.Волконский, З.Н.Гиппиус, *А.Ф.Даманская*, И.П.Демидов, Б.К.Зайцев, В.А.Маклаков, Д.С.Мережковский, *М.А.Осоргин*, *Н.А.Оцуп*, *В.Ф.Ходасевич*, Ю.Л.Сазонова, Н.А.Тэффи, *Л.И.Шестов* и др. Первый вечер (12 января 1926) был посвящен обсуждению доклада Г.Адамовича о Некрасове, в дальнейшем на вечерах выступали: В.А.Маклаков о Льве Толстом (10 февраля 1926), Н.Бахтин о символизме (18 марта 1926), К.Мочульский о современном романе (1 января 1927), Г.Адамович об И.Анненском (31 мая 1927) и др. О характере этих вечеров вспоминал Милюков, говоря о Винавере: «Трибуну печатную он еще расширил трибуной устной, — устроив у себя «беседы», на которых молодежь попеременно фигурировала — то в качестве действующих лиц, то в качестве слушателей. Непрерывность русской культуры, ценность уже достигнутых ею результатов, русская культура как начало объединяющее, цивилизующее, облагораживающее: такова, казалось мне, была в мысли устроителя бесед та нить, которая объединяла «беседы» и связывала их в один изящный венок — русской культуре. И — как странно — тут, на этой почве, на первый взгляд несколько искусственно выбранной, оказывался налицо и общий язык, которого так долго и тщетно ищут в некоторых других областях жизни. Я, семидесятник, читал на этих беседах об идейном вожде двадцатых—тридцатых годов Чаадаеве и вступал при этом в спор с «девятидесятником» Мережковским, с тайной надеждой, что молодежь двадцатых годов двадцатого столетия будет — если не вполне на стороне семидесятника, — то не вполне и на стороне девятидесятника. Разве это не живая нить традиции, перекинутая от поколения к поколению, на протяжении целого столетия?» (1926. 17 окт.). С начала 1927 редакция «З» организует лекции по литературным и культурно-историческим вопросам. О Наполеоне и его значении в мировой культуре читал лекции Д.С.Мережковский (22 и 31 января 1927), о наследии эллинства — собравший множество слушателей Н.Бахтин (11, 18 и 25 февраля 1927).

Привлечению молодежи немало способствовали и конкурсы «З» на лучшее произведение (объявленные гораздо раньше конкурса на лучший рассказ в журнале «*Воля России*»). Первый конкурс — на лучший рассказ — был объявлен в начале 1925, когда «один из друзей газеты «Звено», пожелавший остаться неизвестным, предоставил редакции сумму в 1000 франков» (1925. 9 февр.). На конкурс было прислано более трехсот рассказов.

Осенью 1925 был объявлен второй конкурс «З» — на лучшее стихотворение, с предложением присылать стихи без указания имени автора, под девизами, до 1 января 1926 г. Из 322 стихотворений, присланных на конкурс, жюри в составе З.Гиппиус, Г.Адамовича и К.Мочульского отобрало 12 лучших, которые и были опубликованы 31 января и 7 февраля. Среди забракованных оказалось и стихотворение *М.Цветаевой* «Старинное благоговенье» (1920), что вызвало небольшой литературный скандал. Адамович позже вспоминал, «что в полном тройственном согласии мы забраковали,

как совсем негодное, стихотворение Цветаевой... Цветаева, однако, долго не могла прийти в себя от возмущения и даже писала письма в редакцию, требуя огласки происшествия... присланное Цветаевой стихотворение было действительно вяло и маловразумительно, при всей обычной напускной напористости, с восклицательными знаками чуть ли не в каждой строке» (Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 157). Окончательного победителя предоставлялось определить читателям. Читатели отдали большинство голосов стихотворению «О любви», принадлежавшему Даниилу Резникову, который и получил первую премию — 200 франков. Вторую премию — 100 франков — получил *Александр Гингер* (7 марта, 1926). Итоги конкурса вызвали недовольство В.Ходасевича, заявившего, что были присланы стихи и лучше и что такая «конституция» конкурса вообще неправомерна (Ходасевич В. Конкурс «Звена» // Дни. 1926. 14 марта). Адамович в очередной «Литературной беседе» (1925. 21 марта) ответил, что редакция «З» ставила целью не «выдать диплом» действительно самому лучшему, что, по его мнению, вообще вряд ли возможно, а только выявить пристрастия публики. Впоследствии литературные конкурсы проводились еще несколько раз: в мае 1926 был объявлен 3-й конкурс, для читателей, которым предлагалось определить авторов и названия произведений публикуемых отрывков (итоги 6 июня 1926), и, наконец, в январе 1927 был объявлен 4-й конкурс, вновь на лучший рассказ (итоги 19 июня и в первом «толстом» номере журнала за 1927). На этот раз большинство голосов читателей было отдано рассказу Б.Темирязева (псевдоним художника *Юрия Анненкова*). Изобретались и другие способы для привлечения читателей. Например, подписчикам на 1927 было обещано в качестве бесплатного приложения собрание стихотворений Тютчева.

Осенью 1926 умирает главный редактор «З» Винавер. Редактором журнала становится М.Кантор. Культурный уровень оставался прежним, кризис журнала, по всей вероятности, был продиктован главным образом его финансовым положением. С июля 1927 по июнь 1928 «З» стало выпускаться уже как ежемесячный тонкий журнал малого формата. В этом виде вышло 12 номеров. Изменилась нумерация (с 1 по 6 в 1927, и с 1 по 6 в 1928). Годовые комплекты журнала имели сквозную нумерацию страниц. Открывался каждый номер по традиции очередной «Литературной беседой», затем шли статьи, стихи, рассказы (уже не печатались маленькие фельетоны). Замыкали каждый номер «Отклики» Сизифа, заметки и отзывы на книги. В это время опубликованы статьи Г.Адамовича, Н.Бахтина, П.Бицилли, В.Вейдле, К.Мочульского. И тем не менее июньский номер журнала за 1928 оказался последним. В нем было опубликовано содержание двенадцати ежемесячных номеров «З» (до этого было расписано содержание журнала за 1926; материалы, публиковавшиеся до 1926 и в первой половине 1927, остались неописанными).

На страницах «З» публиковались русские писатели и поэты: И.Бунин, *И.Шмелев*, Б.Зайцев, М.Алданов, Н.Тэффи (главным образом — фельетоны), Г.Иванов (стихи и мемуарная проза), А.Ремизов, *К.Бальмонт*, З.Гиппиус и др. Но, за исключением Г.Иванова, З.Гиппиус, А.Ремизова и в какой-то мере Бальмонта (в первый период «З»), большая часть произведений этих писателей появлялась на страницах «З» случайно: об этом говорят и письма многих писателей к Винаверу, которые хранятся в РГАЛИ (ф. 2475), и то, что часто на страницах издания появлялись произведения переводные: Дж.Джойса, М.Пруста, Т.Драйзера, Дж.Голсуорси, Р.Киплинга, Г.Мейринка, С.Жеромского, Эса де Кейроша, Ж.Кокто, А.Моруа и др. Стоит отметить внимание «З» к молодым. На его страницах печатались стихи Н.Берберовой, *И.Кнорринг*, *Г.Кузнецовой*, *А.Ладинского*, *В.Сирина* (Набокова), *Ю.Терапиано*, *Б.Поплавского* и др. Из молодых прозаиков печатались Н.Берберова, Г.Евангулов, *И.Одоевцева*, *Ю.Фельзен*. И все же главное, что определило место этого издания в истории русской культуры, — статьи, эссе, рецензии.

Редакторы «З» Милюков и Винавер печатались на его страницах мало. Из материалов неполитического характера Милюков поместил 2 февраля 1924 статью «Н.К.Михайловский», 6 июля 1925 — «Петр Великий в Париже». Винавер напечатал несколько материалов на исторические темы, в том числе 30 ноября 1925 статью «Шин-

гарев», в 1926 (№ 157) — «О мемуарной литературе». Брат редактора, Евг. Винавер, написал несколько статей о литературе: «Блок и средневековье» (1923. 19 февр.), «Пленник вещей (по поводу посмертных стихов Инн.Анненского)» (1923. 9 апр.), «Религия стиха. (О творчестве Рильке)» (1925. 29 июня), «О прозе» (1926. № 183), «О правах критики» (1926. № 189), «О творчестве Рильке» (1927. № 208).

Одним из первых «плодовитых» сотрудников был Андрей Яковлевич Левинсон. Большая часть его статей была посвящена живописи, но несомненный интерес представляли и отдельные его статьи о литературе: «Шмелев» (1923. 26 февр.), «Джентльмен (Заметки о прозе *Е.И.Замятина*)» (1923. 2 апр.), «Великодушная рапсодия («Косцы» Бунина)» (1923. 7 мая), «Господин Синебрюхов (Заметки о прозе М.Зощенко)» (1923. 30 июля). Некоторые материалы он подписывал псевдонимом Леандр Венсан, раскрыв его для читателя в номере от 24 сентября 1923, подписав статью «Электрофикация романа» двойным «именем»: Андрей Левинсон (Леандр Венсан). Письма его к редактору Винаверу (РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 29) показывают, насколько трудно по чисто материальным причинам складывалось его сотрудничество со «З». Особенно характерно в этом смысле письмо от 27 декабря 1924.

Большая часть статей Левинсона была опубликована в «З» в 1923, в первом январском номере за 1924 он поместил статью «Красота книги» (1924. 7 янв.), затем через полгода появилась последняя его публикация полемического характера (1924. 19 мая) «За здравие или за упокой? (По поводу одной статьи П.Муратова)», после чего его фамилия исчезает со страниц издания.

Если для Левинсона газета Милюкова и Винавера была лишь эпизодом в его творческой биографии, то в судьбе Адамовича «З» сыграло решающую роль. Именно здесь в «эпоху «З» (1923—1928) молодой петербургский поэт, один из многочисленных учеников Н.Гумилева, превратился в «первого критика эмиграции», по выражению И.Бунина.

Приехав в Париж в конце лета 1923, свое знакомство с литературным миром парижской эмиграции Адамович начал с визита в редакцию «З». Этот визит и решил его судьбу. Винавер, ознакомившись с публикациями Адамовича, предложил ему написать что-нибудь для газеты на пробу. 10 сентября 1923 в «З» появилась первая публикация Адамовича — статья «Поэты в Петербурге». За ней последовали другие статьи, стихи, переводы. Начиная с 3 номера в рекламе для подписки среди постоянных авторов появляется фамилия Адамовича и уже не исчезает со страниц до самого конца. В 1923—1924 он публикуется через номер, заполняя газету разнообразным материалом: параллельно со стихами и оригинальными статьями появляются заказные рецензии, обзоры французских журналов и т.п. В это время Адамович — рядовой сотрудник газеты, один из нескольких критиков «З», не особо из этой блестящей когорты выделяющийся. Но в конце 1924 (10 ноября) в «З» впервые появляются его «Литературные беседы», которым суждено было оставаться стержнем каждого номера вплоть до прекращения издания. В конце 1924 «Литературные беседы» появляются через номер, а начиная с 1925 становятся постоянной рубрикой: литературная часть газеты на второй странице открывается «Литературными беседами», которые выполняли роль своеобразной передовицы. Такое положение дел сохранилось и с превращением «З» в ежемесячный журнал, с той разницей, что в этот период «Литературные беседы» Адамовича, несколько прибавившие в объеме, открывали буквально каждый номер «З».

В 1925, когда период становления «З» был завершен и издание утвердило в глазах эмигрантской общественности свою высокую репутацию, окончательно определилась и роль Адамовича как главного литературного критика и одного из самых интересных критиков эмиграции. Кроме «Литературных бесед», Адамович вел постоянную рубрику «Отклики» под псевдонимом Сизиф, писал обзоры «Новое во французской литературе» под псевдонимом О.Сущев, рецензировал новые книги эмигрантских, советских и иностранных авторов, подписываясь инициалами или не подписываясь вообще.

После смерти Винавера, с октября 1926 Адамович становится не только ведущим критиком «З», но и правой рукой М.Л.Кантора, практически соредактором, во многом определяющим литературную политику журнала. Кантора такое сотрудничество

устраивало, о чем свидетельствует переписка двух редакторов (Hoover Institution Archives, Stanford University, USA), а также их последующая совместная деятельность по изданию журнала «*Встречи*» (1934) и антологии «Якорь» (1936). Именно Адамович, о котором часто писали и говорили как о человеке мягком, излишне учтивом и ко многому равнодушном, в письмах Кантору все время настаивает на придании «З» большей остроты: ««Звену» нужно что-то впрыснуть и оживить... У нас слишком салонный тон и слишком мало темпераментов» (начало августа 1926; Hoover Institution Archives), «О «Звене» я полон полусомнений, полусоображений. Что-то в нем «не так» (начало августа 1927; Hoover Institution Archives).

К.Мочульский пришел в «З» уже сложившимся критиком. Его занимали не столько сосуществование и борьба разных стилевых направлений, сколько творчество отдельных поэтов (Ахматовой и Цветаевой, Гиппиус, Одоевцевой и Шагинян, Маяковского, Ходасевича, Гумилева, Пастернака и др.).

С конца 1923 Мочульский все чаще пишет о прозаиках. Он создает «творческие портреты» Ремизова, Бунина, Зайцева, Шмелева, Гоголя. И если в отношении зарубежной литературы он заговорит о «кризисе воображения», о том, что традиционный роман с «выдумкой» все более вытесняется и замещается художественной биографией, а она в свою очередь все более и более приобретает черты романа (различия героев биографий и их исторических прообразов Мочульский постарался особенно подчеркнуть), — то в русской прозе его внимание будет приковано не столько к «воображению», сколько к стилю. И если в поэзии он приветствовал неоклассицизм и «возрождение Пушкина», то в прозе именно это направление кажется ему совершенно бесперспективным: «Современная проза при всем богатстве и разнообразии материала поражает скудостью художественных приемов. Основные виды построения и техники рассказа, выработанные 19 веком, остаются неизменными у эпигонов, попутчиков и пролетарских писателей. Они варьируются, переделываются, но не развиваются. Любопытно, что революционная молодежь, презирающая «интеллигентщину», упорно топчется вокруг чеховской новеллы и тургеневской повести» (1926. № 201).

В последний период «З» (вторая половина 1927 — первая половина 1928) Мочульский пишет итоговую работу о современной прозе «Кризис воображения» (1927. № 2) и серию «литературных портретов»: «Н.А.Некрасов» (1928. № 1), «Ф.К.Сологуб» (1928. № 2), «Заметки о Розанове» (1928. № 4). Помимо статей, рецензий, эссе, заметок о театре, он поместил множество фельетонов (часто подписанных инициалами К.В. и К.М. или псевдонимами Театрал и CAVE); под псевдонимом К.Версилов опубликовал несколько рассказов.

В 1923 и 1924 «новости» философии на страницах «З» освещались довольно скупо. О книгах Л.Шестова «Власть ключей» (Берлин, 1923) и *Н.Бердяева* «Смысл истории» (Берлин, 1923) поместил отзывы (2 апреля 1923 и 11 июня 1923) С.Лурье. 23 апреля 1923, 14 мая 1923 и 18 июня 1923 были напечатаны три статьи Л.Шестова «О вечном и преходящем», «Возможное и действительное», «К трехсотлетию Паскаля». Две статьи (9 июня 1924 и 7 июля 1924) поместил Г.Ловцкий, несколько раз печатался А.Койре: «К 200-летнему юбилею Канта» (1924. 12 мая), «Памяти Владимира Соловьева» (1926. № 153), «Трагедия Разума (философия Э.Мейерсона)» (1926. № 180). По-настоящему философский отдел стал заметен с приходом в «З» летом 1924 Н.Бахтина. К этому времени за его плечами была гражданская война, война в Алжире и тяжелое ранение. Позже, в своем отклике на смерть Бахтина Адамович вспомнил, что нового сотрудника заметил издатель еженедельника Винавер (Адамович Г. Памяти необыкновенного человека // НРС. 1950. 24 сент.). Это приглашение вряд ли было случайным. Многие сотрудники «З» знали Бахтина еще по Петербургскому университету.

Первые публикации Бахтина во многом носят скрыто-биографический характер. Статья «Военный монастырь» (1924. 14 июля) и рецензия «Книга о солдате» на «Dialogues sur le commandement» А.Моруа (1924. 22 дек.) — это попытка человека, прошедшего службу в Иностранном легионе, оправдать «идею солдата», которую отвергает современная Бахтину европейская культура: «По праву и по обязанности солдату пристало брать жизнь просто, крепко и прямо;

поэтому ему не место в такой культуре, основная тенденция которой — усложнение и запутывание, дробление и схематизация» («Книга о солдате»). Последнее столетие европейской истории и особенно мировая война упразднили солдата как особый тип со своим мироощущением и своей кастовостью. Между тем солдат — не просто воин, но и носитель особой культуры, которая уже потому обладает подлинностью, что всегда требует не только ума (особенно в искусстве полководца), но и дела. Сама же идея солдата, которая, по Бахтину, была неявно высказана в книге Моруа, — это идея нового рыцарства.

Эти взгляды были лишь частным выражением общих воззрений Бахтина, который в философии более всего ценил не глубину построений и разработанность системы, но способность мысли стать действием. Его раздражала всякая эклектика и желание компромисса, он уважает доктрины пусть и ограниченные, но цельные. Эта установка отчетливо ощущается и в его подходе к современной ему литературе. Так, обращаясь к творчеству «классициста» А.Франса, Бахтин замечает: «Смутному, безмерному и хаотическому миру, «полному богов, душ и демонов», французский классицизм властно противопоставляет свой мир — ограниченный, завершенный и до конца человечный. Все зыбкое, неустойчивое, запутанное — оттеснено за пределы этого мира» (1924. 20 окт.). При этом здравый смысл, к которому современность относится с пренебрежением, в классицизме есть «начало охраняющее, собирающее личность», которое не дает ей «распылиться в стихийных энергиях космоса и потерять себя в непознаваемом» (там же). Конец статьи подводит к идее существования двух типов гениев: «Одни — усложнители жизни, раскрывающие в ней новые глубины и дали, заставляющие нас видеть сложность и противоречивость в том, что мы воспринимали раньше как нечто простое и цельное. Души властные и деспотические, они овладевают нашей волей, нудят и требуют. Таков был, например, Леонардо, таков и Достоевский. Но есть другая семья гениев, та, к которой принадлежали Расин и Пушкин. В их воздействии нет ничего принудительного, тревожного. Это — устроители и упростители жизни. Они вновь восстановляют нарушенное равновесие, преодолевают сложность в спокойной простоте» (там же). Анатоль Франс, по мнению Бахтина, по характеру своих произведений относится к последнему типу.

Та же склонность отдавать предпочтение не сложности, но ясности и простоте (за которой стоит преодоленная сложность) заметна и в его подходе к философии Ницше (1924. 17 нояб.), «Ницше и музыка» (1926. № 205), и в его интерпретациях творчества (поэтического и философского) П.Валери (1925. 13 апр.; 1927. № 6), и в его мыслях о задачах поэзии. Современная поэзия, по мнению Бахтина, находится в состоянии кризиса, выход из которого он видит в возрождении слова произносимого, заклинательного. Стихотворение должно перестать быть «поэзией для глаз» и — по античному образцу — снова превратиться в «поэзию для слушателя».

В соответствии с этим понятными становятся немногочисленные, но жесткие отклики Бахтина о поэтах-современниках, особенно о Марине Цветаевой: «Стихи Цветаевой — бессвязно нагроможденный словесный и эмоциональный материал, еще не оформленный до искусства; в ее «Федре» — метрическая попытка, которая могла бы быть интересной, будь она исканием более широкого и гибкого строя, а не поводом, чтобы еще, и по-новому, разнуздать слово» (1924. 30 июня). Не менее жестко в той же рецензии оценил он и цветаевскую прозу: «Никак не пройти мимо крикливой статьи Цветаевой о кн. Волконском. Автор прекрасной книги «Родина» уподобляется здесь и Лукрецию, и Гете, и даже — «Богу первых дней», и это — с выкрикиванием и причитаниями, — на протяжении более чем тридцати страниц. Просто непонятно, откуда это кликушество по поводу такой спокойной и прозрачной книги» (там же).

В откликах на работы русских формалистов Бахтин, высоко оценивая их отдельные достижения, особенно в области теории стихосложения, в то же время дает очень резкую оценку попыткам представить формальный метод неким универсальным методом, поскольку подход этот не затрагивает вопроса о природе художественного слова: «Формальный метод может лишь раскрыть структуру данного словесного объекта — будь то сонет Петрарки, «Критика чистого разума», приказ по эскадрону или реклама мыла Кадум — как совокупность тех или

иных формальных приемов (все, что есть слово, одинаково поддается такому изучению); но что собственно делает прием художественным приемом — этот вопрос вне его ведения. Он разъяснит нам, со всею научною строгостью, специфические особенности, напр., «словесной инструментовки» данной поэмы, но не может вскрыть ни в одной из них признака «художественности» и разве лишь статистически покажет, что те или иные приемы применяются особенно часто или исключительно в произведениях, которые принято называть художественными» («Письма о слове. 2. О формальном методе» // 1924. 25 авг.). По Бахтину — лишь общее, философское уяснение природы целостного слова дает последнее основание всем частным методам.

С 1925 Бахтин ведет в «З» рубрику «Из жизни идей». Большинство статей этой рубрики — что-то среднее между рецензией на вышедшие издания и собственным исследованием. В поле его внимания современные течения философии (фрейдизм, неотомизм, шпенглерианство и др.), новые идеи в философии и психологии. С 1926 на страницах «З» начинают появляться его диалоги и «разговоры»: «Разговор о переводах» (1926. № 186), «О современности» (1926. № 189), «Похвала смерти» (1926. № 198), «О созерцании» (1927. № 217), «Об оптимизме» (1927. № 223, 224), «О разуме» (1927. № 4), — своего рода попытка в споре с самим собой под разными масками («Поэт», «Филолог» и «Философ») нащупать живую пульсацию мысли, еще не оформившейся в систему, мысли в самом процессе ее оформления. Особую известность принесли Бахтину его лекции на тему «Современность и наследие эллинства», организованные редакцией и прочитанные в феврале — начале марта 1927 (краткое изложение см.: 1927. № 216, 217). Отдельные положения лекций были развиты в небольших, но емких эссе «Четыре фрагмента» (1928. № 3).

Владимир Вейдле был один из самых «обильнопишущих» авторов издания. Его фамилия впервые появляется в номере за 29 декабря 1924 (статья «На маленькой выставке»). В дальнейшем он постоянно ведет рубрику «Выставки», пишет ряд проблемных статей о живописи XIX века и живописи современной. Вместе с тем Вейдле, начиная с 1925, все чаще публикует статьи о литературе, иногда — статьи синтетического характера. Большая их часть вышла под псевдонимом Д.Лейс: «Честертон» (1925. 24 авг.), «Достоевский за рулеткой» (1926. № 186), «Французские стихи Рильке» (1926. № 198), «Поэзия и молитва» (1927. № 211), «Гоголь и архитектура», (1927. № 214), «Бетховен и поэзия», (1927. № 217), «Об английской литературе» (1927. № 6), «Сент-Бев и XIX век» (1928. № 3), «Достоевский в Европе» (1928. № 5) и др. Серия его статей предвосхищает будущие работы Вейдле о кризисе истории и кризисе искусства: «Об анахронизмах» (1926. № 192), «Кризис историографии» (1926. № 193), «Антиистория» (1926. № 194), «Об историческом романе» (1927. № 215—216).

Г.Лозинский сотрудничал со «З» с первых номеров. По воспоминаниям В.Вейдле, «филолог он был знаний на редкость широких и на редкость точных, обладал огромной трудоспособностью и памятью, но и остро-критическим умом. Был у себя дома во всех романских и во всех германских языках...» (НЖ. 1993. № 192/193. С. 398). В сфере интересов Г.Лозинского была романская литература (Эса де Кейрош, д'Аннунцио, Бласко Ибаньес и др.). Особый интерес представляют его статьи о русских писателях, так или иначе связанных с заграницей или с зарубежной литературой, в том числе «Карамзин в Париже» (1926. № 191), «Петрарка и ранние русские петраркисты» (1927. № 218—219), «Жуковский и Франция» (1927. № 220—221).

Борис Федорович Шлецер публиковал на страницах «З» свои статьи и заметки о музыке. Но писал также о литературе, о философии. Вейдле вспоминал о Шлецере, которого он часто встречал в редакции: «Пленил меня сразу же острый ум его, сдержанность и точность его суждений, отнюдь не только музыкальных, но и литературных; если б он захотел, он мог бы стать и превосходным литературным критиком, а уж французскую литературу нашего и прошлого века знал во всяком случае куда лучше, чем литературные критики Адамович и Мочульский» (НЖ. 1993. № 192/193. С. 404). Из статей о литературе, написанных для «З» Шлецером, стоит отметить следующие: «Марсель Пруст» (1923. 12 февр.), «Эрнест Ренан (к 100-летнему юбилею)» (1923. 26 февр.), «Анатоль Франс» (1924. 5 мая). Обзоры Шлецера о новых произведениях за-

падной (преимущественно французской) литературы появлялись три раза (1923. 10 дек.; 1924. 25 февр., 30 июня), дважды он писал о журнале «Современные записки» (1923. 20 авг.; 1924. 11 февр.), два раза обращался к творчеству одного из любимых своих мыслителей — Льва Шестова (1923. 23 июля; 1926. № 161).

М.Кантор, сначала секретарь, а потом редактор «З», по сравнению с другими сотрудниками публиковался нечасто. По мнению многих знавших его людей, он как критик мог дать много больше, но часто ему «мешала» его скромность. Об этом вспоминал Адамович: «Михаил Львович вовсе не пренебрегал известностью, не отвергал ее сколько-нибудь принципиально. Нет, но было в его духовном облике что-то побуждавшее и даже заставлявшее его остаться как бы «на полях» литературы и, может быть, самой жизни, без стремления к деятельному, всем заметному вторжению в нее. Он был прежде всего созерцателем, а деятелем был лишь «постольку, поскольку», т.е. поскольку в условиях нашего существования это необходимо и неизбежно. Разговаривая с ним, удивляясь безошибочной меткости иных его суждений, я не раз говорил себе, что позавидовать ему или поучиться у него могли бы многие наши властители или полувластители дум. Он, вероятно, сам это сознавал, но не мог, да, пожалуй, и не хотел, что-либо в своем положении и в своей участи изменить» (Адамович Г. Памяти М.Л.Кантора // РМ. 1971. 14 янв.). Из статей об иностранной литературе заслуживают внимания: «Американские идиллии Синклера Льюиса» (1924. 17 марта), «Редиард Киплинг (к 60-летию со дня рождения)» (1926. № 155), «Столетие Ибсена» (1928. № 4); достойна внимания его статья «Еще об историческом романе» (1927. № 226), написанная по следам некоторых статей В.Вейдле (Д.Лейса), статья «Кто прав (по поводу разговора о переводах)» (1926. № 190), примыкающая к диалогу Н.Бахтина «О переводах», и статья «Мыслитель» (1927. № 5).

Кроме сотрудников, были и авторы, не входившие в редакцию, но оставившие важный след в истории этого издания. Князь Д.Святополк-Мирский сотрудничал в «З» с 1923 по 1925. Публиковал он, главным образом, статьи об английской литературе: «Современные английские романисты» (1923. 14 мая), «Искусство биографии (Литтон Стречи)» (1924. 28 янв.), «Байрон (К столетию со дня рождения)» (1924. 21 апр.) и др. Он поместил в «З» три статьи о русской литературе: «Памяти гр. В.А.Комаровского» (1924. 22 сент.) (эта же статья была напечатана и в «Последних новостях»), «Молодые русские прозаики» (1925. 2 марта), «Константин Федин» (1925. 6 апр.). Тема, которую затронул Святополк-Мирский в статье «Искусство биографии», посвященной Литтону Стречи («Стречи революционизировал искусство биографии, создав новый вид творческой и художественной биографии — строго держащейся фактов, но избегающей всей бутафории примечаний, источников, длинных цитат из дневников и переписки — словом, стремящейся к созданию законченного, замкнутого, сжатого художественного произведения»), предвосхитила одну из ключевых тем К.Мочульского — вытеснение романа художественной биографией.

Во многом определили лицо издания и статьи П.Муратова: «Ассизи» (1924. 21 янв.), «В музеях Италии» (1926. № 154), «Иконы» (1926. № 156) и др. В «Звене» была напечатана и статья П.Муратова «*Вячеслав Иванов* в Риме» (1926. № 171).

Одним из наиболее ярких сотрудников «З» стал известный историк и исследователь литературы П.М.Бицилли. По существу все статьи, помещенные им на страницах «З», занимают важное место в его наследии: «Генезис «Войны и Мира»» (1926. № 199), «Плагиат Чехова» (1926. № 203), «Цивилизация» и «культура» (1927. № 205), «Вторичное варварство» (1927. № 207), «Анти-Культура» (1927. № 210), «О чистой поэзии» (1927. № 217), «В.А.Жуковский» (1927. № 220), «К вопросу о происхождении Ренессанса» (1927. № 228), «Воспоминания Кондакова» (1927. № 3), «В защиту русского языка» (1927. № 5), «Что такое роман?» (1927. № 6), «Из заметок к Пушкину» (1928. № 1), «Вопросы русской языковой культуры» (1928. № 3), «Пушкин и Николай I» (1928. № 6). Особенностью Бицилли, которая во многом определила его значение и роль в «З», была способность на нескольких страницах дать содержание целого трактата. Его статья «Генезис «Войны и Мира»» — это не просто описание новых опубликованных рукописей Толстого, отражающих работу над романом, но и проник-

новение в «творческую лабораторию» русского классика.

З.Н.Гиппиус печаталась в «З» почти со дня его основания. 19 марта 1923 были опубликованы три ее стихотворения: «Негласные рифмы», «Красноглазое» и «Кошачье», и впоследствии на страницах «Звена» неоднократно печатались ее рассказы, статьи, рецензии и воспоминания. Сотрудничество ее в «З» не было постоянным, но, тем не менее, за пять лет существования «З» появилось 23 публикации Гиппиус. Адамович в письмах Кантору не раз предлагал чаще заказывать Гиппиус статьи поострее, чтобы «оживить» «Звено».

Стихи Гиппиус после первой публикации появлялись в «З» только один раз: цикл «В Дружносельи» (1926. № 160). В разделе прозы были опубликованы ее рассказы «Пестрый платочек» (1923. 23 апр.), «Сережа подрос (Наталья Павловна)» (1925. 16 марта), «Что это такое? (Из мемуаров Мартынова)» (1927. № 1), а также повесть «Мемуары Мартынова» (1927. № 211, 215, 217, 225).

Свои критические статьи и заметки в «З» Гиппиус подписывала как настоящим именем, так и обычным для ее критических выступлений псевдонимом Антон Крайний. Гиппиус опубликовала в «З» также несколько статей: «Два разговора с поэтами» (1926. № 159), «Лик человеческий и лик времен. (Недавнее)» (1926. № 182), отклик на доклад Мочульского о романе, сделанный на одной из «бесед» в редакции «Звена», — «Около романа» (1927. № 210), «Синема» (1926. № 204) и «Отвод» (1927. № 208). Последняя статья явилась ответом на статью Н.Бахтина «Апология поневоле». В «З» были опубликованы воспоминания Гиппиус о С.А.Андреевском «Все непонятно» (1926. № 171—172), очерк «О Сологубе» (1924. 14 апр.), впоследствии вошедший в «Живые лица», и некролог, посвященный М.М.Винаверу, «Его вчерашние слова» (1926. № 204), а также речь на собрании памяти Винавера под названием «О свободе» (1926. № 206).

Мережковский на страницах «З» печатался крайне мало. В № 160 за 1926 помещена его заметка «Псалом царя Ахенатона», в № 213 за 1927 — «Ответ Г.В.Адамовичу». Гораздо чаще писали о Мережковском: в № 156 за 1926 — статья Н.Бахтина «Мережковский и история», в № 181 — рецензии на французские издания книг Мережковского «Le mystère d'Alexandre I» (1922) и «La fin d'Alexandre I» (1929). Адамович посвятил одну из своих «Литературных бесед» лекциям Мережковского о Наполеоне (1927. № 211), отметив «глубокий провал между «лектором и аудиторией»... взаимное непонимание». Мережковский возражал в своем «Ответе Г.В.Адамовичу» (1927. № 213).

Кроме названных литераторов на страницах «З» публиковал статьи о театре кн. С.Волконский, печатался также пушкинист *М.Л.Гофман*, по одной статье поместили: Б.Зайцев («Беседа о писателях» // 1923. 9 апр.), М.Шагал («Памяти М.М.Винавера» // 1926. № 195), В.Ходасевич («О двух отрывках Пушкина» // 1926. № 197).

В 20-е годы «З» сыграло важную роль в становлении литературы русского зарубежья и отразило многочисленные попытки осмыслить дальнейшие пути русской литературы XX в.

О.А.Коростелев, С.Р.Федякин

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА» (Париж, 1927—1939) — литературное общество, игравшее, по мнению одного из его активных участников *Ю.К.Терапиано*, «видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и собиравшее в течение ряда лет цвет зарубежной интеллигенции» (Терапиано. С. 38), было создано по инициативе *З.Н.Гиппиус* и *Д.С.Мережковского* на основе их «воскресений» — еженедельных собраний писателей в доме Мережковских № 11-бис по улице Колонель Бонне в Пасси, фешенебельном районе Парижа, от четырех до семи часов пополудни. Новый человек, прежде чем бывал допущен на «воскресенья», проходил тщательную проверку на «глубину», талантливость и оригинальность своих взглядов по общественным, религиозным и общечеловеческим вопросам. Председательствовал на «воскресеньях» Мережковский, направляли беседу Мережковский и Гиппиус, «чаем и угощением» бессменно заведовал секретарь Мережковских *В.А.Злобин*. Речь шла о русских литераторах старшего поколения — Розанове, Сологубе, Блоке, *Андрее Белом*, которым были посвящены создаваемые в 1920-е воспоминания Гиппиус «Живые лица» и которых не знали моло-

дые писатели эмиграции. Обсуждались отдельные тезисы книг Мережковского «Атлантида», «Иисус Неизвестный», «Данте», «Лики святых», новые книги русских писателей, номера журналов *«Современные записки»*, *«Числа»*, статьи в «четверговых» литературных полосах газет. «Воскресенья» у Мережковских, — по мнению Терапиано, — в течение всех предвоенных лет были одним из самых оживленных литературных центров; они принесли большую пользу многим представителям «младшего поколения», заставили продумать и проработать целый ряд важных вопросов и постепенно создали своеобразную общую атмосферу» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 46). «Воскресенья» продолжались до весны 1940; после смерти Мережковских попытки возродить собрания заканчивались неудачей, т.к. «заменить Мережковских и их уменье вносить столько непосредственного интереса в собеседования было уже некому» (там же).

Замысел создания на основе «воскресений» более массовых собраний с широким привлечением слушателей, со специальными докладами и дискуссиями вокруг них, к участию в которых допускались все желающие, в том числе литературные и политические противники (за исключением только большевиков и «большевизанствующих», как их называла З.Н.Гиппиус), поначалу вызвал немало скептических возражений (*В.Ф.Ходасевича*, в частности). Однако после первых же заседаний внимание литераторов и общественности русского Парижа к новому обществу «ЗЛ» стало постоянным вплоть до 1939, начала второй мировой войны. На отдельных заседаниях, проходивших в зале Русского торгово-промышленного союза, аудитория доходила до нескольких сот человек, на чтения стихов приглашались русские шоферы и рабочие завода «Рено». Дискуссии по самым животрепещущим темам судеб русской эмиграции продолжались иногда в течение двух заседаний. Стенограммы первых пяти «бесед» опубликованы в журнале *«Новый корабль»* (1927. № 1, 2; 1928. № 4). Затем, ввиду сложности проверки стенографических отчетов и «для того, чтобы не связывать выступавших на собраниях в будущем, решено было, по общему согласию, печатание стенографических отчетов прекратить — и до самого конца «ЗЛ» так и было» (Терапиано. С. 38). В дальнейшем публиковались только краткие отчеты, информации о происшедших или предстоящих заседаниях и отдельные доклады в виде статей.

Заседания «ЗЛ» проходили примерно раз в месяц (за исключением времени, когда Мережковских не было в Париже), начинались строго в девять часов вечера. За период с 5 февраля 1927 по 26 мая 1939 (даты первого и последнего заседаний) было 52 заседания. По предварительно составленным спискам рассылались пригласительные билеты, при входе взималась небольшая плата для покрытия расходов по аренде зала. Председателем общества был избран *Г.Иванов*, секретарем *Злобин*; на эстраде за большим столом, покрытым зеленым сукном, рядом с председателем сидели учредители — Мережковские и очередные докладчики, в первых рядах места занимали литераторы старшего поколения *И.А.Бунин*, *Б.К.Зайцев*, *М.А.Алданов*, *А.М.Ремизов*, В.Ф.Ходасевич, *Н.А.Тэффи* и др. Частыми посетителями были философы *Н.А.Бердяев*, *Л.Шестов*, литературовед *К.В.Мочульский*, публицист *Г.П.Федотов*, редакторы и ведущие сотрудники «Современных записок», *«Последних новостей»*, *«Возрождения»* и др.

Название «ЗЛ» было дано обществу в память о «Зеленой лампе» пушкинской поры, литературно-политическом обществе 1819—1820, собиравшемся у Н.В.Всеволожского и Я.Н.Толстого за круглым столом при свете зеленой лампы для обсуждения новостей литературы и театра, чтения стихов и вольнолюбивых бесед о будущем России. О пушкинской «Зеленой лампе», «нашей давней соименнице», произнес речь В.Ф.Ходасевич на первом заседании нового общества 5 февраля 1927: «Среди окружающей тупости, умственной лености и душевного покоя — оно помогало бередить умы и оттачивать самое страшное, самое разительное оружие — мысль. Вот почему нам и не страшно, и не кажется нескромным называться «Зеленой Лампой». Мы тоже не собираемся «перевернуть мир», но мы хотели бы здесь о многом помыслить главным образом, — не страшась выводов» (Новый корабль. 1927. № 1. С. 34). О задачах «ЗЛ» на этом же заседании говорил Мережковский: «Пламя нашей лампы сквозь зеленый абажур — вера сквозь зеленый цвет надежды.

Вера в свободу, с надеждой, что свобода и Россия будут одно» (Там же. С. 34). В настоящее время, по мысли Мережковского, вся интеллектуальная Россия переживает единую трагедию — и на родине, и в эмиграции. «Наша трагедия — в антиномии Свободы, нашего «духа», — и России, нашей «плоти». Свобода — это чужбина, эмиграция, пустота, призрачность, бескровность, бесплотность, а Россия, наша плоть и кровь, — отрицание Свободы, рабство. Все русские люди жертвуют или Россией — Свободе, или Свободой — России». Речь Мережковского превращается в торжественный «тост»: «При свете зеленой лампы мы пьем за Свободу-Россию, Россию-Свободу как одно существо, мы пьем за ее великое умолчанное слово» (там же).

Парижская «ЗЛ» мыслилась лабораторией, в которой вырабатывается программа жизни и исканий русской эмиграции — прежде всего в областях литературной и религиозно-философской. В «беседе II», то есть на втором заседании общества, З.Гиппиус сделала доклад «Русская литература в изгнании», который начала словами: «На прошлом заседании Мережковский сказал, что «Зеленая лампа» — лаборатория. Да, между прочим, и лаборатория. Некоторыми исследованиями хорошо бы заняться. Например — исследованием духовного состояния нашей эмиграции» (Новый корабль. 1927. № 1. С. 35—36). В докладе Гиппиус подводит итог десяти годам существования разделенной русской литературы и приходит к выводу, что между двумя ее частями «нерушимая связь». Творцы, живущие в эмиграции, «приглядываются жадно»: «какие там, в глубинах, происходят изменения, что дал русским людям в России их кандальный опыт?» (Там же. С. 36). Условия для творчества в России и в Европе неблагоприятны, хотя и по-разному: в России — «рабство, нищета, насильническое вытравливание моральных ценностей, отрыв от общеевропейской культуры, беззаконие и бесправие, — если эти условия положить на одну чашку весов, а на другую наши условия: чужая земля, сознание безродности, распыленность, трудность заработка и т.д. — не думаю, чтоб вторая перевесила. Даже думаю, первая окажется тяжелей» (с. 36). В эмиграции, утверждает Гиппиус, русским литераторам впервые дано свободное слово, — «с него и надо начинать исследование духовной жизни эмиграции» (с. 37). Задача писателей — «выучиться свободе». Гиппиус анализирует направление творческих поисков писателей старшего поколения, сосредоточенных на общественных проблемах, «общности», «общем деле», и молодежи, становящейся «чистыми субъективистами», «снобистами». Выражающий их идеи журнал «*Звено*» посвящен исключительно вопросам культуры и напоминает эстетикой прежний «Аполлон». Эта реакция молодого поколения на «затверженный частокол идей» старших писателей естественна, но от субъективизма следует переходить к индивидуализму, от которого ведет широкая дорога познания и изображения мира, — «лишь бы сил и дарования хватило» (с. 38). «Чистого искусства» нет, — убеждена З.Гиппиус. Свобода искусства от общества — фикция. «Художественное творчество, словесное по преимуществу, находится в нерасторгаемой связи со всей сложностью данного исторического момента, и даже так, что чем теснее связь, тем выше творчество» (с. 39).

Полемически заостренный доклад Гиппиус вызвал оживленные прения. Выступили В.Ф.Ходасевич, Д.С.Мережковский, И.А.Бунин, С.Иванович, *М.В.Вишняк*, Г.В.Адамович. Мнения разделились по вопросу о гибельности эмиграции для таланта писателя. «Отрыв от родной почвы, которая нас питала, делается трагичным»; «Есть среди нас несколько крупнейших сил в литературе; их произведения великолепны, но у них был такой огромный духовный заряд, что его все еще хватает. Но это все-таки вопрос времени», — считал С.О.Иванович (Талин). «Мне было тяжело слышать повторение, что мы задыхаемся, погибаем... Я не вижу задыхающихся... Выход из своего пруда в реку, в море — это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества... Но, говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет, — пропал человек» (с. 42), — говорил Бунин. Противоречивые отклики вызвал тезис Гиппиус о необходимости связи искусства с современными проблемами действительности: «Отклик искусства на жизнь опаздывает иногда на десятилетия. Публицистическая жажда сразу же все запечатлеть и отразить поэту чужда. Бывают поэты, ею охваченные: в таком случае они поэты «несмотря» на нее, но не «благода-

ря» ей или «из-за нее»», — утверждал Адамович. «Речь не о намеренной ломке искусства, но об отражении жизни, о борозде, которую жизнь проводит на душе художника. Неужели на величайшем поэте славянства — Мицкевиче — не отразилась катастрофа Польши? Если бы не отразилась, то грош была бы ему цена» (с. 45), — заявил Мережковский.

Прения по докладу Гиппиус продолжались еще на двух заседаниях; на втором она заострила вопрос о задачах русской литературы в эмиграции: надо ли все время стоять лицом к России, к ней тянуться? Не пора ли, во имя осуществления задачи своего послания в Европу, подобно недорослям Петра, посылаемым в Европу за знаниями, учиться делу Свободы, и ради этого «теперешнего, сегодняшнего дела — самого важного — сейчас Россию надо забыть? Что если, только исполнив наше здешнее, сейчасное дело, — мы заслужим Россию?» Гиппиус поддержали *Д.Кнут*, *Н.Н.Берберова*, *И.И.Бунаков-Фондаминский*. Последний нарисовал широкую картину духовной значимости эмиграции, не только сохраняющей, но и развивающей русскую культуру и вносящей свою долю ценностей в культуру мировую: «Закрыв глаза, глубоко погрузившись в духовную стихию русской эмиграции, я утверждаю, что такой эмиграции не было в мировой истории — разве вавилонское пленение Израиля. Если вы следите за европейской жизнью, вы знаете, что вся она пронизывается русскими духовными ценностями. Так велика духовная напряженность русской эмиграции, такова ее духовная излучаемость в мире» (Новый корабль. 1927. № 2. С. 45—46).

Тема, поднятая на втором и третьем заседаниях «ЗЛ» (24 февраля и 1 марта 1927), возникала еще не раз, варьировалась в зависимости от индивидуальности докладчика и современного контекста. Характерно для «ЗЛ» литературно-нравственное заострение темы, отказ от публицистической агитационности. Политических аспектов касались неизбежно, но как бы вскользь, посвящая основное внимание литературному материалу и метафизическим проблемам религии и церкви.

Темы докладов на заседаниях «ЗЛ» в 1927—1939:

5 февраля 1927. Вступительное слово В.Ф.Ходасевича. Доклад *М.О.Цетлина* «О литературной критике». В прениях участвовали Г.В.Адамович, М.В.Вишняк, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, *Н.А.Оцуп*, Ю.К.Терапиано.

24 февраля 1927. Доклад З.Н.Гиппиус «Русская литература в изгнании». В прениях участвуют В.Ф.Ходасевич, Г.В.Адамович, И.А.Бунин, М.В.Вишняк, С.Иванович и Д.С.Мережковский.

1 марта 1927. Продолжение обсуждения доклада З.Н.Гиппиус «Русская литература в изгнании». В прениях участвуют Д.Кнут, Н.Н.Берберова, И.И.Бунаков-Фондаминский.

31 марта 1927. Вечер стихов с участием Ю.К.Терапиано, Д.Кнута, Г.В.Адамовича, *Ирины Одоевцевой*, *А.П.Ладинского*, В.Ф.Ходасевича, И.А.Бунина, Д.С.Мережковского, Н.Н.Берберовой, В.А.Злобина и З.Н.Гиппиус.

12 мая 1927. Открытое собрание, посвященное лекциям *Н.М.Бахтина* об эллинстве и современности. В прениях участвовали Г.В.Адамович, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.К.Терапиано.

4 июня 1927. Собеседование на тему: «Есть ли цель у поэзии?» Вступительное слово Г.В.Адамовича, в прениях участвовали Н.М.Бахтин, *В.В.Вейдле*, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, М.О.Цетлин.

6 февраля 1928. Диспут на тему: «Левизна в искусстве». Вступительное слово Н.А.Оцупа.

18 и 27 февраля 1928. Собеседование на тему: «Толстой и большевизм». Вступительное слово Г.В.Адамовича. На заседании 27 февраля — продолжение прений. Выступление З.Н.Гиппиус в прениях «О Евангелии-книге» (В. 1928. 27 февр.).

10 марта 1928. Вечер стихов с участием Г.Адамовича, Н.Берберовой, И.Бунина, З.Гиппиус, В.Злобина, Г.Иванова, Д.Кнута, *Г.Кузнецовой*, А.Ладинского, Д.Мережковского, И.Одоевцевой, Н.Оцупа, Ю.Терапиано, В.Ходасевича, М.Цетлина.

10 апреля 1928. Собеседование на тему «Апокалипсис нашего времени» В.В.Розанова (о Ветхом Завете и христианстве). Вступительное слово З.Н.Гиппиус «Два завета» (В. 1928. 11 апр.). В прениях участвуют Г.О.Гершенкройн, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, М.О.Цетлин, Ю.К.Терапиано и др.

22 апреля 1928. Доклад Д.С.Мережковского «Который же из вас? (Иудаизм и христианство)».

12 мая 1928. Доклад Г.В.Адамовича «Судьба Александра Блока».

22 мая 1928. Доклад Н.А.Оцупа «О музыке революции (Россия в новой русской поэзии)». В диспуте приняли участие Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский и др.

12 июня 1928. Доклад И.С.Златопольского «Противоречия между иудаизмом и христианством».

5 января 1929. Собеседование на тему: «Мечта о царе». Вступительное слово З.Н.Гиппиус. В прениях выступили И.И.Бунаков-Фондаминский, С.С.Маслов, С.П.Мельгунов, Д.С.Мережковский и др.

3 марта 1929. Доклад Г.В.Адамовича «Конец литературы». В прениях выступили Н.М.Бахтин, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, *Б.Ю.Поплавский*, *М.Л.Слоним*, М.О.Цетлин и др.

25 марта 1929. Собеседование: «Спор Белинского с Гоголем». Вступительное слово Н.А.Оцупа. В прениях участвовали Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, М.Л.Кантор, Д.С.Мережковский, В.И.Талин (Иванович), М.О.Цетлин и др.

6 апреля 1929. Собеседование: «Миф о Пушкине» (О новом понимании поэта). В беседе участвовали Г.В.Адамович, А.С.Блох, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский и др.

15 и 20 апреля 1929. Доклад В.А.Злобина «Умирает ли христианство?» В прениях участвовали Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, *Г.В.Флоровский*, В.Ф.Марцинковский, Б.Ю.Поплавский и др. 20 апреля прения были продолжены.

20 мая 1929. Беседа о любви. Вступительное слово Д.С.Мережковского «Европа — Содом». В беседе участвовали Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, А.П.Ладинский, *С.К.Маковский*, Д.С.Мережковский, И.Одоевцева, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Тэффи, *Ю.Фельзен*, М.О.Цетлин. Отчет об этом собрании // В. 1929. 29 мая.

3 июня 1929 состоялась вторая беседа о любви. Вступительное слово З.Н.Гиппиус «Арифметика любви» было впоследствии опубликовано в журнале «Числа» (1931. № 5). В беседе участвовали Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, А.П.Ладинский, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Н.Тэффи, М.О.Цетлин и др.

5 марта 1930. Доклад З.Н.Гиппиус «Отчего нам стало скучно?» В прениях участвовали Г.В.Адамович, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, М.О.Цетлин и др. Собрание было «открытым».

21 марта 1930. Доклад Г.В.Иванова «Шестое чувство (О символизме и судьбах поэзии)» (опубликован в «Числах». 1931. № 2/3). В прениях участвовали Г.В.Адамович, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, М.Л.Слоним и др.

15 апреля 1930. Собеседование на тему «Чего они хотят?» («Современные записки» и «Числа»). В прениях участвовали Н.М.Бахтин, А.С.Блох, И.А.Бунин. *В.С.Варшавский*, З.Н.Гиппиус, *И.Н.Голенищев-Кутузов*, *К.И.Зайцев*, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, Ю.Л.Сазонова, М.Л.Слоним, В.И.Талин (Иванович), Н.А.Тэффи, М.О.Цетлин и др. Резюме этого собеседования: Числа. 1931. № 2—3.

30 января 1931. Доклад Г.П.Федотова «Защита свободы (О настроениях молодежи)». В прениях участвовали В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, П.Н.Милюков, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.А.Ширинский-Шихматов.

6 февраля 1931. Собеседование на тему: «Где свобода?». Участвовали профессор Н.Н.Алексеев, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Н.А.Клепинин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Г.П.Федотов, Ю.А.Ширинский-Шихматов, М.О.Цетлин.

18 апреля 1931. Собеседование на тему: «Что с нами будет? (Атлантида — Европа)». Участвовали В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, *С.Л.Поляков-Литовцев*, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, М.О.Цетлин. Доклад В.С.Варшавского «Что с нами будет?» // Числа. 1931. № 5.

18 мая 1931. Доклад Г.В.Адамовича «Бессонница». В прениях выступили В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, И.В.Одоевцева, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, В.Ф.Ходасевич.

11 июня 1931. Собеседование на тему: «У кого мы в рабстве? (О духовном состоя-

нии эмиграции)». Вступительное слово Г.В.Иванова, в прениях участвовали Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцев, В.А.Злобин, *А.И.Куприн*, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.Фельзен, М.О.Цетлин.

21 декабря 1931. Собеседование на тему: «Эмигрантский молодой человек». Вступительное слово В.С.Варшавского и З.Н.Гиппиус, в прениях участвовали Г.В.Адамович, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.Фельзен.

12 января 1932. Собеседование на тему: «О старом и новом граде». Вступительное слово И.Н.Голенищева-Кутузова, в прениях участвовали И.И.Бунаков-Фондаминский, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, Б.Ю.Поплавский, Г.П.Федотов, Ю.Фельзен, Ю.А.Ширинский-Шихматов, *А.С.Штейгер*.

19 апреля 1932. Доклад П.С.Боранецкого «В поисках третьей России». В прениях участвовали В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, В.Н.Сперанский, Ю.К.Терапиано, А.С.Штейгер, Г.П.Федотов.

6 мая 1932. Собеседование на тему: «О современных общественно-религиозных исканиях в России». Заседание отменено в связи с убийством президента Франции П.Думера.

8 июня 1932. Собеседование на тему: «Духовный кризис Европы (Леонардо да Винчи, Гете и мы)». Вступительное слово Д.С.Мережковского, в прениях участвовали Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, Г.П.Федотов.

19 января 1933. Доклад В.С.Варшавского «Другая сторона христианства» (о новой книге А.Бергсона «Два источника нравственности и религии»). В прениях участвовали *Б.П.Вышеславцев*, З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.К.Терапиано, Г.П.Федотов, Ю.Фельзен и др.

22 февраля 1933. Продолжение обсуждения доклада В.С.Варшавского «Другая сторона христианства». Участвовали Г.В.Адамович, Я.М.Меньшиков, В.Н.Сперанский и др.

4 апреля 1933. Доклад П.С.Боранецкого «Человек и машина». В прениях участвовали Г.В.Адамович, Б.П.Вышеславцев, З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, Ю.Фельзен, Г.П.Федотов.

28 апреля 1933. Доклад А.В.Алферова «Будни эмиграции (Куда мы идем?)» В прениях выступили *Е.В.Бакунина*, П.С.Боранецкий, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин, *Ю.В.Мандельштам*, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, М.Л.Слоним, *В.А.Смоленский*, Ю.К.Терапиано (отчет: Числа. 1933. № 9).

23 марта 1934. Собрание на тему «Деньги, деньги, деньги...» Вступительное слово В.С.Варшавского и З.Н.Гиппиус. В прениях участвовали Г.В.Адамович, А.В.Алферов, Б.В.Дикой, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано.

31 мая 1934. Собеседование на тему: «От чего зависит эмиграция?». Вступительное слово З.Н.Гиппиус, в прениях участвовали Г.В.Адамович, А.В.Алферов, В.С.Варшавский, Б.В.Дикой, В.А.Злобин, Н.А.Оцуп, Д.С.Мережковский и др.

29 мая 1935. Беседа «О непримиримости». Вступительное слово В.А.Смоленского, доклад В.А.Злобина, участвовали в прениях Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Г.Гардский, Б.Г.Бажанов, С.П.Рождественский, Ю.Ф.Семенов (отчет: В. 1935. 7 июня).

9 ноября 1935. Вечер, посвященный памяти Бориса Поплавского, при участии Г.В.Адамовича, А.Я.Браславского, В.С.Варшавского, Л.И.Кельберина, Д.С.Мережковского, Ирины Одоевцевой, Ю.Фельзена и *Л.Д.Червинской*. Вступительное слово Г.В.Иванова.

23 февраля 1937. Собрание на тему «Об унижении России (Совесть в русской литературе)». Вступительное слово Г.В.Иванова. В прениях участвовали Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, А.Ф.Керенский и др.

9 марта 1937. Собрание на тему «В чем соблазн большевизма?». Вступительное слово Д.С.Мережковского. В прениях участвовали Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Ю.В.Мандельштам, Я.М.Меньшиков, В.Н.Сперанский и др.

23 марта 1937. Собрание на тему «Александр Блок и Россия». Вступительное слово Ю.В.Мандельштама. В прениях участвовали Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин.

20 апреля 1937. Собрание на тему «Революция и религия». Вступительное слово

Л.И.Кельберина. В прениях участвовали Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Я.М.Меньшиков и др.

7 мая 1937. Собрание на тему «Найти себя (К трагедии эмигрантского сознания)». Вступительное слово Я.М.Меньшикова. В прениях участвовали П.С.Боранецкий, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, П.Н.Переверзев и др.

28 января 1938. Собрание, посвященное повести Г.Иванова «Распад атома». Вступительное слово З.Н.Гиппиус (опубликовано: Круг. 1938. № 3). В прениях участвовали Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин, *В.А.Мамченко*, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано, Я.М.Меньшиков, Л.Д.Червинская.

29 марта 1938. Доклад В.С.Варшавского «Одинокий человек в эмиграции». В прениях участвовали З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Ю.В.Мандельштам, В.А.Мамченко, Я.М.Меньшиков, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано.

26 мая 1939. Доклад Б.Заковича «Рождение личности». В прениях участвовали Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, В.А.Мамченко, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано, Ю.Фельзен, Л.Д.Червинская.

Хотя политические вопросы впрямую на заседаниях не ставились, в прениях, как правило, литературные темы переливались в политические, политические переходили в религиозные, частные вопросы расширялись до общих, из отвлеченных рассуждений извлекались практические выводы. Так, например, на заседании памяти В.В.Розанова 10 апреля 1928 разговор, направляемый вступительным словом Гиппиус, естественно перешел с основных тем Розанова — «Бог, Любовь, Смерть» и от раздиравшего его противоречия: «Он любит плоть, земную, рождающую, но любит и Христа, и раздираем этими двумя любовями» (В. 1928. 11 апр.) — к вопросу об отношении Розанова к иудаизму, книге О.Вейнингера «Пол и характер» и современному состоянию еврейского вопроса: надо ли сейчас говорить об иудаизме в религиозной, «розановской» плоскости, когда в России антисемиты решают его кулаками? Ответ Гиппиус и ее «собеседников» по «ЗЛ»: только так, в религиозной плоскости, и можно ставить еврейский вопрос. Три главных положения иудаизма — о Боге, о Любви и Смерти — касаются всех, «и нельзя даже вообразить момент, когда они перестали бы касаться человечества» (В. 1928. 11 апр.).

По поводу доклада Г.В.Адамовича о Л.Н.Толстом, Евангелии и большевиках З.Н.Гиппиус подчеркивает, что «ЗЛ» занимается не только литературой, но «всем»: «Каждый доклад можно взять с любой стороны: литературной, политической или религиозной» (В. 1928. 27 февр.). Вместе с тем в 1930-е наибольший интерес собирающихся на заседания стали вызывать не политические и даже не литературные темы, — они находили трибуны для их обсуждений на заседаниях других объединений и обществ (*«Союз молодых поэтов и писателей»*, *«Перекресток»*, *«Кочевье»* и др.), а те, в которых индивидуальность создателей «ЗЛ» выражалась наиболее полно. Так, событием стали заседания, посвященные любви. В докладе «Арифметика любви» Гиппиус развертывает тезисы о любви в сугубо метафизическом плане: личность, ее единственность, Эрос, андрогинизм и вечность, смысл любви в философии Вл.Соловьева... Человек, по мнению Гиппиус, существо душетелесное, в котором никогда не заключены только мужское или только женское начала. В каждом существе оба начала присутствуют, но какое-то одно преобладает. Человек, таким образом, существо «мужеженское» или «женомужское». Личная любовь — это «мост, который строит Эрос между двумя личностями» (Числа. 1931. № 5. С. 158). Иногда сильная личность пытается сохранить такую любовь — без Эроса pontifex'а — «строителя мостов» и «священника», пытается приделать Эросу вместо «легких крылышек длинные ангельские крылья», — но и это не спасает. «Такой Содомский апологет, например, как André Gide, с наивно-трогательной искренностью открывает нам, в каком виде остается у содомлян «личная любовь»: она нисколько не мешает всемерному, тут же, физиологическому распылению» (с. 159). Любящая парадоксы Гиппиус противопоставила содомитской любви образ совершенной любви, «полноты личной любви», данный Н.В.Гоголем в «Старосветских помещиках», — в то время как «было бы смешно представить» личную любовь между Иваном Ивановичем и Иваном

Никифоровичем, — «да ведь Гоголь этого и не писал!» Доклад Гиппиус завершался обращением к авторитету Вл.Соловьева: «Много ли мы понимаем о *личности*? Много ли о *любви*? Недаром Соловьев, пытаясь о ней что-то сказать новое и важное, вдруг сам себя с отчаянием прерывал: «да кто же когда-нибудь думал о чем-нибудь подобном по поводу любви?» Ну, что ж, если и не думал, — может быть, впоследствии подумает» (Числа. 1931. № 5. С. 161).

Речь Гиппиус «Арифметика любви» вызвала самые разнообразные суждения и до сих пор продолжает интересовать ученых-специалистов. Если аудитория первых лет существования «ЗЛ» была «очень внимательной и чуткой» и каждый вечер потом вызывал «долгие разговоры присутствовавших на этом собрании» (Терапиано. С. 41), то в поздние годы Мережковские стали ощущать потерю контакта с молодежью («зародышами» и «подростками», как их называла Гиппиус). Заседания проходили при почти пустом зале. Частые отъезды — в Италию, в Биарриц и пр. — также нарушали регулярность собраний.

Значение «ЗЛ» в истории духовной жизни русской эмиграции, безусловно, велико. Обсуждение литературных вопросов с выходом в вопросы религиозно-философские и политические давало возможность высказаться литераторам старшего и молодого поколений, устанавливало высокую планку уровня культуры и нравственных ценностей. Осуществились полностью замыслы создателей общества, о которых Д.С.Мережковский говорил: ««Зеленая лампа» — общество как будто литературное — мы говорим только о русской литературе. Но ведь существо русской литературы в том, что она не только литература, а что в ней есть элемент религиозный; еще прямее сказать, элемент христианский» (Терапиано Ю. Встречи. С. 80). Религиозно-нравственные беседы «ЗЛ» возрождали память о религиозно-философских собраниях Петербурга до Первой мировой войны, обращали к этим вопросам мысль молодого поколения литераторов-эмигрантов. «Мы себя заставим слушать; заставим с нами спорить, а этого нам только и нужно», — эти слова Мережковского о задачах «Зеленой лампы» оказались пророческими.

Темира Пахмусс (США), Н.В.Королева

«ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА» (Париж. 1920. № 1. 1 октября — 5/6 — 1921. № 1—2. 16 января) — двухнедельный иллюстрированный журнал для детей, созданный Аминадом Петровичем Шполянским, писавшим под псевдонимом *Дон-Аминадо*. Он поставил задачу издавать в эмиграции журнал, который помогал бы воспитывать русских детей русскими, сохранить, развить и усилить в них любовь к покинутой Родине, ее истории и культуре. Идеи Дон-Аминадо одобрили находившиеся в 20-е в Париже *А.Н.Толстой* и его жена *Н.В.Крандиевская*; они вошли в состав редколлегии и приняли участие в создании журнала. Ближайшими помощниками Дон-Аминадо и участниками в создании журнала стали также *Амари*, *К.Д.Бальмонт*, *В.В.Барятинский*, *И.А.Бунин*, *И.М.Василевский* (Не-Буква), *А.Дроздов*, А.А.Койранский, Н.Крандиевская, С.Кречетов, *А.И.Куприн*, М.К.Первухин, *С.Л.Поляков* (Литовцев), *Н.А.Рубакин*, С.Ю.Судейкин, А.Н.Толстой, Н.Ульянов, *Саша Черный* и др. Средства для издания «ЗП» выделил меценат Р., по образованию — доктор философии, по профессии — зернопромышленник, из скромности не позволивший обнародовать свою фамилию. Обложку журнала выполнил художник Н.В.Васильев (1887—1975), подписывавший свои работы псевдонимом Ре-ми. Он же и С.Ю.Судейкин (1882—1946) украшали журнал своими веселыми и смешными иллюстрациями.

Чтобы объяснить название журнала, на второй странице был воспроизведен отрывок из «Воспоминаний (1902—1906)» Л.Н.Толстого «о том, как его старший брат, его Николенька, объявил, что у него есть тайна, через которую, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми и все будут любить друг друга. Тайна эта написана на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага, в яснополянском парке. Единая задача «зеленой палочки», стало быть, одна для всех: всем вместе искать простую и важную тайну, посредством которой можно сделать всех людей на свете счастливыми».

Программа журнала включала воспитание юных читателей с учетом нравственной стороны чтения, стремление развить ум и способности ребенка, дать ему доступные сведения об окружающем мире. В нем публиковались художественные произведения, призванные пробудить в детях любовь к

слабым, уважение к труду, самостоятельности. Наряду с художественной литературой в журнале печатались статьи и беседы на различные темы, сообщения о событиях в России.

Первый номер журнала открывается стихотворением Бунина с предрождественской тематикой «Бегство в Египет». Опубликована сказка А.Н.Толстого «Синица» (1920. № 1) и повесть «Детство Никиты» (1920. № 2—5/6). Эта повесть в дальнейшем дорабатывалась автором и целиком была издана под заглавием «Повесть о многих превосходных вещах: (Детство Никиты)» в издательстве «Геликон» (М.; Берлин, 1922). При сравнении этих текстов обнаруживается, что в журнальном тексте сильнее, чем в окончательной редакции, был выражен мотив пронзительной и щемящей тоски по Родине. А.И.Куприн поместил в журнале рассказы о животных «Козлиная жизнь» (1920. № 1) и «Сапсан» (1921. № 1), герой которого наделен стремлением к свободе, гордостью, справедливостью, чувством любви и привязанности.

В издание «ЗП» внес свой вклад К.Бальмонт. Любовь и доброе отношение к природе звучат в его стихотворении «Птенец» (1920. № 1). Два стихотворения опубликовала Н.Крандиевская: «Колыбельная» и музыка к ней (1920. № 1) и «День прошел» (1920. № 5/6). Почти в каждом номере журнала присутствуют детские стихи Саши Черного.

В журнале были опубликованы сказка «Соловей» Г.Х.Андерсена в переводе А.Ганзен (1920. № 2), сказка П.Кожевникова «Пропавшее солнце» (1920. № 5/6); стихи М.Струве «Зима» (1920. № 3), Г.Шайкевича «В белом поле вьюга стелется» (1920. № 5/6); рассказы А.Дроздова «Мой дедушка» (1920. № 1) и «Медовый человек» (1920. № 4), В.Барятинского «Страшная история» (1920. № 5/6); повесть *А.Яблоновского* «Приключения Миши Шишмарева» (1921. № 1—2); Роман Р.Стивенсона «Остров сокровищ» в переводе А.Койранского, печатавшийся с № 2 за 1920 и оставшийся незаконченной публикацией.

Авторами статей на естественнонаучные и исторические темы были: книговед Н.А.Рубакин — автор очерков о детском творчестве «Великие изобретатели маленьких людей» (1920. № 1), «Ученый мальчик» об И.Ньютоне (1920. № 4); инженер-пропагандист Н.А.Ульянов — «Беспроволочный телеграф» (1920. № 3), «Маяк: исторический очерк» (1920. № 5/6); М.Первухин — «Современный волшебник: очерк о беспроволочном телефоне» (1920. № 4).

В журнале было несколько постоянных разделов: «Крепко помни о России» — здесь со статьями выступили: С.Поляков (Литовцев) «Далекая Россия» (1920. № 1), Г.Лукомский «Старая губерния» (1920. № 3), Д.Денисов «Москва» (1920. № 1), М.Струве «Петербург» (1921. № 2); раздел «Произведения молодых авторов» (стихи и рассказы юных авторов с их же рисунками). Непременными в каждом номере были разделы «Спорт», «Наши конкурсы», «Потехе час». Начиная с номера 5/6 за 1920 в журнале появилась рубрика «Наука и жизнь», дающая доступные детскому восприятию знания. Журнал просуществовал недолго. В 1921 меценат, финансировавший издание, разорился, и журнал прекратил свое существование.

А.М.Гуткина

«ЗНАМЯ» (Берлин, 1921. № 1, 2) — временник литературы и политики. Издание партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Выходил в издательстве «Скифы» под редакцией Александра Шрейдера. Журнал состоит из двух частей — литературной и политической. В первой напечатаны стихотворения: «Я ухо приложил к земле» А.Блока, «Я покинул родимый дом», «Нивы сжаты, рощи голы» С.Есенина, «Молчанье долго я таил, но дольше» Рюрика Ивнева, «Ямбы» Н.Клюева, «Разлюбленный, затверженный» *И.Эренбурга*. Поэма *А.Белого* «Первое свидание» (№ 2) — воспоминание о годах, прожитых в Москве, ее культурной, литературной жизни.

Рецензировалась современная литература. Е.Лундберг в обзоре «В своем углу. О текущей литературе» (№ 2. С. 36) отмечает: «Возьмите рассказы *Куприна*, «Заклинательницу змей» Ф.Сологуба, «14 декабря» *Мережковского*, новые рассказы *З.Гиппиус*, старые томики Ауслендера, Садовского, драмы *Л.Андреева* или его патетическую прозу. Их нельзя взять на язык, нельзя снести вкусом, хотя литературно все это не так плохо. К картонным и ватным романам

Мережковского все привыкли. Сологуб и раньше умел любой вздор рассказать превосходной прозой — такой превосходной, что, вчитавшись, вы начинали верить, что за вздором кроется глубокая поэзия, не нашедшая себе форм. Но ныне не помогают ни привычки, ни профессиональный интерес. То, что раньше казалось средне-хорошим, стало невозможным».

Рецензент Е.Лундберг многое не приемлет в романах Д.С.Мережковского, считает, что «14 декабря» (Париж, 1921) сделан, подобно предыдущим его романам, по старому образцу (№ 2. С. 60). «Тон изложения детской сказки. Андерсен пополам с Гофманом». «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1921) — большевистская Россия. Сборник составлен из статей Д.Мережковского, З.Гиппиус, *Д.Философова* и *В.Злобина*: «Пророчественные статьи Мережковского, особенно «Крест и Пентаграмма», неудобочитаемы. Не лучше и «Записная книжка» того же автора» (там же). Рецензент отрицательно оценивает дневники Гиппиус: «Это — низкое произведение; произведение, продиктованное заботой, как бы не пропустить чего-нибудь дрянного в жизни окружающих» (с. 61).

Иронична рецензия Иванова-Разумника на книгу Н.Гумилева «Мик. Африканская поэма» (Пг., 1921) («Изысканный жираф» // № 1). Он считает поэта верным рыцарем и паладином «чистого искусства», каким он был и десятилетием раньше в годы первой русской революции, когда писал книгу «Романтические цветы» (Париж, 1908): «Далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф» (с. 27).

Литературное прошлое представлено двумя статьями. Иванов-Разумник («Скиф сороковых годов» // № 1. С. 21) напоминает о непреходящем значении А.И.Герцена: «Он духовно близок нам, точно человек сегодняшнего дня, или, вернее, — дня завершенного. И еще долго продлится это «завтра» мировой истории. Человек, писатель, мыслитель, революционер, социалист, вечный «скиф» — Герцен надолго еще останется современным для молодых поколений будущего, для «скифов» грядущих времен и народов». Место Л.Н.Толстого в истории культуры определяет А.Белый («Учитель жизни. Лев Толстой» // № 1. С. 23): «Толстой — выразитель доступной всем Мудрости: он откровение грядущей культуры. Восставши, пошел Лев Толстой через всю Россию в огромные шири вселенского света; уход Льва Толстого, сперва из уже обветшавшей культуры, потом из дому, сквозь смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ».

Несколько очерков посвящено искусству, художественному творчеству. Конст.Эрберг («О догмах и ересях в искусстве» // № 2. С. 33) резюмирует: «Как ни вытравливаются старые догматы новейшими художниками, а все-таки преемственная связь между ними и прежним искусством неминуема... ибо всякая ересь, особенно художественная, питается и живет тем самым догматом, с которым она борется и который она так ненавидит».

Публицистика занимает важное место в журнале. Иванов-Разумник («Пролетарская культура и пролетарская цивилизация» // № 2. С. 26) заключает свою статью: «В «пролетарскую культуру» я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и «культуры буржуазной»; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смытом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить не можем». А.Белый («Прыжок в царство свободы», № 2) говорит о царстве несвободы, и «упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы» (с. 21). Перепечатан известный доклад А.Блока «Крушение гуманизма» (№ 2).

Преобладающая в журнале политическая часть состоит из материалов о партии социалистов-революционеров, хроники этой партии.

А.Ф.Головенченко

И

«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ» (Париж, 1934. № 1—30. 15 марта — 4 окт.) — еженедельный иллюстрированный журнал, выходил без указания имен редакторов. Перепечатывались произведения советских авторов — А.Зорича («Неприличное дело», № 1), Н.Огнева («Виноград», № 5), М.Зощенко («Деньги», № 10), А.Грина («Комендант порта», № 11), Г.Никифорова («Соблазны», № 16), Арк.Бухова («Положение становится угрожающим», № 17), Б.Левина («Он говорит как пишет», № 18), С.Борисоглебского («Бумажный ранет», № 20—24) и др.

Главная ставка в издании была сделана на публиковавшийся под названием «Повесть с кокаином. По запискам больного» роман *М.Агеева* «Роман с кокаином» (№ 1—17). Начало публикации было сопровождено предуведомлением: «Повесть, которую мы начинаем печатанием, принадлежит перу молодого, талантливого писателя М.Агеева, «открытого» журналом «*Числа*». В выходящей в первой половине апреля 10-й юбилейной книге этого журнала появятся некоторые главы «Повести с кокаином». С любезного согласия редакции «Чисел» мы приступаем к печатанию всей повести полностью. Мы надеемся, что читатели оценят талантливость, смелость и подлинный трагизм произведения этого нового автора» (№ 1. С. 4). Впоследствии регулярно печатались фрагменты из опубликованных в разных изданиях отзывов об этом романе критиков. С № 23 в анонимном переводе с французского начал публиковаться развлекательный «роман с приключениями» П.Вери «Четыре змеи». Журнал культивировал малые прозаические формы, отдавая предпочтение жанрам небольшого рассказа или очерка. Были опубликованы рассказы *А.Куприна* «Ральф» (№ 4), *Ю.Фельзена* «Погоня» (№ 6), *Дон-Аминадо* «Записки Шопенгауэра» (№ 19), «Дачный рассказ» (№ 25), М.Струве «Офицер генерального штаба» (№ 27), *В.Сирина* «Памяти Л.И.Шигаева» (№ 29) и др. Печатались в журнале и отрывки из новых произведений русских писателей-эмигрантов — *И.Шмелева* («Семейная жизнь» — из романа «Няня из Москвы», № 4), *Б.Поплавского* («На рассвете» — из романа «Аполлон Безобразов», № 9). Стихи на страницах издания представлены сатирическими фельетонами и куплетами Дон-Аминадо, стихами М.Струве, Ан.Вершховского, А.Архангельского, лирической подборкой Б.Поплавского «Летние стихи» (№ 25). В № 11 опубликовано интервью «Полчаса с *И.А.Буниным.* К приезду его в Париж». Писатель весьма оптимистично смотрел на перспективы эмигрантской литературы: «Я считаю, что обстановка, в которую поставлены сотни тысяч русских людей в эмиграции, чрезвычайно благоприятна для того, чтобы родились и сложились необычайно сильные, оригинальные дарования. Ведь подумать только, что мы все, оставаясь и телом, и душою русскими людьми, воспринимаем европейскую культуру, вчитываем ее в себя, обретаем новую душу. Для мировой литературы — это необыкновенное явление... Ведь эмиграция уже дала и *Алданова*, и Сирина. А сколько талантливой молодежи?» (с. 2).

Редакция выпускала номера тематическими, не всегда объявляя их таковыми. № 13 за 7 июня был открыт следующим замечанием: «Этот номер, по случаю Дня русской культуры, в своей большей части посвящен тому, что так или иначе служит ее великому делу: литературе, искусству, театру. Есть, однако, еще одна область культурной деятельности, обычно мало отмечаемая в подобных случаях: это русская периодическая печать... Сегодня, в День Русской Культуры, мы хотим только воскресить в памяти читателей несколько образов ее прошлого» (с. 2). В номере были опубликованы воспоминания *А.Амфитеатрова* «Мои перво-редакторы», исторический очерк *М.Слонима* «Гонители муз: Русская

цензура сто лет назад» (о цензоре пушкинских времен А.И.Красовском) и мемуары *С.Полякова-Литовцева* «Русское слово»: Из воспоминаний журналиста» о работе автора в редакции дореволюционной либеральной газеты. В «парижском» № 15 от 1 июня под шапкой «очерк о парижских тупиках» были опубликованы «Тупик успокоенного сердца: Уходящий Париж» *Р.Гуля*, «Париж веселится: Сто лет тому назад» М.Слонима и (с окончанием в № 16) «очерки парижской улицы» «В дурном обществе» М.Струве. В память А.П.Чехова, накануне тридцатилетия со дня его смерти, в № 18 от 1 июля была опубликована подборка «Наши писатели о Чехове». О своем отношении к писателю высказались А.Куприн, М.Алданов, Дон-Аминадо, *Б.Зайцев, М.Осоргин, А.Ремизов, Н.Тэффи*, И.Шмелев. Здесь же были напечатаны «Заметки о Чехове» М.Слонима и неизданная в то время переписка А.П.Чехова с О.Л.Книппер по поводу постановки «Вишневого сада». Мемуары П.Милюкова «Из воспоминаний», полковника К.Шумского «Двадцать лет тому назад: Очерки мировой войны» и М.Струве «Первый бой: Впечатления участника» определили собой лицо «военного» № 20 от 26 июля, посвященного событиям первой мировой войны. № 24 был отдан проблеме эмигрантов, желающих вернуться на родину: здесь, с продолженем в № 25—30 публиковались «Заметки возвращенца» И.Белины-Подгаецкого, рассказавшего о его опыте реэмиграции, и статья В.Л.Бурцева «При сталинцах никогда амнистии не будет!».

Для журнала характерен интерес к выдающимся личностям прошлого и настоящего. Так, М.Слоним публикует исследование «Предтеча Ленина. Сергей Нечаев» (№ 21—22), Р.Гуль печатает очерк «Чекист Ягода» (№ 17—18), М.Яковлев — «Легенду о Махно» (№ 22), а с № 27 в журнале начал печататься цикл очерков *Г.Иванова* «Царица Александра». Публикация была предварена редакторской репликой: «Печатаемый ниже очерк является частью большого труда писателя Георгия Иванова под общим заглавием «Царица Александра», посвященного истории последнего царствования и трагической фигуре императрицы. Труд этот состоит из ряда очерков, связанных общей идеей. С этого номера мы приступаем к их печатанию, начиная с очерка, посвященного «предшественнику Распутина», гипнотизеру Филиппу. В ближайших номерах «Иллюстрированной жизни» будут напечатаны отрывки: «Коронация», «Ходынка» и др.» (с. 2). Однако в журнале успели появиться только главы книги «Филипп» (№ 27—28) и начало «Девятого января» (№ 30). Легендарная «бабушка русской революции» К.Брешко-Брешковская была представлена на страницах издания отрывком из ее воспоминаний «В тайге: Как мы бежали» (№ 28). Постоянный автор журнала М.Слоним вел рубрику «Книга и жизнь». В ней появлялся раздел литературной хроники «Литературные мелочи» и рецензий «Книжная полка», однако среди рецензируемых авторов преобладали советские писатели и литературоведы: *В.Шкловский* «Сомнения Федора Достоевского» (№ 1), Ф.Панферов «Бруски» (№ 3), Б.Эйхенбаум «Маршрут в бессмертие» (№ 5), *Г.Алексеев* «Простая любовь» (№ 6) и др. Среди рецензий на произведения писателей-эмигрантов выделяется отзыв М.Слонима на роман В.Сирина «Камера обскура»: ««Камера обскура» написана ярко, со словесным блеском и той ловкостью и слаженностью, которая отличает талант Сирина... «Камера обскура», как и остальные произведения Сирина, обладает своим определенным смыслом, своей мрачной внутренней правдой, которую внимательный читатель найдет во всех произведениях писателя, стоящего отныне в первых рядах эмигрантской литературы» (№ 3. С. 10). Выступал М.Слоним и со статьями о писателях прошлого: «Старые анекдоты: Из записной книжки П.А.Вяземского» (№ 9), «Рассказы о Толстом» (№ 14); статья М.Яковлева посвящена теме «Гоголь в Париже» (№ 3). В последнем номере журнала М.Слоним высказал свое отношение к полемике, разгоревшейся на страницах «*Меча*» между *В.Федоровым* и *Мережковским*, о причинах раскола в литературе русского зарубежья: по мнению критика, «у эмиграции нет общей жизни, а значит и не может быть общей литературы» (№ 30. С. 10). Юмористика представлена в журнале именами Дон-Аминадо, М.Струве, Ан.Вершховского, А.Архангельского. В необычной роли выступил Б.Поплавский, продемонстрировав знание мастеров совре-

менного ему бокса в очерке «Герои ринга» (№ 14).

М.Г.Павловец

«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ» (Париж, 1924. Май — 1939. № 1—1245) — еженедельный литературный иллюстрированный журнал (первые полтора года выходил раз в две недели). Основатель и первый редактор (№ 1—322) — Мирон Петрович Миронов (1890—1935); начинал журналистскую деятельность в петербургской газете «День», затем работал в петербургском отделении «Русского слова», в «Биржевых ведомостях», профессии учился у И.Сытина, В.Дорошевича, А.Руманова; в 1918—1919 редактировал киевскую газету «Наш путь». Затевая свое первое издание в зарубежье, Миронов ориентировал журнал на широкие слои русской эмиграции. В созданном по типу «Огонька» (выходившего в советской России с 1923) журнале первостепенное внимание уделялось иллюстрированному, прежде всего фотографическому материалу, что не могло не привлечь массового читателя. Само же предприятие, по воспоминаниям скептически настроенных к типу журнала современников, было поставлено на широкую ногу, в него вкладывались огромные деньги и энергия основателей; с 21 мая 1926 материальное обеспечение перешло к специально созданному акционерному обществу под председательством М.Л.Гольдштейна (в правление вошли Б.Э.Нольде, Миронов, Л.Г.Бакрах, И.В.Дуссан). Правильный журналистский расчет и солидная материальная база (хотя гонорары даже знаменитым авторам выплачивали далеко не аккуратно) позволяли постоянно увеличивать тираж журнала (судя по приводимому в рекламном отделе журнала списку его представителей, «ИР» можно было приобрести у частных агентов или в магазинах русской книги по всему миру) и постепенно увеличить издание в объеме (с 24 страниц в 20-е до 32 в 30-е); журнал печатался в одной из лучших французских типографий, по уверению редакции, оборудованной по последнему слову техники; постепенно печатание переводится на новейший способ «офсет» (1931. № 52).

Своим успехом в широких слоях эмиграции журнал был обязан принципиальной установке на внепартийность, отсутствию внутриэмигрантских политических пристрастий. «ИР» явилась тем необходимым дополнением к ежедневной прессе, занятой главным образом информацией и политической борьбой, которое удовлетворило все вкусы. «Живое, беспристрастное отражение всех событий текущей жизни, безупречная литературность материала, тщательность технического воспроизведения», — так формулировала принципы издания редакция «ИР» в разгар подписной кампании на 1932 (1931. № 51, вклейка). Годом позже в «программе журнала» редакция декларировала свое «полное беспристрастие в оценке тех или иных явлений общественной жизни, а также отсутствие партийности и личных счетов» (план-проспект на 1933). Отстраненность от политики подкреплялась универсальностью интересов, даже всеядностью, так что в стихотворном приветствии, помещенном в юбилейном сотом номере журнала, *Саша Черный* уверял:

«Словно в ноевом ковчеге,
Все в журнале вы найдете, —

справедливо указывая на адресата, определявшего неизменный успех журнала, —

Обыватель — это сила!» (1925. № 21. С. 10).

Однако, безусловно неприемлемым оставался для создателей «ИР» большевизм, так что на протяжении существования журнала с его страниц не сходили материалы, направленные на обличение коммунизма и советской власти. Сразу обретя свое лицо, журнал становился толще, увеличивалось количество разделов и рубрик, менялось в соответствии с достижениями полиграфии качество материалов, но и спустя десять лет после выхода в свет первого номера «ИР» ее сотрудники придерживались избранной «линии: отражать события современной жизни, помнить нашу великую родину, бороться за ее освобождение и вселять бодрость в души уставших и изверившихся» (1934. № 2. С. 13). Адресуя журнал трудовой эмиграции («Фильмовые статисты... Уличные музыканты... Газетчики и парикмахеры... Гарсоны и кельнерши... Все тянут лямку, все борются за существование...» // 1934. № 33. С. 14), создатели

журнала стремились превратить его в «русский очаг, в котором свято чтут наследие великой русской литературы» (1934. № 2. С. 13).

Литературная часть журнала вбирала в себя собственно беллетристические произведения как крупных, так и малоизвестных авторов, особо популярную в зарубежье мемуаристику и очерковую прозу. Поэзия на страницах «ИР» появлялась в виде исключения, причем в силу предпочтений редакции это были отрывки из поэм и иных лиро-эпических сочинений (из «русской сказки» «Царевич» *Г.Гребенщикова*, из стихотворной биографии Пушкина «Невольник чести» *Л.Нелидовой-Фивейской*, из грустно-иронических стихов *Дон-Аминадо*, *Лоло*, *В.Горянского*). «ИР» старалась привлечь к сотрудничеству «лучшие силы русской зарубежной литературы» (1931. № 30. С. 17) — *Куприна*, *Бунина*, *Алданова*, *Тэффи*, С.Черного. Однако объемные публикации выдающихся писателей были в журнале редкостью, предпочтение отдавалось отрывкам из крупных произведений, полностью печатавшихся в иных, более солидных изданиях (например, фрагменты из «Пещеры» Алданова или «Путешествия Глеба» *Б.Зайцева*), а известные имена использовались журналом в рекламных целях, для придания ему большей весомости. Этим объясняется приглашение на должность главного редактора после ухода Миронова А.И.Куприна, который занимал этот пост ровно год — с 1 июля 1931 (№ 323) по 1 июля 1932. Куприн часто выступал в 1920-е на страницах журнала с рассказами и очерками, но, приглашенный на редакторскую должность из-за «престижа», он горько сетовал на «грустные и гнусные подробности» своей деятельности в «ИР»: «Суть в том, — жаловался он *И.Шмелеву*, — что в редакции я самый последний и почти ничего не стоящий винт» (цит. по изд.: Куприна К.А. Куприн — мой отец. М., 1971. С. 153).

Стремление повысить литературный уровень журнала в 1936 обнаружило себя очередным обращением к писательским авторитетам: в состав редакционного комитета вошли И.Шмелев, И.Бунин, *З.Гиппиус*, *Д.Мережковский* и Б.Зайцев. № 11, начиная с которого в журнале должны были еженедельно публиковаться очерки, рассказы и воспоминания пяти этих писателей, был объявлен началом «новой эры» для «ИР». Их материалы (воспоминания Бунина о присуждении ему Нобелевской премии, крымские рассказы Шмелева, рассказ Гиппиус «Агата» и очерк Зайцева «Финский край. В лесах», «Огненный крест. Смерть Жанны д'Арк» Мережковского) появляются в нескольких последующих номерах «ИР». Но это начинание, так же как и обещание привлечь к сотрудничеству одаренных представителей молодого поколения писателей и поэтов, не имело продолжения.

Обычная литературная продукция «ИР» — рассказы и романы с продолжением (обычно переводные); в выборе их для удовлетворения невзыскательных вкусов главенствовал детективный и авантюрно-любовный сюжет. Из рассказов о прошлом России предпочтение отдавалось «прадедовщине» (по одноименному рассказу А.П.Лукина в «ИР» // 1933. № 1) — переложенным в беллетристическую форму истинным происшествиям, картинам минувшего, бытовым зарисовкам, случаям из жизни знаменитых людей, от царей и вельмож до литераторов и мастеровых. Подобные сочинения появлялись в рубриках: «Невозвратное», «Тени минувшего». Характерны названия рассказов постоянно печатавшегося в «ИР» *К.Коровина*: «Подмосковная дача», «Масленица», «На Пасху»; из постоянных авторов «ИР» следует также упомянуть П.Семевского, Г.Евангулова, А.Гефтера, кн. *В.В.Барятинского*, Е.Тарусского, О.Бебутову. В журнале постепенно нарастает удельный вес материалов на самые разные темы отечественной и зарубежной истории, популярным становится жанр литературно-исторического портрета — царей и полководцев, писателей, поэтов, художников, музыкантов. Роли и месту женщины в истории, рассказам о выдающихся представительницах прекрасного пола также отводится немалое место. Эти основанные на подлинных фактах портретные очерки отличаются живостью изложения, иногда приоткрывают завесу над темными сторонами истории, напоминают о забытых архивных материалах и свидетельствах современников. Но пальму первенства неизменно держат романы с продолжением, уголовные, любовные, и даже юмористический для детей В.Горянского. К уже пере-

численным фамилиям можно добавить еще имена: В.Азов, М.Басин, *А.Буров*, Н.Вольская, *Л.Зуров*, П.Рысс, Н.Бухарский, С.Сомов, А.Задонский, И.Воинов, Л.Зилов и др.

В «ИР» часто объявлялись конкурсы (традиционными были — на лучший детский рисунок, лучшая любительская фотография на определенную тему, например, курортный сезон), в том числе литературные: на лучший рассказ, на «самое красивое любовное письмо». При этом публиковались не только опусы, удостоенные первых мест, но и далекие от совершенства дилетантские робкие опыты в художественной прозе никому не известных авторов. Лишь праздничные номера журнала — рождественские или пасхальные — готовились с привлечением лучших литературных сил эмиграции. Например, действительно праздничным было содержание рождественского (№ 52) за 1927, на обложке которого красовалась репродукция «Рождества» Ф.А.Малявина: рассказ А.Куприна, новелла *Г.Иванова*, «казачья повесть» *И.Лукаша*, «Предпраздничный блокнот» Дон-Аминадо, «рождественские» поэма М.Струве и сказка В.Горянского, а также репродукции «лучших русских художников» и старинные гравюры с видами Москвы и Петербурга.

Крайне нерегулярно появлялась на страницах «ИР» литературная критика; спорадически, с большими временными промежутками публиковались материалы в рубриках «Книжная полка» и «Литературная неделя» — страничка, которую с 1929 вел *Г.Адамович*, в свободной фрагментарной форме делясь своими впечатлениями о новинках литературы, в том числе и советской. В «ИР» существовали специальные рубрики, в которых помещались произведения писателей метрополии — «Советский рассказ» (К.Тренев, М.Зощенко и др.) и «Советский юмор», в которой перепечатывались юморески из «Крокодила» (В.Ардова, Е.Петрова и И.Ильфа, Г.Рыклина). Показательным примером того, с какой жадностью читались в эмиграции произведения советских писателей (для широкой читательской массы зарубежья интересные не столько художественными исканиями, сколько отражением жизни в большевистской России), может служить перепечатка «комсомольского романа» П.Нилина «Любимая девушка» (№ 12—15 за 1937) и предложенная редакцией дискуссия, вызвавшая горячие читательские отклики и весьма разноречивые суждения.

Особое место отводилось в журнале мемуаристике. Воспоминания, с которыми выступали на страницах «ИР» представители разных сословий и профессий дореволюционной России, давали богатый материал по истории. Живые свидетельства о жизни и быте императорской фамилии представлены в записках великого князя Александра Михайловича, старательно опровергающего расхожее мнение, что «роль каждого В.К. сводилась к великосветской праздности» (1933. № 11. С. 4); о революционных событиях живо и образно рассказывала дочь английского посла в России М.Бьюкенен; многие явления и факты общественной ситуации в России по-новому освещались гр. В.В.Коковцевым. Внимание читателей привлекали оригинальные публикации: «Воспоминания русского Шерлока Холмса» бывшего начальника московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи, не понаслышке знавшего уголовный мир царской России, А.Ф.Кошко, рассказы очевидцев, непосредственных участников драматических эпизодов русской истории (например, описание капитаном второго ранга А.П.Лукиным гибели дредноута «Императрица Мария»), мемуарные очерки деятелей искусств, артистов, всегда увлекательные (воспоминания Е.Рощиной-Инсаровой, С.Лифаря). Многие из этих материалов складывались в отдельные книги, издаваемые «ИР».

Литературные приложения «Библиотеки «ИР»» (число которых возросло с 24 до 48 в год благодаря увеличению общего тиража журнала и упрочению его материальных дел) рассылались подписчикам, которые могли составить таким образом библиотеку русской классики (Гоголь, Толстой, Достоевский, Гаршин, Тургенев, Лесков, Салтыков-Щедрин, Гончаров) и современных писателей, как эмигрантов (А.Куприн, Н.Тэффи, *А.Ремизов*, М.Алданов, *А.Аверченко*, Б.Зайцев, Д.Мережковский), так и советских литераторов (М.Зощенко, В.Катаев, А.Яковлев, Вяч.Шишков, М.Булгаков, Вл.Лидин). Классика выходила в виде собраний сочинений, современных писателей печатали тонкими брошюрами. Кроме русских авторов, в качестве приложений к «ИР» издава-

лись иностранная беллетристика, мемуарная литература и пособия по самообразованию, а также книги для детского чтения (русские сказки, «Конек-Горбунок» П.П.Ершова, «Рассказы для детей» С.Черного). Были изданы сборники по истории антибольшевистского движения «Былое» под редакцией В.Л.Бурцева (1933). В 1937 издательская деятельность «ИР» прошла под знаком А.С.Пушкина: к столетию со дня смерти великого поэта вышло полное собрание его сочинений, отдельные тома писем, «Евгений Онегин», сказки. По материалам устроенной С.Лифарем выставки «Пушкин и его эпоха» был выпущен большой иллюстрированный альманах. Большинство из фоторепортажей публиковалось на страницах журнала в течение года; можно было узнать, как прошел «Пушкинский вечер» *М.Цветаевой* (№ 12), как отмечали юбилей в экзотической Африке (№ 15), как идет работа над проектом зарубежного памятника поэту скульптора А.М.Гюрджана (№ 20). Юбилейные даты обычно отмечались публикациями. При этом чествовались как здравствующие деятели литературы и искусства эмиграции (материалы к 90-летнему юбилею *Вас.Ив.Немировича-Данченко*, к 30-летию литературной деятельности И.Северянина, к 25-летию артистической деятельности балерины Б.Нижинской), так и те, кто оставил яркий след в отечественной истории и культуре: Герцен, Менделеев, В.Комиссаржевская. Специальными публикациями отмечены даты двух русских революций и русско-японской войны.

В 1936 в журнале вводится рубрика «Если будет война», в которой офицеры белой армии анализируют положение в советских вооруженных силах. Кроме того, если в 1933—1938 стоп-кадры мировой хроники отражали эпизоды разразившегося в мире великого экономического кризиса, то с 1939 — это фотоснимки военных маневров в небе, на воде и на суше. В 1939 незадолго до вторжения фашистской Германии в Польшу публикуются материалы к 25-летию начала мировой войны — документы, фотографии, воспоминания, из которых наибольший интерес представляют напечатанные под шапкой «Накануне войны».

Материалы в «ИГ» были богато иллюстрированы. Эта особенность еженедельника дважды подчеркнута — в заглавии и в подзаголовке. За пятьдесят лет существования журнала фотография вышла на первый план, из приложения к заметке или очерку она превратилась в самоценное явление. Разнообразные рубрики «ИР» обязательно сопровождались фотоснимками. В журнале была представлена «Хроника мира» — живая и злободневная; фотографии не снабжались развернутыми комментариями, подписи были лаконичны — о событиях рассказывали газеты, еженедельник же стремился запечатлеть их в неожиданном ракурсе, максимально полно и выразительно. Особое место уделялось фотографиям с родины, помещаемым в рубриках «Картинки советского быта», «Там, в России» (на фоне черного силуэта кремлевских башен), «С котомкой по Руси», «Улица советская», «Раскрепощенная женщина в СССР»: серия снимков женщин, выполняющих тяжелую физическую работу; они же — в коммуналках у примусов; «Деревня свободная и колхозная». «Нас более всего интересовала жизнь и быт современной России, но увы, мы могли иметь корреспондентов и фотографов где угодно, в каких угодно городах и пунктах земного шара, кроме России. Это налагало известный отпечаток на нашу работу, — отмечается в редакционной заметке. — Приходилось выискивать всеми путями — подчас трудными и нелегальными — фотографии из России, в которых иллюстрируются тяжкие условия существования наших братьев, живущих по ту сторону рубежа и скованных неслыханным террором в тяжком рабстве» (1931. № 30. С. 1). Фотоснимки, предоставленные редакции корреспондентами иностранных органов печати, аккредитованными в России, были призваны засвидетельствовать «проклятую жуть коммунистической яви», запечатлеть «трагический гротеск советского быта» (1934. № 7. С. 13—14).

Иной характер носили фотографии, отражающие бытовую и культурную жизнь эмиграции. Груповые снимки запечатлели лица русских людей, рассеянных по всему миру (репортажи приходили из Америки, в том числе Южной, из Африки, с Дальнего Востока, из славянских стран и Прибалтики). На фотографиях — торжественные мероприятия, праздники, юбилейные встречи, обеды, трудовые будни («день электротехника», «день маляра», «день человека

из ресторана»), «чашка чая» в редакции, отдых, жизнь детей, культура и спорт. «ИР» создала фотографическую летопись живой жизни русского зарубежья в заурядных и экзотических подробностях. По еженедельнику можно проследить хронику культурной жизни эмиграции, узнать о гастролях русских артистов: певцов, балетных и драматических трупп в различных странах мира, прочитать интервью с ними, ощутить неиссякаемость творческой энергии русских людей. Помимо постоянных рубрик, непосредственно связанных с эмигрантской тематикой («Казачья жизнь», «Земляки на чужбине», «Русская школа за рубежом»), «ИР» содержала в себе материалы о русских: «Театр», «Театр и искусство», «Мир искусства», «Экран», «Спорт». Непременной ежегодной темой фотоочерков был конкурс «Мисс Россия», проводимый через редакцию «ИР»; этой модной идее придавался патриотический оттенок: «Только в эмиграции еще сохранился воспетый нашими поэтами и романистами и являющийся предметом восхищения всего мира тип русской женщины» (1934. № 24. С. 17).

Вместе с тем «ИР» не замыкалась на национальных проблемах, на теме русской трагедии и существовании «двух Россий». Редакция отправляла «С кодаком по белу свету» (название постоянной рубрики) своих корреспондентов и неизменно приобретала для републикации лучшие и «наиболее сенсационные» образцы мировых репортажей. Темы их были необычайно разнообразны: политика, преступления, мир природы и мир детства, этнографические и географические зарисовки, светская хроника, моды, кинематограф. «ИР» старалась быть в курсе всего, что происходит в мире, не без горькой иронии признаваясь, что «условия, в которых приходится жить в рассеянии русской эмиграции, в значительной степени облегчают редакции «Иллюстрированной России» добывание самого сенсационного материала из первых рук. Пускай левиафаны печатного слова вынуждены посылать специальных корреспондентов для описания охоты на бронтозавра на озере Лох-Несс или же суда Линча над двумя гангстерами в штате Небраска, — «Иллюстрированная Россия» в таких медленных способах осведомления — слава Богу! — не нуждается. В таких случаях нам достаточно отправить телеграмму примерно следующего содержания: «Лох-Несскому подписчику «Иллюстрированной России» Иванову. Просим подробности о бронтозавре». Или же: «Небраска. Подписчику Петрову. Сообщите о линче над гангстерами...» Если бы любознательный читатель пожелал узнать, в каких странах находятся наши специальные корреспонденты, мы, совершенно не рискуя впасть в преувеличение, могли бы ответить: — Во всех!..» (1934. № 2. С. 13).

С годами материалы «ИР» становятся менее дробными, печатаются из номера в номер большими подборками, представляя не только мгновенные, мимолетные впечатления, но и отображая наиболее общие разноплановые кадры. Появляются снимки в разворот журнальной книжки, серии фотографий, фотоэтюды. Постоянные авторы «ИР» приобретают специализацию — одни становятся репортерами еженедельника (Е.Сергеев, И.Прин, В.Деспотули), сообщая свежие новости о происшествиях, современных событиях и героях дня, другие предлагают очерки на острые, неожиданные темы, увлекающие читателя. Постоянными авторами журнала были А.Буров, В.Бурцев, специализировавшийся на историко-политических сюжетах, Е.Тарусский, В.Татаринов, выступивший в конце 30-х с серией научно-популярных очерков, А.Лукин. Под псевдонимом Ариель публиковался Г.В.Немирович-Данченко, который был и секретарем «ИР». Е.Сергеев часто выступал как публицист с интересными статьями по русской истории. В конце 30-х «ИР» обратилась к перепечатке образцов дореволюционной журналистики (например, В.Гиляровского), что служило цели «удовлетворить интерес... читателей к событиям и образам России дореволюционной». Редакция вновь (как в случае с «целой академией» литературных приложений) обращалась к просветительским задачам: «На чужбине растет новое русское поколение, оставившее нашу родину в раннем возрасте и знающее о ней только из книг или со слов старших. Ввиду этого... в журнале отводится отделу «Старая Россия» особая страница <обещание, оставшееся невыполненным>, на которой будут печататься небольшие исторические воспоминания, очерки и редкие иллюстра-

ции» (1934. № 26. С. 7). Но при этом в целом журнал оставался обращенным к современности, представляя мир как бы в вертикальном срезе.

«ИР» не была журналом интеллектуальным, элитарным, где бы ставились и решались эстетические, политические или собственно литературные проблемы. Множество рубрик было рассчитано на рядового читателя: «Смесь» (пестрый юмористический раздел), «Женская страничка» (с выкройками фасонов «парижских мод»), «Автомобильный отдел», «Ответы читателям», «Почтовый ящик» (частные объявления, знакомства, розыск пропавших после революции), «Говорят, что...» (занимательные факты — как исторические, так и из жизни современников), «Вечера у Деда-Всеведа» (загадки, головоломки, конкурсы), «В царстве смекалки», «Объявления и реклама». Много места уделялось юмористике, страничкам «Из иностранного юмора» и «Советский юмор». В течение многих лет третья страница журнала отводилась работам популярного эмигрантского художника-карикатуриста А.МАДА (М.А.Дризо), приобретшего известность и в европейской прессе. Сатира на советскую действительность, на события в европейских странах, на житейские мелочи не всегда бывала безобидной. За публикацию карикатуры на дружбу Сталина с Гитлером в № 17 за 1933 журнал запретили в Германии. «Универсальный диапазон интересов «Иллюстрированной России» позволил ей стать «своего рода зеркалом эмигрантской жизни 20—30-х годов»» (Юниверг Л. «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20—30-х годов // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 219).

Т.В.Марченко

«ИМКА-ПРЕСС» (YMCA-Press) ИЗДАТЕЛЬСТВО*. Издание за 35 лет свыше 250 названий (около 600 тысяч томов) книг, брошюр и периодических выпусков для обслуживания потребностей двухмиллионного (включая и Америку) русского рассеяния — это по меньшей мере гуманитарная и культурная добродетель, достойная высокой моральной премии. И скромные работники американской YMCA субъективно, может быть, и не претендуют на большее. Но наш русский долг — воздать им справедливое признание за их деяние, превосходящее меру сознательного предвидения и их, и вместе нашего собственного. Мы живем в эпоху, когда мировые умы, индивидуальные и коллективные, с очевидностью являют собой картину предельности изнеможения сил человеческой прозорливости. Кто мог предусмотреть, что русская культура начала XX в., блеснувшая качествами культуры мировой, среди самого расцвета своего признанного теперь всеми ренессанса, так катастрофически будет изувечена под варварской пятой азиатской тирании и выродится в орудие пошлой пропагандной лжи? Вместо естественного расцвета перед нами теперь насильственная дегенерация, блестящая вершина культуры — ее философская и религиозная мысль сломлена. Очертания культурного здания приняли болезненно уродливый вид. Но, к счастью, христиански идеалистический мир Америки взял низвергнутую вершину русской культуры на свое попечение, дал ей средства развиваться, чем открыта возможность ее биологического оживления и восстановления снова на почве России. А пока плоды ее приближены ко всему культурному миру и заражают его своим влиянием.

В длинном списке изданий YMCA-Press за 35 лет бросается в глаза не монотонная специализация, а разнообразие далеких друг от друга предметов интереса. Тут отражается желание помочь самым разнообразным просветительным и практическим нуждам эмиграции, как утилитарного, так и самого возвышенного характера. Есть детские буквари, детская литература и мир сказок. За ними следует большая литература учебников по языкам, математике, естествоведению и спорту. Завершается учебная серия опытом нового учебного пособия по Закону Божию в трех ступенях, для младшего, среднего и старшего возрастов. Эти книги — результат коллективного труда нескольких авторов. Имена их скромно не названы, что очень тактично, в особенности для первого опыта. Родители, воспитатели

* Из статьи, написанной к 35-летию издательства «ИМКА-Пресс» (основано в 1920 в Париже) и опубликованной в «Вестнике русского студенческого христианского движения». 1955. № 37.

и молодые священники давно тосковали о свежих пособиях для уроков о религии. И домашняя религиозность, и приучение детей к церковному культу — только основа религиозного воспитания. Эти впечатления нуждаются в педагогических дополнениях и разъяснениях. Старые руководства по «Священной Истории» и «Катехизису» по их стереотипности приближаются к неподвижности текстов богослужебных книг и сами нуждаются в педагогических пересказах. Не все законоучители сами способны дать их. Для облегчения этой задачи, т.е. для приближения к детскому и юношескому возрастному сознанию предметов веры, и составлен предлагаемый опыт.

За элементарными учебными книгами следуют учебники для средних и высших технических школ (в помощь Курсам заочного обучения) по математике, геодезии, естествознанию, технологии, сельскому хозяйству в разных его разветвлениях. Не забыты экономика вообще и кооперация.

Для потребностей в первую очередь Православного Богословского Института опубликованы профессорские курсы или отделы их: *Л.П.Карсавина* «Св. Отцы», о. *Г.Флоровского* «Восточные Отцы IV века» и «Византийские Отцы V—VIII вв.», арх. Киприана «Евхаристия», еп. Кассиана «Христос и 1-ое христиан. поколение», о. Г.Флоровского «Пути русского богословия», *Г.П.Федотова* «Святые Древней Руси», *В.Н.Ильина* «Всенощное Бдение», «Службы Страстной Седмицы и Пасхи».

Из русской изящной литературы отпечатаны, преимущественно для военнопленных и D.P. (вывезенное немцами русское население), избранные произведения: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Лескова, Чехова. Из новой литературы и современных нам авторов изданы: *Бунин* «Освобождение Толстого», *Алданов* «Истоки», *Шмелев* «Богомолье», «Лето Господне», *Зайцев* «Жизнь Тургенева», «Юность», «Афон», Балтрушайтис и др.

Из историко-критических трудов о русской литературе нужно назвать книги: *К.Мочульского* о Гоголе, Достоевском, Блоке, Вл.Соловьеве, *А.Белом*; *А.Тырковой-Вильямс* о Пушкине.

Увлекательной книгой для чтения является мемуарная биография митр. Евлогия «Путь моей жизни», составленная Т.Манухиной.

Промежуточной формой между литературой общей и специальной богословской являются периодические издания YMCA-Press. Целых 15 лет (1925—1940) выходили под редакцией *Н.А.Бердяева* и *Б.П.Вышеславцева* книжки «*Пути*» (№ 1—61). Без преувеличения можно сказать: это был живой, полный интереса «толстый журнал» русского типа, собравший около себя почти все религиозно-философские перья зарубежья. Особой группе социологов с христианской идеологией (*И.Бунаков*, *Ф.Степун*, Г.П.Федотов) дана была издательством возможность выпустить в 1934—1939 № 1—14 «*Нового Града*». Повременным изданием являются и книжки ученобогословского Института «Православная Мысль» (№ I—X. 1928—1954).

Разновременно издано четыре Сборника статей на религиозные, богословские и церковные темы: «Проблемы русского религиозного сознания», «Христианское Воссоединение», «О переселении душ», «Православное дело».

В богословском отделе можно указать на серию интересных книг и брошюр апологетического характера (о. Г.Флоровский «Жил ли Христос?» и старообрядческого публициста Ф.Мельникова), а также — по аскетике: «Откровенные рассказы странника духовному отцу»; о. Сергия Четверикова «Оптина Пустынь».

В послевоенное время издательство помогло русским церквам отпечатанием даже церковно-славянским шрифтом «Часослова».

Но все-таки самым веским и, можно сказать, исторически монументальным плодом книгоиздательства является щедрое и смелое опубликование всего творчества в зарубежье корифеев религиозно-философской мысли эпохи русского ренессанса начала XX в.: Бердяева, *Булгакова*, Вышеславцева, *Лосского* и *Франка*.

Н.О.Лосский, с медленной постепенностью развертывавший в течение ряда десятилетий свою оригинальную гносеологию, шедшую навстречу догматической метафизике христианства, здесь, наконец, сформулировал долгожданную апологетами Церкви третью, аксиологическую часть своей христианской философской системы, осо-

бенно в двух работах: «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» и «Ценность и бытие (Бог и царство Божие, как основа ценностей)».

Б.П.Вышеславцев, посвятив свои философские дарования православной мистике и этике, дал в своих работах «Сердце в христианской и индийской мистике» и «Этика преображенного эроса» наилучшее оптимистическое истолкование соблазнительного, как бы монофизитствующего облика восточно-православной аскетики.

Наиболее полно и, кажется, до конца исчерпали свои темы и системы в издательстве YMCA-Press три самых известных и плодовитых писателя в области религиозной философии: Франк, Булгаков и Бердяев.

С.Л.Франк, которого специалисты по русской философии готовы признать самым крупным исследователем и мыслителем в этой области, блестяще выразил христианскую философию и полемически — отталкиваясь от псевдорелигии коммунизма («Крушение кумиров», «Матерьялизм, как мировоззрение»), и положительно — своими построениями христианской гносеологии, метафизики, мистики, этики и социологии («Смысл жизни», «Личная жизнь и социальное строительство», «Духовные основы общества», «Свет во тьме»). Франк не только ясный, прозрачный мыслитель, но такой же и доступный, популярный писатель, мастер русского, гибкого, точного языка.

Перу проф. прот. о. Сергия Булгакова и Н.А.Бердяева принадлежат по полтора десятка томов. Отказываясь от полного их перечисления, ограничимся их самой общей характеристикой.

Вся серия книг о. С.Булгакова это — и ученая, и вместе публицистически увлекающая трактовка многих глав православно-догматического богословия, соответственно читавшемуся им академическому курсу. Завершается эта серия тремя объемистыми томами — «трилогией» о Богочеловечестве: «Агнец Божий», «Утешитель» и «Невеста Агнца». Тут — Триадология, Христология, Экклезиология, т.е. почти исчерпывающая система догматического богословия о. С.Булгакова, его «Summa Theologiae», как профессора этой дисциплины. При всей эрудитной подпочве этого и других догматических трудов о. Сергия Булгакова их характер формально отличен от принятых у нас систем, как главным образом справочников о существующих уже святоотеческих и других авторитетных мнениях, с отказом от своего собственного. О. Сергий Булгаков — одна из сильнейших метафизических голов. Система о. Сергия Булгакова — не справочник, а комментарий традиционного церковного учения с точки зрения оригинального мыслителя-философа. Это — двигатель дальнейшей научной обработки православного церковного предания под воздействием новой философии, новой общей проблематики нашего времени. Его Софиология — не новое учение о новом догмате, т.е. ересь, как хотелось бы представить неподвижным умам, а уже не первый опыт использования неразработанной библейской доктрины о Хохма-София для некоторого, хотя бы и очень скромного, но большего разумения неисчерпаемого и непостижимого догмата Св. Троицы.

Имя о. С.Булгакова и часть его богословских трудов в переводе на иные европейские языки привлекли широкий экуменический интерес к русскому богословию. Но динамика его богословских концепций, более плодотворная в качестве двигателя внутреннего развития собственного русского богословия, по-видимому, не носит в себе особой заразительности для богословов иных христианских исповеданий.

С этим ярко контрастирует мировое эхо на труды другого нашего темпераментного религиозного философа Н.А.Бердяева. Он не эрудит, не академик, не историк, не излагатель чужих мнений. Он, с другой стороны, и не оригинальный творец совершенно новых философских идей. Можно без труда доказать сплошную заимственность его идей. Но это не отнимает оригинальности творца и писателя, как духовного аппарата, преобразующего в свое живое, личное и цельное достояние все то, что он проводит чрез свое сознание, переплавляя как раскаленный тигель. Н.А.Бердяев имел необыкновенно счастливый дар публициста и популяризатора. Его идеи облекаются в удивительно простые формы. Его язык вне конкурса по краткости и легкости фразеологии.

Эта ли литературная сторона или какой иной ментальный секрет должен объяснить нам пока еще несколько загадочный факт,

что для широкого мирового общественного мнения Н.А.Бердяев стал самым громким рупором русской религиозной философии, и не только философии, но и богословия, и даже самого православия, на что он и не претендовал и что несколько удивляет русских богословов. Очень многие изданные YMCA-Press книги Н.А.Бердяева переведены и еще переводятся на многие европейские языки.

Таков общий итог издательской удачи YMCA-Press.

Она оказала не просто гуманитарную услугу русской эмиграции, доставляя ей и ее детям в печальные годы разлуки с родиной национальное духовное питание. Она оказала историческую услугу всей русской культуре, а через это и культуре мировой, дав возможность русскому религиозно-философскому творчеству, незаурядному по оригинальности и талантам его творцов, увековечиться в печати и через то сохраниться для преемственного возрождения в будущей свободной России и для усиления связи русской религиозно-философской мысли с мыслью всех свободных наций.

А.В.Карташев

К

КАЗАЧЬИ ЖУРНАЛЫ. Первым по времени изданием казачьей эмиграции был рукописный журнал «*Донец на чужбине*» (1920—1921. № 1—7) — орган Донского кадетского корпуса, эвакуированного англичанами из Новороссийска в Египет, а затем на остров Лемнос. В ту же пору появился и рукописный «Атаманец» юнкеров Атаманского военного училища, а также рукописный журнал Кубанского военного училища. В 1921 в Турции (лагерь Кабакджа, где размещались 18-й Георгиевский Донской, Донской технический и Зюнгарский калмыцкий полки) начал выходить «*Донской маяк*», исторический литературный журнал, тиражировавшийся на шапирографе. Первым типографским изданием стал «*Казачий сборник*», выпускавшийся в 1922 в Берлине по инициативе генерала *П.Н.Краснова*, бывшего атамана Войска Донского. Большинство казачьих журналов представляют собой сброшюрованные листы с текстами, написанными специальными чернилами от руки или на пишущей машинке с особой лентой, и затем размноженные на гектографе, стеклостиле, шапирографе или ротаторным способом. Они отличались малотиражностью, непериодичностью (выходили как продолжающиеся издания) и недолговечностью — сказывались не только скудость средств на их издание, но и отсутствие массового читателя-подписчика. «Мало кто из широкой казачьей массы был регулярным читателем печатных изданий на родине, плохо прививается эта культурная привычка и на чужбине», — отмечалось в обращении «Родимого края» «К нашим читателям» (1931. № 12. С. 8). Более благополучно складывались судьбы тех изданий, которые финансировались солидными казачьими организациями или находили покровительство у правительств зарубежных государств: так, расходы по изданию «Казачьих дум» погашались объединенным Советом Дона, Кубани и Терека (главным образом донской его частью), «*Вестнику казачьего союза*» и «Родимому краю» помогал донской атаман, «*Казачий путь*» («Путь казачества») и «*Казачий сполох*» выходили на средства Министерства иностранных дел Чехословакии, а «*Вольное казачество*» субсидировалось польским правительством. В политической ориентации казачьей журналистики 20—30-х просматривается три основных течения: самостийное («Вольное казачество», «*Вольный Дон*» и др.); казачество в составе демократической России («Казачий сполох», «Казачьи думы») и промонархическое («Казачий сборник» и издания типа «Казачьего набата», поддерживаемые Советом казачьего центра Союза младороссов-кирилловцев). Названными течениями политической мысли определялось, за редкими исключениями, и литературное лицо журналов. Наиболее ярко идеологическая тенденциозность проявлялась в публицистике и литературной критике; не менее заметна она и в стихах «из потока», носящих, по преимуществу, декларативно-публицистический характер, а также в беллетристике, осуществляющей оборот известных идей в общественном сознании. Собственно художественная литература занимала в казачьих изданиях периферийное положение и не имела того значения, какое традиционно придавалось ей в отечественных «толстых» журналах. Для большинства казачьих авторов стихи и проза были своего рода душевным досугом, компенсирующим чувство тоски по утраченной родине. Многие казаки, по преимуществу офицеры, никогда ранее не помышлявшие о занятиях литературой, в изгнании потянулись к перу и бумаге. Обладая незаурядным историческим и жизненным опытом, они плохо владели словом. К стихам и прозе обратились в эмиграции видные на Дону фигуры: полковник П.Кудинов (1891—1967), командующий повстанческими войсками на Верхнем Дону в 1919; войсковой старшина И.Назаров (1885—1936), брат донского атамана А.Назарова; историк генерал-лейтенант Т.Стариков (1880—1934); исключительно плодовитый П.Крюков (1904—1963) — сын писателя Ф.Крюкова, и многие другие,

сумевшие заявить о себе в жанрах исторического очерка или мемуаров (Стариков, Кудинов), но не оставившие сколько-нибудь заметного следа в поэзии или прозе. Историческим очеркам и воспоминаниям принадлежит особое место в казачьих журналах. Отличающиеся исключительной конкретностью содержания, они в своей фактографической основе до сих пор не утратили ценности богатого источника и незаменимого подспорья в деле реального комментирования и понимания многих произведений художественной литературы о гражданской войне. В настоящей статье в алфавитном порядке представлены наиболее значительные в литературном отношении журналы казачьего зарубежья.

«Атаманский вестник» (Париж, 1935. 30 августа — 1939. Январь. № 1—12; особое прибавление в 1938, № 11) — иллюстрированное издание; орган донского атамана; редакторы: в 1935—36 (№ 1—5) — С.В.Болдырев (1890—1957), полковник, журналист, историк донского казачества; в 1937—1939 (№ 6—12) председатель редколлегии — А.В.Черячукин (1872 — после 1941), генерал-лейтенант, атаман Зимовой станицы на Украине и в Берлине в 1918—1919, директор Донского кадетского корпуса (1919—1923); отв. редактор — Б.Э.Криштафович (Астраханское казачье войско). С июня — июля 1937 издавался как орган донского атамана и общеказачий журнал. Печатал официальные документы, связанные с деятельностью донского атамана генерал-лейтенанта графа М.Н.Граббе, материалы по донской старине и истории донского казачества (очерки Ис. Быкадорова, Е.Ковалева, Е.Герасимова, С.Жукова, Ф.Юганова), вел рубрики «В родных краях», «За рубежом», «Памяти умерших донских казаков», «Литературно-художественный отдел», «Страничка юных казаков и казачек», «Книжная полка» и др. Печатались стихи *М.Волковой*, С.Сулина; рассказы о гражданской войне И.Родионова, И.Колесова, П.Соколовского. Литературные страницы шестого номера (1937) посвящены А.С.Пушкину: «На пушкинской выставке» П.Соколовского, «А.С.Пушкин и казачья донская песня» П.Соколова, «По поводу «Истории пугачевского бунта» И.Акулинина (№ 6—7). Статья Несвоего (псевд.) о поэзии Н.Келина и *Н.Туроверова* (1937. № 9).

«Вестник казачьего союза» (Париж, 1926. Апрель — май — 1928. Сентябрь — декабрь. № 1—18/19) — орган объединенного Совета Дона, Кубани и Терека; издатель — правление Казачьего Союза; редактор Н.М.Мельников (1882—1972), уроженец станицы Качалинской Области Войска Донского, из богатой казачьей семьи, окончил юридический факультет Московского университета; после февраля 1917 комиссар Временного правительства в Донецком округе, председатель Войскового Круга при атамане А.М.Каледине, с декабря 1919 председатель войскового Донского правительства, в феврале 1920 — правительства Юга России; в 1922—34 возглавлял Донское правительство в эмиграции, инициатор создания Казачьего Союза; с 1956 в доме престарелых под Парижем; автор книг «Ермак Тимофеевич. Князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели» (Париж, 1961), «Митрофан Петрович Богаевский» (Париж, 1964), «А.М.Каледин, герой Луцкого прорыва и Донской атаман» (Париж, 1968), рукописи «Почему белые на Юге России не победили красных», хранящейся в русском отделе Колумбийского университета, и незавершенной монографии о П.Н.Краснове.

Вначале «Вестник» издавался под названием «Сводка» (информации Казачьего Союза): сводка № 1 (1925), сводка № 2 (1926, январь), сводка № 3 (1926, март). Печатал материалы о жизни казачества на родине и за рубежом; официальные документы и сведения, относящиеся к деятельности объединенного Совета Дона, Кубани и Терека и войсковых атаманов; особое внимание уделял вопросам трудоустройства и переселения казаков-эмигрантов. Опубликовал частушки и песни, негласно распространявшиеся на Дону во второй половине 20-х (1926. № 7/8; 1927. № 11), старинные казачьи песни (1927. № 12), стихотворение в прозе Ф.Крюкова «Родимый край» и эссе Р.Кумова «К братской могиле на Пирамидах» (1927. № 12), рассказы М.Зощенко «Воры» и «Дырка» (1927. № 12), статью П.Скачкова «Памяти Сергея Александровича Пинуса (С.Серапина)» (1927. № 11).

С марта 1929 начал выходить под названием «Родимый край» (1929. № 1. 15 марта —

1931. № 12. Декабрь) как ежемесячный казачий журнал; орган правления Казачьего Союза под редакцией Н.Мельникова. В нем статья И.Чаусова «Русская культура» (1930. № 7), «Очерки истории казачества» В.Короченцева (1929—30), «Народное образование на Дону (1917—19)» С.Рытченкова (1930. № 2—7); публикации, посвященные гражданской войне: «Оренбургское войско в борьбе с большевиками (памяти атамана Дутова)» Е.Букановского (1930. № 2), «Ледяной поход» С.Болдырева (1931. № 4—5); стихи Б.Кундрюцкова, П.Полякова, Н.Туроверова и др., басни и переводы басен с французского Н.Сеоева. Рассказы П.Аврамова, И.Воинова, Д.Воротынского, Ю.Гончарова, И.Колесова, Д.Скобцова-Кондратьева и др. Фольклор: прозвища казачьих станиц и связанные с ними байки, истории и предания (1929—31), народные анекдоты и были (1929. № 6; 1930. № 3); статьи о казачьих свадебных песнях В.П.Елисеева (Петрова) (1929. № 7) и В.Д.Белого-Шурина (1930. № 1). Статья «Казачьи хоры за границей» И.Демидова (1929. № 10), а также материалы, посвященные хорам под управлением Н.Ф.Кострюкова (1929. № 10) и С.А.Жарова (1930. № 2; 1931. № 1). Некролог поэта Ю.Гончарова (1929. № 3).

Прекратив свое существование из-за нехватки средств в декабре 1931, «Родимый край» вошел в соглашение с еженедельником «*Иллюстрированная Россия*» «продолжаться» в нем на правах отдела не реже двух раз в месяц; однако со второй половины 1932 рубрика «Казачья жизнь» перестала появляться на полосах купринского издания. В «Иллюстрированной России» опубликованы воспоминания Н.Мельникова «Святки в станице» и «Пасха на родине», казачьи пословицы и поговорки. Под названием «Родимый край» издание журнала возобновилось в 1954.

«Вольная Кубань» (Белград, 1923. Ноябрь — 1939. Январь — февраль. № 1—145). В 1928—35 (№ 57—134) — на обложке: «Кавказский казак», на титульном листе: «Вольная Кубань»; 1936—37 (№ 135—140) — «Вольная Кубань»; 1938—39 (№ 141—145) — «Кавказский казак (Кубанец)». В 1929—30 (№ 67—90) последние четыре полосы отводились информационному изданию «Терский казак на чужбине». Издание кубанской канцелярии на правах рукописи. Редактор и издатель М.К.Соламахин (1888—1945?), генерал-майор, начальник Кубанского походного штаба в эмиграции. Журнал информационного характера, печатал официальные документы, связанные с деятельностью атамана Кубанского войска генерал-майора В.Науменко, сведения о жизни кубанского казачества (с января — февраля 1935 о всех казачьих войсках) за рубежом и в СССР. Опубликовал материалы к биографии историка Ф.А.Щербины (1932), перечень документов (главным образом, о гражданской войне на Кубани), поступивших в распоряжение Кубанской исторической комиссии (1937. № 139; 1938. № 144). Отрывок из романа В.Курганского «Кубань родная», посвященного коллективизации; рассказы Я.Лопуха, А.Щукина, Еф.Якименко. Стихи М.Волковой, Б.Кундрюцкова, С.Макеева и др.; старые песни линейных казаков в записи В.Толстова (1936. № 1); «Муза последних советских дней» — частушки и песни, подпольно распространяемые на Кубани (1930—31). Редакционная заметка об А.Пивне (к 40-летию литературной деятельности) (1932. № 4), статья М.Соламахина «О Полякове и Кундрюцком» с высокой оценкой их творчества (1932. № 7). Отзыв Н.К. о романе В.Ставского «Станица»: отмечая беллетристическую живость письма, критик «весь интерес книги» усматривает в «казенном грабеже» казаков, поддерживаемом автором — «горячим проводником мероприятий советской власти» (1930. № 8. С. 10). Публикация отрывков из «Поднятой целины» М.Шолохова, предваряемая общей оценкой произведения: «Нельзя без глубокого волнения читать многие правдивые страницы этого романа», «характерно, что казачье сознание в станицах не только чуждо какой-либо ненависти к русскому народу, но продолжает по-прежнему считать освобождение православного Отечества общим с ним делом» (1932. № 5. С. 7, 8).

«Вольное казачество» (Прага, 1927. 10 декабря — 1934. 25 июня. № 1—155; Париж, 1934. 20 августа — 1939. 10 октября. № 156/157—272) — литературный и политический иллюстрированный двухнедельный журнал под редакцией И.А.Билого (1887—1973), бывшего члена первого Кубанского войскового правительства и Кубанской краевой Рады, одного из лидеров

вольно-казачьего движения за рубежом, и М.Ф.Фролова (1897—1930), есаула, бывшего командира 42-го особого Донского казачьего полка, воевавшего на стороне Польши в 1920, поэта и публициста (по смерти последнего И.Билый стал единоличным редактором издания). Орган казачьего национального движения в эмиграции, зародившегося в Праге среди донцов и кубанцев, разделявших самостийные идеи историков И.Ф.Быкадорова (1882—1957) и Т.М.Старикова (1880—1934); произведения кубанских авторов печатались на украинском языке. Направление: освобождение казачьих земель из-под власти СССР, России и большевиков и их объединение в независимое государство Казакию — союз Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Яика (Урала), Оренбурга и Калмыкии; в области культуры — создание казачьей литературы как национальной, идущей своим особым, отличным от русской, путем: «Русская литература... и вся русская культура давно уже носила в себе зародыши нынешнего большевизма», и «они и их творцы в большой степени ответственны за нынешнее бедственное состояние народов бывшей России» (см.: Карый В. Пора и нам прозреть // 1929. № 46. С. 10). Журнал стал первым изданием, задавшимся целью в условиях эмиграции выявить и сплотить казачьих публицистов, прозаиков и поэтов. При нем зародилось первое литературное объединение «Казачья литературная семья», реорганизованное впоследствии в «Объединение казачьих литературных сил» (начало 1929). Даже издания, не разделявшие политической платформы двухнедельника, признавали, что «за свою продолжительную жизнь журнал дал возможность печататься многим молодым казачьим поэтам и писателям... О них ничего бы не знали казаки, если бы не было этого журнала... И в этом большая заслуга «Вольного казачества» (К выходу 200-го номера журнала «Вольное казачество» // *Наша станица*. 1936. № 6). Литература в издании представлена в основном произведениями казачьей учащейся молодежи и студенчества, входивших в «Объединение казачьих литературных сил» под лозунгом: «Да здравствует казачья художественная литература». Самобытность литературы авторы журнала видели в «чистом», беспримесном выражении казачьего национального характера и мировоззрения, не испорченных «иногородними» влияниями. Этой проблеме посвящены по существу все публикации культурного, историко-литературного и литературно-критического толка: серия работ Чужинца (псевд.) о великорусском и украинском казакофильстве в первой половине XIX в. (1932. № 102—104), а также о казакофильстве герценовского «Колокола» (1933. № 120—121); статьи С.Федорова и П.Кокунько о жизни и творчестве Я.Кухаренко (1929. № 14—15, 43/44); Книгочия (псевд.) о прозе Ф.Д.Крюкова (1932. № 98—99; 1933. № 126); В.П.Елисеева (Петрова) о романе «Тихий Дон» М.Шолохова (1931. № 84/85, 86/87); С.Балыкова «О казачьей художественной литературе» (1929. № 47) и др. Дореволюционный «казак-интеллигент, тем более писатель, — отмечал С.Балыков, — почти всегда физически и духовно отрывался от родной среды... забывал казачество, делаясь бесполезным для него», и «нужно надеяться, что природная способность, заложенная в недрах казачества, при направлении усилий в эту сторону, выдвинет хороших казачьих писателей, которые и создадут казачью литературу» (1929. № 47. С. 12, 13).

Выразителями подлинного казачьего духа в литературе журнал считал произведения Ф.Крюкова и Р.Кумова, чем объясняется перепечатка в двухнедельнике очерка Ф.Крюкова «Первые выборы» (1931. № 74) и рассказа Р.Кумова «Игумен Иосаф (из донских преданий)» (1933. № 139) как образцов новой национальной прозы. Высоко оценивая творчество своих авторов, по преимуществу поэтов — П.Полякова («казачий Лермонтов»), И.Назарова («лучший певец казачьей воли»), Ю.Гончарова, Б.Кундрюцкова и других, журнал вместе с тем находил, что «говорить о казачьей литературе можно пока еще условно, ибо, если строго разобраться, ее еще нет, она только зарождается; появляются первые ростки» (1930. № 70. С. 21). Из литераторов старшего поколения в двухнедельнике печатались: А.Пивень (псевдонимы М.Забигайло, Ходкевич-Сапсай) (1872—1962) — «Черноокая Катруня», «Весенняя ночь на Кубани» — отрывки из неоконченной повести (1930. № 57, 58), драма «У лагерях пiд станицею Уманськoю. Сцена з козацького (черноморського) побиту у 4-х картинах» (1930. № 62—65); И.Быкадоров — «Донской казак — Тимофей Разин.

Сказы про старобытье казачье» (1930. № 53—56); Д.Воротынский — рассказы и воспоминания о Ф.Крюкове (1931. № 73) и Р.Кумове (1931. № 75); И.Назаров — произведения о гражданской войне на Дону; легенда в стихах «Грунина краса» (1933. № 134/135), поэмы «Пана Карасева с хутора Титова» (1934. № 151), «Братья Каревы» (1934. № 153), «В степях» (1934. № 158), повесть «Изменник» (1936. № 190—195). Стихи молодых поэтов: Ю.Гончарова, Ив.Коваленко (псевдоним И.Скубани), П.Полякова и др. По единодушному мнению критиков казачьего зарубежья, самые большие надежды в литературе подавали рано ушедшие из жизни поэты Юрий Гончаров (1903—1929) (уроженец ст. Каменской области Войска Донского, учился в Донском кадетском корпусе, с которым эвакуировался в Египет; в Шумене (Болгария) окончил восьмой класс гимназии, в Брно (Чехословакия) — политехникум; с середины 1928 в Праге, один из секретарей редакции журнала) и Борис Кундрюцков (1903—1932), родился на хуторе Власове-Аксютинском станицы Новочеркасской, эвакуировался за рубеж в составе 2-го петроградского кадетского корпуса, курс которого закончил в эмиграции; в течение семи семестров учился в Загребском университете, перебрался в Белград, чтобы целиком посвятить себя литературе; автор рассказов-эссе «Степные этюды» (1927), цикла романтических стихов «Голутвенные песни» (1927—29), пьес в стихах «Святки в родном краю... под игом» (поставлена в Белграде в 1930), «Войсковой старшина Голубов» (1932) и опубликованных посмертно стихотворных сказов «Шелудякова слеза» (1932), «Ларька Хренов» (1933), «Царевич Симеон Алексеевич» (1933), «Есаул Тимофеев» (1933).

Стихи и прозу журнала отличали замкнутость на «национальном», романтизация и идеализация исконного казачьего начала и крайняя политизация в выражении авторских взглядов. В рассказах и стихах — основных жанрах небольшого по объему издания, преобладали «сюжеты», связанные с «воспоминаниями» о былинных героических временах, старом казачьем укладе жизни, о «случаях» из недавней эпохи революции и гражданской войны и, за немногими исключениями, отсутствовала тема человека в эмиграции.

«Вольное казачество» проявляло интерес к народному поэтическому творчеству: на его страницах — в записи Б.Кундрюцкова и Н.Бунина — напечатаны варианты десяти известных казачьих песен: «Под ракитою зеленой казак раненый лежал», «Ой, фортуна моя, фортунина...», «Снежки белые, пушистые...» и др. (1929. № 34—35), а также статьи И.Плахова «Донские песни» (1937. № 218—219) и А.Ленивова «Песни чернецовских партизан» (1937. № 234).

Журнал внимательно следил за новинками литературы на казачью тему, заметив появление чапыгинского «Разина Степана» и *наживинских* «Казаков», повести М.Мухина «Фенькин яр», сборника «Донских рассказов» М.Шолохова (1929. № 47), романа «Станица» (1931. № 81) и «Кубанских записей» (1936. № 188, 192, 194) В.Ставского. Первую и вторую книги «Тихого Дона» «Вольное казачество» высоко оценило в январе (№ 28) и мае (№ 35) 1929 (рецензии С.Балыкова), затем последовало несколько подборок высказываний советской и зарубежной критики с редакционными комментариями (1929. № 43/44; 1930. № 51/52, 58), большая статья В.П.Елисеева-Петрова о романе (1931. № 84/85—86/87) и публикация отрывков из второй и третьей книг (1931. № 79; 1933. № 134/135).

«Вольный Дон» (София, 1937. Ноябрь — 1938. Май. № 1—3) — литературно-исторический и информационный журнал; орган казаков-националистов Дона. Издатель П.Н.Кудинов (1892—1967), уроженец хутора Средне-Дударевского станицы Вешенской, из многодетной бедной казачьей семьи; участник первой мировой войны, кавалер ордена св. Георгия всех четырех степеней и ордена св. Станислава; во время Верхне-Донского восстания в 1919 командующий повстанческими войсками, сотник; после соединения восставших с Донской армией произведен в есаулы, затем — в эмиграции — в полковники; жил в Болгарии, по освобождении которой в 1944 советскими войсками был арестован, препровожден в СССР и осужден к десятилетней ссылке в Сибирь, в 1956 возвратился в болгарский Михайловград к семье; автор исторического очерка

«Восстание верхнедонцев в 1919 году» (см.: *Вольное казачество*. 1931. № 77—85; 1932. № 101); редакторы И.Ф.Рассказов, П.Ф.Крюков; с № 2 — редакторы И.Ф.Рассказов и П.Н.Кудинов. Направление: Область Войска Донского как «самостоятельное государство, основанное на началах народоправства» (1937. № 1. С. 4). Воспоминания М.С. «В плену у красного вождя Миронова» и «Забытый шлях» А.Ф.Шевченко — о разгроме Кубанской Рады, М.А.Горчукова — об А.М.Каледине; отрывок из «Донской поэмы» Ив.Кузнецова, стихи П.Крюкова, П.Кудинова, И.Томаревского и др.; рассказ В.Елисеева «Засмеюсь ли?» — о гражданской войне. Очерк П.Кудинова «Атаман Ермак» (№ 2—3) и сказ П.Крюкова «Без шляха» (№ 1—3) обрываются на третьем номере с пометами «Продолжение следует» — в августе 1938 журнал прекратил свое существование из-за ареста его издателя-редактора П.Кудинова, уличенного болгарской контрразведкой в связях с работником советского посольства и высланного из столицы (см. об этом: «Еще один предатель» // Кавказский казак. 1938. № 144. С. 28—29; а также газеты «Русский голос». 1938. 9 окт., и «Царский вестник». 1938. 9 окт.).

«Дневник казака» (Париж, 1935. Январь — 1938. № 1—15) — информация Правления Лиги возрождения казачества; с 1937 — казачий национальный журнал; на правах рукописи (ротатор). Ответственный редактор И.Г.Сычев. Печатал рассказы А.Гайдукова «Проводы казака Топилина на Великую войну» (1935. № 4; 1936. № 6) и Старого Вахмистра (псевд.) «Генерал Бакланов» (1937. № 5); воспоминания А.Бояринова «Пасха в донских степях» (1936. № 6), статья И.Н.Плахова «Донские казачьи песни» (1934. № 3—4).

«Донец» (лагерь Челенгир, Турция, о. Лемнос, 1921. 20 марта — 15 мая. № 1—4) — машинописный иллюстрированный информационный, исторический, научно-популярный, сатирико-юмористический еженедельник; орган штаба 2-й Донской казачьей дивизии; ответственный редактор полковник В.В.Фолометов. Выходил по инициативе генерал-лейтенанта А.К.Гусельщикова (1871—1936), уроженца станицы Гундоровской Области Войска Донского, командира Гундоровского Георгиевского полка в годы гражданской войны, начальника 2-й Донской казачьей дивизии в Крыму и эмиграции. Вел разделы публицистики, беллетристики, военно-политический и др.; иллюстрирован рисунками с видами о. Лемноса. Историческую и историко-литературную (научно-комментаторскую) ценность сохраняют воспоминания А.К. «Последние дни Войскового круга» (№ 2) и М.К. «Всероссийский общефронтовой казачий съезд в 1917 году» (№ 3), материалы к истории 7-го Донского казачьего полка, участвовавшего в боях против 1-го конного корпуса Д.П.Жлобы в 1920 (№ 4), очерки Герасимова о восстании казаков в станице Гундоровской и формировании Гундоровского полка (№ 4).

«Донец на чужбине» (о. Лемнос, 1920. Сентябрь — 1921. № 1—7; Билеча (Герцеговина, Югославия), 1922. № 1. 17 февраля) — рукописный литературно-художественный журнал кадет Донского корпуса; редактор-издатель В.К.Алимов. В 1922 (№ 1) вышел под названием «Донец». Явился продолжением журнала, выходившего ранее в кадетском корпусе в Новочеркасске под названием «Донец» в течение четырнадцати лет. Весной 1921 за отсутствием средств корпус был расформирован, возродился в небольшом городке Билеча, объединившись с воспитанниками Петербургского и Хабаровского кадетских корпусов, переведенных из Шанхая, под наименованием 2-го Донского имени Александра III кадетского корпуса, органом которого и стал появившийся в феврале 1922 журнал «Донец», вернувшийся к первоначальному названию. Журнал публиковал прозу и стихи — «пробы пера» — воспитанников корпуса; вел хронику кадетской жизни; в нем начинал свой творческий путь рано ушедший из жизни поэт и прозаик Ю.Гончаров, в 1921 кадет 7-го класса.

«Донской маяк» (лагерь Кабакджа, Турция, 1921. Январь — Апрель. № 1—4) — ежемесячный историко-литературный журнал; орган Донского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф.Абрамова; ответственный редактор-издатель А.П.Фицхелауров (1880 — ?), генерал-лейтенант, командир бригады 3-й донской казачьей

дивизии в годы гражданской войны. Печатался на пишущей машинке, тиражировался на циклостиле (до 100 экз.). Вел отделы беллетристики и поэзии, истории, духовно-нравственный, научно-популярный и др. Свою задачу видел в том, чтобы «запечатлеть славное прошлое Дона в его героической борьбе... против большевистских сил», «наше настоящее в изгнании», «поддержать дух и веру...» (№ 2. С. 1). Печатал стихи и прозу любительского характера, опубликовал статью А.Павлова о творчестве В.Севского (наст. фамилия В.А.Краснушкин) (1890—1921), редактора «Донской волны» в 1918—19, поэта, прозаика и публициста, «донского сеятеля правды казачьей, правды русской», «остроумные фельетоны» которого «отличались своеобразностью и исключительной красотой» (№ 2), а также воспоминания А.Иванова о назаровском десанте в конце 1919 и И.Захарова «Из недавнего прошлого» (август 1920), дневник-хронику лагеря Кабакджа и о. Лемноса.

«Единство» (Белград, 1931. № 1. 2 июня) — бюллетень-журнал, официальный орган общеказачьей студенческой станицы в Белграде; издавался на станичные средства. Стихи Н.Келина, П.Полякова, Б.Кундрюцкова и др. Сообщения о новых книгах: «Казачьих песнях» И.Колесова, сборнике стихов «Свиток» Ю.Гончарова, романе Б.Кундрюцкова «Кожаные люди». В официальной части журнала сообщается о поручении Б.Кундрюцкову выступить с докладом «Тихий Дон» М.Шолохова как вклад в казачью литературу».

«За казачество» (Ницца, 1933. Сентябрь — 1938. 1—32) — орган Алжирской казачьей станицы, иллюстрированный журнал независимой казачьей жизни (литографированное издание); редактор полковник С.М.Макеев. Очерк истории Алжирской станицы В.Александрова (1934. № 4—5), воспоминания С.Макеева «У ворот Кубани» — об отступлении Добровольческой армии в 1920 (1933. № 1) и дневниковые записи Н.Быкадорова о донском кадетском корпусе (1933. № 2). Стихи С.Макеева и И.Томаревского; рассказы С.Макеева.

«Кавказский казак» — см. «Вольная Кубань».

«Казак» (Париж, 1933. Март — апрель. № 1—8.—1934. Март — апрель. № 1—4. Нумерация — от начала каждого года) — вестник донского атамана и Союза казаков-комбатантов, организованного по инициативе донского атамана генерал-лейтенанта А.П.Богаевского в апреле 1932. Направление: «Объединять казаков всех войск, участников Великой и гражданской войн, в дружную семью, поддерживать достоинство и добрую славу казачества». Очерки: В.Г.Баранова об авиаконструкторе И.И.Сикорском (1933. № 3/4), В.П. о деде генерала Бакланова (1933. № 7/8). Рассказ К.Тренева «Купанье в Дону» (1933. № 5), исторический рассказ Д.Л.М. о 1812 годе «Кто-то вернется?» (1933. № 6). Рецензия на книгу С.Рытченкова «259 дней Лемносского сидения». Париж, 1933 (1933. № 2). Воспоминания Д.Воротынского «*И.А.Бунин*» (1933. № 7/8), написанные в связи с присуждением писателю Нобелевской премии. Вспоминая о встречах с Буниным в Москве и Париже, автор пишет: «На одном из самых последних собраний «Среды»... Бунин резко возмущался каким-то странным стихотворением Блока «Скифы»... Блок тогда причалил к большевикам, и мы все горячо аплодировали Бунину»; «В изгнании на собрании «*Зеленой лампы*» мне довелось слушать, как Бунин читал свое стихотворение на церковнославянском языке, и, как сказал он сам, оно «единственное в русской поэзии»...» (с. 19).

«Казаки» (Прага, 1929. Ноябрь — 1930. Август. № 1—2) — литературный и общественно-научный орган общеказачьей станицы в Чехословакии; под ред. Л.Мунзара (№ 1) и А.А.Троценко (№ 2). Литографированное издание; девиз: «Защита веры православной, Отечества и свободы». Опубликовал воспоминания В.Караваева «Первые дни февральской революции на Дону» (№ 1), очерк Н.Упоренца «Хачико» (о Чечне) (№ 2), подборку «Казаки в произведениях выдающихся русских писателей» — рассказ А.П.Чехова «Казак» и стихи *К.Бальмонта* «Русь» (№ 2), стихотворение *А.Белого* «Родина» (№ 2), рецензию на книгу «Звездный крен: Стихи 1926—1928» (Прага, 1929) *В.Лебедева* — «труд зрелого законченного художника» (№ 1).

«Казакия» (Братислава — Прага — София — Братислава, 1934. Январь — 1939. Июль. № 1—33) — литературно-исторический и информационный журнал. В разное время в состав редакции входили: И.Бойко, И.Колесов, С.Балыков, Г.Еременко, Ф.Оболенский, И.Безуглов. Произведения кубанских авторов печатались на украинском языке. Возник в результате раскола казачьего национального движения в Чехословакии, рупором которого являлся журнал *«Вольное казачество»* (см.). Из редакции последнего вышли С.Балыков (секретарь) и И.Колесов (председатель объединения «Литературная казачья семья»), положившие начало новому — не оппозиционному, а параллельному — изданию, «единственному независимому собственно казачьему органу» (1934. № 3. С. 53). Развивал направление, заявленное «Вольным казачеством», разногласия с названным журналом касались вопросов его финансовой и идеологической зависимости от польского правительства. Опубликовал мемуары историка Ф.Щербины «Пережитое, передуманное и осуществленное» (1934—37), воспоминания Н.Гулого «Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года» (1934. № 4—5; 1936. № 2), К.Киреева «К истории восстания верхнедонцев в 1919 году» (1936. № 1—2), С.Балыкова «Донские юнкера в Новочеркасске, под Кизитеринкой и в Ростове осенью 1917 года» (1937. № 26) и др. материалы. Стихи Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, П.Полякова и др. Поэмы «Атаман А.М.Каледин» М.Мурзина, «Городок Ветютнев» и «Дядя Янош» П.Полякова. Рассказы С.Балыкова, А.Бояринова, Б.Кундрюцкова, С.Макеева и др. В понимании назначения литературы пытался полемизировать с «Вольным казачеством» («...тормоз в развитии казачьей поэзии, — писал И.Колесов в статье «Опыт критического анализа» (1934. № 2—4), — перешедший к нам чуждый взгляд, что писатель или поэт, сотрудничающий в определенном журнале, разделяет или должен разделять его политическое направление. Я считаю, что художественная литература принадлежит всему народу, а не отдельным его партиям или течениям»), но время от времени в нем давали о себе знать «вольноказачьи» традиции. Спустя четыре года тот же И.Колесов назвал Н.Келина, «блуждающего» меж Россией и казачеством, «поэтом эпохи перерождения» («Десять лет» // 1938. № 27), а В.Елисеев в отзыве на «Опавшие листья» и «Понять — простить» П.Краснова отлучил их автора от «национальной» литературы, поскольку «дама сердца Краснова — Россия, а не казачество» (1934. № 2). Подобные «отлучения» не могли не сказываться на духовном укладе сотрудников и авторов журнала, объективно ощущающих «малость сил своих» перед задачей собирания казачества в особую нацию и отдельное государство. Этим обстоятельством во многом объясняются драматизм в самосознании и самоопределении «вольноказачьих» писателей за рубежом и их непоследовательность в отстаивании своего «национального» идеала. Несмотря на высокую оценку стихов Ю.Гончарова, Б.Кундрюцкова, Н.Келина, Н.Назарова, П.Полякова и других поэтов — «по затратам нервов и сил они <их стихи> писаны не буквами, а каплями своей крови, казачьими слезами, глубокой душевной скорбью», журнал вынужден был признавать, что «достижения» «нашей литературы», «по сравнению с ее целями и задачами, почти ничтожны» («О казачьей литературе» // 1937. № 5. С. 7), и преодолевать изоляционизм и замкнутость собственного положения в культуре. В этом смысле характерны частая оглядка «Казакии» на писателей метрополии и поиски родства и общности с ними: «Нельзя пренебрегать такими литературными величинами, как М.Шолохов, Д.Петров (Бирюк), А.Софронов, П.Кофанов, Е.Горбань, Котенко, Г.Шолохов-Синявский»; «казачью литературу зарубежную роднит с тамошней общая любовь к казачеству и глубокая вера в его возрождение» (1937. № 5. С. 7). Характерен стойкий и глубокий интерес к Шолохову «с его общественно и социально значимыми темами, живо захватывающими читателя и после сталинской цензуры» (там же); больше того: ко всему тому, что связано с именем этого художника, не исключая и слухов: «Вторая часть «Поднятой целины» готовилась к печати, ныне... она возвращена автору для переделок» (1938. № 27. С. 3 обл.) — расхожий, кстати, сюжет в критике литературного зарубежья, не только казачьего, но и русского, сюжет, нуждающийся в серьезной проверке, ибо, как правило, сведения казачьей прессы, основанные «на слухах» (во всяком случае в отно-

шении Шолохова), спустя определенное время подтверждались: «Вскоре появится четвертый и последний том «Тихого Дона», — сообщала читателям «Казакия» в январе 1938. — Шолохов уже перемахнул за тысячу... страниц... а его главный герой Григорий Мелехов все еще не только не стал большевиком, но с оружием в руках сражается за «трудовое» казачество против большевиков. М.Шолохов... открыто любит Григория. В советской обстановке это явление почти исключительное» (№ 27. С. 3 обл.). Постоянно подчеркивая свои преимущества перед писателями, живущими в СССР: «И там течет литературная жизнь, правда, исковерканная, сжатая, нерассказанная» (1937. № 5. С. 7), поэты и прозаики казачьего зарубежья не смогли воспользоваться «предметом» своей исключительной гордости — творческой свободой, и произведения подавляющего большинства из них остались фактами их личной биографии.

«Казачество» (Прага, 1933. 10 октября — 1934. 25 июня. № 1—18) — иллюстрированный двухнедельный литературный и политический журнал; редактор-издатель И.А.Билый. Некоторые произведения печатались на украинском и чешском языках. Опубликовал очерки «Трагедия казачества». Часть II (декабрь 1918 — июнь 1919 года) (1933—1934. № 1— 18; автор не указан; полностью в 1936—38 в журнале «*Вольное казачество*»; авторы — генералы Т.М.Стариков и В.И.Сидорин), воспоминания Еф.Якименко о последних днях А.И.Калабухова (1933. № 4), «Материалы по истории Степного похода» А.Ленивова (1934. № 11/12, 16) и его статью «Генерал Богаевский и судьба войсковых капиталов Всевеликого Войска Донского» (1934. № 7/8, 18), список казаков, похороненных на греческом кладбище в Праге, — 60 имен (1934. № 17). Стихи Б.Кундрюцкова, И.Назарова, П.Полякова и др.; пьесу в стихах Б.Кундрюцкова, поэмы И.Назарова, П.Полякова, С.Савицкого, опубликованные в 1933—1934 в журнале «Вольное казачество» (см.). Рассказы Р.Кумова (1933. № 2), Б.Кундрюцкова (1933. № 2), Т.Старикова (1933. № 3; 1934. № 15) и др. Под рубрикой «Иностранцы о Михаиле Шолохове» — извлечения из статьи польского писателя Теодора Парницкого «Современный советский роман — прекрасный ренессанс эпоса», относящиеся к оценкам «Тихого Дона», в котором Шолохов «приблизился к великим поэтам-эпикам давних веков и эпикам-писателям XIX в.», и «Поднятой целины»: «Самая борьба за колхозы и люди, в ней участвующие, нарисованы с необыкновенной беспристрастностью». «Как никакой, может быть, современный роман — новое произведение Шолохова целиком захватывает читателя, втягивая его безоговорочно в раскрываемый им мир — мир реальный, живой, правдивый...» (1934. № 16. С. 16).

«Казачий журнал» (Париж, 1929. Май — декабрь. № 1—8) — ежемесячный иллюстрированный журнал; редактор-издатель Е.Д.Коновалов, войсковой старшина, представитель Уральского Казачьего Войска при правительстве адмирала А.В.Колчака в 1919, секретарь Уральского войскового правительства; в эмиграции занимался изучением лексики «Слова о полку Игореве», читал лекции по русскому языку в университете г. Пуатье (Франция). Направление: казачество в составе России. Опубликовал воспоминания А.Ленивова и Вл.Лодыженского о последних днях жизни А.М.Назарова и Е.А.Волошинова (№ 6), А.П.Богаевского об уральцах (№ 5), П.Стремухова о большевистском терроре в одном из южных городов России (№ 8), очерки «Македония» — о казачестве в эмиграции, Н.Туроверова (№ 5—6), «Казачьи войсковые праздники» П.Скачкова (№ 6). Стихи М.Волковой, Н.Туроверова; рассказы Д.Скобцова-Кондратьева и др.; статья *Б.Лазаревского* «О Чехове» (№ 5), рецензия А.Краснощекова на книгу стихов Н.Туроверова «Путь» (Париж, 1928) (№ 6). В первых четырех номерах, которыми не располагают отечественные библиотеки, принимали участие *А.Куприн* и *И.Сургучев*. С 1930 выходил под названием «Россия» (Париж, 1930. № 1. 15 февраля — 1933. Известен вышедший в 1933 без обозначения номера выпуск журнала, помеченный апрелем). Номера, посвященные Кубанскому (1930. № 7) и Терскому (1931. № 11) казачьим войскам. Очерки В.Добрынина «На Дону» (1930. № 3) и Т.Сладкова «Гражданская война на Урале» (1930. № 4). Снимки, материалы к биографиям художников, оперных певцов и артистов балета русского зарубежья (в каж-

дом номере). Стихи *А.Ачаира*, М.Волковой и др. Роман П.Ергушева «На древнем рубеже» — о терском казачестве в гражданской войне (1930. № 1—8; 1931. № 9—11), комедия И.Сургучева «Игра» (1930. № 1—3), рассказ А.Куприна «Костя Попов» (1933. Апр.). Воспоминания П.Скачкова «Памяти Ф.Д.Крюкова» (1930. № 2), беседа К[оновалова?] «У И.Д.Сургучева» (1930. № 1). Рецензии на книги: Краснов П. С Ермаком на Сибирь. Париж, 1930 (1930. № 2); Елисеев Ф. История Войскового гимна кубанских казачьих войск. Париж, 1930 (1930. № 3); Гущик В. Христовы язычники: Рассказы. Таллин, 1929 (1930. № 3); *Седых А.* Там, где была Россия. Париж, 1930 (1930. № 5); Бородин Н.А. Идеалы и действительность: Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879—1919). Париж. 1930 (1930. № 6).

«Казачий путь» (Прага, 1924. 8 февраля — 1928. 23 декабря. № 1—130/131) — орган общеказачьего сельскохозяйственного союза; с 1927 — «Путь казачества» — демократический казачий орган. Редактор В.А.Харламов (1875—1957), уроженец хутора Кременского станицы Усть-Быстрянской Области Войска Донского, из семьи хуторского атамана, окончил духовное училище, семинарию, духовную академию и Московский университет (филологический факультет), преподавал историю в гимназии; депутат Государственной думы всех ее созывов, член партии кадетов, председатель казачьей фракции в Думе; после февраля 1917 представитель Временного правительства в Закавказье, председатель Войскового Круга при атамане П.Н.Краснове; с 1920 в эмиграции, председатель общеказачьего сельскохозяйственного союза и Донской исторической комиссии, член Ученого совета при русском историческом архиве Министерства иностранных дел ЧСР, лектор Русского народного университета в Праге; с 1945 в Аргентине. Журнал держался традиций демократического казачества, разделял идеи народовластия (Войсковой круг, Рада). Публиковал работы крупных историков русского зарубежья: И.Быкадорова о казачестве первой половины XVII в. (1926—27), «Казаки в русской Смуте» Д.Скобцова (1927), С.Сватикова о служилом казачестве в Московской Руси (1928). Очерки, воспоминания и дневники, посвященные времени первой русской революции, русско-японской, первой мировой и гражданской войн. Вел «Календарь революции» (1924. № 2 и след.) в виде краткого перечня событий в казачьих войсках с марта 1917 (сост. К.Каклюгин). Стихи Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, Б.Кундрюцкова, П.Полякова и др.; поэмы Николая Келина «О чем пел набат» (1926. № 91), написанная под очевидным влиянием «Двенадцати» А.Блока, и «Этапы» (1928. № 22), былинный сказ И.Колесова «Памяти А.М.Каледина» (1926. № 75) и «Воскресшая былина (Козьма Крючков)» (1926. № 90) В.Мельникова.

В прозе, равно как и в стихах и поэмах, нашли отражение темы дореволюционной жизни казачества, гражданской войны на Дону и «эмигрантского счастья» (название одного из произведений Дм.Темирева) вдали от родины: рассказы Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, Д.Кондратьева, Д.Темирева, П.Янюшкина и др. Критика журнала высоко ценила прозу Ю.Гончарова, И.Колесова, П.Янюшкина (см.: Уланов Б. О *«Казачьем сполохе»* // 1925. № 69). Журнал постоянно обращался к народному поэтическому творчеству: публикации калмыцкого (1924. № 19—20) и болгарского (1924. № 29) фольклора, статьи В.Шапкина «Казачья народная песня» (1924. № 43), М.Поликарпова «Донские песни и казачий быт» (1926. № 79—82, 90, 91), Г.Шпилевого «Донской хор» (под управлением регента С.Ярова) (1925. № 48) и П.Янюшкина «Донской хор под управлением Н.Ф.Кострюкова» (1927. № 12/13); творческому наследию малоизвестных писателей прошлого и казачьих авторов, умерших или погибших в годы гражданской войны: стихи украинского поэта XIX в. священника А.Павловича, рассказы и очерки Ф.Крюкова и Р.Кумова, памяти которых целиком посвящен № 77 за 1926; статьи И.Крюкова «Ф.Д.Крюков (К девятилетней годовщине смерти)» (1928. № 37/38), А.Павлова (1925. № 64) и П.Далина (1927. № 14/15) о Викторе Севском. Работы о русской классике: передовая «Враги русской культуры» (1925. № 60) — о праздновании 125-летия со дня рождения А.С.Пушкина в СССР, рецензия на книгу «Две жены — Толстая и Достоевская: Материалы» / комм. *Айхенвальда Ю.И.* Берлин: Арзамас, 1925 (1925. № 88), статья Н.Вазагова «Лев Толстой (по

поводу столетия со дня его рождения)» (1928. № 35). Определенный интерес представляет воспроизведение на журнальных страницах типов донских казаков и казачек с рисунков художника Бударина, выполненных по поручению Донского музея в Новочеркасске в 1900—1904 (1926. № 88 и след.).

«Казачий сборник» (Берлин, 1922. № 1—2) — ежемесячный журнал «национально-казачьей мысли»; издание Лихтенгорской казачьей станицы, редактор полковник П.Карташов. Направление: «Спасет казачество преданность вере Христа Спасителя и беспредельная страстная любовь к Родине» (П.Краснов). Публицистические статьи П.Краснова (№ 1, 2) и И.Родионова (№ 1), «Краткие сведения о жизни и деятельности б. атамана Всевеликого Войска Донского генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова» С.В.Денисова (№ 1—2). Русский национальный гимн («Боже, царя храни!») и гимны Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, причем Донской гимн дается в его народной «редакции» (1855) и с краткой историей текста (№ 1); песни казаков 1-го казачьего генерала Краснова полка (№ 2), стихотворение в прозе «Родимый край» Ф.Крюкова. Заметки П.К[раснова?] о жизни и творчестве Ф.Крюкова: «Никто, как он, не описал так точно тихую жизнь казачьей станицы. Его Ефимы, Гордеи, Власычи... — типы, которые перейдут в историю, и здесь он выше своего учителя Короленки и по красоте пера и силе проникновения подходит к лучшим образцам родной литературы» (№ 1. С. 59). «Критический очерк», подписанный псевдонимом Изгнанник, о повести И.Родионова «Жертвы вечерние»: «В русской литературе есть еще два произведения, к которым и «Жертвы вечерние» по стилю, по тону, по описываемым типам — даже по местности — казачий юг России — подойдет, как прекрасное дополнение, это «Тарас Бульба» Гоголя и «Казаки» гр. Льва Н.Толстого. И странно, непонятно будет многим сознать, что «Жертвы вечерние» Ив.Родионова, полные ужасов и кошмарных сцен убийств и избиений, относятся ко времени республики, торжества социализма над христианством, а красивая мирная повесть гр. Л.Толстого... протекает в самые «мрачные» времена «царизма»...» (№ 2. С. 61—62).

«Казачий смех» (Прага, 1926. 1 декабря — 1928. Май. № 1—6) — иллюстрированный рисунками-карикатурами машинописный журнал, орган казачьей непосредственности и юмора, «издание» общероссийской ориентации (редактор не указан). Возник как реакция на зарождение вольноказачьего движения в Праге осенью 1926 года (см.: Декабристы 1926 года: Комическая опера в 2-х актах // 1927. № 2). Выступал против крайних проявлений национализма — казакомании и украинофильства; вел острую полемику с ярким выразителем самостийных идей — *«Вольным казачеством»*, пародируя разделы и рубрики этого журнала, его передовые статьи и изыскания по истории казачества как самостоятельной нации, не имеющей отношения к истории России и судьбе русского народа; высмеивал наивное, граничащее с суевериями народничество в казачьей национальной идеологии. Вспоминал на своих страницах удаленного из университета за украинофильство и уехавшего за границу киевского историка и публициста проф. М.П.Драгоманова (1841—92), публикуя из его книги «Малорусские народные предания и рассказы» (Киев, 1876) извлечения типа: «Озьмi поту з бiлого коня, змiшай з горiлкою и дай на похмiлля» (1928. № 1). Помещал злые эпиграммы на поэтов самостийного направления: «Иван же Колесов — стихия, /Как смерч, как Разин, как Пугач, / Земель казачьих он вития, / Народа ж русского — палач» (1928. № 1) и др. Как правило, авторы журнала подписывали свои произведения псевдонимами Аким Перебей-Нос, Алеша Трубадур, Цыпленок Жареный и т.п.

«Казачий сполох» (Прага, 1924. 1 октября — 1931. Март. № 1—22) — иллюстрированный литературно-научно-публицистический журнал; орган общеказачьей студенческой станицы в Чехословакии, в разное время в редакцию издания входили: В.Д.Белый, Н.В.Вазагов, М.Т.Гребенников, М.Ф.Фролов, И.И.Колесов, К.Чхеидзе и др. Направление — казачество как часть русского народа в составе России. По определению Г.Фальчикова, «триада символа веры «Казачьего сполоха»: Россия, любовь и

творчество» (см.: *«Казачий путь»* // 1924. № 44. С. 2). Публицистика и очерки, посвященные школе и народному образованию в России и на Северном Кавказе, проблемам влияния революции на культурный, экономический и бытовой уклад казачества (статьи и очерки Н.Рудольфа; ответы на анкету журнала (1927. № 12) В.Добрынина, С.Сватикова, П.Скачкова, А.Кизеветтера, *Вас. Немировича-Данченко*, *Евг. Чирикова* и др.). Интерес к истории, этнографии, языку, фольклору и старому быту казачества: Вазагов В. Что такое казачество (1925. № 6/7); Алексеев С. Из донской старины XIII — XIV вв. (1928. № 13, 14); Шурин-Белый В.Д. Свадьба у терских казаков (1929. № 18) и Язык казаков Терского войска (1929. № 19/20); публикация калмыцких народных сказок в переводах Ш.Ниминова (1929. № 19/20) и др. Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дону: П-в. Из воспоминаний о Степном походе (9 февраля — 24 апреля 1918 года) (1927. № 10; 1931. № 1); Добрынин В. 1919 год на Дону (1929. № 18); Янюшкин П. На Москву! (Эпизоды из рейда конного корпуса генерала Мамонтова) (1929. № 18). Отрывки из романов «Терские казаки» П.Ергушева, «Русь» П.Романова, из пятого тома эпопеи *Г.Гребенщикова* «Чураевы»; стихи Ю.Гончарова, П.Полякова, Б.Кундрюцкова («Голутвенные песни»), И.Колесова, Н.Келина; символическая поэма «Смута» В.Ильинского и стихотворное «Сказание о святом Николае Чудотворце» В.Полякова; рассказы и эссе Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, М.Лактионова, Б.Кундрюцкова, а также рассказ К.Тренева «В станице». Уделяя большое внимание вопросам школы, образования и воспитания, журнал считал движение, возглавляемое *«Вольным казачеством»*, «нежизненным» и готовил своих читателей к серьезной и кропотливой культурной работе на Родине: «Нам придется — раньше или позднее — участвовать в духовном и хозяйственном переустройстве наших краев». (Попков В. Задачи казачьей интеллигенции // 1929. № 19/20. С. 2, 4). В соответствии с такой ориентацией строилась и литературная политика «КС», придававшего исключительное значение роли словесного искусства в образовании и облагораживании человеческой души (см.: Чхеидзе К. О качествах карамазовской души // 1925. № 6/7; Николаев Э. Л.Толстой об искусстве // 1929. № 18). Педагогический подход к литературе, доводимый иногда до педантичного ригоризма, сказался на оценке первых двух книг «Тихого Дона»: «Признавая, что автор «Тихого Дона» показал гражданскую войну во всем ее ужасе, мы все-таки не можем не отметить, что тенденция, проявляемая Шолоховым на протяжении всего романа, значительно снижает его историческую ценность и наносит ущерб художественной стороне романа», ибо, по мнению рецензента, показ «зверского в человеке» «не способствует умножению добра» (Чхеидзе К. Мих. Шолохов. «Тихий Дон», роман, кн. 2 // 1929. № 19/20. С. 36). В разделах «Книги» и «Критика и библиография» содержатся также отзывы о «Книге стихов» Ю.Гончарова (Прага, 1929) (1929. № 19/20), о работе *Вс.Иванова* «Мы. О культурно-исторических основах русской государственности» (Харбин, 1926) (1927. № 12), «Воспоминаниях и думах» (Прага, 1927) Н.П.Кондакова (1927. № 12).

«Казачье дело» (Париж, 1931. Февраль — 1931—1932. Декабрь — январь. № 1—4/5) — орган «Лиги возрождения казачества», издавался на средства казаков — членов «Лиги», придерживающихся самостийных воззрений. Воспоминания А.Бояринова о гражданской войне на Дону (№ 1) и его же записки о службе старого казака на французской ферме (№ 4/5); информация о жизни в эмиграции и на родине. Стихи Б.Кундрюцкова, поэма «Иван и Феня» (№ 3) и сказка в стихах «Три брата» (№ 4/5) П.Полякова.

«Казачьи думы» (София, 1923. 15 мая — 1924. 31 декабря. № 1—38) — общеказачий журнал, орган Донского правительства в эмиграции. Редактор С.Серапин (Сергей Александрович Пинус) (?—1927), переводчик древнегреческой классики, из архангельских поморов, окончил Московский университет, на Дону с 1907 по назначении преподавателем русской словесности в Усть-Медведицкое Платовское реальное училище, в годы гражданской войны помощник редактора «Донских ведомостей». Направление: «Для казака... одно «верую» — Россия, ее могущество, слава, честь» (1923. № 16. С. 43). Исключительное место в издании занимали статьи, очер-

ки, воспоминания и дневники о революции и гражданской войне на Дону, Кубани и Урале. В журнале дана библиография российских и зарубежных работ 1917—1920 о белом движении на Дону (Добрынин В. Странички к истории донского казачества // 1923. № 10). Художественная литература представлена стихами С.Сулина, Н.Туроверова и др.; рассказами о гражданской войне и жизни в эмиграции Н.Быльева, Н.Виноградского, В.Петрова. Статья С.Серапина «Кант и Байрон» (1924. № 26); рецензии на романы «Солнце мертвых» *И.Шмелева* и «Канава» *А.Ремизова* (1923. № 7), а также на «Очерки русской смуты», т. 1—2, А.И.Деникина (1924. № 22—23); книгу В.С.Толстова «От красных лап в неизвестную даль (Поход уральцев)». Константинополь, 1921 (1923. № 3); «Дни» *В.Шульгина* (1923. № 7), воспоминания В.Леонтовича «Первые бои на Кубани». Мюнхен, 1923 (1923. № 14); монографию С.Г.Сватикова «Россия и Дон (1549—1917 гг.)» (1924. № 27) и на все три выпуска «Донской летописи» (1924. № 18, 24, 37).

«Казачьи зори» (Моравская Тршебова, 1925. № 1) — рукописный журнал казаков — учеников русской гимназии в Моравской Тршебове (Чехословакия); главный редактор И.Бойко. Направление: «...наша цель... напомнить вам о том, как жили деды наши... рассказать преданья старины и хоть на миг вас унести в родные земли...». Воспоминания: Кубанца (псевд.) о восстании в станице Лабинской летом 1918, А.Романецкова о каникулах кадета, Юга «На Донце» и «Наводнение» (Из жизни шуменских кадет). Гимны Донского, Кубанского, Терского и Уральского казачьих войск, стихотворение в прозе «Родимый край» Ф.Крюкова; стихи и рассказы воспитанников гимназии.

«Казачья воля» (Луцк, 1936—1937. № 1—8) — иллюстрированный литературный и политический журнал; редактор Ф.М.Штовхань, окружной атаман казаков в Польше. Направление: «Казакия — наша цель! Наш девиз — казачья воля!» Содержит информацию о казачьей эмиграции в Польше. Очерки П.Родина «Тринадцать лет у большевиков» (№ 5) и А.Ленивова «Избиение уральских казаков в 1804 году» (№ 7), воспоминания С.Рябцева о В.М.Кузнецове (№ 7) и Еф. Якименко «Что вспомнилось» (№ 4—5). Стихи А.Акунина (№ 5), Ив. Коваленко (И.К.Скубани) и др.

«Ковыльные волны» (Joinville-le-Pont, Франция, 1930. Ноябрь — 1937. Февраль. № 1—15) — орган калмыцкой национально-политической группы «Хальмак Тангачин Тук». Редакторы: Ш.Н.Балинов (1894—1959) (уроженец станицы Ново-Алексеевской Области Войска Донского, из бедной калмыцкой семьи, окончил станичную школу, служил писарем окружного правления; с 1920 в эмиграции, журналист, переводчик А.С.Пушкина на калмыцкий язык; в 1927—30 секретарь комиссии калмыцких работников культуры в ЧСР, примыкал к вольноказачьему движению; в 1930—39 возглавлял националистическую группу «Хальмак Тангачин Тук» в Париже; во время второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, участвовал в формировании воинских калмыцких подразделений на Дону, отступал с немецкой армией; в США покончил жизнь самоубийством) и С.Б.Балыков (1895—1943), уроженец станицы Денисовской Области Войска Донского, из семьи калмыка-табунщика, окончил начальное училище, преподавал в приходской школе; в 1917 по окончании курсов в Новочеркасском казачьем училище юнкер, затем офицер Зюнгарского калмыцкого полка; с 1920 в эмиграции; журналист, переводчик, печатался в изданиях вольноказачьей ориентации, в 1930—39 главный секретарь группы «Хальмак Тангачин Тук». Направление журнала: «Посильное служение идее национального самоопределения «малых» народов» (1930. № 1). Народные сказки, легенды и предания в переводах и переложении Ш.Ниминова (1930. № 1; 1931. № 2—3) и С.Балыкова (1933. № 7). Отрывок из романа С.Макеева «В борьбе за Родину» (1935. № 10), рассказы С.Балыкова и Ш.Ниминова (1933. № 6). Поэмы Ш.Ниминова «Ночные думы» (1932. № 5) и П.Полякова «Хутор Разуваев» (1932. № 4); стихи Н.Келина, Б.Кундрюцкова, П.Полякова и др. Статьи Ш.Балинова «К 60-летию Бадьмы Нарановича Уланова» (1935. № 10), Ал.Бурчинова «Художник Калмык в Карлсруэ» (1935. № 10), С.Балыкова «Трагедия Григория Мелехова» (1933. № 7). Последняя работа дает представление об идеологической и литературной направ-

ленности журнала: «Трагедия Григорьевой души, — пишет С.Балыков, — заключается в том, что он путает два понятия: класс и нацию. Он сторонник трудового народа, а потому претит ему борьба с большевиками, за которыми пошел русский народ, но в то же время он сам, того ясно не сознавая, казак по национальности и не может не защищать жизненные интересы своего народа. Если бы ему подсказали мысль, что война между большевиками и казаками есть не классовая война, а война двух народов, что русский народ, хотя бы в лице своего рабочего класса, идет войной на народ казачий и что он, Григорий, может быть сторонником трудового класса в среде своего народа, но в борьбе против большевиков обязан участвовать как против внешних завоевателей, никакой душевной трагедии, раздвоения и разлада не было бы» (с. 43—44).

«Кубанец» (Вранье (Вране), Сербия, 1921. Апрель — 1924. 6 июля. № 1—177) — информационный листок, издаваемый штабом Кубанской дивизии (начальник дивизии генерал-майор В.Э.Зборовский). Письма П.Н.Краснова, великого князя Николая Николаевича, приказы и распоряжения П.Н.Врангеля и др. официальные материалы; под рубрикой «Вести с Родины» опубликовано 254 письма с Кубани, дающих представление о жизни казачества в метрополии в первой половине 20-х (в каждом выпуске). Очерки и воспоминания о первой мировой войне, материалы к истории гражданской войны. Стихи Е.Лысенко, В.Полякова и др.

«Кубанское казачество» (Париж, 1931. Сентябрь — 1932. Май. № 1—3) — историко-литературный и иллюстрированный журнал Общества ревнителей Кубани; редактор — коллегия кубанских казаков, при участии Союза кубанских писателей и журналистов. Очерки: «Великое войско Кубанское (1688—1872)» (№ 2), «Пластуны» (№ 1, 3), «Атаман Кухаренко» (№ 2) С.Федорова (псевдоним С.Лантух), «Церковная жизнь на Кубани со времен прибытия запорожцев до последних дней» (№ 1) протоиерея Гр.Ломако, «Лабинцы и последние дни на Кубани» (№ 2) Ф.Елисеева; П.Кокунько о ставропольском казачьем юнкерском училище (№ 1), С.Мащенко о екатеринодарской военно-фельдшерской школе (№ 2), Ф.Елисеева об оренбургском казачьем военном училище (№ 3), М.С. «Столетний юбилей конвоя Его Величества (1811—1911)». Былинный сказ Вл. Куртина «Разлилась ты...», стихи С.Макеева и др.; биографическая справка о С.Федорове (С.Лантухе).

«Наша станица» (Белград, 1935. Март — 1937. Ноябрь — декабрь. № 1—33/34; Прага, 1938. № 1 (35)) — орган кубанской казачьей имени кошевого атамана Сидора Белого станицы в Белграде, журнал «независимой кубанской мысли»; редакционная коллегия: А.Г.Бойко, П.И.Кокунько, П.И.Курганский (председатель) и др. Выходил на правах рукописи (шапирограф). Размышления П.Кокунько об истории Кубанского казачьего войска «Думы старого казака» (1935—38); воспоминания А.Мороза о первой мировой войне (1936—37), Я.Смяцкого о гражданской войне на Кубани (1935—37); работа Л.Зверева «Генерал П.И.Кокунько (Очерк жизни)» (1937—1938. № 9/10—1 (35)); материалы к биографии историка Ф.Щербины (1936. № 11). Стихи М.Волковой, Н.Келина, П.Полякова и др. Повесть В.Курганского «Кубань родная: Повесть из житья Кубани под большевистской властью» (1936—1938), рассказы *А.Аверченко* («Молодая наука»), И.Колесова, В.Курганского. Рецензия В.К<урганского?> на книгу «Стихи» Н.Келина (Прага, 1937); в ней, в частности, отмечается мотив «раздвоенности» поэта — «сочетание в одном и том же лице начала русского и начала казачьего, следствием которого является известная душевная борьба», а также авторская «глубокая ненависть к существующему на Родине строю» (1937. № 7/8. С. 19). Статья Т-р «Памяти Тараса Григорьевича Шевченко (75 лет со дня смерти)» (1936. № 4).

«Путь казачества» — см. «Казачий путь».

«Родимый край» — см. «Вестник Казачьего Союза».

«Россия» — см. «Казачий журнал».

«Станица» (Париж, 1932. Январь — 1940. № 1 — № 32) — орган парижской студенческой казачьей станицы; редактор П.Гусев, атаман станицы. Направление: самостоятельность казачьих земель в соста-

ве России. Один из лучших журналов казачьей эмиграции по насыщенности и широте культурных интересов, выходящих за пределы собственно «казачьего мира». Отметил 125-летие со дня рождения Н.Гоголя и 120-летие со дня рождения Т.Шевченко (1934. № 10), информировал читателя о потомках Гоголя и Пушкина за рубежом (1934. № 10), № 21 за 1937 посвятил 100-летию Пушкина (статьи «Пугачев Пушкина» проф. *М.Л.Гофмана* и «О Пушкине и о нескольких проблемах его жизни» аббата К.А.Кенэ); на его страницах печатались стихи А.Куприна, проза И.Шмелева, *И.Лукаша* и *Н.Рощина*; воспоминания Н.Тэффи; неоднократно обращался к личности и творчеству М.Шолохова — «гордости попранного казачества», высоко оценил вышедшие три книги «Тихого Дона» и первую книгу «Поднятой целины» (см.: 1932. № 2, 4, 5; 1933. № 7; 1934. № 10; 1936. № 20). Д.Воротынский (1899 — ?), прозаик и литературный критик, уроженец ст. Усть-Медведицкой, близко знавший многих донских писателей, заявил, в частности, в ответ на появившиеся в одной из русских эмигрантских газет обвинения Шолохова «чуть не в литературном плагиате»: «С Ф.Д.Крюковым я был связан многолетней дружбой, я был посвящен в планы его замыслов, и если некоторые приписывают ему «потерю» начала «Тихого Дона», то я достоверно знаю, что такого романа он никогда и не мыслил писать. Что касается Р.П.Кумова... то и Кумов такого романа писать не собирался... Из мелких донских писателей (подчеркиваю, донских, ибо надо знать красоты казачьей разговорной речи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имелось...» (1936. № 20). В журнале активно печатался «лучший поэт-донец» Н.Туроверов, опубликовавший на его страницах большое количество стихов, поэму «Новочеркасск» (1935. № 16), рассказ «Дочь Платова», очерк «Юность Бакланова», статьи «Платов и его английские изображения», «Некоторые иностранные сказания о взятии казаками Азова» — с воспроизведением редких гравюр XVII в. и «Гоголь — Репин — запорожцы». В № 28 за 1938 даются отзывы крупных критиков зарубежья о творчестве Н.Туроверова: некоторые его стихи «олицетворяют полностью задание поэзии — быть «лучшими словами в лучшем порядке» (*Г.Струве*); «Стихи ясны и просты хорошей неподдельной простотой... замечателен его дар «пластический»... его чувство «художника» (*Г.Адамович*). В журнале напечатаны стихи М.Волковой, Н.Келина и др.; рассказы И.Акулина, Д.Воротынского, а также байки, связанные с прозвищами донских казачьих станиц. Отзывы о романе Евг.Тарусского «Дорогой дальнею», который «отмечен во всей русской зарубежной прессе как одно из лучших произведений из жизни русской эмиграции» (1933. № 5), романе Д.Е.Скобцова-Кондратьева «Гремучий родник», посвященном «описанию казачьего быта» и «трудном, неуклюжем и непонятном» по языку вследствие его «забвения» (1938. № 27), о книгах стихов А.Ачаира «Тропы» и «Полынь и солнце», вышедших в Харбине и отличающихся некоторым «самолюбованием» автора и «нарочитой изысканностью» слога (1934. № 11), о стихах И.Воинова «Чаша ярости» (Париж, 1938), ценность которых «в очень большой их религиозной насыщенности», правда, не без прямолинейного противопоставления «России блудницы и России святой» (1938. № 27), о поэзии Н.Келина, «при всей даровитости несколько небрежного и к форме стиха, и к языку» (1939. № 31). Статья В.Синеокова «О чем пели казаки» (1935. № 14—16), материалы, посвященные донскому хору под управлением С.А.Жарова (1931. № 2; 1935. № 15 — целиком), рецензия на книгу «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». М.; Л., 1935 (1935. № 15); работа С.Болдырева «Донцы в XIX и XX столетиях» (казаки в науке, литературе и искусстве) (1936. № 18). О культурной деятельности русской эмиграции дают представление очерки Н.Никонорова «Русские школы во Франции» (1932. № 4; 1933. № 5) и справка о комиссиях, учреждениях и организациях казачества за рубежом (1935. № 13).

«Терский казак на чужбине» — см. «Вольная Кубань».

«Тихий Дон» (Прага, 1938. Апрель — 1940. Октябрь. № 1—14) — орган «независимой казачьей мысли»; редактор-издатель М.А.Горчуков (1873—1952), педагог и общественный деятель, бывший член донского Войскового круга всех его созывов, помощник донского атамана П.Х.Попова (1938—1939), профессор Духовной акаде-

мии при Свято-Троицком монастыре (штат Нью-Йорк) в последние годы жизни. Журнал возник в связи с пропагандистской кампанией по выборам донского атамана, в поддержку генерала П.Х.Попова, после избрания которого осенью 1938 продолжал выходить как орган, стоящий «на твердыне Основных Законов», принятых Кругом в сентябре 1918. Стихи Н.Келина, П.Полякова; рассказы С.Балыкова, А.Бояринова. Статья М.Г<орчукова> «Наши поэты» (1939. № 5/6) — о стихах Н.Келина и П.Полякова: «...наши поэты не только стоят вне унылого ряда современных русских поэтов, — но представляют собой редкое в наши дни явление истинных художников слова, у которых дело поэзии поднято на огромную высоту священного служения, вдохновенного и пророческого» (с. 37); «в них <стихах> неопалимой купиной горит Священный огонь казачьей веры с ее гневом напрасных обид, с неодолимой жаждой отмщения за эти обиды... с беззаветной любовью к «Родному краю», к его великому прошлому, полному священных преданий, и с неколебимой надеждой на будущее, свободное и достойное казачьей доблести...» (с. 39).

«Улан Залат» (народ, носящий красные кисти на шапках) (Прага, 1927. № 1. 1 мая; 1928. № 2. 15 марта; 1930. № 3. Декабрь) — историко-литературный, публицистический и информационный журнал; издание Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР; шеф-редактор Б.Н.Уланов (1888—1969), из донских калмыков, бывший адвокат, товарищ председателя Войскового круга, член Донского правительства при атамане А.П.Богаевском. Материалы калмыцких авторов печатались на калмыцком языке. Публикация калмыцкого народного героического эпоса «Джангар» в записи на родном языке Н.О.Очирова, в переводе на русский Д.Н.Баяновой (№ 1—3); стихи М.Маковской, И.Странника (П.И.Ф.), Д.Тюльтинова (№ 2); рассказ С.Балыкова «На Цагане» — о религиозно-национальном годовом празднике калмыков; размышления Э.Николаева о книге А.Позднеева «Образцы народной литературы монгольских племен». СПб., 1880 (№ 3).

В.В.Васильев

КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ (Берлин, 1922—1923). 26 октября 1922 журнал *«Новая русская книга»* писал: «Новое литературное сообщество создано в Берлине под названием «Клуб писателей». В инициативную группу создателей Клуба вошли деятели русской культуры, находившиеся в этот период в эмиграции в Берлине: писатели *Б.К.Зайцев*, *П.П.Муратов*, *А.Белый*, *А.М.Ремизов*, *В.Ф.Ходасевич*, *Ю.И.Айхенвальд*, *М.Осоргин*; философы *Н.А.Бердяев*, *С.Л.Франк*, *Ф.Степун* и др. Однако В.Ф.Ходасевич в своей записной книжке отмечает другую дату: он пишет, что Клуб писателей создан 4 ноября 1922. В этот день состоялось организационное собрание, и, вероятно, именно дату 4 ноября и следует считать днем основания Клуба писателей (*Дни*. 1922. 16 нояб.). Начиная с осени 1922 до конца 1923 Клуб организовывал свои собрания в берлинском кафе «Леон». Ни собственного устава, ни программы у этой организации не было. Ее членом мог стать любой, кто делал взносы на проведение собраний Клуба. Первые собрания почти не получили отзыва в прессе. Никакой информации о них не дал и секретарь Клуба *А.Бахрах*, упоминавший о работе Клуба в своей книге «По памяти, по записям...» (Париж, 1980). С конца 1922 и в течение 1923 КП и созданный за год до него *Дом искусств* существовали параллельно, и часто гости, выступавшие в одной из этих литературных организаций, несколькими днями позже приглашались в другую. Наиболее часто в обеих бывали *В.Б.Шкловский*, *И.Эренбург*, Б.Л.Пастернак. До конца 1922 в Клубе прошло несколько заседаний, на которых выступили А.Белый, прочитавший отрывки из нового романа «Котик Летаев», П.П.Муратов прочитал «Магические рассказы», И.Эренбург с чтением отрывков из «Жизни и гибели Николая Курбова». С января по май 1923 собрания Клуба писателей проводились еженедельно. Читал новые стихи Б.Пастернак; трижды — в январе и два раза в апреле — выступал В.Шкловский. Один из январских вечеров был целиком посвящен поэзии. Приглашенные в Клуб М.Шкапская, *С.Рафалович*, И.Эренбург, *И.Одоевцева*, *Г.Иванов*, *Н.Оцуп* и В.Лурье читали новые стихи. Дважды — в феврале и мае — на вечерах выступал А.М.Ремизов. Доклад о современном театре прочитал С.Рафалович. Театральной теме было по-

священо выступление режиссера А.Таирова. В феврале *А.С.Ященко* прочитал доклад «Кризис интеллигенции и новая идеология». Философы Н.Бердяев, Ф.Степун, П.Вышеславцев также выступали в Клубе с докладами. Отдельные вечера были посвящены творчеству *В.Ирецкого*, А.Белого, Вл.Ходасевича, П.П.Муратова, И.Эренбурга. На одном из заседаний в конце мая 1923 Л.Галич прочитал доклад «Проблема бессилия у Достоевского». После летнего перерыва Клуб 15 сентября возобновил работу: с чтением своих мемуаров выступил А.Белый. На следующих пяти собраниях читали свои произведения П.П.Муратов («Магические рассказы»), П.Иванов (новелла «Бабушкин свет»), Вл.Ходасевич и *Н.Берберова*, *В.А.Амфитеатров-Кадашев*. («Мистика Лермонтова»).

20 октября 1923 состоялось официальное закрытие КП. Газета *«Руль»* опубликовала заметку, в которой было написано, что КП закрылся из-за отъезда из Берлина его наиболее важных организаторов (Руль. 1923. 20 окт.). В октябре покинул Берлин А.Белый. В ноябре — А.М.Ремизов, Вл.Ходасевич и Н.Берберова. Оставшиеся в Берлине представители русской художественной интеллигенции пытались продолжить деятельность, подобную той, что велась в Клубе и Доме искусств. Они организовали Клуб литераторов (24 ноября 1923), а 8 декабря — Уголок поэтов, артистов и художников, но обе эти группы оказались недолговечны, они просуществовали лишь до конца года.

В.Ю.Кудрявцева

КНИЖНЫЙ КРУЖОК (Белград, 1925?—1935?). Литературное объединение, созданное в Белграде в середине 1920-х. Одно время носил название «Книжный кружок имени М.Ю.Лермонтова». В кружок объединились как известные литераторы, так и начинающие. В него вошли поэты, принимавшие участие в деятельности кружка *«Гамаюн»*, к тому времени распавшегося. Участниками кружка были Вс.Григорович, Е.М.Кискевич, И.Кондратович, А.Костюк, Л.Кремлев, Л.И.Машковский, Г.Наленч (Сахновский), Д.С.Сидоров, Ю.Л.Сопоцько, *Е.Л.Таубер*. Председателем кружка был Е.М.Кискевич, затем Г.Наленч, которого сменил К.Р.Кочаровский, библиотекарь белградской Народной библиотеки, бывший сотрудник Пражского института имени Н.Кондакова. Заседания кружка проходили в здании Академии наук, в Народном университете Белграда, в Христианском союзе студенческой молодежи. На собрания кружка приглашались и сербские писатели, Е.Таубер читала свои переводы их произведений. В 1927 в Белграде был издан под редакцией Е.М.Кискевича единственный поэтический сборник кружка «Зодчий». В сборнике в качестве предисловия помещена программа кружка, противоречивая и неопределенная. В ней декларируется необходимость для поэзии «соответствовать героическим ритмам эпохи» наряду с борьбой за свободу искусства, «очищенного от формализма, тенденциозности и эстетизма» (Зодчий. С. 3—4). Участники кружка пытались одновременно продолжить русскую поэтическую традицию и освоить эстетику футуризма. В сборник вошли стихотворения всех членов кружка. Для некоторых из них (А.Костюк, И.Кондратович, Л.Кремлев, Л.И.Машковский) публикация в «Зодчем» осталась единственной. Наиболее известными из участников кружка стали впоследствии Е.М.Кискевич и Е.Л.Таубер. Появление сборника отмечено рецензией В.Сирина (*В.В.Набокова*) в газете *«Руль»* (1927. 23 нояб.). Различие в политических взглядах приводило участников кружка к постоянным конфликтам, столь характерным для эмигрантской среды. В середине 30-х Книжный кружок распался.

Г.П.Манчха

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (Берлин, 1920—1933) — образован в марте 1920 как отделение «Американского фонда помощи нуждающимся русским литераторам и ученым» (председатель К.М.Оберучев) и до 10 октября 1922 назывался «Германское отделение Американского фонда помощи русским литераторам и ученым». Основной целью Комитета было оказание материальной помощи русским литераторам и ученым-эмигрантам. Денежные средства, в основном, поступали из США, а также собирались с помощью пожертвований, благотворительных вечеров, концертов и пр. Крайняя дата сохранившихся в архивном фонде Комитета

протоколов его заседаний — 25 августа 1933 (РГАЛИ. Ф. 1570). По-видимому, вскоре после прихода к власти Гитлера Комитет прекратил свое существование.

Денежной помощью Комитета пользовались литераторы *Ю.И.Айхенвальд*, Н.М.Волковыский (вышел из комитета в 1929), *Р.Б.Гуль*, *В.Я.Ирецкий*, Л.Г.Мунштейн (*Лоло*), *В.В.Набоков* (Сирин), Н.И.Петровская, *Игорь Северянин* и др. Среди подававших прошение встречается и советский писатель Б.А.Пильняк, находившийся в Берлине по командировке Наркомпроса. В фонде Комитета сохранились расписки, счета, доверенности названных литераторов. Письма с просьбами о ссуде, адресованные в Комитет, ярко рисуют тяжелое, зачастую просто нищенское положение русских писателей-эмигрантов в Веймарской Германии.

С.В.Шумихин

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ (1921—1939). Основатель Комитета — Н.В.Чайковский. Председателями в разное время были С.А.Иванов, С.Г.Сватиков, И.Н.Ефремов (с 28 ноября 1927). Группа основана с целью развивать связи с учеными и учебными заведениями, организовывать материальную и моральную поддержку, оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения.

Комитет уделял внимание организации вечеров, посвященных памяти писателей-классиков, а также современных писателей, дням русской культуры, проводимым совместно с другими союзами. В литературно-музыкальном вечере памяти Л.Н.Толстого участвовали *А.И.Куприн*, граф *А.Н.Толстой*, В.А.Маклаков выступил с речью «Толстой и большевизм» (5 января 1921).

На общем собрании Комитета обсуждался среди прочих вопрос о невозможности пребывания в Комитете гр. А.Н.Толстого в связи с его сотрудничеством в газете «*Накануне*». При двух воздержавшихся гр. А.Н.Толстой из членов Комитета исключен (3 мая 1922).

З.Н.Гиппиус выступила с сообщением о творчестве Ф.Сологуба (к 40-летию литературной деятельности), *Бальмонт* — о Тютчеве (50-летие его кончины) (9 января 1924).

Чествование памяти А.С.Пушкина по случаю 125-летия со дня его рождения было проведено 12 июня 1924 совместно с *Союзом русских писателей и журналистов*, *Народным университетом*. Выступили представители русской и французской литературы и науки: Н.В.Чайковский, П.Буайе, П.Н.Милюков, *М.Алданов*. *И.Бунин* и К.Бальмонт читали свои произведения. *В.Ф.Ходасевич* дал анализ стихотворения Пушкина «Не для житейского волненья». *А.М.Ремизов* прочел «Сказку о рыбаке и рыбке». П.Н.Милюков говорил: «Пока существует русская литература, пока раздается в мире прекрасное русское слово, мы будем черпать из того неиссякаемого источника, скрывающего без числа перлы народной души, — из творчества нашего первого классика Пушкина» (ПН. 1924. 17 июня).

Комитет совместно с другими союзами организовал День русской культуры в Сорбонне, посвященный памяти Пушкина. Открыл заседание П.Н.Милюков. Выступили: В.А.Маклаков («Праздник культуры»), П.Н.Милюков («Пушкин и Чаадаев»). Доклад *Д.С.Мережковского* («Пушкин с нами») был прочитан П.Н.Милюковым (6 июня 1926).

Союз русских писателей и журналистов совместно с Комитетом устроили литературный бал. Скетчи прозвучали в исполнении авторов — И.Бунина, А.Куприна, *Б.Зайцева*, *Н.Тэффи*, *Саши Черного*, *М.Осоргина*, *А.Даманской*, *Дон-Аминадо*, *В.Ладыженского*, *Б.Лазаревского*, *И.Одоевцевой*, *И.Сургучева* (15 января 1927). В связи с пятилетием со дня смерти В.Г.Короленко проведен вечер, на котором выступили П.Н.Милюков, В.А.Мякотин, читались произведения писателя (9 февраля 1927).

Совместно с Русским академическим союзом, Союзом писателей и журналистов, Народным университетом была выпущена однодневная газета, посвященная дню русской культуры (8 июня 1926). Ее редакторы: М.А.Алданов, З.Н.Гиппиус, И.Н.Ефремов, *В.М.Зензинов*, А.И.Куприн, П.Н.Милюков, *Е.В.Познер*, *А.А.Яблоновский*. 7 января 1928 открылась выставка картин, акварелей, рисунков, пожертвованных Комитету русскими и иностранными художниками.

Архив Комитета: РГАЛИ. Ф. 1569.

А.Ф.Головенченко

КОМИТЕТ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1922—1932). 3 марта 1922 в Праге на объединенном собрании проживавших в Чехословакии русских писателей и журналистов был образован инициативный деловой комитет для обсуждения и выяснения вопроса об устройстве общежития для русских писателей и журналистов в составе *А.В.Амфитеатрова*, *Е.Н.Чирикова*, *И.Д.Сургучева*, *Е.А.Ляцкого*, И.М.Брушвита, В.Г.Архангельского и А.Е.Котомкина. В протоколе собрания говорилось: «Условия эмигрантского существования вообще неблагоприятны, но они складываются особенно неблагоприятно для представителей такой свободной профессии, свободной в прямом и переносном смысле, как литераторы и журналисты... Только преемственность и непрерывность движения в литературном деле может служить гарантией против горестной не только для России, но и для всего славянства, если не для всего мира, катастрофы, какою поистине было бы даже временное исчезновение литературы, давшей Пушкина и Толстого и таящей в себе еще нераскрытые безграничные возможности» (РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 10 и об.). Этот инициативный комитет стал ядром образованного месяц спустя, в апреле 1922, Комитета по улучшению быта, первым председателем которого стал Е.Н.Чириков. В рамках так называемой «русской акции помощи» Комитет субсидировался правительством Чехословацкой республики. Помощью Комитета пользовались художники, музыканты, артисты, ученые — почти весь слой русской интеллигенции, жившей в то время в Чехословакии. Благодаря содействию *В.Ф.Булгакова* после отъезда в Париж продолжала какое-то время получать чешскую субсидию *М.И.Цветаева* (Цветаева М. Письма В.Булгакову. Прага, 1992. С. 31). Субсидия выдавалась на правах беспроцентной ссуды, которую литераторы обязывались возвратить «после того, как в России установятся возможности нормальной работы», т.е. после падения советской власти.

Для получения субсидии от чехословацкого МИДа проситель должен был заполнить анкету со своими биографическими данными. В фонде Комитета (РГАЛИ. Ф. 1568) сохранилось около 240 таких анкет, которые представляют значительную ценность для реконструкции биографий писателей русского зарубежья. С прошениями о ссуде обращались В.Ф.Булгаков, *Н.А.Еленев*, *К.И.Зайцев*, А.С.Изгоев, *И.Ф.Каллиников*, *Б.А.Лазаревский*, Д.А.Лутохин, *С.К.Маковский*, *Вас.И.Немирович-Данченко*, *П.П.Потемкин*, *Д.М.Ратгауз*, *С.М.Рафальский*, В.Н.Савинкова, И.Д.Сургучев, *Л.Н.Урванцов*, *В.Г.Федоров*, М.И.Цветаева, Е.Н.Чириков и др. В 1932 Комитет был упразднен.

С.В.Шумихин

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Константинополь (Стамбул) был первым значительным пунктом расселения русской эмиграции: русские беженцы стали прибывать сюда уже в 1919. Сюда были эвакуированы из Одессы, Севастополя и Батума армии генерала А.И.Деникина и барона П.Н.Врангеля. Тяжелый путь и участь, постигшая русских эмигрантов, описаны во многих воспоминаниях: *Аверченко А.* Записки простодушного (Берлин, 1923); «Русские в Галлиполи: Сборник статей, посвященный пребыванию Первого армейского корпуса русской армии в Галлиполи» (Берлин, 1923).

Первой культурной инициативой стало открытие в октябре 1920 первой русской библиотеки-читальни Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. В 1921 в Константинополе уже работало шесть русских библиотек-читален, гимназии и разнообразные курсы. Начиная с 1920 в Константинополе выходили повременные издания: «Русское эхо: Ежедневная газета» (редактор О.Г.Зелюк; 1920. № 1—4; была закрыта по решению турецких властей); «Державная Русь: Монархический журнал» (1920—1922. № 1—2); «Экономическая и литературная газета: Еженедельная воскресная газета», выходившая на русском и французском языках (редактор Е.Максимов; 1921); «*Зарницы*: Русский еженедельный политический и общественный журнал» (редактор И.М.Каллиников; 1921. № 1—26; после наложенного французскими властями запрета на русские издания журнал с четвертого номера перенес свою деятельность в Софию); «Душевный собеседник: Духовно-просветительный и религиозный журнал русского Пантелеймонова монастыря и прочих русских обителей на Святом Афоне» (редактор В.С.Полепский;

1922. № 1); «Коммерческий курьер» (редактор А.Вознесенский; 1922) и др.

Книгоиздательская деятельность русских эмигрантов в Константинополе осложнялась тем, что, помимо разрешения турецких властей на открытие книгоиздательства или типографии, таковое следовало получить и у союзных властей, в частности — французских. И потому закрытие русских газет и журналов являлось скорее правилом, нежели исключением. Но несмотря на чинимые препятствия, «русское печатное слово приобрело здесь право гражданства» (Крымский В. Русская книга в Константинополе // *Новая русская книга*. 1922. № 3. С. 26).

Первым книгоиздательством, сумевшим доказать свое право на существование, было издательство «Пресса» (1920), основанное О.Г.Зелюком на базе франко-русской газеты «Пресс-дю-суар». Первым шагом его стал выпуск русской газеты «Вечерняя пресса». Книгоиздательство специализировалось на выпуске литературы прикладного характера, но пыталось выпускать и литературные произведения: «Рассвет: Малый альманах» (1920. Кн. 1). В книгоиздательстве «Верба» вышли книги *Б.Лазаревского* «Вдова капитана: Повесть» (1920) и «Мое сердце: Повесть» (1921). Издательское товарищество «За рубежом» выпустило «Последние дни Крыма: Сборник, посвященный последним событиям в Крыму» (1920) и «Русская Земля: Альманах» (1920). Книгоиздательство «Бюро русской печати» опубликовало «Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о Земле от 20-го мая 1920 года» (1920), «Возрождение Русской Армии: Сборник» (1920), а также собственную газету «Бюро русской печати в Константинополе» (1920, ноябрь — декабрь). В книгоиздательстве «Русская мысль» была выпущена книга «Убийство царской семьи и ее свиты: Официальные документы» (1920). В 1921 Издательство Всероссийского Объединения имени Косьмы Минина выпустило «Ко всем, кто болеет душой за Родину: Устав и Обращение к Русскому народу Всероссийского Объединения имени Косьмы Минина» и «Песни контрреволюции: Сборник стихов» под псевдонимом М.С.Р-а; Книгоиздательство М.Шульмана — книгу генерала Я.А.Слащева-Крымского «Требую суда и гласности: Оборона и сдача Крыма. Мемуары и документы»; Издательство Временного Комитета по оказанию помощи русским студентам в Константинополе — студенческий сборник «Татьянин день: 12 января 1921 года». Издательство «Культура», помимо выпуска книг, занималось благотворительной деятельностью: на его основе была открыта одна из крупнейших библиотек-читален для русских эмигрантов. «Культура» специализировалась на выпуске современной беллетристики: А.Аверченко «Дети: Сборник рассказов. С приложением Руководства по рождению детей» (1922), А.Аверченко «Кипящий котел: Сборник рассказов» (1922) и др.

В 1922 в Константинополе организовался «Цех поэтов», провозгласивший — «К черту кривлянье и хулиганскую истерику — простота! Будем просты (в своей сложности), как царьградские фрески. Долой школу (акмеистов, имажинистов и проч.), ибо революция утвердила личность!» (Новая русская книга. 1922. № 9. С. 34). При «Цехе поэтов» было организовано книгоиздательство, выпустившее книгу А.Аллина «Солнечный итог: Стихи» (1922) и др.

Иногда на книгах не указывалось книгоиздательство: так, не удалось выяснить, где были изданы книги С.Сарматова «Яичница с луком: Стихи, шаржи» (Константинополь, 1921), Г.Финна «Пасмурные птицы: Стихи» (Константинополь, 1921), П.Гийльяра «Трагическая судьба российской императорской семьи» (Константинополь, 1921), «Правосудие в войсках Врангеля: Сборник документов» (Константинополь, 1921) и др.

Особенностью книжного мира Константинополя являлось то, что здесь в большинстве своем выпускалась литература для военных. Современная беллетристика и поэзия занимали одно из последних мест в перечне выпускаемой продукции. И одна из причин этого — отсутствие в Константинополе своего постоянного литературного круга. Писатели, поэты, журналисты, попавшие в Константинополь, рассматривали остановку здесь как временный карантин перед выездом в Европу.

Отдельной страницей в историю Русского Константинополя вписана Галлиполия. 22 ноября 1920 русские пароходы отдавали якорь на Галлиполийском рейде. Союзными властями русской армии, эвакуированной из Крыма, был предоставлен этот город, находящийся на северо-восточной

части Галлиполийского полуострова, тянущегося вдоль Дарданелльского пролива. *И.Бунин*, оценивая значение Галлиполи в истории Белого движения, писал: «Галлиполи — часть того истинно-великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на ее воскресение и единственным оправданием русского народа, его искуплением перед судом Бога и человечества» (Живым и гордым: Сборник. Белград: Издательство Общества галлиполийцев, 1923. С. 18—19).

Находясь в невероятно сложных условиях, оторванные от родины, русские военные находили в себе силы заниматься литературной и издательской деятельностью. И хотя журналы и газеты за недостаточностью чернил и гектографов закрывались столь же стремительно, как и открывались, попытки создать свой печатный орган не прекращались. Так, газеты «Огни» и «За рубежом», преследующие, в основном, информационные цели, просуществовали в общей сложности около двух месяцев, а юмористический журнал «Эшафот» (1921) закончил свое существование на первом номере. Необходимо отметить, что каждый полк русской армии, находившийся в Галлиполи, имел свой печатный орган: журнал «Шакал» (1921) выпускал Марковский пехотный полк; «Сергеевец» (1921) — газета Сергеевского артиллерийского училища; «Веселые бомбы» (1921) — газета Дроздовского артиллерийского дивизиона и некоторые другие («Русские в Галлиполи: Сборник статей, посвященный пребыванию Первого армейского корпуса русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. С. 297—312).

Братство галлиполийцев не распалось и после ухода в 1921 русской армии из Константинополя в Сербию. «Мы рассеяны. Но в рассеяньи своем мы унесли частицу галлиполийского духа, — и живет теперь всегда с нами этот дух и не умирает и не умрет, где бы мы ни были» (Вестник правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. № 11. С. 160).

14 декабря 1921 из Константинополя ушел последний эшелон русской армии. Эта акция была, по своей сути, результатом политики, проводимой турецкими властями по отношению к русским эмигрантам. Правительство Кемаля Ататюрка относилось весьма негостеприимно к русским эмигрантам: в этом сказывались и экономические (инфляция), и социальные (поток турецких эмигрантов, хлынувший из Греции) трудности, переживаемые страной, но все-таки главная причина была в том, что русские эмигранты представляли собой «известную угрозу: анархия, порожденная моральной деградацией, лишениями, вынужденным бездействием, царившими в переполненных и грязных лагерях и приютах для тысяч русских, разбросанных по берегам Босфора, живо напоминали о многочисленных мятежах и политических беспорядках... и заставляли правительственные круги опасаться их повторения» (Раев М. Россия за рубежом. М., 1994. С. 34).

О.В.Быстрова

«КОЧЕВЬЕ» (Париж, 1928—1939). Весною 1928 в Париже было основано, по определению его создателя *М.Л.Слонима*, «свободное литературное объединение «Кочевье». В своей деятельности оно ориентировалось прежде всего на литературную эмигрантскую молодежь, которая охотно посещала «четверговые» вечера «К» в Таверне Дюмениль на Монпарнасе. М.Слоним поставил цель сделать «К» свободной литературной трибуной, лишенной каких-либо групповых, партийных пристрастий. Одну из своих основных задач он видел в необходимости изучения литературы метрополии — русской советской литературы. Объектами изучения стали лучшие произведения советских писателей 1920 — начала 1930-х (В.П.Катаева, М.М.Зощенко, Ю.К.Олеши, Л.М.Леонова, В.В.Маяковского, *А.М.Горького* и др.). Предметом обсуждения были документы ВКП(б) в области литературы, в которых зачастую подвергались жесточайшей травле наиболее талантливые советские писатели, а также наиболее заметные работы советских литературоведов и критиков. М.Слоним выступал с ежегодными обзорами советской литературы. В октябре 1929 был проведен диспут «О пролетарской литературе», *Н.А.Бердяевым* прочитан доклад «Литературное направление и «социальный заказ» (23 апреля 1931). Проводились вечера, посвященные советским писателям. С успехом, при большом стечении публики прошли вечера, посвященные М.М.Зощенко (16 мая 1929), Б.Л.Пастернаку (17 октября 1929), С.А.Есенину (6 фев-

раля 1930), *А.Белому* (18 января 1934), 50-летию со дня рождения А.А.Блока (13 ноября 1930). Устраивались так называемые «вечера устных рецензий», участниками которых «рецензировались» романы Ю.Олеши «Зависть», Ю.Н.Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», Б.А.Пильняка «Красное дерево», а также произведения *И.Эренбурга*, В.М.Инбер, А.Б.Мариенгофа и др. Не меньшее внимание уделялось в «К» и творчеству его участников. На заседаниях производился критический разбор произведений членов объединения. Стихи М.А.Струве, *В.С.Познера*, прозаические произведения *Г.Газданова*, Г.С.Евангулова и др. неоднократно были предметом обсуждения. Устраивались вечера коллективных читок, в которых участвовали *В.Л.Андреев*, *Б.Б.Божнев*, *Б.Ю.Поплавский*, М.А.Струве, Г.Газданов, Н.Д.Городецкая, *Б.Б.Сосинский*, *С.И.Шаршун*, С.А.Луцкий, А.Берлин, *В.С.Варшавский*, В.Фохт, *И.Болдырев*, *Г.А.Раевский*, Б.Закович, *А.Эйснер* и др. Проводились персональные творческие вечера *А.П.Ладинского* (11 апреля 1929), *М.И.Цветаевой* (10 апреля 1930), А.Я.Браславского (5 декабря 1929) и др. Иногда обсуждались отдельные произведения молодых авторов — романы «Мальчики и девочки» И.Болдырева (16 января 1929), «Вечер у Клэр» Г.Газданова (6 марта 1930).

Участников «К» интересовали и теоретические проблемы литературы и искусства — доклады В.Фохта «О сущности критики» (14 февраля 1929), Б.Поплавского «Мистический анархизм в искусстве» (17 января 1929), Н.Н.Алексеева «Западничество и восточничество в русской литературе» (5 ноября 1931), *Ю.Фельзена* «Спасение или гибель? (О влиянии иностранной литературы на эмигрантских писателей)» (20 октября 1932). Обсуждались книги Н.Городецкой «Несквозная нить» (28 февраля 1929), В.С.Познера «Панорама русской литературы» (4 апреля 1929), О.Э.Мандельштама «Египетская марка» (2 февраля 1929). Практиковалась и такая форма литературной работы, как «Устный журнал». Приведем содержание мартовского номера журнала (1930): стихи В.Андреева и Б.Поплавского; рассказ Б.Сосинского «Трус»; статья М.Слонима о первой книге «Чисел»; дружеские пародии С.Луцкого; новости французской литературы; рецензия на книгу Л.И.Гумилевского «Игра в любовь».

Молодые литераторы «К» проявляли живейший интерес к творчеству писателей-эмигрантов старшего поколения. На заседаниях были заслушаны доклады о *Г.В.Иванове* (2 мая 1929; опубликован в кн.: Поплавский Б. Неизданное. М., 1996. С. 253—255), *А.М.Ремизове* (27 февраля 1930), *Б.К.Зайцеве* (20 марта 1930), *В.Ф.Ходасевиче* (26 марта 1931). С анализом романа *И.А.Бунина* «Жизнь Арсеньева» выступил В.Фохт (18 апреля 1929). Состоялись доклады о русской классике: В.Андреева о Ф.И.Тютчеве к 125-летию со дня рождения (6 декабря 1928), Б.Сосинского «Тридцатые годы русской литературы прошлого столетия» (15 мая 1930), вечер памяти А.П.Чехова (3 октября 1929).

В «К» горячо обсуждался вопрос о будущем эмигрантской литературы и ее молодого поколения. Диспут «Чего мы хотим? В поисках литературного направления» (22 января 1931) снискал большую популярность среди широких кругов литературной молодежи. Этой теме был посвящен также доклад В.Варшавского «Возможные пути новой зарубежной литературы». Обобщающий анализ тенденций младшего поколения писателей-эмигрантов был представлен в докладах М.Слонима «Молодая зарубежная литература», Б.Сосинского «Итоги литературного года за рубежом» (30 октября 1930). В докладе М.Слонима «Конец эмигрантской литературы», сделанном на заседании (8 октября 1931), прозвучала мысль о медленном истощении и умирании эмигрантской литературы, глубоко тревожившая молодое поколение эмигрантских писателей. Доклад вызвал оживленную дискуссию. В прениях приняли участие *М.О.Цетлин*, *А.И.Куприн*, Г.Газданов, Б.Поплавский, А.Ф.Эйснер, С.Я.Эфрон и др. Всего с 1928 по 1938 в «К» было проведено 104 вечера. М.Слоним собрал в «Кочевье» под свое крыло русскую литературную молодежь Парижа и дал ей трибуну для творческого самовыражения; он также предоставил молодым литераторам страницы своего журнала «*Воля России*» для публикации их произведений. В журнале печатались Г.Газданов, Б.Божнев, *А.Гингер*, В.Варшавский, В.Андреев, А.Ладинский, Б.Сосинский, Б.Поплавский и др. «Ставка на молодежь, как называли нашу политику и сами ее участники, — пишет М.Слоним, — привела к двум последствиям: во-первых, мы дали

молодежи возможность появления в печати; во-вторых, мы пробили ей путь в другие журналы, например, в *«Современные записки»*, которые привлекли к сотрудничеству ряд молодых, после того как они прошли «чистилище» «Воли России»» (Слоним М. «Воля России» // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. Питтсбург, 1972. С. 300). Пора расцвета «Кочевья» выпала на 1920-е и начало 1930-х.

Л.Г.Голубева

«КРУГ» (Париж, 1935—1939) — литературное общество под руководством *И.И.Фондаминского*, основу которого составили молодые писатели и поэты. Активное участие в жизни «молодых» И.И.Фондаминский стал принимать после смерти жены в 1935. «К» основан им летом того же года как «место встречи отцов и детей, где спорили и беседовали на религиозно-философские и литературные темы» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. СПб. 1993. С. 75). В своем доме на 130, Авеню де Версай каждый второй понедельник Фондаминский проводил встречи молодых литераторов: *Ю.Терапиано, В.Мамченко*, Л.Кельберина, В.Яновского, *Ю.Фельзена, Ю.Софиева, В.Вильде, В.Варшавского*, А.Алферова, *Л.Зурова, С.Шаршуна, А.Ладинского* и других — с религиозными мыслителями: *Н.А.Бердяевым, Г.П.Федотовым, К.В.Мочульским*, монахиней *Марией*. Идеей И.И.Фондаминского было «обратить» души молодых поэтов» (Струве. С. 231). Такое намерение встречало сопротивление со стороны писателей, отказывавшихся встать на церковную точку зрения: в прениях на собраниях «К» участники делились на два лагеря: религиозно-философский и литературный. *Г.П.Струве* отнес литературное общество «К» к организациям, возникавшим в русском зарубежье в 30-е, для которых были характерны темы «отцов и детей», устроения жизни на основе христианской правды, выяснения особой, всечеловеческой, миссии России. «К» был близок журналу *«Новый град»*, одним из редакторов которого был И.И.Фондаминский: «Парижский отдел редакции «Нового града» сделал опыт образования кружка, где сотрудники «Нового града» встречались бы с молодыми поэтами и прозаиками эмиграции. Впрочем, «Новому граду» принадлежит лишь почин этих встреч, которые носят название «Круга». Писатели-художники в нем далеко преобладают над «общественниками» из нашего журнала» (Новый град. 1935. № 10. С. 132).

С.Савельев (псевдоним С.Г.Шермана) отметил своеобразие собраний «К»: оно не только в их составе, но и в их замкнутости, что создавало «особо благоприятные условия для свободы и содержательности бесед» (там же). В.С.Яновский вспоминал: «Савельев, маленький, коренастый «берлинец», по своей инициативе начал вести краткие протоколы наших собраний, которые оказались столь интересными, что их печатали в «Новом граде». Разумеется, мы остались недовольны работой Савельева, его стилем; в результате, милейший и честнейший, но чрезвычайно нервозный Савельев заявил: «Пишите сами, я вам больше не секретарь». Как и следовало ожидать, никто не взял на себя эту обязанность, и дальнейших внешних следов наших споров, по-видимому, не сохранилось» (Яновский. С. 87—88). Записи первых восьми бесед (так называл Савельев собрания «К») помещены в «Новом граде» (1935. № 10; 1936. № 11).

Первая беседа состоялась 21 октября 1935. Присутствовали *Г.Адамович*, А.Алферов, И.Фондаминский, В.Варшавский, *В.Вейдле*, Г.Гершенкройн, Б.Дикой, *Г.Иванов*, Л.Кельберин, *Д.Кнут*, монахиня Мария, В.Мамченко, К.Мочульский, *Г.Раевский*, С.Савельев, Л.Савинков, Ю.Софиев, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, *Л.Червинская*, С.Шаршун, В.Яновский. Вступлением к беседе послужили размышления Г.П.Федотова о судьбах искусства девятнадцатого века, изложенные им в статье «Борьба за искусство», напечатанной в десятом номере «Нового града». Докладчик предостерегал писателей от русского максимализма, граничащего с нигилизмом. Обсуждению подверглись вопросы взаимосвязи религии и искусства, развития русской эмигрантской литературы.

Вторая беседа — 4 ноября 1935. Присутствовали Г.Адамович, А.Алферов, И.Фондаминский, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Г.Иванов, Д.Кнут, А.Ладинский, монахиня Мария, В.Мамченко, Г.Раевский, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, В.Яновский. С докладом на тему «Основные тенденции русской религиозной мысли» выступила монахиня

Мария. Главным направлением в этой области она назвала учение о Москве — третьем Риме, где впервые был поставлен вопрос о религиозном оправдании мира, о религиозном смысле мирской жизни. В прениях критиковали историческую схему развития русской религиозной мысли, предложенную докладчицей, и защищали В.Розанова, которого мать Мария противопоставила в своем докладе А.Хомякову, Достоевскому, Вл.Соловьеву.

Третья беседа — 18 ноября 1935. Присутствовали Г.Адамович, И.Фондаминский, Н.Бердяев, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Б.Дикой, Г.Иванов, Л.Кельберин, Д.Кнут, монахиня Мария, А.Ладинский, В.Мамченко, К.Мочульский, Г.Раевский, С.Савельев, *Ю.Мандельштам*, Ю.Софиев, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, В.Яновский. Обсуждали помещенную в десятом номере «Нового града» статью *Ф.А.Степуна* «Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы». Выделили несколько вопросов для дискуссии: как соотносятся миросозерцание писателя и его художественное творчество, необходимы ли цели и задачи литературе, каково назначение русской эмиграции. Ответом на последний вопрос стало утверждение: нужно «оставаться собой, быть верной только себе, чтобы создать великую литературу».

Четвертая беседа — 2 декабря 1935. Присутствовали Г.Адамович, А.Алферов, И.Фондаминский, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Г.Иванов, Л.Кельберин, Д.Кнут, монахиня Мария, В.Мамченко, К.Мочульский, Г.Раевский, С.Савельев, Ю.Софиев, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, С.Шаршун, В.Яновский. Начало беседе на тему «Христианство и мир» положил К.Мочульский. Основной силой и сущностью христианства выступающий назвал воскресение, дарованное всем людям. Неверие в победу жизни над смертью приводит человека к трагедии, что случилось с Розановым, по мнению К.Мочульского. Возражавшие осудили докладчика в односторонности понимания Евангелия, Христа, любви.

Пятая беседа — 16 декабря 1935. Присутствовали А.Адамович, А.Алферов, И.Фондаминский, Н.Бердяев, *Р.Блох*, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Г.Иванов, монахиня Мария, В.Мамченко, К.Мочульский, Г.Раевский, С.Савельев, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, С.Шаршун, В.Яновский. Вступлением к беседе стала статья Г.Адамовича «Уединенная прогулка», напечатанная в 58 книге «Современных записок». Неясным для участников собрания было отношение Г.Адамовича к смыслу одиночества и к преодолению смерти — главным вопросам, поставленным в статье. Обсуждавшие выделили два вида одиночества: одиночество угасания, отхода от мира и одиночество противостояния, борьбы. Разногласие вызвало высказывание автора статьи о примитивности советской литературы. В конце протокола пятой беседы Савельев отметил «новый звук» в критических статьях Адамовича — «поворот к жизни через любовь к ней».

Шестая беседа — 3 февраля 1936. Присутствовали А.Алферов, И.Фондаминский, Н.Бердяев, Р.Блох, В.Варшавский, В.Вейдле, Б.Дикой, монахиня Мария, В.Мамченко, К.Мочульский, С.Савельев, Ю.Софиев, *В.Сирин*, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, С.Шаршун, В.Яновский. Собрание открылось вступительным словом Н.Бердяева «Мысль изреченная есть ложь», в котором он, исходя из стиха Ф.Тютчева, поставил вопрос о соотношении душевных переживаний и мысли: для европейцев в мысли реально то, что выражено; для русских — неизреченное есть подлинная реальность. Поэтому русской душе близок идеал молчания как святости. Мысль, по мнению Н.Бердяева, является победой духа над «душевной стихийностью и душевным хаосом»; значит, изреченная мысль не может быть ложью. Докладчик отметил исключительность В.Розанова: «Ему дан был изумительный дар передавать переживания «в сыром виде», как бы кусок души». В прениях предположили, что Тютчев назвал ложью неизбежный отбор при переходе переживания или ощущения в мысли. Поэта не удовлетворяло несовершенное оформление мысли.

Седьмая беседа — 23 февраля 1936. Присутствовали А.Алферов, И.Фондаминский, Р.Блох, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Л.Кельберин, Д.Кнут, монахиня Мария, К.Мочульский, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, С.Савельев, В.Сирин, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, С.Шаршун, В.Яновский. Начало беседы — выступление Г.П.Федотова на тему «Святость и творчество». В ходе пре-

ний выделили разные источники святости и творчества: отказ от жизни и сама жизнь. Бóльшую часть дискуссии отвели вопросу взаимовлияния творчества и христианства.

Восьмая беседа — 9 марта 1936. Присутствовали И.Фондаминский, В.Варшавский, В.Вейдле, Г.Гершенкройн, Л.Кельберин, Д.Кнут, монахиня Мария, А.Ладинский, Ю.Мандельштам, С.Савельев, Ю.Софиев, Ю.Терапиано, Г.Федотов, Ю.Фельзен, Л.Червинская, С.Шаршун, В.Яновский. Вступительное слово В.Варшавского.

Литературное общество «К» выпустило три альманаха с тем же названием: первый номер — в 1936, второй — в 1937, третий — в 1938. В альманахе печатались участники бесед: Ю.Терапиано («Сопротивление смерти» — № 1, стихи — № 2, 3), В.Мамченко (стихи — № 1, 2, 3), Л.Кельберин (стихи — № 1), В.Яновский («Розовые дети» — № 1, «Ее звали Россия» — № 2), Ю.Фельзен («Вечеринка» — № 1, «Повторение пройденного» — № 3), Ю.Софиев (стихи — № 1,2), В.Варшавский («Амстердам» — № 3), А.Алферов («Рождение героя» — № 2), Л.Зуров («Новый ветер» — № 1), С.Шаршун («Вожирар» — № 1, «Письма другу» — № 2), А.Ладинский (стихи — № 1, 2) и другие. Художественный раздел альманаха был отдан молодым писателям и поэтам, а также посмертной публикации романа *Б.Поплавского* «Домой с небес».

Г.П.Федотов в статье «Круг» (К. 1938. № 3) пояснил название литературного общества: круг близких людей позволяет уйти от «своего холода в тепло дружеской руки», уменьшить тяжесть своего земного бремени, облегчить страдания и открыть в общении источник новых сил. «В цепи людей, взявшихся за руки, рождаются токи, отличные от биологических энергий, движущих толпами» (с. 164).

Н.В.Летаева

КРУЖОК КАЗАКОВ-ЛИТЕРАТОРОВ (Париж, 1937—1940) — учрежден сотрудниками журнала *«Станица»* на организационном собрании 11 декабря 1937 с целью «поддержки и укрепления любви к родным краям и казачьему быту», собирания, хранения и публикации лучших литературных и исторических произведений казачьих авторов (Атаманский вестник. 1937. № 9. С. 26). Старшинами Кружка на протяжении ряда лет избирались *Н.Туроверов* (поэзия) и П.Гусев (проза), атаман парижской студенческой казачьей станицы и редактор журнала; секретарем и казначеем — поэтесса и художница Е. де Жерве-Номикосова. Собрания Кружка проводились в первую субботу каждого месяца на квартире католического священника К.А.Кенэ, владельца большой библиотеки и страстного поклонника русской литературы, в течение многих лет оказывавшего материальную помощь учащейся казачьей молодежи и ее издательским начинаниям. На «субботниках» читались и обсуждались новые произведения, решались вопросы, связанные с публикациями, организацией авторских вечеров, литературных выставок, членством в Кружке, в который принимались казачьи литераторы, живущие и вне Парижа — в Литве, Болгарии, Германии, Харбине, Северной Америке и др. странах. Членами Кружка были И.Г.Акулинин (1879—1944), генерал из оренбургских казаков, участник русско-японской и первой мировой войн, помощник атамана И.А.Дутова в годы гражданской войны, с 1920 в эмиграции, редактор казачьего отдела в журнале «Часовой»; поэт *А.А.Ачаир* (Сибирское войско); И.В.Воинов (1885 — ?), поэт, прозаик и искусствовед, уроженец станицы Усть-Быстрянская Области Войска Донского, первые стихи опубликовал в 1913 в «Ниве», автор сборника стихов «Чаша ярости» (Париж, 1938); поэтесса *М.В.Волкова* (Сибирское войско); Д.И.Воротынский (1889 — ?), прозаик,мемуарист, уроженец станицы Усть-Медведицкая Области Войска Донского, автор воспоминаний о революции и гражданской войне на Дону, о Ф.Шаляпине, *И.Бунине*, Ф.Крюкове, Р.Кумове и др.; поэт *Н.Н.Евсеев* (Донское войско); В.С.Крюков (1892 — ?), поэт, уроженец станицы Раздорская Области Войска Донского, автор книги стихов «Родной край» (Париж, 1928); С.Д.Позднышев (1889—1980), генерал, из донских казаков, окончил Новочеркасское казачье училище, участник первой мировой и гражданской войн, в эмиграции секретарь (с 1927) и председатель (с 1961) Зарубежного союза русских военных инвалидов, сотрудник, затем редактор однодневной газеты «Русский инвалид» (1961, май), автор работ по истории гражданской войны; поэт *В.А.Смоленский*; С.Ф.Сулин

(1873 — ?), поэт, уроженец слободы Нижне-Ольховская на Дону, автор сборника стихов «Лемнос» (Ямбол, Болгария, 1927) и составитель сборника боевых казачьих песен 1919—20 «Донцы в Тавриде» (Бургас, 1937) и др. Среди почетных членов Кружка — аббат К.А.Кенэ, *П.Н.Краснов*, генерал Д.И.Ознобишин, до 1917 военный атташе во Франции, библиофил и коллекционер, обладатель большой библиотеки и уникального собрания редких картин и гравюр на сюжеты из истории казачества. На собраниях обсуждались поэтические произведения В.Смоленского и Н.Келина (1897 — после 1960), автора сборников «Стихи» (Прага, 1937 и 1939) и книги мемуарной прозы «Казачья исповедь», впервые опубликованной по рукописи в Москве в 1996; обсуждался роман Д.Е.Скобцова-Кондратьева «Гремучий родник» (Париж, 1938) и др. Кружок устраивал выставки, посвященные литературным датам (125-летию М.Ю.Лермонтова в 1939), вечера с докладами о новинках литературы, чтением стихов, выступлениями артистов, танцами (в особняке Общества русских сестер милосердия); ежегодно давались торжественные обеды, проходившие под знаком какого-либо степного цветка: в 1938 — в честь аббата Кенэ — под знаком будяка (татарника), в 1939 — василька. Кружок занимался также издательской деятельностью: под его эгидой в 1939 вышел «Казачий альманах», составленный из стихов М.Волковой, Н.Евсеева, И.Воинова, С.Сулина, Н.Туроверова и других поэтов, рассказов В.Крюкова и Н.Туроверова, очерка П.Краснова о казачьих войсках, воспоминаний Н.Мельникова («В донских степях») и Д.Ознобишина («Моя служба в казаках и с казаками»), статей И.Акулинина («Казаки в гражданской войне») и Н.Туроверова («Казаки в изображении иностранных художников»). Члены Кружка, в особенности живущие в Париже, печатались в основном в журнале «Станица»; этот же журнал вел систематическую хронику работы Кружка (1938—1940. № 25—32), наиболее интенсивная деятельность которого приходится на 1938—39. С прекращением выхода «Станицы» в 1940 сведения о Кружке ограничиваются встречающейся на книгах маркой издания Кружка казаков-литераторов, под какой увидели свет четвертый сборник стихов Н.Туроверова в 1942 и «Стихи» М.Волковой в 1944. Судьбы некоторых его членов сложились трагически в 1945: В.Гусев, староста Кружка, был выдан советской военной администрации в Лиенце (Австрия) и умер в карагандинских лагерях.

В.В.Васильев

Л

«ЛЕТОПИСЬ» (Берлин, 1937. № 1) — «орган Православной культуры». Издание прихода Святого Равноапостольского князя Владимира в Берлине. Редактором журнала и автором большинства опубликованных материалов был игумен Иоанн *(Д.А.Шаховской)* — Благочинный церквей экзархата Русских Православных западноевропейских церквей. «Православная культура есть неложное приятие семян Слова и охрана этих семян в мире, в душе и в культуре человека. Православная культура есть преданность Богу, пред лицом богопротивления и боговосстания. Православная культура есть легкая и тихая поступь в мире; божественное, синтетическое единство знания и веры» (с. 3), — говорилось в обращении к читателям, открывавшем первый номер. В нынешнюю эпоху — эпоху переоценки ценностей после происшедшей национальной катастрофы — одной из главных задач игумену Иоанну виделось выявление религиозного сознания русской литературы, «религиозный анализ души и творчества наших писателей» — «и это будет для нас подлинным познанием себя, своей человеческой души, своего национального лика» (с. 80). Символическую суть творений природы утверждал епископ Николай, выступая против буквального чтения природы, которое есть идолопоклонство. Игумен Иоанн опубликовал в журнале «Созерцательные стихотворения» и статью «Сокровенный Крылов» из цикла «Религиозное сознание в русской культуре». Крылов для иг. Иоанна есть писатель этико-религиозный. По его мнению, религиозная значимость басен Крылова «неравномерна», наряду с чисто христианскими баснями есть басни «полухристианского» мироощущения и «внерелигиозно-бытового» (с. 98). Однако, несмотря на наличие «элемента практического монофизитства» у писателя, плененного «жизнью плоти не только физически, но и духовно», главным в творчестве И.А.Крылова является иное начало — «чисто и глубоко христианское» (с. 75). Ряд материалов был посвящен состоявшемуся в декабре 1936 в Афинах Конгрессу Православного богословия: отчет Н.Арсеньева, рассказ об «афинских впечатлениях» Странника (псевдоним иг. Иоанна). Были опубликованы резолюции конгресса, статья *Н.Зернова* «Черты Православия в современном англиканстве».

Д.Д.Николаев

«ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ» (Рига, 1928. № 1. Октябрь — № 2/3. Декабрь) — критико-библиографический журнал, выходил в издательстве «Литература» под редакцией *П.М.Пильского*. В программной статье «Наш журнал» (№ 1) организаторы издания сформулировали его концепцию: давать объективную информацию о состоянии книжного рынка русского зарубежья и по возможности советской России, привлекая к работе писателей русской эмиграции и Советского Союза. «Страницы «Литературы и жизни» предоставлены для всех писателей, для всех журналистов, для их свободного, совершенно независимого слова, и эту широту свободы писателя мы хотим понимать ничем неограниченной» (с. 1).

Рубрика «Статьи и заметки» рассказывает о новостях литературной жизни русской эмиграции. *И.С.Шмелев* предложил создать Зарубежный литературный фонд (№ 1. С. 2—4), который должен оказывать денежную поддержку литераторам и содействовать страхованию их собственности. В письме из Белграда журналист Е.М.Месснер оповещал о программе *Съезда писателей и журналистов* (№ 1. С. 4—5). Журнал опубликовал хронику «Труды и дни Льва Толстого» (№ 1).

Заведующий книжным отделом журнала Василий Владимирович Гадалин анализирует деятельность московской литературной группы «Перевал» в статье «Одна из писательских групп в СССР» (№ 2/3). В

статье журналиста Александра Густавича Долля «Что читает русский Ревель» (№ 2/3) на основе проведенного им опроса получены данные: женщины отдают предпочтение любовным романам (О.Бебутова, *П.Краснов*, Е.Нагродская, *С.Минцлов*, П.Пильский), мужчины читают историческую прозу (*М.Алданов, Н.Брешко-Брешковский, Ю.Галич, В.Крымов, А.Куприн, И.Наживин*, И.Шмелев), произведения советских писателей (М.Зощенко, В.Катаев, Б.Лавренев, Л.Леонов, П.Романов и Л.Сейфулина). Молодежь с удовольствием читает русскую дореволюционную классику — Ф.Достоевского, Л.Толстого и А.Чехова. В связи с 125-летием Н.М.Языкова помещена статья критика В.В.Третьякова (№ 1). Обращение к поэтическому наследию Языкова, по мнению автора статьи, вызвано непреходящим значением его творчества для разных поколений русских читателей.

Рецензии на новинки литературы публиковались в разделе «Критика и рецензии»: М.Алданов «Современники», Н.Брешко-Брешковский «Роман манекена», *Г.Гребенщиков* «Гонец: (Письма с Помперага)», *А.Дроздов* «Маруся, золотые очи», *Л.Зуров* «Кадет», И.Ильф и Е.Петров «Двенадцать стульев», В.Каменский «Пушкин и Дантес», Л.Леонов «Вор», О.Мандельштам «Египетская марка», «О поэзии», С.Минцлов «Беглецы. Приключения. Из автобиографии», «Приключения студентов», *А.Плещеев* «Без ужасов», *А.Толстой* «Великосветские бандиты», «Восемнадцатый год», В.Шишков «Тайга», И.Шмелев «Мэри» и др.

Под рубрикой «Литературные документы» собраны непубликовавшиеся письма А.К.Толстого к двоюродному брату и его супруге А.М. и Н.С.Жемчужниковым. «Литературные воспоминания» представлены дневниковыми записями Алексея Д.Федорова «Из давних встреч», в которых он рассказывает о дружбе с *И.А.Буниным* и А.И.Куприным (№ 2/3). «Писатели о себе» — так названа одна из рубрик журнала. Письма литераторов, присланные в редакцию, посвящены эмигрантскому периоду их жизни. И.Ф.Наживин пишет о переводах своих произведений на иностранные языки: немецкий, чешский, болгарский, английский, шведский и финский. Он же делится с читателем замыслами романов «На гранях сказки» и «Батый» (№ 1. С. 15). М.К.Первухин характеризует творчество писателей-эмигрантов. *У Д.Мережковского* он отмечает «яркость, рельефность, картинность» (№ 2/3. С. 18). Романы А.Куприна написаны «удивительно молодо, крепко, сильно» (там же). Давая оценку последнему роману Куприна «Юнкера», Первухин отмечает: «На каждой фразе чувствуется рука большого, очень большого мастера, истинного художника, умеющего и на старости сохранить душевную свежесть и молодую восприимчивость» (с. 19).

Биографические сведения о литераторах составили рубрику «Писатели. Жизнь и новые работы писателей, ученых и журналистов». На просьбу редакции откликнулись и прислали о себе материалы: *Ю.И.Айхенвальд, А.В.Амфитеатров, К.Д.Бальмонт*, И.А.Белоусов, Н.Н.Брешко-Брешковский, И.А.Бунин, В.Л.Бурцев, М.А.Булгаков, В.В.Вересаев, *З.Н.Гиппиус, М.Горький*, Г.Д.Гребенщиков, *А.Ф.Даманская*, А.М.Дроздов, *Б.К.Зайцев*, М.М.Зощенко, Б.И.Ивинский, А.И.Куприн, *Б.А.Лазаревский*, Л.М.Леонов, Лери (В.В.Клопотовский), Александр Ли (*А.М.Перфильев*), Лоло (Л.Г.Мунштейн), *И.С.Лукаш*, Д.С.Мережковский, С.Р.Минцлов, И.Ф.Наживин, *В.И.Немирович-Данченко, М.А.Осоргин*, П.М.Пильский, А.А.Плещеев, А.Л.Погодин, *А.М.Ремизов*, П.С.Романов, Б.А.Суворин, *Н.А.Тэффи, Л.Н.Урванцов, Е.Н.Чириков*, В.Я.Шишков, И.С.Шмелев и др.

Статья К.Бельговского «Русские авторы в Чехословакии» (№ 2/3) сообщает о переводах с русского на чешский язык рассказов и романов *А.Аверченко*, А.Амфитеатрова, Вас.Немировича-Данченко, Е.Чирикова и *А.Яблоновского*, выполненных главным редактором «Русской библиотеки» издательства Отто (Прага) журналистом В.О.Червинка. Директор студенческой колонии в Праге Б.И.Мужик перевел роман Л.Н.Толстого «Воскресение», «Белую гвардию» М.Булгакова, рассказы М.Горького, «Девять десятых судьбы» В.Каверина, повести Вас.Немировича-Данченко и «Трансвааль» К.Федина. А.Несси осуществил перевод на чешский язык 12-томного собрания сочинений А.Аверченко.

Столетняя годовщина рождения Л.Н.Толстого широко отмечалась в эмиграции, о чем свидетельствует заметка за подписью Б. «Борьба чешских издателей вокруг «Войны и мира»» (№ 1). В Чехословакии вышли в свет два перевода «Войны и мира». Первый осуществлен коллективом переводчиков

(Б.Мужик, С.Матезиус, Г.Кениг, Л.Свобода) и опубликован издательством «Мелантрих» (Прага). Другой перевод романа выполнен В.Хобом и издан частной фирмой «Владимир Орел» (Прага). Сообщалось также, что русские издательства Риги («М.Дидковский», «Книга для всех», «Литература», «Ориент», «Русское издательство») в 1928 опубликовали романы, повести и рассказы писателей-эмигрантов и литераторов советской России (Н.Брешко-Брешковский, М.Булгаков, Ю.Галич, А.Дроздов, М.Зощенко, Л.Зуров, В.Катаев, А.Куприн, Б.Лазаревский, Л.Леонов, В.Лидин, С.Малашкин, С.Минцлов, И.Наживин, П.Романов, А.Толстой, В.Шишков и др.). Рубрика «Русская печать за рубежом» оповещала о литературно-художественных журналах эмиграции в Китае («Зигзаги», «*Рубеж*»), Латвии («*Перезвоны*», «*Родная старина*»), Франции («*Иллюстрированная Россия*», «*Современные записки*») и Чехословакии («*Воля России*»).

А.П.Ивкина

«ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА» (Белград, 1934—1938). Самое крупное и известное русское литературное объединение в Югославии. Образовано в Белграде в октябре 1934. Основатель и бессменный руководитель — *И.Н.Голенищев-Кутузов*, историк литературы, поэт и переводчик. «ЛС» он создавал по образцу парижских литературных кружков, а также московской «Среды» Н.Д.Телешова. В кружок вошли люди, разные по возрасту и политическим взглядам, но объединенные общим отношением к литературе и искусству. Голенищев-Кутузов не препятствовал членам кружка придерживаться противоположных политических взглядов, называя их «свободными гражданами», но попытки придать дискуссиям нелитературный характер решительно останавливал. «ЛС» называется иногда «кружком молодых поэтов», хотя в ее составе были люди разного возраста, с различным литературным опытом, в число ее участников входили прозаики, драматурги, актеры, режиссеры, ученые. Участниками «Литературной среды» были поэты Е.М.Кискевич и *Е.Л.Таубер*, прозаик М.Д.Иванников, режиссер Народного театра в Белграде Ю.Л.Ракитин, поэт, прозаик и литературный критик А.Н.Неймирок, драматург, поэт, литературный и театральный критик Ю.В.Офросимов (Росимов), драматург, актер и поэт В.В.Хомицкий (Вячеславский), историк литературы К.Ф.Тарановский и другие. В литературных вечерах «Среды» принимали участие Л.А.Алексеева, В.Л.Гальский, И.С.Гребенщиков, Н.К.Гриневич, А.П.Дураков, Р.В.Плетнев, М.А.Погодин, *Е.В.Аничков, В.В.Шульгин*, С.В.Топор-Рапчинская. Заседания кружка проходили по средам в помещении, в котором размещался *Союз русских писателей и журналистов в Югославии*, в *Русском доме имени Императора Николая II*. На заседаниях «Среды» читали стихи, рефераты, прозаические произведения, отрывки из пьес. Проводились обсуждения новых книг, выходивших в России и в эмиграции. В 1935 в Белграде поэты кружка издали сборник «Литературная среда. Сборник первый». В книгу вошли стихи В.Гальского, И.Голенищева-Кутузова, И.Гребенщикова, Л.Девель, А.Дуракова, Е.Кискевича, А.Неймирока, М.Погодина, Б.Смагина, Е.Таубер. Значение сборника состоит в том, что он представил значительных поэтов-эмигрантов Югославии. Последнее заседание «ЛС» состоялось в 1938.

Г.П.Манчха

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК В САН-ФРАНЦИСКО начал собираться в 1921 на квартире у бывшей бестужевки, поэтессы Елены Петровны Грот (1891, Тобольск—1968, Лос Гатос, США). Печататься она начала еще в «бестужевские» годы, когда слушала лекции Л.В.Щербы, И.А.Бодуэна де Куртене, *Н.О.Лосского*, С.А.Венгерова. Летом 1916 вместе с мужем, командированным для инспекции заказа российского правительства на трехлинейные винтовки, прибыла в Америку. Во время гражданской войны сопровождала мужа, которого российское посольство в США направило в армию А.В.Колчака. Живя во Владивостоке, Грот печаталась в газете «Голос Родины». В начале 1921 она поселилась в Калифорнии. После основания ЛХК ею начат был (совместно с Ф.А.Постниковым, издателем еженедельной «Русской газеты») журнал «Родные мотивы», в котором печатались русские калифорнийцы, в частности живший тогда в Сан-Франциско *С.Гусев-Оренбургский*. «Родные моти-

вы» явились для кружковцев дополнительным объединяющим фактором. Другим результатом собраний у Грот оказался Драматический кружок (с участием нескольких профессиональных актеров, эмигрировавших в начале 1920-х в Калифорнию). Возникший на основе ЛХК Драматический кружок вскоре выделился в самостоятельную труппу, дававшую спектакли два раза в месяц и поставившую, в частности, пьесу в стихах Грот «Карнавал жизни».

С приездом в 1923 в Сан-Франциско А.П.Ющенко ЛХК окончательно оформился. Осенью 1924 на основе русского Общества Взаимопомощи ЛХК принял свой устав и выделился в независимую группу. Число участников росло и достигло восьмидесяти. Для своих встреч кружковцы снимали за 5 долл. в месяц подвал на отдаленной от центра Черри Стрит. Для более узкого круга лиц проводились еще и домашние пятницы. В числе основных участников была поэтесса Ольга Александровна Ильина (1894, Казань—1991, Сан Рафаэль, США), дочь члена Государственной думы, правнучка Е.А.Баратынского. В печати она выступила в годы мировой войны. В 1917 вышла замуж за офицера Павлоградского гусарского полка, а в сентябре 1918 ушла с покидавшей Казань Белой армией. В 1922 ей удалось добраться до Харбина. Через год уехала из Шанхая в Сан-Франциско. Зарабатывала на хлеб, работая продавщицей бус. Вскоре она узнала о существовании кружка и стала одним из активных его участников. В 1926 по совету поэта-эгофутуриста А.Масаинова, жившего тогда в Калифорнии, Ильина издала свой первый сборник «Молчание звезд» (Париж), стихи из которого ранее читались на кружковых вечерах. Там же она читала свою поэму «Колокол». Позднее Ильина стала писать прозу по-английски: роман «Dawn of the eighth day» (N.Y., 1951) о жизни в Казани до прихода в город красных. В конце своей долгой жизни Ильина выпустила в Сан-Франциско сборник стихов. Последняя ее известная публикация относится к 1988 (три стихотворения в филадельфийском альманахе «Встречи»).

Масаинов, благословивший Ильину на издание первого сборника, оставался участником ЛХК непродолжительное время. До эмиграции он печатался в альманахах эгофутуристов («Очарованный странник», «Винтик» «Мимозы льна», «Острова очарований») — вместе с *И.Северяниным*, В.Ховиным, А.Толмачевым, Б.Гусманом, М.Струве. В 1924 Масаинов, живший уже в эмиграции, совершил путешествие в Полинезию и затем прибыл в Сан-Франциско. Отдельным изданием вышла его поэма «Лик зверя» (Париж, 1924), с которой знакомы были участники кружка. В следующем году он выпустил сборник «поэз» «Отходящие корабли» (Париж), а в 1926 и 1927 — свое двухтомное «Собрание сочинений» (Париж; Нью-Йорк), в которое вошли пересказы полинезийских легенд; включены также и стихи, напоминающие «маорийский» цикл *К.Бальмонта* в его «Белом Зодчем». Вскоре Масаинов перебрался из Сан-Франциско в Голливуд.

Наталья Николаевна Дудорова, родственница Ильиной и правнучка Баратынского, участвовала в ЛХК с начала 1920-х гг. Приезжала на кружковые встречи из университетского города Пало Алто, расположенного неподалеку от Сан-Франциско. Стихи публиковала в коллективных сборниках, так или иначе связанных с жизнью кружка, и в периодических изданиях. Почти все напечатанное ею отличается культурой стиха, четкостью и оригинальностью замысла. Последняя известная ее публикация относится к 1957.

Наиболее одаренным поэтом из представленных в кружке был Борис Николаевич Волков (1894, Екатеринослав—1953, Сан-Франциско). Он учился в Московском университете, ушел воевать, был награжден Георгиевским крестом, сражался в армии Колчака. В 1919 перебрался в Монголию. Скитался по странам Востока, побывал в Иране, в арабских странах, жил в Японии и в Китае. В начале 1920-х переехал в Калифорнию, работал портовым грузчиком. Его первая эмигрантская публикация — в 1921. Стихи читал на кружковых встречах, а в 1934 в Берлине выпустил свою единственную книгу стихов «В пыли чужих дорог». Работал над книгой о Монголии «В стране золотых Будд» (по-русски и по-английски); отрывки появились в печати. На его поэзии сказалось влияние Н.Гумилева, творчество которого почиталось поэтами ЛХК и которому был посвящен специальный вечер.

В разные годы и в разной степени в ЛХК участвовали поэты Елена Антонова (издавшая в Нью-Йорке свой сборник «От-

ражения: Стихи 1942—1944 гг.». Нью-Йорк, 1944); Петр Лапикен (в прошлом харбинец; писал также рассказы); Александра Васильковская (Е.Я.Глушкова) (сборник «Узелок». Сан-Франциско, 1957), Н.Г.Ватель, рано умершие Елена Роос-Толпегина и Нина Назарина. Соприкоснулась с жизнью кружка Ольга Скопиченко, автор семи поэтических книг (приехала в Сан-Франциско в 1950), а также поэт и прозаик второй эмиграции плодовитый Родион Березов (Акульшин), напечатавший в эмиграции не менее 15 поэтических книг. В сборнике ЛХК приняли участие калифорнийские поэты Николай Моршен, Владимир Марков, *Глеб Струве*, *Епископ Иоанн Сан-Францисский*.

Наиболее одаренным из прозаиков, связанных с кружком, был *Петр Балакшин*, под редакцией которого (под псевд. Б.Миклашевский) в 1936 — 37 выходил альманах «Земля Колумба». Известность получил роман участницы кружка *Нины Федоровой* «Семья» (1952), первоначально вышедший по-английски. Почетным членом кружка была писательница Александра Мазурова, жившая в США с 1919. Она писала по-русски и по-английски, печаталась в эмигрантских журналах «*Перезвоны*» и «*Числа*». В 1929 вышел с предисловием *Г.Гребенщикова* ее роман «Земля». Цель ЛХК она видела в том, чтобы «в роковых условиях» эмигрантской доли сохранить живой интерес к творчеству, сберечь культурные ценности и традицию. О жизни этого содружества Мазурова вспоминала: «Мы, разумеется, во многом расходились (чем, как не спорами, отличалась русская дореволюционная интеллигенция!). Разногласия не вредили, а оживляли планы и возможности. Конечная цель и традиция у нас были общие; различия были во вкусах, темпераментах, в уклоне и опыте» (У Золотых Ворот: Сб. рассказов, стихов и статей. Сан-Франциско: Изд. Лит.-худож. кружка, 1957. С. 112).

Превращение кружка в устойчивую организацию совершилось благодаря инициативе А.П.Ющенко, в прошлом морского офицера, в будущем профессора философии, а тогда, в 1920-е, лифтера в отеле «Сан-Франсис». Ющенко избран был председателем кружка. Под его влиянием участники сосредоточились, главным образом, на современных темах. Ющенко устраивал тематические вечера, посвященные «Двенадцати» Блока и жившим в Китае писателям *Всеволоду Иванову* и Михаилу Щербакову. Ющенко редактировал «Дымный след» (Сан-Франциско, 1925. Вып. 1) — первый коллективный сборник кружковцев.

Другие литературные вечера были посвящены поэзии Есенина, *Саши Черного*, *Агнивцева*, творчеству *Мережковского*, *Тэффи*, *Аверченко*, эволюции русской критической мысли, конструктивизму, современным течениям в русской поэзии (доклад Масаинова). Вечер под названием «Внуки о дедах» состоял из семейных воспоминаний живших тогда в Калифорнии потомков и родственников Тютчева, Баратынского, Языкова, Батюшкова, Карамзина, Лермонтова, Кюхельбекера, Даля. Ежегодно отмечался День русской культуры; в этот день в 1933 праздновали получение *Буниным* Нобелевской премии. Состоялись встречи, посвященные классикам русской литературы XIX в., а всего к 35-летию существования содружества проведено было более ста литературных вечеров. Творческий, просветительский, историко-литературный и общественный аспекты деятельности исходили из одного и того же принципа, отмеченного в уставе: уважение к творческой свободе и терпимость к инакомыслию.

Этот принцип просматривается и в выборе авторов, и в подборе произведений, составивших три коллективных сборника. Вместе с рядом авторских книг эти сборники представляют собой главное наследие кружка. В первом из них — «Дымный след» напечатаны стихи Б.Волкова, Е.Грот, Н.Дудоровой, О.Ильиной, А.Масаинова; рассказ жившего в Китае М.Щербакова «Корень жизни», пьеса К.Яровикова, эссе Ющенко о Пушкине, статья профессора Калифорнийского университета А.Кауна о *Леониде Андрееве*, произведения менее известных авторов, порой случайных гостей в литературе. Вторым коллективным изданием явился «Калифорнийский альманах» (1934); состав его авторов отчасти повторял «Дымный след». Альманах вышел под редакцией П.Балакшина, Е.Малоземовой (журналистка и лектор Калифорнийского университета, в будущем председательница ЛХК), Н.Л.Лаврова и В.И.Шнееровой.

Сборник «У Золотых Ворот» (1957) был задуман как итоговый. Редакторы не упомянуты поименно, а заменены анонимной «редакцией». Авторский состав был шире,

чем в предыдущих сборниках, благодаря участию тех литераторов, кто приехал в Калифорнию после второй мировой войны — одни из Европы, другие с Дальнего Востока. В разделе прозы мы находим рассказы Н.Нарокова, А.Мазуровой, Н.Федоровой, П.Балакшина, П.Лапикена, А.Васильковской, Р.Березова, а также несколько рассказов литераторов-любителей, что вообще было характерно для жизнедеятельности кружка, в котором грань между профессионализмом и любительством не всегда была четко обозначена. Эта особенность сознавалась профессиональным ядром кружка. Русское население Калифорнии составляло около десяти тысяч человек (в основном приехавших из Китая). На этом ограниченном фоне литературные силы кружка (объединившего литераторов не всего штата, а только Сан-Франциско и окрестностей) представлялись самим членам содружества адекватными. Терпимость к дилетантизму была вынужденной уступкой слишком ограниченного круга творческой интеллигенции, добровольно остающейся русскоязычной в условиях, которые сильнее способствовали ассимиляции, чем развитию национальной культуры.

В разделе поэзии в сборнике «У Золотых Ворот» представлены двенадцать поэтов первой и второй эмиграции, чьи имена вошли в историю литературного зарубежья: Е.Антонова, Р.Березов, А.Васильковская, Б.Волков, Е.Грот, Н.Дудорова, О.Ильина, епископ Иоанн Сан-Францисский, В.Марков, Г.Струве, О.Скопиченко и наиболее значительный из них Н.Моршен. Рядом со стихами этих поэтов встречаются в сборнике стихи вполне дилетантские.

В разделе «Статьи» приняли участие епископ Иоанн Сан-Францисский, философ Н.Лосский, поэтесса Е.Грот, профессор философии А.Ющенко, литературовед В.Марков. Для историка эмиграции особый интерес представляет раздел «Дела и люди». Здесь видим сообщения, подводящие итог русской культурной деятельности в Калифорнии, — заметки о русских библиотеках в штате, о художниках, о фонде имени И.В.Кулаева, который, в частности, субсидировал сборник «У Золотых Ворот». В этом же богатом фактическим материалом разделе находим воспоминания о вечере памяти Гумилева, о русской театральной деятельности в Калифорнии, статью о встрече двух культур — американской и русской. В справочном отделе представлен указатель типа «Кто есть кто» (в русской Калифорнии) и библиография англоязычных публикаций русских калифорнийцев. «У Золотых Ворот» оказался последним коллективным изданием кружка. Другие многочисленные публикации членов содружества рассеяны в русскоязычной калифорнийской периодике — в журнале *«День русского ребенка»* (начался очень скромно в 1934 и достиг со временем объема до 420 с. и тиража 1000 экз.), в журнале «Дело», в газете «Русский Медведь» (под ред. П.Балакшина), выходившей в Татьянин день, в пятидневной «Новой заре» (существовала с 1929), в номерах продолжающей выходить «Русской жизни».

Вадим Крейд (США)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ АВГУСТЕЙШЕГО ПОЭТА К.Р. (Харбин, 1938—1945). Первоначальное название кружка, основанного 25 октября 1938, было «Кружок монархического объединения». Председателем Кружка, который объединял молодые творческие силы «русского Харбина» (поэтов, музыкантов, певцов), был юрист и педагог В.А.Морозов. В Кружке принимали участие также представители старшего поколения: В.Ф.Иванов, П.Ф.Федоровский и др. Драматической секцией руководил Н.Ю.Артемьев. Свои стихи и рассказы члены Кружка публиковали в журнале *«Рубеж»*. Сборники стихов выпустили участники Кружка: Фаина Дмитриева («Цветы в конверте», 1940), Григорий Сатовский-Ржевский («Золотые кораблики», 1942), Елена Недельская («У порога», 1940; «Белая роща», 1943). Посмертно вышел сборник стихов юной поэтессы Нины Завадской «Светлое кольцо» (1943). В 1939 в Харбине вышел роман Галины Морозовой «Лана».

Е.П.Таскина

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК ПРИ ХАРБИНСКОМ КОММЕРЧЕСКОМ СОБРАНИИ (1922—1925?). По инициативе комитета старшин Коммерческого собрания в Харбине был создан лите-

ратурно-художественный кружок «для оживления культурной жизни его, путем взаимных литературно-артистических встреч, устройства вечеров, спектаклей, концертов, студий, издания органа печати» (*Новая русская книга*. 1922. № 9. С. 34). 30 июля 1922 состоялось общее собрание членов кружка, на котором было избрано правление в составе председателя М.Э.Гильчера, заместителя председателя Е.Х.Нилуса, казначея А.Л.Гальперина, секретаря Н.П.Орлова, А.Д.Лаврентьева, *С.И.Гусева-Оренбургского*, В.Я.Ротта, Ю.Е.Эльясона, П.Ф.Григорьева, Э.Л.Меттера и Н.И.Сусанина. Впоследствии состав правления менялся, в частности, вместо уехавшего С.И.Гусева-Оренбургского вступил *С.Г.Скиталец*, и дополнился представителями от группы художников Я.Л.Лихоносом и В.А.Фирсовым-Шибаевым. К началу сентября кружок насчитывал около 100 членов — местных литераторов, художников, музыкантов и артистов. Заведующим литературной секцией стал Гусев-Оренбургский, а после его отъезда — Скиталец. Кроме публичных вечеров и спектаклей, по субботам кружок устраивал закрытые вечера. С чтением своих произведений выступали поэты Ф.Камышнюк, Леонид Б. (Л.В.Барташев), Т.Баженова, писатели Гусев-Оренбургский, Николай Орлов; с докладами — проф. Н.В.Устрялов, Л.Кожеуров и др. Один из вечеров был посвящен памяти А.Блока: доклады прочитали Н.В.Устрялов, В.Я.Ротт, Ф.Л.Камышнюк, Гусев-Оренбургский, Скиталец; с декламацией произведений Блока выступили Н.М.Гущин, З.И.Козакова и Н.И.Сусанин. На вечере, посвященном 30-летию творческой деятельности *М.Горького*, с воспоминаниями о Горьком выступил Скиталец. В конце 1922 кружок пополнился бывшими членами *Общества писателей и журналистов в Харбине* и участниками литературной студии, организованной Н.В.Устряловым. Литературная секция кружка издавала печатный орган, в его редколлегию входили М.Э.Гильчер, В.Я.Ротт и С.Г.Скиталец: в марте 1923 вышла в свет первая тетрадь журнала «Сунгарийские вечера», где напечатаны: Ф.Камышнюк «Святая Русь» (стихотворение), С.Скиталец «Судьба Горького», *А.Несмелов* «Еврейка», «Достоевский» (стихотворения), Н.Орлов «Шестая тропа», Н.В.Устрялов «Россия в поэзии Блока», Е.Яшнов «Евгенизм», Л.Кожеуров «Державный бунтарь», проф. Апэль «Америка и поэзия» (см.: Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 62). Вторую тетрадь, в которой, как объявила редакция, должны были быть напечатаны рассказ Б.Пильняка и статья Ф.Кони, не удалось выпустить. См. также: Дяо Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905—1925 гг.) // Россияне в Азии: Лит.-историч. ежегодник. Торонто, 1996. № 3.

Т.И.Бычихина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В НИЦЦЕ. Ницца была вторым по значению центром русского рассеяния во Франции. В 1930 там был организован литературный кружок «Четверг» под председательством писателя Л.Г.Мунштейна (*Лоло*); товарищем председателя был избран О.А.Волжанин, секретарем — Г.Евангулов; в инициативную группу вошли *А.А.Плещеев*, С.И.Таубе, Н.Д.Крачковский и др. Членами кружка были Н.М.Беляев, Е.А.Блинова, К.А.Вогак, Н.Б.Вольская, *Н.Я.Рощин*. На «Четвергах» были прочитаны главы из романов Вольской и Беляева, юмореска Лоло «Милый мальчик», рассказы Крачковского и Рощина, стихи Евангулова, «Воспоминания о встречах с Блоком и Гумилевым» Вогака; Е.Блинова читала свои стихи, миниатюру «Куранты», а также пьесу-сказку «Милитриса Кибирьевна». В первых числах мая 1930 кружком был организован вечер, посвященный *Л.Н.Андрееву*, на котором с воспоминаниями о писателе и чтением его произведений выступил О.Волжанин. Кружком устраивались также музыкальные собрания.

В том же году в Ницце существовало «литературное содружество», членами которого были К.А.Вогак, О.А.Волжанин, Н.Б.Вольская, Г.В.Евангулов, В.О.Квитницкий. На встречах читались и обсуждались стихи и проза членов содружества, новинки текущей периодики (выпуски парижского журнала «*Числа*»), 30 ноября 1930 состоялся вечер, посвященный памяти А.А.Блока (со вступительным словом Евангулова и докладом Вогака о значении поэта в русской литературе). Вечер 13 декабря 1930 был посвящен творчеству Г.Евангулова.

В 1930—1933 проходило еженедельное чтение лекций и докладов на «Литературно-философских беседах». Литературная проблематика была в значительной части посвящена творчеству И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского. 14 октября 1930 *В.Н.Ильин* прочел доклад «Мистицизм в литературе и искусстве (Тургенев и Чайковский)», а 27 сентября 1933 — доклад «Мистика Тургенева: потусторонний рок в творчестве писателя». Профессор Женевского университета С.И.Карцевский выступил с докладами о мировоззрении Ф.М.Достоевского (23 сентября 1930), «Крейцерова соната» Л.Толстого как образец нездоровой литературы» (19 сентября 1933), «Отцы и дети» Тургенева и современный разрыв между поколениями» (24 сентября 1933). Философская часть Бесед носила разнообразный характер: лекции К.А.Вогака «Славянофильство, западничество и новая мысль» (7 октября 1930), Н.В.Цыпкина-Дедушки «Кришнамурти и его учение с литературной, философской, теософической и христианской точки зрения» (21 и 28 октября 1930), доклады В.Н.Ильина «Научно-технический прогресс и последние судьбы человечества» (11 января 1931), «Проблема Дон-Жуана и современный кризис любви» (16 января 1931). Любительские объединения были представлены «Литературно-художественным кружком», «Литературным кружком русской молодежи» под руководством педагога и артистки-любительницы Н.А.Томиловой и «Литературно-музыкально-художественным кружком». Первое объединение было создано в январе 1926, и его первое «утро» было посвящено памяти Л.Н.Толстого. «Литературный кружок русской молодежи» занимался организацией Дней русской культуры, прошедших 28 мая и 19 июня 1932. В их программу вошли доклад директора Народного университета Н.В.Дмитриева «Санкт-Петербург со времен Петра I и до последних дней революции» и спектакль, посвященный А.С.Пушкину. Третий из названных кружков существовал в середине 1930-х. О деятельности этих объединений сохранились лишь отрывочные сведения.

Т.Л.Воронина

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК (Ревель, 1898—1940) — официальное название русского литературного объединения в Ревеле (Таллине), основанного в 1898 местными русскими — любителями словесности и возобновившего свою деятельность в начале 1919, после перерыва, вызванного немецкой оккупацией и событиями гражданской войны. Единственная русская литературная организация в Эстонии, сохранившая прямую преемственную связь с дореволюционной литературной и культурной традицией. В 1920 был принят и официально зарегистрирован новый устав кружка. ЛК был организацией смешанного типа, объединявшей как писателей, так и любителей литературы.

Председателем кружка с 1919 по 1933 был Александр Симонович Пешков (1881—1942), бывший министр Северо-Западного правительства, а с 1928 и директор таллинской русской гимназии. Многолетним секретарем кружка была Мария Ильинична Падва (1876—1951), сумевшая в трудные годы революции и немецкой оккупации сохранить имущество и библиотеку кружка. К началу 1920 в объединении было 96 членов, к концу 1921 — 139, в 1927 — 158, затем число его членов сокращается (в 1932—1933 — 35). Среди активных членов кружка в 1920-е А.А.Баиов, Г.И.Тарасов, *П.М.Пильский*, С.П.Мансырев, В.С.Соколов и др. На заседаниях кружка читались доклады на литературные и общекультурные темы, обсуждались новинки литературы, выступали поэты и прозаики (*И.Северянин*, молодые местные авторы); в кружке устраивались «Литературно-художественные четверги» с музыкальным отделением, проводились литературные конкурсы. Среди докладчиков бывали и эстонские культурные и литературные деятели (режиссер П.Сепп, критик и литературовед Н.Андрезен). В устройстве литературно-музыкальных вечеров принимали участие композитор В.П.Виноградова-Бик, пианист В.М.Падва, эстонская певица М.Корьюс. Деятельность кружка была весьма оживленной в 1920—21, но с 1922 начался затянувшийся период кризиса, преодоленного в конце 1926, когда была разработана программа работы кружка на новый год — «Культура первой четверти XX в.». Сезоны 1926—29 кружок работал успешно, был одним из организаторов проведения в Таллине Дня русского просвещения, своеобразного ежегодного праздника русской культуры в Эстонии. Летом 1927

кружок провел литературный конкурс, в котором приняло участие 20 авторов. Премии были удостоены в области прозы В.А.Никифоров-Волгин и П.М.Иртель, вскоре ставшие ведущими русскоязычными литераторами Эстонии, в области поэзии — И.А.Шефер (рано умерший молодой поэт) и Б.В.Свободин. Современники вспоминали, что в эти годы деятельность кружка была разнообразной, привлекала широкую публику. «Главная же заслуга кружка в том, что ему удалось сообщить всей своей деятельности, всем своим заседаниям и собраниям дух непринужденности, живости, единения и легкости» (*Вести дня.* 1927. 25 мая). Среди докладчиков появились молодые — Н.Е.Андреев (в будущем профессор русской истории в Кембридже) и П.М.Иртель. После очередного вечера молодых поэтов 28 января 1929 решено было создать при ЛК особую секцию поэтического творчества «*Чугунное кольцо*». Она объединила авторов (Н.Рудникова, Г.Тайга, И.Борман, Н.Некрасова-Дудкина, П.Иртель, *Ю.Иваск*, И.Шефер), которые стали проводить свои закрытые собрания с обсуждением произведений членов объединения. Возник как бы кружок в кружке. Однако со второй половины 1929 в деятельности ЛК вновь заметны признаки упадка, число членов сокращается, собрания становятся редкими и малолюдными. И хотя в середине 1930-х можно заметить некоторое оживление — прежде всего благодаря молодежи (П.М.Иртель, *Б.А.Нарциссов*, Ю.П.Иваск, К.К.Гершельман, Е.А.Базилевская), к последней перешло руководство кружком (впрочем, председателем числился художник старшего поколения Н.Ф.Роот) — тем не менее прежний уровень достигнут не был. Все же кружок провел в 1935 новый литературный конкурс, устраивались обсуждения произведений молодых авторов, выпускалась «живая газета» (так называли вечера). Со второй половины 1937 деятельность кружка постепенно затухает. В 1938—1940 он уже почти не подает признаков жизни. После установления советской власти в Эстонии летом 1940 все русские общества и организации были закрыты. Этим формально был положен конец существованию ЛК.

С.Г.Исаков (Эстония)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК ПРИ ОБЩЕСТВЕ «СВЯТОГОР» В НАРВЕ (1927—1928). Нарва, где одну треть населения составляли русские, в 1920—1930-е была одним из центров русской культуры и литературы в Эстонии. Созданное в Нарве в октябре 1927 русское спортивно-просветительное общество «Святогор» стало средоточием культурной жизни русских в городе. В конце 1927 в обществе возникла литературная секция, вскоре превратившаяся в автономный литературный кружок. Во главе его стал журналист и актер С.В.Рацевич (в будущем мемуарист), важную роль в его деятельности играл прозаик В.А.Никифоров-Волгин, позже заменивший уехавшего Рацевича на посту председателя кружка. 21 декабря 1927 состоялось первое собрание литературной секции, на котором был заслушан доклад А.Дружинина «Философия *Максима Горького*». Подводя итоги первого года работы, один из участников писал: «Литературный кружок ставит своей задачей ознакомление членов с литературой и изучение ее, русской в первую очередь и мировой — вообще. Художественная литература — наиболее верный путь для воспитания в молодежи начал добра, гуманности, свободы, красоты, наиболее действенный толчок к работе над собой и осознанию жизни и своего места в ней. Этот путь, этот толчок и есть то, чего ищет от своей работы кружок. На собраниях кружка читаются доклады, устраиваются суждения о прочитанных произведениях и суждения на предложенную тему» (Л. Итоги нашей работы // Всходы: Лит.-общественная газета спортивно-просветительского об-ва «Святогор» в Нарве. 1928. Дек. С. 2).

Деятельность литературного кружка «Святогор» была особенно оживленной и многообразной в 1928—32. Регулярно устраивались литературные «среды» (позже «четверги»), на которых читались и обсуждались доклады; присутствовало по 40 — 50 человек. В центре внимания кружка в 1928—30 были произведения советских писателей С.Есенина, Б.Пильняка, М.Булгакова, *И.Эренбурга*, *Е.Замятина*, П.Романова и др. Это повышенное внимание в кружке к советской литературе вызывало недовольство части нарвского русского общества, и в октябре 1929 кружку пришлось устроить публичный диспут на тему «Поче-

му мы разбираем советскую литературу?». Однако на собраниях кружка рассматривались и произведения писателей-эмигрантов, а многие члены кружка, в частности его председатель В.Никифоров-Волгин, проявляли живой интерес к религиозно-философским вопросам и участвовали в деятельности религиозно-философского кружка при «Святогоре». Устраивались также литературные суды и диспуты, «вечера личного творчества», на которых выступали поэты и прозаики. Выпускалась «живая газета», в которой участвовали литераторы — члены кружка Л.Акс, Н.Баранов, В.Бухгольц, В.Никифоров-Волгин, Ф.Лебедев, С.Кленский и др. Литературный кружок вместе с драматическим участвовал в регулярно проводившихся для публики «воскресниках», где читался доклад о писателе, декламировались его произведения, исполнялись музыкальные номера, связанные с его жизнью и творчеством, ставились его пьесы. Таких «воскресников» было проведено более ста (сотый «воскресник» состоялся в октябре 1935). В обществе выступали и приезжие писатели — *С.Р.Минцлов*, А.П.Мельников (приват-доцент Тартуского университета, сын писателя А.Мельникова-Печерского) и др.

В 1928 планировался выпуск литературного журнала «Святогор», в котором должны были сотрудничать молодые русские авторы, но этот план не был осуществлен. Литературный кружок выпустил в декабре 1928 один номер газеты «Всходы», в которой были опубликованы произведения членов кружка. Литературный кружок участвовал в проведении Дней русского просвещения, сумел наладить связи с деревней, оказывал помощь сельским кружкам русского Принаровья. В конце 1934 при «Святогоре» организуется «Кружок творческой самодеятельности русской молодежи», который должен был объединить молодых поэтов, прозаиков, музыкантов и художников Нарвы и Принаровья. В состав кружка входили поэты Т.Бух, Д.Ермолов, В.Чижов, прозаики В.Никифоров-Волгин, Б.Подгорский, В.Шмаков, Н.Надпорожский, В.Окснер и др. В его работе принимали участие поэты-любители из принаровских деревень.

В конце 1936 и начале 1937 общество «Святогор» пережило тяжелый кризис и фактически распалось. В конце 1937 — начале 1938 была предпринята попытка возобновить деятельность общества, в том числе и литературного кружка при нем, но это был уже иной, весьма непритязательный кружок. Нарвские поэты и прозаики объединились в новый литературный кружок, созданный в сентябре 1935 при Русском общественном собрании. Позже он получил имя А.С.Пушкина и просуществовал до 1940.

С.Г.Исаков (Эстония)

М

«МЕЧ» (Варшава, 1934. 20 мая. № 1/2 — 1939. 27 августа. № 272) — литературно-политический еженедельник (затем еженедельная газета). Главный редактор в Варшаве — *Д.В.Философов*, главный редактор в Париже — *Д.С.Мережковский*. Редакторы газеты — В.В.Бранд и Г.Г.Соколов.

Передовая редакторская статья «Чего мы хотим» в первом номере журнала связывает его название с евангельским текстом (Мф. 10, 34): «Итак, наш журнал называется «Меч». Не мир, но меч... Мы считаем, что наступило время, когда, воистину, эмиграции надлежит пробудиться, выйти из состояния блаженного успения и тупого прозябания. Иначе эмиграция погибнет, сойдет на нет, потеряет смысл своего существования. Мы призываем ее к возрождению, хотим пробудить ее энергию. Надлежит освободить живые, творческие силы эмиграции во всех областях человеческого делания».

Провозглашая, что журнал отнюдь не партийный, что в нем возможен обмен мнений по различным вопросам, редакция вместе с тем подчеркивала: «По существу журнал будет антикоммунистическим, антиматериалистическим и антимарксистским. Но в эти «анти» должно быть вложено определенное содержание... Нельзя бороться с большевицким режимом, с большевицким ядом старыми домашними средствами. Хотя это и может показаться дерзким, но надо признать, что, не пересмотрев своей идеологии, эмиграция, не сегодня— завтра, должна будет сложить оружие. Опыт слишком убедительно показал, что идеология 19-го века в борьбе с наступившим хаосом — бессильна» (там же).

Мережковский опубликовал программную статью «О гуманизме», в которой показал личину современного, в том числе советского, «гуманизма». Рассматривая историю европейского гуманизма с эпохи Возрождения, Мережковский видит «первородный грех гуманизма» — в его атеизме: «При первом возникновении своем, в эпоху итальянского Возрождения, Гуманизм есть бунт освобождаемого, будто бы, человеческого духа сначала только против внешних церковных форм, а потом и против внутреннего существа христианства. В бунте этом человек утверждается, как нечто абсолютное, против Бога; все под ним, а над ним ничего» (1934. 27 мая).

Опыт последних веков показал, считает Мережковский, что союз гуманизма с атеизмом убийственен для гуманизма. Гуманизм — утверждение абсолютной человеческой личности, не связанной с религией вообще и с христианством в частности. Современными формами антигуманизма являются коммунизм и фашизм. «Как бы ни были различны и даже противоположны друг другу, в исходных точках своих, коммунисты и гитлеровцы, — все они объединяются в последнем выводе: человеку, как «вещи в себе», грош цена; лицо человеческое, личность, есть нечто условное, в классе, в государстве, в нации; человек в обществе — муравей в муравейнике, клетка в организме, атом в материи; почти ничто сегодня, а завтра — ничто совсем» (там же).

В «М» печатались многие писатели, критики, поэты из окружения Мережковских, в частности сотрудники выходившего в Париже журнала «*Новый дом*». Уже в первый год существования журнала в нем помимо Мережковского, *Гиппиус* и Философова печатались из Франции: А.Алферов, *Е.Бакунина*, *В.Злобин*, *В.Мамченко*, *Ю.Мандельштам*, *Г.Раевский*, *П.Ставров*, *Ю.Терапиано*, *Ю.Фельзен*, *С.Шаршун* и др.; из Чехословакии: *А.Бем*, *А.Головина*, *Т.Ратгауз*, *В.Федоров* и др. Одним из постоянных авторов был живший в Варшаве *Л.Гомолицкий*, которому принадлежат обложка и заставка журнала.

Одна из определяющих тем в статьях «М» — свобода творчества. В докладе «Политика и поэзия», прочитанном на вечере «Перекрестка», Гиппиус приводит строки из незадолго перед тем опубликованного письма А.Блока к К.Чуковскому, написанные за два месяца до смерти. Гиппиус говорит: «Свобода — не атрибут поэзии, но

самый ее исток. Если она оторвана от истока — на ней печать смерти, какими бы атрибутами ее насильственно ни снабжали. И не только поэзию убивает эта, советская, «связь» с политикой: она убивает и самих поэтов. Вспомним хотя бы страшное письмо Блока, незадолго до смерти: «Сейчас у меня ни души, ни тела нет... Слопала-таки поганая, гугнивая, родная матушка Россия, как чушка своего поросенка» (1934. 27 мая).

С нескрываемой болью пишет о России Мережковский в статье «Мир или война (О Достоевском)»: «Трудно, почти невозможно сейчас говорить о Достоевском с русскими людьми, со своими, а с чужими, с европейцами — еще труднее, еще невозможнее. Ведь русская литература для нас, потерявших родину, — родина последняя, все, чем Россия была и чем она будет... Русская литература дла нас то же, что для древнего Израила — «Закон и Пророки». Исполнился ли наш «Закон»? Исполнятся ли наши «Пророчества»? Не только говорить об этом с чужими, но и думать наедине с самим собою — все равно, что перевертывать нож в ране» (1934. 17 июня).

На страницах «М» развернулась полемика В.Федорова, Мережковского и Д.Философова. Федоров в статье «Бесшумный расстрел (Мысли об эмигрантской литературе)» (1934. 8 июля) утверждал, что эмигрантский писатель «постоянно и неизменно слышит только замогильные голоса да карканье литературных ворон, свивших себе прочные гнезда в некоторых наших эмигрантских изданиях». При этом Федоров обвинил «наших литературных мортусов» в отрыве от живых истоков русского языка и от вековой русской литературной традиции.

Намек Мережковским был понят, и он в статье о журнале «*Числа*» (1934. 5 авг.), называя выход этого журнала «чудесным явлением настоящей новой русской литературы», мимоходом замечает: «Г.Федоров из Чехословакии напрасно так горько жалуется на безвыходную будто бы судьбу молодых писателей: не беспокойтесь, справятся. Напрасно он также обрушивается на главных давителей, называя их столичной (парижской?) «элитой»».

Действительно, статья Федорова была подписана: «Чехословакия, 8.VI.1934». Однако «В защиту «г. Федорова из Чехословакии» в том же номере еженедельника выступил Д.Философов, посчитавший форму упоминания Федорова в статье Мережковского некорректной: «Особенно это досадно потому, что непроходимой пропасти между тезисами Федорова и Мережковского нет. Через эту пропасть мост имеется».

Полемика продолжалась в следующих номерах еженедельника: Федоров напечатал ответ Мережковскому «Точки над i» (19 авг.), Мережковский и А.Бем выступили в номере от 2 сентября. Обострившийся в связи с этим конфликт «между Парижем и Варшавой» и разное понимание путей развития эмигрантской литературы привели к тому, что с октября 1934 «М» стал выходить в виде еженедельной воскресной газеты под редакцией В.В.Бранда и Г.Г.Соколова. Газета давала обзоры политической и общественной жизни за неделю, обращая особое внимание на события, происходящие как в «зарубежной, так и в подсоветской России».

Последний номер еженедельника (1934. 23 сент. № 19/20) посвящен «Всесоюзному съезду писателей в Москве». Философов в своей статье о советском «неогуманизме» писал, что съезд произвел на эмигрантов тягостное, удручающее впечатление, ибо больно смотреть, как люди унижаются, но еще более тягостно видеть, как унижают себя писатели: «Без конца тянулась эта лживая говорильня, по существу глубоко бесполезная, потому что все было заранее предрешено... Реальное значение имели лишь речи Жданова, Радека и Бухарина... Не будучи писателями, не имея никакого отношения к литературе, к художественному творчеству, они вынесли писателю свое решение, свой «суровый приговор» советской литературе. *Максим Горький* исполнял лишь роль «свадебного генерала»».

Еще более резко о съезде и роли Горького высказался Л.Гомолицкий: «С годами все меньше становится нужным искусство господам положения в СССР. Все больше требуется служения целям, ничего общего с искусством не имеющим. Всесоюзный съезд писателей — тот помост, положенный на живые человеческие тела, на котором, как некогда татары на русских пленных князьях, пирует Максим Горький со всеми своими присными во славу «великого» Сталина».

Одним из постоянных литературных критиков, выступавшим на протяжении всех лет существования «М», был А.Л.Бем, живший в Праге. 39 статей и рецензий, на-

писанных им для еженедельника, собраны и опубликованы в книге: Бем А.Л. Письма о литературе / Отв. редактор Белошевская Л. Прага, 1996. Издание «Писем о литературе» Бема, печатавшихся сначала в 1931—33 в берлинской газете *«Руль»*, а с 1934 в «М», было объявлено в «М» 7 июля 1935, однако книга не вышла, хотя планы эти критик не оставлял до 1939.

Последняя статья, опубликованная Бемом в серии «Письма о литературе», называлась «Русская литература в эмиграции» (1939. 22 янв.). Она предназначалась для чешского энциклопедического словаря, вышедшего в Праге в том же году, и носила информационно-обзорный характер. В предисловии к ней Бем писал: «До сих пор, насколько я знаю, внимание привлекали только те или иные писатели, живущие в эмиграции, чаще всего те, имена которых были известны по своей прошлой дореволюционной литературной деятельности. Литература русской эмиграции в ее совокупности, за единичными исключениями, внимания к себе не привлекала». Среди этих исключений в иностранных изданиях Бем называет статью *В.Ходасевича* «Литература в изгнании», изданную в 1934 в Кракове по-польски в сб.: Z pismiennictwa rosyjskiego i ukraińskiego.

Из молодых писателей, выросших в условиях эмиграции, Бем выделяет *В.Сирина*, который «в своих романах не обращается к воспоминаниям прошлого, а смело берет сюжеты из европейской и эмигрантской современности. Связь с русской традицией у него чувствуется только на большой глубине (Достоевский); в технике же письма, в исключительно тонкой композиции, в детальности описаний и психологической разработке, в сухости и скупости языка Сирин стоит ближе к современному западному роману, в частности к Прусту».

Высокую оценку в статье Бема получает *Цветаева*, о которой он не раз писал в своих «Письмах о литературе»: «Марина Цветаева принадлежит к самым выдающимся поэтам эмиграции, где она занимает приблизительно то же место, как Борис Пастернак в СССР. Так же, как и Пастернак, она в своей поэтической деятельности стоит особняком и вне господствующих течений. Можно назвать только рано погибшего поэта *Н.Гронского* (ум. 1934), посмертный сборник которого «Стихи и поэмы» обнаруживает непосредственную связь с Цветаевой».

Уже в первой своей статье («О прошлом и настоящем»), появившейся в первом номере «М» в 1934, Бем пытается определить смысл и значение эмигрантской литературы: «Нас упорно убеждают, что литература в эмиграции не только не смеет мечтать о новшествах, но и вообще-то жить не имеет оснований... И все же я думаю, что эмигрантская литература при всех трудностях, очень и очень трудных внешних условиях, могла бы сказать свое слово, которое сыграло бы и свою роль в общем ходе русской литературы. Я даже больше скажу, она призвана сказать это свое слово, и в этом призвании весь ее смысл. В чем это призвание, сказать в нескольких строках трудно. Да обыкновенно такие вещи вперед не формулируются, они осуществляются... Художественное выявление правды своего изгнанничества, противопоставление своей правды той системе псевдоценностей, на которой строится жизнь в советской России, — вот смысл эмигрантской литературы».

Еженедельник постоянно обращался к молодой эмигрантской литературе, сумевшей в достаточной мере заявить о себе в 30-е. Однако Бем постоянно упрекал молодых писателей в отсутствии энтузиазма и смелости, которые столь необходимы молодому поколению: «У нас в эмиграции, кажется мне, молодое писательское поколение страдает какой-то дряблостью, отсутствием веры в свою правду, неумением бороться за новые ценности. Оно — как это ни кажется странным — слишком легко подчиняется авторитетам» (там же).

Более того, рассматривая поэзию молодых в журнале «Числа», Бем полагает, что объединяет их стремление своей поэзией больше «сказаться», чем «сказать». «Поэзия для них не активный процесс преобразования мира через собственное его постижение, а только «отдушина» для личных переживаний. Поэтому в круг поэтического переживания втянут очень ограниченный мирок самого автора. В этом смысле, если хотите, их поэзия «интимна». Но за этой интимностью нет «трагичности» или, вернее, трагедийности, даже когда в ней идет речь о смерти и судьбе. Она размягчает, но не поднимает, в ней больше тоски, чем скорби, больше жалости к себе, чем к другим» («Соблазн простоты» // 1934. 22 июля).

Статьей «О двух направлениях современной поэзии» откликнулся Бем на выход 56-й книжки *«Современных записок»*, в которой весь отдел поэзии был посвящен творчеству 18 молодых поэтов. Выбор печатаемых стихотворений, по мнению редакции, «представлен полностью соответствующим объединениям поэтов». Однако, считает Бем, предпринятый опыт публикации не дал желаемого результата, и поясняет: «На призыв «Современных записок» откликнулись далеко не все поэтические группировки (нет, например, совершенно Варшавы и Белграда), а главное — ряд имен, с которыми уже связаны известные представления в области поэзии, вовсе отсутствуют. Из парижан не представлены *А.Ладинский*, *Б.Поплавский*, *Д.Кнут*, из пражан *В.Лебедев*, В.Мансветов. Так что полностью представления о современной молодой поэзии стихотворный отдел последней книжки «Современных записок» не дает» (1935. 13 янв.).

Эмигрантская поэзия была в центре внимания Бема в статьях в «М». Обращаясь к поэме Н.П.Гронского «Белладонна», опубликованной в *«Последних новостях»* (1934. 9 дек.), Бем утверждает: «Правда «белого движения» в его идейном смысле — дело подвига и чести — выражена здесь с такой силой и поэтической убедительностью, которых мы в эмиграции «давно» не слыхали. Говорю давно, потому что было время, когда по этим струнам ударила Цветаева, но она осталась тогда не услышана именно теми, кто должен был к голосу прислушаться» (1935. 10 февр.).

Ко второй годовщине смерти Н.Гронского Бем написал статью о его поэзии, в которой с возмущением писал: «Подлинным позором для эмиграции, с моей точки зрения, является то, что такие поэты, как Марина Цветаева, как Николай Гронский, в поэзии которых с такой силой и художественной убедительностью отразился пафос родины, остаются совершенно одинокими» (1936. 22 нояб.).

В связи с выходом посмертного сборника Б.Поплавского «Снежный час. Стихи 1931—1935», который окончательно убедил, что эмигрантская поэзия потеряла в нем настоящего поэта, Бем говорит о поэтической индивидуальности автора: «По складу своего дарования Б.Поплавский принадлежит к тем поэтам, которые сильны не отдельными стихами, не законченной цельностью отдельных произведений, а всей суммой своего творчества» (1936. 18 окт.). И далее Бем поясняет, что к такому типу поэтов большого напряжения принадлежит А.Блок, который воспринимается скорее как поэт целых «циклов», а не отдельных стихотворений.

Взыскательно анализирует Бем сборники стихов Ю.Терапиано и *Е.Таубер* (1935. 21 апр.), Л.Гомолицкого (1936. 14 июня), В.Мамченко (1936. 25—27 дек.), *Л.Червинской* (1938. 1 мая), варшавские сборники поэзии «Священная лира» (1938. 12 июня), а также вызвавшую его большое неудовольствие антологию эмигрантской поэзии «Якорь» (1936. 5 апр.).

В статье «О стихах *Эмилии Чегринцевой*» Бем характеризует две главные школы в поэзии русского зарубежья: «Если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не отразив в себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Б.Пастернака и М.Цветаевой, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С.Есенина, и через В.Маяковского, и через Б.Пастернака. Это не подражание, а естественный путь развития русской поэзии. Думается мне, именно здесь лежит одно из основных различий между «пражской» и «парижской» школами... Третья линия эмигрантской поэзии ведет к Н.Гумилеву, в традициях которого держится Белград» (1936. 22 марта). В статье «О парижских поэтах» (1937. 4 июля) Бем рассматривает творчество *Г.Иванова*, А.Ладинского и *А.Присмановой*.

Считая Лидию Червинскую «наиболее ярким и, пожалуй, наиболее талантливым представителем «парижского направления» в его молодой части», Бем начинает статью о ее поэзии характерным суждением: «Мне не раз приходилось выступать против так называемого «парижского» направления эмигрантской поэзии. Но никогда я не отрицал талантливости отдельных, наиболее ярких ее представителей. Вопрос шел о направлении, о путях поэзии. Я остаюсь при убеждении, что путь этот глубоко ошибочен, что ведет он неизбежно к тупику, и чем упорнее будут его держаться, тем труднее сторонникам этого направления, при всей их индивидуальной одаренности, найти выход из тупика» (1938. 1 мая).

Меньшее внимание уделял Бем прозе русского зарубежья. Он рецензировал повесть *В.С.Яновского* «Любовь вторая» (1935. 29 сент.), похвалил художественную наблюдательность и исключительную свежесть русского языка Василия Федорова, выпустившего первую часть романа «Канареечное счастье» (1938. 3 апр.). Книга Г.Иванова «Распад атома» произвела на критика «тягостное впечатление», а о книге *М.Агеева* «Роман с кокаином» он заметил: «Роман М.Агеева, несмотря на несомненную талантливость автора, с трудом дочитываешь до конца, так как уже с первых страниц знаешь, что перед тобой клинический случай, который в итоге может привести лишь к постановке диагноза болезни, но не в состоянии дать никакого художественного разрешения» (1938. 7 авг.).

Неприязненное отношение вызвали у Бема две книги альманаха «Круг», появившиеся в 1936 и 1937. О первом выпуске этого сборника он отозвался решительно: «Всем своим содержанием «Круг» еще раз с большой наглядностью показал, что «парижское» направление эмигрантской литературы находится вне жизни, что оно задыхается в атмосфере монпарнасской кружковщины» (1936. 20 сент.). Об авторах второй книги альманаха «Круг» Бем пишет весьма иронически: «Ю.Фельзен почему-то решил, что он уже дорос до того, чтобы делиться с читателем своими «Разрозненными мыслями». Думаю, он смело мог бы еще с этим подождать. Ю.Мандельштам принадлежит к разряду «умных мальчиков», которые считают необходимым поделиться с каждым своими мыслями по поводу прочитанной ими книги. Читать и перечитывать Паскаля Ю.Мандельштаму не возбраняется, но зачем же нам читать «Мысли Мандельштама» (1938. 16 янв.).

Одобрение и поддержку Бема вызвали две книги альманаха «Земля Колумба», вышедшие в Нью-Йорке: «К русско-американской печати мы, европейцы, относились до сих пор с некоторым недоверием. Две книжки сборника «Земля Колумба», только недавно вышедшие, заставляют не только отказаться от этого недоверия, но и пробуждают надежду, что в Америке создается свой самостоятельный центр русской зарубежной литературы. Правда, программная статья Б.Миклашевского в кн. 1-й обещает больше, чем вышедшие книжки сборника дают... «Мы накануне широкого литературного роста русской Америки и Азии», — пишет Миклашевский... Этому можно только порадоваться. «Земля Колумба» дает право надеяться, что отныне русская Америка войдет равноправным членом в семью русской зарубежной литературы» (1937. 11 апр.).

Литературная критика и публицистика эмиграции обсуждалась в нескольких статьях Бема в «М». «Почти розановские» размышления *Г.Адамовича* в его «Комментариях» вызвали полусочувственную статью Бема «Исповедь «героя нашего времени» (1935. 21 июля). Зато в резкой полемике со статьей *Г.Газданова* «О молодой эмигрантской литературе» (СЗ. 1936. № 60) Бем не приемлет основной тезис Газданова, будто молодая эмигрантская литература не существует, что она наша выдумка, миф, а не реальность. «В эмиграции, по его мнению, есть «молодые писатели-труженики», но «за шестнадцать лет пребывания за границей не появилось ни одного сколько-нибудь крупного молодого писателя». Самому Газданову приходится считаться с одним исключением — с В.Сириным. Правда, он его выделяет как-то очень сложно из «эмигрантской литературы». Но доказать, что «к молодой эмигрантской литературе Сирин не имеет никакого отношения», Г.Газданову так и не удается» (1936. 3 мая).

В статье ««Столица» и «провинция»», написанной в связи с выходом в Шанхае первой книжки нового эмигрантского журнала *«Русские записки»*, Бем выступает против «определяющей» роли Парижа в русском зарубежье. «В какой мере русский литературный Париж имеет право претендовать на гегемонию в литературе только потому, что он находится в Париже? — вопрошает Бем. — А что если русский литературный Париж вовсе не «столица», а такая же «провинция», как и все остальные центры русского рассеяния? Разве это допущение так уж невероятно? Во всяком случае, черты провинциализма, правда, особого «столичного провинциализма», для русского литературного Парижа весьма и весьма характерны» (1937. 10 окт.). Однако Бем признает, что спор в такой плоскости совершенно бесплоден. Место пребывания хотя и играет определенную роль, но главное в общих чертах, обусловленных тем, что перед нами литература эмиграции.

В декабре 1934 Бем напечатал в «М» три статьи «О Съезде советских писателей», рисуя обстановку в советской России перед съездом и роль М.Горького, ставшего «знаменем литературной реакции». «Слово Горького стало в России правительственной программой, которой должны безусловно следовать. Вот это-то обстоятельство и делает роль Горького столь тягостной в советской России. И сам Горький, очевидно, не желает этого понять» (1934. 9 дек.). В новый Союз писателей, созданный Горьким, из 1500 московских писателей было принято около 500. В более тяжелой обстановке проходили выборы в новый Союз в национальных республиках, где проходил настоящий разгром писательских организаций. Борьба против писателей, заподозренных и националистическом уклоне, была беспощадна. На Украине были исключены все, кого так или иначе заподозрили в «скрыпниковщине». После убийства Кирова от лозунгов съезда вообще мало что осталось. «Вместо призыва к «гуманизму» прозвучал призыв Максима Горького к «беспощадному истреблению» врагов» (1935. 24 марта). Именно на этом фоне впервые в истории мировой литературы определенное литературное направление («соц. реализм») оказалось декретированным властью, как обязательное для всей литературы.

Проходивший в Париже 21—25 июня 1935 Конгресс писателей в защиту культуры стал темой большой статьи Бема «Похищение Европы». Уже на Съезде советских писателей возникала тема «гуманизма», так плохо вяжущаяся с советской действительностью. Теперь один из членов советской делегации пошел дальше: Н.Тихонов заявил, что «революция бережет человека». На конгрессе обличался фашизм, изгнавший из Германии ученых с мировым именем и поставивший на их место безграмотных чинуш из фашистского аппарата. «И это говорится в Париже, — замечает Бем, — центре русской эмиграции, насчитывающей, вероятно, не меньше ученых с мировым именем, чем эмиграция германская... Германская эмиграция — жертва фашистского варварства; русская эмиграция — свидетельство «роста культуры и стремления советской власти к знанию и искусству» (Дневник съезда // ЛГ. 1935. 30 июня). К такого рода изворотам человеческого ума нам не привыкать. Только расплачиваться за них придется тяжело!» (1935. 8 сент.). С восхвалением Советского Союза на конгрессе выступили Р.Роллан, А.Жид, Г.Манн и другие, однако представителям авангарда — А.Бретону, В.Незвалу, Б.Пере и др. президиум конгресса отказался предоставить слово, а советская печать писала в привычных тонах: «Отребья троцкистской контрреволюции попытались использовать трибуну конгресса для обычной антисоветской клеветы, для предательских поклепов на Страну Советов» (там же).

Последним выступлением Бема в «М» о советской литературе был отклик на речь А.Фадеева в Праге 22 июня 1938 о советской литературе. Главной мыслью Фадеева было «презрительное отношение ко всякому «формализму» в искусстве, ко всему, что не отвечает требованию понятности и доступности, — вспоминал Бем. — Здесь чувствовалось и личное убеждение, и даже известный пафос. Было видно, что именно такое понимание задач искусства отвечает его собственной художественной практике. «Форма, доступная миллионам читателей», — вот основной критерий художественности для Фадеева. Он не понимал, что, призывая европейскую литературу вступить на этот путь, он ее приглашал в приготовительный класс, из которого она давно вышла» (1938. 10 июля).

А.Бем отмечает провал широко задуманной затеи советских чиновников от литературы объединить передовую европейскую литературу под руководством Москвы. После выхода книги Андре Жида «Возвращение из СССР» (1936) писателя объявили «троцкистским прихвостнем». Немногие, как Ромен Роллан, «безоговорочно пошли на поводу советских идеологов нового гуманизма, и их казенное славословие уже никого не удивляет и ни на кого не оказывает воздействия» (там же).

Вместе с тем Бем пишет: «Столь простая истина, что нельзя защищать идею свободы в союзе с величайшими ее поработителями, как-то не укладывается в головы европейской левой интеллигенции... Это та «левая» европейская интеллигенция, которая все еще не изжила веры в СССР как обетованную страну новой социальной правды и которую, очевидно, сможет научить только собственный опыт» (там же). Действительно, через год, в августе 1939 эта «левая»

интеллигенция убедилась в справедливости слов Бема, но к тому времени «М» уже перестал выходить.

А.Н.Николюкин

«МИР И ИСКУССТВО» (Париж, 1930. № 1. 15 апреля — № 16. 15 декабря; 1931. № 1. 1 января — № 15. 1 октября) — литературно-театрально-художественный иллюстрированный журнал, выходивший 1 и 15 каждого месяца (с середины 1931 — 1 раз в месяц). Издателем с № 10 за 1930 выступила французская фирма «Omnia-Paris-Publicité». Основатель и редактор журнала, писатель-юморист Анатолий Вершховский, дебютировал в печати на рубеже 1910-х — 1920-х. Его первый сборник «Смех в сумерках» (Кишинев, 1921), составленный из рассказов и фельетонов о «жизни и быте гражданской войны и революции», вызвал негативную реакцию в эмигрантской критике. П.Н.Милюков назвал книгу «поистине возмутительной» и классифицировал ее как образец «новой «литературы» молодых биллиардных маркеров или кафешантанных администраторов»: «В гражданской войне родились новые «писатели», — и нет меры, нет удержа этому развязному построчному хулиганству, для которого кровь и страх лишь веселенький сюжетец для безграмотной и бессовестной макулатуры» (М. Юмор висельника // ПН. 1921. 9 июля). В 1923 Вершховский возглавлял не снискавшую особой популярности газету «Берлинские новости» (№ 1—27). В 1931, после закрытия «МиИ» выпускал в Париже журнал «*Мир и творчество*», с № 2 переименованный в «Мир творчества» (№ 1—2; издатели Б.В.Домбровский, И.С.Зон). В 1932 опубликовал в Париже свою вторую книгу — «Юмористические рассказы».

«МиИ», согласно объявлению о подписке, помещенному в № 1 за 1930, включает четыре отдела: театр, музыка, кино, беллетристика. С № 2 печатались также обзоры художественных выставок, с № 3 — отзывы о книгах. Подробнее всего освещались события музыкально-театральной жизни русского Парижа, эпизодически появлялись театральные корреспонденции из Белграда, Берлина, Вены, Кишинева и отклики на происходившее в советском искусстве. Большинство серьезных материалов об опере, балете и симфонической музыке принадлежало перу критика В.Г.Вальтера; особого внимания заслуживает серия его статей о спектаклях Русской оперы, которая весной 1930 открыла свой первый сезон в театре Елисейских полей. Поначалу заметным было и участие В.Я.Светлова, автора очерка о А.П.Павловой (1930. № 1) и размышлений о причинах непонимания французами творчества П.И.Чайковского (1930. № 2). Яркие и спорные работы *Н.Н.Евреинова* «Театр без вывески (Введение в феноменологию театра)» и ««Руслан и Люмила» — солнечный миф. (О фольклорном принципе постановки оперы М.И.Глинки)» были опубликованы в № 1 и 2 за 1930. О репертуаре драматических трупп, в том числе о пьесах *А.В.Амфитеатрова* (1930. № 13) и *А.М.Ренникова* (1930. № 4), регулярно писала Л.Часинг (Чассинг, Л.В.Часовникова). Интервью со знаменитостями — Н.Н.Евреиновым (1930. № 11), Н.В.Плевицкой (1930. № 13), М.А.Чеховым (1930. № 13), руководителями Русской оперы (1930. № 1) — готовил А.А.Вершховский. Он же был автором шуточных куплетов на околотеатральные темы и мелких заметок, объединявшихся под рубрикой «Мысли вслух».

Ведущий сотрудник отдела изобразительного искусства Л.И.Львов из номера в номер обозревал экспозиции крупнейших парижских салонов и представлял русских мастеров — *Ю.П.Анненкова*, А.Н.Бенуа, И.Я.Билибина, *Б.Д.Григорьева*, З.Е.Серебрякову, К.А.Сомова, К.А.Терешковича, А.Е.Яковлева — в связи с открытием их персональных выставок (серия статей под заглавием «Среди художников»). Из других выступлений Львова выделяется отклик на «Песнь Русской Славы» *К.Д.Бальмонта* — «несколько совершенно исключительных и замечательных страниц», «золотым пером» вписанных «в заветную книгу» родной поэзии («Malgré tout. «Слово о полку Игореве» К.Бальмонта и Д.Стеллецкого» // 1930. № 10. С. 6). *Н.Н.Брешко-Брешковский* выступил с этюдами о «кремлевском лейб-портретисте» И.И.Бродском и о его антиподе Альберте Н.Бенуа (1930. № 3. С. 14). В.Ф.Зеелер назвал И.Е.Репина «гордостью России» («О чудесном старике» // 1930. № 4. С. 6), а *Б.А.Лазаревский* — «Толстым от живописи» («Что вспомнилось» // 1930. № 12. С. 7). Л.И.Львов отозвался на его

кончину некрологом (1930. № 12) и биографическим очерком «Репин за границей» (1930. № 13).

Регулярно печатались рассказы, очерки, зарисовки Б.А.Лазаревского («Синяя шубка», «Renée», «На пляже»), *И.С.Лукаша* («Чембары», «Невероятные приключения барона Мюнхаузена», «Сны Петра Первого», «Гомункулус Мельхиора Краузе»), *С.Р.Минцлова* («Царство Пантикапейское», «Заколдованное царство», «Слово»), М.А.Струве («Деревянная ложка», «Счастье Белянкиных», «Господин Габриэль», «Снежная пыль»), П.Сухова («Голос крови», «Орден», «Быль»). В каждом номере появлялись фельетоны и сценки А.А.Вершховского. На несколько месяцев растянулась публикация комедии *И.Д.Сургучева* «Торговый дом» (1930. № 1—8). С осени 1930 редакция начала активно привлекать к сотрудничеству писателей «младшего поколения» — *Г.И.Газданова* («Пленник»), *А.П.Ладинского* («Будильник», «Приключение в Нормандии»), *Н.Я.Рощина* («Париж»). «Дамская проза» была представлена именами А.А.Кашиной (жены Евреинова) и Л.Часинг, поэзия — В.Клименко. Под рубрикой «Советская беллетристика» помещались произведения Артема Веселого, А.С.Грина, Г.Е.Рыклина.

Публиковались материалы мемуарного плана: впечатления барона Н.В.Дризена от встреч с А.Н.Апухтиным, Я.П.Полонским и С.В.Андреевским, объединенные в цикл «Литературных силуэтов» (1930. № 1, 5); фрагменты из «Догоревших огней» князя *В.В.Барятинского* (1930. № 6, 9, 13; 1931. № 6, 15); серия публикаций бывшего «нововременца» Баяна (И.И.Колышко): очерки о В.М.Дорошевиче и других деятелях русской журналистики начала XX в. под общим названием «Киты прошлого» (1930. № 14, 16), автобиографический рассказ «Как я ставил свои пьесы» (1930. № 7, 8), записки о Е.Н.Рощиной-Инсаровой (1930. № 3); воспоминания О.С.Волжанина (Израельсона) о знакомстве с юным *Л.Н.Андреевым* (1930. № 7) и *А.А.Плещеева* о последних днях жизни А.И.Южина (1930. № 8); военные анекдоты В.Я.Светлова (1930. № 4). *А.И.Куприна* в связи с 40-летним юбилеем творческой деятельности приветствовал Б.А.Лазаревский, сообщивший несколько эпизодов из биографии писателя и рассмотревший их под довольно неожиданным углом: по мнению Лазаревского, Куприн обладал неким сверхъестественным чутьем, что позволяло ему безошибочно угадывать будущее даже малознакомых людей (1930. № 10). К пушкинским дням 1930 редакция перепечатала выдержки из речи В.А.Маклакова «А.С.Пушкин и русская культура» (1930. № 4); его же статьей было отмечено 20-летие смерти Л.Н.Толстого (1930. № 15). Среди историко-литературных очерков — О.А.Волжанин «Чехов в Ницце» (1930. № 11) и К.К.Парчевский «Грибоедов-музыкант» (1930. № 5).

Первой литературно-критической публикацией журнала стала заметка В.Я.Светлова: ««Дикая дивизия» и ее автор». Рецензент оценивал книгу Н.Н.Брешко-Брешковского прежде всего с точки зрения исторической достоверности: «Эта своеобразная туземная конница... давно ждала своего романиста... Я очень рад, что за этот роман взялся Брешковский, который сумел почувствовать всю экзотику и проникнуть в психологию наших доблестных дикарей. Как офицер этой дивизии, я отношусь к автору с чувством понятной признательности. Будущий читатель составит себе по его роману ясное представление о быте и подвижниках этой, увы, уже несуществующей конницы, о ее, тоже увы и не по ее вине не удавшейся, роли в подавлении большевицкого бунта. С живым, захватывающим интересом читается эта книга» (1930. № 3. С. 13). Краткие отзывы о новинках художественной литературы помещались под рубрикой «Книжная полка» («Книга», «Среди книг»). В 1930 А.А. (А.А.Вершховский?) отрецензировал «занятный», «не претендующий на чрезмерную глубину» роман С.Комарова «Вечный танец» (1930. № 6. С. 16) и «пестрый» сборник рассказов Б.А.Лазаревского «Лиза», дающий возможность убедиться, что пейзажи получаются у автора лучше, чем портреты (1930. № 14. С. 22). Аноним оценил «Жидкое золото» как одно из «самых интересных» сочинений Н.Н.Брешко-Брешковского (1930. № 10. С. 20). И.Иванов откликнулся на подкупающий «своей искренностью» роман А.А.Кашиной «Хочу зачать» (1930. № 14. С. 22). В 1931 критики «МиИ» сосредоточили свое внимание на произведениях молодых писателей. Были отмечены два поэтических сборника — «Черное и голубое» А.П.Ладинского (1931. № 3; подпись: Читатель) и «Флаги» *Б.Ю.Поплавского* (1931.

№ 9; подпись: А.). С разбором книги рассказов Н.Я.Рощина «Журавли» (1931. № 9), романов П.П.Тутковского «Когда на Монмартре гаснут огни» (1931. № 12), *Н.Н.Берберовой* «Последние и первые» и А.Таль «Николай Колобов» (1931. № 13) выступила Л.Чассинг. Вершховский восторженно отозвался о теоретической работе Н.Н.Евреинова «Театр в жизни» (1930. № 4; подпись: А.В.), а В.Вальтер дал анализ современных проблем изучения творчества «русского Вагнера» — Н.А.Римского-Корсакова (1930. № 14). С № 10 за 1930 в журнале публиковались «Заметки читателя» Аполлинария Светловзорова (по-видимому, псевдоним Вершховского) с язвительными комментариями по литературным поводам. В числе прочих его нападкам подверглись Н.Н.Берберова, Я.М.Цвибак (*А.Седых*) (1930. № 11), *В.А.Смоленский, Л.Д.Червинская, В.С.Яновский* и редакция «*Чисел*» (1930. № 12), а также советский прозаик Е.Д.Зозуля (1930. № 10). Рубрику «Экран», включавшую обзоры новых фильмов и статьи по проблемам, связанным с кинопроизводством, вел О.Блажевич.

В качестве иллюстративного материала использовались фотографии артистов, музыкантов, театральных деятелей, писателей — Н.Н.Брешко-Брешковского, *А.Н.Вертинского*, Н.Н.Евреинова, Д.Н.Кировой, Б.Князева, Н.П.Кошиц, А.И.Куприна, Б.А.Лазаревского, А.П.Павловой, Н.В.Плевицкой, С.В.Рахманинова, И.Д.Сургучева, А.А.Церетели, А.Черкасского, М.Б.Черкасской, Ф.И.Шаляпина. Воспроизводились кадры из кинофильмов, эскизы декораций к оперным и балетным спектаклям (А.Н.Бенуа, И.Я.Билибин, Б.К.Билинский), работы русских живописцев и скульпторов, экспонировавшиеся в парижских галереях и салонах.

Е.Г.Домогацкая

«МИР И ТВОРЧЕСТВО» (Париж, 1931. № 1—2. Ноябрь—декабрь). Журнал, по замыслу редактора А.А.Вершховского, должен был стать «правопреемником» другого редактировавшегося им издания — «*Мир и искусство*», который к тому моменту прекратил существование. Вышедший при поддержке издателей Б.В.Домбровского и И.С.Зона, новый журнал сохранил общую концепцию своего предшественника, включив в себя обзоры и анализ культурной жизни русского зарубежья в разных областях культуры — от театра и живописи до кинематографа. Сохранился и привычный круг авторов: первый номер включал в себя рассказы А.Вершховского «Кордон-Сильву-пле!..» и кн. *В.Барятинского* «Самородок», а также статью *Н.Евреинова* «Кинотовар как парадокс». Среди других литературных произведений — рассказ *М.Алданова* «Бетховен в зверинце» (открывавший издание) и П.Тутковского «Встреча», начало (с продолжением в следующем номере) рассказа П.Сухова «Лишний», а также воспоминания *С.Минцлова* «Записки эмигранта» о его дореволюционных столкновениях с цензурой. Стремясь с первого же номера привлечь к изданию интерес читателя, редакция объявила конкурс на «самый талантливый рассказ из русской эмиграционной жизни», а также с 19 ноября была намерена организовывать свои «четверги», программа которых была «составлена из артистов, имена которых известны всему Парижу. Скетчи, веселые выдумки, конкурсы, музыкальные неожиданности, все это рассчитано на избранное русское и иностранное общество» (с. 20). Однако рекламная стратегия не принесла успеха изданию, и «Мир и творчество» разделил судьбу своего предшественника.

М.Г.Павловец

«МОЛВА» (Варшава, 1932. 6 апреля. № 1 — 1934. 31 января. № 545) — ежедневная политическая и литературная газета. Прекратившая 5 апреля 1932 свое издание газета «*За Свободу!*» была преобразована в ежедневную газету «Молва», кресло главного редактора в которой занял один из членов ее редакции *Д.В.Философов*. В редакционный комитет нового издания вошли также В.В.Бранд, Е.С.Вебер-Хирьякова, С.Л.Войцеховский и Г.Г.Соколов; двое последних вместе с А.И.Федоровым составили саму редакцию газеты. В подписной рекламе указывалось, что «задача газеты: борьба с большевизмом, объективное освещение подсоветской и эмигрантской действительности, полная и всесторонняя информация о положении церкви и о жизни русских в Польше». Как редкие примеры прорыва сквозь идеологические барьеры правды об истинном положении

трудящихся в СССР печатались фрагменты романов Л.Леонова «Скутаревский», К.Федина «Большие дни» и Ф.Гладкова «Энергия»; с ироническим комментарием — «Время, вперед» В.Катаева, «Великий или Тихий» В.Лидина. Под шапкой «Советский рассказ» появлялись сатирические произведения М.Зощенко, И.Ильфа и Е.Петрова.

Заметно стремление авторов газеты разрушить ощущение некоего «провинциализма», культурной дистанции между эмигрантской Варшавой и Парижем: редакция не только перепечатывала материалы из парижских изданий, но и не боялась иметь «особое мнение» в литературной борьбе. В анонимной заметке «Обзор печати. Эмигрантская полемика» (1933. 28 мая) были «исхлестаны» *«Последние новости»*, в пылу полемики назвавшие *«Возрождение»* «органом русской национально-социалистической мысли». В «М» этот выпад был охарактеризован как «вонючая инсинуация исподтишка» в тот момент, когда и без того «Возрождение» подвергается во Франции жесточайшей травле и уже всерьез на достаточно высоком уровне поднимается вопрос о закрытии издания. На статьи *Г.Иванова* «О новых русских людях» и *Ю.Терапиано* «Человек 30-х годов» (*Числа*. № 7—8) очерком «О новых русских людях» (1938. 22 янв.) откликнулась Е.Вебер. Д.Философов («Содержание и форма» // 1933. 23 июня) выступил арбитром в полемике *З.Гиппиус* («Числа») и *В.Ходасевича* («Возрождение»). Регулярно в газете публикуются обзоры очередных номеров эмигрантской периодики, чаще других — обзоры «Часового», *«За Россию»*, *«Современных записок»* и «Чисел». После присуждения *И.Бунину* Нобелевской премии в газете периодически печатались материалы жизни и творчества великого современника, в основном взятые из других эмигрантских изданий, отчет о событиях, предшествовавших и сопутствующих награждению. А.М.Хирьяков выступил со статьей о лирике И.Бунина «Душа поэта» (1934. 4, 5 янв.).

Одним из постоянных авторов «М» стала 22-летняя Н.Н.Новаковская, дочь русского моряка, осевшая в Бейруте. В газете появляются отрывки из ее исторических произведений: из романа «О Героях и Богах», посвященного «безуспешной борьбе последнего персидского царя Дария III Кодомана с Александром Македонским» (1933. 24, 27 и 29 сент.), а также очерк о Бейруте «В гостях у Адониса» (1933. 3 сент.); начата была публикация романа «После креста» (1933. 10 дек.), оставшаяся незаконченной. В ноябрьских номерах 1932 печатается рассказ В.К.Михайлова «Павел Гонта», а в 1933 с 13 авг. по 3 сент. — повесть «Приезд Твердохлебова». А.Луганов, один из ведущих критиков «М», в статье «Самопознание», разбирая эти произведения писателя, заметил, что «его герои — люди сегодняшнего дня, сегодняшнего безвременья, впитавшие в себя все яды повоенного времени» (1933. 17 сент.).

Печаталась проза *В.Г.Федорова* (рассказ «Мертвая голова» из сб. «Прекрасная Эсмеральда» // 1933. 15 окт.), рассказы *П.Булыгина*, А.Домбровского, В.Бранда, В.Ф.Клементьева; повесть последнего «Отец Иоанн» (1933. 21 сент. — 6 окт.), разобранная *Л.Гомолицким* в статье «К тихому пристанищу Твоему...» (1933. 29 окт.), и «Последнее испытание: (Из пережитого)» — воспоминания о пребывании в застенках ЧК (1933. 26 окт.). Мемуарам уделяется немало места на страницах газеты. С подзаголовком «Из воспоминаний белого матроса» печатались мемуары В.Косичева; в номере, посвященном 70-летию беллетриста и журналиста А.М.Хирьякова (1933. 13 авг.), опубликовано приветствие Д.Философова. Среди авторов, выступивших на страницах газеты с фрагментами их мемуаров, В.Бранд, кн. *С.Волконский*, В.Н.Коковцев и др.

Поэзия в «М» представлена именами И.Бунина, З.Гиппиус, Л.Гомолицкого, *А.Кондратьева* (цикл его стихов «Из славянской мифологии» // 1933. 22 янв., 26 марта, 10 мая и др.), *Ю.Мандельштама*, *В.Смоленского*, *А.Головиной*, В.Лебедевой, членов редакции С.Л.Войцеховского и В.В.Бранда. Выступают на страницах «М» поэты и с критическими статьями. В очерке «О новой поэзии» (1933. 19 февр.) Ю.Мандельштам объединяет творчество *А.Ладинского*, *Д.Кнута*, Ю.Терапиано, *Ю.Софиева* и *Н.Берберовой*, отметив, что общим для их лирики является «ощущение катастрофичности и неслучайности того, что происходило с миром, с Россией», и «отношение к жизни и смерти, и к страданиям как к «некоему сужденному нам опыту». В статье «О любви к стиху» (1933. 20 авг.) Мандельштам размышляет о поэтическом мастерстве: поводом тому послужил

разбор вышедших сборников поэтов-дилетантов Н.Войтенкова и Д.Любищева. Статья Ю.Мандельштама «Рождение поэта» (1933. 15 окт.), посвященная сборнику Б.Пастернака «Второе рождение», — одна из лучших, появившихся о нем в русском зарубежье. «Раньше самые блестящие построения Пастернака оставались какими-то фокусами и за самыми крепко сделанными строфами угадывался хаос, — пишет критик. — Это был хаос той стихии, которая несла стихи Пастернака и которую он теперь укротил и заставил служить некой тайной цели, как заставляет служить ее каждый подлинный поэт». Со статьей о творчестве С.Барта выступил Л.Гомолицкий («Смерть с голубыми глазами» // 1933. 9 апр.): «Главная тема поэзии С.Барта — смерть»; «Жизнь по С.Барту — игрушка неумолимого жестокого рока». Л.Гомолицкий отметил также пластичность и своеобразие ритма стихов поэта. Многие критические статьи, публиковавшиеся в «М» (в том числе и статья Гомолицкого), представляли собой доклады, прочитанные их авторами в Литературном содружестве, первоначально являвшемся Литературной секцией *Союза русских писателей и журналистов в Польше*.

А.Палицын дал одобрительный отзыв о творчестве Л.Леонова и Ф.Гладкова в статье «Очередные задачи советской литературы» (1933. 1 апр.); позже критический, но доброжелательный отклик эти писатели нашли и в очерке А.Луганова «Эпоха чудес» (1933. 23 апр.). А.Федоров в рецензии на постановку пьесы *А.Толстого* и П.Щеголева «Азеф» (1933. 2 марта) отметил, что она «никакого отношения к литературе, даже самой посредственной, не имеет. Это «коллективное творчество» является самым типичным репортажем». Р.Дельмар с симпатией написал в статье «Тих ли Дон?» (1933. 2 апр.) о романе М.Шолохова «Поднятая целина», а в «Большевиках и казаках» (1933. 9 июля) — о третьей книге «Тихого Дона». Отмечен им и новый роман В.Вересаева «Сестры» («Комсомолки» // 1933. 27 июля).

Критики «М» много внимания уделяли новым именам в литературе: Луганов в статье «Книга о любви» (1933. 1 янв.) одобрительно отзывается о романе *Ю.Фельзена* «Счастье», вслед за другими критиками отмечая, что особенностью романа является «лермонтовско-прустовская форма произведения». В.Байкин в статье «Тело» дал негативную оценку одноименному роману *Е.Бакуниной*: «На 15—16 страницах введения собрано столько мрака и столько нечистот, что с отвращением спрашиваешь себя: к чему автору понадобилось собрать такое количество нечистот воедино?» Луганов выступает со статьей «Довид Кнут»: по мнению критика, «великая пленительность поэта в его «братской» связанности с миром, с человеком, которого он любит, как любит землю и жизнь» (1933. 18 июня).

А.Бем в письмах «О советской литературе» одним из первых выдвинул тезис о единстве литературы русской эмиграции и советской России. «Советская литература должна быть нами воспринимаема как литература русская, как органически связанная со всем нашим литературным прошлым. Говорить о «советской» литературе значит говорить о русской литературе в пределах советской России» («Письмо первое» // 1933. 22 окт.). Отметив низкий формальный уровень произведений советских авторов по сравнению с западным, узость их кругозора и отсутствие для писателя в России духовной свободы («Письмо второе» // 1933. 12 нояб.), критик замечает, что «наперекор, казалось бы, всем внешним условиям, в какие она поставлена, советская литература обладает известной притягательностью. Жизненную правду — вот что сохраняет в себе советская литература и вот чего, надо в этом сознаться, часто не хватает литературе эмигрантской» («Письмо третье» // 1933. 26 нояб.). Бем резюмирует: «При всем падении литературы сейчас, остается надежда, что при первых лучах свободы слова и личности начнется новый литературный подъем. Тогда наступит и соединение двух сейчас разъединенных частей русской литературы. Произойдет встреча литературной культуры и литературной правды, временно разошедшихся» (там же).

В статье «Правда прошлого» (1933. 20 авг.) Бем писал о двух значительнейших художниках русского зарубежья: «*Ремизов* и *Цветаева* едва ли не самые крупные явления нашей эмигрантской литературы; да по совести к ним и неприменима этикетка «эмигрантская» литература. Они явление литературы русской во всем ее непреходящем значении. И это прежде всего потому, что оба они связаны с русской литератур-

ной традицией». Задачу по сохранению и распространению русской литературы Бем возлагает на литературную критику, однако, продолжая мысль В.Ходасевича о разрыве между писателем и читателем, замечает, что и «между критиком и читателем легла настоящая пропасть» («Кто виноват?» // 1933. 2 авг.). Бем уверен, что «литературная критика только тогда имеет смысл, когда она является критикой руководящей», и именно литература эмиграции в союзе с критикой должна взять на себя роль сохранения традиций русского классического наследия, поскольку «как ни относиться к отдельным явлениям эмигрантской литературы — в данный момент она по своему уровню, чисто литературному, несравненно выше того, что появляется в литературе советской».

Главный редактор издания Д.В.Философов почти в каждом номере выступал с политическими и культурными обзорами и анализами, репликами «по поводу...» и юбилейными (или памятными) статьями. Нерегулярно, но довольно часто по воскресеньям печатались его эссе под шапкой «Воскресные беседы», в которых главный редактор «М» размышлял по проблемам литературы и искусства. В одном из таких очерков 19 декабря 1933 Философов выступил со ставшим широко известным предложением об учреждении «Литературной Академии русского зарубежья», вызвавшим широкий резонанс в кругах русской эмиграции. Поводом для разговора на эту тему послужили выход специального номера польского журнала «Wiadomosči Literackich» (1933. 29 окт.), посвященного советской литературе, и опубликованная в нем статья Карла Радека «Культура нарождающегося социализма», в которой тот заявил об отсутствии литературы русской эмиграции как явления культуры. Статья вызвала поток опровержений (Гомолицкий Л. Русский писатель в СССР и в изгнании. 19 нояб.; Философов Д. Иван Бунин и Карл Радек. 12 нояб.; Барт С. Об основном. 19 нояб. и др.); статье Радека было посвящено специальное заседание Литературного содружества 4 ноября. По инициативе редакции писатели прислали в газету справки-отчеты о своей литературной деятельности, опубликованные под рубрикой «Эмигрантские писатели о себе»: К.Чхеидзе (1933. 23—25 дек.), секретарь Союза русских писателей и журналистов Л.Н.Гомолицкий, *М.Алданов*, *К.Д.Бальмонт* (1934. 6 янв.); *Вас.Немирович-Данченко*, *А.В.Амфитеатров* (14 янв.); В.Г.Федоров, *Г.Д.Гребенщиков* (26 янв.); Н.Н.Новаковская (31 янв.) и др.

Газета «М», как и ее предшественница «За Свободу!», из-за материальных трудностей прекратила свое существование; вместо нее в Варшаве стал выходить журнал (впоследствии — газета) *«Меч»*. Место главного редактора нового издания сохранил за собой Философов.

М.Г.Павловец

«МОСКВА» (Чикаго, 1929. № 1. Март — 1931. № 22. Апрель) — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал. Редактор Л.Г.Перцов. Издавался Русским центром в Чикаго. На рубеже 1920—1930-х был единственным в США и Канаде ежемесячником, выходящим на русском языке. С самого начала редакция заявляла о своей политической неангажированности: «Мы не можем быть партийными или нетерпимыми к какому-либо мнению инакомыслящих. Наша политика — посильное служение лучшим устремлениям творческой мысли тех, кто делает какое-либо дело для оздоровления, укрепления и украшения жизни вообще и жизни русских людей в Америке в особенности» («К нашим читателям» // № 1. С. 1). Однако идеология журнала формировалась уже под воздействием американской политической модели. Само имя первопрестольной столицы в заглавии журнала должно было стать символом единства, связи настоящего, прошлого и будущего. Эпиграфом к журналу были взяты чуть измененные строки из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: «Москва, Москва! Как много в этом слове для сердца русского слилось...» Круг постоянных авторов журнала постепенно расширялся. Свои стихи присылали поэты из Чикаго, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Вашингтона. Тесные связи устанавливаются с дальневосточной колонией — прежде всего с харбинской *«Молодой Чураевкой»*. Печатаются *А.Ачаир*, Н.Светлов, Т.Андреева, Н.Резникова, Н.Щеголев, О.Скопиченко, Г.Пин, Л.Гроссе, *Арс.Несмелов*. Все чаще появляются на страницах журнала и корреспонденции из других стран. Среди сотрудников — В.Г.Кожевников (Брно), А.Басюк (Лион,

Париж), С.Витязевский (Львов), С.Гольдштейн (Палестина), З.Сарана (Брюссель), Вит.Минючиц (Гродно), В.Мейер (Канада), К.А.Чхеидзе (Прага), В.Каррик (Осло), О.Авдеев (Париж), Илья Май (Рио-де-Жанейро).

Редакции удалось заручиться поддержкой *Г.Д.Гребенщикова* — самого известного на тот момент из оказавшихся в Америке русских писателей, которого сотрудники журнала называли «духовным отцом «Москвы»» (1929. № 6. С. 24), считали своим «вождем», «учителем жизни теперешнего поколения», «учителем той новой жизни, которая начинается от бездонной пропасти, пролегшей между миросозерцаниями двух последних поколений и ведущей человечество в неведомое грядущее» (Декроа Н. Русский гонец (Об одной настоящей книге) // 1929. № 1. С. 27). Гребенщиков предоставил журналу право первой публикации рассказов «Калики перехожие» (1929. № 1) и «Зерно» (1929. № 3), напечатал отрывки из пятого тома эпопеи «Чураевы» (1930. № 3 (13)) и из лекции о Преподобном Сергии Радонежском (1930. № 4 (14)), литературно-критические заметки о *К.Д.Бальмонте* (1929. № 1) и Н.К.Рерихе (1929. № 8). «В лице этих молодых поэтов мне хотелось приветствовать всех пишущих о возвышенном вообще, — говорилось в статье Гребенщикова о творчестве харбинских «чураевцев»: Н.Алябьева, Т.Андреевой, Г.Копытовой, В.Обухова, Н.Резниковой, Н.Светлова. — Какой-то чувствуется поворот именно к поэзии. От скрежета железного века сего, от бездарной и толкучей распродажности всех старых ценностей, усталые глаза и слух невольно обращаются именно в сторону эпохи Пушкина» (1929. № 10. С. 30). Из других писателей старшего поколения печатались К.Д.Бальмонт и *П.П.Потемкин*, активно сотрудничал *А.М.Ремизов*, опубликовавший очерки «Чудесная Россия: Памяти Льва Толстого» (1929. № 5), «Русская земля» (1929. № 7), нигерские и кабильскую сказки (1931. № 12 (22)), статью о *В.Диксоне* (предисловие к его посмертной книге «Стихи и проза» (Париж, 1930)). Писали в «М» и о Ремизове (рецензии на книги «Взвихренная Русь» и «Оля» // 1929. № 6). Книгу А.Ремизова «Три серпа» (Париж, 1929) *М.Слоним* называл «новым чудесным произведением одного из крупнейших русских писателей, которого нельзя назвать эмигрантским, ибо его значение и влияние далеко переходят пределы зарубежья» (1929. № 9. С. 24). Были опубликованы «мистерия в 3-х картинах» Ю.Братова «Существователи» и отрывок из его поэмы «Во славу грядущего», фантастическая поэма М.Скальдова «Стаканчики», «венок полу-сонетов» Л.Страховского «Нью-Йорк», «Отражения» И.Мая, повесть К.А.Чхеидзе «Голые люди», поэма «Престол веры» Л.Виноградова, легенды В.Каррика, регулярно появлялись басни Н.Сеоева.

В разделе «Из прошлого» публиковались как мемуарные очерки, так и беллетристика. Здесь печатались С.Животовский («Пережитое» // 1929. № 3), В.Н.Унковский («Воспоминания» // 1929. № 5; «Этапы (отрывки из дневника)» // 1929. № 6; «Из прошлого» // 1931. № 12 (22)), А.Жалудский («Шарлатан» // 1929. № 6; «Капитаны и ходи» // 1929. № 7; «Братья-разбойники» // 1929. № 10; «Ошибка молодости» // 1930. № 4 (14)), Арт.Веселовский («Перчатка великой княжны» // 1930. № 5 (15)). Выходили номера, посвященные Дню русской культуры. «Заброшенные на чужбину, страждущие и обездоленные, гонимые и униженные и все же... блюдущие заветы прошлого, мы гордо продолжаем нести знамя нашей Русскости, нашей Культуры, свято веря в то, что настанет же, наконец, тот чудный час, когда мы будем праздновать День Пушкина Дома...» — заявляла редакция в 1929 (№ 4. С. 1). «Противоречия русской жизни — ее культуры и действительности — есть временные противоречия неизбежного исторического кризиса. Это не кризис Культуры и Культурных идеалов русской интеллигентности. Это кризис тех форм жизни России, которые отделяли народ от его культуры, — утверждал Л.Спорыш в статье «День русской культуры». — Разорванная преемственность с прошлым русской культуры будет восстановлена, и Россия вернется к заветам ее культуры и историческим идеалам Русской интеллигенции» (1929. № 4. С. 12). Отдавая дань памяти классикам русской литературы, журналисты выпускают в 1929 «Чеховский» номер (№ 5. Июль), где помимо рассказа А.П.Чехова «Ряженые» были помещены составленная по критико-биографическому очерку А.А.Измайлова биография А.П.Чехова, фрагмент из очерка П.А.Сергеенко «Толстой и Чехов», «по-

смертная статья» *Ю.И.Айхенвальда* «Соловьев и Чехов». В 1930 к 20-й годовщине со дня кончины Л.Н.Толстого публикуется статья «Как умер Толстой» и воспоминания о Толстом *И.А.Бунина*. В 1931 почти все материалы январского номера (№ 11 (21)) были посвящены памяти Ф.М.Достоевского. К 50-летию со дня кончины писателя были опубликованы «неизданный» рассказ Ф.М.Достоевского «Домовой», статьи И.Пригожего «К юбилею Ф.М.Достоевского», Н.Мишеева «Поэма о Фаусте в произведениях Достоевского: Фрагменты», Ю.Братова «Интуитивное пророчество Достоевского», В.Анциферова «Бунт против Достоевского», *Л.Гомолицкого* «Из вечных мыслей Ф.М.Достоевского», Вл.Гриненко «Достоевский в Польше». Среди писателей начала века редакция выделила *Л.Н.Андреева* и В.Я.Брюсова. В № 7 за 1929 поместили биографии Л.Н.Андреева и В.Я.Брюсова, подборку «Русские писатели о Леониде Андрееве», статью Н.Сеоева «В.Я.Брюсов и его творчество», перепечатали воспоминания М.К.Иорданской «Смерть Леонида Андреева». Широко освещалось и 40-летие культурной деятельности Н.К.Рериха (1929. № 8).

Со статьями о русской литературе в журнале выступали Арт.Веселовский («А.С.Грибоедов: К 100-летию со дня смерти» // 1929. № 1), И.Пригожий («Памяти забытого поэта (Семен Григорьевич Фруг)» // 1929. № 10; «Ушедшие: К трагической кончине В.В.Маяковского» // 1930. № 5 (15); «Пушкин в жизни» // 1930. № 8 (18)), Л.Страховский («Листки о Леониде Андрееве» // 1930. № 9 (19)). Н.Ольшанский писал о В.Г.Короленко («Апостол Правды» // 1929. № 10), *Н.А.Рубакин* в статье «История русской революции в лицах: Из современной русской литературы» представлял деятельность издательства политкаторжан в Москве (1929. № 6). Л.Перцов анализировал творчество С.Есенина. Критик считал, что «от бывшего есенинского имажинизма у поэта за несколько лет до кончины не осталось и следа», он «совершенно отказался от былой мишуры» («Памяти настоящего поэта (К годовщине трагической кончины)» // 1930. № 10 (20). С. 16). Старый спор о сущности искусства и предназначении писателя продолжили на страницах «М» Л.Тульпа и Л.Страховский. Первый в статье «Писатель и жизнь» утверждал, что выражение «искусство для искусства» — просто бессмыслица: «Искусство существует только для людей, которые могут его воспринимать, а не для себя» (1930. № 4 (14). С. 11). «Писатель должен отвечать задачам эстетики всегда, задачам же этики тогда, когда это соответствует его духовному укладу, — возражал Л.Страховский. — Миссия писателя — изобразить то, что его возмущает, миссия же читателя — найти в писателе прежде всего человека, подобного ему самому, а задача всякого творчества — передать миру частицу самого творца, безотносительно к ее ценности» («Творчество писателя» // 1930. № 5 (15). С. 16).

Дважды на страницах «М» выступал М.Слоним. Его статья «Что нового в литературе?» (1929. № 7) была посвящена литературе метрополии. Критик выделял основные направления в советской литературе — сатирическое, литературу гражданской войны, психологическое, а также изображение быта. Среди сатирических произведений на первое место Слоним ставил комедию В.Маяковского «Клоп». Из романов о гражданской войне наибольшее внимание привлекал «отличный роман» А.Фадеева «Разгром». «Психологическое направление» Слоним связывал с именами Ю.Олеши («Зависть») и Ю.Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара»). Также в статье разбирались новые произведения П.Романова, *Г.Алексеева*, Л.Сейфуллиной, В.Шишкова и «два самых значительных романа последнего времени, которые, конечно, будут иметь своих читателей и тогда, когда забудутся многие из нынешних модных «однодневок», — «Вор» Л.Леонова и «Братья» К.Федина» (с. 23). В статье «Литературные новинки» Слоним возвращался к вопросу о том, можно ли разделять русскую литературу на две части: на советскую и эмигрантскую? Теперь, с его точки зрения, этот спор можно считать законченным: «Никто не станет оспаривать, что в России живет и развивается богатая и интересная литература и что эмигрантские писатели — лишь незначительный отряд этой литературы. Русское искусство едино, независимо от того, где проживают его представители или какие политические взгляды они исповедуют, и внутри этого единства происходит известная борьба художественных школ и направлений». Слоним подчеркивал «особое место» эмигрантской литературы, ее ото-

рванность от почвы, от народа и его жизни, замкнутость и обособленность, «разорвать которую будут, вероятно, способны только молодые эмигрантские писатели» (1929. № 9. С. 22). Статья была посвящена творчеству писателей-эмигрантов; среди произведений, упомянутых критиком, — печатавшиеся в *«Современных записках»* романы *М.Алданова* «Ключ» и *Г.Иванова* «Третий Рим», повесть *Б.Зайцева* «Анна» (Париж, 1929), публикации в *«Возрождении» А.Куприна* («Колесо времени») и *З.Гиппиус* («Чужая любовь»).

В критическом отделе преимущественное внимание уделялось творчеству тех, кто сотрудничал с журналом. «Никто, даже самый усердный критик, не станет отрицать наличия у поэта стремления к красоте, тяги к художеству, — писал Л.Перцов о книге «широко известного всей Америке поэта из рабочих» Р.М.Корносевича «Вечный Зов: Сборник стихов и рассказов» (Нью-Йорк, 1927). — Как и прежде, везде у него на первом плане тоскливая песня о рабочей доле, о тяжелой силе гиганта-капитала» (1929. № 3. С. 21). «Изысканно-острым» называл рецензент творчество Л.Страховского. «Страховский безусловно владеет тайной стихотворчества. Если не в такой же мере, как и художественной прозой, то зато в более оригинальных формах, — указывал критик, представляя вышедшие в Брюсселе книги «Мистерия в 8-ми рассказах» (1926) и «У антиквара» (1927). — Он мастерски изображает жуткое и кошмарное нашей современной хищнической жизни, нашего тяжелого мрачного века» (1929. № 10. С. 34). В № 5 (15) за 1930 появился специальный отдел «Самокритика», в котором были опубликованы статьи Л.Гомолицкого «Самокритика» и Вл.Гриненко «Всем поэтам». В этой же рубрике в № 12 (22) в 1931 Вл.Гриненко поместил статью «Наши поэты (Опыт обзора творчества сотрудников «Москвы»)». О своем творческом пути в разделе «Авторы о себе» рассказывали Н.А.Сеоев, *Л.Я.Нелидова-Фивейская*, М.И.Стоцкий, Л.И.Страховский, А.И.Кельберин, Вл.Татаринов, И.П.Толмачев. Рецензировались также книги В.Хмарина «Среди звериных становищ: Охотничьи рассказы» (Варшава, 1930), *Г.Пескова* «Памяти твоей» (Париж, 1930), «Современные польские поэты» в очерках С.Кулаковского и в переводах М.Хороманского (Берлин, 1929), «Вечер у Клэр» *Г.Газданова* (Париж, 1930), «Страстные и светлые дни на Афоне» А.Болотова (Варшава, 1929), романы Е.Тарусского «Экипаж «Одиссеи» (Париж, 1928) и С.Комарова «Вечный танец» (Париж, 1930). Н.Сеоев в статье «Молодые поэты» (1930. № 4 (14)) писал о новых сборниках А.Несмелова (Кровавый отблеск: Стихи. Харбин, 1928), А.Холчева (Смертный плен. Париж, 1929) и Е.Шаха (Городская весна: Вторая книга стихов. Париж, 1930). Высоко оценил Н.Сеоев изданный в 1929 в Париже сборник стихов С.Луцкого «Служение» (1929. № 7 (17)) и книгу рассказов *Г.Кузнецовой* «Утро» (Париж, 1930): «Каждый рассказ — это картинка из жизни, такой пестрой и разнообразной, которую запечатлела умелая рука писательницы на бумаге» (1930. № 9 (19). С. 21). «Прекрасным художественным произведением» называл И.Пригожий роман *М.Осоргина* «Сивцев Вражек» (Париж, 1928), написанный «с таким тонким, удивительным мастерством, встречающимся лишь у самых выдающихся современных беллетристов» (1931. № 12 (22). С. 22). С.Сватиков указывал, что роман *И.Одоевцевой* «Изольда» (Париж; Берлин, 1929) клевещет на эмигрантскую молодежь: «К счастью, большинство картин, нарисованных автором, чистая фантазия. Но эта фантазия сильно повредит русской эмиграции, особенно же потому, что сама г-жа Одоевцева пишет легко, свободно, моментами изящно и задушевно» (1929. № 10. С. 32). «Стихи гладкие, певучие, но главное их достоинство в том, что они проникнуты возвышенной любовью к Родине, незабвенной тоской по великой России, верой и надеждой в ее воскресение», — писал рецензент о книге Вл.Изгоя «Зов колокольный» (Варшава, 1929) (1930. № 5 (15)). Из периодических изданий представлялись «Красная новь», «Воскресение» (Шанхай, 1929. № 1), парижский ежемесячный казачий журнал *«Родимый край»*.

Д.Д.Николаев

Н

«НАКАНУНЕ» (Берлин, 1922. 26 марта. № 1 — 1925. 15 июня. № 651) — ежедневная газета под редакцией Ю.В.Ключникова и Г.Л.Кирдецова, при ближайшем участии С.С.Лукьянова, Б.В.Дюшена, Ю.Н.Потехина; продолжение журнала *«Смена вех»*. Характеризуя общественную ситуацию и призывая определиться в нынешних условиях, редколлегия газеты в передовой статье первого номера объясняла свое название следующим образом: «Хочется верить, что мы накануне дня всеобщего примирения. Необходимо работать, чтобы вопреки всем препятствиям быть накануне этого дня».

14 апреля 1922 в газете было опубликовано «Открытое письмо Н.В.Чайковскому графа *А.Н.Толстого*», в котором последний писал: «В существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную — единственную в реальном плане — власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами». В ответ А.Н.Толстому и еще двум сотрудникам газеты (*И.М.Василевскому* (Не-Буква) и *А.Ветлугину*) были посланы письма за подписью Председателя *Союза русских литераторов и журналистов в Париже* П.Н.Милюкова, требующие прямого ответа на вопрос: «Считаете ли Вы Ваше участие в этой газете совместимым с духом Союза и с Вашим дальнейшим пребыванием в составе его членов?» (1922. 27 апр.). 25 апреля А.Н.Толстой отправил письмо П.Н.Милюкову, в котором заявлял: «Прошу не считать меня больше членом Союза русских литераторов и журналистов в Париже» (1922. 27 апр.). Предпринятый Толстым шаг, по своей сути, стал не только переломным в судьбе самого писателя, но и в судьбах ряда русских литераторов, находящихся в Берлине. Так, незадолго до своего отъезда в Россию Толстой писал литературному редактору издательства «Детинец», писателю *И.Ф.Наживину*: «Я думаю, что самое разумное для эмиграции — это возвращаться домой и принимать Россию такою, какая она есть. Людям творческим работать на величие нашего отечества, ныне РСФСР» (Переписка А.Н.Толстого. М., 1989. Т. 1. С. 332—333). Действенным фактором, повлиявшим на переход Толстого в «сменовеховство», являлся приезд весной 1922 в Берлин Б.Пильняка и проводимая им активная пропаганда образа жизни в советской России среди эмигрантов (см.: Воронцова Г.Н. Об одной командировке Бориса Пильняка // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995. С. 117—125).

«Сменовеховство» Толстого вызвало противоречивые чувства в литературных кругах. И если для К.Чуковского «Открытое письмо» Толстого было «прекрасным» (Переписка. Т. 1. С. 310), то у *М.Алданова* поступок Толстого вызвал резкое неприятие: «Ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, потрясающего исторического события. Мне более менее понятны и мотивы его литературной слащевщины: он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание «первого русского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее» и т.д. как полагается» (НЖ. 1965. № 80. С. 261).

Толстой, будучи редактором «Литературного приложения» к газете «Н», сделал много для диалога культур в русском Берлине. *Г.Струве* отмечал: «Особенностью жизни русского литературного Берлина в этот период было не повторявшееся уже после общение между писателями эмигрантскими и советскими, своего рода осмос между эмигрантской и советской литературой» (Струве. С. 25—26). С первого номера «Литературного приложения», вышедшего 30 апреля 1922, в нем печатались произведения авторов как эмиграции, так и России: стихи П.Орешина, О.Мандельштама, А.Мариенгофа, Г.Шенгели, Н.Асеева,

М.Волошина, Р.Ивнева, С.Клычкова и др.; рассказы, повести, очерки М.Булгакова, В.Катаева, А.Н.Толстого, Б.Пильняка, И.Соколова-Микитова, М.Пришвина, Л.Никулина, Н.Петровской, М.Козырева, *Р.Гуля*, Ю.Слезкина, *А.Дроздова*, Вс.Иванова, А.Ветлугина и др. Отдел критики «Литературного приложения» предлагал своим читателям литературно-критические статьи *А.Б.Кусикова* («Битюг: О Клюеве» // 1922. 7 мая), Мандельштама («Гуманизм и современность» // 1923. 21 янв.), Э.Голлербаха («Андрей Белый как мыслитель» // 1922. 14 мая; «Последние дни Розанова» // 1923. 11 февр.), З.Венгеровой («Молодая немецкая поэзия» // 1922. 21 мая; «Обзор американской литературы» // 1922. 12 нояб.), И.М.Василевского (Не-Буква) («Тургеневская девушка: О *З.Гиппиус*» // 1922. 11 июня; «Фельетонист на троне: Литературные произведения Николая II» // 1922. 16 июля; «Тартарен из Таганрога» // 1922. 29 окт. и др.), А.Ветлугина («Нежная болезнь: О С.Есенине» // 1923. 4 июня), Н.Русова («Розанов и Достоевский» // 1922. 17 июля; «Критика — это я» // 1922. 24 сент.), а также обзоры по вопросам культуры И.Василевского (Не-Буква), Г.Гауптмана, Бр.Гетца, Э.Голлербаха, А.Чумакова и др. В некоторых случаях «Литературное приложение» становилось номером одного автора. Так, 13 августа 1922 оно было посвящено памяти А.Блока, а «Литературное приложение» от 8 июня 1923 содержало перевод статьи Г.Манна «Европа».

В разделе «Библиографии» публиковали отзывы на поступающие в редакцию газеты книги Е.Лундберг, Н.Петровская, Э.Миндлин, З.Венгерова, А.Дроздов и др. Хроника «выдвинулась в русской литературной журналистике начала двадцатых годов на одно из самых почетных мест» (Русский Берлин. С. 21). «Литературное приложение» первым из эмигрантских изданий стало давать хроникальные факты из жизни (литературной, культурной, издательской) советской России. В своем желании довести до сознания русских эмигрантов мысль о необходимости сделать свой выбор в пользу советской России А.Н.Толстой публикует 4 июня 1922 посланное ему письмо К.И.Чуковского, которое буквально «взорвало» литературные круги Петрограда. Осознав ситуацию, в которую был поставлен Чуковский, Толстой напечатал два опровержения: в «Литературных приложениях» от 11 июня 1922 от и 23 июля 1922. Спустя месяц конфликт между писателями был улажен. Но тем не менее, этот скандал в совокупности с измененным статусом газеты «Накануне» (1 июня 1922 в Москве открылась контора редакции; руководитель — М.Ю.Левидов; литературный редактор — Э.Миндлин) повлек за собой негативное отношение к этому печатному органу как в литературных кругах русского Берлина, так и среди советских литераторов. А дальнейшее решение газетой поставленной перед собой задачи — «сорвать с эмиграции маску и показать русской трудовой интеллигенции подлинное лицо эмиграции» (1924. 15 июля) — только усугубляло положение.

Б.Пастернак в своем письме В.Полонскому (1922) сообщал, что «отказался наотрез участвовать» в «Н», и о своем огорчении по поводу участия в нем Маяковского и Асеева (Флейшман Л. Борис Пастернак в 20-е годы. Мюнхен, [1980]. С. 22). В петроградском журнале «Литературные записки» (1922. № 3) Анна Ахматова напечатала «Письмо в редакцию» по поводу публикации ее стихов в газете «Н» без ведома автора. В ответ на неблаговидную реакцию газеты на движение рабочих партий Европы, объединившихся для защиты левых эсеров от сфабрикованного суда, проходившего в Москве, Б.Пильняк опубликовал в «*Новой русской книге*» (№ 5) письмо, в котором просил не считать его больше сотрудником этого печатного органа. Э.Миндлин в своих литературных воспоминаниях писал об отказе А.Неверова сотрудничать в «Н» из-за боязни быть исключенным из «Кузницы».

В августе 1922 из состава редакции «Н» вышел Ю.В.Ключников. В этой весьма неблагоприятно складывающейся для газеты обстановке новым составом редколлегии (Б.В.Дюшен, Г.Л.Кирдецов, С.С.Лукьянов, П.А.Садыкер, С.С.Чахотин) были предприняты шаги, способные заинтересовать читателя: с сентября 1922 еженедельно выходит «Экономическое обозрение» под редакцией профессора Г.Г.Швиттау; с начала 1923 — «Кино-обозрение» под редакцией О.С.Мельникова и отдел «Социальной медицины, социальной гигиены и социального обеспечения» под редакцией Я.А.Бродского. Но

самым крупным достижением по праву считается книгоиздательская деятельность «Н».

В октябре 1922 при газете был организован книгоиздательский отдел, который предполагал развивать свою деятельность в следующих направлениях: издание на русском языке новинок иностранной литературы, оригинальных русских авторов, а также издание «Библиотеки практических знаний», включающей в себя научно-популярные руководства, справочники и учебники для школьников. Литературно-художественным отделом книгоиздательства руководил А.Н.Толстой, иностранным — З.А.Венгерова; технической частью всего книгоиздательства — Н.Е.Лынтунский.

За период с 1922 по 1924 издательством были выпущены книги русских авторов: Маяковский В. Вещи этого года. До 1 августа 1923 года (1924), Избранный Маяковский: Сборник стихотворений (1923); *Северянин И*. Соловей: Поэмы 1918 года (1923); Северянин И. Трагедия Титана. — Космос: Изборник первый (1923); Никулин Л. Хмель: Повесть (1924); Дроздов А. Тупая борозда: Рассказы (1924); Василевский И.М. Генерал А.И.Деникин и его мемуары (1924); Кусиков А. Аль-Баррак: Октябрьские поэмы (1923, 2-е изд.) и иностранных: Маран Р. Батуала: Подлинный негритянский роман / Пер. З.Венгеровой (1923); Лагерлеф С. Тролды и люди: Сборник новелл / Пер. Р.Тираспольской (1923). Стремясь довести до сведения взрослого читателя новинки литературы, издательство не забывало и маленьких читателей, предлагая им красочно иллюстрированные книги серии «Детская библиотека»: *Крандиевская Н*. Сказки про Нику, Джека и Феофана (1923); ее же. Книжка про веселое житьишко (1923); Коллоди К. Приключения Пиноккио. Обработал Толстой (1922) и др.

К началу 1923 общественно-политические противоречия в русском Берлине обострились. Вспыхнувший в ноябре 1922 скандал, связанный с публикацией в «Литературном приложении» фельетона Не-Буквы (И.Василевского) «Тартарен из Таганрога», посвященного творчеству *И.Эренбурга*, подчеркнул происходящую в литературном лагере поляризацию сил. По воспоминаниям Э.Миндлина, «расслоение эмигрантов происходило внутри редакции «Н». Оттого-то и раздирали газету противоречия в среде сотрудников» (Миндлин Э. Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. М., 1979. С. 158—159). Но ярче всего об обстановке в редакции свидетельствует Н.А.Ухтомский в своем письме Н.В.Устрялову: «С грустью должен Вам сообщить, что моральный престиж «Накануне» в Берлине и особенно в Москве (да-да) весьма низок. Меня даже «советчики», люди близкие к Крестинскому, уговаривали не связываться с «наканунниками», в то время как правые круги мне прямо говорили (*Ал.Яблоновский*), что лучше уж сходиться с советскими официальными кругами, нежели с «Накануне». Даже Ключников, и тот нашел нужным мне с брезгливым видом говорить о «Накануне», упрекая газету в излишнем раболепчестве» (Русский Берлин. С. 45—46).

Летом 1923 из Берлина в советскую Россию уехали многие литераторы, сотрудничавшие с «Н»: Ю.Н.Потехин, *Г.Алексеев*, Толстой, А.Дроздов, И.Соколов-Микитов, И.М.Василевский, А.В.Бобрищев-Пушкин и др. Перед возвращением на родину Толстой опубликовал в газете свои размышления, подводящие итог его эмигрантской жизни: «Я возвращаюсь домой на трудную жизнь. Но победа будет за теми, в ком пафос правды и справедливости, — за Россией, за народом и классами, которые пойдут с ней, поверят в зарю новой жизни» (1923. 27 июля). Для многих вернувшихся «заря новой жизни» обернулась трагедией в годы сталинского режима.

Официально преемником на посту редактора «Литературного приложения» никто назначен не был. Толстой, уехав в Россию, номинально продолжал оставаться редактором берлинского издания. С его уходом «Литературное приложение» изменилось: 29 июля 1923 оно вышло под названием «Литературная неделя»; изменился формат — до 16 декабря 1923 «Литературная неделя» выходила размером с газетный лист; изменилось содержание «Литературной недели». На это повлияли сотрудничавшие с литературным приложением Р.Гуль и *А.Ященко* (последний стал редактировать «Иностранное обозрение», выходившее приложением к «Н» в 1924). Благодаря им «Литературная неделя» стала именно литературоведческим приложением. Наряду с продолжающейся публикацией художественных произведений в «Литературной не-

деле» был увеличен объем предлагаемых обзоров по вопросам литературы и культуры. В целом, разделы прежнего литературного приложения сохранились, но претерпели частичное видоизменение: раздел «Хроники» стал именоваться рубрикой «Искусство и наука», «Библиография» — «Отзывы о книгах».

Авторы художественных произведений, публикуемых «Литературной неделей», в большинстве своем — писатели из России: М.Булгаков («Самогонное озеро» // 1923. 29 июля; «День нашей жизни» // 1923. 2 сент.; «Псалом» // 1923. 23 сент. и др.), К.Большаков, Евг.Петров, В.Катаев и др.; печатаются стихи О.Мандельштама, *Вл.Пиотровского*, Г.Шенгели, В.Шершеневича, *Г.Венуса* и др. Часто на страницах «Литературной недели» появляются новинки современной иностранной литературы: Ан.Бальдини, Паоло Буцци, Эрнст Толлер и др. Публиковались рецензии на книги, поступающие из советской России (рецензенты С.Либерман, Р.Гуль, Н.Петровская, Г.Венус, Э.Миндлин, С.Гехт, Э.Голлербах, К.Спасский, Н.Русов и др.).

Для «Литературной недели» становится характерной публикация циклов литературных произведений: «Письма с Родины» И.Василевского (Не-Буква), «Литературная Москва» Ю.Слезкина и критических обзоров Р.Гуля («Молодая проза»: Ник.Никитин, Валентин Катаев, Михаил Зощенко и др.). На страницах «Литературной недели» зачастую сталкивались позиции, мнения: 9 марта 1924 были опубликованы две статьи (Миндлин Э. Фонтанка, угол Аничкова моста; Гуль Р. Дамские каблучки), отражающие противоположные точки зрения на советскую литературу.

Выходившее с завидной регулярностью «Н» тем не менее в 1924 прекратило свое существование. В передовой статье к последнему номеру — «Всегда вперед!» — редколлегия сообщала читателям о выполнении своей основной задачи: «Все, что можно было вырвать из ее <эмиграции> обезьяньих лап, — вырвано и возвращено Родине. То, что осталось, — отброс, до которого России нет дела». Советское правительство сочло цель выполненной (отбытие в 1923 году ведущих сотрудников в советскую Россию) и прекратило субсидирование.

О.В.Быстрова

«НАРОДНОЕ ДЕЛО» (Ревель, 1920. 7 июля. № 1 — 1921. 13 марта. № 180), **«ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО»** (Ревель, 1921. 15 марта — 28 мая. № 1—57) — газета, орган партии эсеров в Эстонии. Сначала выходила раз в неделю, с № 3 — два раза в неделю, а с № 7 (6 августа 1920) стала ежедневной. С № 51 (2 октября 1920) газета переходит на стандартный большой объем вместо первоначального уменьшенного. Вначале редакция газеты находилась в Таллине (Ревеле), с № 8 (7 августа 1920) — в Тарту, а с № 51 — вновь в Таллине. Формально ответственным редактором газеты был Г.П.Вахт, фактическим же редактором — З.И.Беленький. Издателем газеты «За народное дело» числился Н.П.Епифанов. Первоначально газета имела подзаголовок «Орган Комитета группы социалистов-революционеров Северо-западной области России», с № 42 (23 февраля 1921) он был снят.

В 1920—1921 Эстония была одним из центров партии эсеров за рубежом. Осенью 1920 сюда бежал вождь партии В.Чернов. Здесь побывали многие видные руководители партии эсеров, эмигрировавшие за границу (*В.Зензинов*, И.Брушвит, *М.Слоним*, *В.Лебедев*, Ф.Махин). «НД» было первым печатным органом эсеров за рубежом, основной их орган — газета *«Воля России»* — стала выходить в Праге только 12 сентября 1920. «НД» позже поддерживало тесные контакты с «Волей России» и заимствовало оттуда материалы. Когда в феврале 1921 вспыхнуло Кронштадтское восстание, газета горячо приветствовала его. Газета даже выпустила листовку, обращенную к русским читателям и содержавшую призыв присоединиться к восставшим кронштадтцам. Это вызвало официальные протесты советского представительства в Таллине и беспокойство эстонских властей. Распоряжением министра внутренних дел Эстонии 12 марта 1921 газета была закрыта. Но уже через день она возобновила издание под той же редакцией, но со слегка измененным названием «За народное дело». Эта газета продолжала линию «НД» и придерживалась тех же программных установок. Прекращение ее выпуска в мае 1921 было связано с финансовыми трудностями и с внутренними разногласиями в самой редакции и в местной организации эсеров. В газете был довольно сильный литературный отдел. Наиболее значительна проза, в кото-

рой выделяются произведения бежавшей из Петрограда писательницы и переводчицы *А.Ф.Даманской*. В основанных на личных впечатлениях автора статьях, рассказах и очерках описывается жизнь в холодном и голодном Петрограде в годы революции и гражданской войны, быт интеллигенции, ученых, литераторов. Даманской принадлежат статьи о литературе и писателях: «О большом человеке в жалкой роли» (1920. 12 нояб.) — одна из первых попыток разобраться в сложной позиции *М.Горького* в 1919—1920. Даманская привезла из Петрограда и опубликовала одновременно в «Народном деле» (1920. 2 окт.) и «Воле России» (1920. 2 окт.) копию письма М.Горького В.Ленину от 6 сентября 1919 в защиту петроградских ученых, арестованных ЧЕКА. Это письмо, в котором содержалось утверждение Горького: «Для меня стало вполне ясно, что «красные» такие же враги народа, как и «белые»», — никогда не публиковалось в Советском Союзе и было засекречено в Центральном партархиве. По тематике своих рассказов близок к А.Даманской Владимир Баранов. Третьим значительным автором, выступавшим уже на страницах газеты, был Григорий Сосунов (печатался под псевдонимами Г.Вельский, Лейтенант Грис, Егор Смолин). Он заведовал в редакции литературным отделом, выступал со стихами, рассказами и статьями на литературные темы, в значительной мере определявшими позицию газеты. Эта позиция уходит корнями в народническо-эсеровскую точку зрения на литературу: органическое неприятие модернизма и индивидуализма, защита принципов реализма, литературы, рисующей жизнь народа и исполненной сочувствия и уважения к нему, прежде всего к крестьянству.

В Эстонии выходили и другие эсеровские издания. С декабря 1920 по декабрь 1921 в Юрьеве печатался центральный орган партии эсеров за рубежом — журнал «Революционная Россия» (1920—31). Ответственным редактором (явно фиктивным) числился Г.Вахт, а издателем — группа социалистов-революционеров. Реально же журнал редактировался эсеровскими деятелями В.Постниковым, В.Сухомлиным и В.Черновым, причем руководящую роль в редакции журнала играл Чернов. Объем журнала был два печатных листа, периодичность — один—два номера в месяц. До конца 1921 вышло 15 номеров, после чего издание журнала было перенесено в Берлин, а с декабря 1923 в Прагу. Журнал предназначался для распространения вне пределов Эстонии, прежде всего в советской России. Среди авторов — почти все крупные деятели партии эсеров и партийные публицисты: В.Чернов, А.Керенский, В.Зензинов, В.Сухомлин, В.Лебедев, О.С.Минор, М.Слоним (сотрудничавший и в газете «За народное дело»), Ф.Махин, Гр.Шнейдер, Н.Русанов и др.

Руководство партии социалистов-революционеров выпускало с октября 1921 в Ревеле журнал «За народ». Если «Революционная Россия» была журналом теоретическим, предназначенным для партийных работников, то «За народ» ориентировался на рядового читателя из красноармейцев и крестьян, утверждая в доступной этому читателю форме основные установки партии эсеров. Журнал выпускался той же руководящей группой эсеров в Эстонии во главе с В.Черновым. В конце 1921 вышло пять номеров журнала.

Группа эсеров во главе с П.Богдановым и З.Беленьким, которая ранее издавала «Народное дело» и откололась от заграничной партии социалистов-революционеров, предприняла попытку выпускать свою газету. 28 ноября 1921 в Ревеле вышел первый номер еженедельной газеты «Дело». Формальным ответственным редактором-издателем ее числился некто Котов, реально же ее редактировал З.Беленький. «Дело» выступало за развитие культуры местного русского меньшинства. В газете преобладали перепечатки из других изданий. На шестом номере 2 января 1922 она прекратила свое существование.

С.Г.Исаков (Эстония)

«НАЦИЯ» (Шанхай, 1932. № 1. Апрель — 1939. № 86. Июнь) — ежемесячный общественно-политический журнал, издаваемый Верховным советом Всероссийской фашистской партии (ВФП), под редакцией Олега Викторовича Константинова. Всего вышло 86 номеров (с погодичной нумерацией). Первый номер выпущен в свет шанхайской штаб-квартирой ВФП. Лозунг издания: Бог. Нация. Труд! Отделы журнала: К вопросу идеологии и программы, Родиноведение, Фашизм в разных странах, Иудоведение, Масоноведение, На внутренние темы,

Изучение СССР, Положение в России, Фашистское творчество, Военный отдел, Жизнь ВФП. Фактическим редактором журнала и его постоянным автором был генеральный секретарь ВФП Константин Владимирович Родзаевский (1907—1946), до побега в 1925 в Маньчжурию ставший свидетелем ужасов большевистского террора на Дальнем Востоке.

На первом съезде русских фашистов в мае 1931 в Харбине была учреждена ВФП. Номинально ее возглавил генерал Владимир Дмитриевич Косьмин, фактически же все руководство партией перешло в руки генсека К.Родзаевского. Главным рупором движения с 1932 стал журнал «Н». В его программу входило: оживить интерес к реставрации самодержавия Романовых и устранить сословные конфликты в рамках корпоративного государства. Теорией предусматривалось: в переходный период вся власть по переустройству государственности будет принадлежать Всероссийскому земскому собору и временной диктатуре, обязанным освободить личность от большевистской идеологии и децентрализовать экономику. Религиозные и националистические начала русского фашизма отличали его от немецкого нацизма, с которым у Родзаевского не получилось диалога. Организационная структура ВФП во многом копировала структуру ВКП(б). Пропаганда выдвигалась на первое место. В постановочной статье журнала (1936. № 2) Родзаевский писал: «Наше определение всякого фашистского движения требует наличия трех элементов — религиозного, национального и трудового» (с. 1). В национальной революции авторы журнала видели единственное спасение страны. И готовились к ней, ставя в центр внимания читателей военное дело, разведывательно-диверсионную работу, пропаганду русского национализма. Эмиграцию рассматривали как тыл фронта в борьбе с большевиками.

Журнал, в основном, делался соратниками К.Родзаевского. Из профессиональных литераторов в нем часто печатался *Арсений Несмелов* (подписывался: Н.Дозоров). В его стихах заметно ощущалась декларативность и партийная установка на патриотизм:

И снова нация сияла,
И вновь к борьбе она зовет.
Она советского шакала
С могучих плеч своих стряхнет.
(1936. № 1. С. 52).

В журнале печатались пьесы Н.Помарнацкой: «Этапы жизни» (1936. № 2) и «Три елки» (1935. № 12), а также роман Георгия Кручинина «Свет с Востока». Монархист Михаил Константинович Дитерихс (1874—1937) в № 8 за 1935 поместил статью «К годовщине Цареубийства». В том же номере журнала имеются материалы проф. Н.Никифорова «Ложь марксизма» и воспоминания С.Д.Колосова «Под пятой ГПУ». Печатались переводы: Ж.Буа «Наставление генералу Гарибальди» и др.

А.Н.Стрижев

«НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ» — см. **«ГОЛОС МИНУВШЕГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ»**.

«НАША ГАЗЕТА» (Ревель, 1927. 20 марта — 1928. 6 января) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая под редакцией П.О.Шутякова. Ответственный редактор — О.В.Кошкина. Издатель — Русское издательское товарищество. В открывающей первый номер газеты редакционной статье «Наши задачи» отмечалось: «Это — первая русская газета, являющаяся непосредственным органом русского населения Эстонии, как коренного, так и заброшенного сюда государтвенными потрясениями последнего десятилетия». «НГ» неизменно подчеркивала, что она — прежде всего орган русского национального меньшинства в Эстонской республике, где эмигранты составляли не более 20% русского населения. Редакция отмечала, что газета будет стараться держаться вне тех политических дрязг, которые разрывают русскую эмиграцию, и будет выражать мнение всех слоев русского населения республики (1927. 24 марта). Газета была связана с русской фракцией в эстонском парламенте и считала себя ее органом (Курчинский М.А. Русские нужды // 1927. 20 марта). «НГ» вначале вела полемику с газетой *«Последние известия»*, а затем с газетой *«Вести дня»*.

Газета освещала как жизнь в Эстонии русских, так и обстановку в советской России (в очень критических тонах) и положение русской эмиграции в других странах. Она имела корреспондентов в ряде городов и регионов Эстонии (А.Серафимов в Тарту, С.Новиков в Нарве и др.), а также в круп-

ных центрах русской эмиграции на Западе. Среди активных сотрудников газеты был П.Г.Осипов (выступал под псевдонимами П.Крибский, П.Кр.). Жизнь Печор и Печорского края, населенных, в основном, русскими, освещал в статьях и очерках общественный деятель А.А.Булатов (псевдоним Буслай); жизнь в русском Причудьи — агроном и культуртрегер Е.Т.Ионов (цикл из 12 очерков «Письма из Причудья»). Положение на русских окраинах Эстонской республики характеризовал также П.А.Богданов. Жизнь русских в Латвии, в особенности в Риге, освещал В.Гадалин (псевдоним В.В.Васильева), в Париже — И.В.Воинов, в Берлине — Р.И.Штейн, в Праге — Н.Николин (псевдоним Н.Е.Андреева), в Женеве — Б.Никольский. Со статьями на политические темы выступал А.С.Изгоев. К сотрудничеству в газете были привлечены русские преподаватели Тартуского университета: М.А.Курчинский, И.М.Тютрюмов, Ф.И.Корсаков, А.П.Мельников (был известен и как писатель — его художественные произведения появлялись на страницах газеты). С публикациями по проблемам религии и церковной жизни в Эстонии выступал Г.М.Алексеев; об изобразительном искусстве и о градостроительстве писал архитектор и художник А.И.Владовский. В газете сотрудничал А.Г.Бакструб (А.Г. ван Доль).

Из номера в номер появлялись на страницах газеты литературные материалы — рассказы и очерки, а также стихотворения, рецензии, статьи на литературные темы. Печатались местные русские авторы (В.Гущик, рано скончавшийся поэт Игорь Шефер, только еще начинавший П.Иртель и др.). Было опубликовано 7 сонетов *Игоря Северянина*, посвященных писателям и композиторам и позже вошедших в его сборник «Медальоны» («Бетховен», «Верди» // 1927. 17 апр.; «Бизэ» // 1927. 24 апр.; «Жюль Верн», «Конан Дойль» // 1927. 8 мая; «Реймонт», «Ожешко» // 1927. 18 мая). Активно сотрудничал в газете писатель и литературный критик Я.В.Воинов (псевдоним — Яровой), выступавший со статьями о литературе («Судьба нашего смеха» // 1928. 4 янв.), с рассказами и очерками. Часто печатался Н.Н.Карпов (очерки местной жизни и истории, рассказы, этюды), который сравнительно редко выступал на страницах других органов печати. Во всех литературных публикациях «Нашей газеты» чувствуется пристрастие ее редакции к произведениям традиционного реалистического склада. В «НГ» охотно сотрудничали и литераторы русского зарубежья из других стран: *П.М.Пильский* (под псевдонимом П.Трубников), который лишь незадолго до этого переехал из Таллина в Ригу. Среди его публикаций — рецензии на книги русских писателей, на зарубежные журналы и сборники, статьи на литературные темы, а также очерки и рассказы. Часто печатался А.М.Хирьяков (рассказы, стихотворения, раешник). Появлялись отдельные произведения *И.С.Шмелева*, *В.В.Барятинского*, *А.А.Яблоновского* (они числились сотрудниками газеты и в рекламном объявлении о подписке на 1928), Андрея Луганова (псевдоним Е.С.Вебер-Хирьяковой) и др. Ряд номеров газеты занимает публикация воспоминаний А.А.Волкова «Около царской семьи» (1927. 30 сент. — 23 окт.; отдельное издание: Париж, 1928). Обращает на себя внимание в литературном отделе обилие перепечаток произведений русских советских авторов — такого большого количества публикаций из русской советской литературы больше не было ни в одном другом русском периодическом издании, выходившем в Эстонии. На страницах газеты регулярно появлялись рассказы и другие произведения в прозе М.Зощенко, П.Романова, В.Шишкова, Б.Пильняка, Вс.Иванова, И.Соколова-Микитова, М.Пришвина, М.Шагинян, П.Орешина, К.Тренева, Л.Славина, *А.Толстого*, А.Яковлева, Л.Никулина, В.Каверина, Н.Ляшко, П.Ширяева, В.Инбер, Н.Тихонова и др. В газете печатались статьи о советских писателях (статьи В.Гадалина о П.Романове и В.Шишкове), о литературной жизни в советской России.

Хотя была объявлена подписка на «НГ» на 1928, но в самом начале 1928 она перестала выходить, по-видимому, из-за недостатка подписчиков. В известной мере, это связано и с конкурентной борьбой в русской периодической печати Прибалтики: рижская газета *«Сегодня»* со своим таллинским «приложением» — газетой «Вести дня» — уверенно завоевывала местный газетный рынок. Соревноваться с «Сегодня», одной из лучших газет русского зарубежья, «НГ» было нелегко.

С.Г.Исаков (Эстония)

«НАША ЖИЗНЬ» (Берлин, 1926. № 1/2. 5 марта) — литературно-общественный журнал, орган Центрального бюро Союза землячеств (секретарь правления которого Г.А.Козловский являлся редактором журнала) и «дочерних» организаций — Русского литературно-художественного кружка, Союза русских сценических деятелей в Германии, *Союза русских журналистов и литераторов в Германии*, Клуба русской молодежи. В статье «О неправдоподобных историях» В.Е.Татаринов, в то время председатель Союза русских журналистов и литераторов в Германии, защищал современных беллетристов от обвинений в сочинении заведомо неправдоподобного. Писатели «пристально вглядываются в быстро бегущую ткань жизни, — тогда эта серая и монотонная лента вдруг превращается в пеструю, расцвеченную самыми необычайными, нездешними узорами человеческих страстей, радостей, горестей, высоких деяний и отвратительных преступлений» (с. 3).

Центральное место занимала статья Энди «Новая Россия». Автор подчеркивал «крепкую связь» нового поколения писателей «со старыми мастерами, с литературной традицией». Россия пережила страшные потрясения, и голоса писателей, классиков, в первую очередь Пушкина и Достоевского, «зазвучали по-новому свежо». «Новая Россия — крепкая Россия, — утверждает критик. — Однообразие и узость современных тем не дают возможности судить о диапазоне сегодняшней литературы. Но самое лицо этой литературы дает ясное ощущение целостности, крепкой спайки настоящего с прошлым» (с. 5). Вспоминая теорию *В.Шкловского* о наследовании «от дяди к племяннику», автор обращается к современной литературе метрополии, к произведениям П.Романова, М.Зощенко, Л.Лунца, и находит в их творчестве развитие традиций, заложенных И.Горбуновым, Н.Лейкиным, приключенческими романами «дурного тона». Б.Бродский в заметках «Вокруг Пушкина» пересказывал несколько историй, связанных с именем поэта. Г.Антонович в мемуарном очерке «Пережитое (Из архива русского журналиста)» вспоминал об Одессе при Зеленом и о своем сотрудничестве в газете «Новороссийский телеграф». В шутливом стихотворении «Мышеловка» Жак Нуар (Ю.В.Окснер) писал о судьбе эмигрантов, обреченных в поисках лучшей доли метаться взад-вперед по маршруту Берлин — Париж. Ю.В.Офросимов в связи с предстоящей 11 марта в Берлине премьерой первой работы новой русской театральной труппы размышлял в статье «Группа» (озаглавленной по названию артистического объединения) о перспективах русского театра. Для своего дебюта «Группа» выбрала А.Н.Островского, и Офросимов — одновременно и постановщик спектакля — полемизировал с теми, кто считал драматургию Островского устаревшей. «Без Островского — русский театр не существует»; «Островский — единственный наш репертуар»; «Возрождение Островского — задача нового русского театра», — утверждал Офросимов. Его пьесы надо лишь освободить «от шелухи временного быта», выявить «мировое, вечное», воссоздать типы, «достигающие теперь значения и силы вневременных образов или общечеловеческих масок» (с. 11). Подтверждение своим словам Офросимов находил в художественной практике, постановках МХТ, Таирова, Мейерхольда, 4-й Студии.

Д.Д.Николаев

«НАША ЗАРЯ» (Пекин, Тяньцзин. 1928. 8 апреля — 1939?) — ежедневная газета. Издатель и главный редактор — М.С.Лембич. Редактор — И.Л.Миллер. «НЗ», наряду с газетой *«Шанхайская заря»*, продолжала направление *«Зари»* (Харбин). В газете «Шанхайская заря» от 3 мая 1928 года в редакционной статье отмечалось: «Являясь неразрывной частью «Зари» и «Шанхайской зари», вышедшая сегодня в свет в Тяньцзине «Наша заря» будет стоять на той же антикоммунистической платформе... Но будучи антикоммунистической, «Наша заря», подобно харбинскому и шанхайскому изданиям «Зари», не будет в то же время служить интересам тех отдельных личностй из крайне правого лагеря, которые своей оголтелой «политикой» только компрометируют русское имя на Дальнем Востоке... Нарождающейся газете одинаково не по пути ни с красным, ни с этим лагерем. Ее задача — общение с широкими рядами зарубежной русской общественности, обслуживание всех запросов этой русской массы, столь же чуждой коммунизма, как и оторванных от жизни узко-

политических устремлений единичных обскурантов». Газета имела собственных корреспондентов в Пекине, Шанхае, Харбине, в крупных центрах Европы. На страницах «Нашей зари» публиковались Гр.Сатовский-Ржевский, Л.Астахов, Далекий Друг, Мистер Грин (раздел фельетона), а также произведения *А.Яблоновского* (1930. 8 июня), *Саши Черного* (1930. 8 июня), *Дон-Аминадо* (1930. 1 июня), *А.Ладинского* (1930. 19 июня), других представителей дальневосточной и западноевропейской эмиграции.

О.А.Бузуев

«НОВАЯ ГАЗЕТА» (Париж, 1931. 1 марта. — 1 мая. № 1—5) — двухнедельник литературы и искусства. Издатель — *М.Л.Слоним*. Издание было задумано как связующее звено между русской эмигрантской литературой и литературой советской России: «Сохранить самих себя, не раствориться в других народах мы можем только при помощи этой крепкой связи с русской культурой» (Слоним М. Литература в эмиграции // 1931. 1 мая). Разобщенность географическая и идейная усиливает разрыв литературных связей, и для их развития, по мнению Слонима, писатели-эмигранты должны обращаться к сегодняшней русской жизни со всеми ее сложными идейными и социальными коллизиями, а не уходить в историческое прошлое, в изображение иностранной среды. Автор статьи сетует на то, что в эмигрантском мире нет «литературного движения, той подлинной литературной жизни, которая проявляется в исканиях, обсуждениях, борьбе художественных течений, поисках новых путей, спорах об основных вопросах искусства, во всем том, что является первым показателем культурного развития» (там же). Слоним заявляет, что его газета будет всячески способствовать укреплению культурных связей и развитию великих традиций русской литературы за рубежом.

Каждый номер газеты открывался редакционными статьями Слонима («О *«Числах»*», № 2; «Литературные поколения», № 3; «О современности и злободневности», № 4; «О простоте и понятности», № 5). Основная направленность газеты — сопоставление литературного процесса в России с литературой русского зарубежья. В газете были выделены две рубрики: 1) Русская литература за рубежом; 2) В России. В первой рецензировались новинки русских зарубежных писателей. Опубликованы рецензии на книги: *Алданов М.* Портреты. Берлин, 1931; *Сирин В.* Защита Лужина. Берлин, 1930; *Ладинский А.* Черное и голубое. Париж, 1931; *Федоров В.* Суд Вареника. Прага, 1930; *Поплавский Б.* Флаги. Париж, 1931; *Иванов Г.* Розы. Париж, 1931; Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. Париж, 1931; *Рощин Н.* Журавли. Белград, 1931; *Ходасевич В.* Державин. Париж, 1931; *Тэффи.* Книга Июнь. Белград, 1931; *Осоргин М.* Чудо на озере. Париж, 1931; *Бунин И.* Божье древо. Париж, 1931; *Мережковский Д.* Тайна Запада: Атлантида — Европа. Белград, 1930; *Кнорринг И.* Стихи о себе. Париж, 1931 и др.

Перечень книжных новинок писателей-эмигрантов сопровождался краткими аннотациями, сообщались сведения о событиях в литературно-общественной жизни русской эмиграции, о деятельности литературных объединений: *«Скит поэтов»* (Прага), *«Молодая Чураевка»* (Харбин), *«Кочевье»* (Париж), *«Далиборка»* (Прага), «Чугунное кольцо» (Ревель), *«Цех поэтов»* (Юрьев), *«Полевые цветы»* (Нарва) и др. В разделе «Хроника» — о литературных мероприятиях, проводимых в Париже: творческие вечера *А.Ремизова* (март 1931), *М.Цветаевой* (май 1931), юбилей *П.Пильского* (май 1931), публичные лекции М.Слонима и др.

Материалы о советской литературе занимали в газете большое место. Были опубликованы рецензии на книги М.Зощенко, Н.Тихонова, Ю.Олеши, Б.Пильняка, В.Гиляровского и др.

Газета сообщала о вечерах, посвященных памяти В.В.Маяковского, Д.А.Фурманова, о Всероссийской конференции российских писателей (доклад М.Козакова «Писатель и социалистическое строительство»), об обсуждении поэмы Б.Пастернака «Спекторский», принятии к постановке в театре В.Э.Мейерхольда пьесы Ю.Олеши «Список благодеяний», подготовке к приезду *М.Горького* в СССР, развернувшейся кампании против журналов «Огонек», «Прожектор», «Красная нива» за недостаточно четкую классовую позицию, о конфликте в РАППе, разгоревшемся вокруг А.И.Безы-

менского, обвинявшего своих коллег в политической неблагонадежности и т.п.

Популярностью пользовалась «Литературная анкета», обращенная к русским писателям, живущим в Париже. Одна из анкет содержала вопрос: «Где, когда и при каких условиях состоялось Ваше первое литературное выступление?» На анкету отвечали М.А.Алданов, И.А.Бунин, *Б.К.Зайцев*, *А.И.Куприн*, М.А.Осоргин, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, *И.С.Шмелев*. Большой интерес представлял другой вопрос «Литературной анкеты»: «Самое значительное произведение русской литературы последнего пятилетия?». М.А.Алданов, И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, Г.Иванов отказались отвечать на этот вопрос, зато любопытны ответы других писателей старшего и младшего поколений: А.И.Куприн — «Солнечный удар» И.А.Бунина, «Растратчики» В.П.Катаева; А.П.Ладинский — «Вор» Л.М.Леонова, «Петр I» *А.Н.Толстого*; М.А.Осоргин — «Взвихренная Русь» А.М.Ремизова; В.Ф.Ходасевич — «Жизнь Арсеньева» И.А.Бунина, «Защита Лужина» В.Сирина. Примечательно, что младшее поколение писателей — Б.Поплавский, *Ю.Фельзен*, М.Цветаева предпочли творчество своих сверстников — *С.И.Шаршуна* или поэтов, близких им по эстетическим позициям (Б.Пастернак, О.Мандельштам).

Стремясь наладить живой обмен мнениями, газета организует литературную дискуссию. Начало положила статья *С.Л.Полякова-Литовцева* «О мистицизме», в которой он утверждает, что мистика, культ смерти несвойственны русской литературе. Его поддержал М.Слоним, выступив с критикой журнала «Числа» за поэтизацию смерти. В полемику вступили молодые писатели *В.Андреев*, Б.Поплавский. Последний утверждал: «Вопрос о смерти, в сущности, борьба со смертью и повышение чувства жизни» (1931. 1 апр.).

В газете значительное внимание уделялось теоретическим статьям-размышлениям о судьбах русской литературы: статьи Д.Резникова «Что будет с нашей литературой?», *Ю.Терапиано* «О критике и литературном поведении», А.Новика «Мысли по касательной», *Г.Адамовича* «Темы», М.Осоргина «О простоте», *Г.Газданова* «Мысли о литературе» и др. Зная о большом интересе читателя к мемуарной литературе, газета помещает воспоминания М.Руммеля «Мои встречи с Есениным», Б.Пастернака «Встречи с Маяковским». В газете напечатаны интервью с французскими писателями Андре Моруа и Франсуа Мориаком, об их взглядах на русскую литературу и на ее будущее.

Газета печатала стихи В.Андреева, *Б.Божнева*, А.Берлин, рассказы Г.Газданова, А.Ремизова, А.Ладинского и др. Публиковались произведения советских писателей. Среди них рассказ Л.М.Леонова «Возвращение Копылева», В.Я.Шишкова «Бродячий цирк», отрывки из романа А.А.Фадеева «Последний из Удэге», Н.С.Тихонова «Керим-хан» (из книги «Кочевники»).

В каждом номере двухнедельника давались обзоры новинок французской, английской, итальянской и других литератур. В рубрике «Театр» сообщалось о театральной жизни Москвы, о новых спектаклях («Хлеб» В.М.Киршона, «1905 год» К.Д.Гандурина). Давалась информация о художественных выставках в Париже (о персональной выставке М.Ларионова, о вернисаже, организованном редакцией журнала «Числа»). Юмор был представлен двумя разделами: «Паноптикум» высмеивал графоманство, «Щуп и цапля» — языковые погрешности, встречающиеся и у маститых писателей.

Л.Г.Голубева

«НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ» (Гельсингфорс, 1919. 5 декабря — 1922. 31 мая) — ежедневная газета (в 1919 выходила три раза в неделю). Печаталась в гельсингфорсской типографии Састамойнена с подзаголовком «орган русской освободительной национально-государственной мысли». Издавалась под редакцией критика Юрия (Георгия) Александровича Григоркова (1885—1961). В редколлегию входили профессора А.В.Карташев, Д.Д.Гримм, В.Д.Кузьмин-Караваев, писатели *А.И.Куприн* (до июля 1920), *И.А.Бунин* (с 1921), журналисты *А.А.Яблоновский* (с 1921), В.И.Воутилайнен, историк литературы *Е.А.Ляцкий*. «НРЖ» возникла после того, как перестала выходить газета «Русская жизнь» (Гельсингфорс, март—декабрь 1919), которую редактировал историк литературы и общественный деятель *К.И.Арабажин*, сторонник признания Россией независимости Финляндии. К середине 1919 «Рус-

ская жизнь» фактически превратилась в орган Политического совещания при генерале Юдениче (преобразованного в августе 1919 в Северо-западное правительство), в состав которого входили члены редколлегии газеты А.В.Карташев и В.Д.Кузьмин-Караваев. Натолкнувшись на резкое противостояние сторонников «единой и неделимой Российской империи» из числа сотрудников «Русской жизни», Арабажин принял решение создать новую газету «Рассвет» (Гельсингфорс, ноябрь 1919 — ноябрь 1920), «беспартийный демократический орган русского самосознания», призванный служить духовному сближению русского и финского населения. После провала наступления армии Юденича на Петроград и самороспуска Северо-западного правительства В.И.Воутилайнен начал издавать «Новую русскую жизнь» с новым главным редактором и обновленной редколлегией.

Главной задачей газеты объявлялось «освещение состояния внутри России и положения русского дела на белых фронтах и за границей» (1920. № 1). Читателям предлагались «подробные и всегда новые сведения о жизни в советской России, телеграммы и статьи корреспондентов из всех европейских центров» (там же). Этому служили несколько постоянных рубрик, в которых помещались материалы, отражавшие общественно-политическую и культурную жизнь русских в Финляндии и других странах.

Редакция и главная контора газеты находились в Гельсингфорсе, подписка, продажа и прием объявлений осуществлялись по всем городам Финляндии, а также в других странах. Собственные корреспонденты газеты — К.Павлов (в Праге), *Дионео* (Шкловский И.В.) (в Лондоне), Е.Колыванский (в Берлине), В.Вальтер (в Вене), М.Первухин (в Риме), М.Забалуев (в странах Африки), О.Мартыновский (в Париже), М.Неволин (в Копенгагене), М.Горский (в Варне).

«НРЖ» выполняла функцию связующего звена между русской колонией в Финляндии, между местным русскоязычным населением и финнами, помогая устанавливать доброжелательные отношения, преодолевать исторически сложившиеся объективные и субъективные трудности взаимопонимания, способствуя развитию культурных связей. На страницах газеты публиковались работы писателей и публицистов российского зарубежья: стихи и переводы из французской поэзии *И.Бунина*, *И.Северянина*, *И.Тхоржевского*, *Лоло* (Мунштейн Л.Г.), *Н.Тэффи*, *В.Андреева*, Б.Башкирова-Верина, *К.Бальмонта*, К.Алина, И.Воинова, В.Бледного, А.Юрисона, *Г.Струве*, Г.Алексинского; рассказы Л.Львова, Г.Алексинского, Ф.Лумберга; очерки *А.Амфитеатрова*, С.Яблоновского, Л.Львова, С.Ольденбурга, В.Кадашева, Н.Тимашева, З.Ашкинази, В.Кузьмина-Караваева, *П.Струве*, Г.Раковского, Дионео, *Д.Мережковского*, Н.Тэффи; статьи о литературе и искусстве Ю.Григоркова (о Н.Некрасове, Л.Толстом, М.Врубеле), В.Валериана (Воутилайнена) (о Н.Гумилеве, *Горьком*), З.Ашкинази (о культурной жизни Петрограда), И.Воинова (о петербургском балете), литературные, театральные и музыкальные рецензии Ю.Григоркова, Т.Бунякина, П.Гардова, А.Рейхе и др.

Постоянный автор газеты с декабря 1919 по июль 1920 — А.И.Куприн. За время сотрудничества с газетой им было опубликовано несколько десятков очерков («Победители» // 1920. 3 янв.), статей («Пролетарская поэзия» // 1920. 14 янв.; «Пролетарские поэты» // 1920. 23 янв.), рассказов («Лимонная корка» // 1920. 15 янв.), фельетонов («Слово-закон» // 1920. 28 янв.), стихотворений («Закат» // 1920. 22 февр.), интервью («Беседа с генералом В.С.Пермикиным» // 1919. 11 и 12 дек.), воззваний («Елка» // 1919. 17 дек.), корреспонденций («О сборе пожертвований для интерната при русской гимназии в Перкиярви» // 1920. 13 янв.). Некоторые из них Куприн подписывал Али-Хан («О балете» // 1920. 20 февр.), А.К. («Маленький фельетон» // 1920. 3 марта), Акъ («Сорока Якова» // 1919. 9 дек.). Творчество Куприна гельсингфорсского периода — непосредственный отклик на происходившее в России, мужественный протест патриота и гражданина против превращения России в «арену смерти, крови и опустошения» (см. статьи: Ekonen K., Hellman B. Alexander Kuprin and Finland // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1919. T. 8; Еськина Л. «Стыдно перед богом и историей» (Неизвестные страницы публицистики А.Куприна) // Славянский вестник. 1991. № 1).

После переезда весной 1922 большинства членов редколлегии «НРЖ» в другие страны рассеяния газета перестала выходить. В июне того же года В.И.Воутилай-

нен возобновил издание под названием «Русские вести» (Гельсингфорс, июнь 1922 — октябрь 1923), сохранив неизменными основные принципы редакционной политики «Новой русской жизни», направленной на пропаганду идей антибольшевистской борьбы и сохранение русской культуры в изгнании.

Л.А.Еськина

«НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА» (Берлин, 1922. № 1—12; 1923. № 1—6) — критико-библиографический журнал, который стал выходить вместо журнала *«Русская книга»* в издательстве И.П.Ладыжникова. По замыслу его редактора *А.С.Ященко*, журнал был призван объединить русскую литературу в условиях политической раздробленности нации, принять на себя функцию организационного объединения волею судеб разбросанных по разным уголкам земного шара русских литераторов, ученых — всех, имеющих отношение к созданию и изданию книг. Программа журнала предполагалась принципиально беспартийной и намеренно аполитичной. В ней провозглашалось неразрывное единство культурной работы, где бы она ни происходила. Во вступительной заметке от редакции к первому номеру журнала Ященко сформулировал позицию журнала: «Мы смотрим на русскую литературу, где бы она ни создавалась, здесь или там, как на единую и не противопоставляем эмиграцию Советской России... Служить объединению и восстановлению русской литературы ставит себе задачей и «Новая русская книга»» (с. 1). Но независимо от намерения рассматривать советскую и эмигрантскую литературу как два русла одного потока и содействовать их слиянию, журнал выявлял различные точки зрения на одни и те же литературные явления со стороны советских и эмигрантских писателей.

Сведения для журнала Ященко получал от ученых и писателей-эмигрантов, ставших берлинцами, от писателей, приезжавших из советской России на время, от огромной переписки, организованной редакцией журнала и им самим с литераторами России, Европы, Америки (к примеру: К.А.Федин, работавший в ленинградском отделении Госиздата с конца 1921 и будучи сотрудником и секретарем журнала «Книга и революция», посылал в Берлин комплекты издания этого журнала и снабжал Ященко доступными ему сведениями о литераторах, работающих в России). Важным источником сведений служили книгоиздательские и книготорговые каталоги. Со временем советские и зарубежные книгоиздательства стали присылать свои издания в журнал на отзыв.

В первом разделе публиковались обзорные статьи самого редактора: «О новых путях и новом искусстве» (1922. № 3), «Литература за пять последних лет» (1922. № 11/12), в которых просматривается взгляд на литературу в России и за рубежом как на единое целое, огорчение по поводу ущерба, наносимого литературе активной деятельностью цензуры в России, боль за тяжелое положение писателей и досада на препятствия, чинимые проникновению в Россию книг из-за рубежа. Несколько статей опубликовал в журнале приехавший в Берлин в 1921 *И.Эренбург*, пытавшийся беспристрастно, с позиции «над схваткой» рассмотреть вопрос о скептическом отношении в зарубежных литературных кругах к писателям, оставшимся в России (статья «Новое искусство в России» // 1922. № 1). В статье «Новая проза» (1922. № 9) он в основном говорит о «Серапионовых братьях», пришедших на смену символизму и импрессионизму. С его точки зрения, творчество писателей-«серапионов» связано с новым, «конструктивным» искусством; появление «Серапионовых братьев» — симптом возрождения русской прозы на новой основе. К творчеству «Серапионовых братьев» обращена и статья Н.Ашукина «Современность в литературе» (1922. № 6). Отмечая, что современная проза отражает фантасмагорию времени, он улавливал в ней динамичность, фабульность при отсутствии психологизма.

В этом разделе журнала опубликованы две работы *А.Белого*. В статье «Культура в современной России» (1922. № 1) он отмечал пеструю смесь противоречий и крайностей в искусстве. В статье «К юбилею *Максима Горького*» (1922. № 8) он утверждал, что Горький, порою противоречивый от многогранности, есть воистину Чело Века своего времени. Раздвинув внешние перегородки благополучно усвоенных схем, он привлек внимание к «темным» истокам человеческого сознания, полного противоре-

чий. В деятельности Горького в защиту культуры, «порой косолапо» и неумело, Белый усматривал «крупный жест крупного человека».

А.Ремизов в статье «Крюк: Память петербургская» (1922. № 1) утверждал, что в России есть одно большое литературное гнездо Петербург—Москва, от которого по всей стране идут малые гнезда. Б.Пильняк в статье «Заказ наш», рассуждая о писательском искусстве, пришел к выводу, что в России наступил период мужицкой литературы с мужицкой формой и содержанием, отражающей заказ простого мужика. Г.Лукомский, видя в современной живописи сладкую мечту о прошлом и радость разделения трудной судьбы своего народа, в статье «Итоги и задачи русской художественной деятельности: (1919—1921)» (1922. № 2) дал общую картину современного состояния русской школы живописи, подчеркнув искание в ней новых творческих путей.

Содержательна и помещенная в этом разделе статья Э.Голлербаха «Старое и новое: заметки о литературе Петербурга» (1922. № 7), прослеживающая сочетание старого и нового в произведениях А.Белого, М.Кузмина, Вс.Рождественского, Ф.Сологуба, *Г.Иванова*, А.Ахматовой, А.Радловой.

Значительная роль отводилась в журнале разделу «Критика и рецензии». Ближайшими сотрудниками этого раздела были: секретарь журнала *Роман Гуль*, молодой писатель *Александр Дроздов*, одновременно редактировавший журнал *«Сполохи»*, сотрудничавший в журнале *«Накануне»* и вслед за *А.Н.Толстым* уехавший в Москву, *Глеб Алексеев*, тоже вскоре ставший возвращенцем; Юрий Офросимов, писавший стихи под псевдонимом Г.Росимов, сотрудник *«Руля»*; Федор Иванов, автор книги очерков о советской литературе под названием «Красный Парнас: Литературно-критические очерки» (Берлин, 1922) и рассказов «Узор старинный» (Берлин, 1921); печаталась в разделе Вера Лурье, молодая поэтесса, до своего переселения в Берлин принимавшая участие в кружке «Звучащая раковина» в Петербурге, которым руководил Н.Гумилев, *М.Осоргин*. А.Н.Толстой, приехавший в Берлин в октябре 1921, был привлечен к участию в работе «Новой русской книги». В № 1 за 1922 опубликованы рецензии А.Н.Толстого и И.Эренбурга на книги С.Есенина «Трерядница», «Исповедь хулигана» (М., 1921) с разными во многом точками зрения на его творчество. Ими рецензировались наиболее интересные книги русских писателей, выходившие в Москве, Петербурге, Берлине, Париже, Гельсингфорсе, Стокгольме, Риге, Вене, Софии, а также художественные сборники и альманахи.

В разделе критики помещались рецензии не только на художественную литературу, но и на исторические произведения: В.Станкевич рецензировал книги *В.Шульгина* «1920 год» (1922. № 3), А.И.Деникина «Очерки русской смуты». Т. 2 (1922. № 2), на книги по экономике *А.Чаянов* написал рецензию «Из области новых течений русской экономической мысли» (1922. № 5). Книги по философии рецензировал С.И.Гессен (под псевдонимом Sergius).

Программа Ященко — обеспечить «единение» русской литературы — осуществлялась и берлинским *«Домом искусств»*, в числе инициаторов создания которого был и Ященко. В начальный период существования этого клуба «НРК» была его печатным органом.

Материалы раздела «Писатели: Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1920 гг.» — своего рода продолжающийся биобиблиографический словарь и сейчас служит незаменимым источником сведений о судьбе, перемещениях, работе и замыслах не только крупных, прославленных литераторов, но и второстепенных, бесследно исчезнувших впоследствии из русской литературной жизни. В этом же разделе приводились сведения о высланных из советской России ученых (1922. № 9), опубликован «Список ученых и литераторов, находящихся в Крыму и нуждающихся в помощи» (1923. № 2), среди которых М.А.Волошин, К.А.Тренев, М.П.Чехова и др. — всего 63 человека. За весь период существования журнала опубликовано около 2900 биографических справок и сведений, в том числе свыше 1700 сведений об ученых и литераторах, находившихся в России.

Со 2-го номера за 1922 в рубрике «Писатели» появилась подрубрика «Писатели о себе», в которой, откликаясь на вопрос редакции «Как Вы пережили войну и революцию и каковы Ваши дальнейшие литературные планы?», писатели рассказывали о

своей жизни в период бурных лет гражданской войны и революции. В этом разделе выступали писатели: Б.Пильняк, И.С.Соколов-Микитов, *А.Ветлугин*, А.Дроздов, *Е.Замятин*, *А.Кусиков*, А.Н.Толстой, И.Эренбург, С.Есенин, *И.Наживин*, А.Соболь, А.Яковлев, *С.А.Гусев-Оренбургский*, К.Федин, *В.Ходасевич*, В.Лидин, *Н.М.Минский*, В.Маяковский, Д.Крачковский, И.Оксенов, *В.Немирович-Данченко*, *Н.Оцуп*.

В разделе «Пресса» публиковался список газет, выходящих на русском языке за пределами советской России. В первых четырех номерах журнала за 1922 в этом разделе учтены и 126 русских зарубежных журналов. С пятого номера за 1922 в этой рубрике появились два подраздела: «Периодическая печать в эмиграции» и «Периодическая печать в Советской России». За период издания журнала даны сведения о 443 газетах и журналах русской эмиграции, приведены 465 библиографических заметок об отдельных номерах русской советской и зарубежной периодики. Этот раздел стал уникальным источником сведений о русской зарубежной периодике первых лет советской власти.

Ященко считал важной задачей ознакомление русских эмигрантов с литературой, выходившей в то время в советской России, что осуществлялось в рубрике журнала «Книжная летопись». В ней публиковались тематические подборки. В отдельных номерах присутствует подраздел «Книги о России, изданные на иностранных языках». С № 8 за 1922 появился постоянный подраздел «Книги, присланные в редакцию для отзыва». Примерно 2/3 книг этого подраздела — литература русской эмиграции.

Начиная с пятого номера журнала «Русская книга», в изданиях Ященко, стал активно сотрудничать приехавший в Берлин И.Эренбург, последовательно пропагандировавший русское молодое искусство в его наиболее радикальных «конструктивистских» проявлениях. Между Эренбургом и Ященко с самого начала обозначились резкие расхождения в отношении к новым явлениям художественной жизни России. Ященко остался глух к главным фаворитам Эренбурга в поэзии — Маяковскому, Пастернаку, *Цветаевой* и отрицательно отнесся к симпатиям Эренбурга в области изобразительного искусства. Тот и другой имели сторонников, разделяющих их взгляды. На страницах журнала развернулась полемика. Тон ей задал один из ведущих представителей русского авангарда, автор книги «Современная живопись» (Берлин, 1923) Иван Пуни, опровергавший основные постулаты эстетической концепции Эренбурга (1922. № 2). К концу 1922 резко обострились общественно-политические противоречия в среде русской литературной эмиграции в Берлине, произошла резкая поляризация литературных лагерей. Позиция Ященко и его журнала, направленная на «наведение мостов» и «сближение полюсов», — оказывалась все более анахроничной. К концу 1922 выяснилась невозможность объединения идеологически разнопорядковых явлений, даже принадлежащих к одной, берлинской эмиграции. Стремление к сохранению «нейтралитета» оборачивалось тенденцией к нивелировке, к сглаживанию противоречий литературной жизни. С начала 1923 прекратил существование раздел «Писатели о себе». Стремление к компромиссу, к нейтралитету оборачивалось нивелировкой политической борьбы, в результате от сотрудничества отказались ранее активно участвовавшие в журнале писатели А.Белый, А.Толстой, А.Ремизов, И.Эренбург.

Публикацией нелегально переправленного через границу цикла стихотворений М.Волошина «Усобица» (1923. № 2) о разгуле большевистского террора в Крыму Ященко как бы признавал иллюзорность прежней программы и старых чаяний.

Журнал закрылся осенью 1923. В редакционной статье последнего номера (1923. № 5/6) Ященко делает отчаянную попытку предотвратить развитие событий, через несколько месяцев ставших реальностью. Он стремится «уговорить» враждующие стороны видеть в культурной работе, где бы она ни совершалась, общерусское дело, призывает сохранить национальное единство, хотя бы в сфере книжного производства, наладить нормальные книжные отношения между всеми центрами русской книгоиздательской деятельности.

Благодаря видному деятелю русской социал-демократии Б.И.Николаевскому сохранилась часть архива журнала, содержащая материал, ценный для изучения русской зарубежной литературы этого периода. Архивные материалы журнала, в частности, письма, адресованные А.С.Ященко,

частично опубликованы в сборнике «Русский Берлин». В настоящее время архив находится в Гуверовском институте в Стэнфорде (Калифорния).

А.М.Гуткина

«НОВОЕ ВРЕМЯ» (Белград, 1921. 22 апреля. № 1 — 1930. 26 октября. № 2853) — ежедневная газета, редактор-издатель — М.А.Суворин. В программной статье первого номера редакция заявила о продолжении традиций, заложенных А.С.Сувориным. «Мы получили вновь возможность продолжать работу, прерванную мятежом 17-го года. Мы возобновляем ее не на родине... Малые осколки Великой России нашли теперь убежище на сербской земле». В первые, трудные для русской эмиграции годы редакция газеты апеллировала к опыту своего издания, переживавшего аналогичное: «Новое время» закрывали три раза (1909 — по распоряжению министра внутренних дел Д.С.Сипягина; летом 1917 — по распоряжению министра юстиции А.Ф.Керенского; в октябре 1917 — по распоряжению большевиков). К чести издания, оно не забывало своего создателя, публикуя исторические материалы («Из записок А.С.Суворина: К 10-летней годовщине со дня смерти» // 1922. 24 авг.; «Из неизданного дневника А.С.Суворина» // 1928. 10 янв.; Рыбинский Н. Большой человек: Об А.С.Суворине // 1928. 6 марта и др.).

Предлагаемый изданием материал располагался по разделам: «Передовые статьи», «В Сербии», «Последние известия», «Вести из Галлиполи» (до 1922; позже периодически публиковались материалы из жизни галлипольских братств, рассеянных в эмиграции), «Из России», «Из газет и журналов», «Оповещения», «Хроника», «Справочный отдел» и др. Раздел «Внутренние дела» освещал жизнь многочисленных русских колоний в сербских городах: Белграде, Загребе, Ерцигнови, Митровице Сремской, Панчеве, Новом Саде, Чуприи, Вршаце, Кральево и др. Рубрики газеты и публикуемые в них статьи аналитического и историко-политического характера таких авторов, как Ю.Дмитриев, Б.Суворин, А.Погодин, А.Столыпин, Т.Локоть, Н.Рыбинский, В.Даватц, позволяли говорить о «НВ» как издании, уделяющем основное внимание политическим и идеологическим проблемам современности. «Минет и большевистская смута, как минули и другие беды. Россия вновь восстанет из развалин, как это бывало столько раз до нас. И не придется сожалеть тем, кто сохранил веру в нее в дни ее тягостных испытаний» (1922. 22 апр.).

Проблемам культуры и литературы в газете уделялось меньше внимания. Но тем не менее с деятельностью «НВ» неразрывно связано творчество литераторов, которые вызывали интерес к изданию. Здесь печатались стихи русских авторов — А.Балашова, Б.Собинова, К.Шумлевича, П.Евграфова, кн. Ф.Касаткина-Ростовского, Н.Карабчевского, А.Евреинова и других, а также стихи сербских авторов: Воислава Илича, Джуры Якшича (в переводе кн. Ф.Касаткина-Ростовского), И.Дучича, М.Ракича (в переводе Е.Вадимова) и др.

Газета предлагала своим читателям и прозу: рассказы и повести А.Погодина («По Сербии: Путевые очерки» // 1922. Сент.), В.Хесина («Из записок беженца» // 1925. Дек. — 1926. Янв.), Ю.Ракитина («Весеннее наводнение: Из Петербургской старины» // 1924. 26 апр.), Н.Рыбинского («Под небом Африки: О легионерах» // 1926. Март; Он же. «Володя: Галлиполийская повесть // 1926. Июль—авг.) и др., а также произведения иностранных авторов — «Принц, или Паяц» М.Декобра (янв.—февр. 1928), «Мари-Пьер у руля, или Удивительные приключения» Т.Трильби (март—май 1928), «Возвращение» его же (май—июнь 1930) и др.

Интерес вызывали и статьи на историко-литературные и философские темы: Н.Чебышева («И.С.Аксаков: Сорокалетие его смерти» // 1926. 9 февр.), А.Погодина («Достоевский и наша современность» // 1924. 6 апр.; «Проблема личности и народа у Достоевского» // 1924. 24 апр.; «От Фурье к св. Серафиму Саровскому: Эволюция Достоевского» // 1926. 11 февр.; Толстой и Достоевский, как мыслители (отрывки из книги)» // 1926. Июль—окт.), кн. Ф.Касаткина-Ростовского («Русские в Сербии в XII веке» // 1923. 15 февр.).

С первого номера одним из постоянных разделов газеты был литературно-политический «Маленький фельетон», откликавшийся на происходящие в мире события. Редактором этой рубрики, а также постоянным автором многочисленных фельетонов,

написанных на «злобу дня», был *А.Ренников*, сотрудник суворинской газеты до революции. Лаконичность, точность даваемых характеристик и выразительность языка фельетонов Ренникова снискали заслуженное уважение читателей. Помимо публицистики, в газете печатались и другие литературные произведения этого автора: «Мы — русские» (1921. 22 апр.), «Крестный ход: Стихотворение в прозе» (1922. 25 апр.), «Конец Бронштейна: Рассказ» (1922. 3 сент.), «Ложь машины: Из рукописи неизвестного автора» (февр. 1923), «Вальс в бесконечности» А.Ренникова «За тридевять земель», посвященный судьбам русских эмигрантов.

Имя Ренникова связывалось в газете еще с одним направлением: библиографическое описание поступающих в редакцию книжных новинок. Раздел «Библиография» отражал деятельность Русского отдела Общества славянской взаимности, ставящего перед собой вопросы «будущего строительства России» (равно как и «идейную борьбу с разорившим и опозорившим нашу Родину большевизмом» // 1923. 25 янв.). Именно Русский отдел предложил эмигрантам, проживающим в Сербии, почтовую рассылку библиотечных книг для чтения или иных практических нужд. Особенностью разбора литературных новинок являлось то, что часто рецензируемые книги являлись лишь поводом для разговора, их авторы и сами литературные тексты рассматривались под углом зрения описываемых или происходящих политических событий. Таковы статьи публициста А.Столыпина (брата убитого председателя Совета министров) о соотносимости литературного мира в творчестве Ж.-Р.Блока и действительности (1921. 31 авг.), А.Ренникова «Письма императрицы» (отзыв на книгу «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II» // 1922. 5 авг.), «Могучий русский язык» (отзыв на книгу «Дневник Нелли Пташкиной». Предисл. С.Сватикова // 1922. 26 авг.) и др.; М.С. «*Максим Горький* и крестьяне» (отзыв на книгу М.Горького «О русском крестьянстве» // 1922. 1 окт.), К.Шумлевича «Санкт-Петербург» (отзыв на книгу *С.Горного* «Санкт-Петербург: Видения» // 1926. 24 июля) и др.

Особый вопрос, поднимавшийся в газете, — отношение к советской литературе; мнения о литературе новой России были полярными. С одной стороны, статьи Б.Суворина «Всероссийский бедлам» (отзыв о «Заговоре дураков» А.Мариенгофа), А.Ренникова «Коммунистическое искусство» (отзыв о пьесах А.Луначарского), «Советские рыжие» (статья о творчестве *И.Северянина*, В.Маяковского, *А.Кусикова*), отказывавшие советской литературе в праве называться искусством, а с другой стороны, восхищение русским талантом: «Из писателей новых, живущих в России, примечаю двух любопытных: *Замятина* и Зощенко. Из здешних (кроме *Ремизова* и *Белого*) верю лишь в Толстого. Из поэтесс по-прежнему предпочитаю Ахматову» (Шумлевич К. Артисты и писатели в советской России // 1922. 15 сент.).

В 1929 в Белграде *Союзом русских писателей и журналистов* обсуждалась проблема постановки на белградской сцене пьесы М.Булгакова «Дни Турбиных». Первое чтение пьесы состоялось 11 февраля 1929. Пьеса вызвала бурную дискуссию, нашлись защитники и противники. Е.Жуков в статье «По поводу «Дней Турбиных»» писал: «Нам, стоящим за постановку «Дней Турбиных» исключительно в целях показательных, кажется, что не нужно бояться выявления промахов в прошлом. А главное — это даже долг наш — выносить перед лицом всех всякое малейшее подтверждение общности нашей антибольшевистской правды и настроений с теми, которые живут под спудом, в тайниках живут, в подлинной России» (1929. 17 февр.). Ярый противник постановки В.Даватц настаивал на том, что «иностранцы воспримут это не как эпизод, к тому же очень своеобразный, на фоне гражданской войны. Они неизменно обобщат это на все белое движение. На белое движение перенесут они всю грязь «киевского действа» и белое дело свяжут с немецкой ориентацией» (1929. 14 февр.). Состоявшийся 18 февраля в Союзе русских писателей и журналистов доклад А.Ксюнина о пьесе «Дни Турбиных» вызвал желание продолжить разговор об исторической правде пьесы Михаила Булгакова. Полемика вокруг пьесы нашла отражение на страницах газеты: речь В.Даватца на диспуте (1929. 5 марта), Рыбинский Н. Суд над «Днями Турбиных» (5 марта) и др.

Рождественский и Пасхальные номера открывались поздравлениями русским людям, оказавшимся вдали от России, мит-

рополита Киевского и Галицкого Антония. В этих номерах публиковались стихи В.Гордовского, К.Шумлевича, проза А.Ренникова, В.Даватца, интервью с *Аркадием Аверченко*, статьи о русском театре, балете, музыке (1924), стихи Е.Вадимова, кн. Ф.Касаткина-Ростовского, проза А.Бурнакина, Н.Рыбинского, воспоминания С.Палеолога (1928), стихи Е.Журавской, А.Никольского, проза *П.Краснова*, Е.Глуховцевой, Е.Вадимова и др. (1929).

В 1924 в кругах русской эмиграции Югославии активно обсуждались роль и предназначение русской эмиграции. Статья В.Даватца «Миссия эмиграции» подводила своеобразный итог размышлениям многих, которые в большинстве своем были военными людьми: «Сознание миссии русской эмиграции как в фокусе концентрировалось в рядах Русской армии... Белое воинство объединяет то ощущение великой и тяжелой миссии, которую несет оно в первых рядах русской эмиграции». Статья рассматривалась как программный документ, что было важно перед проведением Зарубежного съезда представителей русской эмиграции.

В 1925 на типографской базе газеты было создано книгоиздательство «М.Суворин и К°», специализировавшееся на выпуске книг общественно-политического содержания и художественной литературы. В течение 1925—26 были выпущены произведения А.Ренникова «Диктатор мира: Роман будущего» (1925), «Души живые: Роман» (1925), «За тридевять земель» (1926), «Галлиполи: Пьеса в 4 д.» (1925); В.Даватца «Годы: Очерки пятилетней борьбы» (1926), *А.Величковского* «Песни изгнания» (1926), *В.В.Шульгина* «Дни» (2-е изд. 1925).

7—9 июня 1925 в Югославии впервые отмечались Дни Русской культуры, приуроченные ко дню рождения А.С.Пушкина. Ежегодно в «НВ» публиковались программы проведения этих празднеств, а также приурочивались статьи о творчестве А.С.Пушкина и его окружении: Плетнев А. Пушкин и П.А.Плетнев (1928. 3 июня); Савченко П. Пушкин (1930. 13 июня); Н.З.Р. [Н.З.Рыбинский]. Пушкин: Памятник (1930. 14 июня).

В марте 1926 редакция отмечала 50-летний юбилей своего детища. 13 марта был проведен молебен и торжественная манифестация сотрудников и читателей. Редакция газеты с гордостью отмечала необходимость своей работы — «многочисленные выражения симпатий и внимания со стороны русских людей весьма различных политических оттенков лучше всего доказали, что наша газета, отстаивающая русскую национальную идею, служила для многих объединяющим духовным центром» (1926. 16 марта).

Повсеместная инфляция создавала сложности в работе газеты (на ее страницах публикуются списки жертвователей в пользу газеты). Летом 1926 газетой была предпринята попытка перевестись в Париж: она окончилась неудачей.

О.В.Быстрова

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» (Нью-Йорк, 1910. Апрель. № 1 — 1940) — старейшая в Америке русская газета, издание которой продолжается и по сей день. Хотя фактически датой начала ее выпуска является апрель 1910, некоторые источники (НРС. 1942. 15 янв.) не без оснований указывают другую дату: ноябрь 1907, когда русским политэмигрантом И.К.Окунцовым и военным инженером Ф.А.Постниковым, собравшими 500 долларов при поддержке другого эмигранта А.А.Бравина, стала издаваться газета «*Русский голос*». Несмотря на то что эти издания впоследствии разошлись и даже стали идейными антагонистами («Русский голос» был органом коммунистов, а «НРС» поддерживало послереволюционную эмиграцию, выступая против советской власти), между двумя изданиями обнаруживается определенная преемственность: их издавал один и тот же человек — Иван Кузьмич Окунцов (1874—1939), руководствовавшийся в своих начинаниях «верой в дело» издания русской периодической печати в Америке и «интересом к русской малограмотной колонии» (Окунцов И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 314). По воспоминаниям очевидцев (Ефимович М. // НРС. 1925. 12 апр.), а также по собственным признаниям Окунцова, он был «един во многих лицах» при издании обеих газет, совмещая должности редактора, разносчика газет, наборщика и уборщицы. В 1907 линотипы не имели русского шрифта, и Окунцов сам составил шрифт для типогра-

фии Моргенталлер К°, где печатался «Русский голос».

Первоначально редакция «Русского слова» (именно так называлась газета в период ее создания) размещалась в Нью-Йорке на 4-й улице, «в районе бывших людей, хлебных очередей и миссий для спасения человеческих душ» (Ефимович М. Там же). Первым издателем газеты стал Михаил Леонтьевич Пасвольский. При нем финансовое положение газеты несколько улучшилось, редакция переехала из комнаты в просторную квартиру, стало более совершенным техническое оснащение газеты. На «Русском слове» учились грамоте, однако уровень издания был невысоким. Зачастую Окунцов, сам набиравший номера, помещал заголовки и объявления в перевернутом виде, объясняя недовольным рекламодателям, что якобы такие объявления привлекают больше внимания.

В годы первой мировой войны в газету пришел работать Марк Ефимович Вейнбаум (1890—1973), приехавший из России в 1913. Ставший вместе с М.И.Шимкиным ее издателем, Вейнбаум оставался им вплоть до своей смерти. О деятельности Вейнбаума в качестве издателя-редактора газеты отозвался в своей книге о русской эмиграции *Г.П.Струве*, заметив, что газета под его редакцией заняла «видное место не только в истории эмиграции вообще, но и в истории русской литературы и журналистики» (Струве Г. С. 387).

В 1921 редактором снова становится Окунцов, реэмигрировавший из России, где он побывал сразу после революции. (Во время его отсутствия редактором газеты некоторое время был Лев Михайлович Пасвольский, впоследствии работавший в американской прессе.) Именно в этот период газета получила название «Новое русское слово». Издателями оставались В.Шимкин и М.Вейнбаум. Очевидно, что финансовое положение газеты стабилизируется, о чем свидетельствует тот факт, что издатели приобретают обанкротившееся Первое русское издательство в Америке, созданное в 1918 М.Вильчуром, *Н.Сергиевским* и Л.Пасвольским, и открывают книжный магазин «НРС» (НРС. 1921. 26 июня). Состав редакции также обновляется в связи с начавшимся приездом из России новых, послереволюционных эмигрантов, среди которых было немало профессиональных литераторов, журналистов и критиков. В их числе был и прибывший из Одессы в 1923 журналист и беллетрист Л.М.Камышников. Среди его публикаций, имевших определенный резонанс в эмигрантских кругах, — полемические статьи, направленные, во-первых, против *А.В.Амфитеатрова*, призывавшего активизировать действия против большевиков (1926. 27 февр.), во-вторых, против О.Дымова, пустившего в обиход презрительное обозначение «эмигрантщина» по отношению к эмигрантской литературе.

Литературный и театральный критик А.Л.Фовицкий (Альфа), являвшийся заметной фигурой в русском литературном Нью-Йорке, стал после приезда в Америку штатным сотрудником газеты, регулярно помещая в воскресных литературных приложениях рецензии, статьи, в частности, о современном восприятии творчества А.С.Пушкина («Вечный современник» // 1925. 25 янв.), о творчестве *А.М.Ремизова* («Птица Ремез» // 1925. 1 марта), об О.Уайльде и Америке («Американские впечатления О.Уайльда» // 1925. 15 февр.) и многие другие вплоть до своей смерти в 1931.

На страницах газеты помещались произведения малоизвестных писателей и поэтов, прибывших в Америку в начале 1920-х, чьи имена впоследствии прославились не только в русской Америке, но и за ее пределами, что свидетельствует об эстетическом чутье редакторов газеты. Так, в середине 1920-х были опубликованы стихи Т.Остроумовой (1925. 15 февр.), Николая Алла (настоящая фамилия Н.Н.Дворжицкий) (там же), Михаила Чехонина (1925. 2 янв.), рассказы бывшей актрисы Малого театра Т.Тарыдиной (Маркс) (1925. 4 янв.), стихи поэта-футуриста Н.Смагина (1926. 28 февр.), произведения поэтессы *Л.Нелидовой-Фивейской* (1926. 28 февр.) и др. Печатались и произведения крупных писателей, прибывших в Америку после революции, в том числе *Г.Гребенщикова*, в частности, его воспоминания, написанные в связи с широко отмечавшимся в русской колонии США 20-летним юбилеем литературной деятельности, воспоминания, в которых писатель, вступая в полемику с *Вас.И.Немировичем-Данченко*, упрекнувшим Гребенщикова во время их встречи в Нью-Йорке в старомодности манеры письма, отстаивает свое право на «строгое, неторопливое, подчас

эпическое слово» (1925. 3 апр.). Впервые был опубликован отрывок («По первому снегу» // 1925. 4 янв.) из эпопеи Гребенщикова «Чураевы». Широко представлен в газете в 1920-е и проживавший в Америке писатель Г.Брейтман.

Отличительной чертой издательской политики газеты было привлечение к сотрудничеству писателей и журналистов, живущих в других местах российского рассеяния, в частности, в Европе и Китае. Постоянным сотрудником и автором был живший в Англии очеркист и беллетрист И.Шкловский (псевдоним *Дионео*).

В своей корреспонденции «Назовите 12 лучших романов» от 1 мая 1927 Дионео приводит мнение одного из ведущих английских писателей и критиков А.Беннета о том, что романы русских писателей Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева и Н.В.Гоголя возглавляют список лучших мировых произведений, и комментирует: «Россия, даже стертая с карты большевиками, создала нечто великое, бессмертное и неувядающее, венчаемое теперь в Англии, где все русское ныне на ущербе, так как англичане вообще ценят только победителя, «взявшего горку». *Андрей Седых* (настоящая фамилия Цвибак Я.М.) был внештатным корреспондентом газеты в Париже в течение многих лет. И сразу же после переезда в Америку 19 февраля 1942 он пришел в редакцию газеты и оставался ее сотрудником до самой смерти (1994), став с 1973 ее владельцем-редактором. В литературном разделе газеты печатались также статьи и рецензии ведущих критиков русского зарубежья, в том числе *П.Пильского*, в частности об *А.И.Куприне* (1925. 21 февр.), отрывки из воспоминаний «Угарные дни» (1926. 21 февр.). В своей статье от 1 мая 1927, посвященной выходу в Париже книги А.И.Куприна «Новые повести и рассказы», Пильский пишет об изменившемся стиле писателя: «Все так же властно, сильно и ослепительно ярко блистает и звенит его песнь восторженного поклонения перед миром, языческая молитва солнцу, звездам и земле. Но краски стали прозрачней, изысканней и строже». Статьи Пильского о советской литературе и литературе русского зарубежья регулярно помещались в воскресных выпусках газеты. Иногда это были заметки, рецензии, иногда объемные портреты современников, в частности И.Бабеля: «Он тянется к гиперболе, ему нужна необычайность. Бабель — импрессионист: у него нет фигур, одни силуэты... Он швыряет в свою лепку пуды глины, в пучину слов бросается наобум... В его фразе идет междоусобная война. Он жертва нервной нетерпимости» (1927. 13 февр.). *Ю.Айхенвальд* представлен многочисленными статьями и рецензиями, включая статью, посвященную юбилею М.Е.Салтыкова-Щедрина (1926. 14 февр.). *Г.Адамович* постоянно печатался в воскресных литературных приложениях газеты. В 1926—27 в каждом номере были помещены фельетоны или стихотворения *Дон-Аминадо* (А.П.Шполянский). Характерно, что произведениям последнего было отведено место не только в литературном разделе, но и на 2-й странице в разделе хроники.

В газете были широко представлены как поэты-эмигранты старшего поколения — *И.Северянин* (1925. 2 февр., 7 марта и т.д.), *З.Гиппиус* (1926. 25 марта), так и молодые — *В.Сирин* (1925. 4 марта), *Н.Берберова* (там же) и др. Для привлечения внимания читателей в газете был введен юмористический раздел, где постоянно печатали рассказы *А.Аверченко* (1925. 18 янв., 1, 15 февр.).

На восьмой, литературной странице газеты часто публиковались воспоминания литераторов, относящиеся преимущественно к периоду революционных и послереволюционных событий в России. 30 января 1927 были помещены воспоминания поэта и критика *Н.Оцупа* «Великая литература и Роза», проливающие свет на происхождение шуточных стихов поэта В.Зоргенфрея о лоточнице Розе: «И что нам былая свобода, / И что нам Берлин и Париж, / Когда ты налево от входа / Насупротив кассы стоишь», или таких окказиональных стихов О.Мандельштама, как «Если я должен тебе 18 тысяч, о Роза, — / Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать».

Русская литература представлена в газете не только эмигрантами, но и перепечатками советских писателей, круг которых был ограничен соответственно эстетическими пристрастиями издателей и читателей газеты — именами преимущественно А.А.Блока, С.А.Есенина и М.М.Зощенко.

Регулярно помещались обзоры советской литературы.

О газете см. также: Цынкова О. «Новое русское слово» — феномен долголетия // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 162—181.

Т.В.Селезнева

«НОВОЕ СЛОВО» (Берлин, 1933. Июль — 1944. Ноябрь. № 1—680) — еженедельная газета, выходившая по воскресеньям. Основана как независимая газета русской колонии в Германии, но финансировалась изначально ведомством А.Розенберга. Редактор-издатель — Е.Кумминг. С сентября 1934 главным редактором стал В.М.Деспотули. Задачи газеты новый редактор видел в том, чтобы сказать «новое слово о старых задачах борьбы с большевизмом», вскрывать «роль иудеев в большевизме, связь их с масонством и разрушительную работу последнего». Воинствующий антисемитизм, антикоммунизм и борьба с масонством были идеологией издания за все время его существования. Война Германии с Советским Союзом рассматривалась как освобождение русского народа от большевистского гнета. Идеологическую линию газеты определяли передовицы Деспотули и перепечатываемые из немецких газет речи Розенберга и Гитлера. Изредка руководящие статьи писали генералы В.Бискупский, А. фон Лампе и др. В качестве постоянных сотрудников выступали В.Плотников, М.М.Попелло-Давыдов, Л.Старицын, А.Славин, К. фон Альпен, Л.Андреевич, Л.Берг, В.Арденвальд. Известных имен было немного: *Вл.Кадашев*, *Вл.Ильин*, *Н.Брешко-Брешковский*, Г.В.Немирович-Данченко, Б.Солоневич, А.Лютер, позднее добавились *И.Шмелев*, *И.Сургучев*, *Г.Мейер*, Р.Иванов-Разумник, Б.Филистинский (Б.Филиппов), Н.Бернер, Б.Ширяев.

«НС» было для многих писателей-эмигрантов единственной русской газетой, выходившей в Германии после прихода к власти фашистов. Набор рецензируемых книг был случаен. Н.Полозов писал о сборнике статей Т.Манна (1938. 23 янв.) и мемуарах атамана Г.Семенова «О себе» (1939. 5 марта), В.Левитский — о новых книгах Л.Селина (1940. 17 нояб.; 1941. 6 апр.), А.Пильнев — о «Повести непогашенной луны» Б.Пильняка (1942. 18 нояб.), Ю.Терновой — о повести Н.Шпанова «Первый удар» (1944. 20 сент.).

Одним из наименее ангажированных авторов газеты, регулярно писавших на литературные темы, был Артур Федорович Лютер — критик, переводчик на немецкий язык Пушкина, Достоевского, *Мережковского*, автор изданной по-немецки «Истории русской литературы» (1924), московский профессор, оставшийся в Германии еще в 1914 и служивший старшим библиотекарем лейпцигской «Deutsche Bücherei». Его перу принадлежат статьи о литературе, выходящие за рамки чистой пропаганды: «Мережковский» (1935. 15 дек.); «Пушкин» (1937. 17 янв.); «Только о вещах...» (о книге *С.Горного*) (1937. 18 апр.); «Пушкин в Харбине» (об альбоме «Пушкин и его время», выпущенном в Харбине под ред. *К.И.Зайцева*) (1938. 24 июля); «Новые немецкие книги о старой России» (1940. 28 июля); «Памяти М.Ю.Лермонтова (к столетию со дня кончины)» (1941. 27 июля). В 1938 в газете печатались главы из романа А.Лютера «Der Dämon», готовящегося к выпуску на немецком языке в Лейпциге. Вскоре после начала войны с СССР сотрудничество с «НС» он прекратил.

Несколько статей на литературные темы опубликовал в газете Вл.Кадашев (Амфитеатров). В статье «Душный мир (о *В.Сирине*)» (1936. 29 марта), усматривая «исконный, метафизический порок сиринского подхода к творчеству» при виртуозном владении техникой, Кадашев спрашивал самого себя: «А не есть ли творчество этого высокодаровитого писателя, этого исключительно блестящего техника — сплошная и трагическая неудача?» Его перу принадлежат также статьи о скандале в парижском *Союзе русских писателей* — «Парижские тайны» (1937. 7 марта), о пушкинских днях в СССР — «Кухня ведьмы» (1937. 16 мая), статья о повести *А.Ремизова* «Оля» — «Об одной милой Оле» (1939. 14 мая, 18 и 25 июня), а также некролог — «*Владимир Ходасевич*» (1939. 2 июля). Вл.Ильин также писал не только на политические, но и на литературные и культурфилософские темы: «Достоевский, как политический мыслитель» (1940. 20 окт.), «Чудо архангельского мужика» о Ломоносове (1940. 24 нояб.), «Трагедия европейской культуры» (1941. 9 февр.), «Сокрове-

ние и откровение» (о В.Розанове) (1941. 17 авг.), «Защита культуры» (1942. 18 янв.), «Лирика Фета» (1942. 25 нояб.) — к 50-летию со дня смерти. Старейший сотрудник газеты, работавший в ней с первого дня, Андрей Иванович Бунге опубликовал несколько литературных материалов: статью «Вечер И.С.Шмелева» (1936. 11 окт.), обзор «Новые книги нового русского издательства» (1939. 28 мая) был посвящен книгам В.М.Вонлярлярского «Мои воспоминания» (Берлин, 1939) и М.М.Спасовского «В.В.Розанов в последние годы своей жизни» (Берлин, 1939). На литературные темы изредка писали также А.Лясковский: «*Горький*» (1936. 22 дек.) — о запрещении его книг в Германии, «Пушкин — символ нации» (1937. 7 февр.) и В.Плотников (А.С.Домбровский): «Памяти *М.П.Арцыбашева* (к 10-летию со дня кончины)» (1937. 28 февр.), «Письма из Варшавы: Вечер «Литературного содружества» (1937. 21 марта).

Генерал В.В.Бискупский, в мае 1936 назначенный начальником Управления делами русской эмиграции в Германии, решил объединить антибольшевистские эмигрантские силы. В 1938 он задумал подчинить газету своей организации под предлогом превращения ее «в орган печати национального фронта» и подал записку со своими предложениями по реорганизации газеты руководителю восточного отдела Лейббрандту (ЦХИДК. Ф. 1358. Д. 30. Оп. 4. Ед. хр. 118—131). В восточном отделе от реорганизации отказались, найдя существующее положение вещей, когда «газета подчиняется управлению Розенберга», более удовлетворительным: «Редакция получила приказание воздерживаться от всей эмигрантской болтовни и от всех споров между отдельными группами» (ЦХИДК. Ф. 1358. Д. 30. Оп. 4. Ед. хр. 132—137).

20 октября 1940 газета сообщила о том, что инициативная группа в лице И.Д.Сургучева, Н.Н.Брешко-Брешковского, Г.А.Мейера, Б.И.Ивинского, *В.И.Горянского* и др. приступила к созданию нового Объединения русских деятелей литературы и искусства. 10 ноября новая организация начала действовать, председателем Объединения был избран кн. А.Л.Церетели, а председателем сразу двух секций — писателей и журналистов, а также драматической — стал И.Д.Сургучев. Почти все члены Объединения вскоре стали авторами «НС». Первая публикация И.Сургучева в газете — рассказ «Песок» (1940. 13 окт.). Затем его заметки под общим заглавием «Парижский дневник» появлялись в газете с ноября 1940 по июнь 1942 (позже они перекочевали на страницы «*Парижского вестника*»). Часто печатал свои рассуждения на литературные темы Г.Мейер, секретарь писательской секции нового Объединения: «Поручик Вулич» (к юбилею Лермонтова) (1940. 24 нояб.), «Козьма Прутков (к 79-летию со дня кончины Его Превосходительства)» (1942. 25 янв.), «Неразгаданные лики и символы» (о Гончарове) (1942. 25 февр.), «Щедрин и большевики» (1942. 8 апр.). И.Шмелев опубликовал рассказ «От обезьяны» (1942. 18 окт.) и главу из эпопеи «Солнце мертвых» под названием «Чудесное ожерелье» (1942. 22 нояб.). Были напечатаны очерки *В.Крымова* «Время и люди» (1943. 4 июля), Н.Брешко-Брешковского «У вчерашних белых рабов» (1941. 4 мая), В.Горянского «Пятая колонна» (1941. 23 февр., 2 и 9 марта), «За сорок пять лет (воспоминания старого журналиста)» Н.Брешко-Брешковского (1942. 8 марта), «*К.Д.Бальмонт* (Памяти поэта)» за подписью И.А. (1943. 7 марта). Некрологами откликнулась газета на смерть Шаляпина (1938. 17 апр.), Мейерхольда (1938. 6 февр.), *Куприна* (1938. 11 сент.).

Из литературы русского зарубежья редакция благоволила *П.Н.Краснову*, И.С.Шмелеву, К.Д.Бальмонту, харбинскому писателю *Н.А.Байкову*. В 1936 были напечатаны фрагменты романа *Г.Гребенщикова* «Чураевы», — это была одна из немногих перепечаток в газете. Большинство остальных эмигрантских авторов вызывало у авторов «НС» неприязнь. Нелестно отозвался о творчестве Набокова А.Гарф в статье «Литературные пеленки» (1938. 20 марта): «Пусть «стильно», «ярко», «красочно», — но паноптикум остается паноптикумом, выдуманные восковые уродцы покрываются пылью, а живая жизнь идет мимо». Схожее мнение о Набокове высказала и Е.Березина в статье «Тени дня» (1940. 7 янв.): «Как чудесно и как пусто... без души». Г.Сафонов в статье «Закат Монпарнаса» не без удовлетворения констатировал прекращение «выродившегося» парижского искусства (1941. 12 янв.).

Ряд статей был посвящен состоянию русского языка: «Русский язык» Н.Ермако-

ва (1937. 7 февр.), «Эмигрантский язык» Н.Федорова (1941. 12 янв.), «Тяжелобольной» Вл.Абданк-Коссовского (1941. 2 марта), «Советский язык» Дм.Рудина (1943. 26 мая) и др.

С уходом главных литературных сил в «Парижский вестник», смертью В.Кадашева и А.Бунге газета окончательно потускнела.

О.А.Коростелев

«НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ» (Берлин, 1922. № 1—2. Август—октябрь) — критико-библиографический журнал, выходивший в издательстве «Грани» под редакцией *М.С.Слонима*.

Первый номер журнала поместил программную статью Слонима «Литература наших дней». Автор объяснял сложившуюся ситуацию в русской литературе: «Русская литература последних лет подверглась тяжелому физическому разгрому. На войне и на бесчисленных фронтах гражданской распри погибло множество юных сил, несозревших и нерасцветших талантов. Часть русских писателей ушла за границу, потеряла связь с родной почвой и оторвалась от русской литературной жизни. В эмиграции трудно творить. А оставшиеся в России должны были соблюдать молчание в течение трех лет. Одни, потому что психически не были в состоянии говорить. Другие, потому что негде было говорить до 1921 года, при отсутствии свободной прессы, не было и книгоиздательств, кроме государственных. Умственная жизнь была монополизирована властью. И хозяевами в ней были случайные прихвостни, приспособившиеся карьеристы или без лести преданные партийные фанатики. Путем искусственного отбора — печаталось, издавалось, распространялось не то, что было ценно художественно, а то, что казалось целесообразным политически. Литература превращалась в один из многочисленных департаментов коммунистического управления» (с. 5). Но несмотря на трагическую ситуацию, автор статьи оптимистически смотрел в будущее: «Искания переходного периода закончатся мощным творческим порывом, и живое слово искусства разомкнет тугие кольца, заключившие в своем тройном охвате русскую литературу» (с. 6). Отмечалась цель издания: знакомить русского читателя, равно как и всякого, интересующегося русской литературой, с состоянием дел в литературе, литературоведении и библиографии как в русской эмиграции, так и в советской России.

В разделе «Русская литература» печатались статьи *Е.Аничкова* «Акмея русского художества», *Е.Ляцкого* «Пушкиноведение в России», В.Тукалевского «На гранях революции: Заметки о русской литературе»; желая заинтересовать своих читателей, редакция журнала помещала на страницах литературоведческие обзоры (*Бем А.* Работы по теории литературы) и полемические статьи. Во втором номере было опубликовано «Письмо о России и в Россию» *В.Шкловского*, являющееся возражением пролетарским писателям о роли литературы в обществе. Твердо стоя на позиции — «искусство не там, где идеология, а там, где мастерство», — автор письма, тем не менее, протягивал руку «через горы трупов» советским писателям и предлагал «не упрекать друг друга» (с. 99). В разделе «Иностранная литература» давались обзоры эстонской, украинской, латышской литературы. В разделе «Rossica» печатались обзоры русских книг, вышедших в Англии с января по май 1922, чешской литературы о России и другие материалы. Раздел «Новые книги» представлял книги, вышедшие как в России, так и за ее пределами.

О.В.Быстрова

«НОВЫЙ АРЗАМАС» (Белград, 1928—1931?) — поэтический кружок в Белграде. Образован в конце 1928 учениками белградской Русско-сербской гимназии. Большинство из них входили в белградский Национальный союз русской молодежи. Участниками кружка были А.Н.Неймирок, М.В.Духовской, Ю.Герцог, Л.А.Алексеева (Девель), Н.Е.Бабкин, И.С.Гребенщиков, Н.К.Гриневич, И.В.Лапко. Основатель кружка И.Лапко стал его секретарем, позднее председателем кружка был избран М.Духовской. Поэты «Нового Арзамаса» были по большей части последователями акмеизма, почитателями творчества Н.С.Гумилева. Гибель Н.С.Гумилева в Петрограде в 1921 они воспринимали как личную трагедию. Постоянного места для своих встреч поэты не имели, их собрания происходили на квартирах, где

жили участники кружка, на чердаках белградских зданий, иногда в пригородах Белграда. Собрания проходили в атмосфере таинственности — при слабом свете единственной лампы поэты сидели на подушках на полу, пили красное вино и читали наизусть стихи Н.С.Гумилева. Читали они друг другу и свои стихи. «НА» был школой для молодых поэтов, четверо из них (Гребенщиков, Гриневич, Девель, Неймирок) впоследствии вошли в объединение *«Литературная среда»*. Все участники «НА», кроме трагически погибшего в 1931 И.Лапко, вступили в *Союз русских писателей и журналистов в Югославии.*

Г.П.Манчха

«НОВЫЙ ГРАД» (Париж, 1931. Ноябрь — 1939. № 1—14) — религиозно-философский журнал. Издание было задумано в 1926 одним из редакторов *«Современных записок»* И.И.Бунаковым (*Фондаминским*), которого не удовлетворила философски-мировоззренческая индифферентность «Современных записок» в их осмыслении русских событий. Разделявшие его соображения сотрудники «Современных записок» *Г.П.Федотов*, а затем *Ф.А.Степун* также признавали, что целостному социально активному материалистически-атеистическому мировоззрению большевиков необходимо противопоставить столь же целостное социально активное христианское мировоззрение.

«НГ» заявлял, что ни редакция, ни авторы не составляют партии или политической группы («От редакции», № 3), но привержены известному духовному единству, «вечной правде, правде личности и ее свободе», «воле к новой организации жизни», «правде общежития». Более отчетливо принципы этого единства были названы Степуном: 1) либеральная идея политической свободы; 2) социалистическая идея общественно-хозяйственной справедливости; 3) христианская идея абсолютной личности («Пути творческой революции», № 1).

В таком характерном для русской журналистики «направленческом» духе «НГ» выходил под редакцией Бунакова (Фондаминского), Степуна и Федотова. С № 7 (1933) имя Степуна было снято с титульного листа в связи с приходом гитлеровцев к власти в Германии, где жил тогда философ. Из 14 номеров журнала один вышел в 1931, четыре — в 1932, по два номера — в 1933 и 1934 и по одному — в последующие годы. Тираж журнала составлял около 800 экземпляров.

В журнале приняли участие более 40 авторов, опубликовано 138 статей (включая 11 редакционных статей и выступлений), 38 рецензий и краткие отчеты о заседаниях литературной группы *«Круг»* (в 10 и 11 номерах).

Наибольшее количество статей опубликовали Федотов (18 подписанных статей и 10 рецензий), Степун (соответственно 13 и 1), *Н.А.Бердяев* (10 и 1). *П.М.Бицилли* (8 и 9), М.Ю.Скобцова (*Мать Мария*, 8 статей), Бунаков (Фондаминский) — 5 статей, С.И.Гессен (5 статей), *С.Н.Булгаков* (3 статьи в пяти номерах), *Н.О.Лосский* (3 статьи и 4 рецензии), а также литературные критики и литераторы *В.В.Вейдле*, *Ю.П.Иваск*, *К.В.Мочульский*, *М.И.Цветаева*, *В.С.Яновский.*

«НГ» представлял то направление «послереволюционного сознания», которое надеялось на «самоизживание» коммунизма (Федотов Г.П. О национальном покаянии, № 6). Свою борьбу с духовным кризисом «НГ» видел в выработке целостного мировоззрения, которым признается абсолютная (религиозная) ценность свободы личности, и в воспитании социально активного человека, руководствующегося христианским мировоззрением. Для «НГ» свойствен поиск социально-экономического и культурного облика будущего. Отталкиваясь от социальной практики и капитализма, и социализма (Г.П.Федотов говорил о «двуедином враге «НГ»: «Россия, Европа и мы», № 2), журнал проявляет большой интерес к социально-экономическому реформаторству в различных странах.

Оппоненты «НГ» (*М.Вишняк*, И.Гессен, *В.Руднев*) упрекали его авторов в просоветизме демократии, что действительно имело место в выступлениях Н.А.Бердяева и, частью, Ф.А.Степуна. Позиция авторов «НГ» в известной степени объяснима действительной беспомощностью западных демократий решать социальные вопросы в условиях глубокого экономического кризиса, что невольно способствовало установлению тоталитарных режимов в Европе. Однако такие реальности «новоградского сознания» не от-

менили его главного содержания — защиты свободы на Западе и в России.

«НГ» рассматривал вопросы литературы, выдвинув на первый план проблему взаимоотношения художника и общества, свободы и социальной ответственности литературы. В.Вейдле, констатируя одиночество личности в насквозь социализированном обществе, оценивает его особенным образом: художник отстаивает свою собственную свободу, но расплачивается за это субъективизацией содержания искусства и формализмом («Одиночество художника», № 8). Общая установка «НГ» на религиозное искусство подчинена не столько обществу, сколько полноте жизни духа, и художник как непосредственный носитель творческого дара несет ответственность перед Богом (Федотов Г. Борьба за искусство, № 10; Булгаков С.Н. Жребий Пушкина, № 11). Процессы гуманистической секуляризации привели к тому, что место религии было занято искусством и в нем люди стали искать разгадку своих вопросов. Искусство приобретает крипто-теологический характер и постоянно саморазрушается. В связи с таким пониманием искусства постоянные авторы «НГ» (особенно Ф.А.Степун и Г.П.Федотов) рассматривают динамику разложения реализма и рождения современных форм и направлений литературы, связывая их с характером конфликта личности и общества. Определенный резонанс вызвала статья Ф.А.Степуна «Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы» (№ 10), в которой автор настаивал на служении литературы пореволюционному сознанию, полагая, что никакого большого и подлинного искусства, не связанного с целостным мировоззрением и социально-политическим движением, никогда и нигде не существовало. Общественное предназначение искусства — неотъемлемый закон его жизни, и даже теория чистого искусства сама является выражением определенной мировоззренческой установки относительно реального положения дел в обществе. Литература, заключает Ф.А.Степун, «не соловьиная трель на вечерней заре, а ответственное служение и умное делание: духовное домостроительство национальной и общечеловеческой культуры» (там же). Это — главное в подходе ведущих авторов «НГ» к литературе. Обличая практику «социального заказа» в тоталитарных режимах, «НГ» требует от художника «социального служения» (Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции, № 13; Он же. О профетической миссии мысли и слова, № 14), предполагая, что христианская свобода есть обязанность художника.

Об отношении писателей к новоградским требованиям дают представление отчеты о заседаниях литературного общества «Круг», печатавшиеся в 10 и 11 номерах журнала. По сообщению В.С.Яновского, их вел А.Соловьев (С.Г.Шерман). Общий характер возражений на выступления Г.П.Федотова (протоколы первой и седьмой бесед), Ф.А.Степуна (второй), К.В.Мочульского (четвертой) и др. сводился к проблематичности художественного успеха при религиозном «подхлестывании» искусства, сложности отношений между религией и жизнью и, в частности, между мировоззрением художника и его творческой практикой. П.Бицилли («Несколько замечаний о современной зарубежной литературе», № 11) отмечал схематизм идеологов «НГ» в их суждениях о конкретных явлениях русской эмигрантской литературы. Тем не менее, В.С.Яновский отмечал, что «в результате этих бесконечных встреч мы участники собраний «Круга» начали ощущать себя как некое интеллектуальное или духовное целое. Вокруг наших разговоров, самонадеянных и порой трескучих, все же иногда носились искры оригинальной мысли, свидетельствующие о подлинной жажде не только понять жизнь, но и служить ей» (Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 88).

Из произведений собственно литераторов «НГ» были напечатаны статья М.Цветаевой «Лирика и эпос в Советской России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак» (№ 6 и 7) и отрывок из романа В.С.Яновского «Портативное бессмертие» — под названием «Доклад Свифтсона», в котором отражена основная идея «НГ» о необходимости воспитания «человека Нового града», унаследовавшего традиции Ордена (выражение И.И.Бунакова) русской интеллигенции, всегда устремленной к устроению Царствия Божьего на земле.

Влияние «НГ» на умонастроение, нравственные и политические оценки русского зарубежья несомненно. Оно объяснимо широким идейным родством с христианско-гуманистическим журналом Н.А.Бердяева

«*Путь*», с деятельностью «Православного дела» матери Марии.

См. также: *Варшавский В*. Перечитывая «Новый град» // *Мосты*. 1965. № 11.

А.А.Ермичев

«НОВЫЙ ДОМ» (Париж, 1926—1927. № 1—3), журнал, был задуман как ежемесячный. Во введении «От редакции» к первому номеру, вышедшему в октябре 1926, его редакторы — *Нина Берберова*, *Довид Кнут*, *Юрий Терапиано* и Всеволод Фохт — изложили платформу нового издания: «Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится «Новый дом». Основанный молодыми силами, он зовет всех, кто хочет вернуться к подлинному искусству духа: в единении поколений возникает непрерывная преемственность идей. Живя на чужбине и не забывая России, мы, однако, не тоскуем по ее «березкам» и «ручейкам». Она с нами, в нас самих, — поскольку ее язык, ее литература, ее культура навсегда унесены нами и живы в нас, где бы мы ни были. Но и Европа — старая сокровищница мировой духовности дорога нам. Исповедуя оптимизм как мировоззрение, оптимизм, дающий «Новому дому» право на существование, мы счастливы в нынешних трудных условиях русской жизни делать пусть малое, но достойное дело. На скрещеньи прошлого и будущего возникает настоящее. Направляясь к будущему, мы несем с собой из прошлого то, что нам кажется непреходящим и ценным» (с. 3).

Структура всех номеров была сходной: первым стоял отдел поэзии, затем шла проза, далее — критика, завершающим был библиографический раздел. Редакция журнала принципиально придерживалась старой орфографии. В конце помещались объявления «от конторы издательства «Новый дом».

Первый номер открывался стихотворением *В.Ходасевича* «Бедные рифмы» — грустное размышление о «заповедном смирении», о тусклой жизни обывателя, которого поэт уподобил «пузырьку в сифоне». Между *Г.Адамовичем* и *З.Гиппиус* возникла поэтическая схватка вокруг образа Дон Жуана: у Адамовича («Дон Жуан, патрон и покровитель...») он предстает сластолюбцем, а Гиппиус в своем «Ответе Дон Жуана» утверждала: «Дон Жуан всегда любил одну» — кармелитку донну Анну. Тут же напечатаны «Любовь» Д.Кнута и «Три стихотворения» Ф.Сологуба, составившие некий цикл на тему рока в человеческой судьбе. Во втором номере (1926) поэзия представлена именами Ю.Терапиано, Амари (псевдоним *М.Цетлина*) — стихи его были достаточно пессимистичны, несмотря на заявленную редакцией установку на оптимизм («Иль глаза мои слабее, / Иль бесцветней божий мир») и «Троей» *Н.Оцупа*. Два стихотворения опубликовал в третьем номере (1927) *Г.Иванов*, также не одаряющих читателя светлыми надеждами («Так и надо — навсегда уснуть, / Больше ничего не надо»); изящную пейзажную зарисовку представляет собой короткое стихотворение *Г.Струве*. Большая часть поэтического отдела была отдана «Африке» Вс.Фохта (второй части его поэмы «Поприще»).

Отдел прозы во всех номерах журнала составляли рассказы. Это — грустные истории. У Н.Берберовой помолвленные еще в России жених и невеста встречаются в эмиграции через одиннадцать лет, обнищавшие, постаревшие, — и расстаются («Жених», № 1). Герой Б.Буткевича, знающий латынь, музыку Сибелиуса и мечтающий учиться рисованию, русский дворянин, в Париже стал портовым грузчиком и за счастье считает попасть в работники к фермеру («О любви к жизни», № 2). Если же действие происходит в России, протагонистом оказывается девушка, испытывающая к матери любовь-ненависть и страдающая от безысходности их отношений (*Песков Г.* Шурик, № 2), или гимназист, вызвавшийся застрелить больную собаку, но только ранивший ее и вдруг осознавший собственное ничтожество (Рощин К. Первая ягода, № 3), или опять же подросток, у которого первая любовная связь рождает ощущение гадливости и отчаяние (*Одоевцева И*. Сухая солома, № 3), или совсем юная девушка, которую грубое вмешательство матери разлучает с предметом ее первого любовного увлечения (*Кузнецова Г*. Зыгмусь, № 3).

Плацдармом для утверждения своей позиции редакция выбрала отдел критики. Тон задала напечатанная в № 1 статья Антона Крайнего (псевдоним З.Гиппиус) «Прописи». Пафос статьи составляет поле-

мика не столько с критиками, сколько с теми поэтами, которым «поэзия представляется «высшей сферой», а поэт — «первым чином»... Забыта азбука: человек — сначала, поэт — после» (с. 17). Неприязнь поэтов очень часто объясняется «отсутствием общих идей... Это немалая беда нашей современности и современных «служителей искусства». Среди них существует даже тенденция (до сих пор!) возвести названное отсутствие в принцип» (с. 18). А.Крайний утверждал, что это прежде всего — боязнь порядка, и уж если делают из поэзии идола, то нужно уметь устроить ему крепкий пьедестал. «Порядок или, иначе говоря, твердая внутренняя иерархия ценностей так важна, что лучше иметь ее ложную, чем никакой» (с. 18). Страх перед «идеологией» автор статьи объясняет «атавизмом», идеология приравнивается к «тенденции», «тенденция — рассудочность, умышленность, поучение и т.д., а поучение — посягательство на свободу «свободного искусства», которое... ну и пошла писать старая губерния» (с. 18). Рассуждая о влиянии времени на поступки и психологию людей, А.Крайний высказывает мысль, что современное искусство, «насильственно оторванное от полноты жизни, от истории, от действительности, принуждаемое служить только самому себе, как бы стать змеей, кусающей свой хвост, — оно не может не захиреть и не завянуть, в конце концов» (с. 20). Ссылаясь на авторитет Вл.Соловьева, автор статьи утверждает, что искусство должно не только отображать жизнь, но и улучшать ее. «Прямое дело — или по принятому неточному выражению — задача искусства — действительно улучшать действительность, подталкивать ее вперед, содействовать изменению реальности» (с. 20).

Логическим развитием заявленной редакцией позиции явилась статья Ю.Терапиано «Два начала в современной русской поэзии», стоящая сразу же вслед за «Прописями» А.Крайнего. Во вступительной заметке Ю.Терапиано уведомляет читателей, что это — тезисы к его докладу, прочитанному 8 июля 1926 на собрании *Союза молодых поэтов и писателей*. Тема доклада: «Поэзия Пастернака и Ходасевича как противопоставление двух начал в современной русской поэзии — Хаоса и Космоса». Своей целью Ю.Терапиано ставил не критический разбор их произведений, «но лишь определение представляемых ими систем, анализ механизма их творчества и их реальное и возможное в будущем воздействие на работу следующих поэтических поколений» (с. 21).

Противопоставление Хаосу Космоса просматривается и в развернутой до размеров статьи рецензии *Вл.Злобина* на книгу *Д.Мережковского* «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, 1925), написанной в полемике с оценками этой книги М.Цетлиным и И.Демидовым, которых Злобин упрекает в непонимании главной мысли автора книги: самое ценное, что дала русская культура, это — религиозное сознание. «Полнота религиозного сознания и есть то, что делает эту книгу одним из самых замечательных религиозно-философских произведений не только русских, но и европейских авторов» (с. 32). В этой рецензии обнаружился еще один важнейший пункт в программе журнала — его полное неприятие большевизма. Захват власти большевиками в России трактовался Мережковским как наступление «Антихристова царства», как начало мировой катастрофы. «Мережковский один из немногих, если не единственный, понял, что для предотвращения катастрофы необходимо развернуть фронт по всей линии человеческой истории. Он понял, что большевизм, стремящийся уничтожить даже прошлое (Du passé faisons table rase, как поется в «Интернационале»), победим лишь совокупным усилием всего человечества, всей его историей. Но для создания такого единого фронта необходимо раскрытие внутреннего единства человечества, преодоление противоречия между миром христианским и дохристианским. Вот почему «Тайна трех», соединяющая эти два мира, два завета — в третьем, в неразложимом синтезе духа, — одна из самых актуальных книг» (с. 33).

В разделе «Библиография» опубликована и чрезвычайно резкая статья Злобина о журнале «*Версты*», который он критиковал за примиренческую позицию по отношению к большевикам, за связь с «растлителями России» (с. 35), за неразборчивость в вопросах морали. «Следовало бы вместо поднятого над журналом красного флага повесить красный фонарь» (с. 36). Высказав осудительные слова в адрес *А.Ремизова*, печатавшегося в «Верстах», Злобин обру-

шил оскорбительные реплики на *М.Цветаеву*: «О Марине Цветаевой нечего говорить. Она-то во всяком случае на своем месте» (с. 36). Выражая недоумение по поводу сотрудничества в «Верстах» *Л.Шестова*, автор статьи предостерегает: «Как ни велики его личные заслуги и добродетели, дальнейшее участие в «Верстах» было бы уже «соучастием» в том постыдном деле, которому журнал служит» (с. 37).

Вс.Фохт в рецензии на № 8—9 журнала «*Воля России*» ведет спор с одним из редакторов журнала *М.Слонимом*, выступившим в статье «Литературные отклики» в защиту пражских молодых поэтов и журнала «Версты» против *И.Бунина* и А.Крайнего, которые сурово критиковали еще недавно «своих» — А.Ремизова и М.Цветаеву за «обращение лица к советской России» (с. 38). Отвечая Слониму, Фохт писал: «Разочарование И.Бунина и А.Крайнего в некоторых «своих» понятно: может ли быть отрадно вдруг открыть в своем собрате и спутнике — сообщника врагов, которых те сами обличали еще накануне, воспевая Белое движение» (с. 38). Как и в статье Злобина, основной мишенью критики стала М.Цветаева, стихи которой были опубликованы на страницах «Воли России» и высоко оценены Слонимом. Фохт отказывает ей в самом поэтическом даре: «Чем одаренней художник, тем легче и строже подчиняется он законам речи. Связь, и логическая, и эмоциональная, все время обрывается в стихах Цветаевой (в последний период ее творчества), и естественно, что у читателя остается только тягостное ощущение не то мистификации, не то просто бессилия» (с. 39).

Критический отдел второго номера открывала рубрика «Письма в «Новый дом». «Первое письмо: О мудром жале» было написано Д.Мережковским. Оно было обращено «к строителям «Нового дома»», его смысл автор формулировал так: «Воля к мысли — вот мои два слова, и, я надеюсь, вы меня поймете с этих двух слов... Воля к мысли скована сейчас в России такими цепями, каких мир еще не видел. Верно поняли ковавшие цепь, что, не сковав мысли, не скуешь и России» (с. 31). Но воля к мысли, по Мережковскому, скована и в эмигрантских кругах, хотя трудно понять, чем это обусловлено. «Ясно одно: с волею к мысли борется тайная, темная, но очень упорная и жадная воля к безмыслию» (с. 31). Мысль о пророческом служении литературы лежит в основе статьи В.Ходасевича «Цитаты», составившей вместе с «Письмом...» Мережковского весь критический отдел второго номера. «История литературы есть история нашего рода в известном смысле — история каждого из нас» (с. 33).

Несмотря на обширный список предполагаемых участников журнала, круг авторов критического отдела был весьма узок. Третий номер представлен вновь именами А.Крайнего, Ю.Терапиано, Вл.Злобина, Л.Пущина (также псевдоним З.Гиппиус). Открывался номер статьей А.Крайнего «Да—нет». Исходная позиция критика та же, что в первой его статье: уважения заслуживает только идея, под которой есть «крепкий пьедестал», будь то отрицание или утверждение, только «огненное», а не «кисленькое» «да» или такое же «нет». Полемика шла с теми, кто готов был хотя бы отчасти «принять» большевизм. Соглашаясь со своими неназванными оппонентами, что нельзя жить ненавистью, отрицанием, А.Крайний пишет: «Дело чрезвычайно просто: всякое истинное отрицание — «огненное нет», как я говорю, — только отражение соответствующего «огненного да», которое живет в человеке и которым он живет. А вернее — живет он обоими вместе» (с. 30). Поводом для выступления А.Крайнего послужила статья *Н.Бахтина* «Похвала смерти» («*Звено*». 1926. 14 нояб.). Приветствуя «великую Смерть, великое уничтожение», Бахтин, по мысли А.Крайнего, логически должен сказать «да» и всем видам уничтожения, а значит, и большевизму. «Мы против них, потому что мы против Нее. А кто возносит хвалу Ей, кто с Ней, — тот обязан быть и с ними» (с. 33).

В фокусе критики Ю.Терапиано (статья «Окольные пути») оказываются современные ему поэты, уделяющие исключительное внимание форме в ущерб содержанию, что свидетельствует об их безответственности. В такой поэзии центр тяжести перенесен на один из вторичных признаков — на «звуковое очарование, игру равнозвучащих слов». Они готовы отдаться «дикой музыке Хаоса, необузданной пляске образов, с такой трагической пустотой вскрывавшихся в творчестве Пастернака и его последователей» (с. 35). Терапиано утверждает, что время подобной поэзии прошло, начинается

«новая литературная революция», точнее контрреволюция, так как ко всему, что в поэзии считалось до сих пор революционным, «она будет беспощадна» (с. 35).

В разделе «Библиография» третьего номера были опубликованы размышления Льва Пущина о журнале «*Борьба за Россию*», по замыслу редакторов, «свободного журнала для несвободных людей» (с. 37), который должен был получить распространение в советской России. Л.Пущин указывал, что журнал не имеет точного адреса, непонятно, на какие круги он рассчитан, а потому обречен на неудачу. Завершают номер полемика Вл.Злобина с Г.Ивановым о будущем «НД» и развернутый некролог Б.Власьевского на смерть Р.М.Рильке.

На третьем номере выход «НД» прекратился. Один из основателей, Берберова, дала свое объяснение недолговременности его существования: «Кнут был инициатором журнала, куда он и я вошли редакторами, но уже после первого номера (1926) «Новый дом» оказался нам не под силу: Мережковские, которых мы позвали туда (был позван, конечно, и Бунин), сейчас же задавили нас сведением литературных и политических счетов с Ремизовым и Цветаевой, и журнал очень скоро перешел в их руки под новым названием («*Новый корабль*»)» (Берберова Н. Курсив мой. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 317).

Е.С.Померанцева

«НОВЫЙ КОРАБЛЬ» (Париж, 1927. Сентябрь — 1928. № 1—4) — литературный журнал, выходивший под редакцией *В.Злобина*, *Ю.Терапиано* и Л.Энгельгардта; доминирующее положение в нем занимали *Д.Мережковский* и *З.Гиппиус*. В предисловии «От редакции» формулировались намерения издателей: «Хотя мы... не включаемся ни в какие «установленные» рубрики литературы («идеалисты», «реалисты», «символисты», «нигилисты», «эстеты» и т.д.), — мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл.Соловьев — вот имена в прошлом, с которыми для нас связывается будущее... Для трудного пути ночью, в море, — всякому кораблю, и большому, и малому, как наш, нужно одно: нужно понимать язык звезд» (№ 1. С. 3).

Эта своего рода метафора («язык звезд») не раз возникает на страницах журнала как корабль, прокладывающий свой «маршрут» по звездам, продираясь сквозь завесу тумана. Стихи Гиппиус открывали первую книжку: «Святое Имя, среди тумана, / Звездой далекой горит в ночи... / Мы в катакомбах. И не случайно / Зовет нас тайна и тишина. / Все будет явно, что ныне тайно / Тому, в ком тайне душа верна» («Имя» // № 1. С. 5). В журнале публиковались стихи *Н.Берберовой*, *Д.Кнута*, Ю.Терапиано, объединяемые в какой-то степени мыслями о трудной судьбе тех, кто пытался сберечь память о прошлом, отыскивая «в каком-то мусоре классический цветок»: «Он сам не ведает, какой томим печалью, / Какою красотой безгибельной высок» (Берберова Н. Сквозь пошлость надписей... // № 1. С. 7).

Подборкой стихов нескольких авторов открывается каждый номер журнала. Во втором напечатано стихотворение *Г.Адамовича*: «Один сказал: «Нам этой жизни мало», / Другой сказал: «Недостижима цель...» / А женщина привычно и устало, / Не слушая, качала колыбель...» (№ 2. С. 3). В той же философской тональности написаны стихи Л.Энгельгардта, В.Витовтова, Вл.Злобина. В третьем номере подборка стихов наиболее содержательна: З.Гиппиус, *А.Ладинский*, Ю.Терапиано, *А.Штейгер*, Д.Мережковский. В четвертом номере ностальгические мотивы варьировались, усиливались в стихах Г.Адамовича, *Г.Иванова*, *Н.Оцупа*, *Г.Раевского*.

Из художественной прозы в журнале публиковались рассказы Б.Буткевича — «Классон и его друзья», «План одного путешествия». В морскую тематику и корабельный быт (условные, вневременные) вписаны герои-эмигранты; их жизнь и ощущения таковы, что трудно сказать, «где здесь настоящая правда» (№ 1. С. 14). Все мысли героев — о свободе, влекущей, как мираж. В основе рассказа *Ю.Фельзена* «Две судьбы» (№ 4) — трагедия «расколотой», «безнадежно распавшейся» жизни русских эмигрантов в Париже.

В статье «О Гумилеве» ее автор — Ю.Терапиано назвал поэта «самым заметным после Блока» (№ 3. С. 52). «Теорию» Гумилева (прежде всего — его «Анатомию стихотворения») автор ставит выше деятельности поэта как создателя «школы». Статья «О свободе России» Д.Мережковского —

его выступление на заседании *«Зеленой лампы»*. Материалы «НК» тесно соприкасались с проблематикой докладов, обсуждавшихся участниками этого общества. В статье Мережковского в связи с проблемой свободы ставился вопрос об ответственности России за выбор: «Мы ведь сейчас, может быть, отвечаем не только за Россию, но и за мир, нами отравленный», — подчеркивал Мережковский (№ 1. С. 22). Он был убежден, что, только повернувшись лицом от России к миру, можно «повернуться лицом к свободе».

Близкие мысли развивала З.Гиппиус: «Мы не боялись и не боимся сказать прямо: да, надо забыть Россию, надо потерять ее; вольно принять потерю России. И тогда мы ее приобретем» (№ 3. С. 59). Так звучат заключительные слова третьего номера журнала (статья «Душу потерять», опубликованная под псевдонимом Лев Пущин). В статье «Невоспитанность» (под псевдонимом Антон Крайний) Гиппиус писала о том, почему эмиграция не справляется с данной ей неограниченной свободой. Причину она видела в следующем: «Ведь сверху донизу Россия не воспитана — в том, в чем воспитание необходимо, — в свободе» (№ 3. С. 49). Уметь жить в свободе — «это значит, прежде всего, уметь самому ее ограничивать. Тут-то и сказывается наша общественная невоспитанность, ибо — кто у нас выучился этому самоограничению?.. Мы никогда не жили как «граждане», а лишь как «подданные». И продолжаем чувствовать себя подданными, только вдруг очутившимися... не на свободе, а на вольной волюшке... Главного секрета свободы не открыли, — самоограничения. А оно так глубоко идет, что касается даже... свободы правды» (№ 3. С. 50). Ибо стремясь сделать свою «правду» общим достоянием, «непременно будем мы искать ей меру, ради нее же самой, чтобы она могла быть воспринята» (№ 3. С. 51).

В своих статьях Гиппиус часто использовала прием парадоксального заострения поставленной проблемы. «Никакого «человечества» нет» (№ 2. С. 20), — вот начало ее статьи (под псевдонимом Антон Крайний) «Заметки о «человечестве»». «Страшное впечатление производит заметка Антона Крайнего о «человечестве», — писал *Ф.Степун*, откликаясь на выход второго номера «НК», который и весь в целом критик воспринял как «злобный шип». — ...статьи «Нового корабля» шипят; талантливо, страстно, но все-таки шипят — и это очень грустно. Ведь это... статьи людей, сыгравших в истории развития русской духовной жизни очень большую роль» (СЗ. 1928. № 34. С. 430, 429).

Резкую отповедь Степуна вызвала и статья Мережковского «Рыжая крыса», аллегорическое философско-публицистическое эссе. Русская эмиграция здесь сравнивается с ковчегом Ноя, а сам он («мудрый кормчий... правящий путь ковчега по вечным звездам») назван «великим духом» России: «Как выходит дух из человека, когда он умирает, чтобы снова войти в него, когда он воскреснет, так вышел из России дух и носится в ковчеге по волнам, ожидая конца потопа. Долго ли ждать?» (№ 2. С. 29). С символом крысы связаны раздор, разложение, предательство. «Только тогда, когда рыжая крыса будет выкинута, дохлая, за борт ковчега, — принесет нам голубь масличный лист», т.е. весть о конце потопа (№ 2. С. 31).

Метафоры Мережковского в контексте символики, пронизывающей материалы журнала, как бы намекали на особую миссию «НК» — некоего аналога Ноева ковчега. В интерпретации Степуна эта мысль получила резко негативное заострение: «Ной ковчега вовсе не великий дух России, а всего только дух Д.С.Мережковского. Дух России вряд ли бы стал строить ковчег для спасения одной только команды «Нового корабля». Он безусловно задался бы более широкими планами и проявил бы более любви к созданной им эмигрантской твари» (СЗ. № 34. С. 433).

Инвективы в адрес журнала со стороны Степуна объяснялись в значительной мере нападками Гиппиус на *«Современные записки»*, где тот сотрудничал. Во втором номере «НК» Гиппиус (под псевдонимом Лев Пущин), рецензируя две статьи, опубликованные в «Современных записках» («Пути России» *И.И.Бунакова* и «Мысли о России» Ф.Степуна), — одну со знаком «плюс», другую со знаком «минус», коснулась и журнала в целом. С ее точки зрения, главная ошибка журнала на том этапе — «отсталость от требований современности», что и сделало журнал «Записками несовременными» (№ 2. С. 52).

Степун, отталкиваясь от этих слов, не только выступил в защиту журнала, но и обрушил на «НК» резкую критику: «Идейное бессилие публицистики «Нового корабля» улавливается и без анализа, просто на слух»; журнал с наслаждением топит всех «в мутных водах своей шумной, злой, талантливой, но слепой и духовно немощной полемики» (СЗ. № 34. С. 430, 433).

«НК» был задуман как журнал (в отличие от «Современных записок»), обладающий «единомыслием» сотрудников, ибо «теперь такая пора, — утверждала Гиппиус, — что лучше сказать неверное «да», неверное «нет», чем мямлить: «С одной стороны, нельзя не признаться, с другой, не сознаться»... Это требование определенности относится как к отдельному человеку, так и к единству коллективному, например — к журналу: ведь и у него свой «лик»... Если в журнале один говорит «не два», другой «не полтора», то в единстве своем журнал и будет «ни два, ни полтора» (№ 2. С. 50).

Эта позиция З.Гиппиус нашла отражение и в ее выступлениях на заседаниях общества «Зеленая лампа». В трех номерах «НК» печатались стенографические отчеты о его «беседах». В первом номере — Беседы I и II (вступительные речи *В.Ходасевича* и Д.Мережковского, доклад *М.О.Цетлина* «О литературной критике» — в первой «беседе»; доклад Гиппиус «Русская литература в изгнании» и его обсуждение — во второй «беседе»). Во втором номере — Беседа III (продолжение прений по докладу Гиппиус). В четвертом номере — Беседа IV (на тему «Русская интеллигенция как духовный орден») и Беседа V (доклад Г.Адамовича «Есть ли цель у поэзии?» с последующим обсуждением). Кроме того, в четвертом номере «НК» печатались материалы, имеющие отношение к проходившей 10 апреля 1928 беседе «Зеленой лампы» на тему: «Апокалипсис нашего времени» В.В.Розанова (о Ветхом Завете и христианстве)».

Во вступительной речи Мережковского (Беседа I), в частности, подчеркивалось, что в условиях эмиграции на литературу возлагается высочайшая миссия — «строение идеологии»: «Русская литература — наше священное писание, наша Библия, — не книги, а Книга, не слова, а Слово, Логос народного духа. Слово есть дело... Строение идеологии, кование оружия, нахождение противоядия — единственное реальное сейчас дело, не слова, а Слово, слово и дело вместе» (№ 1. С. 34). Этот своеобразный тезис по-своему интерпретировал в докладе «О литературной критике» М.О.Цетлин. «Русская критика, — отмечал он, — всегда была трибунской, водительской, человеческой. Она была представительницей личности, хотя чересчур поглощенной общественными целями. Но, уводя читателя от искусства в общественность, она все же обходным путем приводила его обратно к искусству» (№ 1. С. 35). Вместе с тем, «у критика есть страшное право — суда и осуждения. Отсюда вытекают и обязанности — беспристрастия и осторожности» (там же).

Докладу Гиппиус «Русская литература в изгнании» вместе с его обсуждением уделено весьма значительное место. Рассматривая эмигрантскую прессу — «наше слово обо всем» (№ 1. С. 36), докладчица была, по своему обыкновению, едко критична, что и продиктовало полемический накал последующих выступлений — В.Ходасевича, *И.Бунина*, Ст.Ивановича, *М.Вишняка*, Г.Адамовича, Д.Кнута, Н.Берберовой, И.Бунакова и др.

Ходасевич взял под защиту «Современные записки», подчеркнув, что они создали «некоторый единый литературный фронт эмиграции», и это есть «блок, а не союз». Беда не в том, что «мы печатаемся все вместе, отчасти обезличивая журнал» (это и дало повод Гиппиус говорить о его «оппортунизме»), но беда в том, что эмигрантская литература оказывается представленной такими «образцами», за которые «становится стыдно перед злорадствующими критиками советских журналов» (№ 1. С. 40). М.В.Вишняк как редактор «Современных записок», откликаясь на выпады Гиппиус и отметив важное значение редакторской «цензуры», вместе с тем подчеркнул: «Нельзя принципиально — и практически вредно — сводить волю журнала к воле какой-нибудь одной единицы, к двум-трем наиболее видным сотрудникам. Наоборот, — чем больше воль вклиниваются в журнал, и более или менее согласованно соучаствуют в нем, тем значительнее смысл журнала и его действенность» (№ 1. С. 44).

Наиболее резким оппонентом докладчицы выступил Ст.Иванович. Главный нерв его выступления — тревога за литературу в России: «Если даже подходить к советской литературе с чисто утилитарно-политичес-

ким мерилом, то... она представляет громадный, выдающийся интерес. Но даже с этой точки зрения у нас в эмиграции к русской литературе не подходят... В этом я вижу одно из доказательств того, что мы здесь занимаемся пустяками» (№ 1. С. 43).

Рецензируя первый номер «НК», газета «*Возрождение*» так обобщила эту часть полемики с Гиппиус: «Доклад был подвергнут суровой критике. Бунин выразил недоумение по поводу большого числа затронутых тем и назвал доклад собранием булавок. Ходасевич упрекнул г-жу Гиппиус за необоснованность разосланных по разным адресам обвинений. В том же духе высказались и другие. До конца заострил прения Иванович. Он находил, что по мелким поводам не стоит забираться в философские дебри...» (В. 1927. 12 сент.).

Выступление И.И.Бунакова и его обсуждение выделилось в отдельную тему четвертой беседы «Зеленой лампы», в которой приняли участие Д.Мережковский, З.Гиппиус, Г.Адамович, Ф.Степун, В.Злобин, М.Цетлин, Н.Оцуп (см. № 4). Подхватив начатый Гиппиус разговор о «духовном состоянии» русской эмиграции как поиске «новой линии» общности, Бунаков выдвинул понятие «орденское миросозерцание», присущее русской интеллигенции как «замкнутому ордену со своим строго выработанным духовным статусом» (№ 2. С. 43—44). «Духовное вооружение — новое целостное миросозерцание — должно быть выковано для интеллигентского ордена... в основание его должна быть положена духовная свобода» (№ 2. С. 64). В этом и заключается миссия эмиграции.

В последовавшем обсуждении выступления Бунакова наиболее острыми представляются два вопроса: возможно ли включение большевиков в орден русской интеллигенции; является ли евразийство целостным мировоззрением или только «похоже» на таковое (№ 4. С. 44, 46).

Критический настрой в отношении к различным периодическим изданиям (как бы заданный суждениями Гиппиус) характерен и для статьи В.Злобина «Третье искушение» (№ 2), где говорилось о журнале «*Путь*» (орган русской религиозной мысли). Автор увидел в материалах журнала «путь к примирению»: «Он уже явно верит в эволюцию большевизма, в возможность превращения «Царства Антихриста» в «Святую Русь». Это, конечно, вера в чудо, ибо к эволюции большевики также склонны, как дьявол — к покаянию» (№ 2. С. 36). Негативно воспринял Злобин и некоторые формулировки, близкие к «евразийству».

Помещенная в первом номере статья Ю.Терапиано «Журнал и читатель» по содержанию примыкает к спорам, развернувшимся на заседаниях «Зеленой лампы». Главный вопрос автор статьи формулирует так: «Верно ли понята в эмиграции сама идея культурной миссии печатного слова?» Большинство журналов, стремясь «охранять традиции, в том числе традиции прежних журналов, не могли не превратиться в тенденцию, разъединяющую журнал и читателя, связывающую по рукам и ногам писателя» (№ 1. С. 24). Выход один — найти форму своего выражения; «надлежит задуматься над формой не только политического, национального, но и всеобъемлющего духовно-общественного движения», — обобщал Ю.Терапиано (№ 1. С. 26).

Публикуемый в том же номере Н.Фрейденштейн (псевдоним Ю.Фельзен) («Французская эмиграция и литература») полемизирует с Терапиано, утверждавшим тормозящее, сковывающее действие традиций. Фрейденштейн на примере французской культуры подчеркивал, что «новая публика без старой культурной преемственности — плохой воздух для искусства» (№ 1. С. 27). Вывод автора таков: «Сильная, несгибающаяся личность могла сохраниться только в эмиграции... В ней была память о родной земле — живой, а не умерщвленной тираническим строем. В ней была гордость неподчинения и правоты» (№ 1. С. 30).

Во втором номере В.Ходасевич в статье «Подземные родники» выступил с отповедью промелькнувшему в печати обвинению, будто в «Новом корабле» чувствуется «неприятный оттенок семейной мелочности» (В. 1927. 12 сент.). Суть «защиты, представленной Ходасевичем, сводится к следующему: «Там, где лишь намечается новая литературная группа, почти всегда можно безошибочно угадать существование подземного идейного родника» (№ 2. С. 27). В «НК» он увидел зачатки образования такой «новой группы», или «кучки», по его определению. Приветствуя образование новых групп, Ходасевич предупреждал, что каждая «всегда вступает в борьбу... ибо только идеи обладают способностью глубоко соеди-

нять и глубоко разъединять. Каждая идея приносит меч» (№ 2. С. 27). Мир же господствует лишь среди тех, кто ничего не хочет: «Нет ничего легче, как объединиться в комфортабельном общем гробу — ради ничегонеделания или для запоздалого делания того, что давно сделано другими» (там же).

О стремлении журнала подходить к проблемам культуры объемно и многоаспектно свидетельствовала также статья *Н.М.Бахтина* «Антиномия культуры» (перепечатка: Независимая газета. 1994. 30 марта). Основная исходная мысль состояла в утверждении, что «культура не мирное и благополучное общежитие... она — пламенный конфликт, неустанное соревнование, неукротимая творческая вражда всех против всех... Культура цветет лишь под пламенным дуновением Эриды-Вражды. И она останется такой, пока будет в ней жив древний огонь Прометея» (№ 3. С. 41—42).

В четвертом номере, посвященном религиозной тематике, над высказываниями В.В.Розанова размышляют Д.Мережковский (статья «Который же из нас? Иудаизм и христианство») и З.Гиппиус (ее статья «Не нравится — нравится» стала откликом на прошедший в Париже диспут «Об антисемитизме в советской России»). Вопросы подлинного православия составляют содержание двух статей В.Злобина («Спасение от иудеев», «Дух соглашательства») и статьи «Где «тихоновская» церковь?», подписанной криптонимом А.Д.М. В последней из названных, в частности, утверждается, что в эмиграции душа русских верующих людей полна религиозным стремлением — часто полусознательным — «быть соединенными с верующими в России. Единым сердцем стоять за то же, быть в той же Церкви...» (№ 4. С. 39).

На страницах журнала печатались выдержки из книги Мережковского «Наполеон» под названием «Судьи Наполеона» (№ 2), а также отрывки из «Петербургского дневника: (Синяя книга)» Гиппиус под названием «Дело Корнилова» (№ 3).

А.А.Ревякина

О

«ОБЛАКА» (Ревель, 1920. 2 июня — 26 июня. № 1. — 4) — «еженедельник литературы, искусства, науки и жизни». Ответственный редактор — Павел Смиронин. Выпускало еженедельник издательство «Кольцо». Обложка работы художника С.Антонова; заставки и концовки Б.Криммера, В.Чернова, Е.Бенар, О.Обольяниновой и др. Первое чисто литературное русское периодическое издание в Эстонской республике. Еженедельник объединял русских художников и литераторов, главным образом из тех, кто входил в существовавший в это время в Ревеле (Таллине) кружок русских деятелей искусства «Черная роза»: художники С.Антонов, А.Гринев, А.Калашников, Б.Криммер, О.Обольянинова, Н.Роот, В.Чернов, литераторы Я.Воинов, Г.Елачич де Бужим, А. де Готвилль (А.Баиов), Н.Рудникова, М.Сидоров, Г.Тарасов и некоторые другие. К сотрудничеству в еженедельнике были привлечены и эстонские художники и литераторы (А.Ваббе, К.Мяги, А.Тасса и др.). Для еженедельника «О» характерен подчеркнутый отказ от какой-либо партийности, принципиальная аполитичность, продекларированная в открывающем первый номер еженедельника стихотворении М.Сидорова «Облака». В еженедельнике, помимо немалого числа анонимных и напечатанных под псевдонимами произведений, были опубликованы стихотворения Г.Елачича, Я.Воинова, Н.Рудниковой, М.Сидорова, М.Ивина, И.Шефера, Г.Тарасова, Ю.Филиппова (профессора Тартуского университета), рассказы и миниатюры тех же Я.Воинова, Г.Елачича, Г.Тарасова, статьи о литературе и искусстве А.Баиова, Н.Роота, Г.Тарасова, С. фон Штейна. В еженедельнике много пародийных и выдержанных в ироническом тоне произведений, нередки мистификации. В разделе поэзии встречаются и эпигонские стихи в духе символизма, и выдержанное в стиле эгофутуризма и *Северянина* стихотворение Я.Воинова «Вечное слово» (№ 2), и очень традиционные образцы поэзии чистого искусства, и написанные в реалистической манере стихотворения. В статье А.Баиова «Искусство в России» (№ 4) предпринята попытка наметить общие тенденции развития искусств в России в те годы. В работе режиссера и критика Й.Компуса «Об эстонском искусстве» (№ 1—3) дан первый на русском языке обзор эстонского изобразительного искусства с характеристикой ряда художников и скульпторов. В еженедельнике был отдел театра (статья Г.Тарасова о ревельском Русском театре в № 1 и 3).

С.Г.Исаков (Эстония)

«ОБЩЕЕ ДЕЛО» (Париж, 1918. 17 сентября. № 24 — 1922. 23 июня. № 565; 1928. 10 ноября. № 1 — 1934. 18 марта. № 11) — газета, издававшаяся В.Л.Бурцевым (1862—1942), известным своими разоблачениями агентов царской охранки. Первые попытки выпускать «ОД» как издание нескрываемо антибольшевистской направленности были предприняты Бурцевым еще в Петрограде (1917. 26 сент. № 1 — 7 нояб. № 23). Эмигрировав, он вернулся к своему замыслу и, вопреки многочисленным препятствиям, сумел его воплотить в жизнь, создав газету, занимавшую четко выраженную собственную позицию: по политическим вопросам она не раз вступала в полемику и с *«Последними новостями»* П.Н.Милюкова, и с пражской *«Волей России»*, и с другими изданиями, а круг постоянных авторов, создавших «ОД» репутацию одного из главных печатных органов эмиграции, отличался широтой, как бы исключая предположения о партийной пристрастности, а значит, однобокости суждений и оценок. Единственное, что объединяло тех, кто постоянно печатался в газете, — категорическое неприятие большевизма, подчас побуждавшее к чрезмерной резкости высказываний по адресу всех заподозренных хотя бы в частных и случайных компромиссах с коммунистической идеей и практикой. Выпады против Милюкова и *П.Б.Струве*

имели под собой эту мотивацию, сколь бы фантастической она ни оказалась, если вникнуть в суть дела.

Стремясь в эмиграции держаться «над схваткой» и провозглашая своей основной задачей сплочение всех антибольшевистских сил (это отвечало и общественной деятельности Бурцева как одного из организаторов и руководителей Русского национального комитета, созданного в 1921), «ОД», тем не менее, обладало собственной четко выраженной позицией, которая не могла устраивать монархические и правые круги. Уже название газеты указывало на ее преемственность от одноименного издания русской политической эмиграции конца XIX в.: женевское «Общее дело», издаваемое А.Х.Христофоровым, выходило в 1877—1890 и ставило своей целью создание единого фронта в борьбе с самодержавием. Для Бурцева, в прошлом народовольца, проведшего в изгнании более четверти века еще до Октябрьского переворота и проделавшего сложную политическую эволюцию, включавшую годы близости к эсерам, традиции добольшевистского оппозиционного движения были близкими, и он их сохранил, даже когда его воззрения стали объективно близки кадетским. «Общее дело» уже в Петрограде, где попытки издавать газету были сразу пресечены властью, задумывалось как рупор независимой демократии, обращенный против большевиков, которых Бурцев считал узурпаторами революции. Это направление газета сохранила и в Париже, став изданием резкой антикоммунистической направленности, но с первых же номеров отвергнув саму идею возможной реставрации: ни следа монархических симпатий, а вместе с тем непрерывные обличения Керенского и его правительства, на которое возлагалась едва ли не главная вина за Октябрьскую катастрофу. Подчас оказываясь в явном противоречии с фактами, «ОД» даже в 30-е пророчило очень близкое исчезновение большевистского режима, но практически не обсуждало политические и социальные перспективы будущей освободившейся России.

Платформа газеты даже яснее, чем самим редактором, была сформулирована *Д.Мережковским* в статье «О белой и красной нечисти» (1921. 8 янв.), написанной в связи с откликами на его доклад «Большевизм, Европа и Россия». Оппоненты Мережковского возражали ему, доказывая, что «в тайне сердца своего народ все еще верен двум вековечным святыням своим — царю самодержавному и церкви православной, рано или поздно вернется к ним, покается, стряхнет чугунное иго большевиков, как легкое перышко, и восстановит «Святую Русь». Однако эти ожидания, на взгляд Мережковского, бесплодны и являются лишь результатом противоестественного «сращения политики с религией»: любовь к России не отделяется от любви к царю и церкви, а в итоге «русскою революцией свергнуто самодержавие как политический строй, но как религиозная ложь не опровергнуто... Факт исчез в действительности; но идея не погасла в умах... Все, что в самодержавии было, в большевизме есть, хотя в иной категории, но в высшей степени... Самодержавие — цвет, большевизм — плод; белые цветочки — красные яблочки».

Эта мысль о «двух теократиях» («одна — во имя ложного Христа, другая — во имя подлинного Антихриста») оставалась доминирующей и в редакционных статьях Бурцева, открывавших едва ли не каждый номер газеты. Со временем чрезвычайно прямолинейное и тесное сближение самодержавия с большевизмом привело к тому, что газета потеряла некоторых важных для нее авторов, справедливо усмотревших в такой позиции явную тенденциозность. Однако в первые месяцы, а особенно в наиболее яркий для газеты 1921 год, четыре ее полосы украшали имена первого ряда: здесь постоянно печатались Мережковский, *Гиппиус*, *Бунин*, *Куприн*. Среди штатных сотрудников были *А.Ветлугин*, *А.Яблонский*, *Dioneo* (И.Шкловский, выполнявший функции лондонского корреспондента), Р.Словцов (Н.Калишевич), время от времени публиковался *Г.Гребенщиков*, чаще — *Б.Лазаревский*. После бегства из России *А.Амфитеатрова* анонсировались его статьи, так, впрочем, и не появившиеся ввиду временного (оказалось — многолетнего) перерыва в издании из-за материальных трудностей. Несколько раз Бурцев начинал параллельный выпуск французского издания своей газеты («La cause commune»), однако безуспешно: для этого не было средств, да и аудитория оказывалась слишком малочисленной.

В газете было несколько постоянных рубрик: политическое обозрение, вести из

советской России, а нередко и пространные материалы о ней и из нее, получаемые самыми разными способами, хроника русского зарубежья, исторический раздел, в основном заполнявшийся комментариями и мемуарами, относящимися к гражданской войне, родословной большевизма, прошлому русского освободительного движения. Литературная и художественная жизнь занимали в газете скромное место: практически этот раздел сводился к хроникальным заметкам и случайным публикациям (рассказы *Евг.Чирикова*, стихи *Тэффи* и т.п.) в первые парижские годы газеты и совсем исчез в последних 11 выпусках — после возобновления в 1928. Лишь 1921 год был для «ОД» примечательным, подразумевая литературный отдел, хотя серьезно поставленной критики по-прежнему не было, как не было и продуманной эстетической позиции. Материалы, относящиеся к художественной жизни, выглядят, по большей части, только приложением или иллюстрацией, дополняющей основные выступления газеты, — в 1921 они были связаны прежде всего с Кронштадтом и с голодом в России.

Налет более или менее откровенной политизации присущ даже статьям, непосредственно касающимся фактов и крупных явлений литературы. Так, № 188 (1922. 19 янв.) содержит пространную публикацию Мережковского о Толстом, но характерно уже ее заглавие — «Толстой и большевизм». Статья доказывает общность ряда положений толстовской этики («метафизическая воля к дикости») и той русской традиции, которая ведет от Разина к Ленину («восторг разрушения», отождествляемый с «восторгом созидания»). Толстой осмыслен под знаком «возвращения от культуры к дикости», каким явился и большевизм, хотя уже в следующем номере Мережковский существенно корректирует свой же тезис, заявив, что для Толстого «высшая мера — религия», и если в своей «метафизике» он готов низвергнуть культуру, от которой останется лишь «бездонный провал», то религия Толстого — это «конец культуры старой, начало новой».

Столь же нескрываемо злободневный характер носит статья «О Достоевском (К сорокалетию со дня его смерти)», написанная Л.Бернштейном (31 янв.). Автор останавливается исключительно на «Бесах», не рассматривая роман, а рассуждая о «срыве», который «произошел именно в том пункте, где его опасался Достоевский: в том, как интеллигенция пошла к народу и как народ откликнулся». Ту же тему продолжил в своем «Свободном слове о Достоевском» *П.Боборыкин* (14 февр.). Правда, необходимость читать «Бесов» как «пророческое предвидение» для него — только вынужденная дань времени. Созвучие «Бесов» происходившему в России с 1917 бесспорно, «но разве это одно может служит исключительным или главным мерилом значения Достоевского как одного из столпов русской художественной литературы XIX века?»

Такие вопросы, однако, были не приняты на страницах «ОД», где связь культуры и политики представала как самоочевидная и не нуждающаяся в уточняющих оговорках. Усиливали это впечатление публикации отрывков из петербургского дневника Гиппиус, записных книжек Мережковского, относящихся к периоду гражданской войны и заполненных размышлениями о массовом одичании, озверении, об угрозе превращения русского народа в «идиота, жирного, «белоглазого», чей зловещий образ так пугал знатока русской деревни Ив.Бунина» (27 марта). Дневники Гиппиус, содержащие и крайне резкие оценки конформизма интеллигентов, решивших сотрудничать с новой властью, особенно укрепляли впечатление тотальной политизации художественной сферы, на чем настаивало «ОД». В отклике Л.Борисовича на возобновление в Софии издания *«Русской мысли»* (4 апр.) как важнейший материал журнала отмечался «Дневник» Гиппиус и тут же давалась отповедь П.Струве за его трактовку революции «как великой исторической стихии».

Политических тем впрямую касался на страницах газеты Бурцева и Куприн, напечатавший очерк о своей встрече с Лениным, у которого он тщетно добивался разрешения издавать вполне аполитичную газету (Ленин поразил писателя: «Полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности... нечто вроде камня... который... стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути... Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов». — 21 февр.). Бунин, не печатавший в газете своих художественных текстов, за исключением трех стихов в № 304, с негодованием отверг вы-

сказанные *Василевским-Не-Буквой* в «Последних новостях» обвинения Мережковскому и Куприну в сгущении красок, в том, что «мы пишем неправду о Совдепии, преувеличиваем ее ужасы» (1 апр.; столь же энергично протестовал Куприн, на упреки Василевского в отходе от творчества ответивший, что сейчас «как-то не тянет увивать в изящные слова красивые образы, когда душа оскудела». — 11 апр.). Из бунинских статей особое значение имела появившаяся в номере от 21 июля отповедь «советскому псалмопевцу» *Горькому* — «Об Эйфелевой башне»; она написана в связи с транслировавшимся парижским радио выступлением Горького, призвавшего помочь России, где начался голод.

Горький называл причиной бедствия засуху, и это возмутило Бунина: «А всяческое кровопролитие, уже четыре года вами учиняемое во славу «третьего интернационала», а величайшее в мире ограбление, вами произведенное в России «на цели» этого самого «интернационала»?» Опровергая «лживую, высокопарную иеремиаду», Бунин не сдерживается и в оценках Горького: «Певец самого грубейшего из всех человеческих учений и самого подлого строя из всех существовавших на земле». Такие высказывания о Горьком на страницах «ОД» достаточно обычны. Куприн в номере от 10 февраля опубликовал очерк «Максим Горький», где провел аналогию между писателем и Ильей Грачевым из его же повести «Трое», ницшеанцем и аморалистом, вышедшим из низов (он убивает «больше ради жеста, ради того, чтобы, придя на кладбище, плюнуть на могилу своей жертвы-ростовщика»). Мережковский (27 марта) пошел и дальше, утверждая: «Ленин — самодержец, Горький — первосвященник... В Москве изобрели новую смертную казнь: сажают человека на мешок, наполненный вшами, и вши заедают его до смерти. В такой мешок посадил Горький душу России». В связи с обращением Горького к Г.Гауптману для организации кампании помощи голодающим Мережковский напечатал собственное обращение к немецкому писателю, призывая его не вступать ни в какие контакты с московскими представителями: «Не свергнув советской власти, ничем нельзя помочь миллионам гибнущих людей, так же как удавленному петлей ничем нельзя помочь, не вынув шею из петли» (13 авг.).

Голод расценивался в «ОД» как возмездие и большевизму, и Европе, недостаточно активно помогавшей белому движению, а теперь вынужденной помогать своим заклятым врагам из Кремля. Гиппиус (25 июля) предупреждала, что помощь теперь — втуне, поскольку будет разворована, но вместе с тем признавала моральной обязанностью Запада не оставаться в стороне от постигшего Россию кошмара. Л.Бернштейн (28 июля) отказывал Горькому, ставшему «глашатаем... правительственно-террористического хамства большевиков», в моральном праве «звать о помощи голодающим», противопоставляя ему в этом отношении Короленко, и писал о политических спекуляциях, которыми будет сопровождаться распределение продовольствия. Перепечатанные из советских изданий очерки С.Подъячева, посвященные голоду, создавали особенно гнетущую картину происходившего на родине.

Комментарии, относившиеся к культурной и интеллектуальной жизни оставленной России, отличались едва ли не такой же мрачностью. Тот же Бернштейн, откликаясь на публикации петроградского «Дома искусств» (30 мая), иронически замечал, что Луначарский, читающий «доклады о свободном творческом труде художника... проповедует свободу, а Дзержинский ее охраняет». Луначарского и прямо именовали «певцом Чека» (заглавие статьи о нем за подписью А.Р. — 13 сент.), а выход первого номера редактируемой им «Печати и революции» в том же материале оценивался как свидетельство полного творческого бесплодия, воцарившегося в России. В связи со слухами о смерти в Баку от эпидемии С.Городецкого А.Ветлугин (8 сент.) характеризовал былого акмеиста как «законченного Молчалина... предавшего всех (себя и свою душу раньше всех)», давая понять, что это неизбежная судьба всех согласившихся на сотрудничество с советским режимом. Статья называлась «Две смерти» и была приурочена к достоверному известию о расстреле Гумилева: он «пал жертвой очередного безумия... Гумилев — жертва политики — останется символом величайшего недоразумения», — писал Ветлугин, сопоставляя судьбы двух некогда близких поэ-

тов для напрашивающихся политических выводов.

Статья была напечатана в номере от 8 сентября, хотя известия о «деле Таганцева» появились в газете еще месяцем ранее. Номер от 13 августа содержал материалы памяти Блока, среди них — статью А.Яблонского, писавшего: «В сущности, это не смерть, а убийство. Блок умер не от цинги, а от большевизма. И это надо сказать прямо и просто». Месяц спустя Ю.Никольский («Пророк», 19 сент.) продолжил тему, избегая столь прямолинейных заключений. «Блок чувствовал недаром историю как возмездие... Многие говорят: почему он с красным флагом? и обманываются... Флаг не красный, а кровавый, намокший в человеческой крови, флаг страданий... Блок верил, что «выйдут бесы» и в т.наз. «коммунисте» — русском красноармейце, если он русский, проснется когда-нибудь его крестьянская, христианская природа».

Памяти Гумилева Ю.Никольский тоже посвятил статью («Поэт-рыцарь», 26 сент.), смысл которой сводился к тому, что «Гумилев — чистая красота», чуждая миру «идей». Правда, стихи периода первой мировой войны, признаваемые критиком как едва ли не лучшее из написанного Гумилевым, не подтверждали такого взгляда на его творчество, но противоречие не смутило автора, стремившегося высказать прежде всего ту мысль, что большевизм губителен для красоты и доказал это, умертвив Блока, а затем и Гумилева.

Заметки о новинках западной литературы, довольно регулярно появлявшиеся за подписью Л.Вальтер, носили крайне поверхностный характер, а когда авторами раздела «Библиография» становились Бунин или Куприн, их выступления были чисто писательскими, интересными для понимания настроений их самих. Так, Куприн (27 июля) опубликовал тонкий очерк о Тэффи в связи с выходом ее книги «Тихая заводь», в которой его привлекала «натуральность, но без натурализма. Правда — без реализма. Трогательность — без сентиментальности. Теплота — без пафоса. Светлая грусть — без мировой скорби». Все это выразительно характеризует прозу самого Куприна. Бунин, откликаясь на «Дым без отечества» *Дон-Аминадо* и книгу А.Ветлугина «Авантюристы гражданской войны» (27 июня), отмечает в этих текстах «горечь, едкость — следы того, что пережили мы», воздерживаясь от критического разбора. На этом фоне резко выделяются лишь две статьи Гиппиус, посвященные Бунину. Они также не были литературной критикой в точном значении слова, но все-таки в них чувствуется перо литератора, для которого критика — привычная сфера.

Первая из них «Тайна зеркала» (16 мая) посвящена бунинской «остроте зрения», которая «почти магична», однако в сущности осмысляется не эстетическое качество, а характер мирочувствования писателя, всегда упорно избегавшего «тенденции» ради того, чтобы добиться безусловной и конечной правды о жизни — той правды, которая, на взгляд Гиппиус, особенно необходима после катастрофы, пережитой русским обществом. «Бунин, русский человек и русский писатель, чувствующий русскую жизнь и природу изнутри, составляющий как бы часть ее... шире России. Ему мало России, ему нужен мир». Последнее слово у Гиппиус обладает, конечно, не географическим смыслом, но означает универсум жизни, тайну которой, и особенно загадку смерти, неустанно пытается постичь Бунин. Его чуждость любого рода иллюзиям, по оценке Гиппиус, самое необходимое качество для современного писателя. «Бунин был одним из немногих, кто всем существом, изнутри, задолго до несчастья своей земли чувствовал его приближение. Зная что-то о тайне жизни и «причастной ей» тайне смерти — он видел тень смерти на земле, на людях. Мы видели то же, с ним — но не понимали... Дело в том, что Бунин знал и видел то, что шире России. А лишь видя и любя это всемирное, вечное, жизнь в ее тайнах, можно понимать и жизнь своей земли». Гиппиус (23 окт.) продолжила свои размышления, опубликовав статью «Бесстрашная любовь (Русский народ и Ив.Бунин)». Констатируя, что «погибла обманная мечта о «богоносце», Гиппиус подвергла сомнению и достоверность полученного после катастрофы 1917 «нового «знания» о лице — харе — русского народа»: и тот и другой взгляд на русскую национальную сущность лживы «в своей безмерности». Бунин — художник «меры», ему понятна некорректность вопроса: «Кто — русский мужик? Человек или зверь?» Сам вопрос, по Гиппиус, возможен лишь в ми-

нуту отчаяния, а на деле «пора понять: народ русский неспособен к культуре в ее чисто западном, европейском виде, т.е. культуре технической, механической, только внешней. Народ не понимает ее, не принимает ее. Шагу не может сделать по ее пути, — если это не есть, в то же время, и путь просвещения, культуры внутренней. А условия жизни в России были таковы, так складывались, что именно просвещения народу неоткуда было достать... Перед Россией и русским народом, каков он был, — и есть, — лежало два пути. Первый: «спать, спать, умирая во сне», ждать, что «через пять годов» — пять веков — «съест вошь». Второй: разрушить «страшную обыденщину», вырвать корни. Без выворота корней, или без «шлеи под хвостом», без взрыва народного безумия... могла ли Россия пойти по второму пути?.. Припадок был неизбежен, и неизбежно он проходит. За ним — ждет такое страдание, какого не видели, может быть, и народы более грешные. Но страданье новое, ибо не тупое — а режущее. Оно не даст уснуть русскому народу. Не даст умереть во сне». Бунин для Гиппиус — «бесстрашен в правде», им сказано и о «сне», и о муках «пробуждения». Поэтому он художник «надежды», за которой стоит «принятие русского народа, — с его безумием, с его соблазном и падением, с мукой, разрешающей от уз смертного сна».

Как публицист Гиппиус выступала постоянно, и одной из ее ярких статей была «Антисемитизм?» (19 июня), в которой дана отповедь обвинявшим русскую интеллигенцию в юдофобии. Пореволюционная ситуация окончательно сняла все вопросы, дав «ощущение в полноте и внешнего нашего равенства с евреями, одинаковости нашей в несчастье... Мы и евреи — не одинаково ли угнетенный народ? И не наш ли это общий — ленинский, всероссийский — погром?.. Избиваемые русские, избиваемые евреи — по одной стороне, и одно. Избивающие русские, избивающие евреи — по другой, и тоже одно».

Об актуальности этой темы для «ОД» свидетельствует и статья Куприна «Гуслицкая фабрика» (30 сент.; старообрядческое село Гуслицы было известно печатанием фальшивых кредиток). В статье разобраны «Протоколы сионских мудрецов» и прочие публикации Нилуса, и уже наблюдения над стилистикой этих текстов, не говоря о вопиющих исторических несообразностях, приводят Куприна к твердому выводу, что перед читателем фальшивка, которую мог изготовить «только неизобретательный заурядный жидоед... Мудрецы так болтливы, так толкутся на одном месте, а главное, так неудержимо, несносно падки к общим местам, к засиженным мухами общим фразам, что, право, можно подумать, что мудрецов выбирали из русских интеллигентов... Становится очевидной вся неловкая придуманность пресловутых протоколов Гуслицкой фабрики».

Культурологическая и философская проблематика на страницах «ОД» практически не затрагивалась. Исключением были лишь две статьи, посвященные зарождавшемуся евразийству. Д.Пасманик, один из самых деятельных авторов газеты, писал об этом в номере от 6 июля («Примиренчество профессора Н.Устрялова»): «Он <Устрялов> не теряет веры в то, что большевики против их воли воссоздадут Великую Россию. Здесь наши пути решительно расходятся. И не потому, что я в реальном большевизме не могу узреть иное, чем восстание взбунтовавшегося хама, но прежде всего потому, что большевизм уничтожает не то что Великую Россию, а просто Россию».

Подробный критический разбор концепций евразийства был сделан *К.Мочульским* (26 сент.), рецензировавшим сборник «Исход к Востоку». Для него евразийство — свидетельство, что «из туманности эмигрантской психологии начинают вырисовываться очертания нового самосознания». Обоснование «самобытности русской европейско-азиатской культуры дает выражение новому типу русской души», и оно пробуждает сочувствие, хотя остается, по мнению Мочульского, иррациональным по характеру аргументации. «Как поверить, что сейчас, в агонизирующей России крепнет самобытная культура?» Невозможно серьезно доказывать, что в русской культуре «азиатских элементов больше, чем европейских», как невозможно «полагать церковь в основу культуры» и одновременно заявлять о приобщении «целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере мировой культуры Российской» на основании проблематического «сродства душ», «общности экономического интереса» и «хозяйственной взаимообращенности

этих народов». Столь же неубедительны для Мочульского пророчества евразийцев о грядущем единении интеллигенции с народом: «Никакой народной воли, никакой народной души интеллигенция не выражает, ни на какие заявления от имени народа не уполномочена». Грезящийся *Н.Трубецкому* мост над пропастью между интеллигенцией и народом, по Мочульскому, — не более чем беспочвенное самообольщение вместо «горького питья правды».

Статья Мочульского, появившаяся 26 сентября 1921, могла бы стать началом серьезной дискуссии, однако к этому времени положение уже становилось критическим. Газетный год был доведен до конца, возобновление последовало лишь почти семь лет спустя, и это было уже чисто политическое издание. В эмигрантской периодике газета Бурцева только очень непродолжительное время находилась на главных ролях, и все же свое назначение она в целом выполнила.

Об этом назначении всего лучше сказано в статье Куприна «Страшный суд» (17 июля), посвященной опровержению широко распространившихся взглядов, в согласии с которыми есть много родственного между французской и русской революцией. Куприн не принимает таких аналогий, отказывая Октябрьскому перевороту в историческом оправдании, а тем более — в каком бы то ни было величии. Для него большевизм — преступление перед Россией и русским народом, он мечтает о том дне, когда совершившие это преступление окажутся под судом. Это произойдет, как ему кажется, лет через сто, когда «от большевиков останутся печатные декреты. Их противоречивость и часто — глупость легко извинят лихорадочной спешкой. Но есть в них громкие фразы, пышные обещания, краденые утопические мысли, слова лицемерной любви к народу, наигранный демагогический пафос. Никто через сто лет не докажет, какой ложью, каким сугубым надувательством была эта шутовская, бесплодная, проклятая болтовня, которой большевики кощунственно облекали крестные муки великого народа... И беспристрастный историк не найдет ни одного серьезного источника, откуда он мог бы почерпнуть правду». «ОД» стремилось — и во многом смогло — стать одним из таких источников.

А.М.Зверев

ОБЩЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО (Прага, 1925—1939). Осенью 1925 при *Русском народном университете* в Праге по инициативе *А.Бема* был основан «Семинарий по изучению Достоевского». По своему характеру Семинарий был скорее научным обществом: главными направлениями его деятельности была научная работа, завершавшаяся чтением докладов, напечатанных затем в различных научных изданиях, и привлечение к изучению Достоевского молодых научных сил. За время своего существования (1925—1939) на заседаниях Семинария было прочитано 58 докладов (во 2-м т. сборников «О Достоевском» приводится перечень докладов с указаниями на их издание). За пределами России в то время Прага стояла в центре научных исследований, посвященных писателю. Результатом деятельности Семинария явился выход в свет упомянутых сборников. Уже первый сб. статей «О Достоевском» под ред. А.Бема (Прага, 1929) стал важным этапом в изучении творчества писателя, представив вниманию читателей разнообразие исследовательских точек зрения на проблему двойника (ст. *Д.И.Чижевского* и Н.Е.Осипова) и др. В нем была напечатана и ст. А.Л.Бема «Драматизация бреда» («Хозяйка» Достоевского), которая затем вошла в его кн. (Bem A. Tajemstvi osobnosti Dostojevskeho. Praha, 1928). Второй сб., посвященный творчеству писателя, в который, кроме статей А.Бема, *П.Бицилли*, И.Лапшина, Д.Чижевского, Р.Плетнева, *В.Зеньковского* и Й.Горака, был включен в качестве приложения «Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные» (сост. А.Бем, *С.Завадский*, Р.Плетнев, Д.Чижевский), вышел в свет в 1933.

В 1929 чешский проф. О.Фишер, после разговора с А.Бемом, написал большую статью о необходимости создания общества по изучению Достоевского по образу уже существующих обществ Данте, Шекспира и Гете (Cin. Praha, 1929. № 1/5. S. 100—102). Об организации общества было объявлено 15 января 1930 на вечере, устроенном под покровительством Славянского института в Праге, где с докладом о «Бесах» выступил проф. Й.Горак. Общество Достоевского было основано 23 марта 1930 на учредительном собрании, проходившем в здании философского факультета Карлова университета. ОД по характеру членства было

международным: наряду с чехословацкими учеными и представителями культуры в него входили русские ученые-эмигранты. После вступительного слова проф. Яна Махала с докладом о воздействии Достоевского на философское мировоззрение президента ЧСР Т.Г.Масарика выступил проф. И.Громадка. На собрании было избрано правление из 30 человек, в которое вместе с представителями чешской научной и культурной общественности вошли доц. А.Л.Бем, доц. Д.И.Чижевский, проф. *Е.А.Ляцкий*, Н.Ф.Мельникова-Папоушкова. Председателем был избран Я.Махал. Среди членов правления были писатель Макс Брод, издатели Й.Лайхтер и О.Шторх-Мариен, Анна Тескова, реж. Я.Бор, дипломат, один из организаторов чехословацкого легиона в России — П.Макса, чешские профессора, деятели культуры. На учредительном собрании присутствовали представители всех чехословацких университетов и большинства культурных организаций. Целью ОД, согласно его уставу, было «содействие изучению жизни и творчества Достоевского и распространение знания его произведений».

В 1931 ОД широко отметило 50-летие со дня смерти писателя. Торжественные вечера прошли 3 февраля (совместно со Славянским институтом) и в день смерти Достоевского — 9 февраля в зале пражской Старой Ратуши. Вечер открылся реквиемом Н.Черепнина в исполнении русского хора. Затем прозучали выступления представителей ОД и Чешской академии наук (Я.Махал), Славянского института (проф. И.Поливка), Общества чешских писателей (поэт и драматург В.Дык), Союза русских писателей и журналистов в ЧСР (*В.И.Немирович-Данченко*) и др. ОД также содействовало постановке в Национальном театре инсценировки «Идиота» (премьера 13 февраля 1931). В передачах пражского радио, посвященных Достоевскому, выступили Д.Вергун и Э.Свобода. В связи с этой датой Обществом был издан сб. статей (Dostojevský. Sborník statí k padesátému vyročí jeho smrti 1881—1931. Praha, 1931). Отдельной брошюрой вышла работа Й.Горака о Достоевском в чехословацкой литературе. При содействии Славянской библиотеки было выпущено новое издание работы Т.Г.Масарика о Достоевском. Члены ОД участвовали также в международных конференциях. В 1929 на 1-м Конгрессе филологов-славистов выступили с докладом А.Бем («Достоевский в художественной полемике с Толстым») и Р.Плетнев («О необходимости исследования влияния св. Писания в новой литературе», с разбором евангельских сюжетов в творчестве Достоевского).

В 1932 ОД вступило в период кризиса, вызванного изменениями политического и общественного климата в стране. 23 мая 1932 на годовом общем собрании речь уже открыто шла о закрытии ОД по причине «полного равнодушия общественности». Однако лишь в конце следующего года общее собрание 14 ноября 1933 приняло решение о переименовании ОД в «Содружество по изучению жизни и творчества Ф.М.Достоевского» и присоединении его к Славянскому институту. Председателем был избран проф. Э.Свобода, делопроизводителем — А.Тескова, секретарем — А.Бем. Проф. Я.Махал оставался почетным членом. Эти формальные изменения мало отразились на характере деятельности организации, которая оставалась одновременно научной и просветительской. Ее издательская активность продолжалась публикацией отдельных брошюр.

Содружество продолжало традиции ОД, устраивая открытые беседы с обменом мнениями по различным вопросам, связанным с творчеством Достоевского. 30 января 1934 состоялась беседа о театральных инсценировках произведений Достоевского. В связи с постановкой «Идиота» (в новой обработке) в пражском Национальном театре Содружество организовало обмен мнениями на эту тему, который открылся чтением отрывка из произведения актерами пражских театров. В том же году совместно с Русским свободным университетом Содружество организовало доклад приехавшего из Женевы С.Карцевского о жизненном пути Достоевского. 22 января 1935 состоялся дискуссионный вечер «*Максим Горький* и Ф.М.Достоевский», поводом для которого послужила речь М.Горького с выпадами против Достоевского, прозвучавшая на 1-м Съезде советских писателей. Бурная дискуссия нашла отражение и в чешской печати (Lidove noviny. 1935. 24 янв.). 16 апреля 1935 с докладом «Достоевский в Италии» выступил проф. университета в Падуе, известный славист Этторе Ло Гатто. Активно сотрудничало Содружество и с чешским Литера-

турно-историческим об-вом. На одном из совместных вечеров А.Бем прочел доклад, изданный в Праге в 1937: ««Фауст» в творчестве Достоевского». В 1936 состоялась одна из наиболее интересных встреч, которая была посвящена «Легенде о Великом инквизиторе». В том же году вышел в свет 3-й том сборников «О Достоевском», состоявший из работ самого А.Бема, которые были прочитаны в «Семинарии по изучению Достоевского» при Русском народном (свободном) университете в Праге. Готовившийся в то время к печати 4-й том работ, посвященный преимущественно «Дневнику писателя», так и не вышел в свет. Одной из последних научных встреч в 1938, организованных Содружеством, была дискуссионная беседа на тему «Масарик и Достоевский». Масарик оказывал постоянную личную и материальную поддержку Содружеству. В мае 1937 он был избран его почетным членом.

Издательскую деятельность Содружества завершила публикация книги А.Бема «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Прага: Петрополис, 1938). На своем последнем собрании 23 мая 1939 Содружество приняло решение о прекращении деятельности Содружества как самостоятельной организации и преобразовании его в отделение Славянского института.

См. также: Морковкин В. Общество Достоевского в Праге // Československá rusistika. 1971. № 4; Плетнев Р. Воспоминания о первом Международном обществе имени Ф.Достоевского // ЗРАГ. 1981. Т 14.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ И «ВРЕМЕННИК ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ» (Париж, 1925—1938. Вып. 1—4). Председатели Общества: П.П.Гронский (1925—28), В.А.Верещагин (1938—31), П.Н.Апостол (1928—37); товарищи председателя: П.Н.Апостол, Я.Е.Поволоцкий (см. Поволоцкий Я. и К°) (оба в 1925—28), Г.Л.Лозинский (1928—37); секретарь — Я.Б.Полонский (1925—37); казначей — Л.А.Гринберг (1928—37); члены правления — *М.А.Алданов*, Г.Л.Лозинский, А.Н.Мандельштам, А.Л.Метцль, Б.С.Миркин, Гецевич, А.М.Михельсон, Б.Э.Нольдэ, затем И.Я.Билибин, В.П.Катенев, Ж.Порше, А.П.Струве.

В работе общества участвовало св. 150 членов, живших не только в Париже, но и в Оксфорде, Амстердаме, Мадриде, Гельсингфорсе, Лондоне, Праге, Берлине, Варшаве, Базеле, Лейпциге, Нью-Йорке и др. городах.

За 1926—1937 на заседаниях Общества было прочитано несколько докладов, в том числе П.Апостола о Первом международном съезде библиофилов, А.П.Струве о редкой Rossica, Н.К.Кульмана об издательской деятельности Н.И.Новикова, ряд других, тексты которых в основном вошли в книги «Временника». Одним из достижений Общества стала организация книжного отдела на выставке русского искусства в мае—июне 1928 в Брюсселе, где была представлена книжная графика художников «Мира искусства».

В первом выпуске «Временника общества», увидевшего свет в 1925, сообщалось: «Редакция «Временника» ставит своей основной задачей разработку и собирание материалов по истории русской книги и ее библиографии, по вопросам библиофилии, библиологии и библиотековедения — иными словами: Редакция посвящает страницы «Временника» не только книге как орудию работы — научной и литературной, — но и книге как самоценности. В частности, Редакция полагает существенно необходимым произвести описание тех русских книжных богатств, которые находятся за рубежом в многочисленных частных и государственных книгохранилищах» (Вводная страница без номера). Первый номер, богато иллюстрированный, с изящно набранным шрифтом и обложкой работы Б.Гроссера, соответствовал поставленным задачам. Альманах открывали статьи *С.К.Маковского* «Четверть века русской графики» и М.А.Алданова «Издания русских классиков за границей», где в основном описывалась деятельность по печатанию русской классики в берлинских издательствах Гржебина и Ладыжникова, а также статья *В.М.Зензинова* о Славянском отделе Национальной библиотеки Конгресса в США. Большой резонанс имела публикация в этом номере «Синодика библиотек, архивов и художественных коллекций, погибших в России во время войны и революции», подготовленного *С.Р.Минцловым*. «Видел я в помещичьих

собраниях и редчайшие инкунабулы, и увесистые тома средневековой латыни, и даже рукописи на пергаменте с миниатюрами догуттенберговских времен. Собиралось все это настоящими знатоками и любителями. Разорение этих гнезд во время гражданской войны — потеря не вознаградимая», — писал Минцлов в предисловии (с. 43). Сам список представлял собой составленный в алфавитном порядке по фамилиям владельцев перечень библиотек и художественных собраний, погибших в годы революции и гражданской войны, например: «Голицын А.Б. Имение «Сима», Юрьев-Польского уезда, Владимирской губ. Имение это было подарено Петром I князю Голицыну. Библиотека состояла из французских книг. Все книги были в художественных переплетах с гербами Голицыных. Библиотеку растащили большей частью пришлые крестьяне на растопку в 1919» (с. 45). Впоследствии на страницах «Альманаха библиофила», вышедшего в Ленинграде в 1929, Минцлову возразил известный книжник Ф.Г.Шилов: «С.Р.Минцлов приводит в первом номере «Временника общества друзей русской книги», изданного в Париже в 1925 году (с. 43—51), «Синодик» погибших, по преимуществу помещичьих, библиотек. Перечень этот во многих случаях неверен» (с. 168). Каких-либо конкретных возражений, однако, приведено здесь не было. Каталогу библиотеки самого С.Р.Минцлова посвящена в этом же номере «Временника» статья *П.Пильского* (под псевдонимом П-ий) «Памяти одного книгохранилища». Памяти замечательных библиофилов А.Ф.Онегина и А.И.Браудо посвящены некрологи. В 1-й выпуск «Временника» вошли также материалы о *Тургеневской библиотеке в Париже*, статья Я.Полонского «Библиография зарубежной библиографии» о библиографических обзорах и каталогах литературы за рубежом. Выпуск завершился подготовленной тем же Я.Полонским «Книжной летописью», перечислявшей каталоги, журналы и книги по самым различным областям знаний, вышедшие во второй половине 1924 за пределами России. *М.О.Цетлин*, выступивший под псевдонимом М.Ц., писал о первой книге «Временника»: «Нельзя не порадоваться тому культурному делу, которое делает «Временник»... Во «Временнике» читатель найдет и ряд интересных и полезных обзоров, а многое и в содержании, и во внешности книги порадует библиофила. Характерно для «Временника» именно это соединение двух задач, библиографической и библиофильской» (СЗ. 1925. № 25. С. 574).

В 1928 увидел свет второй номер «Временника». Его открывал новый список правления. Как и первый, номер открывала статья С.К.Маковского, посвященная книжной графике — иллюстрациям Д.С.Стеллецкого к «Слову о полку Игореве». Беды писателей Москвы в годы революции и гражданской войны и объединение их вокруг Книжной лавки писателей нарисовал в своем очерке «Книжная лавка писателей» *М.А.Осоргин*, а Лозинский рассказал о другом свободном книжном предприятии того времени, Петроградском кооперативе «Petropolis». Очерк по истории русского фонда Национальной библиотеки Франции представил Ж.Порше, а статью о книгохранилище русских иезуитов, основанном в 1842 князем И.С.Гагариным, перешедшим в католическую веру и бросившим работу в русском посольстве в Париже, Я.Б.Полонский. Описывая это собрание, более известное под названием «Славянская библиотека», Полонский впервые опубликовал неизвестное письмо П.Я.Чаадаева И.С.Гагарину и приложил его фотокопию. Факсимиле письма Пушкина на французском от 11—23 декабря 1836 к французскому послу в Петербурге барону Баранту было приложено к статье Лозинского об этой находке. О гибели, но и о спасении некоторых уникальных книг в советской России написал в очерке «Судьба старой русской книги» А.П.Изюмов, рубрику о новинках библиографии «Книги о книгах» представил Я.Полонский. Статья П.Апостола об альбоме блестящей светской красавицы О.А.Козловой была украшена факсимиле автографов А.Апухтина и Ф.М.Достоевского. Заметку памяти библиотекаря и педагога А.И.Калишевского написал В.Розенберг. М.О.Цетлин писал об этом номере «Временника»: «Мы уже отмечали на страницах *«Современных записок»* появление первого выпуска этого прекрасного издания. После довольно долгого перерыва вышел второй выпуск, составленный столь же интересно и разнообразно. Библиография — утонченный и хрупкий цветок культуры, жизнеспособнее и упорнее, чем можно было опасаться» (СЗ. 1929. № 38. С. 532).

3-й выпуск «Временника», изданного в 1932, открывала статья А.Н.Бенуа «Воспоминания о В.А.Верещагине», посвященная памяти председателя Общества. К неизданным материалам из архива князя И.С.Гагарина вновь обратился Я.Полонский. Он опубликовал неизвестные письма Герцена, наиболее значительной находкой было письмо Дантеса к Гагарину, написанное в 1847. Работа Г.Л.Лозинского «Романтический альбом П.А.Бартеневой» иллюстрирована факсимиле автографа стихотворения А.С.Пушкина «Нет, нет: не должен я, не смею, не могу...». В статье Лозинского рассказывается и о других уникальных записях, украшавших альбом популярной московской певицы в 30-х. В статье Я.Полонского «Неизданные автографы писем Пушкина в Париже» сообщалось о письмах Пушкина к Гончаровой, сохранившихся в собрании С.Дягилева после смерти владельца. О коллекции уникальных русских книг в библиотеке Гельсингфорсского университета говорилось в работе Б.Сильверсвана. П.Н.Милюков поделился библиографическими находками, связанными с пребыванием Н.И.Тургенева в Лондоне. К воспоминаниям о московской Лавке писателей снова обратился М.А.Осоргин. Он написал о рукописных книгах, которые сами авторы составляли и продавали в те трудные годы, и приложил к статье список этих уникальных сборников. «Временник» уделил много внимания книжной графике. Статья А.Лютера «Немецкие иллюстраторы русских авторов» сопровождалась воспроизведениями гравюр немецких художников, сделанных ими к произведениям русской классики. Постоянным автором «Временника» был библиотекарь парижской Национальной библиотеки Ж.Порше. Большой материал по истории коллекции русских книг, вывезенных Дидро из России, был опубликован им вместе с факсимиле нескольких уникальных автографов и полным списком книг, привезенных великим мыслителем из России. 3-й выпуск «Временника» венчал полный список членов Общества друзей русской книги. В правлении значились некоторые новые имена: М.В.Добужинский, А.А.Кизеветтер, С.К.Маковский, М.О.Цетлин. И об этом номере очень хорошо отозвалась критика. Автор, под псевдонимом М.А., писал: «Эта книга прежде всего делает большую честь русской издательской технике за границей. По внешности она совершенно безупречна. Обложка, иллюстрации, шрифты, бумага, все в ней превосходно... Добавим, что и по содержанию «Временник общества друзей русской книги» является в настоящее время единственным изданием подобного рода на русском языке» (СЗ. 1932. № 50. С. 466).

Четвертый выпуск «Временника» увидел свет в 1938. Его открывали текст и факсимиле баллады Пушкина «Гусар» со статьей Анри Монго об истории этой находки и цветной фронтиспис, подготовленный А.Н.Бенуа. Далее следовала статья *А.М.Ремизова* «Рисунки писателей», заглавие которой было выполнено его вязью. К статье приложены воспроизведения рисунков Пушкина, Достоевского, Гоголя, Лермонтова. П.Н.Милюков представлен материалом «Первопечатник Иван Федоров». Проблемам русских уникальных книг и документов в иностранных собраниях посвящены работы этого номера. Ж.Порше описал неизвестные свидетельства о посещении Петром Великим парижской Национальной библиотеки в 1717, английский ученый Д.Барникот — старопечатные русские книги, найденные в Англии, в том числе и «Острожскую Библию» второй половины XVI в. П.Апостол остановился на коллекции эстампов Национальной библиотеки Франции применительно к русской иконографии. О новонайденных материалах из архива княгини Зинаиды Волконской, в том числе автографе послания к Волконской Пушкина, автографах Баратынского, Александра I, Жуковского, сообщил Я.Полонский. Обширное описание сокровищ Дягилевского собрания представил его ближайший друг и ученик С.М.Лифарь. Среди экземпляров дягилевского собрания Лифарь упомянул и «Апостол» Ивана Федорова. Казачий поэт *Н.Н.Туроверов* описал книжное собрание бывшего заместителя атташе во Франции Д.И.Ознобишина, особенно выделив редчайшие книги, гравюры и архивные материалы, связанные с военной историей России. Деятельности И.Д.Сытина посвятил статью А.В.Руманов. В конце выпуска снова был представлен список членов Общества друзей русской книги и правления. Сообщалось, что Общество приняло участие в организации книжного отдела на Выставке русского искусства в Лондоне в июне—июле 1935.

В.В.Леонидов

ОБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ В ХАРБИНЕ (1921—1923) — основано в Харбине в конце 1921. Несмотря на недолгое существование, Общество, как одна из первых литературных организаций в Харбине, сыграло видную роль в культурной жизни дальневосточной русской эмиграции. Общество не носило характера профессионального объединения — членами его могли стать все интересующиеся литературой. Еженедельно, по четвергам, устраивались доклады и дискуссии на литературные темы. Происходили оживленные прения между сторонниками старой классической литературной традиции и «новаторами». Первым председателем общества была беллетристка Е.И.Щировская (автор романа «Перед войной». Харбин, 1921). В собраниях общества участвовала группа профессоров: Г.К.Гинс (1887—1971, профессор Русского юридического факультета в Харбине, редактор журнала *«Русское обозрение»*, автор работ о А.С.Пушкине, Л.Н.Толстом, Ф.М.Достоевском, *И.А.Бунине* и др.); Н.В.Устрялов (1890—1938, профессор Русского юридического факультета в Харбине, один из основоположников движения «Смена вех», автор политических и философских книг); Е.Х.Нилус (военный юрист, полковник, профессор, составитель книги «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923» (Харбин, 1923), муж харбинской поэтессы Александры Паркау). Из литераторов участниками общества состояли: Н.Алл (поэт, с 1923 — в США), *С.Алымов* (поэт, редактор журнала «Окно» совместно с Н.Устряловым (Харбин, 1920) и вечерней газеты «Рупор» (Харбин, 1921—1926?), вернулся в СССР), Л.Арнольдов (журналист, литератор, с 1925 — главный редактор газеты *«Шанхайская заря»*), Т.Баженова (беллетристка, поэтесса, в середине 20-х уехала в США), писатель старшего поколения *С.И.Гусев-Оренбургский*, В.Март (настоящая фамилия Матвеев В.Н., 1897—1937, поэт-футурист, отец поэта Ивана Елагина; находясь непродолжительное время в Харбине (1921—1922), выпустил там более десяти поэтических сборников; в 1923 вернулся в СССР, был репрессирован, расстрелян), Ф.Камышнюк (поэт, переводчик, автор нескольких поэтических сборников: «Музыка боли» (Харбин, 1918), «Лепестки. Скрижали» (Харбин, 1921), в начале 30-х вернулся в СССР); *С.Скиталец* (принимал активное участие в харбинской литературной жизни, состоял в редколлегии журнала «Сунгарийские вечера» (Харбин, 1923), был постоянным сотрудником харбинской газеты *«Русский голос»*, в 1934 вернулся в СССР). В начале 1923 Общество прекратило свое существование.

Т.И.Бычихина

ОБЩЕСТВО РУССКИХ СТУДЕНТОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И УПРОЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ОРСИУСК) (Париж, 1922—1929). Организовано 10 декабря 1922, программа деятельности Общества заключена в самом его названии, его задача — вести культурно-просветительскую работу среди студенчества и других слоев русского населения Парижа, направленную на пропаганду русской науки, культуры, литературы. Первоначально Общество насчитывало в своем составе около 150 членов. Его почетными членами были избраны *И.А.Бунин*, *И.С.Шмелев*, *А.И.Куприн*, проф. В.Б.Ельяшевич и др.

В 1924—25 издавалась газета «Годы изгнания — Листок Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры». Вышло 8 номеров.

Большое место в работе Общества занимала литературная тематика. Организовывались литературные вечера с участием *К.Д.Бальмонта*, И.А.Бунина, И.С.Шмелева, *Б.К.Зайцева*, *А.М.Ремизова*, Саши *Черного*, *Н.А.Тэффи*, *Н.Я.Рощина*, *А.П.Ладинского*, *А.А.Яблоновского*, *В.Н.Ладыженского*, *Б.А.Лазаревского* и др. И.С.Шмелев впервые ознакомил слушателей Общества с отдельными главами из романа «Солнце мертвых», Б.К.Зайцев читал отрывки из повести «Золотой узор», рассказ «Алексей, Божий человек», Саша Черный — новую поэму «Дом на Великой». Была прочитана серия лекций о русских классиках: Ф.М.Достоевском, Л.Н.Толстом, А.С.Пушкине. К 125-летию со дня рождения А.С.Пушкина состоялся юбилейный вечер с большой литературно-художественной программой (июнь 1924), были проведены вечера памяти А.К.Толстого, Вл.С.Соловьева. Проводились вечера с читкой произведений советских писателей (М.М.Зощенко — 28 января 1928). Проводились персональные

творческие вечера писателей: И.С.Шмелева (19 марта 1927), А.П.Ладинского (31 марта 1928), А.А.Яблоновского (26 апреля 1927) и др. При Обществе работала театральная студия, ставившая спектакли по произведениям русской классики.

Большое внимание уделялось студенческой тематике: вечер, посвященный Московскому университету, вечер воспоминаний о жизни харьковских студентов, лекция «Положение русского студенчества в эмиграции» и др. Широко отмечался студенческий праздник «Татьянин день».

В ноябре 1924 было проведено объединенное собрание русских студенческих организаций в Париже: Союза русских студентов во Франции, Общества взаимопомощи студентов донских казаков, ОРСИУСКа, Национального студенческого союза, Союза студентов-техников с целью выяснить возможность создания центрального объединяющего органа, обеспечивающего представительство и защиту интересов русского эмигрантского студенчества во Франции.

Просветительская работа осуществлялась не только в области литературы и искусства. Читались также лекции по философии, экономике, праву, на политические темы с участием *Н.А.Бердяева*, экономиста С.Н.Прокоповича, юриста Е.Б.Ельяшевича и др. Особый интерес у слушателей вызывали лекции и доклады о жизни в Советской России (доклады проф. С.Н.Прокоповича «Что дал России НЭП», М.В.Бернацкого «Современное экономическое положение СССР» и др.). Почетным членом ОРСИУСКа аббатом Г.Кенэ были прочитаны лекции: «Возникновение франко-русской дружбы», «История Парижа», «Маркиз де Кюстин о России в 1839 году»; проф. Сорбонны Э.Оманом «Будущее франко-русских отношений» и др. Устраивались балы по случаю юбилейных дат клуба ОРСИУСК (на одном из балов его почетным распорядителем был И.А.Бунин — декабрь 1926), концерты с приглашением известных музыкантов, певцов, актеров. С благотворительной целью организовывались детские литературно-музыкальные утренники, в которых неизменно участвовали А.И.Куприн, Саша Черный.

В июле 1929 ОРСИУСК прекратил свою деятельность.

Л.Г.Голубева

ОБЪЕДИНЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ (Париж, 1931—1940). В Объединение входили поэты и прозаики молодого поколения русской эмиграции в Париже. Среди них А.В.Алферов, *В.Л.Андреев*, *В.С.Варшавский*, И.В.Воинов, *Г.И.Газданов*, Л.И.Ганский, *А.С.Гингер*, *И.Н.Голенищев-Кутузов*, *А.С.Головина*, *М.Г.Горлин*, Б.Дикой, В.Ф.Дряхлов, Г.В.Евангулов, Б.Закович, *В.А.Злобин*, *Л.Ф.Зуров*, Л.И.Кельберин, *И.Н.Кнорринг*, *Д.М.Кнут*, *Ю.В.Мандельштам*, *В.А.Мамченко*, *Б.Ю.Поплавский*, *С.Ю.Прегель*, *А.С.Присманова*, *Г.А.Раевский*, *Ю.Б.Софиев*, *В.А.Смоленский*, *П.С.Ставров*, М.А.Струве, *Ю.К.Терапиано*, *Н.Н.Туроверов*, *Ю.Фельзен*, *Л.Д.Червинская*, *С.И.Шаршун*, *А.С.Штейгер*, *В.С.Яновский* и др. Приезжая в Париж, его посещали *З.А.Шаховская* и *В.В.Набоков*. На вечерах Объединения бывали и представители старшего литературного поколения: *Г.В.Адамович*, *К.Д.Бальмонт*, *И.А.Бунин*, *В.В.Вейдле*, *З.Н.Гиппиус*, *Б.К.Зайцев*, *Г.В.Иванов*, *Д.С.Мережковский*, *М.А.Осоргин*, *М.Л.Слоним*, *В.Ф.Ходасевич*, *М.И.Цветаева* и др.; общественные и политические деятели: *И.И.Бунаков*, А.Ф.Керенский, Ю.А.Ширинский-Шихматов, философ *Г.П.Федотов* и др. Руководство Объединения избиралось на ежегодных общих собраниях. Помимо выборов председателя Объединения (ими были — последовательно — Ю.В.Мандельштам, Ю.Фельзен, Л.Ф.Зуров), избирались также заместитель председателя, члены правления, казначей, секретарь и ревизионная комиссия. В правление Объединения в разные годы входили А.В.Алферов, В.С.Варшавский, И.В.Воинов, Б.Дикой, Л.И.Ганский, В.А.Злобин, Л.Ф.Зуров, В.А.Мамченко, Ю.В.Мандельштам, С.Ю.Прегель, А.С.Присманова, В.А.Смоленский, Ю.Б.Софиев, П.С.Ставров, Ю.К.Терапиано, Ю.Фельзен, Т.В.Штильман, В.С.Яновский. Значительная часть литературных вечеров была посвящена чтению и разбору стихов и прозы членов Объединения, причем эти вечера были как открытыми для публики, так и закрытыми. Иногда подобные вечера носили благотворительный характер (26 марта 1938 состоялся «Вечер прозы и стихов в пользу заболевших молодых писателей»).

Поэзия занимала значительное место в деятельности Объединения. Регулярно устраивались поэтические вечера, на которых члены Объединения читали свои новые стихи. Состояние современной поэзии ста-

новилось темой обсуждения. 29 марта 1934 состоялся диспут о кризисе поэзии, со вступительным словом выступил Г.В.Адамович. В прениях приняли участие В.В.Вейдле, М.Г.Горлин, Л.И.Ганский, Ю.В.Мандельштам, *Н.А.Оцуп*, Г.А.Раевский, Ю.К.Терапиано, М.Л.Слоним, Л.Д.Червинская и др. Ежегодно организовывались вечера поэзии, в которых принимали участие и литераторы молодого поколения, и поэтические «мэтры». 26 марта 1932 состоялся вечер, посвященный творчеству В.С.Яновского, на котором автор прочел отрывки из романа «Мир» и новый рассказ, после чего прошло обсуждение творчества писателя. Вечера были посвящены выходу книг — Д.Кнута «Парижские ночи» (23 апреля 1932; вступительное слово З.Н.Гиппиус) и Андре Жида «Возвращение из СССР» (26 ноября 1936; вступительное слово Г.В.Адамовича). 26 июня 1936 состоялось литературное собрание, посвященное памяти *Максима Горького* (вступительный доклад Г.В.Адамовича; с речами и воспоминаниями выступили *Н.Н.Берберова*, И.И.Бунаков, В.С.Варшавский, М.Л.Слоним, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, Л.Д.Червинская). 17 октября того же года — вечер памяти Александра Блока (вступительное слово Г.В.Иванова; Л.Д.Червинская прочла доклад «Об отношении к Блоку»; стихи поэта читали Н.Н.Берберова, А.С.Головина, Л.И.Кельберин, А.П.Ладинский, *И.В.Одоевцева*, В.А.Смоленский, П.С.Ставров, Ю.К.Терапиано). 21 мая 1938 с «Воспоминаниями об отце» выступил сын писателя *Л.Н.Андреева* — Вадим Андреев.

Значительное место в деятельности Объединения занимали литературные вечера, на которых читались доклады с их последующим обсуждением. С докладами выступили Б.Ю.Поплавский (26 декабря 1931 — «Молодой эмигрантский человек против отцов и за разрыв культурной традиции» и 9 апреля 1932 — «О Сологубе и о праве на несоциальность»), кн. С.А.Щербатов (6 февраля 1932 — «Кризис искусства»), Б.Закович (9 июля 1932 — «Возврат к человеческому или превозможение его»), Г.В.Адамович (2 декабря 1937 — «Русская литература (советская и эмигрантская) за 20 лет»), Ю.В.Мандельштам (11 декабря 1937 — «Метафизический заказ в эмигрантской литературе», 5 марта 1938 — «Вымысел, документ, правда», 11 февраля 1939 — «Квадратура круга № 3»), В.С.Варшавский (12 февраля 1938 — «Документальность в современной литературе»). 9 марта 1935 в Объединении состоялось «Собеседование о критике», на котором со вступительным словом выступил Ю.В.Мандельштам. В обмене мнениями приняли участие Г.В.Адамович, В.В.Вейдле, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Б.Дикой, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Г.А.Раевский, Б.Ю.Поплавский, М.Л.Слоним, Ю.К.Терапиано, В.Ф.Ходасевич и др. Широкий круг проблем, касающихся не только литературы, но и таких тем, как «Личность в современном обществе» (22 мая 1934, вступительный доклад на французском языке М.Слонима), «О новом русском человеке в эмиграции» (9 февраля 1935, вступительное слово Ю.Терапиано), «Что делать? (о задачах эмиграции и ее отношении к России)» (2 апреля 1936, вступительный доклад В.С.Варшавского), обсуждался на проводимых в Объединении собеседованиях. 9 февраля 1937 в Объединении состоялась публичная беседа о смертной казни (вступительное слово Г.В.Адамовича). Отдельные заседания были посвящены русской литературе в других странах рассеяния. 23 декабря 1932 Б.Дикой выступил с докладом о новой поэзии в Эстонии. 9 апреля 1938 приехавший из Праги писатель В.Морковин сделал сообщение «О положении русских писателей в Чехословакии».

Собрания Объединения посещались французскими писателями. 22 мая 1934 в собеседовании на тему «Личность в современном обществе», наряду с русскими литераторами, с французской стороны приняли участие Габриэль Марсель, Георг Бернгард и др. 4 апреля 1935 в Объединении состоялся франко-русский литературный вечер, на котором Г.В.Адамович сделал на французском языке доклад «Русская литература и революция». В прениях приняли участие Бердяев, Вейдле, Мережковский, Слоним, Цветаева, Б.Шлецер и др., с французской стороны — Г.Марсель, Э.Мунье и др.

В середине января 1932 при Объединении была организована «Книжная полка», занимавшаяся продажей книг и рисунков. На ней были представлены «Обезьяньи печати», «Портреты обезьяньих князей и кавалеров» и «Посолонь» *А.М.Ремизова*, книги Б.Очередина и *А.П.Каменского*, рисунки А.Бакста, фотогравюры Б.Даева. В

1934 при Объединении была организована издательская коллегия, членами которой стали Г.И.Газданов, Ю.Фельзен и В.С.Яновский. В 1935 Объединение приняло участие в Первой парижской выставке книг русской зарубежной литературы. С приветственными словами на открытии выставки, состоявшемся 1 января, наряду с М.Л.Слонимом, В.Ф.Ходасевичем, выступили и представители Объединения. 12 января в рамках Выставки состоялось собрание, посвященное лирике русского зарубежья. Поэты В.Злобин, Д.Кнут, А.Ладинский, Ю.Мандельштам, Б.Поплавский, В.Смоленский, П.Ставров, Ю.Терапиано и др. читали свои стихи, подписывали и продавали свои книги. 19 декабря 1935 состоялось открытие Второй выставки издательской коллегии Объединения под названием «17 лет эмиграции (печать, типография, документы)». На открытии выступили И.А.Бунин, Г.В.Адамович, Ю.В.Мандельштам. В 1937 Объединение приняло участие в Пушкинской выставке. 13 апреля в зале Плейель состоялся вечер Объединения, на котором выступили Берберова, Кнут, Ладинский, Мандельштам, Смоленский, Ставров, Терапиано, Червинская.

Последнее заседание Объединения состоялось 25 марта 1940 и было посвящено памяти В.Ф.Ходасевича.

Т.Л.Воронина

«ОГНИ» (Прага, 1921. 8 августа — 10 ноября. № 1—14) — еженедельная «внепартийная» газета. Ее редактор-издатель Г.А.Алексинский — бывший социал-демократ, один из видных деятелей РСДРП, депутат 2-й Государственной Думы по рабочей курии от Петербурга. В эмиграции он сначала обосновался в Париже, где принимал ближайшее участие в бурцевском «*Общем деле*», а затем переехал в Прагу с тем, чтобы организовать там группу противников «соглашательства» с большевизмом.

В первом номере в статье «Наши задачи» редакция провозглашала лозунг национального объединения, отказа от партийной идеологии во имя спасения России. Статья Г.Алексинского «Да здравствует борьба!» являлась одновременно и политической программой нового издания, и своего рода декларацией непримиримых противников большевиков. «Мы не прекратим борьбы, — заявлял редактор «О». — И нет и не может быть спасения для России, пока не сброшена большевистская власть, кровавым игом тяготеющая над нею» (№ 1). «О» задумывались как периодическое издание, противостоящее эсеровской агитации в Праге, о чем недвусмысленно заявлялось уже в передовой статье первого номера. Издатели рассчитывали, что «О» сумеют завоевать ту часть пражской читательской аудитории, что не разделяет эсеровских воззрений, и с преобразованием газеты в ежедневную — будут успешно противостоять «просоветской» позиции «*Воли России*». Именно поэтому ставка была сделана на привлечение к сотрудничеству в чисто политическом издании крупных русских писателей, разделявших программные установки нового периодического органа. По подбору имен «О», несмотря на свою недолговечность, явно выделяются в ряду эмигрантских газет «второго ряда». Здесь были напечатаны художественные и публицистические произведения *А.В.Амфитеатрова*, *И.А.Бунина*, *А.И.Куприна*, *Б.А.Лазаревского*, *И.Д.Сургучева*, *Н.А.Тэффи*, *А.А.Яблоновского*.

И.Бунин в статье «Страна неограниченных возможностей» (№ 1) писал об общей ответственности всех русских людей за происшедшее, о нашем азиатском дикарстве и уникальной способности все окарикатурить до последней возможности, об «архисеминарской серьезности» и неуемном стремлении к «книжным разглагольствованиям, к речению схоластических пошлостей», о неспособности к практической деятельности: «большевики большевиками, а все-таки только в России можно дерзнуть на бесстыдство «планетарное», на глупость, повергающую в столбняк»; «у нас все сойдет с рук»; «у нас почва для всяческой чепухи и гнусности большевицкой была давно готова». Обратившись к Ключевскому и Костомарову, Бунин находит в русской истории «полное подобие» нынешним временам; он вспоминает восторги по поводу декадентов, футуристов, *Горького*, Блока и приходит к выводу, что «подготовляли» революцию «мы все, а не одни Керенские и Ленины». Об ответственности интеллигенции, сознательно готовившей революцию, но не знавшей ни русского народа, ни русской исто-

рии, размышляет Бунин в статье «О писательских обязанностях» (№ 6). Он цитирует Герцена: «Не зная народ, можно его покорять, угнетать, но освободить нельзя». Если в статьях Бунина звучит прежде всего негодование, то «Письмо в редакцию», предваряющее публикацию «Призыва русских матерей» (№ 1), и «Записная книжка» (№ 7) показывают другого Бунина — страдающего и сострадающего. Ненависть и страдание слышатся и в произведениях А.И.Куприна («Холощеные души», № 3; «Ретирада», № 4). У Бунина и Куприна уже нет надежд на скорое падение коммунистов. Казалось бы, верит в близкое выздоровление России Александр Яблоновский («Выбор смерти», № 3; «Матушка-старушка», № 4; «Бегут...», № 5), но и он становится пессимистичен, когда пишет не на злобу дня, а пытается осмыслить весь терновый путь России. Взгляды его во многом совпадают с точкой зрения Бунина: «Мы одни во всем мире обречены на «огненную пещь». История уже сорвала с нас не только нашу старую одежду, но вместе с одеждой и кожу. И нет конца ни русскому палачеству, ни русской муке, — пишет Яблоновский в статье «Страна отцов» (№ 6). — И кто знает, пошлет ли нам Господь еще и еще этой силы терпения, или действительно уже «вечереют дни нашей жизни и скоро наступит ночь»?»

Несмотря на то что «О» издавались в Праге, большинство сотрудников газеты проживало за пределами Чехословакии. Из «пражан» в них много писал И.Д.Сургучев. В третьем номере газеты сообщалось о переезде Сургучева из Константинополя в Прагу и о согласии его стать «ближайшим сотрудником», а уже в четвертом номере появляется первая часть его очерка «Город трех праздников» (продолжение — в № 5). При этом Сургучев печатает как написанное еще до эмиграции (статья «Три логики» (№ 7) представляет собой переделанный фрагмент из книги «Большевики в Ставрополе», изданной в 1919 в Ростове), так и материалы, созданные «на злобу дня» («В четвертую годовщину», № 12). Выступает Сургучев и в роли театрального рецензента, публикуя свои размышления по поводу спектаклей гастролировавшего в Праге МХТ («О сером и синем глазе Чехова», № 6; «Гамлет» в Художественном театре», № 9). Алексинскому удалось привлечь к сотрудничеству и только что бежавшего из советской России А.В.Амфитеатрова, который прислал из териокского карантина серию очерков под названием «Красный Петроград: Типы и картинки» (№ 7—10). Среди художественных произведений, опубликованных в газете, — рассказ Б.Лазаревского «M-lle Desiree» (№ 2), стихотворения И.А.Бунина (№ 4 и 9) и Н.А.Тэффи (№ 1, 3).

В «О» освещалась деятельность русских эмигрантов в Праге, печатались сообщения из других беженских центров — Галлиполи, Гельсингфорса, но в центре внимания во всех вышедших номерах был «голод в России». Ответом на письмо М.Горького с призывом о помощи голодающей России стала статья А.Куприна, обвинившего «буревестника революции» в «развязности, фамильярности, лжи и высокопарности». По мнению Куприна, «никогда еще его золотое перо не достигало таких высот голого бесстыдства, как в письме, обращенном к целому миру вообще и к Гауптману в частности... Письмо это не только глупо. Оно еще и безграмотно, и нагло, и трусливо, и подло... Это письмо трусливо, потому что Горький не смеет открыто назвать истинную причину страшного российского бедствия — неспособность большевиков ни к чему, кроме разрушения» («Друг человечества», № 1).

Как бы «противовесом» обращению Горького являлось и открытое письмо *Д.С.Мережковского* Г.Гауптману, перепечатанное из «Deutsche allgemeine Zeitung» в третьем номере газеты. «М.Горький — не друг русского народа, но враг, враг тайный, хитрый, лицемерный, злейший враг его, — утверждал Мережковский. — Надо сказать еще другую правду: пока не сброшена сов. власть, в такой же степени невозможно помочь миллионам гибнущих людей, как невозможно помочь повешенному, пока он не освобожден от петли».

Полемика с «Волей России», «*Последними новостями*», гельсингфорсским «*Путем*» занимала важное место на страницах газеты. Значительная часть десятого номера посвящена опровержению информации «Последних новостей» о прекращении «О» и ответам на обвинения в черносотенстве. «Участие в нашей газете И.А.Бунина, А.Куприна, А.Яблоновского, А.Амфитеатрова, И.Сургучева, Тэффи лучше всего могут опровергнуть все обвинения нашей

газеты, что она антидемократична и антинациональна, — говорилось в редакционной статье. — Наша непродолжительная работа увенчалась таким успехом, который оказался выше наших ожиданий... Наши «Огни» будут гореть и дальше». Однако на самом деле положение было не столь радужным, издание столкнулось с организационными и финансовыми трудностями, а с объявлением о грядущем приостановлении «Воли России» «ввиду перенесения в одну из стран, находящихся ближе к России», газета лишалась и идеологического противника, для борьбы с которым была создана. Как это произошло со многими еженедельными газетами эмиграции, изначально предполагалось выпускать вместо «Огней» историко-литературный журнал «Славянские травы» — «первый русский журнал за границей старого дореволюционного типа», ставящий своей задачей «осветить бытовую сторону переживаемого Россией и русскими «Смутного времени», но идея эта так и не была реализована.

«ОГНИ» (Прага, 1924. 7 января — 16 июня. № 1—22) — еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. В первом номере появились две «программные» статьи — «Славянство и Запад» и «Россия». По мнению редакции, славянство и Запад, тесно соприкасаясь, еще не преодолели внутренней отчужденности. Важнейшей задачей газеты ставилась пропаганда и распространение русской культуры, но, помимо «высоких» целей, создатели «О» преследовали и чисто утилитарные. Газета создавалась при издательстве «Пламя» и во многом выполняла «рекламные» функции, знакомя читателей с книжными новинками, публикуя рецензии на только что вышедшие книги, небольшие фрагменты из рукописей, готовящихся к публикации.

Ответственным редактором и издателем газеты был Ф.В.Рихтер. 10 января 1924 «*Последние новости*», сообщая о появлении первого номера новой пражской еженедельной газеты «О», издаваемой «Пламенем», указывали, что в состав редакции входят *М.Л.Слоним*, Е.А.Сталинский, В.Н.Тукалевский, *Вас.И.Немирович-Данченко* и *Е.А.Ляцкий*. Первые двое хорошо известны как соредакторы и ведущие сотрудники журнала «*Воля России*», Е.А.Ляцкий являлся руководителем издательства «Пламя» (фактически контролировавшего газету) и стокгольмского издательства «Северные Огни», перекличку с названием которого нетрудно увидеть и в выбранном для газеты заглавии. Имя Вас.И.Немировича-Данченко — старейшего русского писателя-эмигранта — использовалось в основном для привлечения читательского внимания. Произведения старейшины русской беллетристики Вас.И.Немировича-Данченко регулярно помещались в газете: рассказ «В бурю» (№ 5—6) и обработка легенды «Слезы Мириам» (№ 16), мемуарные очерки «Рождественский гусь (Как мы начинали когда-то)» (№ 1—2); «Маленький случай (Интимная страничка из воспоминаний о Н.А.Некрасове, М.М.Стасюлевиче и Г.Е.Благосветлове)» (№ 15); «Преданья старины глубокой» (№ 19, 22), наброски («Из «Облетевших листьев» (шутки, шаржи, маленькие поэмы)» — № 8). Часто печаталась проза *Гребенщикова*: несколько фрагментов из его «эпических» полотен «Возвращение Любавы» — эпилог к повести «Любава» (№ 3); «Атаман Лихой забирает князя Бебута (Из сказаний о Микуле Буяновиче)» (№ 8); «Веления земли (отрывки из эпопеи «Василий Чураев»)» (№ 16). Стилизованные под народный эпос, прозаические отрывки Гребенщикова были насыщены этнографическими подробностями.

Из поэтов в «О» печатались *М.И.Цветаева*, *К.Д.Бальмонт*, *В.Ф.Ходасевич*, *Н.Тэффи*. В первых номерах в разделе «Маленький фельетон» появлялись произведения *П.П.Потемкина* и Г.Пронина.

Если Марк Слоним давал в «О» в основном публицистические, а также историко-литературные («Судьба Байрона. 1824—1924», № 16) статьи, предпочитая подписывать свои заметки о конкретных изданиях псевдонимом, то Е.Ляцкий активно участвовал и в критическом отделе. В № 3 опубликована его рецензия на новую книгу *Л.Шестова* «Potestas clavium» (Берлин, 1923). Ляцкий обращал внимание читателей прежде всего на форму — на его манеру изложения. Очерки Шестова отличаются «извилистостью мысли», «мысль эта словно ищет путей наименьшего сопротивления своему движению, обходя те препятствия и до известной степени «громоздкие» затруднения, на которых до сих пор испытывала себя метафизика»; «Шестов отводит внима-

ние читателя от строгих метафизических построений, рассеивая его в многообразных и удачно подмеченных житейских, подчас обывательских преломлениях существующих проблем». Собственно книга остается на втором плане и в рассуждениях Е.А.Ляцкого о «Силуэтах русских писателей» *Ю.Айхенвальда* (Берлин, 1923). Для него Айхенвальд — «писатель о литературе», а не ее историк и не ее критик. В очерках Айхенвальда главное — личное впечатление критика, те чувства, что пробудились в душе его под влиянием чтения художественного произведения. Айхенвальд как бы «заражается сам красотой их поэтического гения» (№ 7). В очерке «О Тэффи» (№ 8) Ляцкий почти ничего не говорит о сборнике стихотворений Тэффи «Passiflora». Он пишет о даровании Тэффи «вообще», характеризуя писательницу не только «как неподражаемую и в настоящее время единственную писательницу-юмористку», но и как поэтессу, голос которой «гармоничен, нежен, хрустален и поет о том, что есть на свете и любовь и счастье, но больше страдания и горя».

Рецензируя книгу *А.Ремизова* «Кукха: Розановы письма», изданную З.И.Гржебиным в Берлине в 1923, Д.Лутохин отмечал в четвертом номере «О»: «Ремизов, написавший эту «Кукху», и Розанов, о котором она написана, — большие мастера письма, искусники великие: они преодолевают «словесность» и дают сконцентрированную, обостренную, но подлинную жизнь». Арсений Мерич (*А.Ф.Даманская*) в пятом номере представлял новую книгу рисунков *Б.Григорьева* «Boui Bouis» (Берлин, 1924), текст к которой дал *М.Осоргин*. Сочетание замечательного живописного мастерства Б.Григорьева с очерками Осоргина дало, по мнению А.Мерича, неожиданный эффект органической целостности книги: «О портовых притонах Франции рассказывает своим волшебным карандашом Б.Григорьев, о портовых кабачках Италии пишет в своих очерках М.Осоргин».

Дважды «О» посвящали большие материалы журналу *«Беседа»*. В первом номере была опубликована статья-фельетон «Киты, Ахинея и нечто о литературе (Беседа. № 1—3)», в которой автор, скрывавшийся за псевдонимом Ник.Лунин, писал: «Есть (или был — теперь не знаешь, как сказать) журнал «Литературы и науки», созданный тремя — *Максимом Горьким*, *Андреем Белым* и В.Ходасевичем. Имена серьезные, своего рода три кита, на которых литература должна держаться в равновесии между старым и новым. Корни в старом, «устремления», как выражаются ныне люди, не чуткие к языку, в новом. Таков видимый девиз журнала». Стараясь не затрагивать В.Ходасевича, вошедшего в число сотрудников «Огней», критик сосредоточивает свое внимание на М.Горьком и А.Белом. У Горького — «великая воля творческой похоти залила лучами очаровательной поэзии изнанку мужицкой души, осмеяла и заплевала все, что в ней темно и недоступно рецепту комсомольского хорошего тона», где «все отвратительно, все грязно, и все блестит, словно загнивающие лужи на солнце», «дочитываешь до конца, не отрываясь, с нездоровым любопытством, не опьяняющим, но засасывающим, как тина, с вопросом: до чего еще может дойти даровитый писатель в борьбе великих, хотя и слепых возможностей своего гения с цинизмом какой-то неотмытой души?»

Рассказывая о новых эмигрантских изданиях, «О» приветствовали появление периодических органов демократической ориентации — журнала Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Праге *«Казачий путь»*, органа Студенческого объединения народов Востока Европы, издания Русского кооперативного института в Праге «Кооперация и сельское хозяйство». В поле зрения редакции была и советская периодика — «Звезда», «Былое», «Анналы», «Красный архив» и др.

Д.Д.Николаев

ОДНОДНЕВНЫЕ ГАЗЕТЫ (1918—1940). В эмиграции получила продолжение давняя традиция российской прессы — однодневные газетные издания, а также специальные и «почетные» номера газет. Выпуск их был приурочен к какому-либо памятному событию истории, общественной и культурной жизни, а содержание ограничено определенной темой. Другая функция подобных разовых изданий — благотворительная, т.е. сбор средств в пользу нуждающихся соотечественников.

Учет однодневных газет сопряжен с немалыми трудностями. Даже такое основа-

тельное библиографическое издание, как сводный каталог периодических изданий «Русская эмиграция в Европе» (Париж, 1990), дает весьма неполные и обрывочные сведения по данному вопросу.

I. Издания, посвященные *культуре* и, в частности, *литературе*. День русской культуры — наиболее заметное начинание русской общественности на чужбине, праздник, получивший признание во всех странах русского рассеянья за границей.

В 1924 в Эстонии по почину «Русских просветительных и благотворительных обществ» было организовано культурное мероприятие под названием День русского просвещения, приуроченное к 26 мая (8 июня) — дню рождения А.С.Пушкина. В Эстонии имелись районы с коренным русским населением. Никуда не уезжая из отчего дома, русские люди оказались отделенными границей от России, что не могло не привести к обострению национального чувства, к стремлению сохранить вживе наследие народного духа. Этот праздник стал отмечаться в Эстонии ежегодно — не только в городах, но и в деревнях, где жили русские. В передовой статье однодневной газеты «День русского просвещения», вышедшей в следующую годовщину праздника — 31 мая 1925, местные авторы — искусствоведы, ученые, историки, педагоги — рассказывали о достижениях отечественной литературы, живописи, архитектуры, музыки, о славных именах русской истории и культуры. В разделе «Хроника» дан отчет о том, как в разных местах отмечался праздник в предыдущем году. В дальнейшем этот принцип подбора материалов сохранялся во всех выпусках однодневной газеты «День русского просвещения». Выходила ли она в Ревеле каждый год — остается неясным, так как номер выпуска не указывался. Известно лишь, что на последнем выпуске проставлена дата: май—август 1940. Особое внимание уделялось практической стороне (организации курсов, лекций, собраний, кружков самодеятельности, клубов), что определяло отличие «Дня русского просвещения» от аналогичных изданий в других странах.

Почин Эстонии был поддержан в Праге на Совещании по борьбе с денационализацией, состоявшемся в 1925. Было внесено предложение об устройстве в день рождения Пушкина ежегодного праздника День русской культуры во всех странах и во всех местах, где проживало большое количество выходцев из России. Был избран президиум по празднованию; редакционная комиссия составила воззвание, обнародованное почти во всех эмигрантских газетах. Вскоре ДРК стал воистину всеобщим праздником россиян, живущих за границей. Ибо суть его — в единении множества человеческих одиночеств, мыкающих судьбу во «мгле чужой и зарубежной». Объединяющим моментом было великое прошлое их общей отчизны — духовная опора россиян в нынешнем бедственном положении. Программа торжеств бывала обширна, и характерной приметой являлся выпуск однодневной газеты, приуроченной к этому эмигрантскому празднеству. В Праге 8 июня 1925 увидела свет однодневная газета «Русская культура», изданная Комитетом по устройству ДРК. Средоточие в этом городе русской профессуры, видных партийных деятелей и писателей из России предопределило авторитетный состав выпуска. Это профессора А.Кизеветтер, Е.Шмурло, Е.Спекторский, А.Чупров, литераторы *Вас.Немирович-Данченко*, *Е.Чириков*, *А.Бем*, *М.Цветаева*. Приняли участие также видные представители чешской науки и общественности во главе с доктором А.Масариком.

Иная судьба была у однодневной газеты «Русский день», выходившей в Риге. Первый выпуск по чисто организационным причинам несколько задержался и вышел в свет 20 сентября 1925. В дальнейшем устроители старались приурочить издание «Русского дня» к началу июня. В 1926 последовал № 2, а последний выпуск — № 9 за 1936 (не исключено, что имели место и более поздние выпуски). Рижская однодневная газета опиралась, в основном, на местные силы, среди которых, — профессор *К.Арабажин*, философ Р.Виппер, искусствовед Н.Мишеев. Наряду с выступлениями о крупнейших деятелях русской культуры было уделено внимание краеведческим проблемам (сообщения об усадьбах А.К.Толстого и А.М.Жемчужникова в Латвии, о старой Риге, материалы по истории местной печати). Русское народное творчество представлено фольклорными записями сказок и песен, а также публикацией апокрифа *А.Куприна* «Ходатай русского народа» — о Николае Угоднике. В литературной части газеты участвовали В.Третьяков, С.Рече-

тов, *И.Лукаш*, К.Минцлов, *И.Шмелев*, *П.Пильский*. Примечательна перепечатка стихотворения С.Есенина «Русь» (1927. № 3).

Наибольший интерес представляют однодневные газеты, подготовленные к этому празднику в Париже. Однодневная газета «День русской культуры» появилась в Париже 8 июня 1926. Год спустя под тем же названием вышел выпуск, оказавшийся последним. Платформа, на которой сошлись здесь люди разных политических взглядов, — любовь к России. Среди авторов — П.Милюков, *В.Зензинов*, С.Прокопович, Е.Кускова, А.Карташев, *Л.Шестов*, *Ф.Степун*. В художественной части газеты собран цвет литературы изгнания: *И.Бунин*, А.Куприн, И.Шмелев, *Б.Зайцев*, *М.Алданов*, *Д.Мережковский*, *А.Ремизов*, *М.Осоргин*, *М.Гофман*, *В.Ходасевич*, *Г.Адамович*, *Г.Иванов*, М.Цветаева, *А.Черный*. Часть публикуемых текстов была предназначена специально для данного издания и впоследствии более нигде не повторена. Первый выпуск посвящен почти исключительно А.С.Пушкину. Во втором охват шире — Россия в памяти души и в сегодняшнем видении. Из парижских изданий, выпущенных к ДРК, следует назвать также приложение к № 736 газеты «*Возрождение*», увидевшее свет 8 июня 1927. Авторы этого листка — И.Шмелев (воспоминания о Л.Толстом), А.Черный, В.Ходасевич (статьи).

Перечень однодневных изданий Европы, выходивших под знаком Пушкина, завершает однодневная газета «День русской культуры», выпущенная в Белграде в 1926 и 1928. На ее страницах материалы российских литераторов, обосновавшихся, в Югославии: *Е.Аничков*, А.Ксюнин, В.Даватц, Е.Жуков. Из «гостей»: А.Кизеветтер, *П.Струве*, В.Немирович-Данченко. Мыслями о русской культуре (в частности, о современных русских писателях) делятся сербы, профессора Белградского университета.

Имеются сведения еще о двух однодневных газетах, вышедших в 1926. Это «День русской культуры» (Варна, Болгария) и «Русский день» (Двинск, Латвия), но состав их неизвестен.

Известия об однодневных изданиях, приуроченных к ДРК, на других континентах гораздо скупее. В Харбине по случаю 128-й годовщины со дня рождения поэта 8 июня 1927 увидела свет однодневная академическая литературная газета «А.С.Пушкин». На ее страницах стихи и проза местных авторов на пушкинскую тему (в том числе Пушкин — по-китайски). Привлекают внимание мемуары *Скитальца* «Современник Пушкина» — о встрече в Кишиневе в 1898 со стариком-евреем, помнившим живого Пушкина. Кроме того, начиная с 1930 в Харбине выпускались ежегодные сборники «День русской культуры» (см. статью «*Альманахи*»).

Однодневная газета «Пушкин» была издана к 100-летию со дня смерти поэта в Париже в 1937 под редакцией проф. Н.К.Кульмана. Среди авторов — *К.Бальмонт*, М.Алданов, *Н.Тэффи*, *Н.Берберова*, М.Гофман, С.Лифарь, А.Бем, *В.Вейдле*, *Г.Струве*, Л.Львов, *А.Тыркова* и др., а также видные специалисты Франции. Особо стоит отметить стихотворные переводы Пушкина на французский, сделанные М.Цветаевой.

Однодневная газета «Россия» от 17 ноября 1934 — специальный номер (№ 31) одноименной еженедельной газеты, выходившей в Белграде. Выпуск этот подготовлен местным *Союзом русских писателей и журналистов* и посвящен памяти короля Югославии Александра I, погибшего в результате террористического акта. Это трагическое событие вызвало сильнейший резонанс в писательском мире русского зарубежья. Александр I (учившийся когда-то в Пажеском корпусе в России) сохранил нежные и восторженные чувства к нашей стране и нашей культуре. Взойдя на престол, он оказывал содействие, в том числе и финансовое, российским беженцам, в особенности литераторам. Эта однодневная газета — дань признательности, отданная ему пишущей Россией. Все публикации посвящены королю Александру. Среди участников — И.Бунин, И.Шмелев, *З.Гиппиус*, К.Бальмонт, *И.Северянин*, М.Алданов, *С.Горный*, И.Лукаш, А.Куприн, а также литераторы, жившие в Югославии. Почти все материалы сопровождены фотографиями участников номера.

II. Издания *цехового* или *землячеcкого* характера. Литературно-профессиональная газета «Русский шоффер» Союза русских шоферов в Париже. Первый номер вышел в мае 1928 под ред. Ф.И.Верисоцкого и Евг.Тарусского, а № 3 и № 4 — в мае и ок-

тябре 1929 под ред. Н.В.Петровского (№ 2 не обнаружен). В реквизитах нет указания на однодневность издания, однако по некоторым признакам мы вправе причислить ее к таковым. Помимо сугубо автомобилистских дел и проблем Союза русских шоферов, немалое место в газете отдано чисто литературным материалам: проза А.Куприна, Б.Зайцева, *Н.Рощина*, стихи И.Бунина, *И.Одоевцевой*, *Г.Кузнецовой*.

«Русский медведь» — однодневная газета, выпущенная 25 января 1931 (к Татьянину дню) Русским национальным студенческим обществом в г. Беркли (Калифорния). Это одно из немногих однодневных изданий Америки, дошедшее до нас. На его страницах — выступления журналистов, профессоров и студентов университета в Беркли, посвященные учебе, американизации, деятельности русского центра; имеются также стихи местных поэтов (Б.Волкова, Ю.Перелетной).

«Волга матушка» — такое название получил «почетный номер» однодневной газеты, изданной правлением Самарского землячества в Харбине 12 июля 1938 тиражом 1500 экз. Уроженцы Самары в мемуарных очерках, обзорах, эссе воссоздают памятное им прошлое этого волжского города и его окрестностей (торговля, сельское хозяйство, архитектура, сады, дачи, театр, развлечения, охота и пр.). Не менее любопытны фотографии Самары, волжские виды. Стараниями авторов сохранены уникальные жизненные подробности, представляющие интерес для всех, кто изучает бытовой уклад былого.

III. Издания, утверждавшие *Белую идею*. Первой ласточкой надо считать однодневную газету «День русской армии», вышедшую 14 октября 1918 в Харбине (издание Бюро по встрече русских и союзных войск). Возникшая в преддверьи гражданской усобицы и интервенции, газета поднимала вопрос о возрождении русской армии, без чего невозможна была Великая Россия. На вопрос анкеты об армии отвечали генералы (А.Брусилов и др.). На ту же тему публицистические и стихотворные публикации выпуска.

Следующим было издание общества галлиполийцев в Белграде «Галлиполи», вышедшее 15 февраля 1923. Наибольший интерес представляет анкета: «Какое значение имеет Галлиполи для русской армии и эмиграции?». Среди тех, кто откликнулся: И.Бунин, А.Куприн, *И.Наживин*, С.Горный, *Н.Брешко-Брешковский*, видные государственные и политические деятели царской России, генералы. Из литературных материалов: стихи М.Цветаевой и эссе И.Лукаша.

В 1927 Союз галлиполийцев во Франции выпустил однодневную газету, посвященную русскому воинству на чужбине, — «Галлиполиец» (под редакцией В.В.Орехова, В.В.Полянского и Евг.Тарусского). Выступления вождей Белого движения дополняют произведения А.Куприна, И.Шмелева, *И.Сургучева* и др. Следует отметить критический обзор *А.Амфитеатрова* «Галлиполийская литература». Проанонсированы выпуски № 2 и 3, но сведения об их выходе отсутствуют.

Российским общевоинским Союзом выпускалась в Харбине однодневная газета «На страже родины». Нами зафиксирован № 3, вышедший 8 апреля 1934 и приуроченный к Пасхальным праздникам (редактор В.К.Европейцев). В Харбине в ноябре 1934 появилось еще одно однодневное издание Союза — «Непримиримость» (редактор В.К.Европейцев). На страницах обеих газет основное место уделено выступлениям военных и боевым мемуарам; помещены также стихи *А.Ачаира* и *М.Колосовой*.

Однодневное издание Союза добровольцев — «Доброволец» — вышло в Париже в феврале 1936 (к 18-й годовщине первых походов Белой гвардии против большевиков). В феврале 1937 и 1938 появились очередные выпуски «Добровольца». Немалое место уделено в них боевому прошлому эпохи гражданской войны. Однако кардинальным вопросом, занимавшим умы участников этого издания, было не минувшее, а ближайшее будущее. Какова должна быть позиция и линия поведения эмигрантской России в надвигающейся мировой войне? Ответ сформулирован генералом А.Деникиным: «Всегда и при всех обстоятельствах защищать Россию». В «Добровольце» выступали также писатели М.Алданов, И.Шмелев, К.Бальмонт, *Н.Туроверов*.

Однодневная политическая и литературная газета «Голос казачества» вышла в Варшаве 7 августа 1921 (редактор-издатель А.Прохоров). Свою задачу газета видела в «объединении сил казачества на борьбу с

«единонеделимцами» — коммунистами и врангелевцами». Далее в Варшаве стала выходить под тем же названием еженедельная газета под редакцией К.Мушинского.

IV. Издания *православно-монархической* ориентации. Местами их средоточия были Белград и Харбин. В годовщину крещения Руси 28 июня (15 июля) 1931 в Белграде вышла однодневная газета «День русской славы» — издание по устройству торжественного празднования дня Св. Равноапостольного князя Владимира. Затем аналогичные выпуски появлялись каждый год — вплоть до 1939 (№ 9 — последний нами зафиксированный). На страницах этой газеты выступали иерархи церкви и религиозные философы.

Однодневная газета «За веру, царя и отечество» вышла в Белграде 31 августа (13 сентября) 1934 по случаю десятилетней годовщины со дня принятия на себя Его императорским величеством Кириллом Владимировичем титула Императора Всероссийского и в честь десятилетнего юбилея со дня учреждения корпуса императорских армий и флота. В 1939 в Белграде к 15-летней годовщине этого события было выпущено еще одно издание под тем же названием, где опубликован Высочайший рескрипт его сына — Великого князя Владимира Кирилловича, к которому по праву наследования перешел титул главы российского императорского дома. Дана историческая сводка по заграничному императорскому корпусу.

Ко дню тезоименитства Его императорского величества государя Императора Кирилла Владимировича 22 мая (11 июня н.с.) 1932 была выпущена в Харбине однодневная газета «Штандарт». А 28 июля 1934 в день тезоименитства цесаревича Владимира Кирилловича в Харбине была отпечатана еще одна однодневная «легитимно-монархическая» газета под тем же названием.

«19-ое февраля» — такое название получила однодневная газета, посвященная 75-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это издание Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи появилось на свет 3 марта (19 февраля) 1936 в Харбине. Профессора и приват-доценты рассуждают о реформе царя-освободителя Александра II и о судьбе российского крестьянства. Тем же Бюро 15 марта 1938 был подготовлен «почетный номер» однодневной газеты «В день всероссийской национальной катастрофы». В названии подразумевается Февральская революция, послужившая, по мнению учредителей газеты, «фактическим началом временного конца Российской империи». Все авторы, подводящие итоги социальной смуты (профессора, военные, религиозные деятели), находят, однако, положение небезнадежным и лелеют надежду на возрождение России в прежних формах.

В память утверждения Императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 ордена Св. Великомученика Победоносца Георгия Дальневосточный Союз военных Маньчжурской империи выпустил в Харбине 26 ноября (9 декабря) 1938 однодневную газету «Георгиевский кавалер» (составитель В.А.Кислицын). Материалы посвящены выдающимся Георгиевским кавалерам, публикуются мемуарные рассказы *Н.Байкова* и А.Ачаира.

К группе национал-патриотических изданий может быть также отнесена однодневная газета 76-го Очага младорусской партии Чикаго — «К молодой России». Этот «Рождественский номер» (газета вышла 31 декабря 1935) посвящен младорусскому движению и его вождю А.Л.Казем-Беку, призывавшему «утверждать бытие России и право ее на национальное возрождение». Приобщению молодого поколения делу служения отчизне и борьбе за освобождение была призвана послужить еще одна газета, вышедшая в Харбине 15 января 1937, — «Голос мушкетера» (тираж 3000). Наставником «мушкетеров» выступал атаман Г.М.Семенов.

V. Однодневные издания *российских фашистов*. В качестве редактора такого рода изданий выступал организатор и вождь Российского фашистского союза — К.В.Родзаевский. К седьмой годовщине фашистской организации им была выпущена в Харбине 5 июня 1938 однодневная газета «Наша борьба». А к 20-й годовщине белого движения был подготовлен другой однодневный выпуск — «Наш стяг», помеченный 21 августа 1938. Издательская активность харбинского отдела фашистского Союза в тот год была на редкость интенсивна: из печатных сообщений известно, что в Харбине увидели свет еще две однодневные газеты фашистской организации «Наш путь» и «Наш долг». Из литераторов в этих

изданиях сотрудничал поэт *А.Несмелов*, выступавший под псевдонимом Н.Дозоров.

Для полноты картины следует упомянуть также об однодневной газете «Крошка», выпущенной в Харбине 14 июля 1938 Союзом фашистских крошек (так взрослые фашисты нарекли юных последователей своего движения). Здесь читатели могли ознакомиться с основами заповедей и обычаев крошек. Фашистский крошка: верит в Бога; любит Россию; ненавидит коммунистов; никогда не играет с евреями и ничего не берет от них. Приведены образцы поэзии крошек.

VI. Издания *благотворительного* характера. На чужой стороне туго приходилось большинству российских сограждан. Однако среди эмигрантской массы выделялись наиболее обездоленные, беззащитные, не способные выжить без посторонней помощи. Это, прежде всего, инвалиды и дети. Раньше в Росии инвалидами называли военнослужащих, сделавшихся неспособными к службе вследствие ран, увечий, а также по причине болезней и дряхлости. Таковых в эмиграции оказалось немало.

По инициативе Комитета помощи инвалидам при главном управлении российского общества Красного Креста в Париже в ноябре 1924 была выпущена однодневная газета «Русский инвалид». Она не имела номера, ибо предполагалась поначалу как разовая акция. Однако в дальнейшем в русском зарубежье был учрежден праздник День инвалида, приуроченный к 9 (22) мая. В связи с этим, начиная с 1926, традицией стал выпуск специально к этому Дню однодневной газеты «Русский инвалид». Так было в 1927 и в 1928; последний выпуск (№ 5) состоялся в 1929. В дальнейшие годы газета «Русский инвалид» начала выходить регулярно как ежемесячное издание. Как правило, авторам благотворительных выпусков гонорар не выплачивался. Среди них военные: А.Деникин, *П.Краснов*, Н.Баратов, А.Гулевич, К.Попов; известные писатели: И.Бунин, А.Куприн, И.Шмелев, А.Ремизов, Н.Тэффи, А.Черный, *А.Яблоновский*. Маститые авторы нередко предлагали в эти безгонорарные выпуски свои старые вещи, ранее уже печатавшиеся. Сотрудничали в этом парижском издании не только те, кто обосновался во Франции. К одной из публикаций было сделано примечание: «Это стихотворение прислано с острова Ява русским полковником Петрушевским, занимающим там должность «заведующего вулканами на острове». Наш корреспондент вот уже больше года производит сборы на о.Ява в пользу русских зарубежных инвалидов...»

Парижское издание следует считать безусловным лидером в данном благотворительном начинании. Почин был подхвачен русскими на Дальнем Востоке. В Шанхае 22 мая (9 июня) 1928 была издана однодневная газета «Русский инвалид». 31 декабря 1938 в Харбине вышел однодневный выпуск «Инвалид». В обоих — материалы местных авторов (статьи, очерки, воспоминания, стихи, посвященные военным инвалидам).

Из однодневных изданий, предназначенных оказать помощь подрастающему поколению эмиграции, наибольший интерес заслуживает газета «Русскому мальчику», выпущенная в Париже 2 мая 1926 — в день Пасхи. Организована она Особым Комитетом по устройству общежития для русских мальчиков в Париже. Участие в этом издании приняли: Н.Тэффи, Б.Зайцев, А.Куприн, И.Шмелев, К.Бальмонт, *А.Черный*, *А.Яблоновский*, С.Яблоновский, А.Ремизов, Н.Рощин, *В.Ладыженский*. Следует отметить графические работы Ф.Рожанковского, выполненные специально для этого выпуска.

Среди благотворительных начинаний русского зарубежья было еще одно, не получившее, однако, широкого распространения. Это День русского ребенка, учрежденный в 1930 и приуроченный к 25 марта (7 апреля) — ко дню Благовещения. Известен отклик на этот праздник: однодневная газета «День русского ребенка», выпущенная в 1931 харбинским Комитетом помощи русским беженцам. На ее страницах статьи, обращения, отчеты, посвященные положению и воспитанию маленьких эмигрантов. В отчете о предыдущем праздновании Дня русского ребенка сообщается, что в 1930 эта однодневка тоже выходила (продано 2500 экземпляров). Среди харбинских изданий следует упомянуть также «Маяк» — однодневную газету приюта-училища «Русский дом» в Харбине. Известно два выпуска: один помечен июнем 1930, другой — 15 мая 1932. Училище имело мореходный уклон, что объясняет название газеты и маринистскую тематику публикаций.

В Харбине каждый год «Комитетом по изысканию средств студентов Педагогичес-

кого института» выпускалась однодневная газета «К свету». Просмотрены были выпуски № 12—15, выходившие в 1932—1935. Авторы: по преимуществу преподаватели института, обсуждавшие проблемы просвещения, культуры, истории, экономики.

В апреле 1933 в Харбине увидела свет «Однодневная газета Организации русских девушек», чистый сбор от которой предназначен на организацию бесплатных уроков и мастерской художественных рукоделий для неимущих. Помимо информационных материалов Организации, отведено место литературным опытам самодеятельных поэтов и прозаиков.

Еще одно харбинское издание — «Журналисты на помощь Русскому Клубу» — однодневная газета, вышедшая 4 января 1933. Как явствует из названия, сбор средств предназначен был на организацию Русского Клуба — места, где соотечественники из России могли встречаться, культурно отдыхать. Пожалуй, наибольший интерес вызывает страница «Круг поэтов» под редакцией *Л.Андерсен*. Обильно представлена проза и поэзия членов этого литературного кружка — Н.Щеглова, Г.Гранина, В.Яновской, М.Волина, Н.Петереца.

Проблема единения и общения возникала во всех местах скопления выходцев из России. Так, в Сан-Франциско в январе 1939 была выпущена тиражом 1 тыс. экз. информационная однодневная газета «Русский центр», ратовавшая за создание русского клуба.

В № 5894 парижской газеты «*Последние новости*» от 15 мая 1937 сообщается об однодневной газете «Наше дело», выпущенной в Париже в 1937 Комитетом социальной помощи эмигрантам. В числе его участников значатся: М.Алданов, И.Бунин, Б.Зайцев, *К.Коровин*, А.Куприн, *А.Ладинский*, А.Лукин, М.Струве.

В однодневных газетах, в отличие от периодических изданий, тематически сконцентрированы главные умонастроения и чаяния русского зарубежья тех лет.

А.С.Иванов

«ОКНО» (Париж, 1923. № 1—3) — «трехмесячник литературы», издававшийся Михаилом Осиповичем и Марией Самойловной *Цетлиными*. На титульном листе стояли фамилии авторов, составлявших цвет русской литературы в изгнании: *Бунин*, *Гиппиус*, *Зайцев*, *Куприн*, *Ремизов* и др. Вышел в издательстве «Я.Поволоцкий и К°» (Париж).

Первый номер (май 1923) открывался рассказом И.А.Бунина «Безумный художник» о художнике, который хотел написать картину счастливого мира, а в результате получилось изображение ужасных и безобразных сил зла. Бунин опубликовал здесь и три своих стихотворения: «Вход в Иерусалим», «Сириус» и «В полночный час». Вслед за Буниным в первом номере «О» представлен А.И.Куприн с его рассказом «Однорукий комендант» о генерале Скобелеве, герое Плевны, и его деде, участнике Бородинской битвы, окончившем жизнь в должности коменданта Петропавловской крепости. Несколько стихотворений, посвященных Петербургу, опубликовала З.Н.Гиппиус. Однако наибольшую известность из ее произведений, напечатанных в первом выпуске, получило эссе об Александре Блоке «Мой лунный друг», подчеркивающее внутреннюю тайну, которая ею ощущалась в Блоке. «Можно было, конечно, говорить "мимо" друг друга, в двух разных линиях; многие, при мне, так и говорили с Блоком, — даже о "возвышенных вещах"; но у меня, при самом простом разговоре, невольно являлся особый язык: между словами и около них лежало гораздо больше, чем в самом слове и его прямом значении. Главное, важное, никогда не говорилось. Считалось, что оно — "несказанно"» (с. 110). Здесь же опубликовал большую главу из книги «Странствия по душам» *Л.И.Шестов*. Начало своего труда «Тайна трех» о древнеегипетской религии под названием «Египет—Озирис» — *Д.С.Мережковский*. А.М.Ремизов напечатал своего рода поэму в прозе «Алазион» — легенду о жестоком князе Олонии, выстоявшем в покаянии ночь в церкви под напором нашествия бесов. На страницах этого же выпуска напечатаны стихотворения *К.Бальмонта* и М.Цетлина (под псевдонимом Амари), рассказ Б.К.Зайцева «Карл V».

Журнал получил хорошую прессу. «Первый номер трехмесячника «Окно» производит прекрасное впечатление разнообразием и богатством материала... Сборник составлялся, по-видимому, по персональному признаку, отбор в нем производился по

крупным, знаменитым именам... На обложке читаю: «Париж, 1934 г.». Но если бы написано было: «Петербург, 1913 г.», все, думаю, поверили бы: не только не найти здесь, в этой книжке, прямого отражения событий последних лет революции и войны; но в самом тоне большинства рассказов, спокойном, основательном, не ощущается той возбужденности, той тревоги, той растерянности, которые столь характерны для русской послереволюционной мысли», — писал в рецензии Б.Шлецер (СЗ. 1923. № 16. С. 414). Здесь же он отметил и стремление З.Н.Гиппиус «разделаться» с Блоком, восхитился рассказом А.М.Ремизова и посчитал труд Д.С.Мережковского не совсем понятным.

Очень высоко ценила «О» и *М.И.Цветаева*, с которой М.С.Цетлина вела переговоры о публикации стихов в альманахе. «Ваше «Окно» великолепно... Больше всего я затронута Гиппиус и Мережковским... Гиппиус свои воспоминания написала из чистой злобы, не вижу ее в любви, — в ненависти она восхитительна... В Мережковском меня больше всего трогает интонация... Мило, сердечно, любовно — по-ремизовски — «Однорукий комендант» <Куприна>. — Вся книга хороша», — писала она Цетлиной 31 мая 1923 (Цветаева М. Собр. соч. М., 1995. Т. 6. С. 549—550).

Второй выпуск «О» вновь открывал И.А.Бунин сказкой «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее». Затем — «Солнце мертвых» *И.С.Шмелева* — рассказ о страшных днях голода и расстрела в Крыму времен гражданской войны, откуда сам писатель не так давно вырвался и где похоронил сына, расстрелянного после победы Красной Армии. Во втором выпуске появилось стихотворение Цветаевой «Рассвет на рельсах». «Из сырости и шпал / Россию восстанавливаю...» Поэзию в этом номере представляли также стихи *Г.П.Струве*, цикл К.Д.Бальмонта «Японские орхидеи» и отрывки из поэмы М.О.Цетлина (Амари) «Декабристы». С новым эссе выступила З.Н.Гиппиус — на этот раз объектом ее внимания стал В.Я.Брюсов. Эссе называлось «Одержимый». Корень его перехода к большевикам Гиппиус увидела прежде всего в особенностях личности. «Дело в том, что Брюсов — человек абсолютного, совершенно бешеного честолюбия. Я говорю «честолюбия» лишь потому, что нет другого, более сильного слова для выражения той страстной «самости», самозавязанности в тугой узел, той напряженной жажды всевеличия и всевластия, которой одержим Брюсов. Тут иначе, как одержимым, его и назвать нельзя» (с. 207). Опубликованы статья «Два течения в русской музыке» Б.Шлецера, новые отрывки из книги Л.Шестова «Странствия по душам», продолжение философских раздумий Д.С.Мережковского «Тайна трех», материалы А.М.Ремизова о В.В.Розанове («Розанова письма»). «Читатель, не посетуй, что, взявшись представлять Розанова через его письма к нам, рассказываю и о себе, о нашем житье-бытье. Иначе не могу: нельзя говорить о птице, не поминая леса и поля, и о рыбе, не говоря о море, речке или пруде». В 1923 в Берлине эти воспоминания о В.В.Розанове вышли под названием «Кукха. Розановы письма».

Третий выпуск вышел в начале 1924 (газета «*Дни*» сообщила 9 марта 1924 о выходе № 3). По уже установившейся традиции открыл его рассказ И.А.Бунина «В ночном море», затем два его стихотворения, за которыми следовало продолжение эпопеи И.С.Шмелева «Солнце мертвых». Раздел поэзии, кроме Бунина, представляли К.Д.Бальмонт со стихами из книги «Мое — ей», Марина Цветаева напечатала «Деревья» и «Листья», с отрывком из поэмы «Ангел» выступил Глеб Струве, несколько стихотворений Цетлина появилось под псевдонимом Амари. Цикл воспоминаний продолжила З.Н.Гиппиус, опубликовав очерк «Задумчивый странник (В.Розанов)». «Он был до такой степени не в ряду других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать «явлением», нежели человеком. И уж никак не «писателем» — что он за писатель! Писанье, или, по его слову, «выговариванье», было для него просто функцией. Организм дышит, и делает это необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Так Розанов писал, — «выговаривал» — все, что ощущал, и все, что в себе видел, а глядел он в себя постоянно, пристально» (с. 273). Вспоминая о своих встречах с Розановым, Гиппиус подчеркивала уникальность личности и творчества писателя-мыслителя. В этом же номере напечатана повесть *Н.А.Тэффи* «Предел» — монолог мужчины о своей любовной страсти, *М.Л.Гофман* свое

исследование «Неизданные рукописи Пушкина» посвятил описанию некоторых автографов великого поэта из собрания Пушкинского Дома. Менее восторженно, чем первый выпуск «О», оценил третью книгу Б.Шлецер. «Странное явление! Несомненно, русская литература в лице лучших представителей старшего поколения эмигрировала... Но вот, всякая попытка объединения писателей-эмигрантов и создания литературных сборников заканчивается неудачей... Наша проза больна!» — к такому выводу он пришел при оценке третьего сборника (СЗ. 1924. № 20. С. 432). Но дальше критик вполне высоко оценил и рассказ Бунина, и воспоминания Гиппиус, и «Солнце мертвых» И.С.Шмелева, отметив, правда, что боль писателя в конце произведения притупляется, «уступая место нетерпению и скуке» (Там же. С. 433).

«Журнал «Окно» существовал одновременно с *«Современными записками»*. Создатели «Окна» решили прекратить издание, чтобы не создавать лишней конкуренции «Современным запискам». Практически он их дублировал, и потому продолжение издания не имело смысла. К тому же всем участникам «Окна» двери в «Современные записки» были широко открыты» (Сарников Н. Михаил Осипович Цетлин // Амари (М.Цетлин). Малый дар. М., 1993. С. 140—141).

В.В.Леонидов

«ОТЕЧЕСТВО» (Париж, 1921. Март — 1923. № 1—6) — литературно-художественный иллюстрированный журнал, созданный *А.И.Куприным* (редактор № 1—4) и Н.Н.Набиркиным (издатель). Задуман он как беспартийный орган, чтобы объединить различные по политической ориентации силы русского зарубежья на основе антибольшевизма. «Дав нашему журналу название «Отечество», мы тем самым определили его беспартийный характер, — говорилось в редакционном манифесте, подготовленном Куприным. — Все для израненной России, все для спасения, освобождения, оздоровления, все для блага нашей несчастной Родины. Для нас не существует ни национальных, ни религиозных или партийных перегородок. Каждый великодушный поступок, каждое страстное слово, направленное к нашей единой цели, встретят в журнале горячий отклик, внимание и место» (1921. № 1. С. 2). Объясняя свою позицию, Куприн призывал всех, кому дорога Россия, забыть внутренние разногласия ради общей цели: «У нас лишь один враг — враг общий с отечеством — большевизм. Борьба с ним не есть война, а истребление. Человек может быть по убеждению врагом всякого кровопролития, вплоть до того, что он дает дорогу жучку, чтобы не раздавить его. Но если ко мне забежит во двор разъяренный бык, то никто, даже моя совесть не осудит меня, если я пристрелю его. Долг соседей помочь мне в этом. Не будут же они, в момент всеобщей опасности, вспоминать о старых ссорах...» (там же). Центральное место в новом издании планировалось отводить «статьям, фотографиям и рисункам», освещающим «не только жизнь невольных эмигрантов и несчастных беженцев за границей, но и быт советской России». Редакция намеревалась регулярно публиковать также «чисто художественные произведения наших лучших писателей, статьи по всем отраслям искусства и иллюстрации к ним» и заявляла о своей твердой вере в то, что «русское искусство — один из прочнейших залогов жизнеспособности нашего отечества» (там же).

Журнал должен был распространяться во Франции, Англии и США и анонсировался как еженедельный, но выходил нерегулярно: первые номера появлялись с интервалом в месяц—полтора (с начала марта по середину мая 1921), в дальнейшем по причине недостатка средств не соблюдалась и такая периодичность. К сотрудничеству в отделе беллетристики удалось привлечь *И.А.Бунина* (рассказ «Далекое», № 1), *А.Ветлугина* («Кэт», № 1), *Г.Д.Гребенщикова* («Псалом», № 2; очерк «Махно», № 3), И.С.Соколова-Микитова (цикл «В деревне», № 2), *Н.А.Тэффи* («Акын», № 2), *Е.Н.Чирикова* («Чудо Воскресения», № 3). Поэзия была представлена именами *К.Д.Бальмонта* (№ 1), Бунина (№ 2), *З.Н.Гиппиус* (№ 1, 2), *В.А.Злобина* (№ 3), С.Кречетова (№ 3). Сам Куприн выступал в журнале и как публицист, и как прозаик, и как поэт. В № 1 помещен его рассказ «Песик — Черный Носик» (с постскриптумом, снятым в позднейшем варианте); в № 3 — один из самых трогательных образцов его любовной лири-

ки — стихотворение «Навсегда» («Ты смешон с седыми волосами...»).

Политическая направленность издания и главные его темы четко обозначились уже в № 1. В связи с очередными шагами «великих держав», направленными к признанию советской власти, с резкой критикой западной интеллигенции выступил *Д.С.Мережковский* в статье «Все это любят». Использовав знаменитый пассаж из «Братьев Карамазовых», он сравнил Европу с «невинной девочкой, которая, любуясь на муки жертвы, ест ананасный компот»: «Все судят большевизм за то, что он «отца убил», и все это любят. Вот почему наши русские свидетельства перед Европой о большевистских ужасах так недействительны: ст них ананасный компот только слаще» (с. 11). Немалую долю ответственности за ситуацию автор возлагал на крупнейших деятелей французской культуры — на Анри Барбюса и Ромена Роллана, «мягкотелых соглашателей, благородных шулеров игры дьявольской, расторопных лакеев кровавой пошлости, утонченных *Максимов Горьких*» (с. 12). Предупредив об опасности «просачивания большевистского яда в самое сердце Европы», с которой большевизм может «делать все, что угодно», как «молодой негодяй» со «старой влюбленной распутницей», Мережковский заканчивал статью на оптимистической ноте: «Да, страшно, но не терять надежды, — надо помнить, что наглость большевиков равна их трусости: молодец на овец, а на молодца и сама овца. Пусть молодца в Европе нет: если нет в Европе, то будет в России. Русский молодец и решит судьбу обеих овец, большевистской и европейской. Тогда-то поймут палачи, Россию распявшие, что не все это любят» (с. 12). Обличительным пафосом звучало и опубликованное в том же номере стихотворение Гиппиус «Свеча ненависти». Об истории политических предательств 1917 шла речь в мемуарной заметке «Кто же Керенский?», принадлежавшей перу бывшего генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа Б.Никитина. № 2 открывали материалы, посвященные третьей годовщине со дня гибели генерала Л.Г.Корнилова («Вечная память» Куприна, «Дни великого разочарования» Б.А.Суворина, «Великая провокация» Б.Никитина и др.). «Как должно было терзаться это великое пламенное сердце, когда перед ним гнила и разлагалась чудеснейшая армия в мире, а предатели и дураки соревновались в том, кто скорее свалит Россию в бездонную пропасть, — писал Куприн. — Русский солдат, русский офицер, русский подвижник и великомученник, подлинный сын земляного русского народа — вот кто был Корнилов» (с. 3). С № 3 были введены две новые рубрики — политические «Заметки современника» (подпись: Е.Г.) и хроника происшествий «Серьезные мелочи».

Текстов сугубо развлекательного характера «Отечество» — в отличие от большинства иллюстрированных еженедельников — принципиально не печатало. Та же тенденция прослеживалась и в отношении к фотоматериалу: по мысли редакции, он должен был играть вполне определенную роль, оказывая воздействие там, где не достигали цели слова. «Негодовать на большевиков, бичевать их стало бессмысленной тратой времени и усилий. Так же бесполезно пугать общественное воображение потоками безвинной крови, заливающей русскую землю. Сначала это трогало, возмущало, приводило в ужас, ранило сердце. Ныне — увы! — на мировой совести в этом месте образовалась привычная, мозолистая кора. Другое дело — зрительные впечатления», — утверждал Куприн, анонсируя «галерею одиночных и групповых снимков с выдающихся советских деятелей», в чьи лица он призывал вглядеться «со вниманием и надлежащими чувствами» (№ 2. С. 13). Подобные призывы адресовались в первую очередь западному читателю, в расчете на которого начиная с № 2 подписи к иллюстрациям и важные сопроводительные замечания переводились на английский и французский языки.

Фотографии, помещенные в журнале, составили три тематических блока: белая армия (специальные подборки «Генерал Л.Г.Корнилов», «Наш Дальний Восток», «Русские беженцы на острове Лемнос», портреты П.Н.Врангеля, Г.М.Семенова, Я.А.Слащева, Д.Л.Хорвата и др.), большевистские деятели («К восстанию в Кронштадте», «Галерея современных преступников», «Большевики»), русское искусство в эмиграции (портреты С.А.Кусевицкого, А.П.Павловой, артистов «Русского Балета» С.П.Дягилева, снимки скульптурных работ К.К.Рауша фон Траубенберга). Над графическим офор-

млением издания работали художники Л.М.Браиловский, Е.Васильев, И.К.Лебедев, М.Я.Чемберс-Билибина.

В июле 1921, главным образом ввиду финансовых и организационных разногласий с Набиркиным, Куприн сложил с себя полномочия редактора: «На днях выйдет № 4-й журнала «Отечество». После него я больше этого журнала не редактирую. Это не мешает мне желать журналу дальнейшего успеха, и не только потому, что он идейно начат мною, но и потому, что такой журнал жизнеспособен» (Куприн А. Письмо в редакцию // *Общее дело*. 1921. 10 июля). Большинство сотрудников, пришедших исключительно «на имя» Куприна и разочарованных отношениями с издателем, «у которого гонорар надо получать только хватанием за горло» (из письма Е.Н.Чирикова // Куприна К.А. Куприн — мой отец. 2-е изд. М., 1979. С. 152—154), также покинуло «О». Вскоре выпуск его был приостановлен. № 6 вышел после длительного перерыва (в 1922 журнал не выходил).

Е.Г.Домогацкая

П

«ПАЛАТА ПОЭТОВ» (Париж, 1921—1922) — литературно-художественное объединение, созданное поэтами *А.Гингером*, Г.Евангуловым, *В.Парнахом*, М.Струве, *М.Таловым, С.Шаршуном*. Целью объединения было собирание сил, рассеянных в изгнании, поиски новых путей творчества. Формой деятельности «ПП» стали вечера, проходившие в кафе «Хамелеон» на Монпарнасе. Первый вечер состоялся 7 августа 1921. На нем выступали А.Гингер, Г.Евангулов, В.Парнах, М.Талов, С.Шаршун, художники Л.Гудиашвили, С.Судейкин, бывший руководитель «Летучей мыши» С.Вермель, музыкальный критик А.Левинсон, критик Е.Зноско-Боровский. В дальнейшем вечера проходили в кафе «Хамелеон» по воскресеньям, потом по четвергам. В них участвовали, кроме названных, *Б.Божнев, Дон-Аминадо, Б.Поплавский, В.Познер*, другие поэты, художники, режиссеры, актеры, музыканты. Всего было проведено 17 вечеров, последний из них прошел 5 января 1922. Вечера были, в основном, поэтическими. Главной и неизменной их частью было чтение поэтами своих произведений. Устраивались и тематические вечера поэзии — посвященные А.Блоку (21 августа 1921), неизданным стихам из советской России (27 октября 1921), искусству дадаизма (21 декабря 1921). Вечера были посвящены творчеству участников объединения: вечер В.Парнаха (9 ноября 1921), «торжественный выпуск книги Г.Евангулова «Белый духан» (16 ноября 1921), вечер М.Талова (1 декабря 1921); вечер 21 декабря 1921, посвященный искусству дадаизма, был и вечером С.Шаршуна. Последний вечер (5 января 1922) был посвящен выходу в свет книги В.Парнаха «Карабкается акробат».

На вечерах выступали с докладами как участники объединения, так и приглашенные деятели искусства, культуры: В.Парнах («О новых формах поэзии», 1 сентября 1921), М.Струве («О творчестве Н.Гумилева», 15 сентября 1921), П.Вейсбрем («Голосовая инструментовка стиха», 22 сентября 1921), Н.Бутковская («Музыка», 13 октября 1921) и др. Порою программа вечеров включала в себя выступления представителей разных видов искусства, разных национальных культур. Так, на вечере В.Парнаха (9 ноября 1921), кроме чтения стихов поэта, были и театральная постановка, и выступление испанской танцовщицы, и танцы самого В.Парнаха. В программу вечера, посвященного дадаизму (21 декабря 1921), кроме чтения стихов, были включены и исполнение музыки-дада, и выступления французских и американского дадаистов, и «графические танцы» В.Парнаха.

«ПП» имела свое издательство, в котором вышли сборники стихов А.Гингера «Свора верных» (Париж, 1922) и Г.Евангулова «Белый духан» (Париж, 1921).

С «ПП» началась творческая дружба Б.Поплавского, А.Гингера и С.Шаршуна. Как одно из первых литературно-художественных объединений оно положило начало организации творческих групп в русском зарубежье. Члены объединения вместе с другими поэтами входили позднее в группы *«Гатарапак», «Через», «Союз молодых писателей и поэтов»*.

А.И.Чагин

«ПАНОРАМА» (Ревель, 1931. № 1—5) — иллюстрированный литературный журнал. Первый номер вышел в сентябре 1931. Планировалось выпускать два номера в месяц. Ответственный редактор — А.П.Девис, членом редколлегии был писатель В.Е.Гущик. Журнал богато иллюстрирован. Помимо фотографий с видами Эстонии регулярно печатались фото со всех концов земного шара, в особенности экзотических стран — Мексики, Индии, Египта, Китая, Сиама. Наряду с эстонскими художниками (репродукции работ А.Лайкмаа, Я.Коорта, А.Вейценберга, А.Егорова и др.) в издании журнала принимал участие местный русский художник Н.Ф.Роот, выступавший и как автор литературных произведений («Пет-

рушка (Гротеск). Фантастическая феерия для театра «Петрушки» или Тон-фильмы» // 1931. № 5). Литературный отдел журнала включает произведения местных русских писателей Вл.Гущика (рассказы «Знак», № 1, «Новое поколение», № 3) и В.Никифорова-Волгина (рассказы «У костра», № 1, «Груня», № 2). Однако в основном страницы журнала заполняли произведения третьеразрядных литераторов (С.Витязевский, В.Вячеславский, А.Задонский, Г.Матвеев) или вовсе неизвестных, по-видимому, чаще всего начинающих авторов из стран русского рассеяния (стихотворения Г.Захарова, И.Седых, рассказы П.Алексеева, В.Гриненко, В.Екимова, И.Зотова, В.Кошкина, Н.Мурана, Н.Сомова и др.). Из молодых начинающих местных поэтов на страницах «П» выступал со своими стихотворениями семнадцатилетний А.Долгашев (в будущем эстонский поэт Алексис Раннит, 1914—1985). Редакция журнала не сумела привлечь к участию в «П» большинство местных русских авторов. Из зарубежных писателей сотрудником журнала согласился быть *Н.Н.Брешко-Брешковский*, но в связи со скорым прекращением издания «П» сотрудничество не состоялось. В журнале также были отделы «Юмор» и «Самокритика СССР» (анекдоты из советской жизни с отчетливой антисоветской направленностью) с рисунками-карикатурами в тексте.

С.Г.Исаков (Эстония)

«ПАРИЖСКАЯ НОТА» — не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые поэзии *Г.Адамовичем*. Противостояла другим школам в эмигрантской довоенной поэзии: *«Перекрестку»* (1928—1937), ориентирующемуся на творческие позиции *В.Ходасевича, «Кочевью»* (1928—1939), руководимому *М.Слонимом, «Скиту поэтов»* (1922—1940), руководимому *А.Бемом*.

Точного определения «ПН» не дал ни сам Адамович, ни его приверженцы того времени, ни литературоведы, исследовавшие позднее поэзию эмиграции. Один из наиболее ярых адептов и пропагандистов «парижской ноты» — *Ю.Иваск* — многократно писал, что это не была школа в обычном смысле, но «лирическая атмосфера», а главную заслугу Адамовича усматривал именно в том, что тот «сумел создать литературную атмосферу для зарубежной поэзии» (Иваск Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии // НЖ. 1950. № 23. С. 196). Столь же неустанно он повторял, что это была в первую очередь «нота Адамовича». Даже литературные недруги склонны были считать Адамовича «духовным отцом этого «парижского» направления» (Бем А. В тупике // *Меч*. 1936. 5 апр.).

В строгом смысле слова к «ПН» можно отнести, кроме самого Адамовича, поэтов *А.Штейгера* и *Л.Червинскую*. Но реальное воздействие «ноты Адамовича» было гораздо шире, следы ее влияния можно найти у многих молодых поэтов эмиграции, в том числе и принадлежавших к оппозиционным лагерям. Расширяя круг, можно найти отсвет «ПН» на стихах сверстников и соратников Адамовича *Г.Иванова, Н.Оцупа*, а также *Д.Кнута, В.Смоленского, Б.Поплавского, Ю.Мандельштама, Ю.Терапиано*, Ю.Иваска, *И.Чиннова, А.Гингера* и других поэтов. По мнению *В.Яновского*, без Адамовича «не было бы парижской школы русской литературы. Я говорю «школы литературы», хотя сам Георгий Викторович брал на себя ответственность (и то неохотно) только за «парижскую ноту» в поэзии. Это недоразумение. Его влияние, конечно, перерастало границы лирики. Новая проза, публицистика, философия, теология — все носило на себе следы благословенной «парижской ноты» (Яновский В. Ушел Адамович // НРС. 1972. 26 марта).

Адепты «ноты», в отличие от участников «Перекрестка» и «Скита поэтов», не выпускали коллективных сборников, не устраивали регулярных мероприятий и не имели своей прессы. Их литературный быт протекал преимущественно на Монпарнасе, оставаясь в разговорах, и писаной истории «ПН» не имеет. Все, что от нее осталось, помимо проповеди, неявно выраженной в многочисленных статьях Г.Адамовича, а еще больше в частных беседах, — публикации в периодике и сборники стихов Адамовича, Штейгера и Червинской, а также многочисленные полемические отзывы в эмигрантской печати.

Автором термина обычно называют Б.Поплавского, и вполне вероятно, что авторство ему и принадлежит, но в печати слова «парижская школа» впервые появились в статье Адамовича: «Мне недавно

пришлось в первый раз слышать выражение: «парижская школа русской поэзии». Улыбку сдержать трудно. Но улыбаться, в сущности, нечему. Это верно, парижская школа существует, и если она по составу своему не целиком совпадает с Парижем, то все-таки географически ее иначе определить нельзя» (*Звено*. 1927. 23 янв.). Поплавский употребил эти слова в печати тремя годами позже: «Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая — торжественная, светлая и безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки» (*Числа*. 1930. № 2/3. С. 310—311). Термин быстро прижился и уже в 30-е широко употреблялся в газетных полемиках.

Литературную борьбу с умонастроениями «ПН» одновременно повели лидеры противостоящих ей поэтических групп в эмиграции, особенно серьезно возражали В.Ходасевич и А.Бем. Очень огрубленно это можно представить как спор с непроясненной метафизикой «парижской ноты», с одной стороны, приверженцев традиции, делавших упор на мастерство («Перекресток»), а с другой стороны, приверженцев новизны (группа Бема).

Полемика вокруг «ПН», продолжавшаяся все 30-е, была в центре эмигрантских литературных споров, так или иначе задевая многие животрепещущие для эмиграции вопросы и пересекаясь с другими полемиками: о «столичной» и «провинциальной» литературе, о молодой литературе в эмиграции, об авангарде и традиции. Постоянный оппонент Адамовича руководитель пражского «Скита поэтов» А.Бем с негодованием писал о «парижском» умонастроении молодежи и недоумевал, «почему наиболее литературно-одаренная часть наших писателей подпадает именно этому «упадочному» настроению, а более здоровая и деятельная оказывается неспособной найти художественное оформление своим настроениям» (Меч. 1936. 19 янв.). Бем упрекал «парижан» в том, что они «почти не отразили в себе русского футуризма», в то время как «Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С.Есенина, и через В.Маяковского, и через Б.Пастернака» (Меч. 1936. 22 марта). Уже с середины 30-х он неоднократно писал о том, «что «общепарижский поэтический стиль» себя изжил, что выработался штамп, который грозит окончательно обезличить эмигрантскую поэзию» (Меч. 1936. 5 апр.), и надеялся, «что не на этом пути эмигрантская литература найдет свое оправдание» (Меч. 1936. 20 сент.).

У Ходасевича, постоянно полемизировавшего с Адамовичем на протяжении полутора десятков лет, наоборот, поэзия «ноты» вызывала упреки в неряшливости, неотделанности. «Человечность» в стихах в ущерб мастерству он считал заблуждением, а саму «ноту» — течением не столько литературным, сколько эмоциональным (В. 1935. 28 марта). Адамовича он упрекал в излишней снисходительности к Пастернаку (В. 1927. 11 апр.), а его сторонников — в том, что они стремятся поспевать за современной поэтической модой.

При подведении итогов полемики мнения разошлись. *Г.Федотов* был убежден, что «вся воспитательная работа Ходасевича, все его усилия обучить молодежь классическому мастерству и привить ей свой дух уверенного в своей самодостаточности пушкинского художества не приводили ни к чему. Молодежь шла за Адамовичем, зачарованная им» (Федотов Г. О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк, 1942. С. 193). С тем, что «Адамович, предписавший пианопианиссимо парижской поэзии и способствовавший созданию «школы», творчески победил своих противников — Ходасевича и Бема», соглашались Ю.Иваск, В.Яновский и многие другие свидетели событий. *Г.Струве, В.Набоков, Н.Берберова* утверждали обратное, приняв сторону Ходасевича.

Приемы, которыми пользовались поэты «ПН», впервые попробовал суммировать А.Бем: «Приглушенные интонации, недоуменно-вопросительные обороты, неожиданный афоризм, точно умещающийся в одну-две строки, игра в «скобочки», нарочитая простота словаря и разорванный синтаксис (множество недоговоренных и оборванных строк, обилие вводных предложений — отсюда любимый знак — тире) — вот почти весь репертуар литературных приемов «дневниковой поэзии»» (Бем А. Поэзия Л.Червинской // Меч. 1938. 1 мая). Позже о том же писал Ю.Иваск, добавляя необходимые «метафизические» акценты: «Простота в изложении, размышления о самом главном, тоска и порывы Анненского — вот слагаемые парижской ноты Адамовича и его друзей» (Иваск Ю. Поэзия

«старой» эмиграции // Русская литература в эмиграции / Под ред. Полторацкого П.Н. Питтсбург, 1972. С. 46).

К этому можно добавить непременную психологическую точность, невыдуманность чувств и нетерпение любой, даже малейшей фальши, что для приверженцев «ПН» было одной из первых заповедей. Они скорее согласились бы простить некоторую неуклюжесть стиха, в котором выражалось подлинное чувство, чем неискренность. Как любил говорить Адамович: «Кто поверит словам, которым не совсем верю я сам?» (Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 185).

По мнению Адамовича, есть две опасности, уводящие с этого единственно верного пути: безоглядное подчинение вдохновенному, но безответственному потоку слов, напевности и мечтательности, не поверяемым подлинным поэтическим видением и не сдерживаемым трезвым знанием человеческой природы. Адамович называл этот соблазн «бальмонтовщиной». И вторая опасность: старательное сочинение стихов, тщательная их отделка, внешнее совершенство, игра словами, за которой легко спрятать отсутствие подлинных переживаний.

Основополагающий формообразующий принцип стихов, написанных поэтами «ПН», — выразительный аскетизм. Аскетизм во всем: в выборе тем, размеров, в синтаксисе, в словаре. «Если поэзию нельзя сделать из материала элементарного, из «да» и «нет», из «белого» и «черного», из «стола» и «стула», без каких-либо украшений, то Бог с ней, обойдемся без поэзии!» (Адамович Г. Комментарии. С. 78). Все остальные возможности отклонялись как слишком легкие либо ненужные.

Жесткую экономию средств Адамович считал «началом и концом всякого мастерства» (там же) и неуклонно поощрял стремление молодых парижских поэтов писать, «отказываясь от всего, от чего отказаться можно, оставшись лишь с тем, без чего нельзя было бы дышать. Отбрасывая все словесные украшения, обдавая их серной кислотой» (Там же. С. 105). Прежде всего это был отказ от метафор, ярких образов, изощренной инструментовки, вообще от стихов, в которых «настойчивая выразительность заменяет истинную человечность» (Адамович Г. Русская поэзия // Жизнь искусства. Пг., 1923. № 2. С. 3).

Стихи писались без расчета на публику и предназначались не для эстрады и вообще не для чтения вслух, а для бормотания самому себе, они выполняли определенную медитативную функцию. Допускалась и даже приветствовалась дневниковость поэзии, недоговоренность, которая «бывает неизбежной, потому что есть вещи, которые сложнее и тоньше человеческого языка» (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 3 авг.). Но при этом стихотворение и каждое слово в нем должны были быть семантически полноценными, не превращаясь в ребус или в чистый символ: «Слово прежде всего должно значить то, что оно действительно значит, а не то, чем поэту хочется его значение заменить. Торжество поэзии над «здравым смыслом» должно быть таинственно и от «непосвященных» скрыто. Иначе оно слишком дешево» (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1927. 29 мая). Последняя цель такой поэзии: «найти слова, которые как будто никогда еще не были произнесены и никогда уже не будут заменены другими» (Адамович Г. Комментарии. С. 70).

Один из наиболее излюбленных поэтами «ноты» стихотворных размеров — пятистопный ямб, впервые в русской поэзии появившийся в таком изобилии и ставший основным размером поэтов «ноты», их фирменным знаком. Этот размер лучше всех других подходил целям «ноты», позволяя передавать все нюансы, выражать мельчайшие оттенки чувств этой дневниковой поэзии.

По аналогии с «ПН» Ю.Иваск после второй мировой войны пытался выделять «американскую ноту» «в поэзии некоторых поэтов, переселившихся в Америку» (Иваск Ю. Поэзия «старой» эмиграции. С. 68).

По позднейшему мнению Адамовича, «нота не удалась», однако старания Ходасевича и Слонима в «Перекрестке» и «Кочевье» не удались в еще большей степени. Уже после войны, в письме А.Гингеру 28 октября 1955 Адамович стыдливо признался: «Я думаю, что имел тлетворное влияние на некоторых парижских юношей лет 40 и больше. Не сочтите это за самомнение: «имел влияние». Кажется, что-то имел, но то, что во мне было чем-то вроде «суеты сует» и безразличьем ко всему — т.е. слабостью, — они приняли за общий стиль для всех, и вышло глупо. Это, собственно говоря, отчасти объясняет «париж-

скую ноту» (Письма Георгия Адамовича // НЖ. 1994. № 194. С. 276).

Объясниться Адамович попробовал позже, в статье «Поэзия в эмиграции» и в «Комментариях» (С. 75—79): «Был некий личный литературный аскетизм, а вокруг него, или иногда в ответ ему, некое коллективное лирическое уныние, едва ли заслуживающее названия школы. Состав пишущих был в Париже случаен, отбор единомыслящих, единочувствующих ограничен, и поэтическое содружество поневоле оказалось искусственным. В основе, в источнике было, конечно, гипнотически-неотвязное представление об окончательном, абсолютном, незаменимом, неустранимом: нечто очень русское по природе, связанное с вечным нашим «все или ничего» и с отказом удовлетвориться чем-либо промежуточным». Там же он вполне четко определил точки притяжения и отталкивания: «влюбились они в Анненского и отвергли обольщение бальмонтовщины во всех ее видах», — и, как обычно, противореча самому себе, заключил: «Думаю, что «нота» все-таки звучала — и прозвучала не совсем напрасно» (Адамович Г. С. 184).

Сами участники «ПН» позже затруднялись объяснить, в чем был ее смысл и значение. Ю.Иваск, писавший о ней несчетное количество раз в многочисленных статьях, так и не смог внятно изложить, при чем тут Адамович. В.Яновский, пытаясь найти объяснение, заявил: «Если бы требовалось одним словом определить вклад Адамовича в жизнь нашей литературы, я бы сказал: «Свобода!» (Яновский В. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 110).

Еще вернее отозвался об Адамовиче прот. А.Шмеман: «Был он — в некоем, очень высоком, плане, не политическом, конечно, и не злободневном, — одним из носителей совести, как последнего мерила и оправдания литературы». По его мнению, и суть всей «парижской ноты» «была именно в этом и ни в чем другом» (Шмеман А. Прощаясь с Адамовичем // ВРСХД. 1971. № 101/102. С. 326—327).

О.А.Коростелев

ПАРИЖСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Старейшим русским книгоиздательством, продолжившим работу в Париже в начале 20-х, являлось издательство «Я.Поволоцкий и К°», основанное в 1910 и до первой мировой войны имевшее свои отделения в Москве и Петербурге. До 1919 в работе книгоиздательства был перерыв, и возобновление деятельности было связано с целью «дать ясное представление французам о русской революции и о событиях в России» (Зноско-Боровский Е.А. Русская книга во Франции // *Новая русская книга*. 1922. № 3. С. 23). Были выпущены книги Н.Н.Зворыкина («К предстоящему земельному переустройству России». 1920), Г.В.Плеханова («Год на родине: Полное собрание статей и речей. 1917—1918 гг.». 1921. Т. 1—2), «Современные проблемы: Сборник статей» (*М.Алданова, М.Вишняка*, Ю.Делевского и др.) (1922), А.Ф.Керенского («Издалека: Сб. статей. 1920—1921 гг.». 1922), других авторов. Книгоиздательство приступает к изданию «Детской серии», в которую вошли сказки («Как Лиса у Мужика рыбкой поживилась». 1920; «Морозко: Русская народная сказка». 1920; «Про Лису и Колобка: Русская сказка». 1920), но печаталась и проза — «Дети — детям: Сб. детских произведений». 1920. Вып. 1—3. Особой популярностью у взрослого читателя пользовалась серия книгоиздательства «Миниатюрная библиотека», в которую вошли произведения *И.Наживина* («Осени поздней цветы запоздалые». 1920), *К.Бальмонта* («Светлый час: Избр. стихи». 1921), *Б.Лазаревского* («Птицы ночные». 1921). Во второй половине 20-х книгоиздательство формирует серию «Библиотека современных писателей», в которую вошли произведения *Ю.Фельзена* («Обман». 1930), *Дон-Аминадо* («Наша маленькая жизнь». 1927), и одновременно продолжает работу по выпуску литературы на социально-политические темы: Деникин А.И. Очерки русской смуты (1921—1926. Т. 1—5), *Седых А.* Там, где была Россия (1930). Книгоиздательство прекратило свою деятельность после 1930.

В Париже был восстановлен Союз земств и городов (сокращ. — Земгор); к началу 1920 Союз был переименован в «Земское и городское объединение российских граждан за границей» (председатель — Н.Д.Авксентьев). Эта организация занималась вопросами оказания неотложной помощи русским беженцам в их размещении, в разрешении проблем образования и здравоохранения. Земгор имел свою полиграфическую базу, на основе которой было создано книгоизда-

тельство с аналогичным названием (руководитель — Т.И.Полнер). Деятельность книгоиздательства Земгора была подчинена работе этой организации: в течение нескольких лет выходил «Бюллетень первого Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей», оказывающий информационную помощь. В 1921 издательством была предпринята попытка выпуска художественной литературы. Предполагался выход десятитомного издания «Русские писатели» (под редакцией *И.А.Бунина*). Был выпущен только первый том — «Русские писатели: Д.И.Фонвизин. Бригадир; В.В.Капнист. Ябеда; А.С.Грибоедов. Горе от ума» (1921). В течение этого года изданы: Александров П. Сон; Бутковская Н.И. Народные русские сказки, песни, шутки. Типографией Земгора пользовались и другие организации; так, в 1920 *Комитет помощи русским литераторам и ученым* издал «Русский сборник», в который вошли проза И.Бунина, *А.Куприна, И.Шмелева, Д.Мережковского*, М.Алданова, *Л.Андреева*, пьеса *А.Н.Толстого*, стихи *З.Гиппиус, Н.Минского, Н.Тэффи, М.Цетлина, А.Черного*, Л.Вилькиной.

С полиграфической базой Земгора было связано и книгоиздательство «Русская земля», организованное как кооперативное предприятие группы русских писателей (И.А.Бунина, А.Н.Толстого, А.И.Куприна, К.Д.Бальмонта и других). Во главе издательского комитета «Русской земли» был Т.И.Полнер. Это книгоиздательство поставило себе целью выпускать современные произведения художественной литературы. В течение 1920—1922 вышли книги И.А.Бунина («Господин из Сан-Франциско». 1920; «Деревня. Суходол». 1921; «Чаша жизни». 1922), Д.С.Мережковского («14 декабря: Роман о декабристах». 1921), *Б.Зайцева* («Путники». 1921), К.Д.Бальмонта («Дар Земле: Сборник новых стихов». 1921), А.И.Куприна («Суламифь». 1921; «Гамбринус и другие рассказы». 1921), А.Н.Толстого («Наваждение: Сборник рассказов». 1921; «Хромой барин: Роман» (изд. 5-е, перераб.). 1921), З.Н.Гиппиус («Небесные слова». 1921). «Русская земля» предпринимала попытку издания литературы по общественно-политическим вопросам: Маклаков В.А. Толстой и большевизм (1921).

Созданное осенью 1920 книгоиздательство «Север» специализировалось на выпуске художественной литературы для детей. Работа издательства шла в двух направлениях: издание журнала «*Зеленая палочка*» и серии «Библиотека журнала «Зеленая палочка», в которую вошли «Необыкновенные приключения Никиты Рощина» А.Н.Толстого, «Рассказы для детей» А.И.Куприна, «Рассказы для детей» *А.Яблоновского*, «Песнь о Гайавате» Г.Лонгфелло (в переводе И.А.Бунина; 8-е изд.). Интересы взрослого читателя издательство тоже пыталось учитывать и предлагало — «Авантюристы Гражданской войны» *А.Ветлугина* (1921), «Дым без Отечества» Дон-Аминадо (1921).

Иные из книгоиздательств в первой половине 20-х сумели заявить о себе лишь одним-двумя изданиями. Среди них политические организации, имеющие свои типографии. Так, издательством Российского общества лиги народов была выпущена брошюра «Российское общество лиги народов: Устав и программа» (1920); издательством Русского совета — «Русский Совет: Положение, задачи и обзор деятельности» (1921); издательством Русского национального студенческого объединения — «Черная книга: Сборник документов, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей» (1925); издательством Республиканско-Демократического объединения — Милюков П.Н. Три платформы республиканско-демократических объединений. 1922—1924 (1925).

Среди книгоиздательств, ориентированных на выпуск художественной литературы, — «Орфей», выпустивший книгу *М.Талова* «Любовь и голод: Книга лирики» (1920); издательство газеты «Русский солдат — гражданин во Франции» — «На чужбине: Сборник произведений русских воинов» (1921); издательство «Зерна» — Амари «Прозрачные тени: Образы» (1920); издательство «*Палата поэтов*» — *А.С.Гингера* «Свора верных» (1922), Г.Евангулова «Белый духан» (1921); издательство «Унион» — *Н.Н.Брешко-Брешковского* «Белые и красные. Т. 1. Дочь великого князя» (1921).

Французские печатники издавали книги и на русском языке. Издательством «Bibliotheque Universelle» выпущена книга

А.Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (1921); издательством «Pour la Russie» — книга Д.Ракова «В застенках Колчака: Голос из Сибири» (1920).

В конце 1921 О.Г.Зелюком было создано книгоиздательство «Франко-русская печать», но вскоре оно было приобретено французской издательской фирмой «Société de presse du publicité et d'édition» (директор-распорядитель — И.А.Кириллов). Издательство было ориентировано на выпуск книг как на русском, так и на французском языках; в основном выпускало книги на общественно-политические темы: Ветлугин А. Третья Россия (1922). Из произведений художественной литературы вышли книги К.Бальмонта («Марево». 1922), М.Алданова («Огонь и дым». 1922).

Для истории русского книгоиздательства в Париже характерной особенностью было совместное издание книжной продукции: иллюстрированный журнал А.Когана *«Жар-птица»* (книгоиздательство «Русское творчество») выходил под совместным грифом «Берлин—Париж» (1921—1925); берлинское книгоиздательство Е.Сияльской печатало в некоторых случаях книги в Париже (*Краснов П.* С Ермаком на Сибирь. 1929); книга А.Аверченко «Двенадцать портретов» вышла в издательстве «Internationale commerciale revue» с указанием места издания: Париж—Берлин—Прага—Санкт-Петербург (1923).

В 1925 в журнале *«Воля России»* (№ 2) П.Милославский в статье «Русская книга за рубежом» подводил итоги деятельности русских книгоиздательств в Европе: Париж, выпустивший в 1924 всего 53 тома, в большинстве своем книги общеполитического и прикладного характера, не попал в список лидирующих (с точки зрения книгоиздания) городов. Дороговизна бумаги, типографских услуг и материала обусловливали высокие цены на книжную продукцию вообще, а русская книга становилась еще дороже. Складывалась парадоксальная ситуация: берлинские и пражские издания в Париже расходились лучше и быстрее, нежели парижские книги.

В 1925 в Париже были зарегистрированы книгоиздательства, заявившие о себе несколькими изданиями: «Канарейка» выпустила книгу А.С.Гингера «Преданность: Второй сборник стихов»; издательство «Общества взаимопомощи студентов Донских казаков во Франции» — «Казачий быт: Литературный сборник», в который вошли проза и стихи Ф.Крюкова, П.Краснова, Б.Незлобина, *Н.Туроверова*, Ц.Полякова и др.; типография «А.Сниткин и К°» — Л.Гроссе «Мысли сердца».

С 1925 в Париже действует книгоиздательство *«ИМКА-Пресс»*. Попытки создания своего книгоиздательства в Париже были предприняты и З.И.Гржебиным, переехавшим сюда после 1924 из Берлина. Но все они кончаются неудачей; можно упомянуть лишь удачное издание совместно с «Геликоном» книги А.Левинсона о русской балерине Анне Павловой в 1928 (см.: Юниверг Л.И. З.И.Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Т. 69; Гржебина Е. З.И.Гржебин — издатель: По документам и воспоминаниям его дочери // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1; Вайнберг И. «Все будет оценено — не может быть иначе» // Там же).

В 1926 в Париже начинает свою работу Евразийское книгоиздательство. Выпускаемые ими книги носили религиозно-философский и историко-политический характер: *Франк С.Л.* Основы марксизма (1926), Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (1926), Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства (1928), *Трубецкой Н.* К проблеме русского самопознания: Сб. статей (1927), Вернадский Г.В. Начертание русской истории: Часть I (1927). Книгоиздательство выпускало журнал «Евразийская хроника» (1925—1937). Книгоиздательство «Возрождение» начало свою работу в 1926 и выпустило художественную литературу: Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея (1926), Зайцев Б. Странное путешествие (1927), *Ходасевич В.* Собрание стихов (1927), *Амфитеатров А.* Знакомые музы (1928).

В 1927 о себе заявили еще несколько книгоиздательств: «Родник», «Таир» и другие. Книгоиздательство «Родник» специализировалось на выпуске произведений современных авторов как прозаиков (Бунин И. Солнечный удар. 1927; *Даманская А.* Жены: Рассказы. 1929; Даманская А. Радость тихая: Путевые заметки. 1929), так и поэтов (*Кнут Д.* Парижские ночи: Стихи. 1932; Блок А. Стихотворения. 1927; Бальмонт К.Д. Северное сияние: Стихи о Литве

и Руси. 1931; *Бакунина Е.* Стихи. 1931). Книгоиздательство выпускало также публицистические книги: Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции: Статьи / Предисл. *Бунакова И.* (1930); Деникин А. Старая армия. 1929—1931. Т. 1—2; *Савинков Б.* Книга стихов: Посмертное издание / Предисл. Гиппиус З.Н. (1931). Книгоиздательство прекратило свою деятельность после 1932. Книгоиздательство «Таир» пополняло книжный рынок Франции современной русской художественной литературой: *Ремизов А.* Взвихренная Русь (1927); Ремизов А. Московские любимые легенды: Три серпа (1929); Шмелев И. Про одну старуху: Новые рассказы о России (1927). С начала 1930 книгоиздательство стало предлагать читателям книги по вопросам музыкального образования: Сабанеев Л. С.И.Танеев: Мысли о творчестве и воспоминания о жизни (1930), Метнер Н. Муза и мода: Защита основ музыкального искусства (1935).

Среди книгоиздательств второй половины 20-х, заявивших о себе несколькими книгами, специализировались на выпуске художественной литературы: «Конкорд» издал книги З.Ю.Арбатова «Таня Ветрова» (1928), *В.Д.Гарднера* «Под далекими звездами: Лирическая полифония» (1929); издательство «Нескучный сад» — Дон-Аминадо «Накинув плащ: Сб. лирической сатиры» (1928); издательство «Вол» — В.А.Перцова «Человек и дух: Стихи и проза» (1927); *В.В.Диксона* «Стихи и проза» / Предисл. Ремизова А. (1930); издательство «Стихотворение» — *В.Л.Андреева* «Недуг бытия: Вторая книга стихов» (1928), С.Луцкого «Служение» (1929).

Одним из самых сильных книгоиздательств конца 20-х справедливо считается издательство журнала *«Современные записки»*, действовавшее с 1929 по 1940. Оно публиковало, в основном, «своих» авторов, печатавшихся в журнале, и потому серию издательства «Библиотека журнала «Современные записки» читатели рассматривали как книжное дополнение к периодическому изданию. Здесь были опубликованы книги И.А.Бунина («Избранные стихи. 1900—1925». 1929, «Жизнь Арсеньева». Часть I. 1930, «Божье древо». 1931), *В.Зензинова* («Беспризорные». 1929), *А.Ладинского* («Черное и голубое: Стихи». 1931), М.Алданова («Десятая симфония. — Азеф». 1931, «Ключ». 1939), *С.Прегель* («Солнечный произвол: Стихи». 1937), *В.Смоленского* («Наедине: Вторая книга стихов». 1938), А.С.Гингер («Жалоба и торжество: Третья книга стихов». 1939), а также книги *Л.Шестова, Н.А.Бердяева, Н.Лосского* и других авторов на религиозно-философские темы.

Тенденция создания библиотеки журнала прослеживается и в издательстве журнала *«Иллюстрированная Россия»*. В серии «Библиотека — бесплатное приложение к журналу «Иллюстрированная Россия»» вышли книги Н.Н.Брешко-Брешковского («Стависский, король чехов: Роман из современной жизни». 1934), вел. князя А.М.Романова («Книга воспоминаний». 1933), А.Аверченко («Подходцев и двое других: Повесть». 1935; «Чудеса в решете: Рассказы». 1935), М.Алданова («Портреты». Т. 2. 1936; «Десятая симфония. — Азеф». 2-е изд. 1936), *А.Бурова* («Господи... Твоя Россия, жизнь окаянная: Роман-летопись». 1938).

В 1929 было организовано книгоиздательство «Новые писатели», руководителем и редактором которого был *М.Осоргин*. Объявляя о своей цели, издательство писало: «Общеизвестно, что по условиям зарубежного книжного рынка писателям, еще не составившим себе литературного имени и не обладающим личными средствами, почти невозможно издавать свои произведения. Неохотно печатают их также и существующие за рубежом журналы, отдающие предпочтение писательским именам. Между тем уже достаточно остро стоит вопрос о «молодой смене», о том, чтобы новые таланты могли себя проявить, имели поощрение и выступили на суд литературной критики и читателей... Никаких ограничений со стороны политической или в смысле литературной школы редакция издательства не устанавливает» (*Струве Г.* С. 295). Были выпущены книги *И.Болдырева* «Мальчики и девочки» (1929) и *В.С.Яновского* «Колесо» (1930).

В этом же году французская типография «Паскаль» начинает выпускать книги молодых литераторов: Городецкая Н.Д. Несквозная нить: Роман (1929), Браславский А. Стихотворения. Т. 2 (1929), Дзанти Д. Изгнанник Кавказа (1931), Станюкович Н. Из пепла: Стихи (1929), Иванов Вл. Концы и начала: Попытка эпоса (1930),

Кусков Д.П. Прометей: Стихотворения (1932), *Ставров П.* Без последствий: Стихи (1933), Гойер Л.В. Запретный хлеб (1930).

Издательство «Водолей» выпустило «Русские былины в свете тайноведения» Д.Барлена (1932); издательство «Мишень» специализировалось на выпуске литературы социально-политического содержания — «На путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата» Г.З.Беседовского (1930—1931), «Среди красных вождей: Лично пережитое и виденное на советской службе» Г.А.Соломона (1930). Издательство «Путь жизни» выпустило «Умирание искусства: Размышление о судьбе литературного и художественного творчества» *В.В.Вейдле* (1937); издательство «Свеча» — «Знаменитые русские масоны» Т.А.Бакуниной (1935) и «Русские вольные каменщики» Т.А.Бакуниной (1934).

В 1931 было организовано издательство «Парабола», имеющее два центра: в Париже и Берлине. Парижская «Парабола» печатала, в основном, молодых авторов: *Берберова Н.* Повелительница (1932), Артуа Д. Песенный лад: Стихи (1935), Великовский И. Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Св. Ангела (1935), Бакунина Е.В. Тело: Роман (1933), Дешевой Н.М. Листопад: Воспоминания. Цикл стихов (1934), *Гронский Н.* Стихи и поэмы (1936).

Интерес русского читателя вызывала специализированная серия «Русская морская библиотека», издававшаяся книгоиздательством Военно-Морского союза. В нее вошли книги А.А.Гефтера «В море корабли: Девятнадцать морских рассказов» (1932), Г.К.Графа «Моряки: очерки из жизни морских офицеров» (1930), В.В.Берга «Последние гардемарины» (1931).

Говоря о книгоиздательствах второй половины 30-х, нельзя обойти вниманием издательство при книжном магазине «Дом книги», специализировавшееся на выпуске современной литературы: *Гомолицкий Л.* Арион: О новой зарубежной поэзии (1939), Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым (1939); Литературный смотр: Свободный сб. / Ред. Гиппиус З.Н., Мережковский Д.С. (1939), Берберова Н. Без заката (1938). Особой популярностью пользовалась серия «Русские поэты», выходившая в 1938—1939: в нее вошли сборники стихов *Ю.Терапиано* «На ветру», *Б.Поплавского* «В венке из воска», А.Гингера «Жалоба и торжество: Третий сборник стихов», *С.Прегель* «Полдень», *И.Кнорринг* «Окна на север», *Г.Адамовича* «На Западе». В 1939 это книгоиздательство предприняло издания совместно с издательством журнала «Современные записки»: Алданов М. Пуншевая водка: Сказка о пяти счастьях. — Могила воина: Сказка о мудрости. — Философские сказки (1940). Из предпринятой ими серии «Русская научная библиотека» вышел только первый том — Франк С.Л. Непостижимое (1939).

Характерным явлением второй половины 30-х в издании книжной продукции становится переход типографий в разряд издающих организаций: типография «Этуаль» выпускает книги *Б.Божнева* «Альфа с пеною омеги: Двадцать семь стихотворений» (1936); типография «Вал» (Val) — *А.А.Плещеева* «Под сению кулис...» (1936), О.О.Грузенберга «Вчера: Воспоминания» (1938); типография «Крозатьер» — «Стихотворения» А.Я.Браславского. Т. 3 (1937). Зачастую тиражи этих изданий были ничтожно малы — так, книги *С.Шаршуна* «Подать: Лирическое повествование» (1938) и «Небо-колокол: Поэзия в прозе. 1919—1929» (1938) были отпечатаны на ротаторе в Бюро С.Павлова тиражами: первая — 50 экз. и вторая — 200 экз.

Издательская Коллегия Парижского объединения писателей выпустила книги: *Агеев М.* Роман с кокаином: По запискам больного (1936) и Вишняк М.В. Доктор Вейцман: Биография (1939).

Парижский период в истории русского книгопечатания не менее плодотворен, чем берлинский. Г.Струве считал парижское десятилетие 1925—1935 книгоиздательской деятельности «золотым».

О.В.Быстрова

«ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК» (Париж, 1925. 5 мая. № 1. — 1926. 31 марта. № 274) — ежедневная газета, основанная при советском полпредстве для пропагандистской работы среди эмигрантов. Выходила без указания имени редактора. Д.Андреев, Н.Дементьев, А.Зорич, Н.Любимов, Д.Неволин выступали здесь с публицистическими заметками, «разоблачавшими» идеологов «белой эмиграции» — великого князя Кирилла Владимировича и его окружение, организаторов Зарубежного съезда,

лидеров антибольшевистских периодических органов и просто писателей, придерживавшихся монархических взглядов. Напечатаны: статья Н.Дементьева ««Император» и литератор. (История одного альянса)», посвященная взаимоотношениям К.К.Романова и А.С.Суворина (1925. 10 сент.), его же памфлет «Бывшие. Амфитеатров» (1925. 20 сент.), отзыв А.Зорича о «Руле» с броским заглавием «Собачья старость» (1925. 23 окт.), фельетон Д.Андреева «Старики», после беглого обзора прессы выносящий безапелляционный вердикт: «Скучно, глухо, мертво в эмигрантских газетах» (1925. 17 нояб.). Для борьбы с «правыми» регулярно использовались и письма читателей, призывавших заклеймить «черные гнезда» типа редакции «Родной земли» (1925. 23 авг.). По разу появились на страницах «ПВ» имена Е.Д.Кусковой, давшей свои традиционные «Мысли вслух» (1925. 24 нояб.), и С.С.Лукьянова, объяснившего сотруднику *«Воли России»* А.В.Пешехонову, как «перерасти элементарный сменовехизм» (1925. 30 дек.). Под названием «Монархист о монархизме» было помещено открытое обращение *И.Ф.Наживина* (1925. 19 нояб.). Публиковались очерки Н.Белины-Подгаецкого о проблемах русского офицерства за границей, корреспонденции А.Норова из Лондона и М.Мирошниченко из Вены (о воспоминаниях гетмана П.П.Скоропадского // 1925. 17—18 сент.). Из номера в номер появлялись «московские впечатления» некого реэмигранта, подписывавшегося псевдонимом (Ника Бур...), а также мемуары крупных партийных чиновников — В.Д.Бонч-Бруевича и Х.Г.Раковского. Целиком за счет метрополии заполнялся отдел поэзии и беллетристики, где перепечатывались произведения С.А.Есенина, В.В.Каменского, Ю.Н.Либединского, В.В.Маяковского, Э.Л.Миндлина, Л.Н.Сейфуллиной, А.Соболя, И.С.Соколова-Микитова, П.С.Сухотина, Д.М.Стонова, Н.С.Тихонова, М.С.Шагинян. С современной ситуацией в советской культуре должны были знакомить присылавшиеся из Москвы литературно-критические статьи И.А.Груздева, И.И.Лазаревского, Г.Лелевича, Ю.В.Соболева, фрагменты исследований Л.П.Гроссмана и К.И.Чуковского, книжные отклики А.Эрлиха и М.Поляковой, музыкальные обзоры Л.Л.Сабанеева, художественные заметки С.Марголина, Б.Н.Терновца, А.А.Чумакова. Из советских литераторов, живших в Европе, с «ПВ» сотрудничал *И.Г.Эренбург.* Осенью 1925 он обратился в редакцию с письмом, которое содержало резкий ответ на обвинения «в оскорблении памяти поэта Гумилева», прозвучавшие из уст *В.Ф.Ходасевича* (1925. 2 окт.), а позже дал в газету два пространных эссе: «Романтизм наших дней» (1925. 1 дек.) и «Пьер Мак-Орлан» (1925. 18 дек.). Г.К.Лукомский, находившийся на положении эмигранта, но нередко печатавшийся в СССР, регулярно помещал отзывы о парижских художественных выставках и «силуэты» известных мастеров, главным образом соотечественников («М.Шагал» // 1925. 9 окт.). О «русском» и «советском» искусстве во Франции рассуждал приехавший из Москвы Я.А.Тугендхольд (1925. 11 окт.). Французской живописи и Г.Аполлинеру посвятил свои очерки основатель журнала *«Удар»* и лидер группы *«Через»* С.М.Ромов. Литературная жизнь русского зарубежья освещалась скудно: упоминалось лишь о визите в Париж В.В.Маяковского в ноябре 1925. Весьма грубым был выпад в адрес *Лоло* (Л.Г.Мунштейна), предостерегавшего эмигрантов от возвращения в СССР. Поэту намекали на его еврейское происхождение, которое якобы обязывает испытывать благодарность к коммунистическому режиму, и рекомендовали «успокоиться», поскольку на родину его «никто и не зовет» (««Тихая лампада» г. Лоло» // 1925. 7 окт.).

В конце марта 1926, сославшись на «необходимость переоборудования... в типографско-техническом отношении», редакция сообщила о том, что выпуск «ПВ» «временно приостанавливается» (1926. 31 марта). В дальнейшем издание возобновлено не было.

Е.Г.Домогацкая

ПЕРВЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ — торжественно открылся 25 сентября 1928 в Белграде. Участниками Съезда стали члены пяти Союзов: Парижского, Пражского, Берлинского, Белградского, Варшавского. Парижская делегация была представлена *А.И.Куприным, Б.К.Зайцевым, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковским, М.В.Вишняком, А.А.Яблоновским, В.В.Рудневым,* В.Ф.Зеелером,

К.К.Парчевским, *К.И.Зайцевым*. (Приглашенные П.Н.Милюков, *Н.А.Тэффи, И.С.Шмелев* по различным обстоятельствам не смогли приехать на Съезд.) Делегаты из Праги — *Вас.И.Немирович-Данченко, Е.Н.Чириков*, А.А.Кизеветтер, В.А.Розенберг, С.И.Варшавский, *В.Г.Федоров*; из Берлина — А.А.Боголепов, В.Е.Татаринов, Н.М.Волковыский и др. Белградских писателей представляли В.И.Ксюнин, Ф.В.Тарановский, В.Х.Даватц, А.В.Маклецов, В.Н.Челищев, Л.М.Сухотин, М.П.Чубинский, Е.В.Жуков. В работе съезда участвовало около 600 делегатов. В день приезда в Белград русские писатели были встречены югославской общественностью с истинно славянским радушием. По распоряжению городского самоуправления на улицах Белграда были развешаны плакаты с просьбой к горожанам оказывать особое внимание и предупредительность «дорогим русским гостям». Делегатам Съезда был обеспечен бесплатный проезд в городском транспорте, предоставлена гостиница.

Торжественное открытие Съезда состоялось в актовом зале университета. Был избран почетный Президиум во главе со старейшим писателем В.И.Немировичем-Данченко, которому предоставили честь открыть форум русских писателей-изгнанников. А.А.Яблоновский произнес речь: «Мы все знаем, все чувствуем, что за нашей спиной стоит тень великой России и что мы должны отвечать перед ней не только за наше слово, но и за наше молчание. Когда-то наш знаменитый духовный оратор митрополит московский Филарет так говорил о долге пишущего человека: «Да благословит Господь Бог и слово и молчание. Да не будет слово праздно и молчание бессловесно» ...Россия распалась на две половины. Одна половина молчит, а другая еще говорит. Это нам, русским эмигрантам, выпала страшная задача — говорить за Россию и требовать прав для нашей обездоленной Родины. Это нам судьба указала сохранить в чистоте великие традиции русской литературы и честные заветы свободного русского слова» (В. 1928. 1 окт.).

Поздравительной телеграммой Съезд приветствовал король Александр. Первое заседание было отведено докладам о деятельности местных Союзов писателей и журналистов. От Парижского союза сообщение сделал В.Ф.Зеелер, от Берлинского — Н.М.Волковыский, от Пражского — Н.М.Могилянский, от Белградского — А.И.Ксюнин, от Варшавского — С.М.Кельнич; о положении русской печати в Подкарпатской Руси — д-р Фенцик.

Основной разговор на Съезде развернулся вокруг вопроса о создании Объединения всех существующих зарубежных организаций русских писателей и журналистов, которое бы входило в международную федерацию журналистов (доклады А.А.Боголепова, М.В.Вишняка). Были заслушаны представленные в письменной форме доклады П.И.Звездича «О мерах улучшения правового положения русских зарубежных писателей и журналистов», И.С.Шмелева «О зарубежном литературном фонде». Шмелев предлагал объединить все Союзы зарубежных русских литераторов и создать общий литературный фонд, в который должен отчисляться определенный процент с заработка всех его участников.

Широкие прения вызвало выступление С.П.Мельгунова «О газетной этике», говорившего о недопустимости оскорбительных полемических приемов, бытующих на страницах некоторых печатных изданий. Он предложил создать суды чести и третейские суды как органы защиты журнальной этики. Съезд принял резолюцию по этому вопросу: «Признать, что защита профессиональной чести и добрых нравов входит в задачу профессиональных организаций. Предложить центральным органам Союза изыскать способы охраны профессиональной чести» (В. 1928. 3 окт.).

Поднимался на Съезде вопрос о военной тематике на страницах русской периодической печати. По докладу генерала Б.А.Штейфона вынесено следующее решение: «Считать жизненно необходимым, чтобы зарубежная русская печать представлением своих страниц военным авторам пришла бы на помощь русской военной научно-технической мысли» (В. 1928. 3 окт.).

По докладу С.И.Варшавского «О состоянии печати в советской России» Съезд предложил резолюцию: «Учитывая подцензурное положение печати в советской России, Съезд считает долгом русской зарубежной печати систематическое осведомление заграничной печати об истинном положении вещей в России и противодействие распространению ложных о ней сведений. Съезд признает насущную необходимость

проникновения свободного печатного слова в пределы России» (В. 1928. 5 окт.).

Съезд русских писателей и журналистов совпал с международным конгрессом по защите авторского права, открывшимся в Белграде 27 сентября 1928. На Съезде была создана комиссия в составе С.И.Варшавского, В.Ф.Зеелера, *С.В.Завадского*, В.Н.Челищева и др., разработавшая основные положения по защите авторских прав с учетом особого статуса русских писателей-эмигрантов. Этот документ был представлен международному конгрессу по защите авторского права.

В промежутках между деловыми заседаниями делегаты Съезда участвовали в различных мероприятиях. Для них был устроен обед у министра просвещения Югославии Милана Грола, встречи с сербскими женскими обществами, с русской и югославской студенческой молодежью. В актовом зале университета участники Съезда организовали Толстовский вечер под председательством Е.Н.Чирикова. Сербскими литературоведами были прочитаны доклады: Милицей Богданович — «Толстой и слава», Душаном Николаевичем — «Фатализм в творчестве Толстого». От русских литераторов выступали С.В.Завадский, А.А.Кизеветтер.

27 сентября в королевском дворце состоялся прием участников Съезда и конгресса. Королю Александру был представлен президиум Съезда. Как вспоминал А.А.Яблоновский, король начал обходить делегацию с В.И.Немировича-Данченко. Обращаясь к старейшему писателю, король сказал: «Вы живая история Сербии. Ведь вы были добровольцем в сербско-турецкую войну». Куприн поздоровался с королем по-военному: «Здравия желаю, Ваше королевское Величество...» Король знает и любит Куприна. Когда король обошел всех и всех обласкал, со всеми обменялся словом и рукопожатием, нас пригласили во внутренние покои пить чай» (В. 1928. 5 окт.). В заключение состоялся большой концерт в присутствии королевской семьи.

30 сентября на Съезде был утвержден проект организации Зарубежного Союза русских писателей и журналистов, состоящего из местных Союзов (Берлинского, Парижского, Варшавского, Белградского, Пражского). Последние управляются Съездом Союза, Советом Союза, Президиумом Совета и Правлением Союза. Председатели Совета и Правления и его члены избираются Съездом. В Совет входят делегаты от местных писательских Союзов. Президиум Совета составляют его председатель и делегаты от Парижского Союза писателей. Местопребывание Президиума — Париж, Правления — Белград. Председателем Совета на Съезде был избран А.А.Яблоновский, председателем Правления — Ф.В.Тарановский. Члены Правления: А.А.Боголепов, Е.В.Жуков, С.В.Завадский, К.И.Зайцев, В.Ф.Зеелер, А.И.Ксюнин, А.В.Маклецов, *П.Б.Струве*, В.Н.Челищев, Н.М.Могилянский. Заместители: А.А.Аргунов, С.И.Варшавский, Н.М.Волковыский, В.Х.Даватц, В.В.Руднев, М.П.Чубинский, Л.М.Сухотин, К.К.Парчевский.

В этот же день прошли литературные чтения. В.И.Немирович-Данченко прочел рассказ «Счастливый лев», Б.К.Зайцев — «Богородица — Умиление сердец», «Борис и Глеб», А.И.Куприн — «Лесенка голубая», Е.Н.Чириков — «Снегурочка», «Мой чемодан», А.А.Яблоновский — рассказы, посвященные детям («Фенька», «Детская»), З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский — стихи.

1 октября состоялось закрытие Съезда. Последнее заседание открыл В.И.Немирович-Данченко, обратившийся к евангельскому тексту: «Где трое соберутся во имя Мое — там и Я с ними». Здесь пять Союзов собрались во имя России — и она была с ними. Люди самых разнообразных убеждений сошлись в братском единении и дали всей эмиграции яркий пример того, что мечта об объединении может воплотиться в действительность: мы имеем теперь, можно сказать, «вселенский» союз русской заграничной печати» (В. 1928. 5 окт.). Он заключает свою речь словами благодарности за оказанный прием королю Александру, патриарху Димитрию, югославскому правительству, общественности, народу. Съезд избирает В.И.Немировича-Данченко почетным членом Союза русских писателей и журналистов.

В заключение в актовом зале университета состоялся вечер русской литературы, где выступили В.И.Немирович-Данченко, А.И.Куприн, Е.Н.Чириков, З.Н.Гиппиус. На вечере присутствовал министр просвещения Милан Гроль. Академик А.Белич огласил королевский указ о награждении русских писателей югославскими орденами. Орденом Св. Саввы 1-й степени были на-

граждены В.И.Немирович-Данченко и Д.С.Мережковский; орденом Св. Саввы 2-й степени — А.И.Куприн, Б.К.Зайцев, Е.Н.Чириков, З.Н.Гиппиус, Е.В.Спекторский; орденом Св. Саввы 3-й степени — А.А.Яблоновский, В.В.Руднев, А.А.Боголепов, Н.М.Могилянский, С.И.Варшавский, С.М.Кельнич, А.И.Ксюнин; орденом Св. Саввы 5-й степени — Н.М.Волковыский, Е.В.Жуков.

Газета «Возрождение» назвала эти сентябрьские дни «русскими днями в Сербии». «Прием, оказанный нам королем Александром и его правительством, соучастие в работе съезда Академии наук и университета, прием и содействие со стороны патриарха Димитрия, небывалое радушие сербской печати — все это листы нерукотворного венца, возложенного корнеединым народом на главу истерзанной России, в лице ее сынов, приехавших в Белград» (Шмурло Е., Ковалевский Е.П. Сербская неделя: Письмо с дороги // В. 1928. 30 сент.).

Конкретным результатом Съезда стало создание при Сербской Академии наук специальной издательской комиссии, развернувшей активную деятельность по выпуску неизданных произведений наиболее известных русских писателей-эмигрантов. В серии «Русская библиотека» вышли сочинения И.С.Шмелева, *И.А.Бунина*, А.И.Куприна, Б.К.Зайцева, Н.А.Тэффи, Е.Н.Чирикова, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, *К.Д.Бальмонта, И.Северянина, А.М.Ремизова*.

Л.Г.Голубева

«ПЕРЕЗВОНЫ» (Рига, 1925—1929. № 1—43) — литературно-художественный иллюстрированный журнал, под ред. С.А.Белоцветова. Был задуман как иллюстрированный еженедельник для семейного чтения в традициях дореволюционного иллюстрированного журнала. Первый номер вышел 8 ноября 1925 и, не считая одного сдвоенного номера, до февраля 1926 издание оставалось еженедельным. Начиная с № 14 журнал выходит дважды в месяц, а в течение всего 1927 — ежемесячно. В 1928 и 1929 вышло только по два номера. В ряде источников даты существования журнала указаны неточно (*Булгаков, Струве*, Фостер). В журнале было несколько постоянных отделов и рубрик: отдел искусства и старины, который вел проф. Н.И.Мишеев, печатавшийся буквально в каждом номере; «Детский уголок» под руководством священника о. М.Бурнашева; литературный отдел, порученный *Б.Зайцеву*, вышедшему в январе 1927 из состава редакции. Под рубрикой «По белу свету» давалась фотоинформация (о выставке русских периодических антибольшевистских изданий и др.). Объем журнала менялся в пределах 24—36 стр., также и число цветных вклеек, обычно хорошего качества. Пагинация была сплошная, полный комплект насчитывает 1380 стр. Редакция имела представителей в Эстонии, Литве, Финляндии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Франции, Германии, Турции, Египте, Китае, в США (на восточном берегу и в Калифорнии). О становлении журнала см. письма Б.Зайцева к *И.Бунину* (НЖ. 1980. № 139).

Особое внимание придавалось художественному облику журнала. Среди постоянных сотрудников было несколько художников — М.Добужинский, С.Виноградов, Н.Богданов-Бельский и др. Цветную стилизованную обложку, символизирующую «перезвоны» русской культуры в изгнании (дерево с колоколами на ветвях, растущее из чужой почвы, а на ближнем фоне — панорама сорока сороков), нарисовал Добужинский. Более трети всех номеров были посвящены одному или двум русским художникам — Виноградову, Богданову-Бельскому, Нестерову, *Коровину*, Васнецову, Добужинскому, Левитану, Верещагину, Рериху, Кустодиеву, Сурикову, Перову, Куинджи, Репину, Серову, Билибину, *Григорьеву, Анненкову*. Несколько номеров связаны с широкой историко-культурной темой (Киев, Москва, Санкт-Петербург, Псков и Новгород, деревянное зодчество, Эрмитаж, икона, подмосковные усадьбы, казачество). Один из номеров посвящен Дню Русской Культуры (№ 32). Был объявлен специальный выпуск (№ 44) на тему о русской провинции, но на № 43 издание прекратилось.

Редакция стремилась представить журнал как орган русского художественного слова, искусства и старины. Он действительно воспринимался читателями как «русский голос». Политические разногласия авторов на страницах журнала были полностью стерты, объединение разнообразных творческих сил вокруг идеи русскости было практически достигнуто. Об этом писал в «П» философ *И.Ильин*. Г.Струве в

книге «Русская литература в изгнании» говорит о провинциальности журнала. Действительно, в подаче и тоне некоторых материалов заметна популяризаторская линия. Но что касается авторов, публиковавшихся в «Перезвонах», то ни о какой провинциальности не может быть и речи. Даже если бы речь шла только об отделе поэзии, который несколько уступал отделу прозы и в котором чувствовалась случайность отбора, то и тогда было бы трудно противопоставить «провинциальности» журнала какие-то более «столичные» образцы. В журнале печатались поэты, жившие во Франции (большинство — в Париже): *М.Цветаева, Г.Адамович, Д.Мережковский, Н.Туроверов, Г.Кузнецова, И.Кнорринг, В.Горянский, А.Ладинский, А.Черный* и др. Находим в журнале и стихи участников пражского *«Скита поэтов»* — А.Фотинского, *С.Рафальского, Х.Кротковой.* Болгарская эмиграция представлена *Л.Столицей* и А.Федоровым; Латвия — А.Формаковым, *А.Перфильевым* (Александр Ли), О.Далматовой, написавшей, в частности, стихотворение «Перезвоны», которым открывается первый номер. Публиковались стихи Л.Тульпы из Америки, И.Умова из Африки, *Д.Шаховского* — в ту пору брюссельца, *Н.Белоцветова* — берлинца. Нередко стихотворения подбирались так, чтобы они «вписывались» в тематические номера. Так, в номере, посвященном иконе (№ 43), находим стихотворение Л.Столицы «Благодатный богомаз» об Андрее Рублеве, а в «казачьем» номере (№ 31) — казачьего поэта Н.Туроверова вместе с *Бальмонтом*, написавшим специально для этого номера стихотворение «К казакам». Бальмонта (стихотворения, поэмы, переводы и прозу) печатали особенно часто и с энтузиазмом отметили юбилеи поэта.

Критика представлена лаконичными рецензиями, печатавшимися под постоянной рубрикой «Русская книга», систематически появлявшейся до № 22. Авторами рецензии были *В.Ладыженский*, Н.Белоцветов, Б.Зайцев, И.Нолькен и др., а также сотрудник редакции проф. Н.Мишеев. Книги, отмеченные критиками, — это сборник стихов О.Далматовой «Черные грозди», *«Временник Общества друзей русской книги»*, дающий описание русских книжных богатств в зарубежье; «Сборник статей, посвященный *П.Б.Струве*»; альманах «Москва»; пражский альманах *«Ковчег»*; сборник статей «Дети эмиграции». Из книг, переживших свою эпоху, оставшихся в литературе, журнал отметил сказку Цветаевой «Молодец», исторический роман *Алданова* «Чертов мост», Б.Зайцева «Преподобного Сергия Радонежского», бунинскую «Митину любовь», рецензия на которую начиналась словами: «Каждая новая книга Ив.Бунина — это праздник». Появлялись отзывы на монографии о русских художниках, а также рецензии на книги эмигрантских мыслителей и ученых (Ильина, *Степуна, Бицилли*). Давались отзывы и на журналы — на парижские *«Современные* записки», нью-йоркскую *«Зарницу»*, пражский журнал молодежи *«Своими путями»*, на философско-религиозный *«Путь»*. Помимо рецензий, было напечатано несколько статей о писателях — Б.Зайцеве, *Е.Чирикове* и др. Весь критико-библиографический отдел носил характер, говоря словами Б.Зайцева, «хорошего отношения ко всему русскому (любовь, но не кичливость)». За все время напечатано было только три статьи философского характера — одна *Бердяева* и две И.Ильина.

В «П» сотрудничало большинство оказавшихся в эмиграции видных прозаиков старшего поколения. Поскольку художественная проза в той же степени определяла лицо журнала, что и отдел искусства, и намного больше, чем поэзия или критика, то в целом «П» можно назвать «журналом старших». Младшее поколение было представлено реалистами бунинского типа да еще начинающим *Георгием Песковым* (Елена Дейша). Бунин, *Шмелев, Осоргин, Куприн*, Алданов, Зайцев, *Ремизов, Тэффи, П.Краснов*, Чириков, А.Федоров, *Лукаш, Зуров, Рощин*, Песков, *Гребенщиков, Арцыбашев, Минцлов, Амфитеатров*, Ладыженский — с этими двадцатью именами был связан облик журнала. Упомянуть следует еще прозу поэтов Бальмонта и А.Черного. Раз или два напечатались П.Кожевников, *С.Волконский, А.Даманская.* Но их проза, как и рассказы еще двух-трех других авторов, мало что прибавила к определившемуся лицу журнала, «выражение» которого можно, в частности, определить словами Бердяева «о церковном одолении гуманизма изнутри». Подобная тональность слышится в рассказе Бунина «Поруганный Спас» (№ 20), в котором «несказанно прекрасны очертания церквей над сумраком

земли». В том же роде и очерк Гребенщикова «Письма с Памперага»: «Отважился написать это первое послание во имя духовного строителя Русской Земли». Даже Тэффи опубликовала рассказ «Непрощенное дерево» не в обычном для себя юмористическом роде, а легенду-апокриф. Часто печатались в журнале произведения на тему русского культурного пантеона и русской старины: рассказ И.Лукаша «Дурной арапчонок» (о Пушкине), его же «Вертоград затаенный» с подзаголовком «Образы старой Руси» и мемуарный очерк Зайцева «Крестный» (о Чехове), посмертная публикация «Подвальных очерков» Аделаиды Герцык, поэтессы, пережившей в Крыму ужасы голода и революции и сидевшей в подвале чека. Эти полные трагизма очерки были помещены с предисловием Б.Зайцева и не под именем автора, а под инициалами А.Г.

Главным жанром в журнале был короткий рассказ и очерк (мемуарный и путевой). Нередко печатались отрывки из готовящихся к печати книг. Отрывки публиковали Алданов (из романа «Чертов мост»), Ремизов (из книг «Русские женщины», «Плетешок», «Страды мира», «Взвихренная Русь»), Амфитеатров (из романа «Вчерашние предки»), Гребенщиков (из эпопеи «Чураевы»). Описание путешествий видим в очерках «Афонские дни» Б.Зайцева, в его же «Провансе» и др. Печатались и сказки, причем не только в отделе «Детский уголок»: «Хан Алтай» Гребенщикова, «Жеребенок — золотое копытце» Арцыбашева. В рассказах обычно звучит ностальгическая нота. В произведениях, написанных в ретроспективном духе, нередко стираются жанровые границы между мемуаристикой и новеллистикой. В рассказе С.Минцлова «На Иссык-Куле» видим мотивы путешествия и воспоминаний и рядом с этим образы Святой Руси. В целом же в рассказах, печатавшихся в журнале, наметились три темы: дореволюционная Россия (переживаемая почти как «Святая Русь»), кровавые годы революции и эмигрантская повседневность.

Вадим Крейд (США)

«ПЕРЕКРЕСТОК» (1928—1937) — литературная группа, объединяющая в себе поэтов, живших в Париже (П.Бобринский, *Д.Кнут, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Терапиано*) и в Белграде (*И.Голенищев-Кутузов*, А.Дураков, *Е.Таубер*, К.Халафов). Е.Таубер позднее переехала во Францию. Группа ориентировалась на творческие позиции *В.Ходасевича*, на неоклассицизм, внимание к поэтической форме. Ходасевич и *Н.Берберова*, не принадлежа к «П», активно участвовали в деятельности группы; «перекресточники бывали у Ходасевича, который входил в их поэтические, а порой и личные дела, и участвовал не только в литературных беседах «Перекрестка», но и в некоторых эскападах» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 105). Название для группы предложил Д.Кнут.

Одной из главных форм деятельности «П» были литературные вечера с докладами и чтением стихов (часто с последующим их обсуждением). На вечерах, помимо участников группы, доклады делали крупнейшие писатели, критики русского зарубежья: *С.Маковский, В.Вейдле* (не раз выступавшие в «Перекрестке»), В.Ходасевич, *З.Гиппиус, М.Цветаева, В.Сирин*. Часто доклады, звучащие на вечерах, были посвящены общим проблемам литературы: «О простоте в поэзии» (В.Вейдле, 18 июля 1930), «Пафос и патетичность в поэзии» (И.Голенищев-Кутузов, 5 ноября 1930), «О личности и об искренности» (Ю.Терапиано, 31 октября 1931), «Гете и всемирность» (В.Вейдле, 19 марта 1932), «Поэзия и политика» (З.Гиппиус, 17 марта 1934). Порою доклады и вечера были обращены к важным проблемам эмигрантской литературы. На вечерах 14 и 20 июня 1930 С.Маковский выступал с докладом «О молодых поэтах». 21 мая 1932 состоялось собеседование о положении молодых эмигрантских писателей (по поводу статьи В.Ходасевича «Подвиг»). 22 апреля 1933 на вечере «П» выступил В.Ходасевич с докладом «Отчего мы погибаем?», легшим в основу его статьи «Литература в изгнании» (В. 1933. 27 апр., 4 мая). Ряд вечеров был посвящен памяти поэтов *А.Белого* (3 февраля 1934), А.Блока (2 февраля 1935), А.С.Пушкина (11 февраля 1937), некоторые — творчеству участников группы: Д.Кнута (9 декабря 1931), В.Смоленского (2 января 1932), Ю.Мандельштама (25 февраля 1933).

В вечерах участвовали с чтением своих произведений не только члены группы, но и литераторы, далекие от творческих позиций «П». На вечере 28 ноября 1931, посвя-

щенном прозе, кроме Н.Берберовой, читавшей отрывки из романа «Повелительница», выступали *Б.Поплавский* с главами из романа «Аполлон Безобразов» и *Ю.Фельзен* с отрывками из «Писем о Лермонтове». 17 марта 1934 в «П» с чтением стихов выступали, помимо участников группы, *Г.Адамович*, З.Гиппиус, *В.Злобин*, *Г.Иванов*, *А.Ладинский*, Б.Поплавский, *Ю.Софиев*, *Л.Червинская*.

Будучи одной из наиболее активных литературных групп русского зарубежья, «П» отстаивал свои эстетические позиции и в полемике с другими литературными объединениями, и публикацией поэтических сборников «Перекресток» (вышли в свет в 1930 два сборника). Отношение к «П» было одним из важных моментов полемики между В.Ходасевичем, видевшим в творчестве участников этой группы устремленность к продолжению классической традиции русского стиха (В. 1930. 10 июля), и Г.Адамовичем, упрекавшим «перекресточников» в ограничении своих творческих поисков областью поэтической формы (*Числа*. 1930. № 2/3).

Немалую известность среди литераторов русского Парижа 30-х получила рукописная «Перекресточная тетрадь». Идея такой тетради, «в которую бы вписывалось все, достойное внимания», принадлежала, повидимому, Г.Раевскому, а вели ее чаще других Ю.Терапиано и Ю.Мандельштам (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 105). В тетрадь вписывались всевозможные курьезы из литературной жизни русского Парижа, эпиграммы, пародии. В воспоминаниях современников сохранились записанные в «Перекресточную тетрадь» шутливое стихотворение З.Гиппиус «Стихотворный вечер в «*Зеленой Лампе*» и сочиненная участниками группы пародия на В.Ходасевича «Арион русской эмиграции». Записи в «Перекресточной тетради» порою становились предметом публикаций. Так, собранная в тетради коллекция «гениально-плохих» (Терапиано Ю.) стихотворений — «Собрание стихов ниже нуля» — послужила основой для статьи В.Ходасевича «Ниже нуля» (В. 1936. 23 янв.).

Последний вечер «П» (торжественное заседание с докладом В.Сирина о А.С.Пушкине) состоялся 11 февраля 1937. По свидетельству участника группы, «П» распался «по «человеческим», а не по идеологическим причинам» (Терапиано Ю. С. 132).

А.И.Чагин

«ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ» (Нарва, 1930. № 1—3/4. Июль—сентябрь—октябрь) — литературно-общественный журнал, выходивший под редакцией писателя В.А.Никифорова-Волгина. Ответственный редактор и издатель — Л.П.Акс. Участие в организации и издании «ПЦ» принимал литературный кружок при нарвском русском спортивно-просветительном обществе «Святогор». Журнал был органом русской литературной молодежи Эстонии. «В целях сближения русской молодежи, в целях совместной литературной работы мы, не считаясь с трудностями, создали журнал, имя которому «Полевые цветы», — отмечалось в редакционном вступлении к № 2. — Несмотря на бесчисленные попытки, мы в настоящее время не имеем в Эстонии ни одного русского печатного органа, в котором мы могли бы сказать свое слово... У нас нет своего мира. Журнал «Полевые цветы» и есть тот маленький мир, в котором мы будем чувствовать себя своими, обогретыми взаимным пониманием, связанными одной мыслью и одной болью. Русская молодежь! Журнал «Полевые цветы» — это Ваш журнал!». Редакции удалось привлечь к сотрудничеству в журнале также молодых авторов из Таллина и Тарту (из *«Юрьевского цеха поэтов»*).

В журнале были опубликованы стихи Леопольда Акса (Нарва), *Бориса Вильде* (Тарту), Лидии Виснапу (Тарту), Евгения Клевера (Нарва), Бориса Свободина (Таллин), Бориса Тагго (Тарту) и др. Проза в журнале представлена рассказами и этюдами Василия Никифорова-Волгина (Нарва), Владимира Гущика (Таллин) и Бориса Свободина. Из зарубежных авторов опубликованы одно стихотворение и этюд в прозе рано скончавшегося поэта *И.Савина*, связанного при жизни с нарвскими русскими литературными кругами, а также стихи парижанина Александра Котомкина-Савинского. Преобладали произведения традиционно-реалистического склада, хотя редакция не отказывалась и от произведений, написанных в иной стилистической манере (футуристические стихи Б.Тагго). В поэзии, представленной на страницах журнала, осо-

бенно не чувствуется «парижской ноты». А.Котомкина писала о стихах в журнале: «Повеяли они на меня ароматом бодрости, призывности и свежести... Что дорого в Вашем журнале, так это то, что нет в нем той изломанности и бесцельного нытья...» (1930. № 3/4. С. 67—68). В прозе (в особенности в рассказах и этюдах В.Никифорова-Волгина) преобладал дух христианской религиозности. В журнале печатались также обзоры культурной и общественной жизни русских в Эстонии, статьи о местном русском крестьянстве, неизданные письма писательницы В.И.Крыжановской-Рочестер (№ 2 и № 3/4), скончавшейся в нищете в Таллине в 1924.

С.Г.Исаков (Эстония)

ПОЛЬСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Одним из первых русских книгоиздательств, действовавших на территории Польши, было книгоиздательство Культурного просветительного комитета при Русском политическом комитете, специализировавшееся на выпуске, в основном, литературы политического характера: *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками (1920); он же. За свободу и Родину: Сб. статей с предисловием и краткой биографией автора (1920) и др. В книгоиздательстве вышли также произведения русских классиков: Кольцов А. Избранные стихотворения (1920), Крылов И. Избранные басни (1920), Некрасов Н. Кому на Руси жить хорошо (1920) и др. В 1921 Русский политический комитет был преобразован в Русский эвакуационный комитет, продолживший издание книг, в основном, политических: Савинков Б. Русская народная добровольческая армия в походе (1921) и др.

В 1921 были зарегистрированы еще два книгоиздательства: «Слово» (Жакмон П. Письма русского эмигранта. 1921 и др.) и Польско-Русское книгоиздательство «Россика», печатавшее книги политические (Савинков Б. Накануне новой революции: Сб. статей. 1921) и художественные (Дикгоф-Деренталь А. Рассказы. 1921; *Гомолицкий Л.Н.* Миниатюры: Стихи 1919—1921 годов. 1921).

В 1923 зарегистрировано книгоиздательство «Таверна поэтов», выпустившее книгу «Шестеро: Малый альманах поэзии и прозы». В 1924 развернуло свою работу книгоиздательство «Добро», специализировавшееся на выпуске художественной литературы: *Аверченко А.* Отдых на крапиве (1924); *Арцыбашев М.П.* Под солнцем: Книга рассказов (1924); Каспрович Я. Книга смиренных / Пер. с польск. *Бальмонта К.* (1928); *Брешко-Брешковский Н.* Жидкое золото: Нефтяной роман (1930); он же. Роман Великого князя (1931); Шене В. Княжья месть: Эмигрантская быль. Повесть в стихах (1930) и др. Это книжное предприятие практиковало совместные издания (как правило, это были книги философско-политического содержания): так, книга *Н.Бердяева* «Марксизм и религия: Религия как орудие господства и эксплуатации» имела совместный гриф с парижским издательством *«ИМКА-Пресс»* (1929); аналогично — книга *Б.П.Вышеславцева* «Христианство и социальный вопрос» (1929) и др. С 1924 по 1936 в Варшаве выходил еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал «Воскресное чтение». При журнале работало книгоиздательство, выпускавшее «Библиотеку журнала «Воскресное чтение»: Брешко-Брешковский Н.Н. Ряса и кровь: Роман (1925) и др. Книгоиздательство «За свободу» действовало на базе газеты с аналогичным названием, выпустило в 1925 книги М.Арцыбашева («Дьявол: Трагико-комический фарс в 4 д. в прозе»; «Записки писателя». Часть 1).

В 20-е в Варшаве существовала Литературная секция «Союза русских писателей и журналистов», в конце двадцатых преобразованная в «Литературное содружество». Первоначально деятельность «Литературного содружества» проявлялась в лекциях и собраниях-чтениях. В начале 30-х было организовано книгоиздательство «Литературное содружество», выпустившее: Бранд В. Сборник стихов (1932), Гомолицкий Л. Дом: Поэма (1933), Войцеховский С.Л. Стихи (1932) и др.

В 30-е в Варшаве действовало книгоиздательство «Священная лира», специализировавшееся на выпуске поэтических произведений современных авторов: Гомолицкий Л. Ода смерти: Баллада (1937), *Чегринцева Э.* Строфы (1938), а также на выпуске поэтической серии «Священная лира»; в четырех выпусках этой серии напечатаны стихи Г.Клингера «Небесный плуг» (1937), *А.Кондратьева* «Вертоград небесный» (1937), Л.Гомолицкого «Сотом вечности» (1937),

Ю.Иваска «Северный берег» (1938) и др. (*Бем А.* Письма о литературе. Прага, 1996. С. 323).

Во второй половине 30-х существовало книгоиздательство при газете *«Меч»*, выпустившее в 1936 книгу А.Бема «Судьба двух поэтов: Блок и Гумилев».

О.В.Быстрова

«ПОНЕДЕЛЬНИК» (Шанхай, 1930—1934. № 1—3/4) — «толстый» литературно-художественный журнал шанхайского «Содружества русских работников искусства». По мнению редакции журнала, на Дальнем Востоке сложилась иная направленность и в культурной жизни вообще, и в творчестве местных литераторов, чем на Западе. Здесь литераторы не только стремились к изучению культуры, быта и реалий Востока, но и больше ориентировались на Россию, как прежнюю, так и современную. «Такая «азийская» линия журнала вызвала в русской эмигрантской печати тех лет самые разные отклики: и восторженные отзывы, и критику за «пренебрежение к Западу», и даже упреки за «тяготение к Москве», — что опротестовывалось редакцией в № 2. Восточная тема в первом выпуске журнала была представлена, главным образом, очерком М.Щербакова «По древним каналам»; во втором номере она была значительно расширена (статья Е.Федорова «Хань Чжоу»), переводы с китайского Ф.Даниленко, М.Щербакова. В рассказах К.Батурина «Шаньдунь» и *А.Несмелова* («Le Sourire») немало интересных реалий китайской жизни тех лет.

В числе главных действующих лиц литературной секции «Содружества» и редакции «П» были: М.В.Щербаков, А.Д.Лаврентьев, К.В.Батурин, В.С.Валь (Присяжников). Проза в журнале была представлена В.Логиновым, *Вс.Н.Ивановым*, присылавшими свои произведения из Харбина; поэзия — А.Несмеловым, Л.Гроссе, Т.Андреевой, Н.Щеголевым, М.Спурготом, В.Янковской и др. В журнале впервые вышла поэма А.Несмелова «Через океан», позже изданная отдельной книгой в Шанхае в 1934; были напечатаны рассказы Вс.Н.Иванова из серии «Любовь и служба Касьянова».

Разделы «Художественная хроника» и «Жизнь Содружества» давали представление о культурной жизни русских жителей Шанхая, Тяньцзина и в определенной степени — Харбина. О творчестве русских художников читатель мог судить не только по отчетам о выставках, но и по репродукциям их картин, представленным на специальных вкладках. Воспроизведение работ художников, выполненных маслом, тушью, сепией, было большим достижением журнала на фоне скромных полиграфических возможностей русской прессы в Китае тех лет. Вклейки с репродукциями на плотной бумаге способствовали художественному восприятию интересных работ, представлявших Восток сквозь призму европейской школы живописи.

После выпуска двух номеров в результате внутренних разногласий, приведших к расколу среди членов «Содружества», основная группа литераторов и художников вышла из его состава и образовала другое литературно-художественное объединение — «Восток». Его название как бы подтвердило прежний курс «П»: ориентацию на изучение и популяризацию культур стран Востока, объединение творческих сил русской дальневосточной эмиграции. Новым объединением в период 1934—1935 были выпущены две книги альманаха «Врата», где продолжали печататься все ведущие авторы «П».

Хотя ни в «П», ни во «Вратах» не указана фамилия главного редактора, известно, что вдохновителем и организатором этих изданий был Михаил Васильевич Щербаков. Физик по образованию, владевший несколькими иностранными языками, военный летчик в Первую мировую войну, он проявил себя в эмиграции и как видный деятель русской культуры, к тому же обладавший литературными способностями. Принимая участие во многих изданиях как поэт, прозаик и переводчик, он стал автором трех небольших книг: повести «Черная серия» (Шанхай, 1931), сборника рассказов «Корень жизни» (Шанхай, 1931) и поэтического сборника «Отгул» (Шанхай, 1944).

После ухода М.В.Щербакова и других членов «Содружества» из «П» журнал вскоре прекратил свое существование. В № 3/4 уже был утрачен широкий диапазон содержания, характерный для двух предыдущих номеров. Журнал стал больше освещать местную шанхайскую жизнь.

Журнал был одним из первых шагов в культурной жизни дальневосточного русского зарубежья, направленных на консолидацию творческих сил эмиграции. Рецензии на сборники и книги, отчеты о литературных конкурсах и художественных выставках, некрологи, посвященные видным деятелям культуры зарубежья, представляют собой хронику жизни дальневосточной ветви русской диаспоры начала 30-х.

Е.П.Таскина

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ» (Ревель, 1920. 13 августа — 1927. 29 мая; с перерывом между 12 октября и 17 декабря 1926) — ежедневная газета, наиболее авторитетное русское периодическое издание в Эстонии 1920-х. Основателем газеты был Ростислав Степанович Ляхницкий (1878—1935), бывший прокурор белой Северо-Западной армии. В мае 1920 он налаживает в Ревеле издание «Экстренного бюллетеня местных и иностранных телеграфных сообщений», который уже через неделю стал выходить в большем формате и под новым названием «Вечерняя почта». Эта газета прекратилась 17 июня 1920 на 28-м номере. Вместо нее Р.С.Ляхницкий с 13 августа стал выпускать ежедневную газету «ПИ». Формально ответственным редактором ее числилась М.Г.Ратке, фактическим же ее руководителем — редактором-издателем — был Р.С.Ляхницкий.

Газета не была прямо связана ни с одной партией и всячески подчеркивала свою беспартийность. Она ратовала за «объединение всех русских сил» в эмиграции во имя борьбы с большевиками (см. передовую // 1920. 13 авг.). В этой борьбе редакция газеты видела свою главную цель, не допуская вначале «никаких уступок, никакого соглашения с большевиками» (1921. 12 авг.). В первые годы газета поддерживала все антибольшевистские силы, в том числе и военную интервенцию извне. Прославление Белого движения, вера в близкое падение власти большевиков, прямые призывы к вооруженной борьбе с красными характеризуют публикации газеты в первые три-четыре года ее существования. Если вначале «ПИ» были типично эмигрантским органом печати, то с весны 1926 они стремятся, в первую очередь, стать органом «коренных» русских, русского национального меньшинства в Эстонии, в котором эмигранты составляли лишь небольшую часть. На первый план выдвигается не политическая борьба с коммунизмом, а служение делу русской культуры, «сохранение и любовное сбережение наших исконных, отцами и дедами созданных веры, языка, литературы и искусства» (редакционая статья: Годовщина // 1926. 15 авг.). «ПИ» стали газетой, ориентировавшейся на интеллигентного читателя и стремящейся преподнести ему разнообразный информационный материал.

В редакции «ПИ» сложился круг авторов, определявший облик газеты. Журналист Я.В.Воинов (выступал и под псевдонимами Яровой, Владимиров, Я.Оредовский, Орский, М.Алексеев и др.) наиболее длительное время проработал в редакции газеты (с 1920 по 1926), выступал с художественными произведениями (рассказы, очерки, эссе), с фельетонами, статьями о литературе, о театре, с театральными рецензиями, писал о церковных делах, по проблемам международной жизни. Для публикаций Я.В.Воинова характерна последовательная непримиримая антибольшевистская позиция; он неизменно выступал и против левых сил в русской эмиграции, против тех, кто остался в советской России и пошел «на службу к большевикам». Наиболее правую позицию среди сотрудников «ПИ» занимал монархист А.В.Чернявский (под псевдонимом Александр Черниговский). С октября 1922 до апреля 1926 одним из ведущих сотрудников «ПИ» был критик *П.Пильский* (выступал также под псевдонимами Петроний, П.Хрущов, П.Шуйский, Г.Вельский, Гр.Б.Девиер, Е.Сергеев и др.), много лет проработавший в рижской газете *«Сегодня»*. Как и Я.В.Воинов, П.М.Пильский печатался очень много (иногда до четырех публикаций в одном номере) и в разных жанрах: публиковал статьи на литературные и другие темы, фельетоны, эссе, статьи о кино, театральные рецензии, воспоминания, путевые заметки, художественные произведения. Пильскому принадлежат очерки-портреты В.Ленина, Л.Троцкого, эстонских деятелей К.Пятса, Й.Лайдонера, местных русских деятелей А.Сорокина и И.Горшкова (в 1922). На протяжении всего периода существования газеты на ее страницах выступали приват-доцент Тартуского университета С.В. фон

Штейн (псевдоним Станицкий) и писатель Л.Ф.Недосекин (печатался только под псевдонимом Л.Лучинин). С.В.Штейн прежде всего выступал со статьями на историко-литературные темы и с воспоминаниями («Воспоминания об Ал.Ал.Блоке» // 1921. 21, 24 авг.; «Погиб поэт...»: К убийству Николая Степановича Гумилева // 1921. 16 сент.; «Поэзия мучительной совести» [Воспоминания об И.Анненском] // 1923. 10 мая и др.). Л.Лучинин специализировался на театральных рецензиях. В последние годы с театральными рецензиями и со статьями о театре выступал театральный критик Г.И.Тарасов. С мая 1924 в газете сотрудничал публицист и критик А.С.Изгоев (Ланде), проживавший в Праге (позже переехал в Эстонию, жил в Хаапсалу). С 6 марта по 4 июля 1921 раз в неделю (сначала по воскресеньям, затем по понедельникам) выходили специальные литературные номера газеты. По существу литературными были и понедельничьи номера, вновь выходившие с ноября 1922 по март 1923. В 1924 к юбилею А.С.Пушкина был выпущен в виде брошюры специальный пушкинский номер (8 июня), включавший статьи местных и зарубежных русских ученых и литераторов. На страницах газеты печатался *Игорь Северянин*. Публиковались его стихотворения, отрывки из поэм, переводы с эстонского, очерки, письма в редакцию — всего 81 публикация. Взаимоотношения редакции газеты с Северяниным были непростыми: в 1922—1923 он почти не выступал в «ПИ». На страницах газеты печаталась писательница-«оккультистка» В.И.Крыжановская-Рочестер, бежавшая в начале 1921 из советской России в Эстонию, где она скончалась в жестокой нищете в декабре 1924. Газета осветила историю смерти и похорон писательницы (Васильев А. Последние минуты В.И.Крыжановской-Рочестер // 1924. 31 дек.).

С весны 1921, когда ряд литераторов (в частности, В.Белов) ушел из «ПИ» в новую газету *«Свободное слово»*, появляется много перепечаток произведений крупных эмигрантских авторов из других зарубежных органов печати — *А.Аверченко, К.Бальмонта, И.Бунина*, А.Бухова, *З.Гиппиус, А.Куприна, И.Сургучева, А.Толстого, Тэффи, Д.Философова* и др. Делались они большей частью без разрешения авторов, что вызывало протесты с их стороны. Как следствие, в 1922 количество перепечаток значительно сокращается, а в 1923 они почти полностью исчезают. Начиная с 1923—1924 редакция договаривается с писателями русского зарубежья о публикации их произведений в газете. Если в 1923 в «ПИ» появилось всего 8 публикаций русских авторов из-за рубежа (в основном А.И.Куприна), то в 1924 их было уже 79, в 1925 — 78, в 1926 — 53. Это прежде всего Арк.Бухов из Ковно (в 1923—1927 103 публикации, всего же в газете 126 публикаций), *М.Арцыбашев* из Варшавы (43), *А.Яблоновский* (26), *Б.Лазаревский* (19). Публиковались также произведения *С.Горного, Вас.Ив.Немировича-Данченко, И.Ф.Наживина* (роман «Поцелуй королевы» // 1926. 15 авг. — 2 окт.). В последний период существования газеты (декабрь 1926 — май 1927) печатаются *А.Кондратьев* и Б.Суворин, в феврале 1927 посетивший Эстонию и установивший связи с местными органами печати. Многочисленны публикации произведений А.Кондратьева, не печатавшегося в главных органах русской эмиграции («Из литературных воспоминаний» // 1927. 6, 30 янв., 19, 20 февр., 21 апр.; «О книгах» // 23 янв.; «Десять лет тому назад» // 29, 30 марта; «Эрот в западне» // 16 апр.; «История о воскресшем Иоэзере» // 5—7 мая).

С 1926 на страницах газеты появляются многочисленные публикации юмористических рассказов и миниатюр М.Зощенко, а также перепечатки произведений других русских советских писателей (П.Романов, С.Есенин, В.Катаев, И.Бабель, Л.Леонов и др.).

Газета подчеркнуто ориентировалась на русскую классику, прежде всего реалистическую (такого рода традиционализм, как известно, вообще был характерен для эмигрантской печати), и отрицательно относилась к модернистским и авангардистским течениям в литературе, в особенности к футуризму. Редакция «ПИ» охотно печатала и образцы мемуарной литературы. С воспоминаниями выступали почти все ведущие авторы, в том числе и сам редактор-издатель Р.Ляхницкий. В газете регулярно печатались рецензии на спектакли русских, иногда и эстонских театральных трупп (Л.Лучинин, Г.Тарасов, П.Пильский, Я.Воинов, А.Чернявский и др.), на концерты и музыкальные представления (С.Горин).

В середине 1920-х газета стала испытывать финансовые трудности. «ПИ» были единственной ежедневной русской газетой в Эстонии, число подписчиков ее из-за бедности русского населения и из-за отъезда значительной части эмигрантов из Эстонии сокращалось. Определенную роль в этом играла и усилившаяся конкуренция со стороны рижской газеты «Сегодня», одного из крупнейших органов зарубежной русской прессы, имевшего широкое распространение и в Эстонии. С конца 1926 в Таллине начало выходить местное приложение к «Сегодня» — газета *«Вести дня»*. Она рассылалась подписчикам «Сегодня». Конкурировать с «Сегодня» «ПИ» было трудно. К тому же в редакции «ПИ» усилились внутренние конфликты, зрело недовольство деятельностью главного редактора газеты Р.С.Ляхницкого. Это привело к уходу из газеты весной 1926 десяти ее ведущих сотрудников, в том числе Я.Воинова, П.Пильского, Э.Мюллера, Е.Ярона-Хеннингса, Е.Григорьевой, Вл.Куламма, В.Новицкого. Р.С.Ляхницкий пытался продолжать издание газеты, хотя долги редакции типографии достигли колоссальных размеров. Последовало банкротство, имущество редакции и самого Р.С.Ляхницкого было описано, и 12 октября 1926 газета перестала выходить. Этим воспользовалась группа крайне правых деятелей — монархистов во главе с А.В.Чернявским, со скандалом покинувших редакцию. Она стала выпускать с 13 октября газету «Ревельские последние известия» (издатель и ответственный редактор Б.Николаев), декларировавшую, что ее основными принципами будут «религия, национальность, государственность» (1926. 17 окт.). Вышло лишь 6 номеров газеты. Ее сменила новая — «Наши последние известия» (1926. 20 окт. № 1 — 29 дек. № 55; ответственный редактор М.Г.Ратке). Руководителем газеты вначале был тот же А.В.Чернявский, но затем он рассорился с членами редакции, покинул газету, и его сменил Б.В.Энгельгардт (см.: Вести дня. 1926. 29 нояб.). Р.С.Ляхницкий, однако, не терял надежды возобновить выпуск «ПИ». Не имея возможности из-за долгов сам возглавить газету, он стал выпускать ее под чужим именем. С 17 декабря 1926 издание возобновилось, ответственным редактором газеты числился С.В.Штейн, издателем — О.А.Гюдженова. Возобновленные «ПИ» продолжали линию прежней газеты, но 23 мая 1927 прекратились.

С.Г.Исаков, Г.М.Пономарева (Эстония)

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ» (Париж, 1920. 27 апреля — 1940. 11 июня. № 1—7015) — ежедневная газета. Учредителем общества, издающего газету, являлся М.С.Залшупин, первым редактором был бывший киевский присяжный поверенный М.Л.Гольдштейн. В передовой статье первого номера редактор наметил программу: «Девиз газеты — служение объективной правде, участие в работе по созданию фундамента для новой России», где «не может быть места ни угнетению, ни насилию». Редакция ставила своей задачей беспартийность, информативность, ориентацию на факт. В первом номере были опубликованы статьи помощника редактора С.О.Загорского и барона Б.Э.Нольде, а кроме этого фельетоны *Дон-Аминадо* «Париж» и *Н.А.Тэффи* «Кэ фер?».

На страницах «ПН» было отмечено 10-летие со дня смерти Л.Н.Толстого — в статье «Толстой и Гете» (1921. 5 янв.) *Мих.Цетлин* заметил, что оба писателя были «великими язычниками»: Гете — сознательным поклонником классической древности, Толстой — бессознательным, более «древним». Однако, если у Гете вся его лирика, драмы и романы «это история души, жаждущей абсолютной полноты познания и переживания», то основа толстовского творчества такая же по напряженности и силе жажда, но не познания, а «абсолютной праведности, царства Божия на земле». Статьей *Дионео* «Великий Патрокл» (1921. 10 февр.) газета откликнулась на смерть П.А.Кропоткина. «ПН» отметили выход *«Современных записок»* (кн. 2): *М.Алданов* писал в своей рецензии, что этот журнал «в области культуры легко и просто осуществляет ту самую коалицию, которую, по-видимому, так трудно создать в сфере чисто политической» (1921. 3 февр.). Б.Мирский в статье «Собирание духа» (1921. 2 янв.), обнаружив в русской эмиграции «признаки зарождения политического духа, обращенного к демократической вере», признал, что на исходе 1920 русская

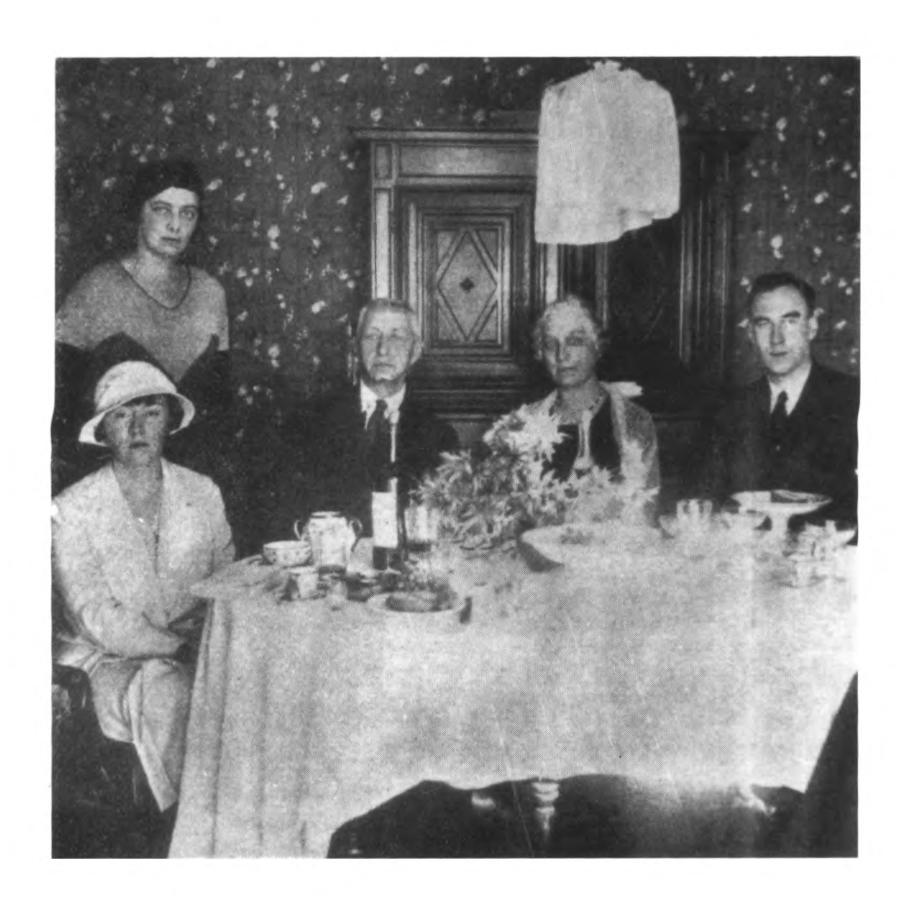
интеллигенция начинает «собираться» и в начинающемся году этот процесс должен «осуществиться, ибо вне его — бессмысленная отвратительная духовная гибель». «ПН» стали первой серьезной эмигрантской газетой, однако меньше чем через год после появления первого номера издатель вынужден был продать газету. Прощаясь с читателями, М.Л.Гольдштейн констатировал успех своего издания, но отметил, что теперь газете необходимо опереться «на определенные общественные и политические круги», ибо «читательская масса собрана» и «настал второй период: ее надо повести» (1921. 27 февр.).

«ПН» перешли в руки республиканско-демократической группы партии Народной Свободы и, став органом Республиканско-демократического объединения, с 1 марта 1921 начали выходить под ред. П.Н.Милюкова (гл. ред.), М.М.Винавера, А.И.Коновалова, В.А.Харламова. Большинство сотрудников вошли в новую редакцию, сразу заявившую на страницах газеты о ее политической направленности. «Новая тактика», явившаяся основанием всей дальнейшей политической линии «ПН», заключалась в следующем: 1) анализ причин неудачи, постигшей Белое движение; 2) демократическая политическая программа (демократическая республика, федерация, признание собственности крестьян на безвозмездно перешедшие к ним земли помещиков); 3) отказ от дальнейшей вооруженной борьбы, от иностранной интервенции и обращение к активным общественным силам внутри самой России, которые могли бы быть противопоставлены большевикам; 4) объединение демократических элементов и отмежевание от реставраторских и монархических групп и тенденций, возобладавших в конце белой борьбы. Новая редакция приступила к работе в тот момент, когда вооруженная борьба только что закончилась поражением антибольшевистских армий и их эвакуацией. Противники республиканско-демократической позиции газеты и ее «новой тактики» в обостренной газетной полемике обвиняли «ПН» в «измене национальному делу», в «оскорблении армии», в «сближении с социалистами-революционерами, ответственными за провал Февральской революции», даже в «готовности пойти на соглашение с большевиками». Резко враждебно был встречен и один из основных тезисов о том, что спасение России зависит не от эмиграции, а от самой России. Редакцией газеты, во главе с П.Н.Милюковым, велась активная полемика с противниками в собственных рядах и с представлявшим их взгляды *«Рулем»* И.В.Гессена и В.Д.Набокова, полемика слева была со стороны берлинского *«Голоса России»* (редакции В.Чернова) и, наконец, справа — со стороны органа монархической ориентации, возникшего позднее, в 1925, газеты *«Возрождение»* (ред. *П.Б.Струве*). Однако в области межпартийных отношений «ПН» проводили идею объединения демократической части эмиграции.

С конца 1923 газета стала выходить два раза в неделю — по воскресеньям и четвергам — на 6 страницах, а с 1931 появились и 8-страничные номера. Четверговый выпуск по традиции уделял особенно большое внимание новостям литературы. Сумев привлечь крупнейшие литературные и журналистские силы, «ПН», «несмотря на то, что политическая линия их проходила значительно левее политической равнодействующей эмиграции в целом, быстро стали не только самой читаемой русской газетой во Франции, но и завоевали себе подписчиков и читателей в других странах Европы и даже в Новом Свете и на Дальнем Востоке — везде, где были русские эмигранты» (*Струве*. С. 20). Став современной европейской газетой, «ПН» продолжали за рубежом традицию русской печати — не только ежедневно сообщать новости, но и давать «пищу для души», уделяя большое внимание вопросам публицистическим и просветительским. И здесь роль газеты, как всегда было в России, до некоторой степени совмещалась с ролью, обычно выполняемой журналами. Ведь для многих тысяч читателей «ПН» «волею печальной судьбы» составляли часто главную «духовную пищу», «важнейший источник связи с родной культурой и даже языком» (Словцов Р. 10 лет «ПН» // 1930. 26 апр.). В сообщениях о советской России издание являлось для читателей источником осведомления о том, что происходит на родине. Такой информацией, заимствованной из советской прессы и оригинальной, постоянно пользовалась и иностранная пресса. Не одна лишь информация «ПН», но и ее оценки находили путь к европейскому обществу. Эта «роль свободной русской печати в правильном освеще-

Г.Н.Кузнецова, И.А.Бунин, В.Н.Муромцева, Грас, 1930-е гг.

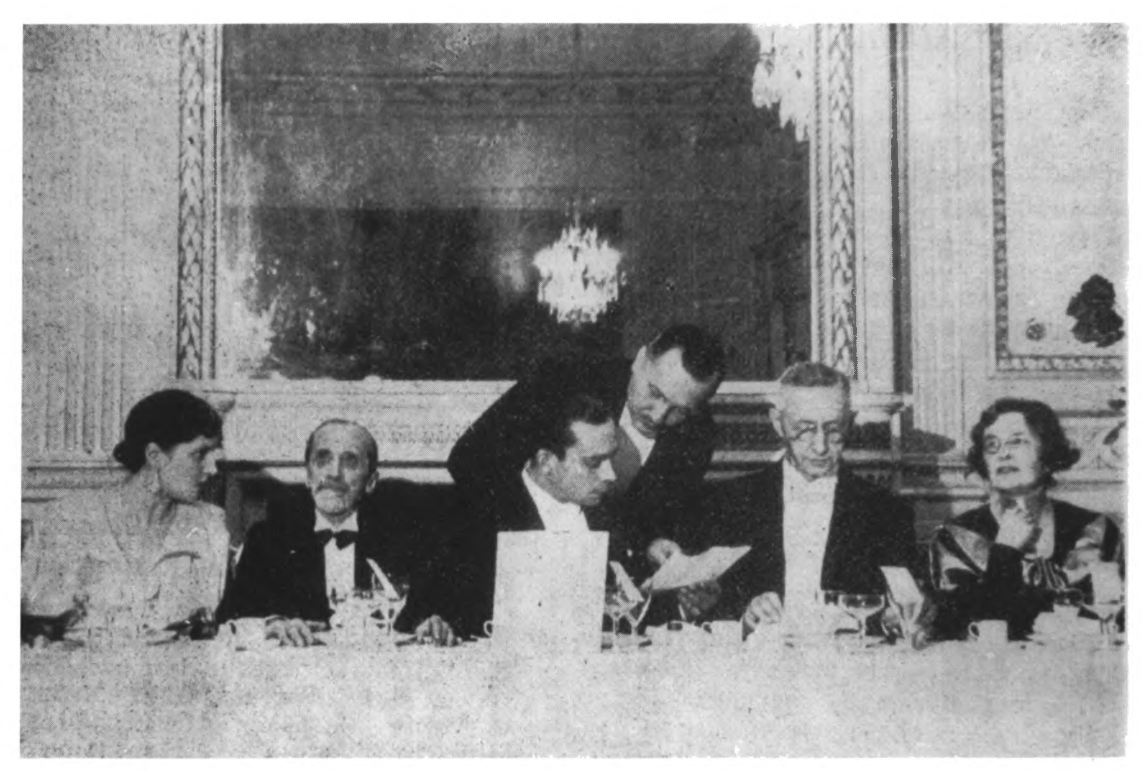

В Грасе. Слева направо: кн. А.М.Кугушева, Г.Н.Кузнецова (стоит), И.А.Бунин, В.Н.Бунина и Л.Ф.Зуров

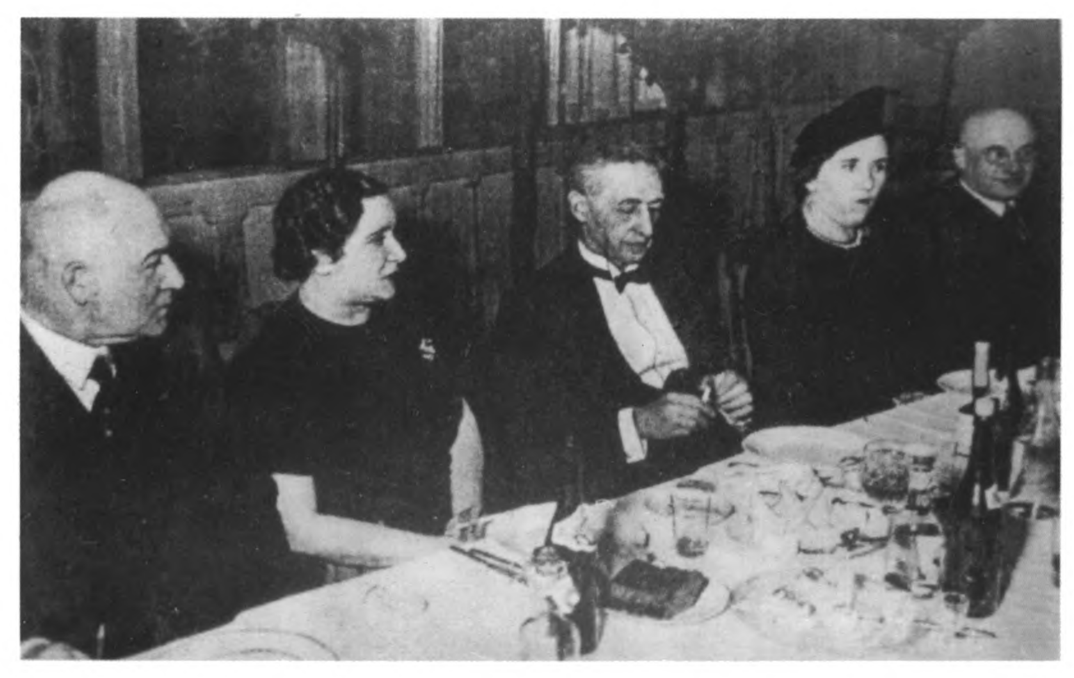

В Грасе. И.А.Бунин и В.Н.Бунина. 1933 г.

В гостях у И.А.Бунина на Ривьере.
Слева направо: М.А.Алданов, И.А.Бунин,
С.В.Рахманинов. 1933 г.

Чествование Д.С.Мережковского по случаю 70-летия. Банкет. За почетным столом. Слева: г-жа Марс, Д.С.Мережковский, г. Марс, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус. Париж, 14 декабря 1935 г.

И.А.Бунин на обеде в честь его, устроенном Театром русской драмы в Риге 29 апреля 1938 г. Слева направо: П.И.Мельников, Л.Н.Мельникова, И.А.Бунин, Е.О.Бунчук, директор Театра В.И.Снегирев

Могила И.А.Бунина
(Сент-Женевьев-де-Буа, Париж)

Могила Б.К.Зайцева
(Сент-Женевьев-де-Буа, 1993 г.)

Журнал «Иллюстрированная Россия» № 23(212), 1929 г., посвященный Дню Русской Культуры и А.С.Пушкину

№ 23 (212)

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

№ 23 (212)

Samedi, 1 Juin 1929, Paris.

Prix du numéro 2 fr. en France.

Directeur: M. MIRONOFF

Rédaction et Administration

34, rue de Moscou, Paris (8)

Tél.: Central 92-26.

34, rue de Moscou, Paris (8)

Tél.: Central 92-26.

ПУШКИНСКІЙ НОМЕРЪ

6-го Іюня — День Пушкина —

День Русской Культуры

ПУШКИНЪ

Однодневная газета «Пушкин: 1837—1937». Издание Комитета по устройству Дня Русской Культуры во Франции. Ред. проф. Н.Кульман

ПУШКИНЪ

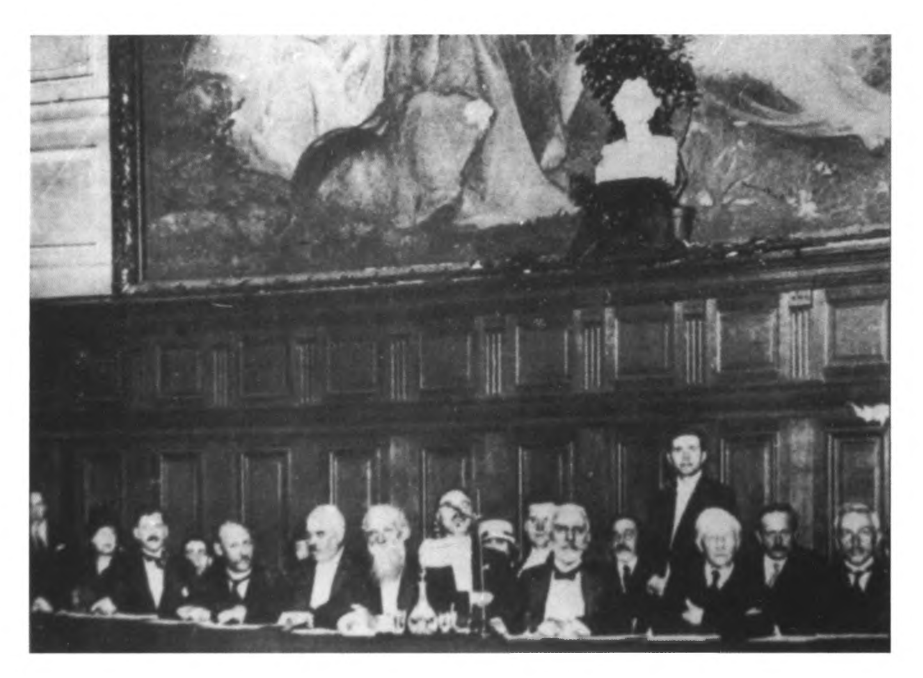
1837 1937

Содержаніе:

Однодневная газета „ПУШКИНЪ"

ПАМЯТЬ О ПУШКИНѢ ВЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

ПУШКИНЪ въ „Жизни Арсеньева"

Пушкинское торжество в Сорбонне 12 июня 1924 г. Слева-направо: М.А.Алданов, Н.В.Дмитриев, Н.В.Чайковский, проф. Поль Буае, П.Н.Милюков, В.А.Маклаков, проф. Одинец, А.М.Ремизов

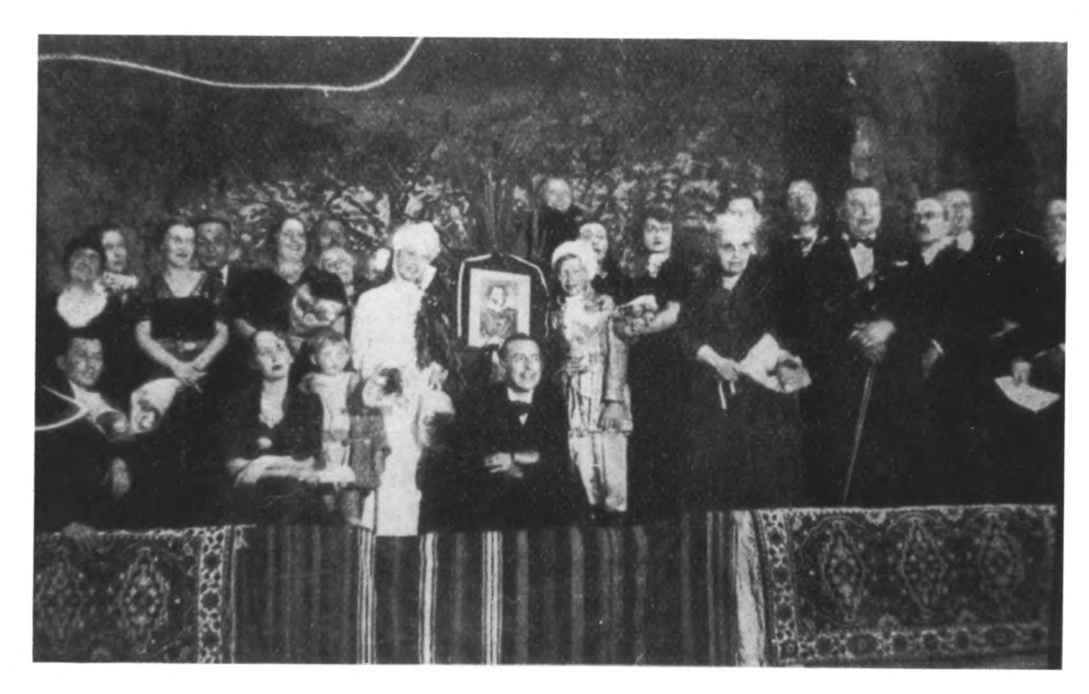
Пушкинские дни в Париже. 1937 год. Торжественное заседание Пушкинского комитета в Париже в зале на ул. Иены. На эстраде: В.А.Маклаков, Д.С.Мережковский, И.С.Шмелев, А.В.Карташов, М.М.Федоров, З.Н.Гиппиус, проф. Оман, проф. Легра, проф. Н.К.Кульман и Г.Л.Лозинский

Пушкинские дни в Югославии. Торжественный акт в Новом Саде 7 марта 1937 г. Слева направо: председ. Н.Т.С.Н.П. (Народно-Трудового Союза Нового Поколения) М.В.Томашевский, М.С.Чернцов, проф. М.П.Чубинский, председ. Русской Матицы Д.В.Скрынченко, г-жа А.В.Чернцова, М.С.Аредова, чл. правлен. Русской Матицы Р.М.Павловский, А.П.Аредов, Б.Х.Сементовский, В.В.Богданов

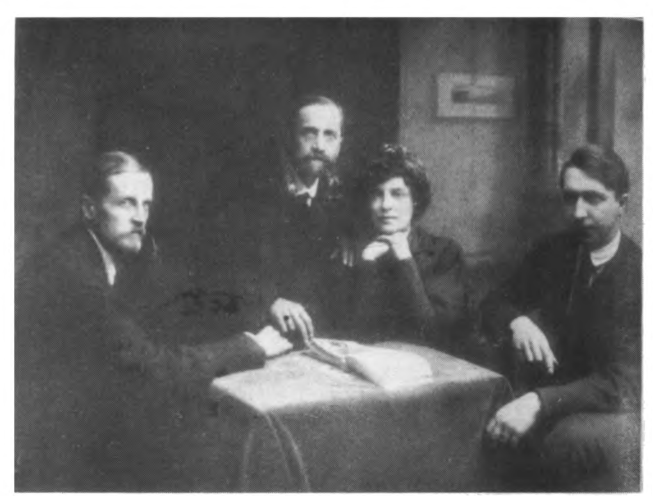
Пушкинские дни в Тунисе. Август, 1937 год. Участники праздника. Слева направо: дир. хора С.И.Русаневич, гл. реж. П.Д.Люцернов, предс. правления Союза комбатантов В.И.Лебедев, исполнитель роли Пимена А.М.Попов и др.

Пушкинский вечер в Бизерте. 7 февраля 1937 г.
Г-жи: Бирилева, Зеленая, Калинович, Купреева, Куликова, Михайлова, Мунтьян, Плотто, Степанова, Трофимова. Г-да: Афанасьев, М.Гаршин, К.Гаршин, Городниченко, Завалишин, Зинкевич, Купреев, Петров, Плотто, Сухаржевский

Пушкинские дни в Харбине. Май, 1937 год. Выставка Х.С.М.Л. (Христ. Союз Молодых Людей). Слева: Зав. библиотекой Х.С.М.Л. М.А.Винникова, зам. старшего секретаря Х.С.М.Л. А.А.Грызов, член комитета Е.А.Болдырева. Под портретом А.С.Пушкина работы худ. А.Е.Степанова — члены Библиотечного комитета Х.С.М.Л.: проф. С.В.Кузнецов (предс.), М.П.Гордеев, С.Е.Бузолин, М.Е.Куксюк, О.Я.Тельтофт, О.К.Половцев и др.

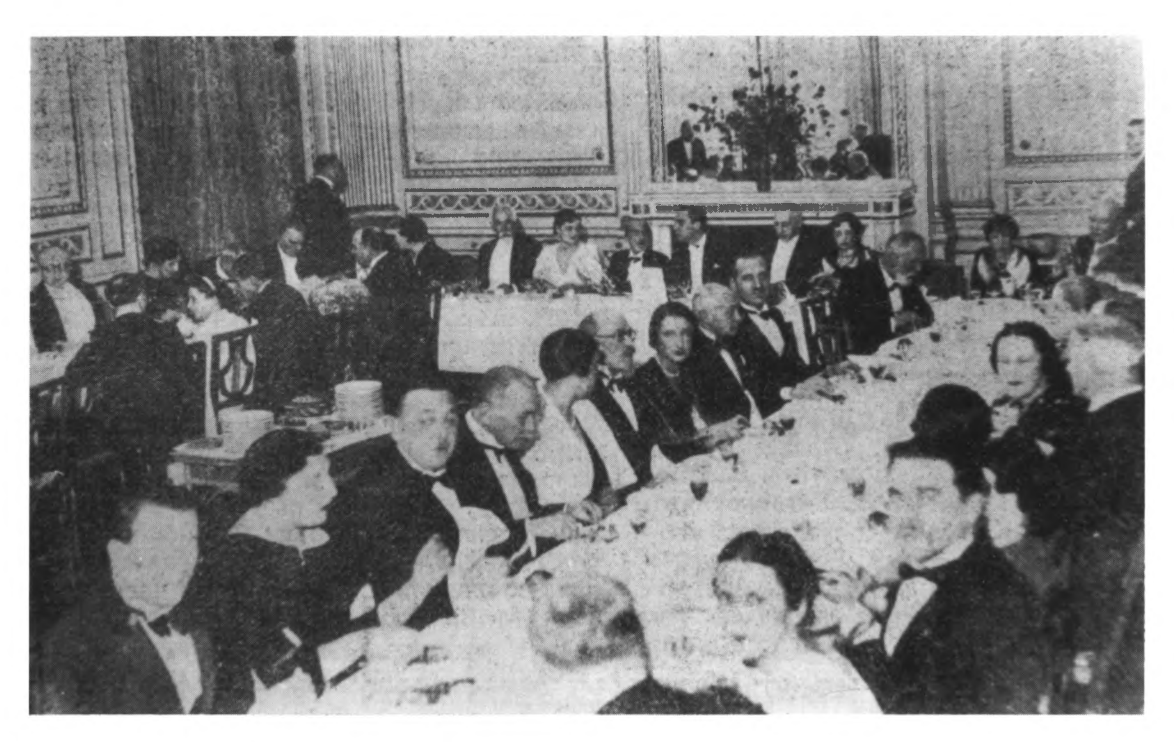
Д.В.Философов, Д.С.Мережковский,
З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин. 1921 г.

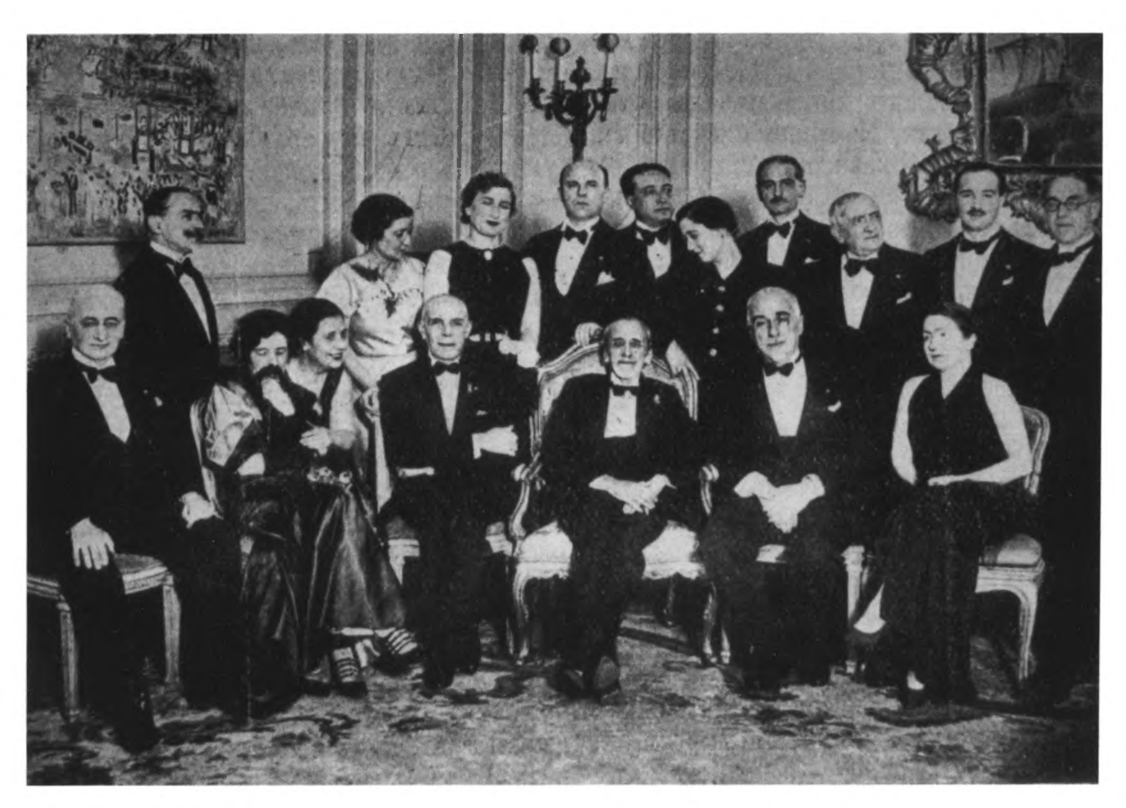
Обложка книги: Царство Антихриста.
Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус,
Д.В.Философов, В.А.Злобин. —
München: Drei Masken Verlag, 1921

И.С.Шмелев, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский и Б.К.Зайцев в составе
редакционного комитета «Иллюстрированной России» с 1 марта 1931 г.

Чествование Д.С.Мережковского по случаю его 70-летия. Банкет в Американском клубе. Париж, 14 декабря 1935 г.

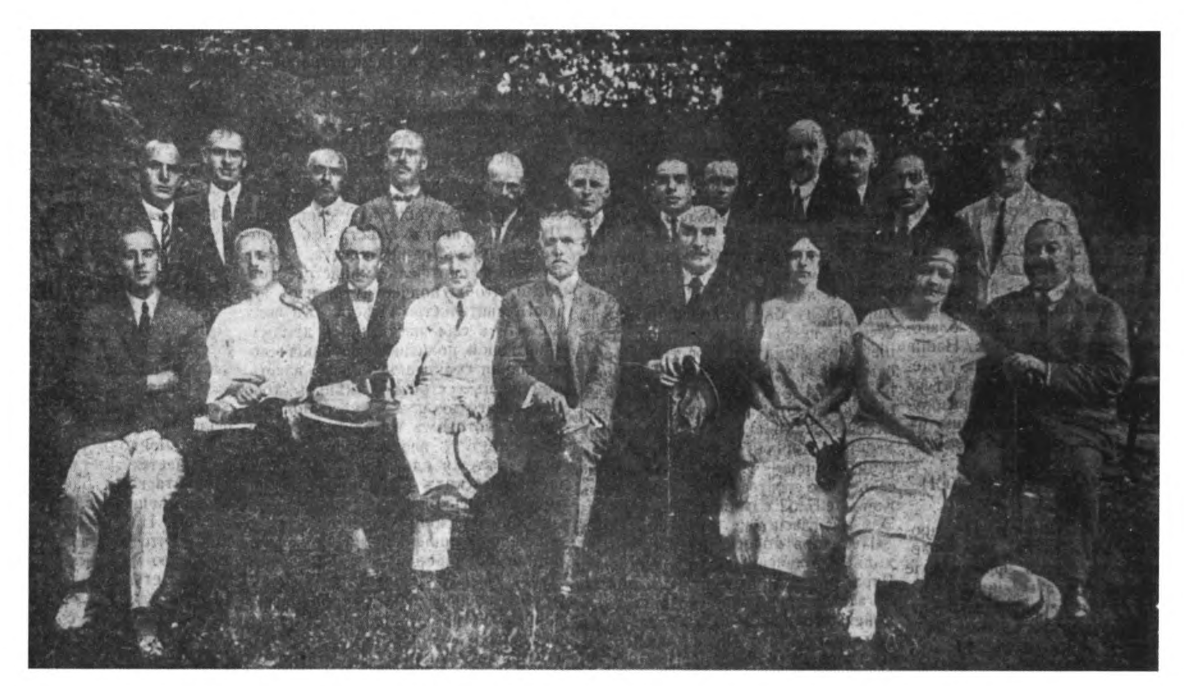
Чествование Д.С.Мережковского в Риме. 6 декабря 1937 г. в Гранд Отеле с группой итальянских писателей

А.М.Горький, А.С.Роде, А.Н.Толстой, А.М.Ремизов, А.П.Панкевич.
Берлин, 1922 г.

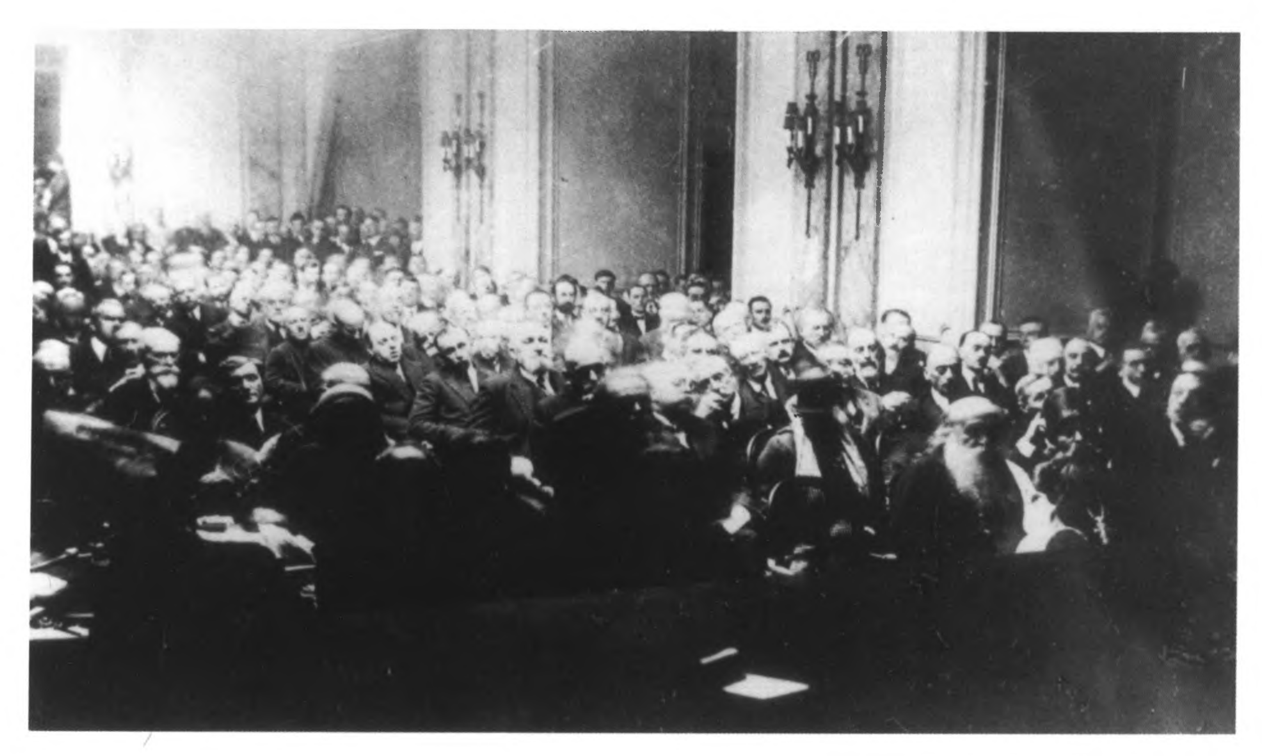
Под Прагой, 1923 г. Сидят: М.И.Цветаева, Е.А.Еленева, К.Б.Родзевич,
Лелик Тружанский. Стоят: С.Я.Эфрон, Н.А.Еленев

Группа сотрудников газеты «Новое время», 1924 г. Сидят: (слева направо) М.М.Головков, проф. В.Х.Даватц, С.И.Орем, А.М.Ренников, М.А.Суворин, Н.Н.Чебышев, А.М.Суворина, М.И.М., К.Я.Шумлевич. Стоят: (слева направо) Н.З.Рынский, А.В.Цветонович, И.И.Попов, за ним Н.П.Рклицкий (Н.Р.), Р.П.Тимофеев, Н.С.Павловский, Б.В.Юрлов, В.И.Щучкин, Н.Я.Боголюбов, Н.Н.Львов, В.К.Альбрехт, проф. А.Л.Погодин, В.К.Гордовский

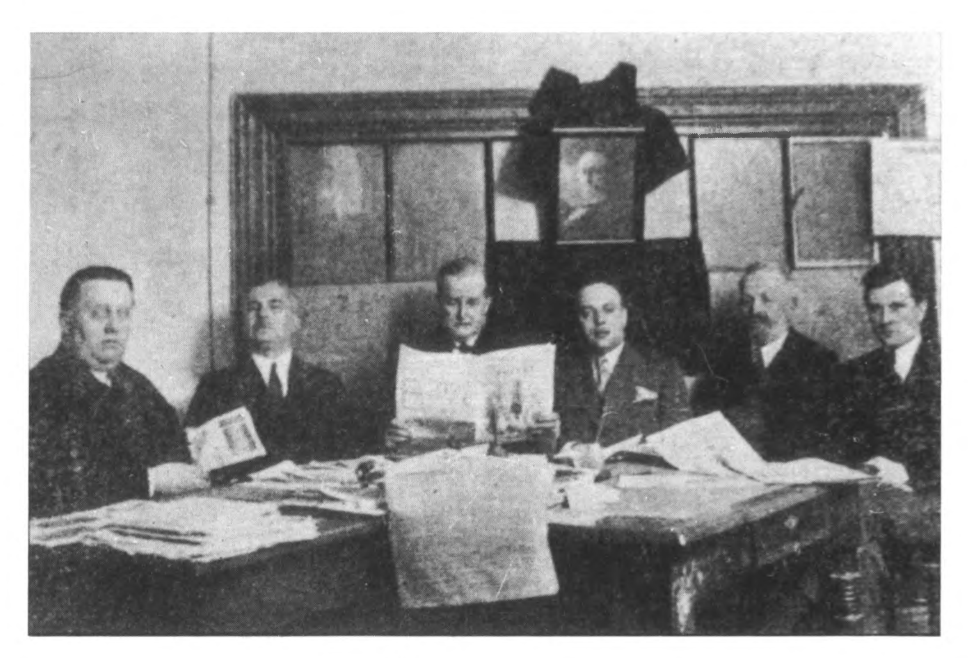
У д-ра К.Крамаржа, Прага, 1925 год. Сидят слева направо: В.И.Немирович-Данченко, К.Крамарж, Е.Н.Чириков, П.Б.Струве. Стоят: С.И.Варшавский, С.В.Завадский, Н.П.Савицкий, В.Ф.Булгаков, К.П.Зайцев

Русский зарубежный съезд. 1926 г.

Редакция «Сегодня». Фотография 1926—1927 гг. В первом ряду, слева направо: М.С.Мильруд, Б.Ю.Поляк, А.В.Круминский, во втором ряду — Я.И.Брамс, Н.И.Лайвинек, М.Е.Эльяшов, в третьем ряду — неустан. лицо, Б.С.Оречкин, Ф.Апшениек, Н.Смирнов

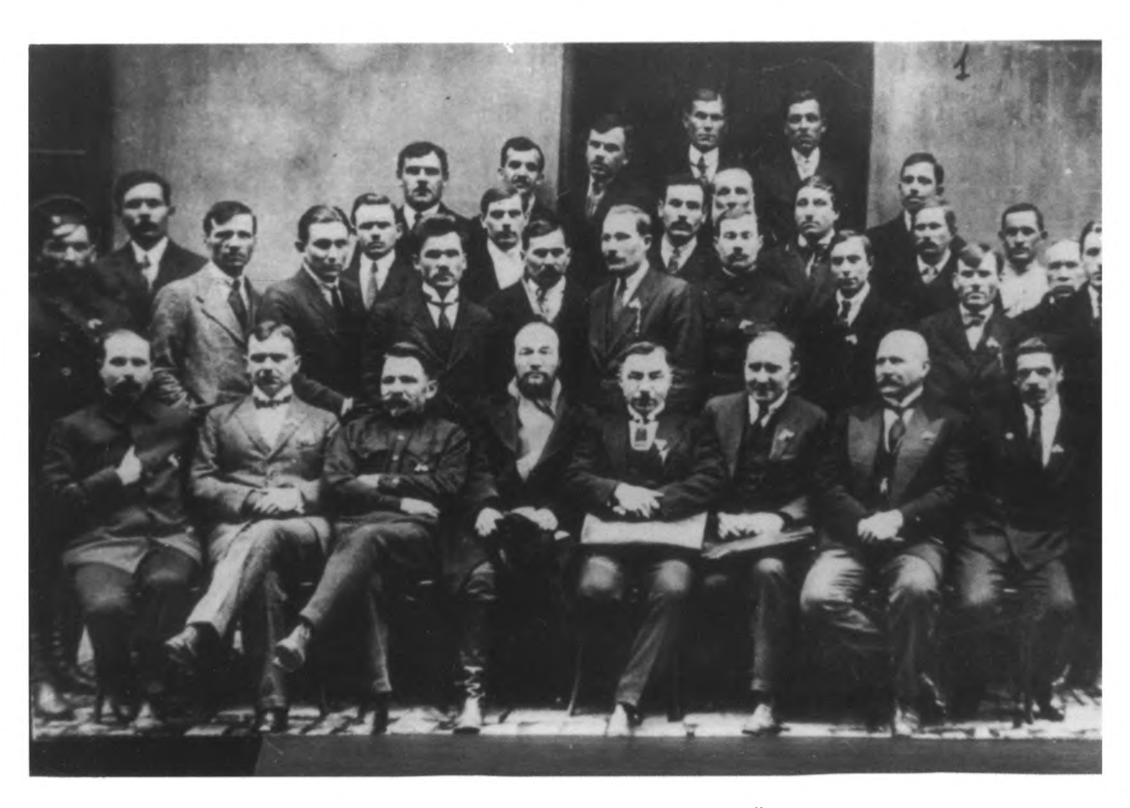
Редактор «Иллюстрированной России» М.П.Миронов в редакции газеты «За свободу». Слева направо: А.К.Свитич, Е.С.Шевченко. Редактор «За свободу» Д.В.Философов, М.П.Миронов, А.М.Хирьяков, А.И.Федоров. 1928 г.

У Святой Плащаницы в Великую Пятницу. В Русской Церкви на Rue Daru в Париже. 1928 г., апрель. Страстная неделя

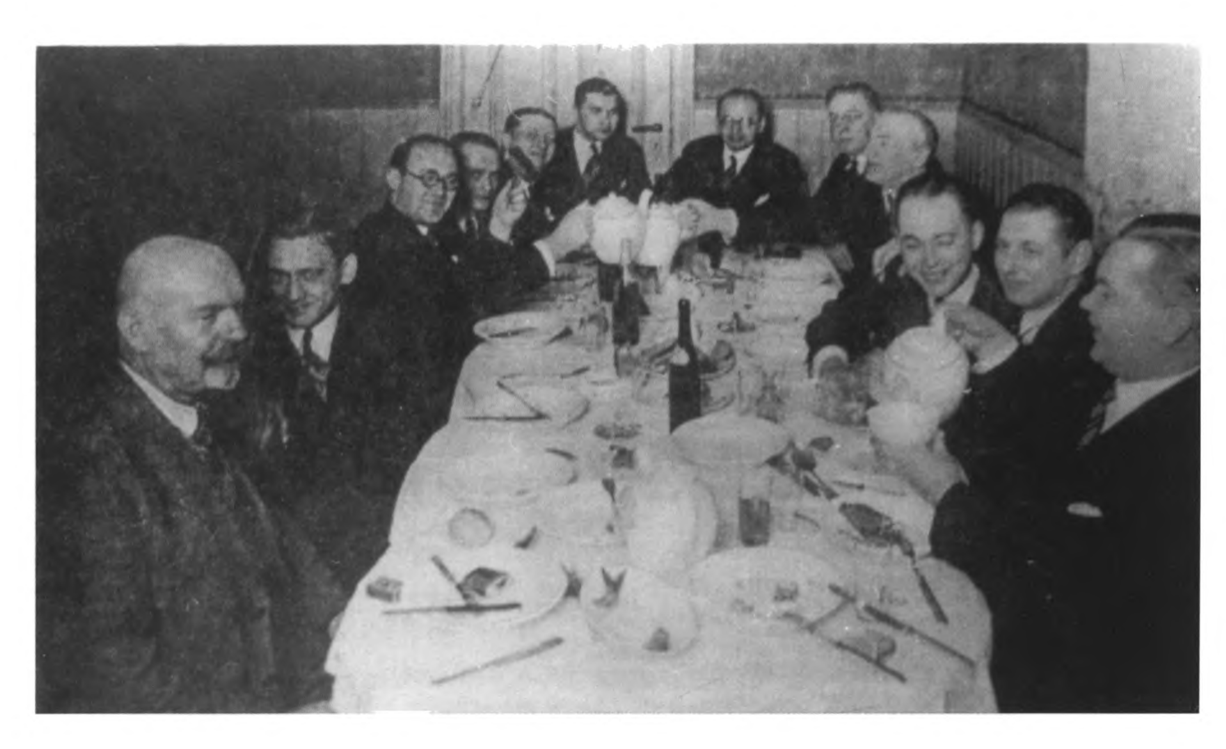
Семидесятилетие П.Н.Милюкова. Чествование юбиляра 4 марта 1929 г. Банкет в зале Океанографического института. За почетным столом: П.Н.Милюков, справа от него проф. Пиру и С.А.Смирнов, слева — болгарский посланник г. Морфов, супруга югосл. посланника г. Сполайкович и Н.Д.Авксентьев

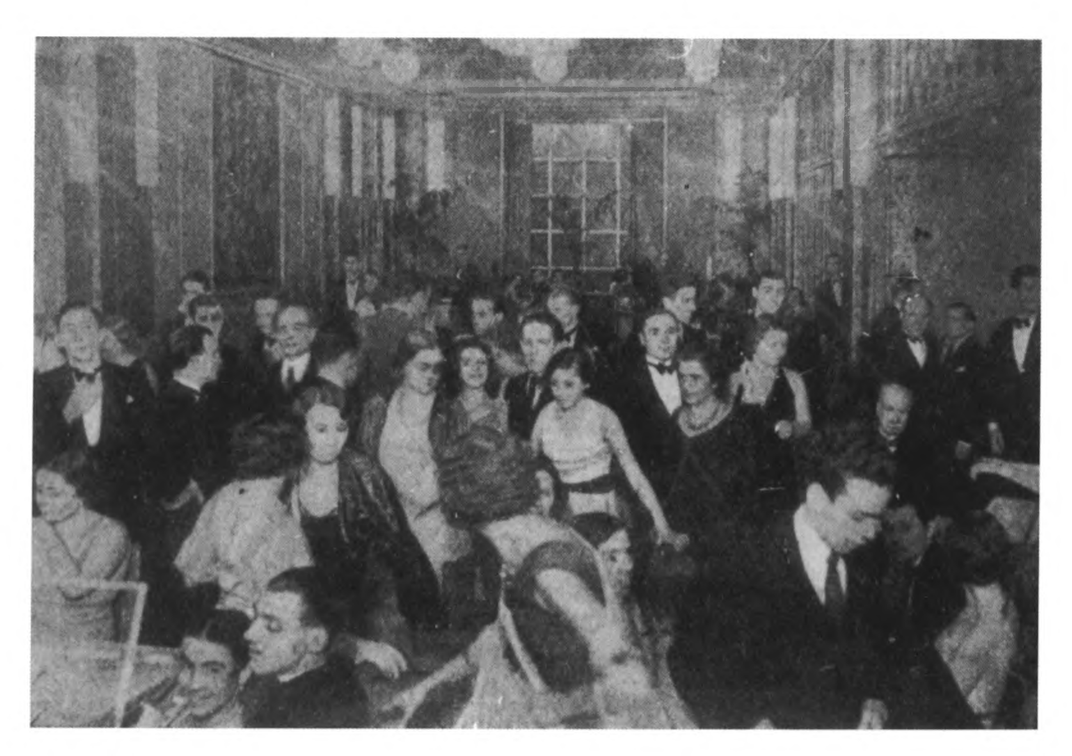
Правление Пражского союза русских писателей и журналистов

В гостях у «Иллюстрированной России». Мария Куренко, А.Т.Гречанинов и Б.К.Зайцев в кабинете редактора. 1934 г.

Редакция «Сегодня» обедает в трактире «Волга». Фотография начала 1930-х годов. Слева направо: А.Круминский, А.Перфильев, Герберт Махтус, Р.Цельмс, В.Клопотовский, А.Перов, Б.Оречкин, П.Пильский, Б.Харитон, Эдгар Махтус, Вовси, Н.Смирнов

Татьянин день. Париж, 1933 г. Бал Московского Землячества

Конкурс «Мисс Россия — 1933». За судейским столом слева направо: А.Седых, м-ль Одетт Пенетье, А.И.Хатисов, м-ль де Валефф, Н.Н.Чебышев, кн. В.В.Барятинский. Стоит «Мисс Россия — 1933» — Татьяна Маслова

А. П. ЛУКИНЪ   MAD   А. П. МАТВѢЕВЪ   Г. В. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

П. ПИЛЬСКИЙ   Н. РЫБИНСКИЙ   А. СѢДЫХЪ   Е. В. ТАРУССКИЙ

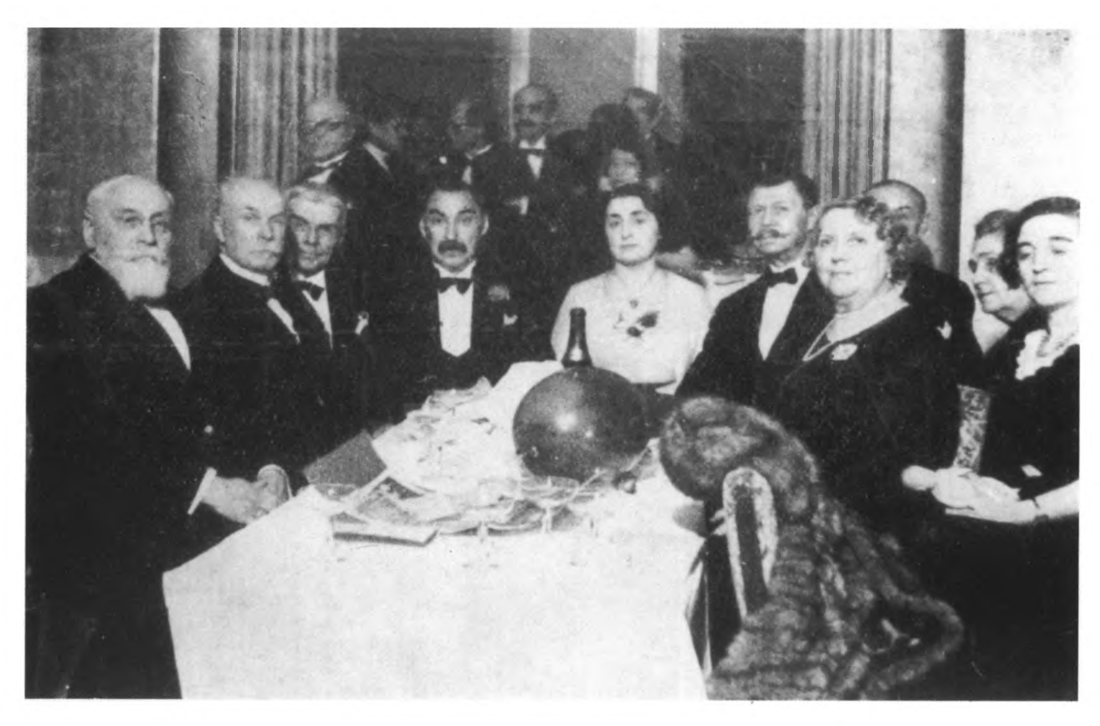
ГЛАВНАЯ КОНТОРА въ ПАРИЖѢ

Редакция и сотрудники «Иллюстрированной России»
А.П.Лукин, MAD, А.П.Матвеев, Г.В.Немирович-Данченко,
П.Пильский, Н.Рыбинский, А.Седых, Е.В.Тарусский.
Дом на 24, Rue Clement-Marot, в Париже, в котором помещалась редакция и главная контора журнала «Иллюстрированная Россия»
Главная контора «Иллюстрированной России»: слева в верхнем ряду Д.К.Овденко, Б.И.Виноградский, П.Калягин, Н.Н.Черничин. Нижний ряд: И.В.Авдиев. И.И.Скроцкий, П.С.Ширский, Р.С.Левенсон

Редакция и сотрудники «Иллюстрированной России». 1934 г.
Г.В.Адамович, В.А.Азов, Н.Н.Брешко-Брешковский, М.Л.Бродский, А.П.Буров, Б.А.Гордон, В.Л.Бурцев, Л.Ф.Волькенштейн, А.А.Гефтер, З.Н.Гиппиус, В.Гущик, В.М.Деспотули, А.А.Кашина-Евреинова

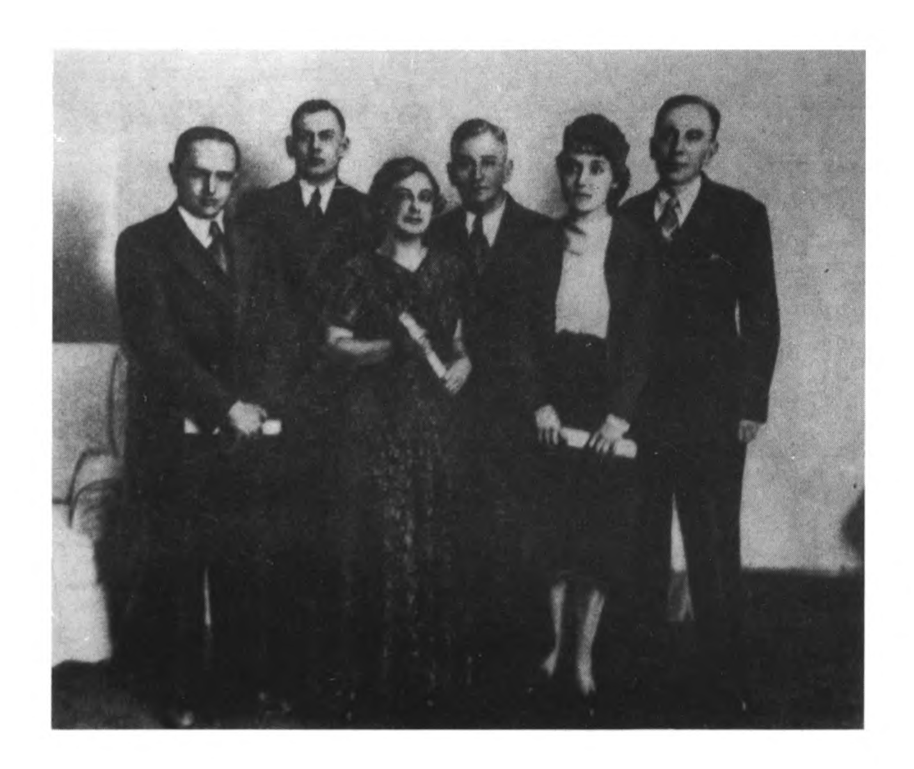

Бал Московского Землячества в Париже 9 февраля 1935 г. Старые москвичи.
Слева направо: Н.В.Тесленко, М.С.Зернов, В.Ф.Малинин, г. Блуменфельд, С.А.Зернова,
г. и г-жа Коркуновы, г-жа Гарганова

Бал писателей и поэтов 2 апреля 1938 года в Париже. Слева: поют Григорий
Хмара и художница М.И.Ставрова, рядом М.А.Струве, Довид Кнут и др.
Справа: Ю.Фельзен, Л.Ф.Зуров, В.Н.Бунина, Л.Д.Червинская,
А.Я.Браславский, В.С.Яновский, Г.В.Адамович, Н.А.Тэффи, И.В.Одоевцева,
художница Ольга Клейн и др.

Литераторы времен «Чураевки». В.Обухов, М.Шмейссер, А.Несмелов, А.Ачаир. Снимок 30–40-х гг.

И.Одоевцева в гостях у Камкиных. Вашингтон, 1968 г.

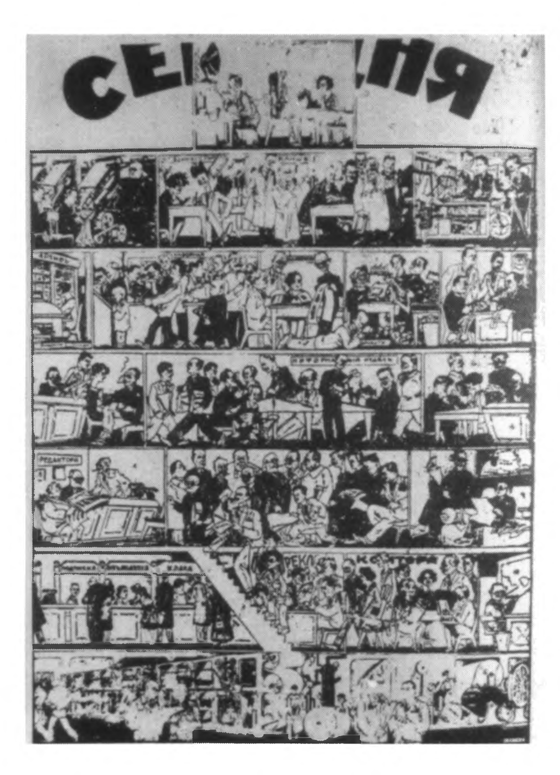
ВОЗРОЖДЕНІЕ

Vozrojdenie — La Renaissance

Главный редакторъ П. Б. Струве.

Редакторъ Ю. Ф. Семеновъ.

Юбилейный номер газеты «Возрождение»
3 июня 1927 г. Гл. ред. П.Б.Струве,
ред. Ю.Ф.Семенов

Дом «Сегодня» в вертикальном разрезе.
Рисунок Civis'а, помещенный
в юбилейном номере газеты
от 29 сентября 1929 г.

РОССІЯ и СЛАВЯНСТВО

Органъ национально-освободительной борьбы и славянской взаимности

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи Петра Струве

Суббота, 21 февраля 1931 года

№ 117

Посвящается памяти Достоевскаго

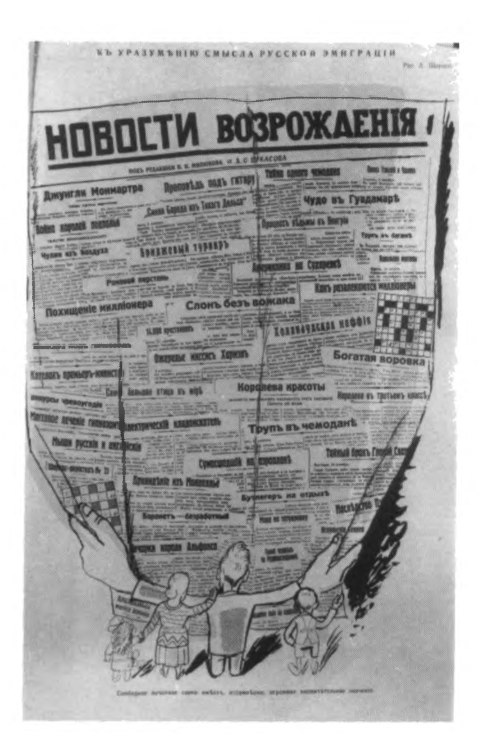
Двѣ рѣчи о Достоевскомъ

Достоевскій и Славянство

Номер № 117 (1931 г.) газ. «Россия и Славянство», посвященный
50-летию со дня смерти Ф.М.Достоевского

Журнал «Иллюстрированная Россия», 1931 г. № 30(323), в котором сообщается о новом редакторе журнала — А.И.Куприне

Карикатура: «К уразумению смысла русской эмиграции: Свободное печатное слово имеет, несомненно, огромное воспитательное значение». Худ. А.Шарый. — «Сатирикон», № 27 (1931 г.)

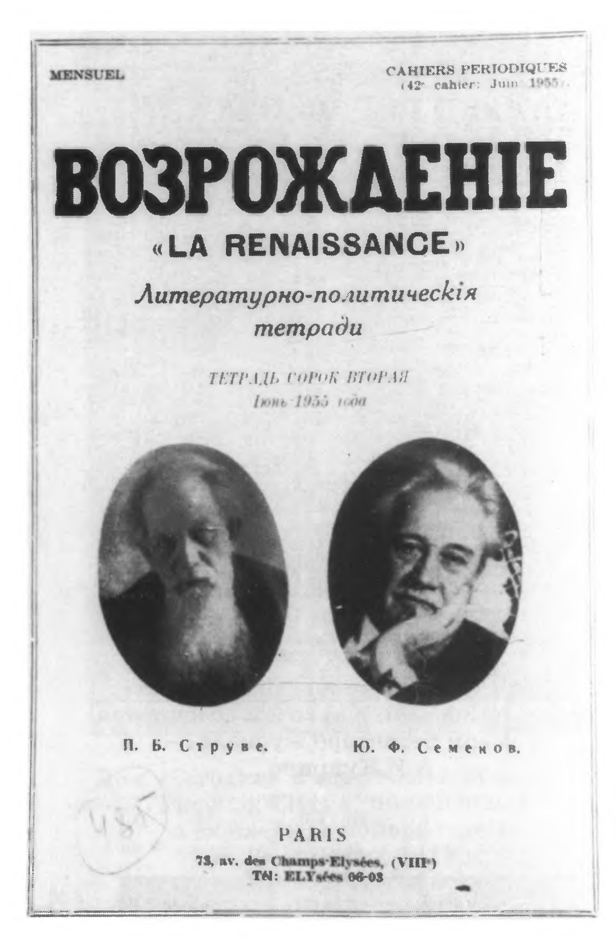
Худ. А.Шарый. «Сатирикон», 1931 г. № 5. Воспоминания прежних дней: Разлука, ты разлука, Чужая сторона, Никто нас не разлучит, Как мать — сыра земля!..»

Карикатура. Худ. А.Шарый. «Сатирикон», 1931, № 3. «Вечер в Сорренто: В полном разгаре страда деревенская»

Журнал «Иллюстрированная Россия», № 24 (527), 1935 г., посвященный Дню Русской Культуры (*обложка*)

MENSUEL

CAHIERS PERIODIQUES
(42e cahier: Juin 1955)

ВОЗРОЖДЕНIЕ

«LA RENAISSANCE»

Литературно-политическія
тетради

ТЕТРАДЬ СОРОК ВТОРАЯ
Іюнь 1955 года

П. Б. Струве. Ю. Ф. Семенов.

PARIS
73, av. des Champs-Elysées, (VIIIe)
Tél: ELYsées 06-03

Обложка журнала «Возрождение» № 42 (1955 г.)

Н.Д.Авксентьев, 1917

Н.Н.Брешко-Брешковский

Издатель газеты «Сегодня» Я.И.Брамс

В.В.Вейдле

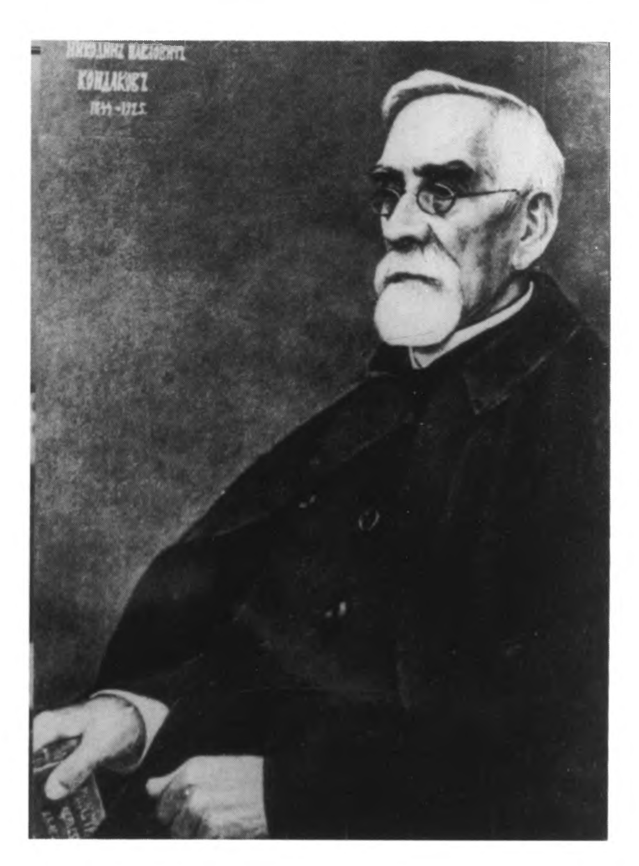
В.Ф.Булгаков

Г.Д.Гребенщиков

В.В.Клопотовский-Лери.
«Для Вас», № 15, 16 апреля 1935 г.

Н.П.Кондаков

Александр Кусиков. ***Рис. С.Залшупина***

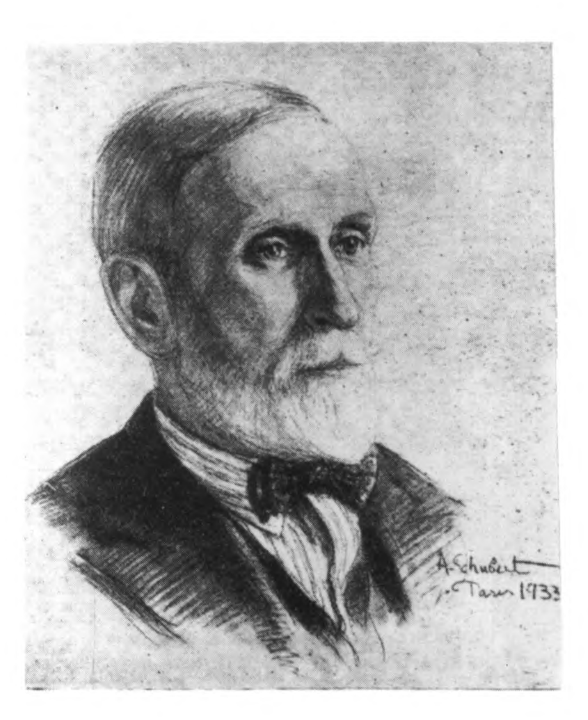
Довид Кнут

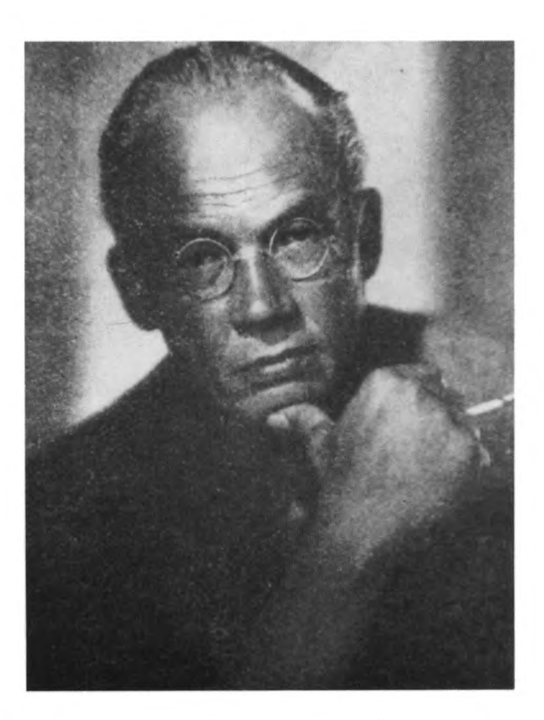
Борис Александрович Лазаревский

А.М.Ремизов. Шарж худ. Шема. «Махатма-Ганди из Пасси и автор «Взвихренной Руси» в «Сатириконе» № 2 (1931 г.)

Александр Алексеевич Плещеев. 1933 г.

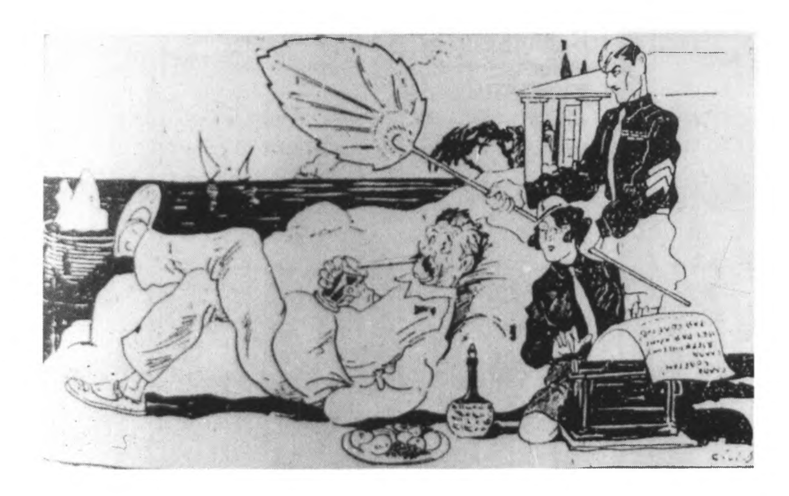
И.Л.Солоневич. 1935 г.

З.А.Шаховская в своей парижской квартире. 1949 г.

Редакция «Сегодня». Шарж Civis'a. 1927. Слева направо: Ганфман, Оречкин, Мильруд, Харинтон

Редакция «Сегодня». Шарж Civis'a из газеты «Сегодня», № 67, 10 марта 1928 г., «Беспредельная смелость» Горького»

Здания в Риге, в которых размещалась редакция «Сегодня» с 1919 по 1940 г. Рисунки Р.Шишко из юбилейного номера газеты от 29 сентября 1929 г. «Этапы Сегодня»

Коллективный портрет авторов и сотрудников редакции «Сегодня», помещенный в юбилейном номере газеты (14 октября 1934 г.). Рисунок К.С.Высотского. Изображены, в частности, Амфитеатров, Ганфман, Пильский, Светлов, Немирович-Данченко, Даманская, Георгий Иванов, Одоевцева, Тэффи, Алданов, Осоргин, Civis, Судрабкали

Карикатура в «Сатириконе».
«Садик русской эмиграции».
Худ. А.Шарый.
«Как мой садик свеж и зелен,
распустилась в нем сирень...»
А.Плещеев.

Георгий Иванов и Ирина Одоевцева. (Писатель Георгий Иванов и его жена писательница Ирина Одоевцева, проведя лето под Ригой, сегодня возвращаются в Париж). *Шарж Civis'a*

Карикатура в «Сатириконе». «К уразумению смысла русской революции «Vivat academia!: Заседание Всесоюзной Академии Наук под пред. Президента Карпинского». Худ. А.Шарый

Вл.Бурцев. ***Шарж Civis'а***

П.Пильский. Шарж Civis'а в юбилейном номере «Сегодня». 26 августа 1924 г.

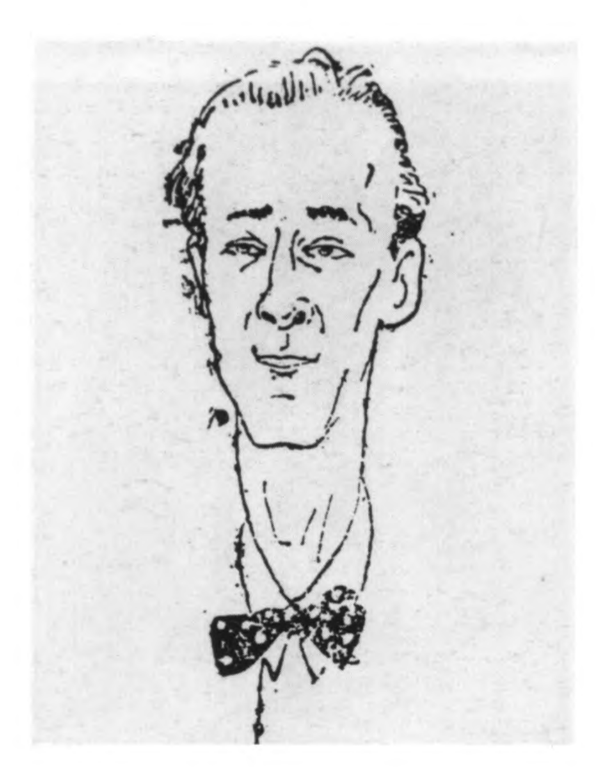
Лоло (Мунштейн)

Игорь Северянин. *Шарж Civis'а*

Дионео. Шарх Civis'a
в юбилейном номере «Сегодня».
26 августа 1924 года

В.Сирин. Шарж Civis'а в юбилейном номере
«Сегодня». 26 августа 1924 г.

Тэффи. Шарж Civis'а в юбилейном номере
«Сегодня». 26 агуста 1924 г.

нии мирового общественного мнения о том, что делается в советской России, — поистине огромна, и она одна объясняет ту острую ненависть, которую чувствуют к «эмигрантским листкам» большевики» (там же). Газета не только осведомляла читателей о России, но и была источником сведений о мировой жизни, в том числе и о жизни Франции, заменяя русским изгнанникам французскую газету. «ПН» оказывали своим читателям и чисто практическую, бытовую помощь: это и денежные благотворительные сборы, начиная с «Голодной пятницы» или заметки на четвертой странице в несколько строк «Нужна срочная помощь», и раздел «вопросов и ответов», и бесплатные консультации в помещении редакции газеты по вопросам паспортов, виз, налогов и проч.

Для тысяч эмигрантов только через газету открывалась советская литература, отражающая как художественные поиски, так и жизнь на оставленной родине; главным образом через газету знакомился зарубежный российский читатель и с теми многочисленными материалами и исследованиями о прошлом, которые выходили в России, в газетных статьях регулярно рассказывалось их содержание. «ПН» уделяли много места прошлому — не только отчетам об исторических книгах и мемуарах, но и современным очеркам и воспоминаниям, впервые появившимся за границей, они также старались держать своих читателей в курсе иностранной литературы — и художественных новинок, и ежедневно печатая продолжение зарубежного романа (главным образом, переводы с английского), и важнейших научных исследований. В газете регулярно публиковались научные обозрения — своеобразный «университет на расстоянии», своего рода страницы из самых современных учебников по физике, астрономии, химии, геологии, психологии.

Один из сотрудников газеты *А.Седых*, отметил, что «ПН» «в течение двадцати лет играли руководящую роль в жизни русской эмиграции», а Милюков «стал тем центром, вокруг которого собрались все лучшие литературные и публицистические силы зарубежья» (Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 153). В отделе публицистики регулярно появлялись статьи лондонского корреспондента Дионео, В.Е.Жаботинского, Ст.Ивановича (В.Талина), А.М.Кулишера (Юниуса), Е.Д.Кусковой, Антона Крайнего (*З.Н.Гиппиус*), Б.Мирского, В.Мякотина, Л.М.Неманова, В.А.Оболенского, *С.Л.Полякова-Литовцева*, С.Н.Прокоповича. На литературной странице по четвергам печаталась беллетристика *И.А.Бунина, Б.К.Зайцева, А.И.Куприна*, отрывки из романов и очерки М.А.Алданова, произведения *С.Р.Минцлова, Вас.И.Немировича-Данченко, М.А.Осоргина, А.А.Плещеева, А.М.Ремизова, В.Сирина* (Набокова), Н.А.Тэффи, *Семена Юшкевича*; поэзия была представлена именами *К.Бальмонта, Г.Иванова, И.Одоевцевой, П.Потемкина*, М.Цетлина, *Саши Черного*. В «ПН» печатались и молодые прозаики и поэты: *Н.Берберова, Л.Ф.Зуров, И.Кнорринг, Д.Кнут, Г.Кузнецова, А.Ладинский, Г.Песков*, М.А.Струве. Фельетонистами были Дон-Аминадо и Вл.Азов, дважды в неделю появлялись статьи Р.Словцова (Н.В.Калишевича), со статьями на научные темы регулярно выступал Ю.Делевский, разнообразную шахматную информацию давал А.Алехин. О литературе писали *Г.В.Адамович, В.Вейдле*, Г.Лозинский, М.Осоргин, *В.Ф.Ходасевич* (до его перехода в газету «Возрождение»). К литературному и литературно-критическому отделу примыкали театральный, кинематографический и живописный. Художественную критику вел А.Н.Бенуа, печатавший здесь свои знаменитые «Художественные письма». Музыкальную критику вел Б.Ф.Шлецер («Музыкальные заметки»), балетную — А.Левинсон, театральные рецензии писал бывший директор Императорских театров кн. *С.М.Волконский* (рубрика «Театральные заметки»). Читатели находили здесь отчеты о новинках парижской сцены и экрана, о выставках иностранного и особенно русского искусства в пределах и за пределами Франции.

Постоянное внимание на страницах «ПН» уделялось классическому наследию русской литературы. Это, прежде всего, юбилеи и дни памяти: статьи Г.Адамовича «Восьмая годовщина» (со дня смерти Блока) (1929. 15 авг.) и «Памяти Блока» (1930. 13 нояб.), к 10-летию со дня кончины поэта были опубликованы статьи А.Ремизова и Н.Берберовой «Памяти Блока» (1931. 6 авг.). 50-летию со дня смерти Ф.М.Достоевского, широко отмечавшемуся русской эмиграцией, посвящена статья Г.Адамовича «Памяти Достоевского» (1931.

8 февр.), к 90-летию со дня кончины М.Ю.Лермонтова им же написана статья «Лермонтов» (1931. 1 авг.); к 50-летию со дня смерти И.С.Тургенева написаны статьи К.Бальмонта «Тургенев как поэт» (1933. 15 июня), Г.Адамовича «О Тургеневе» (1933. 3 сент.) и П.Милюкова «Русский европеец» (1933. 3 сент.). Материалы чествования А.С.Пушкина русской эмиграцией (100-летие со дня смерти) были отражены в статье С.Полякова-Литовцева «В пушкинские дни» (1937. 9 февр.), а на следующий день вышел Пушкинский номер «ПН» с передовой статьей «Воскрешенный Пушкин» и статьями Г.Адамовича, М.Алданова, М.Осоргина, А.Ремизова, П.Милюкова, Р.Словцова, Я.Полонского, А.Семенченкова и др. По случаю 125-летия со дня рождения Н.В.Гоголя и в связи с кончиной *А.Белого* была написана статья Г.Адамовича «Андрей Белый и Гоголь» (1934. 14 июня); 100-летию со дня рождения Н.С.Лескова была посвящена статья *П.Ковалевского* «Н.С.Лесков» (1931. 17 янв.); 125-летнему юбилею М.Ю.Лермонтова — статья Г.Адамовича «Лермонтов» (1939. 19 дек.).

Писатели и критики многократно обращались к творчеству А.П.Чехова (Адамович Г. Чехов // 1929. 14 июля; Бунин И. О Чехове // там же; Адамович Г. О Чехове // 1934. 19 июля). Секрет обаяния писателя Г.Адамович усматривал в сердечном подходе Чехова к человеку, с которым он «оставался наедине» и «как бы пожал ему руку, ничему его не уча, ничем не терзая», но лишь объяснив, что человек, этот «неповторимый в своей скромной единственности Иванов», очень несчастен. Чехов взял «самую верную и чистую ноту» в русской литературе, такую же, как Толстой, но притом «звенящую и лирическую». Писатель «свободен от роковой печати эпохи и даже среды: у него под руками оказался как бы вечный материал, — т.е. человеческая душа, предоставленная самой себе» (1934. 19 июля). Чехов выразил «дух времени», его очарование и ничтожество, судьбу: «он уловил веяние той эпохи в ее тончайших «обертонах», читая его, «мы не только узнаем исчезнувший быт... мы в это существование проникаем изнутри. Чехов — кусок русской истории» (1929. 14 июля). «Слабее, чем Пушкин, выразив дух России, Чехов теснее его сплелся со своей эпохой. Привкус «сумеречности» есть в каждой его строке» (там же).

Самой природой, «зеркально глядящей через человеческую душу», назвал поэзию Фета К.Бальмонт, писавший о том, что Фета и Баратынского он считает своими учителями в поэзии («О поэзии Фета» // 1934. 29 июля). Бальмонт писал о «внутренней пантеистической музыкальности поэзии Фета в восприятии природы и в изображении различных состояний человеческого сердца», отметив, что «весь залитый светом, солнечный, первозданно влюбленный в небо и землю», Фет был любимым поэтом Тургенева и Л.Толстого.

Статья Г.Адамовича «Святые мечты» (1934. 30 авг.) посвящена В.А.Жуковскому, у которого «как намек, как предчувствие, — слышатся в стихах те интонации любви-страдания и готовности к жертве, которые позднее, у Тютчева, зазвучат с неотразимой, неповторимой силой». Однако критик не приемлет размышления Жуковского о смертной казни. Г.Адамович обращался к творчеству Пушкина и Лермонтова не только в юбилейные дни («Пушкин и Лермонтов» // 1931. 1 окт.; «Пушкин и Чайковский» // 1940. 6 февр.). Отталкиваясь от известной фразы «Пушкин — это наше все», Г.Адамович соглашается: «все», потому что в нем соль, вытяжка России. Иногда русский художник... совершенно забывает о нем, надолго уходит в свой замысел: однако, если замысел этот национально обоснован, т.е. не вздорен и призрачен, а чему-то реальному отвечает, художник где-нибудь, порой на самом неожиданном перекрестке, встречает Пушкина и чувствует, что нельзя его обойти» (1940. 6 февр.). Эту вездесущность Пушкина испытал на себе и Чайковский. «Некрасов и Тютчев» (1938. 31 марта), «Тютчев» (1938. 6, 13 окт.) — темы статей Г.Адамовича, «Тютчев и Соловьев» — В.Вейдле (1938. 28 июля). О Веневитинове, Шевыреве и Хомякове речь идет в статье В.Вейдле «Три поэта» (1939. 3 авг.).

Один из ведущих критиков русского зарубежья Г.Адамович в своих статьях, опубликованных на страницах газеты под общим названием «Литературные заметки», обращал пристальное внимание на весь поток русской литературы, издававшейся как в эмиграции, так и в советской России. Он откликался на творчество круп-

нейших мастеров слова старшего поколения: И.А.Бунина — роман «Жизнь Арсеньева». Ч. 2. «Лика» (1939. 4 мая), «Освобождение Толстого» (1937. 23 сент.); Б.К.Зайцева — книги «Валаам» (1936. 15 окт.), «Жизнь Тургенева» (1932. 7 янв.), воспоминания «Москва» (1939. 8 июня), тетралогия «Путешествие Глеба». Ч. 1. «Заря» (1937. 5 авг.); *Д.С.Мережковского* — книги «Жанна д'Арк» (1938. 8 дек.), «Павел. Августин» (1937. 10 июня), «Франциск Ассизский» (1938. 30 июня); *И.Шмелева* — роман «Пути небесные» (1937. 13 мая). О И.Шмелеве он писал, что в своих произведениях писатель как бы подводит «какую-то духовную «базу» под бытовые нагромождения», и в этом смысле «мир, который он восстанавливает, в точности отвечает распространенным у нас мечтаниям, порой сознательным, порой смутным и безотчетным». Однако: «Нет у нас сейчас писателя более страстного» (1937. 13 мая). Назвав Д.Мережковского писателем «одиноким», Г.Адамович утверждал, что ему «трудно найти другое слово, которое отчетливее выразило бы существеннейшие черты Мережковского и положение его в русской литературе» (1937. 10 июня). Писатель, всю жизнь занятый христианством, «демонстративно противопоставляет себя «плоской» нашей современности», неустанно обличает, увещевает, апеллирует к тому, «что должны бы, по его убеждению, расслышать и понять мы, его современники» (там же).

Критик высоко оценивал творчество М.А.Алданова: рецензировал его романы «Ключ» (1930. 2 янв.), «Пещера» (1936. 28 мая), книгу «Начало конца» (1939. 2 марта). Г.Адамович сочувственно следил за прозой Н.Берберовой: «Без заката» (1938. 11 авг.) и «Повелительница» (1932. 16 нояб.), «Бородин» (1938. 2 июня) и «Чайковский: История одинокой жизни» (1936. 14 мая) и прозой И.Одоевцевой: роман «Зеркало» (1939. 23 февр.); наблюдал за произведениями писателей и поэтов младшего поколения.

При определении путей литературы зарубежья на страницах газеты возник спор Бунина с Адамовичем, призвавшим выйти за рамки привычных традиций, и в том числе изобразительной традиции Толстого. «Пора бросить идти по следам Толстого? А по чьим следам надо идти?» — возражал Бунин в статье «На поучение молодым писателям» (1928. 20 дек.). Если Адамович ощущал сильнейшее воздействие культурных традиций Европы, то Бунин был консервативен и традиционен в своих эстетических пристрастиях.

Одним из важнейших событий литературной жизни русского зарубежья стала полемика о преемственности традиций, о сущности поэзии, прозы и критики, о судьбах литературы в эмиграции, продолжавшаяся до конца 30-х. Наиболее активно ее вели два ведущих критика зарубежья — Г.Адамович, использовавший трибуну «ПН», и В.Ходасевич на страницах газеты «Возрождение» (материалы полемики см.: Российский литературоведческий журнал. М., 1994. № 4). В своей программной статье «О литературе в эмиграции» (1931. 11, 25 июня) Адамович высказал мысль о том, что литература не может питаться только воспоминанием и воображением, — ей нужна «помощь жизни». Писатель, по мысли критика, «опирается на общество» и додумывает, «договаривает полумысли и полуслова, без него оставшиеся бы в зародыше». Литература в эмиграции свободна и должна противостоять всему тому, что происходит в России и о чем страна молчит. Однако в России, «там, в каждом приходящем оттуда слове, которое не было продиктовано трусостью или угодничеством, есть веяние общности, — т.е. совместного творчества, связи всех в одном деле и торжества над одиночеством». Без этого сознания общего дела, которому эмигрантская литература должна научиться, она обречена, полагает Адамович. Если литература эмиграции, заключает критик, «передаст будущему лучшие свои духовные ценности, подлинные, т.е. не мешающие объединению людей, — и, прежде всего, свое очищенное всеми испытаниями представление о личности, — Россия будет ей благодарна».

Включившись в полемику о взаимоотношениях литературы и политики, возникшую в литературных кругах русского зарубежья («Литература и политика» // 1931. 26 марта), Адамович утверждал, что творение духа, если оно достойно этого имени, непременно отражает основную идею эпохи. «Есть одно искусство — «чистое», независимое, в себе самом находящее оправдание и смысл», следовательно, служебного искусства быть не может, ибо искусст-

во перестает быть искусством, как только намерено чему-нибудь служить. Но искусство есть в то же время «обязательное вместилище духа, — иначе оно... мертво». А поскольку искусство «вмещает дух», — оно непременно и политика — политика свободы, делает вывод критик.

В статьях Адамовича, регулярно появлявшихся в газете «ПН», сложились приемы критического анализа, присущие его более поздней книге «Комментарии» (Вашингтон, 1967). Критик внимательно наблюдал за литературным процессом советской России: давал обзоры советской литературной периодики, писал о творчестве И.Бабеля и М.Зощенко, *А.Толстого* и Л.Леонова, А.Фадеева и Ф.Панферова, М.Шагинян и М.Шолохова, Б.Пильняка и А.Платонова, Ю.Олеши и *М.Горького*. В своих регулярных «Литературных заметках», рассматривая сборник журнала «На литературном посту» — «С кем и почему мы боремся?» (М., 1930) и повествуя о перебранке литературной критики в советской России, Адамович демонстрировал, говоря словами героя романа М.Алданова «Ключ», — «до каких геркулесовых столпов цинизма дошли наши рептилии» (1930. 3 апр.).

Г.Адамович откликнулся на поэтическое творчество К.Бальмонта (1930. 27 марта; 1935. 19 дек.), *И.Северянина* (1931. 17 сент.), *Б.Поплавского* (1931. 16 апр.), И.Кнорринг (1931. 30 апр.), Е.Шаха и *Ю.Мандельштама* (1930. 3 апр.), В.Брюсова (1933. 7 дек.), Б.Пастернака (1931. 5 нояб.), В.Хлебникова (1936. 6 февр.), А.Ахматовой (1934. 18 янв.), М.Кузмина (1936. 8 марта), О.Мандельштама (1937. 28 янв.), Э.Багрицкого (1936. 5, 12 янв.), С.Есенина (1935. 26 дек.), В.Маяковского (1930. 24 апр.) и многих др. Бальмонт, по мысли критика, блеском своих видений и новизной ощущений зачаровал современников, восстав против пуританства, воскликнул, что цель жизни в том, чтобы «видеть солнце». Все книги поэта Бальмонта «похожи, все продолжают одна другую», их общее содержание — пантеистическое: растворение божества в мире. «Но не только Бог и природа — одно. Поэт и природа — тоже одно. Бальмонт пишет о зорях и закатах, о луже и звездах, о ветре и море, как о самом себе». Поэтому Россия для него — одна из частей прекрасного мира (1930. 27 марта).

Назвав Маяковского «наименее «интимным» из всех когда-либо живших русских поэтов», исключавшим из своего творчества «все лично-человеческое», критик при этом все же причисляет его к подлинным и крупным поэтам. Сравнивая Маяковского с Есениным, Адамович утверждает, что дарование Маяковского было сильнее, но у Есенина «была в стихах прелесть», был свой, «очень грустный, очень русский напев». В статье «Поэзия здесь и там» (1934. 25 окт.) Адамович отметил в России более высокий культурный уровень поэзии, по сравнению с прозой. Если в России поэзия «реалистична и рационалистична в самом ощущении жизни», то в эмиграции она романтична, а ее кризис, полагает автор, есть наследие символизма. Размышляя о том, где красота и в чем она, он пишет: «Поэзия ищет невыразимой, неразложимой сладости», оборачивающейся магией; всякое «человеческое дело ей не только не родственно, но почти враждебно», и в лучшем случае она «возвышается над ним, как упрек». Путь в будущее и выход к творчеству, по мнению критика, лежит через методы Гумилева или советских поэтов, независимо «от их «идеологии» или ребяческих крайностей в увлечении техникой. Как и вообще — путь в жизнь. По сердцу ли он нам — вопрос особый».

Постоянно сотрудничал в «ПН» М.А.Осоргин, имевший репутацию анархиста и насмешника, блещущего метким юмором. Сам Осоргин назвал себя «беспартийным анархистом, портящим «партийный ритуал» левой прессы» («О Пелагее Брюэр и Гретхен Мещерской» // 1932. 4 сент.). На страницах газеты он опубликовал отрывки из романов о русских террористах начала века — «Свидетель истории» (1931. 17 нояб.; отд. изд.: Париж, 1932) и «Книга о концах» (1932. 29 сент.; отд. изд.: Париж, 1935). Одна из главных мыслей этих произведений заключается в том, что победившая революция всегда искажает идеи, во имя которых она происходит. Регулярно появлялись его очерки, критические статьи, рассказы, а порой фельетоны. В очерке «Мудрый» Осоргин дал портрет русского эмигранта-изгнанника, которого всегда можно узнать по его глазам: «Он идет, слегка подобрав локти, а глаза его устремлены вдаль, один в прошлое, а другой в будущее, ибо настоящее ничтожно: переход по жер-

дочке между вечностями» (1930. 30 марта). Лирические очерки Осоргина, пронизанные любовью к природе и всему живущему на земле, публиковались в «ПН» за подписью Обыватель. Из них сложилась книга «Происшествия зеленого мира» (София, 1938). Очерки писателя из цикла «Встречи» регулярно печатались в газете с 1928 по 1934. В эти же годы Осоргин, страстный библиофил, в цикле «Записки старого книгоеда» знакомил читателей «ПН» с находками и приобретениями своей библиотеки. Он рассказывал и о знаменитой *Тургеневской библиотеке* в Париже (1935. 25 нояб.), и о судьбе эмигрантской книги (1933. 27 июля), говорил о русском языке (1936. 25 нояб.), и о молодых эмигрантских писателях (1936. 19 марта), печатал цикл заметок «Листки из блокнота». В своих рецензиях он проникновенно писал о рассказе А.И.Куприна «Елань» (1929. 3 окт.), о романах писателя «Жанета: Принцесса четырех улиц» (1934. 30 авг.), «Юнкера», отмечая «художественное очарование» последнего, «подарившего старые и дорогие картины — Москву и молодость» (1933. 20 окт.). Книгу *В.М.Зензинова* «Нена: Повесть о собаке» Осоргин сравнил со «Снами Чанга» Бунина, ибо это «два прекрасных памятника лучшему другу человека» (1925. 30 июля). Критик высоко оценил «Белую гвардию» М.Булгакова, т.к. идея этого романа «лежит вне партий и программ», «в плоскости человеческой правды и совести» (Осоргин М. Дни Турбиных // 1929. 11 апр.). Откликнувшись на смерть В.Маяковского, Осоргин в статье «Владимир Маяковский» отметил, что Маяковский был «не просто футуристом, стихотворцем и литературным советским воином, но был и подлинным поэтом», который «никогда и ни в чем не выступал в роли эпигона и подражателя». Однако его «шумливость делала ему рекламу, но искажала его настоящее человеческое лицо» (1930. 17 апр.).

Отзываясь в статье «Советская литература» (1930. 24 апр.) на развернувшуюся в эмигрантской прессе полемику о литературе и политике, Осоргин высказал мысль о том, что русская литература не может не быть единой. Мало того, — написанному «там» критик был готов придавать больше значения, поскольку «литература местная, российская, более способна отражать дух страны и новые течения ее жизни». Отметив страшные симптомы в существовании советской литературы, он верит в то, что творчество в России не умерло, оно создается «в частных лабораториях» и ждет своего времени. Требование «актуальности» привело на практике к «художественной пустыне», к тому, что хороший художник слова сделался плохим корреспондентом. Поэтому Осоргин определяет как «убийственное» требование «политичности» для художественной литературы: «Всякая художественная работа совершенно и окончательно парализуется, когда судьба писателя и его творчества ставятся в прямую зависимость от одобрения или указа политических надзирателей, которых почему-то называют критиками». «Листы блокнота» Осоргина военного времени проникнуты сознанием, что литература и наука не должны служить делу ненависти — войне, ибо русская литература в своих лучших образцах «пронизана высокой человечностью». Принимая войну как неизбежность, нельзя преуменьшать ее «гибельности для человеческого духа, для творческого духа в особенности» (1940. 7 янв.). Защита «маленького человека», «маленького своей незащищенностью против насилия», много раз становилась основным сюжетом художественной литературы. И снова перед художественным словом «встает задача защиты прав человеческой единицы», жертвы массового подсчета и округления цифр (1940. 19 февр.). «Нет государства, а есть гражданин», «не ряды бесплотных теней, а имярек», — утверждает писатель-гуманист.

Все 20 лет издания газеты на ее страницах регулярно выступал М.А.Алданов. Здесь были опубликованы отрывки из романов «Бегство» (1931. 25 янв., 10 мая и 2 окт.; отд. изд.: Берлин, 1932) и «Пещера» (1932. 6 сент.; отд. изд.: Берлин, 1934, 1936), повести «Десятая симфония» (1930. 28 сент., 2 окт.; 1931. 1 и 7 янв.; отд. изд.: Париж, 1931). Алданов — мастер очерков, написанных на исторические темы. С любовью к афористическому способу выражения он дает краткие и острые характеристики знаменитых людей: Ганди (1931. 8 и 19 дек.), Аристида Бриана (1931. 21 мая), испанского короля Альфонса XIII (1931. 13, 20 сент. и 11 окт.), Гитлера (1932. 12, 13, 17 янв.); о последнем он пророчески сказал, что «не сегодня—завтра он, чего доброго, подожжет мир». В очерках, как и в рома-

нах Алданова, просматривается его взгляд на историю: писатель верит в повторяемость исторического процесса. Многие годы он печатал зарисовки под названием «Actualités», писал публицистические и критические статьи.

В течение 16 лет была литературным сотрудником «ПН» Н.Н.Берберова. В своей книге «Люди и ложи: Рус. масоны XX столетия» (Нью-Йорк, 1986; ВЛ. М., 1990. № 1) она писала: «Печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы, иногда — репортажи, а летом заменяла уехавшую в отпуск машинистку» (ВЛ. С. 142). С 1928 по 1940 на страницах газеты появлялись ее рассказы из серии «Биянкурские праздники», отрывки из книги «Бородин» (1937. 2 мая; отд. изд.: Берлин, 1938).

Долгие годы были связаны с газетой судьбы юмористов-«сатириконцев»: Саши Черного, Н.Тэффи, Дон-Аминадо, В.Азова. Нелегкий эмигрантский быт, обывательщина — объекты осмеяния В.Азова (В.А.Ашкинази), регулярно печатавшего фельетоны, обзоры советских газет, рождественские рассказы, иронические и полемические заметки на разные темы. Это и условия жизни в советской России («Бытовая коммуна» // 1931. 21 февр.), и повышенный интерес к гороскопам («Астрология» // 1931. 12 окт.), и бедственное положение молодых художников в Париже во время инфляции, некоторые из которых кончают жизнь самоубийством («В буфете «бешеной коровы» // 1931. 24 окт.), и советские картинки (1931. 3 авг., 14 окт., 14 дек.), и литература («О Бернарде Шоу» // 1931. 2 мая), и жизнь интеллигенции («Хождение интеллигенции по мукам» // 1931. 13 июля), и иронические заметки, то о спорте, которому, как любви, все возрасты покорны («Спорт» // 1931. 11 июля), то о том, читают ли на «Олимпе» советские газеты («На Олимпе» // 1931. 15 июля), то о нравах на французской Ривьере («Голь, шмоль, ноль и К°» // 1931. 22 авг.).

С 1924 по 1932 в «ПН» сотрудничал Саша Черный, публиковавший стихи, рассказы, фельетоны. В газете были напечатаны его «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928), остроумные и остросюжетные «Солдатские сказки» (Париж, 1933). К.Парчевский в статье к 25-летию литературной деятельности С.Черного (1930. 4 марта) отметил, что стихи и рассказы писателя для детей имеют совершенно исключительный успех не только среди маленьких, но и среди взрослых читателей, ибо явились чем-то новым в литературе и «по-особому свежими и жизнерадостными». Бытовые сатиры для взрослых («Любовь не картошка», «В редакции толстого журнала», «Всероссийское горе») — не мрачная пародия на быт, «тут нет предвзятой злобности и раздраженности принципиального пессимизма», автор «ко многому в жизни склонен отнестись с легкой усмешкой, и только глупость, уродство, пошлость вызывают в его сатире ноты негодования». Сатирик не столько «клеймит быт, сколько вышучивает его», т.к. «мелочи скучной и грубой жизни не стоят злобы», — утверждает критик.

С первого и до последних номеров в газете печатали свои сатирические произведения Дон-Аминадо и Н.Тэффи. Ностальгическими мотивами, а также состраданием к «маленькому человеку» пронизано все их творчество: «Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда», в эмиграции «вянет душа — душа, обращенная на восток» (Тэффи Н. Ностальгия // 1920. 15 мая); рассказы и стихи из сборников Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь» (Париж, 1927) и «Накинув плащ: Лирические сатиры» (Париж, 1928) регулярно появлялись в «ПН». Если в Дон-Аминадо «сатирик всегда был сильнее юмориста», то у Тэффи, писавшей «об очень усталых, незаметно стареющих людях», смешное неизменно переплеталось с грустным, да так, что «не всегда разберешься — плакать хочется или смеяться», — заметил А.Седых («Далекое, близкое». Нью-Йорк, 1962. С. 87). «Саша Черный подсмеивался, Дон-Аминадо издевался, Тэффи вскрывала пошлость эмигрантских будней, — а все же нельзя побороть в себе жалость к людям, о которых они пишут», потому что их персонажи «овеяны каким-то теплым и снисходительным чувством», они «близки нам, мы их любим», т.к. все три юмориста, «тайно любившие своих героев», «принадлежали к тому поколению русских писателей, которое продолжало классическую традицию русского юмора, пропитанную гуманностью и жалостью к человеку», — делает вывод критик (с. 87, 99).

Почти с первых лет эмиграции возникает потребность обратиться к мемуарному жанру, при этом не просто вспоминать о былом, но и проанализировать произошедшее, понять его истоки. «Нам нужно: не праздно «вспоминать», пережевывать прошлое, а думать о нем и по-новому, для будущего, осмысливать его», — сформулировала задачу мемуаристики русского зарубежья З.Гиппиус в очерке о петербургской молодежи предвоенного и военного времени «Мальчики и девочки» (1926. 17 сент.). Большинство мемуаров русского зарубежья предварительно прошло через периодику. В газетах печатал свои «Петербургские зимы» (отд. изд.: Париж, 1928) Г.Иванов, на страницах «ПН» он опубликовал также очерки «Поэты», «Туман», «Арзамас», — герои их, начинающие литераторы, зачастую одаренные неудачники. Портреты друзей юности — Муни и В.Гофмана представляют собой очерки В.Ходасевича.

Вопрос о том, где будет продолжаться русская культура — в России или за ее рубежами, — волновал всю эмиграцию. Он лежит в основе мемуарного цикла, появившегося на страницах «ПН» осенью 1926 З.Н.Гиппиус «Мальчики и девочки» (1926. 17 сент.), «Чего не было и что было» (1926. 15 окт.) и В.И.Талина «Предгрозовье» (1926. 24 сент.), «Племенные и бесплеменные» (1926. 1 окт.). «Мы решительно все, как и Талин, верим, что Россия жива, и надеемся на ее молодые силы, — пишет Гиппиус. — Я не могу и не буду надеяться на силы тех, из кого уже вынута душа или исковеркана, только потому, что они находятся около «аржаного поля»» (1926. 15 окт.). А далее она продолжает: «И надеюсь я, — и надеяться можно, — лишь на тех — молодых, старых, в России живущих и в Европе, одинаково, на всех тех, кто хранит память и свободную душу» (там же). Талин обвинил «крайних» в литературе, и в искусстве вообще, в том, что они духовно подготавливали «крайних» в политике и в революции. Гиппиус снимает эту вину с интеллигенции эпохи декаданса, ибо в так хорошо знаемой ею среде «идеологическая борьба с крайним марксизмом велась довольно интенсивно» (там же). (Материалы полемики см.: «Мальчики и девочки»: Зинаида Гиппиус и В.Талин в парижской газете «Последние новости» // Октябрь. 1991. № 9. С. 160—178.) На страницах газеты печатались мемуары Гиппиус «Первая встреча (К истории Петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 гг.)» (1931. 2 и 4 авг.) и «Старый Керженец» — о поездке за Волгу, к «невидимому граду Китежу» (1931. 20, 22 нояб., 1 и 4 дек.); воспоминания И.Бунина «Еще о Толстом» (1931. 9 авг.); «Освобождение Толстого» (1937. 14, 21, 28 марта и 11 апр.), «Чехов» (1928. 7 июня; 1929. 14 июля); «А.И.Куприн» (1937. 5 июня) и «О Волошине» (1932. 28 авг.) и Н.Берберовой «Три года с *Горьким*» (1936. 21, 24 и 28 июня). С 1929 по 1932 публиковались воспоминания кн. *В.Барятинского* «Догоревшие огни», отрывки «Из книги воспоминаний» Ф.И.Шаляпина (1932. 10, 13, 16, 18,21, 23 и 30 окт.), воспоминания о *К.А.Коровине* (1932. 27, 28 июля), воспоминания Н.А.Герцен «Нечаев и дети А.И.Герцена» (1931. 13 февр.).

Весь 1932 в «ПН» печатались воспоминания бывшего начальника контрразведки и генерал-квартирмейстера Б.Никитина «В дни революции». Многие годы публиковал свои многочисленные воспоминания о флоте капитан 2-го ранга А.Лукин («Из воспоминаний морского офицера», 1929; «Накануне событий», 1932 и др.).

В газете регулярно помещались материалы, рассказывающие и об иностранной литературе. Г.Адамович откликнулся на 2000-летний юбилей Вергилия (1930. 10 апр.) и 150-летие со дня рождения Байрона (1938. 6 февр.), писал о Д'Аннунцио (1938. 3 марта). «ПН» отметили и 125-летие со дня рождения Г.Х.Андерсена (С.К. // 1930. 10 апр.), и 100-летие со дня кончины Вальтера Скотта (Вейдле В. // 1932. 22 сент.), и 65-летие со дня смерти Бодлера (Вейдле В. // 1932. 2 сент.). В.В.Вейдле, писавший о западном искусстве, о зарубежной литературе, о литературных взаимосвязях, регулярно печатался в газете. Им опубликованы материалы: «В мастерской Бальзака» (1931. 26 нояб.), «Письма и стихи Китса» (1931. 31 дек.), «Гете и всемирность» (1932. 22 марта), «Стендаль» (1933. 12 дек.), «О Жюль Верне» (1935. 15 мая), о Флобере — «Демон совершенства» (1935. 18 янв.), о Верхарне и Метерлинке — «Бельгийские поэты» (1932. 15 сент.), об О.Хаксли — «Путь Ольдуса Гаксли» (1937. 26 марта), о Р.Киплинге (1936. 19 янв.), «Лессинг и Германия» (1935. 5 сент.), о последнем периоде творчества Шекспира — «Старость

Шекспира» (1933. 9 апр.), о восприятии творчества Чехова в Англии и Тургенева во Франции — «Россия на Западе» (1932. 29 окт.), «Мериме о Пушкине» (1939. 1 июня), «Россия, Европа и XIX век» (1933. 8 июня) и др.

В «ПН» о зарубежной литературе также писали М.Алданов — «Джон Голсуорси» (1933. 2 февр.), «Гете и война» (1940. 7 янв.); М.Осоргин — «Пушкин в Италии» (1937. 8 июля); Ю.Сазонова — «О Данте» (1934. 10 марта), «Ромен Роллан» (1930. 28 марта), «Комедиант по имени Мольер» (1936. 20 февр.); кн. *С.Волконский* — «Мольер» (1929. 28 июля); *К.Мочульский* и др. Отношение к творчеству современных зарубежных писателей было далеко от комплиментарности: так, Ю.Сазонова, рассматривая творчество Ромена Роллана, утверждает, что, «обладая всеми элементами первоклассного писателя, он не имеет... собственной личности» и потому трудно представить себе человека, который назвал бы его любимым писателем, ибо он — «лишь прекрасно отполированное зеркало, в которое смотрятся чужие идеи, чужие души» (1930. 28 марта).

В газете отмечались все основные литературные события русского зарубежья. По случаю присуждения И.А.Бунину Нобелевской премии в «ПН» выступили П.Милюков, М.Осоргин, Г.Адамович, В.Вейдле, З.Гиппиус, М.Алданов, А.Седых, Л.Зуров (1933. 16 нояб.); были отмечены 90-летие старейшего писателя русского зарубежья Вас.Ив.Немировича-Данченко (1935. 6 янв.), 60-летие И.С.Шмелева (статья К.Бальмонта «И.С.Шмелев» // 1933. 5 окт.), 70-летие Д.С.Мережковского (статья Г.Адамовича «Мережковский» // 1935. 5 дек.) и др. юбилеи. В статье «Владислав Ходасевич» (1930. 3 апр.) к 25-летию литературной деятельности М.Цетлин утверждал, что, став одним из лучших знатоков поэтов и писателей пушкинской плеяды, «на этом знании, как на прочном фундаменте, мог он построить впоследствии здание своей литературно-критической работы». В стихах поэта «поражает странное, но органичное сочетание «классической формы» с несомненной и сугубой их современностью», как будто «от всей горечи и ужасов жизни тщетно хочет спастись он, чертя вокруг себя магический круг классического стиха». Параллельно всегда шла работа критика, «не склонного к восторгам, не слишком мягкого к авторам, но всегда преданного интересам литературы». Цетлин рассказывает, каким «непрерывным трудом были наполнены 25 лет жизни, в которой ясно видна цельность и строгая логика, отличающая выдающегося мастера».

2 июня 1937 в газете появилась подборка материалов «Как А.И.Куприн вернулся в Москву» и заявления эмигрантских писателей по этому поводу, исполненные пониманием, сочувствием и грустью. Бунин заметил, что «перед тем, как решиться на это, Куприну пришлось многое пережить... Старого, больного человека судить нельзя». Тэффи обратила внимание на то, что уход писателя не является политическим шагом: «Не к ним он ушел, а от нас, потому что ему здесь места не было... Ушел как благородный зверь, — умирать в свою берлогу». Алданов писал: «Могу только пожелать ему счастья. Возможно, что его решение будет соблазном для других эмигрантов, находящихся в ином положении», но «не о каждом можно будет сказать то же, что о нем». «Бесконечно жаль, что Куприн, проживший большую, честную жизнь, заканчивает ее так грустно», — заключил Мережковский.

В 1929 П.Н.Милюкову исполнилось 70 лет, и его юбилей стал своеобразным смотром демократических сил эмиграции. Комитет, образовавшийся в Париже с целью организации чествования юбиляра, объединил в своем составе представителей искусства, науки, различных течений политической мысли. Кроме Парижа, комитеты возникли в главных центрах русского эмигрантского рассеяния: в Берлине, Праге, Варшаве, Лондоне, юбилейные собрания прошли в Праге, Варшаве, Риге, Софии. Юбиляру был посвящен специальный сборник — «П.Н.Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929» (Париж, 1929), со статьями М.Алданова, В.Мякотина, А.Кизеветтера, В.Португалова, *П.Бицилли*, В.Оболенского, Е.Д.Кусковой, А.Ф.Керенского, В.М.Зензинова, *В.М.Вишняка*, И.Гессена и др. Газета регулярно информировала об этом событии. В марте 1939 было отпраздновано 80-летие Милюкова, и 22 марта вышел юбилейный номер «ПН».

Сама газета также отмечала свои юбилеи: в 1925 было отпраздновано пятилетие существования (27 апр.) и отмечены достигнутые успехи — «перемена окружающей атмосферы», которая стала менее

враждебной, чем была вначале, когда газета провозгласила свой «основной тезис, что спасение России зависит не от эмиграции, а от самой России»; 27 апреля 1930 вышел юбилейный номер — 1920—1930, где были помещены портреты сотрудников и статьи Милюкова, Р.Словцова, В.Могилевского, А.Кулишера, высказавшего стремление газеты идти навстречу «той, третьей силе, которая не может пока высказаться в России не только в силу системы зажимания рта, но и по отсутствию навыка к сознательной формулировке своих требований», стараться говорить за эту «пока безгласную силу». 27 апреля 1940 в редакционной статье утверждалось, что хотя сейчас не время для юбилеев, все же нельзя обойти молчанием 20-летнюю дату русского демократического эмигрантского органа. «В этой борьбе, как и в течение всех минувших 20 лет в нашей русской борьбе, перед нами лежит прежний, никогда не менявшийся путь: в меру своих сил и возможностей бороться за конечное торжество демократических начал в народной и международной мировой жизни. С той же непоколебимой верой, что и 20 лет назад, в полное торжество этой нашей правды мы и вступаем в третье десятилетие нашей публицистической работы». Однако дни газеты были уже сочтены, ее последний номер вышел с сообщением: «Подобно прочим парижским газетам, «Последние новости» вынуждены прервать свой выход. В ближайшее время издание газеты возобновится в одном из провинциальных городов Франции» (1940. 11 июня). Этот номер «ПН» заканчивался извещением: «В пятницу 14 июня в 4 часа в годовщину смерти В.Ф.Ходасевича будет отслужена панихида на Биянкурском кладбище, ав. Исси ле Мулино, Булонь — Биянкур». Но 14 июня немецкие войска вошли в Париж. С исчезновением газеты, как отмечал позднее А.Седых, в русском Париже образовалась громадная пустота, которая уже никогда не была заполнена.

Т.Г.Петрова

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ» [Ладомирово (Владимирово), Чехословакия; 1928. 1 июня. № 1. — 1934. 15 декабря № 135 выходила двухнедельная газета «Православная Карпатская Русь»; 1935. 1 янв. № 1 — 1944. Сент. № 214 под названием «Православная Русь». Издание продолжающееся] — газета, основана игуменом монастыря преп. Иова Почаевского на Карпатах архимандритом Виталием (Максименко, ум. 1960). Отв. редактор Вс.Коломацкий. С отъездом архимандрита Виталия в США администратором газеты «Православная Карпатская Русь» с 1934 становится игумен Серафим (Леонид Иванов, 1897—1987), воспитанник Московского университета, воин Добровольческой армии, афонский постриженник. Возглавляя духовную миссию на Карпатах, он оснастил типографию новыми машинами и новыми шрифтами. И газета сделалась руководящим печатным органом русского церковного зарубежья. Стиль публикаций оставался подчеркнуто старомодным, но иногда авторам удавалось излагать церковные истины простыми словами. Из светских писателей с газетой сотрудничали *Борис Зайцев, Георгий Гребенщиков* и *Петр Краснов*.

В 1935 редактор «ПР» архимандрит Серафим вместе с братией монастыря основал сопутствующее периодическое издание — двухмесячный журнал «Детство и юность во Христе» (вышло 6 номеров). Его цель — помочь православным детям в странах рассеяния приобщиться к родному слову. На страницах журнала выступил со стихами *В.Набоков-Сирин* (№ 3). Издание продержалось около года.

Заметный след в жизни газеты этих лет оставил *И.С.Шмелев*. Его очерк «Старый Валаам» до выхода отдельной книгой (1936) печатался в «ПР»; помещались очерки из его новой книги «Лето Господне». Были в газете и другие его публикации: «Милость преп. Серафима» (1935. № 1—3), «У старца Варнавы» (1936. № 1), «К православным людям» (1937. № 10). В мае 1937 Шмелев, приглашенный на Пушкинский праздник в Прагу, несколько дней гостил в обители преп. Иова Почаевского в Карпатах. Приезд Шмелева в Ладомирово «ПР» приветствовала статьей «Гость дорогой» (1937. 20 мая). Написана статья все тем же Серафимом (Ивановым), ставшим к тому времени архимандритом. Свои впечатления от посещения монастыря преп. Иова Почаевского в Пряшевской Руси на Карпатах Шмелев изложил в очерке «Подвижники» (В. 1937. 10 дек.). Анонимный отклик на его палом-

ничество «Шмелев в Подкарпатской Руси» появился в *«Возрождении»* (1937. 18 июня). Одной из первых рецензий в газете на публикацию очерков «Богомолье» был отклик иовского инока Алексия (Дехтерева) «На святой дороге» (1936. 25 янв.). В нем давалась высокая оценка духовной прозе Шмелева: «Под кажущейся простотой книги скрывается неисчерпаемая глубина чувств и переживаний. Но они настолько жизненны — здоровой, прочной, пряморастущей жизнью, что душа при соприкосновении с ними отдыхает и выпрямляется».

В 1944 фронт приблизился к Карпатам, наступил срок эвакуации Духовной миссии. Типографское имущество вместе с имуществом монастыря было отправлено в Братиславу, где Миссия пробыла до середины января 1945. Затем она переправилась в Берлин. В пути основная часть имущества и архивы погибли под бомбами. Часть имущества удалось довезти до Женевы, где с окончанием войны Миссия организовала монастырское подворье с ежедневными службами. Осенью 1946 были получены визы в США, где Миссия водворилась в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк). По приезде на новое место епископ Серафим наладил выпуск издания «ПР», с января 1947 преобразованного из газеты в журнал. К журналу ежемесячно добавляется литературное приложение «Православная жизнь» (с 1948) и его аналог на английском языке «Orthodox Life». Раз в год редакция выпускает богословский сборник «Православный путь» (с 1951).

В 24 номере журнала за 1951 были опубликованы воспоминания поэта Сергея Бехтеева (1879—1954) «Два чуда о. Иоанна Кронштадтского». В ежегодном сборнике «Православный путь» внимание уделялось русским классикам. В 1952 напечатано исследование проф. И.М.Андреевского (1894—1976) (под псевдонимом Андреев) «Религиозное лицо Гоголя. К 100-летию со дня кончины писателя», в 1955 — публикация И.М.Концевича «Истоки душевной катастрофы Л.Н.Толстого», а в выпуске за 1964 — статья протопресвитера Михаила Помазанского «Ф.М.Достоевский и митрополит Антоний о духовном пробуждении русского народа». Все издания, выходящие в Джорданвилле, и поныне печатаются по старой орфографии.

А.Н.Стрижев

ПРАЖСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Весной 1919 в Праге было основано Чешско-русское объединение (Еднота). В 1919 при нем создано издательство «Наша речь». Его основателем был лектор Пражского университета Борис Владимирович Морковин (1882—1968), который издал совместно с Чешско-русским объединением Русский букварь. В 1919—1923 издательство выпустило серию книг Библиотеки «Наша речь», в том числе сборники русских народных сказок, произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Чехова, появилось несколько книг по искусству и политике, сборник «Артисты Московского художественного театра за рубежом», «Силуэты русских художников» *С.К.Маковского*, сборник статей Т.Г.Масарика «О большевизме».

Преемником издательства «Наша речь» стало с 1923 общество «Пламя», в состав правления которого вошел и Морковин. Издательство и книжная торговля «Пламя», руководимое профессором Карлова университета *Е.А.Ляцким*, в первые три года своего существования выполняло обширную и разностороннюю издательскую программу и представляло собой важное явление не только пражской эмиграции, но и всего русского рассеяния. Коммерческой деятельностью издательства руководил с 1924 Федор Северьянович Мансветов. Были открыты отделения в Варшаве и Прешове (Словакия), представительства в Харбине, Лондоне, Риге, Каунасе, Париже. В целях пропаганды своих изданий и русской книги вообще «Пламя» предприняло выпуск еженедельной библиографической газеты *«Огни»* (1924). В 1925 выходил библиографический журнал «Славянская книга», посвященный вопросам всеславянской библиографии. Совместно с Комитетом русской книги в 1924 издан сборник «Русская зарубежная книга», содержащий обзоры русской зарубежной литературы по различным областям науки и библиографический указатель русской зарубежной литературы с 1918 по июль 1924. Издательство выпустило в 1923—1926 свыше ста названий как художественной, так и научной литературы, в том числе произведения *Бальмонта* («Где мой дом?», «Мое — Ей. Поэма о России»), *Аверченко, Мережковского* («Рождение богов», «Тайна трех»), *Гиппиус* («Живые лица»), *Ремизова* («Зга»), *Зайцева* («Золотой удар»), *Цветаевой* («Моло-

дец»), *Тэффи* («Вечерний день»), *Чирикова* («Зверь из бездны»), *Шмелева* («Неупиваемая чаша»), Дюамеля, Чапека и пр. Среди изданий по гуманитарным наукам «Сборник статей, посвященных *Петру В.Струве*» (1925), книги *П.М.Бицилли* «Очерки по теории исторической науки» (1925), *Е.В.Аничкова* «Западные литературы и славянство» (1926), *В.Ф.Булгакова* «Толстой — моралист» (1923), В.А.Мякотина «А.С.Пушкин и декабристы» (1923), В.А.Францева «Державин у славян» (1924), П.М.Бицилли «Этюды о русской поэзии» (1926), Е.А.Зноско-Боровского «Русский театр начала XX века» (1924), А.А.Кизеветтера «М.С.Щепкин» (1925), И.И.Лапшина «Философия изобретения и изобретение в философии» (1924), *Н.О.Лосского* «Сборник задач по логике» (1924). Издавались книги по сельскому хозяйству и пищевой промышленности, биологии, химии и астрономии. Неблагоприятные условия зарубежного русского книжного рынка и затруднения, с которыми встречались книги на пути в СССР, привели к сокращению и затем к приостановке издательской деятельности по выпуску русских книг, хотя фирма «Пламя» просуществовала до самой гитлеровской оккупации в 1939.

По инициативе издателя пражской газеты «Русское дело» Георгия Иосифовича Тилля (1891—?) в 1920 возникло «Славянское издательство». Тилль начал при газете выпускать небольшие книжки Библиотеки «Русское дело», которые представляли собой избранные произведения русских классиков. Оборудовав собственную типографию, он расширил дело, создав «Славянское издательство». Параллельно с выпуском книг русских писателей (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Л.Н.Толстой, Лесков, Данилевский, Гарин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Помяловский, Г.И.Успенский, Короленко, *Бунин, Куприн*) выпускались и переводные (Киплинг, Брет-Гарт, Лондон, Уэллс, Гамсун, Франс, Вазов). В 1924 «Славянское издательство» было ликвидировано из-за конкуренции русских издательств, возникших в Берлине в период инфляции, так как по сравнению с изданными в Германии книгами книги «Славянского издательства» оказались дорогими.

При журнале *«Воля России»* существовало одноименное издательство, деятельность которого особенно проявилась в 1920—1921 и 1924—1925. В состав его участников, кроме редакторов журнала, входили В.М.Чернов, В.Я.Гуревич, Ф.С.Мансветов, *С.П.Постников* и пр. Издательство выпускало книги, освещающие революционные события и гражданскую войну в России.

Издательством «Крестьянская Россия», основанным в 1922, руководило до конца 1927 Центральное бюро заграничных групп Крестьянской партии. После ее преобразования в Трудовую крестьянскую партию руководство издательством перешло к ее Центральному комитету. Деятельность издательства выражалась в выпуске повременных изданий: непериодических сборников «Крестьянская война», в состав редакции которых входили А.А.Аргунов, *А.Л.Бем*, С.С.Маслов и временно П.А.Сорокин; «Вестника Крестьянской России» (1925—1933).

Издательство «Хутор» (1922—1949), руководимое Алексеем Григорьевичем Винничуком (1887—1982), выпускало литературу по агрономии и организации сельского хозяйства, а в период второй мировой войны издавало произведения русской классической литературы.

Издательскую деятельность вели также научные учреждения и общества, учебные заведения, общественные, культурные и студенческие организации, профессиональные и корпоративные объединения, из числа которых заслуживают внимания следующие:

Институт им. Н.П.Кондакова, издававший с 1926 по 1938 труды по византиноведению, истории искусства, археологии Восточной Европы, выпускал не только работы своих членов, но также исследования западно-европейских, советских и американских ученых.

Сборники научных трудов выпускали Экономический кабинет проф. С.Н.Прокоповича, Русский институт, Русское историческое общество, *Русский народный* (с 1934 Русский свободный) *университет*; издательскую деятельность вели Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А.Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русское высшее училище техников путей сообщения, Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за

границей, Комитет по обеспечению образования русских студентов, Земгор и пр.

Издательская деятельность в области религиозной литературы осуществлялась в северовосточной Словакии, в селе Ладомирова, которое стало одним из центров русской зарубежной церкви в Европе, из которого православное печатное слово распространялось по всей русской эмиграции. Православная миссия в Ладомировой издавала ежегодно с 1924 по 1944 Русский календарь, с 1928 газету «Православная Карпатская Русь», с 1935 журнал для молодежи «Детство в Христе», с 1939 журнал «Православный путь», богослужебные книги и культурно-просветительные публикации. Деятельность Православной миссии прекратилась вследствие боевых действий во время войны в восточной Словакии осенью 1944, когда ее местопребывание было разрушено.

Йиржи Вацек (Чехия)

«ПРИНЕВСКИЙ КРАЙ» (Гатчина, Нарва, 1919. 19 октября. № 1 — 1920. 7 января. № 50) — как сказано в подзаголовке, «военно-осведомительная, литературная и политическая газета». Выходила ежедневно, но с перерывом, связанным с военными действиями. Газета была создана в Гатчине по указанию штаба Северо-Западной армии ген. Н.Н.Юденича как ее орган, предназначенный для гражданского населения районов, освобожденных от красных. Непосредственным руководителем газеты от штаба Северо-Западной армии стал генерал *П.Краснов*; большая часть редакционной работы выпала на долю *А.Куприна* (Куприн А. Купол св. Исаакия Далматского. Рига, 1928. С. 62—66). Когда началось отступление Северо-Западной армии из-под Петрограда, редакция «ПК» отходила вместе с армией и временно обосновалась в Нарве, на территории Эстонской республики, где, по-видимому, с 7 декабря 1919 на номере 23-м было возобновлено издание газеты. С этого момента можно говорить о газете как об органе эмигрантской печати, просуществовавшем недолго. Куприн хотя по-прежнему считался сотрудником газеты, но к этому времени в ее издании уже не принимал участия, уехав из Эстонии в Финляндию. Формальным редактором газеты числился Г.Лампе, издателем же — бывший паж В.Лебедев, который, как можно предполагать, фактически возглавлял газету, хотя, по воспоминаниям современников, плохо разбирался в литературе и журналистике (см.: Башкиров К. Под Белым крестом. Рига, 1922. С. 43). Наиболее активным сотрудником газеты в последний — нарвский — месяц ее существования был Я.Оредовский (позже под этим псевдонимом выступал Я.Воинов). Газета придерживалась крайне правой, антибольшевистской позиции, выступая за восстановление старых дореволюционных порядков и против какой-либо демократии. Она полемизировала с газетой *«Свободная Россия»*.

В «ПК» печаталось немало литературных материалов, но невысокого качества. На страницах газеты обращает на себя внимание лубочная, сознательно стилизованная под просторечье и рассчитанная на малообразованного читателя поэзия Я.Белого в духе Демьяна Бедного, но прямо противоположной политической ориентации: если примитивная поэзия Демьяна Бедного тех лет агитировала за красных, то стихи Я.Белого — за белых. Из публикаций других авторов можно отметить стихотворения Н.Карпова («Былина» // 1919. 21 дек. № 35) и прозу В.Баранова.

Своеобразным продолжением «ПК» можно считать выходившую в Ревеле с 4 по 21 марта 1920 газету «Ревельские новости», в которой также активно сотрудничал Я.Оредовский и которая также стояла на крайне правых позициях. «Ревельские новости» (редактор О.Д.Муро) были связаны с Ликвидационной комиссией Северо-Западной армии.

С.Г.Исаков (Эстония)

«ПУТЬ» (Париж, 1925. Сентябрь — 1940. Март. № 1—61). Редактором и вдохновителем журнала все годы был *Н.Бердяев*. Видимо, первоначально планировалось публиковать в журнале небольшие художественные произведения, тематически связанные с христианством и показывающие возможность «воцерковления творчества» на примере беллетристики. Так, в № 2 за программной статьей Бердяева «Спасение и творчество: о двух пониманиях христианства» следовала большая публикация *А.Реми-*

зова «Московская пчела», как бы иллюстрировавшая мысль Бердяева о творческой активности. Продолжая лесковскую традицию (жанровую и стилистическую), Ремизов шел дальше Лескова и не просто перекладывал на современный (хотя и стилизованный) язык сюжеты древнехристианских сказаний, но и выявлял в них парадоксы, остро ставящие проблему свободы. Например, пересказывая сюжет о старце, который спас льва, Ремизов сделал главным героем коня, которого этот лев в благодарность пас и который возненавидел и льва, и старца и стал молиться об их кончине. В следующем номере был опубликован рассказ Виктора Эккерсдорфа «Николушка», повествующий о религиозных чаяниях народа, выдержанный в эстетике Ремизова, но более слабый. В № 6 вновь появилась подборка миниатюр Ремизова о Рождестве, вводящая в пересказ евангельских и апокрифических сюжетов русские и даже советские реалии (волхвы — лопари; «кто-то пустил слух среди детей вифлеемской голытьбы, ютившейся в углах и коморках, будто ночью придут из месткома «записывать детей на елку»). В № 7 (1927) был опубликован рассказ диакона Георгия Цебрикова «Антиминс» — еще одно слабое подражание Ремизову, противопоставляющее разврат церковной иерархии святости пустынников. Видимо, это оказалось настолько пошло в печатном виде, что больше беллетристику «П» не печатал, тем более что в тот период было достаточно журналов, на ней специализировавшихся.

Количественно в литературно-критических материалах журнала преобладали публикации о Достоевском, от совсем реферативных (Плетнев Р. Достоевский и Евангелие // 1930. № 23—24) до содержательных статей *С.Франка* («Достоевский и кризис гуманизма» // 1931. № 27); *Л.Шестова* («Кир Кегардт и Достоевский» // 1935. № 48) и *В.Зеньковского* «Проблема красоты в миросозерцании Достоевского» (1933. № 37). Впрочем, содержание большинства статей сводилось к простому доказыванию того, что лучшее в творчестве того или иного писателя прямо или косвенно ведет к вере в Христа. Франк находил у Достоевского «настоящий, подлинный гуманизм — просто потому, что это есть христианский гуманизм, который во всяком, даже падшем и низменном человеке, видит человека, как образ Божий. Во всех прежних формах гуманизма человек должен был являться как-то приукрашенным и принаряженным, чтобы быть предметом поклонения» (с. 78). Л.Зандер («Грустный рай» // 1928. № 14) находил в пессимистической поэтике Достоевского указание на то, что истинное счастье и истинный рай — во Христе. С.Гессен («Трагедия зла (Философский образ Ставрогина)» // 1932. № 36) считал Ставрогина типом совершенного атеиста, близкого к вере в силу своей озабоченности духовными проблемами. Наиболее последователен был В.Зеньковский («Проблема красоты в миросозерцании Достоевского»), критиковавший Достоевского за натурализм и одобрительно отмечавший, что писатель в конце жизни все-таки понял, насколько сама красота находится в плену падшего мира, насколько спасение возможно лишь через церковность, а не через красоту как таковую. То же противоречие между глубокими теоретическими изысканиями в вопросе об отношении веры и литературного творчества (*Федотов Г.* О Св. Духе в природе и в культуре // 1932. № 35; *Вейдле В.* Разложение искусства // 1934. № 42; Скобцова М. Истоки творчества // 1934. № 43) и поверхностным выискиванием «христианских мотивов», замерами расстояния от творца до Церкви, характерно и для анализа фигур меньшего, чем Достоевский, масштаба. Л.Козловский в некрологе Яну Каспровичу «Вечерний гимн души» (№ 11) характеризовал его поэзию как образец простой, крестьянской, наивной веры. Чуть сложнее конструкция С.Франка («Мистика Рейнера Марии Рильке» // 1928. № 12—13). Рильке якобы прошел от познания Бога как тьмы к познанию Бога как света, чем приблизился к Серафиму Саровскому. П.Иванов (рецензия на книгу *М.Курдюмова* о творчестве Чехова «Сердце смятенное» // 1935. № 46) утверждал, что у Чехова господствует идея неразделенной любви, а поскольку «Божие избранничество всегда несет неудачу в земных делах», такая любовь означает, что героев Чехова «ожидает любовь Христа». Апофеозом такого прагматического литературоведения можно считать очерк Ю.Сазоновой «Религиозные искания в отражении советской литературы» (1930. № 21): «Зощенко, быть может, самый яркий пример атеистического отчаяния, которое в своем существе яв-

ляется религиозным исканием» (с. 83). Сочинение «молодого писателя» Леонова «Барсуки» — «религиозный роман, продолжающий традицию Достоевского» (с. 93). Из этого делался вывод о скором конце большевизма и торжестве Православия в России.

Среди статей «П» встречаются примитивные. *В.Ильин* в статье «Гете, как мудрец» (1932. № 34) заявил, что Фауст — предтеча американизма и коллективистского коммунизма, автор пятилетки, а сам Гете — банальный гуманист и культуртрегер. Впрочем, уже в следующем номере в статье С.Франка «Гете и проблема духовной культуры» отмечалось, что в личности Гете дан идеал «синтетического единства объективного служения и индивидуального духовного саморазвития» (с. 89) (Франку принадлежит и статья «Религиозность Пушкина» в № 40 (1933), где Пушкин характеризовался как язычник с христианской интуицией. Франк отмечал, что религиозность Пушкина — не в формальных христианских мотивах, а как раз в его эротической поэзии, в его тяготении к дому как религиозному явлению). Оригинальна концепция В.Вейдле, в статье «Возрождение чудесного» (1935. № 48) проследившего развитие «поэтики детства» в творчестве писателей XIX в. (Андерсена, Жюль Верна и др.).

Статьи самого Бердяева были наиболее сильными материалами «Пути» и тогда, когда речь шла о вопросах литературы. Очерк «Литературное направление и «социальный заказ» (1931. № 29) детализировал идею «нового Средневековья», тогда любимую Бердяевым. Мыслитель пытался отделить «хороший» («христианский») социальный заказ от плохого, напоминал, что такой заказ не есть советское измышление, что он противостоит буржуазному индивидуализму, что «религиозное искусство прошлого было искусством «социального заказа» в глубоком, духовном смысле слова» (с. 83), начиная с Софокла. Соответственно, будущее — не за автономным искусством, а за мистическим реализмом, образец которого Бердяев видел в творчестве Достоевского.

Из литературоведческих материалов «П» с 1970-х стала в России популярна и даже знаменита полемика в № 26 (1931), где была напечатана статья анонима «О Блоке» и ответ Бердяева «В защиту А.Блока». Статья, критикующая Блока за порабощенность сатанинскими силами (особенно «Двенадцать»), подписана Петроградский священник. Бердяев оговаривал, что автор умер. В качестве настоящего автора обычно указывается П.Флоренский, чему способствует и стиль статьи, и позиция автора, и конспективное изложение (чрезвычайно точное) статьи Флоренского «Иконостас» (якобы со слов автора). Критика Блока исходит из уверенности, что «любой внеправославный подход к поэзии Блока должен считаться недостаточным для ее понимания» (с. 88), и заканчивается обвинением поэта в намеренном кощунстве. Несравненно мягче оценка Бердяева: Блок не знал Логоса, пугался демонизма, но в нем самом не было демонического начала. Зла не хотел. «Блок знает только горе, печаль, тоску и ад. Но можно ли за это в него бросить камень?» (с. 112—113). Более того, Бердяев указывал на сомнительность «религиозного суда над поэтом».

К десятилетию журнала «П» Бердяев напечатал в нем статью «Русский духовный ренессанс начала 20-го в. и журнал «Путь»» (1935. № 49). Указатель журнала «П» составлен А.П.Оболенским и издан в качестве приложения к 19 тому «*Записок русской академической группы в США*» (Нью-Йорк, 1986). В 1992 в Москве начато переиздание журнала «П» (№ 1—6).

Я.Г.Кротов

Р

«РЕВЕЛЬСКИЙ ЦЕХ ПОЭТОВ» (1933—1935) — русское литературное объединение. Основано 15 октября 1933 в значительной мере на базе уже существовавших в Таллине (Ревеле) русских литературных кружков при участии переехавших в столицу Эстонии членов *«Юрьевского цеха поэтов»*, который послужил образцом при создании нового объединения. Во главе его стал поэт П.Иртель. Вначале «РЦП» формально считался отделением русского *Литературного кружка* в Ревеле, хотя фактически с самого начала был вполне самостоятельной организацией ревельской русской творческой молодежи. Цех представлял собою «закрытый кружок лиц, пишущих стихи... По замыслу инициаторов, *Ц<ех> П<оэтов>* должен был явиться местом работы над стихосложением, школой поэтики и самокритики», в нем предусматривался «взаимный критический разбор» произведений членов цеха, «знакомство с современной поэзией» (Цех поэтов // Новь. Таллин, 1934. Сб. 6. С. 77). Кружок включал «активных членов», членов-корреспондентов и гостей. Прием новых членов проводился голосованием. «Активными членами» цеха считались Е.Базилевская, И.Борман, К.Гершельман, *Ю.Иваск*, П.Иртель, *Б.Нарциссов*, М.Роос и Б.Тагго-Новосадов. Из членов-корреспондентов известны *В.Булич* из Хельсинки и Д.Сидоров из Белграда. Подобно «Юрьевскому цеху поэтов», ревельский «не следует определенной традиции или направлению, каждый из членов «РЦП» свободен в своем творчестве». Современники отмечали, что у участников цеха было и нечто общее — однородность психики и философских умонастроений. Их интересуют не столько «вещи мира», сколько их скрытый смысл. Цех поддерживал связи с пражским *«Скитом поэтов»* и хельсинкским кружком русских литераторов *«Светлица»*. Участниками объединения были изданы сборники «Новь» (№ 6 и 7. 1934), основным принципом редакции было: «Питаться корнями прошлого и надеяться на будущее». В первом полугодии 1934 собрания цеха были посвящены чтению и разбору стихотворений членов объединения. Разборы, предлагаемые коллегами по цеху, были весьма основательными и строгими, но все же критики всегда стремились показать и то новое, что было в творчестве собратьев по перу. Разбирались и поэтические сборники других русских поэтов, как эмигрантских, так и советских. Осенью и в конце 1934 собрания кружка были посвящены проблемам техники стиха. Были заслушаны и обсуждены доклады Ю.Иваска «О полемике вокруг русской поэзии» и «Стихотворный язык», М.Роос «Размер в стихотворении», К.Гершельмана «Рифма», Б.Нарциссова «Образ в стихе», И.Борман «Строфика» и П.Иртеля «Процесс стихотворной записи». Одновременно на каждом очередном собрании читались «по кругу» новые стихотворения членов цеха. В 1935 предусматривались доклады по теории прозы. Все эти доклады имели практическую направленность — должны были помочь повышению мастерства самих членов цеха, в этом они видели одну из основных задач своей работы в объединении.

Члены «РЦП» по предложению Союза эстонских писателей приняли участие в переводе с эстонского языка на русский рассказов для антологии эстонской прозы, которая готовилась к печати в Москве, но так и не вышла в свет. Члены цеха выступали на вечерах, устраиваемых Литературным кружком, а 4 мая 1935 провели свой концерт-бал в зале Клуба Черноголовых в Таллине. «РЦП» распался в конце 1935 из-за внутренних разногласий, связанных с подготовкой к печати восьмого сборника «Нови». Из цеха в знак протеста против действий редактора «Нови» П.Иртеля вышли Ю.Иваск, К.Гершельман, И.Борман, Б.Нарциссов и Б.Тагго-Новосадов. После этого кружок прекратил существование.

См. также: Нарциссов Б. Цехи русских поэтов в Эстонии // НРС. 1980. 29 февр.

С.Г.Исаков (Эстония)

РИЖСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Поскольку Латвия не подписала Бернскую конвенцию о защите авторских прав (произошло это лишь в 1937), не нужно было нести расходы на оплату автора и переводчика. Большинство издательств существовали 2—3 года, владельцы их несли убытки и разорялись. Число зарегистрированных издательств-эфемерид было обратно пропорционально количеству выпущенных книг. И за цветистым, претенциозным названием стояла порою пустота содержания. Известны издательства:

Academia (1929—1931). Владелец И.Гликсман (Выпущено 15 книг).

Alatas (1924—1925). Вас.Влад.Шибаев (2).

Аргус (1928—1930). Бернгард Экштейн и Александр Корнет (5).

Атлантида (1929). Давид Эпштейн и Соломон Тагер (2).

Г.Биркган (1925). Георг Леонардович Биркган (1).

Восток (1928—1931). *С.Р.Минцлов* (6).

Глобус (1929—1930). Вениамин Петерман и Моисей Львович (2).

Заря (1929—1930). Г.Шлоссберг (12).

Историческая библиотека (1928). С.Карачевцев (1).

Китеж (1931). Владелец не выяснен (1).

Культура (1925). Г.Белинький (3).

Литературас драугс (1925). Гирш Шлоссберг (4).

Логос (1936—1939). Б.Шерешевский (16).

Лукоморье (1933—1934). Зарегистрировано на имя Вас.Девяткина, но в деле был *Ю.Галич* (3).

Метрополис (1930—1931). Кауфман-Спарберс (7).

Миф (1928). Самуил Берман (1).

Националь-реклама (1924). С.Карачевцев (1).

Polyglotte (1928—1929). Издательство находилось в Берлине, филиал и печатание в Риге. Права за Давидом Левитом.

Польза (1929). Владелец не установлен (2).

Пресса (1924—1926). Л.Гарфильд (16).

Прогресс (1928). Зарегистрировано на имя Минны Фонаревой (3).

Развлечение (1923). Владелец неизвестен (16).

Renaissance (1929—1932). Этель Хелман, Абрам Перельман, Файвел Майзель (18).

Рига (1926—1927). Г.Биркган (5).

Русское издательство (1928). Н.Роминский. В 1933 перенял К.Крастынь (7).

Русское право (1929). Возможно, С.Карачевцев (1).

Саламандра (1926—1929). При а/о «Саламандра» (9).

Северная лира (1928—1929). Соломон Тагер, Давид Эпштейн, Гирш Шлоссберг (5).

Сибирское книгоиздательство (1927). С.Р.Минцлов (4).

Скиф (1931—1932). Владелец неизвестен (2).

Сфинкс (1935—1937). Владелец неизвестен (5).

Хронос (1925—1926). Владелец не выяснен (9).

Д.Цымлов (1930—1932). В.Бутлер (15).

Excelsior (1931—1932). Владелец не установлен (3).

Владельцы этих издательств старались опередить друг друга в выпуске «модных» книг, сулящих быструю прибыль. Преимущественно это были книги О.Бебутовой, Крыжановской (Рочестер), О.Уэдсли, П.Бенуа, М.Зощенко, М.Декобра, У.Локка, М.Прево и Э.Уоллеса. Издательство «Alatas» выпустило две книги Н.Рериха; Г.Биркган — книгу Ф.Оссендовского «Звери, люди и боги»; «Литературас драугс» — книгу Э.Уоллеса и в то же время «На западном фронте без перемен» Ремарка, которую столь же поспешно печатал «Ориент». «Логос» издал книги философа А.Вейдемана «Трагика как сущность искусства» (1936) и «Оправдание зла» (1939). Издательство «Polyglotte» иногда печатало свои книги в Берлине: *В.Ирецкий* «Наследники» (1928), Вас.Каменский «Пушкин и Дантес» (1928), С.Мстиславский «На крови», Т.Кузминская «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (1928). «Русское издательство» первоначально печатало книги самого Н.Роминского, а после того, как издательство перенял К.Крастынь, вышла книга Б.Шабельской «Сатанисты XX века» (1934). В издательстве «Сфинкс» вышла книга А.Вейдемана «Предмет познания. Мышление и бытие» (1937). В издательстве «Хронос» наряду с Б.Келлерманом и Э.Уоллесом вышел «Мойдодыр» К.Чуковского.

Латышское издательство «Грамату драугс» (1927—1934) выпускало и русские книги. Владелец Гельмут Рудзит (р. 1903) занял ведущее место в издательском мире Латвии благодаря тому, что свел стоимость книги к 1 лату (при обычной стоимости 5—6 латов). Термин «латовая книга» прижился, обозначая книгу «дешевой библиотеки»

в номерной серии «Библиотеки новейшей литературы» (всего 142) и 39 книг вне ее. О репертуаре можно судить по авторам: У.Локк, М.Зощенко, *М.Арцыбашев*, П.Бенуа, С.Цвейг, П.Романов, Г.Манн, В.Маргерит, *Н.Брешко-Брешковский*, Г.Уэллс, *И.Эренбург, А.Толстой, А.Амфитеатров*, Л.Сейфуллина, О.Бебутова, С.Есенин, В.Маяковский, *П.Краснов*, 24 книги Э.Уоллеса. Оригинальные издания: Галич Ю. Легкая кавалерия: Рассказы. 1928; Волчий след: Рассказы. 1929; Роман царевича. 1931; Звериада. 1931; *Пильский П.* Затуманившийся мир. 1929; Гарин-Михайловский Г. Потерянная и возвращенная родина: Роман из жизни русской эмиграции. 1931; Лугин Г. 28° 14' 30'' восточной долготы. 1933.

После переворота К.Ульманиса (1934) издательство прекратило выпуск книг на русском языке. В конце войны Рудзиту удалось уехать на Запад. Глава издательства «Н.Гудков» (1925—1940) — учитель и автор учебников, владелец большого дома и бани, что давало ему возможность держать свой книжный магазин и не зависеть от конъюнктуры. Всего выпустил 68 книг. В основном это теософская, эзотерическая литература, труды мистиков и индусских учителей веры: Е.Блаватская, Суоми Вивекананда, М.Коллинз, В.Крыжановская, Рамачарака, К.Фламмарион и др. В 1940 Гудков покинул Латвию благодаря тому, что жена его была немкой.

Издательством «М.Дидковский» (1925—1939) руководил бывший подполковник Генерального штаба Мечислав Максимович Дидковский (см. о нем: Балтийский архив. Таллин, 1996. Т. 2). С самого начала он объявил, что будет издавать только русских писателей. Всего выпустил 103 книги. Среди них: *Белоцветов Н.* Шелест: Стихи. 1936; *Булыгин П.* Янтари: Стихи. 1937; Галич Ю. Орхидея: Тропические рифмы. 1927; он же. Китайские тени. 1927; он же. Золотые корабли. 1927; он же. Императорские фазаны. 1928; он же. Остров жасминов. 1928; он же. Зеленый май. 1929; Задонский А. Ступени. 1928; он же. Зоин роман. 1930; Клизовский А. Правда о масонстве. 1936; он же. Психическая энергия. 1937; Мазурова А. Земля. 1929; Нидермиллер А. От Севастополя до Цусимы. 1930; Нолькен И. Живые и мертвые. 1927; он же. В курляндском замке. 1928; он же. Графиня Дюмонтэнь. 1929; он же. Строптивый генерал-адъютант. 1929; он же. Быль и быт. 1931; Окнинский А. Два года среди крестьян: Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до ноября 1920 г. 1936; Петров П. От Волги до Тихого океана в рядах белых, 1918—1922 г. 1930.

Считаясь со спросом на непритязательное чтиво, выпустил 11 книг Н.Брешко-Брешковского, 13 книг В.Крыжановской, но время от времени рисковал издавать и книги более серьезного плана. В отдельных случаях печатал их за счет автора или заказчика. Так, книга генерала Петрова «От Волги до Тихого океана» была издана на деньги латышского генерала Бангерского. В 1940 Дидковский был арестован и скончался в лагере.

Издательство «Жизнь и культура» (1927—1938) образовалось при газете «*Сегодня*», которая публиковала романы с продолжением и потому имела возможность использовать матрицы. Выпущено собрание сочинений Достоевского в 12 томах (1927—1928), Тургенева в 10 томах (1929—1930) и Пушкина в 2-х томах (1937). В 1929—1930 вышла «Синяя библиотека» (9 книг). Вне серии — А.Новиков-Прибой, К.Фаррер, М.Декобра, Л.Гроссман, В.Баум, П.Бенуа, Ф.Голлендер, Ильф и Петров, Э.Кестнер, Р.Локкарт, С.Могам, А.Моруа, Лео Перуц, Питигрилли, П.Романов, С.Цвейг. После 1934 издательство было обязано перевести свое название на государственный язык и далее именовалось «Дзиве ун култура». К оригинальным изданиям относятся: Задонский А. Ми и ее танцор. 1931; Ирецкий В. Прибежище. 1931; Вайнтроб М. Вопрос мировоззрения и искусства. 1937; Дубнов С. Новейшая история еврейского народа. 1937; Выгодская А. История одной жизни: воспоминания. 1938.

Владельцы издательства «Книга для всех» (1928—1931) Берк Лифшиц и Моисей Львович выпустили 40 преимущественно перепечатанных «модных» книг. К числу оригинальных изданий относятся: Немой Г. Манькина свадьба. 1930; Барышня Прыжкова. 1931; Бауман А. То, о чем забыть нельзя. 1931; С.Б. [Семен Абрамович Беляцкин (1874—1944)]. Песни жизни и смерти. 1932.

Издательство «Литература» (1927—1930) было латышское. Владелец Карл Расинь. Наряду с латышскими выпускались и

русские книги. Русским репертуаром ведал журналист Василий Гадалин. Всего на русском языке вышло 70 книг, в том числе К.Фаррер, У.Локк, А.Луус, О.Уэдсли, Э.Уоллес (11 книг), Б.Муссолини. Пиратским образом перепечатывались советские авторы (Шишков, Зощенко, Булгаков, Катаев, Леонов и др.). К числу оригинальных книг относятся: Гущик В. Тайна гатчинского дворца (Вел. князь Михаил Александрович). 1927; Хрущов П. (П.Пильский). Тайна и кровь. 1927; *Куприн А.* Купол св. Исаакия Далматинского. 1928; Бабченко М. Их было пять. 1928; Максим Л. Когда в доме ребенок. 1928; Галич Ю. Красный хоровод. 1929. В сборнике «Гримасы кисти и пера» (1928) представлены писатели-юмористы как советские, так и эмигрантские, их автобиографии, фото, шаржи.

Издательством «Общедоступная библиотека» (1928—1935) владел Б.Шерешевский — глава торговой фирмы, что давало ему возможность свободно вкладывать деньги в издания и даже скупать продукцию обанкротившихся издательств. Всего было выпущено 42 книги. Репертуар: Ф.Херст, А.Цвейг, Л.Грабарь, О.Уэдсли, О.Бебутова, С.Льюис, Э.Уоллес (12 книг). Оригинальные издания: Пильский П. Роман с театром. 1929; Высоцкий А. Зеленое пламя. Палестинский роман. 1935; Немой Г. Последний роман. 1936.

Издательство «Ориент» (1925—1932) вел Сергей Карачевцев с компаньонами (главным из них был владелец ломбарда Отто Гробинь). Всего было выпущено 65 книг. Как и остальные издатели, спешил выпустить «модное», стараясь обогнать конкурентов. В числе изданного: В.Баум, Н.Брешко-Брешковский, М.Декобра, Б.Келлерман, Ж.Кессель, Д.Кэрвуд, М.Леблан, В.Маргерит, Э.М.Ремарк, *А.Толстой*, Л.Фейхтвангер, М.Шолохов. Оригинальными являются: Караваевцев С. (анаграмма Карачевцева). Жизнь и суд. 1925; Карачевцев С. Гвардии ротмистр: Роман. 1928; он же. 1200 анекдотов. 1927; он же. Еще 500 анекдотов. 1928; Цывинский Г. 50 лет в императорском флоте. 1929; Витольдова (Лютык) С. На восток. 1930.

После того как «Ориент» исчерпал свои возможности, С.Карачевцев создал издательство «Мир» (1930—1935) и выпустил 50 книг, среди них свои сборники: 2007 анекдотов. 1930; Для некурящих. 1930; Дамские. 1932. А также: Нольде Л. Не ржавели слова. 1930; Формаков А. Наша юность: Роман. 1930; *Лукаш И.*, Зацкой М. Метелица: Пьеса. 1931; Клизовский А. Основы миропонимания. 1934. Издательство было готово превратить в книгу любую рукопись, даже графоманскую. В 1940 Карачевцев был арестован как бывший офицер и расстрелян в 1942.

Издательство «О.Строк» (1924—1927) принадлежало автору известных танго «О эти черные глаза», «Синяя рапсодия». Книги выпускались в виде приложений к журналу «Новая нива» (1926—1927). Все перепечатывалось небрежно, порою книга набиралась в разных типографиях разными шрифтами и печаталась на скверной бумаге: П.Бенуа, Н.Вербицкая, А.Коллонтай, В.Маргерит, Л.Леонов, У.Локк, Дж.Лондон, Г.Мопассан, Р.Тагор, Л.Толстой, К.Фаррер, *Е.Чириков*. Выпустив 30 книг, издательство обанкротилось.

Издательство «Угунс» (1936—1940) принадлежало Рериховскому обществу, выпустило 10 книг: Рерих Н. Врата в будущее. 1936; он же. Нерушимое. 1936; Рудзитис Р. Сознание красоты спасает. 1936; Блаватская Е. Тайная доктрина. 1937; *Иванов Вс.* Рерих. Художник и мыслитель. 1937; Мысль: Художественно-литературный сборник. 1939; Литературные записки. 1940; Письма Елены Рерих. 1940.

Издательство «Филин» (1931—1938) было зарегистрировано в 1928 на имя Пейсаха Рубинштейна. Выпустило книги: Задонский А. У предела (Ступени). 1931; Соколова А. Побежденная любовь. 1931; Фрешль Г. Женщина с чужой кровью. 1931; Эссад-Бей. Сталин. 1932. В 1934 Рудольф (Рувим) Рубинштейн основал журнал «Для Вас», при котором издательство несколько изменило репертуар. Вышли: Галич Ю. Синие кирасиры — лейб-регимент. 1936; Мосолов А. При дворе императора. 1937; *Перфильев А.* Ветер с севера: Третья книга стихов. 1937; Якоби П. Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. 1937; Брешко-Брешковский Н. Абиссинские ночи. 1938; *Сабурова И.* Тень синего марта. 1938. Журнал просуществовал до 1940. Знакомства с НКВД Рубинштейн избежал, но был убит латышскими националистами в день вступления в Ригу немецких войск.

Владелица большой библиотеки и книжного магазина Этель Эттингер время от времени выпускала книги, далекие от расхожей продукции. В издательстве «Э.Эттингер» (1925—1932) вышло 6 книг: Виппер Р. Коммунизм и культура. Древность. 1925; Лазерсон М. Революция и право. 1926; Вайнтроб М. Причины происхождения антисемитизма. 1927; Исаева Е. Рассказы. 1927; Бендер Г. Евангельский Иисус и его «учение». 1930; Вайнтроб М. Душа голусного еврея. 1932. После войны библиотека Эттингер перешла во владение новообразованного Союза писателей и долгие годы являлась ядром его книгохранилища. В 1996 обедневший Союз писателей, вынужденный покинуть денационализированное здание, распродал библиотеку.

Ю.И.Абызов (Латвия)

«РОДНАЯ СТАРИНА» (Рига, 1928. № 1. 15 января — 1933. № 13) — журнал, «посвященный вопросам религиозно-нравственного и национального просвещения», издавался в Риге староверческим «кружком ревнителей старины» (образован 2 июня 1927) при Гребенщиковском училище староверческой общины. С № 7 (1929) подзаголовок изменяется на «Староверческий исторический вестник». Учредителями и редакторами журнала значились И.Н.Заволоко, Д.Д.Михайлов, А.К.Фомичев, активисты староверческой Гребенщиковской общины, частые докладчики в религиозно-просветительском кружке при общине и сами — постоянные авторы журнала. В конце № 2 указано имя ответственного редактора: А.Р.Смейльс. Программа издания была изложена в редакционном обращении к «братьям-христианам» (№ 1. С. 2). Основой журнала объявлялось «начало религиозное» и идея духовного и национального просвещения молодежи, прежде всего староверческой. Стремясь противопоставить русскую культуру «материалистическому Западу», издатели старательно отбирают материал для номеров журнала. Изобразительный ряд представлен известными работами Н.Рериха и М.Нестерова, фотографиями старинных икон и гравюр, рисунками, посвященными истории русских храмов и монастырей. Одна из таких фотографий запечатлела приезд в Ригу «известного исследователя древнерусской иконы» *П.П.Муратова* (№ 5—6. С. 31). Особенность журнала — использование заставок и заглавных букв из рукописей, хранящихся в собрании книг Рижской Гребенщиковской общины. Подборки в № 3 посвящены женщинам-подвижницам — святым, постницам и пустынницам, исповедницам и мученицам; в двух статьях рассказывается о русских женщинах — игуменье Евникии (Е.В.Батовой-Хмельницкой) и кн. М.К.Тенишевой.

Все литературные материалы, появлявшиеся в журнале, были перепечаткой произведений: *Г.Гребенщикова* (№ 1), Д.Мордовцева (эпизоды из романа «Великий раскол» печатались в № 1—4), *А.Ремизова* (№ 4). И только в № 4 появился отрывок из «готовящейся к печати» новой повести *Л.Зурова* «Отчина»: «при содействии кружка ревнителей старины» автор «весною т.г. посетил Печерский край, где помимо литературной работы сделал ряд ценных исследований» (с. 13). К подобным «первым публикациям» принадлежит и рассказ Е.М. [Е.Максимовой] «У Дениса Мышецкого» (№ 7), написанный также на историческую тему и не без влияния Зурова.

Издатели журнала испытывали материальные затруднения, но обращались к читателям не только за денежной помощью. Члены кружка ревнителей старины предлагали читателям присылать для публикации свои записи, касающиеся устройства староверческих общин и их жизни. Однако, судя по помещенным в журнале материалам, читательских откликов почти не последовало. Среди постоянных авторов журнала: И.Алексеев, И.Евдокимов, А.Мельников, И.Никифоров, А.Никольский, И.Парфенов, К.Поливанов, писавшие на темы русского религиозного искусства. В конце № 5/6 появилось глухое сообщение, что «отсутствие достаточных средств и непонимание со стороны некоторых кругов целей кружка служат препятствием к дальнейшему развитию деятельности кружка ревнителей старины» (с. 32). Читателей уведомляли, что в 1929 журнал «будет выходить лишь по мере изыскания средств, необходимых для продолжения издания» (там же). Средства были изысканы лишь для нескольких номеров.

Комплект журнала переиздан Староверческим кружком ревнителей русской старины в Риге в 1997 к столетнему юбилею

одного из его редакторов и постоянных авторов И.Н.Заволоко. В послесловии к сборнику из 13 номеров «РС» М.Пашинин называет издание журнала «издательским и редакторским подвигом Заволоко. Изданные на собственные средства или пожертвования, собранные «Кружком ревнителей старины» (который также возглавлял Иван Никифорович), журналы представляют собой тематические сборники... Насыщенность сведениями, сжатость и в то же время доступность изложения, богатая иллюстративность и украшенность древнерусскими и поморскими орнаментами создают замечательный стиль издания. Заволоко сумел избежать пресыщенности полемикой старообрядческих изданий начала XX века и показал, какое духовное богатство хранит Древлеправославие и от чего когда-то отвернулась Россия в слепом подражании чужим идеалам» (Родная старина. 1997. С. 301).

Т.В.Марченко

«РОДНОЕ СЛОВО» (Варшава, 1926. № 1 (пробный); № 1. 5 сентября — № 16/17. 17 декабря; 1927. № 1—4) — формальным редактором еженедельника выступал Й.Микуловски. Журнал был ориентирован не на эмиграцию в строгом смысле этого слова, а на ту часть русского народа, что в результате расчленения Российской Империи поневоле оказалась за пределами государства в его новых территориальных границах, — в первую очередь на жителей Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. Фактически издание являлось органом образованной в Польше в марте 1926 русской национально-политической организации — «Русского национального объединения». Единственный путь для русских — это объединение, единство — политическое, хозяйственное и культурное: «Русский к русскому! Объединение во имя единства; единство для действия; действенность во имя полных прав и лучшей доли для русского меньшинства!» (с. 1). «Из большого количества изданий, выпущенных ко Дню русской культуры, обращает на себя внимание именно этот небольшой журнал, — отмечал Н.В.Быстров. — Политическое направление журнала — национальная демократия» (*Годы*. 1926. № 3 (25). С. 31.). Редакция стремилась привлечь к сотрудничеству прежде всего представителей старшего поколения, тех, чей авторитет утвердился еще в дореволюционное время. Уже в пробном номере журнала, приуроченном к Дню русской культуры (6 июня), с изложением позиции издания выступил А.Кизеветтер. «Сила обаяния и притяжения нашей культуры в том и состоит, что в наших достижениях сочетается блеск национального своеобразия с глубиной общечеловеческой основы, — заявлял он в статье «Русская культура». — В области творчества, научного, философского, художественного характера особенностью нашей культуры является постоянное устремление к вопросам совести, к проблемам морали» (с. 12, 15). В журнале печатались также *Н.Лосский* («Общение наций и охранение национального своеобразия» // 1926. № 2), П.Савицкий («Великороссия и Украина в русской культуре» // 1926. № 8). Из корреспонденций *Дионео* выделялась статья «Основной текст», написанная по поводу двухсотлетия «Путешествий Гулливера» Дж.Свифта (1926. № 11). Доброжелательно встретившие «РС» эмигрантские критики подчеркивали его близость к тем дешевым журналам «для всех», что выпускались в дореволюционной России в расчете на провинциального читателя. Но, по замечанию *М.Осоргина*, подобные издания до революции редко привлекали внимание столичной интеллигенции, известных писателей и журналистов. Руководителям журнала удалось добиться большего: «Развернув его страницы, мы с удивлением увидим, что сотрудничают в нем лучшие силы эмиграции, не говоря уже о силах местных, взявших на себя освещение местных же вопросов» (ПН. 1926. 9 дек.). В «РС» публиковались произведения *Вас.Немировича-Данченко, Б.Зайцева*, Жака Нуара, *С.Минцлова, М.Алданова*, стихи и переводы *К.Бальмонта*, печатались также С.Барт, И.Матусевич, С.Андрюшин, *В.Федоров*, А.Фотинский, *Б.Семенов*. Редакция знакомила читателей и с творчеством писателей метрополии — П.Романова, К.Федина, И.Ломакина, Н.Никитина, А.Зуева, М.Зощенко, В.Инбер, Н.Огнева.

Преследуя в первую очередь культурно-просветительские цели, создатели журнала важное место уделяли истории русской литературы. Были опубликованы статьи *С.Завадского* «Наш Пушкин» (1926. № 1, пробный), Евг.Недзельского «Сергей Есенин»

(1926. № 2), В.Розенберга «М.Е.Салтыков-Щедрин и деревня», В.Саханева «Николай Михайлович Карамзин» (обе: 1926. № 14). *Николай Еленев* писал о прошлом русского искусства («В.М.Васнецов» // 1926. № 1) и «О русских художниках за границей» (1926. № 1, пробный). Раздел «О книгах», в котором публиковались рецензии на издательские новинки, появлялся на страницах журнала нерегулярно. Критики писали прежде всего о книгах, интересных широкому читателю, делая акцент на их увлекательности и доступности. «Из *А.Н.Толстого* (бывшего графа) выработался рассказчик живой, яркий, с большой и разнообразной выдумкой. Читать его всегда занимательно: и тогда, когда он увлекается темами фантастическими, как, например, первый рассказ, давший имя всему сборнику, и тогда, когда он сочно, но намеренно небрежно живописует жизнь в тылу белых армий в эпоху гражданской войны», — говорилось в отзыве на изданный в 1926 в Берлине сборник рассказов А.Н.Толстого «Семь дней, в которые был ограблен мир» (1926. № 1. С. 27). «Все, что выходит из-под пера этого весьма плодовитого писателя, воспринимается читателем легко и охотно» (1926. № 1. С. 27), — утверждал рецензент, представляя мемуары С.Р.Минцлова «Далекие дни» (Берлин, 1925). Объясняя причины, побудившие озаглавить журнал именно так, «РС» утверждало, что утрата родного языка равносильна потере национального лица, поскольку «родной язык, родное слово — могучее средство обособления извне и объединения изнутри» (1926. № 1, пробный. С. 2, 3). Именно язык отмечал среди главных достоинств нового издания М.Осоргин: «Журнал ведется отлично. Лучшее в нем — отсутствие политических выпадов, широта взглядов и терпимость. Журнал знает своих читателей и умеет с ними говорить языком взаимного понимания, — писал он, заключая свою статью о «РС». — Я уже упомянул и еще раз подчеркну одно высокое его достоинство: полную грамотность, и притом русскую грамотность, а не грамотность своеобразного эмигрантского жаргона, усвоенную большинством зарубежных периодических изданий. Все излагается на простом русском языке, понятном сельскому священнику и обывателю, но без интеллигентских подделок под речь мужицкую. Тот самый русский простой язык, который мы долго искали для российских народных изданий и который деятельные люди сумели найти за границей» (ПН. 1926. 9 дек.).

Д.Д.Николаев

«РОССИЯ» (Париж, 1927. 28 августа — 1928. 26 мая. № 1—37) — еженедельная газета, «орган национальной и освободительной борьбы», под редакцией *П.Б. Струве*; сотрудничали *В.Шульгин*, В.Э.Нольде, С.С.Ольденбург, *К.И.Зайцев, Г.П.Струве, Б.Зайцев*, Н.Кульман и др. Как общественно-политическое издание газета освещала события истории и текущей жизни в России и за рубежом. В течение 1927 печатались воспоминания-очерки Н.А.Цурикова о М.Н.Тухачевском. Целевой тематический номер газеты был посвящен генералу П.Н.Врангелю (1928. 5 мая). С 10 сентября 1927 в качестве субботнего приложения к «Р» выходила «Литературная газета» с постоянными рубриками: «В мире литературы и искусства», «Книжная полка», «Критические наброски» (К.Зайцев), «Художественные заметки» (Лоллий Львов). П.Струве публиковал на страницах «Литературной газеты» размышления, воспоминания и заметки на литературные темы — о писателях, взаимодействии русской и зарубежной литературы, выходивших новых книгах, как в России, так и за ее пределами. Целый цикл составили его работы о Пушкине (часть из них вошла затем в книгу «Дух и слово». Париж, 1981). В газете «Р» печатались его статьи «Пушкин и французские романтики (К юбилею французского романтизма)» (1927. 17 сент.); «Радищев и Пушкин» (1927. 1 окт.); «Пушкин о Стендале и Бальзаке» (1928. 7 янв.); «От Пушкина к Бальзаку» (1927. 26 нояб.). В статье «Шарль Нодье и Пушкин» (1927. 24 сент.) Струве развивал тему связей Пушкина и французских романтиков, сопоставлял в ней роман Ш.Нодье «Жан Сбогар» и повесть Пушкина «Дубровский», выявляя параллели и оригинальность пушкинского повествования. В статье «Соболевский и Мериме» — размышление о литературном взаимовлиянии Пушкина и французского писателя (1928. 24 марта). В «Заметках писателя» П.Струве печатал свои воспоминания о Ф.Сологубе (1927. 10 дек.), о встречах у него с *Л.Андре-*

евым, М.Горьким. Постоянным обозревателем газеты был К.Зайцев, выступавший как публицист и литературный критик. В статье «Художественная правда о деревенской контрреволюции. «Барсуки» — роман Л.Леонова» (1927. 3 дек.) он дал произведению молодого тогда автора высокую оценку: «Без обиняков, «Барсуки» — одно из самых значительных произведений русской литературы за последние годы». Обстоятельно анализируя содержание романа, К.Зайцев приходил к заключению: «Крестьяне духовно не приемлют советскую власть». Однако «активно бороться с большевизмом крестьянство не способно».

Н.Кульман в статье «Судьба русской народной поэзии и искусства» (1927. 10 сент.) назвал книгу «Крестьянское искусство СССР» (Л., 1927) «очень интересной», оценил ее богатство, подчеркивая, что в крестьянском искусстве, «конечно, нет ничего ни советского, ни социалистического», — это настоящее народное искусство, непосредственный хранитель и продолжатель того, что веками создавалось в русском народе. Все советское в области искусства «может лишь опошлять, разрушать, искажать, уничтожать». Газету привлек утопический политический роман Н.А.Павлова «Бред. Россия в 19... г.» (Париж, 1928). По оценке рецензента (О.С.Трахтерева), это — книга о России периода после падения коммунистической «сатанинской власти» (1928. 3 марта).

Наиболее значительный познавательный интерес представляют материалы газеты о творческой деятельности старшего и молодого поколения прозаиков и поэтов русского зарубежья. В ответе на письмо П.Струве, предложившего дать оценку истекшему десятилетию, *Бунин* писал: «Что я могу сказать? Все слова давно сказаны и мое отношение не только к большевикам, но и ко всей «великой и бескровной» хорошо известны. Я лишь могу еще раз всеми силами души присоединиться к великому хору проклятий» («Проклятое десятилетие» // 1927. 5 нояб.). Газета напечатала фрагменты из начальных двух глав романа Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927. 29 окт., 24 дек.), стихотворения, рассказ «Смерть» (1928. 14 апр.). В рубрике «Критические наброски» выступил К.Зайцев с этюдом «Детство печального счастливчика» (1928. 26 мая), отметив «изначальный пессимизм бунинской музы» и высокое мастерство в описании природы в «Жизни Арсеньева»: «Это описание принадлежит к тем редчайшим перлам художественной прозы, при чтении которых думаешь, подобно пушкинскому Сальери: «Стоило жить, чтобы вновь упиться такой дивной гармонией». Сообщалось о лекции проф. Н.К.Кульмана «И.А.Бунин в Сорбонне» (1928. 24 марта). Были опубликованы полемические «Заметки» Ив.Бунина (1928. 7 янв.), явившиеся репликой на статью *З.Н.Гиппиус* «Третий путь» в газете «*Возрождение*» (1927. 4 дек.), утверждавшей, что «левые и правые пути изжиты» и что «нужен некий третий путь».

»Жива ли русская литература за рубежом?» — ставил вопрос в «Критических набросках» К.Зайцев (1928. 24 марта). «Старики живы, — писал он. — Даже *Куприн* своим долгим и, можно было бояться, чуть не безнадежным молчанием, навел грусть на друзей русской литературы, «выбросил на литературный прилавок щедрую горсть чистого золота» (отрывок из повести «Юнкера»). Но растут ли новые таланты? На этот вопрос его ответ был ободряющим. В писательскую семью вошел *Георгий Песков*, привлекает внимание *Николай Еленев*. «Это все люди новые в литературе, здесь, за рубежом... и несомненно даровитые». Критик характеризовал творческий дар каждого из них, не обходя слабостей натуры и недостатков творческого опыта. Песков, отмечал Зайцев, склонен к фантастике. Шедевром Еленева критик назвал рассказ «Mizzi», который «сразу выводит автора на видное место», хотя и «пугают признаки его духовной опустошенности». Фантастика названного рассказа «разительна и свидетельствует о крупном литературном даровании».

С молодой поэзией русского зарубежья знакомил Глеб Струве в «Заметках о стихах» (1928. 14 апр.). Рассматривая сборник стихотворений *Н.Туроверова* «Путь» (Париж, 1928), он отмечал, что небольшая, более чем скромно изданная книжка выявляет свежесть и упругость стиха. И хотя ощутимы «блоковские воздействия», важно, что у молодого поэта есть что сказать и что он ищет свои ритмы. Туроверов «испил яда наших дней» и об этом не забывает. У поэта зоркая память, и он умеет передать виденное. Газета напечатала 17 декабря 1927

поэму Н.Туроверова «Новочеркасск» — о его родном городе. Местный колорит, заметил Г.Струве, придает его стихам особое очарование. Отмечался выход в Берлине романа *М.Алданова* «Заговор», об убийстве Павла I, издание в Париже 1 и 2 части «Оли» *А.Ремизова*, книги «Петр Великий, личность и деятельность» С.Ф.Платонова (Париж, 1927). Автора книги «Эпиграфы» Г.А.Ландау (Берлин, 1927) П.Струве назвал выдающимся публицистом (1927. 10 сент.). Газета публиковала работы на историко-литературные темы: «Два русских ясновидца. Гоголь и А.А.Иванов» (1927. 19 нояб.), «Н.М.Карамзин и его государственная идея» И.И.Лаппо (1927. 26 нояб.) и др.

В освещении и отображении явлений литературы газета выходила за пределы русской тематики. П.Струве привлек внимание к книге французского слависта А.Мазона «Лексика войны и революции в России (1914—1920)» (1928. 18 февр.). Сообщалось об издании заключительных томов цикла М.Пруста «В поисках утраченного времени», о книгах М.Барреса. Наряду со стихами *В.Сирина*, Г.Струве и др. широко была представлена французская поэзия циклами стихотворений в переводе *Ив.Тхоржевского* (Сюлли Прюдома, Шарля Морраса, Франсиса Гийома, Артура Рембо и др.). Особо говорилось о стихах Альбера Самена, «странно забытого русскими переводчиками» (1928. 4 февр.). Г.Струве выступил со статьей «Поэт и авантюрист. Судьба Артура Рембо» в связи с проводившимися во Франции мероприятиями в память поэта (1927. 29 окт.). Из английских авторов внимание газеты привлек Томас Харди. Публиковалась глава из его романа «Джуд Незаметный». В отзыве о романе за подписью Г.С. (Глеб Струве?) приводились впечатления французского художника Ж.-Э.Бланша о Харди как человеке, простоте писателя в общении и вместе с тем простоте его стиля, в отличие от «жеманности Генри Джеймса» и «изысканности Оскара Уайлда» (1928. 28 янв.).

В рубрике «Художественные заметки» публиковались информационные и аналитические статьи о событиях в мире изобразительного искусства. Газета отмечала крупные юбилейные даты выдающихся писателей — столетие Ибсена (1928. 31 марта).

О газете см. также статью Г.Струве «Из истории русской зарубежной печати. Издания П.Б.Струве» в сборнике «Русская литература в эмиграции» под редакцией *Н.Полторацкого* (Питтсбург, 1972).

Е.Ф.Трущенко

«РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО» (Париж, 1928. 1 декабря № 1 — 1934. Июнь. № 233) — еженедельная газета, орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности, выходила при ближайшем участии *Петра Струве*. Редактор *К.И.Зайцев* (в монашестве архимандрит Константин), литературный критик, богослов, профессор, автор «Курса истории русской литературы» (1969) и книги об *И.А.Бунине* (1934); с 1 марта 1930 (№ 66) — редакционный комитет в составе К.И.Зайцева, Лоллия Львова, С.С.Ольденбурга, *Глеба Струве*, Н.А.Цурикова (Прага). Преемница газеты *«Россия»*, выходившей под редакцией П.Б.Струве в 1927—1928, ставила своей целью объединение славянства как особого мира под началом сильной национальной России — великой державы. Газета видела в евразийстве «православный большевизм» (Струве П. // 1929. 6 июля), стремящийся в своем отторжении от Запада ввергнуть Россию в пучину «азиатчины» и «татарщины», возвратить страну к допетровским временам. Не меньше зла находила газета и в религиозном неоромантизме *Н.Бердяева*, работы которого, в силу их «нездоровой напряженности и выспренности», отличаются «несостоятельностью» и вместе с тем обладают большой притягательностью и соблазнительностью для ищущих умов. Россия нуждается в сильной власти — носительнице патриотизма и выразительнице национальных устремлений. «Будущее России, — писал П.Струве, — невозможно без военной диктатуры, в сущности, единственного по существу здорового вида диктатуры, но оно не может быть, даже в решающий переходный момент, построено только на такой диктатуре», не облагороженной православием и здоровой национальной культурой (1929. 24 авг.). Героями «Р. и с.» были великий князь Николай Николаевич, Верховный Главнокомандующий в годы Первой мировой войны (до его кончины в 1929), и генерал А.Кутепов, председатель Русского общевоинского союза в эмиграции (до его похищения в 1930), а

из писателей — расстрелянный ЧК по обвинению в заговоре против советской власти Н.Гумилев. Этот круг идей «обрекал» на поиск положительного примера в русской литературе — героя ярко выраженного национального самосознания и цельного мировоззрения, человека — патриота Отечества, исполненного веры в великое предназначение России и подвижничества в достижении цели: «Достоевский... в своей знаменитой речи о Пушкине... звал нас во имя русского спасения отказаться от горестной психологии лишнего человека в своем отечестве, перестать быть «Алеками» и не искать правды по цыганским таборам, — отказаться от той испепеляющей психологии лишних людей, которая, толкнув на ложный путь, сгубила столько энергичных русских характеров» (Львов Л. Пушкин и Россия: Ко дню русской культуры // 1933. Июнь). Уделив значительное внимание дореволюционной русской литературе, в особенности XIX века, газета, в соответствии со своими программными установками, «замолчала» творчество Л.Толстого и И.Гончарова, «не заметила» народнической литературы и литературы революционно-демократического направления, начиная с А.Герцена. Посвятив одну статью М.Лермонтову, ограничившись многочисленными упоминаниями Н.Гоголя, проведя как меру и эталон русского словесного искусства А.Пушкина через все, по существу, выпуски, газета сосредоточилась по преимуществу на творчестве Ф.Достоевского, И.Тургенева, Н.Лескова и А.Чехова. В прозе Ф.Достоевского, в особенности в его «Дневнике писателя», газета нашла неиссякаемый источник для творческого вдохновения как в критике социалистической революции, так и в размышлениях о судьбах России и славянства. В известном смысле автор «Бесов» и «Дневника писателя» явился духовным крестным отцом еженедельника (характерно, что П.Струве, по примеру Достоевского, печатал свои статьи под рубриками «Дневник политика» и «Дневник писателя»). «Величайший борец против атеизма, материализма и социализма», «человек великих страстей и великих падений, Достоевский был в то же время человеком огромной воли... В этом отличие сильного волею, хотя и больного Достоевского от слабых в волевом отношении, но физически гораздо более крепких русского барина и «баденского буржуя» Тургенева, «статского или действительного статского советника» Гончарова... «психолога дворянской души» Льва Толстого» (Струве П. Две речи о Достоевском // 1931. 21 февр.). О И.С.Тургеневе П.Струве писал: «Слабость тургеневского «сердца» отразилась и на его произведениях. В них, в отличие от творений Толстого и, еще более, Достоевского, нет никакой мощи. Они пленяют, но не потрясают» (Струве П. Тургенев // 1933. Сент.). А.Чехов как художник, по мнению газеты, «лучше» И.Тургенева — у последнего попадаются нежизненные, ходульные общественные типы. Однако «Чехов принадлежит к поколению писателей, принесших в литературу душу утомленную, более того — опустошенную. И вся литературная деятельность Чехова отмечена непрерывной борьбой с собственной душевной опустошенностью, борьбой тем более трудной и мучительной, что она не могла опереться на какое-либо «миросозерцание» (Струве П. Скорбь: Памяти А.П.Чехова // 1929. 13 июля). В творчестве Н.С.Лескова еженедельник обнаружил тот положительный тип русского человека, на который газета могла опереться в своей позитивной программе. В нем есть неистребимое жизненное ядро, за ним чувствуется почва, глубокая христианская культура, он целен и самодостаточен — «не рисуется, как Тургенев, не исповедуется, как Толстой, не терзается, как Достоевский. Он как бы просит оставить его самого в покое и заняться только его произведениями» (Спекторский Е. Н.С.Лесков // 1930. 26 июля).

В советской России, отмечала газета в середине 1929, до сих пор еще не создано «ни одного исключительно яркого произведения», в эмиграции же появился «ряд выдающихся художественных ценностей», благодаря которым в читающем мире наблюдается небывалый интерес к русской литературе вообще, и в этом заключается «величайшая национальная заслуга» русского зарубежья. Перспективы развития общерусской литературы газета оценивала довольно скептически: литература молодых ни в советской России, ни за рубежом «не позволяет питать больших надежд» на будущее (Кульман Н. Русская художественная литература за рубежом и в советской России // 1929. 18 марта, 30 апр., 15 июня). В иерархии художественных цен-

ностей, созданных в эмиграции, газета безусловное первое место отводила творчеству И.Бунина (*Бицилли П.* Бунин и его место в русской литературе // 1931. 27 июня). Автор «Деревни» и «Суходола» был первым большим русским писателем, решительно порвавшим с народническими иллюзиями, — любя народ, он чуждался его идеализации и был лишен чувства преклонения перед физическим трудом, «мозолями» и «потом», перед «властью земли», «необразованностью и некультурностью», перед «руссоизмом» и «толстоизмом» (Струве П. И.А.Бунин // 1933. Дек.). В прозе И.Бунина, в особенности в книгах «Жизнь Арсеньева» и «Божье древо», ощущается «писатель, отмеченный печатью гениальности» (Зайцев К. Бунин // 1931. 2 мая).

Высшим достижением художественного таланта *И.Шмелева* газета считала «воспоминательную» прозу писателя — «Родное», «Лето Господне», «Богомолье» — «тишайшие книги», «озаренные лучезарным сиянием давно забытого мира и покоя» (Л.Львов), книги «радости и света», от которых веет «исконным, вечным русским духом»; произведения, отличающиеся необыкновенным богатством родного языка и «блеском народного остроумия» и достойные — по глубине и тонкости проникновения в детскую психологию — занять свое место в одном ряду с «Детством» Л.Толстого и «Детскими годами Багрова-внука» С.Аксакова, а «единственный в своем роде тип» Горкина — стать вровень с пушкинским Савельичем и аксаковским Евсеичем (Кульман Н. «Лето Господне» // 1933. Июнь).

Благосклонно отозвавшись об «Афоне» *Б.Зайцева* — «в книге... схвачено нечто глубоко и интимно близкое русской душе», еженедельник настороженно встретил роман «Анна», увидев в нем некоторую связь с «католическим французским романистом Мориаком» (Зайцев К. Два новых русских романа // 1929. 6 июля). Не удовлетворили газету и первые главы «Жизни Тургенева» Б.Зайцева, опубликованные в 44 книге *«Современных записок»*: «Образ Тургенева остается ниже своих произведений. Тургеневу надо еще вырасти под пером своего биографа, чтобы оказаться способным написать те произведения, которые его обессмертили» (Зайцев К. «Современные записки». Кн. 44 // 1930. 15 нояб.).

Вплоть до выхода в свет романа «Ключ» газета не признавала *М.Алданова*, считая его писателем, не укорененным в отечественной почве, беллетристом безнационального, общеевропейского стандарта, хотя и не отрицала его большой эрудиции, исключительной популярности за рубежом и в этом смысле даже называла его выдающимся. Газету отталкивали в Алданове его скептицизм и ирония, равнозначные утрате смысла жизни и веры в будущее. Откликаясь на книгу «Современники», Г.Ландау замечал, что «прельстительный скепсис» и на родине своей, во Франции, начинает выходить из литературной моды (1929. 2 февр.). С публикацией романа «Ключ» взгляд на писателя резко переменился: произведение было воспринято как огромный шаг вперед и свидетельство «просвета» в его творчестве. Природу нового качества алдановской прозы газета объясняла обращением писателя к теме современной ему России и русской революции: едва автор прикоснулся к животрепещущему для него материалу — «сказалась его кровная связь с Россией», выразившаяся в «сочувственном понимании» всех выведенных в романе фигур (см.: Зайцев К. «Ключ» М.А.Алданова // 1929. 28 дек.).

Произведения *В.Сирина* (Набокова) вызвали на страницах газеты неявную, но острую полемику между К.Зайцевым и Г.Струве. Первый в статье «Бунинский» мир и «сиринский» мир», анализируя «Жизнь Арсеньева» и «Защиту Лужина», отмечал, сколь тяжело с высот бунинской поэзии погружаться в «кромешную тьму сиринского духовного подполья». «Блестящий писатель, — продолжал К.Зайцев. — И все же, с каким огромным облегчением закрываете вы книгу... не надо дальше читать этого наводящего гнетущую тоску талантливейшего изображения того, как живут люди, которым нечем и незачем жить... слепорожденные кроты, толкающиеся беспомощно, безвольно, безответственно, в потемках какого-то бессмысленного и бесцельного прозябания», — и заключал статью восклицанием: «Какой ужас так видеть жизнь, как ее видит Сирин!» (1929. 9 нояб.). Г.Струве, напротив, оценил «Защиту Лужина» как выдающееся произведение. «Неоднократно указывалось на «нерусскость» Сирина, — писал Г.Струве. — Мне это указание представляется неверным в общей форме. Но у

Сирина есть «нерусские» черты, не свойственные русской литературе... У него отсутствует... столь характерная для русской литературы «любовь к человеку»... Почти все персонажи Сирина отрицательные. Он питает... пристрастие к изображению уродов, моральных и физических, но в его изображении напрасно... искать, как у Достоевского, любви и жалости к этим уродам... Однако в «Защите Лужина» Сирин — может быть, вопреки своей воле — выходит как будто из этого круга «нелюбви к человеку»: в судьбе... Лужина есть что-то подлинно и патетически человеческое» (Струве Г. Творчество Сирина // 1930. 17 мая). Не ссылаясь на Г.Струве и не поминая его статьи, К.Зайцев в обзоре 55 книги «Современных записок» вновь вернулся к В.Сирину в связи с его повестью «Соглядатай» и подтвердил прежнюю оценку этого автора, охарактеризовав главную особенность его прозы как «отрыв сознания от бытия», в результате которого писатель «обретает власть не над жизнью, а над каким-то особым миром, обладающим всеми свойствами мира действительного, кроме одного: подлинности». И в заключение: «Трагедия сиринского человека... в том, что его... не существует!.. Страшная трагедия человека, потерявшего не свою тень, как былой Петер Шлемиль, а свою метафизическую сущность...» (1930. 15 нояб.).

Подобную философско-нравственную полемику К.Зайцев вел и с философом *Ф.Степуном* по поводу его романа «Николай Переслегин» (см.: 1929. 1, 22 июня). В советской литературе газету постоянно привлекали две фигуры — А.Блок и Н.Гумилев. Русский офицер, монархист, человек православной веры, Н.Гумилев в некотором роде — идеал газеты. Классические, устрояющие и оформляющие начала меры и порядка характеризуют не только его творчество, но и всю его жизнь. И в этом смысле Н.Гумилев — «подлинный классик», «необыкновенно цельная «классическая» личность», обладающая ясным законченным мировоззрением. Порою он отдавался мистическим предчувствиям и дионисийской стихии, но всякий раз «божественная мера» удерживала его от «захлеста» люциферической музыкой, какою был охвачен А.Блок (см.: *Голенищев-Кутузов И.* Мистическое начало в поэзии Гумилева // 1931. 29 авг.). Основное в поэзии Н.Гумилева — «приятие мира и пафос героизма» в их духовном единстве: «бестрепетная, не знающая преград и страха действенность и служение добру», «покорность Творцу и Его творению и одновременно непокорность злу» (Цуриков Н. Гумилев и его заветы // 1931. 29 авг.). Как человек и культурный тип Гумилев «входит в длинную и славную галерею русских поэтов-воинов, и он займет в ней по поэтической значительности одно из первых мест». А.Блок — антипод и полная противоположность Н.Гумилева. Он принадлежит, как сам выражался, к какой-то проклятой породе людей, у которых «в сердцах, восторженных когда-то, есть роковая пустота». Блок примыкает к непушкинской линии в развитии литературы — «поздний цветок русского романтизма», он, через В.Соловьева и А.Фета, восходит к М.Лермонтову (Струве Г. Магия Блока // 1931. 8 авг.). И если гумилевская «Швеция» «всецело» выдержана в традиции «Клеветникам России» А.Пушкина, то блоковские «Двенадцать» и «Скифы», эти «глубоко унизительные для русского национального чувства произведения», — «ужасная и объективно трагическая пародия на Пушкина и на Россию», «гениальное историческое свидетельство о глубине нашего падения», ибо «Евразийская» революция, возненавидевшая дело Петра и заколотившая руками Ленина «окно в Европу»... не «братский пир труда и мира», а «томительный бред», по Гумилеву, в котором «опять поникла, как вчера», Россия» (Цуриков Н. Блок, Гумилев, Пушкин о путях России // 1932. 16 апр.). Тайну поэтического гения Блока газета усматривает в обращении художника не к мысли (поэт небрежен и неряшлив в языке), а к ее предтече — музыке, не к языку, а к «праязыку» (Бицилли П. Литературные эксперименты // 1932. 3 сент.). Блок очаровывает читателя магией стиха как музыки. Под словом «магия» понимается способ и соблазн «приоткрытия лично для себя покровов доступного нам мира и подчинение лично себе потустороннего», но «как всякое властвование... оно обращается в подчинение... не в возвышающее подчинение «идее», «предмету», Богу, а принижающее подчинение неясным темным «силам» (Зайцев К. Бунин-поэт // 1929. 8 июня). Бунин и Гумилев чужды этого соблазна, в то время как Блок не избежал искушения революцией.

М.Горький, В.Маяковский и *А.Толстой* «присутствуют» в еженедельнике в восприятии И.Бунина-художника, и о них можно узнать только из беседы Елиеля (Л.Львова) с автором «Жизни Арсеньева» в начале апреля 1930. «По натуре он очень талантлив, — говорил Бунин об А.Толстом. — Но он всегда без вкуса, без меры, без такта... он меня, конечно, возмущает... теперешние его писания переполнены «агиткой»... И все же он всегда мне интересен». О М.Горьком: «Никогда не был его поклонником... «Челкаш» очень не понравился, и прав тот же Алексей Толстой, сказав про его героев: «босяки в испанских плащах и страусовых перьях»... «Клима Самгина»?.. Начинал читать и никак не мог». «В его «Артамоновых» — какая-то раскрашенная Русь...» О Маяковском: «вполне понимаю, что в гимназии его звали «Полифем Идиотович» (Елиель. У Бунина перед вечером // 1930. 5 апр.). Оценки Бунина и газеты могут не совпадать, как это случилось, к примеру, с прозой *А.Белого*, о которой Бунин сказал: «читать не могу». Газета же отметила: «как ни неприятно читать «Москву под ударом», от этой книги трудно оторваться» — «юродствующая стилистическая манера А.Белого является у него приемом достижения художественной выразительности» (П.Бицилли), однако вторую книгу его мемуаров («Начало века») оценила как «конец» писателя: «беспощадно расстрелянную литературно-общественную жизнь Москвы и Петербурга он изобличает во всех семи «капиталистических» грехах и бичует недавнюю и безжалостно растоптанную литературно-артистическую и интеллигентскую, профессорскую Москву с подлинно большевистским азартом» (Львов Л. Конец Андрея Белого // 1934. Янв.—февр.). Говоря о положении художественного таланта на родине, газета всякий раз подчеркивала неблагоприятные условия его развития, имея в виду идеологическое давление на писателя и цензурную жесткость по отношению к нему. М.Волошин, еще в 1905—1906 расслышавший «жестокий рев разнуздывающейся стихии и смутный гул, возвещавший роковое крушение великого государства», в пору «белого» движения написавший о России «несколько очень сильных стихотворений... затем, по-видимому, замолк. Его натура в обстановке большевистского гнета не могла развернуться. Не могло в ней получить своего выражения и то почвенно-национальное, религиозно окрашенное чувство, которое владело Волошиным и оригинально сочеталось с анархическим уклоном его духа» (Струве П. Памяти Максимилиана А.Волошина: Страничка из воспоминаний // 1932. 27 авг.).

Из писателей, вошедших в литературу после революции и гражданской войны, газета «среди огромного количества литературной халтуры» выделяла «не очень значительные, но несомненные дарования»: Л.Леонов, М.Булгаков, М.Зощенко, К.Федин, Б.Пильняк, В.Катаев, И.Бабель, Вс.Иванов, Л.Сейфуллина. При этом отмечала, что все они заняты двумя темами — гражданской войной и бытом, и стеснены той связанностью в свободном проявлении своих творческих сил, какую всегда ощущает чуткий талант из боязни сказать лишнее и «противное интересам... власти» (Кульман Н. Русская художественная литература за рубежом и в советской России // 1929. 18 марта). Необходимо заметить: газета порой теряет объективность, и политическую, и художественно-вкусовую, когда дело касается ее святая святых — старой русской армии и Белого движения. М.Шолохов, «автор несомненно большой и зоркой памяти и острого и глубокого взгляда», в романе «Тихий Дон» (кн. 1 и 2) «является художником и только художником, пока он описывает далекий от политики казачий быт. Как только ему приходится сойти с этой «аполитической» позиции... типичная большевистская идеология начинает овладевать его пером. Если бы он верил в нее, то и здесь могла бы быть какая-то художественная правда. Ведь есть же несомненная художественная правда в пресловутой «Конармии» Бабеля! Пусть обвиняют некоторые большевики эту книгу в контрреволюционности, однако эта отвратительная книга несомненно отчетливо большевистская книга, и в ней дышит большевистская же, пусть отвратительная и отталкивающая, но дышащая жизнью правда» (Зайцев К. «Тихий Дон» Шолохова // 1929. 6 апр.). В пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных» «эстетически неприемлемое» для газеты сводится к изображению гетмана Скоропадского и других исторических лиц: автор «не в состоянии убедить, что события во дворце протекали в такой фарсовой форме. Весь этот акт — продукция для со-

ветского райка... неубедительный, антихудожественный и исторически нелепый балаган» (Даватц В. Пьеса для русских: К постановке «Дней Турбиных» // 1931. 7 янв.). Из писателей, творческие дарования которых связаны с изображением повседневного быта, газета неоднократно останавливалась на рассказах М.Зощенко и противоречиво их оценивала: «талантливый циник» (Н.Кульман); «гениальность Зощенки в том, что он... уловил сущность «полуинтеллигенции» как социологического фактора и художественно выразил ее культурно-историческую роль, стилизуя специфические особенности ее языка» (П.Бицилли). Самой проницательной, однако, представляется точка зрения К.Зайцева: «Основная, определяющая особенность Зощенки в том, что он не сатирик. В нем нет элементов бойца. Это — тихий, болезненный, очень чувствительный, восприимчивый и повышенно-впечатлительный, склонный к ипохондрии человек, которому бесконечно жаль окружающих его людей и который как бы морально солидаризуется с ними» («Письма к Зощенке» // 1929. 16 нояб.). В газете можно также обнаружить отзывы на исторические романы Ю.Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» и «Кюхля». В рецензии на первый отмечается влияние на стиль автора прозы А.Белого: «То, что у Белого внутренне оправдано... у Тынянова — надуманное, искусственное, чисто головное... Тынянов кривляется и гаерствует не только словесно. Он подходит... с какой-то издевкой ко всему: к людям, к событиям, к истории... Вся русская история... оборачивается каким-то скверным анекдотцем, а действующие лица ее — смешными марионетками» (Струве Г. Роман о Грибоедове // 1929. 9 февр.). В рецензии на «Кюхлю» К.Зайцев отметил умение автора «живо рассказывать и неплохо препарировать... исторический материал», но не нашел у него «большого художественного дарования» (1929. 12 окт.).

Из прозаиков в газете печатались И.Беленихин (сентиментальные рассказы и очерки из помещичьей жизни «Прошлое»), *Н.Берберова* (главы из романа «Повелительница»), Б.Зайцев (рассказы и статьи), *Л.Зуров* (рассказы), В.Корсак (отрывки из романа «История одного контролера»), *Ант.Ладинский* (рассказы), В.Сирин (отрывки из романа «Подвиг»), *И.Сургучев* (рассказы и статьи), И.Шмелев (проза и публицистика), *В.Шульгин* (главы из романа «Приключения князя Воронецкого», циклы воспоминаний «Война без мира» и «Вышивка крестиком», политическая публицистика) и др. Из поэтов — *К.Бальмонт* (перевод «Слова о полку Игореве» и свыше пятидесяти оригинальных стихотворений), И.Бунин (стихи и переводы «Из крымских сонетов» А.Мицкевича, нобелевская речь, отзыв о прозаике Л.Зурове), И.Голенищев-Кутузов, *Б.Лазаревский, Г.Мейер, Л.Столица, Ю.Терапиано, Н.Туроверов* и др. На страницах газеты увидели свет воспоминания *Н.Арсеньева* о людях старой Москвы, художника *К.Коровина* «Мои ранние годы», «Врубель» и «А.Я.Головин», Н.Языкова «Деды и внуки» (отец автора был внучатым племянником поэта Н.М.Языкова), дневник В.Даватца «С Кутеповым» и др. Газета вела большую работу по ознакомлению читателей русской эмиграции со славянскими литературами (болгарской, польской, югославской, лужицких сербов и карпато-русской), систематически публикуя произведения славянских писателей в переводах русских авторов (К.Бальмонта, И.Голенищева-Кутузова, Л.Столицы и др.), их литературные портреты и статьи о русско-славянских и межславянских литературных связях. Выдающееся место в этой работе принадлежит Бальмонту: «Никто из русских писателей не сделал так много для литературного сближения славянских миров, — отмечала газета, — как К.Д.Бальмонт... годы изгнания он, можно смело сказать, все свое время, свободное от самостоятельного поэтического творчества, отдавал славянам и Литве. Особенно замечательны его переводы Ярослава Врхлицкого и Яна Каспровича, а также переводы болгарских, сербских, хорватских, словенских народных песен» (Кульман Н. Бальмонт и славяне // 1931. 25 апр.). Перу Бальмонта принадлежит также свыше тридцати статей, посвященных творчеству славянских поэтов и проблемам перевода. В отделе «Литературная газета» печатались стихи, беллетристика, воспоминания, статьи по русской литературе и культуре в прошлом и современной русской литературе (последние два подотдела держались в основном работами К.Зайцева), рубрика «Rossica» (в ней выступали профессор Н.К.Кульман и Г.Струве), статьи по славянским литературам (польскую вел С.Кулаковский), славянове-

дению (Н.Кульман, М.Панас, В.А.Францев и др.), изобразительному искусству (Л.Львов), театру и музыке (Л.Львов, В.Светлов).

С еженедельными политическими обозрениями выступал в газете С.С.Ольденбург; под рубрикой «Россия и славянство. Славянская взаимность» печатались Ф.В.Тарановский, А.В.Флоровский, В.В.Шульгин и др.; с современной Россией и международным положением коммунизма знакомил читателя Е.Саблин; с проблемами церкви и религиозного движения — кн. Г.Н.Трубецкой; с национально-освободительным движением и русской армией за рубежом — Н.Цуриков; Болгарию представлял Н.Николаевский, Чехословакию — С.Варшавский, Подкарпатскую Русь — кн. П.Долгоруков и С.Савинов, Югославию — автор, подписывавший свои материалы инициалами А.Б.В.; в рубрике «Мировое хозяйство» публиковались работы П.Б.Струве, экономику России освещали Наблюдатель и Экономист (псевд.), Болгарии — Н.В.Долинский, Польши и Чехословакии — Н.Жекулин, Югославии — Старый Финансист (псевд.). С марта 1933 газета стала выходить нерегулярно; в июне 1934 из-за финансовых затруднений прекратила свое существование.

В.В.Васильев

«РУБЕЖ» (Харбин, 1927—1945. Август) — еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал, выпускавшийся в харбинском издательстве «Заря». Издатель — Е.С.Кауфман, редакторы — Г.Н.Шипков (1927—1929), М.С.Рокотов (Бибинов) (1929—1943), К.С.Сабуров (1943—1945). В 1927 вышло лишь несколько номеров «Р», но начиная с 1928 журнал выходил бесперебойно по субботам в течение 18 с половиной лет. Объем журнала, как правило, составлял 20 с. (праздничные номера — 30—34 с.). В каждом номере печаталось 7—8 стихотворений и 2—3 рассказа местных русских авторов; рассказы и «роман с продолжением», переведенные с иностранных языков; иллюстрированные очерки о культурной и политической жизни в разных странах мира, местная хроника, «полезные советы», «крестословица». Небольшой библиографический отдел знакомил читателей с книжными новинками как дальневосточных, так и западных русских издательств.

В «Р» регулярно появлялись рассказы и стихи *А.Несмелова* (в журнале была впервые напечатана его поэма «Протопопица» // 1939. № 42), рассказы Якова Ловича (Дейча), Василия Логинова, Константина Сабурова, стихи *А.Ачаира*. Впервые напечатали свои произведения в «Р» Альфред Хейдок, *В.Перелешин* и многие другие. На страницах журнала появлялись стихи почти всех поэтов молодого поколения эмигрантской волны, в т.ч. — победителей конкурсов литературно-художественного объединения *«Чураевка»*. Поэтические переводы В.Перелешина, Н.Светлова и др. знакомили читателей с произведениями поэтов Запада и Востока (например, на страницах журнала был впервые опубликован перевод В.Перелешиным поэмы С.Т.Колриджа «Сказание старого моряка» (1940. № 34), а также стихотворений из наследия китайской классики).

Проза местных авторов появлялась в «Р» в виде коротких рассказов-новелл. Наряду с такими литераторами старшего поколения, как А.Несмелов, К.Сабуров, В.Логинов, Н.Веселовский, стиль которых отличался мастерством и зрелостью, в журнале печатали и молодых авторов. Не все из них в дальнейшем проявили себя на литературном поприще, однако со страниц «Р» пришли к читателю интереснейшие рассказы молодого писателя Б.Юльского. Большинство рассказов русских авторов — об эмигрантской жизни с отголосками пережитого в годы гражданской войны и социальных потрясений в России: Несмелов А. Голубое одеяло (1940. № 47); Миллион за обоями (1935. № 51); Логинов В. Когда человек проснется (1930. № 26); Сабуров К. Бабушкин подарок (1931. № 1) и др. В некоторых рассказах, — главным образом Несмелова, — эпизоды из жизни кадетского корпуса, дореволюционной жизни в России, первой мировой или гражданской войн: Несмелов А. Зло (1935. № 45), Шестое чувство (1936. № 32), Герр Тицнер (1936. № 42); Сабуров К. Роман Кащерина (1937. № 39); Логинов В. Рассказ о любви и смерти (1930. № 16); Лович Я. Два Рождества (1930. № 2); Веселовский Н. (Выговский). Чародейка (1942. № 18) и др. С 1929 до середины 30-х в журнале часто появлялись интригующие рассказы А.Хейдока — романтические фантазии или мистические истории, над героями которых всегда нависа-

ло «веяние крыл неразгаданной тайны» (Врата. Шанхай, 1935. № 2). Некоторые из них вышли в 1934 отдельным сборником под названием «Звезды Маньчжурии» с предисловием Н.Рериха. Действие рассказов Хейдока и других авторов происходит в Китае; даются реалии местной жизни в этой азиатской стране (Несмелов А. Сторублевка (1938. № 12); Сабуров К. Голубая долина (1935. № 30); Логинов В. Робинзоны (1940. № 8); Юльский Б. Шутка (1941. № 52) и др.).

Рассказы Бориса Юльского стали появляться с середины 30-х в «Р» и других периодических изданиях. Они выделялись на фоне всей публиковавшейся прозы неординарной тематикой, интересными персонажами. У него «был дар художника, необыкновенно зоркий глаз и поразительное искусство слова» (Перелешин В. Два полустанка. Амстердам, 1987. С. 51). В рассказах Юльского, представляющего молодое поколение харбинских прозаиков, нет «изгойского синдрома», характерного для авторов старшего возраста. Его персонажи — профессора, гувернантки, жокеи, торговцы живым товаром, охотники, служащие лесной полиции, контрабандисты, — реальные люди из той среды, которая окружала писателя («Yes, Madam» // 1937. № 21; «Хищник» // 1938. № 12; «Рак» // 1938. № 41; «Обрыв» // 1941. № 1; «Закон жизни» // 1935. № 44; «Легион» // 1940. № 17 и др.).

В 30-х — 40-х в журнале существовал раздел «Книжные новинки», представлявший краткие рецензии, главным образом, на книги русских западных издательств, которые попадали на полки харбинских библиотек. В этом библиографическом разделе появились отклики на книги: Бакунина Т.А. Российские вольные каменщики (1934. № 27), *Крымов Вл.* Сенсация графа Азара (1940. № 34), *Алданов М.А.* Бельведерский торс (1941. № 1), *Мережковский Д.С.* Жанна д'Арк (1941. № 8) и др. Рецензировались литературные журналы и сборники (*«Числа»*, «Литературный смотр» и др.). За подписью А.Ребринский в разделе «Литературный ларец» печатались «Беседы о литературном творчестве». Журналом отмечались большие юбилейные даты культурной жизни (на его страницах был опубликован очерк проф. Г.К.Гинса, посвященный двадцатилетию со дня смерти Н.С.Гумилева // 1941. № 8).

«Р» помещал очерки с иллюстрациями, как перепечатанными из других изданий, так и присланными специальными корреспондентами. Среди его специальных корреспондентов — *А.В.Амфитеатров* (Италия), В.Н.Унковский (Франция), Т.Баженова (США), священник Серышев (Австралия) и др. В редакцию также поступали материалы из Токио, Филиппин, Тегерана и других мест русского рассеяния (см. в юбилейных номерах журнала: 1937. № 35; 1943. № 1). До второй мировой войны на страницах «Р» можно было встретить произведения русских авторов из Европы и США, специально присланные в редакцию, — *Саши Черного*, *Г.Гребенщикова*, А.Казанского, *Н.Туроверова* и др. Помимо оригинальных рассказов русских авторов, популярностью пользовались иностранные новеллы в переводе О.Сафоновой, Е.Петровой, И.Мирандова, Е.Сентяниной, Т.Беляевой, В.Иевлевой и др. Из «романов с продолжением» были опубликованы: «Венера в роговых очках» Берты Рок, «Канувшее в Лету» («Унесенные ветром») М.Митчелл, «Ребекка» Дафны дю Морье и др.

Местная хроника — в основном анонсы и рецензии на все большие события культурной жизни Харбина: театральные постановки, оперные и балетные спектакли, концерты симфонического оркестра, обзоры спортивной жизни — широко иллюстрировалась. Публиковались снимки известных фотографов (Скамони-Шапшинского, Алина, Абламского и др.). Кроме хроники местной жизни и событий в Азии, на страницах «Р» можно было найти фотографии Шаляпина, Алданова, *Шмелева*, Лифаря, Н.Рериха, *Б.Зайцева*, С.Черного. До середины 30-х в журнале сотрудничала известная карикатуристка Вита (В.Загибалова), еженедельно представлявшая страницу своих рисунков, пользовавшихся популярностью.

Самый долговечный из всех периодических изданий дальневосточного русского зарубежья, журнал «Р» возник не случайно. Издательство газет «Заря» и «Рупор» начало «это новое для себя дело после основательной подготовки, причем одной из главнейших причин, побудивших его к этому, явилось желание использовать тот художественный литературный материал, который поступал от дальневосточной пишущей братии в большом количестве и не мог найти места в газетах нашего издательства. Дей-

ствительно, до возникновения «Рубежа» харбинские поэты и писатели совершенно не имели возможности печататься сколько-нибудь регулярно» (1937. № 35. С. 1).

Подписчиками журнала были многие русские эмигранты из далеких стран. «Можно указать немало фактов, когда «Рубеж» был единственным русским печатным словом, достигающим эмигрантского читателя где-либо на островках, в колониях Африки или даже в таком центре, как Тегеран, куда волею судеб попало немало русских изгнанников» (1943. № 1. С. 1).

См. также статью: Штейн Э. Харбинский «Рубеж» // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1994. Т. 3.

Е.П.Таскина

«РУЛЬ» (Берлин, 1920. 17 ноября. № 1 — 1931. 14 октября. № 3309) — ежедневная газета, основанная И.В.Гессеном, А.И.Каминкой и В.Д.Набоковым, имя которого сохранялось в титрах и после его гибели от рук убийц в марте 1922. История «Р» и его политическая позиция, мало менявшаяся на протяжении одиннадцати лет вплоть до закрытия, освещена в мемуарах одного из редакторов И.В.Гессена «Годы изгнания (Жизненный отчет)» (Париж, 1979), отмечавшего (с. 127), что, снискав в глазах большевиков репутацию «самой злой газеты» из всех эмигрантских изданий (Зиновьев), редакция «Р» воспринимала такие оценки как самое весомое признание своих заслуг. Здесь с самого начала была решительно отвергнута идея постепенного «засыпания рвов» между беженцами и красной Россией, а пропагандисты примирения — от Е.Д.Кусковой (с нею очень резко полемизировала *З.Гиппиус* // 1922. 10 сент.) до «возвращенцев» — неизменно получали отповедь на страницах газеты. Раньше других изданий зарубежья «Р» констатировал возникновение диктатуры Сталина (так была озаглавлена передовица в номере от 29 января 1926). Подробно критически освещались события, происходившие в СССР. Со временем особое внимание стало уделяться свидетельствам «третьей эмиграции» — рассказам-исповедям бывших советских подданных, бежавших на Запад. Сам термин «третья эмиграция» предложил один из них — С.Дмитриевский в статье, опубликованной 29 мая 1930. Бескомпромиссность «Р» вызвала ответную реакцию: помещение газеты подвергалось бандитским нападениям, которые в советской печати были истолкованы как взрыв возмущения революционно настроенных немецких пролетариев. Руководители издания обвинялись московской прессой в продажности.

Тираж быстро достиг цифры более 20000 экз., и подписчики появились даже в самых отдаленных местах. Газета регулярно публиковала материалы не только о берлинской и парижской эмиграции: большое внимание уделялось русскому рассеянию на Балканах, в США, Балтии, Латинской Америке, Китае и др. странах. «Р» освещал деловую, политическую, религиозную жизнь русских сообществ, но особенно — новости культуры. С целью дать по возможности полную картину русского эмигрантского быта в разных странах газета с 1923 начала выпуск воскресного приложения «Наш мир», оказавшегося, правда, недолговечным. Впоследствии появились две дополнительные полосы «Жизнь и шарж», отводившиеся под хронику. Они все больше заполнялись сообщениями с родины.

Преобладающее значение известия из Москвы имели и для других отделов газеты. По свидетельству И.В.Гессена, «для «Руля» судьбы России оставались на первом плане, отодвигая в тень все остальное... Смутно начали обрисовываться пути и намерения злокозненной насмешницы истории. Со всем увлечением мы старались распознать эти пути, вскрыть подспудные намерения» (с. 144). Согласно И.В.Гессену, позиция газеты определялась двумя основными положениями: недопустимость какого бы то ни было сотрудничества с советской властью и преодоление внутренних раздоров в стане эмиграции. ««Руль», — пишет он, — неустанно напоминал, какой страшный вред приносит взаимная позорная грызня эмигрантской массе и какое безнадежное впечатление должен производить наш разброд на страдающих на родине под игом советского режима» (с. 177). Однако Гессен признает, что попытки газеты добиться согласия оказывались чаще всего бесплодными. Конфронтация становилась все более неотвратимой, а консенсус — все менее реальным. Это подтвердила и судьба самой газеты, когда из-за финансовых трудностей она была вынуждена вступить в

коалицию с пражской группой «Крестьянская Россия», возглавляемой С.С.Масловым. Союз, не подкрепленный общностью политической линии, продержался лишь несколько месяцев и не только не способствовал сохранению «Р», но лишь приблизил его гибель.

Понимание миссии русской эмиграции, которого придерживалась газета, было сформулировано уже в одном из ее первых номеров статьей В.Д.Набокова «Мы и они» (1920. 27 нояб.), где утверждалось, что эта эмиграция «не имеет прецедентов в мировой истории». Она не представляет собой единого политического движения, поскольку репрессии и преследования были главными факторами беженства лишь в первые полтора-два года после октябрьского переворота, а затем начался массовый исход по причине «чудовищных, невозможных и невыносимых политических, материальных, правовых, культурных условий, превращающих жизнь в Совдепии в подлинный ад». Не возникало ни общей идейной платформы, ни принципиального расхождения с «оставшимися»: «Получились две огромные категории русских людей, по существу совершенно однородных, отделенных друг от друга просто географической чертой. По одной стороне этой черты... все, что выработано ходом цивилизации. По другой — свирепое торжествующее хамство... Если не будет найден путь к объединению «нас» с «ними» и порвутся наши духовные связи... будет второе изгнание, горше первого». Помня, что «нет и не может быть ужаса худшего, позорнейшего, чем режим большевиков», надо помнить и о том, что «когда-нибудь... мы туда вернемся, к ним, исстрадавшимся», — но не с озлобленностью и не с пустыми руками, а с сохраненными в изгнании ценностями русской культуры: сбережение их и преумножение для будущей свободной России, по Набокову, главная задача зарубежья. К этой теме «Р» обращался постоянно, и одним из самых заметных его выступлений стала напечатанная 3 апреля 1924 речь *Бунина* «Миссия русской эмиграции», — она была произнесена 16 февраля на вечере в Париже (где выступили также *Мережковский, Шмелев*, Карташев) и вызвала резкие нападки как со стороны советского официоза (статья в «Правде» 16 марта 1924, озаглавленная «Маскарад мертвецов»), так и со стороны П.Милюкова, писавшего о «непримиримости с новой жизнью, тоске о прошлом и гордости». «Р» опубликовал бунинский текст без редакционных комментариев, однако, с несомненным сочувствием, поскольку и тон, и пафос этой речи вполне согласовывались с позицией газеты. Бунин говорил о том, что «миссия русской эмиграции, доказавшей... что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов... заключается в продолжении этого неприятия... Мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся. Мы хотим не обратного, а только иного течения... Да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для неправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России».

«Р» стремился следовать этому пониманию долга эмиграции перед покинутой родиной. Поэтому с самого начала публикациям, посвященным проблемам интеллектуальной, религиозной и культурной жизни, придавалось в газете первостепенное значение. На ее страницах появлялись произведения всех наиболее заметных писателей, оказавшихся в эмиграции, — печатались Бунин, Шмелев, *Зайцев, Бальмонт, Амфитеатров, Юшкевич, Ремизов, Аверченко, Саша Черный, Тэффи*. С номера от 7 января 1921 активное участие принимал в газете В.Сирин (*Набоков*) — как поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик (в частности, под заглавием «Николка Персик» в «Р» появился вышедший затем отдельным изданием перевод «Кола Брюньона» Ромена Роллана, здесь же Набоков напечатал свое вольное переложение стихотворения Бодлера «Альбатрос»). Постепенно здесь стали печататься и другие писатели, представляющие молодую эмигрантскую литературу, — *Н.Рощин, Г.Кузнецова*.

Для газеты было исключительно важно доказать, что после исхода из России духовная традиция не прервалась и что в изгнании она осталась глубоко национальной, тогда как большевизм знаменует собой как раз разрушение и гибель русских форм духовной, интеллектуальной, художественной жизни. Принципиальной оказалась полемика вокруг этой проблемы, завязавшаяся в связи со статьями *А.Белого* «О России в

России» и «О России в Берлине» (*Беседа*. 1923. № 1). Отвергая мысль Белого о плодотворной культурной работе большевиков в массах, *Ю.Айхенвальд* констатировал, что «теперешняя Россия живет на духовный счет прежней», и писал: «Сравнивать Россию с Берлином, величины несоизмеримые, — дело праздное. И можно изобличать все пороки эмигрантства, совсем не противопоставляя ему тех материальных и духовных руин, которые остались от былой России. И поскольку эмиграция продолжает на чужбине традицию родины, поскольку она поддерживает преемственность национальной культуры, прерванную нашим историческим землетрясением... постольку вообще нет противоположности между нею, русской колонией, и нашей недавно великой метрополией» (1923. 27 мая). Г.Ландау (1923. 27 июля) пошел еще дальше, обвинив Белого в «духовной скалозубовщине».

Однако преобладал в «Р» все-таки дух заинтересованного освещения всех примечательных событий в культуре метрополии, и наглядным подтверждением готовности не возводить стену между «нами» и «ними» было постоянство, с каким газета представляла все заслуживающее внимания в литературной и художественной жизни на родине. «Р» за одиннадцать лет своего существования познакомил читателей со всей пореволюционной русской литературой, исключая лишь *Горького*, отношение к которому в этой газете было неизменно враждебным. Среди оставшихся в России авторов, которые наиболее часто появлялись в «Р», иной раз публиковавшем выпусками и большие их произведения, — П.Романов, И.Соколов-Микитов, К.Федин, В.Шишков, Л.Сейфуллина; печатались *Е.Замятин*, М.Зощенко, Л.Добычин, Б.Пильняк, О.Форш, В.Инбер. Несколько раз подборками был представлен С.Есенин. Даже антипатичный «Р» В.Маяковский, как и сделавшийся одиозным «возвращенец» *А.Толстой*, находили для себя место на литературных полосах газеты. Если прибавить к этому публикации из новейшей европейской литературы (в частности, большие отрывки из романа Э.М.Ремарка «На Западном фронте без перемен», прозу Дж.Конрада, печатавшиеся с продолжением романы А.Моруа и А.Струга и др.), понятной станет репутация «Р» как одного из самых интеллигентных изданий зарубежья. Этой славе во многом способствовал и хорошо поставленный в газете отдел искусств. «Р» систематически рецензировал парижские и берлинские художественные выставки (часто и преимущественно в критическом тоне писалось здесь о новейших веяниях — дадаизме, экспрессионизме), был внимателен к событиям музыкальной жизни, информировал о новинках кинематографа и особенно пристально следил за новостями театра.

Иногда на этих полосах появлялось имя *С.Маковского*, очень язвительного по отношению к современной жизни, особенно немецкой («Трагические низины элементарности и самоотрицания» // 1921. 22 апр.), но в основном раздел искусств вели парижский сотрудник газеты С.Яблоновский, а также *С.Горный* и постоянный художественный обозреватель Ю.Офросимов. Он пробовал заниматься и режиссурой в берлинских русских труппах, чей век обычно был очень недолог; им поставлена первая набоковская пьеса «Человек из СССР», — в рецензии Б.Бродского, напечатанной 5 апреля 1927, спектакль оценивался прохладно, зато комплименты заслужила сама «первая пьеса из эмигрантской жизни».

«Р» пространно освещал берлинские и парижские гастроли Качаловской труппы МХТ в 1922, Камерного театра (1923). Ю.Офросимов находил выдающейся таировскую постановку «Принцессы Брамбиллы», открывшей немцам истинного Гофмана, а С.Яблоновский высказывался более сдержанно: «Театральные течения, подобные таировскому, представляются мне неизбежными конвульсиями на рубеже двух эпох, расцепляющих одно большое искусство, уже исчерпывающее себя (МХТ), от другого большого искусства, еще не пришедшего к нам» (1923. 24 марта). Намного более язвительными были отклики на берлинские гастроли Театра Мейерхольда, показавшего «Ревизора». Ю.Офросимов писал о «нагнанной пошлости», «буффонаде с долей акробатики» и тривиальных приемах, означающих грубое насилие над гоголевским текстом, а второй спектакль — «Командарм-2» И.Сельвинского — оценил как откровенный провал (1930. 17 апр. и 1 мая). Правда, столь же скептичными были и рецензии Ю.Офросимова на постановки немецких театральных новаторов — Э.Пискатора и даже М.Рейнгардта. В.Татаринов, откликаясь на выставку кубо-футуристов (1922.

4 нояб.), характеризовал их полотна как «скачку с препятствиями, упражнение на трапециях», затронув и существо дела: «Задача насадить экспрессионизм и кубо-футуризм и с них начать воспитание народа бессмысленна и заранее обречена». Мысль о том, что «социальной революции должна непременно сопутствовать художественная», представлялась ему безумной.

Среди материалов, публиковавшихся на полосе искусств, были пространные портреты былых кумиров московской и петербургской сцены — Федотовой, Вахтангова, Савиной — главы из «Моей жизни в искусстве» Станиславского, записок Репина, мемуаров Шаляпина, информация о наиболее ярких событиях текущего сезона (например, «Р» осенью 1930 сообщал о дебюте «новой звезды Мариинского театра» Г.Улановой). Авторитет газеты также приумножал интересный отдел философии и гуманитарных наук. С первых лет издания в нем активно сотрудничали такие корифеи, как М.Ростовцев и *С.Франк*, к которым вскоре присоединился печатавшийся в газете до самого ее закрытия А.Кизеветтер. Проблемные статьи на актуальные темы из области исторического знания и культурфилософии (появлялись пространные аналитические материалы о Ницше, Шпенглере, Фрейде, концептуальные разборы новейших тенденций интеллектуальной жизни и т.п.) с самого начала стали отличительной особенностью «Р».

Тон задал В.Д.Набоков полемикой с народническими взглядами Н.К.Михайловского, приуроченной к десятилетию со дня смерти Толстого и коснувшейся феномена «искания смысла жизни» как русской духовной сущности (1920. 21 апр.), а затем статьей «Развенчание европейской культуры» (1921. 24 апр.), открывшей многолетнюю полемику газеты с кругом идей евразийства. Соглашаясь с мыслью *Н.Трубецкого* о недопустимости насилия, Набоков вместе с тем отверг «партикуляризм», которым проникнута брошюра его оппонента «Европа и человечество», призвал не оспаривать «абсолютное значение благ европейской цивилизации», а переживаемый Россией исторический кризис соотнес как раз с относительной слабостью и неукорененностью элементов этой культуры в ее обиходе. Евразийство для него — итог потрясений войны, которая «ударила по самым основам европейской культуры» и породила пафос ее отрицания, производимого под демократическими лозунгами, но оборачивающегося только пособничеством новому разрушению.

С этой интерпретацией, правда, полемизировал другой сотрудник «Р» В.Татаринов, в рецензии на сборник «Исход к Востоку» писавший, что в нем «биение живой, пробуждающейся национальной мысли, которая теперь загорается повсюду — и в придавленной рабской России, и в чуждой холодной Европе» (1921. 4 сент.). Однако Г.Ландау, который после гибели В.Д.Набокова ведал в «Р» научными и философскими дискуссиями, оценил евразийство еще более негативно, чем его предшественник, обнаруживая в сборнике «На путях» объективные переклички с Писаревым, даже с Лениным, «нигилизм», готовность оправдать большевиков как «антиреволюционеров против дела Петра» (1922. 18, 21 дек.). Особое неприятие вызвала у Ландау отстаиваемая *Г.Флоровским* и *П.Бицилли* мысль о том, что Россия — только посредник, связующее звено между Западом и Востоком, и в ней «легко строится, легко разрушается, ничего своего». В первой из двух своих статей Ландау возражает Флоровскому: «Если культура была органической, богатой и цельной и продолжала жить в качестве таковой, то совершенно непонятно, как она допустила двухсотлетнее искажение себя чужим неорганическим вмешательством; и раз уже допустила, — как она при этом не погибла или же не претворила чужого, ассимилировав его себе». По мнению Ландау, евразийство «обосновывает религиозное строительство на нигилизме и опустошении, патриотизм — на отречении от двухсотлетних созиданий и усилий, традицию — на разрыве с преемственностью». Схожие суждения высказал впоследствии А.Кизеветтер: «Русский национальный идеал с Чингисханом и Батыем, без Сергия Радонежского и Пушкина — достаточно одного этого вывода, чтобы убедиться в том, что в основе лежит какая-то вопиющая ложь... Принадлежность России к европейской культуре вовсе не может лишить ее национального своеобразия» (1925. 10 янв.). А наиболее последовательная критика евразийских концепций была дана Б.Каменецким в статье «Около Евразии» (1925. 25 марта): «Именно оттого и потерпела Россия

беды, что в ней было слишком мало Европы и слишком много Востока».

Под псевдонимом Б.Каменецкий в «Р» писал Ю.И.Айхенвальд (первая его статья за собственной подписью — «Наша Россия» — напечатана 10 июня 1925). Айхенвальд, как и другой постоянный сотрудник А.С.Изгоев, ведавший в газете политической публицистикой, дебютировал как автор еженедельного обозрения «Литературные заметки» 10 декабря 1922 (статья содержала разбор «Детства» М.Горького) и вел эти обозрения шесть лет. Он нередко печатал и статьи на общественные и политические темы, а также регулярно выступал в качестве рецензента книжных новинок: эмигрантских, советских, европейских. С его приходом приобрела авторитет и солидность поначалу невыразительная литературная критика «Р».

В первые годы издания обязанности критиков выполняли, как правило, журналисты и публицисты, не обладавшие необходимой квалификацией для такой деятельности. Их оценки и разборы носили четко выраженный политический характер и часто оказывались далеко не свободными от тенденциозности. Основными авторами этого раздела были А.Левинсон (цикл статей «Об искусстве этих дней» с упреками новейшей европейской литературе за то, что она не изображает «хождение по мукам несказанным», вместо недавней войны обращаясь к «миражам чистого вымысла» // 1921. 14 мая), *В.Кадашев (Амфитеатров*-младший), рекомендовавший книгу З.Гиппиус как творение поэта, «не забывшего, что божественный дар стиха неразрывен с суровым долгом мудрости и осторожности» (1922. 28 мая) и Ю.Офросимов. Часто рецензии публиковались без подписи или подписывались аббревиатурой. Такие отзывы и по тону, и по отсутствию серьезной аргументации характерны для критики «Р» в первые годы издания.

Исключение составляли лишь редко появлявшиеся заметки на литературные темы *П.Струве*, особенно его посвященная А.Блоку и Н.Гумилеву статья «In memoriam» (1921. 25 сент.). Трагический уход обоих поэтов был воспринят эмиграцией как конец эпохи, названной Серебряным веком, и статья явилась одним из первых опытов подведения предварительного итога. Отвергая инсинуации и нападки, П.Струве твердо заявил, что «Двенадцать» — это «величайшее достижение Блока», по своей творческой мощи заслуживающее сопоставлений с Бальзаком («достигающее грандиозности изображения мерзости и порока») и с Достоевским («в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой»). О Гумилеве сказано немного более сдержанно, хотя его почетное место в «галерее русских поэтов-воинов» не оспаривается.

Ю.Айхенвальд придал совершенно новый качественный уровень критике «Р», его стараниями приобретшей неоспоримый престиж. Он касался самых разнообразных тем, продолжая в «Р» доработку своих «Силуэтов русских писателей» (статьи о Грибоедове, Пушкине, Салтыкове-Щедрине, Толстом, Достоевском, Лескове, Чехове, *Андрееве*) и дополняя их западными «силуэтами» (аналитические портреты Байрона, Ибсена, Метерлинка, Мопассана, Гамсуна, Верхарна, Уайльда, некролог Франса), посвящая выпуск «Литературных заметок», обычно занимавший два подвала, обзору эмигрантских и советских новинок или ограничиваясь подробным разбором одного произведения, выдающегося по своим достоинствам, как «Жизнь Арсеньева». В некрологах и мемориальных статьях, печатавшихся наряду с извлечениями из архива Айхенвальда на протяжении нескольких месяцев, в качестве непреходящей заслуги отмечалось (А.Кизеветтером — 9 января 1929) его решительное несогласие со «всеми попытками превратить литературную критику в своего рода «научную дисциплину» и установить оценку литературных явлений на фундаменте научно-выверенных объективных положений». Айхенвальд и в самом деле был «психологическим комментатором духовной личности поэта, поскольку она излучается в поэтических созданиях», и превратил критику в «своеобразную отрасль искусства» (там же), — особенность, не для всех приемлемая, однако определяющая в его критическом творчестве. Поэтому знаменательным представляется краткий уничижительный отзыв Айхенвальда о формальной школе (1924. 17 сент.): «Под кровавой сенью русских реальностей пышно расцвел формализм. Впрочем, он быстро выродился в педантизм. Очень тонкие все эти рассуждения об орнаментальной прозе, о сюжетной прозе, об авантюр-

ной прозе, о дефективной фонетике и о дефективном синтаксисе, о приеме преображения — очень тонкие. Но рвутся они перед лицом сегодняшней России. И — «зови меня варваром» — когда потчуют нас теперь этими своими утонченностями и изысканностями русские формалисты, то испытываешь тоску... по Скабичевскому». Самому Айхенвальду, однако, осталось чуждо и примитивное социологизирование, подменяющее эстетическую критику. Его импрессионистские разборы неизменно свидетельствуют о даре понимания индивидуальных творческих особенностей автора, однако не становятся самоценными: за ними всегда распознается одна из тех фундаментальных идей, которые для Айхенвальда оставались недискуссионными. Он декларативно изложил их в программной статье «Пережить Россию» (1923. 19 сент.).

При всей своей субъективности Айхенвальд был достаточно проницательным наблюдателем и аналитиком, чтобы не ощутить существенного нового качества в литературе, создававшейся после революции теми, кто не покинул Россию. Оставаясь твердо убежденным в том, что все сколько-нибудь значительное появляется в советской литературе лишь как обличение — не суть важно, насколько осознанное, — установившегося режима, Айхенвальд оказывался достаточно пристрастен, когда под таким углом зрения пробовал интерпретировать книги тех, кто оставался подобно, например, Ю.Либединскому убежденным приверженцем революции. Он был пристрастен и в тех случаях, когда произведение не предоставляло никаких свидетельств в пользу его идеи тайной оппозиционности как предусловия истинных эстетических свершений. Так, несколько раз обращаясь к поэзии Маяковского, он не находил в ней ничего, кроме топорной и бездарной пропаганды большевистских тезисов. «Слово, несмотря на свою зычность, внутренне слабо и бессильно. Оно не облекает собою сколько-нибудь большой мысли... Лубок ему к лицу, он не возвышается над элементарностью и трафаретностью» (рецензия на «Вещи этого года» // 1924. 3 февр.). И в связи с «Моим открытием Америки» пишется (1926. 10 нояб.) то же самое: «Все время разоблачает он эксплуатацию и мечтает о революции... Очень слабый мыслитель вообще, политический — в частности». Правда, теперь признается, что, как Маяковский ни «трафаретен», у него «свое слово, свой стиль».

Первая из статей Айхенвальда в «Р» была посвящена Горькому, и о нем критик тоже высказывался с нескрываемой неприязнью, отступая от объективности. Уже по поводу «Детства» говорилось, главным образом, о том, как велика роль писателя «в роковом русском опыте», а значит, и его ответственность за этот опыт: «Поэт босяков, друг Челкашей и Иванов Непомнящих, певец пролетария дожил до диктатуры пролетариата... История — серьезное испытание, действенную проверку устроила она смыслу всей его литературной и политической деятельности. История сняла те словесные румяна идеализации, которые он густо клал на испитые лица иных из своих демократических героев» (1922. 10 дек.). Год спустя, откликаясь на очередную книжку «Беседы» с рассказом Горького «Отшельник», Айхенвальд отмечает как устойчивое свойство этой стилистики «претенциозную выдумку и нарочитость... склонность не к творчеству, а к сочинительству» (1923. 27 мая). Осенью того же года по поводу «Моих университетов» сказано (1923. 14 окт.): автор, который «пронизывает свои страницы литературностью и риторикой... олицетворяет какой-то промежуток между первобытностью и культурой. От одного берега он отстал, к другому еще не вполне пристал, и оттого там и здесь чувствуется у него привкус автодидактизма... Питомец реальности, Горький не может быть реалистом». До самого конца Айхенвальд оставался к Горькому столь же строг, правда, не пропуская ни одного его крупного произведения, что косвенно свидетельствует о том, какое серьезное значение придавал критик этой фигуре.

Однако, по отношению к молодой советской литературе Айхенвальд был не только благожелателен, а порой и чрезмерно щедр в своих оценках. Со всей решительностью он отверг лишь теории и практику Лефа, заявив (1923. 23 сент.), что на «его жалких страницах теоретики усердно, но не успешно вырабатывают формулу пролетарского искусства, т.е. доказывают недоказуемое... как нет для пролетариев особой таблицы умножения, так не было, нет и не будет для них особого искусства». О Леонове, Замятине, Зощенко и других «серапионах», о

прозе *Шкловского* и других характерных явлениях литературы 20-х Айхенвальд писал с симпатией или, во всяком случае, уважительно — как об экспериментах, необходимых для переживаемого художественного обновления. Веря, что «современное в искусстве хорошо, сегодняшнее в искусстве плохо» (статья о Замятине // 1924. 17 сент.), он стремился поддерживать то, что «современно» по чувству мира, а не по обилию внешних примет злободневности. Особенно высокой оценки, в соответствии с этим критерием, удостоились у него «Барсуки» Леонова, «искусное произведение, до краев наполненное богатствами внешней и внутренней изобразительности... исключительное по широте размаха литературное создание» (1925. 11 марта).

Самые лестные слова были сказаны Айхенвальдом в адрес Булгакова в связи с публикацией «Белой гвардии», отрывки из которой вскоре появились и в «Р». Целиком посвятив книге очередные «Литературные заметки» (1927. 2 нояб.), критик отмечал, что «это произведение ярко талантливое... весь роман соткан одновременно как из нитей вымысла, так и из кровавых нитей реальности... Главное действующее лицо — это история, русская история, недавняя, еще не остывшая, к которой больно прикоснуться». Самой большой заслугой Булгакова признавалась неукоснительная верность художественной истине: «На своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами... Если он их и не принял, то во всяком случае он их понял». Книга Булгакова, эта «эпопея крови», была воспринята критиком как подтверждение его мысли, что заветы русской литературной классики продолжают сохраняться. При этом Айхенвальд оставался убежден, что «теперь в России уровень духовной культуры сознательно понижается... Там разрушена традиция, там «отрекаются от старого мира», т.е. от мира вообще, потому что мир нельзя делить на старый и новый, потому что мир — один сплошной и слитный». Этому «вандализму» противостоит литература, которая «свидетельствует против советского миросозерцания. Ей трудно это делать, и она делает это с перебоями, озираясь на цензурную ферулу... и что еще важнее и отраднее, она делает это бессознательно, повинуясь тому инстинкту правды, той органической правдивости, которые свойственны искусству» (1925. 27 мая). Примеры в подтверждение своей идеи Айхенвальд пытался почерпнуть, разбирая «Голубые города» Ал.Толстого и «Цемент» Ф.Гладкова (1925. 8 июля).

«Инстинкт правды», находящей для себя органическое художественное воплощение, был основным мерилом достоинства и при оценке произведений, созданных в эмиграции. Айхенвальд мог высказаться нелицеприятно и жестко, не оглядываясь на сложившиеся репутации. Так, о «Рождении богов» Мережковского он писал как о явной эстетической неудаче «начетчика-автора» (1925. 11 февр.), а Ремизову не простил его «Розанова письма»: «То, что он сообщает о Розанове, об его эротике и даже об его физиологии, выходит за пределы всякого приличия... Ремизов своими пошлостями не только подтверждает и усиливает дурную славу, но и, кроме моральной неопрятности своего друга, рисует еще и физическую, так что отвращение к образу Розанова возникает полное» (1923. 8 июля). Неизменно прохладными оставались и его высказывания о Бальмонте, *Алданове, Цветаевой.*

Среди писателей эмиграции наиболее ему близким был, видимо, *Ходасевич*, о котором Айхенвальд всегда пишет не только в высшей степени комплиментарно, как о Бунине или Шмелеве, но и с нескрываемым ощущением духовного родства. Оно явственно проступает, например, в отклике на «Тяжелую лиру» (1923. 14 янв.): Ходасевич «овеян дыханием благородной старины... Но, свое творчество питая из неиссякаемых старинных родников, он в то же время приобщил себе, усвоил и еще от себя обогатил все новейшие завоевания поэзии и поэтики; внешняя и внутренняя усложненность современного русского искусства имеет в нем одного из своих заметнейших представителей. Только его высокая техника не тщеславна... иными словами, поэтика не отделена у него от поэзии... Дух утонченности, проникающий содержание его стихов, вступает в соприкосновение с духом простоты». Идеал «преодоления всяческих деталей» достигнут в этой поэзии, знающей «свой яд, свой распад», — утонченной и искушенной, но никогда не любующейся собственным холодным совершенством.

Как и другие авторы «Р», касавшиеся по разным поводам той же темы, Айхенвальд с годами испытывал все более серьезную тревогу, размышляя о будущем эмиграции, перед которой возникала явственная угроза утратить чувство своих национальных корней. В номере от 13 февраля 1924 появились незамысловатые, но красноречивые «Страницы из дневника», подписанные Е.З., сетовавшей на то, что ее поколение уже не ощущает прочной связи с Россией и мучается «раздвоением между Западом и Востоком». Айхенвальд отозвался на эту публикацию статьей (1924. 17 февр.), в которой признавал реальность проблемы национального самосознания для тех, кто был увезен из России подростками и теперь начинает терять родной язык, не говоря уже о духовных традициях. Он, однако, указывал на Карамзина как на пример, доказывающий, что «над противоположностью путешественника и домоседа возможно подняться... тогда боги иные и боги родные сольются в Бога единого, и чужое своеобразие не будет суетной пестротою, и домашнее своеобразие не будет пошлостью... Приблизиться к этому идеалу, который завещала нам наша литература, — вот задача для нашей молодежи». Как реальное приближение к такому идеалу Айхенвальд воспринял Набокова, посвятив восторженную статью «Машеньке» (1926. 31 марта). Он отмечал необыкновенно высокое повествовательное искусство молодого автора («Микроскопия доступна ему, россыпь деталей, роскошь подробностей; он жизнью и смыслом, и психологией напоминает мелочи»), однако более всего дорожил его способностью «целые миры чувствовать на берлинских улицах... в эти чуждые миры странно брошены русские судьбы... Сирин сплетает несколько биографий... одушевленные обломки России, люди без настоящего, строят у него свою хрупкую участь... И над всею книгой, надо всеми ее персонажами и пейзажами незримо, но ощутимо реет образ России — надорванной и прерванной России». О «Машеньке» писал также А.Изгоев (1926. 14 апр.), считая, что это важный документ «самосознания русской интеллигенции».

Несколько статей и рецензий Набокова появились и ранее, но основная их часть приходится на 1929 и 1930. Они, правда, немногочисленны и в эту пору; Набоков предпочитал публиковаться как поэт и прозаик. Из критических его статей примечательны восторженный отзыв о «Жизни Арсеньева» (1929. 30 янв.), а затем об «Избранных стихах» Бунина («лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий» // 1929. 22 мая), а также разбор книги рассказов *Куприна* «Елань» (при всей бесконечной талантливости автора «иные страницы являются просто бытовыми записями, просто материалом — живым и богатым материалом — для более гармонических и строгих трудов» // 1929. 23 окт.). О своих литературных сверстниках Набоков высказывался жестко критически. Рецензия на роман *И.Одоевцевой* «Изольда» (1929. 29 окт.) полна иронии, которую у него вызывает «знаменитый надлом нашей эпохи, знаменитые дансинги, коктейли, косметика». Не менее едкая интонация преобладает в отзыве о сборнике рассказов *А.Даманской* «Жены» (1929. 25 окт.), хотя Даманская была одним из самых активных сотрудников «Р».

Дважды Набоков откликался на новые книжки пражского журнала *«Воля России»*, который пропагандировал новейшую эмигрантскую литературу. Обе статьи изобилуют нападками на тех, кто, подобно поэтессе К.Ирманцевой, пренебрегает «стройностью, простотой и естественностью» ради ложно понимаемой новизны, которая превращается в невнятицу (1929. 8 мая; здесь же содержится выпад по адресу Цветаевой и ее статьи о письмах Рильке: «Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе»). Стихи и проза «Воли России» производили на Набокова впечатление «трогательной затхлости»: «Все громкое, ходкое, псевдо-передовое, но вполне посредственное поражает воображение провинциала. Тут и стремление во что бы то ни стало поспеть за несколько мифическим существом, которое зовется Европой, почтение перед городским щегольством и нежно-революционная истома, а главное, главное — некое сакраментальное отношение к современности в кавычках» (1930. 15 окт.).

Набоковская ирония совпадала и с общими установками «Р», для которого эстетический консерватизм стал особенно характерен после Айхенвальда. Одно время заменявший его *М.Гофман*, который прежде публиковал в газете лишь статьи о Пуш-

кине и его эпохе, в суждениях о современной литературе оказался закоренелым архаистом. Его отзывы о *Поплавском* и о *Довиде Кнуте* говорили прежде всего о способности критика распознать за «модной неувязкой образов» черты особого поэтического самосознания. Кнуту он рекомендовал оставаться в пределах хорошо ему известной области «еврейской экзотики», а о Поплавском писал, что его стихотворения являют взору «беспорядочный сумбур» и ничем не оправданную «капризность рисунка» — трудно понять восторги, ими вызываемые (1929. 17 июля). Не менее скептичен был А.Савельев, рецензировавший «Вечер у Клэр» (1930. 2 апр.): у *Газданова* «заимствованная форма... остается только внешней, часто стесняющей рамкой».

Отдел литературы первые годы после смерти Айхенвальда оставался в «Р» едва ли не самым бледным. Выручало только обилие публикаций — перепечаток из советских изданий. Они появлялись в газете на протяжении всей ее истории, и благодаря «Р» широкая зарубежная аудитория впервые получила возможность познакомиться с выпущенными главами «Бесов», неизданными текстами Толстого, дневниками и записными книжками Блока, неизвестными страницами Гаршина и Короленко, воспоминаниями О.Л.Книппер-Чеховой и многими другими материалами по истории русской литературы. Постоянное участие в газете М.Л.Гофмана способствовало насыщенности и значительности ежегодно готовившихся в номер от 6 июня Пушкинских выпусков, занимавших не менее двух полос.

С апреля 1931 книжное обозрение вел в «Р» *А.Л.Бем*, успевший напечатать до закрытия газеты цикл своих «Писем о литературе», впоследствии продолженный публикациями на страницах варшавских газет *«Молва»* и *«Меч»*. Тематика этих «Писем» была достаточно многообразной: от мемориального материала к десятилетней годовщине со дня гибели Гумилева (27 авг.) до разбора «Охранной грамоты» Б.Пастернака (8 окт.), от полемики с публикациями и с позицией журнала *«Числа»* (30 июля) до спора с П.Милюковым относительно оценки декаданса в его «Очерках истории русской культуры» (10 сент.).

Взгляды Бема-критика отчетливо выражены в статье «Культ Пушкина и колеблющие треножник» (18 июня), сводящейся к спору с *Г.Адамовичем*, который, разбирая пушкинские работы М.Гершензона, не только позволил себе недопустимые по резкости выпады в адрес их автора, но посягнул и на авторитет самого Пушкина. У Бема появились основания заговорить о целом антипушкинском движении как варианте той вызывающе эпатажной эстетики, за которой скрыт страх перед «всякой канонизацией... «Алтарь» вызывает прежде всего потребность низвергнуть божество и поколебать треножник», — установка, решительно неприемлемая для Бема, справедливо усмотревшего за нею посягательство на великую духовную традицию, когда под угрозой оказывается даже «высочайшая вершина нашего национального гения».

Принципиальная полемика с Г.Адамовичем и близкими ему авторами не означала, однако, приверженности Бема литературной архаике. Он проявил неподдельную эстетическую широту, когда, вопреки своим политическим симпатиям и ориентации «Р», твердо заявил о художественном значении Маяковского, отзываясь на вышедшую в «Петрополисе» книжку статей-некрологов, которая включала материалы *Р.Якобсона* и *Д.Святополка-Мирского* (в глазах Бема, Маяковский — это «бунт против всякой устойчивости, косности быта, традиционная для русской литературы ненависть к мещанству» // 2 июля), а Пастернака в связи с «Детством Люверс» назвал создателем «совершенно исключительного документа нашего времени», с большим сочувствием цитируя рассуждение о новом, возникающем не в отмену старого, а в «восхищенном воспроизведении образца». Со всей решительностью были оспорены взгляды Милюкова, для которого рубеж XIX и XX веков был в литературе периодом непрерывной деградации.

Стремясь исходить из имманентных законов движения литературы, он вступил в полемику и с *Г.Ивановым* (16 июля), требовавшим от эмигрантской литературы достижений мирового уровня и непременного соответствия новейшим европейским эстетическим веяниям. На взгляд Бема, это было заведомой утопией и лишь угрожало утратой самобытности, связанной именно с приверженностью классической русской традиции, которая таила в себе более чем достаточные возможности обновления: доказы-

вая свою мысль, критик приводил в пример прозу В.Набокова и в особенности лирику М.Цветаевой, чья книга «После России» представлялась Бему недооцененной по своему значению.

А.М.Зверев

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППА (Париж, 1920—1940). В феврале 1920 состоялось организационное собрание РАГ. С русской стороны участвовали: *Е.В.Аничков*, П.П.Гронский, В.В.Дюфур, С.И.Карцевский, Н.М.Могилянский, М.И.Лот-Бородина, С.С.Почич, С.И.Метальников, М.И.Ростовцев, Ю.В.Семенов, с французской — директор школы восточных языков Поль Буайе, бывший директор Французского института в Петербурге Жюль Патуйе и профессор русского языка в Сорбонне Эмиль Оман.

Формально группа основана 14 мая 1920 с целью развивать науку, поддерживать связи с учеными и учебными заведениями, организовывать взаимную материальную и моральную помощь, готовить молодых ученых, оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения. На общем собрании председателем избран Е.В.Аничков (с 19 октября 1920), после отъезда в Белград его заменил проф. П.П.Гронский (с 1 февраля 1921), затем А.Н.Анцыферов (с 28 ноября 1922 до кончины в 1942). «Академическая группа в Париже за эти полвека не только объединяла русских профессоров во Франции, но поддерживала сношения с иностранными учреждениями всего мира. Ее члены участвовали в научных конгрессах, под ее покровительством был издан ряд книг и существовали научные семинары и Русский научный институт» (*Ковалевский П.Е.* Парижская русская академическая группа // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 83). Группа помогала в организации защиты докторских и магистерских диссертаций (Г.Л.Лозинский. «Готье де Куанан. Легенда о св. Бонете, епископе Клермонском, по всем известным источникам»), служила центром общения русских и иностранных научных работников.

РАГ и Союз русских студентов организовали в январе 1921 лекцию проф. П.П.Гронского «Русская молодежь и будущее России». В прениях Г.Гребильский выступил против «старой эмиграции, которая поехала в Россию с «демократическими идеалами» и насадила там большевизм». Председательствовал на собрании В.Д.Кузьмин-Караваев.

Группа приняла участие в организации курсов по русской истории и литературе при содействии Института славистики. Среди лекторов — П.Гронский, Е.В.Аничков, Б.Нольде, С.Карцевский, Ю.В.Ключников и др. Е.В.Аничков прочитал лекцию «Русская литература после Пушкина» (24 мая 1920), Сергей Яблоновский — «От Пушкина к *Игорю Северянину*» (16 марта 1921). Состоялся вечер памяти А.К.Толстого в связи с 50-летием его кончины (5 января 1926); доклад *С.В.Завадского* «О Тургеневе как человеке и писателе» (19 марта 1931). При проведении лекций, памятных литературных вечеров и дней русской культуры РАГ сотрудничала с другими союзами и организациями. Совместно с *Народным университетом* проведено заседание памяти Ф.М.Достоевского в ознаменование столетия со дня его рождения при участии А.В.Карташева, Н.К.Кульмана, *Д.С.Мережковского, Л.Шестова*, Ж.Патуйе, Н.В.Чайковского, Л.А.Экк (30 октября 1921).

Дни русской культуры проводились Русским академическим союзом (РАС) и РАГ. 9 июня 1927 речи произнесли: П.Н.Милюков «О русской культуре», В.К.Агафонов «Точные науки в русской культуре», *К.В.Мочульский* «О Пушкине». 30 июня 1928 РАГ и РАС провели День русской культуры под председательством Э.Омана с докладом Н.К.Кульмана «Душевная драма Льва Толстого». 16 июня 1930 День русской культуры был устроен РАГ, РАС и Народным университетом. Председатель Э.Оман произнес вступительное слово. В.А.Маклаков в речи «Трагедия С.-Петербурга и императорской России» отметил, что, по меткому слову Герцена, на призыв Петра образоваться Россия через 100 лет ответила Пушкиным. Он выразил уверенность, что мы будем свидетелями того, как вместе с Россией воскреснет и Петербург. Речь Н.К.Кульмана на тему «Петербург в русской литературе» была напечатана в *«России и славянстве»* 21 июня 1930. 6 июня 1931 День русской культуры проведен РАГ, РАС и Народным университетом в память Ф.М.Достоевского. Речи о писателе произнесли Э.Оман

и С.В.Завадский. *А.М.Ремизов* прочитал свое произведение «Огненная Россия», посвященное памяти Ф.М.Достоевского. 8 июня 1929 проводился День русской культуры. Торжественное собрание под председательством Э.Омана посвящено памяти А.П.Чехова. Речи произнесли Э.Оман, К.В.Мочульский. Прочитаны отрывки из произведений Чехова. 12 июня 1937 состоялось собрание под председательством Э.Омана, посвященное «Слову о полку Игореве» (750 лет). Доклады Н.К.Кульмана и Д.М.Одинца. 1 апреля 1933 проходил вечер, посвященный Древней Руси (IX—XII вв.). Слово о культуре Древней Руси произнес Э.Оман, сделал сообщение Н.К.Кульман «Слово о полку Игореве — как наше художественное поэтическое творчество эпохи». 22 марта 1930 был заслушан доклад Г.Л.Лозинского «Россия в памятниках средневековой французской литературы».

В отчете о юбилее Д.С.Мережковского (его 70-летие) отмечалось, что он прошел под знаком франко-русской дружбы. Символом ее было двойное председательство — *И.А.Бунина* и Марса, представлявшего министра национального воспитания Марио Рустами. *М.А.Алданов* говорил о работоспособности и широкой разносторонности юбиляра. С французской стороны речь произнес депутат Мариус Мутэ, который изъяснялся в горячей любви к русским. Мережковского приветствовали писатель Дюмениль де Грамон, председатель французского Союза писателей Гастон Ражо и академик Анри Борд. Был оглашен длинный список приветствий со всех концов русского рассеяния, юбиляр представлен к ордену кавалера Почетного Легиона (16 декабря 1935). Среди приглашенных — И.П.Алексинский, *И.И.Бунаков, Б.К.Зайцев*, Пьер Лазарев, Сергей Лифарь, *Н.А.Оцуп*, Я.Л.Слоним и др.

Большое внимание РАГ уделяла проблемам философии: доклады *Н.А.Бердяева* «О характере русской философии» (5 января 1926), *Н.О.Лосского* «О свободе воли» (25 февраля 1927), о. *Георгия Флоровского* «Творческий путь Влад.Соловьева» (2 января 1935).

А.Ф.Головенченко

«РУССКАЯ ГАЗЕТА» (Париж, 1923. 23 апреля — 1925. 7 июня. № 1—344) — еженедельная газета (с 23 апреля 1924 — ежедневная). В 1923 вышло 35 номеров (в первых девяти выпусках сведения о редакторе и издателе отсутствовали, указывался лишь перечень лиц, участвующих в газете); с № 10 (9 июля) определился редакторский триумвират: Г.А.Алексинский, Е.А.Ефимовский, А.И.Филиппов. С 12 ноября 1923 до 23 апреля 1924 газета несколько меняет название: «Русская газета в Париже», нумерация начинается с № 1, а редакторами-издателями объявлены Е.А.Ефимовский и А.И.Филиппов. В 1924 нумерация снова начинается с № 1 (вышло 15 номеров). Далее газета стала выходить как ежедневная под первоначальным наименованием, с вновь начатой нумерацией. С 31 декабря 1924 (№ 212) единоличным редактором стал А.И.Филиппов (накануне Е.А.Ефимовский в открытом письме заявил о своем выходе из газеты). В № 343 помещено уведомление о том, что «Русская газета» объединяется с газетой «Вечернее время» и будет выходить с 10 июня 1925 под названием *«Русское время»* под ред. Б.А.Суворина и А.И.Филиппова.

С самого начала газета заявила о себе как о независимом органе русской национальной мысли, не связанном с какими-либо партийными или комитетскими интересами. Редакционная передовица от 23 апреля 1924 утверждала: «Наша цель — Россия. Та Россия, которую веками строили наши предки и которую так безжалостно разрушило наше поколение». При этом виновниками виделись не только большевики, но и «лица, активно разрушавшие Россию, которые хотели, держась за облучок революционного возка, проскочить к кормилу государственной власти». Под последними подразумевались лидеры левых и либерально-демократических партий (Милюков, Керенский, О.Минор, Чернов, Чхеидзе и др.), которые, оказавшись в изгнании, видели свою задачу в том, чтобы «клеветать на все русское, отравлять русское общество разлагающими статьями» (1924. 21 авг.). Противостояние с лево-эмигрантской прессой определилось уже с момента возникновения газеты, когда «*Последние новости*» отказались поместить на своих страницах платное объявление об ее выходе.

По свидетельству *А.И.Куприна*, газета делалась «малой редакционной кучкой. Сами фальцевали листы, сами их заключали в бандероли, сами от руки делали адреса

и сами развозили по киоскам» (Русское время. 1926. 13 июня). Между тем газета претендовала на то, чтобы считаться не только парижским изданием, но и национально-патриотическим рупором всего русского зарубежья. Объявляется о подписке в Финляндии, в Болгарии. Регулярно публикуются репортажи «от нашего собственного корреспондента» — из Праги, Берлина, Белграда, Гааги, даже из Южной Америки. Значительное место уделяется советской России. «Вести оттуда» по большей части сфокусированы на негативных фактах («Развал», «Русское горе», «Аресты» — типичные заголовки). С особым тщанием фиксируется внимание на недовольстве народных масс советской властью, на всевозможных антиправительственных выступлениях, могущих, по мнению газеты, стать началом общенационального восстания («Брожение в Красной Армии», «Беспорядки во Владивостоке», «Повстанчество на Кубани», «Волнения в Мариуполе» и т.п.). Мечтания о том, что власть «узурпаторов» в скором времени падет и каким-то чудом все «вернется на круги своя», — эти мечтания всего острее и неизбывней воплощены в статье *Сергея Горного* «А вдруг...» (1925. 3 апр.). Наибольший интерес представляют документальные материалы — непосредственные свидетельства бежавших из «Совдепии» очевидцев, обычно скрывавшихся за псевдонимами: «Очерки красной России», напечатанные за подписью Не-коммунист 13 июля и 3 августа, цикл очерков Скифа «Из советских воспоминаний. По югу России», публикация которых начата 12 сентября 1924, мемуары «Встречи с Троцким», подписанные псевдонимом Свой (1924. 21 дек.). В нескольких номерах шли воспоминания кн. Павла Долгорукова «Неделя во власти ГПУ» (1924. 4, 10, 13, 15 окт.).

Александр Иванович Филиппов (в прошлом киевский журналист, потом сотрудник берлинского *«Руля»*) определял направленность возглавляемой им газеты. Выступал он не только как автор передовиц, но и как обозреватель. Соредактором Филиппова долгое время был Евгений Амвросиевич Ефимовский, ранее издававший журнал *«Грядущая Россия»* и являвшийся основателем Народно-Монархического союза. Принадлежа к монархистам-легитимистам, Ефимовский пытался подчинить газету узкопартийным целям, на почве чего возникли разногласия с редакцией. В итоге он вынужден был сложить с себя права и обязанности соредактора и основал орган монархистов-легитимистов «Родина» (Париж, 1925). Монархические настроения на страницах газеты носили достаточно умеренный характер. «В порядке условий существования России на первом месте должна стоять сама Россия, а потом уже царь», — недвусмысленно говорится в статье А.Куприна «Престол» (1925. 28 марта). Отмежевываясь от монархистов черносотенного толка, А.Филиппов вполне определенно заявил: «Русская газета» есть орган надпартийный и национальный, и задача у него одна — освобождение Родины от большевизма и социалистических экспериментаторов. В России если и будет монархия, то она будет создана вопреки усилиям Маркова 2-го» (1925. 7 мая).

Самой заметной фигурой в газете был А.И.Куприн (более шести десятков публикаций). Нередко он выступал под псевдонимом Али-Хан (более 20 публикаций). Последние — обычно небольшие заметки о вышедших книжках, о выставках русских художников, выступлениях русских артистов либо размышления на вольную тему, публиковавшиеся в авторской рубрике «Записная книжка». Вне рубрики за подписью Али-Хан напечатан очерк о живописце Ф.А.Малявине (1924. 16, 17, 18 нояб.). Из его художественной прозы в газете появился рассказ «Ю-ю» (1925. 14 и 23 янв.). Некоторые его публикации представляли собой автобиографические истории («О патриотизме», «Храбрый сенатор», «Встреча», «Красное крыльцо»). Прямые и резкие высказывания Куприна о патриотизме, национальном самосознании, языке, государственном устройстве создали Куприну репутацию писателя правых убеждений, консерватора, монархиста, даже антисемита. Последнее было приписано ему на том основании, что он в своих писаниях с одобрением отзывался об Александре III, во время правления которого «евреи страдали от черты оседлости, паспортной системы и процентной нормы». Пришлось давать объяснение: «...не принадлежа ни к каким партиям, я мыслю приемлемым, желательным и необходимым для будущей России нового монарха. Не самодержца, хотя бы и прекрасных личных качеств, а совсем нового государя, доступного и внимательного ко

всем голосам и нуждам страны, не исключая, конечно, и еврейских нужд... Монарха просвещенного, способного твердо присягнуть самой широкой и доброй... конституции» (1924. 10 авг.). Куприну, впрочем, приходилось отбиваться и от нападок справа: в вину ему вменялось вступление в «Лигу борьбы с антисемитизмом», а поступок этот, по мнению автора статьи, трудно оправдать «ввиду засилия евреев в советской России» (1923. 22 и 29 окт.). Выпуск газеты от 20 декабря 1924 был посвящен 35-летию литературной деятельности А.И.Куприна. Чествование было продолжено в «Домике комедиантов» в кругу редакционной семьи газеты. Позднее Куприн признавался, что эта газета привязала его к себе тем, что предоставила «полную свободу высказывать мысли»: никаких ограничений в объеме, форме изложения и тематике ему не предъявлялось. Он печатал язвительные инвективы в адрес Маяковского и К°. («Шуты гороховые» // 1924. 14 дек.), ностальгические раздумья («Родина» // 1924. 25 дек.), монархические славословия («Маяк» // 1925. 3 мая), эссе «Улицы» (1925. 3 июня), отклик на фильм режиссера В.К.Туржанского «Прелестный принц», снятого по сценарию А.Филиппова (1925. 22 февр.), крошечную заметку о вернисаже П.А.Нилуса (1925. 9 июля).

Начиная с 7 октября 1924 года в выходных данных стал печататься перечень авторов, принимающих участие в газете. Среди них: *И.А.Бунин*, С.Горный, *Ив.Лукаш*, проф. Ал.Пиленко, А.Псковской, К.К.Парчевский, М.К.Первухин, проф. В.В.Стратонов, В.Б.Фохт, *В.В.Шульгин, И.С.Шмелев*, А.М.Федоров. Позднее в списке появился *А.М.Черный*. В течение 1924 около десятка раз публикации Бунина появлялись на страницах газеты. По преимуществу это стихотворные циклы, реже — рассказы («Мухи» и «Соотечественник» // 1924. 5 и 7 окт.) и дневниковые заметки («Спор» // 1924. 24 авг.). Из полутора десятков выступлений И.С.Шмелева в газете значительная доля падает на статьи. Предмет его переживаний и раздумий — Россия, ее страдания, ее крестный путь: «Слово о «Татьяне»» (1924. 4 янв.), «Душа родины» (1924. 3 марта), «Дикое поле» (1924. 31 авг.), «Русское дело» (1924. 12 окт.) и др. Впервые здесь увидели свет также некоторые рассказы, сказки и фрагменты эпических полотен Шмелева.

А.Черный (Саша Черный) был вовлечен в «РГ», по-видимому, Куприным, с которым близко сошелся, переселившись из Рима в Париж. Его появление в газете внесло свежую поэтическую ноту. На газетных полосах печатаются сатиры бывшего сатириконца: цикл эпиграмм, «Штабс-куровод», «Гигиенические советы» и др., а также вереница лирических стихотворений из цикла «Римские дни». Особняком стоит «Сатирикон» — стихотворение, написанное в связи с кончиной *Аркадия Аверченко* (1925. 29 марта). Последнему лишь раз довелось быть автором «РГ» («Роман со всеми последствиями» // 1924. 2 июля). В своих литературно-критических статьях А.Черный об одних авторах пишет с явной симпатией и пиететом (о Бунине, *Тэффи*, Куприне, Аверченко), о других — с неприятием и сарказмом (об *А.Н.Толстом, А.Ремизове*, В.Брюсове). Отклик на смерть В.Брюсова в фельетонно-оскорбительном тоне принадлежал перу М.Первухина («Чурбан на Парнасе» // 1924. 14 дек.).

Несколько иными были творения другого сатириконца — Сергея Горного, присылаемые в редакцию из Берлина. Петербуржец и царскосел, он, потеряв отечество, в своих этюдах начал любовно воссоздавать в слове картины прошлого — идеализированного, осиянного памятью детства: «Неизбежное» (1924. 14 мая), «На Неве» (1924. 3 июня), «Простые игрушки» (1924. 14 июня), «Домашний вор» (1924. 11 сент.), «Конногвардейский бульвар» (1925. 12 апр.), «Пасха» (1925. 19 апр.). Печатались в газете и совсем иные воспоминания Горного — о жестокости гражданской войны: «Террор» (1924. 20 мая), «Их сединам» (1925. 26 апр.), «Махновские дни» (1925. 8 и 9 мая), «Корнилов» (1925. 5 июня). Об «окаянных днях» писали и другие авторы газеты: В.Кузьмин-Караваев в воспоминаниях об июле 1917 («От прошлого к будущему» // 1923. 25 окт.), С.Смоленский — об усобице на Украине («Две встречи» // 1925. 7 февр.), Ю.Елец, воскрешающий события 1918 в Вильно («Последний анекдот» // 1925. 12 февр.).

Всю первую половину 1924 газета публиковала очерки В.В.Шульгина под общим заголовком «1921», а затем и другие его мемуарные произведения: «Консул Энн»

(1924. 12 окт.), «Диктатор» (1924. Окт., 1, 12, 14 нояб., 10 дек.) и др. Обосновавшийся в Югославии Шульгин присылал также множество полемически заостренных политических статей. Со статьями об итальянском фашизме неоднократно выступал М.К.Первухин — старый литератор, поселившийся в Риме еще с дореволюционных времен и являвшийся корреспондентом российских, а затем эмигрантских газет. Он писал из Рима по вопросам искусства: «Трилусса» (1924. 25 окт.), «Габриель д'Аннунцио» (1924. 16 нояб.), «Русское искусство в Италии» (1925. 18 апр.). Совсем в ином ключе пишет он о Советском Союзе. Ядом и огненной ненавистью пропитаны его филиппики по адресу Маяковского («Красные гамадриллы» // 1924. 26 апр.) и *А.М.Горького* («Сказки о леварюцинере и товарище рабочем» // 1924. 7 авг.). Сотрудничество Ивана Лукаша сводится к нескольким публикациям сочинений на исторические темы: «Золотая рота» (1924. 29 июля), «1760-й год» (1924. 5 сент.), роман «Куранты» (начат в номере от 30 ноября 1924), «Вечер у короля» (1924. 25 дек.). Если предметом интереса Лукаша была по преимуществу русская история, то В.Фохт предпочитал углубляться в историю Франции. Его занимательные ретроспекции печатались, как правило, под заглавием «Что видели улицы Парижа». Эпизодическим было участие в газете беллетриста А.Псковского, опубликовавшего несколько рассказов о войне и мемуарный очерк «Зимний дворец 1917 года» (1924. 23 мая). Из Болгарии присылал свои рассказы А.М.Федоров, а также автобиографическое повествование «Как мы встречали Новый Год» — о начале беженской одиссеи в Софии в 1920. К.К.Парчевский, тогда еще не определившийся в своей основной журналистской специализации — репортажах о жизни соотечественников в различных уголках мира, напечатал «Мелочи быта» (1925. 21 февр.) — очерк, знакомящий с судьбами русских беженцев во Франции. Печатался В.Я.Светлов — театральный критик, сотрудничавший некогда в «Ниве», «Вестнике Европы», «Новом времени»: «Хореографическая мозаика» (1925. 22 и 23 февр.), «Дягилевский балет» (1925. 15 марта), «Из Петрограда в Париж» (1925. 31 мая). Из молодых А.А.Вершховский публиковал очерки о «русском Париже». М.Гарра присылал из Марселя экзотические новеллы: «В притоне «Трех бродяг»» (1925. 14 февр.), «Василий Иванович и Африка» (1925. 23 марта), «Зеленый черт» (1925. 23 апр.).

На страницах газеты освещалась культурная жизнь русского зарубежья и прежде всего Парижа, театральные и музыкальные заметки вел барон Н.В.Дризен. Традицией газеты была организация литературно-артистических субботников, на которых выступали музыканты, певцы, чтецы, литераторы.

Рецензии и критические разборы появлялись в газете от случая к случаю: анонимный отклик на книгу *Б.Зайцева* о Сергии Радонежском (1924. 19 дек.), рецензия А.Филиппова на историко-фантастический роман М.Первухина «Пугачев-победитель» (1924. 9 нояб.), статья «Чародей», помеченная литерами В.Ф., — о сборнике детских рассказов А.Куприна на французском языке (1924. 14 янв.). Сам Куприн дважды писал о старейшине отечественной беллетристики *Вас.И.Немировиче-Данченко* — в связи с его 80-летием (1925. 18 и 21 янв.). Однажды в газете появился престарелый А.Хирьяков, поместивший к 30-летию со дня смерти Н.С.Лескова воспоминания о нем (1925. 5 марта).

Газета выходила на четырех страницах, а по воскресеньям — на шести. Одна-две полосы отводились под рекламные объявления, приносившие основной доход, о чем говорил С.Лозанна, редактор газеты «Матэн» (1925. 9 янв.). На рекламных страницах регулярно помещались списки книг, имевшихся в продаже в книжном магазине газеты. Предшественница *«Возрождения»*, «РГ» являлась прибежищем для людей консервативного типа мышления, тяготевших к прошлому, к национальным основам. В 1924—25 газета преуспевала. Воссоединение ее с газетой «Вечернее время» объясняется тем, что она пошла на выручку последней — ее А.О.Гукасов отказался финансировать.

А.С.Иванов

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ» (Рига, 1920. 25 августа. № 1 — 7 ноября. № 65) — ежедневная общественно-политическая газета. Редактор-издатель Е.К.Блащук. Публиковались политические отклики, репортажи, заметки Ф.Александровича, В.Белова, Н.Бережанского, А.Дагарова, С.Самарского, М.Спи-

ридонова, И.Тронова, А.Цветкова, В.Шетохина-Альвареса. В редакционных текстах освещались операции Русской армии генерала П.Н.Врангеля, действия большевиков, местные события. Аналитическую статью «Кадеты, социалисты-революционеры, социал-демократы» дал в газету *Б.Савинков* (5 окт.). С серией размышлений «Думы педагога» выступил Ф.Эрн. Эпизодически появлялись литературно-критические материалы. Отмечая пятидесятилетие *И.А.Бунина* — «слава Богу, еще здравствующего великого мастера художественного русского слова» (2 нояб.), газета пересказала основные положения юбилейного этюда *Н.М.Минского* из *«Последних новостей»*. Содержание отдела поэзии и беллетристики составили рассказы, очерки, фельетоны И.Вольского, А.Коссовича, А.Оржеховского, Б.Соколова, цикл стихов «Из забытой тетради» за подписью «-и», юмористические зарисовки П.Зудотешина, а также заимствованные из разных изданий произведения *А.Аверченко* и *Н.Тэффи*. 25 октября «РЖ» вслед за ревельским *«Народным делом»* перепечатала сатирическую поэму Н.Кузьмина «Кому на Руси жить хорошо».

Е.Г.Домогацкая

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ» (Рига, 1924. 16 мая. № 1 — 23 августа. № 63) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета; до № 48 от 19 июля выходила без подзаголовка. Ответственный редактор Э.М.Штиглиц, с № 16 от 4 июня — Н.В.Павлов. Издатель — товарищество «Русская жизнь». В объявлениях о подписке газета рекламировалась как «единственный национальный, не зависящий от партий, групп и личностей орган», читать который — «долг каждого интеллигента, крестьянина и рабочего». Планы редакции были масштабны: «защищать национально-культурные и экономические интересы русского населения в Латвии», «звать русскую общественность к единению и совместному творчеству своей жизни в границах латвийской государственности», «беспартийно и беспристрастно информировать о всех явлениях внутренней жизни Латвии». Для решения этих задач вводились многочисленные отделы — политико-экономический, популярно-научный, аграрный, законодательный, а также постоянная рубрика «Русские в Латвии». Основными авторами политических обзоров были А.Александров, Г.Васильев и Г.Ветковский, выступали депутаты сейма П.Корецкий и А.Бочагов. О литературе, помимо ведущего сотрудника популярно-научного отдела проф. *К.И.Арабажина*, писали поэты и беллетристы В.В.Гадалин, *А.М.Перфильев* (критику и стихи он помещал под псевдонимом Александр Ли, а рассказы под собственным именем). Корреспонденции из Лондона и Парижа присылали И.Крю и Ш.Одье. Из номера в номер публиковалась зарубежная беллетристика: роман Н.Джака «Доктор Мабузе — король игроков» (перевод А.Залита), путевые очерки Р. ле Брюйера, новелла О.Генри «Последняя картина старика Бермана», окончание «Человека без сердца» Э.Клейна, обещанное «Рижским курьером», который, закрываясь, передал своих подписчиков «РЖ». Оригинальную прозу печатали — в том числе и из Москвы — Алитан («Концентрационный лагерь»), Е.Д.Зозуля («Недоношенные рассказы»), И.Нильев, А.М.Перфильев («Большак Смоленский», «Встреча», «Так было», «Черный дым»), И.П.Петрушевский, П.Л.Плохов, *И.И.Савин* («Белою ночью»), А.Черепов. Произведения *А.Т.Аверченко, С.Горного, А.М.Ренникова, Е.Н.Чирикова* заимствовались из *«Эха»*, *«Нового времени»* и др. Поэтическая рубрика заполнялась текстами И.А.Белоусова, В.В.Гадалина, А.П.Доброхотова, С.Д.Дрожжина, А.Ли (А.М.Перфильева), И.Морозова, латышей К.Студэнтса (в переводе Юрия В.) и Я.Райниса (в переводе В.Я.Брюсова).

Среди литературно-критических материалов внимания заслуживает статья К.И.Арабажина «*Максим Горький* (Об оплевывании и самооплевывании)» — чрезвычайно резкая отповедь писателю, якобы обвинившему русский народ «во всех жестокостях» революции. «Жестокость интернациональна, — утверждал критик, — и потому плевки Горького только падают на его же лицо» (22 мая). Политические пристрастия и антипатии оппонента Арабажин объяснял с вульгарно-социологических позиций, говоря о естественном для люмпенов «чувстве отвращения к крестьянину» и о главном принципе босяцкой философии — «Кто силен и ловок, тот и прав!» Особенно возмутительна, с точки зрения Арабажина, горь-

ковская публицистика революционных лет, демонстрирующая «невежество» и «хамство» автора, и лениниана, ставшая «беспримерным образцом холопства и лести — грубой, лубочной»: «Можно быть даже поклонником Ленина, но писать такие фельетоны — постыдно не только для писателя; да и Смердяков — пожалуй, постыдился бы» (там же). Арабажину принадлежала и центральная публикация юбилейного «пушкинского» номера: «Радость наша — гордость наша. Заметки о А.С.Пушкине по поводу 125-летия со дня его рождения» (8 июня). Рядом были помещены перепечатки речи А.Блока «О назначении поэта» и А.Ф.Кони «Общественные взгляды Пушкина», стихотворение М.Кузмина «Пушкин». На третью годовщину кончины Блока откликнулся в «РЖ» В.В.Гадалин (11 авг.). Двумя месяцами раньше со статьей «Красное безмолвие: А.Блок и Н.С.Гумилев (Мысли о «Двенадцати»)» выступил А.М.Перфильев. По его убеждению, «Блок не был ни с большевиками, ни с их врагами; он был с Христом и душою русского народа, был частицей этой души». Появление Христа в финале поэмы стало «естественным и необходимым завершением ее»: «Христос сливается, переходит в душу русского народа и с нею вместе вторично выходит на Голгофу», — вот чего не поняли «советские и зарубежные критики», «включая даже такого большого и чуткого поэта, как Гумилев». Последний требовал от творца умения управлять лирической стихией и «не мог простить Блоку» «безответственности, невластности над собой». «Звучные и чеканные стихи», прославившие лидера акмеистов, будто бы подтверждали его теорию. Но книга «К синей звезде» выдала «маленькую тайну покойного Гумилева: он не верил в то, что говорил». Земная любовь опрокинула в душе поэта «сознание своего владычества над творчеством» — и он, подобно Блоку, оказался беззащитен перед высшей силой вдохновения (13 июня; подпись: Александр Ли). В связи с 20-летием со дня смерти А.П.Чехова газета предложила читателям панегирический этюд А.Черепова (15 июля) и перепечатанный из берлинских «*Сполохов*», без ссылки на источник, мемуарный текст Е.Н.Чирикова «Девушка с цветами» (11 авг.). О творцах, воплотивших «русскую душу», — А.П.Чехове, И.И.Левитане и П.И.Чайковском — речь шла в эссе А.Черепова «Дорогие образы» (18 авг.). Среди других публикаций — исторический очерк К.И.Арабажина «Русский купец в жизни и в литературе» (14 июня).

Е.Г.Домогацкая

«РУССКАЯ КНИГА» (Берлин, 1921. № 1—9) — ежемесячный критико-библиографический журнал. «Выпуская первый номер ежемесячника «Русская книга», мы удовлетворяем уже вполне назревшей потребности в точной информации и в объединении сведений о русской литературно-издательской деятельности во всех странах мира, — заявляла редакция. — Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и Эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах. И мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ и в Россию. Для того, чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий» (№ 1. С. 1). Но задача журнала не сводилась к «объединению» русской литературы метрополии и эмиграции. Литературная критика служила выражению не только эстетических, но и идеологических пристрастий редакции и стоявших за ней политических групп, была важнейшим средством пропаганды. Журнал был создан в результате объединения интересов: партийных — группы «Мир и труд», и экономических — берлинского русского книжного магазина «Москва». Вынужденные отказаться от издания общественно-политического журнала «миритрудовцы» силами бывших сотрудников «*Жизни*» — *А.Дроздова*, Ф.Иванова и возглавившего редакцию *А.Ященко* — попытались на практике реализовать выдвинутую группой программу «культурного примиренчества» в «критико-библиографическом» журнале. А.С.Закс, основатель книжного магазина «Москва», превратившегося к началу 1921 в крупную торговую фирму, посчитал идею такого издания привлекательной и с коммерческой точки зрения. Поставленная задача — охватить весь «эмигрантский» рынок и распространить влияние на советскую Россию — предполагала и пересмотр рекламной политики. Критико-библиографический журнал, ин-

формирующий о новых изданиях, рассказывающий о наиболее интересных книгах, привлекал читателей, а значит, и покупателей. Значительная часть материалов, опубликованных в «РК», носила рекламный характер — представляла книги, имеющиеся в продаже в магазине «Москва», издательства и периодические издания — его партнеров, да и собственно под рекламу изначально отводилась четверть общей площади журнала. «Еще год тому назад, когда не было почти никаких сношений с Россией, когда затасканный листок русской газеты казался библиографической редкостью, журнал вроде «Русской книги» был бы технически неосуществим. Теперь же он стал деловой необходимостью», — подчеркивал В.Станкевич (*Голос России*. 1921. 20 янв.). Декларативная аполитичность, тем не менее, многими рецензентами была принята за истинную. «Знать о том, что сейчас пишется на русском языке важно и для современников и в особенности для будущего историка русской общественности. Попытка удовлетворить этой потребности сделана журналом под редакцией проф. А.С.Ященко, сделана любовно, с огромной тщательностью, а потому и заслуживает полного внимания», — отмечал Менестрель (Б.Я.Шнейдер) в рецензии на первый номер журнала (Голос России. 1921. 27 янв.). В «*Воле России*» о первом номере «РК» писал *М.Слоним*: «Задачей ежемесячника является объединение сведений о русской литературно-издательской деятельности во всех странах мира... «Русская книга» полезное и хорошее культурное начинание, и если последующие выпуски ежемесячника будут так же содержательны, как и первый, оно займет видное место в нашей скудной ныне критико-библиографической литературе» (1921. 10 февр.).

В журнале выделялось шесть отделов — Отдел 1: Общие статьи; Отдел 2: Критика и рецензии; Отдел 3: Хроника и разные заметки; Отдел 4: Писатели. Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1920 г.; Отдел 5: Пресса; Отдел 6: Книжная летопись. Важную роль играла реклама, публиковавшаяся в конце «отдельной книжкой» и фактически составлявшая «седьмой отдел». Наибольший резонанс вызвали сведения о жизни и деятельности русских писателей после революции, печатавшиеся в четвертом отделе, хотя многие данные приводились со слов «третьих лиц» и содержали неверную информацию. Привлекали внимание и библиографические материалы — списки русских книг и периодических изданий, сообщения о деятельности русских издательств. «Русская книга» богата пока справочным материалом, представляющим такой исключительный интерес и дающим порою такое моральное утешение, что нельзя не выразить глубокой признательности ее издателям», — отмечал в «*Русском обозрении*» Г.К.Гинс (1921. № 3—4. С. 157—159). «И на этот раз редакция «Русской книги» удачно использовала собранный ею богатый справочный материал, — писал анонимный рецензент о февральском номере журнала (Воля России. 1921. 24 февр.). — Пред читателем предстает беглая история русской текущей литературы, воскресающей теперь заграницей». *В.Крымов* в «Голосе России» замечал: «Вышел 2-й номер «Русской книги»... Редактором «Русской книги», проф.А.С.Ященко, произведена очень большая работа. Нужно искренне любить книгу и тех, кто пишет книги, чтобы так кропотливо и заботливо собирать отовсюду всякие сведения и данные. Собранные в одно целое они являются теперь весьма ценным справочником. Можно пожелать искренно только успеха и долголетия этому журналу» (1921. 12 марта). «Самый интересный в журнале, несомненно, справочный отдел, — подчеркивал В.Левитский в константинопольских «*Зарницах*». — Десятки страниц убористого шрифта, с кратким перечнем вышедших на чужбине русских книг, дают полное и ясное представление о мощи русской культуры, живой и сильной, несмотря на все пережитое» (1921. № 7. С. 31).

Характер редакционных манифестов носили статьи А.С.Ященко «Русская книга после октябрьского переворота» (№ 1) и «Книга и возрождение России» (№ 4). Уже в первом номере, в статье «Русская книга после октябрьского переворота» А.Ященко напрямую связывал литературу и идеологию, утверждая: «В совершенном коммунистическом государстве в сущности и не может быть подлинно свободного искусства»; «где нет враждующих между собой идей, там мало-помалу прекращается идейная жизнь» (с. 3). Идея единства русской литературы в статье остается ключевой, но критик стремится убедить, что более-менее

нормальное течение литературного процесса обеспечивается лишь в эмиграции: в советской России отсутствует «неказенная» литература (писателей, отказавшихся поддержать большевиков, не печатают), а «казенное творчество» не заслуживает серьезного внимания. Основную причину наступившего «после необычайного подъема книжного производства в России в десятилетие перед войной... необычайного падения» Ященко видит в узурпации власти большевиками и в ликвидации «по всей России некоммунистической периодической печати» (с. 2). Он пишет о «беспощадном терроре» и «официальном гнете» в России, о «прекращении идейной жизни», о «необычайном падении» книгоиздания, о «несомненном регрессе самостоятельного творчества» и «исчезновении всякой новой литературы, кроме казенной». Писателей, оставшихся в России, Ященко делит на две группы, «два лагеря» — тех, кто принял октябрьский переворот, и тех, кто остался «в открытой или безмолвной ему оппозиции». Среди первых названы А.Блок, В.Брюсов, С.Городецкий и А.Серафимович. Их оппонентов критик не характеризует вообще, так как «судить о достоинствах этого творчества, пока это написанное не будет напечатано, невозможно» (с. 5). Гораздо подробнее освещается деятельность русских писателей и издателей за границей. Многообразие русской эмигрантской прессы Ященко противопоставляет отсутствию идейной борьбы в России.

В № 2 в статье «Русская и немецкая книги» З.Г.Ашкинази, связывая возрождение русской книги с деятельностью эмигрантских издательств, поставил задачу влиять на происходящее в метрополии через продвижение заграничных изданий на советский рынок, считая, что даже когда «в России установится нормальный порядок, русские книги будут еще долгие годы привозиться из-за границы» (с. 4). Тему, поднятую Ашкинази, продолжает разрабатывать А.Ященко в статье «Книга и возрождение России» (№ 4). Не столько книге, сколько путям возрождения России посвящена статья, превратившаяся из «просветительского» в политический манифест. Ященко пишет о том, какие книги нужны новой России, ставит перед издателями помимо чисто утилитарных, просветительских задач еще и воспитательные, и пропагандистские: важно, «чтобы создавалась нужная книга» (с. 2). Отказ от прежней России, тезис о рождении новой духовности приводит Ященко к отрицанию духовно-нравственного авторитета дореволюционной русской литературы: «На поколении наших отцов и на нас самих лежит тяжкая вина. Душа народа находит свое выражение в его литературе. И как ни велика и в некоторых своих достижениях даже гениальна наша литература, обозревая ее всю за целое столетие под известным углом зрения, нельзя освободиться от гнетущего душу впечатления. За ее талантливой художественной оболочкой и за проникающими ее гуманитарными порывами вскрывается непривлекательное содержание: моральная слабость, грех, разврат, зло и бессилие, юродство, неприятие мира» (с. 3). Для него неприемлемы ни Грибоедов «с его слишком «умным» Чацким, острым на язык, но в конце концов постыдным бегством уступающим дорогу пошлости», ни Лермонтов «со своим злым и зловредным (и даже не демоническим) «героем нашего времени», ни Гоголь, «вызвавший из нашей жизни всех уродов, квазимод и негодяев», ни Тургенев с его «неверными и безвольными героями». Ященко отвергает Герцена, Гончарова, Достоевского, Чехова. Еще большее раздражение вызывает у критика «новейшая наша поэзия, с ее «мелкими бесами», с декадентством, половой извращенностью, упадническим духом и Блоковским ядом» (с. 4). Лишь Пушкин и Лев Толстой достойны, с точки зрения Ященко, именоваться классиками, поскольку они сумели «найти положительные явления и типы и сохранить здоровое отношение к жизни» (с. 3).

Идеологизированный подход отличает и обзор Ященко «Русская поэзия за последние три года» (№ 3). В поэзии он видит отражение переживаний народных: «О духовных движениях в народной душе мы узнаем прежде всего из произведений поэтов» (с. 1). Большая часть статьи посвящена «русской революционной поэзии». Ященко отдельно рассматривает «пролетарских» поэтов, «поэтов разложившегося символизма» и «поэтов мужицко-хлыстовской революции»; А.Блок, *А.Белый*, Ю.Балтрушайтис, В.Брюсов, *Вяч.Иванов* и М.Волошин становятся героями самостоятельных миниочерков. В первую очередь внимание кри-

тика привлекают пролетарские поэты, «потому что они совершенно новое явление» и «в известной степени могут считаться выразителями духа этой революции, по крайней мере, одной из ее сторон, — городской, рабочей». В пролетарской поэзии Ященко видит зачатки искусства будущего, искусства возрожденной России, подчеркивая, что, хотя стихи слабоваты и имена их авторов вряд ли останутся в «будущем», «движение по устремлению своему, несмотря на то, что оно не представлено ни одним крупным талантом, быть может, самое здоровое и самое жизненное из всех современных». Из всех пореволюционных произведений лишь стихи «пролетариев» продолжают пушкинскую линию в русской литературе — это закономерная реакция на «символизм и субъективизм в области поэзии», «возврат к реализму, к быту и к объективному творчеству и протест против беспредметного искусства и болезненной утонченности форм» (с. 5). Совсем по-другому относится Ященко к «поэтам разложившегося символизма», к которым он причисляет, между прочими, Маяковского, Мариенгофа, Шершеневича: «Переходя к другой группе поэтов, к заклятым врагам «пролетарских поэтов», к якобы «революционерам» искусства, — на этом основании взявшим после октябрьского переворота патент на начальническое благоволение, — а на самом деле являющимися самыми подлинными и дикими реакционерами в искусстве, ко всем этим футуристам, имажинистам, супрематистам, ничевокам, и как там они еще ни называются, мы входим в совершенно иной мир: в мир гниения, в декаданс пресыщенных или выродившихся слоев городского населения, в мир нравственного цинизма, полового бесстыдства, дикой жажды разрушения и садической ненависти к той великой культуре, лишь неудавшимися ублюдками которой они являются» (с. 5). Чувства и переживания, выраженные в поэзии футуристов и имажинистов, Ященко стремится «отделить» от революции, находит в них проявление болезненного сознания отдельных индивидов. «Поэты мужицко-хлыстовской революции» — это определение, данное скорее на основе дореволюционной общности «крестьянских» поэтов. В творчестве Есенина и Клюева критик видит главным образом «революционно-»планетарное» исступление... новых «скифов», «Антискифская» установка Ященко определяет и оценку «поэтов мужицко-хлыстовской революции»: «скифические поэты кощунствуют, как и имажинисты, но кощунство их носит тоже сектантский, хлыстовский характер».

Признавая, что «политическая литература» — за очень редкими исключениями — «не обогатилась до сих пор действительно выдающимися и крупными произведениями», Ященко, тем не менее, пишет пространный обзор «Русская политическая литература за границей» (№ 5, 6). Всю политическую литературу Ященко делит на две большие группы. Первую составляют книги тех, кто, по мнению критика, стоит на большевистской точке зрения — коммунистов и левых эсеров. Вторую — произведения авторов, «которые целиком или отчасти отрицают коммунистическую теорию и большевистский опыт». Среди оппонентов большевиков также выделяются две группы — те, кто видят в большевизме случайное явление, «насилие небольшой кучки людей (большевистских комиссаров), отчасти безумцев или фанатиков, отчасти преступников, над всей стомиллионной массой русского народа», и те, кто пытаются «с различных точек зрения объяснить большевизм историческими и психологическими причинами и найти закономерность в развитии нашей революции» (№ 5. С. 2). Идеологическое противостояние русских философов, публицистов и общественных деятелей Ященко сводит к дискуссии о том, в чем смысл большевизма, а точнее, к спору врагов большевиков об истинном смысле и исторических корнях большевизма. В качестве основных направлений развития политической мысли после революции Ященко называет четыре концепции, определяемые им как «национально-примиренческая», «коллективно-психологическая», «мистико-славянофильская» и «культурное примиренчество». Особо выделяется позиция П.Милюкова — «объяснение нашей революции из общих исторических корней, — слабости нашей государственности, слабости социальных прослоек, максимализма интеллигенции и т.д.» (№ 5. С. 3). Ященко не принимает «славянофильский» подход к революции, резко критикует книги *Н.С.Трубецкого* «Европа и человечество» (София, 1920) и *С.Булгакова* «На пиру богов» (София, 1921), развивает тезис об истори-

ческой молодости и некультурности русского народа, который, дабы добиться хоть чего-либо, должен приобщиться к западной цивилизации и подчинить свои мечты и надежды американскому практицизму и европейской расчетливости (№ 5. С. 7). Сочувственные отклики вызывают книги П.Рысса «Русский опыт» (Париж, 1921), *П.Струве* «Размышления о русской революции» (София, 1921). Рассказывается о книге Н.Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920) (в № 4 журнала уже была опубликована рецензия на нее В.Станкевича), о произведениях, «стремящихся найти и объяснить общий смысл русской революции» (№ 6. С. 1). Сначала его внимание привлекает «скифство». Перечислив брошюры Р.Иванова-Разумника «Россия и Инония» (Берлин, 1920), «Свое лицо» (Берлин, 1921), сборник «Испытание в грозе и буре», включивший статью Иванова-Разумника и поэмы А.Блока, и книгу А.Блока «Россия и интеллигенция», Ященко отмечает: «В сущности это не столько политические произведения, сколько лирико-философский взгляд на нашу революцию» (№ 6. С. 1). Для него неприемлемы антиевропеизм «скифов», их вера в мессианство русского народа, «поэтический восторг перед мировыми катаклизмами». Критик касается также книг В.А.Маклакова «Толстой и большевизм» (Париж, 1921), П.Н.Милюкова «История второй русской революции» (Вып. 1. «Противоречия революции». Киев, 1919. — София, 1921), В.Б.Станкевича «Воспоминания 1914—1919 гг.» (Берлин, 1920), И.Штейнберга «От февраля по октябрь 1917 г.» (Берлин, 1920), Н.Суханова «Записки о революции» (Петербург, 1919), А.Ф.Керенского «Дело Корнилова» (М., 1918), *Б.В.Савинкова* «К делу Корнилова» (Париж, 1919), мемуаров *П.Н.Краснова* и В.Д.Набокова, опубликованных в первом томе «Архива Русской Революции». Большинство произведений о революции, заключает Ященко, посвящено действиям конкретных лиц или отдельным эпизодам и потому «не передают сути нашей революции и лишь скользят по ее поверхности», поскольку «отдельные лица — в большинстве случаев ничтожные марионетки, — действуют ли они или страдают, — все равно; отдельные факты не уясняют в большинстве случаев основного смысла событий» (№ 6. С. 3).

Среди статей, опубликованных в первом разделе, выделялась также статья А.Дроздова «Птица, которая бессмертна» (№ 2). «И в наше время обязательных дроблений, градаций, делений литературы на пролетарскую новозаветную и буржуазную ветхозаветную понятно же уцелела русская литература», — утверждал Дроздов. Литература живет по обе стороны границы, но, по мнению критика, именно за границей, «за столами, сколоченными руками иностранного столяра, расправит крылья русская литература — птица, которая бессмертна» (с. 8). Говоря о «писателе вообще», Дроздов упоминает и конкретные имена: с гордостью — С.Сергеева-Ценского, *Е.Замятина* и *А.Толстого*, продолжающих работать над новыми произведениями; с радостью — *С.Юшкевича*, *Е.Чирикова* и М.Моравскую, вырвавшихся из советской России; с пренебрежением — Р.Иванова-Разумника и «вывихнутого» А.Блока, чьи скифские настроения ему чужды. Дроздов подчеркивает значимость нового журнала, призванного решать гораздо более важные, нежели чисто прикладные — «критико-библиографические», задачи: «Со страниц журнала, посвященного русской книге, мне хочется ныне приветствовать час ее воскресения и протянуть руку: благоговейную — старым ветеранам, дружескую — молодым собратьям моим. Что бы ни сделали мы, как бы ни был мал наш сиротливый, обескровленный труд — каждое усилие во благо России, каждый крохотный подвиг — во славу литературе, национальному сердцу ее» (с. 9).

В «РК» четко выдерживалась композиционная структура издания, и все отделы помещались в каждом номере. Лишь второй отдел — «Критика и рецензии» — дважды снимался редакцией. В № 1 он отсутствовал «вследствие обилия фактического и чисто библиографического материала», в № 7/8 — без всяких объяснений с пометкой «переносится в следующий номер». Всего было опубликовано 49 рецензий, а также небольшой критико-биографический очерк *А.Даманской* о Е.И.Замятине (№ 3) и аннотированный список «книг, присланных в редакцию для отзыва» (№ 9). Ведущим критиком журнала являлся А.Дроздов, опубликовавший четырнадцать рецензий. Активно сотрудничали в отделе Ф.Иванов, Н.Яковлев, А.Ященко, печатались В.Станкевич, А.Прибыловский, Вл.Ту-

калевский, П.Новгородцев, *Р.Гуль*, *Е.Ляцкий*, Б.Дюшен, З.Ашкинази, Г.Гурвич. В основном рецензировались книги эмигрантских издательств — «Слово» (София; Берлин), «Библион» (Гельсингфорс), «Северные огни» (Стокгольм), «Русская земля» (Париж), «Мысль» (Берлин), О.Дьяковой и К° (Берлин), «Окно» (Харбин), Российско-Болгарского книгоиздательства (София), И.П.Ладыжникова (Берлин), «Север» (Париж), С.Ефрон (Берлин), Поволоцкого (Париж) и издательства З.И.Гржебина, занимавшего некую «промежуточную» позицию — в Германии для России. Книжные новинки метрополии, за исключением изданий «Алконоста», которым посвящено семь рецензий, привлекают к себе гораздо меньше внимания: в третьем номере А.Дроздов публикует две обзорные рецензии на книги «Государственного издательства» и «Библиотеки Пролеткульта», да в шестом номере А.Прибыловский пишет о выпущенной Госиздатом в 1919 книге М.Гершензона «Видение поэта». Попадает в поле зрения и изданный в Феодосии альманах поэтов «Ковчег» (1920). Дроздов здесь и лаконичен, и категоричен одновременно: «В Феодосии, в году тысяча девятьсот двадцатом, группа поэтов, по составу очень пестрая, выпустила стихотворный альманах, — писал он. — Что их могло сплотить в «Ковчег» — мало понятно. Здесь Блок, *Марина Цветаева*, неизменно искусный и неизменно мастерский Максимилиан Волошин, неутомимая С.Парнок, глубокий *И.Эренбург*, но зато и целая стая антипоэтических поэтов» (№ 6. С. 15). Из 49 рецензий собственно художественной литературе посвящено 28. Критиков привлекают новые книги именитых писателей — *И.Северянина*, *Саши Черного*, *А.И.Куприна*, М.А.Кузмина, *И.С.Шмелева*, *А.М.Ремизова* (дважды), *Л.Н.Андреева*, А.Белого, А.А.Блока (дважды), А.Н.Толстого, *Д.С.Мережковского*, Ф.К.Сологуба, Вяч.Иванова, не столь известных, но все же обладающих солидным «дореволюционным стажем» П.Н.Краснова, В.А.Крымова, *Дон-Аминадо*. Кроме того, в журнале напечатаны два отзыва на переиздания М.Ю.Лермонтова, два — на переводы (С.Лагерлеф и К.-Ф.Мейера). Лишь шесть раз разбираются произведения «молодых», если не считать рецензий на беллетризованные публицистику и воспоминания *А.Ветлугина*, Р.Гуля и И.Эренбурга. Двадцать остальных — это три отзыва на журналы, четыре — на антологии и хрестоматии, одна — на народные сказки, пять — на мемуары, в том числе беллетризованные, одна на сборник публицистики и шесть на различного рода исследования.

Рецензенты не стремятся отрешиться от жизненных реалий, скрыться от повседневности в область чисто эстетических впечатлений. Первая же рецензия, опубликованная в журнале, — отзыв на книгу Саши Черного «Детский остров: Стихи для детей», — начинается с противопоставления прошлого и настоящего: «Писать для детей всегда было делом трудным, писать для детей в наше время дело почти непосильное». Одно из главных достоинств книги рецензент видит в том, что «досадная взрослая жизнь» не наложила на детские стихи Саши Черного «никакого отпечатка» (№ 2. С. 10). В рецензии на три сборника стихов И.Северянина, вышедших в Юрьеве в издательстве «Odamees», — «Crème des Violettes: Избранные поэзы», «Pühajógi: Эстляндские поэзы» и «Вервэна: Поэзы 1918—1920» — А.Дроздов обвиняет поэта в том, что тот игнорирует события последних лет, продолжает писать так, как будто ничего не случилось; сравнивает его с «верстовым столбом», для которого не имеют никакого значения ни «мрачные, ярмарочные ужасы чрезвычаек», ни «психологический сдвиг народа, сделавшего и несущего революцию». У Северянина нет ничего нового: «ни настроений, ни тем, ни техники, кроме двух-трех словообразований, свыше меры причудливых». «Поэт не изменился, не поглупел, но и не поумнел, не растратил своего богатого лирического таланта, но и не углубил его, — констатирует Дроздов. — И три книжки, лежащие предо мною, они — только отзвук старого Петербурга и старой Москвы, только памятка — в них нет ни крови, ни плоти тех дат, которые стоят на их обложках» (№ 2. С. 11). Ф.Иванов, представляя книгу М.Кузмина «Новый Плутарх: Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Берлин; Пб., 1921), указывает, что автор хранит верность стилю: «И разве столь великий грех: в эпоху новых Бастилий — загрезиться на миг в вихре оживленного старого венецианского карнавала». В «Звезде Соломона» А.Куприна (Гельсингфорс, 1920) критик видит «апологию маленького человека с его

мещанскими узенькими интересами», «любование уютом скромной обывательской жизни», и именно в этом находит разгадку «равнодушия к темам современности, которое обнаруживал последние дни художник-Куприн, спасаясь от нее в привычных описаниях давно отвердевшего, уже законченного в своих формах, быта» (№ 2. С. 13, 14). В № 2 Ф.Иванов рассматривает также новое издание «Воспоминаний о Льве Николаевиче Толстом» *М.Горького* (Берлин; Пб., 1921), «Индийские сказки» в переводе и под редакцией проф. С.Ольденбурга (Берлин; Пб., 1921), сборник С. Лагерлеф «Пушинка и другие рассказы» (Стокгольм, 1920), а перу Дроздова принадлежат рецензии на сборники стихотворений *А.Рубакина* «Город» (Париж, 1920) и С.Чукалова «Сумерки: Песни сердца» (София, 1919). Книгу Чукалова Дроздов называет «серенькой», отмечая лишь искренность стихов. К Рубакину критик благосклоннее: хотя «в книжке нет ни одного образа, который запомнился бы, ни одного крика, который царапнул бы душу, ни одного слова, которое взволновало бы по-настоящему», ее все равно можно «помянуть добрым словом» — «г. Рубакина нельзя не приветствовать: шаги его окрепнут, зоркость его обострится, и в русской поэзии, думается, поэт не будет лишним» (№ 2. С. 12).

В № 3 отдел открывается очерком о Е.Замятине. А.Даманская рассказывает о творческом пути писателя — от его первой книги «Уездное» до написанных после революции и еще не изданных произведений. Ф.Иванов пишет о двух новых книгах И.Шмелева — «Неупиваемая чаша» (Париж, 1921) и «Сладкий мужик; Степное чудо» (Берлин, 1921). Критик показывает, как Шмелев переходит от «иконописного лика Ильи» к «звериному образу обкрадывающего мертвую матроса». Своей талантливой кистью Шмелев рисует два лика великой России — светлый и темный: «Художник, «Неупиваемой чашей» своей зачертивший образ одной, светлой, прежней, не мог пройти мимо омраченного суровой действительностью настоящего ее лика» (№ 3. С. 19/20). Неприятие А.Дроздова вызывает книга А.Ремизова «Электрон» (Пб., 1919): «Ремизов, писатель большой и глубокий, всегда был писателем и узким: есть в его творчестве провалы, ямы, куда глянуть жутко, есть и пустые места, якобы проникновенные, а за ними и нет ничего. Самое сладкое в писателе этом — любовь к народному языку, и самое опасное в нем — частая напыщенность, нарочитая и выдуманная, от этой любви проистекающая» (№ 3. С. 21). В отзыве о романе П.Н.Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» (Берлин, 1921) рецензент, скрывшийся за псевдонимом -въ, признает, что «роман этот, носящий претенциозное название, интересен» и «было бы несправедливостью замолчать иные отменно ярко сделанные места», но, тем не менее, заключает: «Во всяком случае, это не литературное произведение, ибо для этого роман грешит и тенденциозностью, и анти-литературностью, и уклоном в бульвар, и неряшливой недоделанностью» (№ 3. С. 22).

Рецензируя произведения прозаиков, напечатанные в 1920 Государственным книгоиздательством в Москве, — рассказы С.Подъячева «Дома», М.Борецкой «В железном круге» и О.Белкиной «Дезертир; Красная книжка», — Дроздов предваряет анализ общим суждением о «советской» литературе: «Любопытен факт: наряду с безудержной волной стихотворных сборников, литературных компилятивных работ и брошюр агитационного характера в советской России почти не появляется на книжном рынке беллетристики» (№ 3. С. 22). Внимание критика привлекают и четыре поэтических сборника, вышедших в библиотеке «Пролеткульта» в Петербурге в 1919, — «Под красным знаменем» Самобытника (А.И.Маширов), «Стихотворения» В.Кириллова, «Цветы сердца» Я.Бердникова, «Песни борьбы» П.Арского. «Спор о том, существует ли пролетарская литература и, в частности, пролетарская поэзия, так и не разрешен до сих пор, — пишет Дроздов. — Для защитников пролетарской поэзии как таковой эти четыре сборника стихотворений являются аргументом в высшей степени коварным — не только стихи названных четырех авторов просто плохие стихи, но к тому же и безличные стихи, идущие в поводу то у старых образцов, то у новых» (№ 3. С. 23). По мнению Дроздова, подобные стихотворения могут иметь «исключительно пропагандную» ценность. В отличие от Ященко, сосредоточенного на теме революции, Дроздов пишет и о любовной лирике пролетарских поэтов, отмечая, что именно в ней особенно ярко выявляется «скудность

и полная безнадежность всех этих стихотворных опытов». Но «за всею их бездарностью, суконностью, нищетой» Дроздов видит попытку противостоять футуризму, и в этом качестве готов принять пролетарскую поэзию, несмотря на отсутствие в лагере «пролетариев» истинных поэтов: «Большинство из поэтов этих — пролетарии самой силою вещей, и их протест против вычур, оставшихся им в наследие от гнилых литературных кабаков Петербурга, является протестом как бы коллективным. Тяга к простоте — тяга к подлинному искусству. Дело за малым — в этом лагере здоровых поэтов нет поэтов, нет талантов; поэтому и противление остается теоретическим» (№ 3. С. 24).

В рецензии на книгу А.Н.Толстого «Наваждение» (Париж, 1921) А.Дроздов объясняет свое «любовное» отношение к творчеству писателя: «Толстого же любишь чувственно, безотчетно, я сказал бы — национально, потому что он глубоко и прежде всего русский талант, стихийный». Увлекает «национальное» восприятие Толстым истории России, его умение показать одновременно величие и трагизм происходящего — трагизм для современников и величие для потомков. Самой значительной вещью в книге критик называет рассказ «День Петра», в котором современность определила подход к истории, а история позволила встать «над» современностью (№ 4. С. 6). В отклике на первые пять номеров «*Современных записок*» А.Ященко «украшением журнала» называет роман А.Н.Толстого «Хождение по мукам»: «Этот роман не только написан с истинным мастерством такого художника, как Алексей Толстой, но и представляет собою единственное обширное художественное произведение, осмелившееся в широкой картине отразить нашу современность — развал перед войной, разложение во время войны и приближающуюся революцию» (№ 5. С. 12/13). Высоко оценивает критик и журнал в целом — его структуру, оформление, содержание. «Современным записках», по мнению Ященко, «суждено сыграть большую роль в истории нашей культуры» (№ 5. С. 13). Одобрение Дроздова вызывает исторический роман Д.С.Мережковского «14 декабря» (Париж, 1921). Его привлекает прежде всего ключевое противоречие — конфликт между монархом и революцией — главным образом из-за легко проводимой параллели с современностью. Для Дроздова, убежденного противника абсолютизма, крайне важно, что революция выглядит оправданной и закономерной в сравнении с противостоящей ей монархией. Соглашаясь с тем, что историк может упрекнуть романиста в «известной предвзятости», Дроздов, тем не менее, призывает еще раз перелистать «эти благоуханные страницы, полные гнева и неутихшего ужаса» (№ 5. С. 14). «На грани» художественной литературы и публицистики еще две книги, привлекшие внимание рецензентов, — «Богомолы в коробочке» В.Крымова (Берлин, 1921) и «Авантюристы гражданской войны» А.Ветлугина (Париж, 1921). Книга Дон-Аминадо «Дым без отечества» дает Дроздову повод высказать свое мнение и по поводу эмигрантской сатиры, и — косвенно — по поводу обличаемых писателем явлений. Он противопоставляет дореволюционную сатиру современным произведениям. Раньше политическая сатира «была вещью благодарной», принимавшейся «благоговейно и с заранее готовым восторгом», ныне же большинство сатириков, лишенных «своего народа и аромата отечественной политики», начали «издалеча кусать большевиков, зная, что за это не попадет». Дон-Аминадо представляет собой редкое исключение. Предметом обличения в его произведениях становится эмигрантский быт, «серая уродливость нашей беженской жизни» и, «обанкротившиеся либеральные идеологии, то, что теперь любят называть интеллигентщиной» (№ 6. С. 11, 12).

Несколько рецензий в № 6 посвящены произведениям писателей, оставшихся в метрополии. А.Дроздов рассказывает о романе Ф.Сологуба «Заклинательница змей» (Берлин, 1921), А.Прибыловский — о новых книгах Вяч.Иванова и А.Ремизова, изданных в Петрограде «Алконостом», — «Прометей: Трагедия» (1919) и «Царь Максимилиан: Театр Алексея Ремизова» (1920). Попытавшись сначала определить особенности литературного таланта Сологуба, Дроздов в итоге приходит к выводу, что новое произведение «не оставляет в душе иного следа, кроме досады на то кощунство, которое совершил Сологуб над своим нескудеющим дарованием, — и во имя чего? И кому в утешение?». Критик считает роман, хотя и «с поразительным искусст-

вом написанный», преднамеренным и предвзятым, «искусственным по заданию», отмечая, что «рядом с прекрасными жизненными положениями не получилось ни одной живой, не утрированной фигуры...» (№ 6. С. 11). А.Прибыловский обращает внимание на литературное мастерство Ремизова и Вяч.Иванова: «При незначительных как будто «изменениях» сравнительно с народными редакциями, «Царь Максимилиан» А.Ремизова является уже законченно прекрасным художественным произведением, особенно со стороны языка, четкого и чистого в своей древней стихийности»; «Глубина миросозерцания В.И<ванова> соединена с поразительной силой образов, с законченно совершенной формой» (№ 6. С. 13, 14).

Мемуарную прозу критики журнала рассматривали прежде всего с точки зрения фактического материала, не обращая внимания на художественные достоинства или недостатки произведения. В № 4 две рецензии на книги о войне — «В стане белых» Г.Раковского (Константинополь, 1920) и «Лик войны» И.Эренбурга (София, 1920) — принадлежали перу Ф.Иванова. Первая привлекает в основном обилием интересной информации, пересказ которой и занимает большую часть рецензии. Иванов обращает внимание на замечания Раковского о неорганизованности тыла Добровольческой армии, противоречиях между добровольцами и казаками, о неуместности лозунга «единой и неделимой» в условиях уже провозглашенной автономии Дона, Терека и Кубани, о сведении личных счетов командующих с Главнокомандующим и т.д. «Очарование книги Эренбурга» критик находит в «своеобразном разностороннем приятии войны». С точки зрения Иванова, «Эренбург не был бы поэтом, сыном своего утонченного, мудрого века вполне, если бы за будничным ликом войны, за ужасами ее повседневности не почувствовал души войны, того, что одним словом можно назвать ее приятием» (№ 4. С. 8).

В № 5 отдел «Критика и рецензии» открывается размышлениями Евг.Ляцкого по поводу первого тома «Архива Русской Революции», издаваемого И.В.Гессеном. Возражая против требования Гессена к авторам мемуаров «отрешиться от своей собственной личности, не делать ее центральной фигурой», настаивая на том, что именно глубоко личностный взгляд на события и определяет специфику мемуаров, Ляцкий, тем не менее, подчеркивает: «авторы, поместившие свои записки в первом томе «Архива», явились живым опровержением предвзятости редакторского взгляда: ни В.Д.Набоков, ни П.Н.Краснов, ни прочие не отрешились от своих личностей и именно на своих личных переживаниях сосредоточили основной интерес записок» (№ 5. С. 11). В № 6 опубликовано сразу две рецензии на книги членов группы «Мир и труд» — Б.Дюшена на исследование В.Станкевича «Судьбы народов России. Белоруссия, Латвия, Эстония, Армения, Грузия, Азербайджан, Финляндия, Польша» и В.Станкевича на «Ледяной поход (с Корниловым)» Романа Гуля (обе: Берлин, 1921). «Обменялись» рецензиями на страницах журнала П.Новгородцев и Г.Гурвич: П.Новгородцев в № 4 высоко оценивал книгу Гурвича «Руссо и декларация прав. — Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо» (Пг., 1918), Г.Гурвич в № 9 поместил отзыв на третье издание «блестящего исследования» П.И.Новгородцева «Об общественном идеале» (Берлин, 1921), признав его одним из «наиболее значительных явлений современной философско-правовой литературы» (№ 9. С. 7). Из многочисленных переизданий русских классиков внимание рецензентов привлекают два тома М.Ю.Лермонтова. В № 3 Н.Яковлев пишет об «Избранных сочинениях в одном томе (1814—1841)» М.Ю.Лермонтова, вышедших в издательстве З.И.Гржебина под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Александра Блока, а в № 5 Ф.Иванов помещает отзыв об издании романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» со вступительной статьей и под редакцией Е.Ляцкого, предпринятом книгоиздательством «Северные огни».

Сдвоенный седьмой—восьмой номер отразил происходящую реорганизацию издания. В первом разделе напечатаны статьи *С.Р.Минцлова* «Мысли о книгах» и Ник.Бережанского «Ненужные люди ненужного дела». Минцлов размышляет о том, как должны быть устроены библиотеки, а Бережанский рассказывает о коллекционных изданиях и журнале «Среди коллекционеров». Второй раздел — «Критика и рецензии» — снят вообще, а весь третий отдан под материалы о ситуации с книго-

издательствами и о жизни писателей в метрополии. Здесь встречаются довольно резкие оценки происходящего в советской России, но это уже не борьба с большевизмом, а борьба с Госиздатом. В статье «Советская цензура, частно-издательская инициатива и судьбы русской литературы» П.Витязев решительно выступает против стремления Госиздата установить полный контроль за частной издательской деятельностью. Но главное — вместо продолжения обзора политической литературы А.Ященко опубликована статья Эренбурга «Au-Dessus de la mêlée», знаменующая собой поворот в редакционной политике. С появлением сменовеховства платформа организации «Мир и труд» перестала быть столь привлекательной. Журнал *«Смена вех»*, начавший выходить в Париже с конца октября 1921, а затем берлинская газета *«Накануне»* заставили аудиторию быстро забыть об идеях «культурного примиренчества» Станкевича и его группы. Не оправдал возлагаемых на него надежд журнал и с точки зрения коммерческой. И книжный магазин «Москва», и типография Гутнова, печатавшая «РК», стали прорабатывать новые варианты, сулившие, по крайней мере на первый взгляд, большую финансовую отдачу. Книжный магазин «Москва» заарендовал издававшуюся в Берлине с 1919 еженедельную газету *«Время»*, в которой и до появления новых хозяев сотрудничали многие авторы «РК». В № 7/8 «РК» сообщалось о создании при типографии Е.А.Гутнова издательского отдела (с. 40) и объявлялось: в новом издательстве с середины октября начнет выходить под редакцией А.Дроздова литературно-художественный и общественный ежемесячник *«Сполохи»*, где, наряду с художественными произведениями, будут регулярно помещаться статьи по вопросам литературы и искусства, критические и библиографические обзоры. Понимая все это, Ященко посчитал необходимым «скорректировать» и свои взгляды, и журнальную политику. Если идеология «культурного примиренчества» предполагала безусловное культурное превосходство эмиграции, а политический расчет строился на «культурное» преодоление большевизма, будто бы нуждающегося в помощи «извне» для восстановления уничтоженной культуры, то позиция И.Эренбурга, утверждавшего, что «живая русская литература — в России; там, мучительно, судорожно, быту наперекор, она продолжает шириться и расти» (№ 7/8. С. 2), предполагала сближение с советской Россией, позволяла рассчитывать на поддержку литераторов метрополии, а в конечном итоге — и властей. Из антисоветского журнал постепенно начинает превращаться в просоветский. В статье Эренбурга «Au-Dessus de la mêlée» необычным было прежде всего то, что автор говорил о писателях метрополии, не отделяя себя от них; в статье Эренбурга нет противопоставления «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших», он старается все время повторять: «мы», «нас», «наши». Причем «русскими писателями» Эренбург считает в первую очередь оставшихся на родине. Идеологическую борьбу с писателями, вставшими на позиции большевизма, Эренбург склонен расценивать как борьбу с литературой; критики не желают понять, что автор лишь отражает в своем произведении ту или иную точку зрения, стремится «художественно осмыслить и воплотить дух нашей великой, жестокой, сложной эпохи». Идейное многообразие произведений есть следствие разнообразия жизненных позиций: «От гимна коммуне, к которой пришел Брюсов, давний любовник математики, до темного отчаяния «последнего поэта деревни» Есенина весьма далеко. О разном говорят и Иисус Блока и пророк из мистерии «вещи» Маяковского. Но все они являются не политиками и социологами, а поэтами. Их дело не решать мечом борьбу креста с полумесяцем, но новыми «chansons de gestes» выявить незлободневное, вечное наших дней, в масштабе столетий, так, чтобы, когда забудется битва при Ронсевале, жил бы рог Роланда и плач Альды». Эренбург противопоставляет оставшихся в России эмигрантам: первые радуются любому известию о литературных успехах русских писателей за границей, вторые — «не только не лелеют, может, нашу единственную, национальную гордость, но и отрекаются от нее». Критик выступает в защиту многих из тех, кто удостаивался за свои взгляды уничижительных оценок и на страницах журнала, в том числе в статьях Ященко. «Андрей Белый, А.А.Блок, Ф.К.Сологуб, В.Я.Брю-

сов, С.А.Есенин, А.М.Ремизов, К.И.Чуковский, В.В.Маяковский и многие другие подвергались различным злостным нападкам, приводить которые в журнале, защищающем российскую литературу, я считаю неуместным, — пишет Эренбург. — Страшно и больно, что и в Москве, и в Париже с равной безнадежностью приходится доказывать, что нельзя не только цевницу Пушкина, но и трубу Маяковского рассматривать как военный материал, подлежащий использованию или уничтожению» (№ 7/8. С. 2).

Если первая статья Эренбурга оставляла Ященко возможность для маневра, то выступления Эренбурга в № 9 уже носили характер программных (в том числе и «письмо в редакцию» с отповедью А.Койранскому). «Именно теперь русская поэзия переживает период высокого подъема», «невыносимое, подчас смертельное для поэтов, оказалось благодетельным для поэзии», — заявляет он в статье «О некоторых признаках расцвета российской поэзии». — «Творчески осознать и выявить происшедший величайший сдвиг — вот оброк и вот спасение русской поэзии» (№ 9. С. 1). Все поразному подходят к изображению действительности, но «все напряженно, героически ищут» — «одни начетничествуют, поминают, героически клеят осколки фарфоровых дворцов», «другие, пробивая стену головой, тщатся хоть одним глазком взглянуть на грядущее», «третьи всему предпочитают «безбытный быт», изумительные противоречия нашей переходной эпохи». Те же, кто «сохранил неподвижность» — Брюсов, Волошин, *Бальмонт*, — по мнению Эренбурга, уже не «олицетворяют современную поэзию», «работники искусства, передающего время», они не смогли или не захотели преодолеть «роковую застылость», предпочли занять «статическую позу преждевременных памятников» (№ 9. С. 2). Об изменениях, происходивших в журнале, свидетельствовало и содержание второго отдела. Впервые большая его часть принадлежала перу самого редактора. А.Ященко пишет о русском искусстве как о «главной и настоящей гордости» нашей (№ 9. С. 8), о том, что в «дни нашего полного национального краха» именно книги и журналы способны скрасить тусклое эмигрантское существование, утешить и успокоить. Ященко уже не требует от искусства «бодрости жизни, энергии воли, способности к борьбе» (№ 4. С. 4). Он готов принять художественное произведение ради «минутной иллюзии, обмана», теперь «этот нас «утешающий» обман тьмы «горьких» истин нам дороже» (№ 9. С. 9). Ранее в своих выступлениях «устремленный» в будущее, Ященко явно ищет новые ориентиры, обращается к дням минувшим. О связи прошлого с настоящим, о преемственности Ященко пишет в рецензии на вышедшие в 1921 в Берлине книги А.Дроздова «Подарок Богу», «Счастье в заплатах», «Распятие» и «Чертополох». Он задается вопросом: «Кто-то возьмет в свои руки и понесет некогда гордо развивавшееся знамя русского искусства?» (№ 9. С. 8). «Жизнь, нашедшая отображение в рассказах Дроздова, не та, что любят изображать «старики», уходящие мечтой от наших проклятых дней в недавнее прошлое, когда они были — сравнительно — так счастливы», — отмечает Ященко, но у него нет обычного для выступлений критиков изданий «миритрудовской» ориентации противопоставления Дроздова писателям старшего поколения. Ященко видит в Дроздове наследника традиций классической литературы, однако подчеркивает условность своих оценок, выдаваемых «авансов»: «Рассказы Дроздова еще не подлинная поэзия», «нет у Дроздова еще и вообще мастерства», он «постоянно срывается со стиля» (№ 9. С. 9). И тем не менее, за «грехами молодости» чувствуется художественный талант: «Главное, что он уцелел и, как «озимь», взошел из-под снега. Придут лучшие, более гармонические времена и принесут успокоение на взволнованную душу и залечат раны обиженного сердца. И тогда, — будем надеяться, — среди новых дней он поддержит славу русской литературы, и слабеющие руки тех, кто уйдет, найдут, кому — ему и многим другим — передать незатухающее пламя русской поэзии» (№ 9. С. 9).

«РК» задумывалась как эмигрантское издание, которое будет разрешено к распространению в России, и сможет, под лозунгом «единства русской литературы», противостоять коммунистической агитации. Но большевики оказались дальновиднее своих противников. Последние номера журнала свидетельствовали о том, что в «РК» все громче звучат «голоса из России». И не случайно в 1922 начал выходить другой

журнал: «*Новая русская книга*» была действительно «новым» периодическим органом, преследовавшим иные цели — скорее уже «просоветским» изданием, выходящим за рубежом, чем эмигрантским, ориентированным на советский рынок.

Д.Д.Николаев

«РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ» (Париж, 1921—1925. № 1—7). Издание Русского очага. В обращении «К читателям» изложены задачи журнала: «Основа нашего издания, которое будет выходить по мере накопления материала, есть летопись нового смутного времени России, где по документам и несомненным историческим данным будут излагаться события русской революции, начиная с 1917 года». Большая часть опубликованного посвящена жизни, царствованию и смерти Николая II: письма царской семьи (№ 2, 6), «Император Николай II (опыт биографии)» С.С.Ольденбурга (№ 7), первая биография, написанная соотечественником; «Царская семья. Воспоминания воспитателя царевича Алексея Николаевича» П.Жильяра (перевод с французского) — первая книга о царской семье иностранца, швейцарского гражданина. В журнале печатались документальные материалы и воспоминания лиц, близких к Царскому дому: «Страницы из моей жизни» А.А.Танеевой (Вырубовой) (№ 4), «Отрывки из воспоминаний» А.А.Мордвинова (№ 5, 6), «Люди-звери» баронессы Н.Д.Врангель (№ 6), «Воспоминания» кн. Т.Г.Куракиной (урожд. баронессы Врангель 1918—1921, № 5), «Царская семья (из детских воспоминаний)» С.Я.Офросимовой (№ 6), а также статьи: «Что было сделано для спасения императора Николая II» С.Боткина (№ 7), «Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев» П.П.Стремухова (№ 7), «Убийство Царской семьи в Екатеринбурге (по данным следствия)» (№ 7).

В очерке «Памяти императорской русской армии» *П.Н.Краснова* (№ 5) материал по истории армии перемежается с воспоминаниями о прохождении воинской службы, о встрече с императором Александром III и его супругой, о получении офицерского звания и др.; в его же очерке «Венок на могилу неизвестного солдата императорской армии» (№ 6) запечатлены воспоминания о патриотизме солдат, которые бежали из немецкого плена, чтобы служить России, о больших жертвах, приносимых ими ради родины. Анонимный рецензент книги П.Н.Краснова «От Двуглавого орла к красному знамени» (Берлин, 1921) отмечает: «Горячая, глубокая любовь к родине, искренняя преданность монархическим началам законности, единственно могущим спасти Россию, к нашему прошлому, к солдату сквозит у Краснова во всяком слове. Превосходны описания быта войск, верны картины Петрограда... Надо иметь много таланта, знания жизни, глубокой любви к родине, понимания народа, чтобы в самый разгар революционных дней суметь написать так хорошо, интересно, правдиво свой роман времен русской революции» (№ 1. С. 206). Н.Корево, рецензируя книги: «Записки о революции» *И.Наживина* (Вена, 1921) и «Завоевание революции» проф. Т.В.Локотя (Вена, 1921), пишет: «Если Ив.Наживин из анархистов стал монархистом, то и проф. Локоть, являющийся ныне украшением монархической партии, был в составе Государственной Думы первого созыва представителем трудовиков» (№ 2. С. 181). По мнению Локотя, «будущее России принадлежит не революционной и не революционно-социалистической демократии, а какой-то другой — национально-трудовой, творческой, разумно-консервативной и эволюционно прогрессивной» (с. 184). Автор рецензии приводит слова *Л.Андреева*: «Большевизм навсегда убил в России "религию революции"». Сто лет революционер считался у нас святым; отныне же синонимом дурака или мерзавца стал революционер», — приводит рецензент слова Л.Андреева (с. 184). Опубликованы стихотворения Великой княжны Ольги Николаевны, написанные в Тобольске, «Две молитвы» (№ 1), стихотворения В.Петрушевского «Государю императору Николаю II» (№ 2), З.Клюевой «Русская душа», «Белым Орлом» (№ 2), «Красная дева» В.Мятлева (№ 1).

А.Ф.Головенченко

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (София, 1921. № 1—12; Прага, 1922. № 1—7; Прага—Берлин, 1922. № 8—12; 1923—1924. № 1—12; Париж, 1927. № 1) — литературно-по-

литический и научный журнал. В эмиграции *П.Б.Струве* возобновил выпуск журнала, издававшегося в Москве в 1880—1918. Ведущей идеей стало возрождение России. В «Обращении к старым и новым читателям» определялись задачи: «Осознать, осмыслить обрушившиеся на нашу страну несчастья и катастрофы», понять революцию «как великую историческую стихию». Редакция заявляла: определить пути «воскресения России — задача русской мысли и нашего журнала» (1921. № 1—2. С. 5).

Выступления Струве на страницах журнала выражали его программные идеи: «Социализм. Критический опыт» (1922. № 6/7), «Познание революции и возрождение духа» (1923. № 6/8). «Большевизм был и остается заразой, чумой», — заявлял П.Струве (1927. № 1. С. 62). Постоянные авторы журнала — политические деятели, философы, историки, публицисты, литераторы — *В.В.Шульгин*, Н.Н.Львов, *Г.В.Флоровский*, С.С.Ольденбург, *К.И.Зайцев* и др. Заметное место в журнале заняла их мемуарная публицистика, историко-научные и философские публикации: «1920. Очерки» В.Шульгина (1921. № 3/4—10/12); его же «Дни» — о Конституции 1905, Государственной Думе, Февральской революции, падении царской династии (1922. № 1/2 — 1923. № 6/8); воспоминания Н.Н.Львова «Былые годы» (1923. № 6/8—9/12); «Смысл истории и смысл жизни» Г.В.Флоровского (1921. № 8/9), его же философско-духовные размышления «В мире исканий и блужданий» (1922. № 4 — 1923. № 3/5). Хронику времени вел С.С.Ольденбург — «Политические обзоры» с разделами: «Дела русские» и «Дела иностранные» (1921. № 5/7 — 1923. № 9/12). К.Зайцев назвал свои размышления в первой книжке журнала «В сумерках культуры». «Мы унижены и изгнаны. Мы беженцы», — писал он. Размышляя об истории русской литературы, роли в ней Пушкина, Гоголя, Герцена, Достоевского, Толстого, он заключал: «Холодно и жутко на душе. Сгущаются сумерки. Мы свидетели великого крушения, видим лишь обломки былого» (1921. № 1/2. С. 118).

Уделялось внимание художественной литературе, литературной критике, библиографии. Были опубликованы повести *А.Н.Толстого* «Посрамленный Калиостро», *И.Бунина* «Исход», *Г.Гребенщикова* «Родник в пустыне». Поэзия представлена стихотворениями Н.Гумилева из книги «Огненный столп» (1921. № 10/12). Как «замечательный документ переживаемой эпохи» печатался «Дневник» («Черная книжка») *З.Гиппиус* (1921. № 1/2—3/4). В стихах о родине *В.Сирин* писал: «Ты сердце, Россия. Ты цель и подножие. Ты в рокоте крови, в смятенье мечты... И мне ли плутать этот век бездорожья. Мне светишь по-прежнему ты» (1921. № 5/7).

В рубрике «Критика и библиография» печатались литературные обозрения. За подписью Петроник (псевдоним П.Н.Савицкого) появился обзор «Идея родины в советской поэзии», где с едкой иронией говорилось о стремлении «большевистского правительства» создать «советскую поэзию». Автор рассматривал циклы и сборники стихов известных авторов. В поле его зрения были «обошедшие весь русский мир» поэмы А.Блока «Скифы», «Двенадцать», изданные с сопроводительной статьей Иванова-Разумника в Берлине (1920), а также издания: Иванов-Разумник. Россия и Инония; *Белый А.* Христос воскрес; Есенин С. Товарищ. — Инония (Берлин, 1920); Клюев Н. Песнь солнценосца. Земля и Железо (Берлин, 1920); Есенин С. Триптих: Поэмы (Берлин, 1920). Как главную особенность критик отмечал: «Советская поэзия раскрывается нам в брошюрах под серой обложкой, вся, до последнего изгиба, проникнутая напряженной и острой идеей Отечества» (1921. № 1/2. С. 215). В разделе критики и библиографии того же номера журнала напечатаны: П.Струве о поэме А.Блока «Двенадцать»; А.Г.Левинсон об изданном в Берлине сборнике «Поэзия большевистских дней» (1921), где представлены стихотворения А.Белого, П.Орешина, В.Каменского, *И.Эренбурга*, по словам рецензента, «рожденные тоской и жутью истекших лет» (с. 237).

В статье Ю.Никольского «Последняя поэма Андрея Белого» (1921. № 3/4) поэма «Христос воскрес» рассмотрена в контексте поэм «Война и мир» В.Маяковского и «Двенадцать» А.Блока. С иронией пересказывался очерк *А.М.Горького* о Ленине (Львов Н.Н. Горький о Ленине // 1921. № 3/4). К наиболее значительным публикациям относится очерк *К.Мочульского* «Поэтическое творчество Анны Ахматовой» (1921. № 3/4), рассматривающий поэтику акмеизма в сти-

хотворениях сборника «Белая стая» (Пг., 1917). О книге стихотворений Ахматовой «Подорожник» (Пг., 1921) писал *Глеб Струве*: «Маленькая книжечка, полная горькой полынной печали и томления женской души. Какую радость дает она нам». Она привлекает внимание, отмечал Г.Струве, тем, что «за советской чертой» воздаются подлинные и значительные ценности и наиболее ценное создается в поэзии, передающей «трагическое ощущение нашей эпохи» (1921. № 10/12. С. 349). Струве отметил и издание сборника стихотворений В.Рождественского «Лето: Деревенские ямбы. Стихи 1918 г.» (Пг., 1921) — «чудесной книжки стихов совсем молодого еще поэта» (1921. № 10/12. С. 342). Внимание журнала привлекла кончина А.Блока и расстрел Н.Гумилева (Струве П. Блок—Гумилев. На смерть Блока). Кратким очерком «Памяти Блока» отозвался Г.Струве: «Любя жизнь, он ненавидел и проклинал ее. Проклиная и ненавидя, принимал ее со всеми ее изгибами и всеми ее неразрешенными противоречиями» (1921. № 10/12. С. 88).

Со статьей о поэзии и прозе Ф.Сологуба выступил Лоллий Львов (1922. № 6/7), рассматривавший сборники стихотворений «Фимиамы» (Пг., 1922), «Небо голубое» (Ревель, 1921), сборник прозы «Сочтенные дни» (Ревель, 1921), новеллу «Царица поцелуя» (Пг., 1920), изданный в Берлине роман «Заклинательница змей» (1921). В стихах, пишет критик, Сологуб «грезит голубым небом». Но грезы Сологуба «тягостны и болезненны» (с. 217). «Острое ощущение боли и падения резко пронизывает голубое небо» (с. 218). Обиды и земная боль заполняют его рассказы и стихи. Изнемогший поэт исступленно молит: «Дай мне жизни земной хоть немного, чтоб я новые песни сложил». В романах Сологуба, отмечает критик, проходят «странные, темные дни русского безвременья, относящиеся к дореволюционному и к добольшевистскому времени, еще до грозных раскатов нашей катастрофы» (с. 222). Сологуб живет в мире фантазии и мечты — в этом особенность его таланта, утверждал Л.Львов. Сологуб творит свою легенду в современности XX века, «когда даже в приволжской дали вера в социализм облекалась, казалось, в такую несокрушимую оболочку и броню и стала самой незыблемой из вер...» (с. 223). Верой назвал свою героиню писатель. Это — ее имя и символ повествования. Волжская красавица, участница рабочего движения «должна была пасть под ударами тех, кому она больше всего верила, — рабочих социалистов» (с. 223). Вера в реальность оказалась бессильной. Финал романа звучит, однако, как торжественный гимн «божественной красоте» — таков лейтмотив мечты поэта, «ее светлой игры». В этом очарование его таланта.

С.Кречетов в статье *«Леонид Андреев.* Опыт характеристики литературного облика» (1923. № 1/2) рассматривал творчество писателя в контексте литературного движения первых десятилетий XX в. Л.Андреева, в отличие от традиционного «чистого реализма», Кочетов относил к «неореализму», видя особенности его творческой манеры в «верности жизни», но «не в рабстве перед жизнью» (с. 278). Андреев характеризуется как «человек гения», приемлющий как художник «мистическую иррациональную сущность символизма». «Идя путем Достоевского, Андреев исследует душу не отдельной личности — душу социальную» (с. 277).

К 100-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского была опубликована статья П.Струве «Пророк русского духовного возрождения» (1921. № 10/12). Определяя время Достоевского как «эпоху русской истории», Струве утверждал: «В то же время Достоевский больше, важнее той исторической эпохи... Он стоит над историей, ставит вопросы вечные» (с. 274). Он был великим религиозным мыслителем, «воплотил в фигуры и драмы своих произведений то, чем он жил сам, над изображаемыми безднами он сам стоял. Соберите воедино Карамазовых и вы получите Достоевского», — писал Струве. Ссылаясь на *Мережковского*, назвавшего писателя «пророком русской революции», Струве считает пророческим в этом смысле роман «Бесы». Опубликована также статья «Достоевский как публицист» Е.Спекторского (1923. № 9/12).

В статье «Аксаковы и Аксаков. К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1923)» П.Струве писал об «исключительной по дарованию» семье и выдающейся роли И.Аксакова в славянском движении, о его эпистолярном наследии как историческом документе и «первоклассном произведении национальной литературы несравненной красоты» (1923. № 6/8. С. 352). В связи с кончиной В.Г.Ко-

роленко П.Струве писал о нем как о выдающемся художнике и влиятельном публицисте (1922. № 1/2). В № 3 журнала за 1922 опубликована речь о В.Г.Короленко, произнесенная в Париже 29 января 1922 проф. Н.К.Кульманом.

В числе других историко-литературных публикаций в журнале — «Материалы по Фету» — об исправлении Тургеневым стихотворений Фета (1921. № 8/9), статья Ю.Никольского «Признания Фета» (1922. № 6/7), в ней приводятся ответы поэта на вопросник, характеризующие его личность. В № 6/8 за 1923 помещена статья Л.Львова «Памяти Тютчева», в № 1/2 за 1922 — отзыв о книге Ю.Никольского «Тургенев и Достоевский. (История одной вражды)» (София, 1921), статья *П.Бицилли* «Опыт характеристики пушкинского творчества» (1922. № 4), подборка «Новое о Л.Н.Толстом. Из писем и дневников» (1922. № 1—3). «Материалы по истории русской культуры» включали публикацию «Цена крови Грибоедова. Неизданный документ» — письмо высокого персидского сановника Фетх-Али-Шаха со вступительной статьей В.Минорского (1923. № 3/5).

В софийский период журнал знакомил читателей с болгарской литературой, фольклором, мифологией. Печатались стихотворения И.Вазова, Б.Славейкова, П.Яворова, Доры Габе: подборки «Болгарская народная поэзия» (1921. № 10/12), «Мотивы славянской мифологии» (1922. № 6/7), где рассматривались древние языческие божества; «Песни южных славян» — болгарские, македонские, сербские (записанные В.И.Нечитайловым) (1922. № 4). В статье И.Родославова «Современная болгарская поэзия» характеризовались ее новейшие течения и тенденции, отмечалась новаторская роль. Предтечи нынешней болгарской литературы ориентировались на русскую литературу, почитали Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Теперь, утверждал автор статьи, «непосредственные влияния идут с Запада, преимущественно из Франции и Германии» (1921. № 5/8. С. 246). Публикации журнала, выходившие за пределы русской и славянской литературной тематики, были немногочисленны. Одна из наиболее значительных — статья К.Зайцева «Памяти Гюстава Флобера (1821—1921)» (1921. № 8/9). Кратко охарактеризовав значение произведений французского автора, «сделавших эпоху в истории романа», — «Госпожа Бовари», «Воспитание чувств», — его высочайшее стилистическое и словесное мастерство как художника, К.Зайцев акцентировал внимание на письмах «знаменитого чудака» (с. 265), заметках по разным случаям, «разрозненных клочках», назвав их «алмазными брызгами» в литературе. Отметим также очерк М.И.Ростовцева «Закат античной цивилизации» (1922. № 8/12), отзывы на книги О.Шпенглера «Закат Европы», Г.Уэллса «Россия во мгле». На темы отечественной истории интерес представляют свидетельства кн. *С.Волконского* «О декабристах: По семейным воспоминаниям» (1922. № 3/5). На скрещении философии, истории культуры, мифологии, народной поэзии строится очерк кн. Е.Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» (1923. № 1/2) — о мечте, запечатленной в народных сказаниях, о поисках богатого и счастливого царства, царства неземного. Идея сказаний трактуется в очерке как прообраз социальной утопии.

В пражско-берлинский период внимание журнала заметно сместилось на литературу русского зарубежья. Он стал, подобно другим эмигрантским изданиям, трибуной литераторов в изгнании. Поэзия той поры представлена стихами *В.Ходасевича*, И.Бунина, *И.Одоевцевой*, *М.Цветаевой* («Плач Ярославны» и др.), В.Сирина, Г.Струве и др. Печатались стихотворения М.Волошина, доходившие из России, романы, повести, рассказы на темы гражданской войны, эмигрантских судеб. Как «завещание обреченного узника живущим» печатались повести *Е.Чирикова* «Опустошенная душа» (1922. № 1/3), «Волжская легенда» (1922. № 6). Своей колоритностью выделяется роман «Канава» *А.Ремизова* (1923. № 1/2—9/12). В свойственной ему манере создавать «закруты слов» и «закруты мыслей» он повествует «про муку человеческую» (№ 1/2. С. 47). Печатались поэма в прозе «Солнце», повесть «Смерть» *Ив.Лукаша*. С повестью о судьбе изгнанника «Бегство» выступил И.Белленихин. Сказ о «таежной небывальщине» «Царь Берендей» и исторический роман о временах Василия Шуйского «Под шум дубов» написал *С.Р.Минцлов*.

Г.Струве опубликовал в журнале «Письма о русской поэзии». В первом письме (1922. № 6/7) он обозревал сборники стихотворений А.Ахматовой «Anno Domini» (Пг.,

1921), М.Кузмина «Нездешние вечера. Стихи 1914—1920 гг.» (Пг., 1921), В.Рождественского «Золотое веретено. Стихи» (Пг., 1921), Г.Росимова «Стихи об утерянном» (Берлин, 1921). У В.Рождественского критик отмечал «большую зрелость», «свежесть и неожиданность образов» (с. 245). В стихах Г.Росимова, «молодого поэта-беженца», писал Г.Струве, «очень много современной боли», «личная скорбь и мука вырываются в плач об утерянной России» (с. 247). Ей, России, посвящен его цикл «Помню и верю». Поэт оценивался как «формирующийся талант». В том же номере журнала напечатан отзыв Г.Струве об альманахе «Дракон» (Пг., 1921). Во втором «Письме о русской поэзии» (1923. № 1/2) Г.Струве обозревал творчество поэтов как в самой России, так и в изгнании, оценивал книги В.Ходасевича «Тяжелая лира» (Берлин, 1923), И.Одоевцевой «Двор чудес» (Пг., 1922), О.Мандельштама «Tristia» (Пг.; Берлин, 1922), В.Сирина «Гроздь» (Берлин, 1923), выявляя особенности письма: Одоевцева культивирует жанр баллад, отражающий советский быт, в них заметно влияние баллад шотландских; Сирин молод, подражает «классикам», его главный грех — «отсутствие подлинного творческого огня», очевидны его большие поэтические данные (с. 292). Мандельштам, писал критик, — «самый скупой» из русских поэтов, остро воспринимающий современность.

В критическом тоне выдержана рецензия К.Мочульского на книгу *Игоря Северянина* «Менестрель. Новые поэзы» (1921. № 8/9). В Эстляндии Северянин провозглашает верность «своему гастрономическому вдохновению» (с. 327). Первые сборники Северянина, замечает К.Мочульский, при всей их вульгарности и пошлой безвкусице были отмечены мелодическим единством, напевностью. В «Менестреле» чувствуется полный упадок и этой дешевой эффектности, стихи кустарны и косноязычны. «Трудно верить, что это — не пародия». «В творчестве И.Северянина в искаженном и извращенном лике изживается культура русского символизма» (с. 328). В эпоху катастрофических ощущений скудость духа русского поэта ощущается особенно болезненно, заключал К.Мочульский.

Изданный в Париже после трехлетнего перерыва в 1927 единственный номер журнала «РМ» оказался «тощим» и составленным из разрозненных материалов. В нем выделяются статья К.Зайцева «Пушкин как учитель жизни» и публикация Г.Струве стихотворений Райнера-Марии Рильке с обстоятельным очерком о нем. Г.Струве раскрывал отношение Рильке к России, где он жил в молодости, создал и выпустил сборники стихотворений. Струве писал о нем как «о чудесном немецком поэте, который душевно тяготел к России» (с. 41), «чувствовал себя равно дома в Москве, Флоренции, в Петербурге и Париже», оставаясь немецким поэтом. Гёте и Рильке критик сравнивал как две вершины немецкой поэзии (с. 48).

В последнем номере журнала (февраль 1927) напечатана «Моя записная книжка» П.Струве и рецензия К.Зайцева на роман Е.Н.Чирикова «Зверь из бездны». В своих заметках П.Струве осуждал *Д.П.Святополка-Мирского* за участие в журнале *«Версты»*, где печатались, наряду с эмигрантскими, материалы из советской России: «Свихнулся и стал — на глазах всего честного народа зарубежья — объедаться большевистской гнилью» (с. 62). К.Зайцев ставил в упрек Е.Чирикову попытку «разглядеть человеческое в представителях «красного лагеря» в романе о гражданской войне.

Е.Ф.Трущенко

«РУССКИЕ ЗАПИСКИ» (Париж; Шанхай, 1937. Июнь — 1939. Август—сентябрь. № 1—21) — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. В июне 1937 четыре члена редколлегии *«Современных записок»* — Н.Д.Авксентьев, *И.И.Фондаминский-Бунаков, М.В.Вишняк* и *В.В.Руднев* — начали издавать на средства граждан шанхайской русской эмиграции журнал «РЗ». В самом названии журнала проявилась его близость «старшему печатному собрату», что заметно и по программе издания: «чужды направленства», «отказываемся от партийности» (с. 6), «верность вечным «заветам» русской интеллигенции... — служение свободе и правде» (с. 7), и по составу его авторов (*И.Бунин, Д.Мережковский, М.Алданов, М.Цветаева, З.Гиппиус, А.Ладинский, Ю.Терапиано, Ю.Софиев, Г.Адамович, М.Осоргин, Л.Шес-*

тов, Н.Бердяев и др.). Однако в редакционном извещении, предваряющем первую книжку издания, указаны и специфические черты нового журнала: его цель — включить «литературную провинцию» в литературный процесс и, не оспаривая роль Парижа как духовного центра русской эмиграции, тем не менее полемически расширить привычный для парижской литературной среды круг тем и авторов, в основном за счет произведений писателей эмигрантского Дальнего Востока. Об особой направленности издания красноречиво говорит и указание на место издания в первых трех номерах — «Париж—Шанхай», и из номера в номер публикуемые статьи и заметки по насущным проблемам Восточного региона под шапкой «Дальневосточные новости» (№ 1—3). В этих трех книжках журнала (две из них вышли в 1937, третья — в начале 1938) единственным новым автором оказался харбинец *Арсений Несмелов* со своими «Песнями об Уленспигеле». Остальные же имена хорошо знакомы были читателям «Современных записок». Так, в первом номере публикуются пьеса М.Алданова «Линия Брунгильды», фрагменты книги И.Бунина «Освобождение Толстого», «Поэма о дубе» А.Ладинского; во втором — рассказ *В.Сирина* «Озеро, облако, башня», историческая проза А.Ладинского «Борисфен, река скифов», «Двойной нельсон» *В.Яновского*, «Дозор» *Л.Зурова* и «Степной ворон» Б.Волкова, поэма М.Цветаевой «Стенька Разин». В третьем печатается продолжение книги Д.Мережковского «Жизнь Данте», первая часть («Павлик и Юра») мемуарной «Повести о Сонечке» М.Цветаевой, «Тяжести» Б.Темирязева (*Ю.Анненкова*), «Секретное венчание Екатерины II» А.Фатеева. Поэзию на страницах журнала представляли З.Гиппиус (№ 2), *Д.Кнут* (№ 1), Л.Кельберин (№ 1), А.Ладинский (№ 3), *В.Мамченко* (№ 2), *Ю.Мандельштам* (№ 2), *Мать Мария* (№ 3), Ю.Софиев (№ 1), *П.Ставров* (№ 2), Ю.Терапиано (№ 2, 3), *А.Штейгер* (№ 2, 3), М.Цветаева (№ 3).

Философский раздел журнала представлен именами Н.Бердяева (№ 1 — «О догматизме, ортодоксии и истине») и Л.Шестова (№ 2 — «О «перерождении убеждений» у Достоевского» и в № 3 — статья о Кьеркегоре). В статье орнитолога К.Давыдова «Перелетные птицы» (№ 1) миграция пернатых метафорически сближается с судьбой русских эмигрантов. Здесь же напечатан очерк Н.Лидина «Русская эмиграция на Дальнем Востоке», а во втором номере — его же «Русская эмиграция в Шанхае». По словам публициста, если в 1900 в Шанхае русское население составляло всего 47, а в 1915 — 361 человек, то в первый же год революции это число удвоилось, а к 1937 равнялось уже 26—27 тысяч при 4-миллионном населении города. В Шанхае к тому моменту выходило 3 эмигрантские и 1 советская газета, действовал русский драматический театр и оперетта. К очерку Н.Лидина примыкает в первом номере статья И.Ф<ондаминского-Бунакова> «Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке». В кратком обзоре дальневосточных литературных «сообществ» (харбинский кружок *«Чураевка»*, шанхайские «Понедельник» и «Шатёр») автор весьма сдержан в их оценке, отмечая на общем фоне творчество Арс.Несмелова и его «Рассказы о войне». Во втором номере публикуется эссе М.Цветаевой «Пушкин и Пугачев». Здесь же — статья Г.Адамовича «Памяти советской литературы». По мнению критика, советская литература «не оборвалась, а выдохлась» (с. 207), ее главная трагедия — не подневольное следование революционной тематике, а «несоответствие высоте темы» (с. 212). При общей скептической оценке художественных качеств произведений, появившихся в последнее время в СССР, Г.Адамович выделяет с существенными оговорками «Зависть» Ю.Олеши и «На Востоке» П.Павленко. В третьем номере печатается эссе З.Гиппиус «Загадка Некрасова».

С четвертого номера (апрель 1938) журнал существенно изменил свое лицо. Единственным редактором издания стал П.Н.Милюков, «сманивший» к себе в качестве секретаря редакции М.В.Вишняка, к тому времени рассорившегося с «современниковцами». «От типа традиционного «толстого» журнала старого времени», говорилось в редакционном извещении к четвертой книжке «РЗ», журнал переходит «к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера» (с. 3). Заверяя читателей, что ни политические, ни художественные ее вкусы ни в чью пользу не изменились, редакция обещала, что «РЗ» «постараются держать

своих читателей в курсе очередных вопросов политики, экономики, философии, литературы, искусства, естественных наук и т.д., имеющих мировое значение» (с. 3—4). Журнал существенно демократизировался и, по мнению *Г.Струве*, «благодаря редактированию П.Н.Милюкова» стал носить «явно более позитивистский характер» (Струве. С. 240). Сохранив обязательный литературный раздел и публикации по проблемам мировой политики и Дальнего Востока, редакция в каждом номере публиковала хронику важнейших политических событий истекшего месяца, появился ряд новых рубрик. Под шапкой «библиография» печатались рецензии и аннотации *П.Бицилли*, С.Осокина, *В.Вейдле* и др. недавно вышедших книг самого различного содержания. Список книг, «присланных в редакцию для отзыва», представляет определенный интерес для сегодняшнего дня как своеобразная хроника книгопечатания в эмиграции: среди авторов этих книг немало новых имен, в том числе и из эмигрантской «провинции». Меньше места уделялось философским статьям, больше — работам мемуарного и литературно-критического характера. Начиная с четвертого номера и до закрытия журнала регулярно печатались фундаментальные мемуары П.Н.Милюкова «Роковые годы», охватившие в журнальной публикации период с лета 1904 (убийство Плеве) по июль 1917. В этом же номере появился литературно-биографический очерк М.Алданова «Роже Мартэн дю Гар» и воспоминания С.Лифаря «Мои первые шаги в «Русском Балете» Дягилева». Литературный раздел представлен знакомыми именами: печатается «Иностранец» *И.Шмелева*, В.Сирин публикует драматическую комедию «Событие». Из поэтов представлены *И.Кнорринг*, Д.Кнут и А.Ладинский. В разделе библиографии опубликован критический отзыв П.Бицилли на «Освобождение Толстого» И.Бунина.

В следующих четырех книжках журнала (№ 5—8/9) из крупных вещей печатается «Детство» *М.Осоргина* (№ 6—7) и «Пуншевая водка (Сказка о всех пяти земных счастьях)» М.Алданова (№ 7—8/9). В пятом номере — рассказ из истории Белого движения В.Косецкого «Иаков» и проза А.Ладинского «На балу»; повесть *Г.Газданова* «Бомбей» (№ 6), рассказы «Истребление тиранов» В.Сирина и «Ревун-камень» А.Сотникова (№ 8/9). Драматические произведения представлены небольшой комедийной пьесой *Тэффи* «Старинный романс» (№ 6). Значительное место в журнале занимают мемуары: параллельно с «Роковыми годами» П.Милюкова с 5 по 12 номер печатаются воспоминания о *Л.Андрееве* «Повесть об отце» *Вадима Андреева*; в пятом — очерк «Ф.И.Шаляпин (набросок портрета)» *С.Полякова-Литовцева*, в следующем — С.Лифарь вспоминает о Нижинском, а в сдвоенном августовско-сентябрьском — Г.Хмара о К.Станиславском. Сразу две публикации посвящены *Андрею Белому*: в пятом номере в критической статье «А.Белый и его воспоминания» Г.Адамович не только разбирает мемуарную прозу писателя («Начало века», «На рубеже двух столетий» и «Между двух революций»), но и рассказывает о своих встречах с ним; в седьмом об А.Белом пишет *Б.Зайцев*.

Расширился круг поэтов «РЗ»: на страницах журналов появляются отдельные стихотворения *Н.Белоцветова* (№ 6), В.Гальского (№ 8/9), И.Гребенщикова (№ 7), Л.Гроссе (№ 8/9), И.Кнорринг (№ 6), *С.Прегель* (№ 7), *Г.Раевского* (№ 5), *Т.Ратгауз* (№ 6), Б.Смагина (№ 8/9), Ю.Софиева (№ 5), М.Струве (№ 5), К.Франкфурта (№ 7), *З.Шаховской* (№ 8/9). В неожиданной роли выступил поэт Довид Кнут: в 5 и 7 номерах журнала он публикует «Альбом путешественника», в жанре путевых заметок повествуя о своих впечатлениях во время посещения Италии и Палестины.

Статьей «Литература в СССР» (№ 7) Г.Адамович продолжает свои пессимистические очерки о состоянии советской литературы. Вспоминая, что в начале 30-х «заезжие москвичи еще иногда откровенно беседовали с эмигрантами» (с. 180), он отмечает ухудшение положения советских писателей на исходе десятилетия. Процесс демократизации литературы, который происходит в СССР, когда искусство становится доступно широким массам, в целом положительно оценивается критиком, однако он категорически не приемлет ситуации в России, когда «всякий древообделочник «априори» признается всякой редакцией судьей более компетентным, чем самый взыскательный критик» (с. 187). «Показательными» для своего времени Г.Адамович называет романы *Ал.Толстого* «Хлеб» («апология Сталина») и В.Катаева «Я, сын тру-

дового народа» («лубок»); из общей же массы изданных произведений последнего времени им выделяются «Половчанские сады» Л.Леонова и первая часть романа Ю.Германа «Алексей Жмакин», запрещенного в СССР к дальнейшему печатанию. Среди рецензируемых книг — «Путешествие Глеба» Б.Зайцева (№ 5. — П.Бицилли).

Начиная с десятого номера журнала заметно стремление редакции к некоторому обновлению застывающей структуры издания. Произведения начинают располагаться в нем, исходя из общей концепции номера, а не по формальным признакам (проза — поэзия — публицистика), среди рецензируемых книг повышается число художественных произведений. В 12—13 книжках «РЗ» Л.Шестов печатает некролог «Памяти великого философа. (Эдмунд Гуссерль)», статью, оказавшуюся последней в творчестве русского философа. В номере журнала (1939, январь) читателям предлагается очерк научно-популярного характера Э.Когбетлянца «Влияют ли солнечные пятна на ход исторических процессов?». В февральском номере появляются историко-литературные материалы. Здесь опубликованы отрывки неизданных писем Натальи Александровны Герцен, жены писателя, ее подругам Т.А.Астраковой, М.К.Рейхель, а также ее предсмертные записки и письма Т.А.Астраковой к дочери писателя. Тут же литературоведческое исследование *К.Мочульского* «Повесть о капитане Картузове» Достоевского». В 15 номере журнала под рубрикой «хроника» В.Вейдле печатает отчет «Из жизни искусства» о недавних выставках Брака, Пикассо и Сезанна в галерее Розенберга, а *Н.Лосский* отдает долг памяти Л.Шестову в статье «Лев Шестов как философ».

В десятом номере, открывающемся редакторским некрологом *А.И.Куприну*, начата публикация, по мнению Г.Струве (с. 296), «лучшей, хотя и неровной вещи В.Яновского» — романа «Портативное бессмертие». Проза М.Алданова о жизни Байрона «Могила воина» в № 13, 15, 16; роман Л.Крестовской «Черный ветер» — № 12—14. Это крупные прозаические произведения, малые же формы представлены «Юностью» М.Осоргина (№ 10), рассказами «Чакона Баха» И.Матусевича, «Дама из Монте-Карло» Д.Кнута (№ 12), «Лик» В.Сирина (№ 14), в 15 номере печатались Г.Евангулов «Товарищ Ушаков» и А.Вер «Хуа-Бау-Бау». Из драматических произведений — «Изобретение Вальса» В.Сирина (№ 11). Как всегда, интересна мемуаристика: так, в 11 книжке в очерке «Друг человечества» о *М.Горьком* с пиететом вспоминает Т.Таманин (Т.Минухина), в 15 номере печатаются фрагменты из подготовленной к печати книги С.Яблоновского «Переоценка ценностей» о символистском периоде русской литературы и встречах автора с *К.Бальмонтом*, А.Белым, М.Волошиным, И.Репиным и др. В этом же номере следует отметить статью Л.Торопецкого «Поворот к интеллигенции», в которой публицист анализирует изменение в СССР политики по отношению к интеллигенции, стремление советского государства к созданию интеллигенции «новой», пролетарской генерации.

В поэтическом разделе этих номеров — *И.Голенищев-Кутузов* (№ 10, 12), *А.Головина* (№ 13), Б.Закович (№ 14), С.Прегель (№ 12), *А.Присманова* (№ 14), Т.Ратгауз (№ 11), Н.Рябинин (№ 12), Ю.Софиев (№ 11), М.Струве (№№ 12, 15), *Е.Таубер* (№ 10, 13), Е.Хмелева (№ 11), *Л.Червинская* (№ 13), А.Штейгер (№ 12), И.Эсколь (№ 10), при этом большинство поэтов представлены единичными стихотворениями. Мать Мария (Кузьмина-Караваева) появляется на страницах «РЗ» в новом качестве — как автор статьи «Расизм и религия» (№ 11). Среди рецензируемых книг в десятом номере — поэтические сборники *В.Смоленского* «Наедине», Ю.Терапиано «На ветру» и З.Гиппиус «Сияния» (С.Осокин); «Бельведерский торс» М.Алданова (Г.Газданов), «Соглядатай» В.Сирина (В.Савельев), «О нежности» Тэффи (П.Бицилли), «Без заката» *Н.Берберовой* (Д.Кнут). В следующих двух номерах отзыв С.Осокина о сборниках стихов *Б.Поплавского* «В венце из воска» (№ 11), Д.Рабиновича «Сердце настежь» и Л.Львова «Венок» (№ 12), рецензии В.Вейдле на книгу А.Ладинского «Голубь над Понтом» (№ 11), С.Савельева на «Повесть о некоей девице» М.Осоргина, а также П.Бицилли на «Франциска Ассизского» Д.Мережковского (№ 11) и его же критический разбор «Заметок о прозе Пушкина» *В.Шкловского* (№ 12) — факт, подтверждающий пристальное внимание русской эмиграции ко всему положительному, что появлялось в СССР. В тринадцатом номере обращает на себя внимание рецензия

С.Осокина на роман В.Сирина «Приглашение на казнь»: традиционно противоречивая для набоковских произведений оценка (вызывает «чувство восхищения и досады», «талантливо и вместе с тем... необязательно и поверхностно», с. 198) дополняется весьма важным для эмигрантской критики замечанием: «Чуть ли не впервые от романа Сирина можно провести отчетливые линии к русской литературе... — к «Носу» Гоголя и «Моим запискам» Л.Андреева» (с. 198). В 14 номере — рецензии С.Осокина на сборник переводов из восточной лирики А.Н. и И.И.Серебренниковых «Цветы китайской поэзии» и В.Вейдле на «Историю одного путешествия» Г.Газданова; в пятнадцатом — С.Осокин разбирает четвертую книгу стихов А.Ладинского, а Г.Газданов пишет о романе *И.Одоевцевой* «Зеркало», здесь же — отзыв на «Происшествия Зеленого Мира» М.Осоргина (В.Вейдле).

Шестнадцатый номер «РЗ» (апрель 1939) начинается редакционным приветствием П.Н.Милюкову по поводу его 80-летия. В содержании журнала начинает проявляться подспудно тревожная атмосфера предвоенной Европы. Увеличивается число статей, так или иначе связанных с военной угрозой: в № 19 публикуется эссе М.Вишняка «Перечитывая Гитлера...», в котором автор один из первых сопоставил идеологию гитлеровского фашизма и сталинского большевизма: «То же абсолютно-монистическое самоутверждение, экстремистски-эксклюзивный максимализм и отрицание всех других, посредствующих и средних звуков и красок жизни. И, соответственно, — та же «Scharfmacherei», или заострение и разжигание всех существующих противоречий и отталкиваний между владеющими и обделенными, командующими и эксплуатируемыми: классами — у большевиков, расами и государствами — в «моей борьбе» (с. 161—162). Начиная с 17 книжки печатается цикл статей полковника П.Н.Иванова «Что и как должно быть приготовлено в каждом доме на случай внезапного воздушного нападения»: дыхание грядущей войны становится все ощутимее. Последний, августовско-сентябрьский номер журнала за 1939 предваряется редакторской пометкой на форзаце: «Значительная часть этой книги была отпечатана до катастрофического развития событий, — вследствие этого удалось дать лишь несколько статей, связанных с освещением происшедшего». В этом номере дана переводная статья, написанная биографом фюрера Конрадом Гейденом, «Несчастный человек (портрет Адольфа Гитлера)», полная тонкой и проницательной иронии.

Из крупных вещей с 18 номера в «РЗ» начата публикация романа Г.Газданова «Полет», прервавшаяся вместе с журналом. В основном же, проза этих номеров представлена малыми формами: печатаются рассказы Г.Газданова «Вечерний спутник» (№ 16), «Гофмейстер» Б.Зайцева, «Художник Ершов» Вад.Андреева (№ 17), «Опустошение» И.Матусевича (№ 18), «Лунатики» *А.Ремизова*, «Пчеловод» Г.Евангулова (№ 19), «Жемчужина» А.Федорова (№ 20/21). Отдано должное и жанру биографического очерка: о *Замятине* пишет Т.Таманин (№ 16), о Мусоргском в статье «Драма русского гения» — П.М<илюков> (№ 17); некролог *В.Ф.Ходасевича* подписан М.Алдановым (№ 19). Особое место в журнале занимает очерк Б.Зайцева «Чайка» — размышления писателя о постановках драмы А.П.Чехова (№ 16), статья П.Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР»: научная работа, художественно отредактированная А.Ремизовым, превратилась в захватывающую историю злоключений исследователя древнерусской литературы в стране Советов (№ 18). Мемуарные произведения представлены также «Воспоминаниями о балете» А.Бенуа, начатыми в 18 номере и закончившимися в последней книжке журнала.

В лирическом «обеспечении» журнала приняли участие В.Андреев (№ 19), С.Барт (№ 19), *А.Гингер* (№ 16), Г.Евангулов (№ 17), И.Кнорринг (№ 20/21), А.Ладинский (№ 16), И.Одоевцева (№ 20/21), *В.Пиотровский* (№ 17), С.Прегель (№ 17, 18), А.Присманова (№ 20/21), М.Светланин (№ 19). Не уменьшилось в журнале и число работ литературоведческого характера: помимо реплики П.Бицилли «По поводу писем Н.А.Герцен», носящей скорее публицистический характер (№ 18), печатается статья В.Вейдле «Тютчев и Россия» (№ 18) и П.Бицилли «Пушкин и Россия в польском литературоведении» (№ 20/21). Интригующе для читателя научно-популярных работ звучит и название доклада М.Ростовцева «Эллинский мир и вера в загробную жизнь» (№ 17).

Активизировалась в журнале критика. В 16 номере высокую оценку С.Осокина получает стихотворный сборник Г.Адамовича «На Западе». Х.Попов рецензирует роман *В.Емельянова* «Свидание Джима», а В.С.Я<новский> — книгу воспоминаний Б.Зайцева «Москва»; лучшим современным исследованием творчества Пушкина П.Бицилли называет книгу А.Лежнева «Проза Пушкина», опубликованную в 1937 в Москве. В следующем номере С.Осокин дает общий разбор последних стихотворных сборников *Н.Туроверова*, Л.Хаиндровой, *А.Ачаира* и А.Жемчужного, в июньской (№ 18) книжке он рецензирует третью книгу стихов А.Гингера «Жалоба и торжество». Здесь же В.Вейдле пишет о «Лике» — третьей части «Жизни Арсеньева» И.Бунина, П.Бицилли — о первой части романа М.Алданова «Начало конца», а В.С.Я<новский> отзывается о «Некрополе» В.Ходасевича. В 19 номере С.Осокин разбирает последний стихотворный сборник Амари (*М.Цетлина*) «Кровь на снегу», *Б.С<осинский>* говорит о посмертной публикации незаконченного романа Е.Замятина «Бич Божий», П.Бицилли — о романе *Н.Оцупа* «Беатриче в аду», эпигоне шмелевской линии. В последних «РЗ», исключая С.Осокина, разбирающего книгу стихов С.Прегель «Полдень», остальные литературные критики предпочитают скрыться за инициалами: Б.С<осинский> аннотирует роман А.Гефтера «Игорь и Марина», В.С.Я<новский> — роман С.К.Максимова «Чудо Рюмина», а Я.Л. — два тома «Данте» Д.Мережковского.

Хотя на страницах «РЗ» появилось немало первоклассных художественных произведений («Пуншевая водка» М.Алданова, рассказы Г.Газданова и В.Сирина, «Детство» М.Осоргина, воспоминания Б.Зайцева, В.Андреева, П.Милюкова), регулярно публиковались стихи молодых поэтов, напечатано немало литературно-критических и публицистических работ, тем не менее журнал в целом уступал значительностью опубликованного своему старшему литературному собрату — *«Современным запискам»*. К тому же журнал не выдержал первоначально взятой линии на широкий охват литературного пространства, что можно объяснить отчасти подсознательной боязнью редакции потерять европейских подписчиков. Держалось издание в стороне и от литературной полемики, а посему выглядело излишне безобидным в среде порой весьма «зубастой» эмигрантской печати.

М.Г.Павловец

«РУССКИЙ В АНГЛИИ» (Лондон, 1936. 15 января. № 1 — 1939. 31 августа. № 16). Газета выходила 2 раза в месяц 15 и 30 числа. Издатель — Общество Северян в Великобритании. Ред. Н.В.Александров. Тираж 1000 экз. Орган Общества Северян и сибиряков в Великобритании (The North Russian association limited), основанного в 1926 русскими промышленниками, предпринимателями, торговцами и банкирами. Одним из основных корреспондентов газеты был идейный лидер Северян А.В.Байкалов. Издатели газеты ставили перед собой задачу привлечь соотечественников, независимо от их политических взглядов, к общей культурной работе. В газете освещалась культурная жизнь русской колонии в Англии, сообщалось о лекциях, с которыми в Институте славянских исследований Лондонского университета выступали русские ученые *Н.Зёрнов*, С.Якобсон, *Г.Струве*, С.Тюрин, давались краткие аннотации лекций. 30 января 1936 сообщалось, что Г.Струве читает курс лекций о творчестве *А.М.Ремизова*, *И.С.Шмелева*, К.Федина, Ю.Олеши, В.Каверина и молодых писателей эмиграции. Г.Струве публиковал в газете заметки о современной русской литературе. 15 марта 1936 помещена его рецензия на роман К.Федина «Похищение Европы», 15 апреля — рецензия на роман Л.Леонова «Дорога на океан», 15 мая — о *В.Сирине*, 15 июня — рецензия на роман В.Каверина «Исполнение желаний». 15 мая сообщалось о деятельности в Англии М.А.Чехова и Ф.Ф.Комиссаржевского. 16 декабря 1936 газета извещала о приезде *И.А.Бунина* в Лондон: «Академик и Нобелевский лауреат И.А.Бунин приезжал в начале декабря на несколько дней в Лондон. К сожалению, вследствие кратковременности его пребывания, русская колония не имела возможности устроить надлежащего торжественного чествования своего знаменитого соотечественника. Небольшой прием в честь писателя был устроен только Англо-русским Спортивным клубом 10 декабря». 31 декабря в газете давались уточнения: «Прием в

честь И.А.Бунина, приезжавшего на несколько дней в Лондон, был устроен 12 декабря в Русском Доме Н.И. и Е.В.Саблиными... Е.В.Саблин, в краткой, прочувствованной речи, приветствовал И.А. от лица проживающих в Англии русских людей и выразил надежду, что И.А. еще приедет в Лондон на более продолжительное время и тем даст возможность всей русской колонии выразить те чувства, которые русские эмигранты питают к русскому поэту и писателю, получившему теперь всемирную известность и признание». В ноябре 1936 в газете освещались культурные события, связанные с 25-летием со дня смерти Л.Толстого. Дату отмечали Общество Северян, Толстовское общество, Институт славянских исследований, Англо-русское общество, Русская академическая группа. 23 ноября на вечере памяти писателя Г.Струве говорил о Толстом как романисте, Эйлмер Мод выступил с докладом «Толстой о войне и мире». Присутствующие услышали в граммофонной записи речь Толстого на английском языке, произнесенную в 1906. Во втором отделении вечера исполнялась пьеса Толстого «От ней все качества».

31 октября 1936 газета сообщала о предстоявших вечерах *Н.А.Тэффи* в лондонском Русском Доме. 16 декабря 1936 газета описывала первый вечер, который открыл Г.П.Струве, охарактеризовавший творчество писательницы. Докладчик изложил содержание нескольких рассказов и отметил их преемственность с классической традицией. В двух отделениях программы давался одноактный скетч, затем Тэффи читала свои произведения: «Святая женщина», «Карп», «Подлецы-мужчины», «Стрелок» и др.

1 июля 1937 газета сообщила о приезде в Лондон *Б.К.Зайцева*. Вечер Б.К.Зайцева, состоявшийся в Русском Доме 16 июня, привлек большую для Лондона аудиторию. Писатель прочел отрывок из выходящего в Париже романа «Путешествие Глеба».

В газете публиковались отчеты о деятельности театрального кружка Общества Северян, в котором было поставлено 120 пьес 43 авторов. На первом месте по количеству спектаклей оказалась классика: «Недоросль» Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, «Евгений Онегин», «Русалка», «Цыганы», «Борис Годунов», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Скупой рыцарь» Пушкина, сцены из «Мертвых душ», «Ревизор» Гоголя. В номерах за август—сентябрь 1936 рассказывалось о деятельности российских ученых в Англии: Н.Зернова (Кембридж), Г.Струве (Оксфорд), С.Я.Якобсона (Лондон), Н.А.Даддингтон (дочь писателя А.И.Эртеля), философа и переводчицы художественной литературы, С.А.Коновалова — экономиста и историка литературы и других.

В 1936—1937 газета освещала подготовку к Пушкинским дням. В марте 1936 было отмечено создание Пушкинского комитета под председательством *А.В.Тырковой*. Во время подготовки к торжествам для русской колонии в конце января — начале февраля 1937 были прочитаны лекции о жизни и творчестве поэта. В списке лекторов значились: А.В.Тыркова («Живой Пушкин»), Е.В.Саблин («Лицейские годы Пушкина»), Г.П.Струве («Творчество Пушкина»), Т.В.Чернавина («Смерть Пушкина»). Сообщалось, что Г.Струве в период зимнего триместра прочел шесть публичных лекций под общим заглавием «Пушкин и золотой век русской литературы». Лекции проходили в помещениях Королевского колледжа Лондонского университета. В феврале 1937 в здании Лондонской библиотеки была устроена выставка изданий произведений Пушкина и документов пушкинской эпохи. Торжества, посвященные Пушкину, проходили в Лондоне 10 февраля 1937. 15 января 1937 сообщалось о серии лекций под общим заглавием «Россия в XVIII столетии», в списке лекторов значились С.Я.Якобсон (лекции о Петре Великом и о Екатерине Великой) и Г.П.Струве (лекция о литературе при Петре Великом и его преемниках и лекция о литературе в царствование Екатерины Великой).

Газета «РвА» не раз писала о роли советских агентов в возвращении эмигрантов в Россию. Подтверждением худших опасений эмигрантов о том, чем кончается возвращение, послужила судьба *Д.П.Святополка-Мирского*, которому посвящена заметка под названием «Судьба перелета» 20 марта 1937.

Номер газеты от 3 августа 1938 был посвящен 950-летию Крещения Руси. В нем опубликовано слово прот. Михаила Польского «Наша Радость», статьи Н.Городецкой «Некоторые черты Крещения Руси» и Н.Зернова «Христианский Запад и русская

эмиграция». *Г.П.Федотов* в этом номере опубликовал доклад «Святой Владимир и русская культура», сделанный в Русском Доме 10 июля 1938. В газете сообщалось об Англо-православных студенческих съездах и съездах Содружества имени Преподобного Сергия Радонежского и Св.Албания.

О.А.Казнина

«РУССКИЙ ВЕСТНИК» (Таллин, 1934. 10 марта. № 1. — 1940. 3 июля. № 52). Газета выходила два раза в неделю. Ответственный редактор Е.Ф.Григорьева. Издательство «Библиофил». Газета была ориентирована на русское крестьянство Эстонии, насчитывающее около 70 тысяч человек. Тираж «РВ» в 1939 достигал 5 тысяч экземпляров. Газета поощряла литературное творчество деревенской молодежи. В.Никифоров-Волгин написал статью «Избяные поэты и писатели. О чем пишут деревенские авторы» (1936. 1, 5 февр.). В «РВ» уделялось внимание народному языку и фольклору, были опубликованы собранные В.Никифоровым-Волгиным «Народные выражения в Принаровье и Причудье» (1934. 28 июля). Он же написал статью «Частушки русской деревни» (1936. 25 февр.). В газете печатались местные сказки, были, этнографические очерки (Воробьев С. Русская свадьба в деревне // 1935. 19, 22 марта). Существенное место в газете занимало литературное краеведение — статьи: М.С. (Соколова?). Поэт К.Случевский на озере Пейпус // 1935. 20 июля; Державин в Нарве // 1935. 21 сент. В «РВ» печатались в основном местные литераторы: *И.Северянин*, В.Никифоров-Волгин, Вл.Гущик, Б.Свободин, рассказы начинающего автора Б.Подгорского. Из воспоминаний печатались мемуары жившего в Эстонии бывшего придворного скорохода А.Оамера: «20 лет тому назад» (1934. 27 нояб.), «Накануне Мировой войны» (1934. 4 дек.), «Саровские торжества 1903 года» (1934. 14 дек.), «Последний новогодний прием у императора Николая II» (1934. 20 нояб.). Из советских писателей наиболее популярны были М.Зощенко и П.Романов. Их произведения печатались с подзаголовком: «Рассказ из советской жизни». В 1937—1938 «РВ» освещались события, связанные с переездом *А.И.Куприна* в СССР и его смертью. Была помещена статья Вл.Гущика, знавшего писателя по Гатчине, «А.И.Куприн» (1938. 31 авг.).

Из писателей-эмигрантов наибольшее внимание уделялось *Л.Зурову*, его деятельности по реставрации православных храмов в Печорах и производимым им археологическим раскопкам. Ему посвящен ряд статей: «Леонид Зуров в Эстонии» (1935. 23 апр.), «Зуров о памятниках русской старины в Принаровье и Причудье» (1935. 17 авг.), «Писатель Зуров прибыл в Эстонию» (1937. 22 июня). Важное место занимал детектив. Печатались записки сыщика И.Д.Путилина «40 лет среди убийц и грабителей» (1936. 1 июля — 1937. 6 янв.). Был популярен и местный детектив: роман сына писателя П.И.Мельникова-Печерского, преподавателя криминалистики Тартуского университета А.П.Мельникова «Клеймо. Уголовный роман-быль» (1937. 13 февр. — 1 сент.). В 1939—1940 «РВ» перепечатывал произведения русских писателей XIX в.: романы Г.Мачтета «Тайны угрюмой тайги», Д.Мамина-Сибиряка «Без названия». Эстонская литература освещалась в газете сравнительно мало, в основном писали о переводах эстонских поэтов, сделанных И.Северяниным: М.Ундер (1934. 2 нояб.), Х.Виснапуу (1939. 13 сент.), А.Раннита (1938. 5 нояб.).

Г.М.Пономарева

«РУССКИЙ ГОЛОС» (Нью-Йорк, 1917 — по настоящее время) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Главным редактором был И.К.Окунцов, затем его место занял Д.З.Крынкин; на первой полосе неизменно помечалось: «Самая большая в Соединенных Штатах и Канаде русская ежедневная газета». Редакция издания с одобрением встретила обе революции в России и в 1920—1930-е занимала в целом просоветские позиции, что не могло не отразиться на характере публикуемых материалов. Газета не только информировала читателей о происходящем в России, но зачастую давала перепечатки из советских публикаций — А.Луначарского, Н.Крупской, Н.Бухарина и др. Авторы издания нередко вступали в полемику с противниками большевизма, а мнения своих оппонентов обязательно сопровождали кри-

тическим комментарием. В начале 30-х газета не запрещалась для распространения в СССР.

Издание ориентировалось на самые демократические слои русской эмиграции и с целью привлечения рядового читателя рядом с серьезными материалами в нем печатались материалы скандального и курьезного характера, разного рода головоломки и анекдоты (постоянная рубрика — «Из советского юмора»); в 30-е на последней странице можно было найти комиксы по популярным романам о Тарзане. Литературные вещи, в основном, появлялись в воскресных приложениях к газете («Литературный воскресник»), в ежедневных же номерах публиковались романы и повести с продолжением. Основным автором газеты в 20—30-е был плодовитый беллетрист Г.Н.Брейтман: печатались его криминальные романы, среди которых «Преступление на Пушкинской улице», «Двойная любовь», «Драгоценности графини Венбольской (король воров)», «Драма в чугунном котле (Тайна товарища Васильева)» и др.

Почти в каждом номере в 20-е публиковались фельетоны и иронические реплики Осипа Дымова (Перельмана), обзоры культурной жизни русской эмиграции в Америке и рецензии *А.Ветлугина* и Л.Надеждиной; здесь же — публицистика *Вас.Немировича-Данченко*, З.И.Гисенькина, А.Ровича, К.Сибирцева, П.Вячеславова и др. Политические новости и комментарии часто оживлялись сатирическими куплетами Дяди Саши (А.Александровича). Одним из постоянных авторов «РГ» был *Давид Бурлюк*: он регулярно публиковал в газете очерки повседневной жизни американцев, критические статьи и разборы. Именно благодаря ему в газете был опубликован ряд интересных материалов, посвященных самоубийству В.В.Маяковского, в том числе редкие фотографии и воспоминания самого Д.Бурлюка. Традицией газеты стало целые полосы посвящать творческим юбилеям советских авторов (целую страницу номера от 19 марта 1939 посвятили 25-летию литературной деятельности Н.Асеева).

«РГ» много места уделял произведениям писателей, особенно молодых, из советской России. С 30 мая 1925 из номера в номер в газете публиковался фантастический роман-утопия Вал.Катаева «Последние минуты человечества. Остров Эрендорф», а в июльских номерах 1932 — книга очерков Б.Пильняка «О-Кей». Один из постоянных авторов — М.Зощенко, чьи известные рассказы («Собачий нюх», «Жертва революции», «На посту» и др.) появлялись даже на детской странице «Чертенок» литературного приложения к газете. Среди других советских писателей, чьи произведения печатались в этом издании, — Л.Никулин, Л.Леонов, В.Шишков, *М.Горький* и др. Советская поэзия представлена В.Маяковским, Б.Лившицем, стихотворными фельетонами Д.Бедного и стихами «рядовых красноармейцев». Большинство произведений давались в перепечатке из советских изданий.

Среди авторов-эмигрантов «РГ» не было крупных имен. Некто Бессарабец в ответ на реплику Менделевского в «Новом мире» о дефиците «больших писателей» рассуждает в номере от 1 августа 1926 об отсутствии «своего лица» у русской эмиграции в Соединенных Штатах, чем и объясняет нехватку в Америке ярких художников. Роман из жизни русской колонии в Соединенных Штатах и Канаде А.Парецкого «Клад Алексея Лесничука», публиковавшийся в 1930 в августовских выпусках «РГ», не стал литературной сенсацией. Регулярно в литературном приложении к газете печатались небольшие рассказы О.Дымова, сочетавшего с журналистикой свое прежнее поприще прозаика; В.Далматов, Н.Никандров, П.Шнеер — имена еще менее известные.

М.Г.Павловец

«РУССКИЙ ГОЛОС» (Харбин, 1920. 1 июля. № 1 — 1926. 30 сентября. № 1610) — ежедневная газета. Была задумана как издание, посвященное «защите русских национальных интересов на Дальнем Востоке» (1924. 1 янв.). Редактор-издатель С.В.Востротин. По своей насыщенности литературным материалом «РГ» выделялся среди других периодических изданий Харбина. Публиковались дальневосточные поэты и писатели: *А.Ачаир* (А.А.Грызов) (1924. 18 нояб.; 1925. 1 янв., 9 марта), Леонид Б. (Л.В.Барташов) (1923. 23 марта), Т.Баженова (1923. 31 мая; 1924. 21 февр.; 1925. 1 авг.), Л.Ещин (1923. 8 июля), *А.Несмелов* (А.И.Митропольский) (1924. 12 июня, 1 авг.),

М.Колосова (1925. 29 нояб.), Борис Бета (Б.Буткевич) (1923. 7 июля). Постоянно на страницах газеты печатал свои стихотворения, очерки, рассказы, воспоминания, путевые заметки и рецензии *Скиталец* (С.Г.Петров), который с 1922 по 1934 жил и работал в Харбине, являясь постоянным сотрудником «РГ», а затем *«Русского слова»*. В «РГ» использовались перепечатки из европейских эмигрантских изданий (*«Дни»*, *«Новая русская книга»*, *«Последние новости»*, *«Сполохи»*, *«Руль»* и др.), а также из советских газет и журналов («Крокодил», «Красная новь» и др.). В перепечатках было представлено творчество старшего поколения эмигрантов: *А.Т.Аверченко* (1920. 25 окт.; 1923. 17 авг.), *А.В.Амфитеатрова* (1923. 24 июля), *Л.Н.Андреева* (1924. 12 июня), *М.П.Арцыбашева* (1923. 8, 15, 16 июня; 1924. 4 июля), *К.Д.Бальмонта* (1923. 30 сент.; 1924. 27 июля, 22 окт., 21 дек.), *И.А.Бунина* (1924. 28 июля), *Б.П.Вышеславцева* (1923. 24, 25 авг., 18 июля), *З.Н.Гиппиус* (1923. 17 июня; 1924. 8 авг.), *Г.Д.Гребенщикова* (1923. 16 сент.; 1924. 31 янв., 24, 26 февр., 31 июля), *Б.А.Евреинова* (1924. 10 мая), *Б.К.Зайцева* (1923. 9, 20 сент.; 1924. 2 июля, 3 сент.), *Б.А.Лазаревского* (1924. 12, 14 нояб.), *Д.С.Мережковского* (1924. 2, 12 нояб.), *С.Р.Минцлова* (1924. 26 окт.), *В.И.Немировича-Данченко* (1923. 24 окт.), *А.М.Ремизова* (1924. 13, 18 янв.), *Ф.А.Степуна* (1924. 7 янв.), *Н.А.Тэффи* (1923. 5 авг.), *И.С.Шмелева* (1923. 2 сент.; 1924. 8, 28 марта, 2 мая), *А.А.Яблоновского* (1923. 19 апр.). Публиковались произведения молодого и среднего поколения эмигрантов: *М.А.Алданова* (1923. 11 мая, 17 авг.), *Г.В.Иванова* (1924. 13 янв.), Вл.Сирина (*В.В.Набокова*) (1923. 27 июня).

На страницах «РГ» печатались мемуары и статьи (перепечатки): Иорданская М. Последние дни Леонида Андреева (1924. 8 авг.), Н.К. Молодость Леонида Андреева (1926. 2 июля), *Адамович Г.* О Бунине (1924. 6 апр.), Кизеветтер А.А. Пересмотр мировоззрения (1924. 13 апр.), Скиталец. Шаляпин в политике (1924. 14, 15 июля), Е.В. Н.К.Рерих (1924. 14 марта), Бенедиктов М. Былина (1924. 4 июня; о творчестве Г.Гребенщикова), Светлов Н. Правый активизм в молодой лирике (1924. 30 сент.). Читатель «РГ» знакомился с новыми материалами и обзорами: Бенедиктов М. Новости литературы (1924. 26 нояб.); он же. Русский «Современник» (1924. 15 июля), *Булгаков Вал.* Толстой о Толстом. Новые материалы (1924. 1 дек.); он же. Литература Соединенных Штатов (1924. 20 сент.), Шлецер Б. Новое в западной литературе (1924. 27 янв.). Газета публиковала материалы, посвященные литературным датам: статьи *М.Курдюмова* «Пушкинская годовщина. 1799—1924» (1924. 16 июля), «Александр Дюма-сын (к столетию со дня рождения)» (1924. 4 сент.), статья Евг.Вебера «Ф.И.Тютчев (к 50-летию со дня рождения)» (1923. 26 сент.), статья Б.Шлецера «Анатоль Франс» (1924. 20 июня) и др. Перепечатывались фельетоны А.Аверченко (1924. 5 февр., 9, 11 мая), *Дон-Аминадо, Лоло* (Л.Г.Мунштейна), Н.Тэффи (1924. 22 мая), А.Яблоновского (1923. 19 апр.).

О.А.Бузуев

РУССКИЙ ДОМ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В БЕЛГРАДЕ (1933—1941) — открыт 9 апреля 1933 в присутствии короля Александра I Карагеоргиевича и всей королевской семьи. Своим появлением Дом обязан принятию в среде русской эмиграции положения о «русских Афинах», т.е. о развитии национальной эмигрантской культуры, которая обязана была вернуться в Россию. Во главе Русского дома стал А.Белич, председатель государственной комиссии помощи русским беженцам и Русского культурного комитета. Построенный архитектором В.Баумгартеном в стиле русского ампира Дом разместил под своей крышей организации русского зарубежья в Югославии: единственный в мире дом-музей последнего императора, в котором хранились экспонаты, документы, картины и фотографии царя и его семьи; Государственную комиссию помощи русским беженцам; *Русский научный институт*; Русский военно-научный институт; Музей русской конницы; мужскую русско-сербскую гимназию; женскую русско-сербскую гимназию; русскую начальную школу; Русское музыкальное общество; Русское художественное общество и мастерские живописцев и скульпторов; Союзы бывших офицеров-летчиков, юнкеров, казаков; Русское гимнастическое общество «Сокол»; *Союз русских писателей и журналистов в Югославии*

(председатель А.И.Ксюнин) (Джурич О. Шестьдесят лет Русскому дому имени императора Николая II в Белграде 1933—1993 // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Кн. 1). Русский научный институт в стенах Русского дома развернул активную издательскую работу: публикацию библиографии русских ученых-эмигрантов: «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» в 2-х т. (1931 и 1941). На той же базе было выпущено 17 томов «Записок Русского научного института в Белграде» (1930—1941). Русская публичная библиотека, возникшая в 1920, обладала книжным фондом (60000), кабинетом для научной работы, имела большое число читателей. По своему значению и фондам она являлась второй библиотекой русского зарубежья после *Тургеневской библиотеки* в Париже. С течением времени при библиотеке создается архив. Эмигранты под конец жизни, как правило, завещали архиву свои рукописи и наследство (богатый архив *П.Б.Струве*). В Русский дом из здания Академии наук переселилась «Издательская комиссия». В рамках трех изданий — «Русская библиотека», «Библиотека для юношества» и «Детская библиотека» — это издательство выпустило более 60 книг на русском языке. «Издательская комиссия» взяла на себя роль главного издательства русской литературы в то время, когда уже исчерпали себя берлинские, парижские и пражские издательства.

В Русском доме работал Русский драматический театр во главе с Ю.Ракитиным и Русский общедоступный драматический театр во главе с А.Череповым.

В.В.Сорокина

РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РЗИА) (Прага, 1923—1945). Образование архива проходило в рамках принятой правительством Чехословакии программы, получившей название «Русская акция» и предусматривавшей создание условий для жизни и работы российских эмигрантов, проживавших в ЧСР, финансирование деятельности многочисленных русских эмигрантских учреждений и организаций. РЗИА (первоначально Архив русской эмиграции и архив Чехословакии) был образован постановлением Комитета объединения российских земских и городских деятелей в ЧСР (Земгор) от 17 и 18 февраля 1923 и являлся общественной организацией. По указанному постановлению архив формально подчинялся Земгору, одной из крупнейших организаций русской эмиграции, располагавшей средствами из правительственных и благотворительных источников. Архив являлся структурой при культурно-просветительном отделе в составе Библиотеки Земгора.

В 1924 было разработано Положение об архиве, определившее юридическое положение и структуру. Положение подтвердило подчинение архива Земгору и дало ему новое название, более точно отразившее характер собираемых документов — Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Работой архива руководил Совет. Для осуществления научной деятельности, в том числе и определения ценности приобретаемых документов, была создана Ученая комиссия. В состав Совета в разное время входили известные российские историки и общественные деятели. Первым председателем Совета стал проф. А.А.Кизеветтер, который занимал этот пост до своей смерти в 1933. С 1933 по 1935 председателем был проф. *С.В.Завадский*. В 1935 на этот пост избран проф. А.Н.Фатеев. Первым управляющим РЗИА стал В.Я.Гуревич, занимавший эту должность до 1928. В состав Ученой комиссии в разные годы входили А.А.Кизеветтер — председатель, В.Г.Архангельский, В.Я.Гуревич, А.Ф.Изюмов, Е.Ф.Максимович, В.А.Мякотин, С.Н.Николаев, С.Г.Пушкарев, П.Н.Савицкий, В.В.Саханев, А.В.Флоровский, В.В.Чернавин, Е.Ф.Шмурло. После смерти А.А.Кизеветтера председателем Ученой комиссии был выбран проф. А.В.Флоровский.

Хранение документов осуществлялось двумя отделами — отделом документов (заведующий А.Ф.Изюмов, занимал эту должность до 1939) и отделом печатных изданий, состоявшим из двух подотделов — книжного (заведующий *С.П.Постников*, занимал эту должность до 1937) и газетного (заведующий Л.Ф.Магеровский, занимал эту должность до 1939).

В числе многих эмигрантских общественных учреждений, которые с окончанием «Русской акции» в конце 20-х перешли в ведение чешских государственных учреждений, оказался и РЗИА. 31 марта 1928

РЗИА был передан в ведение МИД Чехословакии, сохранив при этом свое название, функции и состав сотрудников из числа русских эмигрантов. Общее руководство работой архива было возложено на уполномоченного МИД ЧСР проф. Яна Славика. Непосредственно деятельностью архива руководили Совет архива и Ученая комиссия. Управляющим архивом был избран В.Г.Архангельский. В декабре 1935 должность управляющего была упразднена и введена должность директора. Финансирование деятельности РЗИА осуществлялось через МИД ЧСР.

В 1934 в состав РЗИА на правах отдела был включен Донской казачий исторический архив. В 1919 в связи с эвакуацией казачьих частей Донской Армии по распоряжению Донского атамана А.П.Богаевского из Новочеркасска была вывезена часть экспонатов музея и наиболее ценные документы казачьего архива по истории Всевеликого Войска Донского, а также по истории гражданской войны на юге России. Первоначально документы были перевезены в Екатеринодар, весной 1920 — в Константинополь, в 1921 — в Белград, а в 1925 — в Прагу. До 1934 войсковым атаманом и руководством архива предпринимались попытки решить вопрос о самостоятельном существовании архива. Но материальные трудности не позволили осуществить эту идею. В составе РЗИА Донской исторический архив существовал на особых правах, сохранив свою налаженную систему работы и хранения документов, имел широкие полномочия в собирательской деятельности. По условиям вхождения в РЗИА архив продолжал являться собственностью Войска Донского. Ответственность за его сохранность лежала непосредственно на Донском атамане и Донском правительстве. Руководителем Донского казачьего архива продолжал оставаться П.А.Скачков.

В середине 30-х РЗИА претерпел серьезные изменения в своей деятельности, приведшие фактически к упразднению самостоятельности архива и выразившиеся в лишении права руководства архива решать финансовые и кадровые вопросы, сокращении численности сотрудников, лишении права допуска исследователей к работе с документами. Положение РЗИА стало еще более сложным с началом оккупации Чехословакии немецкими войсками. 22 марта 1939 архив был передан в ведение МВД ЧСР. С этого времени архив возглавил проф. Я.Прокеш вместо ушедшего в отставку проф. Я.Славика.

В годы войны в РЗИА представителями германских оккупационных властей с помощью сотрудников архива целенаправленно выявлялись документы по военной истории России. Таким образом, в филиале Архива сухопутных войск Германии в Праге оказались документы Донского казачьего архива, документы из личных фондов государственных, военных и общественных деятелей России, хранившихся в рукописном отделе РЗИА. Документы печатного отдела изучались с целью выявления информации о внутреннем и международном положении СССР.

После окончания второй мировой войны через ведомство иностранных дел СССР правительству Чехословакии было сделано представление о поисках возможности вернуть Советскому Союзу документы из Русского заграничного исторического архива в Праге, вывезенные из России после Октябрьской революции и гражданской войны. Эти документы являлись составной частью Государственного архивного фонда СССР согласно Положению о ГАФ, утвержденному СНК 29 марта 1941.

Правительство ЧСР постановило передать в дар Академии наук СССР по случаю ее 220-летнего юбилея часть документов РЗИА, а именно — документы рукописного отдела и дублетные экземпляры эмигрантских периодических изданий и библиотеки Донского казачьего исторического архива. Не последнюю роль в деле передачи документов в СССР сыграло и то обстоятельство, что документы РЗИА активно изучались и использовались против СССР в период второй мировой войны.

6 декабря 1945 акт о дарении, подписанный премьер-министром Чехословакии З.Фирлингером и министром народного просвещения З.Неедлой, был передан Комиссии по приему документов РЗИА. Кроме того, вместе с документами двух указанных комплексов в СССР были привезены документы и экспонаты Русского культурно-исторического музея, которые были переданы в дар его основателем *В.Ф.Булгаковым*.

Согласно постановлению Президиума АН СССР от 31 января 1946 переданные из Чехословакии документы поступили на

хранение в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ). Это решение было обусловлено тем, что в ЦГАОР СССР с 20-х находились на хранении собрания документов белогвардейских правительств и воинских подразделений Белых армий периода гражданской войны. Переданные документы по своему составу и содержанию дополняли их.

Особое место в пополнении своих документальных богатств РЗИА отводил собиранию архивов деятелей российской литературы, а также документов эмигрантских творческих организаций и объединений. Уже в начальный период деятельности РЗИА здесь начали откладываться документы русских писателей, поэтов, публицистов, литературных критиков. В 1924 передал на хранение свой обширный архив известный публицист В.Л.Бурцев. С 1925 по 1928 передавал документы своего архива *А.В.Амфитеатров*. Начиная с 1925 в РЗИА стали поступать документы Комитета по организации и проведению Дня русской культуры (Р-5850). В 1928 проф. *А.Л.Бем* передал материалы о работе съезда русских писателей и журналистов в Белграде, проходившего 24—30 сентября 1928.

Более целенаправленный характер работа по собиранию литературных архивов стала носить с начала 30-х. В 1931 известный деятель эмиграции, один из создателей и член Ученого совета архива Н.И.Астров в статье, посвященной деятельности РЗИА, указал, что «архив решил приступить к собиранию еще другого рода материалов, которые должны быть сохранены как драгоценный материал для истории русской культуры, это — литературные архивы». Далее в статье говорилось: «Литературные архивы представляют большую ценность как документы, свидетельствующие о культурной работе, о творческой мысли русских людей в изгнании. Эти материалы не должны быть затеряны, не должны быть уничтожены. Их нужно сохранить».

В 1930—1945 РЗИА были приобретены архивы *А.Аверченко, Ю.Айхенвальда*, М.Акацатова, *В.Амфитеатрова-Кадашева, В.Ирецкого, В.Немировича-Данченко, Н.Оцупа*, С.Пинуса, Н.Раевского, *И.Шкловского*, публицистов — В.Н.Тукалевского, Г.И.Радченко, *И.И.Фондаминского*, В.А.Розенберга, Н.М.Могилянского, В.Н.Челищева, Б.И.Николаевского, С.П.Мельгунова, А.Ф.Изюмова, В.Л.Горна и др.

В составе фонда *Б.В.Савинкова* (Р-5831), кроме шести тетрадей его собственных стихов, рассказов, статей, имеются письма А.Амфитеатрова, М.Волошина, *З.Гиппиус, Д.Мережковского*. В фонде публициста В.Л.Бурцева (Р-5802) — письма *А.Куприна, М.Осоргина, Е.Чирикова*, К.Станиславского, *Л.Андреева*; в фонде журналиста С.П.Постникова (Р-6065) — письма *А.Даманской*, И.Фондаминского; в фонде проф. П.Н.Милюкова — письма *К.Бальмонта, Б.Зайцева, И.Наживина*, И.Шкловского; в фонде А.И.Гучкова — письма *М.Цветаевой*; в фонде *П.Б.Струве* (Р-5912) — письма *И.Бунина*, В.Булгакова, произведения *С.Маковского*, В.Амфитеатрова-Кадашева, стихи *В.Сирина*, Е.Бунге, *В.Булич*, И.Войнова.

В фондах редакций газет «*Дни*» (Р-5878) и «*Последние новости*» (Р-6845) сохранились стихи *Ю.Галича*, произведения *М.Алданова*, З.Гиппиус, *И.Шмелева, П.Бицилли*. В составе других фондов РЗИА отложились художественные произведения, воспоминания, статьи, письма *А.Белого, А.Ремизова, А.Яблоновского, А.Головиной, И.Одоевцевой*, А.Нейморока, И.Гребенщикова, В.Морковина, С.Варшавского, Б.Зайцева, *А.Толстого, И.Эренбурга*, И.Шмелева, *И.Северянина*, В.Резникова, Л.Андреева, Б.Апрелева, *М.Арцыбашева, В.Смоленского*, М.Алданова, С.Маковского, *С.Минцлова* и др., а также А.Блока, С.Есенина, Н.Клюева, В.Брюсова, *С.Черного*.

РЗИА удалось собрать документы некоторых профессиональных и творческих организаций российской эмиграции. В их числе: Профессиональный Союз литературных работников России, живущих за границей (Париж); Культурно-просветительная комиссия при Русском Доме в Сент-Женевьев-де-Буа, Русский культурный комитет в Белграде, *Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии, Союз русских писателей и журналистов в Польше, Союз русских писателей и журналистов в Югославии, Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, Комитет помощи русским литераторам и ученым во Франции, Комитет помощи русским литераторам и ученым в Берлине* и некоторые другие.

РЗИА не являлся единственным учреждением, собиравшим материалы по истории культуры российской эмиграции. Создан-

ный в 1934 г. Русский культурно-исторический музей, имевший в своем составе литературный отдел, кроме проведения выставочной деятельности, занимался собиранием документов представителей российской литературы, в том числе и эмигрантской. Руководству РЗИА и музея, несмотря на все сделанные попытки, так и не удалось до конца ликвидировать параллелизм в своей работе. В составе коллекций Русского культурно-исторического музея оказались архивы создателя музея В.Булгакова, небольшие коллекции М.Цветаевой, А.Куприна, И.Бунина, И.Наживина, А.Ремизова, *А.Бурова* и др.

В 60-е некоторые фонды деятелей культуры и творческих организаций из Пражской коллекции были переданы в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ), Центральный литературный музей. В ЦГАЛИ СССР были переданы личные фонды А.В.Амфитеатрова, И.В.Шкловского, В.Я.Ирецкого, В.И.Немировича-Данченко, Ю.И.Айхенвальда и др. Были переданы также фонды Союзов русских писателей и журналистов в Чехословакии, в Польше, часть коллекции документов Русского культурно-исторического музея в Праге и некоторые другие. Были допущены изъятия и в отношении других фондов РЗИА, переданных в Историко-дипломатическое управление МИД СССР, ЦГАСА (РГВА), ЦГВИА (РГВИА) и другие государственные и ведомственные архивы, хотя основная часть Пражской коллекции осталась в ЦГАОР СССР. Имевшие место изъятия причинили существенный урон ее целостности, был нарушен принцип недробимости исторических комплексов, один из основополагающих принципов архивного дела.

Л.И.Петрушева

«РУССКИЙ ИНВАЛИД» (Париж, 1930. 22 февраля. № 1 — 1940. 5 июня. № 152) — ежемесячная военно-научная и литературная газета (частично в 1931—1932 и весь 1939 выходила как двухнедельная). Орган главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов (ЗСРВИ), гл. ред. — Н.Н.Баратов (1930—1932. № 1—37; некролог: 1932. 7 апр. № 38), М.Н.Кальницкий (1932—1940. № 38—152). Возобновлена как однодневная газета в мае 1961; гл. ред. — С.Д.Позднышев.

Газета издавалась под девизом: «В единении наше спасение, в расколе — наша гибель!», провозглашенным в статье А.И.Деникина «Искание родины» в первом однодневном выпуске «РИ» (1924. Нояб.). Всего в 1924—1929 в Париже было опубликовано пять специальных выпусков «РИ» (см.: «Однодневные газеты»); эти издания заложили традицию ежегодного выхода газеты в ознаменование Дня русского инвалида, отмечаемого 9 (22) мая — в день летнего Николы Чудотворца, чтимого как покровителя и помощника всех бездомных и сирых. Этому дню в 30-е в газете «РИ» всегда был посвящен один — майский — номер. В нем преобладал литературный материал. В обычных номерах доминировали военные статьи и совсем редко публиковались художественные и литературно-критические тексты.

В газете, выходившей обычно раз в месяц, выступили, по сути, все известные писатели русского зарубежья «первой волны»: *М.Алданов* (№ 17, 41, 55, 67, 131/132, 151), *К.Бальмонт* (№ 55, 67), *И.Бунин* (№ 17, 67, 115, 131/132, 151), *З.Гиппиус* (№ 79), *Б.Зайцев* (№ 4, 41, 55, 67, 79, 131/132, 151), *В.Злобин* (№ 79), *Л.Зуров* (№ 17, 67), *Г.Кузнецова* (№ 17, 55, 67), *А.Куприн* (№ 3, 120), *А.Ладинский* (№ 115, 131/132, 151), *И.Лукаш* (№ 5, 67, 79, 115, 131/132), *Д.Мережковский* (№ 79, 115), *Вас.И.Немирович-Данченко* (№ 9—10), *А.Ремизов* (№ 41, 55, 67—68, 131/132, 151), *А.Ренников* (№ 4, 17, 21, 41, 79, 115, 131/132, 151), *В.Сирин* (№ 17, 41), *П.Струве* (№ 55), *И.Тхоржевский* (№ 115, 151), *Н.Тэффи* (№ 41, 67, 115, 151), *В.Ходасевич* (№ 17), *А.Черный* (№ 4, 17, 41), *И.Шмелев* (№ 1, 17, 41, 55, 79, 115, 131/132, 151), *А.Яблоновский* (№ 41). Названные писатели публиковались и в «однодневниках» 1924—1929. Тематика литературных материалов (стихи, короткие рассказы, фрагменты крупных вещей и т.п.) была военно-патриотическая, нравственно-воспитательная, настраивающая на сострадание, самоотречение, жертвенность; кроме того, неизменно поддерживался интерес к тяготам эмигрантского быта, к бездомным, ночующим в ночлежках. Ностальгические мотивы объединяли всех. З.Гиппиус писала: «Не думаю о моей земле: / Что тут думать? Ее

убили... / Она воскреснет в новой плоти» (1935. № 79).

«РИ» рассматривал себя как преемника и продолжателя одноименного петербургского издания (1813—1917), созданного по инициативе императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I) с целью помощи инвалидам Отечественной войны 1812. Редактором стал коллежский советник П.П.Помиан-Пезаровиус. Парижский «РИ» не раз напоминал об этом, отдавая должное зачинателю издания; историческая справка М.Каденко об основателе «РИ» печаталась в 1933 (№ 55—56).

Газета стремилась воссоздавать и сохранять исторический, военный, бытовой колорит и самый дух утерянной Родины. Поддерживалась память о дореволюционной России, идеализация прошлого как главного хранилища национального духа. С особенным пиететом освещались все важные сведения о жизни и смерти царей (особенно Александра II и Николая II), а также о царских родственниках за рубежом; вместе с историческими статьями о самодержавном прошлом эти материалы составляли фундамент надежд на возрождение России. Герб Дома Романовых неизменно присутствовал под названием газеты. С разных точек зрения рассматривался трагический опыт революции; разрабатывалась постсоветская концепция национально-государственного развития России и ее Вооруженных сил, новое понимание патриотизма. В ряду приоритетных тем в 1930-х (а также и в 60-х) оставались первая мировая война (называемая тогда Великой) и образование Добровольческой армии — колыбели Белого движения; отмечалась каждая их годовщина. Постоянными сотрудниками газеты были известные генералы — Н.Н.Головин (помощник ген. Н.Н.Баратова), В.Н.Долманский, А.В.Виноградский, Н.Н.Алексеев, С.Д.Позднышев, *П.Н.Краснов*, а также полковники А.А.Зайцов (секретарь ред.) и В.Б.Веверн (его книгу «6-я батарея» — о 1914-м годе — высоко оценил Куприн. — № 120).

Поэтические сны о великом прошлом Родины слагали в своих стихах поэты: кн. Ф.Н.Касаткин-Ростовский (поэт-воин, семеновец), Изюмский гусар В.А.Петрушевский, *Н.Туроверов* (Атаманец), командир Драгунского полка С.Гребенщиков. Всепроникающими были патриотические мотивы: «Но рай чужой родные дали / Затмить не сможет никогда» (Петрушевский В. // 1930. № 3); «Душа народная жива — / Она воскреснет вновь» (кн. Ф.Н.Касаткин-Ростовский // 1934. № 65). Небольшую книжку С.Гребенщикова «Родина», вышедшую в Сербии в 1932, рецензировал П.Н.Краснов (1932. № 36), который выступал в рубриках «Библиография» и «Литературные заметки» под псевдонимом Гр. А.Д. Этот графский псевдоним обозначал имя его строевой лошади (Град), служившей ему под седлом 23 года.

П.Н.Краснов стал сотрудником «РИ» еще в петербургские времена — его первая публикация появилась 17 марта 1891, и с тех пор имя Краснова не сходило со страниц газеты (его называли «примадонною» «РИ»). В 1931 (№ 16) печаталась редакционная статья к его 40-летию, а в 1929 (№ 138) газета отмечала 50-летие со дня его производства в первый офицерский чин. В «РИ» печатались некоторые произведения Краснова, вышедшие затем отдельными изданиями. Среди них — автобиографические документальные книги «Павлоны» и «На рубеже Китая»; публиковался частями роман из жизни пограничного гарнизона «Накануне войны» (рец.: 1937. № 100; С.Позднышев).

Краснов был главной фигурой в газете как критик-рецензент и как рецензируемый писатель-романист. Он положительно отозвался о романах «Защита Лужина» В.Сирина и «Бегство» М.Алданова (1932. № 35), отметив их своеобразие и связь с русской классической традицией. Критик рецензировал роман А.И.Куприна «Юнкера» (1933), оценив его на уровне толстовских «Казаков». Эту рецензию-статью (1933. № 51) можно считать программной: рассматривая роман как «поэму в прозе, звучную песню о далекой нашей молодости... о домовитой, крепкой в любви и привязанностях, семейной, радушной, гостеприимной и патриархальной Москве», Краснов утверждал вместе с тем и незыблемость своей позиции в отношении к царской армии. Для генерала-писателя в этой области не могло быть ни тени критики.

В газете публиковались рецензии на трилогию Краснова «Largo» (1930. № 5; Н.Чебышев) — «Выпашь» (1932. № 33; Н.Алексеев) — «Подвиг» (1932. № 48; Н.Алексеев), на его исторические романы «Цесаревна: 1709—1762» (1933. № 57;

б/п), «Екатерина Великая: 1729—1796» (1935. № 80; Карабин). Дважды рецензировался роман «Ненависть», где представлена параллель предбольшевистской «святой Руси» и красной России под тиранической властью большевиков (1934. № 72, Карабин; № 74, б/п). Показательно, что и в возобновленном «РИ» в 60-е годы Краснов — снова в центре внимания. Публиковалась глава из его романа «В море житейском» (Париж, 1962).

Для газеты характерны и такие материалы, как исторические справки к 100-летию печатавшегося в петербургском «РИ» А.С.Суворина (1934. № 71) и к 100-летию со дня смерти А.С.Пушкина — «Пушкин и император Николай I» (1937. № 100). Любопытен безымянный рассказ «Царь российский и печник» (1940. № 151), аналогичный стихотворению А.Твардовского «Ленин и печник». Обобщающий смысл заключает в себе заметка *И.А.Ильина* «Об армии: Посвящается русским зарубежным инвалидам», где автор утверждал: «Армии необходимы все три начала: народ, интеллигенция и трон. Они слагают ее сообща. Она есть их органическое единство. И в обновленной России это так и будет» (1940. № 151).

А.А.Ревякина

РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ПРАГЕ (1923—1936) — торжественно провозглашен на последнем заседании Второго съезда представителей академических организаций 16 октября 1922 «во исполнение мысли об основании особых русских научных институтов на чужбине с целью поддержания изучения наук, искусства, литературы, права, хозяйства, истории и природных сил России» (Спекторский Е.В. Десятилетие *Русского научного института в Белграде* (1928—1938) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1938. Вып. 14. С. 4). Проф. П.И.Новгородцеву на этом заседании было поручено выработать устав Русского института, который и был утвержден на заседании Совета института 24 ноября 1923, а сам профессор был избран председателем Института. После его смерти в 1924 председателями были *П.Б.Струве*, В.А.Францев, бессменным секретарем Института — профессор М.А.Циммерман. Научный институт был организован согласно традициям русского академического самоуправления. Во главе его стоял Совет, в обязанности которого входило избрание всех должностных лиц Института и новых членов совета, утверждение плана работ и расходования средств. В задачу Института входило привлечение к сотрудничеству не только видных представителей русской науки и литературы в Чехии, но и ученых из других стран, а также подготовка молодых ученых и печатание научных трудов. Институт проводил циклы лекций по русской литературе, философии, праву, истории и истории искусства. На лекциях по гуманитарному отделу присутствовало от 50 до 80 человек, лекции А.А.Кизеветтера о русском театре и отца *С.Булгакова* «У стен Херсонеса» (философские диалоги) собирали до 150 человек. В 1926—1927 учебном году прошли торжественные собрания памяти академика Н.П.Кондакова и Фр.Палацкого. В рамках Института действовал «Семинар имени Н.П.Кондакова» под руководством А.И.Калитинского, работавший в двух направлениях: византиноведение и история искусств. В семинаре проводились заседания по истории византийского костюма (Н.И.Толль, Н.М.Беляев), истории византийского церемониала (М.А.Андреев), мотивам русской народной орнаментики в связи с древностями скифов (В.В.Саханев). В.А.Францевым были прочитаны лекции «Из истории славянской литературной взаимосвязи». Он издал переписку П.И.Шафарика с русскими учеными, дал в лекциях историю знакомства славянских народов с творчеством Державина, обзор связей М.Погодина с Ф.Палацким. Ему также принадлежат работы о судьбе славянской идеи в России. Он читал лекции о деятельности В.Ф.Одоевского и И.С.Аксакова. В цикле лекций о славянской идее была прочитана лекция о славянской политике Александра I (Г.В.Вернадский) и сделан обзор истории русско-чешских отношений (А.В.Флоровский). Лекторами института были *Г.В.Флоровский*, А.В.Флорова, *В.В.Зеньковский*, П.Б.Струве, И.И.Лаппо, И.И.Лапшин и др. Деятельность Института проявилась также в издании книг: «Сборник Русского института в Праге» (1929 и 1931) и «Пушкинский сборник» (1929). Сборники вобрали в себя многообразие семинаров и тематических лекций за 1923—1932.

«Пушкинский сборник» отразил состояние современного уровня исследования творчества поэта в русском зарубежном литературоведении, что, наряду с изучением творческого наследия Ф.М.Достоевского, стало основным направлением деятельности ученых-филологов в Праге. В него вошли статьи Е.Ф.Шмурло, Е.В.Спекторского, В.А.Францева, *А.Л.Бема*, И.И.Лапшина, *С.В.Завадского*, П.Б.Струве, *Е.А.Ляцкого*.

В.В.Сорокина

«РУССКИЙ КОЛОКОЛ» (Берлин, 1927—1930. № 1—9) — журнал, издавался проф. *И.А.Ильиным* (он обозначен как «редактор-издатель»). Было выпущено 9 номеров: № 1—2 — в 1927, № 3—6 — в 1928, № 7—8 — в 1929, № 9 — в 1930. На второй странице обложки первого номера сообщалось, что «РК — есть журнал национальной и патриотической волевой идеи. Его цель — служение самобытной и великой России». «Волевая идея» была сформулирована Ильиным в его книге «О сопротивлении злу силою» (1925), вызвавшей горячую полемику в русских эмигрантских кругах. В первом номере журнала в статье редактора была представлена программа будущей его деятельности. В дальнейшем Ильин неоднократно возвращался к этому вопросу, поясняя, что такое «волевая идея», в чем состоит цель и задача служения России. «России, — говорилось в редакционной заметке, помещенной на обложке второго номера журнала, — нужна прежде всего национальная интеллигенция, религиозно обновленная и государственно мыслящая». Статьи и материалы, печатающиеся в журнале, утверждалось далее, «нельзя «просматривать»; их не стоит «пробегать глазами»... Они требуют внимания и, главное, рассмотрения и решения каждого отдельного вопроса по существу... Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно...» Журнал состоял из двух, не имеющих самостоятельного названия, частей. Во второй части, набранной более мелким шрифтом, печатались «материалы и инструкции», предназначенные «вооружить мысль и волю русского патриота... Он найдет здесь необходимые для него сведения, советы и формулы».

В каждом номере журнала печатались одна-две (иногда и больше) статьи самого Ильина (подписанные или его фамилией, или «редактор»). Постоянными авторами журнала были: И.И.Лаппо, В.П.Рябушинский, Б.А.Никольский, *Н.С.Арсеньев*, *П.Н.Краснов*, В.Гефдинг, гр. Г.А.Шереметев, кн. Н.Б.Щербатов, *И.С.Шмелев*, С.С.Ольденбург, А.Бунге и др. Статьи, публиковавшиеся в журнале, носили в основном политический и социально-экономический характер. Много внимания уделялось проблемам русской армии (в прошлом и будущем), анализировалось экономическое положение различных слоев трудящихся при советской власти, обсуждались проблемы будущего государственного и политического устройства России. Даже И.С.Шмелев выступал скорее в несвойственной ему роли публициста, чем художника слова (его статьи «Как нам быть», № 1; «К родной молодежи», № 6—7).

Художественные произведения в «РК» не печатались. Единственное исключение составляет стихотворение самого Ильина «Господь зовет! Сатаны убоюсь ли?..» (№ 1). Не было в нем и отдела литературной критики. Тем не менее проблемы эстетики и художественного творчества находились в поле зрения журнала и решались на его страницах в рамках концепции «волевой идеи». Прежде всего — в статьях самого Ильина: «Кризис современного искусства» (№ 2), «Музыка Метнера» (№ 7). Интересны в этом отношении статьи Н.Н.Ильиной («Арион Пушкина», № 3), Н.С.Арсеньева («Борьба за душу русского народа», № 3), Екатерины Гауг («Пляска опустошенных душ», № 6).

Кризис современного искусства Ильин понимает как «бессилие одинокого безрелигиозного искусства» (№ 2. С. 19). «В духовную смуту, — пишет он, — в религиозное растление вели нас русские предреволюционные поэты, начиная от Блока, *Белого*, *Вяч.Иванова* и кончая постыдными именами современной советчины» (Там же. С. 21). Разложение художественного образа достигло своего апогея, утверждает Ильин, в живописи — «в бреде Пикассо», в музыке — в творчестве Р.Штрауса и А.Скрябина. Всех их Ильин называет «модернистами», причем под «модернизмом» он понимает «упоение вседозволенностью, бред страсти и похоти, идеализацию греха, раз-

нуздание инстинкта» (Там же. С. 25). Модернизму, понимаемому как яркое проявление глубочайшего кризиса искусства (что в свою очередь является следствием религиозного и морального кризиса), Ильин противопоставляет свой идеал: «России нужен дух чистый и сильный, огненный и зоркий. Пушкиным определяется он в нашем великом искусстве; и его заветами Россия будет строиться и дальше» (Там же. С. 27). «Большевицкое искусство, — по словам Ильина, — начиная от Мейерхольда и кончая Шершеневичем и Маяковским — только довершило по-своему это разложение и проявило этот кризис с вызывающим бесстыдством сущего помешательства» (Там же. С. 25). В музыке наивысшим отрицанием модернизма является творчество Н.К.Метнера, к которому на протяжении всей своей жизни Ильин относился с неизменной любовью и восхищением. А вообще духу разложения, в наибольшей степени воплотившемуся в большевизме, он противопоставляет дух рыцарственности, который «состоит в стойкой верности Предметному пути» («О рыцарском духе» // № 6. С. 4).

Н.С.Арсеньев, анализируя творчество советских писателей С.Есенина, Л.Леонова, С.Клычкова, Л.Сейфуллиной, Б.Пильняка, П.Романова, И.Бабеля, К.Федина и др., приходит к выводу, что в их произведениях представлена «картина полного нравственного одичания» русского народа (№ 3. С. 32). То же самое показывает Е.М.Гауг на примере танцев, которые, по ее словам, есть не что иное, как «звероподобное кривлянье» (№ 6. С. 58). «Современные танцы, — пишет она, — не искусство. Они не созданы теми народами белой расы, которые ими ныне столь болезненно увлекаются. Они чужды им, их духу и их культуре. Жест и ритм этих танцев проник к нам, в наши души от негров или от австралийских дикарей и охватил все страны наподобие эпидемии» (Там же. С. 57). В эволюции европейских танцев, по мнению Е.М.Гауг, отразилась эволюция общего европейского мировоззрения, пришедшего в конце концов к «духовному большевизму».

Методологической основой этих и подобных утверждений была теория «арийского мировоззрения», разработанная в трудах Х.Ст.Чемберлена, которые с легкой руки Э.К.Метнера (брата композитора, с которым Ильин находился в тесном общении в предвоенные годы) получили в начале XX в. довольно широкое распространение в России. Согласно этой теории, европейское искусство, равно как и все другие формы европейской культуры, должны освободиться от инородных примесей, внесенных в него евреями или, как считает Е.Гауг, неграми и австралийскими дикарями. В 20-е учение Чемберлена стало составной частью официальной «расовой» доктрины немецкого национал-социализма. Сам Ильин, впрочем, и не скрывал своих симпатий к итальянскому фашизму, проводя при этом параллели между ним и российским белым движением. При этом он считал, что «белое движение», в целом и несмотря на понесенное поражение, «шире» и «глубже» итальянского фашизма (его статья «О русском фашизме», № 3).

В.В.Сапов

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПАРИЖЕ (1921—1940) — открыт 1 марта 1921. Первоначально располагался в доме С.В. и Н.Х.Денисовых по адресу Плас Пале Бурбон, 5. С октября 1923 переведен в здание патронажа церкви Сен-Жермен де Пре. В Университете читали курсы лекций *К.Д.Бальмонт*, П.П.Гронский, С.О.Загорский, А.В.Карташев, Н.К.Кульман, С.И.Метальников, П.Н.Милюков, Б.С.Миркин-Гецевич, *К.В.Мочульский*, Д.М.Одинец, *Л.И.Шестов* и др. Занятия по филологическим наукам начались с курса лекций С.Яблоновского «От Пушкина к *Игорю Северянину*» и *М.А.Алданова* «Русская литература на рубеже 19 и 20 веков». В то же время начались лекции К.Д.Бальмонта по мировой литературе: «Любовь и смерть в мировой поэзии (Предания и лирика Египта, Вавилона, Эллады, Индии и Китая)»; «Театр юности и красоты (Любовь и ревность в творчестве индуистского поэта Калидасы)»; «Русский язык. Волевое начало как основа творчества». Каждая лекция Бальмонта обычно заканчивалась чтением его собственных стихотворений. Лекции о современной русской поэзии читал К.Мочульский (о Блоке, Гумилеве, Ахматовой, русской народной поэзии). В 1923 *А.И.Куприн* — «О журналистике и журналистах» (впечатления и воспоминания о русской пе-

чати, ее представителях, а также о собственной газетной работе). С 1935 начинает читать лекции *Г.В.Адамович*: «Александр Блок и новая русская поэзия», «Современная французская литература», «Русская литература последних лет» и др. Популярностью у слушателей университета пользовались торжественные чествования деятелей русской культуры. 30 октября 1921 состоялось публичное заседание, посвященное 100-летию Достоевского, при участии А.В.Карташева, Н.К.Кульмана, *Д.С.Мережковского*, Л.Шестова, Ж.Патуйе, Н.В.Чайковского. Были прочитаны доклады В.Н.Сперанского «Творческий путь Достоевского», К.В.Мочульского «Достоевский», А.А.Экка «Достоевский и русская гражданственность». 12 июня 1923 прошло заседание, посвященное 125-летию Пушкина. На нем выступили представители русской и французской культуры: М.Алданов, *И.Бунин*, К.Бальмонт. *В.Ф.Ходасевич* обратился к стихотворению Пушкина «Не для житейского волненья». Д.С.Мережковский выступил с докладом «Пушкин с нами», П.Н.Милюков — «Пушкин и Чаадаев», *М.Л.Гофман* «Пушкин в истории русской литературы». В концертном отделении квартет Кедровых исполнил «Славу и вечную память поэту великому» и несколько песен на слова Пушкина, *А.Ремизов* прочел «Сказку о рыбаке и рыбке». 3 декабря 1927 День русской культуры, проводимый университетом, был посвящен 100-летию Л.Н.Толстого; выступили: В.А.Маклаков — «Л.Толстой. Учение и жизнь»; А.М.Хирьяков — «История духовного развития Л.Н.Толстого и личные воспоминания»; М.Л.Гофман — «Слово о Толстом»; *И.Шмелев* прочитал рассказ «Как я ходил к Толстому», В.Н.Сперанский — доклад «Духовный мир Л.Толстого». 8 июня 1929 состоялось торжественное заседание, посвященное памяти А.П.Чехова, под председательством К.Мочульского, Н.К.Кульман прочитал доклад «Чехов, его жизнь и творчество», выступили артисты МХТ. 24 марта 1934 прошло собрание, посвященное 125-летию со дня рождения Гоголя, на котором выступили С.В.Яблоновский («Слово о Гоголе»), Д.М.Одинец («Гоголевский Петербург»). В программе принимала участие Пражская группа МХТ. 4 февраля 1940 на вечере в связи с 125-летием М.Ю.Лермонтова вступительное слово произнес К.Мочульский. С февраля 1927 проводились «Беседы о русской культуре». В их программу входило чтение новых произведений современными русскими писателями (Бунин, Шмелев, Бальмонт, Мережковский, Ремизов, Куприн); вечера, посвященные архитектуре и культуре русских городов (Москва, Петербург, Одесса) с чтением художественных произведений, посвященных этим городам, вечера памяти Некрасова, Глинки, Толстого, Островского, Чехова, Ломоносова, Грибоедова. В рамках «Бесед о русской культуре» К.Мочульский читал курс лекций о русских писателях. В него входили лекции о творчестве русских классиков, постановке их произведений на сцене (в основном на репертуаре МХТ), литературных и общественных течениях эпохи (см.: Русский народный университет в Париже. Обзор деятельности. Париж, 1931).

Ю.А.Азаров

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПРАГЕ (1923—1939; с 1933 — Русский свободный университет) — основан 16 октября 1923 Обществом Народного университета (около 300 членов, председатель с 8 декабря 1925 — Зденек Бажант) при пражском Земгоре. Представлял собой чешско-русское просветительное учреждение, которое вело свою деятельность на основании устава, зарегистрированного в 1925 в Министерстве внутренних дел Чехословацкой республики. Совет преподавателей возглавлял профессор М.М.Новиков, бывший ректор Московского университета. Университет состоял из пяти отделений — Отделения общественных наук (председатель — Н.С.Тимашев); Историко-философского отделения (А.А.Кизеветтер); Отделения естественных и прикладных наук (Н.М.Могилянский); Отделения по изучению Чехословакии (Ю.И.Поливка); Отделения курсов русского и иностранных языков (*Е.А.Ляцкий*) (см.: Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923—1938). Прага, [1939]. На историко-философском отделении читались курсы лекций: «История русской критики» (Е.А.Ляцкий), «Современные течения в русской литературе» (*А.Л.Бем*), «Литература современной Франции» (*М.Слоним*).

Устраивались литературные вечера и концерты чешских и русских артистов в ознаменование исторических и научных событий. Три первых вечера, посвященные памяти *Л.Андреева*, Тургенева, Чехова, прошли при участии Пражской группы артистов МХТ.

В Ужгороде открылось отделение Университета — Русский народный университет в Ужгороде, в который приезжали читать лекции профессора из Праги (см.: Русская, украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918—1938. Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике. Прага, 1995). В состав Университета входило Научно-исследовательское объединение (М.М.Новиков), Философское общество (И.И.Лапшин), *Общество Достоевского* (А.Л.Бем), Общество по изучению современной русской литературы (К.А.Чхеидзе). Семинарий по изучению Достоевского, руководимый А.Бемом, осуществлял основную координирующую функцию историко-литературных исследований творчества писателя в зарубежном русском литературоведении. С 1929 по 1936 участники Пражского семинара — *В.В.Зеньковский*, Р.В.Плетнев, С.И.Гессен, *Д.И.Чижевский* и другие выпустили под редакцией А.Бема три тома трудов семинара. С 1925 за время работы семинара было прочитано 40 докладов по четырем темам: новые биографические и историко-литературные материалы; новые книги о Достоевском; влияние Достоевского на иностранные литературы; философские проблемы творчества Достоевского. Литературные вечера были посвящены Толстому, Достоевскому, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу, Чехову, Л.Андрееву, Короленко, Островскому, Пушкину, Гоголю, Т.Г.Масарику, О.Бржезине и др. Часто вечера устраивались совместно с Чешско-Русской еднотой, *Союзом русских писателей и журналистов*, Русским музыкальным обществом, Русским историческим обществом, Пражской группой Московского художественного театра, словацким обществом «Детван». С 1928 Университет издавал «Научные труды» (5 томов), после 1933 «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге» (6 томов).

Ю.А.Азаров

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕЛГРАДЕ (1928—1941). Первое организационное собрание Института состоялось 23 июня 1928, открыт 16 сентября 1928 одновременно с первым заседанием в Белграде IV съезда Союза русских академических организаций за границей. Первоначально Русский научный институт помещался в доме Сербской академии наук (Якшичева улица). С 1933 располагался в *Русском доме имени императора Николая II*. Успешной работе Института во многом способствовало благожелательное отношение короля Александра I, была образована Культурная комиссия, в задачу которой входило содействие русской науке и искусству. В ее состав входили: А.И.Белич (председатель), Б.Гаврилович, М.Грол, М.Трифунович, В.Н.Штрандтманн (русский представитель). Президент Сербской королевской академии наук А.И.Белич, до революции учившийся в Московском университете, состоял в правлении Института как представитель югославской науки. В январе 1938 по случаю десятилетия Института он был избран его почетным членом. В докладе *П.Б.Струве* и А.В.Соловьева были отмечены заслуги А.И.Белича по отношению к русской науке и культуре. Сербская королевская академия наук и Белградский университет оказывали помощь Институту. Председатель Института Ф.В.Тарановский возглавлял комиссию по устройству ежегодного Дня русской культуры в Белграде.

Первоначально в Институт входили ученые, подписавшие проект его устава: В.И.Баскаков, А.Д.Билимович, А.П.Доброклонский, Ю.Н.Вагнер, Н.И.Васильев, Д.Ф.Конев, А.И.Косицкий, С.М.Кульбакин, В.Д.Ласкарев, Т.В.Локоть, И.П.Марков, Г.Н.Пио-Ульский, А.Л.Погодин, Н.Н.Салтыков, И.С.Свищев, Е.В.Спекторский, Ф.В.Тарановский, Л.Я.Таубер, С.В.Троицкий, В.В.Фармаковский, А.И.Щербаков. Число действительных членов было сравнительно устойчиво: 49 в 1929, 55 в 1930, 52 в 1932, столько же было и в 1937. В 1938 было избрано 7 новых действительных членов.

Институт приглашал русских ученых и писателей, проживающих за пределами Югославии. В 1928 был приглашен академик П.Б.Струве, ставший его постоянным и деятельным членом. По приглашению работали А.А.Кизеветтер, И.И.Лаппо, И.И.Лапшин, *Н.О.Лосский*, С.И.Метальников, Д.П.Ря-

бушинский, А.В.Флоровский, *С.Л.Франк*, Е.Ф.Шмурло, писатели *К.Д.Бальмонт*, *З.Н.Гиппиус*, *Д.С.Мережковский*, *И.Северянин*, *Е.Н.Чириков*. После 1932 в связи с недостатком средств Институт больше не приглашал русских ученых и писателей из других стран, хотя по собственной инициативе в Белград приезжали В.В.Болдырев, Н.Н.Головин, *В.В.Зеньковский*, *И.А.Ильин*, В.Н.Ипатьев, М.А.Инстранцев, *Е.А.Ляцкий*, В.Ф.Тотомьянц, А.Н.Фатеев. С докладами и речами в Институте выступали не только русские ученые. На состоявшемся 8 марта 1933 заседании отделения языка и литературы В.А.Леднецкий сделал доклад «Смерть Грибоедова по новым архивным данным». Первым председателем совета Института был историк Е.В.Спекторский. После его перехода в Люблянский университет Институт последовательно возглавляли Ф.В.Тарановский, А.П.Доброклонский, А.И.Игнатовский. В октябре 1928 при Институте были открыты отделения: философское (возглавлявшееся в разное время Н.О.Лосским и П.Б.Струве), языка и литературы (С.М.Кульбакин и А.Л.Погодин), общественных и исторических наук (А.П.Доброклонский и *Е.В.Аничков*), естественных, агрономических и медицинских наук (А.И.Игнатовский), математических и технических (Г.Н.Пио-Ульский, Н.Н.Салтыков). При отделении общественных и исторических наук была также образована военная секция под председательством В.И.Баскакова и позднее И.С.Свищева.

Русский научный институт устраивал торжественные публичные собрания, посвященные деятелям науки и культуры. Одно из них (9 декабря 1928) было посвящено столетию со дня рождения Б.Н.Чичерина. На нем выступили Н.О.Лосский («Б.Н.Чичерин как философ»), Е.В.Спекторский («Б.Н.Чичерин как государствовед»), П.Б.Струве («Место Б.Н.Чичерина в истории русской образованности и общественности») и Ф.В.Тарановский («Б.Н.Чичерин как историк русского права»). Собрание 26 мая 1929 было посвящено Грибоедову, прочитаны доклады А.А.Кизеветтера «Историческое и вневременное в «Горе от ума» и А.В.Соловьева «Грибоедов как романтик». Состоялись также собрания, посвященные памяти С.М.Соловьева (12 февраля 1930) и Ф.М.Достоевского (15 февраля 1931), Александра II (24 марта 1932), А.Н.Пыпина (22 ноября 1933), Д.И.Менделеева (20 марта 1934), А.С.Пушкина, столетним годовщинам Академии Генерального Штаба, свода Законов Российской Империи, Императорского университета Св. Владимира, Императорского училища правоведения и др. Несколько закрытых общих собраний было посвящено беседам с приезжавшими в Белград учеными и писателями. 8 октября 1928 состоялась беседа с З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковским на тему «Достоевский и теократия», с К.Д.Бальмонтом в марте 1930 года — «О связи науки с поэзией». И.Северянин читал в январе 1931 еще неизданный роман в стихах.

См. также: Русский научный институт (в Белграде) // Русский голос. Белград, 1939. 19 окт.; Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928—1938 // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1938. Вып. 14; Тесемников В.А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991.

В.В.Сорокина

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕРЛИНЕ (1923—1925). Открыт 17 февраля 1923 после четырехмесячной подготовительной работы организационного комитета (председатель — В.И.Ясинский), в состав которого вошла группа высланных из России в сентябре 1922 профессоров и ученых. Создан при поддержке Немецкого общества для изучения Восточной Европы, Лиги наций, русских общественных и студенческих организаций. Прусское Министерство народного просвещения предоставило возможность пользоваться помещениями в здании Бауакадемии (Шинкель-плац, 6) и Немецкого общества для изучения Восточной Европы (Луизенштрассе, 31а).

19 февраля 1923 состоялось первое заседание ученого совета, на котором был избран его состав: *Ю.И.Айхенвальд*, *Н.А.Бердяев*, В.Д.Бруцкус, М.Б.Бернацкий, А.А.Боголепов, П.А.Бурышкин, *Б.П.Вышеславцев*, С.И.Гессен, С.К.Гогель, проф. Гетп, Н.И.Гинзбург, *И.А.Ильин*, А.А.Кизеветтер, А.И.Каминка, А.М.Кулишер, *Л.П.Карсавин*, В.А.Мякотин, *П.П.Муратов*, А.П.Мар-

ков, С.Н.Прокопович, Л.М.Пумпянский, И.И.Стратонов, *П.Б.Струве*, В.Э.Сеземан, К.Н.Соколов, П.Н.Савицкий, В.В.Стратонов, Н.С.Тимашев, М.А.Таубе, А.И.Угримов, *С.Л.Франк*, А.А.Эйхенвальд, В.И.Ясинский (последний избран ректором). Были образованы отделения: духовной культуры (председатель — Н.А.Бердяев); правовое (председатель — И.А.Ильин), экономическое (председатель — С.Н.Прокопович). Занятия первого семестра начались с 26 февраля, и были объявлены следующие курсы: русская история XV и XVII веков (В.А.Мякотин); русская история XVIII и XIX веков (А.А.Кизеветтер); история русской мысли (Н.А.Бердяев); история русской литературы (Ю.И.Айхенвальд); церковь и государство в России (И.А.Стратонов); основы педагогики и проблема русской школы (С.И.Гессен); история нового русского искусства (В.И.Вышеславцев); история древнего русского искусства (П.П.Муратов); Россия и Запад (Л.П.Карсавин); учение о правосознании (И.А.Ильин); введение в философию (С.Л.Франк); философия религии (И.А.Ильин); семинарий по философии (В.Э.Сеземан); семинарий по новейшей русской философии (С.Л.Франк). К 1925 число русских эмигрантов в Берлине значительно сократилось, и Русский научный институт постепенно прекратил свое существование. Его сотрудники вынуждены были переехать в Прагу и Белград. См. отчеты: Русский научный институт в Берлине: 1-й летний семестр 1923 года. Берлин, 1923; Русский научный институт в Берлине: 1924—1925 академический год. Берлин, 1925.

В.В.Сорокина

«РУССКИЙ ЭМИГРАНТ» (Берлин, 1920. Сентябрь. — 1921. Февраль. № 1—7) — журнал, издававшийся кооперативом «Русская колония» в Берлине. Выходил два раза в месяц, редактор Б.С.Оречкин (И.Грязнов). В программной статье «От редакции», открывающей первый номер журнала, говорится: «Нет, кажется, такого уголка на земном шаре, где сейчас не раздавалась бы русская речь, где не томились бы многие тысячи русских граждан, оторванных от России. В лагерях для военнопленных, в государствах бывших врагов бывшей России, в концентрационных лагерях ее бывших союзников, в пустынях Египта — «в гостях у английского короля», наконец, просто в больших городах и маленьких местечках Европы и Америки — везде одинаково живется русскому человеку; военнопленные, попавшие за границу во время войны, и просто русские граждане, вольно или невольно покинувшие родину и оказавшиеся в той или другой стране, — все они одинаково страдают, одинаково мучительно переживают настоящее, теряя постепенно остатки веры в будущее». Журнал выходил под лозунгом «В единении — сила». О цели своего издания редакция заявляла: «Попытаться связать распыленную эмигрантскую массу, служить посредником между группами русских эмигрантов или отдельными эмигрантами, защищать их культурные, правовые, моральные и экономические интересы, будить в русских гражданах, заброшенных за границу, инициативу, призывать их к общественной самодеятельности, в которой одной только, по нашему убеждению, кроются широкие возможности для русской эмиграции — такова общая программа «Русского эмигранта».

В статье о деятельности кооператива «Русская колония» редактор журнала Грязнов характеризует устав и цели деятельности этого общества при оказании своим членам материальной помощи, а также для удовлетворения их культурно-просветительных нужд. Не скрывая трудностей на этом пути, он пишет: «Перед нами инертная, громоздкая и неорганизованная масса русского потребителя и тысячи безработных. Только Берлин и его пригороды насчитывают свыше 45 тысяч русских. Кроме того, русские десятками, сотнями и тысячами рассеяны по другим городам и местечкам страны» (№ 1. С. 2).

В связи с 50-летием *И.А.Бунина* журнал (№ 4) поместил его стихи, рассказ «Готами», написанный перед отъездом из Одессы, а также стихотворение *А.Черного* «И.А.Бунину». В ноябре 1920 отмечалось 10-летие смерти Л.Н.Толстого. Журнал впервые опубликовал письмо Толстого, написанное в 1890 баронессе Менгден (урожд. Бибиковой), переводившей религиозно-философские произведения писателя. Толстой высказывает свое понимание задач подобного перевода (письмо это не вошло в Юбилейное «Полное собрание сочинений» в

90 т.). В статье *А.Ященко* «Толстой и русская революция» рассматривается связь русской революции с идеями великого мыслителя, который увидел в русском народе «склонность к пассивному сопротивлению злу»: «Когда приключилась великая смута, народ разрушил свою правительственную систему, вышел из твердых пределов непоколебимых законов и пришел в состояние полного безвластия. С душою, поистине, толстовской и с пассивными идеалами непротивленчества, он ждал, что добро придет само собой и восторжествует в силу имманентно ему присущей справедливости и правды... Русский народ, отправившись на поиски дивной страны с молочными реками, нашел лишь море, до краев наполненное кровью, и, пожелавши абсолютной свободы, нашел лишь абсолютное рабство. «Взбунтовавшиеся рабы» наложили на себя цепи еще более тяжелые и собственными руками построили себе еще более суровую тюрьму» (№ 5. С. 5). А.Черный посвятил годовщине смерти Толстого стихотворение «Скорбная годовщина», в котором говорится, что ложь о Толстом все громче звучит в Совдепии. *А.Дроздов* в статье «О Толстом — учителе» стремится определить место писателя в русской литературе, где Достоевский «видел вперед сквозь века», а Щедрин в «Истории одного города» нарисовал «картину грядущей совдепщины вплоть до «Всем, всем, всем»». Толстой не был провидцем — он принес в мир огромное сердце, искавшее добро, не нашедшее добра и выдумавшее его» (№ 5. С. 3). В журнале печатались «Заметки эмигранта» К.Бельговского (№ 2), воспоминания И.Д.Новика (первого редактора *Л.Н.Андреева*) «Леонид Андреев — редактор» (№ 1), а также его материалы для биографии Л.Андреева (№ 3). В очерках *Р.Гуля* на тему «свое» и «чужое» рассказывалось о жизни русской эмиграции: «Посмотрите кругом — и все не «ваше»... Посмотрите на эти разлинованные поля, на подлизанные дороги, на расчищенные леса, на эти комфортные, каменные квадраты — все чужое... чужое. Ходишь среди трех каменных стен и чувствуешь, что некуда выпустить свое сердце, носишь его в себе и хоронишь...» (№ 6. С. 4).

Почти в каждом номере выступал правовед А.Ященко, один из организаторов *Дома искусств в Берлине*: «Юридическое положение русских за границей» (№ 1), «Печать в изгнании» (перечень периодики русского зарубежья) (№ 2), «Право убежища» (№ 3), «Русская школа за границей» (№ 4). Печатались стихи А.М.Федорова, ставшего позднее председателем Союза русских писателей и журналистов в Болгарии, А.Черного, Г.Росимова, *И.Северянина* («Люди ли вы?», № 7). В журнале появилась поэма М.Волошина «Китеж» («Вся Русь костер...»), напечатанная в советской России через два года с сокращениями. Поэт предсказал: «Они пройдут, расплавленные годы/ Народных бурь и мятежей:/ Вчерашний раб, уставший от свободы,/ Возропщет, требуя цепей./ Построит вновь казармы и остроги...» (№ 3. С. 3). И.Северянин опубликовал в первом номере журнала стихотворение «На смерть Собинова». В следующем номере редакция вынуждена была поместить заметку, опровергающую слухи о смерти великого певца.

Среди беллетристики — рассказы А.Дроздова, юмористический путеводитель по Европе «Кук для эмигрантов» Лери (В.В.Клопотовский), в котором можно прочитать: «Курорты. На курорты надо было ездить раньше, когда за русский рубль кланялись в пояс, а не били по физиономии. Теперь подождите. Питание. Европейцы едят разное. Англичане — ростбиф, итальянцы — макароны, французы — лягушек под провансалем, немцы — эрзацы, кто к чему привык, словом. Русские эмигранты питаются в Европе воспоминаниями, которые очень дороги. Развлечения. Любимыми развлечениями эмигрантов на чужбине считаются поиски заработка и хлопоты о визе» (№ 3. С. 8—9).

А.Н.Николюкин

«РУССКОЕ ВРЕМЯ» (Париж, 1925. 10 июня — 1929. 6 января) — ежедневная общественно-политическая газета. Название получила от двух газет умеренно-консервативной направленности — *«Русской газеты»* и (незадолго до того закрывшегося) «Вечернего времени»: их слияние и творческий союз главных редакторов — Бориса Суворова и Александра Филиппова — привели к созданию нового ежедневного издания. В редакторской колонке, открывающей первый номер, утверждалось: «Точно так же, как «Вечернее время» и «Русская

газета», «Русское время» будет неусыпно стоять на страже русских национальных интересов... будет продолжать беспощадную и непримиримую борьбу с большевиками, поработившими Россию, и со всеми их подголосками, к каким бы лагерям они ни принадлежали». Позиция газеты не претерпела заметных изменений и тогда, когда с 10 октября 1925 Б.Суворова на посту одного из редакторов издания сменил М.Ф.Полежаев (что не помешало тому до последних дней издания продолжать свое сотрудничество с газетой). С 5 июня 1926 в качестве бессменного руководителя газеты стал указываться один А.И.Филиппов. 4 ноября 1925 он отмечал 25-летний юбилей своей публицистической деятельности; среди тех, кто обратился к нему с приветственными речами, опубликованными в газете, — *А.Куприн*, Ю.И.Поплавский (отец поэта *Б.Поплавского*), *С.Горный* <Н.Оцуп>, *И.Шмелев*. Авторы издания резко реагировали на бесчинства, творимые большевиками; в основном же неудачи молодой власти в России воспринимались с усмешкой, при этом источниками информации служили не только сообщения корреспондентов «РВ», но и произведения советских писателей — М.Зощенко, П.Романова, К.Тренева, Вяч.Шишкова и др., перепечатываемые газетой. Видное место здесь занимала и сатира: среди авторов фельетонов — имена А.Куприна («Кифа Мокиевич» // 1925. 10 окт.), М.Первухина, С.Горного, А.Филиппова и др. С сатирическими куплетами выступал поэт-фельетонист *Lolo* (Л.Г.Мунштейн).

С 21 июля по 20 октября 1925 за подписью Раменской печатаются главы исторического романа «Степан Разин», в котором неприглядно рисуется образ вождя бунтовщиков. Почти весь 1926 в безымянном переводе в газете публикуется роман П.Сувестра и М.Аллена «Фантомас». Один из постоянных авторов «РВ» — Андрей Псковской: появляются его повести «Пророк» (1925. 29 июля — 2 авг.), «Лесная сторожка» (1925. 21 окт. — 8 нояб.), рассказы «Серебряная ложка» (1926. 14—15 июля), а также «В плену» (1925. 29 сент.), «Ветер» (1926. 30 янв.), «Ганимэ» (1926. 16 апр.), «Жар-птица» (1927. 1 янв.), «Летняя аллея» (1927. 29 июня) и др. Регулярно печатает в газете свои небольшие рассказы князь *В.Барятинский* — «Тортодром» (с посвящением А.Куприну; 1925. 23 июля), «Из уст младенцев» (1925. 15 авг.), «Дама с убеждениями» (1925. 27 сент.), «Негроблан» (1925. 11 окт.), «Тонкая психология» (1925. 1 нояб.), «Припадок честности» (1926. 6 янв.), «Ужасная месть» (1926. 27 февр.). Частый автор газеты — Е.Тарусский <Е.В.Рышков>: выступает как публицист и прозаик, автор рассказов «Свидание» (1925. 5 авг.), «Отец» (1925. 21 авг.), «Горничная» (1925. 12 дек.), «Его величество случай» (1927. 10 мая), «Разная психология» (1927. 9 авг.) и др. В качестве не только журналиста, но и прозаика и очеркиста проявляет себя М.Первухин: его перу принадлежит и резкая реплика «По справедливости» (1926. 19 сент.), направленная в адрес А.Луначарского и *М.Горького*, и «экзотическая» проза «Папирус жрицы Амен-Ра» (1925. 10—24 нояб.) и «Ясновидящий» Торакка» (1926. 22—24 марта), и очерки из регулярной газетной рубрики «Тени прошлого» (повествование об известной секте дыромолов «Дыромоляка» // 1926. 8 апр.), и ряд рассказов («Счастье» // 1926. 24 апр.; «Роковая женщина» // 1926. 19 мая), и неоконченная повесть, написанная на материале пореволюционной действительности, «Гордиев узел» (1925. 3 дек. — 1926. 11 февр.).

Неоднократно в «РВ» со своими произведениями выступал А.Куприн: рассказ «Сердолик» (1926. 25 окт.), лирическая медитация «Сны» (1926. 13 нояб.). В заметке «Новая книга» он пишет о сборнике *М.Осоргина* «Там, где был счастлив» (1929. 6 янв.), тепло вспоминает о поэте Константине Романове («К.Р.» // 1926. 27 мая); в жанре очерка размышляет о представлении оперы Доницетти «Фаворитка» (1925. 20 сент.), о цирке Г.Молье («Свободный цирк» // 1926. 10 июля). Один из таких его очерков — «Славяне», посвященный поездке писателя в Белград, был сопровожден очень теплым «Послесловием» Ю.Поплавского, одного из постоянных публицистов газеты. Среди других имен, появлявшихся на страницах издания — С.Горный (некролог «Умер поэт» о *Н.Агнивцеве* // 1925. 27 дек.), *Б.Лазаревский* (рассказ «Комната» // 1926. 10 янв.), А.Федоров (рассказы «У звериной стены» // 1925. 11—12 авг.; «Она и он» // 1925. 21 сент.; «Ланцов» // 1926. 30 июня), В.Фохт (исторический рассказ «Демон» // 1925. 15 окт.; очерк о графе Калиостро «Чародей» // 1925. 6 дек.), К.Парчевский, под рубрикой «Исторические рассказы»

опубликовавший свои «Два письма» (1925. 23 окт.), «Эпитафию» (1925. 18 дек.), «Вечернюю беседу» (1927. 15 нояб.). Поэзия была представлена стихотворениями А.Федорова (1925. 26 июля), Г.Рыбинцева (1927. 15 июня), *Д.Ратгауза* (1927. 5 окт.), поэмой А.Бурнакина («Россия» // 1927. 12 авг., «Европа» // 1927. 30 авг.). В статье «Бабушка русского нигилизма» (1925. 12 авг.), подписанной Ив.Небесных, книга мемуаров *З.Гиппиус* «Живые лица» подвергается критике с точки зрения ее правдивости, а не художественной ценности. В рубрике «Книжная полка» появились одобрительные отзывы о книгах *П.Краснова* «Единая-неделимая» и *И.Эренбурга* «Рвач» за подписью П.С-ъ. В полемике вокруг статьи К.Шендриковой «Русские в Америке» (1925. 29—30 дек.) приняли участие князь А.Голицын («Пессимизм неудачливой эмигрантки» // 1926. 19 февр.) и А.Курганов («Русские в Америке» // 1926. 4—5 марта).

С 1927 появился подзаголовок «национально-беспартийная иллюстрированная газета», и на время исчезло слово «ежедневная»: тяжелое материальное положение принудило издателей ограничиться воскресными выпусками. Только с 9 мая 1927 возобновились ежедневные выпуски газеты, однако с 1 января 1928 вновь пришлось вернуться к еженедельным номерам, пока неудача с подпиской в начале 1929 не принудила закрыть издание. Вынужденный статус еженедельника обусловил некоторое изменение литературной политики газеты: все меньше на ее страницах появляется художественных произведений, все больше предпочтения отдается небольшим статьям очеркового характера или фельетонам. 7 августа 1927 на одной странице появилось два очерка: «Маленькая эмигрантка» А.Пиленко и «Слепой» Ан.Вершховского, что соответствовало заявлению из рекламы газеты: «Особое внимание «Русское время» уделяет русской информации и эмигрантской жизни». Из крупных же «проектов» издания — публикация в 1927 цикла рассказов испанского писателя В.Бласко Ибаньеса в переводе *А.Белого* и отрывков из романа Ив.Коноплина «Последняя записка» (1927. 24—27 авг.), а в 1928 — исторического исследования А.Спиридовича «Петр Великий в Париже», построенного на материалах французских архивов. Недостаток художественных произведений восполнялся активизацией критического отдела газеты: С.Карцев в статье «Дни Турбиных». Белые офицеры в Москве» (1927. 9 окт.) не только рассказал о злоключениях М.Булгакова с публикацией и постановкой пьесы, но и дал ей весьма высокую оценку: «Тайна успеха Булгакова в том, что он нигде не расходится с правдой жизни» (с. 4). Валериан Светлов высоко оценил сборник рассказов одного из старейших беллетристов русской эмиграции *А.А.Плещеева* «Без ужасов» (1928. 16 дек.). Публицисты «РВ» все чаще выступали с полемическими репликами в адрес других периодических изданий русского зарубежья, прежде всего в адрес *«Дней»* и *«Возрождения»*. Было опубликовано анонимное открытое письмо М.Горькому «от его бывшего единомышленника» (1927. 11 дек.), призывающее писателя поднять свой голос против преступного большевистского режима, с которым «буревестник революции» все более сближался.

М.Г.Павловец

«РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» (Пекин; Харбин, 1920. Декабрь. № 1 — 1921. Январь—май. № 1—5) — литературный, научный и политический журнал. Первый эмигрантский «большой ежемесячный журнал» в Китае и зоне КВЖД («на берегах Тихого Океана», по определению редакции). Выходил при финансовой поддержке Русско-Азиатского банка и при участии Русской духовной миссии, предоставившей свою типографию. Редактором-издателем в первых номерах значился В.В.Носач-Носков, но начиная с № 3/4 за 1921 издателем выступила «Дальневосточная Лига свободы и прав человека», а в качестве редактора журнал подписывал Г.К.Гинс, бывший главноуправляющий делами Омского правительства, в эмиграции исполняющий должность экстраординарного профессора кафедры римского и торгового права Юридического факультета в Харбине (с 1 марта 1920), а в 1921—1926 — один из руководителей КВЖД. Однако смена руководства носила скорее формальный характер; Г.К.Гинс играл определяющую роль в журнале с момента его создания. Уже в первом номере его подпись стояла под заявлением «От редакции» рядом с подписью В.В.Носача-Носкова.

Перемены были обусловлены прежде всего возникшими организационными и материальными трудностями. Из Пекина издание № 3/4 было переведено в Харбин (№ 5 за 1921 уже вновь печатался в Пекине), а номер был «в целях удешевления отпечатан на газетной бумаге». Тем не менее весной 1921 некоторые изменения произошли и в направлении «РО». В первом номере редакция представляла его в виде «культурного» начинания, утверждая, что задача журнала — «приоткрыть перед глазами читателя обширный мир со всем разнообразием богатств его душевной жизни, вновь приобщить его к культуре потерянной и забытой, а вместе с тем извлечь из этой культуры все то, что нужно будет возрождающейся России» (с. VIII—IX). В новом редакционном заявлении, несмотря на утверждение, что «направление журнала остается прежним», на первый план выдвигалась уже идеология: «Главной целью его будет посильное освещение текущих событий с точки зрения передовых идей века, ознакомление с происходящими событиями и переменами в политической и культурной жизни народов и, наконец, содействие выработке идеологии, соответствующей тому великому сдвигу, который происходит под влиянием революции и ужасов гражданской войны». Придерживаясь демократических взглядов, Гинс активно полемизировал и со сторонниками реставрации, и с устряловскими идеями, отрицая возможность примирения с большевиками, отстаивал права русских беженцев в Китае.

В основу издания была положена традиционная структура дореволюционного «толстого» журнала — номер открывали художественные произведения, затем следовали статьи и корреспонденции, обозрения — экономическое и международных отношений, отдел библиографии и «политический дневник». Журнал, по замыслу его создателей, должен был стать для русских беженцев источником самой разнообразной информации — прежде всего политической и экономической. Но было очевидно, что привлечь читателей можно только за счет сильного литературного отдела. В журнале были опубликованы произведения А.Герасимова, В.С.Иванова, А.П.Нилус (Паркау), Евг.Яшнова, *Ю.Галича*, Г.Маслова, А.Жернаковой, из номера в номер печатался роман Л.Никитина из земской жизни дореволюционного периода «Сила земли». Недостаток материала восполнялся либо переводной литературой (Бласко Ибаньес, Карин Михаэлис), либо перепечатками из других изданий. Так, в 1921 в № 3/4 появилось стихотворение М.Волошина «Китеж» (из «*Русского эмигранта*»), а в № 5 — «Итальянские стихи» *И.А.Бунина* (из «Общего дела»).

Среди материалов, помещенных в литературном отделе, особо выделяются произведения «на грани» литературы и этнографии, авторы которых — супруги Иван Иннокентиевич и Александра Николаевна Серебренниковы, П.В.Шкуркин и др. — стремились познакомить читателей с историей, культурой, бытом, нравами Китая и Дальнего Востока. Создатели журнала подчеркивали «просветительскую» роль такой литературы, замечая, к примеру, в рецензии на книгу П.В.Шкуркина «Китайские легенды» (Харбин, 1921): «Смеем уверить читателя, что, прочитав «Китайские легенды» и «Белую Змею» того же автора, — он получит несравненно больше сведений о душе и внутренней духовной жизни китайца, чем если бы он прочитал несколько ученых, но сухих трактатов на ту же тему» (1921. № 3/4. С. 154). Из статей, помещенных в журнале, выделялись те, в которых анализировались взгляды писателей-философов, — «Характерная черта мировоззрения Л.Н.Толстого» Г.Гинса, «Л.Н.Толстой как философ» Н.Стрелкова (1921. № 1/2), «Константин Леонтьев о прогрессе» Л.Зандера (1921. № 5).

Значительное внимание «РО» уделяло событиям недавнего прошлого — главным образом, гражданской войне на Дальнем Востоке. В первом номере журнала были опубликованы «Воспоминания» председателя Совета министров и министра иностранных дел Сибирского правительства, а затем заместителя председателя Совета министров Временного Всероссийского правительства П.В.Вологодского. В том же номере появились и записки рядового участника событий, рассказывающего о «великом ледяном походе генерала Каппеля по Сибири» («Ледяной поход. Мемуары участника похода, капитана К.»). Негативно оценивается книга Е.Семчевской «Очерки из сибирского ледяного похода 1919—1920 гг.» (Шанхай, 1920), поскольку «содержание ее не соответствует исторической правде собы-

тий» (1921. № 1/2. С. 258—259). Многочисленные нарекания вызывают и мемуары В.Эч. (Черепанский В.П.) «Исчезнувший город. Трагедия Николаевска-на-Амуре» (Владивосток, 1920). По мнению рецензента, автор, не обладая литературной опытностью, разбрасывается, не может овладеть материалом: «Изложение его сбивчиво, часто загромождено ненужными и неинтересными деталями, в ущерб главному и существенному» (1921. № 5. С. 258). А появление книги И.Еловского «Голодный поход Оренбургской армии (Из воспоминаний участника похода)» (Пекин, 1921), рассказывающей об отступлении по киргизским степям армии Дутова после падения Актюбинска, Г.Гинс приветствует: «Из литературы, посвященной трагическому финалу гражданской войны в Сибири, брошюра Еловского единственная, которая спокойно, без пафоса, но с яркою волнующей и поражающей правдой, рисует мучения и бедствия, выпавшие на долю побежденных войск адмирала Колчака» (1921. № 3/4. С. 157). Рассказывается на страницах журнала и об объемном труде самого Г.К.Гинса «Сибирь, союзники и Колчак», первый том которого вышел в Пекине в 1921.

Руководители журнала прилагали значительные усилия для привлечения новых сотрудников, рассчитывали на тесное взаимодействие с эмигрантами в Европе, заявляли о готовности «гостеприимно предоставить свои страницы» всем, «не стесняя авторов заранее установленными границами» (1921. № 3/4. С. 2 обложки). Однако заручиться поддержкой «маститых» авторов так и не удалось. В основном для «РО» писали представители эмигрантской колонии в Китае, из других регионов на призыв о сотрудничестве мало кто откликнулся.

В библиографическом отделе журнала преимущественное внимание также уделялось «местным» — шанхайским, харбинским и пекинским изданиям. Рецензенты отстаивали принципы традиционной эстетики, выступали против крайне левых тенденций в искусстве. Отзыв о первом томе «Стихов» Варвары Статьевой, вышедшем в Шанхае в «Восточном книгоиздательстве «Даль» в 1920, был построен на противопоставлении ее ранних стихов, написанных в духе «добрых старых традиций, примерно, бунинской школы, с ясностью и чистотой стиха», произведений, насыщенных «туманной бальмонтовской символикой» и «кричащего футуризма» последних дней. «Произведения первого периода наиболее удачны в сборнике, не всегда хороши вторые, и вульгарно-пошлы и местами даже грубы третьи», — утверждал критик, подчеркивая, что творчество В.Статьевой «и невелико, и слишком интимно и хрупко, и оно может очень скоро остановиться на мертвой точке, придавленное треском пустых, барабанных слов, без жизни и души» (1921. № 1/2. С. 304—305). Увлечение *И.Северяниным* ставит рецензент в вину *С.Алымову* («Киоск нежности: Стихи». Харбин, 1920). Певец любви увлекается прежде всего ее грубой, внешней стороной, его стихи переполнены эротическими деталями, что, «вместе с чрезмерным увлечением автора манерностью и слащавой жеманностью выражений и образов, придает алымовскому сборнику стихов особый, специфический колорит». В сборнике немало красивых строк, четких образов, метких сравнений, но все теряется в безудержном словотворчестве, «в вязкой тине этих диковинных слов, среди этой галантно-помадной «поэзии». И все же включенная в сборник поэма «Облака» свидетельствует о том, что Алымов — «поэт милостью Божьей» (1921. № 5. С. 257—258). Именно «отрицательное отношение к внешнему формальному литературничанию и тяготение к органическому творчеству» привлекает Е.Яшнова и в литературных заметках критика харбинского журнала «Архитектура и жизнь» (1921. № 1, 2) В.Казанцева. «Русского читателя уже начинает тошнить от одеколонов футуризма и всякого манерничания, и так хочется вновь увидеть свежие прозрачные родники подлинной поэзии», — пишет Яшнов, отмечая, что первые номера нового журнала позволяют вновь проникнуться «атмосферой мирного художественного труда», «а это так порой необходимо для истрепанных беженских нервов» (1921. № 3/4. С. 156—157). Об изменении ситуации на дальневосточном «русском» книжном рынке, появлении большого количества новых изданий пишет критик в обзоре «Три альманаха» (1921. № 5. С. 251—254), рецензируя изданные в Шанхае альманахи Э.Магарама «Дальний Восток» (1920) и «Желтый лик» (1921) и 1-й номер ежемесячного журнала «На чужбине» (1920), который «не имеет ничего специфически жур-

нального и является, в сущности, альманахом». «Дальний Восток» и «Желтый лик» посвящены исключительно Китаю, но свою задачу они не выполнили. Благожелательно оцениваются лишь статьи самого редактора («он — единственный «писатель» в своих альманахах»), особенно рассказ «Рикша». В первом номере журнала «На чужбине» выделяются стихи Л.Лесной, рассказ П.Карелина; противоречивые чувства вызывает «Избранница» *А.Каменского*: «Не знаешь: смеяться или сердиться, читая эту нелепицу, написанную прекрасным языком...» В журнале были также помещены рецензии на первые номера *«Русского эмигранта»* (1920. № 1) и *«Русской книги»*. «Лучшие представители русской духовной культуры разобщены. Одни остались в Советской России, сознательно или случайно выпивая чашу до дна, другие рассеялись по миру. Хочется знать, прежде всего, кто жив, затем кто и что пишет, хочется уверовать, что русская мысль не умерла», — писал Г.Гинс о «Русской книге», подчеркивая, что помещенный в ней богатый справочный материал не просто представляет исключительный интерес, но и дает «моральное утешение». «Не сомневаемся, что это издание встретит большой, заслуженный успех, который позволит редактору в будущем расширить отдел литературных обзоров, с систематическим изложением тех новых идей, исследований и художественных произведений, которыми обнаруживается по-прежнему «душа великого народа» (1921. № 3/4. С. 157—159).

Д.Д.Николаев

«РУССКОЕ СЛОВО» (Харбин, 1926. 31 января. № 1 — 1935. 22 сентября. № 2894) — ежедневная газета. Редактор-издатель А.М.Спасский. С № 295 от 1 февраля 1927 — редактор-издатель А.И.Коробов, с № 1891, 1932 — издатель А.М.Дмитриев. Издание начато бывшими сотрудниками *«Русского голоса»*. Редакция газеты «РС» продолжала направление газеты «Русский голос». Использовались перепечатки из европейских эмигрантских изданий. Из местных авторов публиковались *Скиталец* (С.Г.Петров), являвшийся сотрудником газеты (проза, стихи, путевые заметки, критика), Дж.Грей (Г.Г.Сатовский-Ржевский), *А.Ачаир* (А.А.Грызов) и др. В 1935 газета была закрыта, о чем в газете *«Заря»* от 24 сентября 1935 редакция «РС» извещала своих читателей: «Вчера Департаментом полиции был объявлен издателю газеты «Русское Слово» А.М.Дмитриеву приказ, полученный от министерства внутренних дел Маньчжу-Ди-Го, о закрытии газеты «Русское Слово» на основании 30 закона о печати. От издателя А.М.Дмитриева отобрана подписка о прекращении дальнейшего выхода газеты, начиная с 23 сентября».

О.А.Бузуев

РУССКОЕ СОРРЕНТО (1924—1933). С середины 1920-х и до начала 1930-х итальянский городок Сорренто на берегу Неаполитанского залива стал местом притяжения русских писателей и деятелей искусства. 23 апреля 1924 сюда приехал *М.Горький* с семьей и близкими (М.И.Будберг, художником И.Н.Ракицким), 9 октября к ним присоединилась литературная чета — *В.Ф.Ходасевич* и *Н.Н.Берберова*, пробывшие здесь полгода (до 18 апреля 1925). В Сорренто к Горькому потянулись писатели и художники, главным образом из советской России. Первые годы к нему приезжали из России лишь немногие представители творческой интеллигенции: в 1925 — художник П.П.Кончаловский, режиссер и театровед П.А.Марков, драматург Н.Р.Эрдман, режиссер В.Э.Мейерхольд и др. В 1925 и 1926 у Горького побывали люди, уже «получужие» для советской страны: оказавшийся в эмиграции *П.П.Муратов, М.А.Осоргин, Вяч.Иванов*. Хотя Горький и не являлся эмигрантом, с начала 1927 его упрекали за слишком затянувшееся заграничное житье: тогда резко прозвучало стихотворение В.Маяковского «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому». Как признавались Ходасевич и Берберова, затишье и безлюдье не были свойственны дому Горького, здесь почти постоянно кто-то гостил: если не писатель или художник, то музыкант, певец, ученый, дипломат, — велись творческие диалоги и полемика. Здесь встречались люди разных творческих индивидуальностей, что было взаимно интересно, на какие-то моменты пересекались творческие биографии, рождалось «литера-

турное Сорренто». В Сорренто делались попытки «навести мосты» между «двумя берегами» культуры, все расходящимися, хотя Горький и сам был втянут в процесс резкого, конфликтного размежевания с конца 1920-х. Драматическая сложность событий соррентийских лет описана В.Ходасевичем, опубликовавшим воспоминания о Горьком в эмигрантской прессе вскоре после его смерти (СЗ. 1937. № 63. С. 264—292; переизд.: Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания. Брюссель, 1939; Париж, 1976; далее цит. по изд.: Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4). Воссоздание реалий литературного Сорренто дала и Н.Н.Берберова, также их непосредственная свидетельница, но в позднейших прозаических произведениях: «Курсив мой. Автобиография» (впервые на английском языке в 1969; далее цит. по изд.: М., 1996) и в документальном романе «Железная женщина: Рассказ о жизни М.И.Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» (впервые: N.Y., 1981; рус.изд.: М., 1991).

Для Горького, как и для Ходасевича с Берберовой, конец 1924 — начало 1925 были переломным периодом. В их отношениях — человеческих и творческих — главными были взаимоприятие и заинтересованность друг другом. Особенность момента заключалась в том, что все они были перед выбором. Ходасевичи еще не стали эмигрантами, а Горький не решался вернуться в СССР. Ходасевич вспоминал: «Я приехал в Сорренто и застал Горького на положении человека опального. Полпредство, недавно учрежденное в Риме, игнорировало его пребывание в Италии. Его переписка с петербургскими писателями откровенно перлюстрировалась... В советских журналах о Горьком отзывались весьма скептически... Сам Алексей Максимович говорил о большевиках с раздражением или с иронией: либо «наши умники», либо «наши олухи»... Однако, когда в Сорренто приехал лечиться московский писатель Андрей Соболь, Алексей Максимович при нем считал нужным носить официальную советскую маску» (Ходасевич. С. 365). В деловом общении Горького и Ходасевича главным оставался журнал *«Беседа»*, задуманный еще в Берлине как попытка «сочетать эмигрантскую и советскую литературу» (Берберова. С. 221).

В свой «соррентийский период» Ходасевич переживал кризис. «...Сколько ни пробую писать, — замечал он в письме к Вяч.Иванову, — ничего не выходит... «кризис формы» корнями уходит, конечно, глубже...» (Минувшее. М., 1991. № 3. С. 265). Написанные тогда три стихотворения «Соррентинские заметки» (ПН. 1925. 23 авг.) в последующие собрания стихов не включал. В последний поэтический сборник Ходасевича «Европейская ночь» вошло, однако, стихотворение «Соррентинские фотографии», начатое в марте 1925 и законченное в феврале 1926. В Сорренто написан самый ранний из вошедших позднее в «Некрополь» мемуарных очерков Ходасевича «Брюсов». Как мемуарист Ходасевич считал недостойной «погребальную лесть» и говорил только правду. Горький оценил очерк о Брюсове, прочитанный ему автором, так: «Жестоко вы написали, но — превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне» (Ходасевич. С. 182).

Для Берберовой «соррентийский период» был во многих отношениях значительным. Не случайно жизненные впечатления и решения этой поры стали основой ее прозы зрелых лет: «Курсив мой» и «Железная женщина». «Вблизи Горького» Берберова обретала опыт переводческой работы: ее переводы печатались в «Беседе», ей принадлежала часть переводов на русский писем Роллана к Горькому. Со злой иронией относясь к этой уникальной переписке, Ходасевич сообщал М.О.Гершензону в декабре 1924: «каждые две недели присылает он <Роллан> Горькому по письму, в котором, захлебываясь от саморекламы, ораторствует о Творчестве и Горизонтах. И все это в необыкновенно цветистых метафорах... Несчастная Берберова, обливаясь потом, старается все это переводить так, чтобы французская Красота по-русски не обнаружила своего Пустословия... Этим ужасным ремеслом она зарабатывает свой Хлеб!..» (De visu. 1993. № 5. С. 38). Однако непрерывный обмен письмами с Ролланом был для Горького и его соррентийских друзей фактом большого значения. Переписка писателей развертывалась как обсуждение двух русских революций в их сопряжении с проблемами гуманизма и культуры (См.: Горький М. и Роллан Р. Переписка (1916—1936). М., 1995. (Архив А.М.Горького; Т. 15).

Вместе с Максимом Пешковым, сыном Горького, Берберова занималась домашним рукописным журналом «Соррентинская правда», пародировавшим советскую и эмигрантскую печать. В нем принимали участие все «русские соррентийцы». Максим Пешков его иллюстрировал, сопровождая тексты шутливыми и карикатурными зарисовками. Берберова вспоминала, что здесь появились отрывки из ее первого прозаического замысла «Романа в письмах»: «Письма писались от лица девочки... которая жила в доме Горького, куда на огонек заходили Тургенев и Пушкин. Все вместе гуляли, и обедали, и играли в дурачки с Достоевским...» (Берберова Н. С. 224).

Полудневниковые записи Горького о Ходасевиче, сделанные вскоре после его отъезда в Париж, свидетельствуют не только о сложности его отношения к младшему современнику, но и пристальности внимания, высокой оценке таланта. Не приемля негативизма Ходасевича («Вне поисков «цветов зла» ум его ленив» // Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты. М., 1977. Т. 5. С. 694—695), Горький тут же оговаривал и неоспоримую ценность личности поэта и критика, продолжая вести с ним полемический диалог: «Хочет, чтоб люди боялись злого ума его... В общем же — человек весьма интересный. Ко мне относится покровительственно и снисходя к «уродствам духа» моего. Находит, что я слишком «люблю верить». «Соррентийские итоги» в творческом воссоздании Ходасевича и Берберовой оказались значительными. И воспоминания Ходасевича, и главы «Курсива», связанные с Горьким, — лучшее среди многочисленных мемуарных зарисовок Сорренто и Горького тех лет. Художественное зрение их авторов, как и свобода от цензурных ограничений, сохранили подлинные черты творческой жизни писателя: раскованность его общественной и культурной позиции. В частности, об этом Ходасевич писал: «...свои рассказы случалось ему читать вслух сквозь слезы, но, когда спадало это умиленное волнение, он требовал критики, выслушивал ее с благодарностью и обращал внимание только на упреки, пропуская похвалы... Нередко он защищался, спорил, но столь же часто уступал в споре, а уступив — непременно садился за переделки и исправления. Так, я его убедил кое-что переделать в «Рассказе о тараканах» и заново написать последнюю часть «Дела Артамоновых» (Ходасевич. С. 180—181). Мемуарный облик Горького на страницах «Курсива» — менее всего воссоздание прошлого. «Портрет» Горького представляет у Берберовой органическую часть ее «романа пути»: «...между 1921 и 1925 годом он не поучал, он писал с максимумом свободы, равновесия и вдохновения... Он написал семь или восемь больших рассказов как бы для себя самого, это были рассказы-сны, рассказы-видения, рассказы-безумства. «Артамоновы» оказались схождением с этой плоскости вниз, к последнему периоду...» (Берберова. С. 226).

Свои краски в творческую жизнь Сорренто вносили и приезжавшие художники. В октябре 1926 здесь были молодой художник Борис Шаляпин, сын певца, а также Н.А.Бенуа и *Б.Д.Григорьев*. В 1925 и 1928 подолгу у Горького гостила художница Валентина Ходасевич. В 1918 она написала портрет Горького в экспрессионистической манере. В 1928 Горького посетил С.Т.Коненков, сделавший его скульптурный портрет. В 1930 в Сорренто почти пять месяцев прожил художник Ф.С.Богородский, позднее называвший это время «лучшим» в своей жизни. В 1931, благодаря хлопотам Горького, состоялась поездка в Италию молодых художников-палешан братьев П.Д. и А.Д.Кориных. Весной 1932 Павел Корин писал в Сорренто один из поздних портретов писателя. Однако, в официальных советских оценках 1930-х коринский портрет за непарадность и драматичность облика писателя подвергался почти единодушной критике (Морозов А.И. Конец утопии: Из истории искусства в СССР 1930-х гг. М., 1995. С. 153). Осенью 1932 Горький, возвращаясь из очередной поездки из СССР в Сорренто, пригласил с собой художника В.Н.Яковлева. Он, вспоминая позднее о совместных с Горьким посещениях музеев, картинных галерей, старых церквей, когда они были проездом в Берлине, а затем в Неаполе, подчеркивал, что писатель «поражал... широтой своих интересов» (Яковлев В.Н. Мое призвание. М., 1963. С. 88).

Убедительные свидетельства творческого единения с Горьким во время работы над его портретом остались в дневниковых записях Б.Д.Григорьева (Григорьев Б.Д. Страницы из дневника. Февраль—март

1926 // Горький и художники: Воспоминания. М., 1964). Художник еще в 1919 «горел» желанием писать Горького. Григорьева интересовали «Детство», очерк Горького «О русском крестьянстве», где он находил выражение «русскости», отношение к «низовой» («звериной») стихии народной жизни. В марте—апреле неаполитанские газеты помещали фотографии с портрета. Он выставлялся на XV «Бьеннале» в Венеции, получил широкую известность. Горький не однажды называл его своим лучшим портретом.

Русское Сорренто в 1927 и 1928 также совмещало творчество — Горького и «других» — со многими встречами, обширной перепиской. Как и раньше, были обсуждения литературных событий, споры вокруг недавно написанного. В одном из июльских писем 1927 Е.С.Короленко, вдове писателя, Горький сообщал: «Живу я — в работе, нигде не бываю, сижу за столом 10—12 часов... бывают у меня люди из России, люди разных настроений, но рассказы всех будят только зависть... к тому, что они живут в России» (Горький М. Соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 532). В 1927 у Горького побывали Л.Леонов и В.Катаев, Анастасия Цветаева и Б.М.Зубакин, поэт и философ-мистик, сначала очень заинтересовавший, а потом разочаровавший писателя (Корреспондент М.Горького Б.М.Зубакин // Минувшее. М.; СПб., 1996. № 20). Вскоре Л.Леонов писал: «Первое впечатление от Горького: неистребимая способность заражаться интересами и настроениями молодых, и еще — благословенная, юношеская жадность к жизни. Я видел у него на столе все наши журналы от «Красной нови» до «Батрачки» (Леонов Л. Публицистика. М., 1976. С. 5). Осенью с Горьким встречались Б.Волин, Н.Асеев, О.Форш. В письме Груздеву Горький 30 ноября сообщал: «Живется мне интересно, ибо приехала Форш» (Архив А.М.Горького. М., 1966. Т. 11. С. 151). 12 декабря он ему же писал: «Форш уехала. Я с ней немножко поспорил по вопросу о Боге, который, на мой взгляд, стесняет ее. Живет здесь Асеев, превосходно читая свои и чужие стихи» (Там же. С. 153). О важности для себя соррентийских впечатлений Форш не однажды потом писала Горькому (ЛН. М., 1963. Т. 70). Асеев описал свою зарубежную поездку в книге путевых очерков «Разгримированная красавица» (М., 1928). Горький резко отрицательно отозвался о ней в статье-рецензии «О двух книгах» (Известия. 1928. 18 сент.) (Ревякина И.А. М.Горький «и другие»: литературные диалоги в Сорренто // Русская словесность. М., 1997. № 5).

В 1928 в феврале в Сорренто были поэты И.Уткин, А.Жаров, А.Безыменский. Жарова поразила органическая связанность Горького с современной отечественной литературой: «Сидя в Сорренто, он знает о нашей новой литературе, не говоря о западной, больше любого из наших писателей... Он прочитывает очень много даже книжек второстепенных. Знает авторов, только что начавших писать. Говорит о них любовно и жадно ищет у всех нового, отмечает с радостью все талантливое» (У Горького // Бакинский рабочий. 1928. 26 мая).

Важная тенденция переписки Горького со многими литературными критиками и писателями — противостояние политике диктата и окрика, «соображениям узкогрупповых интересов», как скажет он в статье 1932 «По поводу одной полемики». Это на первом плане его переписки с А.К.Воронским как руководителем «Красной нови», с А.Фадеевым, Л.Л.Авербахом и др. Так, в один из самых напряженных моментов групповой борьбы среди рапповцев Горький писал Авербаху: «Афиногенов говорит, что Вы уже раздерганы вдребезги... Я писал хозяину <И.В.Сталину>: нельзя ли несколько угасить страсти? Дело в том, что существует огромное количество крайне важной работы и сражаться с Серафимовичем — я не знаю, насколько сие полезно» (Примочкина Н. Писатель и власть. М.Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1996. С. 125).

В конце 1920-х, как и раньше, но уже при очевидной затрудненности, через Сорренто проходили непрекращающиеся связи с «другим берегом» культуры. В пребывании у Горького О.Форш, А.И.Цветаевой, евразийцев П.П.Сувчинского и *Д.П.Святополка-Мирского* были и особые «потаенные» стороны, оглашать которые, как потом писал Ходасевич, было не в их интересах. Это проявилось и в очерке А.И.Цветаевой о зарубежной поездке 1927 («Из книги о Горьком» // Новый мир. 1930. № 8/9). Только через десятилетия, в начале 1960-х, вернувшись к прежней теме, писательница смогла сказать нечто именно о сопряжен-

ности, вопреки резкости расхождений, двух «миров» русской культуры. Зашифрованность ее мысли прочитывалась в двойном названии и фактически двойном портрете, который представлял собой новый вариант очерка: «Поездка к Горькому. Встреча с Мариной» (Цветаева А. Воспоминания. М., 1983. С. 643—708). «Странная» горячность горьковского расположения к младшей сестре, несомненно, обусловлена была впечатлениями от ее «детски-ясной», «хорошей» настроенности, такой близкой ему: «он — бытийной струи. Чистой, движущейся, радующейся!» — так воспринимала его Анастасия Цветаева (Там же. С. 670). Но была в их общении и надежда на встречу с Мариной — с «иного берега». Встреча эта не состоялась, но тяга к ней была «фактом» связи двух разошедшихся миров русской культуры.

На рубеже 20-х и 30-х Горький не раз заявлял позицию противостояния эмиграции. Один из самых болезненных примеров — полемика вокруг «письма писателям мира» «группы русских писателей» о «тюрьме для слова» в СССР, о преследованиях писателей. Этот «крик, раздавшийся из России», услышанный только эмиграцией, встревожил Р.Роллана. Горький на его запрос о подлинности письма заявил, что оно фальшивка, а писатели в СССР свободны и работают более успешно и плодотворно, чем до революции (опубликовано в мартовском номере «L'Europe» за 1928). И тем не менее это была, прежде всего, политическая позиция. Культурные же притяжения Горького к жизни русской эмиграции неизменно присутствуют в творческих исканиях, интересах писателя рубежа 20-х — 30-х. В переписке с И.А.Груздевым он часто упоминает о литературных и общественных событиях на «том берегу». 23 января писатель сообщал: «В Париже — шум, гремят витии... Милюков грызет *Гиппиус*. Удивительно усердный старик» (Архив А.М.Горького. Т. 11. С. 166). Нередко Горький пересылал Груздеву, зная о его интересах к исследованию русско-европейских связей, вырезки из эмигрантских, а также итальянских газет по тем или иным вопросам. Среди дневниковых записей конца 20-х намечается целая серия эскизных зарисовок представителей русской эмиграции: *А.А.Яблоновского*, В.Ф.Ходасевича, *Б.Савинкова, С.С.Юшкевича, Д.С.Мережковского*, А.П.Кутепова (См.: Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты. Т. 5. С. 687—716).

О постоянном внимании Горького к эмигрантской периодике, выходу в Париже новых книг упоминает в «Курсиве» Берберова. Показательно ее свидетельство о том настоящем потрясении, которое Горький пережил, прочитав только что появившуюся «книгу последних рассказов» *Бунина*: «Все было оставлено: работа, письма, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку вышел с опозданием и в такой рассеянности, что забыл вставить зубы... — Понимаете... замечательная вещь... замечательная... — больше он ничего не мог сказать, но долго после этого он не притрагивался ни к советским новинкам, ни к присланным неведомыми гениями рукописям. Бунин был в эти годы его раной: он постоянно помнил о том, что где-то жив Бунин, живет в Париже, ненавидит советскую власть (и Горького вместе с нею), вероятно — бедствует, но пишет прекрасные книги и тоже постоянно помнит о его, Горького, существовании...» (Берберова Н. С. 218). Интерес Горького к эмиграции был связан и с главным творческим трудом писателя соррентийских лет — «Жизнью Клима Самгина». Поставив задачу показать в романе-хронике идейную «суматоху» начала XX в., писатель не мог пройти мимо новых проекций тех исканий, которые определились в своей сложности на рубеже веков. Так, в личной библиотеке Горького сохранились с его пометами эмигрантские издания книг *Б.П.Вышеславцева* и *Н.А.Бердяева*. Известно, что к эмигрантским воспоминаниям Горький обращался при воссоздании исторического колорита и реалий в «Жизни Клима Самгина» (к кн. *В.В.Шульгина* «Дни». Белград, 1925). О Горьком — большом писателе и друге Италии — писали в его соррентийскую бытность Грация Деледда, Сибилла Алерамо (очерк «С Горьким в Сорренто» вошел в ее книгу «Случайные радости», 1930), М.Пуччини (русские переводы см. в кн.: Груздев И. Современный Запад о Горьком. Л., 1930). На итальянском языке выходят «Детство», «В людях», «Пьесы», «Трое», «Бывшие люди», «Заметки и дневники. Воспоминания», первый том «Жизни Клима Самгина». Одним из первых, кто приезжал к писателю в Сорренто, был. проф. Римского университета, славист Ло Гатто. С ним связывала Горько-

го также переписка. В июле 1924 Горький писал Е.П.Пешковой, прося прислать три только что вышедших книги Л.Леонова: «Я тут затеваю широкую информацию Италии о русском искусстве, главным образом о литературе, т.е. не я, а Ло Гатто» (Архив А.М.Горького. М., 1966. Т. 9. С. 237). Общение с Горьким раскрывало итальянскому исследователю панораму развития русской литературы 20-х. Это получило отражение в ряде номеров издаваемого им тогда журнала «Россия» («Russia»). Через «русское Сорренто» происходило расширение культурных связей России, здесь стало возможным сближение разнообразных сторон русской литературы 1920 — начала 1930-х.

И.А.Ревякина

«РУСЬ» (Берлин, 1920. № 1 — № 2. Январь—февраль) — ежемесячный литературно-иллюстрированный журнал. Издатель журнала Е.Я.Архипов, редактор А.Сумской. В помещенном на форзаце первой книги предуведомлении говорилось: «Приступая к изданию журнала «Русь», мы не задавались никакими особенными целями, кроме старинного желания дать иллюстрированный беллетристический орган на родном языке оторванным от родины русским». В центре первых двух книг журнала — любовный «иллюстрированный роман» «Завет», подписанный псевдонимом Пиковая Дама и сопровожденный рисунками, близкими по стилю к комиксам. Обзор творчества *Л.Андреева* предпринял в статье-некрологе М.А.Рогальский (№ 1); С.Кучеров изложил сюжет нового романа Анри Барбюса «Огонь» (№ 1). Издание пестрит псевдонимами: первый номер журнала предлагает читателям рассказ «Любовь» за подписью А.И.К., рассказ «Дима» М.Т-е, а также стихи Г.Е., М.В. и Вани, второй номер — стихи С.К. и Senex, а также переводы Б.П. из Г.Гейне и стихи не ставшего скрываться за инициалами поэта Григория Ярхо. Г.Брейтман, плодовитый автор криминальных романов, выступил в первом номере с рассказом о сыщике Лешинском «Сверхъестественное происшествие». Второй номер предлагает также сказку А.Сумского «Буарет» (о ребенке из племени людоедов), рассказ И.Пестрицкого «Гизела» и начало повести Багенского «Вчера», очерк И.Шушина «Батаиха», рассказывающий о том, какие люди приходят к власти на местах в советской России, а также статью П.Щеголева о творчестве художника *Б.Григорьева.*

М.Г.Павловец

С

«САТИРИКОН» (Париж, 1931. 4 апреля — 15 октября. № 1—28) — сатирический еженедельный журнал, издатель-редактор — М.Г.Корнфельд. Продолжил традиции своих предшественников: издававшихся в Петербурге сатирических еженедельников «Сатирикон» (1908—1914) и «Новый Сатирикон» (1913—1918). Издателем первого из них тоже был М.Г.Корнфельд, сплотивший вокруг журнала молодых писателей и художников, среди которых были *А.Аверченко*, А.Радаков, *Саша Черный*, *П.Потемкин*, Н.Ремизов, А.Яковлев, *Н.Тэффи* и др. Журнал сыграл в русском дореволюционном обществе «неожиданную для сатирического издания роль», создав, по словам П.Потемкина, «направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху» (ПН. 1925. 15 марта).

Судьбы сатириконцев оказались разными: А.Аверченко, Н.Тэффи, Саша Черный, П.Потемкин, *В.Горянский*, Н.Ремизов, А.Яковлев, *Дон-Аминадо*, *С.Горный* и др. эмигрировали. А.Радаков, В.Князев, В.Воинов, Б.Жиркович, Е.Венский, И.Гуревич, Г.Ландау остались на родине. А.Бухов, издававший в Каунасе газету *«Эхо»*, впоследствии вернулся в Россию, но был репрессирован в 1930-х. Такая же участь постигла В.Князева.

Эмигрировал и издатель «С» М.Г.Корнфельд. Обосновавшись в Париже, он решил воскресить полюбившийся России еженедельник. Так появился на свет третий, парижский, «С». По замыслу редактора, это было издание, «нисколько не отличающееся от своего прототипа» (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 11). На обложке первого номера А.Шарый (псевдоним *Ю.Анненкова*) изобразил российского эмигранта возле Эйфелевой башни. Тщедушный, но с одухотворенным лицом, с маленьким саквояжем, на котором красуются наклейки: «Тула—Москва—Берлин—Париж», со связкой книг Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, он напоминал чеховского героя. Подпись под рисунком это подтверждала: «Мы отдохнем, дядя Ваня! Мы увидим небо в алмазах... Мы услышим пение ангелов над собою...»

Так был задан тон новому изданию, далеко не созвучному прежним, несмотря на заверения редакции об их духовной близости. В редакционном предисловии к № 1 говорилось: «Я, Божьей Милостью «Сатирикон» Первый, сын Кая Петрония и внук Минервы, рожденный в Древнем Риме еще при старом режиме, но изгнанный, как обычно, и возникший вторично — на Неве, на Фонтанке, недалеко от Охранки, несмотря на каковую лил струю живую, но не думайте дурного, а в лучшем смысле слова, пока не был изгнан снова! По декрету Владимира Ильича в припадке прогрессивного паралича. И ныне на рубеже столетий я, Первый, Второй и Третий, меж молний, как гром весенний, возникаю опять на Сене не душкой, а злым уродом и иду на вас походом».

В первом номере редакция поместила стихотворение Саши Черного «Сатирикон» («Над Фонтанкой сизо-серой») и статью, посвященную памяти А.Аверченко и П.Потемкина. Отдав должное предшественникам, сатириконцы попытались заменить их на поприще политической сатиры. В стихотворениях Дон-Аминадо (иногда под псевдонимом К.Страшноватенко), *С.Рафаловича*, В.Павлова, фельетонах *А.Амфитеатрова* громко зазвучала антибольшевистская тема. Высмеивая советскую действительность, эти авторы обыгрывали тему болезни В.И.Ленина, невежество большевистских политиков, провалы экономической политики, гримасы нового быта.

Оторванные от родины, авторы парижского «С» могли судить о жизни в СССР только понаслышке. Поэтому в фельетонах и юморесках чаще всего использовались газетные новости. В.Азов в фельетоне «Коловращение времен» сопоставлял петроградскую жизнь красного вождя Л.Троцкого и его эмигрантские будни. Теоретик «перманентной революции», мечтающий зажечь революционный пожар во всем мире, теперь смертельно боится огня в собственном

доме (№ 2. С. 3). Юмор положений преобладает в «С» над комизмом характеров и сатирической типизацией. Темы советской жизни в основном раскрываются с помощью сопоставления ситуаций: старое и новое.

Дон-Аминадо чаще прибегает к пародийному пересказу, используя при этом стилистику советской печати. Рассказывая о подготовке Международной колониальной выставки в Париже, он сетует, что «советская аллея» может пройти через Венсенский лес. В изображении Дон-Аминадо вся советская жизнь — сплошная комедия, действующие лица которой — буйно и тихо помешанные. Иной тональностью отличается желчная сатира Саши Черного, напоминающая его дореволюционные произведения из цикла «Всем нищим духом». В «Сказке про красного бычка» он изображает Советскую Вотчину, в которой нет места веселью. Под его безжалостным пером возникает образ России времен политических процессов над «вредителями». Первая пятилетка в изображении Саши Черного — «пошехонский, планетарный шиш». Ее крахом он объясняет возникновение политических процессов и гонение на интеллигентов, которых он именует Святыми Дурнями. Поэт убежден, что азиатчина власти в России все та же, что и сотни лет назад, когда татары пировали на живом помосте из пленных русских.

Однако ни Саша Черный, ни туповатый Антиной Килькин, высмеивающий решения XII съезда Советов, ни легкомысленный К.Страшноватенко (Дон-Аминадо), ни С.Сергеев, ни Ф.Гургулин, ни В.Павлов в политической сатире не поднимались до высот подлинного искусства. Исключение составили талантливые карикатуры А.Шарого и подписи к ним. Начиная с № 5 в «С» появилась портретная галерея «К уразумению смысла русской революции», графика и мастерство исполнения которой столь же выразительны, как в известных «портретах» Ю.Анненкова. Образы советских политических и общественных деятелей, писателей и публицистов, составившие эту галерею, комически снижены, окарикатурены. В кривом зеркале сатиры А.Шарый увидел А.В.Луначарского, Н.К.Крупскую, двух наполеонов: К.Ворошилова и С.Буденного, проткнувших земной шар штыком. Остроумные подписи усиливают сатирическое разоблачение. Потрет наркома просвещения А.В.Луначарского сопровождается стихотворным шаржем: «Он Аполлон. Он Феб. Он Анатолий. Он драматург. Поэт. И беллетрист. Он наш Фоблаз. Он наш король Павзолий. И вообще большой социалист».

Не менее выразительны портреты Демьяна Бедного, сидящего перед пепельницей, сделанной из головы Некрасова, наркома торговли А.И.Микояна, бросающего на чашу весов серпы и молоты, и, конечно, «факира» И.Сталина, превращающего СССР в рай с помощью «тайн красной магии». В № 9 помещена карикатура под заглавием «Универсальный план». На ней изображена Россия, истекающая кровью, т.к. ее пронзил серп в виде цифры 5. Подпись пародирует речь Сталина: «Россия может исчезнуть, но пятилетка должна быть выполнена на все 100%». В № 16 А.Шарый изображает Сталина, поливающего из лейки последнего нерасстрелянного «спеца». Так выражается его забота о сохранении ценных кадров. Колоритны портреты генерального прокурора республики Советов Крыленко на фоне морга и крематория, матроса Дыбенко в кабинете под портретами Ленина и двух обнаженных девиц или наркома иностранных дел М.М.Литвинова, закладывающего бомбу под столом на заседании Лиги наций в Женеве.

Другая портретная галерея, тоже принадлежащая Анненкову, называется «К уразумению смысла русской эмиграции». Ожесточенные споры о миссии и предназначении российской эмиграции, характерные для 1920-х, к 1931 заметно утихли, а на страницах «С» стали звучать откровенно юмористически. Веселый смех вызывают русские изгнанники, плывущие на лодке по Сене мимо Собора Парижской Богоматери с разудалой песней «Вниз по матушке, по Волге». А.Шарый именует их «неисправимыми». Эти же неисправимые оптимисты, вспоминая доброе старое время, вздыхают: «Кабы Волга-матушка да вспять побежала, / Кабы можно, братцы, жизнь начать сначала!» В карикатуре «Воспоминанья прежних дней» они же упиваются звуками шарманки: «Разлука ты, разлука, чужая сторона». Главный герой журнала — плачущий Илья Ильич Обломов, который оплакивает букву «ять». Дореволюционная Москва возникает то на старых фотографиях, то в рубрике «Семь дней «Сатирикона», то в рисунках

М.В.Добужинского «Города и годы». Воспоминанья прежних дней звучат как навязчивый, постоянно присутствующий в «С» мотив. Советский Кремль если и появляется на страницах журнала, то только для того, чтобы напомнить о каком-нибудь «новом кощунстве» большевиков. Таков вид Кремля от Спасской башни, под которым пояснение: «Вдали виден обреченный на слом храм Христа Спасителя». Сатириконцы постоянно пользуются образами из популярных произведений русских классиков, перепевами известных строк Некрасова, Чехова, Гоголя, Тютчева. Чеховский мотив, но уже во французской оркестровке, возникает на обложке № 12 «С» («А.Чехов и А.Ситроен»), а тютчевская строка «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» сопровождает рисунок А.Шарого: солидный банкир раскуривает сигару от пламени мирового пожара.

Горестная или светлая самоирония постоянно присутствует во всех произведениях сатириконцев, посвященных эмигрантской жизни: в рассказах *А.Ремизова*, Саши Черного, *А.Ладинского*, в рассказах и стихах В.Горянского, Дон-Аминадо, в очерках *Вл.Ходасевича* или «Мемуарах эмигрантской бабушки» Н.Городецкой. Смысл существования русской эмиграции все больше сводился к сохранению старой культуры и быта. Поэтому в журнале значительное место отводится зарисовкам дореволюционной России в рубриках «Города и годы», «Гримасы большого города», «Москва» (рисунки Ф.Рожанковского, М.Добужинского, Б.Зворыкина).

Желчные сатиры и политические фельетоны соседствуют на страницах «С» с философскими ламентациями, лирическими или пейзажными зарисовками. Нагляднее всего эту тенденцию можно проследить в творчестве Саши Черного и В.Горянского. В стихотворении «Семь чудес света» Саша Черный славит землю, наслаждаясь общением с птицами, животными, деревьями в медонской чаще. Природа отвлекает его от мыслей о политике, о тесной парижской квартирке, где приходится «свой хлеб насущный жевать с колбасою». Светлая ирония сменяется доброй улыбкой и полудетской проказливостью. Не удивительно, что Саша Черный то и дело обращается к детской теме: то в воспоминаниях об Одессе, то в рассказе «Буба», то в стихотворении «На Трубе», где воскресает во всей своей жизненной ощутимости птичий рынок на Трубной площади в Москве.

Приметы старого быта не менее дороги сатириконцам, чем чудеса природы. Тема быта, заслонившего собой бытие, постоянно присутствовала в петербургском «С». В Париже с сатириконцами произошло обратное: все детали старого русского быта окрасились романтическим ореолом. То, что раньше было источником ядовитого осмеяния, превратилось в предмет любования и грусти о былом. На фоне скудного эмигрантского житья-бытья даже расписная чашка для сметаны стала казаться символом мечты. Это особенно характерно для творчества В.Горянского, мечтающего, чтобы «паутинки счастья» сплелись, наконец, в ткань, согревающую душу. Его сатириконские произведения окрашены чувством ностальгии («Ушел российский быт, домов зияют окна»). Горький опыт эмигрантских скитаний заставил переоценить само понятие «мещанское счастье». Его атрибуты — канарейка, герань, крутобокий сундук и, конечно же, самовар — приобретают не сатирическую, а романтическую окраску. Идеалом Горянского становится Хозяин «с холщевым зонтиком в руке». Поэт любовно живописует предметы домашнего обихода, где каждая вещь напоминает о незыблемости традиций, о крепости и жизнестойкости старой Руси. В стихотворении «Да будет!» он заклинает: «Да будет все, что раньше было!»

Та же тоска о прошлом слышится в стихотворениях Дон-Аминадо, развивающего в № 10—20 темы весны, любви, зеленого рая на берегу моря, бездумного летнего отдыха («Человек с чемоданом», «Простые желания», «Морской рассказ» и др.). Его герой — маленький человек, кочующий по Европе с парусиновым чемоданчиком и большой связкой книг. Он мечтает жить в лесу отшельником, как некогда герой Саши Черного, подражавший лейтенанту Глану. Но жестокая действительность возвращает к реальности. Как и Горянский, поэт обращается к воспоминаниям о безвозвратно потерянной России. Все, что было на родине, кажется ему исключительным и неповторимым. Время от времени Дон-Аминадо, попытавшийся заменить в парижском «С» А.Аверченко, вспоминает об обещании редакции разоблачать зло и бичевать прови-

нившихся. Он обращается к эмигрантам с призывом забыть прошлое и жить настоящим. Тем не менее большая часть номеров журнала заполнялась рассказами о том, что было. В «Анекдотической копилке» с подзаголовком «Доброе старое время» А.Амфитеатров вспоминал курьезные случаи из жизни знаменитостей: Ф.Плевако, В.Чернова, *Д.Мережковского, З.Гиппиус*, М.Ковалевского, В.Ключевского, А.Кизеветтера, *П.Пильского. Г.Иванов* печатал анекдоты и шутки 1910—20-х в юмореске «Непрофессиональная юмористика», А.Черный в стихотворении «Кукуруза» смаковал давно забытые запахи бессарабского базара. Уразумение «смысла русской революции» привело сатириконцев к переоценке ценностей, которая свелась, главным образом, к оправданию быта.

В ряде номеров парижский «С» отдал должное дискуссии о языке, которая велась на страницах эмигрантской печати с 1920-х. Сатириконцы охотно пародировали искаженную неологизмами речь большевистских лидеров, ударников, писателей. Полемизируя с советской прессой, «С» печатал выдержки из «Красной газеты», из произведений Ю.Либединского и Б.Пильняка, приглашал на прогулку «по садам советской словесности» (№ 10). Однако собственная речь русских в эмиграции, обильно оснащенная архаизмами, смешанная с французскими, немецкими, английскими словами и оборотами, тоже нередко делалась предметом насмешки.

Развивая традиции своих предшественников, сатириконцы выпустили несколько тематических «специальных» номеров: «колониальный» (№ 15), «купальный» (№ 19), посвященный дням русской культуры (№ 8). В первом из них рассказывалось о международной колониальной выставке в Париже. В центре номера красовалась карикатура А.Шарого, изображающая негра, держащего в зубах «Азбуку коммунизма» и сочинения Ленина. Здесь же Черный подробно описывал свое посещение выставки, по которой он ходил «со сконфуженной улыбкой». Все материалы номера объединялись одним политическим мотивом — разоблачением «колониальной политики» Сталина и критикой пресловутого советского демпинга. Диссонансом звучали лишь юморески Дон-Аминадо, выступившего в номере под тремя разными псевдонимами. Более удачным оказался летний «купальный» номер. Остроумный рассказ В.Горянского «История с пузырями» дополнялся рисунком А.Шарого из серии «К уразумению смысла русской эмиграции», а рассказ Дон-Аминадо «В поисках высоты и уровня» — лирической сатирой А.Черного «У моря». Но в целом тематические номера парижского «С» не достигали даже среднего уровня нашумевших «специальных» номеров дореволюционного журнала. Так, выпуск, посвященный дням русской культуры, заполняли пародии на производственные рассказы и перепевы произведений Некрасова, Д.Бедного, О.Генри. Недостаток материала побудил сатириконцев начать с № 5 перепечатку романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Что касается коллективного романа «Экспедиция сатириконцев на колониальную выставку», он так и не продвинулся дальше третьей главы.

Наиболее заметным явлением в журнале можно назвать пародийные рассказы господина Тощенко, которые принадлежали Валентину Горянскому. Начиная со второго номера, он систематически печатал свой «Альбом пародий», так и не вышедший в свет отдельным изданием. Выступив под маской господина Тощенко, писатель не просто напомнил читателям о существовании талантливого советского писателя М.Зощенко. Пародийный перепев был способом разоблачения всемирного обывателя. Герой Горянского — рядовой эмигрант, пытающийся хоть как-то выделиться из толпы. Он рекомендуется как поклонник науки и искусства, знаток жизни и даже философ. Вместе с тем он вовсе не похож на «вымирающий осколок» российской интеллигенции, о котором писала советская печать. По словам Горянского, он даже страдает от своей веселости. «Эмигрант должен быть подавлен гибелью просвещенного абсолютизма. И ходить понуро», — уверяет он (№ 11. С. 2). Господин Тощенко добродушно посмеивается над собой и окружающими, над несуразной судьбой, нечаянно забросившей его в Париж.

Интонации живой разговорной речи, способ типизации при создании образа-маски с помощью речевого сказа, ощутимый иронический тон — все это напоминает творческую манеру М.Зощенко в «Рассказах Назара Ильича, господина Синебрюхова» или в «Веселых рассказах». Образ

рассказчика у Горянского столь же колоритен, как у Зощенко, но ориентирован не на советскую действительность эпохи нэпа, а на жизнь эмигрантской колонии с ее скудным бытом и глобальной переоценкой ценностей.

Среди пародий и эпиграмм, которым «С» уделял немало места на своих страницах, выделяется остроумный «Литературный альбом» Л.Эндена. В нем были представлены шаржированные портреты виднейших деятелей эмиграции. А.М.Ремизов рекламировался как «Махатма Ганди из Пасси и автор «Взвихренной Руси». О *Г.В.Адамовиче* говорилось: «Он судит зло, но беспристрастно, / И не опасен в смысле зла. / Но в Адамовиче опасно / Не осужденье, а хвала».

Не уступал «Литературному альбому» в остроумии «Симфонический альбом» А.Шарого. Одним из его перлов был фотомонтаж, изображающий С.Рахманинова в экстазе творчества: «Руками громы извлекаю, Ногой педали нажимаю, Я — Рах! Я — Мах! Я — Ни! Я — Нов!» Подписи под рисунками А.Шарого и Л.Эндена были, как правило, анонимны. По свидетельству М.Корнфельда, под «анонимом» следовало разуметь «плод коллективного творчества» (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 11). На страницах «Литературного альбома» выступал порой А.Амфитеатров, который «не в обиду, а любя» пародировал *А.Алданова, Г.Газданова, Н.Рощина*, В.Сирина (*Набокова*), *Н.Берберову* и др., подписываясь собственным именем. Не чуждался пародий и Дон-Аминадо, высмеивая «Солнечные рассказы» советского писателя Д.Четверикова, опереточные спектакли и клубные инсценировки («Сон кооператора», «Мудрый младенец»).

По словам Корнфельда, «на долю «Сатирикона», третьего по счету, выпал большой и заслуженный успех» (там же). Действительно, уровень и мастерство комического были достаточно высоки в произведениях маститых сатириконцев, сохранивших прежние традиции (А.Черного, В.Горянского, Дон-Аминадо и др.), а также в рассказах А.Ремизова, М.Алданова, Г.Адамовича (Ата-Троль) и др. Иногда в журнале выступали писатели и поэты, для творчества которых сатира и юмор были не характерны. Так, В.Ходасевич напечатал в «С» одно-единственное произведение, посвященное дню русской культуры в Париже («Подслушанные разговоры»). Эпизодическим оказалось и участие З.Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний. В фельетоне «Проклятые вопросы» она утверждала, что лично для нее существует только один проклятый вопрос: почему в эмиграции «все наши писатели талантливы»? (№ 25. С. 4). Иронию Гиппиус, прозвучавшую в этом фельетоне, можно понять: на страницах «С» не раз появлялись бесцветные, маловыразительные произведения, незамысловатые шуточки и просто старые анекдоты.

Пытаясь соперничать с Аверченко, Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович) Шполянский выступал в парижском «С» под разными псевдонимами: Дон-Аминадо, К.Страшноватенко, Апоплексий Барбаросский, С-о, Маргарин Пармский, Антиной Килькин. Не исключено, что ему принадлежат и некоторые из нераскрытых псевдонимов: Ф.Сурдинкин, Чарли Цаплин, Робин Гуд, Кривой Джимми. Он же составлял разделы «Волчьи ягоды», «Перья из хвоста» и «Почтовый ящик». Но в отличие от аверченковских, псевдонимы А.П.Шполянского не индивидуализированы и не скрывают устойчивой сатирической маски.

Редакция пыталась привлечь к сотрудничеству не только старых сатириконцев и известных писателей, но и литературную молодежь, проявившую себя, главным образом, в эмиграции: А.Ладинского, Н.Берберову, *И.Одоевцеву*, Н.Городецкую и др. Но, выступив в журнале один или два раза, они больше не появлялись на его страницах. Со временем становилось все труднее составлять номера «С», и, хотя была объявлена подписка на 1932, его последний номер вышел в октябре 1931. Едва ли не половина 27 номера состояла из произведений самого редактора, подписавшегося К.Страшноватенко, Дон-Аминадо, Апоплексий Барбаросский. Это свидетельствовало о нехватке материала и финансовых затруднениях. В воспоминаниях «Поезд на третьем пути» Дон-Аминадо писал: «Бился в этом, третьем «Сатириконе» живой пульс, и отличное было у него кровообращение, и мог бы он жить и жить, а вот что-то около года просуществовал, а потом взял да помер. Друзья говорили — денег не хватило, враги говорили — юмор был, а юмористов как кот наплакал. Плакал он, очевид-

но, недолго, и сдается мне, что на этот раз враги были правы» (с. 343).

Ноты пессимизма и обреченности, прозвучавшие в последних номерах, неоднократно слышались в парижском «С». Вместо «краснощекого юмора» на его страницах поселился невеселый эмигрантский смех, окрашенный налетом ностальгии. Несмотря на уверения редакции и внешнее сходство, третий «С» не был копией своих предшественников. И в этом его главное достоинство. Он остался в истории журналистики единственным сатирическим органом, отразившим в своем кривом зеркале жизнь русского Парижа. Несмотря на свою недолговечность, журнал, по выражению *Р.Гуля*, можно рассматривать как «послание для будущего, эстафету для будущего» (Глэд Дж. Беседы в изгнании. М., 1991. С. 40).

См. также: Иванов А. Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 208—219.

Л.А.Спиридонова

«СВЕТЛИЦА» (Гельсингфорс, 1930—1940) — литературно-художественное и философское объединение. Инициатор создания — бывший офицер штаба Российского Императорского флота, капитан 2-го ранга Павел Федорович фон Светлик. В 1924 он организовал литературно-философский кружок для творческой интеллигенции из числа российских эмигрантов, обосновавшихся в Гельсингфорсе. Раз в неделю друзья капитана Светлика собирались в его гельсингфорсской квартире, чтобы обсудить прочитанные книги русских классиков, писателей русского зарубежья и советской России. В дальнейшем из их круга выделилась группа гуманитариев, решивших заниматься культурно-просветительской деятельностью на постоянной основе. Новое общество назвали содружество «Светлица», при этом подчеркнув, что наименование происходит не от фамилии одного из основателей, а означает светлую парадную комнату, в которой происходили заседания членов объединения. В 1930 «С» была официально зарегистрирована как коллективный член самой крупной русской общественно-благотворительной организации «Русская колония в Финляндии», имевшей большую культурно-просветительную секцию. Наиболее активный период деятельности общества относится ко второй половине 1930-х, когда его президентом стала *В.С.Булич*. «С» по сути дела возглавила работу по сохранению и развитию русского культурного наследия в Финляндии, популяризации знаний о русской литературе, упрочению русско-финских духовных связей; стала центром общения русской интеллигенции в столице Финляндии. Членами содружества в разное время были: известные в русской колонии юрист и журналист Ю.А.Григорков, литературный критик Л.М.Линдеберг, литературовед и лингвист М.Б.Виднэс, инженер и музыковед О.Г.Парланд, инженер и журналист Б.Е.Новицкий, правовед В.В.Семенов, литератор П.Л. фон Светлик, художники Г.П. фон Светлик, А. фон Шульц, К. фон Шульц, публицисты и общественные деятели В.Ю.Буш, М.Н.Веригин, Г.Тимрот, Э.П.Вилькен, В.В.Дроздович, Э.Бэкман, М.Ю.Лерхе, П.К.Ховинхеймо, литературовед профессор Б.П.Сильверсван. Некоторые из них (Булич, Григорков, Новицкий) входили в правление русского академического объединения в Гельсингфорсе, возникшего в 1931 в связи с празднованием 175-летия Московского университета с целью объединения российских ученых-эмигрантов, вузовских преподавателей, оказания им материальной помощи и проведения культурно-просветительной работы среди русского и финского населения Гельсингфорса. Заседания содружества проходили раз в неделю, сначала в арендованной комнате Русского клуба общества «Русская колония в Финляндии», а с 1937 также в помещении русского молодежного объединения «Звено». Большим успехом пользовались «светличные» литературно-музыкальные вечера, на которых члены общества и гости выступали с докладами о русской и зарубежной литературе, истории музыки, философии, юриспруденции, а приглашенные музыканты исполняли произведения русских композиторов. Наиболее удачными были вечера, посвященные симфоническому искусству П.И.Чайковского (октябрь 1934), памяти Л.Н.Толстого (ноябрь 1935), творчеству Н.С.Гумилева (январь 1937). Высокий профессионализм отличал лекции и доклады В.С.Булич о современной финской лирике, Б.П.Сильверсвана о литературе итальянского Возрождения, М.Б.Виднэс о творчестве *И.Эренбурга*,

Л.М.Линдеберга о современной русской лирике, П.Ф. фон Светлика о философских проблемах в русской литературе, Б.Е.Новицкого «Личность и общество», О.Г.Парланда о музыке немецкого романтизма. Раз в год проводились отчетные собрания, после которых устраивались дружеское чаепитие и концерт с участием русских и финских певцов, музыкантов, артистов-декламаторов, читавших русскую лирику. Члены «С» (В.Булич, П.Л.Светлик, Ю.Григорков) представляли свои новые произведения. Событием в русской культурной жизни Гельсингфорса стала выставка русской книги, организованная по инициативе «С» в сентябре 1933 с целью «показать работу русской мысли за рубежом за пятнадцать лет в разных областях знаний» (*Журнал содружества*. 1933. № 9. С. 20). Среди участников выставки были известные русские зарубежные издательства: «Петрополис» (Берлин), «Пламя» (Прага), «Дом книги» (Париж), представившие свои лучшие издания прошлых лет и новые книги. В июне 1935 члены общества приняли активное участие в сборе пожертвований на памятник *Л.Н.Андрееву*. Неизменным было участие «светличников» в Днях русской культуры, проводимых обществом «Русская колония в Финляндии» каждую весну с 1928 по 1940, среди которых наиболее интересными были признаны Дни памяти Н.В.Гоголя (27 мая 1934), Н.А.Римского-Корсакова (19 мая 1935), А.С.Пушкина (февраль—апрель 1937).

В конце 30-х условия для плодотворной, организованной деятельности в области русской культуры в Финляндии стали ухудшаться. Большая часть русской творческой интеллигенции разъехалась по другим странам рассеяния, не выдержав материальных лишений, усилившихся антирусских настроений, растущего равнодушия русского населения к культурным начинаниям. Вера Булич, тяжело переживавшая за судьбу «С», писала 15 ноября 1938 своему другу, поэту, художнику из Ревеля Карлу Гершельману: «Жизнь у нас в Гельсингфорсе нынче какая-то очень вялая — я имею в виду наше литературно-художественное содружество «Светлица». Собираемся раз в две недели, но нынче никто и докладов делать не хочет, так что приходится прибегать к чтению, чтобы заполнить вечер. Правда, создана наша светлица несколько по Крыловскому подобию: «Лебедь, рак да щука» и пр., так что общие интересы найти трудно. Отсутствие притока новых людей тоже, конечно, играет немалую роль» (Рукописный отдел славянской Библиотеки Хельсинкского университета). Вере Булич не удалось остановить угасание «С», и к началу 1940 общество перестало существовать.

Л.А.Еськина

«СВОБОДА» — см. **«ЗА СВОБОДУ!»**

«СВОБОДНАЯ РОССИЯ» (Ревель, 1919. 26 августа — 16 сентября. № 1 — № 19), **«СВОБОДА РОССИИ»** (Ревель, 1919. 18 сентября — 1920. 13 июня), **«ЗА СВОБОДУ РОССИИ»** (Ревель, 1920. 24 июня — 26 августа. № 1 — № 23) — ежедневная газета, вынужденная дважды менять свое название. Подзаголовок — «Литературно-политическая газета. Орган независимой демократической мысли». Формальным ответственным редактором газеты «Свободная Россия» был А.Н.Троицкий, реальным — Г.Л.Кирдецов. Ответственными редакторами газеты «Свобода России» были В.К.Тронесневский, Э.Я.Вейман, М.Я.Вейман, фактически же — Б.В.Дюшен. Ответственным редактором газеты «За свободу России» числился Э.Я.Вейман. Газета «Свободная Россия» возникла как официоз белого Северо-Западного правительства, сформированного в Таллине 10—11 августа 1919. Газета последовательно проводила линию Северо-Западного правительства, одного из наиболее либеральных и демократических «белых» правительств. Хотя газета признавала независимость Эстонской республики, тем не менее ее отношения с эстонскими властями были весьма сложными. 16 сентября 1919 газета была закрыта по распоряжению министра внутренних дел Эстонии. Через день после закрытия газета возобновила выпуск под несколько измененным названием «Свобода России», продолжая линию своей предшественницы. В декабре 1919 после поражения Н.Юденича под Петроградом и отступления его войск в Эстонию Северо-Западная армия и Северо-Западное правительство прекратили существование. Газета «Свобода России» стала органом левонастроенных русских в Эстонии с новым редактором — Б.Дюшеном —

во главе. Позиция газеты не без основания была расценена эстонскими властями как пробольшевистская, и 23 июня 1920 по распоряжению военных властей «Свобода России» была закрыта, а ее редактор Б.Дюшен арестован и выслан из Эстонии. На следующий день вместо нее стала выходить газета «За свободу России», которая продолжала ту же линию, что вызвало новое закрытие газеты эстонскими властями, уже окончательное, — 26 августа 1920. Из известных писателей в газете короткое время в конце 1919 печатался *А.Куприн*, которому позиция газеты была чужда. Из его публикаций выделяется ироническая антиутопия «Речь, сказанная товарищем Лениным в торжественном заседании 25-го октября 1924-го года...» (1919. 22 нояб.). С рассказами и «очерками с фронта» выступал Гавриил Елачич де Бужим. В 1920 основными авторами рассказов и очерков на страницах газеты были К.Башкиров, Л.Павлович и Н.Негорев, описывающие будни и трагедию Белой армии. Во многих рассказах (особенно Алексея Вершинина) проявилось критическое отношение к ее верхушке, к ее действиям. В них силен мемуарно-документальный элемент. Рассказы чаще всего выдержаны в традиционном реалистическом стиле. Изредка появлялись и статьи на литературные темы; некоторые из них (в частности, статьи приват-доцента Тартуского университета Сергея Штейна) имеют и историко-литературное значение. Иногда появлялись рецензии на эстонские спектакли и концерты.

С.Г.Исаков (Эстония)

«СВОБОДНОЕ СЛОВО» (Ревель, 1921. 17 апреля — 31 октября. № 1 — № 161) — «ежедневная демократическая национальная газета», указывалось в подзаголовке. Выходила на средства местного богача Т.Цицикова. Ответственные редакторы — А.П.Махотина, В.Т.Белов, И.Г.Томсон. Облик газеты определял писатель Вадим Белов, длительное время редактировавший ее. Программа газеты: «Объединение всех русских людей без различия партий и убеждений для осуществления общего дела, освобождения России от диктатуры меньшинства (откуда бы она ни исходила, справа или слева) и восстановления на родине истинной свободы и справедливости для всех» (Белов В. Первый шаг // 1921. 17 апр.). В ряде выступлений можно заметить черты, близкие к формирующемуся сменовеховству (Белов В. Белое похмелье // 1921. 20 окт.). В.Белов все более склонялся к признанию советской власти и стал призывать эмигрантов возвращаться на родину. Вскоре после закрытия газеты он уехал в советскую Россию, где выпустил две книги: «Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность» (Пг., 1922; книга написана в Таллине в январе—марте 1922) и «Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время» (М., 1923). В газете на потребу массовому читателю публиковались «кинороман» В.Белова «Вверх дном», детективные романы Н.Кариочи «Лиловый локон» и его продолжение «По преступным следам», коллективный роман трех авторов — В.Белова, В.Гущика и Н.Кариочи — «Женщина с подмостков». Вместе с тем на страницах газеты часто выступал *Игорь Северянин* (9 оригинальных стихотворений и 14 переводов из эстонской поэзии — из Х.Виснапуу, Г.Суйтса, М.Ундер, А.Алле), публиковались стихи Вл.Гущика, Б.Свободина, Е.Глазенапп, Т.Солнцевой, супруги Игоря Северянина Фелиссы Круут и др. Из Каунаса присылал фельетоны Аркадий Бухов, одновременно печатавший их и в своей каунасской газете *«Эхо»*, из Риги — Михаил Миронов (псевдоним М.Цвика). С рассказами выступали В.Белов и В.Гущик, который вскоре стал одним из ведущих русских писателей в Эстонии. Общая направленность публикаций — традиционно-реалистическая. Опубликована большая статья молодого, рано скончавшегося поэта А.Готвилля (псевдоним А.А.Баиова) «Литература и революция» (1921. 20—23 июня), посвященная наблюдениям над русской литературой 1917—1921, статья Г.Тарасова «О мгновенном творчестве» (1921. 21 июля) — о характере современного театра и кино, а также статья Л.П. (по-видимому, Л.Павловича) «Александр Блок (1880—1921)» (1921. 30 авг.). В газете была рубрика «Библиография», регулярно печатались театральные рецензии (Г.Тарасов, А.Г. — видимо, А.Готвилль).

С.Г.Исаков (Эстония)

«СВОБОДНЫЕ МЫСЛИ» (Париж, 1920. 20 сентября — 1921. № 1—12) — еженедельная общественно-политическая и литературная газета. Издание, редактором которого стал *И.М.Василевский* (Не-Буква), мыслилось как продолжение одноименной петербургской газеты, издававшейся с 1907, поэтому первый его парижский выпуск вышел под № 1424, а рядом с названием было помечено: «Petrograd—Paris XV-e année». Выходя по понедельникам, «СМ» как бы заполняли собой место не выходящих в этот день *«Последних новостей»*. Редакция не публиковала никаких манифестов и заявлений, однако ее позицию выражают слова Б.Мирского в публицистическом очерке «Когда вернемся» (1920. 20 сент.), посвященном судьбам русской эмиграции: «Мы вернемся. Может быть, даже скоро. Но строить и творить будут, быть может, они, которые остались, — оправдывая апокалиптическое прорицание «спасутся оставшиеся».

Специфика литературного раздела газеты во многом была обусловлена тем, что ряд ее авторов — бывшие «сатириконцы»: в каждом номере появлялись фельетоны, подписанные *Дон-Аминадо* («О птицах» // 1920. 27 сент.; «О веселых щелкоперах» // 1920. 1 нояб.), *Н.Тэффи* <sic!> («Две встречи» // 1920. 20 сент.; «Радуются» // 1920. 18 окт.; «Генерал и неизреченное» // 1920. 25 окт.), печатал свои рассказы из будущей книги «Дюжина ножей в спину революции» и фельетоны *А.Аверченко* («Масоны» // 1920. 20 сент.; «Русская сказка» // 1920. 11 окт.; «Преступление» // 1920. 25 окт.), в новой, еще не обычной для него лирической манере выступал *Саша Черный* (цикл «На чужбине» // 1920. 27 сент.; «Богема» // 1920. 25 окт.), наконец, публиковал свои карикатуры Ре-Ми (Н.В.Ремизов).

В статье «Земщина больших бульваров» (1920. 11 окт.) Б.Минский выступил против обосновавшегося на берегах Сены черносотенства (как русского, так и местного). Публикации в газете не отличались «единомыслием». Например, 27 сентября 1920 было опубликовано резкое открытое письмо *И.Бунина* редактору газеты «Таймс» «Суп из человеческих пальцев», о письме *Горького* Уэллсу по поводу людоедства в России. В целом же отношение к М.Горькому в издании было более чем терпимое: с защитой его от нападок эмигрантской печати выступил И.Василевский (Не-Буква) в фельетоне «Эмигрантская злость» (1920. 1 нояб.), а Б.Соколов разъяснял позицию писателя в очерке-интервью «Беседа с М.Горьким» (1920. 1 нояб.). Луначарского, с чьей помощью ему удалось покинуть пределы России, *К.Бальмонт* защищал в статье «Друзьям и врагам» (1920. 1 нояб.). В «СМ» появилось несколько поздних стихотворений Бальмонта. Выступили на страницах газеты со стихами и Дон-Аминадо, *Н.Минский*, *И.Северянин*, Тэффи. *А.Куприн* опубликовал шутливое переложение песни «Правь, Британия» (1920. 11 окт.) и «трагический водевиль в 1-м действии» под названием «Дядюшкин подарок, или Руки вверх, карманы наружу» (1920. 20 сент.), среди героев которого — Ллойд Джордж. В очерке «Смыкание кольца» (1920. 27 нояб.) Куприн сопоставил военные режимы Павла, Николая I и большевиков. Из других известных до революции писателей на страницах газеты появился *А.Н.Толстой* со сказкой «Алена».

С ноября редакцией «СМ» задумывалось проведение русских вечеров «Наши понедельники» «при участии всех лучших литературных и критических сил России». Предполагалось, что программа будет достаточно широкая: «русская поэзия, литература, музыка, песня, танцы» (1920. 1 нояб.). Первый «понедельник» был посвящен памяти *Л.Андреева* («Вечер о России»). См. также: Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989; Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991.

Продолжение газеты «СМ» под тем же названием и под ред. И.Василевского вышло в Берлине в 1921 (№ 1, 2).

М.Г.Павловец

«СВОИМИ ПУТЯМИ» (Прага, 1924. Октябрь—ноябрь — 1926. Июнь. № 1/2—12/13) — литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Пять номеров журнала вышли с грифом: «Издание Русского демократического студенческого союза в Чехословакии» и под ред. Н.А.Антипова, *А.А.Воеводина*, А.К.Рудина, С.Я.Эфрона. Ответственный редактор журнала Ю.Пак. В редакционной статье, намечавшей программу издания, говорилось: «Мы демократы и патриоты. И потому мы за возрождающую-

ся Россию и против ее сегодняшней власти. Наш патриотизм выкован борьбой за Родину, и его горение поддерживается тем, что мы знаем — Россия все-таки есть!» (№ 1/2. С. 1).

Ф.Степун в своем письме, адресованном С.Я.Эфрону и опубликованном на страницах журнала, находил глубокие совпадения между лагерем «отцов» и лагерем «детей», идущим «своими путями». Он подчеркивал, что в его «Мыслях о России» также поставлены «тема Родины, как онтологического начала, и тема недостаточности ощущения этого начала в рядах революционной демократии» (1925. № 3/4. С. 25). Ф.Степун писал: «...проповедь культурного братания между эмигрантским и советским фронтом... представляется мне весьма желательной. С самого начала своего пребывания в эмиграции я бьюсь над разрешением этой же проблемы. *М.А.Осоргин* стучится в ту же дверь. Уверен, что общими усилиями мы добьемся желанных результатов» (там же). «Культурное братание», ставшее одной из доминантных идей журнала, было начато в статье А.Осокина «Грозовые всходы» (№ 1/2, 5) о «красной» и «буржуазно-меньшевистской» молодежи в России. Автор обзора «По советским журналам», подписанного инициалами А.Т., утверждал, что провозглашение особого пролетарского искусства, «как невежественного утверждения полуграмотности на развалинах былого великолепия, вопреки вульгарному мнению, не является характерным для художественной жизни Советской России в целом», а взгляд на настоящую эпоху как на переходную, трагическую, но необходимую и открывающую «вход в новую эру», не представляется плодом больной фантазии (№ 1/2. С. 17).

России был посвящен № 6/7 (май—июнь 1925). Поэзия была представлена стихотворениями С.Есенина, Н.Тихонова, Н.Асеева, Л.Лесной, а проза — рассказом Вс.Иванова «Дите», отрывком из повести А.Яковлева «Терновый венец», рассказом М.Зощенко «Аристократка» и «Воздушными путями» Б.Пастернака. В статье «Мысли о современной русской литературе» *А.Бем* высказал идею о бессмысленности деления литературы на «эмигрантскую» и «советскую», ибо существует единый русский литературный язык. Кто не слышит современности, утверждает критик, тот не будет никогда большим писателем. Однако необходимо отличать сегодняшнее от современного: «у «сегодняшнего» — нет измерения во времени, оно умирает завтра, а «современное» живет во временных масштабах эпохи» (с. 20). А.Бем предложил разделение литературы «вчерашнего» и «сегодняшнего» дня и отметил, что «вчерашних» писателей можно найти и в эмиграции, и среди живущих в России, так же как в эмиграции безусловно есть свое литературное «сегодня», хотя оно ярче и определеннее сказывается в России. Очень не благоприятны условия, в которых приходится работать и пробиваться молодому писателю за границей. Часть вины здесь и на тех, полагает критик, «кто так восторгается молодым и талантливым в России и так глух к молодому и часто столь же талантливому здесь, у себя под боком» (№ 6/7. С. 22). *А.Туринцев* в статье «Поэзия современной России» выделяет трех поэтов — Пастернака, Есенина и Тихонова. Пастернак вне времени, но больше — для будущего; он мыслит чувством, каждое впечатление стремится дать «таким, какое оно есть в момент, когда человек, окунаясь в жизнь, слушает себя», а каждую «былинку, каплю влаги дает как микрокосм, в котором полное дыхание и вся загадка бытия» (№ 6/7. С. 25). Основная тональность поэзии Есенина — широкое, но элегическое приятие всего земного («в радости убогой») под знаком его тленности — перебивается взрывом бунта. Другая «излюбленная струна его лиры» — Родина, Русь. Есенин — хулиган, скандалист, бунтарь по-русски сочетается в одно с Есениным тихим и религиозным, порывающимся к Божеству. Бунт поэта, утверждает критик, неизбежно вспыхнул бы в нем во всякое время, но на нем — печать современности: «дисгармоничная эра революции в сплаве с дисгармонией личной придает схватке двух миров в драме Есенина значение общей изживаемой реальности» (Там же. С. 26). Боец, скупой повествователь о многотрудных днях войны, Тихонов просто, без натуги явил ее лик, показал, как закаляются души в повседневности подвига, вскрыл психологию обреченности и одиночества людей, многие годы живущих под знаком смерти. Все сетования на оскудение русского поэтического слова несправедливы, если поэзия отвечает такими крупными именами, делает вывод А.Туринцев.

Литературная часть журнала традиционно открывалась стихами. Здесь были опубликованы: «Хвала богатым» и «Эмигрант» *М.Цветаевой*, «Пересветы» *К.Бальмонта*, стихотворения *И.Кнорринг* и молодых поэтов, входивших в пражский литературный кружок *«Скит поэтов»*. Имена всех кружковцев были представлены в журнале. Это — А.Туринцев, *С.Рафальский*, Н.Болесцис, А.Фотинский, *Б.Семенов*, *Хр.Кроткова*, Р.Спинадель. Их руководитель А.Бем в статье «Скит поэтов» (№ 12/13) заметил, что объединяло всех не единство литературных симпатий, а желание выявить свою поэтическую индивидуальность, не втискивая ее заранее в ту или иную школу. Читатели журнала также могли познакомиться с творчеством участников Союза молодых поэтов в Париже: *В.Андреева, А.Гингера, Д.Кнута, А.Ладинского*, С.Луцкого и *Ю.Терапиано*.

В журнале были опубликованы рассказы М.Иванникова «В степи», Н.Болесциса «Случай из жизни мистера Вальдтона», *Г.Газданова* «Гостиница Грядущего», С.Долинского «Предел», *Н.Еленева* «Гость», *Б.Сосинского* «Устирсын», И.Тидемана «Концы», кн. К.Чхеидзе «Повесть о Дине», С.Эфрона «Видовая», А.Воеводина «Корпусное заведение», фельетон Евг.Недзельского «О маятнике мод, Млечном Пути и беспощадном крыле», исторический анекдот *И.Каллиникова* «Как царь вором был», а также рассказ К.Чапека «Трое» (пер. И.Каллиникова). При этом № 12/13 журнала в большей своей части был посвящен произведениям молодых писателей и поэтов русского зарубежья. В статье «Парижские молодые поэты» Ю.Терапиано сочувственно и заинтересованно обращался к творчеству *Б.Божнева, В.Познера*, В.Андреева, Д.Резникова, С.Луцкого, А.Гингера — поэта «своеобразного и острого», «одаренного от природы слухом, глазом и внутренней музыкой» (№ 12/13. С. 45). Критик отметил близость поэзии Ант.Ладинского творчеству О.Мандельштама, а Д.Монашова — поэзии С.Есенина; он выделил и библейскую торжественность Д.Кнута, натолкнувшегося на «клад религиозно-лирического подхода к Высшему», и своеобразный, «темный», «предчувствующий значение вещей» язык поэзии *В.Мамченко* — постоянное стремление поэта проникнуть к «познанию космических проблем» (там же). Среди молодых поэтесс Ю.Терапиано отметил *А.Присманову*, И.Кнорринг и Н.Борисову. Весьма критически отозвался о молодых поэтах, печатавшихся в журнале, *И.Бунин*, назвавший их «пражскими комсомольцами» (В. 1926. 22 июля).

На тему «Русские писатели о современной русской литературе и о себе» высказались: *М.Алданов, А.Ремизов*, Ф.Степун, М.Цветаева, *Е.Чириков, И.Шмелев, Б.Зайцев*, Д.Крачковский, *С.Минцлов, М.Слоним, В.Ходасевич*. М.Алданов заметил, что деление литературы по географическому рубежу советской России неправильно и основано на случайности. Вопрос о том, что хуже: рабство или изгнание, каждый решал посвоему, часто в зависимости от случайных обстоятельств. «Из двух зол нужно выбрать меньшее; я не думаю, что о своем выборе должны пожалеть писатели-эмигранты. Они все продолжали здесь делать свое дело и не одна книга, написанная за границей, останется в истории русской литературы» (1925. № 8/9. С. 4). А.Ремизов высказал пожелание, чтобы русские писатели «научились у здешних больших мастеров и, не спеша, сделали бы образцы русской литературы» (с. 5). Ф.Степун подчеркнул, что с первых своих выступлений в эмиграции он упорно защищает мысль, что подлинная творческая Россия одинаково чужда как большевистскому коммунизму, так и «эмигрантщине», что делить русскую литературу на «эмигрантскую» и «советскую», в сущности, бессмысленно, что в «советской литературе» надо различать «агитмакулатуру» сегодняшнего дня и подлинную литературу, исполненную пафоса современности. Подлинными художниками среди советских писателей ему представляются те, которые поняли, что «смысл взрыва всех смыслов не в коммунистическом строении новой жизни, а во взлете жизни над самою собой; подлинное искусство всегда метафизично, как по своему корню, так и по своему устремлению» (с. 7). М.Цветаева высказала свои, ставшие очень известными, мысли о том, что родина не есть условность территории, а «непреложность памяти и крови». «Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» (с. 7). Кроме того, «писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (ды-

шать)» (там же). В России крупнейшим из поэтов и прозаиков М.Цветаева назвала Б.Пастернака, «давшего не новую форму, а новую сущность, следовательно — и новую форму» (с. 8). Е.Чириков убежден, что все таланты в современной России не «коммунистического крещения», которое «рождает в литературе только плевелы, подлежащие в будущем огню забвения» (с. 9). И.Шмелев не согласен с утверждением, что у зарубежных писателей все в прошлом и связь с родной жизнью утрачена, а источник их сил пропал. Ибо писатели работают и смысл их творчества — Россия. Надо помнить, что, утратив Россию, «мы вошли в Европу. Нас узнают, и мы узнаем многое» (№ 8/9. С. 9). Поэтому итоги подводить рано. Разговор о двух Россиях представляется Б.Зайцеву также неправильным. В самом главном Россия одна — «подземная». Больше всего «надо и нам, и московским сохранить здоровье духа, прочность, бодрость, веру, — а писать будем, что Бог пошлет, только бы не спуститься, а тогда приложится» (1926. № 10/11. С. 19). Д.Н.Крачковскому кажется, что в эмиграции все обстоит так же благополучно, как было оно в предреволюционные последние годы; и если «под небом дорогих палестин» всегда находилось три-четыре писателя, способных рисковать жизнью ради действительно прекрасных сочинений, то и в эмиграции мы оказываемся не без людей: Алданов, Степун, Ремизов, *Гиппиус*, Ходасевич, Цветаева, Б.Зайцев. Нужно только меньше внимания обращать на сенсационные заявления «о вреде эмиграции и пользе России», т.к. что одному вред — другому польза, и — наоборот. Крачковский хочет сочинять не «с пролетариями слова», а с «капиталистами благозвучных эпитетов, удачных метафор и неумирающих образов» (Там же. С. 20). Странно было слышать об умирании за границей русской литературы и С.Р.Минцлову, считавшему, что лишь ход ее замедлен неблагоприятными условиями жизни, «но мы не у пропасти, мы только на распутьи» (с. 21). Что же касается советской литературы, то Минцлов уверен: «Нельзя, отрицая эстетику, выращивать то, что живет исключительно ею, — великую литературу» (там же). Однако эстетика не признает ни хронологии, ни политики, и деление на эмигрантскую и русскую литературу, как на два разных лагеря, — эстетически неправильно, полагает М.Слоним, ибо литература наша едина, но внутри этого единства происходит борьба стилей и школ. В России слагаются новые направления, и их носителями являются молодые писатели — начиная от Пильняка и Леонова, кончая Тихоновым и Пастернаком. Литература эмиграции, продолжая говорить о прошлом, поддерживала старую линию и охраняла добрые традиции, тогда как в России за это время появилась новая литература. И «как это ни больно для большинства эмигрантских писателей — здесь по преимуществу дописывается одна глава истории русской литературы, а там начинается другая», — делает вывод М.Слоним (с. 22). Завершая дискуссию, Вл.Ходасевич обращает внимание на то, что русская литература «тяжко болеет и там, и здесь», хотя причины болезни и ее проявления различны. «Здесь» — оторванность от России, оскудение языка, отсутствие резонанса в обществе, преувеличенный консерватизм, усталость и вялость. «Там» — насильственная замкнутость в стране; словесное фиглярство на областнической основе; полицейские приказы по литературе и «суд глупца» в форме властного окрика; неразборчивая и грубая погоня за новшествами, вызванная то невежеством, то борьбой из-за куска хлеба; судорожная кипучесть, литературная лихорадка, «схваченная на нэповском болоте». Обеим половинам рассеченной надвое русской литературы больно, и обе страдают, но Бог даст — обе выживут, заключает Вл.Ходасевич.

На страницах журнала был отмечен 80-летний юбилей одного из старейших писателей зарубежья *Вас.И.Немировича-Данченко*, «истинного сына русского народа, бестрепетно всходившего на его Голгофы», большого и глубокого писателя, «сумевшего проникнуть в алтари различных культур», демократа, «всегда восстававшего против насилия» (№ 3/4. С. 18). Приветствие М.Цветаевой «Бальмонту» было опубликовано к 35-летию поэтического труда поэта. Объясняя, почему она приветствует Бальмонта в журнале, М.Цветаева писала, что ее пленяют в названии «Своими путями» оба слова, возникающая из них формула: путь — минимальная собственность поэтов — «беспутных». «Единственный возможный для них случай собственности и единственный, вообще, случай, когда собст-

венность — священна: одинокие пути творчества. Таков ты был, Бальмонт, в Советской России, — таким собственником! — один против всех — собственников, тех или этих... И пленяет меня еще, что не «своим», а — «своими», что их мно-ого путей! — как людей — как страстей. И в этом мы с тобой — братья» (№ 5. С. 13). Приветствие включает в себя и запись М.Цветаевой юбилейного вечера Бальмонта в московском Дворце искусств 14 мая 1920. А.Ремизов выступил с приветствием *Л.Шестову*, по случаю его 60-летия. Назвав книгу Шестова «Опыт адогматического мышления» «подпольной», утверждал, что путь философа «тягчайший, но верный», ибо, «не искусившись, не умудришься» (№ 12/13).

№ 10/11 (1926) посвящен 100-летию восстания декабристов. Были опубликованы главы из «Русской правды» Пестеля, из проекта конституции Никиты Муравьева, из записок И.И.Горбачевского, проект манифеста декабристов, найденный в бумагах кн. С.П.Трубецкого, и «14 декабря в Петербурге» (Из записок декабриста В.И.Штейнгеля), а также из «Былого и дум» А.И.Герцена. Публикация завершалась списком литературы о движении декабристов, имеющейся в русских книгохранилищах Праги.

Критическая часть журнала включает раздел библиографии, где рецензируются книги и продолжающиеся издания. В своей рецензии Е.Недзельский назвал «эпохой» выход из печати 6 номеров журнала литературы и науки *«Беседа»*, издававшегося в Берлине, особо отметив труд Вл.Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», где исследователь обратился к изучению психологии и ее законам в творчестве поэта. Е.Недзельский рассмотрел и произведение из беженской жизни — роман *Е.Ляцкого* «Тундра» (Прага, 1925), где действие происходит в Праге. С.Эфрон восторженно отозвался о книге Ф.Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» (Прага, 1926). Сочувственно и заинтересованно были проанализированы книги стихов молодых поэтов: вторая книга стихов А.Гингера «Преданность» (Париж, 1925), сборники Д.Кнута «Моих тысячелетий» (Париж, 1925) и Ю.Миролюбова «Два света» (Брюссель, 1925).

Т.Г.Петрова

«СЕГОДНЯ» (Рига, 1919. 17 августа — 1940. 21 июня) — независимая демократическая газета, эмигрантской себя не считала, поскольку официально именовалась латвийской газетой на русском языке, так как основали ее местные уроженцы и рассчитана она была на русских жителей, оказавшихся за рубежом не по своей воле и, естественно, не считавших себя эмигрантами. Но для советской власти она не могла не быть эмигрантской уже потому, что являлась антибольшевистской. И к ней, как и ко всем остальным газетам зарубежья, применялось то же клеймение: «белогвардейская», «злобная», «антисоветская», «монархистская» и т.д. То, что она опиралась на местное русское население, не могло ее оправдывать. «В Латвии демократического в настоящем смысле слова русского населения не было прежде и почти нет теперь. Вся местная русская общественность «потомственна» реакционному чиновничеству царского времени, притом уплотнена спекулятивными элементами военной и революционной эпохи» (Белкин Л. Русские газеты за пределами Советской России // Новый путь. Рига, 1921. 9 марта).

Газете приходилось доказывать, что она «неэмигрантская». Так, в письме от 11 декабря 1930 *Лоло*-Мунштейну редактор М.С.Мильруд пишет: «Вы упорно не хотите понимать разницы между *«Возрождением»* и нами. «Возрождение» — эмигрантская газета, с которой официальная Франция абсолютно не считается. А у нас положение совсем другое. «Сегодня» — газета латвийская, обязанная считаться с дипломатическими узусами и не имеющая права призывать к изгнанию дипломатических представителей, даже и советских» (Исторический архив Латвии. Ф. 3283. Д. 1. Л. 248). «Монархистской» газета не могла быть, так как делали ее люди милюковского направления, близкие по духу *«Последним новостям»*. Кроме того, в Латвии за редкими монархистами строго следили, видя в них опасность для существования самостоятельности. «Белогвардейской» она тоже не могла быть, так как основная масса русских военных осела не в Прибалтике. Оставалось справедливым обвинение в «антибольшевизме», но объяснялось это не приверженностью к воинствующей идеологии, а тем, что газета стояла на позиции русской

культуры, считая, что культура и большевизм взаимно исключали друг друга.

После романтического периода выживания среди рвущихся снарядов (осень 1919) официальными владельцами газеты, доселе переходившей из рук в руки, оказались Я.И.Брамс (1898, Либава — 1981, Вашингтон), недоучившийся студент, и Б.Ю.Поляк (1889, Белосток — ?, Нью-Йорк), врач. Почти все основатели были молодыми и непрофессиональными газетчиками — И.Хавкин (р. 1895), И.Тейтельбаум (р. 1901), М.Эльяшов (р. 1900) и др. были автохтонами, знали местные языки (русский, немецкий, латышский, еврейский), знали среду, запросы местного населения и созревали вместе с молодым государством. Сразу же после заключения мирного договора Латвия стала мостом между Западом и Россией. Конъюнктура вызвала к жизни множество смешанных фирм и агентств, посредников, комиссионеров, которые нуждались в рекламе, объявлениях, валютных прогнозах. И газета с успехом служила этому делу, которое быстро помогло ей окрепнуть в финансовом положении.

Фактическим создателем газеты стал Максим Ипполитович Ганфман (1882—1934), редактор кадетской газеты «Речь». После ее закрытия в 1918 Ганфман уехал в Киев, потом в Одессу, предпринимая попытки основать новую газету. Затем он с семьей выехал в Литву, на что имел право как уроженец Литвы. Брамс и Поляк оценили эту крупную фигуру и пригласили Ганфмана на пост главного редактора, который он и занял с 1 января 1922. С приходом Ганфмана газета преобразилась, так как новый редактор знал все русское зарубежье. В Ригу стали поступать рукописи из Праги, Берлина, Белграда и Парижа. 1 октября 1922 дали согласие сотрудничать *Аверченко, Айхенвальд, Алданов, Дон-Аминадо*, Клопотовский (Лери), *Потемкин, Тэффи, А.Черный*. И с каждым месяцем список этот пополнялся. *П.М.Пильский* сотрудничал в таллинских «*Последних известиях*» и одновременно в «С». В 1926 он вышел из «Последних известий», переехал в Ригу, войдя в состав редакции «С» и целиком сосредоточившись на этой работе. В «С» повседневно отмечалось очень многое из того, что печаталось и в зарубежье, и в советской России. В 1939, касаясь этой заслуги газеты, Пильский писал: «За эти 20 лет мы дали отзывы о всех или почти всех книгах и брошюрах, вышедших за границей на русском языке, критические статьи и рецензии отозвались на все издания, появившиеся и в Латвии, и везде, где печатались книги по-русски» (1939. 18 нояб.). Перу Пильского принадлежит более 2000 публикаций в этой газете, и большинство из них являются откликами на литературные явления, имена и издания. Корреспондентскую связь с многочисленными авторами осуществлял Михаил Семенович Мильруд (1889, Киев — 1942, Караганда), до революции сотрудник «Русского слова» и член редакции «Киевской мысли». Он с риском для жизни перебрался с женой и малолетним сыном в Румынию, несколько лет перебивался случайными заработками, но в 1924 был «найден» Брамсом и приглашен занять кресло редактора. Ганфман считал себя фигурой слишком крупного масштаба, чтобы заниматься повседневной редакторской работой (в его задачу входили передовые статьи и общая линия газеты). Требовался работник достаточно опытный, авторитетный и контактный. И Мильруд оказался именно нужным человеком на нужном месте. Частично сохранившийся редакционный архив, доступ к которому стал возможен в условиях независимой Латвии, составляет 46 папок, наполненных перепиской преимущественно Мильруда с многочисленными авторами и корреспондентами, среди которых *Шмелев, Гиппиус*, Алданов, Гессен, Ландау, *Даманская* и многие другие. По машинописным копиям видно, как тактично обращался Мильруд со столь мнительным и капризным народом, как газетные авторы, и характерно, что почти нет нареканий по его адресу. Гнев выплескивался обычно на издателей. И еще одно приобретение — Борис Осипович Харитон (1876 — после 1941, Гулаг), отец «атомного академика» Юлия Харитона, сотрудник газеты «Речь». В 1919—1922 член коллегии «Дома литераторов». Выслан из СССР вместе с другими пассажирами «философского парохода». Был приглашен издателями на должность редактора выпуска «Сегодня вечером» и исполнял ее с 1925 до 1940.

Эти четыре человека являлись «столпами», на которых держалась газета. Благодаря им она стала своей для *Амфитеатрова, Чирикова, Немировича-Данченко, Тыр-*

ковой-Вильямс, Бурцева, *Вишняка* и многих других. «Латвийская газета на русском языке» латвийской являлась только в том смысле, что она считала себя обязанной служить в первую очередь русскоязычному населению Латвии, а следовательно, самой республике. Но она находила себе читателя, и достигая Чехословакии и Румынии, Турции и Италии, Германии и Франции, куда бы ни заносило русских. Отвергая статус газеты эмигрантской, для которой характерно партийное ратоборство с непременными скандалами, она провозглашала свою приверженность русской культуре, объединяя монархистов и октябристов, бывших полководцев и бывших финансистов. В ней печатались актеры, духовные лица, земцы, эсеры, литовские, еврейские, немецкие, латышские политические и общественные деятели, выросшие в лоне русской культуры.

Ближе всего к «С» стояла парижская газета «Последние новости» — и потому, что редакторами были близкие друг другу Милюков и Ганфман, и потому, что вокруг «Последних новостей» группировался весь цвет русской культурной среды. Но «Последние новости» вынуждена была декларировать свою «левизну», чтобы противостоять «правому» «Возрождению», тогда как для «С» в этом не было необходимости.

Подводя итоги десятилетнему существованию газеты, М.Ганфман писал: «Являясь органом, последовательно стоящим на позиции государственности, «Сегодня», как газета меньшинственная, как газета русская, особенно подробно освещала все, что относится к жизни меньшинств, особенно русского и еврейского. Мы по возможности старались объединять разные течения русской общественности, не учитывать распрей и раздоров и избегать полемики. Единство русской культуры мы считаем основой единства русского народа. Духовная стихия — то общее, что связывает все ветви русского народа, независимо от границ, всех русских по происхождению и по культуре» (1929. 29 сент.).

И эту позицию газеты хорошо понимал *П.Б.Струве*, человек активно «политический» и «эмигрантский». Он писал, что особенность существования в «лимитрофах» неизбежно должна была породить газету именно такого плана: «Я с особым удовлетворением приветствую работу вашей газеты. Подлинное служение русской национальной культуре, и притом в двух направлениях, на два фронта: пред лицом большевицкой противокультурности и пред лицом элементов, уже переставших принадлежать к России. И в том и в другом направлении и отношении вопросы культуры безусловно преобладают над всеми возможными политическими вопросами. И я могу спокойно писать об этом, ибо меня нельзя заподозрить в политическом безразличии» (там же).

Газета была рассчитана на уровень среднего читателя, не вовлеченного в стихию политической борьбы. Поэтому преимущество отдавалось материалам историко-культурного плана. «Чистая политика» представлена лишь в информативном виде. Из-за этого к исходу 1921 газета распрощалась с ее тогдашним редактором Н.Г.Бережанским, постоянно рвавшимся в бой с большевиками, желавшим выяснять отношения «меж двух станов». И хотя Ганфману были, разумеется, близки кадетские соратники былых дней, тем не менее их публикации довольно редки. Исключение — А.Изгоев, который умел в своих статьях быть как бы «над схваткой». Часто печаталась Ариадна Тыркова-Вильямс, но уже не как политический деятель, а как обычный лондонский корреспондент, отражающий жизнь Англии.

Предпочтение отдавалось литературным и историческим материалам: Ю.Айхенвальд — 210 публикаций, А.Амфитеатров — 338, *К.Бальмонт* — 203, *Н.Берберова* — 31, З.Гиппиус — 48, *Г.Иванов* — 56, А.Кизеветтер — 151, *Д.Мережковский* — 28, В.Немирович-Данченко — 153, *М.Осоргин* — 82, *И.Северянин* — 185, *А.Седых* — 227, Тэффи — 236, А.Черный — 23, И.Шмелев — 40.

Частое появление на страницах «С» парижских авторов объяснялось и тем, что по существовавшей устной договоренности некоторые из них могли одновременно печататься и в «Последних новостях», и в «С», но непременно в один и тот же день: Рига за это доплачивала половину парижского гонорара. Так что и авторы были довольны, и рижские читатели — тоже, хотя иногда парижские издатели требовали, чтобы первые публикации появлялись у них, а в Риге — перепечатки.

С журналом «*Современные записки*» отношения были несколько иного плана. «С» на льготных условиях для своих подписчи-

ков проводила подписку на «Современные записки», рекламировала журнал и давала обзоры каждого его номера. За это газета могла печатать отрывки из очередного номера «Современных записок», верстка которого предоставлялась М.Вишняком. Еще не окрепнув, довольствуясь лишь малым числом сотрудников, «С» публикует свидетельства и впечатления от «уходящей» России: очерки и зарисовки о Петрограде, написанные литераторами, следующими через Прибалтику в Берлин и Париж: Даманская А. Звериный быт (1920. 7 дек.); Амфитеатров А. Блаженной памяти столичный град Петроград (1921. 2 окт.); он же. Повесть о великой разрухе (1921. 7 дек.); Варшер Т. Еще о доме литераторов в Петрограде (1921. 28 авг.); он же. Две жены *Максима Горького* (1921. 8 нояб.); он же. Дом литераторов (1922. 14 февр.); Коренев С. (юрист, работавший вместе с А.Блоком в комиссии по делам царских министров) (1921. 25 дек.; 1922. 8 янв.); Волковыский Н. Три встречи (1922. 31 дек.); он же. Из записной книжки высланного (1923. 3 янв.); он же. Посылающие на расстрел (1923. 3 февр.).

И по мере того как растет число сотрудников и корреспондентов, возрастает и ширится объем мемуаров. Так, из 338 публикаций Амфитеатрова около 40 — воспоминания. Из 55 публикаций его жены Илари 12 — воспоминания. Из 152 публикаций Немировича-Данченко — около 40. Художник-передвижник академик С.А.Виноградов (1870—1938) оставил двадцать мемуарных очерков о литературной, художественной и бытовой Москве. Быший режиссер Мариинского театра Павел Ив.Мельников (1876—1944) опубликовал в «С» 18 очерков с воспоминаниями. Португалов В. О Ленине. (Из личных воспоминаний) (1924. 29 янв.); Берберова Н. Гумилев перед арестом (1926. 27 авг.); *Ходасевич В.* «Диск». Из воспоминаний о петербургском «Доме искусств» (1939. 8 апр.); Тэффи Н. Колдун. Из воспоминаний о Распутине (1924. 10 авг.), Странный человек (И.Ясинский) (1931. 19 янв.); Осоргин М. Встречи с *Андреем Белым* (1934. 18 янв.); Волковыский Н. Максим Горький в 1919—1921 гг. (1936. 19 июня); Пиленко П. С Чичериным в гимназии (1931. 15 нояб.). П.Пильский дает несколько десятков «отчетливых» воспоминаний, но к этому можно еще присовокупить те фрагменты мемуаров, которые он то и дело вкрапливает в статьи о творчестве того или иного писателя. Вспоминать ему было о ком, почти все ему были знакомы лично: В.Дорошевич, В.Брюсов, *А.Куприн*, В.Маяковский, Л.Толстой, *А.Вертинский*, А.Грин, Э.Багрицкий, В.Катаев, В.Инбер и многие другие.

В значительно меньшем объеме представлена на страницах «С» советская литература. Тем не менее читателя знакомили с произведениями М.Булгакова, В.Катаева, Ильфа и Петрова, М.Зощенко, Ю.Тынянова. Статьи о советских писателях, не всегда комплиментарные, тем не менее давали представление о процессах, происходивших в советской России.

Крупные произведения русских писателей газета публиковала только в 20-х, да и то недолго. Было быстро усвоено, что для тиража выгоднее печатать зарубежных романистов, сочинявших остросюжетные, сенсационные, интригующие произведения. На долю русских писателей оставалось лишь место для рассказов и очерков. Наиболее подходящими оказались А.Даманская (260 публикаций), *В.Ирецкий* (112 публикаций), А.Федоров (55 публикаций). Тэффи печатали с готовностью, потому что собственно из-за нее и раскупались воскресные номера. А.Амфитеатров, «завлекательно» пишущий о прошлом, в фельетоне «Двусмысленная башня» (1927. 26 июня) привел по памяти юмористический рассказ И.Ф.Горбунова о Пизанской башне, который никогда не был напечатан. М.Осоргин говорил о себе, что он «литературный пролетарий», живущий литературным трудом, и потому имеет право печататься на своих условиях. Всегда с готовностью печатали И.Шмелева за то, что местному православному читателю были любезны его рассказы о церковных праздниках и праведной жизни.

И.Бунин, официально войдя в число сотрудников «С» 19 мая 1927, предоставил исключительные права на «Записные книжки» (22 и 29 мая), прислал для газеты очерк «О Толстом» (1930. 16 нояб.). Постоянным автором с 1922 по 1932 оставался *Сирин* (18 публикаций: 13 стихотворений и 5 рассказов). Стихи «сатириконца» и завсегдатая «Бродячей собаки» П.Потемкина «Рига в 1890-х годах» (1924. 27 апр.) напо-

миналн о том, что детство Потемкина прошло в этом городе.

Противоречивая фигура М.Горького вызвала целый ряд суждений о нем — всего 38 публикаций. Среди авторов: А.Амфитеатров, *К.Арабажин, А.Яблоновский*, М.Первухин, В.Ирецкий, *Б.Зайцев*, К.Бальмонт, И.Бунин, Е.Чириков, Н.Волковыский, В.Ходасевич и др.

Засыпал «С» стихами и прозой К.Бальмонт, требуя немедленного помещения всего присланного. Имеется 198 публикаций, из которых 125 стихи и переводы из славянских поэтов. Остальные 73 — прозаические эссе преимущественно о себе. Бальмонт хотел бы, чтобы о нем писали, придумал себе «интервьюера» Мстислава, который от третьего лица живописует: «Разговор с К.Д.Бальмонтом» (1926. 31 окт.), «Константин Бальмонт и Сергей Прокофьев» (1927. 13 февр.), «Час у К.Д.Бальмонта» (1928. 2 сент.), придумал поэтессу Аглаю Гамаюн, опубликовав 5 стихотворений от ее имени. Столь же часто печатался Северянин (за 11 лет — 190 публикаций). С 1932 газета, переживая трудности в связи с кризисом, отказалась от печатания стихов.

В период преуспевания издательство «С» смогло приобрести типографию с самым современным оборудованием. Машины были высокомощные и не могли простаивать, поэтому с дополнительным созданием ряда других газет и журналов на латышском и еврейском языках было решено основать книжное издательство «Жизнь и культура», где выпускались романы и повести, которые уже прошли газетную публикацию. Сохраненный набор значительно облегчал и удешевлял выпуск книги. Всего под маркой «Жизнь и культура» их вышло 75. Кроме того, издавались собрания сочинений Л.Толстого, Ф.Достоевского, И.Тургенева и М.Лермонтова, а к юбилею Пушкина в 1937 было напечатано собрание его сочинений в одном томе.

С 1926 газета начала печатать романы с продолжениями. Всего их появилось 158: в дневном выпуске — 65 и в «Сегодня вечером» — 93. Поскольку в вечерний выпуск шел преимущественно занимательно-развлекательный материал: Пьер Бенуа «Королевский форт», Эрл Биггерс «Корабль плывет на Гаваи», Морис Декобра «Мадонна спальных вагонов», Питигрилли «Пожиратель женщин», Вильгельм Шпейер «Шарлотта немного обалдела» и т.п. В дневном же выпуске были напечатаны: «Записки д'Аршиака» Л.Гроссмана, «Это было в 1931 году» Эриха Кестнера, «Буря над Россией» Р.Локкарта, «Китти» С.Могема, «Обратный путь» Э.М.Ремарка, «Мария Антуанетта» Ст.Цвейга. Но чаще и тут, и там шли детективные и сенсационные романы. Русский житель Латвии получал примерно то же, что и европейский обыватель, и на основе этой «духовной пищи» уравнивался с ним.

Основные сотрудники и авторы газеты:

Айхенвальд Ю.И. — сотрудничал с 1923 по 1928.

Алданов М.А. — с 1922 по 1940.

Амфитеатров А.В. — с 1921 по 1937.

Бальмонт К.Д. — с 1921 по 1936.

Бельговский К.П. (постоянный корреспондент в Праге) — с 1923 по 1938.

Берберова Н.Н. — с 1926 по 1940.

Варшер Т.С. (1880—1960) (римский корреспондент) — с 1921 по 1939.

Волковыский Н.М. (постоянный корреспондент в Германии, потом в Польше) — с 1922 по 1939.

Галич (наст. фам. Гончаренко) Ю.И. — с 1923 по 1940.

Гиппиус З.Н. — с 1924 по 1938.

Горный С. — с 1923 по 1932.

Грузенберг О.О. — с 1925 по 1936.

Гуль Р.Б. — с 1927 по 1937.

Даманская А.Ф. — с 1920 по 1940.

Дионео — с 1920 по 1933.

Зайцев Б.К. — с 1923 по 1940.

Зуров Л.Ф. — с 1931 по 1940.

Иванов Г.В. — с 1927 по 1937.

Изгоев А.С. — с 1926 по 1935.

Ирецкий В.Я. — с 1924 по 1936.

Кизеветтер А.А. — с 1923 по 1933.

Клопотовский-Лери В.В. — с 1922 по 1940.

Крымов В.П. — с 1937 по 1939.

Куприн А.И. — с 1919 по 1937.

Лазаревский Б.А. — с 1928 по 1935.

Ландау Г.А. — с 1922 по 1940.

Лоло-Мунштейн Л.Г. — с 1920 по 1939.

Мережковский Д.С. — с 1929 по 1938.

Минцлов С.Р. — с 1924 по 1933.

Набоков К.Д. — с 1923 по 1926.

Неманов Л.М. — с 1922 по 1935.

Одоевцева И.В. — с 1931 по 1938.

Оречкин Б.С. (каунасский корреспондент) — с 1923 по 1940.

Осоргин М.А. — с 1921 по 1938.

Пильский П.М. — с 1921 по 1940.
Плещеев А.А. — с 1923 по 1938.
Северянин И. — с 1920 по 1940.
Седых А. — с 1925 по 1939.
Тасин Н.Я. — с 1925 по 1940.
Тэффи Н. — с 1920 по 1940.
Шмелев И.С. — с 1923 по 1940.
Яблоновский А.А. — с 1921 по 1933.

После переворота, совершенного К.Ульманисом (1934), газета резко изменилась: авторитарный режим требовал повседневного воспевания «латышской Латвии», за счет чего сокращалась полезная площадь и материал, ради которого газету выписывали в других странах. Газета оказалась под пристальным надзором министра общественных дел.

После присоединения Латвии к СССР были арестованы и сосланы в лагеря М.Мильруд, Б.О.Харитон, А.К.Перов, Э.Махтус. Карикатурист С.А.Цивинский был расстрелян на Лубянке, И.А.Тейтельбаум — в Астрахани. Габриэль Левин покончил с собой в Воркуте. В Риге покончил с собой после вызова в НКВД многолетний сотрудник Юрий Галич. П.М.Пильскому удалось избежать ареста только потому, что он лежал парализованный после инсульта и умер после прихода немцев — в декабре 1941. Издатели же — Брамс и Поляк, — как всегда хорошо оценивающие действительность, успели вовремя выскользнуть из Латвии и доживали свой век в Америке.

К десятилетию газеты (29 сентября 1929) вышел юбилейный номер на 64 страницах. Посвященный 15-летию газеты — 14 октября 1934 на 60 страницах. В среднем объем номеров колебался от 8 до 16 страниц, в зависимости от дня недели и объема рекламы. Тираж колебался от 3000 (1920—1921) до 50000 в годы преуспеяния. В заключительные годы (1938—1939) — около 16000. Материалы газеты представлены в биобиблиографическом справочнике: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944 гг. Стэнфорд, 1990—1991. Ч. 1—4. Роспись газеты за все 20 лет имеется в рукописи у автора.

Ю.И.Абызов (Латвия)

«СКИТ» («Скит поэтов») (Прага, 1922. 26 февраля — 1940. 6 сентября.) — литературное объединение молодых русских поэтов (позднее и прозаиков) в Праге. Его бессменным руководителем был *А.Л.Бем.* Предшественник — «Литературно-художественный кружок», основанный *С.Рафальским* и Н.Дзевановским, просуществовал всего несколько месяцев (конец 1921 — начало 1922). После переезда в Прагу А.Л.Бема С.Рафальский пригласил его на собрание кружка. 26 февраля 1922 в одном из эмигрантских общежитий в Праге А.Л.Бем прочитал доклад на тему «Творчество как вид активности». Этот день стал датой основания «Скита поэтов». После 1928 это название постепенно модифицируется в «С», что более соответствовало составу участников объединения, так как с самого начала в нем были и прозаики, а в конце 1922 была основана, хотя и формально, прозаическая секция «Мастерская слова». Идею названия Бем объяснял стремлением объединения идти своим самостоятельным путем, сохраняя собственное творческое лицо, что вызвало на начальном этапе определенную замкнутость в характере его работы. Но эта особенность была свойственна «С» лишь в начале творческого пути. Характер названия объединения отразился и во взаимоотношениях его членов: сами скитовцы шутливо называли себя «монахами», «монашками», «отцами» (основатели). В записях заседаний А.Бем фигурирует как «отец-настоятель», гости и «друзья Скита» — «братья и клир».

За все 19 лет существования объединения через него прошло около 50 человек, не считая гостей и «друзей Скита», но, согласно сохранившемуся списку под названием «Четки», официальными членами стали только 36 участников. По бытовавшему в содружестве ритуалу «посвящения» скитовцы после тайного голосования и оглашения результатов потирали руки. Членами «С» были: Сергей Рафальский, Николай Дзевановский (псевдоним Н.Болесцис), Иван Тидеман (полная фамилия — Фриш фон Тидеман), Алексей Фотинский, Екатерина Рейтлингер (в замужестве Кист), *Александр Туринцев, Вячеслав Лебедев* (псевдоним — Виктор Ляпин), *Христина Кроткова* (псевд. Ирманцева, в замужестве Франкфурт), *Михаил Скачков, Димитрий Кобяков,* Мария Мыслинская (в замужестве Крестовская), Димитрий Иванников, *Борис Семенов,* Раиса Спинадель, Семен Долинский, *Александр Воеводин,* Елена Глушкова (урожд. Якубовская, псевдоним — Алек-

сандра Васильковская), *Алексей Эйснер, Эмилия Чегринцева* (урожд. Цегоева), Альфред Вурм, Владимир Мансветов, *Алла Головина* (урожд. Штейгер), *Василий Федоров, Герман Хохлов, Татьяна Ратгауз* (в замужестве Ассеева, Клименко), Николай Андреев (псевдоним — Н.Тураев, К.Рем), Кирилл Набоков, Вадим Морковин, Тамара Тукалевская, Евгений Гессен, Нина Мякотина, Дарья Михайлова (псевдоним — Ирина Михайловская), Мария Толстая, Николай Терлецкий, Ирина Бем. *Л.Гомолицкий*, который жил в Варшаве, был заочным членом «Скита». Скитовцы, уехавшие из Чехословакии, но поддерживавшие связь с содружеством, продолжали оставаться его членами.

Лишь несколько скитовцев остались до конца своих дней в Чехии, остальные разъехались по разным странам Европы, некоторые очутились в Америке, другие — в прибалтийских странах, часть их вернулась в Советский Союз, многие из вернувшихся в СССР, в том числе и в прибалтийские страны, были репрессированы (А.Эйснер, Г.Хохлов, Б.Семенов).

Рабочие собрания проводились раз в неделю, позднее — раз в месяц. На протяжении всего времени в журнале велись записи собраний, сначала скитовцами, затем самим А.Бемом. Собрания состояли из части теоретической и практической. Доклады, сообщения читались как самими скитовцами, так и приглашенными. Со дня основания объединения по 1938 включительно было прочитано более 70 докладов. Треть их принадлежала А.Бему. Среди приглашенных докладчиков были И.И.Лапшин, Н.Е.Осипов, *С.В.Завадский*, П.Н.Савицкий, Р.Плетнев, Д.Лутохин, *З.Шаховская*, В.Адамс и др. В 20-е основным содержанием докладов были теория литературы, прежде всего поэтика, история русской литературы, гланым образом XX в. (Н.Гумилев, А.Ахматова, В.Хлебников, Б.Пастернак) и Пушкин. Большое внимание уделялось русской зарубежной литературе (*А.Ремизов, В.Ходасевич, Г.Газданов, В.Парнах, И.Одоевцева, И.Северянин* и др.) и проблемам художественного перевода. Вопросы современной западной литературы (М.Пруст) также были в центре внимания скитовцев. «С» внимательно следил за литературной жизнью русских зарубежных литературных центров и за развитием литературы в советской России. В 30-е в темах докладов начинают преобладать проблемы критики. Критические статьи, предназначенные для печати, вначале прочитывались на собраниях объединения.

Главной целью собраний было чтение собственных произведений и их критический разбор, который был весьма строгим. Резкость внутренних критических выступлений иногда вела к конфликтам. В обсуждении и критике принимали участие также приглашенные гости и «друзья Скита». Почетными гостями были *М.Цветаева*, В.Ходасевич, *Н.Берберова*, И.Северянин, *А.Ладинский*, чешский поэт Й.Гора и др. На собраниях объединения читали свои произведения *В.Амфитеатров-Кадашев*, И.Северянин, З.Шаховская, С.Шовгенов, украинские и белорусские поэты (А.Павлюк, А.Стефанович, В.Жилка). С.Эфрон представил скитовцам первый номер журнала *«Своими путями»*. Гостями были Л.Зандер, *И.Каллиников*, Д.Н.Крачковский, график и искусствовед Н.В.Зарецкий, лингвист А.В.Исаченко, искусствовед и критик *Н.Е.Еленев*, Н.Ф.Мельникова-Папоушкова, *С.П.Постников*, С.Н.Кондаков (пасынок византолога Н.П.Кондакова) и др. Кроме собственных произведений, скитовцы читали свои переводы с чешского языка (А.Фотинский, В.Лебедев, М.Мыслинская). Острые критические статьи некоторых скитовцев послужили толчком к дискуссиям на страницах эмигрантской прессы. Статья А.Туринцева «Неудавшееся поколение» (Дни. 1924. 5 сент.) вызвала живой обмен мнениями о судьбе молодого поколения в эмиграции. Интерес вызвала полемика в журнале «*Меч*» В.Федорова («Бесшумный расстрел» // 1934. № 9—10) и *Д.Мережковского* («Около важного» // 1934. № 13—14) о взаимоотношениях литературных поколений за рубежом. Много откликов вызвала статья С.Рафальского о проблемах интеллигенции («Класс творческой мысли» // За чертой. Прага, 1922. № 1). Мастером полемического жанра был сам А.Бем.

Каждый год (иногда и два раза в год — весной и осенью) устраивались открытые собрания — литературные вечера, на которых скитовцы читали свои произведения. За все время своего существования «С» провел около 30 вечеров. В устройстве вечеров с 1925 принимал участие *Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии*

(таких совместных вечеров было не менее 8), а также Чешско-русское объединение (Еднота), которое чаще всего предоставляло помещение. Наряду с этим проводились вечера, посвященные русским поэтам. Первое открытое литературное заседание 21 мая 1922 «С» посвятил памяти Н.Гумилева. Во втором отделении скитовцы читали свои собственные произведения. В конце 20-х и в 30-е состоялось несколько персональных вечеров — В.Федорова (1928), А.Головиной (1933, 1938), Э.Чегринцевой (1936). Была традиция камерных вечеров — «Вечер трех» в 1927 (В.Федоров, В.Лебедев, А.Эйснер), «Вечер пяти» в 1929 (Т.Ратгауз, В.Лебедев, В.Федоров, А.Эйснер, С.Шовгенов), в 1932 «Вечер двух» (В.Лебедев, В.Федоров). Особой атмосферой отличались юбилейные вечера: десятилетие «С» (1932) и пятнадцатилетие «С» (1937). На всех этих вечерах вступительное слово, которое отражало данный момент в эволюции объединения, принадлежало А.Бему.

С целью защиты своих профессиональных интересов начиная с 1925 некоторые скитовцы вступают в Союз русских писателей и журналистов в ЧСР. Членами СРПиЖ становятся С.Рафальский, Н.Дзевановский, А.Туринцев, С.Долинский, И.Фриш фон Тидеман, А.Воеводин (секретарь — 1924, 30-е годы), В.Федоров, В.Лебедев, А.Эйснер, А.Головина, Т.Ратгауз, Н.Андреев, В.Мансветов и Э.Чегринцева (член-соревнователь).

В 1929 скитовцы приняли участие в конкурсе молодых прозаиков, объявленном журналом *«Воля России»*. Из более чем 90 рассказов, присланных на конкурс, жюри, не присуждая первой премии, отметило второй премией рассказ А.Эйснера «Роман с Европой» (ВР. 1929. № 4), третьей премии был удостоен рассказ М.Мыслинской «Леночкина Россия» (ВР. 1929. № 7), на 7 месте в перечне 16 произведений, выделенных редакцией журнала, оказался рассказ В.Федорова «Русские праздники» (ВР. 1929. № 8—9).

С 1929 «С» с большими трудностями начал издавать свои произведения в серии «Скит: Стихи и проза». Под номером 1 вышел поэтический сборник В.Лебедева «Звездный крен» (Прага, 1929), годом позже сборник рассказов В.Федорова «Суд Вареника» (Прага, 1930). Объединение выпустило четыре поэтических тетради под общим названием «Скит: Непериодический сборник» (Вып. 1. Прага, 1933; Вып. 2. Прага, 1934; Вып. 3. Прага, 1935; Вып. 4. Прага, 1937). В результате издательской деятельности «Скита» были опубликованы сборники А.Головиной «Лебединая карусель» (Берлин, 1935) и Э.Чегринцевой «Посещения» (Прага, 1936), поэма В.Морковина «Тобозо» (Таллин, 1935), готовился к печати второй сб. стихов В.Лебедева, который, однако, не увидел света. В 30-е членам объединения удалось опубликовать отдельными изданиями книги В.Федорова «Прекрасная Эсмеральда» (Ужгород, 1933) и «Канареечное счастье» (Ужгород, 1938), Э.Чегринцевой «Строфы» (Варшава, 1938). Скитовцы много печатались в зарубежных периодических изданиях Берлина, Парижа, Варшавы, Таллина. Безрезультатными оказались попытки скитовцев создать в 30-е в Праге свое литературное периодическое издание (См.: Белошевская Л. «Скит» и русская литературная Прага // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995. Т. 1).

Скитовцы поддерживали дружеские отношения со многими своими коллегами по литературному поприщу, особенно с варшавской *«Таверной поэтов»*, ревельским (таллинским) «*Цехом поэтов*», с харбинской *«Чураевкой»*, с белградскими объединениями.

Определенной литературной программы у «С» не было, несмотря на то, что проекты ее существовали (напр., у В.Морковина): А.Бем считал, что попытка создания программы привела бы к развалу объединения. По мнению Л.Гомолицкого, «С» создал свою школу, метод, который он определял как «формизм» (см.: Гомолицкий Л. Арион. Париж, 1939). А.Бем видел в «С» вольное содружество, объединенное общностью поэтического восприятия (см.: Бем А. Письма о литературе. Прага, 1966; статья о поэзии Э.Чегринцевой и др.).

Творчество пражского содружества духовно соприкасалось с поэтическим миром русских писателей Серебряного века — Н.Гумилева, Б.Пастернака, М.Цветаевой, но также и с поэзией С.Есенина, В.Маяковского; у молодых пражских прозаиков чувствовалось сильное воздействие творчества А.Ремизова. Непререкаемым авторитетом среди классиков оставался А.Пушкин.

Последнее собрание «С», судя по журналу их записей, состоялось 6 сентября 1940. Оно закончилось чтением стихов, среди которых были «Петербург» Ирины Бем, «Война» и «Чужой дом» Э.Чегринцевой. В 40-е устраивались отдельные выступления писателей (1944 — И.Бем, В.Лебедев, В.Федоров) в рамках докладов А.Бема о современной эмигрантской литературе, которые он читал в Семинаре по изучению русской литературы, университете, однако объединение как таковое фактически перестало существовать на своем последнем собрании.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

«СЛОВО» (Париж, 1922. 26 июня — 1923. 19 февраля. № 1—35) — еженедельная общественно-литературная и экономическая газета под редакцией С.Ф.Штерна, с 22 января 1923 — А.Анина (издательство «Франко-русская печать»). Выходила по понедельникам. В первом номере 26 июня 1922 сформулировано политическое кредо газеты — непримиримая борьба с большевизмом, отрицание соглашательства с советским режимом. Создатели газеты писали: «Трезво оценивая все проявления большевистской «эволюции» и «реформаторства», мы не видим никаких оснований для перемены отношения к советской власти. Непримиримая и неустанная борьба с этой властью диктуется не упрямством, но реальным учетом истинного положения вещей. Соглашательство, примиренчество, сменовеховство, по нашему глубокому убеждению, либо — плод близорукости и недомыслия, либо последствие издерганности, усталости и безверия, либо — результат торговли своею совестью. Как бы ни было тяжело моральное и материальное положение русских людей на чужбине, мы никогда не будем звать к возвращению эмигрантов в Россию Ленина и Троцкого».

В первом номере газеты была напечатана анкета, состоящая из двух вопросов: 1. Кто из писателей наиболее выдвинулся в эмиграции? 2. Кто сейчас наиболее крупный писатель в зарубежной России? Этой анкетой редакция предполагала развернуть дискуссию о существовании русской литературы в эмиграции. Были опубликованы ответы *Дон-Аминадо, Д.С.Мережковского,* М.А.Ландау-*Алданова, Д.В.Философова,* Н.М.Могилянского, *И.Д.Сургучева.* Многие наиболее крупными писателями эмиграции считали *И.А.Бунина* и *А.И.Куприна,* а выдвинувшимся в эмиграции писателем — М.А.Ландау-Алданова. Д.С.Мережковский отказался выделять отдельные имена, мотивируя это тем, что «нет ни великих, ни малых писателей, а есть личности, которых нельзя математически мерить литературным аршином» (10 июля). По мнению М.А.Ландау-Алданова, в годы эмиграции проявили себя *А.Н.Толстой, Г.Д.Гребенщиков, И.Г.Эренбург* и *В.В.Шульгин.* Ландау-Алданов первый поднял вопрос о необходимости подготовить почву для выдвижения русской кандидатуры на Нобелевскую премию. Достойнейшими кандидатами он считал Бунина, Куприна и Мережковского. Возможность присуждения писателям эмиграции Нобелевской премии рассматривалась М.А.Ландау-Алдановым как «знак уважения Европы к изгнанной русской литературе» (17 июля). Д.В.Философов, отвечая на анкету, заметил, что время для появления настоящей литературы и нового писателя еще не наступило. Текущий момент Д.В.Философов охарактеризовал как «время литературного перерыва», поскольку, по его мнению, «литература злободневная не есть литература в подлинном смысле слова» (24 июля). Назначение истинной литературы — пророчествовать или синтезировать, она всегда говорит о прошлом или о будущем.

В третьем номере (10 июля) появляется рубрика «Подснежники» с вступительной статьей, объясняющей ее название и цели. Одна из задач «Слова» — знакомить читателей с духовной жизнью «по сю сторону границы государства Российского». Подвиг честных мыслителей и художников в советской России признается более значительным, нежели служение эмиграции. Они и есть «подснежники», к которым обращается автор статьи: «Кругом, на всем пространстве необъятной российской равнины, смерть косит неисчислимые жертвы, повсюду реет кровавый призрак, многоликий зверь справляет свою мрачную тризну — и в этом царстве крови и смерти, из-под этого густого слоя грязного и липкого большевистского снега все же пробиваются нежные ростки, порою слабые и хилые, весенних подснежников. Привет вам, русские писатели, мыслители, художники и уче-

ные, умудряющиеся в России «голодного фронта» служить литургию красоте, творить духовные ценности, двигать науку, трепетно искать новых достижений в области чистого знания и вековечной Мысли!» За время существования газеты на ее полосах были перепечатаны стихотворение Ф.Сологуба из его сборника «Соборный благовест» (Пг., 1922), сказки *Е.Замятина* «Церковь Божия», «Арапы» (10 июля), «Письма из Тулы» Б.Пастернака (20 нояб.), три новеллы Н.Гумилева «Радости земной любви», посвященные А.А.Ахматовой (6 нояб.).

Особое место газета уделяла развитию русско-французских литературных связей. Предпринимались попытки знакомить читателя с мнением французских писателей о русской литературе. В пятом номере (24 июля) опубликован материал «Французы об И.А.Бунине». Вступительная статья сообщала о намерении газеты обратиться к французским критикам с просьбой дать материал о недавно выпущенных томах произведений русских писателей. К отзывам планировалось присоединять письма французских писателей и критиков. Были опубликованы письма Р.Роллана и К.Фаррера Бунину. Фаррер дает высокую оценку «Деревне» Бунина, называя ее книгой, в которой автор достиг «вершин Ужаса». Критик видит в ней «грозный обвинительный акт» против «несчастного народа, находящегося в агонии» (24 июля). Р.Роллан в отзыве на сборник рассказов «Господин из Сан-Франциско» (Париж, 1920) отмечает рассказы «Братья» и «Соотечественник». В творчестве И.Бунина французскому писателю видится «головокружительное дуновение Сфинкса, который грядет». Р.Роллан отмечает «гениальную красоту ряда рассказов», богатство и многозвучие ощущений, обогащение И.Буниным русского искусства «в его сущности и форме» (там же).

21 августа была напечатана статья А.Лихтенбержэ «Современные русские писатели. Мнение французского литератора». В комментарии редакции статья названа «образчиком отношения к распятой России и гонимому русскому духовному творчеству со стороны лучшей части французской интеллигенции». В статье поднимался вопрос о необходимости присуждения Нобелевской премии русским писателям: Д.С.Мережковскому, И.А.Бунину, А.И.Куприну. Сопоставляя русскую революцию с Великой французской, автор статьи говорит о более опустошительном характере первой, стремившейся уничтожить все духовные потенции страны, сделать необъятную Россию немой и нанести невосполнимый урон европейской цивилизации, лишив «такой силы Россию и человеческую мысль вообще». Ссылаясь на Д.С.Мережковского, А.Лихтенбержэ называет большевизм «грядущим Антихристом» и бросает упрек миру, отказывающемуся прийти в отчаяние при виде мирового зла.

Нередко появлялись в газете статьи, сетующие на непонимание европейскими писателями сущности большевизма и их поддержку советского режима. В пятом номере опубликована статья Е.Максимова «Старость господина Берже», осуждавшая А.Франса за оправдание им насилия советской России в борьбе с ее политическими врагами. Статья заканчивалась горестным упреком великому французскому писателю: «Мудрец, переживший свою мудрость; отшельник, расточающий годами накопленные сокровища духа на ярмарке человеческой глупости...» (24 июля).

В следующем номере газеты появилась резкая статья И.Бунина «Голубь мира» — ответ на протест Г.Гауптмана против готовящейся казни эсеров в Москве. И.Бунин осуждает Гауптмана и прочих деятелей культуры за невмешательство в дела России, которая уже четыре года изнемогает от насилия и неисчислимых бедствий: «Четыре года реками, морями, текла кровь в России... Гауптман, друг пролетариата, «несущего в мир новую, прекрасную жизнь», не проронил ни словечка» (31 июля). Бунин ужасается тому, что все бедствия России: казни, жертвы голода и болезней, разграбление церквей, убийства священников — остались незамеченными, в то время как первая весть: «социалисты в опасности» — заставила писателя всполошиться: «Гауптманы молчали или только кивали головой на уверения «русской демократии», что все это пустяки по сравнению с величием «великой русской революции» и что надо «верить в великий русский народ и его светлое, демократическое будущее...»

Собственно литературная критика занимает в газете незначительное место. Статья Г.Гребенщикова посвящена новой книге *К.Д.Бальмонта* «Марево», выпущенной в свет издательством «Франко-русская пе-

чать» в 1922 в Париже. Отрицая какую бы то ни было политическую окраску книги, критик стремится «основываться лишь на подлинных его художественных образах и на неподкупной, тяжко раненной страданиями совести» (31 июля). По его мнению, книга открывает читателю нового Бальмонта — поэта, «вобравшего в себя все муки России, а через нее и скорби всего мира». «Марево» — дневник оскорбленной совести поэта», кровно чувствующего свою связь с родиной. Лишь изредка обращается он к звездным мирам, поскольку не может быть в стороне от страдающего родного края. Анализируя стихотворения 1917, Гребенщиков отмечает пророчества Бальмонта о гибельном и преступном пути России, от которой Бог отвернулся: «Теперешний Бальмонт почти во всех стихотворениях всегда религиозен, глубок и мудр». Очищению, по мнению критика, подвергается и формальная сторона бальмонтовского творчества. Язык становится свободным «от прежних словопостроений» и отличается точностью и строгостью. Особенно выделяются Гребенщиковым поэмы «Часы», «В пустыне», «Камнеград», «Железный аркан». Поэтическую силу Бальмонта критик видит в его способности, преодолев все муки на земле, снова взойти на высоту религиозного пафоса и стать пророком, «въяве воплощающим трехипостасную основу человеческого бытия: Веру, Надежду, Любовь».

В восемнадцатом номере (23 окт.) газеты напечатана статья С.Федоровича «Медленный сдвиг», посвященная двенадцатой книге *«Современных записок»*. Анализируя деятельность журнала, автор статьи видит несомненное его достоинство в стремлении отображать современную литературу и жизнь. Главными достижениями издания критик считает преодоление на его страницах господства публицистики над художественной литературой, расширение круга сотрудников и тематики журнала, стремление печатать произведения, написанные по ту сторону границы.

Появлялись стихи, фельетоны и очерки об эмигрантской жизни или ситуации в советской России: зарисовки *Н.А.Тэффи* «С новой чужбины», очерки Дон-Аминадо «Предпоследнее действие», *П.Д.Боборыкина* «Тушинский вор», стихотворения *А.Черного* «Не по адресу», *П.Потемкина* «Из поэмы «Чека», К.Бальмонта «Узник», «Нить», цикл «Ночь», «Хлебный колос», «Напевы», «Вплетенный узор», «Обитель смарагдов», «Утренник», «Оазисы», «Крещенье светом», «Любовь», стихотворения *Lolo*, фельетоны *А.Яблоновского* «Торговый дом», «Власть земли», «Бабушкин козлик», рассказ Бернарда (Бориса) Тафта «На берегу Северного моря» и его зарисовки «Парижские странички», очерки *С.Горного* «Не пропадут...» (Силуэты с натуры) и «Санкт-Петербург» (Видения), воспоминания адвоката (Несвой) «Вечеринка в Чека», очерки А.Шефуфана «Берлинские этюды» и Н.Волковыского «Как они жили» (Из быта русских литераторов).

Рубрика «Академическая жизнь» сообщала о русскоязычных учебных заведениях, научных журналах, деятельности ученых и жизни студенчества в эмиграции. В разделе «Музыка и театр» публиковались сообщения о последних музыкальных постановках и событиях на театральных подмостках русского зарубежья. Номер 11 декабря посвящен гастролям Художественного театра в Париже. Рубрика «В мастерских русских художников» знакомила читателей с творчеством художников русского зарубежья. В рубрике «Литературная хроника» освещалась литературная жизнь как русского Парижа, так и советской России, давалась информация о творческих планах того или иного писателя, о темах, над которыми работает он в данное время, о литературных вечерах и новых изданиях художественных произведений. Рубрика не оставляла без внимания и события в литературной жизни Европы, сообщалось о переводах русской литературы на европейские языки. В разделе «Библиография» печатались рецензии на новейшие издания.

О.В.Кулешова

«СЛОВО» (Рига, 1925. 11 ноября — 1929. 26 мая. № 1—1035). «Большая русская национально-демократическая газета». Издатель: Акционерное общество печатного дела «Саламандра». Ответственный редактор — А.А.Образцов. Газета была задумана как «истинно русская» в противовес *«Сегодня»*, которая трактовалась как чуждая духу русского человека. Если газета «Сегодня» заявляла, что она не эмигрант-

ская, а всего лишь латвийская, то газета «С» подчеркивала, что она и эмигрантская. Как бы камертоном, задающим тон, в первых номерах служили материалы: *П.Краснова* («Слово» // 1925. 11 нояб.), Ал.Ксюнина («Когда и как вернемся? Из эмигрантских настроений» // 1925. 16 нояб.) и стихи генерала Н.В.Шинкаренко (1889—1969) (под псевдонимом Н.Белогорский) «Царицынские акварели» (1925. 16 нояб.). Хотя газета отвергала обвинения в приверженности к монархизму, тем не менее довольно часто уделяла страницы материалам о жизни и о смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны, о великом князе Николае Николаевиче и о судьбах многочисленных Романовых.

Возглавил проект создания газеты Николай Алексеевич Белоцветов (1863—1935). Издание явилось продолжением приобретенной Белоцветовым бульварной газеты «Вечернее время» (1924—25) с переименованием ее в «С», с включением в состав новой редакции сотрудников «Вечернего времени» Л.Короля-Пурашевича, Г.Гроссена и Д.Дагарова, вносивших в новую газету ощутимую атмосферу желтой прессы. Но иных, «свободных» журналистов в Риге не было: все квалифицированные газетчики уже нашли себе место под крышей «Сегодня». Чтобы преодолеть провинциализм, Белоцветов пригласил вести литературный отдел *И.Лукаша*, который должен был привлекать парижских авторов. *Б.Зайцев* до 1927 вел отдел литературы в созданном при «Слове» журнале *«Перезвоны»*. На роль редактора, ведающего местной жизнью, был приглашен Н.Бережанский (Козырев) (1884—1935), который в свое время стоял у колыбели «Сегодня», ушел оттуда и до конца дней оставался ее ненавистником. Отделом культуры руководил Н.И.Мишеев (1878—?), заполнивший и газету, и «Перезвоны», и выходивший под его редакцией еженедельник «Новая неделя» (Рига, 1924—27) статьями, рецензиями, интервью, компиляциями и под своим именем, и под псевдонимами Ник.Анин, Н.Валленберг, Н.Притисский. С № 652 (1927. 13 окт.) номинальным редактором стал Ф.В.Федосов (1864—1934). Заведующий международным отделом Сергей Коренев (1883 — после 1941) писал в газете под псевдонимом Н.Русин.

Чтобы сокрушить конкурента в лице «Сегодня» и завоевать читателя, Н.Белоцветов затеял сразу несколько дополнительных изданий: журналы «Перезвоны», «Юный читатель» (1926) и «Новая неделя». Но век их был недолог, все прекратились еще до закрытия газеты. В состязании «Сегодня» и «С» успех был у газеты «Сегодня», которая рассчитывала и на русских, и на выросших на русской культуре евреев, немцев и латышей, ее читали в Эстонии, Литве, Польше, Финляндии, Чехословакии, тогда как «С» было ориентировано исключительно на русского человека, каким он виделся Белоцветову. И это явилось одной из причин, определивших провал газеты. Русское население Риги составляло около 30 000 человек, и в восточной части Латвии, Латгалии, жили 200 000 преимущественно крестьян. Большинство рижан уже «вчитались» в «Сегодня», а латгальские русские были малограмотными и к печатному слову прибегали неохотно.

Второй причиной был «ноев ковчег», который являла собою редакция. В отличие от Бережанского, Лукаша, Коренева и Гроссена, — Л.Король-Пурашевич, Е.Магнусгофская, *А.Перфильев*, И.Нолькен, Н.Туманский были журналистами не высокого разбора. Четкого направления у газеты не было, в набор шло то, что имелось под рукой, в особенности из разряда освещающих быт и нравы русской Риги (преимущественно «гнездилища порока», чему больше всех предавался Л.Король-Пурашевич). Не помог и выпуск приложения «Слово» в иллюстрациях», начатого с января 1928 (в 1928 вышло 52 приложения, и в 1929 — 16). С № 1003 (1928. 14 окт.) газета становится еженедельной, а через полгода прекращает существование. Тираж первоначально был 8000, а к концу снизился до 2000.

Писатели с именами присутствуют в основном перепечатками. *Бунин* представлен семью рассказами и шестью стихотворениями, взятыми преимущественно из *«Возрождения»*. То же и с *Куприным*.

А.Амфитеатров в 1926 напечатал: «Дальние отзвуки» (12 нояб.), «Вел. князь Николай Николаевич» (24 нояб.), «Мертвые души» (5 дек.), «Веррина и фрески» (19 дек.).

И.А.Ильин: «Родина» (1925. 23 нояб.), «Гений и раны России» (1925. 24 дек.), «Выгнал... всех... рассыпал... опрокинул...»

(1926. 2 февр.), «Черносотенство — проклятие и гибель России» (1926. 1 марта).

И.Шмелев: «Да поможет России Господы!» (1925. 31 дек.), «Метельный день» (1926. 27 февр.), «Первая весна» (1926. 9 мая), «Родное» (1926. 16 мая), «Русская песня» (1926. 27 мая), «На том берегу» (1927. 24 апр.), «Письмо молодого казака» (1927. 27 нояб.).

Б.Зайцев в 1926: «Золотой узор» (9 мая), «Душа» (11 нояб.), «Тихий свет» (5 дек.), «Свет—Москва» (8 дек.), «Смертеныш» (25 дек.).

И.Лукаш напечатал около 30 рассказов, среди них в 1926: «Призрак в Зимнем дворце» (24 апр.), «Золотой Агапей» (1 мая), «Строптивый адмирал» (9 мая), «Петр Первый и Кирюша Пушкарь» (19 сент.), «Бардадым и Никандр» (26 сент.), «Рассеянный Остерман» (7 нояб.). Печатались его многочисленные зарисовки латгальского бытования, очерки, навеянные поездкой в Печерский монастырь. В 1927 Лукаш не поладил с Бережанским, покинул Ригу и дальнейшие рассказы присылал уже из Парижа в 1927: «А у нас в Медоне» (17 мая), «Сержанты Бомбардии» (26 июля), «Желтые гусары» (9—21 окт.), «Кубики. Рассказ о Ленине» (25 дек.).

Л.Зуров, начавший литературную деятельность в Риге, напечатал в газете: «Этап в Нарве» (1926. 21 нояб.), «Плевок» (1926. 19 дек.), «Кадет» (19 авг. — 11 сент. 1928), «Герой» (1929. 6 янв.), «Конец Дмитрия Соломина» (1929. 20 янв. — 17 февр.).

В.Сирин: «Крушение («В поля под сумеречным сводом...»)» (1925. 12 дек.), «Петербург: Поэма» (1928. 27 мая).

К.Бальмонт: «Гусли» (1926. 17 апр.), «Тень святок» (1927. 1 янв.), «К Польше. Письмо из Франции» (1928. 11 сент.), «Зарубежным братьям» (1928. 7 окт.).

Певец языческой Руси *А.Кондратьев* в 1926 печатал: «Старославянские сонеты» (1 мая), «Славянские боги» (30 мая), «Голоса седой Руси» (1 авг.), «1. Леший. 2. Лешачиха» (25 дек.).

Из авторов, живущих в Эстонии, печатались: А.Изгоев в 1927: «Социализм у пешехонцев» (6 февр.), «Без совести» (21 февр.), «Отцы и дети» (3 марта), «Как разбили Германию?» (9 марта). Петербургский пушкинист С.Штейн и в Тарту оставался верен темам своей эпохи: «Самодурный граф (Ф.Толстой)» (1926. 21 окт.), «История одного медальона. Пушкинская реликвия в Юрьеве» (1927. 10 июля), «Поэт «Птички» [Туманский]» (1928. 7 июля), «Белый домик в Царском селе» (1928. 30 июля), «Няня Пушкина» (1928. 12 авг.), ««Петербургские зимы» *Г.Иванова*» (1928. 24 авг.). Профессор Тартуского университета А.П.Мельников, сын Мельникова-Печерского, оставил воспоминания от отце (1926. 25 дек.). Многочисленные публикации присланы из Италии М.Первухиным, который вышел из «Сегодня» и перешел в «Слово». Это преимущественно воспоминания о *Л.Андрееве*, Толстом, Чехове. Режиссер К.Незлобин печатал «Воспоминания русского режиссера» (1926. 14 мая — 4 июля). Печатались очерки А.Формакова, совершившего в 1927 с группой латвийских учителей экскурсию в СССР.

Советская литература представлена перепечатками: «Повесть непогашенной луны» Б.Пильняка (1926. 22—30 нояб.), «Белая гвардия» М.Булгакова (1927. 29 янв. — 17 дек.), «Налетчики» В.Каверина (повесть «Конец хазы») (1928. 13 янв. — 17 февр.), «Остров погибших кораблей» А.Беляева (1928. 3 марта — 23 апр.), авантюрно-идеологический роман Мариэтты Шагинян «Джим Доллар. Месть Маски (Месс Менд)» (1927. 15 янв. — 2 апр.).

В юбилейном № 100 (1926. 15 марта) представлены портреты всех сотрудников редакции и корреспондентов, таков же № 326 (1926. 11 нояб.), выпущенный по случаю годовщины газеты.

После закрытия газеты ведущие сотрудники — Н.Бережанский, С.Коренев и Г.Гроссен — сделали попытку выпускать газету «Наше слово». № 1 вышел 2 июня 1929, а последний № 13 — 25 августа.

Из статей газеты были составлены два сборника: «Сборник газеты «Слово», статьи Н.Белоцветова, В.Владимирского, Н.Зорина и кн. А.Ливена (1926—1927)». Рига: изд. «Саламандра» <1927> и «Второй сборник газеты «Слово». Статьи архиепископа Иоанна, Н.Белоцветова, В.Галкина, И.Зорина и П.Рысса (1927—1928)». Рига: изд. «Саламандра» <1928>. Содержание обоих сборников расписано в справочнике Ю.Абызова «Русское печатное слово в Латвии», том 3.

В дальнейшем в Риге делались попытки использовать название «Слово» для издания других газет, не имеющих к ней ника-

кого отношения: «Слово», Рига, 1931. Издатель: русское православное братство. Издатель Т.Буцен. Отв. редактор П.Буцен. Вышло 5 номеров (20 сент. — 3 окт.). «Слово», Рига, 1941. Русская ежедневная газета. Выходит по средам. Редактор-издатель В.В.Клопотовский. Вышло 5 номеров (3 сент. — 1 окт.).

Ю.И.Абызов (Латвия)

«СМЕНА ВЕХ» (Париж, 1921. 29 октября — 1922. 25 марта. № 1—20) — еженедельный публицистический, общественно-политический журнал (в каждом номере 24 с., в последнем — общий указатель содержания), редактор — профессор Юрий Вениаминович Ключников приобрел известность как один из авторов сборника статей «Смена вех» (Прага, 1921). Профессора Н.В.Устрялов, С.С.Чахотин, Ю.Н.Потехин, С.С.Лукьянов, бывший петербургский адвокат А.В.Бобрищев-Пушкин развивали и популяризировали свою программу, первоначально представленную в сборнике. В прошлом все они принадлежали к правым или умеренно правым и, кроме Лукьянова, незадолго до того выехавшего из советской России, участвовали в Белом движении (кадеты Ключников и Устрялов были у Колчака, октябрист Бобрищев-Пушкин, Чахотин, Потехин — деникинцы). К началу 20-х их, несмотря на различия исходных позиций, объединил общий практический вывод о необходимости «смены вех», сформулированный в самих заглавиях статей С.Чахотина — «В Каноссу» (в сборнике) и «Психология примирения» — в журнале (№ 15): эмигрантская интеллигенция должна признать ошибочность своей тактики, отказаться от идеи свержения советской власти и с большевиками работать над созданием новой России. Мотивы «перерождения» сменовеховцев: им нужна великая Россия, а советская власть сумела объединить рассыпавшуюся и растасканную по кусочкам страну, осуществила миссию национального возрождения, заставила державы Антанты и весь мир считаться с Россией как с великой державой, т.е. достигнуто, с их точки зрения, главное. Исповедуя идеологию национал-большевизма, они рассчитывали на преодоление большевизма изнутри, эволюционно. Своеобразие исторического момента, определившего их «смену вех», — в переходе России от великой утопии к здравому смыслу в экономике, к трезвому учету; начался процесс «спуска на тормозах», «второй день революции»; Россия внутренне изжила ортодоксально коммунистический период и перешла к стадии эволюции (Устрялов Н. Две реакции, № 4; он же. Проблема возвращения, № 11; Лукьянов С. Эволюция, № 5). В нэпе они усмотрели отход от революционного экстремизма, смену революционного пути на эволюционный.

Россия, революция, интеллигенция — лейтмотивы программы сменовеховцев. О культуре, литературе, искусстве в журнале написано по объему немного, но им отведено важное место в программе. Авторы журнала исходили из того, что лишь мощное государство может обладать великой культурой. Маленькая, растерзанная на клочья страна, лишенная единого политического и экономического руководства нация не способна продолжать дело Толстого и Достоевского, Менделеева и Кропоткина, Васнецова и Врубеля, Мусоргского и Скрябина. Чтобы можно было говорить о великой русской культуре, о русском «мессианизме», нужна прежде всего великая Россия. И лишь власть революции может возродить русское великодержавие, международный престиж России.

Мысль о мессианстве русского народа, которому суждено потрясти мир не только грандиозным сломом старого, негодного, но и созданием нового, разумного, прекрасного (Чахотин С. «Чумазый» или «хам»?, № 17) вызвала перелом в сознании сменовеховцев, привела их к приятию революции, признанию исторической неизбежности ее и большевизма в России. Русская интеллигенция с ее исконным радикализмом без различия направлений предстает в их толковании максималистской, большевистской; большевизм лишь исполнил заветы русской интеллигенции. Борьба русской интеллигенции против самодержавия создала в России, по мнению А.Бобрищева-Пушкина («Свобода—равенство—братство», № 4), своеобразную «дисциплину идей». В России существовали две цензуры, одинаково смотревшие на человеческую мысль как на нечто утилитарное, одинаково тащившие: сверху в настоящий, снизу — в радикальный участок. Поколениями воспитанная в

ненависти к власти, интеллигенция приучилась отождествлять правительство с государством и родиной. Та часть российского культурного слоя, которая приобщалась вплотную русскому государству (линия Сперанский—Столыпин), не считалась принадлежавшей к интеллигенции. Все духовные ценности — религия, мораль, искусство — расценивались интеллигенцией прагматически — по их общественно-политическим выводам. Принцип национальной культуры был провозглашен «реакционным» и «шовинистическим». В 1909 «Вехи» (к ним чаще других апеллируют Устрялов и Ключников) по итогам революции 1905 подвергли суровой критике традиционный путь русской интеллигенции; их осмеяли, отлучили от «интеллигентской церкви». После Февральской революции, называемой сменовеховцами «переворотом», интеллигенция, соприкоснувшись с властью, государством, ощутив свою ответственность за него, стала пересматривать свой поколениями накопленный политический багаж, но было уже поздно: грянула революция, облекшая плотью и кровью давние фантазии русской интеллигенции, оживотворилась история русской политической мысли — от идей декабристов, либерализма западников и славянофильского идеализма до нигилистических отрицаний шестидесятников, до утопий Чернышевского, до французских и немецких формул Бакунина, «слушали Рудиных, созерцали Волоховых, болтали Степаны Трофимовичи, пришло и младшее поколение... и Шигалевы, и Верховенские» (Устрялов Н. Духовные предпосылки революции // № 9. С. 16). Увидев воплощенными мечты свои в крайних формах, интеллигенция в ужасе отшатнулась. «Восставшая против самой себя, против своей истории, армия интеллигенции была разбита на голову» (там же). Одно из основных обвинений, предъявляемое сменовеховцами интеллигенции, — она не хочет узнавать себя в революции, познать себя, покаяться.

Сменовеховцы в духе критикуемой ими радикальной интеллигенции дают образцы утилитарно-идеологического прочтения истории и литературы, в основе их критериев оценки — отношение к мессианскому предназначению России, а тем самым к революции как одному из главных его проявлений.

Сменовеховцы прослеживают в русской истории и литературе свою «великую традицию» — от Радищева и особенно Белинского — до XX в. В их «великую традицию» вписан Чаадаев как предсказатель национального кризиса, заложенного в русской стихии и необходимого в плане всемирно-историческом, таким образом Россия исполнит свое мировое предназначение и явит великий урок.

В их «великую традицию» вошли Достоевский и Блок: Достоевский — как «антитеза» и одновременно «пророк» революции, любовь к которой сродни ненависти, смешанной со страхом, даже с ужасом (Потехин Ю.Н. Две правды: Достоевский и революция, № 6). У Блока сменовеховцы слышат его увещевания интеллигенции — «всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушать революцию» и ценят поэму «Двенадцать».

В «СВ» дебютировал *Р.Гуль*: в эссе «Дом в вечности» (№ 9) он прослеживает традицию русской революции, вскрывающей «тело народа» и обнажающей его дух, определяя ее как «всеобщее горение», как «жажду горения», воплощенные в неистовом Аввакуме, от которого «пошли Толстые, Достоевские, Гоголи, Соловьевы, Федоровы, Розановы, т.е. то, что составляет особенно «наше».

Пафос журнала — антиэмигрантский. Главный объект полемики в связи с этим — газета *«Общее дело»*, свидетельствующая, с точки зрения сменовеховцев, о расползании «центра» русской эмиграции в «крылья», о возникновении русской реакции. Критике подвергается печатающийся в «Общем деле» *А.Аверченко* с его «обывательскими вздохами» по «царским золотопогонникам», с его «ходкими идейками» о преимуществах старого режима. Эмиграция поляризуется, отходит от либерально-демократической идеологии (Устрялов Н. Две реакции, № 4). С точки зрения сменовеховцев, эмигрантский лагерь живет напряженно-призрачной жизнью, выплывают и тонут очередные рецепты спасения России. К 1921 сменовеховцам кажется очевидной вненародность эмиграции, неприемлющей революцию, что ставит ее вне России, «страдающей и побеждающей, а не выдуманной» (Потехин Ю. Фатальный тупик, № 2). Эмиграция предстает на страницах и

сборника, и журнала как сила разрушительная, вредная и враждебная для России.

Остро критикуется *Д.С.Мережковский* как романист, неспособный передать дух описываемых им эпох, в том числе и современной, историк и политик, которому не дано понять великой международной роли России, ее мессианства, воспринимающий большевиков как чужеродную, нерусскую силу. Оправдание им гражданской войны «самою глубокою точкой зрения — религиозною» расценивается как кощунство, низведение религии до утилитарной роли (Бобрищев-Пушкин А.В. Мистика на службе, № 3; Кощунство, № 8).

Направленность журнала — антизападническая. Сменовеховцы — славянофилы, разочарованные в западной цивилизации, основанной, на их взгляд, на «экономическом рабстве» (Бобрищев-Пушкин А. Свобода—равенство—братство, № 4). Постоянный мотив журнала — европейский и мировой международный социально-экономический кризис (Ключников Ю. Международное значение России, № 1; Потехин Ю. Перед катастрофой, № 15; Мировой кризис, № 18). До революции западный режим идеализировался интеллигенцией — для борьбы с российским, после революции — «правыми» публицистами — для борьбы против большевиков. Сменовеховцам близко свойственное Достоевскому признание исчерпанности Петровских реформ, отсутствия народной основы у петровского самодержавия.

Они убеждены в том, что славянофильство жило и побеждало западничество своею верою в беспредельность русских возможностей. Только тот, кто таил в себе зерно этой веры, мог быть большим человеком в истории русской общественной мысли (Потехин Ю. Борьба за личность, № 10).

В «СВ» печатались, в основном, «ангажированные» литературные произведения, литературно-критические и искусствоведческие статьи: рассказ Бобрищева-Пушкина «Кошмар Ивана Ивановича» (№ 1) — сон русского эмигранта: народ земного шара решает сам свою судьбу и отдает предпочтение пролетарскому пути; любительские стихотворения (№ 19) полировщика по металлу Алексея Кислицина (Париж) «Бессонные ночи» («У «Запада» долго ли буду в цепи? Что будет с моею Россией?») и молодого добровольца-юнкера П.Стрегулина (Загреб) «Листья опавшие» — о судьбе Белой армии; статья Е.Северской (Париж) «Венец из терний и роз» (№ 160) — о только что вышедших в России сборниках стихотворений Ахматовой, Ф.Сологуба и Есенина — с резюме, характерным для общей направленности журнала: «Ощупью, в жестокости и страданиях, шел и идет к своей великой цели русский народ. С ним, сплетая ему венец из терний и из роз, идут его поэты» (№ 16. С. 21).

В рубрике «Из России»: стихи М.Кузмина и С.Городецкого, представленных как два разных, но одинаково характерных для революционной эпохи поэта: один ищет, как бы забыться от революции, другой поет радостные гимны (№ 2); стихотворение искусствоведа, друга В.Розанова Э.Голлербаха «Михаил Кузмин» (№ 5); последнее стихотворение А.Блока «Пушкинскому дому» и его эссе «Владимир Соловьев и наши дни» (№ 1); статья публициста В.Дорошевича «Красные и белые» (№ 1), рассказы и очерки писателя В.Муйжеля — о быте и нравах времен российской революции.

В журнале целенаправленно создается картина «живой жизни» литературы и искусства в советской России. В статье историка литературы — марксиста профессора П.С.Когана «Поэзия Октябрьской революции» (№ 7) сделана попытка показать, что все главное в русской литературе совершается в России, эмигрантская литература в кризисе — «мещанский дух» Европы не может вдохновить русских писателей. Процветает театр в отличие от западного театра, застывшего в своих формах. Революция, по Бобрищеву-Пушкину («Драматический театр в России», № 2), потрясла русский театр до основ, спасла его от застоя.

В искусствоведческих статьях, перепечатанных в журнале, показано, как бережно в советской России относятся к памятникам прошлого, как оживает искусство (Лукомский Г. Охрана памятников и старины в России, № 15; Голлербах Э. Охрана предметов искусства в Царском Селе, № 5; О выставке Общества Куинджи в Петрограде, № 5; Заметки о художественной жизни. К вопросу о передвижных музеях. Судьба Юсуповских Рембрандтов, № 14; Светляков Я. Она ожила. Беседа с ректором Академии художеств А.Е.Белогрудом, № 5).

Общий вывод сменовеховцев: русская интеллигенция обрела себя в революции, открывшей большой простор для творчества. Актер, художник, режиссер, драматург только теперь осознали, насколько революция освободила их от рынка, мешавшего творчеству быть проводником культуры. На протяжении долгого времени в России сложилось своеобразное и весьма противоестественное «разделение труда»: интеллигенция творила культурные ценности, не проникавшие в народ и не руководившие властью; носители власти управляли страной, вопреки идеалам интеллигенции и в нарушение хозяйственных интересов «народных масс», а те строили свое хозяйство вне понимания интеллигентской культуры и в глухой ненависти к представителям власти и их политическим и правовым принципам. Ныне намечается единый синтез русских культурных миров: давно признанного культурным и таинственного, многоликого — народного (Лукьянов С. Революционное творчество культуры, № 8; Н.С. Московские впечатления, № 8).

Журнал постоянно публиковал письма из Москвы и Петербурга, создающие впечатление бурления жизни: лекции, диспуты, театры, концерты, новые издательства, журналы. Сменовеховцы видели свою цель в том, чтобы доказать предубежденным русским эмигрантам: происходит грандиозное «перевоспитание» русского народа, ликвидируется неграмотность, создается новая рабочая полуинтеллигенция и интеллигенция, формируется новое понимание власти, в новые сферы устремляется искусство.

Журнал призывал эмигрантскую интеллигенцию вернуться в Россию, если не буквально, то в переносном смысле; он предлагал интеллигенции общую и конкретную формулу «примирения» и «сотрудничества» с Москвой: не собственно возвращение, а подготовку к нему, установление контактов с московской властью, а эмиграция должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию, примирить «цивилизованный мир» с новой Россией (Устрялов Н. Проблема возвращения, № 11). Обращает на себя внимание лексика сменовеховцев, усвоивших советскую политико-бюрократическую терминологию («народные массы», «перевоспитание масс», «хозяйственный фронт» и пр.).

Сменовеховцы пришли к выводу: наступил новый этап. В ответ на их политические выступления представители советской власти пошли им навстречу, увидев, что, не становясь коммунистами, русские интеллигенты могут работать совместно с коммунистами, а сменовеховцы пошли навстречу советской власти, понимая, что с ее крушением рушилась бы всякая надежда на новую Россию. «Смена вех произведена, позиции заняты... Ощущение того, что мы н а к а н у н е. Накануне великого дня» (Передовая // № 20. С. 3).

Сменовеховцам оказалось дальше легче работать в Берлине, где еженедельник «СВ» сменился ежедневной газетой *«Накануне»*.

Сборник и журнал «СВ» вызвали много откликов. Эмиграция в большинстве своем отвергла сменовеховство и национал-большевизм. В самой России сменовеховство вызвало интерес и позитивные отклики в официальной прессе — в «Правде», «Известиях», хотя и не без критических замечаний по поводу тезиса о перерождении революции в эволюцию. В среде интеллигенции нашлись люди, объявившие себя сменовеховцами.

Т.Н.Красавченко

СОБРАНИЯ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Париж, 1929—1930). Организация Собраний была связана с попыткой установления контактов с французскими литераторами и преодоления изоляции русских писателей в эмиграции. С русской стороны инициаторами создания франко-русской студии были молодой поэт и журналист, один из редакторов парижского журнала *«Новый дом»* В.Б.Фохт и писательница Н.Д.Городецкая; с французской — Робер Себастьен и редакции журналов «France et Monde» и «Cahiers de la Quanzaine». В Собраниях принимали участие русские литераторы как старшего, так и молодого поколений, философы, общественные и религиозные деятели. Среди них были *Г.В.Адамович*, *М.А.Алданов*, Г.И.Алексинский, *Н.Н.Берберова*, *Н.А.Бердяев*, *И.А.Бунин*, *В.В.Вейдле*, *Б.П.Вышеславцев*, *Г.И.Газданов*, *И.Н.Голенищев-Кутузов*, *А.Ф.Даманская*, *Б.К.Зайцев*, *К.И.Зайцев*, Н.К.Кульман, И.В. де Манциарли, Ю.Л.Сазонова, *М.Л.Слоним*, Т.Л.Сухотина-Толстая, *Н.А.Тэффи*,

М.И.Цветаева, М.О.Цетлин и др. Французская сторона была представлена литературными именами: Александр Арну, Жорж Бернанос, Андре Бюклер, Поль Валери, Луи Жиле, Леон Пьер Кент, Пробюс Корреар, Бенжамен Кремье, Андре Мальро, Марсель Соваж, Андре Терив, Станислас Фюме, критик Рене Лалу, поэт Эмиль Люц, редактор журнала «Cahiers de l'étoile» Бланше, поэтесса и критик Гадала и др. Собеседования, включавшие в себя чтение докладов и их последующее обсуждение, были публичными и собирали, помимо непосредственных участников, большое число слушателей. Как правило, выступали два содокладчика — с русской и французской стороны.

Темы собеседований были посвящены русским и французским писателям, а также современному состоянию литературы, взаимовлиянию русской и французской литератур. Русская проблематика была представлена темами: «Достоевский в представлении наших современников» (18 декабря 1929; вступительное слово К.И.Зайцева и Р.Лалу), «Внутренняя драма Л.Н.Толстого» (28 января 1930; Н.К.Кульман) и «Духовная роль Л.Н.Толстого» (28 января 1930; С.Фюме); французская — докладами о Рене Декарте (27 декабря 1930; выступления Б.П.Вышеславцева и Ж.Маритэна), о творчестве Марселя Пруста (25 февраля 1930; Р.Онерт и Б.П.Вышеславцев), Поля Валери (25 ноября 1930; содокладчики В.В.Вейдле и Р.Лалу; на вечере выступил сам поэт), Андре Жида (25 марта 1930; Л.-М.Шоффие и Г.В.Адамович). Отдельные встречи были посвящены темам: «Роман после 1918 года» (29 апреля 1930 — докладчики Б.Кремье и В.Б.Фохт), «Восток и Запад» (27 мая 1930 — вступительное слово Н.А.Бердяева и А.Массиса), символизм (16 декабря 1930; выступили Н.Н.Берберова и критик «Mercure de France» А.Фонтенак), советская литература (4 ноября 1930 — докладчики Ю.Л.Сазонова и А.Бюклер). Отчеты о первых четырех собраниях были опубликованы по-французски в издательстве «Cahiers de la Quinzaine»: Sebastien R., Vogt W. Rencontres, soirées franco-russes des 29 octobre 1929 — 29 novembre 1929 — 18 decembre 1929 — 28 janvier 1930. P., 1930.

Т.Л.Воронина

«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (Париж, 1920. Ноябрь — 1940. № 1—70) — крупнейший, наиболее влиятельный и долговечный журнал русской эмиграции, в котором были напечатаны художественные произведения, публицистические и литературно-критические статьи практически всех сколько-нибудь заметных литераторов, не принадлежавших к крайне правому лагерю. Обсуждая положение эмигрантской печати, *В.Ф.Ходасевич* констатировал: «По условиям эмигрантской жизни «Современные записки» — чуть ли не единственный у нас «толстый» журнал. Если они возьмут сторону какой-нибудь одной группы, то механически заткнут глотку всем прочим, — и мне одинаково будет неприятно, случится ли это со мной или с моим литературным противником. Следовательно, некоторый единый литературный фронт эмиграции в «Современных записках» неизбежен» (*Терапиано*. С. 57).

По первоначальному замыслу, создание «толстого журнала» должно было стать частью более общей издательской программы эсеровски ориентированной русской интеллигенции. Летом 1920 в Париже под председательством А.Ф.Керенского было созвано совещание (по воспоминаниям *М.В.Вишняка*, наиболее тщательного мемуариста, на него было приглашено около 30 человек, из которых всего несколько принадлежали к социал-демократам-меньшевикам и народным социалистам), решившее выпускать, наряду с книгами и брошюрами, ежедневную газету и толстый журнал, целью которых было «уяснить себе и другим причины катастрофы и крушения русской демократии» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 67; далее ссылки на эту работу обозначаются: Вишняк). Первоначальные средства на издание журнала были получены Керенским от правительства Чехословакии; источники дальнейшего финансирования неясны: во всяком случае, М.В.Вишняк решительно опровергает слова *И.Г.Эренбурга* о том, что в нем принимал участие *М.О.Цетлин*, обладавший значительными средствами.

Журнал как традиционный «толстый» ежемесячник должен был стать ежемесячным, однако по ряду причин, как внешних (трудности распространения, недостаточность финансирования, валютные сложнос-

ти), так и внутренних, периодичность изменилась, постепенно снижаясь: первоначально ежемесячный, во второй год журнал выпустил пять номеров, а далее — по четыре, три и даже два (в 1938—1939), что отчасти восполнялось увеличением объема отдельного номера и отказом от номеров сдвоенных, как то было обычно в прочих изданиях.

На совещании в состав руководства журналом были предложены М.В.Вишняк, К.Р.Кочаровский и Е.А.Сталинский, однако двух последних практически тут же заменили А.И.Гуковский и *В.В.Руднев*, и к этой тройке (по инициативе Вишняка и Руднева) присоединились Н.Д.Авксентьев и *И.И.Бунаков-Фондаминский*. Этот состав редакторов просуществовал до 1925, когда покончил с собой А.И.Гуковский; с этого момента и до последнего номера редколлегию журнала составляли 4 человека. Несмотря на некоторые внутренние разногласия, особенно в последние годы, подробно описанные Вишняком, общее единство позиции сохранялось благодаря продолжающейся близости политических взглядов.

Однако не политические взгляды редакторов послужили основой существования журнала, а стремление создать действительно читаемый журнал, продолжавший традицию русского «толстого журнала», всегда опиравшегося в первую очередь на беллетристический отдел. Эта традиционность замысла определила название, предложенное специалистом по творчеству Л.Н.Толстого Т.И.Полнером, где соединились названия некрасовского «Современника» и некрасовско-щедринских «Отечественных записок» (подробнее см.: Прохорова И.Е. Журнал «Современные записки» и традиции русской журналистики // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 1994. № 4). Образцом же собственно эмигрантским для первых номеров журнала стал недолговечный журнал *«Грядущая Россия»*, соединивший под одной обложкой представителей различных партий и подчинивший их публицистическую деятельность беллетристике.

Каковы бы ни были намерения пятерки редакторов, своим продолжительным существованием и авторитетом «СЗ» были обязаны прежде всего литературному отделу. Политическая линия журнала, как она выразилась в регулярных обзорах как редакторов (цикл «На родине» Вишняка в 18 номерах и многочисленные другие его статьи, цикл «Пути России» Фондаминского в 17 номерах, «Patriotica», «Сложение сил» и «Итоги» Авксентьева в первых трех номерах, статьи Руднева), так и других близких к журналу авторов (прежде всего — А.Ф.Керенский, а также П.Н.Милюков, В.А.Маклаков, *К.И.Зайцев*, В.И.Талин [С.И.Португейс; писал также под псевдонимом Ст.Иванович], С.И.Гессен и др.), далеко не была единой, вызывая нередкие разногласия даже внутри редакции. Общая линия журнала была направлена, прежде всего, против большевизма в его советском изводе и на попытки выявления как в России, так и за рубежом сил, способных относительно бескровным путем вернуть СССР — Россию на путь демократизма, открывавшийся, по мнению большинства авторов, в период между двумя революциями 1917. Вместе с тем, как вспоминает М.В.Вишняк, «приходилось одновременно вести и отражать атаки на нескольких фронтах: против скрытых большевиков и перекликавшихся с ними реакционеров-монархистов, против евразийцев и младороссов, против сменивших вехи вправо или влево, против забывших свое собственное прошлое левых эсеров и либералов, против «друго-врагов» среди меньшевиков и в нашей собственной среде» (Вишняк. С. 81). Эта, в общем, центристская позиция (подобно позиции газеты *«Последние новости»*), хотя и с безусловной ориентацией на политическую линию правых эсеров (об этом см. в кн.: Вишняк М. Годы эмиграции 1919—1969: Париж—Нью-Йорк (Воспоминания). Stanford, [1970]. С. 93), позволяла делать журнал в той или иной степени приемлемым для всех лагерей эмиграции, хотя, естественно, нападки с различных сторон были нередки, особенно после сравнительно немногих резких статей. Один из существенных примеров такого рода — статья В.Ф.Ходасевича «О *"Верстах"*», давшая образец соединения литературной и политической оценки деятельности нового журнала (или сборника — жанровая природа «Верст» определена нечетко). Давая точный и проницательный разбор системы литературных приоритетов и эволюции воззрений *Д.П.Святополка-Мирского* на протяжении нескольких последних лет, Ходасевич делает это, исходя из общей характеристики «евразийства» середины двадца-

тых годов, рассматриваемого как новый вариант «сменовеховства» и — в более широком смысле — большевизанства в эмигрантской печати. При этом Ходасевич проницательно оценивает не только саму «новую экономическую политику», но и точно намечает дальнейший путь развития советской идеологии.

В то время статья Ходасевича была расценена прежде всего как точный (или — с точки зрения участников «Верст» — крайне предвзятый) анализ литературной позиции журнала. Так, редакция «Верст» откликнулась на нее письмом в редакцию «СЗ» (№ 30. С. 599—600), сопровождаемым откликом лично задетого А.С.Лурье (ср. также ответ редакции «СЗ» // Там же. С. 600). Довольно часто спорившая с Ходасевичем по различным вопросам *З.Н.Гиппиус* была от его статьи в восторге: «...отмечу, прежде всего, убийственную отповедь «Верстам» — В.Ходасевича. <...> Ходасевич не только сказал, но и доказал, что писательская группа «Верст» со своим руководителем «стоит не лицом к России, а лицом к ее мучителям»... и когда зовет в Сов. Россию — «заманивает в застенок» (ПН. 1926. 11 нояб.; ср. также ее письмо к Ходасевичу от 26 октября 1926: Гиппиус З.Н. Письма к *Берберовой* и Ходасевичу. Ann Arbor, 1978. С. 67). Но даже инспиратору статьи Ходасевича М.Вишняку казалось, что «он оказался неправ в ряде утверждений и истолкований».

Особенно следует отметить регулярные публикации статей *Г.П.Федотова* (в 20 последних номерах — 12 больших работ), ряд исторических и литературоведческих работ *П.М.Бицилли* (всего 33 статьи, не считая множества рецензий, нередко обладающих не меньшим интеллектуальным потенциалом), статьи классиков русской религиозно-философской мысли XX века — *Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Б.П.Вышеславцева, В.В.Зеньковского, Л.П.Карсавина, Н.О.Лосского, Г.В.Флоровского, Л.И.Шестова*. Сравнительно немного печатался в «СЗ» *К.В.Мочульский*, но, вероятно, именно его публикации могут обозначить тот путь, который в значительной степени определил движение литературоведческой и культурологической мысли русской эмиграции: начав с тонкой и проницательной статьи «Классицизм в современной русской поэзии» (1922. № 11), давшей анализ, во многом параллельный тем, что в это же время создавались авторами русской формальной школы и близкими к ним (особенно заметны пересечения с «Преодолевшими символизм» В.М.Жирмунского), он завершил сотрудничество с журналом статьей «Положительно-прекрасный человек у Достоевского» (1939. № 68), ставшей образцом тех духовных исканий, которые нашли выражение в его книгах о Вл.Соловьеве, Гоголе, Достоевском и которые, возможно, лучше всего объясняются названием одного из сборников, где Мочульский сотрудничал, — «Православное дело».

Таким образом, отчетливо видно, что литературная и «общественная» часть журнала были теснейшим образом между собою связаны, и тот синтез общих устремлений Серебряного века, который так или иначе просматривался в творчестве большинства его заметных представителей, на страницах «СЗ» возникал если не вполне осознанно, то, во всяком случае, с точки зрения внешнего наблюдателя виден чрезвычайно отчетливо. Отчасти такая особенность определялась еще и тем, что многие постоянные авторы «СЗ» были склонны не просто к литературному творчеству, но обладали также дарованиями публицистов, историков, критиков, философов. Вряд ли случайно, что именно на страницах «СЗ» увидела свет единственная попытка философа *Ф.Степуна* создать художественное произведение — роман «Николай Переслегин» (1923—1925. № 14—15, 17—18, 20—22, 25), опыт весьма беспомощный с художественной точки зрения, однако существенный как попытка написать философский роман не с позиции художника, а с позиции профессионального мыслителя. Существенно и то, что Степун заведовал беллетристическим отделом «СЗ». До его высылки из России в 1922 этот отдел не имел формального руководителя (получивший предложение сделаться им *М.А.Алданов* ответил отказом), существовал за счет разрозненных усилий редакторов и общей активности писателей, в том числе и чрезвычайно крупных. Впрочем, и в те годы, когда Степун формально руководил отделом, нередки были случаи вмешательства и других редакторов в собственно литературные проблемы, что могло приводить к серьезным обидам многих литераторов. Так, хорошо известна обида *М.Цветаевой*, жаловавшейся своему корреспонденту

Ю.П.Иваску в 1933: «...»*Воля России»* — ныне кончена. Остаются... — будь они прокляты — «Современные записки», где дело обстоит так: «У нас стихи вообще на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр. — 12 поэтов» (слова литер. редактора Руднева — мне)...» (Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 212). И о том же Рудневе вспоминал *В.С.Яновский*, обиженный отвержением своего удачного рассказа «Двойной нельсон»: «Руднев был честнейшим, милейшим, добрейшим русским интеллигентом, дворянином, земским врачом и эсером. Как почти все из этой среды, он мало смыслил в искусстве и не высказывал суждения о живописи и стихах. Но проза казалась ему делом простым и нехитрым. Вообще литература ведь только придаток, аппендикс к другим силам, ведущим борьбу с произволом. И этот честнейший зубр занимался редактированием единственного в эмиграции толстого журнала» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 28).

Проблема взаимоотношений различных поколений и различных направлений на страницах «СЗ» вообще была одной из наиболее острых, особенно на протяжении 1930-х, когда обрело силу второе поколение писателей эмиграции, которому часто не находилось места на страницах журнала. Один из тех, кто постоянно поддерживал литературную молодежь, В.Ф.Ходасевич говорил, имея в виду прежде всего «СЗ»: «Не чувствуя за собой права и умения разбираться в литературных произведениях, редакции стараются печатать людей с «именами», людей, которые сами за себя отвечают. Отсюда — засилие «стариков», вредное само по себе, и уверенность молодежи, что ей умышленно закрывают дорогу...» (Терапиано. С. 57). Это не было справедливым в полной мере: на страницах журнала постоянно печатался *Набоков* (романы «Защита Лужина», «Отчаяние», «Подвиг», «Camera obscura», «Приглашение на казнь», «Дар», многочисленные рассказы, статьи, стихотворения), *Б.Поплавский* (15 стихотворных публикаций), Н.Берберова, *Г.Газданов, Г.Песков, В.Федоров*, время от времени устраивались представления поэтических группировок, объединявших преимущественно молодых. Редакторы считали себя обязанными предоставлять место даже тем авторам, которые были им чужды по особенностям своего таланта. Та же Цветаева, которая столь решительно восставала против «СЗ», по подсчетам Вишняка, печаталась в 36 номерах журнала из 70 (в том числе — такие объемистые прозаические произведения, как «Вольный проезд», «Мои службы», «Искусство при свете совести», «Живое о живом», «Дом у старого Пимена», «Мать и музыка», «Нездешний вечер», «Мой Пушкин»), в пятнадцати номерах были напечатаны произведения *А.Ремизова*, печатали «СЗ» прозу художника *Ю.Анненкова* (под псевдонимом Б.Темирязев), стихи и прозу *Г.Иванова* и т.д. Однако безусловной (особенно в отделе прозы) была все же ориентация на литературу традиционную, которая вдобавок могла бы быть интересна максимально широкому кругу читателей. Конечно, «СЗ» были ориентированы на читателя из «средней интеллигенции», обладающего неопределенно-либеральными убеждениями и по крайней мере гимназическим образованием, а не воспринимающего литературу как исключительно развлекательное чтиво. Это, кстати сказать, определяло и сравнительно небольшой тираж (точные его цифры нам неизвестны), в значительной своей части расходившийся по библиотекам.

Первоначально центр беллетристического отдела составил роман *А.Н.Толстого* «Хождение по мукам» (1920—1921. Кн. 1—7), начатый печатанием в «Грядущей России», но оборвавшийся в начале. Близко стоявший к предыдущему журналу И.И.Фондаминский уговорил Толстого отдать роман «СЗ», причем в конце первого номера было перепечатано и начало, чтобы читатель и подписчик мог получить роман полностью. Естественно, что после «смены вех» Толстой в журнале более не печатался, но его роман (в первой редакции еще не обретший тех многочисленных идеологических пассажей, которые определили дух советского варианта романа, превратившегося в трилогию) смог привлечь внимание читателей как напряженным сюжетом, так и уверенным писательским мастерством.

С третьего номера в журнале начал печататься роман М.А.Алданова «Святая Елена, маленький остров», которым писатель дебютировал в качестве прозаика. С этих пор Алданов стал одним из наиболее регулярных авторов «СЗ» (романы «Девятое Термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Ключ»,

«Бегство», «Пещера», «Начало конца», многочисленные рассказы и статьи), что было предопределено в первую очередь совпадением общего его писательского своеобразия с той линией, на которую ориентировались «СЗ». Характеризуя его, *Р.Б.Гуль* сочувственно цитировал слова М.М.Карповича: «...в основе благожелательности Алданова лежало прежде всего то, что он был человеком культуры» (Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1989. Т. 3. С. 161). Первый номер «СЗ» открывался небольшим редакционным заявлением «От редакционной группы», в котором вопрос о культуре был представлен как наиболее принципиальный для начинающегося журнала: «Современные Записки» посвящены прежде всего интересам русской культуры ... в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. «Современные Записки» открывают поэтому широко свои страницы — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке — для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры». Свобода от политической ангажированности при общей ориентации на либеральную систему ценностей, прекрасное знание исторического материала, соединение остросюжетности (делавшей романы Алданова широко читаемыми, в том числе и в переводах на иностранные языки) с отличным пониманием сути исторических и социальных событий и закономерностей, стоявших в центре повествования, делали его творчество особенно близким журналу.

Однако по-настоящему расцвел литературный отдел журнала лишь приблизительно с 1922, когда постепенно начала формироваться русская литература в изгнании вообще. С № 11 (1922) в журнале печатался *Андрей Белый*, находившийся тогда в Берлине; с № 14 (1923) — *Б.Зайцев* и *И.Шмелев*; с № 15 — *Д.Мережковский*; с № 18 — *Бунин*. Именно эти авторы и оказались в центре читательского внимания, именно их имена в значительной степени символизировали прозу «СЗ». По мере разрастания круга писательских имен, причастных к эмиграции (первоначально было возможно сотрудничество в журнале авторов, или вовсе не выезжавших из России, как М.Волошин, или впоследствии туда вернувшихся, как Андрей Белый, А.Толстой, М.Гершензон и пр.), редакция начала ориентироваться на наиболее известных авторов, заведомо популярных в читающей публике. Со временем абсолютное преимущество получил Бунин, чему способствовало, несомненно, и получение им Нобелевской премии. Подавляющее большинство его произведений второй половины 20-х и всех 30-х печаталось на страницах журнала, в том числе «Несрочная весна» (1924. № 18), «Митина любовь» (1925. № 23—24), «Дело корнета Елагина» (1926. № 27), «Солнечный удар» (1926. № 28), «Жизнь Арсеньева» (1928—29, 1933. № 34, 35, 37, 40, 52, 53), фрагменты из «Освобождения Толстого» (1937. № 63). Его сотрудничество так высоко ценилось редакцией, что ему регулярно шли на различные уступки, касавшиеся сроков сдачи рукописей и корректур (см.: Вишняк. С. 93—94).

Бунин принадлежал к числу чрезвычайно популярных писателей, еще находясь в России, но Б.К.Зайцев и И.С.Шмелев, став известными еще до революции, настоящую популярность обрели, уже будучи в эмиграции, и «СЗ» очень активно способствовали этому процессу. Зайцев напечатал в журнале такие романы и повести, как «Улица св. Николая» (1923. № 15), «Золотой узор» (1923—25. № 15—19, 22—24), «Анна» (1928—29. № 26—28), «Дом в Пасси» (1933—1934. № 51—54); «Путешествие Глеба» (1939—1940. № 69—70, не окончено), беллетризованную биографию «Жизнь Тургенева» (1930—1931. № 44—47), а всего его библиография насчитывает 24 публикации в «СЗ», часто растягивавшиеся на несколько номеров. Количественно меньше печатался Шмелев, но и его место на страницах журнала весьма заметно (в том числе романы «История любовная», «Солдаты» и «Няня из Москвы»). Публикация «Солдат» сопровождалась рядом недоразумений, в результате которых Шмелев был вынужден прервать публикацию (изложение редакционной версии см.: Вишняк. С. 130—131).

В 21 книге журнала появлялись произведения Д.С.Мережковского, однако ни он сам, ни З.Н.Гиппиус этим количеством не были удовлетворены. Претензии Мережковского на место первого писателя русской эмиграции далеко не совпадали с мнением редакторов. Как писал Вишняк, «...если журнал печатал произведения Мережковского сравнительно часто и, во всяком случае, чаще, чем того хотелось бы редакции, это происходило не только из пиетета к былому Мережковского, но и из практических соображений: редакция опасалась потерять нужного и ценного сотрудника — Мережковскую-Гиппиус» (с. 97). Действительно, многие книги Мережковского тех лет были опубликованы в «СЗ» или частично, или не печатались там вообще. Значительно многочисленнее были публикации З.Н.Гиппиус, но по большей части это были или стихи, или статьи и рецензии, иногда под широко известным псевдонимом Антон Крайний. Именно им были подписаны две статьи под общим названием «Литературная запись» (1924. № 18—19), произведшие весьма неблагоприятное впечатление на многих читателей и критиков как довольно резкими высказываниями по адресу ряда писателей эмиграции, так и политическими нападками (в частности, на *Горького*), что вызвало необходимость специальных разъяснений в печати со стороны как редакции, так и автора (ПН. 1924. 31 янв., 1 и 6 февр.). Некоторую настороженность редакции вызывало желание Гиппиус оказывать решительное воздействие на общую линию журнала, причем, сколько можно судить из опубликованных материалов, она ставила перед собою прежде всего две задачи. С одной стороны, это было желание повлиять на эстетический облик журнала, прежде всего за счет предоставления как можно более широких возможностей молодым авторам. В сборнике «Литературный смотр» она писала: «К половине 30-х годов у нас оказалась одна-единственная газета (с ее собственным журналом) и один уцелевший толстый журнал, выходящий раз в 3—4 месяца. Таким образом, возможность печататься (да еще свободно) для большинства «молодых» — отпала <...> Стихи все-таки можно напечатать, и даже крошечную «поэтическую» книжку — можно выпустить. Ну а писатели со склонностью и способностью к мысли, к другим формам слова, — критике, философии, к статьям всякого рода, — им что делать? Писать для себя, у себя в углу? Пустое! Так не бывает...» (с. 6—7). Такого рода защита относилась, конечно, не только к «молодым» в собственном смысле этого слова литераторам, но прежде всего к тем, чьи произведения (все или лишь отдельные) вызывали неприятие редакции «СЗ». Можно предположить, что конкретно высказывание Гиппиус могло относиться к «Распаду атома» Г.Иванова, напечатанному отдельным изданием и вызвавшему широкую полемику в печати, причем Гиппиус была его яростной пропагандисткой и защитницей, тогда как журнал предпочел обойти это произведение молчанием, а постоянный автор «СЗ» В.Ф.Ходасевич весьма иронически отрецензировал его в газете *«Возрождение»* (1938. 28 янв.). Но с вопросом о новых эстетических критериях Гиппиус постаралась связать и значительно более широкий вопрос о принципах существования эмигрантской литературы, культуры, журнального дела вообще. В принципиальном докладе «Русская литература в изгнании» (1927), сделанном на заседании общества *«Зеленая лампа»*, она говорила: «...выучиться свободе — пожалуй, главная задача, задача эмиграции... Время требует, чтобы в понятие свободы общей было внесено и понятие свободы личной, принцип «личности» — различия, отличия одной пары глаз от другой... Смутно догадываясь о нем, ища подхода к свободе «для себя и для других», «Современные записки» то и дело перескакивают через свободу... И начинается, в новых условиях, старая песня: общей, прежней цензуры нет — так вот свои, заветные, законы о печати» (Терапиано. С. 52—53).

Как кажется, это наиболее серьезный упрек из тех, что были выдвинуты журналу на протяжении всего его существования, ибо он затрагивал наиболее общие проблемы, а не частные аспекты собственно журнальной деятельности. И с этим связан второй упрек Гиппиус, сформулированный не только применительно к литературе, но и относительно политических позиций издания. Вопрос о границах свободы в эмиграции относился к числу основополагающих, поскольку существование в отрыве от России требовало не только приспособления к условиям страны обитания, но и — в том

случае, если человек стремился к осознанию собственного положения в мире, — умения в обстановке практически полной изолированности от современных норм жизни в родной стране выдержать некоторую собственную линию поведения, не подчиненную групповым, партийным, классовым требованиям, а основанную на личностном миропонимании. Практические решения в этой области были чрезвычайно трудны, что и продемонстрировала в конечном счете судьба самих Мережковских: почти обожествление Пилсудского и последующее стремительное в нем разочарование, интерес к Муссолини и приветствие войны с Россией как крестового похода против большевизма вряд ли могут быть приняты в качестве единственно верных решений, несмотря на самое дотошное исследование мотивов такого поведения. Но и несомненная ограниченность пусть даже самой широкой партийной программы, конечно, должна была быть в каком-то аспекте осознана как недостаточная, требующая не просто развития, но и претворения в личностную свободу, ограниченную лишь бесконечно широким Божественным умыслом.

Среди активных сотрудников отдела беллетристики следует отметить также *М.Осоргина*, для первых двадцати номеров— *Г.Гребенщикова, С.Минцлова, С.Юшкевича, П.Муратова*, для дальнейших — *А.Куприна* (хотя в силу каких-то причин его сотрудничество и началось слишком поздно, и ограничилось всего двумя публикациями), Г.Иванова (неоконченный роман «Третий Рим» и воспоминания о Гумилеве), а также молодых писателей, уже упомянутых выше.

Еще более представительным был поэтический раздел «СЗ», где участвовали практически все заметные поэты русского зарубежья в Европе (близкий к исчерпанию список см.: Вишняк. С. 90). Наиболее регулярно печатались *Г.В.Адамович, К.Д.Бальмонт* (преимущественно в начальных номерах), Н.Н.Берберова, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, *В.И.Иванов* («СЗ» были единственным журналом эмиграции, где публиковались его стихи), Г.В.Иванов, *Д.Кнут, А.П.Ладинский, Ю.В.Мандельштам* (в тридцатые годы), *Н.А.Оцуп*, Б.Ю.Поплавский, *В.А.Смоленский*, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, *А.С.Штейгер*. Как нетрудно заметить, предпочтение отдавалось поэтам классической ориентации, часто акмеистической выучки. Во многом определялось это направление отдела вкусами и редакторским чутьем поэта Амари (псевдоним М.О.Цетлина), стоявшего во главе отдела. Будучи сам поэтом достаточно бледным (характерно, что количество его собственных публикаций в журнале сведено до минимума), он стремился уравновешивать представительство различных направлений и течений в русской зарубежной поэзии на страницах журнала, равномерно печатая поэтов самых различных, за исключением, пожалуй, только крайне «левых», которых, впрочем, было не так и много. Сознательным поступком редакции были публикации «периферийных» (пражских, берлинских, белградских, варшавских, отчасти харбинских) поэтов именно как представителей определенных групп. Таким образом, поэтический отдел «СЗ» является наиболее адекватным отражением процессов, происходивших в поэзии первой волны русского зарубежья, если учитывать единичные отступления от этой ориентации (так, почти не печаталась в журнале *И.Одоевцева*, очень мало представлены поэты русского Харбина, не приветствовался в «СЗ» крайний авангардизм и симпатии к советской литературе).

Некоторые авторы служили своеобразным связующим звеном между различными отделами «СЗ». Так, стихи, воспоминания, статьи на литературные и общественные темы, рецензии печатала З.Н.Гиппиус, прозу, воспоминания, публицистические статьи и многочисленные рецензии — М.Осоргин, стихи, прозу, литературно-критические и историко-литературные работы (иногда, как уже говорилось ранее, перераставшие в политическую публицистику), рецензии — В.Ф.Ходасевич. Последний являлся одним из наиболее активных авторов журнала (публикации в 33 книгах журнала, причем нередко в одном номере было сразу несколько его материалов), и его деятельность является весьма характерной для общего направления литературной части «СЗ». Прежде всего это связано с явной ориентацией его творчества на «классичность» — ясность формы, логическая выстроенность, открытое следование традициям пушкинского и даже предпушкинского (книга «Державин») времени, при всем этом Ходасевич теснейшим образом связан

с литературой начала века и современной, не замыкаясь в прекрасном прошлом. Его статьи и рецензии чрезвычайно насыщены мыслями, поданными в концентрированной форме. Привлекательна в них острота постановки темы, взятой чаще всего в неожиданном повороте. Вдобавок, существенной для журнала должна была быть его глубокая убежденность в правоте отстаиваемых идей: «Он отстаивал обретенную им правду фанатически и упорно, против всех и вопреки всему, не считаясь ни с какими последствиями и отрицая всякую «ложь во спасение», «условную ложь общежития» или, по Горькому, — «ложь утешительную, ложь примиряющую»» (Вишняк. С. 147). В результате Ходасевич вошел в число наиболее авторитетных авторов «СЗ», обретя не только постоянное место на страницах журнала, но и некоторое влияние на формирование его литературного отдела. После выхода в свет «Собрания стихов» Ходасевича в 1927 «СЗ» предоставили место статье *В.Вейдле* «Владислав Ходасевич» (1928. № 34), а после смерти поместили прочувствованные некрологи Н.Берберовой и В.Набокова, систематически печатали материалы из литературного наследия Ходасевича.

Особо следует отметить литературно-критический и библиографический отделы «СЗ». Они отличались большой полнотой, высокой точностью оценок и предсказаний на будущее. Привлечение профессионалов высокого уровня во всех областях знаний (в том числе и в литературе) позволило журналу создать впечатляющую панораму научной и литературной жизни русской эмиграции 1920—1930-х. При этом к минимуму сводился элемент субъективизма и политической пристрастности. Особенно это заметно в статьях таких регулярных авторов библиографического отдела, как историк и филолог П.М.Бицилли, историк А.А.Кизеветтер, поэт и искусствовед *В.В.Вейдле*, лингвист С.О.Карцевский (в первых тринадцати номерах), литературоведы *А.Л.Бем*, Н.К.Кульман, К.В.Мочульский, уже упоминавшиеся выше писатели М.О.Цетлин, М.Алданов, М.Осоргин и др., которые стремились к наиболее объективному рассмотрению произведений. В то же время следует отметить, что журнал не ограничивался публикаций лишь «своих» авторов, систематически предоставляя место, к примеру, Г.В.Адамовичу, весьма резко временами (правда, не на страницах «СЗ») полемизировавшему с ведущим сотрудником отдела В.Ф.Ходасевичем, или даже весьма далекому от политической позиции журнала Д.П.Святополку-Мирскому (писавшему преимущественно о книгах советских писателей — И.Бабеля, К.Федина, Б.Пастернака, О.Мандельштама). Однако и их статьи на страницах «СЗ» были преимущественно выдержаны в духе объективности и историзма, отодвигая принципиальный субъективизм далеко на задний план.

При журнале существовало в конце 1920-х и в 1930-е одноименное издательство. «Оно не располагало решительно никакими материальными и техническими средствами и не преследовало коммерческих целей. Единственное, чем оно обладало и что осмысливало его существование, была «фирма» или название издательства — «Современные Записки». И возникло оно благодаря выдумке <...> Фондаминского в сочетании с предприимчивостью берлинского книгопродавца Закса...» (Вишняк М. Годы эмиграции. С. 99). Всего в издательстве (оказавшемся весьма убыточным) вышло 35 книг, в том числе «Десятая симфония» (1931) М.Алданова, «Декабристы» (1933) Амари (М.О.Цетлина), «Избранные стихи» (1929), «Жизнь Арсеньева» (1930), «Митина любовь» (1930), «Божье древо» (1931), «Тень птицы» (1931) И.Бунина, «Древний путь» (1933) *Л.Зурова*, «Черное и голубое» (1931) Ант.Ладинского, «Повесть о сестре» (1931), «Чудо на озере» (1931) и «Вольный каменщик» (1937) М.Осоргина, «Лев Толстой и его жена» (1928) Т.Полнера, «Солнечный произвол» (1937) *С.Прегель*, «Подвиг» (1932) и «Камера обскура» (1933) В.Сирина (В.В.Набокова), «Державин» (1931) Вл.Ходасевича, «Маска и душа» (1932) Ф.Шаляпина, «На весах Иова» (1929) Л.Шестова, книги М.Вишняка, Б.Нольде, *В.Зензинова*, Ст.Ивановича и др. По воспоминаниям М.В.Вишняка, деятельность издательства принесла И.И.Фондаминскому (главному инициатору предприятия) убыток в 18 тысяч франков.

Отчасти родственны «СЗ» были два журнала — сугубо идеологический *«Новый град»*, среди руководителей которого были И.И.Фондаминский, Ф.А.Степун и Г.П.Федотов, и литературно-художественные *«Русские записки»*, предназначенные для того, чтобы несколько демократизировать ориен-

тацию «СЗ», приблизить ее к насущным проблемам эмиграции, особенно «провинциальной». Возникновение этих журналов не могло не повлиять и на круг авторов, и на внутриредакционные отношения «СЗ», заметно осложнив их (в частности, последние две книги вышли под редакцией одного В.Руднева). Однако все эти сложности пришлись уже на последние годы существования журнала, а в 1940, после немецкой оккупации Франции, деятельность его прекратилась. Инерция существования регулярного «толстого» журнала эмиграции, наследующего традиции как отечественных журналов XIX и начала XX века, так и «СЗ», продолжала сказываться, что вылилось в создание уже на новой, заокеанской почве *«Нового журнала»*, даже во внешнем оформлении поначалу заявлявшего о своем откровенном наследовании традиций «СЗ».

В 1937 был издан Указатель содержания первых 65 книжек журнала.

Н.А.Богомолов

СОЮЗ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ (Париж, 1925—1940). В начале 1920-х в Париже, в среде русской эмиграции начинает заявлять о себе новое литературное поколение. Создаются различные кружки, клубы молодых писателей и поэтов. В литературные объединения *«Гатарапак»*, *«Через»*, *«Палата поэтов»* входили *Б.Ю.Поплавский*, *Д.Кнут*, *Б.Б.Божнев*, *А.С.Гингер*, др. поэты. Молодые поэты также принимали участие в «Цехе поэтов», обосновавшемся в кафе Ла Болле. В этом кафе на одном из поэтических вечеров и возникла идея о создании «Союза молодых писателей и поэтов», который бы объединил разрозненные писательские силы младшего поколения «первой волны» русских эмигрантов в Париже. Инициаторами и организаторами этого предприятия выступили *Ю.К.Терапиано*, Д.Кнут, *А.П.Ладинский*, *В.А.Мамченко*. В январе 1925 «Союз молодых писателей и поэтов» (в декабре 1931 переименован в *«Объединение писателей и поэтов»*) был зарегистрирован и обосновался в доме № 79 по улице Данфер-Рошро. Первым председателем Союза стал Терапиано (впоследствии председателями избирались Ладинский, *Ю.Б.Софиев*, *Ю.В.Мандельштам*, *В.А.Смоленский*, *Ю.Фельзен*, *Л.Ф.Зуров*). При «Союзе» был создан Клуб молодых литераторов. Регулярно проводимые в Союзе вечера отличались разнообразием. Вначале это были творческие заседания с докладами на различные литературные темы. Много внимания уделялось теоретическим проблемам поэзии: Б.Поплавский. Поэзия как мистический опыт (23 марта 1929); Ю.Терапиано. Два начала в русской поэзии (3 июля 1926); Ю.Мандельштам. Парнасское начало и лирика (8 марта 1930). Ряд докладов посвящался русским классикам: *Л.Шестов*. Творчество из ничего: А.П.Чехов (4 июля 1925); Т.Л.Сухотина-Толстая. Толстой о литературе (5 февраля 1928); *М.О.Цетлин*. О творчестве *Бунина* (30 мая 1927). Обсуждались проблемы, связанные с молодой эмигрантской литературой (Б.Поплавский. Молодой человек против отцов и детей и за разрыв культурных традиций (26 декабря 1931).

Второе отделение обычно посвящалось чтению и взаимному разбору стихов и прозы членов Союза. Сочинения молодых авторов подвергались жесткой критике. Неизменными участниками литературных вечеров были поэты: Ю.К.Терапиано, А.П.Ладинский, Д.Кнут, *В.Л.Андреев*, М.А.Струве, В.А.Мамченко, *И.Н.Кнорринг*, Б.Ю.Поплавский, Ю.В.Софиев, А.С.Гингер, В.А.Смоленский, *А.С.Присманова*, *И.Н.Голенищев-Кутузов*, Б.Б.Божнев, *Г.А.Раевский*, Ю.В.Мандельштам, *Л.Д.Червинская*, Л.И.Кельберин и др.; прозаики: *Г.И.Газданов*, *В.С.Яновский*, *Б.Б.Сосинский*, Ю.Фельзен, Л.Ф.Зуров, *С.И.Шаршун*. Свои прозаические произведения выносили на суд слушателей Поплавский, Ладинский.

Постепенно деятельность Союза приобретает новые формы. Его собрания начинают посещать писатели старшего поколения, знакомя молодых со своими новыми сочинениями. *М.А.Осоргин* читал главы из романа «Сивцев Вражек» (1 января 1925), *С.С.Юшкевич* — пьесу «В масках, кроме одной» (13 июня 1925), *В.Ф.Ходасевич* — новые стихи (27 июня 1925). Читали также свои произведения *Б.К.Зайцев*, И.А.Бунин, *Г.В.Иванов*, *Н.А.Тэффи*, *Саша Черный*, *З.Н.Гиппиус*, *И.С.Шмелев*, *М.А.Алданов* и др. Деятельное участие в работе Союза принимал *Г.В.Адамович*, бережно опекавший литературную молодежь

В дальнейшем стали проводиться индивидуальные творческие вечера. Один из

первых вечеров был посвящен поэзии Д.Кнута (20 июня 1925). Состоялись творческие вечера В.Андреева (26 января 1926), В.Яновского (26 марта 1932), В.Смоленского (31 октября 1933), Г.С.Евангулова (14 ноября 1934), Г.Газданова (5 декабря 1934) и др. Запоминающимся событием в жизни Союза стал вечер *М.И.Цветаевой* (6 февраля 1926). На вечерах проводились обсуждения книг членов Союза: Ю.К.Терапиано. «Лучший звук» (19 июня 1926), Д.Кнут. «Парижские ночи» (23 апреля 1932) и др.; обсуждения новых изданий писателей: *Д.С.Мережковского* «Атлантида-Европа» (25 апреля 1931), Г.В.Иванова «Розы» (14 марта 1931). Поэтам и писателям, недавно ушедшим из жизни, посвящались вечера памяти: А.А.Блоку (17 октября 1936), Н.С.Гумилеву (28 июня 1930), С.А.Есенину (27 февраля 1926), *А.М.Горькому* (26 июня 1936), В.Ф.Ходасевичу (25 мая 1940).

Большим успехом пользовались вечера устных рецензий; рецензировалась новая литературная продукция как членов Союза, так и других писателей. Диспуты и дискуссии привлекали широкую литературную публику своей злободневной тематикой («Кризис поэзии», «Новый русский человек в эмиграции», «Личность в современном обществе», «Новый человек в советской литературе»).

Интенсивность творческой жизни молодых писателей понуждала их искать более широкую литературную площадку. Они стремятся участвовать в других литературных кружках и объединениях. Значительное число членов Союза принимает участие в деятельности кружка *«Кочевье»*, организованного *М.Л.Слонимом* в 1928. Притягательность его для молодых в том, что там занимались, главным образом, изучением русской советской литературы, ее ведущих тенденций, а также творчеством отдельных писателей. Делались ежегодные обзоры произведений советской литературы («Итоги литературного года за рубежом»). «Кочевье» для многих членов Союза являлось также трибуной, где они выставляли на суд и свои собственные произведения.

Молодые поэты Ю.Терапиано, Г.Раевский образовали свой литературный кружок, который, по предложению Д.Кнута, получил название *«Перекресток»*, где проходили чтения и разборы стихов и прозы его участников, делались доклады на литературные темы.

Философско-литературный салон З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского *«Зеленая лампа»* пытался распространить свое влияние и на литературную молодежь. Если вначале на заседаниях салона бывала только элита эмигрантской литературы, то позже стали приглашать молодых писателей. Из членов Союза наиболее частыми посетителями «Зеленой лампы» были *В.Варшавский*, В.Мамченко, Б.Поплавский, Ю.Фельзен, В.Смоленский, Ю.Терапиано, Ю.Мандельштам, Л.Кельберин, *А.Штейгер*. З.Гиппиус и Д.Мережковский стремились ввести творчество молодых писателей в определенное политическое русло, сделать его политически оппозиционным. Младшее поколение писателей-эмигрантов, отдавая дань литературным заслугам своих мэтров, учась у них художественному мастерству, в то же время настойчиво противостояло им по многим эстетическим позициям. Свое идейно-эстетическое кредо они изложили в журнале *«Числа»*. Некоторые члены Союза входили в литературное, религиозно-философское объединение *«Круг»*, созданное *И.И.Фондаминским* в 1935 и стремившееся объединить, по словам В.С.Яновского, «силы уже подросшего молодого поколения с начинающими стареть бонзами эмиграции» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 27).

Союз молодых писателей и поэтов испытывал большие материальные затруднения. Не было средств на издание своих книг, коллективных сборников, отсутствовал свой печатный орган. Подавляющее число молодых литераторов были материально не обеспечены, им приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. Г.Газданов работал ночным таксистом, Ю.Терапиано — упаковщиком в фармацевтической фирме, Ю.Софиев мыл окна в магазинах и т.п. «Сборники Союза молодых поэтов», которые начинают выходить с 1930, издавались, в основном, на средства самих авторов, в редких случаях на счет какого-нибудь мецената. Всего до 1936 вышло 6 выпусков. Сборники И.Н.Кнорринг («Стихи о себе». Париж, 1931), А.Я.Браславского («Стихотворения». Париж, 1926; под псевдонимом А.Булкин) были изданы на собственные деньги. Правление Союза изыскивало различные возможности

для создания материальной базы. При Союзе была организована «Книжная полка», занимавшаяся рекламой и продажей книг молодых литераторов и изданий других эмигрантских писателей, рисунков, фотогравюр известных художников и фотографов, а также проводившая дешевую подписку на свои издания. Регулярно устраивались большие платные вечера поэзии в кафе «Ла Болле», «Мефисто» и др. В декабре 1934 при Союзе была создана Издательская коллегия, возглавляемая Г.Газдановым, Ю.Фельзеном, В.Яновским. Благодаря самоотверженной деятельности Издательской коллегии вышли книги Ю.Фельзена «Письма о Лермонтове» (1935), В.Яновского «Любовь вторая: Парижская повесть» (1935), *М.Агеева* «Роман с кокаином: По записками больного» (1936), А.Присмановой «Тень и тело: Стихи 1929—1936» (1937), Ю.Софиева «Годы и камни» (1937), Л.Ф.Зурова «Поле: Роман» (1938) и др. В декабре 1935 по инициативе Издательской коллегии была организована первая выставка русской эмигрантской книги в Париже. В двух залах музея Рериха были представлены книги русской эмиграции за последние 17 лет. На открытии выставки председательствовал И.А.Бунин. С приветственными речами выступили Г.В.Адамович, В.Ф.Ходасевич и др.

Свои страницы для публикации произведений молодых поэтов и прозаиков предоставляли сборник «Перекресток» (1930. № 1—2), альманах «Круг» (1936—1938. № 1—3). В конце 1920-х и 1930-х молодая эмигрантская литература Парижа начинает приобретать все большую известность и влияние. Журнал *«Современные записки»*, эмигрантские газеты Парижа помещают рецензии почти на все выходящие книги молодых писателей (в *«Возрождении»* — В.Ф.Ходасевич, в *«Последних новостях»* — Г.В.Адамович). Этому литературному признанию всемерно содействовал журнал «Числа», который, по словам *П.Пильского*, напомнил «о судьбе неприюченной и забытой литературной молодости, забитой в темный угол молчания, общего невнимания, равнодушия редакторов. Казалось, что это — обреченное поколение. Оно бы и стало бы обреченным, многие бы не увидели своих строк в печати: эти имена спасены «Числами» (*Оцуп Н.А.* Современники. Париж, 1961. С. 121). Вокруг журнала «Числа» сформировался литературный кружок, в котором принимали участие почти все члены Союза. «Числа» устраивали большие поэтические вечера, на которые приглашались поэты всех поколений эмиграции, проводились диспуты, где молодежь «скрещивала шпаги» с литературными мэтрами. Молодое поколение писателей утверждало, что «не грубая пропаганда против пропаганды, не насилие над искусством ради свержения другого такого насилия является высокой целью, но самое утверждение принципа свободы творчества, что и есть подлинная борьба с силами, это искусство порабощающими» (Терапиано Ю. Русская зарубежная поэзия // *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 249).

Творческая деятельность Союза оборвалась с началом фашистской оккупации Франции в 1940. По-разному сложились судьбы членов Союза в годы войны. Г.Газданов, В.Варшавский, Д.Кнут, В.Андреев, Б.Сосинский сражались в рядах французского Сопротивления. И.Голенищев-Кутузов — участник антифашистского «Народного фронта» в Югославии, воевал в составе югославской народно-освободительной армии. *Б.Вильде* служил во французской армии во время ее боевых действий против немецких войск, затем издавал подпольную газету «Resistance» (1940—1941), был арестован и расстрелян гестапо. Н.Оцуп — участник итальянского Сопротивления, за антифашистскую деятельность был награжден английскими и американскими орденами. *Н.Туроверов* прошел всю войну в составе Иностранного легиона. Ю.Мандельштам, Ю.Фельзен, *Р.Блох*, *М.Горлин* погибли в фашистских лагерях. Эмигрировали из оккупированного Парижа В.Яновский, *С.Прегель*. Бывший участник Союза В.Н.Унковский писал: «Война смешала все карты, разрушила все планы и так или иначе налаженную жизнь» (*Рубеж*. 1939. № 617).

Л.Г.Голубева

СОЮЗ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ И ЛИТЕРАТОРОВ В ГЕРМАНИИ (Берлин) — был организован 9 сентября 1920. Под председательством И.В.Гессена прошло учредительное собрание, утвержден устав Союза, проведены выборы в правление и в ревизионную комиссию. 12 октября 1920

состоялось первое заседание правления Союза, его председателем был избран И.В.Гессен, секретарем Б.С.Оречкин, казначеем — В.Я.Назимов. И.В.Гессен занимал должность председателя с октября 1920 по февраль 1924, затем в разное время Союз возглавляли *А.А.Яблоновский, Ю.И.Айхенвальд, В.М.Зензинов*, С.П.Мельгунов, В.Е.Татаринов, А.А.Боголепов и др.

Основные цели Союза определял пункт первый устава так: «а) объединение работников русской печати; б) охрана их профессиональных интересов; в) материальная помощь нуждающимся членам Союза» (РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Ед. хр. 216). Правление Союза всеми возможными способами оказывало русским журналистам и литераторам материальную и правовую поддержку, принимало участие в их трудоустройстве, в ходатайстве о въезде в Германию писателей-эмигрантов (по ходатайству правления германское правительство разрешило въезд эмигрировавшему из России *А.М.Ремизову* в сентябре 1921).

На первых заседаниях обсуждался вопрос о создании в Берлине русской кооперативной типографии, обеспечивающей издание литературных трудов своих сочленов. Был разработан устав кассы взаимопомощи Союза. Считая необходимым утверждение своего правового статуса, руководство Союза обратилось к германским властям с просьбой узаконить устав «Профессионального Союза русских журналистов и литераторов в Германии». В марте 1921 устав был утвержден (*Руль*. 1921. 2 марта). Возглавляемое И.В.Гессеном правление считало, что Союзу необходимо расширять круг полномочий. На заседаниях неоднократно обсуждались вопросы охраны авторских прав членов Союза, участия его представителей в Совете русских благотворительных организаций, учреждаемых при миссии российского общества Красного Креста в Берлине, в русском третейском суде. В Совет русских общественных организаций от Союза были делегированы И.В.Гессен, И.М.Троцкий, Г.Н.Брейтман, в третейский суд — В.Д.Набоков, И.В.Гессен, П.О.Шутяков, Г.М.Бейленсон, С.Л.Кучеров. По инициативе Союза русских журналистов и литераторов была учреждена берлинская секция Всероссийского союза работников печати (27 января 1923).

Особенно заботило членов правления Союза в начале его существования правовое положение русских писателей в Германии. Выяснилось, что в Германии нет закона об охране авторских прав, в силу этого невозможно вмешательство писательской организации в отношения между издателем и автором. Были попытки связаться с Союзом писателей Германии (май 1921) для выработки совместных действий по защите авторских прав русских и немецких литераторов, в частности, запрещения издания книг в советской России без ведома их авторов. Дебатировался вопрос о вхождении в Союз писателей Германии русских эмигрантских журналистов и литераторов, но этого слияния не произошло. В январе 1923 делегация в составе И.В.Гессена, *Вас.И.Немировича-Данченко* и других членов правления посетила директора полицей-президиума Берлина с целью выяснения правового статуса русских писателей-эмигрантов. Но этот визит не дал конкретных результатов.

Чтобы сохранить существование и жизнедеятельность Союза, его руководство направило свои усилия на изыскание материальных средств. Неоднократные обращения к берлинским русским издательствам о пожертвованиях в фонд Союза давали определенные денежные поступления. Другим источником пополнения скудной кассы писательской организации служили различные платные мероприятия, организуемые в Союзе: литературные вечера, лекции, доклады, музыкально-драматические концерты, балы прессы, масленичные вечера («Литературные блины»). Была создана специальная комиссия, занимавшаяся разработкой и реализацией ежегодных планов подобного рода.

20 ноября 1920 в Союзе состоялся первый литературный вечер, посвященный памяти Л.Н.Толстого. Толстовские торжества явились значительным событием в культурной жизни Берлина, в них приняли участие, кроме представителей русской общественности, президент рейхстага г. Лебе, депутаты рейхстага, члены германского правительства. На вечере со словом о Толстом выступили И.В.Гессен, С.Я.Шклявер. Была прочитана речь Г.Гауптмана о Толстом, присланная им специально для этого вечера; затем дан концерт с чтением произведений Толстого, а также стихов, посвященных писателю; показан 1-й акт пьесы

«Плоды просвещения» (Руль. 1920. 23 нояб.). Чествование памяти Толстого по инициативе Союза состоялось также 9 сентября 1928.

17 сентября 1921 в Союзе был проведен вечер памяти А.А.Блока. Вступительное слово произнес *М.А.Алданов*, В.Д.Набоковым были прочитаны воспоминания о Блоке *А.В.Тырковой*. Свои стихи посвятили поэту *В.В.Набоков* (Сирин), Ю.Росимов.

В продолжение цикла литературных вечеров прошло торжественное заседание Союза в связи со 100-летием со дня рождения Ф.М.Достоевского (25 ноября 1921). С речами выступали И.В.Гессен, П.И.Новгородцев, А.М.Ремизов. Доклад на немецком языке прочитал проф. Гетч. В.И.Качалов исполнил отрывок из «Братьев Карамазовых». Половина средств, собранных от этого вечера, была отчислена в пользу русских студентов в Германии. За время существования Союза проводились вечера памяти Н.А.Котляревского (29 мая 1925), В.Г.Короленко (19 января 1927), Н.В.Гоголя (9 мая 1927), Ф.К.Сологуба (14 декабря 1927), Н.А.Некрасова (19 января 1928), А.П.Чехова (15 сентября 1929), Н.С.Лескова, Ф.М.Достоевского (20 марта 1931), А.А.Блока, Н.С.Гумилева (11 сентября 1931).

Правление Союза придавало большое значение укреплению связей с культурным миром советской России. По случаю приезда в Берлин труппы МХТ И.В.Гессеном и В.Д.Набоковым было организовано чествование актеров при широком стечении литературно-художественной и артистической публики (26 ноября 1921). От лица литературной общественности русского Берлина выступили В.Д.Набоков и И.В.Гессен, с ответными речами — О.Л.Книппер-Чехова, М.Н.Германова. В.И.Качалов прочел отрывки из «Гамлета», «Братьев Карамазовых». Такой же прием был устроен в Союзе в августе 1922. По просьбе И.В.Гессена приехавший из России *А.Белый* прочел для писателей две лекции: «О Блоке», «Современный кризис» (ноябрь 1921). Состоявшийся 19 мая 1930 вечер *А.П.Каменского*, только что приехавшего из Москвы, собрал большую писательскую аудиторию. Каменский рассказал собравшимся о сложностях литературной жизни в советской России, о звонке И.В.Сталина М.А.Булгакову.

Стремясь разнообразить культурную жизнь русского Берлина, правление Союза периодически устраивало балы прессы. Первый из них состоялся 24 ноября 1922 и представил интересную и разнообразную программу. В празднике приняли участие писатели-сатирики — *Тэффи, Лоло, Дон-Аминадо*, Лери, *Саша Черный*. В киоске продавались книги с писательскими автографами. В 1926 Союз издавал литературные сборники «Бал прессы» под редакцией *С.Горного* и В.Е.Татаринова.

Организовывались благотворительные «Литературные субботники» в пользу Союза русских журналистов и литераторов и Союза сценических деятелей. Один из таких «субботников» состоялся 9 августа 1924, была представлена «Живая газета» с участием А.А.Яблоновского, Н.М.Волковыского, Жака Нуара и др. С 1926 в практику Союза входит проведение вечеров воспоминаний. На первом вечере (9 февраля) с воспоминаниями выступали Ю.И.Айхенвальд, Н.М.Волковыский, И.С.Коноплин. Ряд вечеров были посвящены воспоминаниям о литературной жизни Петербурга, Москвы (27 февраля, 20 марта, 23 апреля 1930).

Руководители Союза стремились придать своим литературным мероприятиям неординарный характер. Таков разыгранный писателями «литературный суд» над героем «Крейцеровой сонаты» Л.Н.Толстого Позднышевым (13 июля 1926). Роли распределились следующим образом: председатель «суда» — М.П.Кадиш, члены «суда» — З.Ю.Арбатов, В.Е.Татаринов; обвинители — Ю.И.Айхенвальд, Н.М.Волковыский, защитник — Е.А.Фальковский, эксперт — проф. С.К.Гогель. В роли Позднышева выступил В.В.Набоков (Сирин).

Все общественные мероприятия Союза преследовали как благотворительную, так и культурно-просветительную цель. Члены Союза, осуществляя и просветительскую миссию, стремились к тому, чтобы их сограждане не растворились в иноязычной среде, не порвали с родной русской культурой. На это была направлена и лекционная деятельность: С.П.Мельгунов «Уход Толстого» (28 января 1923), И.С.Гурвич-Глуховской «Судьбы и будущее русской эмиграции» (25 февраля 1926), *А.Л.Бем* «Достоевский как гениальный читатель» (15 января 1931), И.В.Гессен «Трагедия зла в «Бесах» Достоевского» (13 октября 1932) и др.

Союз вместе с другими русскими культурно-просветительскими учреждениями

принял активное участие в Дне русской культуры (8 июня 1924), широко отмечавшемся в Берлине. С речами в защиту русской культуры выступили Ю.И.Айхенвальд, И.В.Гессен и др., свои произведения читали *И.Лукаш*, В.Сирин.

При создании Союза было провозглашено, что деятельность этой творческой организации будет носить сугубо аполитичный характер. И.В.Гессен заявил, что доклады, лекции и прочие мероприятия с политически дискуссионным содержанием должны быть исключены из практики Союза, ибо это может внести раскол в писательскую среду. Его поддержали *Р.Б.Гуль*, П.И.Звездич и др. Но этот принцип на деле не был реализован. Уже с первых шагов деятельности Союза политические проблемы, связанные с отношением к большевистской России, становятся предметом острейшей полемики, а иногда с организационными выводами относительно отдельных его членов. Сообщение Вас.И.Немировича-Данченко на общем собрании Союза о тяжелом положении писателей в советской России (13 мая 1922), а также отчет члена правления Л.М.Неманова (19 мая 1922) о поездке на Генуэзскую конференцию и его впечатления вызвали оживленное обсуждение.

30 мая 1922 состоялось чрезвычайное собрание Союза, на котором по письменному заявлению В.Е.Татаринова обсуждался вопрос о недопустимости пребывания в писательской организации лиц, сотрудничающих в сменовеховской газете *«Накануне»*, субсидируемой большевиками. Из 90 членов Союза на собрании присутствовало 70. Ход этого собрания изложен в газете «Руль» (1922. 1 июня). Среди ораторов не было единодушия. С.Иванович (Португейс) занял резко отрицательную позицию по отношению к сменовеховцам: «Мы отверженные и гонимые. Оставьте же нас в покое, ибо вам место среди избранных, нам среди отверженных». *С.Л.Поляков* заявил, что не могут сосуществовать в одном творческом объединении люди, стоящие на принципах свободы печати и отвергающие их. За исключение писателей, сотрудничающих в «Накануне», высказались Л.М.Неманов, А.М.Кулишер, И.М.Бикерман, Б.И.Немиров, А.Д.Семеновский и др. Выступление И.В.Гессена носило более лояльный характер. По его мнению, Союз не может играть роль суда над своими сочленами, работающими в «Накануне». Писатели указывали на принцип аполитичности, провозглашенный Союзом в первый год его создания. В силу этого принципа литератор, какой бы политической ориентации он ни был, не может подвергаться остракизму. Обращалось также внимание на то, что правление не располагает достоверными сведениями, что «Накануне» издается на большевистские деньги.

В роли обвиняемых предстали Р.Б.Гуль, Б.Россов, А.Вольский, *А.Н.Толстой* (он не явился на собрание) и др. Самую активную позицию среди этой группы писателей занял Р.Б.Гуль. В своей книге («Я унес Россию». Нью-Йорк, 1984. Т. 1. С. 199) Р.Гуль, вспоминая этот эпизод, рассказывает, что в ответ на все обвинения он предъявил факты, уличающие проф. А.И.Каминку в торговых сделках с большевиками, а И.В.Гессена — в контактах с представителем Госиздата коммунистом И.И.Ионовым, и потребовал также их исключения из Союза. В заметке в «Руле» (1 июня 1922) Р.Гулю приписывается следующее высказывание: «Я являюсь сторонником диктатуры пролетариата и мировой революции. Абсолютной свободы печати не существует. Я сам был в белой армии, знаю, какая там свобода печати. Я остаюсь в Союзе и добровольно из него не уйду». В завершение собрания была принята резолюция, поддержанная большинством: «Членов Союза, вступивших в редакцию г. «Накануне», ввиду полного расхождения их теперешней деятельности с целями и намерениями Союза из числа членов исключить». А.Н.Толстой в мае 1923 уехал в советскую Россию, а Р.Б.Гуль стал вместо него редактором «Литературного приложения» к «Накануне».

После исключения сотрудников «Накануне» деятельность Союза окончательно приобретает ярко выраженную политическую окраску. Это проявилось в ходе дискуссии по докладу И.М.Бикермана «Советская Россия и зарубежное представление о ней». Прения по докладу продолжались два дня (16 июня, 4 августа 1922). Бикерман обвинял русскую интеллигенцию в разжигании революционных настроений в России, приведших к установлению большевистского режима. Каждый из выступавших (Е.А.Ефимовский, Р.М.Бланк, А.Д.Семеновский, А.Н.Троповский, Е.Д.Кускова, Р.И.Штейн, Л.В.Эльяшев, Г.А.Ландау, И.М.Троцкий и др.) предлагал свой рецепт

спасения России. В таком же ключе прошло обсуждение доклада Е.Д.Кусковой «Разногласия в русском вопросе» (22 августа 1922). Высланный из Петрограда проф. Питирим Сорокин прочел для членов Союза лекцию «Современное положение России и ее ближайшие перспективы» (3 октября 1922). Большевизм, по мнению ученого, вобрал в себя «все отрицательные стороны царизма и капитализма без их положительных качеств» (Руль. 1922. 5 окт.).

Деятельность Союза заключалась не только в критике большевистского режима, но и в стремлении найти пути и средства к облегчению положения голодающего населения России. Е.Д.Кускова ездила в советскую Россию, вела переговоры с Л.Б.Каменевым о создании комитета помощи голодающим с привлечением средств из-за границы. Именно идея Кусковой реализовалась в создании Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол), куда поступали продукты и деньги из-за рубежа. Союз пристально следил за всем происходящим в России. В 1928 он заявил свой протест против распродажи большевистским правительством российских художественных ценностей за границу (Руль. 1928. 8 нояб.).

Значительным событием в жизни Союза явился *Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов*, открывшийся в Белграде 25 сентября 1928. Союз русских журналистов и литераторов в Германии был представлен на Белградском съезде А.А.Боголеповым, Н.М.Волковыским, В.Е.Татариновым, И.М.Троцким, С.К.Гогелем. Персонально был приглашен Ю.И.Айхенвальд. Сообщение о деятельности Союза сделал на съезде Н.М.Волковыский; А.А.Боголепов выступил с докладом, в котором обосновал идею создания объединения всех существующих зарубежных организаций русских писателей и журналистов с последующим его вхождением в международную федерацию журналистов. Доклад П.И.Звездича «О мерах улучшения правового положения русских писателей и журналистов» был представлен в письменном виде и оглашен на съезде. Заслуги Союза русских журналистов и литераторов в Германии были отмечены наградами от имени югославского короля Александра: А.А.Боголепов награжден орденом Св. Саввы 3-й степени, Н.М.Волковыский — орденом Св. Саввы 5-й степени. Боголепов и Волковыский были избраны в Правление Зарубежного союза русских писателей и журналистов, проект организации которого был утвержден на этом съезде.

За историю своего существования в Германии Союз понес ряд тяжелых утрат. Погиб от пули монархиста во время покушения на П.Н.Милюкова В.Д.Набоков, один из инициаторов создания Союза, соредактор «Руля» (28 марта 1922). 17 декабря 1928 в результате несчастного случая погиб известный литературный критик, член правления Союза Ю.И.Айхенвальд. Правлением Союза была объявлена подписка по сбору средств на памятник Айхенвальду. Союзом неоднократно проводились вечера памяти, посвященные В.Д.Набокову и Ю.И.Айхенвальду.

Торжественно отмечалось 10-летие со дня основания Союза. Празднование юбилейной даты состоялось несколько позднее (8 февраля 1931). На вечере, кроме официальной части, была представлена широкая литературная программа с участием писателей, читавших свои новые произведения (В.Сирин, *В.Я.Ирецкий*, С.А.Кречетов, И.Я.Матусевич, В.Л.Пиотровский и др.).

С приходом Гитлера к власти деятельность Союза становится все менее интенсивной. В печати сведения о деятельности Союза обрываются в 1933. Но, как свидетельствуют архивные данные, Союз продолжал функционировать и в 1934—1935. В РГАЛИ (Ф. 2227) сохранились сведения о проведении вечера совместно с Русским академическим союзом (декабрь 1934), а также выборов правления (июль 1935).

Л.Г.Голубева

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ В ПАРИЖЕ (1920—1940). В июле 1920 в Париже был создан Союз русских литераторов и журналистов, с декабря 1922 он стал называться Союзом русских писателей и журналистов. На первом организационном заседании было выбрано правление в составе *А.Н.Толстого*, М.Л.Гольдштейна, *С.Л.Полякова-Литовцева*, Б.С.Мирского и др. Первым председателем Союза избран *И.А.Бунин*. В октябре того же года был принят устав Союза. С 1921 во главе Союза стал П.Н.Милюков и был в течение многих лет почти бессменным его председа-

телем. Функции секретаря Союза многие годы исполнял В.Ф.Зеелер. Ежегодно производилось переизбрание правления Союза, которое постоянно пополнялось новыми членами. В правление Союза за время его существования входили: И.А.Бунин, А.Н.Толстой, *А.А.Яблоновский*, С.Л.Поляков-Литовцев, *К.Д.Бальмонт*, *В.Ф.Булгаков*, *А.И.Куприн*, *М.Л.Слоним*, С.И.Варшавский, С.Я.Эфрон, *Б.К.Зайцев*, *И.С.Шмелев*, *М.А.Алданов*, *Дон-Аминадо*, *Н.А.Тэффи*, *Саша Черный*, *К.И.Зайцев*, *В.В.Руднев* и др. И.А.Бунин 24 ноября 1933 был избран почетным членом Союза.

Работа Союза ориентировалась, главным образом, на благотворительную деятельность. Русские писатели во Франции, даже самые известные, испытывали крайнюю материальную нужду. Правление всеми силами отстаивало профессиональные, юридические, материальные интересы своих членов. Внимание правления было сосредоточено в первую очередь на мероприятиях, которые давали доходы. Вначале, не имея соответствующего помещения, Союз организовывал небольшие платные литературно-музыкальные концерты (ул. Жакоб 18), в которых выступали с чтением своих произведений писатели (*З.Н.Гиппиус*, *А.М.Ремизов*, С.Л.Поляков-Литовцев, К.Д.Бальмонт и др.), представители театрально-драматического, балетного искусства. По инициативе правления состоялся благотворительный гала-спектакль Русского балета С.П.Дягилева в пользу членов Союза с участием балерины Т.П.Карсавиной, специально приехавшей из Лондона (27 июня 1922).

24 марта 1923 благодаря активным действиям членов правления открылся Клуб Союза русских писателей и журналистов (он также имел название «Очаг друзей русской культуры»). Директором был назначен П.Н.Миронов. 13 февраля 1923 в Клубе был устроен для публики первый бал-маскарад. Открыл бал А.И.Куприн со вступительным словом «О веселии», К.Д.Бальмонт прочел свои «Разгульные стихи». Несколько раз в год устраивались балы прессы, костюмированные, весенние, новогодние и т.п. Один из балов прессы был дан в честь присуждения И.А.Бунину Нобелевской премии. На балы приглашался цвет артистического мира Парижа. Лучшие музыкальные, драматические, балетные коллективы неизменно заполняли художественную программу этих мероприятий. В них участвовали: примадонна Одесской оперы М.А. де Рибас, С.М.Лифарь, И.И.Мозжухин, Парижский симфонический оркестр, театр-кабаре «Летучая мышь» Н.Ф.Балиева. В пользу нуждающихся писателей правление Союза организовало благотворительный спектакль (опера П.И.Чайковского «Пиковая дама»). В благотворительных зрелищных мероприятиях нередко участвовали сами писатели. Так, в спектакле по пьесе Н.В.Гоголя «Женитьба» роли исполняли А.И.Куприн, *М.А.Осоргин*, *Н.Н.Берберова* и др. (13 января 1930). На рождественском вечере (13 января 1928) в юмористической развлекательной программе приняли участие И.А.Бунин, А.И.Куприн, Б.К.Зайцев, Н.А.Тэффи, Саша Черный, Дон-Аминадо. Собранные средства давали возможность материально поддержать многих писателей и журналистов.

Союз пропагандировал лучшие достижения русской культуры и литературы. Наиболее ярко это проявилось в проведении Пушкинских праздников. Союз совместно с *Русским народным университетом* и *Комитетом помощи русским писателям и ученым* организовали большой вечер памяти А.С.Пушкина в связи со 125-летием со дня его рождения (12 июня 1924). На вечере, состоявшемся в Сорбонне, с торжественными речами выступили Н.В.Чайковский, П.Н.Милюков, М.А.Алданов. Свои стихи, посвященные Пушкину, читали И.А.Бунин, К.Д.Бальмонт. В концертном отделении квартет Кедровых исполнил «Славу и вечную память поэту великому», пелись романсы на слова Пушкина, А.М.Ремизов прочел «Сказку о рыбаке и рыбке». Начиная с 1924 Пушкинские праздники проводились ежегодно и стали называться Днями русской культуры. В Сорбонне проходили ежегодные Пушкинские чтения. В 1926 в них участвовали с докладами В.А.Маклаков — «Праздник культуры», *Д.С.Мережковский* — «Пушкин с нами», П.Н.Милюков — «Пушкин и Чаадаев». В честь Пушкинского праздника на средства Союза, Комитета помощи русским писателям и ученым и Русского народного университета вышла однодневная газета «День русской культуры». К этим дням приурочивались концерты и спектакли на пушкинскую тематику (постановка оперы «Руслан и Людмила» — 1928, 1935).

Проводились вечера памяти *С.С.Юшкевича* (25 марта 1928), И.С.Тургенева (21 мая 1933), Л.Н.Толстого (27 мая 1937), на котором выступил последний секретарь Толстого — В.Ф.Булгаков. В докладах, прочитанных на собраниях Союза, наглядно выразилась тоска по утраченным связям с культурными корнями родины, стремление знать, что происходит в оставленном отечестве, и тревога о его судьбе: О.Э.Озаровский. «Великие знаки: Сокровища русской культуры и искусства» (24 ноября 1920); В.Д.Кузьмин-Караваев. «Литературные организации в Петербурге (по личным воспоминаниям)» (20 ноября 1923); С.В.Яблоновский. «Русские писатели и русская революция» (25 марта 1921); П.Я.Рысс. «Пути русской революции» (3 января 1921); С.П.Мельгунов. «Культурная деятельность в советской России» (15 января 1924); *Ф.А.Степун*. «Революция и литература» (24 февраля 1925) и др.

Приезд московских театров на гастроли в Париж был подлинным праздником для русских эмигрантов. Руководство Союза устроило торжественную встречу труппе московского Камерного театра с ее режиссером А.Я.Таировым. Артисты Камерного театра исполнили для членов Союза отрывки из своих спектаклей. Столь же восторженно был встречен коллектив МХТ. В помещении Союза состоялся спектакль А.Н.Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке В.И.Немировича-Данченко (29 октября 1923).

В 1920-х Союз в своей деятельности не стоял в стороне от политики. В газете *«Общее дело»* (1921. 13 февр.) от имени Союза было опубликовано воззвание «Не убивай заложников», под которым стояла также подпись И.А.Бунина. Авторы воззвания выступали против большевистских репрессий в России. По политическим мотивам (за участие в сменовеховской газете «*Накануне*») были исключены из Союза А.Н.Толстой, *И.М.Василевский, А.Ветлугин*. Причиной также послужило известное письмо А.Н.Толстого Н.В.Чайковскому, в котором было заявлено о лояльности писателя в отношении к советской власти. Правление Союза постановило: «Принимая во внимание, что основным началом Союза как профессиональной организации деятелей печати является начало свободы печати и что членами Союза не могут быть лица, участвующие в органах печати, защищающих власть, отрицающую свободу печати, считает гр. А.Н.Толстого, А.Ветлугина и И.М.Василевского выбывшими из числа членов Союза» (ПН. 1922. 9 мая).

В Союз входили, в основном, писатели старшего поколения и их политические взгляды и позиции были зачастую диаметрально противоположны, что нередко приводило к конфликтам и открытым столкновениям. Ряд членов Союза группировались вокруг газеты *«Возрождение»*, занимавшей правые позиции, другая часть писателей примыкала к *«Последним новостям»* — газете левого толка, редактируемой П.Н.Милюковым. Красноречив конфликт, возникший между сотрудником «Возрождения» Л.Д.Любимовым и П.Н.Милюковым, являющимся также председателем правления. Решением правления Л.Д.Любимов был на год исключен из членов Союза. Конфликт получил широкую огласку. Любимов опубликовал в «Возрождении» письмо: «Правление Союза русских писателей и журналистов в Париже постановило лишить меня прав, присвоенных мне как члену Союза, сроком на 1 год, на том основании, что я позволил себе иметь отрицательное суждение о председателе Союза г. Милюкове» (В. 1937. 13 февр.). Далее он обвиняет Милюкова в том, что его газета «работает на большевиков», и заявляет о своем окончательном выходе из Союза. Разность политических позиций писателей старшего поколения и определила тот факт, что их личные творческие контакты не были столь интенсивны, как то наблюдалось в среде молодых эмигрантских поэтов и прозаиков. Это явление было отмечено *Г.В.Адамовичем:* «Старшие наши писатели живут и работают уединенно и замкнуто. Вкус к общению они давно потеряли и разбились на маленькие группы, редко находящие «общий язык» одна с другой. Литературной жизни — в обычном значении этого понятия — вокруг них почти нет» (Адамович Г. Парижские впечатления // ПН. 1934. 12 апр.). Правление Союза стремилось преодолеть писательскую разъединенность. Для этого устраивались семейные вечера, обеды, товарищеские встречи, но они мало что изменили в существующем положении вещей.

25 сентября 1928 в Белграде открылся *Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов*. Парижская делегация

на съезде была самой многочисленной. Ее представляли А.И.Куприн, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцев, А.А.Яблоновский, *М.В.Вишняк*, В.В.Руднев, В.Ф.Зеелер, К.К.Парчевский, К.И.Зайцев. (Приглашенные П.Н.Милюков, И.С.Шмелев, Н.А.Тэффи по различным причинам не смогли приехать на съезд.) С сообщением о деятельности парижского Союза русских писателей и журналистов выступил его секретарь В.Ф.Зеелер. На съезде был утвержден проект организации Зарубежного союза русских писателей и журналистов, состоящего из местных союзов (Парижского, Берлинского, Варшавского, Белградского, Пражского). Органы управления — съезд Союза, совет Союза, президиум совета, правление Союза. Председателем совета был избран член правления парижского Союза писателей и журналистов — А.А.Яблоновский. Президиум совета составляли делегаты Парижского Союза с его местопребыванием в Париже. В правление Зарубежного союза русских писателей и журналистов от парижской делегации были избраны В.Ф.Зеелер, К.И.Зайцев, В.В.Руднев, К.К.Парчевский, *П.Б.Струве* и др. Указом югославского короля Александра за вклад в развитие литературы были награждены парижские писатели-эмигранты: Д.С.Мережковский — орденом Св. Саввы 1-й степени; А.И.Куприн, Б.К.Зайцев, З.Н.Гиппиус — орденом Св. Саввы 2-й степени; А.А.Яблоновский, В.В.Руднев — орденом Св. Саввы 3-й степени.

По решению съезда была создана при Сербской академии наук специальная издательская комиссия, что дало возможность парижским писателям А.И.Куприну, И.А.Бунину, И.С.Шмелеву, Н.А.Тэффи, Д.С.Мережковскому, З.Н.Гиппиус, К.Д.Бальмонту, А.М.Ремизову издать свои сочинения в серии «Русская библиотека». Средства на издание были выделены югославским правительством. Парижский Союз русских писателей и журналистов не имел своего печатного органа, своего издательства. Члены Союза печатали свои сочинения главным образом в издательстве «Петрополис», а также в издательствах при журнале *«Современные записки»* и газете «Возрождение».

После съезда Союз пытался наладить творческие связи с союзами русских писателей в других странах. В мае 1931 в Париж на заседание правления Союза был приглашен председатель пражского Союза писателей Н.И.Астров с докладом о его деятельности. Мероприятия такого рода были крайне редки, и заявленная на съезде консолидация писательских сил эмиграции на деле не осуществилась.

Первый съезд советских писателей (1934) вызвал неоднозначный интерес у творческой интеллигенции русского Парижа. Писатели ревностно следили за материалами прессы, информировавшими о ходе работы съезда. В парижском Союзе был проведен диспут на эту тему. К.И.Зайцев выступил с докладом, завершившимся широкими, бурными прениями (7 октября 1934). После вступления немцев в Париж Союз прекратил свою работу. После окончания войны его деятельность вскоре была возобновлена. Особенно она активизировалась в связи с опубликованием 14 июня 1946 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Среди русской эмиграции, в том числе литературной, усиливаются патриотические настроения. Победа в Великой Отечественной войне пробудила в среде эмигрантов надежды на демократизацию государственного строя в СССР. Многие эмигранты в Париже, в том числе и писатели, стремились получить советские паспорта и вернуться на родину. Но руководство Союза, возглавляемое Б.К.Зайцевым, заняло жесткую позицию в отношении к «возвращенцам», исключив из своих рядов писателей, принявших советское подданство. И.А.Бунин счел такое решение несправедливым и подал заявление о своем выходе из Союза.

Л.Г.Голубева

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ В ПОЛЬШЕ (Варшава, 1930—1939). Председателем Союза был писатель, ген. П.Н.Симанский, затем А.М.Хирьяков. Количество членов Союза немногочисленно и в разные годы не превышало 30—40 человек. Литературная жизнь русской эмиграции в Варшаве протекала не так оживленно, как в Берлине, Париже или Праге; ак-

тивно участвовали в работе Союза *М.П.Арцыбашев, А.А.Кондратьев, П.М.Пильский.* Союз устраивал литературные вечера и конкурсы, «устные газеты», собрания (посвященные годовщине смерти Л.Н.Толстого, 70-летию *Д.С.Мережковского,* памяти М.П.Арцыбашева, *Вас.И.Немировича-Данченко* и др.), благотворительные спектакли. Осуществлялось это при минимальных денежных средствах (см. кассовые отчеты Союза — РГАЛИ. Ф. 2480. Ед. хр. 2).

Одной из наиболее значительных акций Союза стало издание на средства авторов брошюры, куда вошли стихотворения 35 участников русских литературных кружков и объединений, существовавших в Польше: *«Таверна поэтов»* (В.С.Байкин, В.В.Бранд, О.Воинов, *Б.Евреинов,* С.Жарин, О.Колодий, М.Константинович, А.Топольской), «Литературное содружество» (А.М.Хирьяков, С.Л.Войцеховский, С.Киндякова, С.П.Концевич-Семенова, С.И.Нальянч-Шовтенов, П.Прозоров, Г.Соргонин); «Священная лира» (А.А.Кондратьев, *Л.Н.Гомолицкий,* Г.Клингер), а также авторов-одиночек, живших в Варшаве, Вильно, Львове, Дубно, Ровнах, Сарнах, Пинске, Луцке и др. (Антология русской поэзии в Польше. Варшава: Изд. Союза русских писателей и журналистов в Польше, 1937).

К концу 1935 Союз разослал писателям русского зарубежья составленную им анкету, которую заполнили и свои автобиографии прислали 33 писателя (среди них: *М.А.Алданов, А.В.Амфитеатров, Н.Н.Берберова, К.Д.Бальмонт, Г.Д.Гребенщиков,* Н.Д.Городецкая, *Б.К.Зайцев, Л.Ф.Зуров, Д.М.Кнут, А.П.Ладинский, С.Р.Минцлов, И.Ф.Наживин,* Вас.И.Немирович-Данченко, *Н.А.Оцуп, А.М.Ремизов, М.Л.Слоним, В.А.Смоленский, Ю.К.Терапиано, Н.А.Тэффи, В.Ф.Ходасевич,* К.А.Чхеидзе, *С.Шаршун, И.С.Шмелев, В.С.Яновский*). На основании этих материалов, а также других источников секретарем Союза Л.Н.Гомолицким был задуман Словарь русских зарубежных писателей. Работа эта была передана для пополнения и выпуска в свет *Русскому заграничному историческому архиву в Праге*; туда же были переданы и оригиналы анкет и автобиографий. Словарь увидел свет в 1993 в Нью-Йорке: *Булгаков В.* Словарь русских зарубежных писателей / Ред. Ванечкова Г.

С.В.Шумихин

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (Прага, 1922—1941). В апреле 1921 был создан Союз русских журналистов и литераторов. Его учредителями были З.Г.Ашкинази, А.С.Гурович, К.П.Бельговский, Л.Магеровский, В.Менцель-Волынец, О.Марков, А.Котомкин. В Союз («первый» Союз) не вошли журналисты, группировавшиеся вокруг *«Воли России».* Председателем этого Союза был избран З.Г.Ашкинази, секретарем К.П.Бельговский. После приезда в Прагу *С.Маковского* на собрании 2 августа 1921 он был избран председателем Союза русских журналистов и литераторов. В 1922 в состав правления Союза входили: председатель — С.Маковский, секретарь — К.Бельговский, казначей — Л.Магеровский, члены правления — В.Менцель-Волынец, *В.Амфитеатров-Кадашев.* Осенью того же года была предпринята попытка объединить группировки литературной колонии (условно — правую и левую). Переговоры велись 10—17 октября 1922. 10 октября на переговорах присутствовали: *Е.Чириков,* З.Г.Ашкинази, *Е.Ляцкий,* С.Маковский, К.Бельговский, И.Самохин-Треплев, Ф.Благов, *П.Потемкин, А.Аверченко,* В.Лазаревский, *Б.Лазаревский, И.Сургучев,* А.Гришин, П.Новгородцев, В.Швиговский, В.Сухомлин, Е.Лазарев, С.Маслов, В.Менцель-Волынец, А.Аргунов, *А.Бем,* П.Сорокин, Н.Мельникова-Папоушкова, В.Архангельский, Л.Магеровский. 17 октября к ним присоединились *М.Слоним, К.Зайцев* и *М.Цветаева.* Переговоры закончились образованием единой организации — Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. Некоторое время в нем еще существовали левая и правая «фракции» и группа нейтральных членов («диких»), но постепенно грани эти стирались, и Союз приобрел характер профессиональной организации, которая сочетала свою деятельность с *Комитетом по улучшению быта русских писателей и журналистов* при МИД ЧСР (его первым председателем был Е.Чириков). Устав Союза утвержден 10 декабря 1922.

В состав первого правления Союза (1922—1923) входили: П.Сорокин — председатель, С.Маковский и Е.Ляцкий — заместители, В.Менцель-Волынец — секретарь, М.Слоним — казначей, а также *П.По-*

темкин, П.Струве, В.Сухомлин, Е.Чириков.

Состав правления 1923—1924: *С.Завадский* — председатель, А.Аргунов, С.Маковский — заместители, В.Менцель-Волынец — секретарь, П.Потемкин — казначей, А.Кизеветтер, К.И.Зайцев, М.Слоним, П.Струве.

Состав правления 1924—1925: *В.Булгаков* (председатель), С.Варшавский, Н.П.Савицкий, *А.Воеводин*, С.Эфрон, С.Завадский, Е.Кускова, А.Маклецов, Г.Н.Михайловский.

Состав правления 1925—1926: В.Булгаков (председатель), С.Варшавский, С.И.Гессен, В.Ильинский, Е.Л.Недзельский, С.Завадский, Е.Кускова, Н.П.Савицкий, С.Эфрон.

Состав правления 1926—1927: В.Булгаков (председатель), С.Варшавский, Н.И.Могилянский, В.Ильинский, Е.Л.Недзельский, С.Завадский, С.И.Гессен, Н.П.Савицкий, *Л.Н.Урванцов*.

Состав правления 1927—1928: Н.И.Могилянский (председатель), С.Варшавский, Е.Ляцкий, В.Ильинский, Н.Савицкий, В.А.Амфитеатров-Кадашев, В.Булгаков, С.Завадский, В.А.Мякотин.

Далее пост председателя Союза последовательно занимали Н.И.Астров (1930—1932), С.И.Варшавский (1932—1939), с февраля 1939 его возглавил профессор-зоолог М.М.Новиков, С.И.Варшавский стал его заместителем, А.Воеводин оставался секретарем на протяжении всех 30-х годов до окончания его деятельности в 40-х годах. В документах 1941 С.Варшавский фигурирует в качестве председателя. Почетными членами в разное время были А.Ирасек, И.Голечек, *Вас.И.Немирович-Данченко*, Е.Н.Чириков, С.В.Завадский, А.А.Кизеветтер, Е.А.Ляцкий.

После оккупации ЧСР Германией (октябрь 1938 — март 1939) Союз вступает в последний период своей деятельности. В мае 1939 по требованию германских властей Союз, как и все эмигрантские организации, продолжавшие свою деятельность на территории бывшей Чехословакии, обязан был предоставить устав и список членов организации на немецком языке с краткими биографическими сведениями. В том же году изменилось название организации, которая стала называться «Союз русских писателей и журналистов в протекторате Чехия и Моравия». В мае 1939 Е.Ляцкий в письме правлению заявляет о своем отказе от звания почетного члена (он был избран общим собранием в феврале того же года) и о выходе из Союза.

Последний сохранившийся протокол собрания датирован 16 октября 1941. На собрании разбирались заявления В.Булгакова и Н.Цурикова о выходе из Союза, заявление Д.Мейснера о сложении с себя обязанностей члена правления. О дальнейшей судьбе Союза сохранились единичные документы (письмо С.Маслова С.Варшавскому в ноябре 1941 о выходе из Союза), активная деятельность его закончилась 16 октября 1941.

В течение всего времени существования Союз не пользовался материальной поддержкой извне и не получал никаких субсидий. Его касса пополнялась за счет членских взносов, доходов от устройства вечеров, лекций, прибыли от изданий, пожертвований и процентов с капитала. Судя по сохранившимся более 250 анкетам и заявлениям о принятии в Союз, через него за все время его существования прошло, по-видимому, около 300 человек. Поскольку уезжавшие из Чехословакии члены автоматически выбывали из Союза, в первое десятилетие количество его действительных членов ежегодно колебалось в пределах 160—170 человек, затем оно стало падать, особенно после 1939. В 1932 в СРПиЖ состояло 26 прозаиков и поэтов, 28 прозаиков-публицистов, 27 журналистов, 28 лекторов, 25 редакторов различных изданий.

Деятельность Союза велась в трех основных направлениях: 1) работа по сохранению и пропаганде русского культурного и литературного наследия и изучение современной литературы, 2) участие в современном литературном процессе, 3) международное сотрудничество с другими аналогичными организациями. Он также вел работу по организации литературных, литературно-музыкальных и литературно-театральных вечеров. Событиями особой важности для Союза стали празднования Дня русской культуры в день рождения Пушкина. Союз отмечал юбилейные даты Л.Толстого (1928), Пушкина (1937), Достоевского (1931) и других русских писателей (некрасовский, тургеневский, чеховский вечера). СРПиЖ участвовал в устройстве публичных диспутов (дискуссия по докладу Д.Лутохина о художественной литературе в советской России, диспут по докладу П.Савицкого

«Новая русская литература в евразийском понимании»). Популярностью пользовались т.н. литературно-судебные диспуты («Убийство Шатова» по роману Достоевского «Бесы», 1935). Союз стремился предоставить слово и своим коллегам, живущим в других странах. В Праге выступали с чтением своих произведений и докладами *И.Бунин, В.Набоков, С.Франк, И.Шмелев*, П.Милюков, *М.Осоргин* и др. Авторские чтения членов с последующим обсуждением проходили на собраниях Союза. Первый такой вечер под председательством С.Маковского состоялся 31 января 1923. В 1928 они уже носили характер открытых литературных собраний. Частым партнером выступало Чешско-русское объединение (Еднота). Союз сотрудничал с другими русскими литературными организациями Праги: проводил совместные вечера с литературным объединением *«Скит»* и литературной группой *«Далиборка»*. Руководители этих объединений, как и многие их члены, были одновременно членами Союза.

В связи с отмечавшимся в 1932 десятилетием организация обратилась к своим членам с просьбой сообщить сведения об их публикациях за это время. По данным анкет членами Союза было напечатано 149 книг, из них 36 беллетристического характера, 113 научного. За десять лет было издано 174 работы на русском языке, 87 — на чешском, 56 — на других языках, но по финансовым причинам Союз не смог основать свое периодическое издание. В 1924—1925 он подготовил к изданию рукопись альманаха произведений своих членов под названием «Ковчег». Поскольку объем рукописи превышал печатные возможности издательства «Пламя», выпускавшего альманах, было решено издавать его двумя выпусками. Первая книга вышла в 1926. Безрезультатной оказалась попытка издать вторую часть альманаха в Белграде. К юбилею Пушкина в 1937 Союз издал новый перевод «Капитанской дочки» на чешский язык. В связи с юбилеем было основано Пушкинское книжное издательское общество, выпустившее в свет в 1935 «Книгу о Пушкине». Союз сотрудничал со своими иностранными коллегами по перу. Чешские писатели также участвовали в литературных вечерах Союза.

См. также: Агеносов В.В. Союз русских писателей и журналистов в ЧСР (по материалам пражского архива РГАЛИ и коллекциям периодической печати Славянской библиотеки) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995. Ч. 2.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ В ЮГОСЛАВИИ (Белград, 1925—1937) образован 1 октября 1925 в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (название Югославии до 1929). Учредители Союза сообщали в информационном письме, что Союз не ограничится только профессиональными целями, что он берет на себя также инициативу создания центра, «который объединял бы все немногочисленные русские культурные силы» (РГАЛИ. Ф. 2482. Оп. 1. Ед. хр. 1). Председателем Союза был избран бывший сотрудник газеты *«Новое время»* А.И.Ксюнин, который к тому времени разорвал отношения с сыном А.С.Суворина Михаилом Алексеевичем, возобновившим в эмиграции издание «Нового времени» (см. письмо Ксюнина в редакцию белградского «Нового времени» от 25 октября 1929 // Новое литературное обозрение. 1995. № 15). В 1938 Ксюнин покончил с собой, узнав о роли агента НКВД ген. Н.Н.Скоблина и его жены, певицы Н.В.Плевицкой, в похищении в Париже председателя Российского общевоинского союза ген. П.К.Миллера. Союз устраивал литературные конкурсы, вечера, издавал книги русских писателей-эмигрантов. В его фонде сохранились афиши, позволяющие судить о проводимых Союзом мероприятиях. Союз стал инициатором *Первого съезда русских зарубежных писателей и журналистов*, прошедшего в Белграде в сентябре 1928, в котором приняли участие представители союзов русских писателей и журналистов в Берлине, Париже, Праге и Варшаве. В фонде Союза сохранились материалы съезда, программы его работы, список делегатов (Там же. Ед. хр. 4). Исследовательский интерес представляет коллекция газетных вырезок из эмигрантских и советских газет, наклеенных на листы бумаги и сброшюрованных в отдельные тематические тетрадки — с авторскими публикациями и критическими статьями и заметками о

Г.В.Адамовиче, А.Н.Бенуа, *А.М.Горьком, Б.К.Зайцеве*, В.В.Маяковском, П.Н.Милюкове, *Вас.И.Немировиче-Данченко, Н.А.Тэффи* и др. Сохранились подборки газетных вырезок эмигрантской прессы, посвященных А.С.Пушкину, относящихся к юбилеям поэта в 1927 и 1937, Л.Н.Толстому, И.С.Тургеневу, А.П.Чехову. С июля 1930 до лета 1931 председателем Союза был *П.Б.Струве*.

Точную дату ликвидации Союза на основе материалов его архивного фонда установить не удалось. Последняя из сохранившихся афиш о мероприятиях Союза датирована 1 ноября 1937; вскоре после этого Союз прекратил свое существование. Печатным органом Союза был журнал «Призыв» (Белград, 1926. № 1—5).

С.В.Шумихин

«СПОЛОХИ» (Берлин, 1921. Ноябрь — 1923. Июль. № 1—21) — литературно-художественный и общественный иллюстрированный ежемесячный журнал большого формата. Первые четырнадцать номеров редактировал *А.Н.Дроздов*, а номера 15—21 — редактор-издатель Е.А.Гутнов. Дроздов в статье «Домашние страницы» наметил главное направление журнала: «Наша прямая задача: послужить русской культуре и русской литературе из неласкового и невольного далека; наша задача отразить русскую мысль, творческую и общественную, не умершую, не посмевшую умереть в беспримерных и неповторимых условиях. Наше русло: безоговорочная демократичность. В этом наша официальная программа» (№ 1. С. 27—28).

В журнале представлены поэзия и художественная проза, воспоминания, очерки о русской жизни, критические обзоры и библиография. Из номера в номер печатались стихи *К.Бальмонта, И.Бунина, Н.Берберовой*, К.Вагинова, Н.Гумилева, *Н.Крандиевской*, М.Маковского, *Н.Минского, В.Пиотровского*, С.Полонской, *С.Рафаловича, Вл.Сирина, В.Ходасевича* и др., а также стихи из советской России: М.Волошина, С.Клычкова, Э.Голлербаха, Н.Тихонова. Из прозаиков в «С» печатались В.Лидин, *Вас.И.Немирович-Данченко*, Б.Пильняк, *А.Ремизов, А.Н.Толстой, Е.Чириков*. К судьбе «маленького человека» обращены рассказы: Ремизов А. Людоеды // 1922. № 12; *Горный С.* Седой Иорко // 1922. № 2. Получили отражение в прозе первая мировая война: Пильняк Б. Простые рассказы (1922. № 10), *Краснов П.* В Донской станице при большевиках (февраль 1918) (1921. № 1, 2), Лидин В. Евражка (1922. № 10), Никитин Ник. Красные бантики (1922. № 10); послевоенное время: Соболь А. Собачья площадка (1922. № 13), Стонов Д. Поминки (1922. № 11), Козырев М. Ванька (1922. № 14). Среди очерков — рассказы-воспоминания Федора Иванова («Жилец» // 1922. № 30), Ю.Слезкина («Ситцевые колокольчики» // 1922. № 12), Савватия («На реке Усмани» // 1922. № 11), В.И.Немировича-Данченко («За океаном, в вольной степи» // 1922. № 12), *А.Даманской* («В горах» // 1921. № 1). В ряде произведений присутствует фантастический элемент (*Сургучев И.* Ночь; Бальмонт К. Лунная гостья // 1922. № 4). В № 2 за 1921 напечатана драма *А.Амфитеатрова* «Семик. Пролог к историческому представлению «Протопоп Аввакум», сатира *Дон-Аминадо* «Что же нам все-таки делать?!».

Разнообразны очерки о русском искусстве: Голлербах Э. Петербургские письма. «Выставка Мира искусства» (1922. № 10), Голлербах Э. Чехонинская школа фарфора (1923. № 15—16). Очерк написан на основе личных бесед с художником. Прослежены этапы творчества Р.Чехонина. Были опубликованы очерк-раздумье *М.Арцыбашева* о человечестве, о вере и неверии, горестях и радостях жизни, об анархизме, коллективизме, коммунизме («Вечный мираж» // 1922. № 11—14), путевой очерк *С.Р.Минцлова* о поездке в Сибирь («Как шла жизнь (Из дневника)» // 1922. № 7, 9, 10); о богослужениях в Париже и в Константинополе (Лукомский Г.К. Два богослужения // 1922. № 3).

В журнале рецензировались произведения, выходящие как в эмиграции, так и в России. А.Г.Левинсон («Беллетристика о революции» // 1921. № 1) знакомит читателя с новыми произведениями художественной литературы — романом А.Н.Толстого «Хождение по мукам»; о романе П.Краснова «От Двуглавого орла к красному знамени» сказано: «Краснов силен и интересен как писатель двора и военного быта» и «недопустимо слаб в его беспомощных попытках подойти к характеристике эмигрантских кругов и революционных деятелей» (с. 30). Слабым назван роман Ф.Сологуба

«Заклинательница змей». Рецензент отрицательно оценивает романы «Развал» Надежды Лаппо-Данилевской и «Белые и красные» *Н.Н.Брешко-Брешковского*, хвалит сборник рассказов «Подарок богу» Ал.Дроздова.

П.Митропан в статье «Смерть В.Г.Короленко» (1922. № 4) рассказал о деятельности писателя в последние годы жизни, когда он особенно много помогал обиженным и обездоленным. В статье «Поэзия В.Г.Короленко (к 1-й годовщине смерти)» (1923. № 15—16) критик писал, что звучащая лирическая стихия творчества Короленко с особо чарующей силой проявилась в «Слепом музыканте», а также в таких произведениях, как «Лес шумит», «Старый звонарь», «Река играет». Проф. *Е.Аничков* в статье «Достоевский» (1921. № 2) отмечает, что прозрение художника, а не проповедь или пророчество надо видеть в Достоевском. Литературные портреты написаны М.Булгаковым о Юрии Слезкине (1922. № 12), Е.Чириковым о Каронине и Короленко (1922. № 8). Публиковались воспоминания, дневники, письма (Чириков Е. Девушка с цветами — о встрече автора в Ялте с А.П.Чеховым; Письма В.В.Розанова к Голлербаху // 1923. № 15—16). В очерке С.Н.Эверлинга «Из бесед с Л.Н.Толстым (апрель 1901)» (1923. № 15—16) автор вспоминает высказывания Толстого о сущности жизни, личном бессмертии, свободе человеческой воли.

Рецензировались поэтические сборники. В книгах Ахматовой «Четки» и «Подорожник» рецензент увидел возвращение к пушкинской традиции. После символических писаний первых годов XX века и благодаря этой простоте ее пафос достигает иногда настоящей, почти пушкинской силы. Пушкинским духом веет от многих стихотворений и в «Четках» («Стихи о Петербурге», «В Царском Селе») — в «Подорожнике» («О нет, я тебя не любила» и «Покинув рощи родины священной») (1921. № 1. С. 41). В рецензии на книгу Бальмонта («Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров») отмечалось: «Бальмонт — большой мастер формы, и с этой точки зрения особенно интересен помещенный в конце книги венок сонетов «Он и Она». Много жизни и движения в сонетах «Бой и Кони» (1921. № 1. С. 42); появились оценки *А.Белого* («Стихи о России»); С.Есенина («Пугачев»), *И.Северянина* («Менестрель»), *И.Эренбурга* («Звериное тепло»), а также сборников стихов Г.Евангулова, *А.Гингера, В.Парнаха.* Резко отрицательную оценку А.Г.Левинсона вызвала брошюра Ипполита Соколова «Бунт экспрессиониста» (б.м., 1919): «Вся эта отвратительная безвкусица печатается в Москве, в Москве, где нет даже нужных учебников для начальных школ» (1922. № 3. С. 36).

В рецензии на книгу А.Белого «Петербург» рецензент констатировал, что читается роман с трудом и для рядового читателя непонятен. Прелесть книги А.Ремизова «Корявка» критик видит в «какой-то особенной, новой для Ремизова, снисходительной ласковости к своим персонажам, да еще в отточенности, любовной граненности языка» (1922. № 12. С. 56). О книге *Тэффи* «Так жили: Черный ирис» с рассказами о былой Руси рецензент писал: «Быт ушедший, отзвучавший. Как ласково, как нежно скорбит о нем Тэффи» (1921. № 2. С. 40—41). Обращено внимание и на книги политического содержания: *Ив.Наживин* «Записки о революции». По мнению рецензента, ценность ее в «тех ярких мазках, которыми старый народник и бывший толстовец набрасывает картину революционной крестьянской Руси, страшной в своей слепоте и умопомрачающем невежестве» (1921. № 2. С. 39).

Некоторые произведения из напечатанных в журнале были переизданы в виде карманных книжек. Всего вышло 26 выпусков Библиотеки «С». В 1923 изданы книги М.Коцюбинского «То, что записано в книгу жизни», с пред. *М.Горького*; Икскуля В.Я. «Кавказские наброски»; А.Ремизова «Корявка», «Бесприютная»; В.И.Немировича-Данченко «Бедная Инес», «Две ночи перед казнью», «За океаном в вольные степи»; *В.А.Амфитеатрова-Кадашева* «Зум-Зум»; *Г.Алексеева* «Деревня в русской поэзии»; Г.Лукомского «Художник в русской революции»; В.Винниченко «Талисман»; Э.Магарам «Миреле»; А.Амфитеатрова «Побег Лизы Басовой»; письма В.В.Розанова к Э.Голлербаху; М.Арцыбашева «Вечный мираж». Выпуски журнала сопровождались репродукциями картин Л.Бакста, В.Белкина, М.Врубеля, С.Залшупина, Г.Лукомского, П.Пикассо, М.Шагала, графики (Л.Голубева-Багрянородного, М.Лагорио, М.Мозалевского, Е.Нарбута, И.Пуни,

С.Сегаля), скульптурных работ (А.Архипенко), помещалась статья о жизни и своеобразии творчества мастера-иллюстратора данного номера.

В газете *«Руль»* (1921. 6 нояб.) был отрецензирован первый номер журнала: «Первая книжка журнала составлена интересно и разнообразно. В отделе беллетристики можно отметить рассказы А.Ремизова («Крестики») и А.Федорова («Дурочка»), оба они очень характерны для названных авторов. Маленький очерк И.Соколова-Микитова («Беловое») представляет собой попытку художественной обработки причудливых слов... Публицистика представлена слабее... Шире представлен в журнале отдел литературной и художественной критики».

Издатель-редактор Е.А.Гутнов рассказал о новых планах редакции, которые не были осуществлены ввиду закрытия журнала (1923. № 19—20): «С настоящего номера «Сполохов» издательство приступает к значительному расширению программы журнала. Сохраняя, в несколько меньшем объеме, отдел художественной литературы, «Сполохи» будут уделять много внимания вопросам современной культуры в самом широком смысле, стремясь создать разнообразный и интересный литературный и популярно-научный журнал. С этой целью к участию в журнале привлечены новые литературные и научные силы, как русские, так и иностранные».

А.Ф.Головенченко

«СТАРОЕ И НОВОЕ» (Ревель, 1931—1933. № 1—4) — «ежемесячный журнал русской старины, прикладных художеств, искусства и науки». Выходил нерегулярно. Первый номер помечен октябрем 1931. № 2 — «Ноябрь—декабрь», а № 3 — «Январь—февраль 1932»; последний же, четвертый, номер появился после длительного перерыва в сентябре 1933. Издатель — Н.И.Багров, редактор — Е.К.Багрова. Журнал печатался в Нарве в типографии М.Миниса. Целью журнала объявлялось утверждение связи между прошлым и настоящим русской нации на основе культурной преемственности, следования национальным традициям и православной вере, во имя будущего «ренессанса» русской культуры (Багров Н. Старое и новое // 1931. № 1; см. также: Багров Н. Национальное воспитание и изучение прошлого как основа прогресса // 1931. № 2). «Печатный орган не только должен дать выход творчеству русской молодежи, но и научить ее этому творчеству, углубить его содержание и форму на образцах лучших авторов русского Зарубежья как в области литературы и искусства, так и науки» («Наш общий долг» // 1931. № 1. С. 8). Программа журнала (1931. № 1. С. 9) предусматривала в нем 6 отделов: I — Русская церковная и бытовая старина, исторические статьи; II — произведения молодых авторов. Записи русского фольклора; III — критические статьи; IV — отрывки из поэзии и прозы лучших современных авторов русского зарубежья; V — история русского искусства за границей; VI — русская наука за границей. Журнал был иллюстрирован. Обращает на себя внимание стильная обложка работы местного художника А.Гринева.

В журнале публиковались статьи на исторические темы — о прошлом русского народа, прежде всего о его связях с Эстонией: работы краеведа из Изборска А.И.Макаровского (1888—1958), в те годы учителя (позже профессора Ленинградской духовной академии): «Псково-Печерский монастырь и его значение для Печерского края» (1931. № 1), «Древности Изборска» (1932. № 3), «Древний Изборск» (1933. № 4). Публиковались записи современного фольклора местных русских (в № 1). В литературном отделе журнала преобладают произведения молодых русских авторов, часто начинающих (стихотворения И.Башкировой, Н.Гавриловой, М.Иванова, Н.Чернай, Н.Транзе, Вяч.Жданова, стихи и проза Т.Пруссаковой, проза Б.Подгорского, М.Алексеева и др.). В разделе творчества молодых изредка появлялись и произведения авторов из-за границы (В.Пронин из Белграда и др.). Из более известных местных русских писателей печатался В.Никифоров-Волгин (1931. № 1).

Редакция привлекала к сотрудничеству в журнале писателей из других стран русского зарубежья: *Вас.Ив.Немирович-Данченко* (стихотворение «Ушкуйники», № 3), *Л.Ф.Зуров* (рассказ «Уездное», № 1), *Г.Н.Кузнецова* (стихотворение «Киев», № 1), пражанин К.П.Бельговский (очерк «Край Русский — край неведомый. Впечатления из

Подкарпатской Руси», № 3). Публиковались и статьи зарубежных ученых: А.А.Кизеветтер «В.О.Ключевский — великий русский историк» (№ 3), Е.П.Ковалевский «Русская культура на Западе» (№ 4).

Журнал стал последней попыткой издавать в 1930-е в Эстонии русский журнал литературы, науки и искусства. После этого в Эстонии на русском языке выходили только религиозные журналы и *«Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии»*.

С.Г.Исаков (Эстония)

«СТАРЫЙ НАРВСКИЙ ЛИСТОК» (Нарва, 1923. 24 ноября № 1 — 1924. 27 февраля. № 22; 1925. 19 сентября. № 1 — 1940. 26 июня. № 71) — газета, выходившая 3 раза в неделю. В 1939 тираж — 1800 экземпляров. С 24 ноября 1923 по 27 февраля 1924 редактор и издатель А.Г.Юрканов. С 19 сентября 1925 редактор О.Г.Нилендер, издатели Б.И.Грюнталь и О.Г.Нилендер. С 5 мая 1927 редактор И.С.Сергеев, с 27 марта 1928 — Б.И.Грюнталь, в 1940 — Ф.Михайлов.

Под названием «Старый Нарвский листок» выходили две разные газеты. Первая из них — с 24 ноября 1923 и до 27 февраля 1924 под редакцией А.Г.Юрканова (псевдоним — Клещ). В нее перешли все сотрудники редактируемой ранее Юркановым газеты «Нарвский листок». Газета закрылась, не выдержав конкуренции.

Вторая выходила с 1925 до 26 июня 1940, считала себя преемницей основанного в 1898 И.К.Грюнталем «Нарвского листка», издававшегося до революции 1917. Ее выпускал Б.И.Грюнталь, сын И.К.Грюнталя, вместе с владельцем типографии О.Г.Нилендером на коллективных началах. Закрыта советскими органами.

В первом «СНЛ» сотрудничали А.Юрканов-Клещ, В.Баранов-Шатров, В.Никифоров-Волгин, Н.Смирнова, С.Серый и др. Во втором «СНЛ» остается часть прежних авторов: А.Юрканов-Клещ, В.Никифоров-Волгин, но к ним прибавляются новые: В.Гущик, Н.Карпов, Л.Акс, Ю.Шумаков, В.Свободин, С.Костюкевич, П.Богданов и др. Здесь часто печатались статьи, посвященные юбилеям русских писателей. Особо отмечался Пушкинский юбилей в 1937, был выпущен специальный номер газеты «Пушкин» (1937. 12 февр.). В основном в газете появлялись рассказы и стихи русских писателей Эстонии. С 1925 печатается *Игорь Северянин*. Поскольку Северянин жил неподалеку от Нарвы, в Тойла, то в «СНЛ» часто сообщалось о его жизни и творчестве: читателям представлялись новые книги писателя, рассказывалось о поэзо-вечерах и концертах-балах с участием Северянина, печаталось интервью с ним, писалось о его поездках в славянские страны. Юбилейные статьи были посвящены 30-летию (1935. 1 февр.) и 35-летию его литературной деятельности (1940. 31 янв.). В газете помещалась информация о приезде в Нарву писателей: *С.Р.Минцлова* (1928. 12 мая) и еще молодой *З.Шаховской* (1932. 17 дек., 29 дек.). Местные писатели много художественных произведений посвятили Пюхтицкому монастырю, Чудскому озеру, реке Нарове и другим местным достопримечательностям. Одновременно в газете печатаются статьи и по литературному краеведению: В. (Никифоров-Волгин?) «О прошлом Шмецке и Меррекюль» (1929. 4 июня), где описываются места, связанные с Н.Лесковым, С.Черным, К.Фофановым; статья В.Волгина «Забытый певец Усть-Наровы» (1934. 25 июля) посвящена 40-летию «Уголка Случевского». Через два года в «СНЛ» появилась заметка «Конец «Уголка Случевского» (1936. 6 июля) о сносе дачи поэта.

В «СНЛ» дан обзор многих выходивших в Эстонии русских журналов и альманахов: «Новь» (1936. 31 янв.), *«Панорама»* (1931. 22 сент.), *«Полевые цветы»* (1930. 7 авг.), *«Старое и новое»* (1933. 17 авг.), «Витязь» (1940. 5 февр.). В «СНЛ» печатались статьи об эмигрантских журналах: рижских *«Перезвонах»* (1926. 16 нояб.), парижском журнале «Звонарь» (1928. 20 нояб.), детском парижском журнале «Огоньки» (1933. 30 марта).

Из поэтов русского зарубежья, печатавшихся в газете, — живший в Финляндии поэт *Иван Савин-Саволайнен*, с которым дружил нарвитянин В.Никифоров-Волгин. В «СНЛ» напечатаны несколько его стихотворений (1924. 7 февр.; 1927. 19 июля; 1934. 5 апр.), а также прозаический отрывок (из книги «Крым») «Плен» (1925. 26—29 сент.). В 1927 в газете был помещен некролог Савина (1927. 19 июля), а в годов-

щину его смерти заметка о певце белой армии (1928. 12 июля). В 1935 в Нарве был проведен вечер памяти И.Савина (1935. 8 февр.). В газете были перепечатки как эмигрантских, так и советских авторов. Наиболее популярны были рассказы Мих.Зощенко. С 1926 по 1938 появилось более 80 его рассказов с подзаголовками: «Советский быт» или «Из советских рассказов». Нарвских эмигрантов (в 1920 в Нарве жило 8 тысяч русских) интересовало творчество Мих.Булгакова и поднятая в его пьесах тема гражданской войны. В конце 1927 — начале 1928 в газете печаталась первая и вторая части «Дней Турбиных (Белой гвардии)». В конце 1920-х в «СНЛ» появлялись заметки о постановках «Белой гвардии» в МХТ (1927. 22 окт.), о преследовании драматургии Булгакова в СССР (1929. 14 марта). В 1928 «Белая гвардия» была поставлена в нарвском театре «Выйтлея» (1928. 29 марта). В «СНЛ» было немало перепечаток из парижских *«Последних новостей»*: стихи и фельетоны *Дон-Аминадо*, Вл.Азова.

Информация по истории нарвских русских газет 1920-х содержится в статье: Этапы русского печатного слова в Нарве // Новый Нарвский листок. 1927. 10 сент.

Г.М.Пономарева (Эстония)

СТОКГОЛЬМСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В 1917 акционерное общество В.Хоссе и Тульберга выпустило на русском языке трехтомное издание «Шведской промышленности», предназначенное для читателей России. Затем печатало на русском языке: «Родная грамота: Первая книга для чтения» (1921), С.Рощина «Детские грезы» (1921) и др. История собственно русских книгоиздательств в Швеции начинается с 1920, когда профессор Упсальского университета И.А.Лундель предложил собирать современные газеты, журналы, книги как архив для будущих поколений. Инициатива была подхвачена библиотекой университета и первые комплекты советских изданий были высланы в 1920 из Петербурга. В ответ на эту акцию члены Шведских научных обществ переслали в советскую Россию некоторые издания научно-прикладного характера (см.: Новая русская книга. 1921. № 5. С. 19).

В 1920 в Стокгольм приезжает профессор *Е.А.Ляцкий*. Совместно с И.А.Лунделем он вырабатывает план систематического издания книг гуманитарного и научно-прикладного характера на русском языке, планируя их реализацию не только в Швеции, но и в других странах, в частности — в России. План был одобрен крупнейшей издательской фирмой — «Союзом шведских типографий и литографий». И в этом же году Е.А.Ляцкий и И.А.Лундель на базе шведского книгоиздательства организовали свое — «Северные огни».

Работа этого издательства велась в трех направлениях: переиздание русской классики, издание современной художественной литературы (как русской, так и переводной) и книг для практического использования. Были изданы: Грибоедов А. Горе от ума / Вступ. ст. и прим. Ляцкого Е. (1920), Крылов И. Басни (1921), сборник «Русь Страждущая: Стихи народные о любви и скорби» / Вступ. ст. Ляцкого Е. (1920), Чехов А.П. Избранные рассказы (1920) и др. Однако преобладающей над всем была мысль о необходимости дать «русским людям, очутившимся за границей, произведения родного слова, восполнить то отсутствие книги, которое так остро давало себя чувствовать в первые годы своего существования» (*Слоним М.* Художественная литература // Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Ч. 1. С. 99), и в отдельных случаях книгоиздательство сознательно шло на переиздание книг, вышедших в России до революции: «Былинки: Старинки богатырские» (1920. 2-е изд.); «Сказки: Утехи досужие» (1920. 2-е изд.); Ляцкий Е. Гончаров: Жизнь, личность, творчество (1921. 3-е изд.); *Бальмонт К.* Гамаюн: Избранные стихи (1921); *Тэффи.* Так жили: Рассказы (1922); она же. Черный ирис: Рассказы (1921); Набоков К.Д. Испытание дипломата (1921); *Дионео.* Пестрая книга [Двенадцать портретных характеристик — Р.Уоллес, В.Шекспир, М.Сервантес, П.А.Кропоткин и др.] (1921) и другие. Из переводной литературы вышли: Лагерлеф С. Пушинка и другие рассказы (1920), Елисеев С.Г. Японские сказки (1922), Стриндберг А. Исповедь безумца / Перевод под ред. *А.Куприна* (1922) и другие.

После выхода в 1921 книги М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» (Вступ. ст. Евг.Ляцкого) критика писала: «Издана

книга прекрасно. Великолепная бумага, четкий шрифт; среди иллюстраций обращает внимание впервые появившаяся в печати репродукция собственноручного рисунка Лермонтова» (Иванов Ф. // Новая русская книга. 1921. № 5. С. 14).

Благодаря своей репутации исполнительных печатников стокгольмские типографии часто выполняли заказы издательств других стран. З.И.Гржебин напечатал в Стокгольме книги: Купер Ф. Зверобой / Перевод И.И.Введенского (1921), Андерсен Г. Сказки / Перевод А. и И.Ганзен (1921), Андерсен Г. Повести для детей / Перевод А. и И.Ганзен (1921) и другие. И именно большой заказ книгоиздательства З.И.Гржебина на печатание книг на русском языке сыграл свою роль при создании другого русского книгоиздательства — «Новая Русь». Вокруг этого книгоиздательства группировались молодые литераторы — А.В.Белобородова, А.А.Лагорио, А.П.Румянцев и другие. Однако выполнение заказа было сорвано по причине нехватки денег (З.И.Гржебин перенес печатный заказ в Германию), но тем не менее книгоиздательство сумело заявить о себе выпуском нескольких книг: Ершов П. Конек-Горбунок (1921), Пембертон М. Железный пират (1922) и другие.

Во второй половине 20-х деятельность русских книгоиздательств была практически свернута, книги на русском языке выходили редко: *Черный Саша*. Солдатские сказки. Стокгольм, 1939.

О.В.Быстрова

«СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ» (Прага, 1922. Июнь. № 1 — 1925. Декабрь. № 5 (22)) — изначально выходил как «ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал», издание Союза русских студентов (СРС) в Чехословакии. Главный редактор — К.К.Цегоев. Редакционная коллегия — С.А.Водов, М.С.Ильяшевич, К.К.Цегоев. Ответственный редактор — Ант.Фринта. Печатался «Славянским издательством» в Праге. «СГ» должны были прийти на смену прежнему органу СРС — журналу «Студент» (1921—1922), ставшему по решению Первого съезда русского эмигрантского студенчества органом Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО).

Первый номер открывался редакционным обращением, в котором от имени русских студентов выражалась сердечная благодарность братскому чехословацкому народу. «Мы верим, что выход в свет нашего журнала разбудит творческие силы русской молодежи на чужбине и заблестит она яркими искрами таланта... С верою в то, что недалек тот день, когда на обложке нашего журнала будет написано «Прага—Москва», пускаемся мы в трудный путь. Да поможет нам Бог» (с. 3). В 1922 были помещены произведения Г.Петровой, А.Чернина, П. де Бонди, Ю.Степанова, С.Савинова, И.Савченко, Ю.Миролюбова, *А.Воеводина*, В.Концеина, Н.Лавровской, в журнале сотрудничал *Е.Н.Чириков*, опубликовавший рассказ «Оборотень» (№ 1) и мемуарный очерк «Годы моего студенчества» (№ 2—3/4). Первостепенное внимание уделялось освещению студенческой и академической жизни, пражской хронике, рассказывалось о подготовке ко Второму съезду русского эмигрантского студенчества. В № 2 был опубликован материал о СРС в Чехословакии.

Новый этап существования «СГ» начинается в 1923, когда журнал передается в руки правления ОРЭСО и превращается в «двухмесячник», выражающий интересы всех союзов, входящих в объединение. «Коалиционный» принцип был положен в основу формирования редколлегии, в которую вошли С.А.Водов, А.А.Воеводин, М.С.Ильяшевич, Б.Н.Неандер, а с № 2 (6) — В.И.Власьев. В дальнейшем состав редколлегии менялся. В октябре 1923 место Воеводина и Власьева занял Н.В.Быстров. Первые два номера 1925 вышли под редакцией С.А.Водова, М.С.Ильяшевича, В.А.Лазаревского и Г.Е.Флорианского.

«Прага самый значительный русский студенческий центр за границей» (1925. № 3 (20). С. 14), — утверждал журнал. В 1923—1924 на его страницах развернулся ожесточенный спор между членами «демократической группы» и сторонниками «национального объединения», в котором приняли участие Я.Зеленкин, Д.Мейснер, Н.Антипов, В.Власьев, С.Водов, Н.Быстров, И.Черкесов, *К.Зайцев, А.Туринцев*, В.Лазаревский, Г.Е.Флорианский (Геф). Свои взгляды на революцию высказывали

Ив.Савич («К вопросу о пересмотре политических программ» // 1923. № 3 (7) и № 6—7 (10—11)) и *С.Рафальский* («Мы» // 1923. № 6—7 (10—11); «О левой и правой» // 1925. № 1 (18)). Однако идеологические противники были едины и в отрицании большевизма и сменовеховства, и в отрицании «самостийностей». Трансформация журнала в общестуденческое издание сказалась и на уровне художественных произведений. В 1923 в журнале сотрудничали *А.Куприн, И.Сургучев, Б.Лазаревский, А.Ремизов*, Е.Чириков, Вл.Лазаревский, *И.Лукаш*, С.Кречетов, *Г.Струве*, В.Козловский, В.Тарханова, Г.Петрова, А.Воеводин, Ан.Лунев, С.Савинов, И.Савченко, В.Ильинский, А.Филиппов, С.Страхов. В первом же номере было представлено пражское объединение *«Скит поэтов»*, и в дальнейшем *В.Лебедев*, Н.Болесцис и И.Тидеман постоянно печатались в журнале. «Скит» не является организацией чисто студенческой, — говорилось в № 2 в заметке, рассказывающей о деятельности кружка. — Не примыкая ни к одному из поэтических течений, он стремится к объединению всех молодых поэтов, независимо от их общественного положения и поэтических направлений» (с. 19). В 1924 объем литературного отдела резко сокращается, менее представительным становится и круг авторов (публикации *М.Цветаевой*, кн. *Д.А.Шаховского* и И.Лукаша). С конца 1924 в журнале в основном печатается «молодежь». Среди сотрудников — *Г.Кузнецова*, И.Беленихин, А.Солнцев, Е.Недзельский, *И.Кнорринг*, В.Ильинский, Г.Рубанов, С.Савинов, Н.Слоев, *Т.Ратгауз*, Н.Снесарева-Казакова, *И.Савин*, В.Никифоров-Волгин, Г.Пронин.

В 1923 важную роль в журнале начинает играть литературно-критический отдел. И.Савченко задается вопросом, способна ли современная литература создать нечто равное «Войне и миру», и дает отрицательный ответ: «Роман революции еще нельзя писать» (№ 1 (5). С. 43); «Революции не дают великих художников, они, как эхо, приходят позже»; «Большого сейчас никто из русских не создает ни «там», ни «здесь». «Мы» и «они» одинаково дети одной эпохи, громкой, кровавой, но не творческой. Творчество впереди. Впереди, нужно верить, и наше «большое» и «значительное» в литературе. А сейчас, в лучшем случае, художественная хроника» (№ 2 (6). С. 40). В № 1 (5) Савченко анализирует «Сентиментальное путешествие» *В.Шкловского* и «Неправдоподобные истории» и «Тринадцать трубок» *И.Эренбурга*: «У Ильи Эренбурга или, вернее, у В.Шкловского с Эренбургом есть нечто общее, родственное, генетически единое. Это именно восприятие сущего не в форме реально выявленной, а в своеобразном эгоцентрическом и эксцентрическом преломлении сквозь авторскую душевную призму» (с. 42).

К тем писателям, кто все же пытается разобраться в российском «мы», Савченко относит *А.Дроздова*: «Его достижения значительны, особенно там, где он не насилует себя в желании во что бы то ни стало дать картину бесформенного русского «мы». Ударившись в «историю», А.Дроздов стал бледен, бесцветен и сумбурен. Об этом говорит «Девственница», в которой автор погнался за литературой — болезнью многих и многих современных писателей» (№ 1 (5). С. 43). Те же упреки адресует критик *А.Толстому* и Б.Пильняку. Художественная литература в России, по мнению И.Савченко, «близка к пустыне» (№ 2 (6). С. 39). Выделяются лишь Б.Пильняк, *Е.Замятин*, А.Соболь, Б.Пастернак, но «все это одиночки, чужие друг другу по восприятию жизни, по художественным приемам, все это осколки русской литературы, литературные былинки»; «они не вместе, они порознь, во взаимном духовном отрыве». Исключением являются «Серапионовы братья»: «Это своеобразный скит, это творческая семья, связанная друг с другом общностью восприятия, ощущения России»; «Серапионовы братья значительны. Они уже страница в книге истории русской литературы» (№ 2 (6). С. 40).

С № 2 (6) за 1923 в журнале печатаются рецензии на новые книги. В «Дьяволе» И.Лукаша (Берлин, 1923), по мнению автора отзыва, слишком много «дьявольского». Лукаш мастерски владеет словом, но он оказывается «в плену своего рассказа, точно дьявол и его художественный талант подчинил своей дирижерской палочке». Между тем, художник не должен только «констатировать», он должен «не изображать и не отображать даже, а преображать жизнь», и Лукашу это по силам — «надо только отказаться от безнадежного отчаяния» (1923. № 2 (6). С. 42). Заслуга *М.А.Алданова*, утверждает В.Благов, заключается

в том, что в своей книге «Огонь и дым» (Париж, 1922) он запечатлел мелочи, детали, подробности, отсутствие которых мешает историкам и теоретикам дать «подлинную характеристику эпохи» (1923. № 3 (7). С. 43). «Глубокое впечатление» производит повесть *Р.Гуля* «В рассеянии сущие» (Берлин, 1923). «Вещь Романа Гуля написана в новом стиле — без придаточных предложений, — пишет А.Ежов. — Но к вещи Р.Гуля это идет — потому что в настоящее время момент действительно главных вопросов — не до придатков, не до оттенков и расплывчатости в эпитетах, метафорах, украшениях...» (1923. № 4 (8). С. 32). Гораздо резче А.Ежов оценивает стиль *Б.Зайцева*: писатель не владеет ритмованной прозой, ритм его рассказов «утомляет и мешает ясности мысли и искренности чувства», «не усиливает впечатление, а ослабляет». «Право, мне казалось, что Борис Зайцев написал свои вещи — «Уединение», «Белый свет», «Душа» — сначала по-человечески, а потом произвел над ними некую изуверскую вивисекцию, — говорит критик о книге «Улица Св. Николая» (Берлин, 1923). — А между тем произведения Бориса Зайцева вовсе не прозаичны по своему внутреннему содержанию... Мало того — его мысль глубока и ему доступно философское проникновение в тайны совершающегося и совершившегося, ему дано ощущать мистический пульс земной трагикомедии». Лишь рассказ «Новый день» написан именно так, как следует писать, — «без претензий и вычурности, без вивисекции над мыслями и словами — талантливо в меру таланта, уделенного автору Господом Богом» (1923. № 6—7 (10—11). С. 37). С.Шпанов регулярно представлял на страницах журнала новые произведения *С.Р.Минцлова*. В книге «Царь Берендей» (Берлин, 1923) он выделял описания сибирской природы, «слово спокойное, былинное, сочное и крепкое», чарующее читателя: «В наши дни, когда разные литературные «заумники» измываются и над языком русским, и над нервами читателей, за такую книгу можно сказать автору искреннее спасибо» (1924. № 2 (13). С. 35). «Редко хорошая книга», по его определению, очерки «За мертвыми душами» (Берлин, 1925). Не столь удачными получились воспоминания 1870—1890 «Далекие дни» (Берлин, 1925). Они написаны хорошо, но «не по-минцловски»: «Имя автора заставляет читателя, берущего в руки эту книгу, заранее предвкушать художественные картины ушедшего прошлого, мастерски написанные сочною кистью художника. Может быть, именно это ожидание чего-то большего и оставляет чувство некоего разочарования, неудовлетворенности» (1925. № 2 (19). С. 34). Все творчество Минцлова, считает критик, «проникнуто пафосом невозвратно ушедшей старорусской были», но «историческими» его произведения могут быть названы лишь с оговоркой. Писатель стремится к романтизации прошлого, «спасаясь от тоскливого сегодня». «В прошлом ищет он тех красок, тех тонов, которых не хватает сегодня, — пишет Шпанов в рецензии на роман «Под шум дубов» (Берлин, 1925). — И это объясняется, очевидно, как врожденной склонностью к живописному историзму, так и органическим отвращением к нехудожественной действительности наших страшных дней» (1925. № 3 (20). С. 32). «Где бы ни находился поэт, что бы он ни переживал, мысль неизменно уносит его в далекую и милую Москву. Нет, не в Москву даже, а в необъятную Россию, истерзанную, голодную и нищую, но где дух живет, где поэт черпает полной рукой чары природы, — пишет С.А.В. (Водов) о книге *К.Бальмонта* «Где мой дом?» (Прага, 1924). — Ни кровь, ни страдания, ни пытки не отдалили от его души и сердца милых образов» (1924. № 2 (13). С. 35). «Крупное, нервное дарование автора нигде не дает возможности оценить его до конца, — утверждает Боми, представляя роман И.Лукаша «Бел-Цвет» (Берлин, 1923). — Именно потому, что оно очень крупное и до сих пор еще очень нервное». Но именно в этом горении — «жарким, величавым, но — на чужбине — нервным пламенем до возврата любимой им России» — видится критику судьба настоящего русского писателя (1924. № 4 (15). С. 44).

При в целом негативном отношении к «модному в наши дни поветрию дарить забывчивое потомство нужными и ненужными воспоминаниями» (1925. № 2 (19). С. 34) «Годы» высоко оценивают мемуары А.В.Болотова «Святые и грешные: Воспоминания бывшего человека» (Париж, 1924). Привлекает «подкупающая непредубежденного читателя своею искренностью исповедь хорошего честного и бескорыстно-

го русского человека, горячо без рисовки любящего свою родину, неподкупного в выполнении своего долга и в своих симпатиях и антипатиях, незлобивого и терпимого» (1924. № 2 (13). С. 36). Своеобразна жанровая форма книги кн. *С.Волконского* «Быт и бытие (Из прошлого, настоящего, вечного)» (Берлин, 1924): «Это — не роман и не книга рассказов, это и не мемуары. Это — несколько мыслей, облеченных в изящную форму. Это — ряд бесед автора с читателем по поводу разных предметов, остановивших почему-либо на себе его мысль» (1924. № 5 (16). С. 44). В № 3 (14) за 1924 публикуется очерк *Г.Гребенщикова* «Таинство Рериха», и в том же номере И.Савченко рецензирует «Былину о Микуле Буяновиче» Гребенщикова (Париж; Нью-Йорк, 1924): «Гребенщиков — вещнейший из вещных русских писателей. В этом смысле он полная противоположность Метерлинку»; «Для Гребенщикова явь тоже безобразна, но это «безобразие» «свято», у этого безобразия есть свое провиденциальное оправдание»; «В самом уродстве этом он своим художественным взором высматривает прообразы красоты человеческой, ибо тоска по красоте изначально заложена в душу человеческую» (1924. № 3 (14). С. 38). Свою излюбленную характеристику творческой манеры Гребенщикова («писатель-радостник») Савченко повторяет и в рецензии на вторую часть эпопеи «Чураевы» — «Спуск в долину» (Нью-Йорк, 1925): «Воистину, вряд ли в русской литературе есть еще другой писатель, столь щедро напоенный и упоенный радостным ощущением жизни» (1925. № 2 (19). С. 32—33). Не остается без внимания критиков позиция *М.Горького*. Ее характеристику И.Савченко дает в рецензии на переиздание книги С.П.Мельгунова «Красный террор в России» (Берлин, 1924): «М.Горький не так давно написал целую книгу («О русском крестьянстве»), в которой пытается доказать, что советская власть не причастна к проливаемой крови. Террор, он говорит, идет не сверху, а снизу... Что это? Слепота, продажность или нравственный маразм? Но чем бы это ни было — здесь сокрыта подлинная трагедия. Она уже в том, что Дзержинский — палач и Горький — русский писатель (пусть противореча друг другу) — люди одних настроений и одного психического строя» (1924. № 4 (15). С. 41).

Внимание журналистов привлекают два юбилея — 80-летие *В.И.Немировича-Данченко* и 30-летие литературной деятельности *М.П.Арцыбашева*. Чествование В.И.Немировича-Данченко, по мнению С.Водова, «обратилось в грандиозное литературное торжество и в бурную демонстрацию русско-чешского культурного единения» (1925. № 1 (18). С. 36). Арцыбашев в эмиграции из беллетриста превратился в публициста: «пылкий, огненный, страстный, негодующий, он весь ушел в пафос борьбы с насилующим Россию большевизмом». Своей публицистикой Арцыбашев доказал, что он подлинный патриот и гражданин. «В историю русской литературы М.П.Арцыбашев вошел дважды: первый раз как писатель-художник, и ныне, второй раз, как писатель-публицист», — утверждает И.Савченко (1925. № 3 (20). С. 20—21).

По мнению критиков, художественные недостатки в произведениях, рассчитанных на читателя массового, «есть дело второстепенное и главный смысл их заключается именно в поучительной злободневности и здоровом патриотическом настроении» (1924. № 5 (16). С. 44). В романе *П.Н.Краснова* «Понять—простить» (Берлин, 1924) наряду с яркими фрагментами встречаются и «досадные, расхолаживающие страницы», но в целом в нем — и это главное, с точки зрения В.Благова — «чувствуется близкая и родная, теперь огненная Россия» (1924. № 3 (14). С. 41). А.Ежов, сравнивая с произведением Краснова роман кн. С.Волконского «Последний день» (Берлин, 1925), отдает предпочтение первому: «Правда, роман ген. Краснова не более как грубый лубок с сильно сгущенной тенденцией. Но зато в его удавшихся частях сколько яркости, силы и стихийной талантливости, порою подымающейся на трагически-художественную высоту. Ничего подобного у кн. С.Волконского вы не найдете... Кн. Волконский интересует, занимает, но не потрясает» (1925. № 2 (19). С. 34). В рецензии на роман П.Н.Краснова «Единая-неделимая» (Берлин, 1925) его творческая манера характеризуется уже как сплав «подлинной художественности» с политической тенденциозностью, но вывод делается все тот же — «книга читается с неослабевающим интересом» (1925. № 3 (20). С. 32). В одном ряду с Красновым стоит и М.К.Первухин. Рецензент романа «Пугачев-победи-

тель» (Берлин, 1924) обращает внимание на недостатки языка (не всегда удачную стилизацию под старину и простонародье), на ограниченность фантазии автора. И тем не менее роман читается с захватывающим интересом; «причина — в злободневности параллелей печальной русской современности с изображаемой в романе исторической (и особенно — фантастической) эпохой пугачевщины». Критик, рекомендуя книгу «для всеобщего чтения», сулит ей успех, «равный или почти равный тоже несовершенным, но проникнутым благородным патриотизмом произведениям П.Н.Краснова» (1924. № 5 (16). С. 44). «Безусловно интересен» для широкого круга читателей и исторический роман Е.Нагродской «Река времен» (Берлин, 1924), несмотря на то, что подлинная историческая канва сохраняется лишь в первой части произведения, а затем «история переходит в истории» (1925. № 1 (18). С. 56—57).

В.Кадашев в № 1 (18) за 1925 рецензирует ряд поэтических сборников. С точки зрения критика, «не только можно, а и должно требовать, чтобы личное в стихах претворялось в общее, чтобы в результате творчества получилось художественное произведение, а не «человеческий документ», рифмованный дневник, интересный лишь как материал для психолога» (с. 54). Этим требованиям отвечают «Песни без слов» кн. Д.А.Шаховского, изданные в Брюсселе в 1924. Здесь далеко не все совершенно, но «у молодого поэта есть та внутренняя строгость и прекрасная ясность, ощущение которой в стихах и есть, собственно, ощущение поэзии». Шаховской — поэт подлинный, «лирический созерцатель» — «в нем мало действенности, дневного начала», «источник его вдохновения — в строгом и ясном пламени ночных очей неба» (с. 54). В «поэтическом разгильдяйстве» обвиняет Кадашев участников сборника «Белый скит» (Белград, 1924). Возможности молодых белградских поэтов весьма ограничены, они на удивление небрежны к самим себе: «неопределенный, расплывчатый лиризм, вылитый вялым, расхлябанным, «апухтинским» стихом — никаких надежд не возбуждает» (с. 54). «Художественной неудачей» называет Кадашев и два сборника И.Британа — «Богу» и «Разноцвет» (Берлин, 1924). «Нудным и безнадежным» считает И.Британа и *А.Туринцев*. Британ относится к той категории поэтов, у которых «что» по отсутствию яркости и остроты вполне гармонирует с их лишенным всякого мастерства «как» (1925. № 2 (19). С. 33).

В № 2 (19) ряд материалов посвящен *А.Аверченко*. В статьях памяти писателя В.Лазаревский и К.Бельговский выступали против стереотипов в подходе к оценке его дарования. По мнению Лазаревского, «бесконечно ценно и, может быть, ценнее всего у Аверченки — непосредственная радость жизни, приятие ее со всеми ее недостатками и утехами, обостренное стремление постичь ее во всех ее проявлениях, как можно больше чувствовать и переживать» (с. 16). «Аверченко был чересчур самобытным, чересчур новым явлением в русской литературе, а к нему подходили с старой шаблонной меркой, — писал Бельговский. — Он за шестнадцать лет своей литературной деятельности занял единственное в своем роде место в русской и мировой литературе. Но умер он все же если и оцененным, то во всяком случае оцененным не вполне, не так, как заслуживает и он сам, и его литературное творчество» (с. 17). В том же номере помещена и рецензия Лазаревского на последние книги Аверченко — «Рассказы циника» и «Шутку мецената» (Прага, 1925). Критик отмечает, что в «Рассказах циника» не так много веселья, как в произведениях времен «Сатирикона». «Шутка мецената», по его определению, «интереснее». Это книга, написанная «по влечению души», и она показывает, «куда устремлялся талант автора, к чему обращался его литературный вкус» (с. 34—35). Рецензировались также новые книги *Н.Бердяева*, С.А.Андреевского, Н.Котляревского, *Е.А.Ляцкого*, Э.Дени, Р.Виппера, И.Эренбурга, *Ю.Айхенвальда*, М.О.Гершензона, М.Вебера, Ж.Дюгамеля (Дюамеля), Г.Соколовича, Н.Плевицкой, *В.В.Шульгина*, М.Цветаевой, Н.Беспалова.

Среди периодики журнал рецензировал прежде всего студенческие и молодежные издания — журналы «На чужбине: Издание Союза студентов русской национальности из Галиции и Буковины», «Молодая Россия: Журнал патриотической молодежи» (Париж), «Стремление: Нелегальный студенческий журнал» (Москва; перепечатан редакцией *«Дней»*), «Призыв: Орган республиканско-демократической группы

русского студенчества во Франции», «Рассвет: Журнал, посвященный делам галицко-русского студенчества» (Львов), «Духовный мир студенчества: Вестник русского христианского студенческого движения в Европе» (Прага), «Русский студент: Издание русского христианского студенческого союза» (Нью-Йорк), «Vox studentium» (Парад, Венгрия), «Казак на чужбине: Журнал «Донской студенческой станицы в Ч.С.Р.» (Прага), «*Казачий сполох*: Издание общеказачьей студенческой станицы» (Прага), «Дни нашей жизни: Орган русской национальной молодежи» (Гельсингфорс), «Наше будущее» (Белград), «Годы изгнания: Журнал Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры» (Париж), *«Своими путями»* (Прага), сборник пражской группы студентов-эсеров «Голос студента», «Сборник группы воспитанников русской пражской реальной гимназии», еженедельную харбинскую «Студенческую газету».

«СГ» выступали против «сменовеховства». В.Лазаревский критиковал *«Сполохи»*, указывал на слабость беллетристического отдела и на неопределенность политической позиции: «Нет ничего явно «большевицкого», но и ничего, что бы могло быть неприятно нынешним русским феодалам. На всем журнале — какой-то налет болота. Это — журнал «серых», себялюбивым равнодушием засасывающих и гасящих всякую живую мысль, порыв, волю» (1923. № 5 (9). С. 40). С.Шпанов в 1925 с удовлетворением замечал, что пятая книга журнала *«Беседа»* свидетельствует о некотором переломе: журнал стал «цельнее и ценнее» в литературном отношении, поскольку «исчез специфический душок некоей «сменовеховщины» и «приятия», которым был напоен весь материал» (№ 6 (17). С. 49). Евразийские идеи, напротив, вызывали сочувственный отклик. ««Евразийство» есть духовное возвращение к себе — «домой» и горячая, талантливая апология духовной самобытности религиозно-культурного организма России», — писал Я.Зеленкин, представляя *«Евразийский временник»* (1924. № 2 (13). С. 34). Рассказывая о первом номере «Свободной России» (издание Республиканско-демократического союза), Н.Быстров утверждал, что «статьи, помещенные в журнале, не представляют особого интереса для эмиграции, касаясь тем, беспрерывно обсуждаемых на страницах эмигрантской печати, и повторяя выводы, многими давно разделяемые». Но если «Свободная Россия» ориентирована на российского читателя, то в России эти статьи могут «если не всегда будить новые мысли, то во всяком случае формулировать, обобщать, чеканить и заострять мысли, в умах русских людей уже рожденные и живущие» (1924. № 4 (15). С. 43). Из других изданий рецензировались «Крестьянская Россия» (Прага), «Экономический вестник» (Берлин), «Карпатский край» (Мукачево), «Заря» (Берлин), «Вестник правления Общества галлиполийцев» (Белград), *«Русская мысль»* (Прага—Берлин), «Кавказский горец» (Прага), *«На чужой стороне»* (Берлин—Прага).

Последний номер журнала (№ 5 (22)) вышел в декабре 1925 под редакцией А.А.Валентинова-Ланге, М.С.Ильяшевича, Г.Е.Флорианского и И.А.Черкесова. Большинство материалов (статьи и очерки В.Благова, Б.Неандера, И.Гримма, С.Рафальского, Н.Раевского, В.Левитского) было посвящено русским женщинам — их трагическим судьбам и их героизму. В обращении к читателям в последнем номере говорилось: «С января месяца 1926 года журнал «Студенческие Годы» будет выходить под новым названием — *«Годы»*. Пусть не суждено нам было до сих пор обрести счастье возвращения на освобожденную и очищенную Родину, пусть скорбно кончаются и уходят в прошлое наши студенческие годы, пусть на смену им идут просто годы, полные, быть может, новых лишений, страданий и унижений, — мы гордо останемся по-прежнему на нашем посту» (с. 1).

Д.Д.Николаев

Т

«ТАВЕРНА ПОЭТОВ» (Варшава, 1921—1925) — литературное объединение, в которое входили Всеволод Байкин, Владимир Бранд, Александр Топольский, *Александр Туринцев*, Сергей Жарин, Олег Колодий, Олег Войнов, Екатерина Аристова, Михаил Константинович и др. Руководителем и вдохновителем объединения был *Альфред Бем*, известный впоследствии как основатель литературного объединения *«Скит»* (в 1922 А.Бем переехал в Прагу). За годы существования литературной группы было опубликовано свыше 150 стихотворений. Часто произведения поэтов «Таверны» печатались в газете «За свободу!». Собрания «ТП» проходили в редакции этой газеты при активном участии ее сотрудников во главе с *Д.Философовым*. В них нередко принимали участие и польские поэты (Леонард Подгорский и др.), что способствовало сближению молодых русских и польских поэтов. В сборник «Шестеро: Малый альманах поэзии и прозы» (Варшава: Изд. «Таверна поэтов», 1923) вошли стихи многих поэтов группы. Стихами поэтов «ТП» открывается «Антология русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937). Составители антологии ставили перед собой задачу представить наиболее полно русскую эмигрантскую поэзию в Польше.

Для творчества поэтов «Таверны» характерны настроения трагического одиночества, тоски, чувства неизбежности надвигающейся катастрофы вселенского масштаба. Многих поэтов не покидает ощущение зыбкости и неуловимости образа родины, воспоминания о которой тягостны. В стихах запечатлен образ поэта-мученика, поэта-изгнанника, всей душой стремящегося вновь обрести Россию. Трагедия одиночества, горестные размышления об утраченной России — основные темы стихотворений В.Байкина (Байкин В. Из тетради «Чужое небо» // *Меч*. 1939. № 12). В стихотворениях приверженца Гумилева В.Бранда на первый план часто выступает лирическое «я», погружение в «бледно-синий» сумрак небытия (Бранд В. Сборник стихов. Варшава, 1932). Картины прошлого в стихах О.Войнова полны страдания, ужаса и страха. Петербург — «угрюмый» город, где «ежедневно берут на расстрел». Стихи поэтов «ТП» — это своеобразное возвращение в прошлое, воскрешение в лирике ушедшего мира и ушедших людей. Вместе с тем это активное неприятие того, что происходило в России, стремление противопоставить свою поэзию официальной поэзии страны советов. Стихотворения переполняют настроения безысходности, страдания, бессмысленности жизни, переплетающиеся с размышлениями о смысле человеческого бытия, о соотношении добра и зла, о Боге, о вечности (стихи С.Жарина). Но, переживая на земле скорбь и мучения, душа поэта стремится к прекрасному, а стихи заполняются картинами родной русской природы (стихи О.Войнова, О.Колодия).

В 1925 варшавская «ТП» распалась, однако многие поэты группы продолжали печататься и позднее в газетах *«Молва»*, «Меч» (В.Бранд, В.Байкин, С.Жарин). В Варшаве существовали и другие поэтические группы: «Литературное содружество» (1929—1930), «Священная лира» (30-е годы). В Польше в разные годы жили *З.Гиппиус, Д.Мережковский,* Д.Философов, *Б.Савинков, М.Арцыбашев, Ал.Амфитеатров.*

О.В.Розинская

«ТАЛЛИНСКИЙ РУССКИЙ ГОЛОС» (1932. 12 ноября. № 1 — 1934. 10 июня. № 83) — общественно-политическая и литературная еженедельная газета. Ответственные редакторы-издатели: А.Шуманская, с 7 октября 1933 (№ 48) — К.Пиньковская. Как указывалось в рекламном объявлении, газета «выходит при постоянном сотрудничестве А.А.Булатова, П.А.Богданова, Е.И.Гильденбранда, И.М.Горшкова, А.С.Изгоева, А.Е.Осипова, П.Г.Осипова, Л.М.Пумпянского и А.П.Сорокина». По некоторым сведениям, реальным редактором газеты был

А.С.Изгоев. Одна из наиболее значительных русских газет в Эстонии в 1930-е. В редакционной передовой статье в № 1, помеченной «12 ноября 1932 г.», указывалось, что газета — «беспартийный орган печати», который хотел бы объединить всех русских, проживающих в Эстонии. «Огромные богатства русской культуры дозволяют нам, ни на кого не нападая и никого не задирая, стойко защищать все положительное, что есть у русских, устранять и направлять наши недочеты, развивать хорошее и собирать национальные силы». Основными авторами, определявшими облик газеты и, видимо, входившими в состав ее редакции, были депутат эстонского парламента и один из руководителей Русского национального союза И.М.Горшков (статьи, освещающие политическую жизнь Эстонии, в том числе и передовые по политическим вопросам), видные русские общественные деятели в Эстонии А.А.Булатов (нередко выступал под псевдонимом Буслай; статьи и корреспонденции из Печорского края, населенного русскими, отдельные документально-мемуарные публикации) и П.А.Богданов (статьи о жизни русской деревни в Эстонии, публикации о положении в СССР, в особенности о положении крестьянства; театральные рецензии), а также А.С.Изгоев (вел рубрику «Заграничные дела», статьи, посвященные проблемам международной жизни). Со статьями на экономические темы (в том числе и по проблемам мировой экономики) выступал Л.М.Пумпянский. Активным сотрудником газеты был журналист П.Г.Осипов (выступал и под псевдонимом Павел Крибский). Кроме того, со статьями выступали Г.Модеров, А.Троицкий, Н.Сниткин, Н.Макшеев, Г.Сумаков, проф. Д.Л.Гримм, А.Климов. Характерно пристальное внимание газеты к местной русской культурной жизни. Систематически публиковались материалы о деятельности русских литературных кружков, театральных и музыкальных коллективов, культурно-просветительных организаций, Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Бывший концертмейстер Большого театра в Москве С.И.Мамонтов писал о русских композиторах и по проблемам музыки. В газете много литературных публикаций. На ее страницах печатались произведения местных русских авторов: рассказы и очерки Б.Свободина, Б.Назаревского, В.Гущика, Е.Ионова, стихотворения Е.Базилевской-Роос, К.Гершельмана (чаще всего под криптонимом *К.Г.*), начинающего А.Долгошева (позже ставшего эстонским поэтом А.Раннитом), *Б.Нарциссова*, Меты Роос, М.Сидорова, Нат.Транзе, А.Троицкого и др. Особенно активно выступал в «ТРГ» Павел Иртель (криптоним *П.И.*), публиковавший на его страницах свои стихи, рассказы, путевые очерки, эссе, статьи на литературные темы, сообщения и корреспонденции о русской литературной жизни в Эстонии и в других странах русского зарубежья. В «ТРГ» регулярно появлялись публикации в рубриках «Фельетон» или «Маленький фельетон» — в стихах и прозе (авторы: С.Костюкович, Андрон — псевдоним, А.Климов и др.). Из зарубежных русских авторов на страницах газеты печатались произведения *Н.Белоцветова*, *В.Булич* (Гельсингфорс), *Б.Зайцева, Ант.Ладинского*, Пазлина (Осипова-Пазлина), *Н.Рощина*, Д.Сидорова (Белград), *З.Шаховской* (Брюссель) и других. С начала 1934 «ТРГ» становится все беднее и беднее материалами; в литературном отделе вместо первопубликаций появляются перепечатки из газеты *«Возрождение»* (*А.И.Куприн* и др.), чего раньше не наблюдалось. Уменьшается и объем газеты: вместо шести страниц она выходит теперь на четырех. В июне 1934 газета без какого-либо предупреждения перестала выходить. Это было связано как с финансовыми трудностями, так и с изменившейся в Эстонии политической обстановкой: в марте 1934 в Эстонии произошел государственный переворот, приведший к утверждению авторитарного режима президента К.Пятса. В стране были запрещены все политические партии и ограничены демократические свободы. Наступил так называемый «период молчания», который отразился и на положении русской прессы, и на всех сторонах русской общественной жизни в Эстонии.

С.Г.Исаков (Эстония)

ТУРГЕНЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА — русская общественная библиотека в Париже, уникальный центр русской культуры за рубежом, открылась в январе 1875 г. Ее основатели — И.С.Тургенев и известный народоволец Г.А.Лопатин. Тургенев откликнул-

ся на предложение Лопатина открыть русскую библиотеку-читальню как источник образования и место встречи для сложившейся к 70-м годам в Париже большой колонии русских эмигрантов, включавшей в себя много революционно настроенной молодежи, по политическим причинам не имевшей возможности учиться на родине. Было устроено «Литературно-музыкальное утро» с участием Тургенева, Полины Виардо, Г.Успенского, поэта Н.Курочкина. В снятой на собранные деньги квартире в Латинском квартале открылась читальня, ежедневно привлекавшая многочисленных посетителей. Тургенев передал библиотеке много своих книг.

Первые годы председатель Правления библиотеки — Г.А.Лопатин. В 1881 создано Общество русской библиотеки из ее читателей. После смерти Тургенева в 1883 библиотеке присвоено его имя. Библиотеку посещали Л.Толстой, Достоевский. Во время первой мировой войны библиотека (при содействии американского Христианского общества молодых людей) бесплатно высылала книги солдатам. Долгое время обслуживала, главным образом, русских жителей Латинского квартала и левого берега Сены. В 1918—1919, когда хлынула волна эмигрантов из России, состав читателей существенно расширился и изменился. С 1918 ее посещали 90—100 человек в день.

Устав библиотеки много раз менялся, средства были малыми. Но она неизменно оставалась независимым культурно-просветительским непартийным общественным центром. С 1914 по 1940 находилась в ведении Л.В.Шейнис-Чеховой и М.П.Котляревской. К 1925 фонд библиотеки насчитывал 50 тыс. томов. Осенью того же года библиотека отпраздновала свое 50-летие: 21 ноября в Сорбонне под председательством французского русиста профессора Эмиля Омана состоялось торжественное заседание, на котором выступили с воспоминаниями о Тургеневе М.Н.Муромцева, с докладами «Тургенев и Франция» Э.Оман, «Тургенев в русской эмиграции в Париже» П.Н.Милюков, «Очерк из истории библиотеки» Н.А.Палчевский, «Современное состояние библиотеки» С.Г.Сватиков. В художественном отделении юбилея участвовали Алиса Виардо-Гарсиа, А.Плотников, Н.Н.Черепнин.

Библиотека располагала справочниками, библиографиями, старалась удовлетворить потребности читателя-специалиста и вместе с тем обслужить широкого читателя, выпускала каталоги своих фондов («Тургеневская общедоступная библиотека: Каталог по беллетристике». Париж, 1924). Примечательны регулярные статистико-социологические исследования *Н.Н.Кнорринга*, анализировавшего читаемость книг и публиковавшего эти отчеты в газете *«Последние новости»* и в журналах. В статье «Эмиграция и книга» (*Встречи*. 1934. № 4) он отмечал падение покупательной способности русских за рубежом и писал, что книга приходит к читателю, главным образом, через библиотеки. Поэтому библиотечные статистические данные имеют огромное значение для суждения о вкусах русского читателя во Франции и тем самым — о духовных запросах эмиграции вообще. Кнорринг приводит данные по Тургеневской библиотеке (свыше 70 тыс. томов). В 1932 в ней было выдано 17904 издания, в 1933 — 15947, падение числа читателей — свидетельство падения жизненного уровня эмигрантов: залог в 30 франков для многих стал непосилен. Сыграла роль и конкуренция «летучих библиотек», доставлявших книги на дом. 2/3 всех выдач книг — 10786 — беллетристика: 7247 — русские книги, 3539 — переводные. В 1933 взяты книги — 567 русских авторов, 462 — иностранных. В списке русских авторов: *Минцлов* — 251 раз, *Крымов* — 225, Шолохов — 217, Достоевский — 206, Л.Толстой — 189, *Алданов* — 164, *Бунин* — 124, Чехов — 89, *Сирин* — 83, Катаев — 66, *Мережковский* — 60, Зощенко — 55, Ильф и Петров — 53, Гоголь, *Берберова* — 39, Бабель — 21. Иностранные авторы: Уоллес — 179, Голсуорси — 135, Джек Лондон — 103, Золя — 68, Сенкевич — 58, Гамсун — 45, Д.Г.Лоуренс — 40, Вудхаус, Хаггард — 32, Уэллс — 36, Лагерлёф — 23, Ибсен — 22. Многие читатели искали занимательного чтения — отсюда успех английского автора детективов Э.Уоллеса и исторических романов С.Минцлова. В 1932 самый читаемый автор М.Алданов. Романы предпочитают рассказам, стихи берут редко. Часто обращались к Шолохову, Крымову. Нобелевская премия повышает интерес к Бунину. Статистика выдачи журналов — 1148: эта цифра охватывает 190 журналов — среди них *«Современные записки»* — 175 раз, «Новый мир» — 111, «Красная новь» — 80, *«Числа»* —

31, «Огонек» — 26. В библиотеке — три комплекта «Современных записок», а «Нового мира» и «Красной нови» — по одному.

Ежегодно, начиная с 1918, библиотека устраивала новогодние елки, балы, концерты, выступления писателей, выставки, по четвергам — «кружок чтецов и рассказчиков», что привлекало детей, молодежь и взрослых и приносило доход. 1 января 1921 состоялись елка и спектакль — для детей, а вечером — концерт (в нем участвовали *Н.А.Тэффи*, *К.Д.Бальмонт*, Л.Леопарди). 29 декабря 1921 на елке для детей выступили М.Оленина д'Альгейм, М.Г.Дитерихс и др. 14 января 1922 — вечерний концерт балерины Нины Ветлиной (12-летней ученицы Ю.Н.Седовой). 28 декабря 1924 — концерт-бал, в котором участвовали Р.Азрова, Л.Бер, М.Болдырева, Ю.Бильстин, Г.А.Лапшин и др. 2 января 1926 — в программе детской елки — пьеса *С.Черного* «Мистер Кукки и его труппа», написанная специально к этому празднику. И в тот же вечер — концерт с участием квартета Кедрова, госпожи Альбрехт, Л.Гальперна, А.Рахманова. В 1930 на чтениях для детей профессор Ф.Сватиков рассказывал о русской деревне, читал Некрасова «Дед Мазай и зайцы» и «Генерала Топтыгина», 27 февраля С.А.Брут рассказывал «Детство Никиты» *А.Толстого*, а 22 января 1931 тема его выступления — «Русский Север в сказках и народных преданиях». Отмечать памятные даты русской литературы — давняя традиция Тургеневки: еще в 1912 был устроен вечер памяти А.И.Герцена. При участии Товарищества объединенных издателей 5 декабря 1935 открылась выставка книг к 25-летию со дня смерти Л.Толстого. 13 марта 1937 в литературном вечере в пользу библиотеки участвовали И.Бунин, *Б.Зайцев*, *М.Осоргин*, *А.Ремизов*. 15 апреля библиотека откликнулась на юбилей Пушкина и вместе с *Народным университетом* и С.Лифарем провела Пушкинский вечер: со вступительным словом на нем выступили *М.Гофман* и правнук поэта — А.Пушкин. 15 декабря в программе — опера П.И.Чайковского «Евгений Онегин» с вступительным словом Н.Берберовой.

Деятельность библиотеки привлекала внимание литераторов, печатавших в «Последних новостях» статьи о ее значении и положении — М.Осоргин «Детище Тургенева» (25 ноября 1935), профессор Д.М.Одинец «Тургеневская библиотека» (2 июня 1937), отчеты об ее вечерах (М.Алданов, 11 марта 1937). Помещение на улице Вал де Грас заполнилось до предела, плата за помещение и отопление превысила доходы, зарплаты двух библиотекарш были мизерными. Библиотека и ее друзья старались найти выход из бедственного положения.

25 июня 1933 прошло Общее собрание, посвященное положению библиотеки. Правление обратилось к Парижскому муниципалитету с просьбой о бесплатном помещении. Просьбу поддержали французские слависты, писатель А.Моруа, министр народного просвещения, муниципальные советники и служащие городского самоуправления, оценившие библиотеку как чрезвычайно полезное «франко-русское достояние». Летом 1937 библиотека заняла целый этаж в «Отеле Кольбер» на улице Бюшери. В приветственной речи на торжественном открытии осенью В.А.Маклаков заметил, что 60 лет назад библиотеку открыли эмигранты-революционеры, покинувшие старую Россию, а дело их продолжили эмигранты из новой России, библиотека стала символом национальной культуры, создающейся преемственной работой поколений, порой противостоящих друг другу.

В новом помещении было решено создать русский литературный архив, для чего был учрежден временный комитет архива под председательством И.А.Бунина. Некоторые писатели передали свои архивы на хранение библиотеке. В 1940 фонд библиотеки насчитывал более 100 тыс. изданий.

В сентябре 1940 после оккупации Парижа некий доктор Гельмут Вейс предложил купить библиотеку для Германии и получил отказ. Тогда от имени германского командования он закрыл библиотеку. Через несколько дней начали вывозить книги. Инициатором конфискации библиотеки был один из сподвижников Гитлера, ценитель «россики», балтийский немец А.Розенберг. Известие о ликвидации библиотеки тяжело переживалось эмигрантами. По воспоминаниям Л.В.Шейнис-Чеховой, вывезенная в Германию библиотека погибла при бомбардировках на железнодорожных путях. «В последний момент перед увозом библиотеки в Германию ее тогдашний председатель правления проф. Д.М.Одинец обратился в советское представительство в

Париже с просьбой спасти это драгоценное русское книгохранилище, снестись с немецкими властями, с которыми советское правительство тогда было в «дружбе, спаянной кровью». Но представители советского посольства не пошевелили даже пальцем» (Шейнис-Чехова Л.В. Тургеневская библиотека // НЖ. 1969. № 94. С. 178. Прим. редакции).

Однако библиотека не погибла полностью. Около 5 тыс. томов были возвращены в Париж. К ним добавились другие русские зарубежные собрания, утратившие своих хозяев (в частности, библиотека им. Герцена из Ниццы). Эти книги составили ядро обновленной Тургеневки, возродившейся в 1959, когда деньги, полученные в возмещение военных убытков, позволили купить помещение — 145 кв. м — в Латинском квартале на улице Валанс, 11 и обустроить его. Однако к 1972 библиотека вновь оказалась в состоянии финансового кризиса. Поддержка, оказанная двумя русскими учреждениями — Земгором и Быстрой помощью (1976—1979), и начавшееся тогда субсидирование со стороны городского управления Парижа спасли библиотеку и до сих пор позволяют покрывать необходимые для ее скромного содержания расходы. В результате частных пожертвований, покупки изданий, поступлений из отдела Международного Обмена Национальной библиотеки в настоящее время фонд «Тургеневки» насчитывает около 40 тыс. книг и журналов. Библиотека регулярно, хотя и в скромных размерах, пополняет свои фонды. В коллекции библиотеки — большое число брошюр, порой очень редких. Журналы, выходившие в разных странах на русском языке после 1917, а также современная периодика представлены в библиотеке почти полностью. Однако, за редким исключением, утрачены журналы, выходившие в России до 1917.

Многие годы в библиотеке ведется библиографическая работа по учету и систематизации русских изданий за границей, начатая еще в 20-е Борисом-Оскаром Гендриковичем Унбегауном (см.: Шаховской Д.М. Тургеневская библиотека и ее деятельность // Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. М., 1994. Кн. 2. С. 463). Итог почти десятилетнего труда, осуществленного под началом Т.А.Осоргиной-Бакуниной при участии штатных сотрудников и добровольных помощников «Тургеневки», — обширный библиографический справочник «Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980. Сводный указатель статей» (Париж, 1988), редакторы — Т.Гладкова и Т.А.Осоргина, изданный Тургеневской библиотекой совместно с Институтом славяноведения в Париже. Т.А.Осоргина-Бакунина составила также сводный каталог периодических изданий 1855—1940 «Русская эмиграция в Европе» (Париж, 1976; 2-е изд. 1990).

См. также: Русская общественная библиотека имени И.С.Тургенева: Сотрудники. Друзья. Почитатели: Сб. статей. Париж, 1987.

Т.Н.Красавченко

У

«УДАР» (Париж, 1922. Февраль — 1923. Август. № 1—4) — «Художественно-литературная хроника Сергея Ромова», как сказано в подзаголовке журнала, задуманного критиком и публицистом Сергеем Матвеевичем Ромовым (1887—1939) для объединения художников и писателей, выходцев из России, стремящихся к обновлению языка и искусства, для установления контактов с французскими коллегами и творческими объединениями в Москве, а также для информации о событиях культурной жизни. В числе 30 сотрудников и участников издания значились живописцы Виктор Барт, Давид Какабадзе, Константин Терешкович, скульпторы Яков Липшиц, Осип Цадкин, писатель *Илья Эренбург*. Французское искусство представляли Андре Бретон, Макс Жакоб, Блез Сандрар, Тристан Тцара, Альберт Глез, Жан Меценже, Фернан Леже и др. Вышло четыре номера: в феврале и марте 1922 объемом 16 ненумерованных страниц, в ноябре 1922 и августе 1923 — на 32 стр. мелованной бумаги с черно-белыми иллюстрациями. Журнал состоял из статей по теории и истории искусства и «Ударной» хроники (в № 3 и 4 появился раздел «Библиография»).

Основное внимание «У» сосредоточил на проблемах изобразительного искусства, отводя новостям литературы место преимущественно в хронике. В программной статье «Салон независимых» (№ 1) Сергей Ромов выразил свой взгляд на эволюцию новейшего искусства от импрессионизма, обогатившего художников новым способом живописного выражения, фовизма и неоимпрессионизма, которые «по гениальному почину Сезанна вскрыли мистическую сущность природы и ее закономерную конструктивность», кубизма, вооружившего научным методом геометрических построений и композиции, к футуризму и дадаизму, которые заставили «произвести ту переоценку ценностей, без которой все новые эстетические теории превратились бы в схоластику и мертвую букву». Участие в журнале ведущих критиков Ж.Рибемон-Дессеня, Андре Сальмона, Вальдемара Жоржа, Мориса Рейналя определило значительное место материалов о французской живописи, о творчестве Анри Матисса, Андре Дерена и др. Судя по рекламе, пятый номер журнала предполагалось посвятить мэтру кубизма Жоржу Браку.

Несколько важных публикаций касалось истории русского искусства. Виктор Барт в статьях «Относительность живописных выражений» (№ 3) и «Существует ли русская живопись?» выдвигал как национальных гениев Александра Иванова и Михаила Врубеля, добавляя при этом, что «историю русской живописи можно представить в лицах так: Левицкий и Боровиковский, наученные французами, заговорили в живописи по-французски, но с русским акцентом, передвижники стали говорить по-русски, но плохим языком, а мы хотим говорить по-русски и хорошо». Константин Терешкович, анализируя опыт участия группы «Мир искусства» в Осеннем салоне (№ 1), от имени молодых живописцев обвинял мастеров в повторяемости, в том, что прежние новаторы стали «Миром искусственности».

Еще более непримиримую позицию редакция занимала по отношению к литературной эмиграции, которая именовалась «беженской». В этом отразилось особое положение русских художников во Франции. Многие из них обосновались в Париже задолго до революции, учились, участвовали в выставках и не ощущали себя эмигрантами, тем более политическими изгнанниками. «В 20-е годы русские художники Парижа, — писал В.Барт в автобиографии, — разделились на 2 группы: на просоветских, группировавшихся около журнала «Удар», и белоэмигрантских...» (Отд. рукоп. Гос. музея В.В.Маяковского). С.Ромов и В.Барт сотрудничали в просоветском журнале «Наш Союз» (1926) и газете «Парижский

вестник» (1925—1926), французском «Клартэ», экспонировали свои работы в Москве, куда позже вернулись. Их политические взгляды обусловили появление иронических заметок «Наш национальный кликуша» (№ 1) о *Мережковском* и «Бессмертное хлестаковство» (№ 1), «О великом *Бунине*» (№ 3) по поводу «родовитости», отмеченной Буниным в предисловии к французскому переводу «Господина из Сан-Франциско», и его ответа на анкету газеты *«Слово»*: «Кто из писателей наиболее выдвинулся в эмиграции и кто сейчас наиболее крупный деятель зарубежной России?» Редакция с негодованием отмечала «сенсационное предложение беженского фаворита» *Марка Алданова* о выдвижении на Нобелевскую премию 1923 «истекающих желчью И.Бунина и *Ал.Куприна*» или «литературного сандвича: Мережковского, *Гиппиус, Философова*». В Хронике, в частности, сообщалось о выступлении Мережковского в «Обществе друзей французской литературы», которое расценивалось С.Ромовым как обещание «висельного мщения всей России, оставшейся за пределами беженского болота» (№ 1). Вместе с тем, сочувственно рассматривалась статья *Андрея Белого* о «муках рождения нового человека в России» из «*Новой русской книги*»: «...для Белого это не праздный сюжет игривого писательства, а сущность глубоких психологических переживаний и мучительных дум, с трудом нашедших свое внешнее выражение...» По случаю 30-летия литературной деятельности *Максима Горького* журнал приветствовал его как «воплощенное народное самосознание» и поместил портрет работы Ивана Лебедева. Юбилей, подчеркивалось, «должен быть торжеством для всех русских граждан всюду, где сейчас разбросана великая интеллигентская Россия. Только беженский Париж не счел нужным присоединиться к этому торжеству» (№ 3). Огромное значение придавалось 1-й выставке русского искусства в Берлине, которая проходила осенью 1922, «после пяти проволочных заграждений и оторванности от Европы». В журнале печаталась реклама книг А.Блока, С.Есенина, журнала московской группы «Маковец», с которой предполагалось установить связь, обмен статьями и репродукциями (В.Барт входил в члены объединения). Сотрудники «У» вели разнообразную работу по объединению представителей всех видов авангардного творчества. Одной из форм стали «Чествования поэтов». Первое, посвященное Илье Зданевичу, было устроено в кафе «Хамелеон» при участии Ф.Супо, Т.Тцара, А.Жермена, сделавшего доклад о поэте и «русском сверх-дадаизме». 22 ноября 1922 прошел обед в честь В.Маяковского, которого приветствовали от артистов дягилевского балета и художников Н.Гончарова, от поэтов — И.Зданевич, от французских литераторов — Вальдемар Жорж. В июне 1923 вместе с группой *«Через»*, в исполком которой помимо И.Зданевича входили С.Ромов и В.Барт, чествовали *Александра Кусикова*, слово о котором произнес *К.Бальмонт*. В поисках средств для издания журнала проводились благотворительные балы и спектакли. Особый успех имел костюмированный бал в конце июня 1922 в декорациях С.Судейкина и М.Кислинга в зале Бюлье, денег от которого хватило не только на тираж, но и на помощь нуждающимся художникам в Париже и Москве. На другом балу, в феврале 1923, состоялся аукцион картин, предоставленных редакцией «У» после выставки в галерее «Ликорн». В галерее прошел вечер поэта *Бориса Божнева*, где помимо доклада *К.Мочульского* исполнялся танец под заумную поэзию И.Зданевича (костюм В.Барта) и пьеса с марионетками (декорации и костюмы Л.Воловика). В лучшей галерее Парижа, у Поля Гийома, по инициативе «У» состоялась однодневная выставка эскизов и макетов декораций московского Камерного театра и «Неделя Камерного театра» для обмена мнениями о положении искусства в России и Франции. Пиком сезона стал вечер Тристана Тцара и постановка его пьесы «Воздушное сердце» в оформлении Хаима Грановского и при участии композиторов Эрика Сати и Жоржа Орика. Спектакль привлек самую изысканную публику генеральных репетиций и модных вечеров. «К сожалению, — отмечалось в «Ударной» хронике, — вечер был сорван несколькими поэтами, которые, взобравшись на сцену, стали рвать декорации и устроили форменый разгром. В зале началась свалка, и спектакль не удалось закончить» (№ 4). Это столкновение с дадаистами, которые действием ответили на статью Рибемон-Дессеня «Умер ли Дада?» (№ 2),

заставило *С.Шаршуна*, по его словам, порвать с прежними соратниками. Положение «У» как журнала, консолидирующего «левые силы», пошатнулось в связи с ростом цен на издание и трудностями в осуществлении совместных планов с московскими группами «Маковец» и «Леф» (в иностранных сотрудниках «Лефа» значился С.Ромов). Попытки продолжить издание в 1924 оказались безрезультатными.

В.Н.Терёхина

«УТВЕРЖДЕНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ» — см. **«ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК»**.

Ф

ФИНСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В Финляндии, в отличие от других центров российского зарубежья, издательская деятельность, связанная с выпуском книг и периодики на русском языке, активизировалась в 1918—1919. За первые два года независимости страны в Гельсингфорсе, Выборге, Териоках и Борго вышло свыше 20 изданий; их подготовили частные лица: литератор из Териок полковник Тимофей Бунякин, художник из Куоккалы Илья Репин, предприниматель А.Минкович из Выборга, литераторы К.Самсонов из Келломяк и А.Янсон из Каннельярви. Полиграфической базой, как правило, служили гельсингфорсские типографии — акционерные общества «Ф.Састамойнен» и «Линдеберг». Реализация книжной продукции происходила либо через редакции гельсингфорсских русских газет *«Русская жизнь»*, *«Новая русская жизнь»*, «Новые русские вести», журнал «Пробуждение», либо через русские писчебумажные и книжные магазины «Сотрудник» (Гельсингфорс), А.Иванкова (Выборг), П.Иванова (Тампере) (см.: Печатание русских книг в Финляндии // Путь. Гельсингфорс, 1921. 23 июля).

В 1918—1939 для русского книгоиздательского дела в Финляндии характерна ориентация, прежде всего, на местное русское население. Отсюда большое количество изданий, представляющих отчеты, уставы, воззвания эмигрантских и неэмигрантских русских организаций, много справочной литературы в помощь беженцам, вынужденным менять профессию, изучать местные государственные языки — финский и шведский. Выпуском книг, рассчитанных на более широкую читательскую аудиторию в советской России, пыталось заниматься акционерное общество «Фундамент», основанное в Гельсингфорсе осенью 1918. Оно успело выпустить три книги, в том числе воспоминания беженца Николая Бадрина «В когтях у большевиков: в тюрьме и на воле» (1919). Книги «Фундамента» печатались в типографии Линдеберга и Гельсингфорсском центральном печатно-переплетном акционерном обществе. Историко-философское исследование Зигфрида Ашкинази «Пути большевизма», написанное специально для «Фундамента», не успело выйти, так как в августе 1919 после разгрома армии генерала Юденича издательство, утратив рынки сбыта в Прибалтике и на Украине, вынуждено было объявить себя несостоятельным.

Наиболее значительным предприятием стало издательство «Библион». Оно было создано в ноябре 1919 в Гельсингфорсе как филиал финско-шведской акционерной компании «Издательство Хольгера Шильдта» (основана в 1913 в городе Борго под Гельсингфорсом для выпуска в Финляндии литературы на шведском языке). Целью было обеспечение европейского и американского рынка русских книг изданиями высокого полиграфического качества и широкого тематического спектра: от классической литературы и переводов писателей Финляндии и Швеции до научно-популярных книг и учебников. Возникновение «Библиона» явилось в 20-е примером плодотворного сотрудничества русских и финско-шведских деятелей культуры. В правление компании входили ведущие финско-шведские издатели Хольгер Шильдт (1889—1964), Сигурд Клоккарс (1882—1951), Гуннар Седерстрем (1893—1963), известный журналист и переводчик русской литературы Яльмар Даль (1891—1960).

Первым автором «Библиона» стал *А.И.Куприн*, который в конце ноября 1919 прибыл в Гельсингфорс. В сентябре 1920 тиражом 5 тыс. экз. вышел сборник его рассказов «Звезда Соломона», состоявший из четырех новелл, опубликованных в России до 1918, и четырех новых миниатюр, написанных для русской гельсингфорсской газеты «Новая русская жизнь» (1919—1922). Куприн остался в целом доволен изданием, тем не менее в одном из писем в редакцию из Парижа, куда он уехал в июне 1920, высказал критические замечания от-

носительно недостаточно тщательной корректуры и неудачной верстки текста. Вторая по счету публикация «Библиона» — роман финского писателя Юханнеса Линнанкоски (1869—1913) «Огненно-красный цветок» (1905) о похождениях финского Дон Жуана — вышла в переводе А.Богенгардта (псевдоним А.Я.Сипельгаса) в октябре 1920.

Самым крупным проектом «Библиона» стало намерение издать посмертно собрание сочинений *Леонида Андреева*. В сентябре 1920 издательство приобрело у вдовы писателя право на публикацию произведений, созданных после 1911. Одновременно переговоры с Андреевой вели берлинские издательства «Слово» и «Брокгауз». В марте 1921 в продаже появилась первая из восьми запланированных книг Андреева — неоконченный роман «Дневник Сатаны» (1919). Изданная тиражом 20 тыс. экз., она имела большой успех, а один экземпляр оказался в личной библиотеке Ленина в Кремле.

После издания «Дневника Сатаны» «Библион» установил активные рекламные контакты с наиболее значительными периодическими органами русской эмиграции — газетой *«Руль»*, журналом *«Русская книга»* в Берлине, газетами *«Воля России»* в Праге, *«Последние новости»* в Париже. Следствием удачно проведенной рекламной кампании в этих изданиях стали многочисленные заявки от частных лиц, главным образом, небогатых русских эмигрантов и русских организаций в Финляндии, Эстонии, Норвегии, Дании, Швейцарии, Франции,Чехословакии, Польше, Югославии, Германии, Болгарии, Италии, Румынии, Турции. Коммерческие контакты с «Библионом» поддерживали 15 книжных магазинов и фирм Ревеля, Берлина, Парижа, Праги, Лондона, Рима, Софии, Белграда, Кишинева, Константинополя, Нью-Йорка. Предложения о сотрудничестве поступали из издательств Дании, Германии, Австрии, Чехословакии, Польши, Италии, Китая, США, Югославии. Торговым представителем «Библиона» в Европе, Америке и на Дальнем Востоке выступал русский книжный магазин Генриха Заха «Москва» (Берлин), который осуществлял оптовую продажу книг при максимальных скидках.

В апреле 1921 «Библион» выпустил антивоенную повесть Леонида Андреева «Ночной разговор» (1911), ранее не публиковавшуюся в России (опубликована в журнале «Москва». 1991. № 6). В течение 1920—1924 вышли также монография А.Бобрика «Немного математики в теории словесности», хрестоматия для русских школ «Родные стихи» под ред. В.Белевича. Готовились к печати сборник новелл «Очарованный лес» финско-шведского писателя Рунара Шильдта (1888—1925), антология русской лирики 20-х, двухтомная монография финско-шведского этнографа Кая Доннера (1888—1935) «Среди самоедов в Сибири» и его же сборник «Сибирские рассказы». Свои сочинения предлагали издать *И.Бунин, К.Бальмонт*, Вл.Ропшин (*Савинков*). Предполагалось расширить тематический диапазон, включив выпуск справочных пособий по различным отраслям сельского хозяйства, адаптированных к климатическим условиям Финляндии. Поступили предложения от русских беженцев в Гельсингфорсе, которые касались, в частности, издания новых переводов финского писателя Алексиса Киви, классика шведской литературы Ю.А.Рунеберга, произведений Г.Гейне, а также сочинений русских авторов, живущих в Финляндии: историка А.И.Вознесенского, журналиста З.Г.Ашкинази, юриста Н.С.Доброхотова и др. Однако эти планы не были осуществлены. Зимой 1921 вдова Андреева, узнав о сотрудничестве главного редактора собрания сочинений Ф.Н.Фальковского с просоветской гельсингфорсской газетой «Путь», решила лично осуществлять редактуру всех восьми томов, а спустя несколько месяцев выехала с детьми во Францию, прервав, таким образом, соглашение с издательством. Непреодолимым препятствием оказалась высокая цена изданий «Библиона», печатавшихся на дорогой бумаге, снабженных богатыми переплетами. Цены оказывались в 4—5 раз выше, чем в других зарубежных русских издательствах. Географическая удаленность Финляндии от основных центров русского рассеяния существенно затрудняла распространение изданий. Кроме того, к 1922 снизилась конкурентоспособность «Библиона» на мировом рынке русской литературы, где тон задавали берлинские и парижские издательства. Убыточным грозило стать намерение специализироваться на выпуске переводов финской литературы.

Ради спасения издательства было решено обратиться в советский «Внешторг» с предложением печатать для России учебную, техническую и научную литературу. Весной и летом 1921 велись переговоры с кооперативным издательством «Колос» и частным издательством Зиновия Гржебина. Небольшие заказы поступили от «Колоса» и Петроградского комитета профессионально-технического образования, однако они не могли быть реализованы в силу неприемлемых для советской стороны финансовых условий контракта. Помимо прочего, серьезную конкуренцию на советском рынке представляло ревельское издательство «Библиофил». В поисках покупателей «Библион» договорился с издательством «Слово» и магазином «Логос» в Берлине о распространении нераспроданных экземпляров выпущенных книг. Однако и это не помогло. С конца 1921 «Библион» фактически перестал существовать, а его юридическая ликвидация произошла летом 1924.

В 20—30-е в Финляндии (помимо продукции издательств «Фундамент» и «Библион») было издано свыше 200 книг и брошюр на русском языке, среди которых произведения русской, финской и шведской художественной и мемуарной литературы, работы русских авторов по истории, экономике, истории литературы, религиозно-философская литература — русская и в переводах с английского и шведского, учебники и справочники по сельскому хозяйству и техническим дисциплинам, предназначенные для самообразования взрослых, учебные пособия для учащихся школ, научно-популярные издания и словари (см.: Хеллман Б., Челберг Ю. Русская литература в Финляндии, 1913—1972: Библиография. Хельсинки, 1988).

Треть всего опубликованного выходила в Гельсингфорсе в издательских отделах русских газет, русских и финских общественных и государственных организаций — Общества друзей русских кадетов, Большого северного телеграфного общества, Финляндского свободного иностранного миссионерского общества, акционерного общества «Эвлунд и Петтерсон», Государственного совета Финляндии, Шведского и Финского литературных обществ в Гельсингфорсе.

Свыше 50 книг было издано в Выборге, Териоках, Каннельярви, Борго, Келломяках, Оллила, Капгасале как частными издательствами, так и различными обществами, в том числе монастырским Братством преподобных Сергия и Германа в Сердоболе и Библейским обществом в Сортавале. Среди авторов книг были русские писатели, поэты, публицисты, ученые-гуманитарии, религиозные и общественные деятели, журналисты — представители «первой волны» эмиграции и лица, пожелавшие остаться в Финляндии после провозглашения независимости, внесшие значительный вклад в дело объединения русского населения Финляндии вокруг идеалов русской культуры: А.Куприн, Л.Андреев, *В.Булич*, Г.Тюрсев, В.Сухомлинов, В.Кузьмин-Караваев, А.Вознесенский, Ю.Григорков, Н.Воскресенский, В.Воейков, И.Шайкевич, епископы Александр и Герман, Ю.Репин, А.Карташев и др.

Л.А.Еськина

ФОРМИСТЫ — группа парижских поэтов, в своем творчестве искавшая альтернативу одновременно канонам «парижской ноты» *Г.Адамовича* и ходасевичевского *«Перекрестка»*, наиболее близкая эстетике *«Кочевья»*, но и ее не разделявшая полностью. Идея создания группы принадлежит Анне *Присмановой* и ее мужу *А.Гингеру*. В группу входил также *В.Корвин-Пиотровский*, стилистически имевший с основателями мало общего. В широком смысле иногда формистами называют всю группу «Кочевье», куда одно время входили А.Гингер и А.Присманова (*Струве*. С. 331). Петра Куве характеризует группу как непримиримых оппонентов воскресеньям *Мережковского* и *Гиппиус* (Couvée P. Introduction // Присманова А. Собр. соч. The Hague, 1990. С. XVI).

Сведения о группе весьма скудны и противоречивы. Официальных мероприятий формисты не проводили, манифеста не публиковали, писаной истории не имеют, и память о них сохранилась лишь в воспоминаниях современников. Неизвестен точно даже год основания группы. *Ю.Терапиано* говорит о намерении создать группу в довоенный период: «В.Корвин-Пиотровский

вместе с Анной Присмановой пытались — в противовес «воскресеньям» у Мережковских и другим объединениям парижских поэтов — организовать свою собственную группу «формистов», но из этих попыток ни до войны, ни после ничего не получилось» (Терапиано Ю. С. 240). Далее он пишет: «В первые годы после войны, вместе с Корвин-Пиотровским, они (Гингер и Присманова) провозгласили себя «формистами» и собирались опубликовать идеологию «формизма», но «формизм» так и остался без теоретического обоснования, и мало-помалу их группа совсем распалась» (Там же. С. 235).

Формисты принципиально отказались писать стихи, иллюстрирующие эмоции и факты. Видимо, поэтому критики отмечали в их творчестве «рассудочность» в соседстве с «органической витиеватостью» (*Бахрах А.* Семеро в поисках своего «я» // *Новоселье.* 1950. № 42/44. С. 217). По мнению Г.Адамовича, «у Присмановой было сознание того, что стихи возникают из слов, а не из эмоций... Внешне это трудная поэзия вследствие отказа от условно-поэтических, красивых слов» (Из выступления Г.Адамовича на вечере памяти Присмановой 16 декабря 1961 г.; микропленка в архиве автора). В статье о В.Корвин-Пиотровском Адамович замечает: «Эпитеты, образы неизменно остаются прозаическими, никаких ангелов, небес, нимф и асфоделей... Но в прозу... проникает мир, к которому обычные слова применимы только потому, что для него других слов еще не найдено, и все двоится, троится, почти до бесконечности, как в зеркалах, поставленных одно против другого» (НРС. 1960. 10 апр.). В основе стихотворения зачастую лежит диссонанс: контраст, противоречие, откуда возникает неожиданный, порой обескураживающий эффект. «Плоды» у А.Присмановой могут обладать «глубоким смиреньем». «Анна Присманова героически не боялась смешного и, иногда наперекор грамматическим правилам, создала свой мирок из таких, казалось бы, несовместимых слагаемых, как сентиментальность и гротеск, который ей особенно удавался... Слагаемые его (А.Гингера) лирического мирка тоже как будто друг друга исключающие: мотивы патетические и комические» (Полторацкий. С. 65).

В.Рудинский в рецензии на книгу А.Гингера «Весть» отнес его к «школе Баратынского» (В. 1957. № 66). К Баратынскому возводили поэтическую родословную формистов и другие критики: *В.Мамченко* за «поющую мысль» (*Оцуп Н.* В потоке света // Новоселье. 1950. № 42/44. С. 222), А.Присманову за сходство поэтики (Из выступления Г.Адамовича на вечере памяти Присмановой 16 декабря 1961 г.). «Эстетический классицизм», противопоставленный «нарочитой бедности выразительных средств, свойственной парижской ноте», акцентирован К.Вильчковским в статье о В.Корвин-Пиотровском (В. 1956. № 53). Критика отмечала также влияние *В.Ходасевича* на лирику А.Присмановой и В.Корвин-Пиотровского, выраженное у последнего в «противопоставлении натуралистического декорума высоте и патетичности темы» (Вильчковский К. Там же).

В художественном оформлении идей поэты группы резко индивидуальны. Если Присманова склонна к семантическим перестановкам и отличается любовью к игре слов, то Корвин-Пиотровский нарочито классичен, словарь его близок пушкинскому, он не стеснялся вводить в свои поэмы целые пушкинские строки. Стихи Гингера изобилуют редко употребимыми словами, архаизмами. Например, эпитет «матернее» гингеровского сонета «Лоно» вызвал целую полемику в эмиграции (Чагин А. «Насквозь мужественный мир» Александра Гингера // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 91). В метрике формисты придерживались классической просодии и экспериментов не ставили. В рецензии на сборник В.Корвин-Пиотровского «Поражение» Г.Адамович дал характеристику, вполне справедливую для всех формистов: «Сборник этот может на первый взгляд показаться литературно-реакционным: в самом деле, сплошной непрерывный четырехстопный ямб, строгий выбор слов, строгая чеканка стиха, а типографски — ни уступов, ни «лестниц» в расположении строчек» (Адамович Г. Стихи Вл.Корвин-Пиотровского // НРС. 1960. 10 апр.). Разнообразие вносят пиррихии, которыми Корвин-Пиотровский пользуется с формальной изощренностью. Анна Присманова, отдавшая со времен сборника «Мост на ветру, 4 + 1» (Берлин, 1924) предпочте-

ние «пятистопным друзьям», не менее ритмически монотонна. Только Корвин-Пиотровский позволял себе если не ритмическую, то «типографскую» вольность, заменяя многоточие двойным, а то и тройным тире. Следует отметить склонность формистов к циклизации лирических произведений, приводящей к созданию поэм (Присманова, Корвин-Пиотровский), а также редкий для эмигрантской поэзии случай появления драматических произведений в стихах (Корвин-Пиотровский). Критика не раз отмечала грамотность стиха, необходимую для создания подобных форм. Хотя формисты номинально относились к молодому поколению поэтов эмиграции, по возрасту они принадлежали к поколению Цеха поэтов и успели еще в России пройти школу мастерства, передаваемого обыкновенно от учителя к ученику.

К.О.Рагозина

Х

ХАРБИНСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. После основания в 1898 Харбина в связи с постройкой Россией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в городе выходили литературно-общественные газеты «Харбинский листок» (1901—1902, 1905), «Новости жизни» (с 1914) и др. В типографии КВЖД были отпечатаны сборники стихов Ф.Камышнюка «Музыка боли» (1918), «Лепестки. Скрижали» (1921).

Первые русские беженцы на территории Северной Маньчжурии появились в начале 1918. В Харбине выходили газеты: «Маньчжурия: ежедневная общественно-политическая газета» (1918, редактор — П.Ровенский); «Вестник Маньчжурии: ежедневная газета, посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессионально-трудовой жизни» (1919, редактор — Н.А.Стрелков, затем — И.А.Добровольский); «Заря: ежедневная газета» (1920, редактор — М.С.Лембич); «Маньчжурия: ежедневная внепартийная демократическая газета» (1920, редактор — Н.П.Штейнфельд); «Новости жизни: ежедневная политическая, общественная, литературная и торгово-промышленная газета» (1920—1927, редактор — И.Ф.Брокмиллер, затем — С.Р.Чернявский); «Русский голос: ежедневная газета» (1920—1921, редактор-издатель — С.В.Востротин); «Сибирская жизнь: ежедневная экономическая, общественная, литературная, политическая газета» (1920) и др.

Этот издательский опыт Харбина в период 1919—1923 сравним лишь с берлинской инициативой создания русской периодики. В.А.Розенберг в статье «Русская зарубежная периодическая печать» приводит статистические данные, сравнивая между собой Харбин и Берлин: в 1920 в Харбине — 18 периодических изданий, в Берлине — 10; в 1921 в Харбине — 14, в Берлине — 13; в 1922 в Харбине — 23, в Берлине — 22 (Русская зарубежная книга. Прага, 1924. № 1. С. 38). Основная масса русских периодических изданий приходится на 1922. Это было связано с прибытием в Харбин основного потока русских беженцев, оказавшихся здесь после занятия 22 октября 1922 частями Красной армии Владивостока.

Н.Лидин, характеризуя особенности жизни русских колоний на Дальнем Востоке, особо отмечал уникальность Харбинского поселения: «В конце 1919, начале 1920 русский эмигрант, попадая в Харбин, ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосе отчуждения, в Харбине в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. И по существу, и формально. Функционировал русский суд, русская почта, русская полиция, городское самоуправление, сконструированное по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учреждениях господствовал русский язык. Харбин по облику своему напоминал былой русский город» (Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // РЗ. 1937. № 1. С. 313). И поэтому в Харбине русские интеллигенты пытались возродить привычное для себя литературное общение. В 1922 по инициативе Комитета старшин Коммерческого собрания был образован литературно-артистический кружок. Его целью являлось «оживление литературно-артистических встреч, устройство вечеров, спектаклей, концертов, студий, издания органа печати» (*Новая русская книга*. 1922. № 9. С. 34). В состав правления этого кружка вошли М.Э.Гильчер (председатель), Е.Х.Нилус (товарищ председателя), А.Л.Гальперин (казначей), *С.И.Гусев-Оренбургский* (заведующий литературной секцией), Э.Л.Меттер (заведующий музыкальной секцией), Н.И.Сусанин (заведующий драматической секцией), Е.Л.Осовская (заведующая балетной секцией) и др. В 1923 кружок выпустил сборник «Сунгарийские вечера».

К этому же времени относятся попытки создания русских книгоиздательств в Харбине, которые сумели заявить о себе одной—двумя книгами: «Русское дело» — Березовский Б. Приключения Мухтарки (1920);

«Маяк» — Дауренц Н.П. Семеновские застенки: Записки очевидца (1921); «Русская жизнь» — предпринят выпуск «Русской жизни: Непериодического издания, посвященного вопросам общественным, экономическим и культуры» (1922. № 1—3).

В 1920 поэт *С.Алымов* начал издание литературного ежемесячника «Окно»; под грифом этого издания была выпущена его книга стихов «Киоск нежности» (1920), а также книга Н.Устрялова «В борьбе за Россию» (1920) и др.

В первой половине 20-х выходили издания учебного или прикладного характера: Закон о торговле в Китае (1921), Краткий русско-китайский словарь (1922), Гинс Г.К., Ли Шао Гень. Законы о торговле в Китае (1921) и др. Художественные произведения нередко выходили за счет авторов: *Иванов В.Н.* Огненная душа (1921); Март Венедикт. Россия без «Ъ». Синий благовест (1921); он же. История моей смерти. Три солнца. Стихи (1921); Антонов К.Е. Цветы религии и веры (1920); Седой К. Яшка душегуб: Новейший роман (1922); Щировская Е. Перед войной (1921); Северский В. Песни революции (1922); Северный П. Смерть Императора Николая II: Драма в 4-х д. (1922); Гусев-Оренбургский С.И. В Красной Москве: Пьеса в 4-х д. (1922) и др. В ряде случаев в книгах не указывались книгоиздательства — Устрялов Н. Политическая доктрина славянофильства: идея самодержавия в славянофильской постановке (1925); он же. Итальянский фашизм (1928) и др. *Д.Бурлюк* писал, что «с каждым годом, с каждым месяцем здесь в Харбине менее и менее «пахнет Русью», в силу того, что испаряются остатки средств, вывезенных из России, и живые творческие силы разъезжаются в разные стороны, ища мест более спокойных» (Бурлюк Д. Литература и художество в Сибири и на Дальнем Востоке // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 47—48). Харбин покинули — прозаик Н.С.Калашников, С.И.Гусев-Оренбургский, поэт В.М.Левин, позже архимандрит Константин (*К.И.Зайцев*) и др.

Во второй половине 20-х в Харбине функционировали следующие книгоиздательства: «Пламя» (книгоиздательство работало на базе книжного магазина с тем же названием), выпустившее книги: Аракин Я.И. Неприятности в небесах. Из китайской мифологии (1926); он же. Мечты и мысли: Лирика, мистика и философия. Стихотворения (1922); книгоиздательство при «Содружестве поэтов медитативистов», выпустившее книгу: *Ачаир А.* Первая книга стихов (1925); издательство «Русско-Маньчжурская книготорговля», выпустившее книги: Гинс Г.К. Водное право и предметы общего пользования (1928); он же. Право и сила: Очерки по теории права и политики (1929); издательство «Бамбуковая роща», выпустившее книги: Иванов В.Н. Беженская поэма (1926); он же. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности (1926); Логинов В.С. Ял-Мал: Рассказы (1929) и др. Начиная с 1926 в круг харбинских русских книгоиздателей входит Лев Маркович Абрамович, владелец типолито-фото-цинкографии, выпустивший книги: Шкуркин П. Игроки: Китайская быль (1926), Болдырев Д.В. Знание и бытие / Ред. и вступ. ст. *Н.О.Лосского* (1935). В 1928 о себе как книгоиздательском предприятии заявила типография «Заря», печатавшая журнал *«Рубеж»*, выпустив книги: Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания (1928), *Бальмонт К.Д.* Светослужение. 1936 август — 1937 январь (1937), *Перелешин В.* В пути: Первая книга стихов (1937); он же. Звезда над морем: Третья книга стихов (1941); он же. Жертва: Четвертая книга стихов (1944) и др. Типография «Меркурий» напечатала книгу: Горячкин Ф.Т. Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин (1928).

В начале 30-х в Харбине работала группа молодых литераторов *«Чураевка»*. На собраниях группы обсуждались проблемы художественного и литературоведческого характера. Книгоиздательская деятельность группы вылилась в печатание собственной газеты — «Молодая Чураевка: газета для юношества» (1932. 3 июля — 6 авг.; редактор — А.А.Грызов (А.Ачаир), далее — газета «Чураевка: Литературная газета кружка искусств, науки и литературы» (1932—1934)).

Несмотря на то, что 30-е проходили под знаком ликвидации японскими властями русских торговых предприятий, в Харбине русская книгоиздательская деятельность расцветает. Выделялось книгоиздательство Михаила Васильевича Зайцева, специализировавшееся на выпуске политической

(Лавров И.А. В стране экспериментов / Предисл. Г.К.Гинса. 1934; Донбровская Р. Распятая Россия. 1938. Т. 1; Лович Я. Что ждет Россию? 1932; он же. Белая Голгофа. 1937 и др.) и современной художественной литературы (*Байков Н.А.* По белу свету: Военные и эмигрантские рассказы. 1937; он же. Тайга шумит: Рассказы. 1938; Даниленко Ф.Ф. Оторванный: Повесть. 1930; он же. Записки крестьянского начальника. 1932; Лишин Ар. Наследие Петра: Роман. 1939; он же. В дни Елисаветы. 1939; Иванов В.Н. Повесть об Антонии Римлянине. 1932; Каджак Н. Око в окне. 1932 и др.). Среди книгоиздательств, заявивших о себе одной—двумя книгами: «Бюро эмигрантов» (после 1935), «Наш путь», выпустившее книгу генерала В.А.Кислицына «В огне Гражданской войны» (1936); книгоиздательство «Меч Гедеона», выпустившее книгу стихов Ф.Бетекса «Песнь творения» (1933).

О литературных сборниках, изданных в Харбине, см. статьи: *«Альманахи»*, «Чураевка».

О.В.Быстрова

Ц

«ЦЕХ ПОЭТОВ» (Берлин, 1922—1923; Париж, 1923—1926) — литературное объединение, лидеры которого *Г.Иванов* и *Г.Адамович* считали его прямым наследником традиций петербургского «Цеха поэтов». Оба лидера принимали участие в работе первого «Цеха поэтов» (1911—1914), «синдиками» которого были Н.Гумилев и С.Городецкий. В 1916—1917 Иванов и Адамович были руководителями нового, т.н. второго петербургского «Цеха поэтов». В 1920—1921 «Цех поэтов» был воссоздан в Петрограде Гумилевым, и его главными участниками стали Г.Иванов, Г.Адамович, *Н.Оцуп* и *И.Одоевцева.*

«Цех поэтов» в Берлине. Информация об этом периоде «Цеха» фрагментарна и в мемуарной части нередко неверна. Неизвестны точные даты выезда членов «Цеха» за границу. Достоверно лишь то, что зимой 1922—1923 «Цех» пытался возобновить свою деятельность в Берлине, где были переизданы сборники стихов Г.Иванова и Н.Оцупа, три петроградских альманаха «Цеха» и выпущен четвертый, берлинский, на который отозвались сдержанными рецензиями *Н.Берберова* (СЗ. 1924. № 19. Подпись: Ивелич) и *В.Андреев* (*Накануне:* Литературная неделя. 1924. 6 февр. № 30. Подпись: В.А.).

15 сентября 1922 Н.Оцуп читал свои стихи в берлинском *Доме искусств* на открытии зимнего сезона. 13 октября 1922 на годовом общем собрании в берлинском Доме искусств Г.Иванов и Н.Оцупа выступили со словом о «Цехе» и читали свои стихи. 29 января 1923 *И.Одоевцева*, Г.Иванов и Н.Оцуп читали стихи на вечере поэтов в берлинском *Клубе писателей.* В феврале 1923 приехал *Г.Адамович*, и 28 февраля 1923 в кафе на Ноллендорфплац состоялся вечер Цеха в полном составе, о котором появился газетный отчет: «Доклад Георгия Адамовича о современной русской поэзии разъясняет литературную позицию Цеха. Цех никогда не стремился к выделке изящных безделушек, Цех культивирует сдержанность. Нужно переживать сильно и глубоко всю жизнь мира, но находить в себе достаточно энергии, чтобы не распускаться. В этом смысле Расин, а у нас Пушкин стоят на недосягаемой высоте. С Лермонтова романтический яд начинает отравлять русскую поэзию. Адамович подвергает резкой критике тон и поэтические средства большинства современных поэтов <...> В диспуте приняли участие *Илья Эренбург* и *Виктор Шкловский.* И.Эренбург, отдавая должное стихам Оцупа и Адамовича, вооружился против доклада. Он утверждал, что Расин никак не вершина французской поэзии. Агрессивный тон доклада, по мнению Эренбурга, не гармонирует с нивелированным строем прочитанных стихов. Формальных завоеваний у московских футуристов больше, чем у поэтов петербургского «Цеха». Виктор Шкловский, возражая на доклад, говорил, что Адамович иначе понимает Пушкина, чем это нужно. Николай Оцуп, возражая Эренбургу и Шкловскому, говорит, что правого и левого искусства не существует. Точка зрения «Цеха» антиромантическая. Потому и упоминается «Цехом» имя Расина, что с ним связывается расцвет достойного и сдержанного искусства, где равно используются все средства словесного материала. В заключительном слове Г.Адамович ответил Шкловскому, что отпадение от Цеха случайных спутников явилось следствием того, что основная группа Цеха пришла к единству в понимании задач поэзии» (Накануне. 1923. 10 марта. № 281. С. 4. Подпись: Г.Л-о). Адамович в Берлине пробыл лишь несколько дней, после чего отправился в Ниццу к родне. Иванов, Одоевцева и Оцуп также вскоре уехали из Берлина, и следующий сезон был открыт «Цехом» осенью 1923 уже в Париже.

«Цех поэтов» в Париже. 1 ноября 1923 состоялся первый вечер «ЦП» в Париже, о котором появился в *«Звене»* отчет, написанный, судя по всему, *К.Мочульским*: «Петербургский цех поэтов, четыре раза распадавшийся, переживший смерть одного из своих вождей и измену другого, с примерным упорством вновь формируется, ныне в Париже, уже в пятый раз... Цех «представился» парижанам на вечере в зале Сосьете Савант. Вступительное слово о его задачах было сказано *Георгием Адамовичем*. Оно представилось нам скорее личным исповеданием веры «тишайшего» поэта, таким же монологом, «отрывком большой исповеди», как и его стихотворения. С аскетической суровостью осуждает он словесную суету «формальной» школы поэтов, Маяковского или имажинистов и заявляет о тщете всего стихотворного делания со времен Пушкина. Он отвергает всякий «маньеризм», игру внешними приемами, звуковыми и образными. Тем самым он «отводит» как будто и своих сотоварищей по цеху, кроме, отчасти, *Георгия Иванова*, с изысканной простотой играющего на своей царскосельской свирели...» (Хроника литературы и искусства: Цех поэтов // Звено 1923. 26 нояб. № 43. С. 3). Одновременно Цех поэтов через газеты пригласил «проживающих в Париже русских поэтов для чтения и обсуждения произведений присутствующих» на собрание в Cafe Closerie de Lilas 29 ноября 1923.

Следующее собрание «ЦП» состоялось 7 декабря в Cafe la Bolée, с тех пор знаменитое кафе, некогда посещавшееся Вийоном, Уайльдом и Верленом, стало постоянной штаб-квартирой парижского «Цеха» на последующие три сезона. *Ю.Терапиано* описал атмосферу собраний в своей мемуарной книге: «Чтение начиналось «по кругу», подряд, как сидели; отказываться, за исключением уважительных случаев — например, если очередной сидящий оказывался художником и стихов не писал, считалось недопустимым. В чтениях участвовали представители всех литературных направлений и групп — от самых «левых» до самых «правых» в смысле формальном: После того, как очередной автор оканчивал чтение, начинался обмен мнений — тоже по кругу. Стесняться не полагалось, обижаться — было бы бесполезно» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 101—102).

В отличие от гумилевского «Цеха», жесткой дисциплины в Париже не было, собрания могли посещать поэты, придерживающиеся любых направлений, и присягать на верность «неоклассицистским» принципам от них не требовалось. Не было и как такового членства, так что в полном смысле членами «Цеха» продолжали считаться только четверо (Адамович, Иванов, *Одоевцева* и *Оцуп*) организаторов, все прочие оставались молодыми парижскими поэтами. И тем не менее, свою роль в становлении эмигрантской литературы «Цех» сыграл. Во всяком случае, поворот от первого, «авангардного» периода эмигрантской поэзии к «парижской школе» в широком смысле этого слова произошел явно не без влияния споров в кафе «Ла Болле».

По словам Ю.Терапиано, первое время «собрания в «Ла Болле» происходили каждую субботу» (Там же. С. 103), но газетные объявления появлялись гораздо реже, преимущественно в тех случаях, когда «Цех» проводил по тому или иному поводу открытые собрания, на которые приглашались все желающие, а не только поэты. Так, собрание 16 мая 1924 было посвящено обсуждению доклада Георгия Адамовича «Жизнь стихотворения», собрание 21 октября 1924 — памяти Валерия Брюсова. В советской России эмигрантская деятельность Цеха была расценена как контрреволюционная пропаганда. См. статьи редактора газеты «Жизнь искусства» Гайка Адонца (Петербургского): «На службе контрреволюции» (Жизнь искусства. 1923. 20 нояб. Подпись: Петербургский) и «*Ходасевич*, Адамович, Иванов и К°» (Жизнь искусства. 1925. 15 дек. Подпись: Г.А.).

В сезон 1925—1926 собрания «Цеха» устраивались реже, чем раньше. По мнению Ю.Терапиано, «с появлением в 1925 году Союза молодых поэтов и писателей, который стал устраивать большие публичные вечера с докладами и чтеньем стихов, «Болле» постепенно стало распадаться» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 103). Вторая и, вероятно, главная причина была в том, что у членов «Цеха» к середине 20-х изменились взгляды на поэзию. Именно в это время Адамович все чаще начал писать о том, что, «видимо, недавней

вспышке нового «классицизма» суждено скоро померкнуть» (Звено. 1926. 24 янв. № 156. С. 1—2). Последнее газетное упоминание о собрании Цеха датировано 16 марта 1926. А к 1927 новые представления о поэзии нашли свое выражение в термине «парижская нота».

Собрания начинающих поэтов на этом не прекратились. По словам современника, «когда «цехачи» перестали писать стихи и ударились в критику, собрания поэтов продолжали существовать в силу инерции... Многие из парижских поэтов, теперь ставших «знаменитыми», то есть заслуживших два или три похвальных отзыва в газетах, начали свою «карьеру» в Болэ... Возможно, что, когда зарубежная молодая литература перестанет быть молодой, о Ла Болэ не раз вспомнят с хорошим чувством» (Леонидов А. «Ла Болэ» // *Дни.* 1928. 9 апр.). Сами организаторы «Цеха» десятилетия спустя вспоминали с теплотой об этой поре своей жизни. 16 ноября 1957 Адамович признавался в письме Одоевцевой, что у него «еще было тайное желание, нереализованное, вновь объединиться, собрать Цех, чтобы Вы были с бантом, а Оцуп плел какую-нибудь чушь, все как прежде, — а потом разойтись окончательно. Qu'en pensez vous? У Жоржа к этому нет охоты никакой, а у меня очень, вроде как Блок все вспоминал, помирая, свою «Прекрасную Даму»» (Минувшее. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 459). О том же, месяцем позже, он говорил при встрече Оцупу (Там же. С. 465).

Вдохновленные примером «гумилевского цеха», молодые литераторы в России и эмиграции 20-х и 30-х организовывали недолговечные кружки с аналогичным названием. Известность получили бакинский «ЦП», два тифлисских «ЦП» (1918—1919), первый под руководством С.Городецкого, второй — основанный Юрием Дегеном, константинопольский «ЦП», основанный *Б.Поплавским* и Вл.Дукельским (1920), парижский «ЦП», основанный М.А.Струве и С.А.Соколовым-Кречетовым (1920), *«Юрьевский цех поэтов», «Ревельский цех поэтов».*

О.А.Коростелев

Ч

«ЧЕРЕЗ» (Париж, 1923—1924) — литературно-художественная группа, целью которой было объединение живущих во Франции русских художников и литераторов авангардистской ориентации и установление и развитие контактов с художниками и писателями-авангардистами в СССР. Важной задачей группы было и сотрудничество с мастерами французского авангарда. По воспоминаниям одного из участников группы, «название «Через» в представлении его организаторов должно было значить: через все препятствия, через всю Европу, через границы, через время и пространство, через все и вся и прочее, и прочее, и прочее все в том же динамичном духе — вперед для осуществления миссии русского искусства» (Юлиус А. Русский литературный Париж 20-х годов // Современник. 1996. № 13. С. 88).

Инициаторами организации группы «Ч» были редактор художественного журнала *«Удар»* С.Ромов (ставший руководителем группы) и поэт, прозаик, искусствовед, график И.Зданевич. Идея создания группы возникла 24 ноября 1922 на банкете, устроенном И.Зданевичем и С.Ромовым в честь приехавшего в Париж В.Маяковского, и была непосредственно связана с предстоящим возникновением Лефа (созданного, как и «Ч», в январе 1923), с которым «Ч» должна была тесно взаимодействовать. Кроме Ильязда (псевдоним И.Зданевича) и С.Ромова, в группу вошли поэты — участники существовавших ранее авангардистских объединений русского Парижа — *«Палаты поэтов»* и *«Гатарапака»: А.Гингер, Б.Поплавский, Б.Божнев, В.Парнах*, Г.Евангулов, *М.Талов, С.Шаршун*, М.Струве, *В.Познер* и др., а также поэты *Д.Кнут*, А.Юлиус, И.Рискин, И.Сидерский (переведший на французский язык «Двенадцать» А.Блока); художники В.Барт, К.Терешкович, Д.Какабадзе, Л.Гудиашвили, Л.Воловик и др. В деятельности группы принимали участие крупные мастера французского авангарда: П.Элюар, Ж.Рибемон-Дессень, Т.Тцара и др.

Формой существования «Ч» стали открытые собрания, художественные выставки, вечера. Основным содержанием собраний (проходивших, как правило, в кафе «Порт-Рояль», на проспекте Обсерватории, 22) было чтение участниками группы своих произведений и их обсуждение. Заслушивались и доклады: И.Пуни о творчестве П.Пикассо (19 декабря 1923), С.Ромова о творчестве Г.Аполлинера (20 февраля 1924), М.Реналя о современном искусстве (5 марта 1924), Н.Габо о конструктивизме (26 марта 1924). На одном из последних собраний «Ч» (12 марта 1924) выступал *А.Ремизов*, читавший отрывок из книги «Кукха». Из других мероприятий «Ч» известны: Неделя Камерного театра (март 1923), включающая в себя выставку картин и литературный вечер по случаю приезда в Париж театра Таирова; вечер и выставка картин, посвященные поэту Б.Божневу (29 апреля 1923). Вечер Б.Божнева, имевший немалый успех, характерен разнообразием представленных на нем видов и жанров искусства и широким участием мастеров русского и французского авангарда. С докладами на нем выступали *К.Мочульский* (Слово о Борисе Божневе) и С.Ромов (о группе «Ч»). Свои стихи читали и Б.Божнев, и другие молодые поэты зарубежья: А.Гингер, Г.Евангулов, В.Кемецкий, В.Познер, Б.Поплавский, И.Рискин, М.Струве, А.Скрябина, А.Юлиус. Выступали и французские поэты: С.Арно, П.Дермэ, П.Элюар, В.Гюидобро, П.Реверди, Ж.Рибемон-Дессень, П.Супо, Т.Тцара. В программе вечера участвовал квартет «Капелла». Была устроена выставка картин, декораций, костюмов, созданных художниками В.Бартом, Л.Воловиком, Н.Грановским, И.Добринским, Р.Делоне, С.Делоне-Терк, С.Карским, Д.Какабадзе, Л.Гудиашвили, А.Ланским, К.Терешковичем, В.Рохлиной, Л.Мандель, А.Френкелем, О.Задкиным, Б.Поплавским (выступавшим на вечере в двух своих ипос-

тасях — как поэт и художник), Ф.Леже, Л.Сюрважем, Ж.Паскином. На вечере была представлена пьеса в одном действии Ильязда «Осел напрокат».

Примечательным событием в истории взаимодействия русского и французского авангарда стал вечер «Бородатого сердца», устроенный, по сведениям Р.Гейро, группой «Ч» с помощью одного из лидеров французских дадаистов Т.Тцара 6 июля 1923. На вечере «планировалось совместное выступление русских и французских авангардистов. Из-за проблем в среде дадаистов вечер превратился в настоящее сражение...» (Гейро Р. Предисловие // Ильязд (Илья Зданевич). Собр. соч.: В 5 т. М.; Дюссельдорф, 1994. Т. 1. С. 19).

Возникновение, деятельность и закат группы «Ч» составляют характерный этап в развитии литературы русского авангарда во Франции. Она объединила в себе участников прежних авангардистских групп и других литераторов — в основном молодого поколения — первой «волны» эмиграции. Деятельность группы стала фактором активного взаимодействия мастеров русского и французского авангарда. Группа, созданная во многом под флагом сотрудничества с Лефом, так и не смогла наладить это сотрудничество — ни по идейным основаниям, ни по эстетическим, ориентируясь, главным образом, на дооктябрьский опыт русского авангарда. Несомненно, именно участников этой группы имел в виду *В.Ходасевич*, когда со свойственной ему непримиримостью к авангарду писал: «Они... до сих пор находятся в той стадии футуризма, которая пройдена Маяковским к 1918 г., имажинистами и т.п. группами — к 1920, Пастернаком — примерно к 1924 году. Очень любопытно, что дважды, сперва Маяковскому, потом Луначарскому, подносились для издания в Москве целые рукописные сборники — плоды эмигрантского недозрелого футуризма. Оба с презрением отмахнулись и были, конечно, правы» (Ходасевич В. Летучие листы. По поводу *«Перекрестка»* //В. 1930. 10 июля). О другой причине несостоявшегося взаимодействия с Лефом (которое московскими футуристами изначально замысливалось как создание «единого фронта левого искусства», как «Красный Искинтерн») вспоминал И.Зданевич: «Но оказалось, что, оторванные от действительности, отягощенные нашим эстетическим багажом... мы только воображали себя попутчиками, на деле же ими вовсе, оказывается, не были» (Зданевич И. Борис Поплавский // Синтаксис. 1986. № 16. С. 168).

А.И.Чагин

«ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ОДИН» (Берлин, 1923—1924). «4+1» — берлинская литературная группа, в которую входили *четыре* поэта — *Анна Присманова*, *Георгий Венус*, Семен Либерман, *Вадим Андреев* и один критик — друг Андреева по Константинопольскому литературному кружку русского лицея (1922), *Владимир Сосинский*. Образование литературной группы «4+1» можно датировать 1923: все ее участники уже в Берлине и еще не покинули его, знакомы между собой и посвящают друг другу стихи. Г.Венус тогда сотрудничал в «Литературном приложении» к газете «*Накануне*». К началу 1924 в «Литературную неделю», как с июля 1923 стало называться «Литературное приложение», вслед за Венусом приходят и остальные члены пятерки; публикуют в основном не стихи, а рецензии на книги и небольшие статьи — обычная литературная поденщина, но в таких заметках довольно щедро разбросаны высказывания о поэте и поэзии, необходимости системы самоограничений, подобные которым позднее появятся в критических статьях, посвященных Андрееву и Присмановой. Такова рецензия А.Присмановой на Екатерину Галати, в которой она пишет: «Поэтесса нашла бы свою дорогу, если бы вышла из-под власти «дубравных водопадов»... и последовала бы за той своей радостью, которая «пахнет канатами и смолой» (Рец. на кн. «Золотой песок» Ек.Галати. Подпись — А.П. // Накануне. 1924. 12 янв. Лит. неделя № 11. С. 7). В критических этюдах, которые помещал в газете С.Либерман, чувствуется та же «теоретическая платформа». Именно «отсутствие в поэзии Присмановой поэтических нимф и асфоделий» отметит много позже *Г.Адамович* (Адамович Г. Речь на вечере памяти Анны Присмановой, Париж, 16 декабря 1961 года. — Пленка с записью в архиве автора). Исключительно это «отсутствие», пожалуй,

объединяет четырех берлинских поэтов: увлеченного ритмами Андреева, Венуса, пишущего «военные» («белые») стихи, Либермана, который был тогда еще «в сильном Пастернаке», и очарованную Кузминым Присманову, со всеми ее «неоправданными срывами в стихах» (Эрг. «Мост на ветру» // Накануне. 1924. 27 апр. Лит. неделя. № 95. С. 7). Отказ от условно-поэтических, красивых слов, «демонстративный «антиэстетизм» образов» (Л.Флейшман. Предисловие // Андреев В. Стихотворения и поэмы. Berkeley, 1997. С. 10), делающий внешне трудной поэзию Присмановой и Андреева, станет позднее основной отличительной чертой творчества парижских *формистов*.

Только Венус и Присманова имели опыт публичных выступлений: обоим довелось участвовать в заседаниях *Дома искусств* 18 мая 1923, выступление-манифест группы «4+1» вряд ли имело место, общую книгу, однако, они издали под крышей все той же газеты «Накануне». Первый (и последний) свой сборник, книгу-манифест, назвали «Мост на ветру. 4+1» (Берлин, 1924). Поэты представили стихи, а Сосинский, для которого публикация в сборнике была литературным дебютом, открыл книгу статьей под довольно претенциозным заглавием «Улыбка на затылке», снабдив ее эпиграфом из «Хода коня» *В.Шкловского*. Для Андреева «Мост на ветру» являлся первой настоящей публикацией после дебюта в газете *«Дни»*, второй публикацией — для Присмановой, в 1923 напечатавшей в № 4 журнала *«Эпопея»* два стихотворения. Газета «Накануне» признала «отчетный сборник группы поэтов *4+1* небезынтересным» (Эрг. «Мост на ветру» // Накануне. 1924. 27 апр. Лит. неделя. № 95. С. 7), отложив подробный разбор творчества объединения до выхода следующих сборников, которых так и не появилось. Объединение «4+1» затевало свое издательство, но успело в нем выпустить лишь книгу «Свинцовый час» Вадима Андреева (Берлин, 1924).

Группа распалась сама собой: Андреев засобирался в Россию, но в конце июля 1924, то есть через месяц после выхода «Свинцового часа», не дождавшись желанной репатриации, перебрался в Париж, куда отправился и Сосинский, там же оказалась Присманова. В.Андреев и Б.Сосинский, в Париже ставшие свояками, снова входили в одно литературное объединение. А.Присманова и В.Андреев в Париже вошли в одну литературную группу формистов, основанную Присмановой и *В.Корвин-Пиотровским* около 1929. В Берлине остался только Г.Венус, в 1925 он выпустил книгу стихов, которую посвятил А.Присмановой (Полустанок. Берлин, 1925). Он единственный из пятерки вернулся в Россию, где и умер в Сызранской тюрьме.

К.О.Рагозина

«ЧИСЛА» (Париж, 1930. Март — 1934. Июнь. № 1—10) — журнал под редакцией И.В. де Манциарли (№ 1—4) и *Н.А.Оцупа*. Идея создания журнала (сборников), по утверждению *Ю.Терапиано*, принадлежала *Г.В.Иванову* (Терапиано Ю. С. 125). *В.Варшавский* считает, что «Ч» были созданы по инициативе Н.Рейзини, молодого философа и литературного критика (Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 178). Но своим существованием журнал обязан прежде всего Н.А.Оцупу, редактору, издателю и администратору «Ч». Еще до отъезда за границу, в Петербурге, он издавал поэтические альманахи и продолжил издательскую деятельность в эмиграции. «Ч» отвечали запросам «молодого» литературного поколения, сетовавшего на невозможность проникнуть в «читательскую среду» через уже существующие журналы зарубежья и прежде всего через единственное толстое издание — *«Современные записки»*. *М.Слоним* отметил на страницах «Современных записок», что появился журнал, «органически необходимый литературной эмиграции, особенно ее молодой части» (1931. № 46. С. 505).

Редакция журнала находилась в доме номер один по улице Жака Мава, в XV округе Парижа. По словам *И.В.Одоевцевой*, она в 1929 вместе с Н.А.Оцупом, Г.В.Ивановым и другими поэтами пришла посмотреть на помещение, которое предполагалось снять для размещения редакции будущего журнала. Увидев номер дома, Георгий Иванов воскликнул: «Прекрасное местечко для единственного в своем роде журнала «Числа»! Вот вам и первое «число»!» (Новое литературное обозрение. 1996. № 2. С. 4). Название журнала связано, вероятно, не

только с библейской Книгой Чисел, но и с беспристрастностью, аполитичностью и точностью, которые были главными принципами существования издания.

Предполагалось, что «Ч» будут выходить четыре раза в год. Однако отсутствие средств повлияло на нерегулярность появления журнала. В течение 1930 вышли № 1, 2/3, 4, в июне 1931 — № 5, в июне 1932 — № 6, в январе 1933 — № 7/8, в мае 1933 — № 9, в июне 1934 — № 10. Благодаря двухстолбцовым страницам убористого шрифта в отделе заметок и рецензий каждый номер вмещал большое количество информации.

Первые четыре номера редактировались совместно Н.А.Оцупом и госпожой И.В. де Манциарли, следующие шесть — одним Оцупом. Де Манциарли была теософкой, входившей в «избранный круг» французского журнала последователей Блаватской — «Cahiers de l'étoile». Первое время этот орган теософов давал деньги на издание, а сама де Манциарли печатала в «Числах» статьи: «По Индии» (№ 1), «Ганди» (№ 2/3), «По Азии» (№ 4), «Кришнамурти» (№ 4), «Мадура» (№ 5). Однако вскоре поддержка теософов прекратилась, госпожа де Манциарли из редакции ушла, и Оцупу пришлось самому выбивать деньги на журнал у различных состоятельных людей и фирм. Известно, что свои средства в издательство вкладывал *Александр Буров*, автор нескольких произведений, напечатанных в «Ч»: «Была земля» (№ 5, 6), «Мужик и три собаки» (№ 9), «С одинокими Господь» (№ 10). Нередко Н.А.Оцуп, М.И. и М.Я.Залкинд устраивали в галерее «Эпоха» художественные выставки, посвященные русским художникам зарубежья: М.Блюму, И.Пуни, Н.Гончаровой, М.Ларионову и другим. И хотя выставки приносили определенный доход, средств все равно не хватало, поэтому гонораров в «Ч» не полагалось.

Появление журнала вызвало положительные отклики. *Г.Адамович* писал: «Числа» сгруппировали вокруг себя почти всю русскую элиту и широко открыли страницы журнала молодым, тогда еще только начинавшим писателям и поэтам» (Оцуп Н.А. Современники. Париж, 1961. С. 122). «Современные записки», говоря о «Ч», отметили: «Хорошо, что они могут и смеют втягивать в свою литературную орбиту молодую пишущую братию, не боятся ошибок и неудач, дают обильнейший и самый разнообразный материал, не склонны к политиканству... очень широко понимают задачу ищущего журнала, умеют нападать, умеют и огрызаться... Уже не раз отмечено, что такого изящно и любовно издаваемого журнала за рубежом еще не было» (1931. № 46. С. 508). Ю.Терапиано тоже отозвался на появление журнала: «В 1930 году Н.Оцуп осуществил труднейшее начинание: он стал издавать литературный журнал «Числа», и притом — журнал тогдашних молодых поэтов, писателей и эссеистов. «Незамеченное поколение» нашло в Оцупе не просто редактора, а редактора союзника и друга, в «Числах» же — то единственное место, куда мог обратиться начинающий в надежде встретить там самое благожелательное отношение. Для многих молодых парижан «Числа» явились действительно отправной точкой» (Оцуп Н.А. Современники. С. 122).

Во вступительной заметке к первому номеру раскрывалась позиция журнала: «У бездомных, у лишенных веры отцов или поколебленных в этой вере, у всех, кто не хочет принять современной жизни, как она дается извне, — обостряется желание знать самое простое и главное: цель жизни, смысл смерти. «Числам» хотелось бы говорить главным образом об этом... Писать надо о жизни. Но жизнь, без своего загадочного и темного фона, лишилась бы своей глубины. Смерть вплетена в живое» (№ 1. С. 6). Это заявление редакции вызвало немало критических отзывов. *Г.Федотов* в статье «О смерти, культуре и «Числах» (№ 4. С. 143—148) назвал подобное стремление упадочническим, а основную тему издания определил как тему нирваны. *А.Бем* считал направление журнала декадентским: «Для «Чисел», в моем представлении, надо брать наименование «декаданса» в его подлинном значении «упадочничества», явления литературного разложения» (*Руль*. 1931. 30 июня). М.Слоним, осознавая, что «живая и полезная роль» «Чисел» в том, что они «несут дух беспокойства», в том, что журнал заговорил о «важных и мучительных вопросах», созвучных «тем настроениям, кот' рые смутно бродят в некоторых кр'

эмиграции», утверждал: «Журнал проникнут безнадежной, упадочной пассивностью, в нем нет иной воли, кроме воли к сдаче, умиранию, к отказу, — и это создает тот «воздух» «Чисел», в котором струится легкий запах тления» (Слоним М. О «Числах» // *Новая газета*. 1931. 15 марта). Н.Оцуп хотел создать такой журнал, где бы предпочтение было отдано сущностному, а не краткосрочному. Анатолий Алферов в письме к *З.Шаховской* от 18 июня 1934 писал: «И никогда не было у «Чисел» такого лозунга (ни тайного, ни явного) — «Даешь что-нибудь новое!» — там совсем другой тон, другие слова: «подлинное», «нужное», «главное», «человеческое» — человеческое в каких угодно формах, какою угодно ценой — вот материал для лозунга «Чисел»...» (Шаховская З. Отражения. Париж, 1975. С. 109).

«Ч» произвели чуть ли не революцию в печати тем, что изгнали политику со своих страниц. Молодые писатели и поэты сознательно — и наперекор своим доброжелателям из старшего поколения — отреклись от бескрылой злободневности. Николай Оцуп в предисловии к журналу пояснил: «...в сборниках не будет места политике, чтобы вопросы сегодняшней минуты не заслоняли других вопросов, менее актуальных, но не менее значительных» (№ 1. С. 6). Журнал последовательно придерживался этого решения, поместив лишь одну статью на философско-общественную тему — «По ту сторону правого и левого» *С.Л.Франка* (№ 4). *Борис Поплавский* писал: «В «Числах» впервые кончился политиканский террор эмигрантщины, и поэтому новая литература вздохнула свободнее, освободившись от невыносимого лицемерия общественников» (№ 10. С. 204). Изгнание социальных вопросов из «Ч» вызвало полемику внутри самого журнала: в защиту политики во втором-третьем номере журнала (под псевдонимом Антон Крайний) выступила *З.Н.Гиппиус* со статьей «Литературные размышления»; ей в том же номере ответил Н.А.Оцуп в статье «Из дневника». З.Н.Гиппиус замечала, что, отказываясь от политики, «Числа» оставляют в стороне жизненно необходимые вопросы: «...эмиграция, Россия, ее падение, ее страдание, ее гибель, ее воскресение» (с. 153). На что редактор журнала возразил: ««Числа», по замыслу их основателей, не против политики, а против ее тирании. Мы осознаем, что политика — важное дело, но не хотим ее неограниченной власти над всеми другими интересами человека» (с. 155).

Этому вопросу, «Искусство и политика», был посвящен вечер «Ч», состоявшийся 12 декабря 1930 в зале Дебюсси. С докладом выступил Оцуп. Гиппиус и *Мережковский* порицали журнал за отказ от политики. Г.П.Федотов даже упрекнул «Ч» в невнимании к России, несмотря на то, что статьи об искусстве в СССР регулярно появлялись на его страницах. В этом споре многие политики-профессионалы поддержали сторону «численцев». П.Н.Милюков заявил, что подчинение искусства и литературы политическим вопросам может оказаться пагубным для творчества и вдохновения (№ 4. С. 259—261). Постепенно позиция Гиппиус и Мережковского смягчилась, и в четвертом номере Гиппиус уже не высказывает отрицательного отношения к позиции редакции: «Мне кажется, что литературный журнал имел намерение, в программном заявлении своем, подчеркнуть, прежде всего, свою литературную преимущественность (на которую он, естественно, имеет право)... Позиция «Чисел» по отношению к «искусству» и «политике» стала мне понятной. Она, по-моему, в существе, правильна» (с. 156, 157).

Журнал провел несколько опросов среди писателей и художников, на которые ответили *И.Бунин, И.Шмелев, Б.Зайцев, А.Ремизов, М.Алданов, М.Осоргин, М.Цветаева, В.Набоков*, Г.Иванов, М.Блюм, Б.Поплавский и другие. Тематика опросов была разнообразной: место Пруста в новейшей литературе и его значение для русской культуры, упадок современных художественных исканий, место В.И.Ленина в истории, отношение к живописи. На вопрос: «Считаете ли вы, что русская литература переживает в настоящее время период упадка?» М.Алданов отвечал: «Не вижу признаков особого упадка в современной литературе. И в эмиграции, и в советской России есть немало талантливых писателей, и они много работают, несмотря на очень тяжелые условия: у них невыносимый гнет и бытовой ад, у нас «оторванность от почвы» и отсутствие издательства, у них и у нас всякие материальные трудности. Нового Толстого, разу-

меется, нет, но Толстые рождаются раз в тысячелетие» (№ 2/3. С. 318). И.Бунин поддержал М.Алданова: «...упадка за последнее десятилетие, на мой взгляд, не произошло. Из видных писателей, как зарубежных, так и «советских», ни один, кажется, не утратил своего таланта, — напротив, почти все окрепли, выросли. А кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности» (там же).

По составу сотрудников «Ч» отличались от других журналов тем, что в отделе беллетристики почти отсутствовали «светила» русского зарубежья. Были напечатаны лишь А.Ремизов («Шиш еловый», № 9; «Индустриальная подкова», № 5), З.Гиппиус («Перламутровая трость», № 7/8), Г.Иванов («Третий Рим», № 2/3), Г.Адамович («Рамон Ортис», № 5). В основном печатались молодые писатели, успевшие зарекомендовать себя в других изданиях: *Г.Газданов* («Водяная тюрьма», № 1; «Мэтр Рай», № 5), В.Варшавский («Из записок бесстыдного молодого человека», № 2/3), И.Одоевцева («Жасминовый остров», № 1), *В.Сосинский* («Пан Станислав», № 2/3), *В.Яновский* («Тринадцатые», № 2/3; «Рассказ медика», № 7/8), *С.Шаршун* («Долголиков», № 1, 9, 10; «Путь правый», № 4), *Ю.Фельзен* («Неравенство», № 1; «Письмо о Лермонтове», № 4—7/8, 9; «Возвращение», № 10). Рассказы или отрывки из романов опубликовали в «Числах» авторы, известные, главным образом, стихами: *А.Ладинский* («Как дым», № 4), Б.Поплавский («Аполлон Безобразов», № 2/3, 5; «Бал», № 10), *Г.Раевский* («Священник из Эрги», № 2/3), *А.Гингер* («Вечер на вокзале», № 2/3), *Е.Бакунина* («Шторм», № 10; «Тело», № 7/8). Нередко появлялись новые имена: *М.Агеев* («Повесть с кокаином», № 10), А.Алферов («Море», № 10), Л.Щербинский («Драма на сеновале», № 4), Н.Татищев («Кривой», № 10).

Отдел стихов, которому в каждом номере уделялось не менее двадцати страниц, был тоже предоставлен молодым, среди которых преобладали «парижане»: *Д.Кнут*, *В.Мамченко*, Г.Раевский, Ю.Терапиано, *Л.Червинская*, А.Гингер, *А.Штейгер*, *Б.Божнев*; «берлинцы» *Р.Блох*, *М.Горлин*; «прибалтийцы» *И.Чиннов*, *Ю.Иваск*, *Н.Белоцветов*, «дальневосточник» Н.Щеголев.

С обзором первого номера журнала выступил М.Осоргин (ПН. 1930. 20 марта), П.Милюков — второго-третьего номера (ПН. 1930. 4 дек.), Д.Мережковский и Г.Адамович — десятого номера (*Меч*. 1934. 5 авг. № 13/14; ПН. 1934. 28 июня). Журналу посвящали собрания в Париже, Праге, Таллине, Шанхае. Выходу второго-третьего номера журнала 28 октября 1930 был посвящен вечер *Союза молодых поэтов*, а 30 октября — вечер *«Кочевья»*. Журнал устраивал в Париже литературные собрания, на которых выступали Г.Адамович, З.Гиппиус, Г.Иванов, *Ю.Мандельштам*, Д.Мережковский, Н.Оцуп и др. 26 января 1930 состоялся вечер, посвященный В.Розанову.

В отделе теории и критики печатались З.Гиппиус, Г.Иванов, М.Цветаева, Г.Ландау, Г.Адамович, *П.Бицилли*, *Л.Шестов*, *В.Вейдле*, Д.Мережковский, а также младшие поэты и беллетристы: Ю.Терапиано, Ю.Фельзен, В.Варшавский, Г.Газданов, В.Яновский, Б.Поплавский, Ю.Мандельштам, С.Шаршун, Г.Раевский, Л.Червинская и другие. Почти в каждом номере помещались отзывы о французских книжных новинках. Появлялись и общие статьи о западной литературе и искусстве: Ю.Фельзена о Прусте и Джойсе (№ 6), С.Шаршуна о встрече с Джойсом (№ 4), М.Цветаевой и М.Кантора о Гете (№ 10 и 9), Г.Федотова о Вергилии (№ 2/3), В.Вейдле о Ренуаре (№ 7/8), Г.Раевского о Шиллере (№ 2/3). Статья Н.Оцупа о Серебряном веке была напечатана в № 7/8, а затем расширена и помещена в его посмертном сборнике «Современники». Серебряным веком Оцуп назвал модернистскую русскую поэзию, которая, по его убеждению, «по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий, почти не имеет аналогии на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века» (Оцуп Н.А. Современники. С. 130). Рассматривая отличие наследия Серебряного века от века Золотого, Оцуп отмечал, что художник начала XX века «такой же искатель и носитель последних истин. Он пытается с неизмеримо большим трудом, чем те, кому помогла стихия, дать образ своей и всей вообще человеческой жизни. Он —

труженик искусства, не баловень его» (№ 7/8. С. 176). Оцуп и другие «численцы» стремились проникнуть в причины и характер катастрофических перемен, разделивших отечественную культуру на два непримиримых лагеря, в которых чувствовался явный ущерб по сравнению с Серебряным веком: «Там падает уровень произведений, создаваемых без элементарной свободы. Здесь, за рубежом, сказывается слишком долгий отрыв от народной стихии. Может быть, мы уже находимся в медном и даже в железном веке» (Оцуп Н.А. Современники. С. 135).

Особое место в тематике критических статей, помещенных в «Ч», занимал образ представителя «младшего» эмигрантского поколения. Г.Иванов писал в статье «О новых русских людях», что человек 30-х деградировал: «Он не ясен самому себе», «идеи его путаны, противоречивы, пестры», «и эмиграция, и большевизм для него в значительной степени старая русская жизнь» (№ 7/8. С. 187, 188). В.Варшавский в статье «Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке» сравнивает молодое поколение с Декартом и отмечает, что молодой эмигрантский человек чувствует, что у него не было «настоящей жизни, что жизнь прошла мимо него, что он оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире и ни в каком месте» (№ 4. С. 221). Вместе с тем, писал Ю.Терапиано, «в отношении себя, в отношении своего, современный человек пережил глубокое разочарование. Он научился не слишком доверять себе, он требует от себя правдивости, он суров, серьезен... Современный человек нищ и наг, потому что он совестлив» (№ 7/8. С. 212). «Для писателей русской эмиграции, в небольшом, но сложном их мире, кажется, наступил особый период, в котором особенно явственно одиночество, взаимное отчуждение и охлаждение страстей» (Оцуп Н. О поэзии и поэтах // Числа. № 6. С. 133). Произведения молодого поколения русских эмигрантов свидетельствовали и о влиянии традиций отечественной культуры, и о новом, рожденном временем, поиске. «Явление «Чисел» остается чудесным, а то, что это явление настоящей новой русской литературы, — несомненно. Новый сад. И не «ростки» какие-нибудь, а уже молодые, хотя еще и не высокие деревья... Все они, почти сплошь, талантливы, — это надо заметить и запомнить», — отозвался о «численцах» Мережковский (Меч. 1934. 5 авг. № 13/14. С. 4).

Н.Оцуп, стремившийся возродить акмеизм, стал последовательно проводить в своем издании линию так называемой «парижской ноты», которую многие писатели считали преемницей акмеистического течения. Основоположником этого направления стал Г.Адамович. Многие его участники — Е.Бакунина, А.Гингер, *С.Горный*, А.Ладинский, Б.Поплавский, Г.Раевский — писали рассказы, повести, романы. Таким образом, «парижская нота» отразилась в отделе художественной прозы журнала «Ч».

Название новому течению дал Б.Поплавский в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции»: «Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая — торжественная, светлая, безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки» (№ 2/3. С. 310—311). Такие настроения сказались на тематике художественной прозы в «Ч», — в сосредоточенности на человеческой судьбе, на безысходности и одиночестве человеческого удела, проблеме любви и смерти, на бессмысленности и призрачности мира, на роли Божественного начала в жизни человека.

Среди суждений о том, что сближает «численцев», А.Бем выделял «одну черту, пожалуй, объединяющую, назовем условно, поэтов «Ч». Это отнюдь не простота, а нечто совершенно иное. Так сразу этого и не объяснишь. Объединяет их, пожалуй, то, что они хотят своей поэзией больше «сказаться», чем «сказать». Поэзия для них не активный процесс преобразования мира через собственное его постижение, а только «отдушина» для личных переживаний» (Бем А.Л. Соблазн простоты // Меч. 1934. 22 июля. № 11/12. С. 16). «В творчестве ценно только то, что вскрывает этот трагизм мира, гибельность и призрачность его, смерть и жалость», — отмечал он (Руль. 1931. 30 июля). Еще раньше М.Слоним писал: «Проповедь самоотречения, идея ухода от мира, бессильное приятие собственной обреченности, смешанное с каким-то любованием этим зрелищем унич-

тожения, — вот основной мотив «Чисел». В журнале точно собрались люди, вкусившие от древа познания и смертельно уставшие» (Слоним М. О «Числах» // Новая газета. 1931. 15 марта).

Однако, как заметил Б.Поплавский, если молодые писатели пишут о смерти, это не значит, что они «разлагаются заживо» (Поплавский Б. О смерти и жалости в «Числах» // Новая газета. 1931. 1 апр.). «К чести эмигрантских молодых авторов, — отмечал В.Варшавский, — нужно сказать, что, по-видимому, защита того, что они считают «самым важным», их занимает больше, чем желание выжить, и никто из них еще не делал попыток приспособиться к духу времени» (№ 6. С. 171).

Проза на страницах «Ч» обладала философской направленностью; был почти исключен элемент спокойного, объективированного описания. Экспрессия авторской ищущей мысли, многозначность образов, красок, деталей — общая черта этих произведений. Им был свойственен внутренний динамизм, связанный с нелегким течением духовных исканий. Герои, с их сложной психологией, приходят к постижению (или разрушению) сложной жизненной философии.

Общую характеристику герою эмигрантской литературы младшего поколения дал В.Варшавский в статье «О «герое» эмигрантской молодой литературы»: «Это действительно как бы «голый» человек... В социальном смысле он находится в пустоте, нигде и ни в каком времени, как бы выброшен из общего социального мира и предоставлен себе. Это — «праздный» и «лишенный развлечения» эмигрантский молодой человек... Его ум лишен огромной части того материального содержания идей и интересов, которые развлекают сознание людей, находящихся и действующих в определенной социальной среде. По словам Паскаля, из глубины души такого человека, устраненного из движения социальной жизни с ее страстями и конкретной деятельностью, неизбежно должны подняться пустота, скука и отчаяние. Давящее чувство небытия, тоска по какой-то дали и слова Гамлета «пала связь времен» — вот, вероятно, весь «состав» сознания такого человека» (№ 6. С. 164).

По-разному в прозе «численцев» был трансформирован библейский образ Иова — страждущего праведника (Иван Лукич Мытищев — герой «Моря» А.Алферова, Аполлон Безобразов из одноименного романа Б.Поплавского, Давид Бирнбаум — герой прозы А.Бурова «С одинокими Господь»). Общей для этих произведений оказалась тема бесчисленных испытаний и потерь. Писатели-эмигранты, в большинстве своем, раскрыли нелегкое восхождение к тому, что для Иова было изначальным, — к вере в Божественную Истину. Именно ее обретение одухотворяет личность, дает светлую перспективу ее внутреннему бытию и общению с людьми.

Спасительное прозрение прокладывает новые пути — к добру, красоте. «Блудные сыновья», здесь поневоле блудные, возвращаются на свою духовную родину. Эта библейская легенда, заново прочтенная, далеко не всегда имела такой же финал в сочинениях эмигрантов. Острое чувство безысходности и отчужденности творило иногда куда более жестокий и страшный вариант: Аполлону Безобразову, герою романа Б.Поплавского, в этой вечности, где все предопределено, судьбой назначено странствовать, нигде не находя себе дома. «Числа» не дают разрешений, их заслуга — постановка тем, смелое прикосновение к «самым черным язвам». Такое прикосновение необходимо, как первый шаг к исцелению», — пишет К.Гершельман (№ 10. С. 248).

В 1934, пока журнал выходил, считалось, что говорить о молодой эмигрантской литературе — значит говорить о «Числах». При этом отмечалось: «Для «Чисел» характерно подозрение ко всяким вообще авторитетам и пышным инсценировкам идей. «Не сотвори себе кумира» — их первая заповедь. В этом — особая «числовская» мудрость» (Иваск Ю. // № 10. С. 249).

Наряду с литературой, «Ч» заметное внимание уделяли искусству: скульптуре, музыке, танцу, современным течениям в искусстве Запада, балету, театру Мейерхольда, живописи известных французских художников. Воспроизводились произведения русских художников парижской школы. Живопись М.Шагала («Я и моя деревня», «Акробатка», «Ангел-художник», «Прогулка», «Влюбленный» и др.), К.Терешковича («Стражник города Авалона»,

«Женщина из Валэ», «Танцовщица», «Могила Ван Гога», «В зоологическом саду» и др.), М.Ларионова («Акварель», «Женщина у окна», «Парикмахер», «Натюрморт», «Стрельба» и др.), Н.Гончаровой («Цветы», «Испанка»), И.Пуни («Городская жизнь»), пейзажи М.Блюма, скульптурные композиции В.Андрусова, Я.Липшица украшали издание. Публиковались статьи, обращенные к личности и творчеству художников: В.Вейдле о М.Шагале (№ 9), Андре де Риддера о О.Цадкине (№ 6), В.Жоржа о К.Терешковиче (№ 2/3), Н.Оцупа о М.Ларионове (№ 5), М.Готье о М.Блюме (№ 4) и др. Своим обликом издание напоминало петербургский «Аполлон». Это отметили А.Штейгер в письме к З.Н.Шаховской от 16 сентября 1935 и В.Вейдле: «Люблю «Числа» со всеми их недостатками, и, по-моему, они не уступают ни в чем «Аполлону» и его, в сущности, продолжают» (Шаховская З. Отражения. С. 93).

«Ч» были единственным крупным журнальным начинанием русского зарубежья, руководимым не «общественными деятелями» (как «Современные записки»), а людьми литературы. Продолжал он традицию не «толстых журналов», как «Современные записки», *«Русские записки»*, *«Воля России»* и впоследствии *«Новый журнал»*, а куда более «молодую» традицию «Аполлона», заботился в связи с этим и об изящной — даже роскошной — типографской внешности. Политических статей не печатал, печатал зато статьи о музыке и с иллюстрациями, о живописи...» (Вейдле В. О тех, кого уже нет // НЖ. 1993. № 192/193. С. 368).

Тяжело переживал Н.Оцуп закрытие журнала: «Он отдавал почти все свое время этому делу, жил им. Но на десятой книге... все же за недостатком средств он вынужден был прекратить выпуск «Ч». Конец журнала отразился на Н.Оцупе очень печально. Он сделался пессимистом, начал всех сторониться, уезжал и подолгу жил вне Парижа» (Терапиано Ю. С. 172).

Н.В.Летаева

«ЧУРАЕВКА» («Молодая Чураевка». Харбин, 1926—1935) — объединение русских творческих сил Харбина, главным образом молодых литераторов. Основано в 1926 по инициативе педагога и поэта Алексея Алексеевича Грызова (*А.Ачаира*, 1896—1960). Из литературных вечеров «У Зеленой лампы» и «чашек чая» первых лет «Ч» выросла в одно из примечательных явлений культурной жизни русского Харбина. Собрания проходили в здании учебных заведений ХСМЛ (ИМКА) на Садовой улице. Основой «Ч» была поэтическая студия с ее председателем поэтом Николаем Щеголевым (1910—1970). В разные годы в студию входили: *Л.Андерсен*, М.Волин, Г.Гранин, П.Лапикен, В.Обухов, *В.Перелешин*, Н.Петерец, Е.Рачинская, Н.Резникова, Г.Сатовский, Н.Светлов, С.Сергин, В.Слободчиков, О.Тельтофт, Л.Хаиндрова, Н.Щеголев, Л.Энгельгардт, В.Янковская и др.

В.А.Слободчиков вспоминал: «Хотя заседания студии считались закрытыми, ее стали посещать на правах гостей молодые люди, увлекавшиеся поэтическим творчеством. Некоторые из них, наиболее активные, становились ее членами. Так к студии примкнули Георгий Гранин, Тамара и Нина Мокринские, Валерий Перелешин, Николай Петерец, Сергей Сергин, Ольга Тельтофт, Галина Худыковская, Виктория Янковская и писатели — Владимир Рамбаев, Борис Юльский и Альфред Хейдок. Изредка на заседания приходили поэты Тамара Андреева, Мария Визи, Маргарита Достоевич, Елена Жемчужная, Нина Ильнек, Галина Копытова, Аркадий Упшинский. Студию посещали писатели старшего поколения — *Всеволод Н.Иванов*, Василий Логинов, *Арсений Несмелов*. В студии царила сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения: изучались труды Валерия Брюсова («Основы стиховедения»), Б.Томашевского («Теория литературы»), В.Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), *Андрея Белого* («Символизм») и практическое руководство Н.Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). Главным в работе считалось овладение поэтическим мастерством — все участники должны были читать свои произведения, которые тут же подвергались основательному разбору» (Слободчиков В. Рукопись воспоминаний. Архив автора). В.Слободчиков и В.Перелешин вспоминают, что всеобщими авторитетами были В.Брюсов и А.Белый, а настольной книгой студийцев — «Письма о русской поэзии»

Н.Гумилева. Увлекались также Б.Пастернаком.

Встречались чураевцы два раза в неделю: по пятницам — студия, по вторникам — открытые вечера с докладами и литературно-музыкальной программой, где выступали ученые и литераторы старшего поколения. В свою бытность в Харбине Н.К.Рерих прочитал доклад «Несение света» о подвиге Сергия Радонежского; русист И.А.Пуцято рассказывал о новых направлениях во всемирной литературе; журналист и писатель Н.П.Веселовский — о театральном искусстве Станиславского.

Стихи чураевцев печатались в журнале *«Рубеж»*, а с июля 1932 — в еженедельном приложении к газете «Harbin daily news» под названием «Молодая Чураевка» (так называлось объединение в первые годы своего существования). Приложение выходило на двух страницах и содержало редакционную статью, прозу, стихи, статью о литературе или искусстве, хронику местной жизни. Всего известно 6 номеров приложения. С декабря 1932 художественное объединение стало выпускать свою собственную литературную газету под названием «Чураевка» с участием тех же авторов. *Г.Адамович* писал о первых пяти номерах газеты: «Из далекого Харбина пришло несколько номеров литературного журнала — или, точнее, газеты — «Чураевка». Впервые я увидел их в руках одного юного здешнего литератора, который уже вот-вот готов был рассмеяться и нетерпеливо искал каких-нибудь «перлов» для оправдания иронии. Но перлов не нашлось. Усмешка исчезла. Иронический юноша принялся внимательно читать «Чураевку» и, наконец, воскликнул: «А знаете, совсем не плохо!» Действительно, совсем не плохо. Многие русские парижане были бы удивлены, если бы удосужились харбинский журнал внимательно просмотреть» (ПН. 1934. 29 марта). В.Перелешин отмечает в книге воспоминаний «Два полустанка» (Амстердам, 1987. С. 62—67), как всех участников этого издания ободрили слова известного критика, хотя менее комплиментарный отклик появился в *«Числах»* (1933. № 9).

В годы, предшествовавшие закрытию «Ч» в середине 30-х, чураевцы стали ощущать на себе усиливающееся политическое давление со стороны властей. Полицейский надзор после японской оккупации Харбина в 1932, политический «прессинг» со стороны русской фашистской организации, которую в те годы поддерживали власти, а также загадочное двойное самоубийство (5 декабря 1934) поэтов С.Сергина и Г.Гранина, совершенное ими в харбинском отеле «Нанкин», — все это предопределило конец «Ч». Изменения политической и экономической жизни в Харбине стали после 1932 причиной отъезда многих молодых людей из Харбина, в том числе и чураевцев. Основная их часть уехала в Шанхай, откуда после Второй мировой войны они развеялись по разным странам мира. В СССР приехали Н.Щеголев, Н.Светлов, В.Слободчиков, Л.Хаиндрова, Л.Энгельгардт; в США — Н.Резникова, В.Янковская; во Францию — Л.Андерсен; в Австралию — М.Волин; в Бразилию — В.Перелешин. Еще в Харбине не стало В.Обухова, О.Тельтофт, Г.Сатовского.

В Харбине было издано несколько сборников стихотворений чураевцев: «Лестница в облака» (1929), «Семеро» (1931), «Излучины» (1935). Л.Андерсен, М.Волин, В.Перелешин, Г.Сатовский, Н.Светлов, Н.Резникова, Л.Хаиндрова, Л.Энгельгардт, В.Янковская в Китае и позже в других странах издали свои поэтические сборники. Наиболее известным поэтом стал В.Перелешин.

См. также: Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // В. 1968. № 204; Волин М. Воспоминания (Гибель молодой Чураевки) // НЖ. 1997. № 202.

Е.П.Таскина

Ш

«ШАНХАЙСКАЯ ЗАРЯ» (Шанхай, 1925—1940) — ежедневная газета. Издатель и главный редактор М.С.Лембич. Редактор Л.В.Арнольдов. После смерти М.С.Лембича в 1932 директором-издателем газеты стал Л.В.Арнольдов. Газета продолжала направление, заданное *«Зарей»* (Харбин). В состав редакции газеты «Заря» входили писатели и журналисты: Л.С.Астахов, Ф.И.Благов, Р.Бенц, *Н.Н.Брешко-Брешковский*, С.И.Варшавский, А.А.Гзель (Австралия), Б.Глебов, *Дон-Аминадо*, Георгий Дьяков, В.Жалудский (Америка), Н.Зорин, А.Ф.Каршин, *А.И.Куприн, Б.Лазаревский*, М.С.Лембич, *И.Лукаш*, Елена Ли (Берлин), И.Л.Миллер, *Вас.Немирович-Данченко*, Н.И.Покровский, *А.М.Ренников*, К.Римский, Гр.Сатовский-Ржевский, Борис Суворин, *И.Сургучев, Н.Тэффи*, Евгений Тарусский, *Саша Черный*, Евг.Шахов, Борис Шилов, *Ал.Яблоновский* и др. Произведения многих из них публиковались на страницах «ШЗ». В жанре фельетона было представлено творчество Р.Бенца (1928. 8 июля). Дон-Аминадо (1928. 27 окт.; 1930. 3, 7 сент.), Виктора Сербского (1928. 21 июня), А.Ренникова (1928. 9 дек.), Барона Инча (1928. 10 мая), Н.Тэффи (1930. 9 февр.), Сэра Майка (1930. 11 окт.) и др. В перепечатках из западноевропейских изданий читатели «ШЗ» знакомились с прозой и поэзией *И.Бунина* (1930. 11 окт.), *М.Слонима* (1928. 29 июля), Яна Цвибала (1928. 1 авг.), Ив.Лукаша (1928. 21 июня), *В.Ходасевича* (1928. 27 июня), *Петра Пильского* (1930. 14 дек.), *Евг.Чирикова* (1930. 5 окт.) и др. Постоянно сотрудничали с газетой дальневосточные писатели и поэты Л.Астахов (1928. 10 июня), Я.Лович (1930. 7 дек.), М.Спургот (1930. 10 авг.), Гр.Сатовский-Ржевский (1930. 9 февр.) и др. Газета пользовалась влиянием в 1930-е годы, когда центр общественной и культурной жизни на Дальнем Востоке переместился из Харбина в Шанхай.

О.А.Бузуев

ШАНХАЙСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Особенностью истории русских книгоиздательств в Шанхае является то, что в большинстве своем они стали функционировать в начале 30-х (на это несомненно повлияла утрата Харбином своих лидирующих позиций из-за японской оккупации). Тем не менее в 20-е в Шанхае выпускали книги: Издательство Мартенсона (*Аверченко А.* Рассказы. 1920. Т. 1); книгоиздательство при Сибирском Земском городском комитете, специализировавшееся на учебной литературе, — «Красное солнышко: Наглядный русский букварь» (1920), «Уроки грамотного письма: Практическая грамматика» (1920), «Наглядный арифметический задачник» / Под ред. В.И.Шумилова (1920); издательское товарищество «Восток», выпускающее классическую литературу, — Гоголь Н.В. Вий (1919), Уайльд О. Сказки (1920) и др.; книгоиздательство Н.Г.Дукельского, специализировавшееся на выпуске детских книг и предлагавшее маленьким читателям серию «Русским детям», — «Заяц и еж: Русская народная сказка» (1920); типография «Ориенталь-Пресс», выпускавшая в 1926—1928 газету *«Шанхайская заря»* (издатель — М.С.Лембич, редактор — Л.В.Арнольдов), — «Песня жизни» Л.Гроссе (1926). Книга Колесникова Н.В. «Огонь земли: Большой исторический роман из японской жизни» вышла в 1925 вторым изданием в издательстве газеты «Россия». В Шанхае вышла книга: Гроссе Л.В. Я, Вы и Он: Роман [в стихах] из жизни шанхайских эмигрантов (1930).

В 1931 в Шанхае начинает свою работу книгоиздательство «Слово», специализировавшееся на выпуске политической (Зайцев И.М. Соловки: Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти. Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. 1931) и художественной литературы (Качаровский В.А. Зачумленный рай: Повесть (1933); Ардов Е. Среднеазиатские очерки (1935); Валь В. Дорога к счастью (1937); Барман А.А. Синее золото (1939); Лаппо-Данилевская Н.А. На Волге:

Роман (1937); *Мандельштам Ю.В.* Искатели: Этюды (1938); Маевский В.А. Неугасимый светильник: Путешествие на Афон (1940); *Амфитеатров А.В.* Рассказ присяжного поверенного (1936); Северный П. Женщина у Полярных Звезд (1936); он же. Тургеневская сказка (1936) и др.). Интересной инициативой было создание этим книгоиздательством серии «Русская Морская библиотека», в которой вышли книги: Апрелев Б.П. Нашей смене: Исторические очерки (1934); он же. На «Варяге» (1934); Ильвов Б.Я. Ураган: Роман (1937); он же. Смерч (1937) и др. Книгоиздательство прекратило свою деятельность в начале 40-х.

Одновременно начинает свою работу издательство В.П.Камкина и Х.В.Попова, которое предлагало своим читателям художественную литературу современных авторов: Архангельская Е. Жизнь (1934); Визи Мария. Стихи: Второй сборник (1936); Амфитеатров А. Две надежды: Повесть (1936); Глуховцева Е. Федор Кузьмич: Подвиг искупления (1935); Дальний Б. Все, что было (1932) и др. Пытаясь заинтересовать читателя, В.П.Камкин издавал книги из истории недавнего прошлого: Братов Ю. Повесть об одном генерале: Восемь рассказов (1931); лейтенант Льдовский [П.Ф.Ляпидовский]. Записки военного летчика: Воспоминания (1934); есаул Макеев А.С. Бог войны — барон Унгерн (1934); *Несмелов А.* Рассказы о войне (1936) и др. Услугами этого книгоиздательства пользовались и создатели серии «Русская Морская библиотека», выпустив книги Б.Я.Ильвова «Рокот моря: Морские рассказы» (1935) и «Летучий голландец: Морские рассказы» (1935).

Некоторые книгоиздательства оставили след в истории русского издательского дела в Шанхае одним-двумя изданиями: серия «Эмигрантская библиотека» — Шендрикова К. Из-за власти: Роман (1932); издательство «Колокол» — Уваров Б. В дебрях Монголии: [Роман-дневник] (1936); издательство «Новая жизнь» — Дьяков И.А. Здесь и там (1938).

В русской колонии в Китае в городе Тяньцзинь функционировали русские книгоиздательства: «Наш путь», выпускавший книги политического содержания: Первухин М.К. Мысли о фашизме (1927) и др. В 30-е плодотворно работало книгоиздательство «Наше знание», выпускавшее современную художественную литературу: Жемчужная З.Н. От восемнадцати до сорока 1908—1930: Роман (1939); она же. Повесть об одной матери (1938); Жемчужный А.А. Хорунжий Сергиенко: Рассказы (1938) и др.

О.В.Быстрова

Э

«ЭПОПЕЯ» (Берлин, 1922—1923. № 1—4) — литературный ежемесячник под редакцией *А.Белого*; четвертый выпуск вышел с подзаголовком «литературный сборник»; объем журнала в среднем 300 страниц. Издание эстетико-философской ориентации без явных политических предпочтений. В нем печатались литераторы как эмигранты, так и из советской России.

В первом номере Белый комментирует название журнала, его намерения, программу: «А почему «Эпопея»? Да потому, что современность, в которой живем, — «эпопейна». Действительность — героическая поэма: о многих песнях... Героические переживания — удел каждого; героизм — температура «сегодня»» (с. 7—8). Свидетель «крушения гуманизма», переживший «драму отрезвления» в отношении к революции, Белый, при всем своем апокалипсическом настрое, — неискоренимый утопист, сохраняющий веру в «грядущее, общечеловеческое», что в полной мере ощутимо в программе журнала, где он в столь характерных для него масштабных категориях излагает свой взгляд на дохристианскую и христианскую историю человечества. В XX в. ему видится рождение нового героизма, основанного на духе «действий конкретных (войны, революции)» (№ 1. С. 12). Героизм возрождения, феномен сильной личности снижается в его глазах в XX в. до уровня личности «современного миллиардера»; героизм XXI в. он видит «в восстании «Я», Чела Века, загаданного в каждом из нас, в пролетарии. Пролетарская культура естественно завершится культурою «Я», Индивидуума, преодолевшего личностью общество: в Интерн-Индивидуале, преодолевающем Интерн-Национал» (№ 1. С. 13).

Название журнала, по мнению Белого, — знак для имеющих очи, для видящих будущее, органичным искусством которого является эпопея, «гомеровский эпос», «Махабхарата», «а не романы, стихотворения, не поэмы» (№ 1. С. 16). «...В декадентстве мир искусства разбился вдребезги... под дребезгами косноязычно приподымается грядущее целое начала культуры и искусств XXI века огромными, несуразными, эпопейными формами: героическим эпосом, прорезывающимся одновременно сквозь все направления; в ломке стиха, стремящегося к ритмической прозе, и в ломке прозы к стиху — землетрясение упадающих форм под натиском выпирающих из-под прошлого героической эпопеи, или Нового Эпоса» (№ 1. С. 16—17). «Не направление, не школу мы формируем: приветствуем неизбежное; приветствуем «Эпопею», приветствуем героический, титанический эпос, слагающийся в подсознании всего живого и творческого. Самим заглавием «Эпопея» мы говорим «Эвое» — грядущему, которого пока еще нет в осязаемых формах. В неосязаемом, в душах — оно уже есть: Гомер будущего искусства уже зачат» (№ 1. С. 16—17).

«Э» обращена, как сказано в редакционной статье «*Максим Горький*. По поводу 30-летнего юбилея», — не к готовым течениям, лозунгам, школам, а ко всему, что «вываривается в огненной, в клокочущей подоснове извне оформленного» (№ 3. С. 7). Именно поэтому Белый считает возможным публикацию статьи к юбилею Горького, писателя, далекого от круга ближайших сотрудников журнала. Для Белого главное то, что Горький — «эпопея», он «вещий», он — «сложен, невнятен, противоречив и стремителен... он — жизнь, не имеющая ни конца, ни начала; и в этом смысле — природа творимой культуры России...» (№ 3. С. 8), именно от него возможны «просветы в будущее», ибо «будущее искусство... — от безгранных, внегранных только, каким был, есть, будет... Горький; не от художников только, а от художественного выявления себя в жизни мы ждем плодов чаемого нами будущего: продолжения «Эпопеи» истории» (там же.).

В этой связи центральная фигура в русской культуре XX в. для Белого — Блок как художник, биография которого переплетена с творчеством, и «воспоминание о

нем развертывается как героический эпос» (№ 3. С. 9). В журнале опубликован самый пространный вариант «Воспоминаний о Блоке» (№ 1—4; переизд.: М., 1995), начатых Белым еще в России (первые три главы помечены: «Петроград—Берлин»), но написанных главным образом по приезде в Германию в ноябре 1921 (6—7 главы помечены: «май—июнь 1922 Цоссен-Свинемюнде») и завершенных в Берлине в декабре 1922. Импульс к созданию «Воспоминаний» — смерть Блока, одного из ближайших друзей и единомышленников Белого времен его молодости. Блок для Белого — «единственно «вечный» из русских поэтов текущего века, соединивший стихию поэзии нашего национального дня с мировою эпохой...» (№ 1. С. 123). По своей общей направленности характеристика поэта и эпохи «Воспоминаний» перекликается с программой журнала: «...новое косноязычное пока слово воистину нового человека, который жил в Блоке, который поэтом, владеющим магией сочетания звуков, не высказан, не вмещен; эта встреча «поэта» с Челом восходящего Века — трагедия Блока» (№ 1. С. 125). Его сердце, «отображая Россию, так билось грядущим, всечеловеческим; и, не мирясь с суррогатами истинно-нового, не мирясь с суррогатами вечносущего в данном вокруг, — разорвалось... «трагедия творчества» не пощадила его; мы его потеряли... как Пушкина; он, как и Пушкин, искал себе смерти» (с. 124—125). Мемуары Белого, ярко воссоздающие образ Блока, построены на сочетании мемуарного и самопознавательного начал: это версия крушения младосимволистского братства и «дружбы-вражды», объяснение с ушедшим «братом», оправдание перед собой и потомками разногласий с Блоком не событиями их личной жизни, а расхождением духовных ориентиров, история их взаимоотношений воспроизведена в идеологическом и социальном контексте эпохи.

Среди публикаций в журнале преобладали проза и поэзия в основном близких редактору авторов и тех, в личности и творчестве которых он находил элементы «эпопейности». В первых трех номерах напечатан «Временник *Алексея Ремизова*» — «Всеобщее восстание» — хроника жизни России, в основном Петербурга, времен Февральской революции, — зарисовки, объединенные авторским «я». Они были начаты писателем еще в Петербурге в марте 1917, завершены в июле 1922 в Германии (в Брайтбрунне-на-Амерзее) и являли собою, по словам Ремизова, «свидетельство... о всеобщем восстании в величайший год русской жизни...» (№ 3. С. 74), когда автору захотелось «под гром грозы... прокукарекать петухом» (№ 2. С. 103). Реальность переплетается в прозе Ремизова со снами — с участием друзей, знакомых, коллег писателя — А.Белого, А.Блока, М.Пришвина, В.Розанова, *Е.Замятина*, *Вяч.Иванова*, В.Брюсова, *Д.Мережковского*, Ю.Балтрушайтиса и др. Это «суд человека, только забившегося в нору, для непрестанной духовной работы с сердцем... птицы, вздрагивающим при каждом уличном стуке и стучащим ответно со стуком сердца всей страды мира» (№ 3. С. 74).

О русской провинции в период революции — повесть Б.Пильняка «Мятель» (№ 1). Изображение обыденной, пошлой, не затронутой революцией повседневной жизни российского обывателя с ее адюльтерами, личными конфликтами, духовным кризисом (в виде отхода от веры провинциального диакона) нарушается тревожным, динамичным образом-символом революции-метели, которой наслаждаются только большевики. Образ-символ каменной, рябой, безносой Курги-бабы, стоящей за «курганами горбатыми» и наблюдающей, как в «годины мировые» гонят «псковских и симбирских на дороги варшавские, на болота полесские...», — центральный в эпической повести В.Лидина «Курга-баба» (№ 4). О близости Лидина А.Белому свидетельствует, в частности, упоминание в повести о прогулке по Петровскому парку в Татьянин день «студента сероглазого Бориса Николаевича Бугаева, из годов глухих» (№ 4. С. 48). В журнале опубликована историческая повесть *А.Толстого* «Краткое жизнеописание Блаженного Нифонта. Из рукописной книги князя Тургенева» (№ 2) — о смутной поре времен Бориса Годунова и Лжедмитрия, о бывшем попе-расстриге Науме, совершившем много преступлений, почти раскаявшемся и ставшем блаженным Нифонтом. Лирическое исключение среди «эпических» прозаических публикаций в журнале — символико-романтический рассказ *П.Муратова* «Мери» (№ 4) — о женщине, ускользающей, явля-

ющейся для влюбленного в нее героя «вечным миражом», «неутоленной жизнью».

Поэтический раздел журнала — небольшая, но емкая антология поэзии 10-х—20-х, выявляющая широту, универсальность эстетических предпочтений редактора, публикующего поэтов независимо от их принадлежности к школе, группе, направлению — символистов, авангардистов, почвенников, пролетарских поэтов. В журнале печатались стихотворения А.Белого, Ю.Балтрушайтиса, *Н.Крандиевской*, С.Клычкова, В.Казина, *А.Кусикова, М.Цветаевой, В.Ходасевича*, А.Ремизова, *Г.Иванова, И.Одоевцевой, Н.Оцупа, А.Присмановой*, Б.Лившица, *В.Познера* и др.

Литературная критика занимает в журнале небольшое место. М.Цветаева в статье «Световой ливень. Поэзия вечной мужественности» пишет о книге стихов «Сестра моя жизнь» Б.Пастернака, называя его «большим поэтом», «лишенным духа тяжести» (№ 3. С. 14). В эссе «Об Анненском» (выступление в Петербургском Доме Искусств на вечере памяти поэта 14 декабря 1921) В.Ходасевич характеризует И.Анненского как поэта «эпической поэмы»: «смерть — основной, самый стойкий мотив его поэзии», ее «главный и постоянный двигатель» (№ 3. С. 36—37). Эссе построено на сравнении Анненского с толстовским Иваном Ильичем, но преимущество Ивана Ильича — обыкновенного человека — Ходасевич видит в том, что «с ним произошло чудо — на краю жизни он познал любовь и жалость, необходимость прощения ближними, ощутил вместо смерти свет, а с поэтом чуда не свершилось» (№ 3. С. 55), он не любит жизнь, но «страх смерти еще сильнее... Мир для Анненского — тюрьма» (№ 3. С. 49). О близости комического и трагического — эссе *В.Шкловского* «К теории комического». Новая форма, по мнению критика, воспринимается всегда как комическая. Может быть, поэтому «комический жанр в искусстве обычно является передовым... Впоследствии ощущение комизма стирается, мы часто плачем там, где нужно смеяться» (№ 3. С. 66). Петр Сувчинский пишет эссе «По поводу смерти А.Никиша» о выдающемся дирижере как художнике, обладавшем даром оживлять музыку во времени: «Даже паузы у Никиша как бы музыкально звучали в молчании, были внутренним продолжением ритмического движения — настолько время было вобрано в музыку» (№ 1. С. 19—20).

Последний выпуск «Э» вышел с письмом А.Белого к А.Г.Вишняку с отказом от редактирования журнала, мотивированным «многообразными занятиями и отсутствием свободного времени» (№ 4. С. 5), но с согласием оставаться постоянным его автором. Однако «Э» была в полном смысле слова журналом А.Белого — во всех ее выпусках очевидна печать его творческой индивидуальности, его замыслов, вкусов, предпочтений. Поэтому естественно, что после отставки Белого журнал прекратил свое существование.

Т.Н.Красавченко

ЭСТОНСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Русские книги стали издаваться в Эстонии с 1919. Их выпускали как эстонские издательства, так и начавшие возникать специализированные русские издательства. Издательство «Одамес» («Odamees»), возглавлявшееся К.Сарапом, в 1919—1920 напечатало три сборника стихов *Игоря Северянина* («Crème des Violettes». Юрьев, 1919; «Pühajõgi. Эстляндские поэзы». Юрьев, 1919; «Вервэна. Поэзы 1918—19 гг.». Юрьев, 1920). Тартуское издательство «Постимеэс» («Postimees») наладило выпуск изданий классиков для школьной серии «Русские писатели для классного чтения». Чисто русскими были возникшие в 1920 и просуществовавшие короткий срок издательства «Кольцо» в Таллине и «Альфа» в Тарту. «Альфа» выпускала серию изданий для школ «Общедоступная библиотека», в которой вышли сочинения Д.И.Фонвизина и А.С.Грибоедова. «Кольцо» выпустило сборники стихов Михаила Сидорова «Листья» (Ревель, 1920) и Ярослава Воинова «Саркофаг одной весны» (Ревель, 1920); оно же издавало еженедельник «*Облака*». Самым значительным издательством в Эстонии, специализировавшимся на выпуске русских книг, было таллинское издательство «Библиофил», основанное летом 1921 эстонским консулом в Петрограде, воспитанником Петербургского политехнического института Альбертом Оргом при участии литератора Б.Линде (слависта по образованию) и местных коммерсантов Г.Линквиста, Б.Маковского и Г.Гуткина. Оно выпускало в свет книги го-

лодающих петроградских русских писателей. А.Оргу удалось скупить у них по сравнительно дешевой цене ряд рукописей. *А.Ремизов* вспоминал: «В июне [1921] А.Г.Орг предложил мне за мою книгу 1/2 млн. сов. руб. за лист... Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) — вот этакую кипу — полный портфель! — купили мы сахару (1 ф. — 30000 р.), масла (1 ф. — около 30000 р.), баранок (1 б. — 1500 р.) и такой вечер справили, ну, как в старое время где-нибудь в Москве дружная семья воров на Хитровке. Пили чай с сахаром и баранками, поминали добрым словом Орга» (*Последние известия*. 1921. 9 сент.). «Библиофил» издал в 1921—1922 пятнадцать книг. Из них лишь одна принадлежала местному автору (Воинов Я. Горюнова радость. Сказка. Ревель, 1922). Среди изданий «Библиофила» было две книги А.Ремизова — «Шумы города» и «Огненная Россия», *А.Амфитеатрова* — повесть «Зачарованная степь» и «представление в 4-х действиях» «Василий Буслаев», Федора Сологуба — «Сочтенные дни» (рассказы и драматическая сказка) и «Небо голубое» (сборник стихотворений), сборник рассказов Б.Пильняка «Былье», сборник стихов Н.Гумилева «Шатер», пьеса *Н.Евреинова* «Самое главное», воспоминания *Вас.Ив.Немировича-Данченко* и А.Ф.Кони и другие произведения. Планировалось также издание двух книг А.Блока, произведений В.Дорошевича, М.Шагинян и В.Шишкова. Отзывы об изданиях «Библиофила» появились во многих органах как зарубежной, так и советской прессы. Некоторые издания «Библиофила» были художественно оформлены. В сборнике стихов Н.Гумилева «Шатер», напечатанном с рукописи, переданной автором издательству в июне 1921 незадолго до ареста и расстрела, обложка, заставка и концовка сделаны местным русским художником Н.К.Калмаковым. Интересы «Библиофила» за границей представляло берлинское издательство И.П.Ладыжникова. Однако деятельность издательства «Библиофил» прекратилась уже в 1923 в связи с банкротством А.Орга. Его приобрел крупный эстонский предприниматель в области издательского дела и журналистики А.Вейлер, который от издания русских книг отказался. Позже издательство «Библиофил» выпускало русские газеты *«Вести дня»* и *«Русский вестник»*. Русские книги в 1920-е публиковало и тартуское издательство Вадима Бергмана, связанного с местными русскими литературными кругами. Книги этого издательства печатались в типографии Эдуарда Бергмана, отца владельца фирмы. В издательстве В.Бергмана вышли роман в стихах Игоря Северянина «Колокола собора чувств» (Юрьев, 1925) и его поэма «Роса оранжевого часа» (Юрьев, 1925), антология эстонской поэзии за сто лет в переводах Игоря Северянина «Поэты Эстонии» (1928, фактически — 1929), изящно оформленная местным русским художником А.Гриневым. В издании В.Бергмана были опубликованы также «альманах четырех» (Игорь Северянин, В.Адамс, И.Беляев, Б.Правдин) «Via sacra» (Юрьев, 1922, фактически — 1923) и две книги стихов поэта Ивана Беляева «Прокаженный перст» (Юрьев, 1924) и «Воздвижение жизни» (1927). Кроме того, издательство выпускало в свет учебники и хрестоматии для русских школ. В 1932 типография Э.Бергмана была продана с аукциона и деятельность издательства прекратилась.

Во второй половине 1920-х русскоязычная книжная продукция в Эстонии сокращается. Больно ударил по книгоиздательскому делу в Эстонии мировой экономический кризис. Положение меняется к лучшему с 1933. С этого года возрастает число печатающихся в Эстонии книг, в том числе и русских. Возникают новые русские издательства. Мы имеем дело с парадоксальным для русского зарубежья явлением: в то время как в других странах российского рассеяния число выпускаемых русских книг на протяжении всего довоенного периода все время сокращалось, в Эстонии оно с 1933 возрастало, достигнув своего пика в 1935—1939. В 1933—34 издательство «Аргонавты» выпускает под редакцией преподавателя Тартуского университета, поэта Б.В.Правдина серию повестей и романов для русского юношества «Золотая книга». Формально местом издания книг этой серии указан латвийский пограничный город Валк, но все книги этой серии печатались в Тарту в одной из лучших эстонских типографий «Илутрюкк», так что их можно считать местными изданиями. Переводчиками выступали местные литераторы, в частности *Ю.Иваск*. Издания были иллюстрированы и снабжены небольшими предисловиями. В серии «Золотая книга»

вышло всего десять выпусков, в том числе книги М.Додж («Серебряные коньки»), Р.Киплинга («Смелые мореплаватели»), С.Лагерлёф («Чудесное путешествие мальчика по Швеции»), Марка Твена («Приключения Финна»).

С 1934 начинает выпуск книг издательство «Русская книга» в Таллине, самое продуктивное из всех чисто русских издательств в Эстонии 1930-х, чья продукция в значительной мере, как раньше издания «Библиофила», предназначалась и для книжного рынка других стран русского зарубежья. Книжный магазин «Русская книга» был открыт в мае 1923 русским военным историком и общественным деятелем проф. А.К.Баиовым, эмигрировавшим в Эстонию. С 1924 магазин стал функционировать одновременно и в качестве библиотеки, а с 1934 приступил к изданию книг. Во главе книготорговой и книгоиздательской фирмы «Русская книга» в эти годы стоял С.В.Заркевич (1907—1941). Большая часть книг этого издательства печаталась в типографии «Libris», одним из владельцев которой был предприниматель В.Бейлинсон (в принадлежащих В.Бейлинсону типографиях печаталось много русских книг и периодических изданий). Он и был владельцем (или одним из владельцев) издательства «Русская книга». «Русская книга» выпускала книги местных русских авторов В.Е.Гущика (сборник рассказов «Люди и тени». Ревель, 1934), М.В.Карамзиной (сборник стихотворений «Ковчег». Таллин, 1939), В.А.Никифорова-Волгина (сборники рассказов «Земля именинница». Таллин, 1937, и «Дорожный посох». Таллин, 1938) и др.

Издательство «Русская книга» стало выпускать и книги русских авторов из других стран Европы. В 1930-е печатание книг в типографиях Эстонии было значительно дешевле, чем в странах Западной Европы. Это привлекло внимание русских литераторов-эмигрантов из Франции и других стран Европы и даже Америки к здешним издательствам и типографиям. Одна за другой в Эстонии начинают печататься их книги, причем местом издания иногда указывается Таллин или Эстония вообще, а иногда Париж, Берлин, Прага, Женева, Бордо, Брюссель, Нью-Йорк, Филадельфия (книги филадельфийского издательства «Верность») — всего, по нашим подсчетам, 21 город. Некоторые такого рода издания выходили уже и в 1920-е, но именно в 1930-е это стало массовым явлением. В издательстве «Русская книга» вышли в свет исторические романы *А.Ладинского* «XV легион» (1937) и «Голубь над Понтом» (1938), книга *М.Осоргина* «Повесть о некоей девице» (1938), сборники рассказов Б.Щуцкого. Книги зарубежных писателей печатались и в других издательствах, или они выходили как издания автора. В эстонских типографиях были напечатаны книга *В.Вейдле* «Умирание искусства» (Петсери—Париж, 1937), сборники варшавского поэта *Л.Гомолицкого* «Цветник» и «Эмигрантская поэма» (обе — 1936, изд-во «Новь»), книга *Б.Зайцева* «Валаам» (1936), романы В.Корсака «Шарманка» (Париж; Таллин, 1937) и «В гостях у капитана» (Париж; Таллин, 1939), сборники стихов *Ю.Софиева* «Годы и камни» (Париж, 1937), М.Таубе «Видения и думы» (1937) и «Святые силуэты» (Париж, 1938), *З.Шаховской* «Дорога» (Брюссель, 1935, изд-во «Новь»), *А.Штейгера* «Неблагодарность» (Париж, 1936). Вышедшие в издательстве «Новь» (Таллин) книги пражских поэтов *Э.Чегринцевой* «Посещения. Стихи» (1936) и В.Морковина «Тобозо. Поэма» (1935) числятся как издания серии «Скит» (№ 7 и 8) в Праге. Дешевизна печатания книг в типографиях Эстонии привлекала не только поэтов и прозаиков. Здесь начали публиковаться и научные труды, труды по богословию, мемуарная и документальная литература, подготовленные российскими учеными и богословами в других странах. Парижское издательство *ИМКА-Пресс* печатало свои книги в Эстонии (*Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. 1934; *Курдюмов М.* Сердце смятенное. О творчестве А.П.Чехова. 1934; *Мочульский К.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. 1936). В эстонских типографиях были напечатаны две работы *И.Ильина* — «Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера» (1937) и «Основа борьбы за национальную Россию» (1938), три брошюры *о. Иоанна Шаховского*.

В 1935—1936 выпускало русские книги издательство «Новь». Оно возникло в связи с изданием группой молодых русских авторов сборников «Новь», во главе его стоял поэт П.М.Иртель (Иртель фон Бренндорф, 1896—1979). В издании «Нови», помимо

названных книг Л.Гомолицкого, В.Морковина, Э.Чегринцевой и З.Шаховской, вышли сборники стихотворений местных русских авторов, входивших в возглавляемый П.М.Иртелем *Ревельский цех поэтов*: Е.Базилевская «Домик у леса» (1936), М.Роос «Мартовское солнце» (1936).

Эстония была одним из центров Русского студенческого христианского движения (РСХД). С конца 1933 в Эстонию было перенесено издание его основного органа — *«Вестника русского студенческого христианского движения»*, печатавшегося сначала в Тарту (в типографии К.Маттисена), а затем в Печорах. Редактировал «Вестник» руководитель РСХД в Прибалтике И.А.Лаговский, проживавший в Тарту. С 1935 в Печорах стал печататься еще один орган РСХД — газета «Путь жизни». С 1937 газета стала выпускать и книги религиозно-философского содержания. Во главе газеты и печорского издательства «Путь жизни» стоял В.Ф.Бухгольц, участие в работе редакции газеты и издательства принимали И.А.Лаговский и А.Н.Киселев. В издании «Пути жизни» вышли брошюра В.В.Зеньковского «Н.И.Пирогов как мыслитель» (1939) и «Лик Пушкина» (1938, статьи *С.Булгакова, В.Ильина*, А.Карташева), книги В.Розанова «Уединенное» (1939) и С.Четверикова о С.Н.Трубецком (1937). Печоры, благодаря древнему Псково-Печерскому монастырю, были одним из важных центров православия в русском зарубежье. В издательстве Печерского монастыря в 1920—1930-е выходили книги религиозного содержания.

С.Г.Исаков (Эстония)

«ЭХО» (Ковно, 1920. 26 октября — 1940) — литературно-политическая ежедневная газета. Редактор-издатель А.С.Бухов. Заглавие 1922, 7 июля — 18 авг.: Эхо Литвы; отв. ред.: с 1926 Б.Павлов; с № 116 (1928, 24 июля) Ю.Блюменталь, издатель с 1928 — Н.Н.Радин.

Редакция в передовой статье «Наши задачи» сообщала: «Наша задача, особенно в такие ответственные дни, быть литовской газетой и сделаться близкой тем читателям, которые лишены возможности пользоваться другим языком, кроме русского» (1920. 26 окт.). Большое место занимают материалы о положении в Литве, ее внутренней и внешней политике, культуре. В «Обзоре печати» помещали выдержки из материалов парижских *«Последних известий»*, *«Общего дела»*, берлинских *«Голоса России»*, *«Времени»*, пражской *«Воли России»*, ревельского *«Народного дела»*, рижского *«Сегодня»* и других русских газет. Публиковались стихи *Б.Савинкова* («На юге», «Angelus»), А.Черняка («Современный педагог»), Евг.Шкляра. В фельетоне «Два путешественника» *А.И.Куприн* говорит о деятельности Ф.Нансена и Г.Уэллса. Нансен не поехал в советскую Россию: «Я и без путешествия в центр этой несчастной страны знаю о ее положении... Не хочу я быть в положении водевильного дурака, водимого за нос». Автора фельетона интересует, какую мзду получил Уэллс от вождей Совдепиии за «его благосклонное, приятное и рассеянное внимание» к их стране (1920. 31 сент.). В фельетонах Арк.Бухова затрагиваются многие вопросы, и их тональность меняется в зависимости от содержания. В фельетоне «После Риги» (1920. 12 нояб.) он приходит к парадоксальному выводу: для успешного развития военных действий надо заключить мир с противником; в «Ездоках» (1920. 26 нояб.) смеется над бесконечными разъездами греческого премьера Венизелоса и А.И.Гучкова; в «Пташках» (1921. № 4/62) Бухов говорит о политических авантюристах, пользующихся самыми современными средствами передвижения: «Около месяца тому назад улетел на Дальнем Востоке знаменитый Семенов. Улетел с золотом и разбитыми мечтами о дальневосточном троне. Золото было в чемодане, в чем были разбитые мечты — неизвестно. Может быть, без всякой упаковки». Печатались материалы Л.Аркадского: «Женевские частушки» (1921. 18 окт.), очерк «Их быт» (1920. 18 дек.). В «Маленьком фельетоне» *И.Северянина* (1920. 1 дек.) — «Поэзе для беженцев» — автор, отмечая, что «ищут все лишь еды и питья», что «кроме завтраков, дров и пальто/ Есть театр, есть стихи, есть симфонии... Но куда вам такие занятия,/ Вызывающие лишь проклятия, —/ Лучше карты, еда и разврат!» В фельетоне *Тэффи* «Контр» (1920. 9 нояб.) изображена сцена встречи двух русских в Париже, и разговор идет о знакомых, о том, кто в каких разведках работает; гость оказывается тем ловким челове-

ком, который работает и в разведке, и в контрразведке и с двух сторон жалованье получает. В «Наброске» *К.Д.Бальмонта* приведены слова писателя: «В современной России, которая вся охвачена братоубийственной, вдвойне преступной войной, нет свободы, и в воздухе возбуждения ее не может быть. Это очень тягостно. Но и здесь в Европе ее тоже нет и, по-видимому, еще не может быть» (1920. 18 нояб.). Г.Уэллс («Что я видел» // 1920. 28 нояб.) в докладе, перепечатанном из английской газеты, сообщил о работе театров, о бедно одетой публике, о встрече с Шаляпиным, с группой ученых, которые сказали ему, что работают без нужных материалов и инструментов, о встрече с постаревшим композитором Глазуновым.

В «Призыве к просвещенному миру» содержится просьба принять участие в подписке в пользу *П.Д.Боборыкина*, старейшего современного писателя, оставшегося без средств к существованию (1920. 3 нояб.). Газета откликнулась на слух о смерти в Севастополе писателя и журналиста В.М.Дорошевича (1920. 6 дек.). Сообщается о месте проживания писателей России: А.И.Куприн через Финляндию проехал в Париж, *М.А.Арцыбашев* — в Крыму, *Ал.Толстой*, *Ив.Бунин*, К.Чуковский — в Бретани, в Берлине — сатирик *Саша Черный*. В газете напечатан отчет о состоявшемся в Севастополе вечере при участии *Е.Н.Чирикова*, К.А.Тренева, *И.Д.Сургучева*, Т.Л.Щепкиной-Куперник и др., прочитавших свои неизданные произведения (1920. 3 нояб.). В анонимной рецензии на книгу *Арк.Аверченко* «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921) отмечается, что «к Аверченко лучше всего подходить как к юмористу, и с этой точки зрения книжка написана чрезвычайно живо и увлекательно. Большой талант Аверченко то здесь, то там выглядывает между строк и заставляет забыть об Аверченко как о политике» (1920. № 4/62).

А.Ф.Головенченко

Ю

«ЮРЬЕВСКИЙ ЦЕХ ПОЭТОВ» (1929—1933) — литературное объединение, созданное в Тарту (Юрьеве) в 1929 (по другим сведениям, уже в 1928) по инициативе лектора русского языка в Тартуском университете, поэта Б.Правдина. Он же стал неофициальным руководителем кружка, «старшим мастером цеха». Свое название кружок получил от известной литературной организации акмеистов «Цех поэтов», существовавшей в Петербурге в 1911—1914. В «ЮЦП» вначале вошли *Б.Нарциссов*, Д.Маслов, *Б.Вильде* и Е.Роос (Базилевская), уже выступавшие в печати и литературно определившиеся как поэты. Им было присвоено звание мастера. Подмастерьями цеха были приняты О.Нарциссова и Л.Виснапуу. Позднее членом объединения стал еще Б.Тагго (Новосадов). Целью «ЮЦП» было «общение членов в области поэтического творчества, а также ознакомление с новейшей поэзией, как зарубежной, так и советской. Название «цех» объясняется требованием серьезного отношения к творчеству и работы над совершенствованием его формы. Подмастерьем ЮЦП признается поэт, владеющий элементарной техникой стихосложения и имеющий представление как о теории поэзии, так и о современном состоянии русской поэзии. От претендента на звание мастера требуется: 1) наличие вполне сложившегося поэтического стиля; 2) наличие хотя бы ненапечатанного сборника стихов и 3) основательное знакомство с поэтикой и русской поэзией в ее прошлом и настоящем; рекомендуется знание истории поэзии европейских народов» (Новь. Таллин, 1932. Сб. 4. С. 5). Позже появилась еще и категория «учеников» цеха. Собрания обычно проходили по субботам на квартире Б.Правдина; на них, кроме членов объединения, могли присутствовать и приглашенные гости. На собраниях разбирались стихи членов цеха, а также присланные для разбора или отобранные для этой цели сборники и отдельные произведения. После доклада следовали оживленные прения. Б.Правдин знакомил собравшихся с литературными новинками, появлявшимися как в СССР, так и на Западе. Кроме таких собраний для сравнительно узкого круга участников, устраивались и вечера для более широкой аудитории. Цех поэтов поддерживал связи с берлинским клубом русских поэтов. Его собрания посещал *Игорь Северянин*. Члены «ЮЦП» не принадлежали к какому-то одному литературному направлению и не стремились к единообразию, каждый из них работал в своей манере, в своем стиле. Все же в творчестве членов объединения можно выделить два течения: мелодически-символистское (Е.Базилевская-Роос, Д.Маслов, Б.Нарциссов) и имажинистско-футуристское (Б.Тагго-Новосадов, Б.Правдин). Проектировалось издание собственного сборника, но из этих планов ничего не вышло.

«ЮЦП» просуществовал до конца 1932 — начала 1933. К этому времени большинство его членов, учившихся в университете, покинуло Тарту, что и было причиной прекращения деятельности объединения.

См. также: Нарциссов Б. Цехи русских поэтов в Эстонии // НРС. 1980. 29 февр.

С.Исаков (Эстония)

«THE RUSSIAN» (Русский) (Лондон. 1918. 15 октября. № 1 — 1919. 7 августа. № 43) — еженедельный журнал на английском и русском языках. Основан Эдуардом С.Любовым. В пятом номере за 12 ноября 1918 перепечатан рассказ *М.Горького* «Лампочка». Здесь же приводятся отрывки из статей М.Горького о России, опубликованных в апреле 1917 и составивших цикл «Несвоевременных мыслей». В номере за 3 июля 1919 опубликована статья «Спасите наши души», в которой излагается выступление П.Н.Милюкова о позициях М.Горького и *Л.Андреева* по отношению к новой российской власти. Под рубрикой «Искусство и литература» сообщалось о постановках Л.Толстого на английской сцене (Sevier M. Русское искусство и большевизм. «Живой труп» Толстого на английской сцене // 1919. 24 июля), о постановке русских опер в Ковентгарденском театре, о дягилевских сезонах в лондонском театре «Альгамбра».

О.А.Казнина

«RUSSIAN LIFE» (Русская жизнь). A Monthly review of facts and documents relating to the Russian situation (Лондон, 1920 — 1922. Март. № 1—6) — журнал на английском языке. Ред. *А.В.Тыркова-Вильямс*. Одно из периодических изданий Комитета Освобождения России в Лондоне, начал выходить после закрытия журнала «The New Russia» (1920. № 1—13. 1 февр. — 16 дек.). Ред. В.Д.Набоков и П.Н.Милюков. В журнале «Русская жизнь» появилось значительно больше, чем в предшествующем издании, материалов, посвященных литературе, открылась постоянная рубрика о положении писателей, артистов, художников и ученых, оставшихся в России. На эти темы в журнале писали М.И.Ростовцев, К.Д.Набоков, И.В.Шкловский (*Дионео*). Значительная часть неподписанных статей, в том числе передовых, принадлежит А.В.Тырковой, она является автором статьи, посвященной памяти А.Блока («In Memoriam. Alexander Block (1880—1921)») // 1921. № 2/3. Сент.—окт.). В журнале опубликовано одно из первых в англоязычной периодике сообщений об убийстве Н.Гумилева. Заметка подписана Леонидом Чацким (псевдоним Л.И.Страховского) (там же). Освещался процесс изгнания интеллигенции из пределов отечества ([Тыркова А.В.]. Russians in exile // 1921. № 1. Авг.). В № 5 за январь 1922 помещена статья М.И.Ростовцева «Русское искусство и большевики». В № 4 опубликована статья *П.Б.Струве* «Ф.М.Достоевский», написанная к столетию со дня рождения писателя. В № 5 опубликована статья *Д.П.Святополка-Мирского* о евразийстве «Два аспекта революционного национализма». В журнале изредка публиковались очерки и рассказы, например рассказ *Ивана Лукаша* о русских детях в Константинополе («Мальчик на садовой скамейке» // 1922. № 6).

О.А.Казнина

ПРИЛОЖЕНИЕ
(Литература «первой волны» в журналах после 1940 г.)

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ» (Париж, Мюнхен, Нью-Йорк, 1945—1991; Париж, Нью-Йорк, Москва с 1992 — продолжается). В начале 1945 в Париже под редакцией Л.Зандера начинает выходить «Вестник церковной жизни» (издание Русского студенческого христианского движения), отпечатанный на гектографе. В № 1 — 22 с. Издание пыталось наладить связи между разрозненными звеньями Движения в послевоенной Европе. № 2 «Вестника» вышел в Париже 15 марта 1945. Помимо обзора православной жизни за рубежом, в журнале напечатаны воспоминания *о. В.Зеньковского* об о. Д.Клепинине, настоятеле церкви на рю Лурмель, иеромонаха Сильвестра о религиозной работе с русскими военнопленными в годы Второй мировой войны. В том же номере Л.Зандер рассказал о планах работы по освоению духовного наследия *о. С.Булгакова*. «На первом месте стоит задача издания всего того, что еще не было напечатано. А таких неизданных сочинений о. Сергия мы насчитываем не менее семи томов» (с. 33). № 3 «Вестника» появился в июле 1945, а № 4 — в ноябре 1945. В 1946 издателю удалось выпустить еще три номера «Вестника»: № 5 (февраль), № 6 (июнь) и № 7 (декабрь). Последний, восьмой, номер «Вестника церковной жизни» вышел в июле 1947. В нем напечатано слово о. П.Флоренского, сказанное за литургией 7 января 1907 в храме села Толпыгино. В обзоре новых книг *Б.П.Вышеславцев* отмечает заслугу Л.Зандера, издавшего «Автобиографические заметки» прот. С.Булгакова — последнее откровение о «сокровенном сердце человека», которого все знали и ценили, как великого богослова, большого ученого и мыслителя» (с. 59). В том же номере Л.Зандер отмечает выход книги стихотворений, поэм и мистерий Матери *Марии*. Сборник включал воспоминания об аресте и последних днях Матери Марии в лагере Равенсбрюк. «Эта небольшая книга волнует тем, что говорит о человеке, которого мы знали и любили. Своей мученической смертью, своим удивительным поведением в лагере Мать Мария засвидетельствовала, что слово — слово проповеди и обличения — у нее не расходилось с жизнью и делом. Поэтому первая ценность этой книги — личная: она говорит о дорогом и близком и притом большом человеке, она воскрешает образ, который одновременно и учит, и обличает, и служит примером» (с. 66).

В январе 1949 издание «Вестника» возобновляется усилиями о. Александра Киселева. В Мюнхене собрались старые члены Движения — А.И.Никитин, *Ф.А.Степун*, избранный впоследствии председателем Движения в Германии, о. Георгий Бенигсен (под редакцией которого после отъезда о. Александра Киселева «Вестник» продолжал выходить в Германии). До 1953 нумерация журнала была новая в каждом году, а с января 1953 — продолжающаяся (с № 26). На протяжении года (1949) в Мюнхене журнал печатался сдвоенными номерами; в связи с отъездом многих сотрудников из Германии издание продолжилось в Париже. Из номеров, вышедших в Париже в 1949 (они печатались на ротаторе), июньский выпуск (№ 3) посвящен 150-летию со дня рождения А.С.Пушкина. В нем помещены отрывки из речи о. С.Булгакова, прочитанной в Богословском институте в память столетия со дня смерти поэта. В.Зеньковский в статье «Памяти Пушкина» видит величие поэта в том, что, будучи сыном своего века, живя всеми его внешними и внутренними запросами и интересами, он глубоко носил в себе «Русскую идею»... и в своей строгой правдивости совершенно чужд ригоризму и «духовной прелести», которой так страдали близкие к нашему времени поэты» (№ 3. С. 23—24). *В.Н.Ильин* в статье «Трагедия дружбы и судьба Сальери» размышляет о метафизике предательства, связывая участь убийцы Моцарта с судьбой Иуды Искариота. Иуда не пережил своего предательства, в отличие от него Сальери не оставляет жизненного поприща. Но его «жизнь», по мысли В.Н.Ильина, подобна участи мертвых душ Гоголя — Хлес-

такова и Чичикова — они «окончательные продукты устоявшегося на земле Сальери... после духовного самоубийства» (№ 3. С. 13).

С 1950 «Вестник» регулярно выходит в Париже тетрадками в 32 стр. один раз в два месяца под ред. И.В.Морозова. В первые послевоенные годы редакция журнала продолжает ориентироваться на учащуюся и трудовую молодежь, стремясь отражать жизнь студенческих кружков Движения, помогая им вырабатывать христианское мировоззрение, и публикует богословские и философские статьи о. В.Зеньковского о Н.Ф.Федорове (1950. № 1/2), эссе *о. Г.Флоровского* «Религия и богословское напряжение» (1950. № 3). Одна из последних работ *С.Л.Франка* «Духовное наследие Вл.Соловьева» также была напечатана в «Вестнике» (1950. № 4), а в 1951 (№ 1) помещена заметка «Памяти С.Л.Франка» и статья В.Н.Ильина «С.Л.Франк и его место в русской философии и русской культуре». Автор находит глубокое внутреннее родство систем С.Л.Франка, о. Сергия Булгакова, А.Ф.Лосева и *Н.О.Лосского*, разными путями пришедших к идее «софиологической метафизики всеединства» (с. 22—23).

В статье о поэзии Тютчева *В.В.Вейдле* говорит о двух типах поэтов. «Есть поэты — строители, как Пушкин или Гете, Данте, Вергилий. И есть поэты — только поэты. Из величайших гениев... ко второму типу относится Шекспир». К тому же второму типу поэтов В.Вейдле причисляет английского поэта Китса и Тютчева (1951. № 3. С. 15). В 1952 «Вестник» отметил столетие со дня смерти Н.В.Гоголя публикацией статьи «День гнева» В.Н.Ильина, сравнившего духовные искания русского писателя с подвигом С.Киркегора и Блеза Паскаля, «отрекшегося ради спасения души от своего научно-математического гения» (1952. № 1. С. 17). В статье проф. П.Паскаля «Гоголь во Франции» (1952. № 2) приведены сведения об основных публикациях писателя за прошедшее столетие. Духовным исканиям *Б.Зайцева* посвящена статья о. В.Зеньковского «Религиозные темы в творчестве Б.К.Зайцева»: «Вот и в Зайцеве, в его творчестве со всей силой обнажается раздвоение церкви и культуры. И оттого он, любя Церковь, боится в ней утонуть, боится отдаться ей безраздельно, ибо боится растерять себя в ней. Это не личный дефект Зайцева; ...в Церкви он ищет прежде всего ее человеческую сторону» (1952. № 1. С. 22). Кончину лауреата Нобелевской премии по литературе *И.А.Бунина* редакция «Вестника» отметила публикацией неизданных путевых записок писателя во Святую Землю (апрель—май 1907) (1953. № 30). В том же номере помещен критический отзыв *Н.А.Струве* о книге А.А.Боголепова «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк, 1952).

В конце 40-х, в начале 50-х многие деятельные участники Движения из разоренной войной Европы перебрались в США, но и из-за океана продолжали активно сотрудничать с парижской редакцией. В связи с этим обстоятельством начиная с № 30 (1953. Сент.—дек.) на обложке и титульном листе журнала появляется указание на второе место издания «Вестника» — Нью-Йорк. С 1954 ВРХД выходит четыре раза в год выпусками от 48 до 63 с. в каждом номере. *П.Е.Ковалевский* в статье «Чехов человеколюбец» пишет, что «церковная среда, о которой, кроме Лескова, писали очень немногие русские авторы, представлена в чеховской прозе замечательными образами духовных лиц и простых верующих людей... Интересно отметить, что только у Чехова нет ни одной ошибки в описании духовного быта, тогда как они встречаются даже у Лескова» (1954. № 35. С. 32).

Десять лет со дня мученической смерти Матери Марии (Скобцовой) редакция отметила публикацией ее статьи «Аскетика человекообщения» (1955. № 36). В том же номере В.А.Зандер вспоминает о пророческих видениях и предчувствиях, горевших в душе великой подвижницы наших дней подобно факелу «в пустыне человеческих сердец» (1955. № 36. С. 3). Внимание к памяти Матери Марии, к ее нетрадиционному духовному пути находило отражение и в более поздние годы в публикациях журнала. В № 161 (1991), посвященном 100-летию со дня рождения Матери Марии, Б.В.Плюханов в статье «Объединение «Православное дело» вспоминает о встречах с Матерью Марией в 1935 в Париже (Мать Мария разрешила Б.В.Плюханову переписать ее стихи 1928—1931 с условием, чтобы он их никому не читал. Стихи опубликованы в № 161). В более раннем № 131 Л.Макаров (псевдоним Б.В.Плюханова) рассказывает о поездке Матери Марии в 1932 в

Эстонию на съезд РСХД в Пюхтицах. На встрече с русской молодежью в Риге Мать Мария рассказала о своем знакомстве с А.Блоком, о стихотворении Блока, посвященном ей. Запомнились слова А.Блока о ранней поэзии Анны Ахматовой, слышанные Матерью Марией (тогда Лизой Кузьминой-Караваевой) у *Вяч.Иванова* в Петербурге. Блок долго колебался и с видимым затруднением и неохотой ответил на вопрос о стихах Ахматовой: «Она пишет стихи свои как бы перед мужчиной, а их надо писать перед Богом». Об *А.Н.Толстом* Мать Мария сказала: «Он поехал в Россию за белой булкой» (1980. № 131. С. 358). В том же номере журнала в разделе «Проблемы и история эмиграции» обстоятельный разбор книги о. Сергия Гаккеля «Мать Мария» (Париж, 1980) поместил С.Жаба. К 50-летию со дня смерти Матери Марии напечатан третий выпуск небольшой книги Е.Скобцовой «Жатва духа», которую редакция сопроводила следующими пояснениями: «В 1927 году издательством «*ИМКА-Пресс*» были изданы два выпуска древних житий в литературной переработке Матери Марии, тогда Е.Ю.Скобцовой. Случайным образом в этом юбилейном году в одном подвале была найдена завалявшаяся машинопись (с правкой рукой автора) третьего выпуска, предназначавшегося к печати, но так и не увидевшего свет» (1995. № 171. С. 5). К древним житиям обращался *А.М.Ремизов*; один из его этюдов «Дула-Воскресший» о жизни иноков-молчальников в монастыре в Египте находим в № 36 (1955).

До конца 1955 официальным редактором «Вестника» оставался И.В.Морозов, хотя фактическим редактором был Н.А.Струве, а в редакционную коллегию входили К.А.Ельчанинов, прот. Александр Шмеман, М.Р.Гизетти, О.Раевская. С № 39 (1955) в состав редколлегии входит о. В.Зеньковский, до смерти (в 1962) в значительной мере определявший направление журнала. Немало неподписанных статей и рецензий о. В.Зеньковского печаталось на страницах «Вестника» в конце 50 — начале 60-х. В рецензии на книгу С.Л.Франка «Этюды о Пушкине» (Мюнхен, 1957) о. В.Зеньковский видит основную заслугу автора в тщательном собирании философских мыслей Пушкина, «рассеянных в стихотворениях, и в прозе, и в письмах» (1958. № 48. С. 40). Опубликован цикл статей о. В.Зеньковского «Философские мотивы в русской лирике», в который входит статья «Пушкин и его современники» в № 54 (1959). В статье из того же цикла о Ф.И.Тютчеве автор рассматривает имперсонализм, присущий поэту, подчеркивая, что, только «исходя из имперсонализма Тютчева, можно надлежаще понять его космизм... Между прочим здесь ясно, насколько все восприятие бытия у Тютчева было чуждо христианству с его глубоким чувством метафизической природы нашего я, — что и закрепляется в учении о всеобщем воскресении. Остается вопрос, — заключает свою мысль о. В.Зеньковский, — считать ли имперсонализм Тютчева его индивидуальным свойством или мы тут стоим пред какой-то особенностью русской души (той самой, которую нарочито подчеркивал Толстой в Каратаеве)?» (1959. № 55. С. 38). Обращаясь к поэзии Лермонтова, он отмечает, что «в ней зазвучали впервые для русской души те мотивы персонализма, которым было дано пробудить драгоценнейшие движения в русской душе (как у Герцена, Достоевского, *Бердяева*)». У Лермонтова «сквозь «магический кристалл» его восприятия мира выступает трагедия романтического персонализма» (1960. № 57. С. 40—41). Трагедию Гоголя о. В.Зеньковский видит в том, что «Гоголь — гениальный художник, изумительный мастер слова, но и глубоко идейный искатель... не совладал с темой, которая мучила его — темой религиозного обновления жизненных отношений... С Гоголем в этой теме перекликаются Толстой и Достоевский, Влад.Соловьев и Бердяев, Булгаков и Франк и многие вплоть до Пастернака» (1959. № 53. С. 2—3).

В № 52—53 Л.Зандер анализирует «Философские темы в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго». Тема России сопряжена, по мнению религиозного философа, с образом героини романа Лары, ибо «персонификация родной страны, родного народа в женском образе принадлежит к самым обычным мотивам мировой поэзии и художественного творчества» (1959. № 53. С. 44). В романе Пастернака, по мнению Л.Зандера, Россия является и как Жена, и как Мать. Б.К.Зайцев в заметке «Кончина Пастернака» (1960. № 57) приводит отрывки из последних писем, полученных от нобелевского лауреата. Д.Григорьев в статье «Пастернак и Достоевский» сравнивает ге-

роев Пастернака — Лару и Юрия Живаго с персонажами романа Достоевского «Идиот» — Настасьей Филипповной и кн. Мышкиным. «Оба писателя скептически относятся к современной гуманистической цивилизации и современному обществу: коммунистическому или капиталистическому, атеистическому или христианскому — одинаково. Они глубоко осуждают характерный для нашей эпохи этически-бездушный и эстетически пошлый подход к жизни, при котором совершенно забывается сердце человека. Они указывают, что действительный прогресс человеческого общества может быть достигнут лишь через внутреннее перерождение человека любовью» (1960. № 57. С. 51). Год смерти Б.Пастернака совпал с 50-летием со дня смерти Л.Толстого. В.Зеньковский в передовой статье «Год Л.Н.Толстого» говорит о «моральной гениальности» Толстого, отмечая, что «его проповедь открыла новые перспективы, но не смогла их ввести в жизнь» (1960. № 58/59. С. 3). В том же номере Ф.А.Степун в статье «Памяти Пастернака» отмечал, что «похороны Пастернака перекликаются с похоронами Л.Толстого, потому что в Пастернаке, как в свое время и в Толстом, чувствовали неподкупную совесть России» (с. 48). Явление Пастернака, освобождающая сила «Доктора Живаго» предопределяют пути России, ее грядущее духовное освобождение. Эта мысль звучит в статье П.А.Струве «Голос провидческий (Памяти Б.Л.Пастернака)». «Пастернак первый в СССР открыто пошел по пути, пройденному в начале века интеллигенцией: от революции к ее отрицанию, от марксизма к идеализму, от безбожия ко Христу. И хочется верить, что не так далеко время, когда Россия, сбросив с себя коммунистические цепи, услышит провидческий голос Пастернака и пойдет вслед за ним по пути Православия» (1960. № 58/59. С. 56). П.А.Струве приравнивает путь Пастернака к подвижническому служению, но не менее трудными дорогами шли и писатели-эмигранты, в пустыне мира сохранявшие верность России. «Русский писатель» — понятие этическое, а не эстетическое», — подчеркивает В.Вейдле в статье о Б.К.Зайцеве. Это понятие «вытекает из этики, не отвергающей эстетики, но включающей ее в себя, отрицающей ее отдельность... Сохранить ей верность, жить этой верностью — подвиг как в России, где нет России, так и вдалеке от родной земли» (1961. № 60. С. 1—2).

Редакция «Вестника» последовательно отмечала юбилеи и другие памятные даты жизни русских писателей и философов. К 75-летию со дня смерти Ф.М.Достоевского опубликована статья Н.О.Лосского «Зло и добро в произведениях Достоевского», во многом основанная на его ранее изданных книгах «Достоевский и его христианское миропонимание» и «Условия абсолютного добра». Автор приходит к выводу, что «самый великий представитель художественной литературы — Шекспир, а следующий за ним — Достоевский» (1956. № 40. С. 23). *Юрий Иваск* в статье «Розанов и о. Павел Флоренский», приуроченной к 100-летию со дня рождения Розанова, рассматривает таинственные аспекты дружбы двух великих христиан-мечтателей: «Розанова, полного тоски по Ветхому Завету», и о. П.Флоренского, которого Ю.Иваск называет «поздним осенним эллином в христианстве» (1956. № 42. С. 25).

Новым явлением в конце 50-х можно считать и участившиеся отклики на внутрироссийские литературные явления; так, в № 48 (1958) появляется статья Н.А.Струве о «Гефсиманском Саде» Б.Пастернака, в которой автор говорит об «окончательном повороте поэта от эстетического индивидуализма к целостному христианскому восприятию мира» (с. 41). Н.А.Струве уже в 50—60-е пристально следил за изменениями в литературной жизни страны.

Столетию со дня рождения *Д.С.Мережковского* посвящена статья В.Н.Ильина: «Д.С.Мережковский вместе с большей частью русской творческой элиты... испытал горечь эмиграции, горечь ссылки, изгнания... И вот, несмотря на крайне трудные, иногда даже невозможно трудные условия, совершилось то, что можно назвать творческим культурным чудом эмиграции. Это чудо еще ждет своего беспристрастного историка» (1965. № 79. С. 29). Во второй «парижский» период, по мнению В.Ильина, «опыт зла стал для Д.С.Мережковского не опытом социально-политическим... но чисто мистическим... С приобретением этого великого мистического опыта как в добре, так и во зле, и отошел в вечность великий писатель, обогатив мир такими произведениями, как книги о Данте, об Атлан-

тиде, а в области религиозно-философской — новыми опытами, как «Иисус Неизвестный» и «Тайна Трех» (Там же. С. 30). В № 80 (1966) собраны отклики на смерть последнего большого поэта России — Анны Ахматовой. По словам Н.Струве, «Пушкин и Ахматова — первое и последнее кольцо замкнувшейся золотой цепи русской поэтической речи» (с. 47). В этом же номере Н.Струве публикует неизданный отрывок из трагедии Ахматовой «Сон во сне», а В.В.Вейдле статью «Умерла Ахматова».

На страницах «Вестника» находим первые отклики на произведения А.И.Солженицына, опубликованные на Западе. И.В.Морозов в статье «Александр Исаевич Солженицын» в № 84 (1967) приводит биографические сведения, В.Вейдле печатает заметку «Два слова о «Раковом корпусе» Солженицына» (1968. № 89/90). В № 91/92 (1969) в статье «О Солженицыне» В.Вейдле писал: «Итак, не в пустыне мы: живет среди нас... настоящий большой русский писатель... Покорил он нас, заставил себя полюбить» (с. 43). Решение секретариата СП СССР об исключении А.И.Солженицына из рядов организации вызвало в мире новую волну солидарности с гонимым писателем. В № 94 (1969) В.Вейдле в статье под характерным заглавием «Чорт догадал...» приводит эти строки из письма Пушкина, послужившие поводом для горестных размышлений о трагической судьбе русских поэтов и писателей — А.Ахматовой, О.Мандельштама и в наши дни А.Солженицына. «Есть глубокое дыхание любви и сострадание, оно подземно у Вас, но подлинно, Вы его не «возглашаете», оно само говорит, даже Вас не спрашиваясь, голосом тихим и непрерывным», — с этими словами обращается к А.И.Солженицыну старейший писатель зарубежной России Борис Зайцев («Письмо Солженицыну» // 1969. № 94. С. 97—99). В «Материалах по истории русской духовной культуры» опубликована глава «Опять на родине» из неизданной до сих пор книги Д.С.Дарского о В.В.Розанове (1969. № 94). Публикация этой главы, приуроченная редакцией к 50-летию со дня смерти писателя, вызвала неожиданно негативный отклик. В письме из России читатель высказывается против публикации материалов о Розанове и других подобных литераторах «антихристианского» направления (1970. № 97. С. 164—165).

В 1970 с № 97 ответственным редактором «Вестника» становится Н.А.Струве (фактически бывший им и ранее), поместивший в том же номере заметку о присуждении А.И.Солженицыну Нобелевской премии по литературе. К 150-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского в № 99 (1971), помимо передовой статьи «Год Достоевского», напечатаны глава из неизданной книги Ф.И.Уделова (псевдоним С.И.Фуделя) «Достоевский и Оптина пустынь» и заметки *Н.М.Зернова* «Символика имен в романах Достоевского». В отделе «Литература и жизнь» редакция начала публикацию проникшей из-за железного занавеса рукописи о. П.Флоренского «Воспоминания детства». В том же разделе В.В.Вейдле поместил эссе «После «Двенадцати».

Юбилейный 100-й (1971) номер «Вестника» открывается статьей Струве, отметившего, что «впервые, по случаю юбилея, «Вестник» выходит более чем на трехстах страницах. Из скромного бюллетеня Вестник превращается в толстый журнал» (с. 3). В статье «Встречи с писателями» Струве вспоминает о встречах с А.М.Ремизовым и И.А.Буниным. Среди других публикаций номера — этюд В.Вейдле «Страшный мир (Приношение кресту на могиле Александра Блока)», заметка *Г.Адамовича* «На полях вздорной книжки», где литературный критик в одной из своих последних статей разбирает вышедшую в СССР книгу бывшего свящ. Е.Дулумана «Идея Бога». О.Раевская-Хьюз в статье «Борис Пастернак и *Марина Цветаева* (К истории дружбы)» анализирует роман в стихах Б.Пастернака «Спекторский».

Столетие со дня рождения о. Сергия Булгакова отмечено выпуском специального номера, посвященного памяти мыслителя — № 101/102 (1971). Открывает номер статья Н.Струве «К столетию со дня рождения прот. Сергия Булгакова». Приведена хронологическая канва жизни о. Сергия Булгакова, составленная Л.Зандером, а также отрывок из неизданной на русском языке книги о. Сергия Булгакова «Трагедия философии». Памяти Б.К.Зайцева в этом номере посвящены статьи Н.А.Струве «Писатель-праведник» и епископа Александра Семенова-Тянь-Шанского «Светлой памяти Б.К.Зайцева». Епископ Александр сравнивает повесть Б.Зайцева «Авдотья-смерть» и «Матренин двор» А.Солженицы-

на, замечая, что «это образ России, той, которую можно калечить, замучить, но нельзя убить духовно» (с. 320). Прот. А.Шмеман в некрологе «Прощаясь с Г.В.Адамовичем» полагает, что со смертью поэта и литературного критика кончилась эпоха: «Каждому поколению суждено, конечно, провожать своих отцов и предшественников в «путь всея земли». Но горестная, трагическая особенность и судьба моего поколения в том, что, расставаясь с нашими предшественниками, мы, каждый раз, со все более острой болью сознаем, что приходит, пришла к концу некая чудесная «русская эпоха». Адамович был не только одним из последних ее свидетелей. Он сам еще светился ее светом, сам еще был ее присутствием среди нас» (1971. № 101/102. С. 328). К 20-летию со дня смерти *Л.П.Карсавина*, погибшего в концлагере на далеком севере, редакция в № 104/105 (1972) собрала материал: «Венок сонетов», «Терцины», неизданный отрывок статьи «О молитве Господней» и список трудов философа.

В № 106 (1972) дочь В.В.Розанова Татьяна Васильевна (на Западе ее долгое время считали умершей) в письме из СССР отмечает ошибки и неточности, замеченные ею в воспоминаниях и статьях *З.Н.Гиппиус*, Н.О.Лосского, Ю.П.Иваска. Позднее, в № 112/113 (1974) с предисловием и примечаниями Ю.П.Иваска опубликована попавшая на Запад пятая глава «Из воспоминаний об отце В.В.Розанове», законченная Т.В.Розановой незадолго до смерти. На обложке и на титульном листе № 112/113 указано и условное место издания журнала — Москва (наряду с Парижем и Нью-Йорком). В передовой статье «Еще о направлении журнала» Н.Струве отмечает, что номер «появляется с незначительным на первый взгляд, но на самом деле существенным изменением на обложке и на титульном листе. Вверху, в названии журнала, одно слово опускается <студенческого>; внизу, в обозначении места издания, одно слово прибавляется <Москва>. Опущение и прибавка взаимно связаны и друг друга поясняют... С 97-го номера «Вестник» перестал быть органом РСХД в прямом и узком смысле, если понимать под Движением не направление, не идею, но духовную семью, организацию. В юбилейном сотом номере 9/10 статей еще были написаны на Западе старыми эмигрантами или их отпрысками; в 111-м номере пропорция ровно обратная: 9/10 статей написаны в России или совсем недавними выходцами из нее. Это обстоятельство побудило Редакционную коллегию расширить наименование «Вестника», не меняя его, но выдвинув ограничивающее определение «студенческий»... Ибо в буквальном смысле журнал является вестником чего-то большего, чем заслуженной религиозной организации, вестником неоформленного «русского христианского движения», с особой силой развивающегося в России» (с. 3).

В № 114 (1974) В.Вейдле приветствует выход сборника «Из-под глыб», где наряду с А.Солженицыным и И.Шафаревичем поместили статьи молодые авторы из России: «Появление сборника «Из-под глыб» — событие в истории России. Быть может, и не одной России, не одного СССР. Событие более значительное и более знаменательное в жизни нашей страны, чем даже появление сборника «Вехи» в начале нашего столетия. Таких голосов, как эти, из-под глыб, мы в эмиграции не слышали, а в России их всегда успевали вовремя глыбой заваливать» (с. 240—241). В № 114 в разделе «Материалы по истории русской культуры» напечатаны письма П.А.Флоренского к Б.Н.Бугаеву (*А.Белому*) 1904—1910 и доклад Флоренского «О Блоке», в 1931 опубликованный в № 26 журнала «*Путь*» (авторство Флоренского так до сих пор убедительно и не доказано). Столетию со дня рождения о. П.Флоренского посвящена передовая статья Н.А.Струве в «Вестнике» № 135 (1981), напомнившего о непреходящем значении главного труда Флоренского для развития богословской мысли в России: «Для большинства читателей Флоренский остается и, вероятно, останется автором одной книги «Столп и Утверждение Истины». Эта докторская диссертация молодого 27-летнего ученого явилась событием на путях русского богословия. Современный литературный язык, не без декадентской вычурности, экзистенциальный подход к христианским догматам, привлечение всего спектра наук — математики, физики, филологии, искусствоведения — для их выяснения, вот в чем состоит непреходящая и непревзойденная новизна книги, раз и навсегда порвавшей с школьным, суконным богословием» (с. 3—4).

С 1974 в каждом номере печатаются произведения Солженицына, материально поддерживавшего журнал. Начатая в № 101/102 публикация неизданных материалов из архива о. С.Булгакова продолжается редакцией «Вестника» на протяжении последней четверти века. В № 123 (1977) напечатан сохранившийся в архиве Булгакова богословский этюд «Два избранника. Иоанн и Иуда, «возлюбленный» и сын погибели», уводящий в глубину сокровенных переживаний мыслителя: «Каждый год с приближением Страстной седмицы я опять заболеваю Иудой, неразгаданной его тайной и снова всматриваюсь в его образ, ища постигнуть в нем самом и в его взаимоотношениях: Иуда и прочие апостолы, Иуда и Иоанн, Иуда... и Христос... Внутреннее интуитивное постижение тайны Иуды влечет меня все дальше, ставя перед лицом новых узрений и вопрошаний. И прежде всего, надо снять с апостола клеймо предателя, совершившего предательство в низком, преступном смысле, христопродавца, омраченного сребролюбием. Такое разумение просто недостойно события и ему несоответственно: сребренники лишь приражение, грязная тряпка, которая закрывает рану кровоточащего сердца, к тому же она сброшена и самим Иудой» (с. 11—12). И о. С.Булгаков приходит к выводу, что «об Иуде можно поведать только силою искусства, и притом великого и высочайшего, которому доступны тайны духа и священный язык символов» (с. 15). В последующих номерах журнала регулярно появлялись материалы из архива о. Сергия Булгакова, в том числе «Ялтинский дневник (1921—1922)» — публикация и примечания Н.А.Струве в № 170 (1994), «Дневник Духовный. I. Прага (1924—1929)» в № 174 (1996), «Дневник Духовный (1925)» в № 175 (1997). Нина Муравина в статье «Свидетели о Революции» в № 117 и № 118 (1976) анализирует книги *А.Амфитеатрова* «Горестные заметы» (Берлин, 1922) и «Окаянные дни» И.Бунина, переизданные в Канаде в 1974, и отмечает удивительную особенность «Горестных замет» и «Окаянных дней»: «Они не стареют и остаются живыми» (с. 178).

Редакция «Вестника» опубликовала несколько неизвестных статей *Л.Шестова*. В № 119 (1976) напечатана статья «Угрозы современных варваров» (1934), в которой Л.Шестов остро реагировал на угрозу фашизма и коммунизма мировой свободе, но не верил в их торжество. Отрывки из незаконченной книги о Тургеневе напечатаны впервые по рукописи из архива Л.И.Шестова в № 127 (1978) — к сорокалетию со дня смерти мыслителя. «Тургенев, как настоящий европеец, — полагает Шестов, — слишком заботливо оберегал сегодняшний день, слишком реально его чувствовал, и потому все прошлые и будущие дни обращались для него в фикцию. Он все больше и больше суживал поле своей мысли. Благодаря этому он становился понятнее и занимательнее для своих современников и вырастал в их глазах» (с. 78). В том же № 127 редакция перепечатала статью А.М.Ремизова «Памяти Льва Шестова», напечатанную впервые в «Последних новостях» 24 ноября 1938: «Беспросветно умен, так отозвался о Шестове Розанов, а я скажу и «Бездонно сердечен», а это тоже дар: чувствовать без слов и решать без «расчета» (с. 69).

В передовой статье № 127 Н.Струве извещал читателей об открытии в журнале нового отдела, посвященного истории и проблемам эмиграции. «Первая, вторая, третья... В 1922 году Ленин высылает из России мозг страны: двести литераторов и ученых. Прошло более полувека, и ничего не изменилось: снова люди пера и искусства либо изгоняются, либо вынуждаются к эмиграции» (1978. № 127. С. 3).

В 1979 «Вестник» потерял старейшего сотрудника журнала: ушел из жизни В.Вейдле. В № 129 (1979) прот. А.Шмеман поместил статью «Памяти Владимира Васильевича Вейдле»: «Главное, чем он жил, — «христианская культура». Действительно, можно без преувеличения сказать, что все зрелые годы своей жизни В.В. провел в напряженных размышлениях об этом... Биографически первичным в его жизни был опыт культуры, опыт, кажущийся теперь почти легендарным, того творческого подъема и расцвета ее, которым отмечены были в России последние десятилетия перед революцией. Воздухом этого «серебряного века» В.В. дышал буквально с первых дней своего петербургского детства... Был он не «культурным человеком», а неким поистине чудесным воплощением культуры. Он жил в ней, и она жила в нем с той царственной свободой и самоочевидностью, которых так мало осталось в наш век начетчиков, экс-

пертов и специалистов» (с. 175). В том же 1979 редакция отметила кончину о. Георгия Флоровского. В № 130 (1979) опубликована статья о. Георгия Флоровского «Евхаристия и соборность», извлеченная из журнала «Путь» (1929. № 19), статья прот. К.Фотиева «Памяти прот. Г.Флоровского», а также подборка писем о. Г.Флоровского к Ю.П.Иваску. «В моем архиве хранится 38 писем покойного о. Георгия Флоровского (1958—1975)», — пишет Ю.Иваск (с. 42). В письмах содержатся свидетельства о первом этапе «евразийского движения» (1923). Только в 1928 о. Георгий окончательно порвал с этим движением. Е.В.Иванова (Москва) в статье «Наследие о. Павла Флоренского: А судьи кто?» в № 165 (1992) приходит к выводу, что книга Г.В.Флоровского «Пути русского богословия», «принимаемая неофитами за образец церковной ортодоксии... играет весьма сомнительную роль в сегодняшней религиозной жизни, выдавая доктринерство и нигилизм за верность святоотеческому преданию. Но главное — она очень многим дает видимость понимания в областях, доступных лишь немногим избранным умам» (с. 137).

В 1989 по инициативе ответственного редактора журнала Н.А.Струве начинается подписка на журнал непосредственно в СССР. С 1990 года организована регулярная подписка на журнал, который до конца 1991 продолжал поступать из Парижа. Начиная с № 164 (1992) «Вестник» по оригинал-макету, составленному парижской редакцией, печатается в Москве в Христианском издательстве, а с 1997 в «Русском пути».

В № 165 (1992) напечатано приветствие св. патриарха Алексия, обращенное к ответственному редактору журнала, в котором оценена работа редакции в прошедшие трудные десятилетия, осмыслена роль и новые задачи журнала в сложных условиях современной России.

А.Н.Богословский

«ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ» (Нью-Йорк, 1960—1967. Вып. 1—5) — литературный альманах, издававшийся Р.Н.Гринбергом (1893—1969); назван по заглавию произведения Б.Л.Пастернака, 70-летию которого и был посвящен первый выпуск. Но, уделяя внимание авторам, писавшим на территории СССР (Ахматовой, Мандельштаму, Бродскому), «ВП» много страниц отдали публикации неизвестных произведений писателей русского зарубежья, литераторов «первой волны».

В первом выпуске (1960) напечатаны заметки *Г.В.Адамовича* «Темы» — короткие зарисовки о Толстом, Пастернаке, К.Леонтьеве, *Цветаевой*: «Меня все чаще корят Цветаевой: «Замечательный поэт, а вы упираетесь или просто не понимаете!»... Человек весь в том, что он любит, и не все ли мне равно... что Цветаева была очень даровита» (с. 47). Размышления о тайне поэзии содержались в статьях *В.Вейдле* «О непереводимом», *Г.Струве* «Из заметок о мастерстве Бориса Пастернака» и *Ю.Иваска* «Возможность поэзии», где он вступил в полемику с Г.В.Адамовичем, опубликовавшим статью «Невозможность поэзии» в журнале *«Опыты»* (1958. № 9). «Поэзия возможна, поэзия есть. Требования же невозможного от искусства, утверждения невозможности поэзии если и абсурдны, то все же они должны поэту, художнику предъявляться, как и любому человеку, — всегда, везде! Сознание невозможности, отчаяние — приводят к самоубийству или к творческой победе», — так заканчивал Иваск свою статью (с. 257). Духовным проблемам романа «Доктор Живаго» посвящены работы *М.Вишняка* «Человек в истории» и *Ф.Степуна* «Современность и искусство». Критически оценил произведения «мэтров» первой волны на страницах первого выпуска «Воздушных путей» *В.Злобин*: «Как всегда, остер, тонок и «губителен» Адамович. Но в этот раз мне почудилось, что от его блестящих парадоксальных афоризмов нет-нет и повеет, на мгновение, старческим душком» (В. 1960. № 98. С. 137).

Во 2-м выпуске «ВП» (1961) появились публикации цикла последних стихов Мандельштама и «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. О Мандельштаме и его стихах писали В.Вейдле — «О последних стихах Мандельштама» и Г.Адамович — «Несколько слов о Мандельштаме». Также в этом номере были опубликованы два стихотворения *В.В.Набокова* и неоконченная рукопись *Л.Шестова* «И.Тургенев». В рецензии на этот выпуск *В.Варшавский* писал: «Адамович, как никто из теперешних русских литературных критиков, умеет приоткрыть

читателю глубокое значение поэтических произведений, ускользающее от технического или историко-социологического анализа... Два стихотворения Владимира Набокова. Первое интересно, но второе, видимо шуточное, оставляет неприятное впечатление. В нем вдруг прорвалась такая наивная мегаломания, какой в русской поэзии не было, кажется, со времен *Игоря Северянина*» (НЖ. 1961. № 65. С. 289).

3-й выпуск (1963) включил в себя три стихотворения *В.Ф.Ходасевича*, а также воспоминания *Г.Н.Кузнецовой* об *И.А.Бунине* «Грасский дневник», записки Л.Шаляпиной «Об отце», публикацию *Андрея Седых* «*Н.А.Тэффи* в письмах». В.В.Вейдле выступил со статьей «Возвращение на Родину»: «Пора вернуться в Россию. Не нам, а России: детям и внукам всех тех, с кем мы расстались, когда мы расстались с ней... Из нерусского, мирового по замыслу, но Европе враждебного СССР пора им вернуться в Россию и тем самым в Европу: пора вернуться на Родину», — писал он (с. 57). Адамович, размышляя о трагедии эмиграции в статье «Послесловие», снова возвращался к роли литературы и много внимания уделил творчеству И.А.Бунина.

4-й выпуск «ВП» (1965) известен, главным образом, публикацией стенограммы процесса над И.А.Бродским. Авторы «первой волны» также присутствовали на страницах этого номера. Здесь увидели свет отрывки из автобиографии В.Ф.Ходасевича «Младенчество», а также черновые наброски нескольких его стихотворений, в том числе и «Мечта моя / Из Вифлеемской дали...» Проблем поэтики Ходасевича коснулся в своих заметках «Ходасевич — поэт гротеска» Филипп Радле. Свои очередные дневниковые записи «Грасс—Париж—Стокгольм» представила Галина Кузнецова. Она описала события с 1930 по 1932. В.В.Набоков-Сирин (под такой подписью) опубликовал письма своего отца из царской тюрьмы. Четыре стихотворения представил *И.Чиннов*. Новую статью на темы поэтики «О любви к стихам» опубликовал В.В.Вейдле, и здесь же его стихотворения, навеянные итальянскими впечатлениями. Напечатана статья Л.И.Шестова «Итоги и комментарии», а также работа Федора Степуна «Историософское и политическое миросозерцание Александра Блока». Степун, вслед за очень многими литераторами русского зарубежья, вновь возвращается к вопросу о том, был ли Александр Блок с большевиками.

Высоко оценил этот том «ВП» В.В.Варшавский. Он выделил дневник Г.Кузнецовой как «не только документально-важный, но и художественный, с живыми зарисовками людей и природы, рассказ о поездке с Буниными в Стокгольм» (НЖ. 1965. № 79. С. 293). О работе Степуна он писал: «При всей своей любви к Блоку Степун сумел избежать обычного для поклонников Блока ослепления. Это придает его работе большую историческую ценность» (Там же. С. 296).

5-й номер можно назвать номером Марины Цветаевой. Здесь впервые опубликована ее поэма «Перекоп» — гимн белому движению, посвященный Сергею Эфрону в период его добровольчества. В предисловии редакция рассказывает о трудном пути рукописи к читателям: «В 30-х годах положение Цветаевой в эмиграции было исключительно. Эмигрантское общество, в чьих руках были «толстые» журналы и некоторые газеты, печатали ее неохотно. — «Перекоп» же печатать отказывались. Апологию движения ей не прощали» (с. 4). Перед отъездом в СССР Цветаева переписала «Перекоп» вместе со своим белогвардейским циклом «Лебединый стан» в одну тетрадь и отдала ее Ю.Иваску, который передал рукопись профессору Базельского университета Елизавете Эдуардовне Малер. Та спустя почти тридцать лет и представила поэму «ВП». Вместе с фотокопией «Перекопа» в Нью-Йорк была передана и копия другого произведения Цветаевой — ее статьи «Посмертный подарок», посвященной близкому ей трагически погибшему поэту *Николаю Гронскому*. «Посмертный подарок» вместе с поэмой Гронского «Белладонна» также увидели свет в 5 выпуске «ВП». Цветаева высоко ценила Гронского и считала, что такие поэты, как он, служат доказательством, что русская литература в эмиграции не пропала. Здесь же была представлена автобиография Цветаевой, написанная ею в 1922. Темира Пахмусс подготовила для этого альманаха материалы, связанные с Зинаидой *Гиппиус*. Она опубликовала ее переписку с писателем-террористом *Б.Савинковым*. Письма касались случая 1912, когда Мережковские из-за знакомства с Савинковым чуть не были арестованы, и событий 1920. Тогда Савинков вместе с Гиппиус и *Мереж-*

ковским оказался в Польше и возглавил борьбу с большевиками. Т.Пахмусс напечатала здесь же и автобиографию Савинкова. Опубликованы стихи Н.Набокова, И.Чиннова. С воспоминаниями выступили поэт-художник *С.Шаршун* — «Мое участие в дадаистическом движении» и *В.Яновский* — отрывок из его мемуаров о русском литературном Париже перед второй мировой войной «Елисейские поля». С размышлениями о судьбах русской культуры и истории «Наследие России» выступил В.Вейдле. Г.Адамович в заметках «Мои встречи с Анной Ахматовой» вспоминал далекие дни «Бродячей собаки» и совсем для того времени недавний — последний — визит Ахматовой в Париж, когда развернулся их диалог о судьбах эмиграции.

В.В.Леонидов

«ВОЗРОЖДЕНИЕ» (Париж, 1949. Январь — 1974. Май. № 1—243) — литературно-политический журнал. Начал выходить под редакцией *И.И.Тхоржевского* (№ 1—4), а после его смерти — историка С.П.Мельгунова; с 1958 редакцию возглавил кн. С.С.Оболенский, сначала вместе с *В.Злобиным*, а с 1960 — с Я.Н.Горбовым. Издание журнала, как и предшествующей одноименной газеты (Париж, 1925—1940), а также издательство финансировал нефтепромышленник А.О.Гукасов (1872—1969). Основной идейной направленности — «либеральному консерватизму», выдвинутому первоначально *П.Б.Струве*, — газета и журнал оставались верными до конца. С января 1949 до декабря 1954 журнал выходил шесть раз в год, а с января 1955 — ежемесячно. Сохраняя преемственность целей и задач, редакция выбрала девизы — «Величие и свобода России», «Достоинство и права человека», «Ценность культуры».

На страницах журнала встретились обе волны русской эмиграции. В нем участвовали почти все видные писатели и поэты зарубежья. Были опубликованы проза и стихи *И.А.Бунина, Д.С.Мережковского, З.Гиппиус, Г.Иванова, И.Одоевцевой, Н.Тэффи, Н.Берберовой, Ю.Одарченко*, В.Злобина, проза *Б.Зайцева* и *А.Ремизова*, Анри Труайя (Тарасова) и Е.М.Яконовского, *И.Шмелева* и Е.Гагарина, *И.Лукаша* и *А.Ренникова*, поэзия *В.Смоленского, З.Шаховской, Ю.Иваска, Л.Червинской, Г.Струве* и др.

Из номера в номер печатались мемуары, политические и литературные. Уже в первой тетради журнала были напечатаны главы из воспоминаний П.Б.Струве, написанных в Праге в 1933, о начале царствования Николая II, русском либерализме — «Ф.И.Родичев и мои встречи с ним» и Ю.Ф.Семенова (1873—1947), журналиста и политика, многолетнего редактора газеты (с 1927 по 1940) — «Закавказская Республика», о днях Закавказского сейма 1917—1918. Трагедию русского либерализма и вместе с тем трагедию русской государственности П.Струве видел в том, что «вместо того, чтобы быть политическими союзниками, либерал Родичев и консерватор Столыпин оказались политическими противниками и даже врагами» (1949. № 1. С. 49). Воспоминания П.Струве «Мои встречи и столкновения с Лениным» (1950. № 9) впервые появились на русском языке на страницах журнала.

С.Мельгунов опубликовал главы из неизданной книги, посвященной октябрьскому перевороту — «тем трагическим дням, которые ввергли Россию в последующую бездну», — «Мартовские дни 17-го года» (1950—1952. № 12—14, 16—24), «Эпилог 1917 года» (1950. № 8, 9) и «Творимые легенды (Опыт исторического анализа)» (1950. № 10, 11). «Из воспоминаний: Революция 1905 г.» — тема мемуаров кн. С.Трубецкого (1950. № 12).

Черновые записи из дневника З.Гиппиус «Польша 20-го года» (1950—1951. № 12, 13) непосредственно продолжают те материалы, которые были напечатаны в 1921 в сборнике «Царство Антихриста» (статьи Д.Мережковского, З.Гиппиус, *Д.Философова* и В.Злобина). Мемуары Гиппиус начинаются описанием Бобруйска — их первого польского этапа — и заканчиваются подведением итогов последнего периода пребывания в Варшаве, разочарованием в *Б.Савинкове* и его деятельности. Операции «Трест» посвящены материалы: «Советские «сверх-Азефы» (Из истории «Треста»)» (1950. № 8) и «Разговор с Опперпутом» С.Войцеховского (1951. № 16).

Полностью «Варшавский дневник» Гиппиус впервые был напечатан в журнале в 1969 (№ 214—216). Его начало датируется записью от 24 июня 1920, а последняя за-

пись была сделана в 1927. Дневник кончается ссылкой на «Коричневую тетрадь» — дневник за 1920—1925 годы, который Гиппиус вела уже в Париже. Художественное достоинство «Варшавского дневника» Т.Пахмусс, исследовавшая творчество Гиппиус, усматривает в «точной, выразительной речи автора» и «метких характеристиках людей, которые предстают перед глазами читателя как «живые лица», а изображение Гиппиус «той части русской интеллигенции в эмиграции, которая сыграла большую роль в истории России, имеет немалое историко-литературное значение, т.к. ее дневник дает возможность непосвященному читателю увидеть некоторые «как» и «почему» русской революции 1917» (1969. № 214). Гиппиус обвиняла Польшу и другие европейские страны в том, что они не распознали внутреннюю опасность, которую представлял собой большевистский строй, не захотели прислушаться к предостережениям Мережковских, основанным на их личном опыте двух лет, проведенных в большевистском Петербурге, и в результате «упустили момент» для выполнения своей миссии. Мир, заключенный Пилсудским с советской Россией, положил конец «русскому делу» в Польше, и 20 октября 1920 Мережковские уехали из этой страны.

В журнале также впервые был опубликован дневник «Contes d'amour» З.Гиппиус, датированный 1893—1904 (1969. № 211—212). Особый интерес, по мнению Т.Пахмусс, представляет в дневнике запись тех мыслей, которые зародились у молодой Гиппиус и позже легли в основу ее метафизической философии — свобода, верность, «любовь, вознесенная до Бога. До Небес. До Христа» (1969. № 210). Христианство, утверждает Гиппиус, предоставляет человеку возможность познать высшую форму свободы, ибо по учению Христа человек становится истинно свободным и достигает «зенита своей духовной зрелости» в тот момент, когда он, имея право выбора, остается послушным воле Бога. С понятием свободы связана мысль о равенстве, которую Гиппиус подчеркивала в человеческих взаимоотношениях, в жизни целого общества, в религии. В любви Гиппиус видела возможность триумфа над смертью, воскресения личности, таинственный акт Божественного происхождения, любовь также «обладает великой силой сделать человеческое существование частью «сияющего Божественного круга», очистить его, и, в конечном счете, подготовить для перевоплощения земной реальности» (Там же. С. 63). «Неустанные поиски идеальной любви, которая объемлет духовное и физическое в одном процессе восстановления Божественного, бессмертного начала в человеке, составляют отличительную черту метафизической философии Гиппиус», — полагает Т.Пахмусс (с. 60).

На страницах журнала Н.Байкалов рассказал о своих дореволюционных встречах в Сибири, в Ачинске, с Осипом Джугашвили (1950. № 8). В журнале также были опубликованы воспоминания М.Ковалевского «Русские на Ривьере» о Плещееве, Мережковском, Чехове, *Боборыкине*, Сухово-Кобылине; воспоминания художников — Богданова-Бельского и кн. С.Щербатова, музыканта Н.К.Авьерино, *А.В.Тырковой-Вильямс* «То, чего больше не будет» и «Тени минувшего» (вокруг «башни» *Вяч.Иванова* — пережитые отрезки эпохи Серебряного века русского искусства); крымские воспоминания Л.Врангель, дочери С.Я.Елпатьевского, — «Берег дальний» — о Чехове, *Куприне, Горьком,* встречах с М.Волошиным, *А.Толстым,* Н.Гумилевым. В воспоминаниях «Моя летопись» Н.А.Тэффи рассказывает о А.И.Куприне, Г.Чулкове и Мейерхольде, об их характерах, причудах, дружбе и вражде, показывает, какими она их видела, когда сплелись их пути; сюда же примыкает и ее этюд «Зинаида Гиппиус». Также были опубликованы воспоминания А.Кашиной-Евреиновой (жены драматурга *Н.Н.Евреинова*) «Лето у Макса Волошина: Коктебель 1924», отрывки из семейной хроники Глебовых, неизданные письма Пушкина, письма А.Ф.Кони, В.Фигнер.

О своей первой встрече с Л.Толстым и более поздних воспоминаниях о жизни в Ясной Поляне рассказала гр. А.В.Толстая, жена сына писателя — М.Л.Толстого, отметившая «неисчерпаемый источник нежности», который таился в душе Л.Н.Толстого, «несмотря на всю его суровую внешность, скупость ласковых слов и проявлений. Характерная черта Толстых» (1951. № 16. С. 85). Своими воспоминаниями об отце поделилась и последняя дочь великого писателя — *А.Л.Толстая* «Отец всегда все понимал» (1960. № 107). Е.Ф.Тверской, внук

известного книгоиздателя И.Д.Сытина, описал посещение Ясной Поляны со своим дедом и то, как писатель подарил и надписал ему книги «Детство» и «Отрочество». Он посвятил свои воспоминания «В Ясной Поляне» А.Л.Толстой, продолжавшей дело своего великого отца и являвшейся его духовной наследницей (1951. № 16).

Интересен и разнообразен критический материал на страницах журнала. К 150-летию со дня рождения А.С.Пушкина были опубликованы следующие статьи (1949. № 3): «Пушкин» проф. Е.Спекторского, «Проза Пушкина» проф. *М.Л.Гофмана*, «Светлая печаль» проф. *С.Франка*, «Пушкин в русской музыке» проф. В.И.Поля, «В творческой тиши» проф. *Н.Арсеньева*, «Пушкин и Давыдов» А.Шика, «Пушкинская речь Достоевского» И.Тхоржевского, «Можно ли переводить Пушкина французскими стихами» М.Расловлева.

Обращаясь к истории изучения творчества Пушкина, Е.Спекторский приходит к выводу о том, что через этику эстетическая оценка Пушкина перешла в социологическую, а о тех «молитвах, для которых он сам считал себя рожденным, или совсем позабыли или отзывались с недоверием» и потому соотечественники поэта «проглядели у него нечто очень существенное, а именно — глубокую религиозность», пронизывавшую его мировоззрение и творчество (с. 12, 13). Пушкин прошел через маловерие и неверие. И тогда ему казалось, что «дар напрасный, дар случайный» и что «безверие одно влечет несчастного до хладных врат могилы». Прошел он и через искания, когда «ум ищет Божество, а сердце не находит», но кончил он «блаженством веры», перестав после 1825 пародировать религию (с. 14). Очень близко поэт подошел к христианскому пониманию жизни как призвания и креста: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Не представляя себе Россию без христианства, «Пушкин утверждал, что «великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство» (с. 18). М.Гофман отметил, что особенно мало понят и изучен Пушкин-прозаик, и увидел исключительное мастерство «Повестей Белкина» в «двойной стилизации». Ибо, «создав образ Ивана Петровича Белкина, Пушкин создал и белкинский стиль повестей», но на стиле Белкина отразился стиль и его рассказчиков, поэтому «в совершеннейшей композиции, в языке и стиле... заключается главное художественное достоинство «Повестей Белкина» (с. 24).

На один доминирующий мотив духовного мира Пушкина, обычно менее всего замечаемый или даже прямо отрицаемый, — «трагический элемент» его поэзии — обратил внимание С.Франк. Он утверждал, что у поэта «есть нечто вроде философии трагизма человеческой жизни» (С. 40). Глубочайшую, но и «пессимистическую философию» Пушкина исследователь сводил к двум основным положениям: первое из них состоит в том, что «человеческий дух в своих заветных мечтах и упованиях одинок среди объективного мира действительности», который есть, прежде всего, «равнодушная природа» (с. 41). Вся жизнь поэта и его творчество основаны на напряженном сознании глубочайшей пропасти, отделяющей внутренний духовный мир человека от «коллективной человеческой среды» и внешнего строя его жизни. Таков первый тезис пушкинского «пессимизма»: «одиночество в мире глубин человеческого духа». К нему, согласно С.Франку, присоединяется второй тезис: «внутри себя самого человеческий дух подвержен опасности со стороны иррациональных, мятежных страстей человеческой души, влекущей ее к гибели» (с. 42). Однако трагизм поэта есть не мятеж, не озлобление против жизни, а тихая, примиренная скорбь, светлая печаль. Потому итог «неустанной духовной активности» поэта «есть просветленность его духа, странно уживающаяся в нем с до конца не преодоленной мятежностью натуры» (с. 50).

В статье «Пушкин об отношении между Россией и Европой» (1949. № 1) С.Франк, подчеркнув, что Пушкин был не только величайшим русским поэтом, но и одним из самых сильных, проницательных и оригинальных умов России, обращает внимание на то, что хотя Пушкин не дожил до классической эпохи спора между славянофилами и западниками, но постоянно обращался к этому вопросу в своих творениях, письмах, заметках. Он «ощущал национальный характер дела Петра Великого», который повел Россию по пути европейской культуры, исходя из убеждения, что «национальный склад русского ума и духа может на этом пути осуществить себя, свое собственное внутреннее предназначение» (с. 113).

Убежденный «западник», по словам С.Франка, Пушкин «чутьем гениального поэта и историка глубоко и верно воспринимал дух русского прошлого» и своей исторической драмой «Борис Годунов», историческими поэмами и повестями «более, чем кто-либо иной, содействовал развитию русского исторического самосознания» (с. 114). Одним из основных мотивов его поэзии, полагает исследователь, является тема «пенатов» — религиозного духа, которым овеян родной дом; в его уединении, в отрешенности от «людского стада» только и возможно познать «сердечную глубь», любить и лелеять «несмертные, таинственные чувства». Подлинный универсализм гения Пушкина примирял «славянофильство» с «западничеством». Эту мысль выразил и Достоевский в своей речи о поэте.

В статье «Чаадаев» (1949. № 4) проф. Е.Спекторский обратил внимание на то, что литературная деятельность Чаадаева далеко не исчерпывается его «Философическими письмами», а потому нельзя произвольно ограничивать ее только ими, как это сделал Герцен. Чаадаева принято считать западником, однако он понимал прогресс совсем не так, как его западные идеологи: «Он видел в нем не естественно необходимый процесс, а Божий призыв. И переписка Чаадаева вполне созвучна уваровской «официальной народности» (с. 99). Чаадаев, полагает автор, всю жизнь был верен православию. Он верил, что у России религиозное призвание. Основной мотив его идей — «это вера в призвание России, и притом экспансивное, вселенское, в отличие от этнической замкнутости, проповедовавшейся Данилевским» (с. 100). Отдав дань католичеству в своих «Философических письмах», он проявил полное равнодушие к догматике и вообще вероисповедной стороне католичества. Он осудил не православие, а протестантизм, и русскую жизнь подверг не бытовой, а «метафизической критике», утверждает исследователь. «Если снять с Чаадаева ярлык всяческих направлений, то получится мыслитель, веровавший в высокое религиозное призвание России» (с. 102). Его пророческие слова предвещали России не проклятие гибели, а радость перерождения.

Столетию со дня смерти русского романтика посвящена статья Г.Струве «О Жуковском» (1952. № 21). Как ни значительна была деятельность Жуковского-переводчика, она не должна заслонять от нас его собственной лирики. В лучших ее образцах стих поэта, «музыкальный, воздушно-легкий, как бы эфирный, достигает вместе с тем острой пронзительности. Мелодичность сочетается с метрическим разнообразием и ритмическим богатством» (с. 151). У Жуковского «нет внутренних противоречий», он всегда адекватен себе. Смирение перед Промыслом, глубоко религиозное приятие жизни — основной мотив его поэзии, полагает исследователь. Для Жуковского-поэта «как бы не существует настоящего», он весь обращен в прошлое и к будущему. Красота — это таинственный мост, переброшенный между прошлым и будущим, откровение неба «в темной области земной» (стихотворение «Лалла Рук»). К столетию со дня смерти писателя написана и статья *Г.Мейера* «Трудный путь» — о месте Гоголя в метафизике российской литературы (1952. № 19). Художественное творчество есть символическая проекция вовне наших душевных и духовных состояний, «светлообещающих или мрачно-угрожающих воплотиться в жизни» (с. 163). Искусством, по Гоголю, утверждает автор статьи, руководит внутренний религиозный процесс, положительного или отрицательного порядка, создающий в нас и через нас новые миры. Злые символы Гоголя облеклись в «Мертвых душах» «в столь естественные, земные детали и приметы», что эта кажущаяся, но неотвратимая явность собственного злого живописания испугала Гоголя, поддавшегося иллюзии и поверившего, что «серая, липкая бесовская скука» навсегда водворилась в России (с. 163). Писатель оказался в положении более безвыходном, чем его художник («Портрет»), закрепивший на полотне всего только глаза ростовщика, глаза — отображение на земле инфернального пламени. Гоголь пытался на новый лад вдохнуть живой дух в мертвую плоть. Он искал, как преобразить Собакевичей и преобразиться самому, но «карикатура в «перл создания» не обращалась, замкнувшиеся символы в жизни не растворялись», и на деле выходила все та же «страшная симуляция духовного воплощения» (с. 173). Писатель выводил свое искусство не из морали, а из религиозных чувствований, и он не выдержал, да «как художник и не мог, при своем внутреннем

строе, выдержать возложенной на него миссии — единоборства с виновником вселенского зла» (с. 175). По сожжении второй части «Мертвых душ» ему оставалось одно — умереть, записав слабеющей рукой: «Аще не будете, яко дети, не внидете в Царствие Небесное».

Статьей «Тютчев: Жизнь и судьба» Б.Зайцев откликнулся на 75-летие кончины Ф.И.Тютчева, «ни на кого, ни на что непохожего, истинного и огромного поэта — в прозрениях природы, космоса, сердца, как и в напевах стиха, далеко опередившего свое время» (1949. № 1. С. 102). Загадочна его художественная судьба. «Молчи, скрывайся и таи/ И чувства, и мечты свои...» — заповедь, от которой он никогда не отступал. «Музыкант стиха, нарушавший современные ему каноны, предвосхищая будущие», человек верующий, но владеемый страстями, «созерцатель величия мира и душа непримиренная», великий художник, как бы нехотя разбрасывающий свои богатства, Тютчев был «лирой, на которой сама стихия брала звуки, ей ведомые», а он лишь записывал «проносившиеся сквозь него дуновения», но сам «был предан стихии жизни» (с. 108). Потому и судьбу его можно рассматривать «как художественное произведение», имя которому — драма.

К 50-летию со дня смерти поэта была написана статья «Я.П.Полонский» И.Тхоржевского (1949. № 1), в которой отмечается, что поэт шел общим путем русской поэзии XIX в.: от романтизма, через реализм, к символизму. Его излюбленный художественный прием — «мешать будничное и тайну»; этот же прием, полагал И.Тхоржевский, стал потом основным у Блока, который любил стихи Полонского и ощутил на себе их влияние. Близко примыкает к Полонскому и Случевский, у них «общая тургеневская складка»: поэзия гуманности. Они чуткие художники и к красоте, и к земной радости, но в особенности — к людской боли.

«Баратынский и Достоевский» — тема статьи Г.Мейера (1950. № 9). Художники по-разному говорили об одном: «о благодатности страстей, дарованных нам высшею волею» (с. 84). Оба, утверждает Г.Мейер, в зрелые годы пришли к одному религиозному выводу, выраженному Достоевским в кратком призыве: «Смирись, гордый человек!», а Баратынским в стихотворной формуле: «В смирении сердца надо верить и терпеливо ждать конца». Оба изведали «миры иные»: Достоевский — в поисках оправдания жизни, Баратынский — «в упорном стремлении ее осудить. Непостижимое значение жизни настолько поглощало все существо Достоевского, что он часто забывал о смерти, — загадка смерти так влекла Баратынского, что временами уводила его далеко от жизни» (с. 85). Дополняя друг друга, объединяясь в таинстве печали и страдания, эти художники сообща раскрывают нам двойную бездну — жизни и смерти, полагает исследователь.

Русская литература никогда не была лишь искусством для искусства, утверждает *Ф.Степун* в статье «И.А.Бунин и русская литература» (1951. № 13). Если в «Деревне» и «Суходоле» писатель дал почти жестокий по правдивости художественный анализ перерождающейся в своей социальной структуре и «мающейся о правде жизни» деревни, то в повести «Господин из Сан-Франциско» он опять-таки без малейшего идеологического нажима нарисовал «картину европейски-американской капиталистической цивилизации» с ее жаждой жизни, «метафизически-эротической пустотой и животным страхом перед смертью» (с. 171). Стихию бунинского творчества Степун усматривает в «памяти», и короткие отрывки «Странствий» становятся некоей литературной панихидой, скорбной и утешительной одновременно. В этом плане своеобразным сращением «философской поэмы с симфонической картиной» предстает и роман «Жизнь Арсеньева», особенность которого в том, что там слились воедино две большие темы: «гибель царской России и высветление бунинских воспоминаний в «летейскую тень», в вечную память искусству» (с. 172). Над темой России у Бунина возвышается тема любви и смерти: восторг любви и смертная печаль светятся во всех его стихах, озаряют и прозу. В повесть «Митина любовь» писатель внес черты подлинно трагедийного анализа взаимоотношений между любовью и полом, по Бунину, до конца не слиянных и не разделимых друг с другом. Стихии безликого пола в душе человека противостоит любовь-пол, утверждает писатель, исповедующий «великое значение личности для всех отношений между людьми» (с. 173). Трагедией ощущается нами драма «Митиной любви»,

потому что борьба между полом и любовью не есть для писателя борьба между ложью и правдой, грехом и святыней, а есть борьба между «двумя правдами и двумя святынями». Тут исследователь видит глубокое отличие бунинской эротики от толстовской. В сборнике рассказов «Темные аллеи» «космическая музыка пола» с невероятной силой и неожиданностью врывается в людские души: «гасит их сознание, надламывает волю, убивает совесть, возносит души на вершины неизречимого блаженства, а затем опадающей волной бросает их в отчаяние и смерть, в ночные омуты, под поезда на рельсы» (с. 183). Любовь присутствует в «Темных аллеях», как «боль неосуществимости для человека полного блаженства в природно-космическом порядке, как тоска безликого пола по лицу и как разложение лица в стихии пола» (с. 174). И потому сущность «Темных аллей» в раскрытии неизбывной трагедии человека, единственного в мире существа, принадлежащего двум мирам: земле и небу, полу и любви.

Бунин — «редчайший случай того феномена, когда за художника полностью и во всей силе умственных способностей мыслит его искусство, мастерство, и мыслит остро, едко, безошибочно попадая в цель», — пишет *В.Н.Ильин* в статье «Бунин и злая жизнь» (1969. № 215). Великолепно отшлифованная проза Бунина, прошедшая школу русских классиков XIX в., погружена в мелодику русского стиха, русской поэзии (прежде всего Державина, Жуковского, Пушкина, Баратынского) и стихию русской народной песни. Без стихийного русского мелоса, вне среды, вырастившей русское искусство (со включением храмостроения, иконографии, лубка), вне русской религиозно-национальной метафизики и философии не могло бы явиться мастерство Бунина, полагает В.Ильин.

К 70-летию со дня рождения и 50-летию литературной деятельности писателя опубликована статья «Б.К.Зайцев» (1951. № 17) архимандрита Киприана, полагающего, что на творчество Зайцева определяющее влияние оказал Чехов; впоследствии на чеканку его слога и на литературную обработанность легла печать Флобера. В ранних произведениях писателя исследователь различает «едва уловимые ноты» тютчевских настроений, его мироощущения, ночных голосов, «чего-то женственного в природе». «Пантеизм» Зайцева тех лет — это «подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных светлых истоков», «светлый космизм» (с. 160). Душа писателя ищет града иного, непребывающего. Ибо в мире «разлито недоступное чувственному зрению ощущение Бога в природе, Души Мира, нетварной красоты» (там же). Это всегда у Зайцева преломление мира через собственные ощущения, через свой лиризм. Критик заметил в произведениях писателя исключительную человечность: герои Зайцева привлекают к себе своим светом, какой-то внутренней прозрачностью, почти праведностью. А потому самое характерное для Зайцева: просветленная природа, творческая любовь и праведность.

Памяти И.С.Шмелева посвящена статья А.Карташева «Певец Святой Руси» (1950. № 10). Писатель, отмечает критик, «воспел чарующие песни статическому образу Святой Руси, этому скрытому в русской душе и грезящемуся Китежу», а открыв в себе этот «материк», «Шмелев стал символической и симптоматической фигурой»: он спустился в недра русского простонародного церковного благочестия и там попал во власть «суда собора церкви народной» (с. 160). Там писателя признали своим и почти уже «канонизировали». Так массовая читательская оценка слилась с оценкой церковной: «соборно-церковная оценка признала Шмелева учителем» (с. 157).

В рецензии на посмертное издание рассказов И.Шмелева «Свет вечный», в котором собраны произведения 1895—1950, не вошедшие в собрание его сочинений, Н.В.Станюкович отмечает, что творчество писателя является «запечатленной в слове памятью о том, чем жила Россия», «мостом преемственности между прошлым и будущим» (1969. № 210. С. 113). При этом у писателя всегда возникает внутренний мир русского человека — грешника и богоискателя. Своими воспоминаниями об И.С.Шмелеве, о его пребывании в Латвии и в Псково-Печерском монастыре в июле—октябре 1936 поделилась и Л.Зоммеринг (1952. № 24).

Статьей «Памяти Вячеслава Иванова» (1949. № 5) журнал откликнулся на смерть поэта. Наиболее глубокую мысль эстетики Вяч.Иванова Ф.Степун видит в противопоставлении религиозного символизма симво-

лизму идеалистическому. Художник-теург, исповедующий религиозный символизм, «не «изобретает» истину, а «обретает» ее; он не преобразует мир на свой лад, а преображает его согласно Божьему замыслу о нем» (с. 163). Теория религиозного символизма Вяч.Иванова оказала решающее влияние как на гносеологию *Н.А.Бердяева*, так и на философские построения психоаналитика К.Юнга. Для романтика, подчеркивал Вяч.Иванов, золотой век лежит в прошлом, для религиозного символизма — «в будущем, господствующими силами которого ему представляются: соборность, хоровое начало в творчестве и первенствующее значение народной души в культуре и жизни» (с. 164). Значение Вяч.Иванова как теоретика русского символизма бесспорно; он «был, в буквальном смысле слова, мозгом движения и его вождем», — утверждал Г.Иванов (там же).

В статье «Блок и Гумилев» (1949. № 6) Г.Иванов заметил, что оба поэта «уже вне преувеличений или недооценок литературной моды, уже вышли на «столбовую дорогу», стали всенародными» (с. 115). Блок и Гумилев «антиподы во всем»: в стихах, во вкусах, мировоззрении, политических взглядах, наружности: «туманное сияние» поэзии Блока и точность, ясность, «выверенное совершенство» Гумилева. Блок, считавший мир «страшным», жизнь бессмысленной, «Бога жестоким или несуществующим», и Гумилев, утверждавший, с предельной искренностью, что «все в себе вмещает человек, который любит мир и верит в Бога». Блок, мечтавший всю жизнь о революции, как о «прекрасной неизбежности», и Гумилев, считавший ее синонимом зла и варварства. Блок, «презиравший литературную технику, мастерство, выучку, самое звание литератора», и Гумилев, назвавший кружок своих учеников Цехом поэтов, чтобы подчеркнуть важность умения, необходимость изучать поэзию, как ремесло. Однако оба жили и дышали поэзией — «вне поэзии для обоих не было жизни», оба беззаветно, мучительно любили Россию и были предельно честны в творчестве и в жизни. Наконец, «оба были готовы во имя этой «метафизической чести» — высшей ответственности поэта перед Богом и собой — идти на все, вплоть до гибели и на страшном личном примере эту готовность доказали» (с. 126). Г.Иванов также рассказал о своих встречах с ними. Творчеству Н.С.Гумилева посвящены статьи «Рыцарь без страха и упрека» Л.Страховского (1951. № 16) и Н.Ульянова «Гумилев» (1952. № 19).

В статье-воспоминании «Максимилиан Волошин» (1949. № 2) *С.Маковский* обращает внимание на то, что Волошин-поэт недостаточно оценен современниками: «Это общий наш грех, мы почти забыли о нем» (с. 82). После октября 1917, который поэт «принял с отвращением», ему нужно было «потерять Россию», чтобы он обрел ее в себе: «И вдруг забили в нем какие-то из глуби русские истоки, он вырос в эти революционные годы... в большого поэта» (с. 77). В послереволюционные годы Волошиным был написан цикл стихотворений «Путями Каина», где дается «истолкование великому греху» не только России, но всего человечества, всех поздних веков, приведших к «антибожескому рабству» у «демонов машины» и у «демонов взрыва», к братоубийственным войнам и революциям. Гражданская война, наблюдаемая им в Крыму в 1920, «глубоко и неизгладимо ранила поэта», он писал: «Стал человек один другому — дьявол». С темой трагической, апокалиптической гибели от измены человека своему божественному естеству перекликается «тема искупления, оправдания зла во имя высшей правды» (с. 80). Поэтому поэт всегда, и в мечтах, и в жизни, как он раньше сказал о себе: «Близкий всем, всему чужой». Быть выше человеческой борьбы, быть только созерцателем трагедии и вестником преображения — в этой мудрости была и сила его, и слабость, полагает автор статьи. Но слабость, покорность этого мятежного демиурга переходила подчас «в очень трогательное, глубоко христианское смирение». Волошин — «явление на закате российской имперской культуры», в его стихах сверкают те «пророческие зарницы», которые «все тревожнее свидетельствуют о надвигающейся грозе» (с. 84). «Будем также справедливее к памяти Волошина-человека, возлюбившего Божью землю всей силой своей души, горевшего пламенем жалости неутолимой ко всей Божьей твари — и праведной, и греховной, — не умевшего иногда различать так называемую действительность от взлелеянного умом призрака, но умевшего все всем прощать и верить пророчески в высший смысл всякого земно-

го свершения», — заканчивает свою статью С.Маковский.

В рубрике журнала «Литература и жизнь» с остро критическими статьями выступал Г.Иванов. В статье «Маяковский» (1950. № 8) он анализирует итоги дискуссии на тему «Владимир Маяковский и советская поэзия», проведенной «Литературной газетой», видит цель дискуссии, задачей которой было провозгласить: «Учитесь у Маяковского», — «в ударном порядке» вернуть Маяковскому утрачиваемое им «значение и обаяние» «величайшего поэта». «На эстраде, в площадной находчивости его стихов, грубом голосе, демагогии, темпераменте — ярко выражалось дарование Маяковского, — но этим оно и исчерпывается», — утверждал Г.Иванов.

В статье «Есенин» (там же) критик констатировал растущую популярность опального поэта, отметил продолжавшееся до смерти совпадение «революционных биографий» Есенина и Маяковского. Однако со временем не Маяковский, а «несозвучный» Есенин «вырастает на наших глазах не в фиктивного, а подлинного народного поэта» (с. 197). Без сомнения, полагает Г.Иванов, Есенин очень талантливый поэт, но ряд обстоятельств — «от слишком легкой и быстрой славы, до недостатка образования помешали дарованию Есенина гармонически развиться» (с. 198). А потому в его литературном наследстве столько же «падений и ошибок», как и «счастливых находок и удач». Есенину удалось объединить людей «звуком русской песни, где сознание общей вины и общего братства сливается в общую надежду на освобождение» (там же).

К 25-летию со дня смерти *Е.Ю.Кузьминой-Караваевой* написана статья Т.Величковской «О поэзии Матери Марии» (1969. № 205). Мать Мария была поэтом одной-единственной темы, пронесенной через всю жизнь и включавшей все остальное, и тема эта — Бог, утверждает автор статьи. В своих стихах Мать Мария всегда обращалась к Богу, и каждое стихотворение «становилось молитвой». Свою страшную огненную смерть она ожидала с самого раннего возраста, постоянно возвращаясь к этой теме в своем творчестве. Во многих ее стихах встречаются такие пророческие строки, как «крестный путь священного костра», или «взовьет пылающие красные архангел крылья над тобой», или «Ты, триединое пламя, взметешь огневидные струи, крещеньем огонь испытует». Мать Мария слышала всегда, как «шелестит крыло всю тварь пронзающей любви Господней».

В 1955 на страницах журнала было отмечено тридцатилетие со дня выхода первого номера. Редактор журнала Г.А.Мейер в статье «Возрождение» и белая идея» (1955. № 42—44) проанализировал труды двух первых редакторов газеты, объединившей лучшие литературные силы эмиграции, — П.Б.Струве и Ю.Ф.Семенова. «Все мы одинаково верили в то, что только одна монархическая идея могла бы спасти и возродить наше Отечество», и с годами, полагает Г.Мейер, полностью оправдалась «беспартийность» журнала, «его имперская синтетическая надпартийность, способность сосредоточить, благоговейно сохранить, удержать в себе духовную идею, веками создававшую Киевскую и Московскую Русь и великую имперскую петербургскую Россию» (1955. № 42. С. 20). ««Возрождение», будучи само духовным организмом, умело в трагическую пору нашей жизни органически продолжить, развить идеи, на которых в течение целого тысячелетия покоилась русская и российская государственность» (Там же. С. 23—24).

Т.Г.Петрова

«ВРЕМЯ И МЫ» (Тель-Авив, Нью-Йорк, Париж, 1975 — 1993; Нью-Йорк, Москва, с 1993 — продолжается) — ежемесячник, затем с более редкой периодичностью. Его учредитель и главный редактор — журналист и писатель Виктор Перельман (род. 1929) эмигрировал в 1973, до отъезда работал на московском радио, в газете «Труд», в «Литературной газете». История создания журнала описана им в автобиографической книге «Театр абсурда» (Нью-Йорк, 1989). После № 58 в 1981 журнал переехал в Нью-Йорк, с 1993 это «Российско-американский литературный журнал» с московским центром (заведующий — Лев Аннинский) и отделениями в Израиле (заведующая Дора Штурман) и во Франции (заведующий Ефим Эткинд), выходит раз в три месяца. Основное внимание уделяется писателям третьей волны, однако и покинувшие Россию в 20-е тоже печатались в журнале. В № 1 и № 3 (1975) произведения *А.Аверчен-*

ко открывали «Отдел юмора». Опубликованы отрывки из записных книжек *М.Алданова* «Мир после Гитлера» (1984. № 84), письма П.Н.Милюкова к Я.Б.Полонскому (1980. № 51—52), многолетнему сотруднику по редакции *«Последних новостей»*. Исторический фон переписки — оккупированная Франция, тяжелые поражения Красной Армии. Последнее из писем, датированное 14 октября 1942, содержит горькое пророчество: «На ваш вопрос «Что ждет эмиграцию», увы, могу только ответить: за немногими исключениями, — вымирание. Очень МЫ и ОНИ непохожи друг на друга» (1980. № 52. С. 207). В № 99 (1987) опубликованы воспоминания *В.Ходасевича* «*Горький* за границей». *В.С.Яновский* печатал отрывки из «Поля Елисейские. Книга памяти», в которых приведены свидетельства о литературной жизни эмиграции, в частности, о заседаниях «*Круга*» и »*Зеленой лампы*». Воспоминания отмечены субъективностью, иногда резкостью оценок (1979. № 37—39).

В двух номерах журнала появляется *А.Седых*: глава из 3-го, дополненного издания книги «Далекие, близкие» о Шагале (1979. № 37), а в № 38 А.Седых представлен как «редактор единственной в свободном мире ежедневной русской газеты» (с. 100). Под названием «Новые эмигранты в Америке» публикуется его интервью, данное главному редактору В.Перельману. А.Седых также посвящены мемуары Доры Штурман «Далекие и близкие Андрея Седых» (1979. № 45). Несколько материалов посвящены *И.Бунину*. Дневник Я.Б.Полонского напечатан под названием «Иван Бунин во Франции» (1980. № 55—56). Умэль-Банин (Ассадулаева), автор повести «Последний поединок Ивана Бунина» (1979. № 40—41) родилась в 1905 в семье богатого бакинского нефтепромышленника. Революция разорила его, и семье пришлось эмигрировать во Францию. Дружила с *Тэффи*. «Благодаря литературе я стала другом Тэффи, которую я полюбила с первого взгляда. У нее был самый острый и злой язык на свете. К тому же она была умна, и время, проведенное с нею, было всегда полно очарования» (1979. № 40. С. 6). Мемуарная повесть Ум-эль-Банин была написана по-французски и переведена для публикации в журнале «Время и мы» Е.Зворыкиной. Последнее письмо от Бунина Умэль-Банин получила уже из Граса. Тэффи называла их отношения «дело Бунин—Банин» (1979. № 41. С. 49). Повесть изобилует эпистолярными вставками, не чужда и авторского самолюбования. Для стиля этих женских мемуаров характерен следующий пассаж: «...с каждым днем Бунин страдал все сильнее от того, как мало я придаю значения его творчеству. А уж когда он узнавал, что я восхищаюсь чьим-то чужим, досада его не имела границ» (1979. № 40. С. 40). Опубликована глава «Бунин» из книги «На берегах Сены» *И.Одоевцевой* (1983. № 74). В том же номере — материалы из воспоминаний В.Ходасевича «Колеблемый треножник». Если Алданов говорил об отсутствии социального заказа в эмиграции, то Ходасевич возражал, говоря об отсутствии социального заказа «лишь в смысле политическом, но в смысле интеллектуальном он весьма ощутим, и в этом вся наша беда» (1983. № 74. С. 240). В № 84 (1985) — главы из «Мемуаров изгнанника» *М.Осоргина*: о Брюсове, о писательском быте, об *Андрее Белом*, Андрее Соболе, а также «Как нас уехали (Юбилейное)», посвященная 10-летию высылки русских интеллигентов в 1922. Документальная повесть Л.Чуковской «Предсмертие» посвящена последним дням *М.Цветаевой* и ее самоубийству (1982. № 66). Исследование В.Бурцева «Сионские мудрецы» и русские антисемиты» (1986. № 88—89) было опубликовано в сокращенном варианте. Многие публикации, в том числе и эта, а также «Парижский альбом» В.Ходасевича (№ 74), «Мемуары изгнанника» М.Осоргина (№ 84), «Писательские судьбы Иванова-Разумника» (№ 85—86) подготовил Григорий Поляк (издательство «Серебряный век»). Некоторые публикации носили чисто просветительский характер. Так, статья *Н.Бердяева* «Христианство и антисемитизм» (1987. № 98) была перепечатана из журнала *«Путь»* (Париж. 1938. № 56).

Б.А.Ланин

«ГРАНИ» (Менхегоф, Лимбург, Франкфурт-на-М., 1946. Июль — 1991; Москва, с 1991 — продолжается) — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, издается Народно-трудовым союзом (НТС). Первые три номера вышли в Германии в лагере для переме-

щенных лиц («ди-пи») в Менхегофе, с 1947 журнал издавался в Лимбурге, с 1951 — во Франкфурте-на-Майне, с 1991 (с № 162) — в Москве, где с 1993 на него открыта свободная подписка. Периодичность журнала — четыре номера в год, нумерация — сквозная. Имеется указатель: «Грани. Содержание журнала с № 1 по 100 (1946—1976)». Составитель А.Н.Артемова. Франкфурт-на-М., 1977. Основателем и первым редактором был Е.Р.Романов; в 1946 его соредакторами были С.С.Максимов (Пашин) и Б.В.Серафимов (Прянишников). Затем журнал редактировали: в 1952—1955 — Л.Д.Ржевский (Суражевский, 1905—1986), наладивший «мост» от «второй волны» к «первой», в 1955—1961 — Е.Р.Романов, в 1962—1982 — Н.Б.Тарасова, в 1982—1983 — Р.Н.Редлих и Н.Рутыч, в 1984—1986 — Г.Н.Владимов, в 1987—1997 — Е.А.Самсонова-Брейтбарт. С 1997 главный редактор — Т.А.Жилкина. Об обстоятельствах создания журнала и о дальнейшей его истории рассказал основатель журнала Е.Р.Романов (Миссия «Граней» (из интервью с основателем журнала Е.Р.Романовым) // Свободное слово «Посева». 1945—1995. М., 1995).

Авторами, как правило, были эмигранты «второй» и «третьей» волны. Но и произведения эмигрантов «первой волны» представлены на его страницах. В журнале опубликованы произведения *И.А.Бунина* (рассказ «Сны», № 18), *Н.Берберовой* (№ 12), *З.Гиппиус* (№ 44, 83), *Б.Зайцева* (рассказ «Сердце Авраамия», № 5), *Е.Замятина* (повести «Наводнение» и «Ела», № 32, 51), *А.М.Ремизова* («Стекольщик», № 15, «Статуэтка. Моя литературная карьера», № 19, «Три сказки», № 22, «Со креста», № 34—35, «Потихоньку, скоморохи, играйте!», № 20, «Память сердца», № 44), *Н.А.Тэффи* (рассказ «Анюта», № 16), *И.Шмелева* (№ 25), *В.Яновского* (№ 26) и др. Печатались стихотворения, поэмы и проза *Г.Иванова* (№ 46), *И.Одоевцевой* (№ 41), *Н.Оцупа* (№ 30—32, 34/35, 38—40, 44), *Ю.Терапиано* (№ 39 и др.), Н.А.Тэффи (№ 16), *М.Цветаевой* (№ 47, 78). В № 44 Ю.Терапиано составил подборку «Муза диаспоры» — стихотворения эмигрантских поэтов 1920—1960, вышедшую в 1960 в издательстве «Посев» отдельной книгой. В рубрике «Дневники. Воспоминания» впервые были опубликованы мемуарные опусы *Ю.Анненкова* («Евг.Замятин», № 51), В.Буниной-Муромцевой («Беседы с памятью», № 47, 48, 52, 53, 100), Б.Зайцева («Из парижских записей 1944», № 33), А.Ремизова («Три письма *Горького*», № 25), *А.В.Тырковой-Вильямс* («Из воспоминаний о 1917 годе», № 130).

Из философов первое место по числу публикаций занимает *Н.О.Лосский*. Из других философов, социологов и историков, составлявших «первую волну» эмиграции, чьи произведения впервые появились в журнале, — *Б.П.Вышеславцев, Вяч.Иванов, Г.Мейер* («Неузнанный поэт бессмертия. К.К.Случевский», № 41; «О «Преступлении и наказании» Ф.М.Достоевского», № 44—51, 53; «Фаталист. К 150-летию со дня рождения Лермонтова», № 57), *Ф.А.Степун* («Немецкий романтизм и философия истории славянофилов», № 42), Н.Алексеев («Природа и человек в философских воззрениях русской литературы», № 42), *Н.Арсеньев* («Паскаль», № 27—28, «А.С.Хомяков», № 38), Л.Зандер, *В.В.Зеньковский*, С.Г.Пушкарев, Б.Николаевский. С середины 60-х публикации эмигрантов «первой волны» значительно уменьшились, а те, что все-таки имели место, все больше приобретали характер публикаций «из архива».

В разделе «Критика» и «Библиография» печатаются рецензии и критические разборы произведений авторов «первой волны» эмиграции. Но авторами этих рецензий и критических разборов чаще всего являются либо эмигранты «второй волны» (а затем и «третьей волны»), или же современные советские авторы, которым удалось передать свои рукописи на Запад (издательство «Посев» брало на себя обязательство хранить авторские гонорары до того времени, когда автор найдет возможность их получить).

Одним из самых активных критиков из эмигрантов «первой волны» был философ и публицист *С.А.Левицкий*, который вместе с тем был и одним из авторов философской и социологической доктрины солидаризма, органического синтеза религиозно-национального мессианства славянофилов с социально-политическим реформаторством западничества. С этих позиций написано большинство критических статей в журнале, принадлежащих перу Левицкого. Левицкий, в частности, написал рецензию на книгу *Н.Зернова* «Русское религиозное Воз-

рождение XX века», изданную в Лондоне в 1963 на английском языке, которую он высоко оценил. «Единственный упрек, который можно сделать Зернову, — пишет он, — заключается в том, что он нигде почти не входит, хотя бы в кратком изложении, в самую суть религиозно-философских систем XX века, упоминаемых им мыслителей. Из его книги читатель не вынесет конкретного представления о философских учениях *Бердяева, Булгакова, Франка* и других. Но уже изложение общей истории религиозного возрождения в книге Зернова, несомненно, даст многим читателям стимулы ознакомиться с учениями характеризуемых им мыслителей» (№ 57. С. 220).

Е.А.Брейтбарт (США), В.В.Сапов

«ЗАПИСКИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США» (Нью-Йорк, 1967. Т. 1 — продолжается) — научно-исследовательский ежегодник Русской академической группы в Америке, возникшей в 1948, когда после второй мировой войны в США стали прибывать преподаватели вузов и работники научных учреждений СССР. Первым главным редактором журнала был К.Г.Белусов, после его смерти с т. 12 (1979) А.П.Оболенский, с т. 15 (1982) и поныне — Н.А.Жернакова. Историю группы см. в статье: Жернакова Н.А. О русской Академической группе в США и о ее «Записках» // Культура российского зарубежья. М., 1995.

В ежегоднике печатаются статьи по русской истории, религиозной философии, литературе, искусству, культуре. В критических работах и в воспоминаниях получили отражение крупнейшие представители литературы и культуры русского зарубежья «первой волны». В первое десятилетие журнала опубликована переписка *И.А.Бунина* и *П.Б.Струве* (Т. 2. 1968), многочисленные статьи *Н.С.Арсеньева*, среди авторов — Г.В.Вернадский, *Р.Гуль, Ю.Иваск*, архиепископ Иоанн Сан-Францисский (*Шаховской*), *Н.Лосский*, Е.Спекторский, *Г.Струве, Александра Толстая, И.Чиннов* и др. В т. 5 (1971) в разделе, посвященном 150-летию рождения Достоевского, напечатаны статьи Н.С.Арсеньева, *С.А.Левицкого, А.С.Небольсина, Н.П.Полторацкого* и др. Начиная с т. 11 (Толстовский номер. 1978) редакция постоянно выпускает тематические номера: Достоевскому посвящен т. 14 (1981; статьи Э. Ло Гатто, архиепископа Иоанна (Шаховского), С.Левицкого, Г.Струве и др.), Тургеневу — т. 16 (1983), Гоголю — т. 17 (1984), Чехову — т. 18 (1985), Пушкину — т. 20 (1987), Лермонтову и Ахматовой — т. 23 (1990), М.Булгакову — т. 24 (1991), русской религиозной философии и Фету — т. 25 (1992/93), три последних номера — русской эмиграции, где напечатаны воспоминания *В.В.Зеньковского* «Мои встречи с выдающимися людьми», среди которых *Е.В.Аничков, А.Л.Бем, Н.А.Бердяев, о. С.Булгаков, В.Н.Ильин*, Е.В.Спекторский, *Д.И.Чижевский, Л.И.Шестов* (Т. 26. 1994); С.И.Гессен, митрополит Евлогий, о. А.Ельчанинов, семья *Зерновых*, А.В.Карташев, *И.А.Ильин*, Н.О.Лосский, П.Б.Струве, *Г.Флоровский* (Т. 27. 1995); *И.И.Бунаков (Фондаминский), В.В.Вейдле, Б.К.Зайцев, В.П.Крымов, Мать Мария, Д.С.Мережковский* и *З.Н.Гиппиус, В.К.Мочульский*, С.В.Рахманинов, епископ Иоанн (Шаховской) и др. (Т. 28. 1996/97). Два номера (21—22. 1988—1989) посвящены Тысячелетию крещения Руси. В 1986 журнал выпустил «Указатель авторов, предметов, рецензий к журналу *«Путь»* (Париж, 1925—1940)», составленный А.П.Оболенским.

Рецензенты (Пушкарев С. // НЖ. 1968. № 90; 1970. № 100; Сорокина Т. // НЖ. 1969. № 97; 1971. № 103; 1972. № 107) отмечали научную ценность издания.

А.Н.

«КОНТИНЕНТ» (Берлин, Мюнхен, 1974. № 1—1990. № 65; Париж, Москва с 1991. № 66 — продолжается) — ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный (с № 71 — литературный, публицистический и религиозный) журнал третьей русской эмиграции. Главные редакторы В.Е.Максимов (1974—1992. № 1—71), И.И.Виноградов (с 1992. № 72). Возник как орган общественно-политического и культурного противостояния и сопротивления коммунистическому тоталитаризму в СССР и странах Восточной Европы; с распадом социалистической системы и изменением политико-экономического и социально-нравственного климата на континен-

те (отсюда название, предложенное А.Солженицыным) преобразован в журнал духовного возрождения и созидания новой России (с 1992. № 72). В разное время первую русскую эмиграцию в редколлегии представляли: *А.Седых* и религиозные деятели А.Шмеман и Странник (Иоанн, в миру — кн. *Шаховской* Дмитрий Алексеевич, архиепископ Сан-Францисский). Из писателей-эмигрантов первой волны в журнале также сотрудничали *А.Бахрах*, М.Волин, *И.Одоевцева*, К.Померанцев, *З.Шаховская.* Публикациями по отделам поэзии и прозы и под рубриками «Истоки», «Религия в нашей жизни», «Искусство», «Писатель о писателе», «Литература и время», «Литературный архив», «Прочтение», «Факты, свидетельства, документы», «Критика и библиография» журнал неоднократно подчеркивал приверженность ценностям Серебряного века в русской религиозной философии (*Н.Бердяев*, В.Розанов, Вл.Соловьев, П.Флоренский, *Л.Шестов*), искусстве («Мир искусства», В.Кандинский, К.Малевич и др.) и литературе. Преимущественное внимание, объясняемое местом пребывания редакции, журнал уделял литературе русского зарубежья во Франции. Самое большое количество публикаций связано с именами *И.Бунина, Г.Иванова, В.Ходасевича, М.Цветаевой.* Бунин, художник и человек, представлен мемуарами З.Шаховской (глава из книги «Отражения» // 1975. № 3), А.Бахраха («По памяти, по записям: Андре Жид» // 1976. № 8), беседой с А.Седых (1985. № 46). По мнению З.Шаховской, «в русской дореволюционной и в нашей эмигрантской литературе Бунин стоял особняком. Современник и Толстого и *Набокова*, он всю жизнь оставался вне всяких течений и создал свою, особую, бунинскую «рапсодию» (№ 3. С. 282). А.Бахрах, ссылаясь на дневники А.Жида, пишет о том, что И.Бунин считал свою повесть «Деревня» «незрелым произведением», не характерным для его творчества и плохо его представляющим; «он почти готов был от нее отречься» (№ 8. С. 353). А.Седых отмечает «особую фотографическую память на детали русской жизни» у И.Бунина, какою «совершенно» не обладал *А.Куприн*, говорит о И.Бунине как о великолепном рассказчике, мастере художественного чтения и актере, которого К.Станиславский некогда уговаривал бросить писать и перейти на сцену, об отношении художника к С.Есенину («лживая», «писарская» поэзия), *Л.Андрееву* («человек на ходулях»), *М.Горькому* («низвел с пьедестала»), о трудном, «очень нервном» характере автора «Жизни Арсеньева»: «Он мог сильно любить и сильно ненавидеть; быть и обаятельнейшим человеком, и очень неприятным» (№ 46. С. 424). Известной новизной материала отличается статья Ю.Мальцева «Забытые публикации И.Бунина», в которой анализируется и пространно цитируется газетная публицистика писателя 1919—1927: в ней «с большей определенностью и ясностью, нежели в художественной прозе, Бунин выражает свои философские, исторические, социальные и политические воззрения» (1983. № 37. С. 350). 1-й том дневников «Устами Буниных» (Франкфурт-на-М., 1977) расценен журналом как «немалый вклад в историю русской литературы одного из самых бурных и богатых событиями периодов» (1978. № 17. С. 387).

Неоднократно обращался журнал и к творчеству В.Ходасевича. Духовный путь поэта и его внутренняя драма рассмотрены в статье В.Бетаки «Памяти Ходасевича: К сорокалетию со дня смерти» (1979. № 21). В ней подчеркивается безусловное значение книги как единого целого в художественном мышлении поэта, ибо В.Ходасевич развивался, самоотрицаясь, — от сборника стихов «Путем зерна» с его евангельской мыслью «смертью смерть поправ» до «Европейской ночи», где он предстал «поэтом безнадежности, которую выразил... с такой точностью холодного математика, что порой звучит в этом нечто нечеловечески жестокое». ««Европейская ночь», — продолжает В.Бетаки, — книга отрицания старого мира, но не во имя того нового миропорядка, который для поэта означает повальное безумие и, на его пророческий взгляд, страшнее гибнущего. Самоотрицание, квинтэссенция этого отрицания, заставляет поэта торопить апокалипсис, в этом-то и просвечивает луч надежды: погибнув и пройдя «путем зерна», мир, может быть, и возродится» (с. 368—369). После «Европейской ночи», по мысли критика, исчерпавшей мировидение поэта, В.Ходасевич — на высшем взлете таланта и мастерства — перестал писать стихи и его поэтический путь завершился. На начало 80-х, отмечал

журнал, наиболее полный корпус стихов и поэтических переводов Ходасевича содержало собрание его сочинений в 2 томах, вышедшее под редакцией и с примечаниями Ю.Колкера в Париже в 1982—1983 (1983. № 37. С. 438). Кроме статей о Ходасевиче, рецензий на его книги и на работы о нем (см. отзыв об альманахе «Часть речи». Нью-Йорк, 1986. № 4/5, посвященный столетию со дня рождения поэта // 1986. № 50), журнал напечатал письма В.Ходасевича к А.И.Тинякову 1907—1915 (№ 50). Поэты, эстетически очень близкие, отмечает публикатор Ю.Колкер, они разошлись на «еврейском вопросе»; В.Ходасевич прекратил с А.Тиняковым всяческие отношения после публикации последним «Исповеди антисемита» в «Журнале журналов» (СПб., 1916. № 13): «Еврей по крайней мере наполовину, В.Ходасевич интеллигентом был всецело и откликнулся на «тиняковскую историю» как подлинный интеллигент» (с. 354).

Отчасти поэтическим преемником Ходасевича, пошедшим дальше Ходасевича и не по прямой линии его продолжившим, явился Г.Иванов (*Вейдле В.* Георгий Иванов // 1977. № 11). В журнале опубликованы: эссе поэта «Страх перед жизнью» (1932), посвященное К.Леонтьеву, предтече «аристократически-фашистского» движения, по характеристике автора (1993. № 77); неизвестное стихотворение второй половины 40-х, сохранившееся в памяти публикатора К.Померанцева: «Я за войну, за интервенцию...», написанное из чувства глубокого разочарования победой русского оружия в Великой отечественной войне 1941—1945, не изменившей коммунистического режима в России (1987. № 51); подборка из не печатавшихся ранее стихотворений 1950-х («Судьба одних была страшна...», «И тридцать лет спустя мы спорим...», «Россия тридцать лет живет в тюрьме...», «Несколько поэтов, Достоевский...») (1975. № 3), а также неизвестный вариант стихов «И вот лежит на пышном пьедестале...», начинающийся строкой «Короткий, гнилозубый, в оспе...» (1987. № 53) — непосредственный отклик на смерть Сталина. По мнению К.Померанцева, Г.Иванов по-настоящему нашел себя в двух последних книгах и «по праву стал поэтом эмигрантской трагедии», «Великого Русского Распутья, на котором стоит Россия вот уже скоро шестьдесят лет» (№ 3. С. 260). Вместе с тем, говоря о плеяде блестящих русских поэтов Серебряного века и выделяя из нее особо как явление А.Блока, «трагического тенора эпохи» (А.Ахматова), отразившего «страшные» годы России, критик находит, что Г.Иванов «очень большой, для меня даже гениальный поэт. Но он не явление» («Георгий Иванов и его поэзия» // 1986. № 49. С. 331). Неоднозначную оценку получила мемуарная проза Иванова. А.Седых квалифицировал ее как «весьма и весьма неправдоподобную», а автора самих воспоминаний назвал циником (1985. № 46. С. 418). Точку зрения А.Седых оспорила К.Сапгир в рецензии на книгу К.Померанцева «Сквозь смерть» (Лондон, 1986), процитировав из нее следующие слова автора: «...мне хочется... разрушить легенду о Георгии Иванове — грубияне и цинике, потому что грубость и цинизм служили лишь прикрытием его внутренней беззащитности, боли, обнаженной раны» («Лирики, мечтатели, мыслители...» // 1986. № 50. С. 401). Через несколько лет, в 1995, журнал (уже в московской редакции) вновь обратился к воспоминаниям Иванова, в частности к его «Петербургским зимам» (1928): «...это больше «литература», чем «мемуары», и не потому что он может ошибиться и даже чем-то раскрашивать свои воспоминания... Это литература без кавычек потому, что все как будто разрозненные портреты и эпизоды объединяет образ Петербурга-Петрограда, живой, иногда страшный и трагический, но всегда прекрасный. Все, что сказано... о Городе, может быть сопоставлено по силе впечатления только с петербургско-петроградскими стихами Мандельштама и Ахматовой» (Серман И. Взгляд издалека // 1995. № 82. С. 276—277).

М.Цветаеву «русский Париж» не принял, в эмигрантских поэтических кругах ее «фактически медленно убивали» (1981. № 29. С. 19). По воспоминаниям А.Седых, М.Цветаеву печатали неохотно, ее поэзию не понимали и не оценили, ибо «она была впереди своего времени. Она это очень переживала, сама об этом часто говорила» (Беседа с главным редактором «*Нового русского слова*» Андреем Седых // 1985. № 46. С. 416). Журнал отозвался на выход 1-го тома «Стихотворений и поэм» М.Цветаевой в 5 т. (Нью-Йорк, 1980), отметив тщательную выверенность текстов по различным

изданиям, по преимуществу — последним из прижизненных (1981. № 29). В.Набоков представлен прежде всего как драматург, автор пьес «Событие» и «Изобретение Вальса», написанных в 1938. Говоря об истории русского театра, прошедшего путь от «действ» XVII в. к «Борису Годунову» Пушкина, «Ревизору» Гоголя, пьесам Островского и далее к Чехову, Р.Герра определяет место набоковского театра как звено, следующее непосредственно за Чеховым (1985. № 45).

Многие русские «парижане» «присутствуют» на страницах «К» одной-двумя публикациями или отзывами об их произведениях в аннотационной по своему характеру рубрике «Коротко о книгах». И.Одоевцева — небольшой подборкой стихов (1976. № 8). *З.Гиппиус* — стихами из старых эмигрантских изданий и рассказами «До воскресенья» (1992. № 72) и «Моя первая любовь» (1995. № 86); как замечает публикатор Н.Осьминина, по обыкновению душевно скрытная, пятидесятипятилетняя Гиппиус в последнем рассказе («редчайший случай» в ее прозе) приоткрывает мир своей души (с. 37). О *Н.Берберовой* читатель узнает из рецензии на ее книгу «Стихи» (Нью-Йорк, 1984), в которую вошли произведения, написанные поэтессой за шестьдесят лет. Берберова начинала как неоклассик, затем отошла от неоклассицизма, и верлибр, свободный стих, привел ее «если не совсем к абсурдизму, то к стихам, напоминающим обэриутов... Ирония отличает Берберову от ужасно серьезных абсурдистов... и сближает ее с... Хармсом и Олейниковым»; ее философия — «стоицизм и скептицизм» (1985. № 44. С. 396, 197). *С.Рафальский*, живший с 1922 — в Чехословакии, с 1929 — в Париже, «в среде эмиграции был белой вороной... убежденный «февралист»; автор написанных в жанре философской повести произведений «Искушение отца Афанасия», «Во едину из суббот», «Николин бор» (Сапгир К. Никто как свой... // 1987. № 54. С. 401—402). С.Мамонтов представлен как выходец из коренной московской купеческой семьи и участник гражданской войны; его книга «Походы и кони» названа рецензентом «настоящей эпопеей гражданской войны, своего рода летописью Белой Вандеи», а его же «Сказание» — «произведением былинного типа», воплотившим «существенные черты» народа (Муравник М. Сказание о походах // 1987. № 53. С. 413—416). Некоторые сведения о М.Андреенко (р. 1894) содержит аннотация на его поэтическую книгу «Перекресток» (Париж, 1979); поэт — «один из последних ныне живущих представителей Серебряного века» (1980. № 24. С. 394). Молодой русский литературный Париж, в частности кружок *«Гатарапак»* (*Гингер*, Терешкович, *Поплавский, Кнут*), представлен в бытовом плане (1985. № 46. С. 417), а также небольшой статьей Л.Черткова «Дебют Бориса Поплавского» (1986. № 47) — о ранних литературных связях поэта и его первом опубликованном на родине стихотворении «Герберту Уэллсу» (1920), написанном под влиянием раннего В.Маяковского. Русский литературный Берлин отмечен в журнале именем Веры Лурье (р. 1901), человеком трудной творческой судьбы и личной жизни. Оказавшись в изгнании в 1921, поэтесса в 1922—1923 написала свыше двадцати стихотворений, около пятидесяти статей и рецензий, однако с «падением» русского Берлина надолго замолчала; в 1935—1941 создала цикл лирических стихотворений, посвященных ее другу А.В.Позднякову, смерть которого в концлагере Дахау вновь на пятнадцать лет обрекла ее на молчание; в 1956—1957 опубликовала несколько стихов и очерк «Мое знакомство с гестапо», с конца 1970-х стала писать на немецком языке; первый сборник стихов на русском ей удалось издать в 1987 в Берлине. «Поэзия В.Лурье, — отмечает журнал, — это скорее всего опыты и поиски раннего акмеизма; на много десятилетий она сохранила в себе и ритм, и рифмы, и лаконизм выразительных средств, присущие этому направлению» (Штейн Э. «История длинною в жизнь...» // 1988. № 56. С. 340). В журнале опубликована также «мемуарная проза» В.Лурье «Из воспоминаний», представляющая собою фрагменты ее переписки с Р.Герра (1990. № 62). В письмах поэтесса вспоминает предреволюционный Петроград, начало 1920-х в Берлине, литературные круги русского Берлина с осени 1922, дружбу с *А.Белым*, которого она называет «гениальным», рассказывает о Н.Гумилеве, Г.Иванове, К.Вагинове, *Н.Оцупе* и др. О *Вадиме Гарднере* в журнале сказано: «Один из последних представителей русского романтизма, дворянской чистой лирики... Он донес до наших дней...

тютчевский, фетовский словарь, звучащий теперь как-то совсем далеко, отчужденно и странно...» (1991. № 68. С. 362).

Дальневосточной (харбинской) группе литераторов посвящена в журнале статья М.Волина «Русские поэты в Китае» (1982. № 24). Поначалу эта группа, названная «*Молодой Чураевкой*» (в честь гребенщиковской русской деревни Чураевка в Америке), насчитывала около двадцати пяти человек, четверо из них — *А.Несмелов*, *Вс.Иванов*, В.Логинов и *А.Ачаир*, основатель группы, — занимались литературой еще до революции, остальные — молодежь в возрасте до 25 лет. Жизнь «дальневосточников», несмотря на их изолированность и оторванность от Европы и вопреки «снобированию «китайцев», как пишет М.Волин, со стороны В.Ходасевича и *Г.Адамовича*, тогдашних вершителей литературных судеб, до начала 1930-х складывалась и развивалась благополучно. Удар китайскому населению и русской колонии в Харбине был нанесен в 1932 японской оккупацией и размещением в городе штаб-квартиры Квантунской армии. В 1934 покончили с собой молодые поэты — девятнадцатилетний Г.Гранин и двадцатичетырехлетний С.Сергин. С этой поры группа начала распадаться и в 1945 перестала существовать. Характеризуя общие творческие устремления «Молодой Чураевки», М.Волин пишет: «Во многом творчество этой группы было некоей антитезой «*парижской ноте*». Творчество ее было жизненней и эмоционально здоровей, если и уступало парижанам в изысканности». Говоря о гибели С.Сергина и Г.Гранина, автор настаивает на том, что «в их смерти не последнюю роль сыграла трагическая поэзия парижан — особенно *В.Смоленского*, Бориса Поплавского и Георгия Иванова» (Гранин в предсмертной записке просил на его могильном кресте воспроизвести восьмистишие из Г.Иванова: «Синеватое облако,/ Холодок у виска...»). Из харбинской литературной плеяды М.Волин выделяет двух крупных поэтов — А.Несмелова и *В.Перелешина*, «которые останутся в русской литературе». По характеру своего творчества, считает М.Волин, А.Несмелов «близок к Ивану Елагину, а по лиризму перекликается с Дмитрием Кленовским»; «он один из наиболее мужественных поэтов во всей русской литературе». В.Перелешина автор статьи относит к неоклассикам, большим мастерам сонетной поэтической формы (с. 352). В неподписанной рецензии на восьмую книгу стихотворений В.Перелешина «С горы Нево» (1977. № 12) отмечается: «Прожив почти сорок лет в Китае и около двадцати в Бразилии, Перелешин вобрал в свое творчество многое от этих столь разных культур, сплавив их самым причудливым образом... И от этого слияния творчество поэта лишь обогатилось, не утратив ни в чем своей русской сути» (с. 418). «К» следил за выходом работ библиографического характера. В частности, журнал откликнулся на книгу, составленную Э.Штейном по отдельным авторским сборникам, альманахам, антологиям и периодическим изданиям, «Поэзия русского рассеяния (1920—1977)» (Эшфорд, Конн., 1978) — «исчерпывающий библиографический справочник, в который вошел материал примерно о тысяче поэтов русской эмиграции» (1978. № 16. С. 381), а также на работу Р.Герра «Библиография творчества *Бориса Зайцева*» (Париж, 1982) — в ней представлены хронология жизни и творчества писателя и полная библиография всего им опубликованного в России и на Западе (1985. № 44).

В.В.Васильев

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК. Журнал литературы и критики» (Мюнхен, 1951 — 1952. № 1—4) — издание литераторов «второй волны» русской эмиграции. Главный редактор — Б.Яковлев, члены редколлегии — Арк.Гаев (А.Г.Каракатенко), Б.Ростова, М.Соколов. Содержание журнала: проза, поэзия (специальным разделом «Голоса погибших» или — в № 4 — «Умолкнувшие голоса» была представлена советская литература — Б.Корнилов, Ш.Сослани, Т.Табидзе, А.Зорич, Б.Пильняк, А.Воронский, О.Мандельштам, И.Бабель, *Г.Алексеев*, А.Крайский; в этом же разделе были напечатаны произведения Б.Пастернака и Ю.Олеши), переводы (А.Кестлер, В.Серж, А.Жид, Г.Бенн, Ф.Гарсиа Лорка, О.Нэш и др.), воспоминания, критика, библиография. Сотрудничество писателей «первой волны» в журнальный период было незначительным. В № 1 опубликован рассказ *А.Перфильева*, статья «В поисках героического театра» и рецензия *Ф.Степу-*

на; в № 1 и 2 — статьи *В.Федорова*; в № 3 — стихи *Г.Иванова* и рассказ *И.Сабуровой* «Профессор истории»; в № 4 — рассказ Сабуровой «Одна остановка» и ее рецензия, воспоминания Ю.Поплавского (отца *Б.Поплавского*) и заметки Л.Львова. Основной сферой интересов издания была русская культура советского времени. В критическом разделе печатались статьи «Есенин и Маяковский» (В.Завалишин, № 1), «Мысли о Пастернаке» (О.Анстей, № 2), «Борис Пильняк» (Вад.Вербин, № 3), «Советская литература и советская критика наших дней» (Л.Ржевский, № 3), «Анна Ахматова (опыт анализа)» (Ю.Трубецкой, № 4) и др. Творчество эмигрантов «первой волны» не представлялось редакторам журнала достойным первостепенного внимания. Гораздо более весомо представлено творчество писателей «первой волны» в вышедшем через три года одноименном литературном альманахе (Литературный современник. Альманах: Проза, стихи, критика. Мюнхен, 1954), куда вошли проза *А.Ремизова*, *Г.Гребенщикова* и И.Сабуровой, отрывок из пьесы *И.Сургучева*, глава из «Бывшего и несбывшегося» Степуна, стихи Г.Иванова, *Г.Адамовича*, *И.Яссен*, *И.Одоевцевой, С.Маковского, А.Величковского, И.Чиннова*, В.Сумбатова, *В.Злобина*, статьи Н.Татищева, *Ю.Терапиано, Н.Бердяева, Ю.Иваска*, воспоминания С.Маковского. К этой же группе материалов можно отнести статью Г.Робакидзе «Мифотворчество грузин (О сути мифа)». Статья Ю.Терапиано посвящена поэзии Г.Иванова, который предстает наиболее значительным мастером современной русской поэзии. Не случайны строки В.Сумбатова: «Ахматова, Иванов, Мандельштам —/ Забытая тетрадь «Гипербореея»». Но и другие поэты первой эмиграции становятся мерой гармонии (*Ходасевич* в «Сущности поэзии» К.Померанцева, Адамович в «О современной поэзии» Ю.Трубецкого), в обзорах разных авторов сочувственно цитируются и разбираются произведения И.Яссен, *С.Прегель*, И.Одоевцевой, *В.Смоленского*, С.Маковского, В.Злобина и др. «ЛС» предстает не только источником для истории поэзии «первой волны» (так, в нем обнаруживаем первую редакцию стихотворения Г.Иванова «Просил. Но никто не помог...», не введенную в научный оборот: машинопись РГАЛИ, учтенная в двух изданиях Иванова в России, дает иной вариант), но и памятником становления самосознания литераторов второй эмиграции, осознания ими значимости литературы своих предшественников по изгнанию.

Н.А.Богомолов

«МОСТЫ» (Мюнхен, 1958—1970. № 1—15) — периодическое издание; в № 11 (1965), в некрологе руководителя этого начинания *Ф.А.Степуна*, Товарищество зарубежных писателей, принявшее на себя функции учредителя, извещало о том, что вместо журнала по финансовым трудностям будет выходить непериодический альманах. Было выпущено четыре книги «М» (№ 13/14 сдвоенный), после чего альманах был прекращен.

«М» создавалось как издание, призванное консолидировать литературные силы второй волны эмиграции, широко представленной на их страницах. В числе главных авторов журнала были И.Елагин, Л.Ржевский, О.Анстей, *И.Чиннов*, К.Померанцев; принимали участие также те представители «первой волны», которые, подобно *Н.Берберовой, В.Вейдле* или *Г.Адамовичу*, в начале 60-х еще сохраняли творческую активность. Впрочем, не все из них готовы были безоговорочно поддержать программу, объявленную в редакционном манифесте, открывавшем первый номер: «Мосты нужны — между нашим и тем берегом, между родиной и Западом, между сегодняшним и завтрашним днем. Нам кажется, что время распада русского общества прошло и мертвый пункт в его внутреннем развитии пройден. Наступает время больших и малых синтезов и связей» (с. 8).

В согласии с этими установками, «М» и на страницах своего обширного беллетристического отдела, и в разделе критики уделяли серьезное внимание событиям, происходившим на родине (цикл публикаций, посвященных Б.Пастернаку, разборы молодой поэзии рубежа 50—60-х, отклики на политические демарши, непосредственно затрагивавшие советскую литературу). Чаще всего номер включал разделы «Поэзия — проза», «Литература — искусство», «Политика — культура», «Документы — воспоминания». Почти все публикации, затрагивавшие явления культурной жизни русского зарубежья в межвоенный период, приходятся на последний раздел. Эти пуб-

ликации были не слишком многочисленными, к тому же подчас представляли собой перепечатки, приуроченные к юбилейным датам, например, речь В.А.Маклакова «Толстой и большевизм» (1960. № 6) или статья *Л.Шестова* «Творчество из ничего» в № 5 (1960), содержавшем чеховский юбилейный блок. Последняя перепечатка сопровождалась вступлением Г.Адамовича, представляющим самостоятельный интерес: отдавая должное наблюдениям Шестова, Адамович оговаривает необходимость уточнить его главный тезис: «В руках Чехова все умирало». По мнению Адамовича, у Чехова «умирали надежды, разлагался упрощенный, наспех найденный «смысл жизни», но и только. Люди не умирали, и, во всяком случае, в пропасть Чехов их не толкал» (с. 119). Из других публикаций Адамовича в «М» наибольшую ценность представляют заметки, сопровождающие «Анабасис» Сен-Жон Перса, напечатанный в его (совместно с *Г.Ивановым*) переводе в № 8 (1961). Адамович формулирует свое понимание коренных различий между французской и русской поэтической традицией, заметив, что они все дальше расходятся, начиная с Малларме. Суть расхождения в том, что во французских стихах «темнота искусственна, сводится она к темноте приемов, а не к соприкосновению с элементами, от разума ускользающими, прорывающимися в поэзию Блока... Русская поэзия — по природе своей много менее рациональная, чем французская, — связей с разумом и логикой не рвет, а главное — их не боится. Это — не случайная ее особенность, это — отражение глубочайшей ее сущности... У нас поэзия не ищет забвения, не хочет игры, не ограничивает своего груза, а, наоборот, оглядывается, что бы еще поднять, как бы не взлететь налегке» (с. 107).

Намного более радикальную критику новейших тенденций в европейском искусстве содержали статьи В.Вейдле, носившие общетеоретический характер. Два его «Письма о современном искусстве» (№ 3, 4) развивают исходные убеждения Вейдле, сформулированные еще до войны в книге «Умирание искусства». Позиция Вейдле сводится к тому, что «говорить о разложении и упадке западного искусства так же, в конечном счете, беспредметно, как говорить о его буржуазности или о его реакционности и отсталости. Другое дело кризис всего европейского искусства в целом, в том числе и нашего, кризис всеохватывающий и уже давний» (1959. № 3. С. 103). Из собственно критических выступлений Вейдле в «М» наибольший интерес представляли его статьи о поэзии Пастернака (№ 5; вариант вступительной статьи к трехтомнику Пастернака в издательстве Мичиганского университета в 1961), хотя и они не смогли создать настоящего престижа журналу как органу, где находила бы отражение современная литературная мысль. Продуманной программы у критического отдела не было, дело сводилось к достаточно случайным материалам, среди которых попадались действительно ценные, например статья *Г.Газданова* «О Гоголе» в № 5. Газданов со всей решительностью призвал «отказаться от тех ложных и необъяснимо наивных представлений о Гоголе, которые обычно фигурируют в учебниках литературы, где о Гоголе говорится, что он писатель-реалист, изображавший быт и действительность России первой половины XIX столетия, что он родоначальник натуралистической школы, что в «Мертвых душах» впервые представлена подлинная картина помещичьей жизни и т.д.» (с. 171). Для Газданова «все творчество Гоголя — это какой-то бред, принимающий разные формы» (с. 172), это «смех сквозь слезы, странный бред, похожий на начало безумия» (с. 174). И Газданов обобщает: «Ни один настоящий писатель никогда не воспроизводил действительность. Каждый писатель создает свой собственный мир, а не воспроизводит действительность, и вне этого подлинного творчества литература, настоящая литература не существует» (с. 172).

К 80-летию *Б.Зайцева* в № 7 (1961) была помещена подборка рассказов юбиляра «Люди Божии» и статья Ф.Степуна «Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию», один из лучших критических материалов, увидевших свет на страницах «М». Далеко не юбилейная по своему характеру, статья анализирует феномен Зайцева на большом литературном фоне, давая точную интерпретацию таких важных для творчества Зайцева категорий, как музыкальность, пластичность и лиризм. Ф.Степун говорит о «пластичности барельефа, а не скульптуры», ибо зайцевские картины «как бы проплывают перед

читателем, но не останавливаются перед ним. Они не скульптурны. Их нельзя обойти кругом. В искусстве Зайцева, взятом в целом, нет толстовского начала. Но это не недостаток его творчества, а его особенность, связанная прежде всего с религиозной настроенностью его души. Двухмерное изображение Алексея Божьего человека на иконе вполне естественно, но Божий человек, трехмерно высеченный из мрамора, уже проблематичен» (с. 20). Сопоставляя Зайцева с его современниками *Андреевым* и *Шмелевым*, Степун приходит к выводу, что только «за ним стоит даль истории, как и даль культуры» (с. 23), и оттого его патриотизм, составляющий доминанту эмигрантского творчества писателя, полностью лишен как оттенков «политического империализма», так и привкуса «верноподданнического шовинизма» или «пренебрежительного отношения к Европе». Революция, пережитая Зайцевым как катастрофа, невероятно обострила его ощущение особой исторической миссии России, и в этом плане Степун считает правомерным сближение Зайцева с Блоком как автором «Двенадцати»: для них обоих «революция в своих бессознательных глубинах чем-то связана с Христом» (с. 22). В том же номере Л.Ржевский публикует посвященную Зайцеву статью «Тема о непреходящем», где сделана попытка охарактеризовать эстетику этого писателя — «эстетику лирически примиренного душевного видения жизни» (С. 38).

Два материала в жанре некролога посвящались поэтам *«парижской ноты»*: в № 6 за подписью А.Б. (видимо, *А.Бахрах*) появилась статья «Памяти *Анны Присмановой*», в № 12 (1966) Адамович напечатал этюд «Об *Александре Гингере*». А.Б. назвал лейтмотивом всей поэзии «парижской группы» сомнение, а о Присмановой писал, что «больше всего в жизни недоставало ей именно диалога» (с. 366). Одиночество, которое «было главным стимулом ее творчества», обостряло неутоленную жажду «собеседника», и то же самое экзистенциальное переживание преобладает в стихах всего парижского круга русской поэзии, сложившегося в 30-е годы. Адамович, высоко оценивая и потенциальные возможности, и созданное Гингером, для которого был характерен «неуклонный духовный подъем», все-таки не удержался от упрека в «навязчивой литературности, подчас граничащей с манерностью» (с. 268).

С первой книжки «М» приступили к публикациям из архивов крупных деятелей культуры русской эмиграции первой волны, в этом направлении сделав значительно больше, чем на критическом поприще. Особое внимание «М» уделяли *Н.А.Бердяеву*. Было осуществлено две публикации из его «Записных книжек» последних лет жизни (№ 5, 7). Многие записи касаются русской литературы, остававшейся для Бердяева предметом непрестанного изучения. По его толкованию, «русская литература не была ренессансной. Она рождалась не от избытка жизни, а от муки и боли о страданиях мира, из жажды спасения и Царства Божьего» (№ 5. С. 209). Подборка записей Бердяева в № 7 касается скорее его философской позиции и личностного самоощущения («В этом мире чувствую себя странником... Не могу удовлетвориться никакой действительностью, как реализацией», с. 207; «Я не только нахожусь в конфликте с историей, которая меня насилует: я за нее отвечаю. Она мой путь и опыт. Я не должен ее рассматривать, как внеположное мне. Я ничего не должен отбрасывать в ад и этим себя спасать. За дело Каина и я отвечаю», с. 209; «Меня всегда интересовали и мучили не догматические, богословские или канонические вопросы, а вопросы о страдании, зле, свободе, смысле жизни», с. 209). Переписка Бердяева, *С.Булгакова* и Л.Шестова (1923—1938) помещена в № 8 (1961). Шестов еще в 1923 в письме Бердяеву определяет основной пункт их расхождений: «Ты обоготворяешь идеи, а я не выношу обоготворения идеи»; год спустя он добавляет: «Ведь идола можно сделать не только из дерева, но и из идеи» (с. 256). Ответ Бердяева (1924) столь же определенен: «Моя трагедия не есть трагедия неверия. Это трагедия веры... Есть много проблематического внутри христианства для тех, которые верны ему и не сомневаются в нем... Преобладающая реакция, которая у меня сейчас есть, это реакция против все нарастающего среди русских и за границей мракобесия. Я задыхаюсь от этого мракобесия. И мне одинаково противно мракобесие большевистское и мракобесие правое. Задыхаюсь и от той злобы, которой все проникнуто» (с. 258). В связи с известной статьей Шестова о Бер-

дяеве (*СЗ*. 1938. № 67) к их диалогу подключается С.Булгаков, пищущий Шестову: «Я всегда знал... что Ваш апофеоз беспочвенности таит в себе абсолютную почву ветхозаветного откровения, которое в сознании Вашем, конечно, давно уже стало новозаветным» (с. 259).

В № 5 дана публикация писем *М.Цветаевой* (1923) А.Бахраху с сопроводительной заметкой адресата, рекомендующего читать их «главным образом или, собственно, всецело как созданный по классическим образцам (хоть и в особом цветаевском преломлении) «роман в письмах» или, вернее, «новеллу в письмах» (с. 176). Для историков культурной жизни русского зарубежья небезынтересна публикация из архива *П.Б.Струве*, относящаяся к начальной поре *«Возрождения»*, выходившего под его редакцией первые полтора года (публикатор *Г.П.Струве*, № 3). Печатаются письма П.Струве от тех, кто отклонил — по разным мотивам — его предложение участвовать в газете. *Мережковский* не допускал мысли о соседстве с *И.А.Ильиным* и *В.В.Шульгиным*, хотя впоследствии все же стал автором «Возрождения». Бердяев не разделял симпатии газеты к Белому движению и попыткам объединить разные политические силы эмиграции вокруг вел. кн. Николая Николаевича («Разница между нами совсем не в том, что я будто бы проповедую аполитичность и пассивность. Я просто совсем не верю в реальность Вашей политики и Вашей активности и считаю ее вредной для духовного состояния русской эмиграции, поддерживающей в ней жизнь фантазмами и призраками», с. 382). Мережковский, обличая И.Ильина, писал: «Я ведь всю свою жизнь... употребил на то, чтобы доказывать, что связь православия с самодержавием («Царь — Наместник Христа, папа-кесарь») нечестива. А Ильин, после страшного опыта, наивно и безответственно («евразийски»-невежественно и дико), опять утверждает эту связь» (с. 380). Отказы участвовать в газете прислали также *М.Арцыбашев*, В.Бурцев, А.Каминка и Г.Ландау.

Важным документом истории литературы явилась опубликованная в «М» (1962. № 9) переписка Т.Манна с И.С.Шмелевым. Оригиналы писем Шмелева погибли в Германии во время войны, сохранилась только копия его письма от 12 января 1931, весьма важного для изучения наследия русского писателя. Письма Манна сохранились полностью и в публикации Ю.А.Кутыриной, племянницы и биографа Шмелева, представлены в русских переводах, сделанных родственницей немецкого классика Кэте Розенберг, переводившей на немецкий многие произведения Шмелева. Личное знакомство писателей состоялось весной 1924 в Париже; тогда же Манн описал эту встречу в очерке для журнала «Нойе рундшау», где, в частности, шмелевское «Солнце мертвых» названо «кошмарным, но окутанным поэтическим блеском документом эпохи» (с. 317). Касаясь Шмелева и того круга читателей, рупором которого он, по мысли Манна, являлся, немецкий прозаик пишет: «Состраданием пронизывает нас представление об их идейном бедствии, о том дьявольском уничтожении и искоренении революционного идеализма, которым преисполнен был каждый мыслящий русский и который был затоптан в грязь переживанием бесчеловечно-скотской действительности» (с. 318). В ответ на присылку «Неупиваемой чаши» Манн пишет Шмелеву 26 мая 1926: «Ваше произведение... как в любви, так и в гневе находится на высоте русского эпоса, оставаясь в то же время глубоко личным произведением. Что меня больше всего тронуло — это Ваше чувство к благородству искусства, которое выражено трогательно и проникновенно» (с. 318). Столь же комплиментарен отзыв о рассказе «Под горами» (письмо от 4 января 1931): «Какая красивая, чистая и пестрая, живо-жизненная картина души, природы и света» (с. 321). Узнав, что Манн приступил к «Иосифу и его братьям», Шмелев в единственном сохранившемся его письме говорит: «Я рад, что Вы, тонкий, глубокий мастер, всегда так бережно выбирающий материал, работаете теперь над новым материалом, огромным, древним, библейски-мифологическим. Сколько цветов чудесных расцветало в далеком прошлом! Собраны и засушены они. Да. Но сколько же меду в них. Вы отыщете этот древний, благоуханный мед, золотисто-густой и пряный, — и целебный! Найдете и подадите миру прекрасное, человеческое, вечное, овеянное дуновением Божества. «Иосиф в Египте»?.. Лучшего и найти нельзя по драматизму, извивам чувств, по нежному лиризму, по высокой любви к родному. Дай Вам Бог силы

его увенчать победоносно!» (с. 322). Последнее письмо Манна связано с рассказом Шмелева «На пеньках» (13 ноября 1932): «Потрясен теми страданиями и той тоской об ушедшем мире, которыми полны Ваши произведения... о том мире, который является для Вас глубоко человечным и оказался затертым бесчеловечными силами» (с. 333).

Последней из серьезных публикаций в «М» была переписка *С.Л.Франка* с *Вяч.Ивановым* (публикатор В.С.Франк. 1963. № 10). Она касается значения церкви, в особенности католической для духовной свободы личности. Письмо Иванова от 18 мая 1947, разъясняющее его позицию, известно по публикации в «Воспоминаниях: Книге об отце» (Париж, 1990) Л.В.Ивановой, поэтому важно узнать позицию его оппонента. 7 мая 1947, обратившись к Иванову за разрешением на перепечатку одной его старой статьи для подготавливаемой им философской антологии, Франк пишет: «Воссоединению Востока и Запада я всецело сочувствую; но чтобы оно стало подлинным, нужно, чтобы и Запад сознал свою ущербность в отделении от Востока с такой же остротой и напряженностью, с какой Соловьев и Вы (и я тоже) чувствуем это в отношении Востока» (с. 359). Те же мысли выражены в письме от 17 июня 1947: «Широта духа Рима в отношении Востока дает, конечно, большое удовлетворение, как свидетельство присутствия вселенского начала» (с. 367).

№ 11 (1965) — последний, в котором еще прослеживается стремление сохранить «М» как журнал с определенной тенденцией, а не просто как альманах, содержал статью Г.Адамовича «На полях «Реквиема», имевшую программное значение — и, видимо, не только для Адамовича. Его глубоко задел отказ Ахматовой от «чужого небосклона», — настолько глубоко, что от разбора «Реквиема» как явления поэзии он сознательно уклонился, хотя и не оспаривая его выдающегося значения. Тем не менее статья была не о «Реквиеме», вообще не о литературе, а о вечно накаленной проблеме выбора эмиграции как судьбы. «Ни возражать Ахматовой, ни спорить с ней я не буду, — пишет Адамович. — ...В исторической драме, участниками или свидетелями которой нам довелось быть, каждый вправе был истолковать свой долг по-своему, — а суд над всеми нами принадлежит будущему. Едва ли среди эмигрантов было много людей, ни разу не задумавшихся о правильности и моральной оправданности сделанного выбора. Однако и среди оставшихся в России должны были возникнуть сомнения... если ни у кого из нас, надеюсь, нет склонности кичиться тем, что мы эмигранты, то нет и стыда, этим положением вызванного. Эмиграция кончается, доживает свой век; нечего закрывать на это глаза. В целом она оказалась достойна своего назначения, своего имени, своей культуры, своей страны, своего народа... Эмиграция в прошедшие 45 лет была неотъемлемой частью России и напомнила, сказала многое, о чем сказать было необходимо... Мы совсем не оттого прожили свою жизнь и, конечно, умрем на чужой земле, что предпочли быть «под защитой чуждых крыл». Не оттого и не для того. Я уверен, что Ахматова это понимает» (с. 209—210).

А.М.Зверев

«НОВОСЕЛЬЕ» (Нью-Йорк, Париж, 1942. № 1—8. Февраль—ноябрь; 1943—1950. № 1—42/44) — ежемесячный литературно-художественный журнал, выходивший до 1948 в Нью-Йорке, а затем в Париже. Возглавившая журнал поэтесса *София Прегель*, эмигрировавшая после революции из России, была известна в Париже в качестве автора *«Современных записок»*, *«Чисел»*, участницы парижских литературных объединений. Во время войны Прегель перебралась к брату в Нью-Йорк. Там в 1942 они совместно с *Марком Слонимом* вырабатывают концепцию нового русского зарубежного журнала, в котором ставилась задача «объединить писательские силы на деле служения русской культуре» (1942. № 1. С. 3), при этом всячески подчеркивалось намеренное устранение от политических споров и разногласий. Впрочем, быть беспристрастной редакции удавалось не всегда. Так, в № 11 (1944) Слоним в статье «Битва за Россию» с ликованием писал о «приближающейся Победе» советского народа над немецким фашизмом. С явной теплотой повествует в своих воспоминаниях о не жалуемом в эмиграции *Горьком* С.Дубнова («Из воспоминаний о Горьком» // 1945. № 21), что также привносит опреде-

ленный политический оттенок на страницы журнала.

Содержание журнала составляли рассказы, стихи, воспоминания, статьи. Оформление обложки журнала принадлежало художнице А.Прегель. Неожиданное название нового журнала редколлегия объясняла так: «В народном языке слово «новоселье» не имеет праздничного оттенка. Для крестьян — это труд и заботы, правда, связанные с надеждой на лучшее будущее. Своим названием мы хотели подчеркнуть, что все мы — читатели и сотрудники журнала — здесь, более или менее давние, «новоселы». В русской литературе «Н» имеет освященную временем и именем Пушкина традицию. Один из литературных альманахов пушкинской эпохи носил это название, и сам поэт в нем участвовал» (№ 1. С. 70). «Мысль о России, обращенность к России, — говорилось в редакционной статье из первого номера, — будет руководящим началом всей нашей деятельности» (с. 3). В тяжелые годы войны, к которым относится выход первых номеров, редколлегии казалось особенно важным напомнить о вечных культурных ценностях, поддержать читателей и укрепить их духовную связь с отечеством. Перенесение редакции в Париж не изменило основной линии журнала. Парижский «строенный» номер (1949. № 39—40—41) предваряли слова редколлегии: «Объединить русские культурные силы, стараться в литературном плане показать современную жизнь во всех ее противоречиях, быть мостом между разными мирами и материками — к этой цели мы будем идти в меру наших сил».

Страницы журнала украшали имена маститых литераторов первой волны: *Бунина, Тэффи, Алданова, Ремизова, Адамовича*. Они охотно отдавали свои произведения в «Новоселье», поскольку были лишены возможности (и не имели желания) печататься при оккупационном режиме. В № 2 появился рассказ И.А.Бунина «Три рубля». В № 21 были напечатаны два его рассказа: «Мадрид» и «Второй кофейник». Парижский выпуск № 42—44 (1950) представлял три рассказа Бунина («Un petit accident», «В Альпах» и «В такую ночь...»). Ремизов выступал в журнале с исторической («На счастье. — Сведенборг» // 1946. № 29—30), мемуарной прозой («Белоснежка» // 1947. № 33—34), статьями литературоведческого характера. В № 11 (1944) опубликован его «Пушкин», где Ремизов анализирует шесть снов из пушкинских произведений: сон Татьяны из «Евгения Онегина», сон Григория из «Бориса Годунова», Марьи Гавриловны из «Метели», гробовщика Адриана Прохорова, Германна из «Пиковой дамы» и Гринева из «Капитанской дочки». Рассуждая в присущей ему манере, Ремизов приходит к выводу, что Пушкин был «демоном» — одним из тех, кто выведал тайну воплощения Света; с лилией, поднявшись со дна моря и пройдя небесные круги, он явился на землю — и «демоны убили его».

Многие страницы журнала отданы воспоминаниям. В годовщину смерти *Д.Мережковского М.Цетлин* вспоминает слова писателя о том, что все его произведения — «одна книга, только для удобства изданная в отдельных томах», тема которой — роль христианства в современной жизни (1942. № 2. С. 48). Именно с этой точки зрения анализируется критиком творческий путь Мережковского: от первых стихотворных опытов до литературной деятельности в эмиграции. Разгадку писательской судьбы Мережковского Цетлин видит в своеобразии его духовного склада. «Мережковский всю свою жизнь... складывал из каких-то прекрасных кристаллов слово «Вечность». Но в противоположность андерсеновскому Каю у него в груди было не ледяное, а горячее, страстное и пристрастное сердце... Среди людей, живущих мгновенным и временным, сегодняшним днем и интересами минуты, он жил вечным, глубокими умозрениями и абстракциями» (с. 54—55). К 25-летию со дня смерти А.Блока публикуются воспоминания о поэте А.Мазуровой «Оставшийся там» (1946. № 29—30). В двух первых номерах *В.Зензинов* рассказывает о своем детстве, прошедшем в Москве, и о Сибири, с которой связывали его отца торговые отношения, куда был сослан сам мемуарист в 1907 и откуда он покидал Россию в 1918. В.Александрова пишет о Мих.Зощенко (1942. № 3). *Сергей Маковский* вспоминает об Ин.Анненском. Уже парижское «Н» (№ 39—41) публикует письма Репина к Л.Толстому, и следом идет статья о Толстом *Н.Бердяева* «Голос совести из другого мира», в которой подчеркивается, что в эпоху лживости и ее оправдания в самых разнообразных формах правдолюбие Толстого имеет огромное значение.

Марк Слоним в «Заметках читателя» (1942. № 2) размышляет о сиюминутном и вечном в литературе. «Писателю вовсе не полагается щелкать затвором поэтического кодака и преподносить нам моментальные снимки с действительности» (с. 65), — замечает критик. Вместе с тем Слоним признает, что «ошибка многих эмигрантских критиков заключалась (да и сейчас заключается) в том, что они чуть ли не во всех произведениях советских авторов видели «социальный заказ», т.е. внешнее принуждение, и не догадывались, что значительное большинство писателей в России посвящали свои произведения гражданской войне или пятилетке, ибо эти темы их действительно волновали и увлекали» (с. 66—67). «Вечное можно представить только во временном», — приводит Слоним слова одного французского критика и заключает: «Его слова — лучший ответ тем, кто ошибочно полагает, будто художник, презирающий суету современности, возвышается до вершин истинного творчества» (с. 68).

В 1942 откровением прозвучала статья *Р.Якобсона* «Неизвестные стихи Маяковского», предваряющая публикацию самих стихов (1942. № 2). В статье рассказывалось о поездке Маяковского в Париж осенью 1928 и появившемся в результате этой поездки стихотворном цикле «Туда и обратно». Стихотворение «Письмо к Татьяне» тогда публиковалось впервые, с разрешения адресатки Т.Яковлевой, жившей в США.

Стихов в журнале было много. От А.Блока (№ 1) до *Н.Оцупа* с заявленным им: «Мы — после Блока» (1949. № 39—40—41). Поэтические страницы журнала были отданы М.Волошину и *Вадиму Андрееву, В.Мамченко, И.Чиннову, Вере Булич, Ю.Мандельштаму, Е.Бакуниной, А.Гингеру, Б.Божневу* и др. Литературным открытием в эмиграции 40-х стало имя *Б.Пантелеймонова*, чей дебют был горячо поддержан ставшими его близкими друзьями Буниным и Тэффи, ровесниками «молодого автора», как называл себя Пантелеймонов. Почти все его произведения были опубликованы в «Новоселье»: «Родное» (1946. № 29—30), «Молодые глаза» (1947. № 33—34), «Чудородные» (Из книги о Менделееве) (1949. № 39—41), «Мы жили с Вагнером» (1950. № 42—44). Рецензии на его книги писали *П.Бицилли* и Тэффи. Часто встречалось на страницах журнала имя *Леонида Зурова*. Не в одном номере можно было найти рассказы Тэффи. Ремизов в своих воспоминаниях приводит такой эпизод. В канун первой мировой войны 1914 Б.М.Кустодиев лепил Ремизова и одновременно Николая II. Как-то государь спросил, кого он еще делает? Кустодиев назвал Ремизова с прибавлением «писатель». Николай II досадливо махнул рукой: «А, знаю, декадент!» После чего вынес книгу Тэффи, прочитал с чувством один рассказ и сказал: «А вот это настоящее!» (1947. № 33—34. С. 4).

В № 29—30 (1946) и № 39—41 (1949) публиковались фрагменты из записной книжки Г.Адамовича. Цитируя строки из дневника *Поплавского*: «Боже, Боже, не оставляй меня. Боже, дай мне силы...», — Адамович скептически недоумевает: «Если действительно к Богу, зачем бумага, чернила, слова, — будто прошение министру?.. Если же для того, чтобы когда-нибудь прочли люди, как хватило литературного бесстыдства?.. Не понимаю, и только. Не могу себе представить состояние, которое оправдывало бы переписку с Богом» (№ 29—30. С. 78).

В аналитической статье «Расставание с эпохой» (1945. № 21) *Ю.Терапиано* вспоминает о центрах русской эмиграции, где читались доклады о поэзии, кипели споры, возникали журналы. Он говорит об атмосфере парижской поэзии 30-х, названной Б.Поплавским «*парижской нотой*». Обозревая парижскую поэзию на протяжении двух десятилетий с начала эмиграции, Терапиано выделяет следующие этапы ее развития. Начальный: из России было «вывезено» влияние Маяковского, Есенина, Пастернака и др., к которому прибавилось знакомство с новейшими французскими течениями (сюрреализмом, дадаизмом). За этим последовали поиски «формальной новизны». Все это привело к переоценке ценностей. Вторая половина 20-х в области поэзии характеризуется сочетанием формальных традиций акмеизма с символизмом, преобладают вечные темы — любовь, смерть, Бог. В 30-е преобладает тема — одинокий человек в условиях эмигрантской жизни. Поколение 30-х — «поколение обнаженной совести», люди, оставшиеся наедине со своей внутренней жизнью, с тьмой и безысходностью мира. Спустя год тему, затронутую Терапиано, подхватывает М.Слоним,

сравнивающий в своей статье «Парижские поэты» литературную эпоху 1938 и 1946. Критик резюмирует: поэты преобладают над прозаиками. Говоря о сборниках стихотворений *А.Присмановой*, В.Мамченко и *Г.Раевского*, Слоним приходит к выводу, что у всех перечисленных поэтов, как и у современных им лириков эмиграции их поколения, главенствующей темой становится отказ от участия в жизни. Так же, как и десять лет назад, поэты чувствуют себя бесприютными скитальцами, изгоями (1946. № 29/30).

Ведущая раздел «Книжное обозрение» *А.Даманская* рассказывает в № 21 о книжных сокровищах Праги, задаваясь тревожным вопросом: уцелели ли в огне войны знаменитые библиотека *Русского исторического архива* и Славянская библиотека? В № 39—41 она анализирует сборник стихов парижских и нью-йоркских поэтов («Эстафета») и последнюю книгу *М.Осоргина* «По поводу белой коробочки».

Е.М.Трубилова

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» (Нью-Йорк, 1942. № 1 — продолжается). Историю «Нового журнала» я делю на четыре периода. Первый — с его основания (в 1942) до конца войны (в 1945). Второй — с конца войны (с 1945) и до смерти Сталина, вернее, до наступления так называемой «оттепели». Третий — с середины 50-х до середины 60-х. И четвертый — с половины 60-х до настоящего времени.

Говоря о первом периоде журнала, я хочу (и я должен) остановиться на его основателях. Из всех редакторов «НЖ» я не знал лично только *М.О.Цетлина*. Судьба не дала ему долгой жизни. В 1945 смерть прервала его работу над 11-й книгой «НЖ». До последней минуты, уже больной, в постели, Цетлин все редактировал рукописи, читал корректуру. После смерти М.О.Цетлина единоличным редактором журнала стал профессор М.М.Карпович, ибо *М.А.Алданов* еще раньше (после выхода 4-й книги) уже отошел от редакторства, хотя всегда оставался не только постоянным сотрудником, но и близким «НЖ» человеком. Он умер в 1957 во Франции, в Ницце.

К недостаткам первого периода, помоему, надо отнести переполнение первых книг журнала политически-злободневными статьями. Конечно, тогда была война, и печатание таких статей было понятно. Даже сейчас некая ценность их остается как отображение тогдашних военных и политических событий и оценка их демократическим сектором русской эмиграции. Но для журнала, каким он был задуман, это все-таки был недостаток, что, кстати, сознавали и сами редакторы. Другим недостатком начальных книг журнала был плохой стихотворный отдел. Сейчас всякий человек, более или менее чувствующий поэзию, в комплекте «НЖ» увидит, что первые книги, наряду с ценными стихами, часто содержат не очень интересную поэзию, говорящую только о необычайной терпимости его редакторов. Конечно, и этот недостаток отчасти обусловливался отрезанностью от Европы, но и мягкость Цетлина была тоже виною. По своей деликатности Цетлин не мог отказать многим, писавшим стихи, без всякого к тому основания. Но в конце концов все это мелкие недостатки по сравнению с тем замечательным и ценным материалом, который был опубликован в «НЖ» за этот период. У меня нет возможности перечислять все ценное. Я отмечу только некоторые произведения, чтобы показать значимость публикаций с 1942 по 1945. За это время в отделе художественной прозы были напечатаны прекрасные рассказы *Ив.Бунина* — «Речной трактир», «Пароход «Саратов»», «Таня», «Генрих», «Дубки», «Натали» и другие; роман М.Алданова «Истоки»; вещи *Б.Зайцева, В.Набокова, М.Осоргина, В.Яновского*. Но что мне хотелось бы особенно выделить, так это изумительные записи Михаила Чехова, известного актера МХТ, — «Жизнь и встречи». Жаль, что эта мастерски написанная проза до сих пор не переиздана отдельной книгой. «Жизнь и встречи» Михаила Чехова, я думаю, одна из самых примечательных публикаций за «военный период». Очень хороши и воспоминания известного художника М.В.Добужинского. Среди других ценных воспоминаний и статей отмечу воспоминания бывшего царского министра графа П.Н.Игнатьева, известного композитора А.Т.Гречанинова, знаменитого химика проф. В.Н.Ипатьева, статьи проф. Б.П.Бабкина об академике И.П.Павлове, воспоминания бывшего советского дипломата А.Г.Бармина, воспоминания бывшего ре-

дактора газет «Речь» и *«Руль»* И.В.Гессена, статьи музыковеда И.Яссера. В публицистике за этот период было тоже много ценных статей — известного историка П.Н.Милюкова, известных социологов Н.С.Тимашева и П.А.Сорокина, философа и публициста *Г.П.Федотова*, проф. Г.Гинса, известного экономиста В.С.Войтинского, А.Ф.Керенского, А.А.Гольденвейзера, В.М.Чернова, *М.В.Вишняка*, Б.И.Николаевского, Г.Я.Аронсона, Д.Ю.Далина, В.Александровой, Ю.П.Денике, Д.Н.Шуба, С.М.Шварца и других.

Второй период «НЖ» начался со времени окончания войны, когда редакция могла уже связаться с русскими писателями, остававшимися во время войны в Европе. Это началось, примерно, с книги 14-й. Тогда стали печататься — роман Б.Зайцева «Путешествие Глеба», отрывки из его книги «Жуковский», «Плачужная канава» *А.Ремизова*, проза *Н.Берберовой, Вл.Варшавского, Г.Газданова, Р.Гуля, Л.Зурова*, М.Иванникова, Ю.Марголина, *И.Одоевцевой*. В это же время впервые в «Новом журнале» стали сотрудничать советские послевоенные эмигранты. В отделе прозы — повесть о концлагере Г.Андреева «Трудные дороги», повесть П.Ершова «Нинель», рассказы Н.Ульянова и других. В отделе поэзии, наряду со стихами И.Бунина, Ю.Балтрушайтиса, М.Волошина, *З.Гиппиус, М.Цветаевой*, Ф.Сологуба, Н.Клюева, *Георгия Иванова, И.Северянина, Вл.Корвин-Пиотровского*, И.Елагина, В.Набокова, *Странника, Ю.Одарченко*, К.Померанцева, И.Одоевцевой, *Вл.Смоленского, А.Величковского*, Лидии Алексеевой, *Е.Таубер*, Г.Евангулова, *Ю.Терапиано, Г.Кузнецовой, Н.Туроверова, Н.Оцупа, Вл.Злобина*, Я.Бергера, *И.Чиннова*, стали печататься стихи — Ольги Анстей, Глеба Глинки, О.Ильинского, Д.Кленовского, В.Маркова, Н.Моршена и др.

По-моему, особенно ценны — за этот период — были публикации в отделе воспоминаний и документов: Зинаида Гиппиус о *Мережковском, Федор Степун* о предреволюционной России, *Юрий Анненков* о Блоке, К.Брешковская о революции 1917, *Н.Валентинов* — «Встречи с *Андреем Белым»*, *Н.Евреинов* о театре «Кривое зеркало», известный пушкинист *Модест Гофман* о предреволюционном литературном Петербурге, А.Гумилева — «Н.С.Гумилев»; были опубликованы письма *М.Горького* к *В.Ходасевичу* и к *Л.Андрееву*, студенческие воспоминания П.Н.Милюкова, размышления В.А.Маклакова о 1-й Государственной Думе; личные воспоминания известного итальянского слависта Этторе Ло Гатто о поэте Николае Клюеве; воспоминания члена Временного правительства И.Г.Церетели о революции 1917, протопресвитера о. Георгия Шавельского — о первой мировой войне, Б.Погореловой — «Валерий Брюсов и его окружение». Особенно хочу отметить превосходно написанные воспоминания известной публицистки Е.Д.Кусковой — о детстве, юности, и предреволюционном времени. К сожалению, эти воспоминания были прерваны смертью их автора. Были напечатаны письма Марины Цветаевой к Г.Федотову и Р.Гулю и письма Зинаиды Гиппиус и В.Ходасевича к М.Вишняку.

За этот второй период «НЖ» было опубликовано много ценного и в отделе «Политика и культура». Отмечу статьи известных религиозных мыслителей — *Н.А.Бердяева*, протоиерея *о. В.Зеньковского*, проф. *Н.О.Лосского*, Г.П.Федотова «Россия и свобода», «Судьба империй» и др., *С.Л.Франка* «Ересь утопизма», *Л.Шестова* «Лютер и церковь». Отмечу и работы известных славистов *Д.И.Чижевского* «Баадер и Россия» и Р.В.Плетнева «Федоров и Достоевский. Из истории русского утопизма»; интересна работа знатока русского масонства П.А.Бурышкина «Филипп — предшественник Распутина»; статьи Н.Валентинова о Ленине, под общим заглавием «ранний Ленин»; статья В.А.Маклакова «Еретические мысли»; интересна большая работа известного американского ученого и дипломата Джорджа Кеннана «Америка и русское будущее». Много статей опубликовал за этот период проф. Н.С.Тимашев — «Пути послевоенной России», «Окаменение коммунистического строя», «Очернение Сталина» и др. Проф. М.М.Карпович давал в каждой книге всегда интересную редакционную статью на темы истории, политики, литературы под общим заглавием «Комментарии». Было много ценных публикаций на политические и экономические темы — А.Ф.Керенского, Д.Ю.Далина, Ю.П.Денике, Е.Д.Кусковой, М.В.Вишняка, проф. Д.Н.Иванцова, Н.И.Ульянова, *А.В.Тырковой* и других. Одним словом, на мой взгляд, за второй период «НЖ» опубликовал множество литературных произведений, мемуаров, документов и статей, зна-

чение и ценность которых несомненны и которые останутся вкладом в русскую литературу и науку. В целом — этот второй период журнала я бы охарактеризовал как удачный. И в этом была большая заслуга М.М.Карповича, хоть ему и трудно было заниматься журналом, ибо он был и деканом, и профессором Харвардского университета, где читал курсы русской истории и истории русской общественной мысли, что отнимало много времени. И тем не менее почти в каждой книге «НЖ» Михаил Михайлович успевал написать — иногда в поезде между Бостоном и Нью-Йорком — очередной «Комментарий». При Михаиле Михайловиче была создана «Корпорация Нового журнала», являющаяся фактическим и юридическим его издателем. Сейчас президиум корпорации состоит из А.А.Гольденвейзера (председатель), проф. З.О.Юрьевой (секретарь корпорации) и Д.Н.Шуба (казначей корпорации).

В 1952 М.М.Карпович и издававшая тогда журнал М.С.Цетлина предложили мне войти в редакцию в качестве секретаря. Я вошел. И с тех пор я отдаю все свои литературные силы работе в «НЖ».

Было бы трудно установить дату, когда второй период «НЖ» перешел в третий. Это, разумеется, произошло не сразу после смерти Сталина в 1953. Этот период начался с так называемой «оттепели», когда внезапно до нас стали доходить отдельные голоса писателей и читателей из Советского Союза.

Все, конечно, началось с «Доктора Живаго», пробившего окно в Европу. По-русски за рубежом впервые отрывок из этого романа Бориса Пастернака был напечатан у нас, в 1958, в 54-й книге. Затем, вскоре, мы стали получать разные отклики, отзывы, даже приветы от некоторых советских писателей. Первый привет был передан нам с одного научного конгресса, через известного русского профессора-слависта <М.П.Алексеева> от Анны Андреевны Ахматовой. Причем вместе с приветом Ахматова указывала, что в своем очерке о Гумилеве в книге 46 его свояченица А.Гумилева «много напутала и наврала». Так мы узнали, что Анна Ахматова читала «НЖ». А если читала она, то, вероятно, читают и другие писатели из советской элиты. Вскоре этому пришло подтверждение. Приехавший в Англию советский прозаик Панферов получил от кого-то в Лондоне «НЖ» — весь тогдашний комплект — и, как нам передали, запершись в комнате гостиницы, читал и день, и ночь. Панферову журнал понравился, он хвалил многое, особенно хвалил стихи Ивана Елагина, и увез с собой в Москву книги «НЖ». Потом от одного американского профессора, побывавшего в Москве, мы узнали, что директор одного из высших заведений Москвы (я умышленно не называю какого) аккуратно читает «НЖ», о котором он отозвался американскому коллеге весьма хвалебно, отметив особенно «прекрасный русский язык журнала». После советского языка-«канцелярита» эта похвала нас не так уж удивила и была понятна. Дальше, от литератора француза русского происхождения, ездившего в Москву, мы узнали, что он видел «НЖ» в редакциях «Литературного наследства» и «Нового мира». И на его недоуменный вопрос: «Разве вы получаете этот эмигрантский журнал?» — последовал несмущенный ответ: «Мы следим за всей русской литературой». Потом один видный деятель советской культуры (nomina sunt odiosa), встретившись в Европе со своим приятелем, известным американским профессором, за завтраком в разговоре о советских «толстых» журналах вдруг сказал своему американскому коллеге: «Но больше всего я люблю нью-йоркский «НЖ». Американец так и ахнул. И, приехав в США, конечно сообщил нам об этом, желая нас обрадовать. И, разумеется, обрадовал.

В эти же годы, наряду с такими конспиративными и полуконспиративными отзывами и приветами, мы твердо, фактически, убедились в том, что писательской и ученой элитой в Советском Союзе «НЖ» читается. В этом убеждали нас ссылки на наш журнал, которые стали появляться в «Литературной газете», в «Огоньке» и «Литературе и жизни», в «Литературном наследстве». Но особенно нас порадовали многочисленные ссылки на «НЖ» в книге известного ученого-слависта, академика Виктора Владимировича Виноградова «Проблема авторства и теория стилей». В ней Виноградов ссылается на «НЖ» много раз и на статью известного музыковеда Леонида Сабанеева о музыке Стравинского, и на статью *Юрия Иваска* о поэзии Баратынского. А больше всего ссылок академик Виноградов делает на две статьи о творчестве Достоевского —

проф. *Николая Трубецкого* и проф. Ростислава Плетнева. Факт, что «НЖ» стал пробиваться в Россию, давал нам новые силы в деле издания журнала. Мы увидели что журнал, скромно основанный Цетлиным и Алдановым в 1942 в Нью-Йорке, стал нужен в России, являясь там некой отдушиной в свободный мир.

Правда, как известно, за «оттепелью» последовали некие заморозки, которые сказались и на том, что в советской печати за последнее время нет ссылок на «НЖ», даже тогда, когда советская печать прямо, без зазрения совести, перепечатывает, например, из «НЖ» все, что мы печатаем из архива И.А.Бунина: наброски его рассказов, записи, его литературное завещание, письма. <Справедливости ради должен отметить, что в «Литературной России» от 21 апреля 1967 были перепечатаны «Краткие рассказы» И.Бунина с ссылкой на нью-йоркский «НЖ». А в «Литературной газете» от 19 апреля 1967 в статье И.Зильберштейна о письмах М.Горького у автора (или у редакции?) не хватило, наверное, мужества назвать «НЖ», и он ограничился указанием на «русский журнал, выходящий в Нью-Йорке». — *Р.Г.*>. Но отсутствие ссылок на наш журнал — беда небольшая. Зато у нас давно уже есть — через американские агентства — официальные подписки на «НЖ» от ленинградской Академии наук, от Библиотеки Ленина в Москве, появились подписки и таинственные, где указан номер почтового ящика. Последнюю такую подписку мы получили даже из Улан-Батора, из Монголии. По своей наивности мы полагаем, что это, вероятно, некие «органы» государственной безопасности под псевдонимом изучают «НЖ» для «пополнения своего образования».

Вместе с проникновением в Советский Союз в этот третий период своего существования «НЖ» стал проникать и в славянские страны-сателлиты: в Польшу, в Чехословакию, в Югославию. Туда он идет в научные учреждения, в библиотеки. Есть и частные проникновения. Мы знаем, например, наверное, что наш журнал читал Михайло Михайлов, этот завидно смелый и истый поборник свободы мысли. Знаем мы, что «НЖ» регулярно читал А.Твардовский, бывший редактор «Нового мира», и И.Зильберштейн, редактор «Литературного наследства». Знаем, что в один из приездов Евгения Евтушенко в США он увез отсюда много книг «НЖ», причем, когда на съезде славистов в Нью-Йоркском университете ему дали последнюю тогда — 85 книгу, — он сразу обнаружил свое знакомство с «НЖ». Беря 85-ю книгу, Евтушенко сказал: «А, это тот журнал, где меня всегда ругают». Он, конечно, был не прав. Мы его не «ругаем». Вообще мы никого не «ругаем», а стараемся объективно оценивать, отдавая Божье — Богови, а кесарево — кесарю.

К сожалению, М.М.Карпович, который всегда рассматривал «НЖ» как некое свое служение России, не дожил до того времени, когда «НЖ» проник в Советский Союз. Карпович скончался в 1959.

После кончины Михаила Михайловича у нас создалась редакционная коллегия в составе проф. Н.С.Тимашева, Ю.П.Денике и меня. Но получилось так, что «НЖ» мне пришлось фактически вести одному.

Это время, с 1959 и до середины 1960-х, входит в третий период «НЖ», когда журнал пробился к читателю и писателю за «железным занавесом». За эти годы, так же как и за предыдущие, «НЖ» опубликовал много примечательных вещей во всех отделах. Отмечу опять-таки только немногое. В отделе художественной прозы мы опубликовали: много коротких рассказов и записей И.А.Бунина, которые, как я уже говорил, перепечатаны советской печатью; две вещи Б.К.Зайцева «Река времен» и «Звезда над Булонью»; очерки *В.В.Вейдле* «Равенна» и «Бессмертная ошибка» (о Петербурге); пьесу *Евг.Замятина*, повесть Гайто Газданова «Пробуждение»; большую вещь Д.С.Мережковского, неопубликованную при его жизни, — «Св. Иоанн Креста»; несколько рассказов Л.Д.Ржевского и Н.И.Ульянова; отрывки из романа Б.Темирязева «Рваная эпопея»; Юлия Марголина «Книга жизни»; рассказы Христины Керн. Но все эти авторы — давние сотрудники журнала. Отмечу прозу, полученную из СССР: повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна», которая уже вышла на нескольких иностранных языках; «Нарым. Дневник ссыльной» Елены Ишутиной — потрясающий документ о советской нарымской ссылке; «Колымские рассказы» Варлаама Шаламова; «Находка в тайге» автора, которого мы подписали псевдонимом «Неизвестный». Опубликовали мы и вещи многих советских невозвращенцев: концлагерные рассказы

известного армянского писателя Сурена Саниняна; рассказы из московской современной жизни Аллы Кторовой; и совсем недавно — сатирические сцены «Сталин» московского драматурга Юрия Кроткова, ставшего невозвращенцем только в 1963. В отделе поэзии — неизвестную поэму М.Волошина «Святой Серафим», посмертные стихи Зинаиды Гиппиус, неизвестную поэму Игоря Северянина, «Посмертный дневник» Георгия Иванова, поэмы Т.С.Элиота в переводе Н.Берберовой и множество стихотворений как зарубежных поэтов, так и полученных из Советского Союза от поэтов, которых там не печатают из-за «несозвучности».

В отделе «Литература и искусство»: статьи Г.Адамовича под общим заглавием «Оправдание черновиков», его же «Наследство Блока», «О чем говорил Чехов», В.Вейдле «О ранней прозе Пастернака», «Похороны Блока», «О смысле стихов», Н.Берберовой «Советская критика сегодня», К.Брауна «Тайная свобода О.Мандельштама», *Вяч.Иванова* «Мысли о поэзии», композитора Н.К.Метнера «Мысли о музыке», проф. В.Ледницкого о Льве Толстом, композитора Артура Лурье «Вариации о Моцарте», «О мелодии», *С.Маковского* «Случевский, предтеча символистов», проф. Р.Плетнева «О лирике Тютчева», А.Раннита «Рильке и славянское искусство», «Вяч.Иванов и его «Свет Вечерний»», Н.Ульянова «Алданов-эссеист», «После Бунина» и др., М.Гофмана «Клевета о Достоевском», Вяч.Завалишина «Заболоцкий», «О Б.Зайцеве»; ряд статей о творчестве Достоевского проф. Н.С.Трубецкого, В.Александровой «Прошлое сегодняшними глазами» (о советской литературе), Евг.Замятина «О языке», «О сюжете и фабуле», Л.Зурова «Герб Лермонтова», Зои Юрьевой «О творчестве И.Витлина», «Ремизов о Гоголе», Ю.Иваска «Фет», «Бодлер и Достоевский», С.Карлинского «Вещественность Анненского», проф. Дм.Чижевского «О поэзии футуризма», «Что такое реализм», «О литературной пародии» и др., протоиерея А.Шмемана «Анна Ахматова», Ю.Офросимова «О поэзии Вл.Корвин-Пиотровского», Р.Гуля «Цветаева и ее проза», «Солженицын и соцреализм», «Георгий Иванов»; о романе «Доктор Живаго» были напечатаны четыре статьи — М.Корякова, *М.Слонима*, Р.Гуля; Т.Петровская «Об эстонской поэзии»; Е.Кох «Марианна Веревкина». И много других интересных литературно-критических статей было напечатано за этот третий период.

В отделе «Воспоминания и документы» было опубликовано много ценных работ и по истории России, и по истории русского искусства и литературы: «Дневники» известного политического деятеля и историка, бывшего министра Временного правительства П.Н.Милюкова за время его пребывания в Белой армии и за время его переговоров с немцами в Киеве в 1918; Н.Валентинова «Встречи с Горьким», «О людях революционного подполья», «Ленинец раньше Ленина» (о большевике Вилонове), Р.Арсенидзе «Из воспоминаний о Сталине», А.Ф.Керенского «Моя жизнь в подполье» — впервые рассказанная Керенским история его подпольной жизни после захвата власти большевиками; А.Белобородова «В Академии Художеств»; доктор Эдинбургского университета Милица Грин опубликовала «Письма М.Алданова к И.Бунину», Д.Далин — «Дело Кравченко», Л.Дан «Бухарин о Сталине», *И.Ильин* «На службе у японцев» (во время второй мировой войны), Г.Кузнецова «Грасский дневник» (воспоминания о Бунине); письма известного советского писателя 20-х годов Льва Лунца из-за границы к «Серапионовым братьям» (публикация Гари Керна), И.Одоевцева «На берегах Невы» (воспоминания о Гумилеве, Мандельштаме, Кузмине и других поэтах-петербуржцах), Леонид Пастернак «Воспоминания», Ю.Анненков — воспоминания о Ленине, о Троцком, о Мейерхольде, письма к художнику Е.Климову известного деятеля «Мира искусства» художника А.Бенуа, К.Вендзягольский *«Савинков»*, М.Бочарникова «Бой в Зимнем дворце» (воспоминания солдата женского батальона), К.Брешковская «Как я ходила в народ», И.Бунин «К моему завещанию», воспоминания Вл.Бурцева о его возвращении в Россию из эмиграции в 1914 («Арест при царе и арест при Ленине»), письма Гершензона и Вяч.Иванова к Вл.Ходасевичу, «Страницы воспоминаний» гр. В.Зубова (о последних днях власти Временного правительства в Гатчине), воспоминания В.А.Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью», *Андрей Седых* — литературные портреты М.Алданова и И.Бунина с их многими письмами к автору, воспоминания о февральской революции 1917 бывше-

го министра Временного правительства И.Г.Церетели, воспоминания профессора К.Штепы о терроре ежовщины в 1937—1938. Я вынужден оборвать перечень опубликованных материалов...

Но совершенно особо хочу отметить некоторые документальные публикации, полученные из Советского Союза. Это: «Очерки по истории русской церковной смуты» А.Левитина и В.Шаврова; воспоминания Е.Тагер об О.Мандельштаме (публикация *Г.Струве*); «Стенограмма заседания Союза советских писателей» по вопросу об исключении Бориса Пастернака из Союза — большой ценности документ, показывающий тот градус духовного террора и растления, при котором живут советские писатели. Помоему, правильно сказал один зарубежный писатель, что «это документ на сто лет». Таким же ценным документом является «Послание из СССР на Запад», которое мы подписали «Икс», чтобы не повредить автору. За границей это послание уже вышло на многих иностранных языках. Хочу еще подчеркнуть большую и документальную, и литературную ценность опубликованного нами «Письма мистеру Смиту» Юрия Кроткова о том, как и почему он, будучи в Москве, написал антиамериканскую пьесу «Джон — солдат мира».

В отделе «Политика и культура» за третий период «НЖ» отмечу работы известного русского историка проф. Г.В.Вернадского — «Милюков и месторазвитие русского народа» (по поводу выхода за границей «Очерков по истории русской культуры» Милюкова), «Повесть о Сухане» (по поводу книги советского историка В.И.Малышева), «Из древней Евразии» (по поводу книги советского историка Льва Николаевича Гумилева), «Человек и животный мир в истории России», «Усть-Цилемские рукописные сборники». Из других работ отмечу: Н.Валентинова «О предках Ленина и его биографиях», протоиерея о. В.Зеньковского «Мифология о науке», Ю.Гринфельд «Произвол работодателей в СССР» (о фактическом бесправии рабочих в Советском Союзе), С.А.Сатиной «Об истории женского образования в России», известного экономиста Наума Ясного «Начало второго послесталинского десятилетия в сельском хозяйстве», Ю.Денике «За фасадом 22-го съезда партии», «Купеческая семья Тихомирновых» (правда об основании газеты «Правда» на деньги купцов Тихомирновых), проф. Д.Иванцова «Легенды о советской деревне», Д.Анина «Вожди уходят, проблемы остаются», «Русская революция и либерализм», «Советы и международное положение» и др., А.Иванова «Биология и идеологическая борьба» (о Трофиме Лысенко и положении биологии в СССР), Н.Нарокова «Русский язык «там»», М.Карповича «Два типа русского либерализма» (Милюков и Маклаков), протоиерея Д.Константинова «Подтверждение неопровержимого» (об известном письме двух московских священников Н.Эшлимана и Г.Якунина), *С.Левицкого* «Место Н.О.Лосского в русской философии», проф. С.Верховского «О Гоголе», Б.Ловцкого «Философ библейского откровения» (к 100-летию со дня рождения Льва Шестова), Д.Мережковского «Что сделал Паскаль», «Св. Иоанн Креста», Б.Двинова «Назад к Ленину?», В.Некрасова «Московские чудаки» (о московской школе математиков: Бугаеве, Цингере, Вернадском, Бредихине и других), Н.Нижальского «Эволюция академика Павлова» (правда о взглядах академика Павлова в последний период его жизни), *Н.Полторацкого* «Проф. Н.С.Тимашев о путях России», Е.Петрова-Скитальца «Кронштадтский тезис сегодня», К.Померанцева «Во что верит советская молодежь?», Федора Степуна «Вера и знание в философии Франка», «Москва — третий Рим», «Россия между Европой и Азией», проф. Н.С.Тимашева «Сталинский террор и перепись 1959 года», «На правильном ли пути Америка», «Три книги о Питириме Сорокине» и др., Н.Ульянова «Тень Грозного», Дм.Чижевского «Новое в истории русской культуры», Т.Чугунова «Всеобщая декларация прав человека и гражданина и диктатура КПСС», протоиерея А.Шмемана «Церковь, государство, теократия», А.Шика «Первопечатник Федоров», проф. А.Штаммлера «Ф.А.Степун» (к его кончине), Д.Шуба «Европейский социализм и советский коммунизм», «Три биографии Ленина», «Мемуары Керенского» и др.

Я думаю, что даже этот беглый и очень неполный обзор показывает, какая тематически разнообразная работа, охватывающая и современность, и историю России, проделана «НЖ». Сейчас мы рассылаем наш журнал в 36 стран. И тираж его за третий период увеличился почти вдвое.

Основатели «НЖ» определяли его идейную задачу как защиту свободы русской культуры, как продолжение того идейного наследства, которое внесла Россия в мировую культуру. Эта задача и сейчас остается неизменной. И она заставляет нас (я сказал бы, и вдохновляет нас) — в условиях порой очень трудных — продолжать это русское дело. Я верю, что когда-нибудь «НЖ» сыграет роль той магнитофонной ленты, на которой останутся записанными для истории свободные голоса русских поэтов, прозаиков, публицистов, ученых.

«НЖ» был основан как свободный. Защищая эту нашу творческую свободу — а стало быть, и политическую и гражданскую свободы человека, — мы в этой защите непримиримы к насилию советской диктатуры. Когда-то в XVI веке формулу непримиримости хорошо выразил Мартин Лютер. На съезде в Вормсе он произнес свои знаменитые слова: «Hier steh' ich, ich kann nicht anders» («На этом я стою; иначе не могу»). Такой же силы и наша непримиримость к насилью над человеком и его творчеством.

Р.Б.Гуль

<Статья Р.Б.Гуля из книги: Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Полторацкого Н.П. Питтсбург, 1972. С. 321—330>.

* * *

После смерти в 1986 Р.Гуля главным редактором «НЖ» стал Ю.Д.Кашкаров, остававшийся им до смерти в декабре 1994. Ныне редактор журнала — Вадим Крейд, который в юбилейной статье «Двухсотый номер» писал: «Сотрудники парижских *«Современных записок»*, приехав в Америку, намерены были возродить закрывшийся из-за военных событий лучший журнал первой эмиграции. Кое-что из его портфеля вскоре появилось на страницах «НЖ». Видя в нем продолжение «Современных записок», можно назвать его старейшим из существующих русских журналов. Через «Современные записки» протянулась нить к дореволюционной журналистике. В книге «Русская литература в изгнании» Глеб Струве писал, что «НЖ» «оставался главным журналом Зарубежья, напоминая и своим положением, и своим характером «Современные записки». Андрей Седых, редактор *«Нового русского слова»*, говорил, что лучшее, созданное в эмиграции, появилось в «НЖ». И еще: «Если кто-нибудь нас спросит, что ценного создала русская эмиграция, мы сможем с гордостью ответить: «Новый журнал». Так судили о вкладе эмиграции в русскую культуру по «НЖ», и в годы советчины он действительно выполнял миссию по сохранению духовных основ нашей культуры. Именно отсюда — широта и терпимость, демократизм и плюрализм. Отсюда возможность для писателей разных взглядов и творческих манер собираться, как на форум, под одной обложкой. При всем эстетическом и философском многообразии проявлялся единственный вид нетерпимости — к антикультуре» (НЖ. 1996. № 200. С. 6).

Один из редакторов «Современных записок» М.В.Вишняк вспоминал об истории создания «НЖ» в 1942 в Америке: «О предстоящем выходе «толстого журнала» я узнал от Алданова на одном из бесчисленных собраний или приемов, которые устраивали тогда Цетлины в Нью-Йорке. Почти на ходу, с папиросой в руке и то и дело отворачиваясь от надоедавшего дыма, Алданов обратился ко мне с неожиданной просьбой принять участие в журнале, на манер «Современных записок», который он с Цетлиными, находясь во Франции, на Ривьере, в ожидании американской визы, решили издавать, когда приедут в Нью-Йорк. Они заручились согласием Бунина. Хотели включить в редакцию и Керенского, но тот отказался, заявив, что мог бы быть единоличным редактором, но в коллективной редакции участвовать не расположен. Сообщение закончилось повторением приглашения и выражением уверенности, что я не откажусь сотрудничать... Авксентьева, как и меня, одинаково возмутило, что друзья, приятели и сотрудники наши и «Современных записок» могли решить продолжать издание журнала не только без привлечения к его редактированию оставшихся в живых редакторов почивших «Современных записок», но даже без *предварительного* их осведомления о возникшем намерении. И предположение, что проектировался литературно-поэтический трехмесячник, соответственно главным интересам Алданова—Цетлина—Бунина, а не «эсеровский», общественно-политического типа, журнал, созданный Авксентьевым—*Бунаковым*—Вишняком—Гуковским—*Рудневым*, — это

предположение отпадало после того, как инициаторы журнала пытались привлечь в состав редакции такую яркую политическую фигуру, как А.Ф.Керенский» (Вишняк М. Годы эмиграции. 1919—1969. Париж—Нью-Йорк (Воспоминания). Стенфорд, 1970. С. 163—164). О решении М.Алданова и М.Цетлина издавать в Нью-Йорке продолжение «Современных записок» писал и Р.Гуль в своей посмертно изданной книге «Я унес Россию»: «Как рассказывает Алданов, эта мысль впервые возникла у него и у Цетлина еще в 1940 году во Франции, в Грассе, в беседе с Иваном Алексеевичем Буниным, перед отъездом Алданова и Цетлина в Америку. Совсем уже перед погрузкой на пароход Алданов писал Бунину из Марселя: «В Нью-Йорке я решил первым делом заняться поиском денег для создания журнала». А в 1941 году, уже из Нью-Йорка, Алданов пишет Бунину: «Толстый журнал будет почти наверняка... можно будет выпустить книги две, а потом будет видно...» (Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1989. Т. 3. С. 155).

Литература «первой волны» русского зарубежья получила естественное продолжение в «НЖ», о чем свидетельствует Указатель содержания «НЖ» за 50 лет его существования, опубликованный в № 190/191 журнала в 1993. В № 200 (1996) появился дополнительный Указатель содержания книг 192—200.

А.Н.Николюкин

«ОПЫТЫ» (Нью-Йорк, 1953—1958. № 1—9) — литературный журнал; редакторы — Р.Н.Гринберг и В.Л.Пастухов (№ 1—3), *Ю.П.Иваск* (№ 4—9); издатель — М.Э.Цетлин. В первом номере, в заметке от редакции, публиковалась программа основателей журнала: «Собирая по свету наших сотрудников, мы им писали, что программа нашего журнала — ЛИТЕРАТУРА, т.е. стихи и беллетристика, театральные пьесы, литературная критика, статьи о человеке и современности, корреспонденции о жизни других литератур и искусств, библиография, анкеты среди иностранцев о проникновении русского языка, мысли и художественного творчества за границу, политическая проза в плане философии и истории. Дальше мы им писали, что... желаем освобождения русского художественного труда от партийно-политической опеки и избавления от «социального заказа»... Еще мы писали, что дорожим русским дореволюционным просвещением и опытом, когда наша родина в духовно-культурной области жила заодно с Европой...» (1953. № 1. С. 3—4). «Западническая», европоцентристская ориентация издания была всепроникающей. Об этом свидетельствовали работы ведущего теоретика журнала *В.В.Вейдле*. В «О» он опубликовал статьи: «Европейская литература» (№ 1), «Об иллюзорности эстетики и о жизненной полноте искусства» (№ 2), «На смерть *Бунина*» (№ 3), «Проза *Цветаевой*» (№ 4), «О спорном и бесспорном» (№ 7), «Ведь» (№ 8). Особенно показательна в теоретическом плане статья «Европейская литература», открывавшая первый номер. Вопрос: «Существует ли европейская литература?» — автор связывал с понятием «всемирная литература», выдвинутым И.В.Гёте. Однако цель статьи состояла в том, чтобы определить место русской литературы среди других литератур мира. Необходима «общеевропейская и в конечном счете общечеловеческая мера», — убеждал В.Вейдле. «Россия, как и Америка, духовно у себя дома только в Европе. Вне европейской литературы, вне ее меры и ее суда не могут иметь будущего и их собственные национальные литературы. Только Европа в своем единстве есть место встречи, роста и цветения всех национальных культур, соединенных в ней» (№ 1. С. 27). Вопрос о России «или, как теперь правильнее говорить, о евразийской империи — и в литературном аспекте, как во всяком ином, — отделился, — утверждал В.Вейдле, — от вопроса о Новом Свете, с которым у него позволительно было прежде находить некоторое сходство» (Там же. С. 23—24).

По публикациям «О» можно было бы составить своего рода антологию литературной эмиграции «первой волны». Антологическим качеством отличалась подборка материалов каждого номера, начиная с первого. Здесь в разделе «Стихи» были напечатаны произведения *Г.Иванова*, Ю.Иваска, *С.Маковского, В.Набокова, И.Одоевцевой, Г.Струве, Ю.Терапиано, В.Смоленского, Л.Червинской, И.Чиннова*. В разделе «Проза» публиковались *А.Ремизов* («Дягилевские вечера»), *Б.Поплавский* («Аполлон

Безобразов», продолжение — № 5). В разделе «Критика» — «Комментарии» *Г.Адамовича* (продолжение — № 3, 6), статьи «Искусство и любовь» *З.Гиппиус*, «Н.С.Гумилев» Н.Оцупа, «Поэзия Игоря Чиннова» С.Маковского. В рубрике «Письма, документы, материалы» напечатаны: *Б.Зайцев* «Дни (Записи)»; *Н.Берберова* «Из петербургских воспоминаний. Три дружбы», Г.Струве «Из архива Н.С.Гумилева». В рубрике «Библиография» опубликованы рецензии на книги, вышедшие в Нью-Йорке в 1952: Иванов Г. Петербургские зимы (2-е изд.); рецензировалось шесть сборников, опубликованных в парижском изд-ве «Рифма», — стихи Г.Иванова, И.Одоевцевой, *В.Злобина*, В.Набокова, *А.Величковского*, Т.Величковской.

«Первый сборник наших «Опытов», — писал Р.Гринберг в заметке, опубликованной в следующем номере, — вышел из типографии бр. Раузенов 15-го мая с.г. Это было нью-йоркской весной, когда в России прекратился Сталин. А уже 24-го того же месяца появился первый отзыв о нас в *«Новом русском слове»* (№ 15002) за подписью Г.Я.Аронсон» (1953. № 2. С. 200). Названный обозреватель высказался против нового литературного начинания. В поддержку издания выступил М.М.Карпович, редактор *«Нового журнала»*. Он заявил на вечере, организованном 25 мая (фактическим издателем «О» М.С.Цетлиной) в связи с выходом первого номера, что «готов обеими руками подписаться под письмом редакции», открывавшим издание. (В последующем между журналами сохранялось взаимопонимание; в девятом номере «О» публиковалась статья С.Зеньковского «Путь историка», посвященная 70-летию М.М.Карповича.) Сочувственные отклики на выход первого номера «О» появились в парижской *«Русской мысли»* (3 июля 1953), в мюнхенской газете «За свободу!» (28 июля 1953), а в нью-йоркском «Новом русском слове» Ю.Терапиано отметил своевременность возникновения нового литературного периодического органа.

Вторая книжка подтвердила серьезность издания, которое напоминало парижские *«Числа»*, чей опыт, несомненно, был учтен, тем более что и здесь, и там большую активность проявил Г.В.Адамович. Он опубликовал в журнале стихи (№ 1, 2, 4), очерки, выходившие под общим заглавием «Комментарии», и статьи: «Поэзия в эмиграции» (№ 4), «О *Штейгере*, о стихах, о поэзии и о прочем (Заметки)» (№ 7), «Невозможность поэзии» (№ 9).

Характерен выбор тем для «Комментариев»; это «Россия и Запад» — стержневая тема журнала. Перечитывая Чаадаева, Г.Адамович обращался к Достоевскому и Л.Толстому; он писал о христианстве, о народе-богоносце, о насилии, о Сталине и Ленине, о «непротивлении злу» в интерпретации Достоевского, Толстого, Вл.Соловьева, подключая к своим размышлениям суждения З.Гиппиус, В.Розанова, *Д.Мережковского*. И все это служило задаче осмыслить опыт России и Запада на пути к «человечности общества, справедливости общества, равенства в обществе»: «Россия рвалась вперед, проделав в короткий срок весь путь, намеченный Западом, и хоть и в несколько азиатском преломлении, отведала всего, что таили в себе западные уроки...» (№ 6. С. 50). По мнению Ю.Иваска («Заметки читателя», № 6), в «комментариях» Адамовича ощутимо и «сочувствие русскому мессианизму, максимализму Тютчева—Достоевского и других русских пророков. Он хорошо знает, что история над их «чаяниями» жестоко посмеялась. Народ-богоносец оказался во власти дьявольского наваждения. Но он все еще верит или хочет верить в мессианское задание России: «Сие буди, буди...» — повторяет он слова Достоевского (вложенные в уста о. Паисия), — Россия от кошмара большевизма освободится» (№ 6. С. 56).

Рецензия М.Кантора на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (1955) явилась одной из первых серьезных обобщающих работ о творчестве поэта-критика: «...проза его отмечена теми же чертами, которые отличают его стихи, — той же простотой и прозрачностью, такой же ритмичностью, таким же отвращением к «досадным красотам» (№ 6. С. 95). По убеждению Кантора, и в другом, решающем, смысле «поэтическое прошлое Адамовича сказывается в его критических писаниях: в литературе он склонен отвергнуть то, что осталось глухо к «музыке» (имея в виду под этим своего рода термином присутствие в художественном произведении «второго плана, некоего подземного ключа, питающего творчество»)» (№ 6. С. 97). Вместе с тем Адамович апеллировал к Ницше, который называл

музыку «дочерью одиночества». Вот почему, обобщал М.Кантор, «советская литература, из которой изгнана самая мысль о возможном одиночестве человека, о его очной ставке с судьбою, — по-настоящему только материал для историка или социолога. В ней потеряна «музыка»... И обратно: опыт эмиграции приобретает в этом плане исключительное значение. Роковое одиночество зарубежных русских писателей и небывалая свобода, выпавшая на их долю, несвязанность их социальными узами и внешними «заказами» — в истории бессмертны» (№ 6. С. 98). «Одиночество и свобода» — книга о старшем поколении зарубежных писателей; автор считал их естественным продолжением литературы XIX в. «Можно сказать почти без преувеличения, — писал М.Кантор, — что книга его — в такой же мере о Бунине и Мережковском, З.Гиппиус, Ремизове и Зайцеве, как о Пушкине и Гоголе, Толстом и Достоевском» (№ 6. С. 98). То же самое можно сказать о статье «Поэзия в эмиграции» (№ 4) — в ней Адамович хотя и размышлял о современной ему поэзии, но все это — и о Пушкине, и о Лермонтове и т.п. Такая позиция была весьма характерна для журнала, одной из важных особенностей которого было постоянное обращение к «опыту» русской классики. В частности, проводилось анкетирование читателей по следующим вопросам: «Считаете ли вы, что русская классическая дореволюционная литература принесла с собой нечто новое, незнакомое западному миру? Если считаете, представляется ли вам воздействие таких писателей, как Толстой и Достоевский, благотворным или, наоборот, разрушительным?» Было получено три ответа — от немца Г.Гессе: положительный; от американца Р.Нибура: Достоевский — да, Толстой — нет; от англичанина У.Х.Одена: Толстой — да, Достоевский и Чехов — нет (№ 3. С. 186).

В четвертом номере публиковались «иностранные отклики» о русской дореволюционной литературе, в частности о Л.Толстом, Гончарове и Чехове. Отрывок о Гоголе из книги А.Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье: Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (Париж, 1954) печатался во втором номере, а затем эта книга рецензировалась Ю.Иваском (№ 5). А.Шик опубликовал фрагмент «Парижские дни Гоголя (из цикла «Русские во Франции»)» во втором номере, здесь же печаталась глава из книги Б.Зайцева «Чехов». В пятом номере эта книга, вышедшая в издательстве им. Чехова в 1954, рецензировалась Н.Федоровым, который отмечал: «Б.Зайцев главное внимание уделяет внутреннему миру Чехова. В силу этого данная книга является скорее внутренней духовной биографией Чехова, а не «литературной», как не совсем точно и самовольно издательство назвало зайцевскую книгу (в подзаголовке)» (№ 5. С. 99).

Выходившие в издательстве Чехова книги рецензировались на страницах «О». В их ряду: Иванов Г. Петербургские зимы. 1952 (№ 1; автор рецензии — Р.Н.Гринберг); Маковский С. Портреты современников. 1955 (№ 5; Дм.Кленовский); *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. 1956 (№ 5; М.Карпович); Вейдле В. Задача России. 1956 (№ 7; М.Кантор); Розанов В. Избранное. 1956 (№ 7; В.Вейдле); *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. 1956. Т. 1—2 (№ 7; Ю.Иваск). В шестом номере (1956) публиковались письма Бунина к Г.Адамовичу. В них писатель нелицеприятно высказывался о *М.Горьком*, противопоставляя ему Чехова. Бунин занимал в «О» место, соответствовавшее его дарованию и роли в эмиграции. Его памяти была посвящена статья В.Вейдле «На смерть Бунина» (№ 3). В поздних книгах писателя критик отмечал «не увядание, а цветение; они сильнее и свежее ранних... они не сумерки, а последний яркий свет» (№ 3. С. 92). Как поэт Бунин «принадлежит девятнадцатому веку, но как прозаик он старший из писателей, открывающий в нашей литературе двадцатый век. Свои самые молодые книги он написал в старости... И самое естественное для прозаиков нашего века было бы учиться своему ремеслу именно у него...» (Там же. С. 93). И прежде всего, полагает Вейдле, здесь интересен опыт Бунина как автора «Жизни Арсеньева» — это «не роман, а то, чем он заменил роман», для чего понадобилась «классическая техника рассказа (или, вернее, новеллы)», умение «относить драматическую напряженность, создаваемую ею, не к поступкам действующих лиц, не к событиям, а к некоему их субстрату, лирически пережитому, к некой судороге чувств и мысли, в которой весь смысл рассказа и заключен» (№ 3. С. 84). По мысли Вейдле,

такая «двойная субъективность (свой, а не общий для всех мир, и с ударением не на нем самом, а на том, как он увиден)» приближает Бунина к книге М.Пруста «В поисках утраченного времени». «Да и вся эта субъективизация повествовательных форм, к которой Бунин пришел во второй половине жизни, ставит его в непосредственное соседство с такими западными современниками его, как прежде всего Пруст, а затем Свево, Музиль, Вирджиния Вулф, отчасти и Джойс. По намерениям он несравненно консервативнее их, но по результатам он к ним ближе, чем какой-либо из поэтов, писавших прозу, в лагере ему враждебном, за исключением *Андрея Белого*» (№ 3. С. 84—85).

Попытку соотнести Бунина с западной литературной традицией находим и в рецензии М.Кантора на последний сборник писателя «Петлистые уши и другие рассказы» (1954). Критик сопоставляет Бунина с У.Фолкнером: «...у обоих писателей таинственно связаны между собой два земных властелина: Смерть и Пол» (№ 5. С. 96). По мнению Кантора, рецензируемый сборник «позволяет проверить представления о Бунине, сложившиеся за полвека». Писатель был страстно привязан к жизни «и потому не мог примириться со смертью, и эта антиномия у него носила характер глубокого и неразрешимого душевного разлада» (Там же. С. 95).

В.В.Набоков представлен в журнале стихами (№ 1, «Неправильные ямбы»), «Воспоминаниями» (№ 3) и «Заметками переводчика» (№ 8). Помимо автобиографических данных, присутствующих в его «Воспоминаниях» (посвященных жене), особый интерес представляют размышления автора о творческом своеобразии двуязычного писателя. Основой для публиковавшихся в «О» глав послужило американское издание воспоминаний (на англ. яз.). «Удержав общий узор, — писал Набоков, — я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо...» (№ 7. С. 4). Автор пояснял далее: «Когда в 1940 г. я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски, и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни, русской публицистики — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами — и чудовищные трудности предстоящего перевоплощения, и ужас расставания с живым ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться, скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня» (№ 3. С. 18). К обретению своего стиля писатель шел разными путями — все средства были хороши; со свойственной ему иронией он писал о том, что ему, в частности, помогало «цветовое» (точнее было бы сказать, цвето-гастрономическое) впечатление от букв: «В белесой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба» (там же).

В журнале, хотя бы раз, так или иначе были представлены многие писатели «первой волны» эмиграции. Ю.Иваск проявил себя как редактор журнала, автор стихов (№ 1), статей «Записки читателя» (№ 4), «Заметки читателя» (№ 6), «Философ в дурацком колпаке (Филимонов)» (№ 8), но особенно как литературный критик — ему принадлежит самое большое число рецензий, а по сути — литературно-критических статей. Благодаря ему, а также Ю.Терапиано и М.Кантору раздел «Библиография» оказывался подчас весомее раздела «Критика».

В «О» печатались известные поэты «первой волны»: *А.Гингер* (№ 6; см. также рецензию на его сборник «Весть» — № 8, Ю.Иваск), С.Маковский (№ 1, 5; см. рецензии: на его сборник «На пути земном» — № 2, Ю.Терапиано; на его сборник «Еще страница» — № 9, Ю.Иваск; на биографическую книгу «Портреты современников» — № 5, Д.Кленовский), И.Одоевцева (№ 1, 5, 8), В.Пастухов (№ 2), *С.Прегель* (№ 5), *А.Присманова* (№ 2, 4, 7, 9), В.Смоленский (№ 1; см. рецензию на его «Собрание стихотворений» — № 9, Ю.Терапиано), *В.Ходасевич* (№ 1, 2; см. статью о нем В.Ледницкого

«Литературные заметки и воспоминания» — № 2), Л.Червинская (№ 1; см. рецензию на ее сборник «Двенадцать месяцев» — № 8, Ю.Иваск), И.Чиннов (№ 1, 4, 7, 8). М.Цветаева представлена в журнале ее письмами к А.Штейгеру (№ 7—8, предисловие К.Вильчковского); а ее творчество освещалось в статьях Е.Извольской «Тень на стенах» и В.Вейдле «Проза Цветаевой» (№ 4), в библиографической заметке «Цветаева и другие поэты» (№ 9, С.Г.).

Творчество Г.Иванова воспринималось как особенно типичное по своим настроениям для эмиграции — как «первой», так и «второй» волны. «Что связывает нас? Всех нас?/ Взаимное непониманье?» — эти строки поэта В.Марков поставил эпиграфом к своей статье «О поэзии Г.Иванова», где сравнивал поэта с В.Ходасевичем, М.Цветаевой, Б.Пастернаком. Размышляя о современности поэта, критик писал: «Георгий Иванов верен веку и себе более, чем пишущие статьи о политической сущности момента; он открыт ему, как пушкинское эхо, может окрасить строку и в политику, ничего не удешевляя при этом» (№ 8. С. 84). Г.Иванов — «поэт русской эмиграции, потому что в эмиграции, и благодаря ей, он стал поэтом единственным и неповторимым... он больше других писал в стихах об эмиграции и с эмигрантской точки зрения. «Парижская нота» — примечание к Георгию Иванову» (там же). Его стихи публиковались в № 1, 2, 5, 8 и 9. В последнем были напечатаны пророческие строки, написанные в августе 1958 г.: «...Ну не забавно ли, что я умру/ Не позже, чем на будущей неделе?» Его не стало 28 августа. В этом же девятом номере публиковалась статья «От редакции» — «Памяти Георгия Иванова», где его характеризовали как поэта «безвременья», который «присоединил к русской поэзии новую провинцию — зарубежную Россию» (№ 9. С. 5). Тема стихов Г.Иванова — «это разочарование во всем, отрицание всего самого лучшего и доброго. Ведь музыка Блока, что-то ему и обещавшая, обманула, и нет больше той России, нет Петрограда, нет бессмертия, Блока. Эпилог всего: «Отвратительный вечный покой...» (Там же. С. 4). В рецензии на второе издание его «Петербургских зим» (предисловие В.Завалишина), опубликованной в № 1, Р.Н.Гринберг напоминал об истоках этих настроений еще в российскую бытность: «И так водит нас Георгий Иванов по Петербургу, заводит во дворцы и убогие квартиры, на литературные посиделки имажинистов, футуристов, акмеистов; мы встречаем шарлатанов, говорунов, иногда настоящих художников; мы были на концерте глухонемых... Много ночей Георгий Иванов проводит в «Бродячей собаке» и подобных подвалах, там, где столичные полуночники... бродяжничают... В этом угаре доносится гул, предвещающий ужасный конец всей этой жизни. Скоро все «страшно кончится» (№ 1. С. 194).

Подведение итогов, обобщение опыта — этими задачами были проникнуты все разделы журнала. В рецензии на книгу Г.Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956) Ю.Иваск писал: «Совершенно очевидно, что литература в изгнании — это некое целое и, к счастью, не единое: всякое единство (стиля, тематики) для искусства губительно. Чем оно разнообразнее, противоречивее, тем лучше...» (№ 7. С. 105—106). Г.Струве «творит свою легенду о зарубежной литературе, но вместе с тем остается исследователем и с большой объективностью передает чуждые и даже враждебные ему критические суждения... Книга незаменима» (Там же. С. 106).

Сведений о советской литературе и об отношении к ней русской эмиграции в журнале было немного. Из «советских» материалов публиковались: рассказ И.Бабеля «В щелочку» (№ 2); «Мелочи о Горьком» (№ 2) и «Вокруг Есенина» (№ 3) — *Ю.Анненкова*; «О борьбе за индивидуальность» — «заметки на полях» Г.Аронсона (№ 4); «Страна воспоминаний (О Рюрике Ивневе)» — Вс.Пастухова (№ 5); «Клюев (1887—1937)» — Ю.Иваска (№ 2). В оценке творчества Клюева сказалась прозападническая ориентация журнала; это особенно очевидно в рецензии на его двухтомное Собрание сочинений, вышедшее в издательстве Чехова в 1954. Ю.Иваск писал: «Ужасна клюевщина: вся эта сусальная китежская Русь, все это лубочное неонародничество... Пестрит в глазах, звенит в ушах от его словечек — олонецких, хлыстовских, и им самим выдуманных... «Крестьянский поэт», но ведь вместе с тем и декадент, даже почище многих других декадентов: серебряный крест поверх русской рубашки, а глаза подведены, намазан...» (№ 4. С. 104).

В девятом номере (1958) публиковались стихи Б.Пастернака из романа «Доктор Живаго», статьи В.С.Франка «Стихи Б.Пастернака из романа «Доктор Живаго» и Ю.Иваска «Стихи Живаго-Пастернака». Пастернаковский «бум» отличает многие эмигрантские журналы в период выхода за границей в 1957 его романа, отмеченного Нобелевской премией в 1958.

Из всех поэтов метрополии был выделен О.Мандельштам. Первый номер, раздел «Стихи», открывался «Неизвестными в эмиграции стихами Осипа Мандельштама» (относящимися к 1923 и 1931). Публикацию предваряет предисловие Ю.Терапиано. Приоритетное положение поэта-урбаниста характерно для поэтической ориентации журнала. Стихи Мандельштама звучали как «пароль», что отмечал Ю.Иваск в предисловии к письмам Ю.Галю, опубликованным в четвертом номере: «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем...» (№ 4. С. 99). Это чаяние-убеждение О.Мандельштама разделяли многие в эмиграции. Седьмой номер открывался «Шуточными стихами» поэта. В шестом публиковалась рецензия Ю.Иваска на Собрание сочинений поэта. Критик ставил вопрос: «Почему Мандельштама называют поэтом для поэтов?» и отвечал: «Поэзия Мандельштама — поэзия чистая, но вместе с тем не бесплотная, а очень даже вещная. «Вещи» его взяты из «сокровищницы культуры» разных эпох. У Мандельштама есть Эллада Гомера, Рим Овидия, Византия Айя-Софии и Афона, Венеция Тициана, Франция — и готическая, и классическая, Германия скальдов и Баха, Англия Диккенса, Шотландия Оссиана и многое другое... А его Россия — преимущественно петербургская (хотя воспевает он и Москву, и Тавриду). Мир Мандельштама наполнен «культурными ценностями», но не перегружен. Нет в нем парнасского музейного холода, нет пошлых и часто безвкусных декораций Эредиа или Волошина. Его поэзия — одушевленная, живая. Культура и натура слились в ней...». Так, Петербург Мандельштам иногда «эллинизирует, называет его Петрополем. Он подчеркивает античный замысел Града Петрова, он восхищается его классицизмом, созданным итальянскими зодчими и овеянным поэзией пушкинской эпохи. Но мандельштамовский Петербург — это также и натура: там «мороз трещит», там кучера «умаялись от крика» и даже «пахнет дымом бедная овчина». Культура и натура: обе они слиты в очищенной поэзии, но все еще жива, цела, как и в стихах Батюшкова, Пушкина, Дельвига. От них традиция Мандельштама» (№ 6. С. 89—90).

В журнале затрагивались и религиозные вопросы: в статьях А.Шмемана «О Византии» (№ 3), *Л.Шестова* (публиковались главы о бл. Августине из книги «Sola fide». — № 3), в высказываниях К.Гершельмана под заголовком «О «царстве Божием»» (№ 4), в статье Ю.Иваска «Георгий Петрович *Федотов* (1886—1951)» — № 7.

А.А.Ревякина

«ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК» (Париж, 1942. 14 июня — 1944. 12 августа. № 1—112) — еженедельная газета, выходившая по воскресеньям. Основана приказом Militärbefehlshaber in Frankreich от 21 апреля 1942, когда Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции был реформирован в Управление делами русских эмигрантов во Франции под руководством Ю.С.Жеребкова. Редакция «ПВ» стала одним из отделов Управления и придерживалась его идеологии. В этом отношении газета мало отличалась от берлинского *«Нового слова»*. В 1942 главным редактором «ПВ» был П.Н.Богданович (№ 1—22), затем О.В.Пузино (№ 23—61), совместно П.Н.Богданович и Н.В.Пятницкий (№ 64—68), а с № 69 — Н.В.Пятницкий. В газете печатались передовицы и статьи — Ю.С.Жеребкова, *П.Н.Краснова*, С.Н.Краснова, А.А.Власова, Н.Н.Головина и др.

Так же как и «Новое слово», «ПВ» публиковал большие циклы статей и отдельные очерки о жизни в Советском Союзе и в эмиграции: «Баллада о тюрьме» Н.Анина (ноябрь 1943 — январь 1944), «Жизнь под пятой большевизма» Н.Мельникова (май—июнь 1944), «Россия в изгнании» Вл.Абданк-Коссовского (февраль—июль 1944). О театре регулярно писали С.Лифарь, А.Бенуа, *А.Плещеев*, о музыке — Н.Куров. В.Иринин опубликовал полумемуарную статью «Кинематограф» (1944. 22 и 29 апр., 6 мая), *Н.Н.Евреинов* — статью «Своя семья» (к открытию «Театра русской драмы») (1943. 23 окт.). В качестве авторов в газете

печатались большей частью бывшие сотрудники *«Возрождения»* и *«Меча»*. *А.Ренников* вел рубрику «Маленький фельетон», как делал это ранее в «Возрождении».

Изрядную часть литературных материалов газете поставляли члены созданного в 1940 Объединения русских деятелей литературы и искусства (так называемого «сургучевского Союза писателей»). Газета публиковала стихи *В.Горянского, Н.Туроверова, М.Волковой,* Марии Нижерадзе, Н.Станюковича, Дм.Крачковского, прозу *И.Сургучева, И.Шмелева,* Г.Евангулова, А.Ренникова, *А.Величковского,* статьи и очерки П.Краснова, *Г.Мейера,* Б.Ивинского, Н.В.Пятницкого, С.Лифаря, А.Дурасова и др.

Чаще всех печатался в газете руководитель литературной секции Объединения И.Сургучев. Помимо «Парижского дневника», который периодически появлялся на страницах газеты с июля 1942 по июнь 1943, он опубликовал ряд рассказов и очерков: «Картина Короткова» (1942. 9 авг.), «Медаль» (1942. 20 сент., 4 окт.), «Эллин» (1942. 25 окт.), «Праздник праздников» (1943. 24 апр.), «Рим» (1943. 31 июля, 14 и 28 авг.), «Нищий» (1943. 9 окт.), «Среди людей» (1943. 23 окт.), «В метро» (1943. 6 нояб.), «Случай во Флоренции» (1943. 27 нояб.), «Пасха в Мессине» (1944. 15 апр.). И.Шмелев опубликовал несколько глав из книги «Лето Господне» (1942. 19 и 26 дек.; 1943. 9 и 30 янв.), рассказы «Чортов балаган» (1942. 6 сент.), «Рождество в Москве: Рассказ делового человека» (1944. 8 янв.), «Почему так случилось» (1944. 15 и 22 апр.) и статью о стихах *Ив.Новгород-Северского* «Певец ледяной пустыни» (1943. 23 окт.). 8 января 1944 газета напечатала посмертную статью *Д.С.Мережковского* «Большевизм и человечество».

Наиболее квалифицированным критиком в газете был Г.Мейер. Он опубликовал несколько литературоведческих статей, в том числе объемное исследование «Бунтующие» герои Пушкина» (1942. 12, 19 и 26 дек.) и статью о незавершенных произведениях Грибоедова «Пропавшие трагедии» (1942. 6 сент.). Исследуя в статье «Символизм и большевизм» (1942. 28 июня) духовные истоки этих движений, он пришел к выводу: «Российские декаденты и символисты, за исключением, конечно, Иннокентия Анненского, лишь по недоразумению причисленного к этому кругу чуждых ему людей, бесспорно подготовили почву для воцарения нынешних властителей России». Г.Евангулов опубликовал рассказ «Двойная судьба» (1942. 11 окт.) и статью «*К.Д.Бальмонт* (к годовщине смерти)» (1944. 22 янв.). Печаталось литературно-историческое произведение Н.Туроверова «Конец Суворова» (1942. Сент.—окт.).

Начиная с августа 1943 в газете под псевдонимом Николай Анин регулярно публикует статьи и очерки офицер РОА, не пожелавший раскрыть свое настоящее имя. Среди них несколько статей на литературные темы: об Ахматовой — «Ленинградские ночи» (1943. 21 авг.), о советской сатире и советских анекдотах — «Сатана смеется» (1943. 4 сент.), «Зависть» (1943. 27 нояб.), «Очарованная душа (студенческая быль)» (1944. 20 и 27 мая). В.Унковский в статье «Советская литература» (1943. 6 марта) подразделил всех писателей в СССР на несколько групп: помимо дореволюционных писателей, не сумевших или не захотевших эмигрировать, есть еще «попутчики», «возвращенцы», «советские барды» и «нейтралы».

Несколько раз газета обращалась к жизни и творчеству *М.Горького.* Повести «Мать» посвятил статью «Страничка из прошлого» (1942. 12 июля) Г.Мейер, отметив, что не зря «все более или менее заметные литературные критики и писатели неизменно отзывались о ней с величайшим презрением». В.Блюменталь-Тамарин написал о Горьком статью под названием «Певец большевизма» (1943. 23 янв.). Позже из «Нового слова» была перепечатана статья за подписью Проф.Соловецкий «Максим Горький в Соловках» (1944. 12 авг.). 23 октября 1943 под названием «Встречи с Толстым» и за подписью Юс были опубликованы воспоминания о том, как Л.Толстому исполняли «Крейцерову сонату». В статье «Ростки жизни (журнал «Современник»)» (1943. 11 сент.) Н.Пятницкий приветствовал первый номер нового симферопольского журнала, в котором были опубликованы произведения Шмелева, Бальмонта и Волошина. В.Унковский посвятил памяти поэта статью «Смерть Бальмонта» (1943. 30 янв.). Из прочих материалов к литературе имеют отношение статьи Н.Ливчака «Вишневый сад»: Литературно-критический очерк» (1943. 13 нояб.), Н.В.Пятницкого «Северное сияние. Чудо Ломоносова. 1711—1765» (1944.

8 апр.), Г.Инсарова «Русский Фауст (Ф.И.Тютчев)» (1944. 6 мая) и «Огненный столп: Н.С.Гумилев» (1944. 15 июля), А.Величковского «Леонардо да Винчи и Ломоносов» (1942. 26 июля).

О.А.Коростелев

«РОДНЫЕ ПЕРЕЗВОНЫ» (Брюссель, 1952. Сентябрь. № 1 — 1970. Сентябрь. № 217) — ежемесячный «журнал литературы, истории, мысли и быта для русской эмиграции», редактор-издатель П.П.Анненков. Публиковались в основном произведения писателей второй волны эмиграции. Из писателей «первой волны» — *И.Лукаш* представлен перепечаткой глав из романа «Бедная любовь Мусоргского» (1969. № 205—208), главами из неизданной книги «Московия — страна отцов» (1970. № 209). М.А.Губерт в статье «Два поэта — Блок и Гумилев (опыт сравнительной характеристики)» (1969. № 205) писал: «Блок и Гумилев ушли из жизни, разделенные взаимным непониманием. Но вражда их была только недоразумением. Оба они жили и дышали поэзией, вне поэзии для них не было жизни. Оба беззаветно, мучительно любили Россию. Оба ненавидели всякую фальшь, ложь, притворство, недобросовестность... Оба и в творчестве, и в жизни были предельно чисты и оба на страшном личном примере это доказали» (с. 15) (Перепечатано из газеты «Русская жизнь». Сан-Франциско, 1969. 14 марта). З.Зиновьев в статье «Галерея образов, созданных Тургеневым» (1969. № 203) пишет о продолжении пушкинских традиций в творчестве писателя. В его же статье «Значение В.А.Жуковского в истории русской литературы» (1967. № 183) обращается внимание на то, что «приходится говорить не столько об его романтизме, сколько о том, что он приобщил нас к сокровищнице западноевропейской поэзии, а в мелодических и легких стихах своих самостоятельных стихотворений показал великую ценность поэтического выражения переживаний идеально настроенной души» (с. 6). В связи с выпуском № 200 (1969. Май) «РП» редактор-издатель получил многочисленные письма-приветствия, напечатанные в № 201.

А.Ф.Головенченко

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Париж, 1947. 19 апреля. № 1 — продолжается) — еженедельная газета (с ноября 1948 выходила два раза в неделю, с октября 1955 — три раза в неделю, с 1968 — снова еженедельно). Была основана как орган русских секций французских конфедераций дружинников-христиан (первые два года название этого органа печаталось в выходных данных на титульном листе издания). Редактор — В.А.Лазаревский, затем С.А.Водов (с 1954 по 1968), *З.А.Шаховская* (1968—1978), И.А.Иловайская-Альберти (с 1979).

После окончания второй мировой войны многих русских эмигрантов охватило стремление вернуться на родину. Проводниками такой просоветской линии во Франции, поддерживаемой французским правительством, была с 1944 газета «Русский патриот» (с марта 1945 — «Советский патриот») и с мая 1945 *«Русские новости»*. Против подобных настроений пыталась выступить в печати немногочисленная группа общественных и литературных деятелей, объединившаяся вокруг С.П.Мельгунова. Несколько раз пробовал добиться у французского правительства разрешения издавать национальную газету В.А.Лазаревский, основатель в Париже Российского национального союза. Однако каждый раз он получал отказ. Весной 1947 года на помощь В.А.Лазаревскому пришел его знакомый, один из руководителей Католического союза «Французской конфедерации трудящихся христиан» Х.Брюне, который предложил издавать газету как орган этой конфедерации. 1 апреля на квартире В.А.Лазаревского, ставшей вскоре помещением для конторы и редакции газеты, состоялось первое заседание редакции, на котором присутствовали С.А.Водов, В.Ф.Зеелер, *П.Е.Ковалевский*, В.А.Лазаревский, В.В.Полянский. После некоторых споров из-за названия решено было, по настоянию В.В.Полянского, назвать новую газету «РМ». Для выпуска первого номера надо было внести в типографию 50 тысяч франков. В.А.Лазаревский вложил весь свой капитал — сорок тысяч, еще десять достал П.Е.Ковалевский. Первый номер вышел пасхальным, хотя и появился в пасхальную субботу. На первой странице был изображен внутренний вид храма Сергиевского подворья, напечатаны рассказ *И.Шмелева* «В Кремле на Святой», статья В.А.Лазаревского «Христос Вос-

крес» и обращение по-французски Х.Брюне к русским. Далее шла политическая часть, составленная С.А.Водовым, программная статья В.Ф.Зеелера «Наши задачи», в которой намечались цели «РМ», очерки *Б.К.Зайцева* «Дни» (о Франсуа Мориаке) и *Н.С.Арсеньева* «Хомяков», статья П.Е.Ковалевского «Церковные дела», стихи С.Яблоновского и др. Страницы газеты посвящаются вопросам культуры, искусства, литературы, религии, церкви и политическим комментариям общего характера. Политическая жизнь русской эмиграции находила свое отражение в кратких редакционных заметках. Их авторами были С.А.Водов, В.А.Лазаревский, позже З.А.Шаховская. В статье «Русская эмиграция перед лицом России» В.А.Лазаревский выразил кредо «РМ» относительно назначения зарубежной России: «Смирение перед Россией, непримиримость к советчине, — такова двучленная формула, определявшая морально-политический смысл эмиграции» (1947. 3 мая). Отведенная вначале для культуры страница «Литература и искусство» со временем не могла уже вмещать все материалы о культурной жизни и вскоре стала занимать едва ли не половину всего объема газеты. «...Каждая статья, каждый отчет, каждое литературное произведение, помещенное в отделе «Литература и искусство», находят своего читателя, что-то прибавляют, что-то изменяют в его повседневной жизни, и поэтому — на первый взгляд второстепенное дело для зарубежной политической газеты — ее культурный отдел, — превращается в первостепенное», — писал в статье «К десятилетию Русской мысли» *Ю.Терапиано* (1957. 27 апр.). Почти все писатели, поэты, эссеисты и философы русского зарубежья в течение многих лет работали в этом отделе.

С первого номера газеты и до конца своей жизни сотрудничал в «РМ» Б.К.Зайцев (последняя его публикация из дневниковых записей «Дни» была напечатана за три недели до кончины). За двадцать пять лет сотрудничества с газетой Б.К.Зайцев выступил почти в двухстах ее номерах. Были опубликованы главы и отрывки из будущих книг «Жуковский», «Чехов», «Далекое», «Другая Вера. Повесть временных лет», статьи, посвященные писателям-современникам («Восьмидесятилетие *А.М.Ремизова*. Письмо Ремизову» // 1957. 6 июня; «Памяти ушедших. Смерть Ремизова» // 1957. 9 дек.; «Памяти В.Зеелера» // 1954. 31 дек.; «Скончался Борис Пастернак» // 1960. 2 июня; «Пастырь добрый. *В.Зеньковский*» // 1961. 11 июля и др.). Восемьдесят семь публикаций писателя появились на страницах «РМ» под общим названием «Дни» (отд. изд.: М.; Париж, 1995). Это серия дневниковых записей, публикация которых началась еще в газете *«Возрождение»* и была прервана оккупацией немцами Парижа. В записях тесно переплетаются хроника текущих событий и философские размышления над ними, портреты современников и рассуждения о русских и зарубежных классиках, сходятся и расходятся прошлое и настоящее. «8 ноября скончался Иван Алексеевич *Бунин* — старый, больной, измученный и душевно, и телом. Я его знал с 1902 года. Целая жизнь, и его, и моя. Всегда он мне «нравился». С самых юных лет, когда я был начинающим писателем, а он уже известным, он мне именно нравился «бессмысленно» и бездумно: как нравится лицо, закат, запах леса...» (1966. 10 нояб.). В 1993 было впервые опубликовано несколько фрагментов из «Дней», относящихся к дневникам за 1939—1945 (8 янв. — 19 марта). Дополнением к записям Б.К.Зайцева явились воспоминания его дочери, Н.Б.Зайцевой-Соллогуб «Я вспоминаю...» (1997. 27 февр., 6, 13, 20 марта; отд. изд.: М., 1998). В их основу легли ее устные рассказы, подготовленные для Московского радио. Автору выпало счастье близко знать многих, «кто сейчас для нас — литература и история. Перед ее глазами и через ее душу прошла жизнь русской эмиграции «первой волны» (27 февр.).

За два с половиной года до своей кончины начал публиковаться в «РМ» А.М.Ремизов, печатавшийся до этого в «Русских новостях». 4 марта 1955 был опубликован его рассказ «Балдахал» из книги «Полевые цветы» (впервые до того напечатанный в «*Последних новостях*». 1922. 5 нояб.). В 1955—1956 была почти полностью напечатана книга «Русские женщины. Народные образы». В 1957 писатель опубликовал две главы из неизданной книги воспоминаний «Иверень»: «Встречи с Мейергольдом (в Пензе в 1898—1900)» (1957. 24 апр. — 2 мая) и «Встречи исторические. Ершов, Юрасов, Елагин» (13—14 авг.). Более тридцати раз, начиная с первого номера, высту-

пил в газете И.С.Шмелев. В 1947—1950 «РМ» была единственным периодическим изданием, где он регулярно печатался (в среднем — раз в месяц). Его статьи и очерки, впервые здесь напечатанные, вошли затем в книги «Лето Господне. Праздники. Радости. Скорби» (1948), «Душа родины» (1967), «Свет вечный» (1968). Исключение составила лишь повесть «Под горами» (1950. 30 июня — 13 сент.), печатавшаяся еще до революции. Главы из своих будущих книг печатали на страницах газеты *И.В.Одоевцева* («На берегах Невы» и «На берегах Сены»), *Ю.П.Анненков* («Дневник моих встреч. Цикл трагедий»), *Н.О.Лосский* («Воспоминания. Жизнь и философский путь»), *М.В.Вишняк* («Современные Записки». Воспоминания редактора»), *С.К.Маковский* («На Парнасе Серебряного века»), *В.С.Яновский* («Поля Елисейские. Книга памяти»), *А.Седых* («Далекие, близкие»), К.Д.Померанцев («Сквозь смерть. Воспоминания»), *Ю.П.Иваск* («Повесть о стихах»), *А.В.Бахрах* («По памяти, по записям. Литературные портреты») и др.

Стремясь полнее представить читателю творчество крупнейших русских писателей эмиграции, «РМ» постоянно обращалась к написанному ими ранее. В декабре 1974 редакция для этих целей ввела рубрику «Связь времен». «В ней читатели найдут тексты русских писателей, поэтов, философов первой эмиграции. Произведения их, изданные до войны малым тиражом, остались недоступны тем, кто жил и живет в СССР. Перепечатывать эти книги невозможно при теперешних условиях. Так вот, пусть хоть частично дойдет до читателя то, что было написано теми, кто сохранил для потомства преемственность русской культуры» (От редакции // 1974. 7 нояб.). Из множества публикаций, помещенных в газете под этой рубрикой (или подразумевая ее), отметим статью *Н.Оцупа* «Венец Пастернака» (1975. 3 июля), прозу *С.Черного* «Сырная Пасха» (1978. 4 мая) и «Тихие шумы» (1994. 3 марта), прозу *Марины Цветаевой* «Лавровый венок» (1978. 9 сент.), рассказ *В.Набокова* «Тяжелый дым» (1978. 16 нояб.); «Наброски» (1980. 30 окт. и 6 нояб.) и «Вечерний спутник» (1981. 3—31 дек.) *Г.Газданова*, рассказы *Н.Тэффи* «Городок», «Разговор», «День», «Коробка», «Майский жук» и др. (1980. 20 нояб. — 25 дек.), «Старый город» *А.Куприна* (1980. 25 дек.), статью *Н.А.Бердяева* «Астральный роман» о романе *А.Белого* «Петербург» (1983. 24 февр.), речь И.Бунина «Миссия русской эмиграции», произнесенная им в Париже 16 февраля 1924 (1984. 20 и 27 дек.) и др.

С 1956 откликом на только что вышедшую в Нью-Йорке книгу В.В.Розанова «Избранное» (3 марта) и статьей «Не ко двору. Достоевский в СССР» (15 марта) в газете начал постоянно печататься *Г.В.Адамович*. Освещая состояние советской литературы на современном этапе, критик пытался придерживаться им же провозглашенного принципа: «...в пределах того, что нам известно, следует одно подчеркивать, другое перетолковывать с целью доказать, что в своих «прогнозах» мы были и остаемся правы. Если что-нибудь хорошо, надо признать: хорошо. Если что-нибудь плохо: плохо» (1962. 17 мая). В серии заметок под заголовком «Литература и жизнь» Г.В.Адамович затрагивал проблемы философской науки в СССР (1962. 13 дек.), писал о поэзии Е.Евтушенко (1962. 27 дек.), о романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» (1967. 3 янв.), о «попытках» советских литературоведов разобраться в наследии Маяковского (1962. 23 авг.) и др. Под этой же рубрикой «Литература и жизнь» 3 января 1963 года критик впервые на страницах «РМ» обращается к творчеству А.И.Солженицына. Отмечая появление повести «Один день Ивана Денисовича» как «факт большого значения, даже событие», Г.В.Адамович здесь же пишет: «Не могу согласиться с теми, кто находит у автора необыкновенный художественный талант...». Позже критик полностью пересмотрит свое мнение. В радиобеседе с В.С.Франком в 1965 на вопрос последнего «Как Вы оцениваете место Солженицына в русской литературе XX века?» Г.В.Адамович ответил: «Мне кажется, что со времен Толстого, со смерти Толстого, такого писателя в русской литературе не было. Такого значения и такого дарования» (1980. 10 апр.). Это не единственный факт пересмотра Г.Адамовичем своих прежних оценок. В 1980 газета начинает публиковать материалы из литературного наследия Г.В.Адамовича, его статьи, записи радиовыступлений, радиобесед: «О Анне Ахматовой» (24 апр.), «Толстой и Достоевский» (1 и 8 мая), «Набоков и Толстой» (22 мая), «Мориак и Россия» (29 мая), «Гумилев» (5 июня), «Пушкин»

(12 июня), «Ходасевич и Цветаева» (26 июня), «Блок и Есенин» (3 июля), «Маяковский и Хлебников» (9 окт.), «Борис Зайцев» (1981. 12 и 19 февр.) и др. В рецензиях на сборники поэтов-эмигрантов (*Л.Червинская*. 1956. 19 июля, *А.Гингер*. 1957. 31 янв., *С.Прегель*. 1958. 28 марта, Л.Ганский. 1962. 6 окт., Ю.Терапиано. 1964. 7 марта и др.) Г.В.Адамович продолжает давнюю полемику о состоятельности «парижской школы» русской поэзии, он находит у каждого поэта его индивидуальное, исключительное, тем самым опровергая утверждения скептиков, «будто «парижская школа» страдает унылым однообразием» (1957. 31 янв.). Публикуются его статьи о балете («Московский балет» // 1956. 15 нояб., «После парижского балетного фестиваля» // 1966. 5 февр.) и о танцовщиках С.Лифаре и Р.Нурееве («Балетные впечатления» // 1961. 8 июля и 12 авг.), о кино («Война и мир» на экране» // 1957. 14 февр.), мемуарные зарисовки («Встречи с Игорем Стравинским» // 1971. 22 апр., «Беседа с М.Ф.Кшесинской» // 1971. 4 марта, «Николай Оцуп» // 1962. 18 янв.) и др. Будучи постоянным автором газеты, Г.В.Адамович, тем не менее, не был ее постоянным литературным критиком и обозревателем. Ю.К.Терапиано принял на себя в 1954 роль штатного литературного критика и выполнял эту роль без малого четверть века. Благодаря его регулярным, практически еженедельным, рецензиям и обзорным статьям в «РМ» не было оставлено без внимания, по существу, ни одно сколько-нибудь заметное, а нередко и малозаметное, русское зарубежное издание. Ю.К.Терапиано писал о только что вышедших номерах журналов «*Возрождение*», «*Грани*», «*Новый журнал*», «Современник», «*Опыты*», о каждом из выпусков альманахов «*Воздушные пути*» и «*Мосты*», о томах собраний сочинений Н.Гумилева, Н.Клюева, *Е.Замятина, З.Гиппиус* и др., о поэтических сборниках и мемуарах, о книгах по философии и искусству. Особое внимание критик уделял изданиям, посвященным восточным учениям, оккультным наукам, йоге. Названия некоторых его рецензий говорят сами за себя: «Тибетский лама о ламаизме» (1957. 4 мая), «Буддизм» (1957. 10 авг.) и «Буддизм и современная наука» (1967. 11 марта), «Панмонголизм» (1964. 20 июня), «Рукописи Мертвого моря» (1957. 3 авг.) и к спорам о времени написания этих рукописей статья «Существовала ли секта Ессеев?» (1957. 19 окт.). Не обходил критик своим вниманием и книги, выходившие в советской России. Этим изданиям посвящены статьи «Поэты и время» (О книге П.Антокольского // 1958. 19 июля), «Антология русской советской поэзии 1917—1957» (1958. 15 и 22 марта), «О поэзии Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского» (1963. 6 и 13 апр.), «Михаил Булгаков. Пьесы» (1974. 28 нояб.). Помимо критических статей и рецензий, Ю.К.Терапиано выступал на страницах газеты с литературно-философскими эссе, публиковал статьи по истории русской литературы, мемуарные очерки, заметки памяти ушедших писателей. В статье «К спорам о поэзии» (1957. 2 февр.) и «О стилистике» (1959. 15 авг.) критик затрагивает проблему «основной слабости» современной поэзии: невнимание поэтов к стилистике, в статье «Поэт и читатель» автор задается вопросами — каков современный читатель, почему он интересуется поэзией, чем отличается читатель современный и читатель прежний (1956. 1 дек.), а в полемической заметке «Три литературы» возражает против прямолинейного деления некоторыми критиками русской литературы на три: советская, эмигрантская старая, эмигрантская новая. Творчеству *Г.Иванова* посвящены статьи «Поэт и современность» (1959. 29 авг.) и «Пути поэзии» (1961. 23 сент.). Суть поэзии Г.Иванова, по словам Ю.К.Терапиано, в том, что «вечная тема поэзии — о любви, о жизни, о смерти была глубоко индивидуально, неповторимо преломлена им на наших глазах, среди нас, в наше время». Критик пишет о писательских судьбах *М.А.Алданова* (1957. 9 марта), *Г.Гребенщикова* (1956. 15 мая), *В.Смоленского* (1961. 25 нояб.), И.С.Шмелева (1960. 18 июня). В статье «*Д.С.Мережковский*» автор затрагивает спорный момент в биографии писателя — его выступление по радио в начале германского нападения на Советский Союз, описывает «безлюдные» его похороны в декабре 1941, а в заключение данного эпизода пишет: «Мережковский, при всех своих выпадениях во «временное», все-таки в самом главном остался верен «вечному», о нем, по преимуществу, думал в те страшные годы второй мировой войны, и все происходившее тогда в мире хотел воспринимать как акт космической

трагедии, в которой Россия — для него — была в центре» (1965. 27 нояб.). В 1970 Терапиано начинает публиковать в «РМ» серию мемуарных очерков, посвященных как отдельным писателям, так и литературным объединениям, издательствам, наиболее интересным эпизодам из литературной жизни русского Парижа: *«Довид Кнут»* (1970. 16 июля), «Александр Гингер» (1971. 13 мая), «Николай Оцуп» (1971. 2 сент.), «С.К.Маковский» (1972. 22 июня), «Конец Мережковских» (1973. 25 янв.), «Круг» (1972. 10 авг.), *«Новоселье»* (1973. 25 марта), *«Зеленая лампа»* (1974. 16 мая; 1975. 6 и 13 марта), «Рифма» (1975. 21 авг.). Все эти очерки предполагались для будущей книги «Зарубежные поэты» (вышла в 1987 под названием «Литературная жизнь русского Парижа за полвека. 1924—1974»). Периодически на страницах газеты появлялись его статьи, посвященные литературе XIX века: «Мицкевич и Пушкин» (1957. 18 мая), «Гоголь и магия» (1959. 11 апр.) и «Магия у Гоголя» (1971. 9 сент.), «А.К.Толстой» (1967. 19 окт.), «Драма Пушкина» (1962. 17 марта), «О Поле Верлене» (1959. 8 авг.), «О безумии Вл.Соловьева» (1956. 29 сент.) или литературе начала XX века: «Валерий Брюсов» (1959. 24 окт.), «О Блоке и Гумилеве» (1957. 7 сент.), «О Хлебникове» (1961. 3 июня).

Свою рубрику «Дневник читателя» вел в газете многие годы *Г.П.Струве*. (Одновременно такую же рубрику он вел и в *«Новом русском слове»*.) На страницах «Дневника» публиковались рецензии, обзорные статьи: «Александр Блок и зарубежная печать» (1955. 31 авг.), материалы по истории русской литературы. В 1962 в Советском Союзе начала выходить «Краткая литературная энциклопедия», выход каждого тома которой отмечался в «Дневнике» публикацией обстоятельного разбора его содержания (1965. 28 сент. и 5 окт., 1966. 3 дек., 1967. 3 и 10 авг., 1969. 17 апр. и 1 мая, 1972. 17 февр., 1973. 7 июня, 1975. 10 и 17 июля и 11 сент., 1979. 1 марта). Г.П.Струве анализировал издание с точки зрения включения в него, во-первых, репрессированных писателей советского периода, а во-вторых, писателей, принадлежащих к зарубежной русской литературе. Автор анализа пополнял пропуски, уточнял отдельные факты биографий писателей, на конкретных примерах показывал субъективный подход составителей к содержанию энциклопедии. Г.П.Струве сетовал на отсутствие в первом томе имен Г.В.Адамовича, *Н.Н.Берберовой*, Н.А.Бердяева, *А.Л.Бема*, *С.М.Волконского* и др., во втором — И.В.Гессена, *Дон-Аминадо*, *В.М.Зензинова* и др., в третьем — *В.Корвин-Пиотровского*, *Г.Н.Кузнецовой*, *В.П.Крымова* и др., в четвертом — Г.Л.Лозинского, С.К.Маковского. Подробно на страницах «Дневника» было рассмотрено издание «Писем Марины Цветаевой к Анне Тесковой». Г.П.Струве посвятил книге восемь статей (1969. 17 июля — 4 сент.). В жанре литературной критики на страницах «РМ» также сотрудничали Н.Н.Берберова (с 1947 по 1950), Н.А.Оцуп (1950-е), З.А.Шаховская (1980-е), эпизодически — Ю.П.Иваск, И.В.Одоевцева, *М.Л.Слоним*, В.Н.Сперанский, *В.В.Вейдле* и др. На богословские и религиозные темы в газете писали Н.С.Арсеньев, К.А.Ельчанинов, Л.А.Зандер, В.В.Зеньковский, еп. Кассиан (Безобразов), архим. Киприан (Керн), П.С.Лопухин, И.Ф.Мейендорф и др. О. *Иоанн Шаховской* публиковал тексты своих бесед и проповедей, философски размышлял на страницах газеты над ценностями жизни, над религиозными обрядами, над тайнами творчества. Среди напечатанных статьи «О тайне человеческой жизни» (1963. 17 янв.) и «Бессмертие» (1970. 4 июня), «Очерки духоведения» (1977. 28 июля), «О тайне поэзии» (1971. 23 дек.), «Повесть о совести. Из бесед с русским народом» (1983. 8 дек.) и др. Н.О.Лосский выступал с научными статьями о христианстве, многие из которых увидели на русском языке впервые свет на страницах «РМ» (до того опубликованные лишь на английском). О церковной жизни в эмиграции и о церковных деятелях постоянно, начиная с первого номера газеты, писал П.Е.Ковалевский. Ему же принадлежат многочисленные статьи по истории русской эмиграции. Среди них: «Судьба русских ученых в Праге» (1949. 13 мая), «Четверть века Сергиевского Подворья» (1949. 18 июля), «Русские технические и культурные достижения» (1950. 25 янв.), «Русские колонии Дальнего Востока» (1955. 21 сент.), «Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа и его судьба» (1959. 22 нояб.) и т.п. Всего П.Е.Ковалевским опубликовано в «РМ» около 1800 статей, рецензий, некрологов.

Полноправное место на страницах газеты, наряду с литературой, неизменно занимали искусство, театр, музыка. Из художественных критиков и искусствоведов сотрудничали в газете первый редактор театрально-музыкального отдела газеты А.А.Шик, Ю.П.Анненков и Б.Н.Лосский. Регулярно печатаемые обзоры А.А.Шика «По выставкам» (до 1968) и Ю.П.Анненкова «Художественные выставки» (до 1974) давали читателям газеты, разбросанным по разным частям света, представление о художественной жизни Парижа. Б.Н.Лосский свои публикации посвящал главным образом искусству XVII—XVIII вв. Среди публикаций 1970—1980 статьи о выставках Рубенса (1978. 19 янв.), Эль Греко и Веласкеса (1976. 3 июня), Шардена (1979. 22 февр.), Буше (1986. 7 нояб.). В 1956—1957 несколько раз на темы искусства выступил С.К.Маковский. Это были очерки, где тесно переплетались между собой живые строки мемуариста и оценки критика: об архитекторах А.Я.Белобородове (1956. 7 авг.) и А.Л.Полякове (1956. 14 авг.), художниках Н.К.Рерихе (1956. 19 июня и 24 июля), Д.С.Стеллецком (1956. 28 июня) и М.В.Добужинском (1957. 18 апр.), С.М.Волконском (1956. 10 и 12 июля). На страницах, посвященных театральному искусству, более тридцати лет печатался С.М.Лифарь. Наряду с регулярными заметками об отдельных постановках, премьерах, солистах, хореографах, декораторах, С.М.Лифарь выступал с воспоминаниями (его записи о С.П.Дягилеве начали публиковаться 20 января 1954), делился с читателем своими наблюдениями над развитием балетного искусства не только на Западе, но и в советской России. В статье «Балет в советской России и Западной Европе» (1951. 13 и 18 июля) С.М.Лифарь предпринял попытку опровергнуть мнение советской балетной критики, что балет в России имеет неоспоримое мировое первенство (1958. 26 июля). В музыкальном отделе газеты публиковались статьи теоретика и историка музыкального искусства Л.Л.Сабанеева, писавшего едва ли не о всех крупных русских композиторах XIX—XX веков, в т.ч. композиторах русской эмиграции (С.Рахманинове, С.Прокофьеве, Н.Метнере, А. и Н.Черепниных, И.Стравинском и др.), материалы на общемузыкальные темы: «Отражение технического прогресса в музыке» (1962. 3 нояб.), «О музыкальном слухе» (1962. 10 нояб.), историческая справка «Русские колокола» (1961. 3 авг.), «Отражение Пушкина в русской музыке» (1962. 24 марта), воспоминания о Рахманинове (1962. 8 июля) и личных встречах с П.И.Чайковским (1960. 26 мая).

Л.А.Мнухин

«РУССКИЕ НОВОСТИ» (Париж, 1945. 18 мая. № 1 — 1970. 13 ноября. № 1288) — еженедельная газета; с подзаголовком: «выходит по пятницам». Редактор А.Ф.Ступницкий (1945—1951), затем М.Бесноватый (1952—1970). Издание просоветской ориентации, основанное в продолжение *«Последних новостей»* группой их бывших сотрудников. Претензии еженедельника на преемственную связь с «Последними новостями» оценил в своих воспоминаниях *А.Седых*: «От милюковской газеты в этих «Русских новостях» был только украден шрифт заголовка да попытка использовать престиж покойного Павла Николаевича, который, конечно, с презрением отверг бы газетку, покорно выполняющую московские задания. Несколько человек, введенных в заблуждение А.Ф.Ступницким, прекратили свое сотрудничество после первых же номеров» (Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 177—178). Действительно, многие публицисты, выступившие на страницах еженедельника весной и летом 1945, в дальнейшем от сотрудничества в нем воздерживались. Так, одной статьей ограничился В.А.Маклаков («Советская власть и эмиграция» // 1945. 25 мая), двумя — Е.Д.Кускова и А.Седых.

Среди литераторов, пришедших в «РН» по соображениям идеологического порядка, прежде всего необходимо назвать *Г.В.Адамовича*. Свою позицию он сформулировал в эссе «Конец разговора», где вспоминал, как удручен и растерян был осенью 1939 и как в 1941 «почти обрадовался вступлению России в войну»: «Обрадовался прояснению мировой обстановки, сознанию, что огромное общерусское дело совпадает с моим личным делом, покрывает его, растворяет его в себе. Эмиграция кончилась 22-го июня 1941 года. В этот день она не то чтобы потеряла смысл: она потеряла полноту своего права на существование» (1945.

18 мая). В последующих номерах газеты текстами Адамовича (в том числе под псевдонимами: Сизиф, Ю.Сущев) заполнялось по две-три полосы. Помимо литературно-критических материалов, печатавшихся под рубрикой «Литературные заметки», он регулярно помещал в газете публицистические статьи, фельетоны, передовицы, театральные обзоры, кинорецензии, хронику, некрологи. Между эмигрантскими и советскими писателями критик распределял свое внимание поровну. На страницах газеты им были отрецензированы «Пятеро и другие» *М.О.Цетлина* (1946. 24 мая), «Темные аллеи» *И.А.Бунина* (1947. 3 янв.), «Все о любви» *Н.А.Тэффи* (1947. 4 апр.), «Зеленый шум» *Б.Г.Пантелеймонова* (1947. 1 авг.), книги стихов *Г.А.Раевского*, *И.Яссен* (1946. 6 июня), *В.А.Мамченко*, *А.С.Присмановой*, Е.Ф.Рубисовой (1946. 6 дек.), сборники «Встреча» (1945. 27 июля) и «Орион» (1947. 16 мая). Обозревая содержание вышедших в Москве антологий советской поэзии (1945. 6 июля; 1948. 17 дек.), Адамович выделял М.И.Алигер, С.П.Щипачева и особенно К.М.Симонова (1945. 7 сент.; 1947. 21 марта). Высокая оценка дана поэме А.Т.Твардовского «Василий Теркин» (1947. 7 февр.). Из романов отмечены «Молодая гвардия» А.А.Фадеева (1947. 17 янв.), «Первые радости» К.А.Федина (1947. 13 июня). Разбор художественных достоинств «Тихого Дона» завершается констатацией того факта, что современная советская проза коренным образом отличается от западной: «Между Сартром, например, или Миллером, с одной стороны, и Шолоховым, с другой, — такая пропасть, что, кое-как перескочив ее, невольно сам себя спросишь: если то литература, то литература ли это. Ответ на такие недоумения выходит далеко за пределы искусства» (1946. 30 авг.). Постоянной темой критических размышлений Адамовича были в этот период и искания западных авторов. В газете он представил читателю нашумевшие произведения Г.Миллера (1947. 31 янв.), Э.М.Ремарка (1946. 8 нояб.), Ж.П.Сартра (1946. 12 июля), дал анализ литературной ситуации во Франции (1945. 15 марта) и Америке (1946. 26 апр., 10 мая). Из публикаций Адамовича, приуроченных к литературным датам, отметим юбилейное приветствие И.А.Бунину (1945. 9 нояб.), очерки о скончавшихся в 1945 *А.Н.Толстом* (1945. 1 июня) и П.Валери (1945. 10 авг.), статьи к годовщинам смерти П.Верлена (1946. 25 янв.), *М.Горького* (1946. 5 июля), А.А.Блока (1946. 9 авг.).

О литературе и искусстве в газете регулярно писали *А.В.Бахрах* (отзывы о новых книгах), *Н.Н.Кнорринг*, Вс.Малянтович, Е.С.Хохлов, А.А.Шайкевич, Б.Ф.Шлёцер («Музыкальное обозрение»). Реже появлялись критические статьи и рецензии *В.С.Варшавского*, К.Грюнвальда, *А.Ф.Даманской*, *М.А.Каллаша*, *В.Л.Корвин-Пиотровского*, *К.В.Мочульского*, *Б.Б.Сосинского*. В колонке хроники освещались основные события культурной жизни эмиграции в Париже. Из периодических изданий «РН» больше всего симпатизировали журналу «*Новоселье*»: ему целиком посвящены статьи Г.В.Адамовича (1947. 18 июля), А.В.Бахраха (1947. 1 авг.), В.С.Варшавского (1947. 14 февр.). Публицистика была представлена именами М.А.Кедрова, Л.М.Неманова, Б.Э.Нольде, А.Ф.Ступницкого, В.Е.Татаринова и др. Сотрудничал в «РН» *Н.А.Бердяев*, поместивший здесь шесть эссе на современные темы. Интервью с писателями, художниками, артистами, политиками и «беседы» с анонимными гостями из СССР готовились Б.Бродским и *Н.Я.Рощиным* (под псевдонимом Р.Днепров; после возвращения на родину он выступал в еженедельнике в качестве московского корреспондента). Из материалов мемуарного и историко-документального плана печатались очерки о русских героях Сопротивления и о жизни Парижа в 1940—1945 (авторами их были Г.В.Адамович, А.В.Бахрах, Б.Бродский, Н.Я.Рощин); отрывок о встречах с А.Белым из автобиографического романа *В.Л.Андреева* «Голубиная музыка» (1947. 18 июля); мемуарные заметки А.В.Бахраха «Четыре года с Буниным» (1945. 9 нояб.); серия театральных воспоминаний Г.Хмары.

В литературном отделе, количественно небогатом, публиковались стихи *А.С.Гингера*, *Д.Кнута*, В.А.Мамченко, *П.С.Ставрова*, *Ю.К.Терапиано*, рассказы и дневниковая проза Н.Я.Рощина, Б.Б.Сосинского, М.А.Струве. Но главным козырем редакции стало участие трех признанных мэтров — И.А.Бунина, *А.М.Ремизова* и Н.А.Тэффи.

О тяготах «земного быта» русского эмигранта в Париже 1940-х с горькой откровенностью говорила Тэффи в фельетоне «Тот свет» (1945. 3 авг.). В 1945—1947 Тэффи поместила в газете цикл заметок о

языке: «Я видел собаку сидеть» (1945. 28 дек.), «Наши богатства» (1946. 12 июля), «Незабываемое» (1946. 13 сент.); рассказы «А-л-ч-у-щ-и-е» (1946. 19 апр.), «Нищий», «Гордость» (1946. 27 дек.), «Соломонов суд» (1947. 11 апр.). И.А.Бунин печатался в начальный период существования еженедельника и дал пять рассказов: «Приморские Альпы» (1945. 18 мая), «В одной знакомой улице», «Качели» (1945. 9 нояб.), «Ворон» (1945. 28 дек.), «Весной, в Иудее» (1946. 19 апр.), «Памятный бал» (1947. 3 янв.). Также он опубликовал стихотворения, мемуарные заметки «Памяти П.А.Нилуса» (1946. 24 мая), резкий отзыв о книге *И.И.Тхоржевского* «Русская литература» (1946. 30 авг.). А.М.Ремизов выступил с интермедией «Розовые лягушки» (1947. 15, 22 авг.) и с фрагментами автобиографической прозы «Святый вечер» (1947. 3 янв.), «Писатель» (1947. 11 апр.).

После 1947, когда политическая обстановка во Франции изменилась и через цензурные барьеры удалось пробиться *«Русской мысли»*, а затем и мельгуновскому *«Возрождению»*, «РН» утратили свое значение. К началу 1950-х большинство известных авторов покинуло газету.

Е.Г.Домогацкая

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» (Париж, Нью-Йорк, Москва, 1978—1979. № 1—8; Нью-Йорк, Москва, Париж, 1980 — 1998. № 9—71 — продолжается). Независимый русский православный национальный орган (1978—1981), с № 17, 1982 — независимый русский православный национальный журнал. После 1974, когда на № 243 оборвалось издание журнала *«Возрождение»*, в национально ориентированных кругах русской эмиграции в Париже и Нью-Йорке возникла инициатива, приведшая к появлению в 1978 первого номера журнала «РВ». Труд по изданию журнала взяла на себя комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде РПЦ за границей, руководимая прот. Александром Киселевым. Задачи журнала сформулированы в извещении в № 1 «РВ» за 1978: «Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории». Главный редактор журнала кн. С.С.Оболенский, находясь в Париже, осуществлял общее руководство журналом, активно сотрудничая с пребывающими в Нью-Йорке членами редколлегии: В.И.Алексеевым, Р.В.Плетневым, секретарями редакции А.Е.Климовым, *А.Р.Небольсиным*, Н.Г.Семеновым, А.Н.Федоровым. В № 1—4 (1978) *Н.П.Полторацкий* опубликовал введение и первую главу исследования *И.А.Ильина* «О монархии» из курса И.А.Ильина «Понятия монархии и республики», прочитанного им в *Русском научном институте в Берлине* в 1929—1930. К 30-летию со дня смерти философа Н.П.Полторацкий подготовил публикацию неизданной лекции И.А.Ильина «О религиозном кризисе наших дней», прочитанной в Берлине 19 ноября 1922. «Современный религиозный кризис, — полагал он, — состоит по существу в том, что человеческий дух утратил цельность, а потому и подлинность и жизненную силу в очевидности... И вот, за последние полтысячи лет христианское человечество, имевшее в очевидности своей благую весть Христа, приобрело другую очевидность, очевидность безразличных к Евангелию законов материальной природы» (1984. № 27/28. С. 46—47). Необходим новый подход, — считает И.А.Ильин. «Возрождение должно быть не пассивным слепым впадением в прошлое, а активным, самостоятельным, зрячим и радостным восстановлением в себе того, что не измеряется временем и не может быть прошлым. Не к религиозной реакции следует призывать человечество; не к возвращению, а к новому, по-новому слагающемуся возрождению Евангельского откровения» (Там же. С. 45). В статье Б.Афанасьевского (псевдоним *Ю.П.Иваска*) «Русское Дело» (1980. № 10) предпринята попытка определить контуры новой православной России. По мнению автора, философия культуры будущей России яснее всего очерчена *Г.П.Федотовым* в сборнике статей «Новый Град» (Нью-Йорк, 1952) и в одноименном журнале, выходившем в 30-е.

800-летию «Слова о полку Игореве» посвящена статья прот. А.Киселева «Слово как явление православной культуры» (1985. № 32), в которой автор оспаривает распространенное в наши дни словоупотребление «православие и культура», считая его порочным, «ибо это маленькое «и» гово-

рит об огромном, о катастрофе — о раздвоении целого. Должно нами мыслиться и произноситься — православная культура» (с. 134). Киевская Русь не знала этого раздвоения. Величайшим явлением культуры древней Руси остается «Слово» — путеводная звезда в пустыне тысячелетнего странствования русского народа. Таинственным образом отступления и поражения в истории Руси и России оборачивались величайшими победами, так было и на заре нашей истории, и в XIX—XX веке. «Примерами этому испещрена вся наша история. Вспомним, как, начиная от трехсотлетнего татарского ига, через «смутное время» с поляками в Московском Кремле, через французов в 1812 году, коммунистов в 1917-м и немцев в 41-м шли мы сквозь это лютое «вразумление». Все они, эти наши наказатели — татары, поляки, французы, марксисты и немцы — с чувством своей мнимой праведности и превосходства не без удовольствия выполняли миссию бича Божия о наши спины. Тем неожиданнее для них оказалась необходимость занять вдруг наше место, место наказуемых» (с. 141). Сочувствием мученикам и страдальцам «за живую душу всего русского героического христианства» проникнуты страницы из неизданной книги *И.С.Лукаша* «Боярыня Морозова»: «Боярыня Морозова и княгиня Урусова раскольницы, — пишет И.С.Лукаш. — Они приняли все мучительства за одно то, что крестились тем двуперстием, каким крестился до них Филипп Московский, и преподобный Корнилий, игумен Печерский и Сергий Радонежский, и великая четверица святителей московских. Надо понять, что не за пресловутую «букву» поднялись стояльцы двоеперстия, а за самый Святой Дух Руси. Они поняли, что с «новинами Никона» искажается призвание Руси, они почуяли ужасающий разрыв единой народной души, единой мысли народной, падение и гибель русской земли» (1979. № 5. С. 79—80). Редакция поместила на страницах журнала еще несколько исторических этюдов И.С.Лукаша, посвященных событиям тревожного XVII в. («Москва царей» // 1984. № 25; «Азовское сидение» // 1982. № 18). Тематический 20 номер (1982) посвящен 150-летию со дня кончины преп. Серафима Саровского. Среди материалов номера статья И.М.Андреева «Преподобный Серафим Саровский», рассказ И.С.Лукаша «Медведь святого Серафима», библиография трудов о Серафиме Саровском.

В № 33 (1986) редакция поместила статью Н.П.Полторацкого «Духовно-идейный фон «Слова о полку Игореве» и русских летописей». «И безвестному русскому воину — автору «Слова о полку Игореве», — полагает Н.П.Полторацкий, — и русским монахам — составителям летописей, и древнерусскому человеку вообще было открыто что-то такое, что впоследствии, во второй половине XIX века и в XX веке, было многими представителями русской интеллигенции утрачено, — в частности и в особенности, под влиянием нигилистической и анархической (хотя субъективно и религиозной) проповеди Л.Толстого и его последователей — непротивленцев. Вчитываясь в живительные тексты «Слова» и летописей, присматриваясь ближе к их духовно-идейному фону, неизбежно приобщаешься и к тем ценностям, которые в новейшее время были частично утеряны, — к древнему русскому православию в его первоначальной чистоте и национально-русской мироутверждающей простоте и цельности» (с. 73).

В историософском опыте «Поле Куликово. 1380—1980» (1996. № 67/68) Киселев размышляет о вековой борьбе «за замысел Божий о душе русского человека»: «Мы с Вами, пережившие страшные за всю историю России 60 лет, являемся свидетелями правды пророческого Блока, рассказавшего о будущем торжестве «темного начала», которое мы пережили в новом обличии, обличии «партии Ленина—Сталина» (с. 133).

М.А.Холодная в статье «Сорокалетие Свято-Серафимовского Фонда» (1990. № 50) рассказывает об основании в разоренном войной Мюнхене в 1945 дома «Милосердный Самарянин», очага спасения для многих русских людей, оказавшихся в конце войны в Германии. Личное участие о. Александра Киселева имело решающее значение в создании дома «Милосердный Самарянин». «Был 1945 год, — вспоминает М.А.Холодная. — Бавария — Мюнхен был центром, куда сбежались русские люди, спасаясь от советских репатриационных комиссий. В то время мы, бывшие советские граждане, были в положении негров во времена «дяди Тома». Нам трудно было найти защиту даже у американских властей, недоумевавших, почему русские, особенно вла-

совцы, не хотят ехать домой, предпочитая лучше умереть в чужом краю» (с. 74—75).

После смерти кн. Оболенского в 1980—1981 журнал редактировал Г.А.Хомяков, живший в окрестностях Нью-Йорка. В 1982, начиная с № 17, издание журнала переходит в руки редакционной коллегии в составе К.И.Киселевой, О.П.Ильинского, Н.Н.Осерова и М.А.Холодной (главный редактор). В начале 90-х после переезда о. А.Киселева в Москву, редакция «РВ» принимает решение перенести издание журнала в Россию. 12 сентября 1993 Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II обращается с приветствием и добрым напутствием к издателям журнала, высоко оценив их «15-летний труд свидетельства Православной веры, как творческую силу, направленную на духовное и нравственное обновление народов нашего Отечества» (1992—1993. № 60/61. С. 4). Начиная с № 63 (1995) журнал печатается три раза в году в Патриаршем издательско-полиграфическом центре в Москве.

Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в журнале, помещен в № 62 (1995) и в № 67/68 (1996).

А.Н.Богословский

«РУССКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ» (Париж, 1955. 17 апреля — 1961. 6 мая. № 268) — еженедельная национальная надпартийная газета (позже — «Русское воскресение»), директор В.И.Романовский, редактор Н.М.Полянов. Первые два внеочередных номера газеты («пасхальный» 17 апр., «первомайский» 1 мая) явились пробными выпусками издания, где было намечено общее направление газеты. В первой редакционной заметке под заголовком «Ваша газета» провозглашались основные принципы подачи материалов в газете: «Приступая к созданию еженедельной газеты «Русское воскресенье», мы называем ее национальной и беспартийной и делаем это не случайно. Русские читатели в такой мере отвыкли от «беспартийности», что стали смешивать это понятие с отсутствием не только определенных убеждений, но и самого права на них». С первых номеров в газете (в том же 1955 название газеты было уточнено: «Русское воскресение») сотрудничали «старые и новые эмигранты, и трудно даже сказать, кто в большинстве» (1956. 29 марта). И здесь же: «Не пытаясь отрицать разницу, которая может иметься в бытовом или психологическом отношениях у эмиграции разных призывов, мы рады, что имеем право твердо заявить, что эти детали ничуть им не мешают равно любить Россию и честно служить ее интересам». Свои статьи и произведения на страницах газеты публиковали: В.К.Абданк-Коссовский, *Н.С.Арсеньев, М.Л.Гофман*, Е.А.Ефимовский, Ю.А.Кутырина, *И.Новгород-Северский*, И.К.Опишня, *И.Е.Сабурова, В.А.Смоленский, И.Д.Сургучев*, В.Н.Унковский, Е.М.Яконовский. Стихами были представлены Сергей Бехтеев, Мария Вега, *Мария Волкова, Марианна Колосова*, Иван Новгород-Северский, В.Н.Сенявин, Т.А.Смирнова-Макшеева. Из русских писателей старшего поколения чаще и больше других в газете было уделено внимание *И.С.Шмелеву*. Это объясняется, в первую очередь, тесным шестилетним сотрудничеством редакции «РВ» с известным знатоком русского фольклора Юлией Александровной Кутыриной (1891—1979), племянницей И.С.Шмелева, инициатором создания в Париже Музея-хранилища и Общества памяти писателя. Регулярно публиковались информационные материалы о деятельности Общества, освещались литературные вечера и семинары, посвященные Шмелеву. Доклад Ю.А.Кутыриной «Солнце мертвых», прочитанный ею на одном из заседаний Общества, был опубликован в газете целиком (1959. 2 и 9 мая). Статья И.К.Опишни (бывшего с 1935 сотрудником газеты *«Возрождение»*, а позже — журнала с тем же названием) о жизни и творчестве И.С.Шмелева была опубликована в рубрике «Наши культурные ценности» (1955. 20 окт.). Архивные материалы «Из переписки о. Леонтия и И.С.Шмелева» газете предоставила Ю.А.Кутырина (1956. 11 окт.). Одна из страниц «Наших культурных ценностей» была посвящена И.Д.Сургучеву, чье творчество было близким по духу редакции газеты: «О Сургучеве можно было бы написать очень много: тема для «репортажа» благодатная, так как он, действительно, наш «белый», подлинно антибольшевистский писатель, никогда не согласившийся ни на какие компромиссы, не продавший первородства «за чечевичную похлебку» (1955. 29 сент.). В годовщину смерти И.Д.Сургучева были опубликованы

воспоминания писателя В.Н.Унковского (1890—1964), знавшего И.Д.Сургучева еще по Петербургу и общавшегося с ним в последние годы его жизни, уже в Париже (1957. 16 нояб.). В статье «Иван Дмитриевич Сургучев» Е.М.Яконовский (1903—1974) написал о месте писателя в литературе русской эмиграции. При этом автор не оставил без внимания тему сотрудничества И.Д.Сургучева в *«Парижском вестнике»* Жеребкова в годы второй мировой войны (1957. 23 нояб.). Здесь же Е.М.Яконовский упрекает *Г.В.Адамовича*, который не упомянул И.Д.Сургучева в своей книге «Одиночество и свобода», но «говорил о той же *Тэффи*, причисляя ее к старому писательскому поколению». «Тэффи и Сургучев! Сопоставлять эти два имени — просто несерьезно. Писать же о первой, в отделе посвященном писателям, ставшим известными еще до революции, и молчать одновременно о Сургучеве как-то неудобно». Поэт Иван Новгород-Северский, помимо своих стихов, помещал на страницах газеты и литературоведческие «Очерки об ушедших поэтах», посвященные творчеству поэтов начала века. В его статье «Паломничество Гумилева» говорится о религиозности поэта (1960. 4 июня). «Смущающему и даже пугающему творчеству» *Георгия Иванова* в последние годы его жизни посвящена статья Г.В.Месняева (1892—1967) (1959. 17 янв.). В статье «Поэзия *Ходасевича*» В.А.Смоленский затронул несколько тем: Ходасевич и Баратынский, Ходасевич и Пушкин, особенности поэзии Ходасевича. «Муза Ходасевича не стремится ввысь, она стремится *сквозь*! Она пытается проникнуть в действительность, чтобы ее пронизать и сквозь нее прорваться. Здесь начинается трагедия Ходасевича, потому что душа разъедает мир, но и мир разлагает душу...» (1956. 1 марта). В газете напечатана статья И.К.Опишни «Русский Некрополь», посвященная кладбищу в Сент-Женевьев-де-Буа («своего рода книге, в которой внимательный путник может прочесть почти всю историю русской эмиграции в Париже») (1955. 6 окт.), его же очерк «Мария Кузнецова-Бенуа» (1955. 28 июля, подписано И.К.О.), заметки кн. С.С.Оболенского (1908—1980) «Кончина Пастернака» (1960. 4 июня), Ю.А.Кутыриной «Памяти проф. М.Л.Гофмана» (1959. 5 сент.), Е.М.Яконовского о *Г.Гребенщикове* (1956. 26 июля) и о стихах *М.Цветаевой* (1958. 24 мая), Б.Н.Ширяева (1889—1959) «Тайна Черубины де Габриак» (1955. 22 сент.). Жизнь русских эмигрантов в других странах была представлена на страницах газеты обзорами собственных корреспондентов: «Русские в Риме» (1955. 21 июля), «Русские в Аргентине» (1955. 22 сент.), «В русском рассеянии. Под небом Турции» (1958. 8 марта, 25 окт.), «Русские в Тунисе» (1960. 9 февр.). Сведения, приводимые в этих репортажах, оказывались порой весьма важными. В заметке «Русские поэты в Чили» (1955. 13 окт.) приведены фамилии членов только что образовавшегося в Сант-Яго литературно-художественного объединения «Каравелла». Среди них известные на Дальнем Востоке поэтессы Марианна Колосова и Виктория Янковская, проф. физики, поэт Николай Митрофанов и др.

Л.А.Мнухин, А.В.Савин

«САТИРИКОН» (Франкфурт-на-М., 1951. Май — 1953. № 1—26) — иллюстрированный цветной «общественно-политический журнал сатиры и юмора» (подзаголовок на обложке первого номера). Объем — 16 страниц. Выходил нерегулярно, хотя и с попыткой сохранить ежемесячную периодичность: № 6—7, декабрь—январь 1951—1952; № 11, май 1952; № 18, декабрь 1952. В первом номере была названа редакционная коллегия: Ф.Тарасов, А.Михайлов, С.Юрасов. Затем главным редактором становится Ф.Тарасов, в редколлегию входят Н.Градобоев, И.Ирклеев, И.Ирколин, Г.Климов, А.Михайлов (США), С.Юрасов (США). Журнал выпускали представители второй волны эмиграции. Поместив в конце вступительной заметки (№ 1) известное по первым «Сатириконам» изображение эмблематического персонажа, сражающегося с «Крокодилом» (символом одноименного советского журнала), четвертые «сатириконцы» обозначили преемственность между изданиями и один из главных объектов сатиры («...мы объявляем войну московскому трупоядному «Крокодилу»... Оздоровить атмосферу для возрождения народного юмора и сатиры «С» считает своим прямым долгом и вызывает «Крокодила» на кулачный бой»). Но «Крокодил»,

по выражению *Тэффи*, «молчит как из ведра».

Первый же номер нового журнала показал, что от прежних «С» с их преобладающим «краснощеким юмором» у него только название. Редколлегией делались попытки привлечь к сотрудничеству бывших «сатириконцев», еще оставшихся в живых. В № 13 (1952) была помещена заметка «Наш Парнас», сопровождавшаяся шаржами и эпиграммами на писателей «второй» эмиграции — С.Максимова, С.Юрасова, И.Елагина, В.Алексеева и др. «Первая волна» была представлена только Надеждой Тэффи (sic!) («Земная радуга» сияет,/ И соловей в душе поет.../ Надежда юношей питает,/ Отраду старцам подает), а в самой заметке делалась попытка объясниться: «Позвольте, почему Максимов, Юрасов, Елагин и прочие? А где же *Бунин, Зайцев, Алданов* и *Газданов*? Куда делся Кленовский? Где талантливый казачий поэт *Туроверов*?.. Своих первых жертв мы избрали по следующим причинам. Юрасов и Алексеев совсем недавно выпустили в издательстве Чехова две свежих, интересных книжки... Надежда Тэффи только что отпраздновала 50-летие своей литературной деятельности. Хотя маститая писательница последнее время, по ее же собственному выражению, «молчит как рыба об лед», мы все же надеемся услышать от нее новые рассказы, рассказанные со старым блеском. Мы не хотим, так сказать, окончательно терять Надежду!.. Вот почему у нас получился «Парнас, включая нас». Просим наших старших и младших собратьев по перу не волноваться. Вскоре дойдет до них черед, и чей-нибудь уж близок час!» До закрытия журнала это обещание не было выполнено. В октябре того же года скончалась Тэффи; тема первой эмиграции и ее деятелей на страницах четвертого «С» была представлена немногими. В № 15 (1952) был напечатан репортаж (с «рисунком с натуры») о посещении в сентябре редакции «Сатирикона» Александрой Львовной *Толстой*. Сообщалось о ее работе по устройству «ди-пи» (перемещенных лиц). В № 4 (1951) был опубликован групповой «дружеский шарж» Н.Олина «Подписание «Пакта пяти», но... не по Швернику», где, в частности, были изображены Б.И.Николаевский, А.Ф.Керенский, С.П.Мельгунов. Они же, а также И.Солоневич и Е.Кускова, персонажи другого группового шаржа Н.Олина «Зимний спорт в зарубежной России» (№ 6—7).

См. также: Четвертый «Сатирикон» / Вступ. ст. Дмитренко С. // Литература (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 1997. № 13.

С.Ф.Дмитренко

Указатель литературных центров, периодических продолжающихся изданий, сборников (в I и II томах)

Сост. *О.В.Этова*

Алфавитный указатель имен

Сост. *О.В.Этова*

Авторы статей

Абызов Ю.И.
Агеносов В.В.
Азаров Ю.А.
Белошевская Л.Н.
Богомолов Н.А.
Богословский А.Н.
Брейтбарт Е.А.
Бузуев О.А.
Быстрова О.В.
Бычихина Т.И.
Вайнберг И.И.
Васильев В.В.
Вацек И.
Воронина Т.Л.
Головенченко А.Ф.
Голубева Л.Г.
Гуль Р.Б.
Гуткина А.М.
Дмитриенко С.Ф.
Домогацкая Е.Г.
Ермичев А.А.
Еськина Л.А.
Зверев А.М.
Иванов А.С.
Ивкина А.П.
Исаков С.Г.
Казнина О.А.
Карташев А.В.
Коваленко С.А.
Королева Н.В.
Коростелев О.А.
Красавченко Т.Н.
Крейд В.
Кротов Я.Г.
Кудрявцева В.Ю.
Кулешова О.В.
Ланин Б.А.
Леонидов В.В.
Летаева Н.В.
Лисица О.В.
Ломоносов А.В.
Манчха Г.П.
Марченко Т.В.
Мнухин Л.А.
Никитин В.А.
Николаев Д.Д.
Николюкин А.Н.
Павловец М.Г.
Пахмусс Т.
Петрова Т.Г.
Петрушева Л.И.
Померанцева Е.С.
Пономарева Г.М.
Рагозина К.О.
Ревякина А.А.
Ревякина И.А.
Розинская О.В.
Сапов В.В.
Селезнева Т.В.
Соколова В.А.
Сорокина В.В.
Спиридонова Л.А.
Стрижев А.Н.
Таскина Е.П.
Терёхина В.Н.
Трубилова Е.М.
Трущенко Е.Ф.
Федякин С.Р.
Фрезинский Б.Я.
Чагин А.И.
Шомракова И.А.
Шумихин С.В.
Этова О.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная энциклопедия
русского зарубежья
(1918—1940)

ПЕРИОДИКА
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ

Художественное оформление *А.Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.04.2000.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 67,2. Уч.-изд.л. 81,6. Тираж 3000 экз. Заказ № 3202

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

АО Типография «Новости»
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46